ІУДЕЙСКАЯ ВОЙНА.

СОЧИНЕНІЕ

Іосифа Флавія

ПЕРЕВОДЪ

Я. Л. ЧЕРТКА.

Съ введеніемъ и примѣчаніями переводчика.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площ. Больш. Театра, 2.
1900.

ІУДЕЙСКАЯ ВОЙНА

Іосифа Флавія.

Моимъ незабвеннымъ іерусалимскимъ друзьямъ

Іохіель-Михелю Пинесу

и

Элеазару Бенъ-Іегудѣ

посвящаю этотъ трудъ.

Переводчикъ.

Введеніе.

Іосифъ Флавій [1] принадлежитъ къ разряду тѣхъ писателей классической древности, имена которыхъ никогда не сотрутся со скрижалей исторіи. Его сочиненія во всѣ времена служили и продолжаютъ служить необходимымъ руководствомъ для различнаго рода изслѣдованій и экскурсій въ области глубокой старины. Они проливаютъ свѣтъ на такія умственныя и политическія теченія и бытовыя стороны жизни народовъ, о которыхъ другіе литературные памятники совершенно умалчиваютъ или-же излагаютъ ихъ въ явно искаженномъ, неправдоподобномъ видѣ. Но если велики заслуги Іосифа предъ исторіей человѣчества вообще, то въ частности для еврейской исторіи его многообъемлющіе труды составляютъ неоцѣнимый и ничѣмъ незамѣнимый кладъ. Мы совершенно потеряли-бы нить этой исторіи, не умѣли-бы связать отдѣльныя эпохи и событія, о которыхъ сохранились скудныя свѣдѣнія въ другихъ источникахъ; многія явленія представлялись-бы намъ непонятными, другія выступали-бы въ полумракѣ, а третьи совершенно ускользали-бы отъ нашего вниманія, если-бы мы не располагали капитальными произведеніями Іосифа, заключающими въ себѣ цѣльное и связное повѣствованіе о судьбахъ нашихъ предковъ отъ библейскихъ временъ до разрушенія второго храма включительно.

Сочиненія Іосифа появлялись въ свѣтъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ теченіе перваго десятилѣтія послѣ разрушенія 2-го храма, въ царствованіе Веспасіана, имъ написано было первое сочиненіе на греческомъ языкѣ, озаглавленное „О Іудейской Войнѣ“

[1] Іосифъ-бенъ-Матаѳій. Имя Флавія присвоено ему отъ покровительствовавшаго ему римскаго императорскаго дома Флавіевъ, основаннаго Веспасіаномъ.

и считающееся лучшимъ изъ его творенiй. Автору было тогда около 40 лѣтъ. Приблизительно на 55 году отъ роду, въ царствованiе Домицiана, Iосифъ написалъ второе свое произведенiе „О iудейской археологiи“ или „Iудейскiя Древности“. Около 10 лѣтъ спустя, уже въ царствованiе Траяна, появилось его третье сочиненiе: „О древности iудейскаго народа“, или „Противъ Апiона“, которому, по литературнымъ его достоинствамъ, слѣдуетъ отвести второе мѣсто послѣ „Iудейской Войны“. Почти одновременно съ этимъ вышла его „Автобiографiя“, имѣющая, впрочемъ, чисто полемическiй характеръ. Затѣмъ иные приписываютъ еще перу Iосифа книгу „О Маккавеяхъ“. Но другiе не безъ вѣскихъ основанiй оспариваютъ это предположенiе.

Предлагаемая читателю „Исторiя iудейской войны“, раздѣленная Iосифомъ на семь книгъ, составляетъ такимъ образомъ первое его произведенiе, появившееся вскорѣ послѣ разрушенiя 2-го храма. Авторъ лично участвовалъ въ той роковой войнѣ, которую онъ описываетъ. Его роль была одна изъ выдающихся и требуетъ хотя краткой обрисовки для выясненiя его римско-тенденцiознаго взгляда на характеръ этой войны и главныхъ ея дѣятелей.

Историки новѣйшихъ временъ, какъ еврейскiе, такъ и христiанскiе, а также переводчики и комментаторы Iосифа, которыхъ насчитываютъ многими десятками на всѣхъ европейскихъ языкахъ, не мало потрудились надъ выясненiемъ личности этого знаменитаго писателя, выступающей въ его собственныхъ сочиненiяхъ въ очень загадочныхъ формахъ.

Мы думаемъ, что наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ эта загадка можетъ быть разрѣшена, если признаемъ, что въ Iосифѣ уживались два начала: патрiотизмъ и привязанность къ личной жизни. Невозможно отказать въ патрiотизмѣ автору „Iудейскихъ Древностей“ и „Противъ Апiона“, согрѣтыхъ чувствомъ горячей любви къ еврейскому народу и его ученiю, глубокой вѣрой въ силу и величiе еврейскаго народнаго генiя. Вѣдь эти сочиненiя были написаны и изданы Iосифомъ съ единственною цѣлью ознакомить языческiй мiръ съ еврейской исторiей и еврейскимъ ученiемъ и разсѣять тѣ клеветническiе навѣты и нелѣпые вымыслы, которые такъ усердно распространялись въ древности относительно прошлаго, религiозныхъ вѣрованiй и обычаевъ iудейскаго народа. Даже изданiе „Iудейской Войны“, гдѣ Iосифъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы предстать предъ своими читателями фанатически преданнымъ другомъ римлянъ и поборникомъ ихъ мiрового владычества, предпринято авторомъ съ истой патрiотической цѣлью—съ цѣлью поднять престижъ порабощеннаго народа въ глазахъ его побѣдителей; съ цѣлью показать, съ одной стороны, что возстанiе евреевъ не произошло вслѣдствiе присущаго имъ мятежнаго духа, о которомъ прокричали римскiе политики и историки, а было вызвано и даже вынуждено неслыханными насилiями и грабежами римскихъ ставленниковъ; а съ другой стороны—что въ этомъ маленькомъ народѣ, къ силамъ котораго всѣ относились съ насмѣшливымъ пренебреженiемъ, владычица мiра встрѣтила достойнаго и серьезнаго противника, котораго она могла преодолѣть не храбростью своего войска (авторъ не боится подчеркивать, при каждомъ удобномъ случаѣ, что храбростью, мужествомъ и отвагой iудеи значительно превосходили римлянъ и всегда изумляли самого Тита), а многочисленностью легiоновъ, ихъ образцовой организацiей, прекрасной кавалерiей и искусными метательными машинами, которыми не располагали iудеи.

Но патрiотизмъ Iосифа не былъ такого свойства, который овладѣваетъ всѣмъ существомъ и сознанiемъ народнаго борца, воодушевляя его на подвиги самоотверженiя. Отъ подобныхъ подвиговъ Iосифъ былъ очень далекъ: въ немъ патрiотизмъ умѣрялся другимъ чувствомъ, господствовавшимъ надъ всѣмъ его духовнымъ мiромъ, захватившимъ его всецѣло, сдѣлавшимъ его своимъ рабомъ. Это было чувство самосохраненiя, непреодолимое влеченiе къ жизни, къ земнымъ наслажденiямъ. Это была преобладающая черта его характера.

Вся его жизнь была посвящена упроченiю своей личной карь-

еры, исканію личнаго счастья. Онъ искалъ счастья во всѣхъ еврейскихъ лагеряхъ, бросаясь отъ одной крайности къ другой, поочередно переходя отъ фарисеевъ къ саддукеямъ, отъ нихъ къ ессеямъ, отъ послѣднихъ обратно къ фарисеямъ, затѣмъ еще къ зелотамъ, пока не нашелъ укромнаго пристанища у римлянъ. Что этотъ лагерь дышалъ непримиримой враждой ко всѣму іудейскому; что этотъ лагерь принесъ смерть и гибель его націи и отчизнѣ— горя мало! Лишь-бы ему свою личную жизнь удалось устроить здѣсь какъ можно лучше. Онъ искалъ супружескаго счастья съ тремя женами и не удовлетворился до тѣхъ поръ, пока не обрѣлъ его съ четвертой женой. Что вся Галлилея была разорена и опустошена, залита кровью ея защитниковъ; что десятки тысячъ еврейскихъ плѣнниковъ, изгнанные изъ родныхъ пепелищъ, уводились въ цѣпяхъ работорговцами; что побѣдоносный врагъ, покончивъ съ іудейскими провинціями, предавъ ихъ огню и мечу, придвигался уже со всѣми своими силами къ самому Іерусалиму, раздираемому внутренними смутами и междуусобицами—горя мало! Іосифъ въ это самое время, полное ужасовъ и неисцѣлимыхъ народныхъ бѣдствій, озабоченъ устройствомъ своего собственнаго гнѣзда, въ которое вводитъ новую подругу жизни, принятую имъ изъ рукъ Веспасіана.

Таковъ былъ Іосифъ! Когда народное благо совпадало съ его личными вожделѣніями и шло съ ними рядомъ, онъ выступалъ его защитникомъ, оставаясь вѣрнымъ сыномъ своей націи; но когда дѣло народное принимало другое направленіе, противное его личнымъ разсчетамъ, онъ предоставлялъ его своему собственному теченію, а самъ продолжалъ шествовать своей отдѣльной стезей, оставаясь равнодушнымъ зрителемъ тѣхъ тяжелыхъ перипетій, которое перетерпѣвало это теченіе.

На литературной нивѣ онъ своимъ мастерскимъ перомъ въ теченіе цѣлой половины своей жизни неутомимо боролся за благо и честь своего народа. Вѣдь эта борьба не только не нарушала его личнаго счастья, а, напротивъ, восполняла его: она создала

ему громадную популярность въ образованныхъ кругахъ греческаго и римскаго общества и окружила его имя ореоломъ безсмертной славы. Но на полѣ битвы, гдѣ онъ, въ качествѣ военачальника, долженъ былъ отстаивать народное дѣло съ оружіемъ въ рукахъ противъ болѣе сильнаго врага, гдѣ нужно было быть готовымъ умереть за свободу отчизны, Іосифъ, сообразивъ всю опасность такого положенія, предпочелъ сдѣлаться предателемъ. Жертвовать своей жизнью ради высшихъ интересовъ, даже интересовъ родины и свободы націи — это было выше его силъ и пониманія. Онъ и въ теоріи не признавалъ такой жертвы. По его понятіямъ „жизнь составляетъ высшее благо человѣка, самое священное и неотъемлемое право всего живущаго". И выше, и священнѣе этого блага онъ не признавалъ, по крайней мѣрѣ, для себя. Онъ жилъ въ такое время, когда десятки и сотни тысячъ его соплеменниковъ охотно шли на гибель и смотрѣли на смерть, какъ на избавленіе отъ рабства и чужеземнаго гнета; самъ же онъ искалъ въ заточеніи и въ кандалахъ избавленія отъ смерти [1]. Энергія, съ которой онъ всегда защищалъ свою жизнь, была неистощима; его находчивость въ опасныя минуты была по истинѣ изумительна. Никакія средства не казались ему предосудительными и непозволительными для спасенія и сохраненія своей собственной жизни. Даже далеко позже, когда надъ Іосифомъ, обрѣвшимъ уже полный покой подъ защитой дома Флавіевъ и завоевавшимъ себѣ славу недюжиннаго писателя, стряслась новая бѣда въ лицѣ его стариннаго врага Юста изъ Тиверіады, который выступилъ противъ него съ публичными разоблаченіями, обвинивъ его, между прочимъ, даже въ недоброжелательствѣ къ римлянамъ,—Іосифъ, чтобы свалить съ себя опасность, грозившую ему за непріязненныя противъ римлянъ дѣянія, приписанныя ему Юстомъ, выпустилъ въ свѣтъ новый трудъ подъ заглавіемъ „Автобіографія",

[1] Іосифъ, предавшись Веспасіану, былъ закованъ въ цѣпи, отъ которыхъ онъ освободился лишь, когда Веспасіанъ сдѣлался императоромъ.

которымъ онъ самъ воздвигъ себѣ позорный памятникъ. Онъ разсказываетъ здѣсь о себѣ такія удивительныя вещи, которыя рисуютъ его какимъ-то чудовищемъ, потерявшимъ всякую честь и совѣсть.

Онъ началъ съ того, что предалъ свою отчизну въ руки враговъ и кончилъ тѣмъ, что и свою собственную честь предалъ публичному посрамленію. Какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ его карьеры, имъ руководило одно и то же чувство, превратившееся у него въ болѣзненную манію—это страхъ предъ смертью.

Но мы съ должной осторожностью отнесемся къ его „Автобіографіи“, недостойной даже пера и литературныхъ пріемовъ Іосифа. Мы принимаемъ, что приведенные здѣсь факты, наиболѣе компрометирующіе его, какъ іудейскаго полководца, были прямо имъ вымышлены съ цѣлью обѣлить себя въ глазахъ римскихъ цезарей. А потому въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы будемъ пользоваться только тѣми изъ нихъ, которые не противорѣчатъ даннымъ, изложеннымъ авторомъ въ „Іудейской Войнѣ“.

Незадолго передъ отпаденіемъ іудеевъ отъ римскаго владычества Іосифъ, въ составѣ депутаціи отъ іерусалимскихъ гражданъ, отправился въ Римъ съ миссіей, имѣвшей, повидимому, не маловажное значеніе. Будучи тогда представленъ императрицѣ Поппеѣ, женѣ Нерона, и осыпанный ея милостями, онъ былъ до крайности ослѣпленъ блескомъ и величіемъ римскаго двора: онъ вынесъ оттуда даже преувеличенное мнѣніе о могуществѣ римлянъ и несокрушимую вѣру въ ихъ міровое господство. И вдругъ, по возвращеніи на родину, онъ засталъ здѣсь революціонное движеніе въ полномъ разгарѣ. Первымъ движеніемъ Іосифа было примкнуть къ мирной партіи, противившейся возстанію, но вскорѣ затѣмъ онъ перемѣнилъ тактику: опасаясь за свою жизнь, онъ началъ высказывать сочувствіе повстанцамъ, дѣйствовать съ ними за одно, затаивъ въ душѣ надежду на то, что Цестій Галлъ (тогдашній намѣстникъ Рима въ Сиріи) скоро нагрянетъ на Іерусалимъ съ значительными силами и мигомъ подавитъ возстаніе. Когда-же

...ъ потерпѣлъ пораженіе, и война римлянамъ была объявлена, ...да Іосифъ еще тѣснѣе сблизился съ вождями революціи и такъ ...ровалъ всѣхъ своимъ воинственнымъ пыломъ, что іерусалимскій ...инедріонъ ввѣрилъ ему управленіе Галилейскимъ округомъ. Постъ ...тотъ былъ тѣмъ болѣе важенъ, что Галилея, по своему мѣсто...ложенію, на окраинѣ іудейскаго царства, должна была выдер...ть первый натискъ непріятеля, который съ другой стороны не ...огъ проникнуть во внутрь страны. Отъ вторженія или недопущенія римлянъ въ Галилею зависѣлъ, слѣдовательно, весь исходъ войны.

Въ Галилеѣ двойственная роль Іосифа была вскорѣ обнару...ена истинными патріотами страны, которыхъ Іосифъ въ своихъ ...нигахъ поноситъ, какъ завзятыхъ негодяевъ, но которые, однако, ...е продались римлянамъ, а боролись до послѣдней капли крови. ...сли даже львиную часть разсказываемыхъ имъ похожденій отне...ти на счетъ вымысла, къ которому, какъ мы уже сказали, онъ ...рибѣгалъ въ своихъ сочиненіяхъ для оправданія себя передъ це...ремъ, то и тогда не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что ...ъ подобострастно относился къ римлянамъ въ то время, когда ...иціально, въ качествѣ галилейскаго полководца, онъ дѣлалъ ...ь, что готовится къ борьбѣ съ ними. Нѣкоторыя изъ тайныхъ ...о дѣйствій тогда-же были раскрыты и сдѣлались предметомъ публичныхъ разоблаченій. Галилейское войско, готовившееся ... бою съ римлянами, должно было прежде всего обратить свое ...кіе противъ внутренняго врага — своего-же полководца. Подробная повѣсть Іосифа о томъ, какъ онъ отвращалъ отъ себя опасность, неоднократно грозившую ему со стороны возмутившагося противъ него войска, обнаруживаетъ въ немъ жестокость тирана и изворотливость ума самаго низменнаго свойства. Поведеніе Іосифа дѣлается, наконецъ, подозрительнымъ въ глазахъ іерусалимскаго синедріона: послѣдній привлекаетъ его къ отвѣту и командируетъ четырехъ депутатовъ съ войскомъ для того, чтобы доставить въ Іерусалимъ Іосифа „живымъ или мертвымъ“. Но

военачальникъ Іосифъ игнорируетъ приказъ верховнаго суда и выворачивается отъ іерусалимскихъ делегатовъ хорошо знакомыми имъ средствами: хитростью и обманомъ. Не вѣря въ успѣхъ дѣла, которое онъ призванъ былъ защищать, преклоняясь передъ геніемъ и могуществомъ римлянъ, онъ, однако, крѣпко держится за бразды правленія, изощряетъ въ борьбѣ съ открытыми и скрытыми врагами всѣ силы своего гибкаго, изворотливаго ума, а мобилизацiей арміи и укрѣпленіемъ ввѣренной ему провинціи онъ занимается на столько, на сколько, съ одной стороны, его вынуждаютъ обстоятельства и насколько, съ другой—ему самому хотѣлось доказать своимъ будущимъ покровителямъ, что они имѣютъ дѣло не съ дюжиннымъ противникомъ.

Такова была дѣятельность Іосифа въ Галилеѣ. Отпаденіе нѣсколькихъ городовъ отъ возстанія, разъединеніе самихъ повстанцевъ, общая неподготовленность страны къ самозащитѣ, отсутствіе одного руководящаго плана при веденіи оборонительной войны, и, наконецъ, что всего было хуже, свободное, безпрепятственное вторженіе врага внутрь страны—вотъ непосредственные результаты двойственной дѣятельности полководца, рѣшительнаго только въ борьбѣ съ патріотами, но колеблющагося въ предпріятіяхъ противъ римлянъ, вѣчно дрожащаго за свою собственную жизнь, безпрестанно мучимаго своими внутренними сомнѣніями и даже зловѣщими сновидѣніями. Какъ только римляне подступили къ Галилеѣ, Іосифъ бѣжалъ вслѣдъ за своими солдатами, на которыхъ онъ жалуется, что они его покинули. Онъ не постыдился написать тогда іерусалимскому синедріону, чтобъ тотъ или завязалъ мирные переговоры съ римлянами, или прислалъ-бы ему войско, съ которымъ онъ могъ бы встрѣтить непріятеля. Галилея съ перваго момента порабощенія римлянами іудейскаго царства служила всегда главнымъ очагомъ всякаго революціоннаго движенія іудеевъ. Самъ Іосифъ говоритъ о галилеянахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Они всегда стойко выдерживали всякое вражеское нападеніе, ибо они отъ самой ранней молодости подготовляли себя къ бою. Этихъ бойцовъ никогда

нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ мужества, а страну въ недостаткѣ бойцовъ“. Да и въ послѣдней борьбѣ съ римлянами галилеяне вполнѣ оправдали укрѣпившуюся за ними репутацію храбрыхъ воиновъ. Но Іосифъ за шестимѣсячное управленіе этой сильной провинціей не успѣлъ пріобрѣсть себѣ здѣсь ни одного вѣрнаго солдата.

На пути бѣгства Іосифъ почти случайно попалъ въ Іотапату. Это была единственная крѣпость, которую онъ защищалъ и защищалъ противъ воли. Іосифъ сознается, что онъ хотѣлъ тайно бѣжать во время осады, но солдаты узнали о его намѣреніи и насильно заставили его остаться. Вмѣстѣ съ этой крѣпостью пало все ея многочисленное населеніе. Іосифъ свидѣтельствуетъ, что никто не уцѣлѣлъ—только онъ одинъ, командиръ павшей крѣпости, остался цѣлымъ и невредимымъ. Перешагнувъ черезъ трупы защитниковъ Іотапаты, онъ пробрался въ римскій лагерь и добровольно сдался въ плѣнъ Веспасіану.

Съ этого момента Іосифъ становится неизмѣннымъ спутникомъ Веспасіана, а затѣмъ Тита во все время кровопролитной войны съ іудеями, присутствуя безотлучно въ римскомъ лагерѣ при осадѣ Іерусалима и даже помогая врагамъ [illegible] совѣтами. Іосифъ въ заключеніе не скрываетъ того, какимъ презрѣніемъ платили ему его соотечественники. Его имя предавалось проклятію во всѣхъ синагогахъ Іудеи. Еще долгіе годы послѣ разрушенія храма іудеи не оставляли его въ покоѣ: они взводили на него даже явныя небылицы, въ родѣ обвиненія въ измѣнѣ римлянамъ, лишь-бы добиться его казни; но покровительственное крыло дома Флавіевъ всегда было простерто надъ своимъ любимцемъ и охраняло его отъ всякихъ бѣдъ.

По окончаніи войны Веспасіанъ исполнилъ всѣ обѣщанія, данныя имъ Іосифу за его преданность и усердіе: онъ наградилъ его постоянной рентой, богатыми помѣстьями въ Іудеѣ, римскимъ гражданствомъ и отвелъ ему въ Римѣ свой собственный дворецъ, гдѣ

Іосифъ оставался почти до конца своихъ дней, при трехъ императорахъ изъ дома Флавіевъ: Веспасіанѣ, Титѣ и Домиціанѣ.

Въ хоромахъ Веспасіана Іосифъ написалъ тѣ книги, которыя доставили ему безсмертіе. Лично для Іосифа было-бы, разумѣется, больше чести, если-бы онъ, подобно остальнымъ іудейскимъ героямъ, предпочелъ погибнуть вмѣстѣ со своимъ отечествомъ; мы-же должны считать себя счастливыми, что онъ не былъ такимъ героемъ. Правда, въ роли писателя-историка онъ остается тѣмъ-же восторженнымъ обожателемъ римлянъ и непримиримымъ врагомъ іудейскаго возстанія, какимъ онъ былъ въ роли полководца: войну за освобожденіе, которую іудеи вели съ небывалымъ самоотверженіемъ, онъ клеймитъ именемъ мятежа, а героевъ этой войны, зелотовъ (ревнителей) — разбойниками, убійцами и другими позорными эпитетами. Но мы знаемъ, чему слѣдуетъ приписать его чрезмѣрное восхваленіе добродѣтелей Веспасіана, гуманности Тита и рядомъ съ этимъ—постоянное поношеніе руководителей возстанія и защитниковъ Іерусалима. Мы знаемъ личность автора и его побужденія; въ его-же собственныхъ сочиненіяхъ мы находимъ ключъ къ такимъ превра[тн]ымъ представленіямъ. Мы знаемъ также, что его книга о „Іудей[]ской войнѣ“ прошла предварительно чрезъ цензуру Веспасіа[на], Тита и Агриппы II, что она выпущена въ свѣтъ по личному пр[и]казу Тита,—и мы смѣло приступаемъ къ чтенію этой книги, [не] боясь впасть въ грубыя ошибки или заблудиться въ лабиринт[ѣ] противорѣчій, созидаемомъ самимъ авторомъ тамъ, гдѣ онъ, из[ъ] раболѣпія передъ римлянами, или изъ личныхъ счетовъ съ зело[]тами, искажаетъ истину.

Переводчикъ.

N. B. Настоящій переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго (Heinrich Paret) и провѣренъ по греческому тексту при содѣйствіи учителя древнихъ языковъ Θ. Θ. Индры.

Перев.

ІУДЕЙСКАЯ ВОЙНА.

Предисловіе автора.

1. Іудейская война съ римлянами, превосходящая не только нами пережитыя, но почти всѣ извѣстныя въ исторіи войны между государствами и государствами и между народами и народами, до сихъ поръ описана была въ духѣ софистовъ и такими людьми, изъ которыхъ одни, не будучи сами свидѣтелями событій, пользовались неточными, противорѣчивыми слухами, другіе же, хотя и были очевидцами, искажали факты либо изъ лести къ римлянамъ, либо изъ ненависти къ евреямъ, вслѣдствіе чего ихъ сочиненія заключаютъ въ себѣ то порицаніе, то похвалу, но отнюдь не дѣйствительную и точную исторію. А потому я, Іосифъ, сынъ Маттаѳіи, еврей изъ Іерусалима и изъ священническаго рода, самъ воевавшій сначала противъ римлянъ и служившій невольнымъ свидѣтелемъ всѣхъ позднѣйшихъ событій, принялъ рѣшеніе дать народамъ римскаго государства на греческомъ языкѣ такое-же описаніе войны, какое я раньше составилъ для варваровъ внутренней Азіи на нашемъ родномъ языкѣ [1].

2. Римское государство изнемогало отъ внутреннихъ неурядицъ, когда началось это, какъ уже было замѣчено, въ высшей степени знаменательное движеніе. Іудеи же, стремясь тогда къ созданію новаго положенія вещей, воспользовались тогдашними безпорядками для возстанія; они были такъ богаты боевыми силами и денежными средствами, что надѣялись даже завладѣть частью Востока, которую тѣ вслѣдствіе многочисленныхъ смутъ считали для себя чуть-ли не потерянной. Іудеевъ кромѣ того окрыляла надежда, что ихъ соплеменники изъ-за Евфрата примкнутъ массами къ ихъ возстанію; римляне-же,

[1] Сочиненіе это не сохранилось. *Переводчикъ.*

напротивъ, были заняты усмиреніемъ сосѣднихъ галловъ, да и кельты заставляли безпокоиться. Наконецъ, послѣ смерти Нерона все пришло въ волненіе; многіе, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, пытались завладѣть престоломъ; войско въ то-же время въ надеждѣ на добычу жаждало перемѣны въ правленіи. Я считаю недостойнымъ умолчать о такихъ важныхъ событіяхъ, и въ то время, когда пареяне, вавилоняне, отдаленные арады, наши соплеменники по ту сторону Евфрата и адіавины, благодаря моимъ трудамъ, подробно ознакомились съ причинами, многочисленными превратностями и конечнымъ исходомъ той войны,—чтобъ рядомъ съ ними оставить въ невѣдѣніи тѣхъ изъ грековъ и римлянъ, которые въ войнѣ не участвовали, и предоставить имъ довольствоваться чтеніемъ лицемѣрныхъ и лживыхъ описаній.

3. Писатели берутъ на себя смѣлость называть эти описанія исторіей, хотя послѣднія, кромѣ того, что не даютъ ничего здраваго для ума, но, на мой взглядъ, не достигаютъ даже своей цѣли. Желая рельефнѣе выставить величіе римлянъ, они стараются на каждомъ шагу унизить и умалить іудеевъ; и они даже не спрашиваютъ себя—какимъ образомъ побѣдители ничтожныхъ противниковъ могутъ казаться великими. Съ другой стороны, они не принимаютъ во вниманіе ни долгой продолжительности войны, ни многочисленныхъ потерь римскаго войска, ни, наконецъ, величія полководцевъ, которые, по моему мнѣнію, теряютъ свою славу, если завоеваніе Іерусалима, доставшееся имъ въ потѣ лица, не было вовсе такимъ особеннымъ геройскимъ подвигомъ.

4. Мое намѣреніе, однако, ни въ какомъ случаѣ не состоитъ въ томъ, чтобы въ противоположность тѣмъ, которые превозносятъ римлянъ, преувеличить дѣянія моихъ соотечественниковъ; нѣтъ, я хочу въ точности разсказать обо всемъ, что дѣйствительно происходило въ обоихъ лагеряхъ. Вспоминая о происшедшемъ и давая скорбное выраженіе чувствамъ, возбуждаемымъ во мнѣ бѣдствіями, постигшими мою отчизну, я этимъ удовлетворяю только внутренней потребности моей наболѣвшей души. Что именно только внутренней раздоры ввергли отечество въ несчастье; что сами іудейскіе тираны были

тѣ, которые заставили ремлянъ, противъ собственной воли дотронуться руками до священнаго храма и бросить головню въ него—этому свидѣтель разрушитель его, императоръ Титъ, который во все время войны обнаруживалъ жалость къ народу, подстрекаемому бунтовщиками, нѣсколько разъ откладывалъ наступленіе на городъ и нарочно продлилъ осаду, дабы дать виновникамъ время одуматься. Если кто-либо захочетъ упрекнуть меня въ томъ, что я выступаю въ тонѣ обвинителя противъ тирановъ и ихъ разбойничьей шайки, или, что я изливаю свое горе надъ несчастіемъ моей отчизны, то да проститъ онъ мнѣ это отступленіе отъ законовъ исторіографіи, являющееся слѣдствіемъ моего душевнаго настроенія; ибо изъ всѣхъ городовъ, покоренныхъ римлянами, ни одинъ не достигъ такой высокой степени благосостоянія, какъ нашъ городъ, но не одинъ также не упалъ такъ глубоко въ бездну несчастія; да никакое несчастье отъ начала міра, кажется мнѣ, не можетъ быть сравнимо съ тѣмъ, которое постигло іудеевъ; и виновникомъ его не былъ кто-либо изъ чужеземцевъ. Какъ же послѣ этого возможно подавить мои вопли и сѣтованія! Если же найдется такой суровый критикъ, въ сердцѣ котораго не зашевелится ни малѣйшее чувство сожалѣнія, то пусть онъ факты отнесетъ къ исторіи, а жалобные вздохи—на счетъ автора.

5. Скорѣе, однако, я бы могъ предпослать укоръ эллинскимъ историкамъ. Они, въ виду такихъ важныхъ, лично пережитыхъ событій, рядомъ съ которыми войны прежнихъ временъ должны казаться весьма незначительными, не перестаютъ, все-таки высказывать свои сужденія объ этихъ послѣднихъ, перетолковывая на всякіе лады прежнихъ писателей, которыхъ хотя и превосходятъ краснорѣчіемъ, но никакъ не достигаютъ по серьезности задачи.

Такъ, напримѣръ, они пишутъ исторію ассирянъ или мидянъ, какъ будто она древними историками еще недостаточно изложена: а между тѣмъ, какъ уступаютъ они послѣднимъ и въ силѣ изложенія и по отношенію къ цѣли, ими руководившей.

Каждый изъ этихъ послѣднихъ старался описывать событія, происходившія какъ бы передъ глазами, когда современность автора съ описанными имъ фактами могла служить гарантіей

достовѣрности изложенія, а ложныя сообщенія могли быть всенародно опровергнуты очевидцами.

Спасти отъ забвенія то, что еще никѣмъ не разсказано, и сдѣлать достояніемъ потомства событія собственныхъ временъ —вотъ что похвально и достославно; нельзя, однако, называть истымъ труженикомъ того, который измѣняетъ планъ и порядокъ чужого труда; а того, который, воспроизводя новое, дотолѣ неизвѣстное, самостоятельно воздвигаетъ памятникъ историческій Я, хотя чужестранецъ, не щадилъ никакихъ трудовъ и затратъ, чтобы быть въ состояніи предложить эллинамъ, а также варварамъ исторію совершившихся событій; между тѣмъ, какъ чистокровные эллины тамъ, гдѣ дѣло касается наживы или какого-нибудь судебнаго процесса, сейчасъ дѣлаются удивительно разговорчивыми и развязными, но лишь только потребуется отъ нихъ написать исторію, гдѣ приходится сказать правду и съ большимъ трудомъ собрать фактическія данныя,—уста ихъ вдругъ замыкаются и они предоставляютъ это дѣлать другимъ, менѣе способнымъ и незнакомымъ съ дѣлами полководцевъ. У насъ то высоко почитается историческая правда, между тѣмъ, какъ у эллиновъ къ ней относятся съ пренебреженіемъ [1].

6. Описать древнюю исторію іудеевъ и разсказать, какого они происхожденія, какимъ образомъ они вышли изъ Египта, черезъ какія страны они прошли на пути странствованія, какимъ образомъ они потомъ разсѣялись, я считаю теперь не своевременнымъ и кромѣ того излишнимъ, такъ какъ еще до меня многіе іудеи написали точную исторію своихъ предковъ, а нѣкоторые эллины, переводя ихъ сочиненія на свой родной языкъ, дали намъ объ этой исторіи въ общемъ довольно вѣрное представленіе. Мой разсказъ я хочу начать съ того, на чемъ остановились тѣ историки и наши пророки. Но и здѣсь я имѣю въ виду болѣе обстоятельно и со всевозможной точностью разсказать собственно о той войнѣ, которую лично пережилъ, а событіямъ предшествовавшихъ мнѣ временъ сдѣлать лишь сжатый и бѣглый обзоръ.

[1] Блестящую параллель между греческими и іудейскими писателями-историками Іосифъ даетъ въ другомъ своемъ сочиненіи „Противъ Апіона" 1, 5, 8 и 9.

7. Такимъ образомъ я разскажу, какъ Антіохъ, по прозванію Свѣтлѣйшій (Эпифанъ), завоевалъ Іерусалимъ и послѣ трехъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ владычества былъ изгнанъ изъ страны сынами Асмоная, какъ потомки послѣднихъ, разъединившись между собою изъ-за господства, дали поводъ ко вмѣшательству римлянъ и Помпея въ дѣла страны, какъ за тѣмъ Иродъ, сынъ Антипатра, при помощи Созія, положилъ конецъ ихъ господству, какъ послѣ смерти Ирода, въ царствованіе Августа и при правителѣ страны Квинтиліи Варѣ возсталъ народъ, какъ въ 12-мъ году царствованія Нерона началась война, что произошло при Цестіи и на какія мѣста іудеи, при началѣ войны, нападали съ оружіемъ въ рукахъ.

8. Послѣ будетъ сообщено, какъ они укрѣпляли пограничные города; какъ Неронъ послѣ пораженія Цестія, считая государство въ опасности, поручилъ Веспасіану руководительство надъ войною; какъ этотъ съ своимъ старшимъ сыномъ вторглись въ страну іудеевъ; какъ велико было римское войско, сколько изъ пришедшихъ ему на помощь союзниковъ было перебито по всей Галилеѣ, и какъ онъ, частью силой, частью, благодаря добровольной сдачѣ, привелъ подъ свою власть города этой области. За тѣмъ я изображу образцовый порядокъ у римлянъ во время войны и дисциплину легіоновъ; дальше—величину и природу обѣихъ частей Галилеи, границы Іудеи, особенности страны, ея озера и источники; наконецъ, судьбу каждаго покореннаго города въ отдѣльности—все это я тщательно изображу такъ, какъ я это знаю изъ собственныхъ наблюденій или сообщенныхъ свѣдѣній. Даже о собственныхъ своихъ приключеніяхъ я не умолчу, имѣя въ виду, что обращаюсь съ своимъ разсказомъ къ такимъ лицамъ, которыя знакомы съ обстоятельствами дѣла.

9. Дальше слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ въ то время, когда положеніе іудеевъ сдѣлалось уже критическимъ, умеръ Неронъ, а Веспасіана, выступившаго было тогда противъ Іерусалима, отвлекло отъ поля военныхъ дѣйствій полученное имъ царское достоинство; о предзнаменованіяхъ, предвѣщавшихъ ему объ этомъ; о перемѣнахъ, происшедшихъ въ Римѣ, и о томъ, какъ Веспасіанъ при всемъ своемъ сопротивленіи былъ про-

возглашенъ солдатами императоромъ; какъ тогда, послѣ его отъѣзда въ Египетъ, гдѣ онъ хотѣлъ привести въ порядокъ государственныя дѣла, начались раздоры между іудеями, возвысились надъ ними тираны и какъ послѣдніе взаимно враждовали между собою.

10. За тѣмъ я разскажу, какъ вернулся Титъ изъ Египта и вновь напалъ на страну; какимъ путемъ, гдѣ и въ какомъ количествѣ онъ собралъ свое войско; какія внутреннія распри, господствовали въ городѣ, когда Титъ къ нему подступилъ; сколько разъ онъ штурмовалъ его, сколько валовъ онъ соорудилъ. Дальше я опишу объемъ и величину трехъ іерусалимскихъ стѣнъ, сильныя укрѣпленія города, планъ святилища и храма, размѣръ строеній и алтаря—все съ величайшей точностью; также — нѣкоторые праздничные обычаи, семь очищеній и богослуженіе кохановъ; кромѣ того, я опишу еще облаченія послѣднихъ и первосвященника, внутреннее устройство святая-святыхъ въ храмѣ, ничего не скрывая и ничего не прибавляя къ тому, что лично изучалъ.

11. Вслѣдъ за этимъ я разскажу, какъ жестоко обращались тираны со своими-же соотечественниками; съ другой-же стороны,—какъ снисходительны были къ чужеземцамъ римляне, и какъ часто Титъ, желавшій спасти городъ и храмъ, вызывалъ бунтовщиковъ на миролюбивое соглашеніе; также я послѣдовательно изложу всѣ тѣ бѣдствія и страданія, которыя до окончательнаго покоренія города переносилъ народъ отъ войны, внутреннихъ сумятицъ и голода. При этомъ я не умолчу ни о несчастной судьбѣ перебѣжчиковъ, ни о казни плѣнниковъ, и дальше сообщу, какъ храмъ, противъ воли и желанія императора, сдѣлался добычей пламени; какіе изъ храмовыхъ сокровищъ были спасены отъ огня; объ окончательномъ покореніи города и о предшествовавшихъ ему знаменіяхъ и чудесахъ; послѣ слѣдуетъ описаніе плѣненія тирановъ, количества проданныхъ въ рабство людей, ихъ различныхъ судебъ, какъ, послѣ всего этого, римляне подавили послѣдніе остатки вооруженнаго сопротивленія въ странѣ и разрушили всѣ укрѣпленія, и наконецъ, какъ Титъ, объѣхавъ всю страну и умиротворивъ ее, возвратился въ Италію и отпраздновалъ свою побѣду.

12. Все это, избѣгая основательнаго повода къ порицаніямъ и обвиненіямъ со стороны лицъ, фактически знакомыхъ съ дѣломъ и бывшихъ очевидцами войны, я описалъ въ семи книгахъ для ищущихъ правды и не только однаго развлеченія. И такъ, начну свой разсказъ, предпосылая каждой главѣ указаніе ея содержанія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

(І. Д. XII; 4—11 [1]).

Взятіе Іерусалима Антіохомъ Эпифаномъ. О Маккавеяхъ: Маттаѳіи и Іегудѣ.

1. Во время войны Антіоха, прозваннаго Свѣтлѣйшимъ (Эпифаномъ), съ Птоломеемъ VI за обладаніе Келесиріей возникли распри между іудейскими начальниками: спорили же они о власти, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ подчиниться другому, равному себѣ по рангу. Онія, одинъ изъ первосвященниковъ, одержавъ верхъ, выгналъ изъ города сыновей Товіи, которые тогда отправились къ Антіоху и просили его напасть на Іудею, предложивъ ему свои услуги въ качествѣ военачальниковъ. Царь, давно уже жаждавшій овладѣть страною, поспѣшилъ дать свое согласіе. Ставъ самъ во главѣ могущественной арміи, онъ вторгнулся въ Іудею, взялъ Іерусалимъ приступомъ (239 до разрушенія втораго храма) [2], убилъ множество приверженцевъ Птоломея, предоставилъ солдатамъ безпрепятственно грабить, самолично ограбилъ храмъ и остановилъ обычныя ежедневныя жертвоприношенія на три года и шесть мѣсяцевъ [3]. Первосвященникъ Онія

[1] Инициалы въ примѣчаніяхъ, которыми мы сочли необходимымъ снабдить настоящую книгу, означаютъ: І. В.—„Іудейская война“, І. Д.—„Іудейскія древности“, Ап.—„Противъ Апіона“, Ав.—„Автобіографія Іосифа“ (всѣ эти сочиненія принадлежатъ перу переводимаго нами автора—Іосифа Флавія), М. к. или М.—„1-ая Маккавеевская книга“, и до раз. хр.—до разрушенія втораго храма.

[2] При переведеніи принятаго нами лѣточисленія на христіанское, нужно изъ даннаго числа вычесть 70, т. к. начало христіанской вѣры относится къ 70-му году до разрушенія втораго храма.

[3] Вотъ какъ эта кровавая драма описывается въ М. к.: „Вошелъ Антіохъ во святилище съ надменностью и взялъ золотой жертвенникъ, свѣтильникъ и всѣ сосуды его; и трапезу предложенія (שלחן הפנים), и возліяльники, и чаши, и кадильницы золотыя, и завѣсу, и вѣнцы, и золотое украшеніе, бывшее снаружи храма, и все ободралъ. Взялъ и серебро, и золото, и драгоцѣнные сосуды, и взялъ скрытыя сокровища, какія отыскалъ. И взявъ все, совершилъ убійства и говорилъ съ великой надменностью. Посему былъ великій плачъ во Израилѣ, во

спасся, однако, бѣгствомъ къ Птоломею, съ изволѣнія котораго онъ въ геліопольскомъ округѣ выстроилъ городокъ, похожій на Іерусалимъ, и въ этомъ городкѣ — храмъ на подобіе іерусалимскаго. Къ этому событію мы еще вернемся въ своемъ мѣстѣ (VII, 10, 2).

2. Антіохъ, однако, не довольствовался ни неожиданнымъ покореніемъ города, ни грабежемъ; ни великой рѣзней; обуреваемый своими необузданными страстями и воспоминаніемъ о трудностяхъ іерусалимской осады, онъ принуждалъ іудеевъ, вопреки ихъ отечественнымъ законамъ, оставлять дѣтей необрѣзанными и приносить на алтарь въ жертву свиней. Никто не повиновался этому приказу; знатнѣйшіе были казнены. Наконецъ Вакхидъ [1],

всѣхъ мѣстахъ его. Стенали начальники и старѣйшины, изнемогли дѣвы и юноши и измѣнилась красота женская. Всякій женихъ предавался плачу и сидящая въ брачномъ чертогѣ была въ скорби. Вострепетала земля за обитающихъ на ней, и весь домъ Іакова облекся стыдомъ...

[1] По М. к. Антіохъ, по прошествіи двухъ лѣтъ, вторично овладѣлъ Іерусалимомъ хитростью, вновь разгромилъ его, увелъ много плѣнныхъ и на этотъ разъ оставилъ въ городѣ гарнизонъ, состоявшій изъ чужеземнаго войска и отщепенцевъ еврейскаго народа, братавшихся съ греками. Гарнизонъ этотъ, съ которымъ впослѣдствіи Маккавеямъ приходилось долгое время бороться, укрѣпился „въ городѣ Давида (Сіонѣ)“.—„И было это постоянной засадой для святилища и злымъ демономъ для Израиля. Они проливали невинную кровь вокругъ святилища и оскверняли святилище. Жители-же Іерусалима разбѣжались ради нихъ, и онъ сдѣлался жилищемъ чужихъ и сталъ чужимъ для своего рода, и дѣти его оставили его. Святилище его запустѣло, какъ пустыня, праздники его обратились въ плачъ, субботы его въ поношеніе, честь его—въ униженіе“. О религіозныхъ преслѣдованіяхъ, воздвигнутыхъ Антіохомъ противъ евреевъ, М. к. разсказываетъ слѣдующее: „Царь послалъ чрезъ вѣстниковъ грамоты въ Іерусалимъ и города іудейскіе, чтобы они слѣдовали указаніямъ, чужимъ для своей земли, и чтобъ не допускались всесожженія и жертвоприношенія и возліянія въ святильницы, чтобы ругались надъ субботами и праздниками и оскверняли святилище и святыхъ, чтобы строили жертвенники, храмы и капища идольскія, и приносили въ жертву свиное мясо и скотовъ нечистыхъ, и оставляли сыновей своихъ необрѣзанными, и оскверняли души ихъ всякою нечистью и мерзостью для того, чтобы забыли законъ и измѣнили всѣмъ постановленіямъ. А если кто не сдѣлаетъ по слову царя, да будетъ преданъ смерти...“. „И поставилъ надзирателей надъ всѣмъ народомъ и повелѣлъ городамъ іудейскимъ приносить жертвы во всякомъ городѣ. И собрались къ нимъ многіе изъ народа, всѣ, которые оставили законъ, и совершили зло въ землѣ; и заставили Израиля укрываться во всякомъ убѣжищѣ его. Въ пятнадцатый день Хаслева 145-го года (по эрѣ Селевкидовъ, или 237 до раз. хр.) устроили на жертвенникѣ мерзость запустѣнія (שקוץ משומם) и въ городахъ іудейскихъ кругомъ построили жертвенники;

принявшій отъ Антіоха начальство надъ гарнизономъ, присоединилъ къ безбожнымъ распоряженіямъ царя еще и собственную природную свирѣпость; онъ перешелъ всякую мѣру беззаконія: самые видные граждане одни за другими были замучены въ пыткахъ, и глазамъ всего народа ежедневно представлялась картина покоренія Іерусалима. Своими неслыханными жестокостями Вакхидъ наконецъ довелъ угнетенный народъ до возстанія [1].

3) Началось оно съ того, что Маттаѳія, сынъ Асмоная, одинъ изъ коганов селенія Модина, вооружился самъ, а также вооружихъ пять своихъ сыновей, и кинжаломъ закололъ Вакхида [2]. Въ первое мгновеніе онъ,

и предъ дверями домовъ и на улицахъ совершали куренія; и книги закона какія находили, разрывали и сожигали огнемъ; у кого находили книгу завѣта и кто держался закона, того, по повелѣнію царя, предавали смерти. Съ такимъ насиліемъ поступали они съ Израильтянами, приходившими каждый мѣсяцъ въ городъ. И въ двадцать пятый день мѣсяца, принося жертвы на жертвенникѣ, который былъ надъ алтаремъ, они, по данному повѣленію, убивали женъ, обрѣзавшихъ дѣтей своихъ, а младенцевъ вѣшали за шеи ихъ, и дома ихъ расхищали. Но многіе во Израилѣ остались твердыми и укрѣплялись, чтобы не ѣсть нечистаго, и предпочли умереть, чтобы не оскверниться пищею и не поругать святаго завѣта, и умирали. И былъ весьма великій гнѣвъ надъ Израилемъ".

[1] Въ М. к. впервые упоминается о Вакхидѣ при описаніи войнъ Іегуды Маккавея (см. примѣчаніе 2-ое къ § 6 этой-же главы).

[2] По М. к., а также по І. Д. Маттаѳія былъ изъ рода Асмоная, но сынъ Іоханана, какъ и по нынѣ именуютъ его евреи. Модинъ былъ расположенъ на горѣ къ сѣверу отъ Іерусалима. Сыновья Маттаѳіи назывались: Іоаннъ Гаддисъ (יוחנן הקדש), Симонъ Тасси (שמעון החסי), Іегуда Маккавей (יהודה המכבי), Елеазаръ Аваранъ (אלעזר החורני) и Іонатанъ Апфусъ (יונתן הופכי).

Іосифъ въ своихъ І. Д. называетъ начальника, убитаго Маттаѳіей, не Вакхидомъ, а Апеллесомъ. Вотъ при какой обстановкѣ Маттаѳіей сдѣланъ былъ этотъ первый шагъ къ освобожденію угнетеннаго народа отъ греко-сирійскаго ига. Въ Модинъ пришли уполномоченные отъ царя для принужденія жителей къ жертвоприношеніямъ на языческихъ жертвенникахъ. Начальникъ отряда обратился тогда къ Маттаѳіи и сказалъ: „Ты вождь, ты славенъ и великъ въ этомъ городѣ, исполни первый повелѣніе царя, какъ сдѣлали это всѣ народы, и будешь ты и домъ твой въ числѣ друзей царскихъ, и ты, и сыновья твои будете вознаграждены и серебромъ, и золотомъ, и многими дарами". И отвѣчалъ Маттаѳія громкимъ голосомъ предъ всѣмъ собравшимся народомъ: „Если и всѣ народы въ угоду царя отступятъ каждый отъ боговъ своихъ отцовъ и согласятся на его повелѣнія, то я и сыновья мои останемся вѣрными завѣтамъ нашихъ предковъ. Упаси насъ Богъ оставить законъ и постановленія! Не послушаемъ мы словъ царя и не отступимъ отъ нашей вѣры вправо или влѣво... Когда Маттаѳія умолкъ, изъ толпы выступилъ еврей и направился къ жертвен-

изъ боязни предъ многочисленнымъ гарнизономъ, бѣжалъ въ горы; но когда къ нему присоединилось много народа, онъ воспрянулъ духомъ, спустился внизъ, побѣдилъ въ рѣшительномъ сраженіи военачальниковъ Антіоха и изгналъ ихъ изъ предѣловъ Іудеи. Боевые успѣхи доставили ему власть. Какъ освободитель отчизны отъ чужеземнаго ига, онъ всенародно избранъ былъ главою, послѣ чего умеръ (236 до разрушенія храма), оставивъ власть своему старшему сыну, Іегудѣ.

4. Зная, что Антіохъ не вынесетъ переворота спокойно, Іегуда набралъ войско изъ своихъ соплеменниковъ, заключилъ (первый, который это сдѣлалъ) союзъ съ римлянами [1] и при вторичномъ вторженіи Эпифана, отбилъ его назадъ съ значительнымъ урономъ. Одушевленный новой побѣдой Іегуда бросился на находившійся въ городѣ гарнизонъ (послѣдній все еще не былъ уничтоженъ) [2], выгналъ солдатъ изъ верхняго города въ нижній, называемый Акрой [3], овладѣлъ храмомъ, очистилъ весь дворъ,

нику, чтобы открыто предъ всѣми совершить жертвоприношеніе. Увидѣвъ это, Маттаѳія съ яростью набросился на богоотступника, закололъ его тутъ-же у жертвенника, убилъ также и начальника и, разрушивъ самый жертвенникъ, бросился по городу съ призывными криками: „Кто стоитъ за святое ученье и вѣренъ завѣту своего Бога, пусть тотъ идетъ за мною"! На этотъ призывъ откликнулись всѣ ревнители,—вслѣдъ за Асмонаями они бѣжали въ горы и пещеры вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. (М., 2, 15—30, І. Д. XII, 6).

[1] Условія договора были написаны на мѣдныхъ доскахъ и посланы римскимъ сенатомъ въ Іерусалимъ въ память мира и союза. Вотъ текстъ этого посланія. „Благо да будетъ Римлянамъ и народу Іудейскому на морѣ и на сушѣ на вѣки, и мечь и врагъ да будетъ далеко отъ нихъ. Если-же настанетъ война прежде у Римлянъ или у всѣхъ союзниковъ ихъ во всемъ владѣніи ихъ, то народъ Іудейскій долженъ оказать имъ всѣмъ сердцемъ помощь на войнѣ, какъ потребуетъ того время; и воюющимъ они не будутъ ни давать, ни доставлять ни хлѣба, ни оружія, ни денегъ, ни кораблей, ибо такъ угодно Римлянамъ; они должны исполнять обязанность свою, ничего не получая. Точно также, если прежде случится война у народа Іудейскаго, Римляне отъ души будутъ помогать имъ въ войнѣ, какъ потребуетъ того время, и помогающимъ въ войнѣ они не будутъ давать ни хлѣба, ни оружія, ни денегъ, ни кораблей: такъ угодно Риму; они должны исполнять свою обязанность,—и безъ обмана". (М., 8, 23—28). Къ союзу съ римлянами Іегуда прибѣгъ уже не за долго передъ своей смертью, когда послѣ продолжительныхъ войнъ съ многочисленными непріятелями, послѣ блестящихъ побѣдъ и уже послѣ обновленія храма ему пришлось начать новую кровопролитную войну съ Дмитріемъ Селевкіемъ.

[2] См. примѣчаніе 2-ое къ § 2 этой главы.

[3] Акрой называлась собственно крѣпость въ нижней части города.

окружилъ его стѣною, замѣнилъ прежнюю оскверненную утварь новой, воздвигнулъ новый алтарь и, по окончаніи всѣхъ этихъ работъ, возобновилъ въ храмѣ порядокъ жертвоприношеній [1]. Едва только городъ принялъ прежній видъ, какъ Антіохъ умеръ [2]. Его престолъ и ненависть къ іудеямъ унаслѣдовалъ сынъ его, Антіохъ [3].

5. Этотъ набралъ войско (235 до раз. храма), состоявшее изъ 50,000 чел. пѣхоты, около 5,000 всадниковъ и 80 слоновъ [4] и, проникнувъ черезъ Іудею въ гористую область, покорилъ здѣсь маленькій городокъ Ветсуру [5] и при ущельи Ветзахаріи [6] столкнулся лицемъ къ лицу съ полчищами Іегуды. Прежде чѣмъ войска подступили другъ къ другу, братъ его, Элеазаръ, отыскалъ глазами въ лагерѣ непріятеля самаго высокаго слона съ огромной башней, украшенной позолоченнымъ щитомъ. Предполагая, что на этомъ слонѣ сидитъ Антіохъ, Элеазаръ ускакалъ впередъ, врубился въ ряды

[1] Это произошло 25 Хаслова 235 до раз. хр. Въ память этого событія установленъ 8-дневній праздникъ освященія חנוכה.

[2] По разсказу М. и І. Д. Іегуда не имѣлъ никакого непосредственнаго столкновенія съ Эпифаномъ. Послѣдній боролся съ нимъ вначалѣ чрезъ своихъ полководцевъ Аполлонія и Сирона; первый былъ разбитъ на голову, второй съ большими потерями бѣжалъ къ филистимлянамъ. Тогда Антіохъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ серьезнымъ противникомъ и началъ дѣлать большія приготовленія къ войнѣ. Собравъ безсмѣтную армію со всѣхъ концовъ своего обширнаго государства, онъ, чтобъ держать ее на готовѣ, заплатилъ солдатамъ жалованье впередъ за весь годъ; эта безпримѣрная въ исторіи Селевкидовъ щедрость до такой степени истощила его казну, что онъ опасался, какъ-бы не остаться безъ средствъ въ самомъ разгарѣ войны. Въ виду этого онъ раздѣлилъ армію на двѣ части: съ одной онъ самъ отправился въ Персію для взиманія поборовъ и обогащенія своей казны, а другую половину войска онъ оставилъ подъ командой Лизіаса, котораго назначилъ намѣстникомъ тогдашняго царства Селевкидовъ (отъ Евфрата до конца Египта). Изъ этого похода Антіохъ уже не вернулся: онъ умеръ въ Вавилоніи, узнавъ предъ самой смертью о пораженіяхъ его войска. Удаливиись въ Персію, Антіохъ приказалъ Лизіасу стереть съ лица земли весь народъ іудейскій и раздѣлить страну между сосѣдними народностями. Но Іегуда одерживалъ блестящія побѣды не только надъ войскомъ Лизіаса нѣсколько разъ обновлявшимся свѣжими силами, а поражалъ повсюду исконныхъ враговъ іудеевъ: идумеевъ, амонитянъ и другихъ.

[3] Антіохъ V Евпаторъ, оставленный своимъ отцомъ на воспитаніи у Лизіаса и возведенный послѣднимъ на престолъ сейчасъ по смерти Эпифана.

[4] Въ М. показаны другія цифры, а именно: 100,000 пѣхоты, 20,000 всадниковъ и 32 слона.

[5] На одной изъ вершинъ Іудейскихъ горъ, не вдалекѣ отъ Хеврона.

[6] Къ сѣверу отъ Ветсуры.

непріятеля и налетѣлъ на намѣченнаго слона. Но сѣдокъ, котораго онъ принялъ за царя, сидѣлъ слишкомъ высоко—онъ только могъ ранить животное, которое упало и тяжестью своею тучнаго тѣла задушило его. Не совершивъ никакихъ другихъ великихъ подвиговъ, онъ, однако, заслужилъ вѣчную славу. Впрочемъ, вожакъ слона былъ простой воинъ; да если онъ случайно и былъ бы Антіохомъ, то отважный юноша тоже, кажется, ничего другаго своимъ подвигомъ достичь не могъ бы какъ смерть героя. Для Іегуды этотъ печальный эпизодъ служилъ дурнымъ предзнаменованіемъ. И дѣйствительно Іудеи, хотя долго и упорно отстаивали поле битвы, но царскія войска, превосходившія ихъ своей численностью и покровительствуемыя счастьемъ, одержали побѣду. Съ остатками своей разбитой арміи Іегуда бѣжалъ въ Гофну [1], а Антіохъ двинулся къ Іерусалиму. Недостатокъ въ продовольствіи принудилъ его, однако, послѣ кратковременной стоянки въ городѣ, возвратиться въ обратный путь; оставивъ на мѣстѣ гарнизонъ, казавшійся ему достаточно сильнымъ, онъ остальную часть арміи повелъ въ Сирію на зимнія квартиры [2].

[1] Одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Іудеи, къ сѣверу отъ Іерусалима, близъ границы Самаріи.

[2] Исключая эпизода съ Эліазаромъ, всѣ эти событія въ М. к. и въ І. Д. изложены иначе. Ветсура еще раньше была укрѣплена Іегудой, какъ оппозиціонный пунктъ противъ нашествія идумейскихъ ордъ. Осада этой первой іудейской крѣпости, остановившей дальнѣйшее наступательное движеніе войска Антіоха, прибывшаго чрезъ Идумею (а не Іудею), длилось очень долго, и попытки взять ее штурмомъ не привели ни къ какому результату, такъ какъ осажденные геройски защищались, дѣлали вылазки на непріятеля и сожигали стѣнобитныя орудія. Но принужденные голодомъ, ветсурцы согласились уступить городъ царю и послѣ переговоровъ свободно удалились изъ него. Оставивъ гарнизонъ въ покинутой крѣпости, Антіохъ двинулся къ Іерусалиму и долгое время осаждалъ храмъ, гдѣ встрѣчалъ энергичный отпоръ со стороны защитниковъ святыни. Но и здѣсь голодъ одолѣвалъ борцовъ, тѣмъ больше, что евреи, бѣжавшіе отъ угрожавшей имъ опасности въ другихъ странахъ, искали убѣжища въ Іерусалимѣ и увеличили собою населеніе города. Рядомъ съ осажденными терпѣли отъ недостатка въ провіантѣ также и осаждавшіе, такъ какъ вслѣдствіе „седьмаго года“ поля оставались необработанными, и врагу нечего было грабить въ окрестностяхъ города; это обстоятельство заставило Антіоха прекратить осаду. Но была еще одна причина поважнѣе, которая побудила его къ поспѣшному отступленію. Антіохъ Эпифанъ, умирая въ Вавилоніи, назначилъ регентомъ надъ своимъ малолѣтнимъ сыномъ одного изъ своихъ полководцевъ Филиппа, которому вручилъ вѣнецъ и печать. Обладая этими царскими полномочіями и имѣя въ своемъ распоряженіи всю армію, онъ намѣревался овладѣть престо-

6. По удаленіи царя, Іегуда не остался празднымъ. Разсѣявшіеся въ послѣдней битвѣ солдаты къ нему снова вернулись, а вмѣстѣ съ ними нахлынули свѣжія народныя массы. Съ этими обновленными силами онъ при деревнѣ Адасѣ [1] далъ военачальникамъ Антіоха новую битву, въ которой, геройски сражаясь и истребивъ массу непріятелей, самъ палъ въ бою (231 до раз. хр.) [2]. Вскорѣ послѣ этого погибъ и его братъ Іохананъ, сдѣлавшись жертвой измѣны со стороны приверженцевъ Антіоха.

зомъ. Видя, что молодой Антіохъ занятъ осадой Іерусалима, онъ поспѣшилъ занять тогдашнюю столицу Сиріи, Антіохію. Это и заставило Антіоха Евпатора первымъ заговорить о мирѣ съ осажденными. Іудеи охотно согласились на его предложеніе и, взявъ у него обычную клятву, впустили его войско въ городъ. Но Антіохъ вѣроломно приказалъ срыть всѣ сильныя укрѣпленія на Сіонской горѣ и, оставивъ на мѣстѣ гарнизонъ, поспѣшно удалился къ Антіохіи, которую онъ силой оружія отнялъ у Филиппа.

[1] 30 стадій отъ Ветхорона.

[2] Іосифъ пропускаетъ цѣлый рядъ событій въ Іудеѣ и Сиріи и отмѣчаетъ смерть Іегуды не въ той битвѣ, въ какой она имѣла мѣсто по болѣе полному и точному разсказу М. К., вполнѣ согласному съ фактами, дошедшими до насъ изъ древней исторіи Сиріи. Антіохъ Евпаторъ, побѣдивши Филиппа, недолго спустя былъ убитъ Димитріемъ Селевкіемъ, воцарившимся въ Сиріи. Въ его царствованіе выступаетъ Вакхидъ (быть можетъ тотъ самый Вакхидъ, появленіе котораго Іосифъ относитъ къ царствованію Антіоха Эпифана), который, поддерживая Ильякима, главаря эллинствовавшей партіи, претендовавшаго на санъ первосвященника и боровшагося съ патріотической партіею Іегуды Маккавея. Послѣдній удачно преслѣдовалъ этого измѣнника, иго котораго оказалось еще несноснѣе иностраннаго. Тогда Димитрій послалъ имъ на помощь своего главнаго полководца, Никонора—большаго ненавистника Израиля. Послѣ небольшой схватки, окончившейся въ пользу Іегуды, 13 Адара въ Ветхоранѣ состоялось рѣшительное сраженіе, въ которомъ войско Никанора было разбито на голову и самъ Никаноръ палъ въ бою. Іудеи съ особымъ торжествомъ отпраздновали эту великую побѣду и въ память ея установили на всегда праздникъ, соблюдаемый евреями и по нынѣ въ день 13 Адара, наканунѣ Пурима. Заключеніе союза съ римлянами относится также къ этому времени, что усматривается также изъ того, что римскій сенатъ приказалъ Димитрію прекратить военныя дѣйствія противъ іудеевъ. Это, однако, не помѣшало Димитрію продолжать борьбу съ Іегудой. Вслѣдъ за пораженіемъ Никонора онъ отрядилъ въ Іудею отборное войско подъ командой Вакхида и Ильякима (Алкима); они наткнулись на Іегуду въ тотъ моментъ, когда при немъ осталось ничтожное ополченіе изъ 800 человѣкъ. Вотъ какъ въ М. К. описывается это замѣчательное въ военной исторіи сраженіе, въ которомъ великій народный герой самой смертью своей прославилъ свое имя. „Іегуда расположился станомъ при Елеасѣ, и три тысячи избранныхъ мужей съ нимъ. Но, увидѣвши множество войска,

ГЛАВА ВТОРАЯ.

(I. Д. XIII 1—10).

Преемники Іегуды: Іонатанъ, Симонъ и Іохананъ Гирканъ.

1. Преемникомъ Іегуды сдѣлался его братъ, Іонатанъ (230—213 до раз. хр.). Всегда предусмотрительный къ интересамъ своего народа, онъ укрѣпилъ свое правленіе союзомъ съ римлянами и, кромѣ того, заключилъ миръ съ юнымъ Антіохомъ. Все это, однако, не доставило ему личной безопасности Тиранъ Трифонъ, регентъ молодого Антіоха, желая завлечь его въ засаду, старался прежде всего устранить всѣхъ друзей его. Удобный случай представился въ Птолемаидѣ, куда Іонатанъ въ сопровожденіи незначительной свиты прибылъ погостить у Антіоха. Трифонъ схватилъ его тогда хитростью заковалъ его въ кандалы и выступилъ войной противъ іудеевъ; но,

---

какъ оно многочисленно, они весьма устрашились, и многіе изъ стана его разбѣжались, и осталось изъ нихъ не болѣе восьми сотъ мужей, Когда увидѣлъ Іегуда, что разбѣжалось ополченіе его, а война тревожила его, онъ смутился сердцемъ, потому что не имѣлъ времени собрать ихъ. Онъ опечалился и сказалъ оставшимся: „можетъ быть мы въ силахъ будемъ сражаться съ ними". Но они отклоняли его и говорили: „мы не въ силахъ, будемъ теперь спасать жизнь нашу и потомъ возвратимся съ братьями нашими и тогда будемъ сражаться противъ нихъ, а теперь насъ мало". Но Іегуда сказалъ: „нѣтъ, да не будетъ этого со мною, чтобы бѣжать отъ нихъ; а если пришелъ часъ нашъ, то умремъ мужественно за братьевъ нашихъ и не оставимъ нареканія на славу нашу". И двинулось войско изъ стана и стало противъ нихъ; и раздѣлилась конница на двѣ части, а впереди войска шли пращники и стрѣлки, и всѣ сильные передовые воины. Вакхидъ же находился на правомъ крылѣ, и приближались отряды съ обѣихъ сторонъ и трубили трубами. Затрубили трубами и бывшіе съ Іегудою, и поколебалась земля отъ шума войскъ, и было упорное сраженіе отъ утра до вечера. Когда увидѣлъ Іегуда, что Вакхидъ и сильнѣйшая часть его войска находится на правой сторонѣ, то собрались къ нему всѣ храбрые сердцемъ,—и разбито ими правое крыло, и они преслѣдовали ихъ до горы Азота. Когда находившіеся на лѣвомъ крылѣ увидѣли, что правое крыло разбито, то обратились вслѣдъ за Іегудою и бывшими съ нимъ съ тыла. И сраженіе было жестокое, и много пало пораженныхъ съ той и другой стороны, палъ и Іегуда, а прочіе обратились въ бѣгство. И взяли Іонатанъ и Симонъ Іегуду, брата своего, и похоронили его во гробѣ отцовъ его въ Модинѣ. И оплакивали его и рыдали о немъ сильно всѣ Израильтяне и печалились много дней и говорили: „какъ палъ сильный, спасавшій Израиля?"

встрѣтивъ сильный отпоръ въ лицѣ Симона, брата Іонатана, и потерпѣвъ, пораженіе, Трифонъ умертвилъ плѣнника [1].

---

[1] Болѣе подробный разсказъ Іосифа въ его І. Д. о событіяхъ, предшествовавшихъ преемничеству Іонатана и послѣдовавшихъ за нимъ, совершенно сходенъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ М. К. Приводимъ ихъ вкратцѣ. Смерть великаго поборника народныхъ традицій и свободы возвратила бодрость эллинистамъ - ассимиляторамъ, которые сдѣлались господствующими и грозными для Іудеи. Наставшій тогда голодъ способствовалъ переходу на ихъ сторону и народной массы. Они розыскивали лучшихъ людей въ странѣ, наиболѣе преданныхъ дѣлу освобожденія, и выдавали ихъ Вакхиду, который издѣвался надъ ними и умерщвлялъ ихъ подъ пытками. „И была великая скорбь въ Израилѣ, какой не бывало съ того дня, какъ не видно стало у нихъ пророка". Въ этой великой нуждѣ друзья народа обратились къ Іонатану и избрали его „вождемъ и начальникомъ". Первое столкновеніе съ Вакхидомъ Іонатанъ имѣлъ у Іордана. Вакхидъ избралъ для сраженія день субботній, въ надеждѣ, что іудеи не нарушатъ святости этого дня и не окажутъ никакого сопротивленія; но по призыву Іонатана іудеи сражались и побѣдили. Вакхидъ возвратился въ Іерусалимъ, укрѣпилъ многіе города въ Іудеѣ и въ особенности Акру, куда онъ заключилъ въ качествѣ заложниковъ сыновей вождей страны и разставилъ повсюду гарнизоны. Предводитель эллинистовъ, Имякимъ содѣйствовалъ ему во всемъ и былъ даже готовъ разрушить внутреннюю стѣну храмоваго двора, поставленную пророками для защиты храма; но внезапная смерть предупредила приведеніе въ исполненіе этого плана. Сейчасъ послѣ смерти Имякима, Вакхидъ вновь появился въ Іудеѣ, по наущенію эллинистовъ, обѣщавшихъ ему быструю и легкую побѣду надъ Маккавеями. Рядъ чувствительныхъ пораженій убѣдилъ, однако, Вакхида въ ошибочности разсчета: онъ выместилъ свою злобу на эллинистахъ, которыхъ умертвилъ во множествѣ и началъ искать случая, какъ бы выйти съ честью изъ этой несчастной для него войны. Миролюбивый Іонатанъ пришелъ на встрѣчу его желаніямъ и предложилъ ему миръ. Вакхидъ согласился на всѣ условія, возвратилъ плѣнныхъ іудеевъ и поклялся больше не вторгаться въ Іудею, что онъ дѣйствительно и исполнилъ. „И унялся мечъ въ Израилѣ. И началъ Іонатанъ судить народъ и истребилъ нечестивыхъ изъ среды Израиля". Лѣтъ черезъ пять послѣ описанныхъ событій, въ самой Сиріи возгорѣлась борьба между царемъ Димитріемъ и братомъ его Александромъ (сыномъ Антіоха Эпифана), возвратившимся изъ Рима и овладѣвшимъ престоломъ. Оба брата старались на перерывъ расположить къ себѣ Іонатана, поддержка котораго могла дать перевѣсъ той или другой сторонѣ. Іудеи не повѣрили лживымъ посланіямъ и обѣщаніямъ Димитрія и предпочли союзъ съ Александромъ, очень скоро и счастливо окончившимъ свою войну съ братомъ. Въ продолженіи всего своего семилѣтняго царствованія, Александръ сохранялъ самую тѣсную дружбу къ Іонатану, котораго сначала возвелъ въ санъ первосвященника, а за тѣмъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы оказывать ему царскія почести. Но по истеченіи семи лѣтъ на мѣсто Александра

2. Симонъ правилъ (212—205 до раз. хр.) счастливо [1]; онъ покорилъ

воцарился, при помощи Птоломея, сынъ погибшаго Димитрія, Димитрій. Послѣдній, хотя измѣннически поступалъ съ іудеями, помогавшими ему въ самыя критическія минуты, но существенныхъ измѣненій въ судьбѣ Іудеи въ его царствованіе не произошло, такъ какъ Іонатанъ, такъ же мудръ въ политикѣ какъ храбръ на войнѣ, умѣлъ хоть наружно поддерживать дружескія отношенія съ измѣнническимъ Димитріемъ. Неизвѣстно, однако, чѣмъ бы кончились эти искусственныя мирныя отношенія, при ненасытной жадности Димитрія, если бы въ Сиріи вновь не произошелъ государственный переворотъ. Главнымъ дѣятелемъ является здѣсь царедворецъ Трифонъ, который воспользовался ненавистью войска и народа къ Димитрію для того, чтобы возложить корону на молодаго Антіоха, сына Александра, воспитавшагося въ Аравіи, имѣя въ виду впослѣдствіи похитить престолъ и у этого послѣдняго и основать собою новую династію. Іонатанъ не замедлилъ перейти на сторону Антіоха и силой оружія заставилъ многіе города подчиниться молодому царю. Какъ друга послѣдняго, Трифонъ, помышлявшій о собственномъ владычествѣ, убилъ Іонатана измѣнническимъ образомъ.

[1] Популярность Симона—этого послѣдняго изъ братьевъ Маккавеевъ—начинается еще при жизни Іонатана. Народъ видѣлъ его всегда сражающимся рядомъ съ Іонатаномъ или отдѣльно, во главѣ самостоятельныхъ отрядовъ, ввѣренныхъ его командѣ старшимъ братомъ. Многочисленными побѣдами онъ возвеличилъ славу іудейскаго оружія и содѣйствовалъ улучшенію положенія своей отчизны еще при жизни брата. По смерти послѣдняго онъ сдѣлался естественнымъ его преемникомъ. Времена въ Іудеѣ настали теперь другія. Партія эллинствующихъ, безпощадно преслѣдуемая Іонатаномъ, потеряла всякое значеніе и не могла больше вызвать смуты и совратить народъ съ пути, по которому вели его Маккавеи. Симонъ по этому не имѣлъ надобности, подобно Іонатану, благоразумно молчать и ждать, пока народъ самъ явится къ нему и скажетъ: „Прійди княжить нами". Онъ самъ вызвался быть предводителемъ народа въ трудную минуту. Видя его „въ страхѣ и трепетѣ", онъ отправился въ Іерусалимъ, собралъ народъ и сказалъ: "Сами вы знаете, сколько я и братья мои и домъ отца моего сдѣлали ради законовъ и святыни, знаете войны и угнетенія, какія мы испытали. Потому и погибли всѣ братья мои за Израиля, и остался я одинъ. И нынѣ да не будетъ того, чтобъ я сталъ щадить жизнь свою во все время угнетенія, ибо я — не лучше братьевъ моихъ. Но буду мстить за народъ мой и за святилище, и за меня, и за дѣтей нашихъ, ибо соединились всѣ народы, чтобъ истребить насъ по непріязни". „И воспламенился духъ народа, какъ только услышалъ онъ такія слова; и отвѣчали громкимъ голосомъ и сказали: „Ты—нашъ вождь на мѣсто Іегуды и Іонатана, брата твоего. Веди нашу войну, и что ты ни скажешь намъ, мы все сдѣлаемъ". Народъ чувствовалъ уже себя на столько сильнымъ и независимымъ, что не ждалъ утвержденія его вождя въ санѣ первосвященника, какъ особой монаршей милости Селевкидовъ; на этотъ разъ онъ самъ назначилъ Симона первосвящен-

пограничные города: Газару, Іоппію, Іамнію [1], и срылъ до основанія замокъ Акру, овладѣвъ предварительно находившимся въ немъ гарнизономъ [2]. Впослѣдствіи онъ подалъ помощь Антіоху [3] противъ Трифона, котораго тотъ передъ своимъ походомъ въ Мидію осаждалъ въ Дорѣ [4]. Но этой помощью, способствовавшей погибели Трифона, онъ все-таки не могъ утолить жадность царя. Послѣдній, сейчасъ по окончаніи осады, послалъ своего полководца, Кендебая, во главѣ войска для разгромленія Іудеи и подчиненія Симона. Состарѣвшійся уже Симонъ велъ эту войну со всѣмъ пыломъ и отвагой юноши: своихъ сыновей онъ послалъ съ отборнымъ войскомъ по одному направленію, а самъ, предводительствуя другой частью войска, выступилъ противъ непріятеля по другому пути. Оставляя во многихъ мѣстахъ, а также въ горахъ сильныя засады, онъ занялъ всѣ проходы. Одержавъ, наконецъ, блистательную побѣду, Симонъ былъ избранъ

никомъ и этотъ актъ усмиряющимъ образомъ подѣйствовалъ на враждебные еврейству языческіе народы, которые по смерти Іонатана готовы были опять стѣснить іудеевъ со всѣхъ сторонъ. Одновременно съ тѣмъ Трифонъ осуществилъ свой злодѣйскій планъ, умертвилъ малолѣтняго Антіоха, напялилъ на себя вѣнецъ Азіи и далъ полную волю своимъ хищническимъ инстинктамъ. Симонъ отправилъ посольство къ Димитрію съ просьбой избавить страну отъ ига Трифона. Въ отвѣтъ на это предложеніе послѣдовало очень дружелюбное посланіе Димитрія — декретъ, въ которомъ Іудея объявлена была свободной отъ всякихъ податей. Такимъ образомъ Іудея при Симонѣ была освобождена отъ языческаго ига. Правленіе Симона сдѣлалось началомъ новой эры для евреевъ.

[1] Газара (Гезеръ), около двухъ миль отъ Іерусалима къ сѣверо-западу— Іоппія—древняя Іафо нынѣ Яффа. Іамнія—нынѣ Іевна, близъ моря, къ западу отъ Іерусалима.

[2] По свидѣтельству I. Д. и М. К., Симонъ предоставилъ имъ свободный выходъ, евреи очистили замокъ отъ идоловъ и съ большимъ торжествомъ отпраздновали этотъ знаменательный день 23-го Іяра 211 до раз. хр., установивъ этотъ праздникъ на вѣчныя времена. По разсказу Іосифа въ I. Д., Симонъ срылъ этотъ замокъ и снесъ даже холмъ, на которомъ онъ стоялъ, для того, чтобы во всемъ городѣ не осталось возвышенія выше храма, откуда въ извѣстныхъ случаяхъ могло бы угрожать святилищу.

[3] Димитрій межъ тѣмъ потерпѣлъ большое пораженіе въ войнѣ съ пареянами, которые взяли его въ плѣнъ. Но въ Селевкіи оставалась жена Димитрія, Клеопатра, съ дѣтьми. Заручившись довѣріемъ войска, она пригласила къ себѣ брата Димитрія, Антіоха Сотера, предложила ему руку и тронъ. Такимъ образомъ Антіохъ сдѣлался царемъ вмѣсто Димитрія.

[4] Укрѣпленный морской городъ, у западнаго склона Кармеля, между Кесаріей и Птоломаидой.

первосвященникомъ (211 до раз. хр.), и такимъ образомъ Іудея освободилась отъ ста семидесяти-лѣтняго македонскаго владычества.

3. И Симонъ палъ (205 до раз. хр.) жертвой измѣны и насилія, совершеннаго надъ нимъ во время пира, его же собственнымъ зятемъ, Птоломеемъ. Одновременно съ убійствомъ тестя, Птоломей заключилъ въ темницу его жену и двухъ сыновей [1] и послалъ палачей для умерщвленія еще третьяго сына, Іоханана, прозваннаго Гирканомъ. Но юноша былъ предупрежденъ о грозящей ему опасности и поспѣшилъ въ Іерусалимъ, въ полной увѣренности, что народъ, изъ благодарности къ подвигамъ его отца съ презрѣніемъ отшатнется отъ преступнаго Птоломея. Съ другой стороны, чрезъ другія ворота, пытался проникнуть въ городъ также и Птоломей; но народъ, успѣвъ уже принять Гиркана, оттолкнулъ его отъ себя. Послѣдній немедленно отступилъ къ Дагону—одной изъ тѣхъ крѣпостей, которыя возвышаются надъ Іерихо; Гирканъ же, возведенный въ санъ первосвященника (205 до раз. хр.), совершилъ жертвоприношеніе и спѣшилъ догнать Птоломея съ цѣлью освободить изъ его рукъ свою мать и братьевъ.

4. При наступленіи на крѣпость, онъ былъ хотя сильнѣе осажденнаго, но понятная сердечная боль дѣлала его слабымъ; каждый разъ, какъ Птоломей видѣлъ себя въ опасности, онъ приказывалъ выводить на стѣну мать и братьевъ Гиркана и бичевать ихъ на его глазахъ, грозя при этомъ сбросить ихъ со стѣны, если онъ тотчасъ не отступитъ. При видѣ этого Гирканомъ овладѣвалъ не столько гнѣвъ, сколько жалость и страхъ. Тщетно мать, хладнокровно вынося удары и не робѣя предъ угрожающей смертью, простирала руки къ сыну, умоляя его не щадить злодѣя изъ жалости къ ея пыткамъ; тщетно она увѣряла сына, что она предпочтетъ жизни смерть изъ рукъ Птоломея, если только послѣдній понесетъ заслуженную кару за преступленія, совершенныя имъ противъ ихъ дома; каждый разъ когда Гирканъ, изумляясь твердости своей матери, слышалъ ея мольбы, онъ съ неудержимою яростью возобновлялъ аттаку; но какъ только на стѣнѣ начиналась ужасная сцена истязанія старухи, его сердце охватывала боязнь и жалость,

[1] Іегуда и Маттаеія.

По М. 11—17, братья Гиркана были убиты одновременно съ ихъ отцомъ. Птоломей совершилъ эти убійства съ политической цѣлью: начальствуя надъ іерихонскимъ округомъ, владѣя огромными богатствами, разсчитывая также на помощь сирійскаго царя, онъ надѣялся, послѣ истребленія маккавейскаго рода, произвести переворотъ въ государствѣ и сдѣлаться владѣтелемъ Іудеи.

и онъ дѣлался мягкимъ и чувствовалъ невыносимую боль. Такъ осада затянулась и продлилась до наступленія суботнаго года, который празднуется іудеями чрезъ каждыя семь лѣтъ, точно также, какъ суббота въ седьмой день недѣли. Освобожденный, вслѣдствіе этого, отъ осады, Птоломей умертвилъ братьевъ Іоханана вмѣстѣ съ его матерью и бѣжалъ къ филадельфійскому тирану, Зенону, прозванному Котилой.

5. Между тѣмъ Антіохъ, все еще пылавшій гнѣвомъ за неудачи, испытанныя имъ въ борьбѣ съ Симономъ, проникнулъ опять во главѣ войска въ Іудею и осадилъ Гиркана въ Іерусалимѣ. Тогда Гирканъ открылъ склепъ Давида, бывшаго самымъ богатымъ царемъ, взялъ оттуда 3,000 талантовъ и подаркомъ въ 300 талантовъ склонилъ Антіоха снять осаду и удалиться; остальную сумму онъ употребилъ на содержаніе чужеземныхъ наемныхъ войскъ. Онъ былъ первый іудей, который это сдѣлалъ.

6. Для отмщенія Антіоху, Іоханан воспользовался походомъ его въ Мидію. Въ, томъ оправдавшемся впослѣдствіи предположеніи, что главныя силы выступили изъ сирійскихъ крѣпостей, онъ бросился на эти послѣднія и взялъ Медаву [1], Самею съ окрестными городами, затѣмъ—Сикиму [2] и Гаризинъ [3]; дальше онъ покорилъ хутеянъ [4], жившихъ вокругъ храма, выстроеннаго по образцу іерусалимскаго, а также и не мало идумейскихъ городовъ, въ томъ числѣ Адореонъ и Мариссу [5].

7. Затѣмъ онъ пошелъ на Самарію, гдѣ теперь расположенъ городъ Себаста, построенный царемъ Иродомъ, обвелъ ее валомъ и поручилъ осаду двумъ своимъ сыновьямъ Аристовулу и Антигону. Такъ какъ послѣдніе тѣсно обложили городъ со всѣхъ сторонъ, то среди жителей его насталъ такой страшный голодъ, что они вынуждены были питаться самымъ необыкновеннымъ. Въ своей нуждѣ они обратились за помощью къ Антіоху Кизикену, который охотно откликнулся на ихъ зовъ, но былъ побѣжденъ Аристовуломъ и Антигономъ. Преслѣдуемый братьями до Скиѳополиса, Антіохъ спасся бѣгствомъ; побѣдители же вернулись обратно къ Самаріи, снова заперли

---

[1] Городъ, лежавшій въ за-іорданской части Палестины, упоминается нѣсколько разъ въ Библіи.

[2] Городъ Сихемъ, нынѣ Наблусъ.

[3] Гора Гаризимъ въ Самаріи.

[4] Самаряне.

[5] Адора, на западѣ отъ Хеврона, нынѣ Дура; Морисса — библейская Мареша, въ южной Палестинѣ между Хеврономъ и Асдодомъ.

въ ней жителей, покорили, наконецъ, городъ, срыли крѣпость до основанія и жителей отвели въ плѣнъ. Переходя отъ побѣды къ побѣдѣ и не давая охладѣть охватившему ихъ воинскому пылу, они двинулись съ своимъ войскомъ впередъ до Скиѳополиса, разрушили этотъ городъ и опустошили всю страну по эту сторону Кармельскаго хребта.

8. Зависть къ счастью Іоханана и его сыновей вызвали внутренніе безпорядки. Многіе соединились для борьбы съ ними и не успокоились до тѣхъ поръ, пока вспыхнуло открытое возстаніе, въ которомъ, однако, заговорщики потерпѣли пораженіе. Остатокъ своихъ лѣтъ Іохананъ провелъ въ счастьѣ. Онъ умеръ послѣ полнаго тридцати-трехъ лѣтняго правленія, оставивъ послѣ себя пятерыхъ сыновей. И былъ онъ въ самомъ дѣлѣ счастливъ во всѣхъ отношеніяхъ. Весь ходъ его жизни не даетъ никакого повода въ чемъ-либо попрекать его судьбу. Іоханану достались всѣ три высшихъ блага: главенство надъ народомъ, первосвященство и пророческій даръ. Божественное откровеніе такъ часто снисходило на него, что ничто изъ будущаго не было отъ него скрыто. Такъ, онъ предвидѣлъ и предвѣщалъ, что оба его старшихъ сына не останутся долго у кормила правленія. Стоитъ разсказать трагическую исторію этихъ сыновей, тѣмъ больше, что она такъ рѣзко расходится съ счастливой жизнью ихъ отца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(I. Д. XIII, II).

Аристовулъ, первый возложившій на себя царскую діадему, умерщвляетъ свою мать и своихъ братьевъ и самъ умираетъ послѣ одногодичнаго правленія.

1. По смерти отца, по прошествіи 471 года и 3 мѣсяцевъ послѣ возвращенія изъ вавилонскаго плѣненія (176 до раз. хр.) старшій изъ сыновей, Аристовулъ, возложивъ на себя корону—первый (Асмонай) принялъ царскій титулъ. Перваго изъ своихъ младшихъ братьевъ, Антигона, къ которому питалъ сильную привязанность, онъ почиталъ, какъ равнаго себѣ; остальныхъ же братьевъ онъ бросилъ въ темницу закованными въ кандалахъ; даже родную мать, оспаривавшую у него власть, вслѣдствіе того, что по завѣщанію Іоханана она собственно и была назначена главной руководительницей государственными дѣлами, Аристовулъ подвергнулъ заточенію и такъ далеко зашелъ въ своей жестокости, что заставилъ ее умереть въ темницѣ голодной смертью.

2. Месть постигла его въ лицѣ брата его, Антигона, котораго онъ такъ нѣжно любилъ, что даже возвысилъ на степень соправителя. Онъ убилъ именно и этого своего любимца, вслѣдствіе гнусной интриги, сплетенной злыми царедворцами. Въ началѣ Аристовулъ не довѣрялъ злымъ языкамъ: онъ слишкомъ любилъ Антигона и разные толки и пересуды о немъ приписывалъ больше зависти. Но однажды, когда Антигонъ съ тріумфомъ возвратился изъ похода къ празднику, въ который іудеи по издревле сохранившемуся обычаю для чествованія Бога устраиваютъ шатры, Аристовулъ какъ разъ въ тѣ дни заболѣлъ; Антигонъ къ концу праздника въ сопровожденіи своего тяжело вооруженнаго войска со всевозможной пышностью отправился въ храмъ, чтобы тѣмъ усерднѣе помолиться за брата. Этимъ воспользовались придворные интриганы, которые явились къ царю, нарисовали ему живую картину торжественнаго шествія и гордаго поведенія Антигона, совсѣмъ-де не подобающаго ему какъ частному человѣку; съ такимъ сильнымъ отрядомъ, говорили они, онъ прибылъ не иначе, какъ съ цѣлью низверженія царя; ему мало одной чести быть соправителемъ, онъ думаетъ еще завладѣть и самимъ царствомъ.

3. Почти противъ воли повѣрилъ этому Аристовулъ. Желая замаскировать свои подозрѣнія, а съ другой стороны,—обезопасить себя на всякій случай, онъ поставилъ своихъ тѣлохранителей въ одинъ изъ темныхъ подземныхъ ходовъ замка, раньше называвшагося Варисомъ (5,4), но впослѣдствіи прозваннаго Антоніей, и приказалъ имъ свободно пропустить Антигона, если онъ придетъ безъ оружія, но убить его тотчасъ, какъ только онъ явится вооруженнымъ. Самому Антигону онъ заранѣе послалъ сказать, чтобы онъ пришелъ къ нему невооруженнымъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, смертельные враги Антигона совмѣстно съ царицей составили очень коварный планъ. Они уговорили царскихъ пословъ умолчать о настоящемъ повелѣніи царя и вмѣсто этого передать Антигону, что братъ слышалъ о пышныхъ доспѣхахъ, которые онъ приготовилъ себѣ въ Галилеѣ; прикованный же къ постели, онъ до сихъ поръ не могъ принять его; теперь однако, въ виду его скораго отбытія, царь охотно видѣлъ бы тебя въ этомъ блестящемъ нарядѣ.

4. Услышавъ это и не подозрѣвая ничего дурнаго, Антигонъ, въ полномъ вооруженіи, какъ къ параду, отправился къ назначенному мѣсту; но какъ только приблизился къ темному проходу, называвшемуся Стратоновой Башней, онъ былъ умерщвленъ тѣлохранителями. Фактъ этотъ служитъ явнымъ

доказательствомъ силы клеветы, разрывающей всѣ узы благоволенія и родства; никакое благородное и возвышенное чувство не достаточно сильно, чтобы оказать противодѣйствіе низкому чувству зависти.

5. Извѣстную сенсацію произвелъ тогда нѣкто Іегуда изъ ессеевъ, отличавшійся всегда мѣткостью и вѣрностью своихъ прорицаній. Увидѣвъ въ тотъ день Антигона удаляющимся изъ храма, онъ обратился къ своимъ ученикамъ, окружавшимъ его всегда въ большомъ количествѣ и воскликнулъ: «Ахъ! теперь мнѣ бы умерэть, послѣ того какъ правда умерла на моихъ глазахъ, и одно изъ моихъ пророчествъ оказалось ложнымъ: Антигонъ живъ! онъ, который сегодня долженъ былъ умереть! Мѣстомъ погибели предназначена ему судьбой Стратонова Башня; но до этого мѣста 600 стадій, а уже четвертый часъ дня! Время изобличаетъ пророчество во лжи»! Старецъ умолкъ, погрузившись въ тяжелое раздумье. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ убійство Антигона у подземельнаго прохода, который такъ же, какъ и городъ Кесарія, на берегу моря, назывался Стратоновой Башней (21,5).—Это то обстоятельство и спутало предвѣщателя.

6. Раскаяніе въ совершенномъ преступленіи усугубляло между тѣмъ болѣзнь Аристовула: терзаемый угрызеніями совѣсти, онъ началъ быстро чахнуть, болѣзненные припадки все больше учащались и, наконецъ, во время одного такого припадка съ нимъ случилось сильное кровоизліяніе. Слуга, унесшій кровь, по какому-то удивительному божественному предопредѣленію, поскользнулся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Антигонъ былъ умерщвленъ, и кровь убійцы вылилась на виднѣвшіеся еще кровяные брызги отъ убитаго. Очевидцы этого происшествія думали, что слуга нарочно вылилъ туда кровь и подняли неистовый крикъ. Царь, услышавъ шумъ, спрашивалъ о причинахъ— никто не хотѣлъ ему объяснить; когда же онъ началъ настойчиво требовать и грозить, то ему сказали всю правду. Тогда глаза его наполнились слезами, вздыхая, еле слышно, на сколько позволяли ему ослабѣвшія силы, онъ произнесъ: «Не могъ же я съ моими злодѣйствами укрыться отъ великаго ока Божія! Быстро постигла меня кара за братоубійство! Проклятое тѣло, доколѣ ты будешь удерживать отъ матери и брата мою погибшую душу? Доколѣ я долженъ каплю за каплей жертвовать имъ свою кровь? Пусть берутъ сразу. Пусть божество не глумится больше надъ жертвоизліяніемъ, приносимымъ покойникамъ моими внутренностями!»

Тотчасъ послѣ этихъ словъ онъ испустилъ духъ, процарствовавъ не больше одного года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

(I. Д. XIII 12—15).

Дѣянія Александра Іанная, царствовавшаго 27 лѣтъ (175—149 до раз. храма).

1. Вдова Аристовула освободила его братьевъ изъ заточенія и сдѣлала царемъ Александра, который и по лѣтамъ, и по превосходству нрава имѣлъ, какъ казалось, на это всѣ преимущества. Достигнувъ же власти, онъ лишилъ жизни одного изъ своихъ братьевъ, домогавшагося престола; другому же брату, довольствовавшемуся частной и спокойный жизнью, онъ оказывалъ полное уваженіе.

2. Ему пришлось вступить въ войну съ Птоломеемъ Лаоуромъ, покорившимъ городъ Асохисъ [1]. Хотя онъ и наносилъ чувствительные удары непріятельскому войску, но побѣда все-таки клонилась на сторону Птоломея. Но когда послѣдній, преслѣдуемый своею матерью, Клеопатрой, удалился въ Египетъ, Александръ, послѣ успѣшной осады, захватилъ въ свои руки Гадару [2], а также сильнѣйшую изъ всѣхъ при-орданскихъ крѣпостей Аматъ, въ которой хранились, между прочимъ, сокровища Теодора, сына Зенона (2,4). Совершенно неожиданно появился вслѣдъ за этимъ Теодоръ, который возвратилъ себѣ похищенныя сокровища и овладѣлъ еще царскимъ обозомъ, убивъ при этомъ столкновеніи до 10,000 іудеевъ. Александръ, однако, оправившись послѣ этого пораженія, обратился въ приморскую область и завоевалъ Рафію, Газу и Анеидонъ [3], названный потомъ царемъ Иродомъ—Агриппіадой.

3. Вслѣдъ за покореніемъ этихъ городовъ, противъ Александра вспыхнуло возстаніе іудеевъ; дѣло разразилось въ праздничный день, какъ вообще у іудеевъ волненія вспыхивали большею частью во время праздниковъ. Онъ не такъ легко справился бы съ этимъ возстаніемъ, если бы ему не помогли чужеземные наемники; это были писидійцы и киликійцы, — сирійцевъ онъ никогда не принималъ на службу, вслѣдствіе ихъ врожденной національной вражды къ евреямъ. Убивъ больше 6,000 человѣкъ изъ возставшихъ, онъ вторгнулся въ Аравію, подчинилъ себѣ эту страну, равно какъ галаадитянъ и моавитянъ, которыхъ онъ обложилъ данью, и

[1] Въ Галилеѣ вблизи Сепфориса.

[2] На юго-востокѣ отъ Генесаретскаго озера.

[3] Рафія—приморскій городъ на юго-западѣ; Газа — древній филистимскій городъ, часто упоминаемый въ Библіи; Анеидонъ—приморскій городъ къ сѣверу отъ Газы.

на обратномъ пути двинулся опять на Аматъ. Теодоръ, убоясь военнаго несчастья своего противника, покинулъ крѣпость. Александръ нашелъ ее незащищенной и срылъ ее до основанія.

4. Въ послѣдовавшемъ за этимъ столкновеніи съ аравійскимъ царемъ Обедой онъ потерялъ всю свою армію. Арабы заманили его на устроенную при Гавланѣ [1] засаду, гдѣ іудейское войско, стиснутое въ глубокомъ ущельѣ, было раздавлено массой верблюдовъ. Самъ Александръ спасся въ Іерусалимъ; но ужасъ этого несчастья, разжигая старую ненависть къ нему народа, вызвалъ въ странѣ новое возстаніе. И на этотъ разъ онъ одержалъ верхъ: въ длинномъ рядѣ послѣдовавшихъ одна за другой битвъ, онъ въ теченіи шести лѣтъ истребилъ не менѣе 50,000 іудеевъ. Эти побѣды, доставшіяся ему цѣной опустошенія своего собственнаго царства, такъ мало однако радовали его, что онъ положилъ оружіе и старался словами склонить своихъ подданныхъ къ примиренію. Но выказанная имъ уступчивость и измѣнчивость характера сдѣлали его въ глазахъ народа еще болѣе ненавистнымъ; когда онъ, добиваясь причины, спрашивалъ, что ему дѣлать для того, чтобы умилостивить народъ, ему отвѣтили: «умереть, ибо и смерть послѣ такихъ злодѣйствъ едва-ли можетъ примирить ихъ съ нимъ»! Въ то же время противники его призвали на помощь Димитрія Эвкера [2], который, въ надеждѣ на болѣе отдаленныя послѣдствія, охотно откликнулся на зовъ и явился со своимъ войскомъ. При Сикимѣ (Сихемъ) іудеи соединились съ союзниками.

5. Александръ пошелъ на встѣчу союзнымъ силамъ: противъ ихъ трехтысячной конницы и 40,000 пѣхоты, онъ выставилъ 1,000 всадниковъ и 8000 наемной пѣхоты, кромѣ того, еще 10,000 іудеевъ изъ своихъ сторонниковъ. До начала битвы цари пытались чрезъ герольдовъ переманить другъ у друга отдѣльные отряды. Димитрій старался привлечь къ себѣ наемниковъ Александра, послѣдній надѣялся склонить на свою сторону ставшихъ подъ знамя Димитрія іудеевъ. Но такъ какъ іудеи сохранили свою злобу, а эллины—вѣрность, то рѣшеніе дѣла должно было быть предоставлено оружію. Хотя наемныя войска Александра выказывали въ сраженіи не мало храбрости и мужества, побѣда все-таки осталась за Димитріемъ; конечный же результатъ этой битвы оказался, однако, одинаково неожиданнымъ для обѣихъ сторонъ: у побѣдителя не остались тѣ,

[1] Библейское Галанъ, на востокѣ отъ Генесаретскаго озера.

[2] Сынъ Антіоха Грина, владѣлъ въ то время частью Сиріи.

которые его призвали, такъ какъ къ побѣжденному, бѣжавшему въ горы, перешли изъ жалости къ его несчастью 6000 іудеевъ. Такой оборотъ дѣла до того обезокуражилъ Димитрія, что онъ немедленно удалился, полагая, что теперь весь народъ перейдетъ на сторону Александра, и послѣдній сдѣлается опять сильнымъ и способнымъ къ сопротивленію.

6. Однако и послѣ удаленія союзниковъ остальные іудеи не прекратили враждебныхъ дѣйствій противъ Александра и продолжали безпрерывную борьбу съ нимъ до тѣхъ поръ, пока большая часть изъ нихъ не погибла, а другая, загнанная въ городъ Бемеселисъ [1], послѣ разрушенія послѣдняго, была взята въ плѣнъ и приведена въ Іерусалимъ. Александръ въ своемъ яростномъ гнѣвѣ покончилъ съ ними самымъ безбожнымъ образомъ: восемьсотъ плѣнниковъ были распяты въ центрѣ города, въ то время, когда жены и дѣти казненныхъ были изрублены на ихъ же глазахъ. Самъ Александръ созерцалъ эту кровавую рѣзню, пиршествуя въ сообществѣ своихъ наложницъ. Народъ охватилъ такой паническій страхъ, что въ слѣдующую же ночь 8000 гражданъ, изъ среды противниковъ царя поспѣшили перебраться черезъ границу Іудеи, и только смерть Александра принесла конецъ ихъ вынужденному изгнанію. Доставивъ, наконецъ, своему государству такими мѣропріятіями поздній и съ трудомъ добытый покой, Александръ положилъ оружіе.

7. Новыя безпокойства причинилъ ему Антіохъ, прозванный Діонисомъ, братъ Димитрія, послѣдній изъ Селевкидовъ. Когда Антіохъ Діонисъ выступилъ въ походъ противъ арабовъ, Александръ, опасаясь вторженія его въ Іудею, велѣлъ выкопать глубокій ровъ на всемъ протяженіи отъ подошвы горы при Антипатрисѣ [2] до прибрежія Іоппіи, построить вдоль рва высокую стѣну съ деревянными башнями на верху, дабы этими сооруженіями загородить легко доступныя мѣста. Онъ, однако, не могъ остановить Антіоха: послѣдній сжегъ башни, засыпалъ ровъ, перешагнулъ съ своимъ войскомъ черезъ укрѣпленную линію и продолжалъ свой походъ въ Аравію, рѣшившись отомстить впослѣдствіи тому, который пытался создать ему препятствія. Аравійскій же царь, отступивъ назадъ въ болѣе благопріятную для борьбы мѣстность, быстро повернулъ свою десятитысячную конницу и неожиданно напалъ на Антіоха, прежде чѣмъ его войска успѣли выстроиться

[1] І. Д. XIII, 14, городъ названъ Бетаме; положеніе его неизвѣстно.

[2] 150 стадій отъ Іоппіи, тождественъ съ городомъ Кафарсаба (כפר סבא), упоминаемымъ въ Талмудѣ.

въ боевой порядокъ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ ожесточенномъ сраженіи, войска Антіоха, не смотря на чувствительные удары, нанесенные имъ Арабами, храбро держались все время, пока Антіохъ самъ мужественно дрался впереди ихъ; но когда онъ палъ, (съ цѣлью поддержать мужество солдатъ онъ всегда подвергалъ себя величайшимъ опасностямъ), они всѣ отступили назадъ; большая часть ихъ была смята или въ самомъ сраженіи или на пути бѣгства; остатокъ-же арміи, спасшійся въ деревню Кану, за немногими единичными исключеніями, сдѣлался жертвою голода.

8. Жители Дамаска изъ ненависти къ Птоломею, сыну Меннaя, призвали къ себѣ Арету и назначили его царемъ Келесиріи. Послѣдній пошелъ противъ Іудеи, разбилъ Александра въ одномъ сраженіи, но послѣ состоявшагося мирнаго соглашенія отступилъ. Александръ же завоевалъ послѣ этого Пеллу [1] и изъ жадности къ сокровищамъ Теодора отправился на Геразу [2], обвелъ ее тройнымъ валомъ и взялъ городъ штурмомъ. Вслѣдъ за этимъ онъ опустошилъ Гавлану, Селевкію [3] и такъ называемую Антіохову Долину; дальше онъ взялъ сильную крѣпость Гамалу [4], устранилъ мѣстнаго начальника Димитрія, вслѣдствіе многочисленныхъ на него жалобъ населенія, и по окончаніи этого похода, длившагося цѣлыхъ три года, возвратился въ Іудею, гдѣ за свои военные подвиги былъ радушно встрѣченъ народомъ. Отдыхъ послѣ войнъ породилъ въ немъ болѣзнь, выразившуюся въ лихорадкѣ, которая возвращалась къ нему чрезъ каждые четыре дня. Полагая, что кипучая военная дѣятельность избавитъ его отъ болѣзни, онъ предпринялъ преждевременный походъ; но напрягая черезъ мѣру свои силы, онъ въ этомъ новомъ предпріятіи нашелъ свою смерть Онъ умеръ въ самомъ разгарѣ военной сутолоки, послѣ 27-лѣтняго царствованія. (149 до раз. храма).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

(І. Д. XIII, 16).

Девятилѣтнее царствованіе Александры (149—140 до раз. хр.) и возвращеніе власти къ фарисеямъ.

1. Правленіе онъ оставилъ своей женѣ Александрѣ, въ томъ убѣжденіи,

[1] Заіорданскій городъ.

[2] Заіорданскій городъ, нынѣ Джерамъ.

[3] У Меромскаго озера.

[4] Крѣпость въ Галилеѣ, игравшая выдающуюся роль въ іудео-римской войнѣ.

что ей народъ тѣмъ охотнѣе будетъ повиноваться, такъ какъ она никакого участія не принимала въ звѣрскихъ расправахъ мужа, а напротивъ постоянно противодѣйствовала его беззаконіямъ, чѣмъ и пріобрѣла себѣ довѣріе іудеевъ. Надежда его не обманула. Слава благочестія, которой эта женщина пользовалась, доставила ей господство. Она строго соблюдала старинные народныя обычаи и устранила отъ дѣлъ нарушителей священныхъ законовъ. Изъ двухъ сыновей, прижитыхъ ею съ Александромъ, она произвела въ первосвященники Гиркана, такъ какъ онъ былъ старшій и притомъ слишкомъ вялъ для того, чтобы участіе его въ дѣлахъ правленія могло сдѣлаться для нея опаснымъ. Младшаго же, Аристовула, отличавшагося пылкимъ характеромъ, она заставила удалиться въ частную жизнь.

2. Ближайшее участіе въ правленіи приняли при ней фарисеи,—іудейская партія, послѣдователи которой почитаются наиболѣе благочестивыми и компетентнѣйшими толкователями законовъ. Богобоязненная Александра была имъ очень предана; они же, пользуясь ея простотой и вкрадываясь мало по малу въ ея довѣріе, вскорѣ сдѣлались фактическими правителями, изгоняя и милуя, освобождая и заточая кого имъ заблагоразсудилось. Однимъ словомъ они наслаждались всѣми выгодами правленія, а Александра носила его тяжести и расходы. Впрочемъ, она сама была занята болѣе важными дѣлами. Набирая все больше и больше войска внутри страны и вербуя не мало наемниковъ извнѣ, она вдвое увеличила вооруженныя силы своего государства и сдѣлалась страшной даже для сосѣднихъ князей. Такъ она господствовала надъ другими, а надъ нею самой — фарисеи.

3. Эти послѣдніе были виновниками смерти одного знатнаго гражданина, Діогена, друга Александра, котораго они обвинили въ томъ, что распятіе восьмисотъ совершено было Александромъ по его наущенію; они также довели Александру до того, что она лишила жизни и другихъ лицъ, подстрекавшихъ Александра на это дѣло. Изъ религіознаго страха она уступала, а фарисеи сметали съ пути, кого только хотѣли. Знатнѣйшіе изъ опальныхъ прибѣгли къ заступничеству Аристовула, которому удалось уговорить свою мать пощадить этихъ людей, во вниманіе къ ихъ высокому положенію и, если уже признать ихъ виновными, то ограничить наказаніе изгнаніемъ ихъ изъ столицы. Ихъ освободили отъ смертной казни и они разсѣялись по странѣ. Въ это же время Александра послала войско въ Дамаскъ (поводомъ послужилъ Птоломей, притѣснявшій всегда этотъ городъ) и взяла его безъ особеныхъ усилій. Армянскаго царя, Тиграна, осаждавшаго Клеопатру въ Птоломаидѣ, она старалась склонить къ отступленію

путемъ мирныхъ переговоровъ и подарковъ; но встревоженный вдругъ безпорядками, возникшими въ его собственной странѣ, вслѣдствіе вторженія въ Арменію Лукулла, Тигранъ самъ вынужденъ былъ удалиться.

4. Александра между тѣмъ заболѣла. Младшій сынъ ея Аристовулъ тотчасъ воспользовался представившимся случаемъ; при помощи многочисленныхъ горячихъ приверженцевъ, очарованныхъ его юношескимъ пыломъ, онъ овладѣлъ всѣми крѣпостями; на добытыя тамъ деньги онъ набралъ наемное войско и объявилъ себя царемъ. Изъ жалости къ воплямъ Гиркана, Александра приказала заключить жену и дѣтей Аристовула въ Антонію. Это была крѣпость, примыкавшая къ сѣверу отъ храма и называвшаяся раньше, какъ выше (3, 3) было сказано, Варисомъ, но впослѣдствіи, при Антоніи, получившая его имя, подобно тому, какъ Себаста и Агриппіада и другіе города вмѣсто прежнихъ своихъ именъ получили названія отъ Себаста (Августа) и Агриппы. Однако прежде чѣмъ Александра успѣла наказать Аристовула за похищеніе престола у брата, она умерла, процарствовавъ девять лѣтъ (140 до раз. храма).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

(I. Д. XIV, 1—4, 1).

Гирканъ, наслѣдникъ Александры, отказывается отъ престола въ пользу Аристовула. Стараніями Антипатра и съ помощью Ареты снова возвращается къ власти. Въ загорѣвшемся затѣмъ между братьями спорѣ Помпей выступаетъ въ качествѣ судьи.

1. Законнымъ наслѣдникомъ престола былъ хотя Гирканъ, которому и мать предъ смертью передала правленіе, но превосходство силы и ума было на сторонѣ Аристовула. Поэтому при первомъ же столкновеніи братьевъ у Іерихона, большинство войска покинуло Гиркана и перешло къ Аристовулу. Первый бѣжалъ съ немногими, оставшимися ему вѣрными людьми, и достигъ Антоніи, гдѣ онъ овладѣлъ женою и дѣтьми Аристовула, какъ залогомъ своего спасенія. И дѣйствительно, прежде чѣмъ дѣло дошло до окончательнаго разрыва, достигнуто было миролюбивое соглашеніе, по которому Аристовулу досталось царство, а лишенному короны Гиркану обѣщаны были всѣ почести, подобающія брату государя. На этихъ условіяхъ братья помирились въ храмѣ, дружески обнялись на глазахъ окружавшаго ихъ народа и обмѣнялись жилищами: Аристовулъ отправился въ царскій дворецъ, Гирканъ—въ домъ Аристовула.

2. Противникамъ такъ неожиданно воцарившагося Аристовула сдѣлалось жутко; больше всѣхъ имѣлъ основаніе опасаться издавна и глубоко ненавистный ему Антипатръ. Родомъ идумеянинъ, онъ по знатному своему происхожденію, богатству и могуществу сдѣлался первымъ человѣкомъ въ своемъ народѣ. Этотъ Антипатръ, съ одной стороны, убѣдилъ Гиркана бѣжать къ аравійскому царю, Аретѣ, чтобы при его помощи возвратить себѣ царское достоинство, а съ другой—уговорилъ Арету принять у себя Гиркана и содѣйствовать его возвращенію къ власти. При этомъ онъ въ глазахъ аравійскаго царя въ такой же степени очернилъ Аристовула, въ какой превознесъ Гиркана, побуждая его такимъ образомъ оказать послѣднему гостепріимство. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ему поставилъ на видъ, какъ это приличествуетъ повелителю такого могущественнаго государства простирать свое покровительствующее крыло надъ угнетенными, а въ данномъ случаѣ угнетеннымъ является Гирканъ, у котораго похитили корону, принадлежащую ему по праву старшинства. Подготовивъ такимъ образомъ обѣ стороны, онъ ночью въ сообществѣ Гиркана тайно оставилъ Іерусалимъ и вмѣстѣ съ нимъ благополучно добрался до Петры, столицы Аравіи. Здѣсь онъ передалъ его въ руки Ареты; льстивыми рѣчами и богатыми подарками, онъ выпросилъ у него въ свое распоряженіе войско, которое должно было возвратить Гиркану отнятый тронъ; войско это состояло изъ 50,000 человѣкъ пѣхоты и конницы. Противиться такой силѣ Аристовулъ былъ не въ состояніи: въ первой же схваткѣ онъ былъ преодоленъ и, оставленный своими приверженцами, поспѣшно отступилъ къ Іерусалиму. Тутъ онъ навѣрное попалъ бы въ руки осаждавшаго его врага, если бы римскій полководецъ Скавръ, пользуясь этой междоусобицей, не нагрянулъ какъ разъ въ это время въ городъ и не заставилъ снять осаду (134 до раз. хр.). Онъ собственно былъ посланъ Помпеемъ, покорителемъ Тиграна, изъ Арменіи въ Сирію; но, прибывъ въ Дамаскъ, незадолго предъ тѣмъ завоеванный Метелломъ и Лолліемъ, и смѣнивъ послѣднихъ, онъ узналъ о положеніи вещей въ Іудеѣ и поспѣшилъ туда, какъ къ счастливой находкѣ.

3. Едва только онъ вступилъ въ страну, какъ уже явились къ нему послы отъ обоихъ братьевъ съ просьбой о помощи одному противъ другаго. 300 талантовъ Аристовула оказались болѣе тяжеловѣсными, нежели всѣ права Гиркана. За эту плату Скавръ послалъ герольда къ Гиркану и арабамъ съ приказаніемъ отъ имени римлянъ и Помпея немедленно снять осаду. Устрашенный Арета выступилъ изъ Іудеи въ Филадельфію [1],

[1] Библейскій городъ Рабба (רבה), древняя столица Аммонитянъ.

а Скавръ возвратился обратно въ Дамаскъ. Аристовулъ, однако, не удовлетворился однимъ лишь избавленіемъ отъ грозившаго ему плѣна: погнавшись за непріятелемъ, онъ его настигъ у такъ называемаго Папирона, далъ ему здѣсь сраженіе, въ которомъ убилъ свыше 6,000 человѣкъ, въ томъ числѣ и брата Антипатра, Фаліона.

4. Лишившись поддержки союзниковъ, Гирканъ и Антипатръ возложили теперь всѣ свои надежды на своихъ противниковъ, и такъ какъ Помпей, по прибытіи въ Сирію, остановился въ Дамаскѣ, то они поспѣшили туда [1]. Безъ подарковъ, опираясь лишь на представленные ими уже

[1] Помпей Великій находился тогда на апогеѣ своего могущества. Народное собраніе дало ему неограниченныя полномочія, которыя сдѣлали его независимымъ даже отъ сената: въ его распоряженіе отданы были почти всѣ войска, весь флотъ и вся казна республики. Названіе „царя царей“, данное ему греками, не было пустымъ звукомъ: онъ дѣйствительно былъ повелителемъ всего римскаго государства. Окончивъ войну съ пиратами, онъ отправился въ Сирію, сдѣлавшуюся со временъ паденія селевкидской династіи притягательнымъ центромъ для всѣхъ выдающихся римскихъ полководцевъ: здѣсь они наживали себѣ громадныя богатства, которыя были имъ такъ необходимы для удовлетворенія безграничнаго мотовства и необузданной страсти къ наслажденіямъ. Здѣсь они интриговали между отдѣльными тиранами, продавали власть тому, кто больше платилъ и, ослабляя ихъ взаимными распрями, кончали обыкновенно тѣмъ, что превращали принадлежавшія имъ владѣнія въ римскія провинціи. Таковая участь постигла и Іудею. Помпей только что побѣдилъ Тиграна и Митридата, владычество которыхъ еще не было подкошено Лукулломъ. Вся Сирія, Финикія, Киликія, Галатія и Каппадокія подпали подъ его власть; гордые повелители Востока со всѣхъ царствъ и княжествъ приходили къ нему съ вѣнками и богатыми подарками; и Аристовулъ прислалъ великолѣпный подарокъ, возбудившій всеобщее удивленіе: это было чудное произведеніе искусства, изображавшее собою виноградное дерево и цѣнившееся въ 500 талантовъ (около 700,000 руб. сер.); впослѣдствіи этотъ подарокъ украшалъ собою юпитерскій храмъ въ Римѣ (Страбонъ, въ I. Д. XIV, 3, 1). Для защиты интересовъ братьевъ предъ Помпеемъ явились уполномоченные: отъ Аристовула — Никодимъ, а отъ Гиркана — Антипатръ; Помпей со свойственнымъ ему высокомѣріемъ приказалъ посламъ, чтобы ихъ ввѣрители лично явились къ нему на судъ въ Дамаскъ. Въ назначенный день предстали предъ Помпеемъ оба брата. Гирканъ опирался на свои наслѣдственныя права; Аристовулъ ссылался на безсиліе самого Гиркана, неспособнаго внушить къ себѣ уваженіе, вслѣдствіе чего онъ, Аристовулъ, считалъ необходимымъ занять престолъ, дабы его не похитилъ кто-либо другой; но кромѣ нихъ явился еще третій претендентъ—народъ. Представители послѣдняго жаловались на то, что потомки Маккавеевъ самовольно присвоили себѣ царскую власть, и просили Пом-

Аретѣ мотивы и доводы, они умоляли его положить конецъ насильственнымъ дѣйствіямъ Аристовула и посадить на престолъ того, который заслуживаетъ его, какъ по старшинству, такъ и по нравственнымъ качествамъ. Аристовулъ также не бездѣйствовалъ: разсчитывая на подкупленнаго Скавра, онъ представился Помпею во всемъ блескѣ своего царскаго величія. Но, считая ниже своего достоинства играть роль покорнаго слуги, не желая, хотя бы и для защиты своихъ интересовъ, опуститься на одну степень ниже, чѣмъ позволяло ему его высокое положеніе — онъ, сопровождавъ Помпея до города Діона [1], ушелъ обратно.

5. Оскорбленный такимъ поведеніемъ, осажденный кромѣ того неотступными просьбами Гиркана и его друзей, Помпей выступилъ съ римскими легіонами и многими союзными войсками изъ Сиріи противъ Аристовула; онъ уже минулъ Пеллу и Скифополисъ и достигъ Кореи — пограничнаго города Іудеи, — какъ узналъ вдругъ, что Аристовулъ бѣжалъ въ Александріонъ (богатый и укрѣпленный замокъ на высокой горной вершинѣ) [2]. Тогда онъ послалъ ему приказаніе немедленно явиться къ нему; Аристовулъ же, задѣтый строгимъ повелительнымъ тономъ Помпея, готовъ былъ предпочесть крайнюю опасность рабскому повиновенію; но замѣтивъ упадокъ духа среди своихъ людей и уступивъ совѣтамъ друзей, представившихъ ему всю трудность сопротивленія римскому войску, онъ сошелъ къ Помпею. Подробно изложивъ ему свои права на престолъ, онъ возвратился обратно въ замокъ. Еще разъ онъ сошелъ съ горы по приглашенію брата, спорилъ съ нимъ о своихъ правахъ и снова, не встрѣчая препятствій со стороны Помпея, вернулся къ себѣ. Такъ онъ, между страхомъ и надеждой, нѣсколько разъ сходилъ съ горы, чтобы просьбами склонить въ свою пользу Помпея, и каждый разъ восходилъ обратно, чтобы не казаться малодушнымъ и заранѣе уже готовымъ сдаться. Но когда Помпей потребовалъ отъ него сдачи крѣпостей и принудилъ его собственноручно написать объ этомъ комендантамъ, ибо послѣдніе были снабжены инструкціей дѣйствовать лишь по его письменнымъ приказамъ, то, исполнивъ все это по принужденію, онъ вслѣдъ за тѣмъ съ негодованіемъ отступилъ къ Іерусалиму и началъ готовиться къ войнѣ съ Помпеемъ.

пея избавить народъ отъ обоихъ враждующихъ между собою братьевъ и предоставить ему самому избрать себѣ вождя, который правилъ-бы страною не произволомъ, а по іудейскимъ законамъ (I. Д. XIV, 3, 2). Во главѣ этой теократической партіи стояли, несомнѣнно, фарисеи, которые ничего хорошаго не ожидали отъ наслѣдственной борьбы и желали поэтому устранить владычество Маккавеевъ, превратившееся и безъ того въ царское иго для народа. Но въ интересахъ римскаго властелина было не дать Іудеѣ развиться въ свободную республику и не дать ей энергичнаго монарха, въ родѣ Аристовула, который съумѣлъ бы охранять независимость своей державы. Онъ склонился поэтому на сторону Гиркана, т. е. рѣшилъ споръ въ пользу того, который никоимъ образомъ не могъ править страною безъ постояннаго покровительства римлянъ.

[1] На юго-востокѣ отъ Тиверіадскаго озера, близъ Пеллы.

[2] Пелла см. 4, 8. Скиф.—древній Бетъ-Шанъ—на сѣверо-восточ. границѣ Самаріи, близъ Іордана. Корея—между Сихемомъ и Силомомъ. Александріонъ —близъ Кореи.

6. Этотъ же поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ, не давая ему времени на военныя приготовленія. Извѣстіе о смерти Митридата, полученное имъ въ Іерихонѣ, придало ему еще большеэнергіи къ борьбѣ. Земля Іерихонская—самая плодородная въ Іудеѣ, производящая въ огромномъ изобиліи пальмовыя деревья и бальзамовые кустарники. Нижнія части стволовъ этихъ кустовъ надрѣзываютъ заостренными камнями и капающія изъ надрѣзовъ слезы собираютъ, какъ бальзамъ. Въ этой мѣстности Помпей отдохнулъ ночь и на слѣдующій день, рано утромъ, скорымъ маршемъ двинулся къ Іерусалиму. Устрашенный его появленіемъ, Аристовулъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ мольбой о пощадѣ. Обѣщаніемъ денегъ, добровольной сдачей города и предоставленіемъ самого себя въ его распоряженіе онъ смягчилъ его гнѣвъ; но ни одно изъ этихъ обѣщаній не было исполнено: Габинія, посланнаго Помпеемъ за полученіемъ денегъ, приверженцы Аристовула не впустили даже въ городъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

(I. Д. XIV, 4).

Помпей, взявъ Іерусалимъ и храмъ, входитъ въ Святая Святыхъ. (133 до разрушенія храма).—Дальнѣйшія его дѣйствія въ Іудеѣ.

1. Раздраженный Помпей приказалъ взять подъ стражу Аристовула и, приблизившись къ городу, сталъ высматривать удобное мѣсто для нападенія. Онъ нашелъ, что городскія стѣны сами по себѣ на столько крѣпки, что штурмовать ихъ будетъ чрезвычайно трудно, что эти стѣны окружены еще страшнымъ рвомъ, а площадь храма, находящаяся по ту сторону рва,

снабжена такими сильными укрѣпленіями, которыя и послѣ взятія города могутъ служить убѣжищемъ для осажденныхъ.

2. Такъ размышляя, Помпей долгое время оставался въ нерѣшительности; а между тѣмъ среди жителей города вспыхнулъ раздоръ: партія Аристовула требовала вооруженнаго сопротивленія и освобожденія царя; сторонники же Гиркана склонялись къ тому, чтобы открыть ворота предъ Помпеемъ. Страхъ предъ находящимся на виду хорошо-организованнымъ римскимъ войскомъ все больше и больше увеличивалъ число сторонниковъ послѣдняго мнѣнія. Наконецъ приверженцы Аристовула, увидѣвъ себя въ меньшинствѣ, отступили къ храму, уничтожили мостъ, служившій сообщеніемъ между послѣднимъ и городомъ, и стали готовиться къ отчаянному сопротивленію. Остальные же приняли въ городъ римлянъ и предоставили въ ихъ распоряженіе царскій дворецъ. Тогда Помпей отрядилъ туда войско подъ предводительствомъ Пизона. Послѣдній занялъ весь городъ и такъ какъ ему не удалось переманить ни одного изъ укрывшихся въ храмѣ, то онъ началъ приспособлять все кругомъ къ аттакѣ; приверженцы Гиркана усердно помогали ему въ этомъ дѣлѣ и словомъ, и дѣломъ.

3. Самъ Помпей, расположившись на сѣверной сторонѣ, велѣлъ заполнить оврагъ и все углубленіе долины, для чего солдаты собирали разные материалы. Уравниваніе этого мѣста, не говоря уже о значительной его глубинѣ, встрѣчало чрезвычайныя затрудненія со стороны осажденныхъ іудеевъ, которые всѣми средствами и силами мѣшали успѣшному ходу работы. И всѣ усилія римлянъ остались бы тщетными, если-бъ Помпей не воспользовался субботнимъ днемъ, когда евреи, въ силу своихъ религіозныхъ запретовъ, удерживаются отъ всякой работы. Въ этотъ-то день Помпей приказалъ возвысить насыпь, запретивъ вмѣстѣ съ тѣмъ солдатамъ вступать въ схватку съ іудеями, такъ какъ для личной обороны они могутъ сопротивляться и въ субботу. Когда ложбина была такимъ образомъ заполнена, онъ построилъ высокія башни, поставилъ на нихъ привезенныя изъ Тира машины, которыя и привелъ въ дѣйствіе; въ тоже время солдаты метали камни, отбивая со стѣны ея защитниковъ, которые всѣми силами мѣшали римлянамъ въ ихъ разрушительной работѣ. Больше всего устояли воздвигнутыя здѣсь башни, отличавшіяся громадностью и изящной отдѣлкой.

4. Сколько ни терпѣли римляне при этой осадѣ, они все таки должны были удивляться стойкости іудеевъ вообще и въ особенности тому, что они подъ самымъ жестокимъ градомъ камней и стрѣлъ не упускали ни одного малѣйшаго обряда ихъ богослуженія: точно глубокій миръ царилъ вокругъ

нихъ—совершались со всей пунктуальностью ежедневныя жертвоприношенія, омовенія и вообще весь порядокъ богослуженія. Даже послѣ взятія храма, когда кровь ихъ лилась ежедневно вокругъ алтаря, они не переставали совершать обычное богослуженіе. На третій мѣсяцъ осады, послѣ того, какъ римляне съ большимъ трудомъ разрушили одну изъ башенъ, они проникли въ храмовой дворъ. Первый, который отважился перескочить черезъ стѣну, былъ Фаустъ Корнелій, сынъ Суллы; за нимъ послѣдовали два предводителя, Фурій и Фабій,—каждый со своимъ отрядомъ; они оцѣпили іудеевъ со всѣхъ сторонъ и убивали однихъ послѣ краткаго сопротивленія, другихъ на пути бѣгства въ храмъ.

5. Здѣсь то многіе священники, въ виду непріятелей, устремившихся на нихъ съ обнаженными мечами, неустрашимо оставались на своихъ постахъ, продолжая свое служеніе; они совершали жертвоприношенія съ возліяніемъ и куреніемъ, думая только о своихъ богослужебныхъ обязанностяхъ и нисколько не заботясь о своемъ личномъ спасеніи [1].

Большая часть была умерщвлена противниками изъ ихъ же соплеменниковъ. Многіе находили смерть въ глубокихъ ущельяхъ, куда они бросались со стѣны, иные, приведенные съ отчаянія въ бѣшенство, подожгли постройки, примыкавшія къ стѣнамъ, и вмѣстѣ съ ними погибли въ пламени. Двѣнадцать тысячъ іудеевъ погибло тогда; римляне имѣли весьма немного мертвыхъ, но больше раненныхъ.

6. Ничто, однако, такъ глубоко не сокрушало народъ въ тогдашнемъ его несчастьѣ, какъ то, что незримая до тѣхъ поръ Святая Святыхъ была открыта чужеземцами. Помпей, въ сопровожденіи своей свиты, вошелъ въ то помѣщеніе храма, куда доступъ былъ дозволенъ одному лишь первосвященнику, и осмотрѣлъ все его содержимое: подсвѣчникъ съ лампадами, столъ, жертвенныя чаши и кадильную посуду — все изъ чистаго золота, — массу сложеннаго ѳиміама и храмовой кладъ, состоявшій изъ 2,000 талантовъ [2]. Однако онъ не коснулся ни тѣхъ, ни другихъ драгоцѣнныхъ вещей. Болѣе того: на слѣдующій же день послѣ штурма онъ дозволилъ очистить храмъ и возобновить обычное жертвоприношеніе. Гиркана онъ утвердилъ въ должности первосвященника, такъ какъ во время осады онъ показалъ себя чрезвычайно преданнымъ, а главное потому, что умѣлъ удержать сельское

[1] Въ подтвержденіе этого факта, Іосифъ ссылается на греческихъ писателей, Страбона изъ Каппадокіи и Николая изъ Дамаска, а также римскаго историка, Ливію (І. Д. XIV, 4, 3).

[2] Около трехъ милліоновъ рублей серебромъ.

населеніе, поднявшееся на помощь Аристовулу. Точно также онъ, какъ подобаетъ доброму полководцу, старался успокоить народъ больше милостью, чѣмъ строгостью. Въ числѣ военно-плѣнниковъ находился также тесть Аристовула, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и его дядей [1]. Главныхъ зачинщиковъ войны онъ казнилъ топоромъ; Фауста и другихъ бойцовъ, храбро боровшихся вмѣстѣ съ нимъ, онъ наградилъ блестящими подарками. На Іудею и Іерусалимъ онъ наложилъ дань.

7. Всѣ города, которые іудеи завоевали въ Келесиріи, онъ отнялъ назадъ, поставивъ ихъ въ зависимость отъ тогдашняго римскаго легата; іудейское-же царство онъ ограничилъ его собственными границами. Въ угоду одному своему вольноотпущеннику, Дмитрію, родомъ изъ Гадары (4,2) онъ вновь обстроилъ этотъ городъ, раньше разрушенный іудеями. Кромѣ того онъ освободилъ отъ ихъ владычества всѣ тѣ города внутри страны, которые не были ими разрушены, а именно: Иппъ [2], Скифополисъ (2,7), Пеллу (4,8), Самарію (2,7), Мариссу (2,6) вмѣстѣ съ Азотомъ [3], Іамніей (2,2) и Ареѳузой, равно какъ и приморскіе города: Газу (4,2) Іоппію, Дору (2,2) и Стратонову Башню, которая впослѣдствіи была съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ перестроена царемъ Иродомъ и названа имъ Кесаріей (21,5). Всѣ эти города онъ возвратилъ кореннымъ жителямъ и присоединилъ ихъ къ Сирійскому намѣстничеству. Поручивъ Скавру начальство, какъ надъ этими городами, такъ и надъ Іудеей и всей страной между Египтомъ и Евфратомъ, оставивъ ему также два легіона, Помпей самъ поспѣшно отправился чрезъ Киликію въ Римъ, куда, въ качествѣ плѣнныхъ, повелъ Аристовула со всѣмъ его семействомъ, состоявшимъ изъ двухъ дочерей и двухъ сыновей. Одинъ изъ послѣднихъ, Александръ, бѣжалъ въ дорогѣ, младшій же, Антигонъ, и его сестры доставлены были въ Римъ [4].

---

[1] Авсаломъ, сынъ Гиркана I.

[2] 5 верстъ отъ Тиверіады, по ту сторону Іордана.

[3] Библейскій Асдодъ, бывшій филистимскій городъ.

[4] Въ этомъ іерусалимскомъ несчастьи, говоритъ Іосифъ въ I. Д. (XIV, 4, 6), виновата только борьба между Гирканомъ и Аристовуломъ: Изъ-за нихъ мы потеряли нашу свободу, сдѣлались римскими подданными и должны были возвратить сирійцамъ страну, завоеванную нами силой оружія; не говоря уже о томъ, что римляне въ короткое время взимали съ насъ свыше 10,000 талантовъ (около 15,000,000 руб. сереб.) и что царское достоинство, остававшееся до сихъ поръ въ родѣ кагановъ, перешло къ людямъ самаго низшаго происхожденія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

(I. Д. XIV, 5,1 — 7,3).

Александръ, сынъ Аристовула, бѣжавшій отъ Помпея, воюетъ съ Гирканомъ, но, побѣжденный Габиніемъ, передаетъ ему крѣпости. — Аристовулъ бѣжитъ изъ Рима и собираетъ войско, но, разбитый римлянами, снова попадаетъ въ плѣнъ.— Дальнѣйшія событія при Габиніи, Крассѣ и Кассіи.

1. Между тѣмъ Скавръ предпринялъ походъ въ Аравію. Дикая природа мѣстности воспрепятствовала ему достичь Петры, за то онъ разорилъ окрестности Пеллы, хотя и здѣсь переносилъ много тяжкихъ испытаній, такъ какъ солдаты его страдали отъ голода. Гирканъ подсылалъ ему чрезъ Антипатра съѣстные припасы; послѣдняго, какъ друга Ареты, Скавръ отправилъ къ аравійскому царю съ предложеніемъ купить себѣ миръ за извѣстную денежную плату. Арабъ дѣйствительно согласился дать 300 талантовъ, по полученіи которыхъ римляне очистили Аравію.

2. Теперь надъ Гирканомъ стряслась новая бѣда въ лицѣ бѣжавшаго отъ Помпея Александра, сына Аристовула, который мало по малу набралъ сильное войско и, опустошая все на пути, вторгнулся въ Іудею. Можно было ожидать, что онъ въ скорости свергнетъ Гиркана, такъ какъ онъ устремился въ Іерусалимъ и отважился даже на попытку обновить стѣну, уничтоженную Помпеемъ; но ему на пути сталъ Габиній, преемникъ Скавра въ Сиріи, храбрый, испытанный во многихъ битвахъ воинъ [1]. Испуганный его приближеніемъ, Александръ набралъ еще больше войска, такъ что онъ имѣлъ уже 10,000 тяжело-вооруженныхъ и 1,500 всадниковъ и укрѣпилъ подходящія мѣста, какъ Александріонъ (6,5), Гирканіонъ и Махеронъ, близъ Аравійскихъ горъ.

3. Габиній послалъ Марка Антонія съ частью войска впередъ, а самъ послѣдовалъ за нимъ, предводительствуя главной арміей. Отборныя дружины Антипатра и остальное іудейское войско подъ предводительствомъ Малиха и Пиѳолая соединились съ Маркомъ Антоніемъ и его генералами и подвигались на встрѣчу Александру. Вскорѣ прибылъ также Габиній съ своей фалангой. Александръ увидѣлъ себя не въ силахъ помѣряться съ союзными войсками и отступилъ назадъ; но, находясь уже близъ Іерусалима, онъ былъ вынужденъ къ сраженію. Здѣсь онъ потерялъ 6,000 человѣкъ:

---

[1] Авлъ Габиній былъ прежде народнымъ трибуномъ въ Римѣ. Его проискамъ и энергичному заступничеству въ народномъ собраніи Помпей былъ обязанъ полученіемъ царскихъ полномочій. Цѣль его была попасть вмѣстѣ съ Помпеемъ въ Азію и грабить восточные народы.

3,000 пало мертвыми, а 3,000 взято въ плѣнъ. Съ уцѣлѣвшимъ остаткомъ онъ бѣжалъ въ Александріонъ.

4. Когда Габиній прибылъ въ Александріонъ и нашелъ массу расположенныхъ лагеремъ іудеевъ, онъ попытался овладѣть ими безъ сраженія, обѣщавъ имъ полное прощеніе за все совершившееся. Но такъ какъ тѣ и знать не хотѣли о миролюбивомъ соглашеніи, то онъ многихъ убилъ, а другихъ загналъ въ крѣпость. Въ этой битвѣ особенно выдвинулся Маркъ Антоній [1], который хотя вездѣ выказывалъ себя храбрымъ, но нигдѣ не отличался такъ какъ здѣсь. Габиній оставилъ часть войска для взятія крѣпости, а самъ отправился въ путь и занялся приведеніемъ въ лучшій видъ уцѣлѣвшихъ городовъ и возобновленіемъ разрушенныхъ. Такъ, по его приказанію, снова были населены Скифополисъ, Самарія, Анѳедонъ, Аполлонія [2], Іамнія, Рафія, Марисса, Адорей, Гамала и Азотъ и еще многіе другіе города, въ которые жители радостно возвращались обратно.

5. Покончивъ со всѣми этими дѣлами, онъ возвратился опять въ Александріонъ и такъ настойчиво подвинулъ осаду впередъ, что Александръ, прійдя совсѣмъ въ отчаяніе, послалъ къ нему герольдовъ съ просьбой простить ему ошибки, передалъ ему находившіяся еще въ его рукахъ обѣ крѣпости, Гирканіонъ и Махеронъ, и вслѣдъ за тѣмъ выдалъ также и Александріонъ. По совѣту матери Александра, Габиній срылъ эти крѣпости для того, чтобы онѣ не сдѣлались опорными пунктами новой войны. Эта женщина, озабоченная судьбой мужа и остальныхъ дѣтей своихъ, находившихся въ плѣну въ Римѣ, прибыла къ Габинію съ цѣлью умилостивить и смягчить его.

Послѣ этого Габиній повелъ Гиркана въ Іерусалимъ и передалъ ему завѣдываніе храмомъ; государственное правленіе онъ устроилъ такимъ образомъ, что во главѣ его стали знатнѣйшіе граждане. Всю страну онъ раздѣлилъ на пять округовъ съ общественнымъ управленіемъ въ каждомъ, а главными окружными городами были назначены: Іерусалимъ, Гадара, Амаѳосъ, Іерихонъ и Сепфорисъ въ Галилеѣ. Народъ съ радостью увидѣлъ себя освобожденнымъ отъ единовластія, которое уступило мѣсто аристократическому правленію. (127 до раз. храма) [3].

[1] Послѣ смерти Юлія Цезаря, въ заговорѣ противъ котораго онъ участвовалъ, онъ пріобрѣлъ безграничную власть надъ римскимъ государствомъ и имѣлъ роковое вліяніе на судьбу Іудеи.

[2] Морской городъ между Кесаріей и Іоппіей.

[3] Но (І. Д. XIV, 5, 4) народъ не особенно былъ радъ этому аристократическому правленію, введенному Габиніемъ лишь съ цѣлью ослабить Іудею и разъединить ея внутреннія силы, дабы легче было римлянамъ властвовать надъ нею. У Іерусалима—этого могущественнаго центра іудеевъ—отнято было значеніе столицы: по духу реформы Габинія, онъ долженъ былъ считаться обыкновеннымъ окружнымъ городомъ, наравнѣ съ четырьмя другими городами; іерусалимскій синедріонъ семидесяти, управлявшій всею страною, былъ упраздненъ; вмѣсто него учреждены пять синедріоновъ, независимыхъ другъ отъ друга; а въ составъ синедріоновъ вошли люди, избранные Габиніемъ и, слѣдовательно, преданные римлянамъ.

6. Вскорѣ, впрочемъ, поднялись новыя волненія, причиной которыхъ былъ Аристовулъ, бѣжавшій изъ Рима и увлекшій за собою опять массу іудеевъ. Къ нему стекались, съ одной стороны, искатели приключеній, съ другой — дѣйствительно преданные ему люди. Сперва онъ попытался было вторично укрѣпить занятый имъ Александріонъ, но узнавъ, что Габиній послалъ противъ него войско подъ начальствомъ Сизенны, Антонія и Сервилія, онъ отступилъ назадъ въ Махеронъ. При этомъ онъ отпустилъ обременявшую его безпорядочную толпу и оставилъ только у себя тяжело-вооруженныхъ, около 8,000, въ числѣ которыхъ находился также Пиѳолай [1]— іерусалимскій легатъ, перешедшій къ нему съ 1000 солдатъ. Но римляне преслѣдовали ихъ по пятамъ и немного времени прошло, какъ оба войска стояли уже лицомъ къ лицу. Люди Аристовула, храбро сражаясь, долго хотя удерживали за собою поле битвы, но впослѣдствіи были преодолены римлянами: 5,000 человѣкъ легло на мѣстѣ, до 2,000 спаслось на одну изъ возвышенностей, остальные 1000 съ Аристовуломъ пробились чрезъ непріятельскіе ряды и, преслѣдуемые римлянами, собрались въ Махеронѣ. Отдохнувъ въ первый вечеръ въ развалинахъ Махерона, царь укрѣпилъ, какъ могъ, свой лагерь и надѣялся, что если военныя дѣйствія на нѣкоторое время прекратятся, то онъ будетъ въ состояніи скомплектовать новое войско; но римляне не замедлили напасть на него вторично. Цѣлыхъ два дня сопротивлялся Аристовулъ, употребляя для своей защиты почти сверхъ-естественныя усилія; но наконецъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ [2] и, закованный въ цѣпи вмѣстѣ съ сыномъ, Антигономъ, также бѣжавшимъ изъ Рима, былъ доставленъ къ Габинію, который вторично отправилъ ихъ въ Римъ. Сенатъ заключилъ Аристовула въ тюрьму, а его дѣтей отпустилъ обратно въ Іудею, такъ какъ Габиній письменно сообщилъ,

[1] Прежде онъ былъ сторонникомъ Гиркана и вмѣстѣ съ римлянами боролся противъ Александра II, сына Аристовула (8, 3).

[2] Взятъ въ плѣнъ раненымъ (І. Д. XIV, 6, 1).

что онъ обѣщалъ женѣ Аристовула свободу ея дѣтей взамѣнъ выданныхъ ему крѣпостей.

7. Послѣ этого Габиній отправился въ походъ противъ пареянъ, но достигши уже Евфрата, онъ вернулся, чтобы защитить интересы Птоломея въ Египтѣ [1]. Гирканъ и Антипатръ оказывали ему въ этомъ дѣлѣ существенныя услуги: послѣдній спабдилъ его деньгами, оружіемъ, провіантомъ и вспомогательными отрядами, а первый уговорилъ египетскихъ іудеевъ, занимавшихъ проходы къ Пелузіуму [2], безпрепятственно пропустить Габинія. Въ отсутствіи же Габинія остальную часть Сиріи охватило сильное волненіе, и въ тоже время сынъ Аристовула, Александръ, побудилъ іудеевъ къ возстанію. Онъ собралъ несмѣтное количество войска и положилъ себѣ задачей—истребить всѣхъ римлянъ въ предѣлахъ іудейскаго государства [3]. Озабоченный этимъ движеніемъ, Габиній (котораго сирійскіе безпорядки призвали обратно изъ Египта), послалъ Антипатра къ нѣкоторымъ вожакамъ возстанія, которыхъ удалось дѣйствительно отвлечь отъ участія въ немъ; тѣмъ не менѣе у Александра осталось еще 30,000 человѣкъ; онъ горѣлъ желаніемъ помѣряться силами съ непріятелемъ и выступилъ для

[1] Въ Египтѣ въ то время были два царя, оба побочные сыновья Птоломея Латира: Птоломей Авлетъ въ Александріи и Птоломей Кипрскій, — на Кипрѣ. Оба пріобрѣли свою власть подкупомъ; но теперь римскій сенатъ разсудилъ, что пора прогнать безсильныхъ царей и присоединить ихъ владѣнія къ римскому государству. Посланный сенатомъ Катонъ безъ всякаго труда подчинилъ островъ, такъ какъ царь его отравился. Авлетъ-же за свои жестокости былъ изгнанъ жителями Александріи, передавшими власть зятю его, жрецу Архелаю. Моментъ былъ очень удобный для того, чтобы уничтожить египетскую династію и превратить Египетъ въ римскую провинцію. Но Помпей и Крассъ, подкупленные Авлетомъ, поручили Габинію возвести его на престолъ. За исполненіе этого порученія Габиній былъ щедро награжденъ Авлетомъ, но по возвращеніи въ Римъ онъ былъ обвиненъ во взятничествѣ и осужденъ на изгнаніе.

[2] Библейскій Синъ—на восточномъ рукавѣ устья Нила. Узкіе проходы къ Пелузію составляли ключъ къ Египту съ Востока, и охрана этого столь важнаго пункта ввѣрялась іудеямъ—такъ высоко было довѣріе египетскихъ царей къ храбрости и преданности своихъ подданныхъ-евреевъ. Послѣдніе пропустили Габинія лишь тогда, когда Гирканъ имъ засвидѣтельствовалъ, что онъ идетъ на помощь низвергнутому царю.

[3] Александръ II прошелъ чрезъ всю Іудею и истребилъ всѣхъ встрѣчавшихся ему на пути римлянъ; уцѣлѣвшій остатокъ убѣжалъ на гору Гаризинъ и былъ осажденъ іудеями (І. Д. XIV, 6, 2).

борьбы во главѣ іудеевъ, шедшихъ на встрѣчу непріятелю. У горы Итавиріона [1] обѣ арміи столкнулись: 10,000 іудеевъ пало мертвыми, остальная масса была разсѣяна. Габиній вступилъ въ Іерусалимъ и перемѣнилъ государственное правленіе по волѣ и желанію Антипатра [2]. Отсюда онъ пошелъ на набатеевъ, разбилъ ихъ наголову и помогъ бѣжавшимъ изъ Пареіи Митридату и Орсану спастись бѣгствомъ, объявивъ своимъ солдатамъ, что они скрылись [3].

8. Послѣ Габинія въ управленіе Сиріей вступилъ Крассъ (124 до раз. хр.). Для своего похода противъ пареянъ онъ взялъ изъ Іерусалимскаго храма, кромѣ другихъ находившихся тамъ золотыхъ вещей, и тѣ 2,000 талантовъ, которые оставлены были нетронутыми Помпеемъ. Перешагнувъ черезъ Евфратъ, онъ самъ погибъ вмѣстѣ съ своей арміей [4]. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться.

9. Послѣ смерти Красса пареяне пытались напасть на Сирію; но Кассій, бѣжавшій въ эту провинцію, отбилъ ихъ назадъ. Утвердившись въ Сиріи,

[1] Таворъ въ Галилеѣ.

[2] Частыя преобразованія, произведенныя Габиніемъ въ государственномъ строѣ Іудеи, не прививались на практикѣ и уничтожались каждый разъ, какъ только онъ покидалъ страну.

[3] Этимъ заканчивается исторіи походовъ Помпея и Габинія противъ іудеевъ, писанная еще до Іосифа двумя греческими писателями: Страбономъ и Николаемъ (І. Д. XIV, 6, 4).

[4] Крассъ своей наглостью и алчностью къ наживѣ могъ служить прекраснымъ представителемъ развращеннаго до мозга костей тогдашняго римскаго общества; безъ всякихъ дарованій, онъ все свое вліяніе въ Римѣ и въ тріумвиратѣ, среди Цезаря и Помпея, поддерживалъ только своимъ богатствомъ. Чтобы увеличить свое состояніе, онъ бросился въ Сирію, гдѣ онъ безпрепятственно могъ грабить разслабленные народы и беззащитные храмы. Въ іерусалимскомъ храмѣ, славившемся своими богатствами во всемъ древнемъ мірѣ, Крассъ далъ полную волю своимъ хищническимъ страстямъ. Хранитель храмовыхъ сокровищъ, каганъ Элеазаръ, видя жадность его къ золоту, далъ ему шестъ изъ чистаго золота вѣсомъ въ 300 минъ (750 фунтовъ), взявъ у него клятву не трогать всего остального въ храмѣ. Съ этого шеста свѣшивались неимовѣрно дорогія, замѣчательной работы занавѣсы. Элеазаръ боялся за эти занавѣсы и другія драгоцѣнныя украшенія храма—онъ думалъ утолить жажду римлянина тяжеловѣснымъ золотымъ слиткомъ, невидимо скрывавшимся въ полой балкѣ. Но, не взирая на данную клятву, Крассъ похитилъ изъ храма весь денежный фондъ и золотые сосуды, въ общей сложности на сумму около 15,000,000 руб. (І. Д. XIV, 7, 1). Пареяне, какъ гласитъ легенда, наказали ненасытность Красса тѣмъ, что влили ему въ ротъ расплавленное золото.

онъ поспѣшилъ въ Іудею, взялъ Тарихею [1], обратилъ около 30,000 іудеевъ въ рабство и убилъ Пиѳолая, который вербовалъ инсургентовъ въ пользу Аристовула [2]. Совершить это убійство совѣтовалъ ему Антипатръ. Послѣдній имѣлъ отъ своей жены, знатной аравитянки, по имени Кипра, четырехъ сыновей, Фазаеля, Ирода (впослѣдствіи царь), Іосифа и Ферора, да еще одну дочь Саломе. Связанный дружбой со всѣми сильными тогдашняго міра, расположивъ ихъ всѣхъ своимъ широкимъ гостепріимствомъ, онъ въ особенно тѣсныхъ отношеніяхъ находился съ аравійскимъ царемъ, съ которымъ сроднился посредствомъ брака. Къ нему на попеченіе онъ послалъ своихъ дѣтей во время войны съ Аристовуломъ. Кассій, вынудивъ у Александра обѣщаніе держать себя спокойно, отправился обратно къ Евфрату, чтобы воспрепятствовать парѳянамъ переходъ чрезъ него. Но объ этомъ въ другой разъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

(І. Д. XIV, 7, 4—8, 5).

Смерть Аристовула отъ рукъ друзей Помпея и умерщвленіе сына его Александра Сципіономъ.—Антипатръ, послѣ смерти Помпея, переходитъ подъ покровительство Цезаря и оказываетъ помощь Митридату.

1. Послѣ того, какъ Помпей вмѣстѣ съ сенатомъ бѣжалъ черезъ Іонійское море, Цезарь, сдѣлавшись властелиномъ Рима и всего государства (119 до раз. хр.) [3], освободилъ Аристовула изъ тюрьмы, далъ ему два

[1] На берегу Тиверіадскаго озера въ Галилеѣ.

[2] Послѣ страшнаго пораженія Красса всѣ народы Сиріи шли на встрѣчу побѣдоноснымъ парѳянамъ, ожидая отъ нихъ освобожденія отъ римскаго ига. Вознадѣялись на парѳянъ и іудеи, которые подъ предводительствомъ приверженца Аристовула, Пиѳолая, спѣшили присоединиться къ союзнымъ войскамъ, но Кассій, спасшійся бѣгствомъ изъ Парѳіи съ уцѣлѣвшимъ остаткомъ римской арміи, отрѣзалъ имъ путь (І. Д. XIV, 7, 3).

[3] Тріумвиратъ Цезаря, Помпея и Красса былъ заключенъ со своекорыстной цѣлью — соединенными силами овладѣть республикой. Со смертью Красса въ Мессопотаміи, союзъ этотъ былъ расторгнутъ. Помпей, оставшись одинъ въ Римѣ, въ отсутствіе Цезаря, занятаго тогда покореніемъ Галліи, сталъ во главѣ враждебной послѣднему аристократической партіи (оптиматовъ). Послѣдняя, терроризируя сенатъ, попирая законы, дѣйствуя безъ согласія народнаго собранія, дала Помпею неограниченныя полномочія на войну съ Цезаремъ. Дѣло шло какъ-будто о судьбѣ республики; но это былъ лишь обманъ, которымъ обольщали народъ; вожди партіи хорошо знали, что вопросъ идетъ теперь о томъ, кто изъ двухъ соперниковъ будетъ римскимъ императеромъ: Цезарь или Помпей. Но въ то время, когда Цезарь спѣшилъ набирать новыя войска и скорымъ маршемъ двинулся въ Италію, изнѣженные оптиматы все медлили, такъ что, когда Цезарь былъ уже близъ Рима, аристократы еще не окончили своихъ военныхъ приготовленій. Сенатъ вмѣстѣ съ Помпеемъ вынуждены были бѣжать изъ Рима чрезъ Іонійское море и объявить резиденціей правительства Диррахій.

легіона и поспѣшно послалъ его въ Сирію, въ надеждѣ подчинить себѣ чрезъ него эту провинцію и всю Іудею [1]. Но зависть разрушила доброе желаніе Аристовула и надежды Цезаря. Приверженцы Помпея отравили ядомъ Аристовула (119 до раз. хр.). Долгое время онъ даже былъ лишенъ погребенія въ отечественной землѣ: тѣло его сохранялось въ меду до тѣхъ поръ, покуда оно не было отослано Антоніемъ іудеямъ для того, чтобы похоронить его въ царскихъ гробницахъ.

2. И сынъ его, Александръ, также погибъ: его казнилъ топоромъ Сципіонъ въ Антіохіи. Совершилась эта казнь по письменному приказанію Помпея послѣ того, какъ противъ него возбуждено было формальное обвиненіе въ враждебныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ римлянамъ. Его братьевъ принялъ у себя Птоломей, сынъ Менная, владѣтель Халкиды у подошвы Ливана, пославъ за ними въ Аскалонъ своего сына Филиппіона. Послѣднему удалось разлучить Антигона и его сестеръ съ ихъ матерью, вдовой Аристовула, и привести ихъ къ своему отцу. Онъ влюбился въ младшую сестру и женился на ней; но изъ за нея же былъ лишенъ жизни своимъ собственнымъ отцомъ, который, умертвивъ сына, самъ женился на Александрѣ и вслѣдствіе этой женитьбы относился съ большой предупредительностью къ братьямъ.

3. Послѣ смерти Помпея [2] Антипатръ перемѣнилъ свою личину и началъ ухаживать за Цезаремъ. Когда Митридатъ изъ Пергамона, стремившійся съ своимъ войскомъ въ Египетъ [3], вынужденъ былъ остановиться возлѣ

[1] Римскимъ намѣстникомъ въ Сиріи былъ тогда тесть Помпея, Метеллъ Сципіонъ. Послѣдній изъ Сиріи и Антипартъ изъ Іудеи посылали Помпею въ Деррахій вспомогательныя войска. Для противовѣса Помпейцамъ на Востокѣ Цезарь хотѣлъ послать туда Аристовула.

[2] Помпей при Деррахіи одержалъ побѣду надъ Цезаремъ; но при Ѳессаліи онъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе, бѣжалъ оттуда въ Египетъ, гдѣ былъ измѣннически убитъ. Голова его была доставлена Цезарю и съ почестями похоронена; тѣло-же, оставленное на песчанномъ берегу, сдѣлалось добычей хищныхъ звѣрей.

[3] Митридатъ Пергамскій спѣшитъ на помощь Цезарю, очутившемуся въ

Аскалона, вслѣдствіе того, что ему загородили проходы въ Пелузій, Антипатръ склонилъ тогда своихъ друзей арабовъ поспѣшить ему на помощь и самъ прибылъ къ нему во главѣ трехтысячнаго іудейскаго войска; кромѣ того онъ поднялъ на ноги сирійскихъ владѣтелей, а также проживавшихъ на Ливанѣ Птоломея и Іамблиха, подъ вліяніемъ которыхъ и тамошніе города охотно присоединились къ начатой кампаніи. Ободренный такимъ приращеніемъ силъ, которымъ онъ обязанъ былъ всецѣло Антипатру, Митридатъ двинулся къ Пелузію, и такъ какъ ему отказано было въ свободномъ проходѣ, то онъ осадилъ этотъ городъ. И при взятіи послѣдняго больше всѣхъ отличился Антипатръ, который, пробивъ отведенную ему часть стѣны, первый съ своимъ отрядомъ ворвался въ городъ.

4. Пелузій хотя былъ уже взятъ, но войско въ своемъ дальнѣйшемъ наступительномъ движеніи вновь подвергалось задержкамъ съ стороны египетскихъ евреевъ, занимавшихъ такъ называемый Онійскій округъ (VII, 10, 2). Антипатръ, однако, убѣдилъ ихъ не только прекратить сопротивленіе, но еще доставить войску необходимое продовольствіе. Вотъ почему и жившіе около Мемфиса не оказывали тогда никакого сопротивленія, а добровольно примкнули къ Митридату [1]. Послѣдній обогнулъ Дельту и далъ остальнымъ египтянамъ сраженіе въ мѣстности, называемой Іудейскимъ лагеремъ. Здѣсь онъ вмѣстѣ со всѣмъ правымъ крыломъ очутился въ большой опасности, изъ которой спасъ его Антипатръ, прискакавшій къ нему по берегу рѣки, а въ тоже время лѣвое крыло одолѣло противника. Затѣмъ онъ накинулся на преслѣдовавшихъ Митридата непріятелей, значительную часть уничтожилъ, а остальныхъ загналъ такъ далеко, что могъ завладѣть ихъ лагеремъ. Онъ потерялъ изъ своихъ людей только 80, Митридатъ-же въ бѣгствѣ своемъ—800. Спасенный сверхъ чаянія, Митридатъ сдѣлалъ Цезарю вполнѣ правдивое донесеніе о подвигахъ Антипатра, не обнаруживая при этомъ ни малѣйшей зависти.

5. Цезарь льстилъ его самолюбію похвалами и, подавая ему надежды, поощрялъ его на дальнѣйшіе подвиги. И дѣйствительно, Антипатръ всегда выказывалъ себя очень отважнымъ бойцомъ; почти все тѣло его было покрыто множествомъ ранъ, свидѣтельствовавшихъ о его храбрости. Послѣ, когда Цезарь, упрочивъ дѣла въ Египтѣ, вернулся въ Сирію, онъ наградилъ его римскимъ гражданствомъ, освободилъ отъ податей и, выказывая ему всѣ знаки благоволѣнія и дружелюбія, этимъ самымъ сдѣлалъ его предметомъ зависти. Ему въ угоду онъ утвердилъ Гиркана въ должности первосвященника.

большой опасности въ Александріи. Вся масса населенія этого города вмѣстѣ съ египетскимъ войскомъ возмутились противъ Цезаря за его вмѣшательство въ дѣла династіи (дѣти Птоломея Авлета, Птоломей Діонисъ и Клеопатра спорили изъ-за наслѣдства). Въ то время, когда Римъ готовился встрѣтить побѣдителя, послѣдній цѣлыхъ 9 мѣсяцевъ долженъ былъ вести уличную войну съ александрійцами и съ трудомъ защищать свою жизнь; Митридатъ съ его союзными войсками вывелъ Цезаря изъ безвыходнаго положенія и далъ ему возможность не только освободиться изъ плѣна, но и овладѣть городомъ.

[1] Еврейское населеніе Мемфиса и Онійскаго округа присоединились къ Митридату послѣ того, какъ Антипатръ прочелъ имъ письмо Гиркана, увѣщевавшее ихъ дружелюбно отнестись къ Цезарю (І. Д. XIV, 8, 1). Цезарь, по окончаніи войны въ Египтѣ, наградилъ евреевъ тѣмъ, что утвердилъ за ними одинаковыя съ греками права гражданства. Египетъ онъ оставилъ во власти 18-лѣтней Клеопатры, сдѣлавшейся его наложницей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

(І. Д. XIV, 9—11,1).

Цезарь назначаетъ Антипатра намѣстникомъ Іудеи. — Антипатръ назначаетъ Фазаеля начальникомъ Іерусалима, а Ирода — въ Галилеѣ.—Послѣдній скоро послѣ этого привлекается къ суду, но освобождается. За Секстомъ Цезаремъ, коварно убитымъ Бассомъ, слѣдуетъ Муркъ.

1. Въ это же время, по странному стеченію обстоятельствъ, сынъ Аристовула, Антигонъ, явившись къ Цезарю, способствовалъ еще большему возвышенію Антипатра. Вмѣсто того, чтобы оплакивать своего отца, отравленнаго, по всеобщему мнѣнію, за отпаденіе его отъ Помпея; вмѣсто того, чтобы жаловаться на жестокость Сципіона противъ его брата и, не враждуя съ кѣмъ-бы то ни было, возбуждать одно только чистое состраданіе, онъ выступилъ формальнымъ обвинителемъ Гиркана и Антипатра: «Вопреки всѣмъ правамъ, жаловался онъ Цезарю, они изгнали его и братьевъ изъ ихъ отечества, высокомѣрно и жестоко обращались съ ихъ народомъ; да и къ египетскому походу они не изъ преданности къ особѣ Цезаря, посылали вспомогательные отряды, а изъ боязни за прежнія свои враждебныя отношенія къ нему и изъ желанія только умыть себѣ руки отъ прежней дружбы съ Помпеемъ».

2. Тогда Антипатръ сорвалъ съ себя одежду, указалъ на множество своихъ ранъ и сказалъ: «чтобы доказать свою вѣрность Цезарю онъ не долженъ прибѣгать къ словамъ, — если онъ даже будетъ молчать, то его

тѣло достаточно громко говоритъ за него; но что его поражаетъ, такъ это смѣлость Антигона: онъ, сынъ врага Рима и римскаго дезертира, онъ, которому безпокойный характеръ и мятежный духъ достались въ наслѣдіе отъ отца,—онъ осмѣливается жаловаться на другихъ передъ римскимъ правителемъ, онъ думаетъ еще получить у Цезаря какую нибудь подачку въ то время, когда долженъ былъ-бы быть радъ тому, что еще находится въ живыхъ. Да и теперь онъ стремится къ власти не потому, чтобъ онъ въ ней такъ сильно нуждался, а только для того, чтобы имѣть возможность опять взволновать іудеевъ и употребить свою власть во зло противъ тѣхъ, которые ему дадутъ ее».

3. Когда Цезарь это выслушалъ, онъ тѣмъ болѣе призналъ за Гирканомъ право и преимущество на санъ первосвященника, а Антипатру предложилъ избрать себѣ по собственному желанію высокій постъ. Когда же Антипатръ предоставилъ мѣру награды самому награждающему, то онъ назначилъ его правителемъ (прокураторомъ) надъ всей Іудеей (117 до раз. хр.) и разрѣшилъ ему кромѣ того отстроить срытыя стѣны своего родного города. Актъ о дарованныхъ имъ милостяхъ Цезарь послалъ въ Римъ для того, чтобы вырѣзать его на доскѣ и поставить ее въ Капитоліи, въ память его правосудія и заслугъ Антипатра [1].

4. Вслѣдъ за этимъ Антипатръ провожалъ Цезаря изъ Сиріи и возвратился обратно въ Іудею. Первымъ его дѣломъ было обновленіе іерусалимской стѣны, разрушенной Помпеемъ (8, 2). Затѣмъ онъ объѣхалъ всю страну съ цѣлью утишить волненія. Угрожая, но сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ тонъ добраго совѣтника, онъ объявлялъ повсюду, что «люди, преданные Гиркану, будутъ жить счастливо и спокойно, наслаждаясь благами мира и своимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ; но тотъ, который дастъ себя обольстить несбыточными мечтами преслѣдующихъ свою личную выгоду мятежниковъ, тотъ найдетъ въ немъ деспота, вмѣсто заботливаго друга, въ Гирканѣ — вмѣсто отца страны—тирана, а въ римлянахъ и Цезарѣ, вмѣсто руководителей и друзей—враговъ, такъ какъ римляне не потерпятъ униженія того, кого они сами возвысили». Таковы были его внушенія народу. Но одновременно съ тѣмъ онъ устроилъ государственныя дѣла по личному усмотрѣнію, видя, что Гирканъ крайне вялъ и для царя

[1] Актъ этотъ касался дружескаго союза съ іудеями и принятія отъ нихъ въ даръ золотаго щита. Разрѣшеніе на обновленіе іерусалимскихъ стѣнъ, разрушенныхъ Помпеемъ, дано было по просьбѣ Гиркана (І. Д. XIV, 8, 5).

слишкомъ безсиленъ. Старшаго сына своего, Фазаеля, онъ назначилъ начальникомъ Іерусалима и окрестностей; второго сына, Ирода, который былъ тогда еще очень молодъ [1], онъ послалъ съ такими же полномочіями въ Галилею.

5. Иродъ, какъ дѣятельная натура, скоро нашелъ случай выказать свои дарованія. Атамана разбойниковъ Іезекію, опустошавшаго окраины Сиріи, онъ поймалъ и казнилъ; а также истребилъ многихъ изъ его шайки—подвигъ, который снискалъ ему великую признательность сирійцевъ. Въ селахъ и городахъ прославлено было имя Ирода, какъ спасителя страны и водворителя мира и порядка. Благодаря этому, онъ также сдѣлался извѣстнымъ и родственнику великаго Цезаря, Сексту Цезарю, намѣстнику Сиріи [2]. Благородно состязаясь съ своимъ знаменитымъ братомъ, Фазаель направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы расположить къ себѣ іерусалимскихъ жителей и, хотя уже независимый властитель города, онъ удерживался, однако, отъ всякаго злоупотребленія своей властью. А потому и служилъ народъ вѣрно Антипатру, какъ царю, и каждый человѣкъ почиталъ его, какъ верховнаго главу государства. Онъ же самъ по прежнему оставался вѣрнымъ Гиркану, ни въ чемъ ему не измѣняя.

6. Но нельзя никакимъ образомъ въ счастьѣ избѣгнуть зависти. Гиркана

[1] Ироду было тогда 25 лѣтъ (І. Д. XIV 9, 2). Вмѣстѣ съ назначеніемъ въ Галилеѣ онъ, какъ видно изъ послѣдующаго разсказа и какъ удостовѣряетъ Іосифъ въ І. Д., получилъ начальство надъ всѣми іудейскими войсками.

[2] Остатки разбитой арміи Аристовула образовали теперь отдѣльные отряды; избѣгая открытыхъ сраженій, скрываясь въ ущельяхъ и каменныхъ утесахъ (І. В. І, П), они вели партизанскую войну и жестоко мстили римлянамъ и сирійскому населенію за пролитую кровь и позоръ Іудеи. Эти вольные отряды напоминали собою первую хассидейскую дружину Матаѳіи и Іегуды Маккавея, которая, прежде чѣмъ окрѣпла, дѣйствовала также набѣгами на сирійскія селенія и войска. Народъ видѣлъ въ нихъ залогъ своей будущей свободы, патріотическая партія—послѣднюю опору въ своей оппозиціонной борьбѣ противъ все больше возраставшаго римско-идумейскаго владычества. Одинъ изъ такихъ отрядовъ находился подъ предводительствомъ Іезекіи. Иродъ, который съ самаго начала вступленія своего на политическое поприще выказывалъ открытое презрѣніе къ іудейскому народу и рабскую лесть къ римлянамъ и всѣмъ тогдашнимъ врагамъ еврейства, началъ свою карьеру съ того, что истребилъ отрядъ Іезекіи, сдѣлавшійся страшилищемъ для всей Сиріи. Сирійцы, конечно, ликовали и благословляли имя своего избавителя; іудейскій же народъ горько оплакивалъ казнь патріотовъ и въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей требовалъ привлеченія Ирода къ суду (§ 7).

давно уже втайнѣ раздражала слава юношей; но больше всего безпокоили его подвиги Ирода и та толпа глашатаевъ, которые трубили о нихъ на всѣхъ перекресткахъ. Къ тому еще его возбуждали нѣкоторые завистливые царедворцы, которымъ благоразуміе Антипатра и его сыновей стояло какъ камень преткновенія на ихъ пути и которые говорили Гиркану: «Онъ въ сущности уступилъ правленіе Антипатру и его сыновьямъ, а самъ остался только титулованнымъ царемъ безъ всякой власти. Доколѣ онъ будетъ пребывать въ заблужденіи, вскармливая себѣ на гибель царей? Они уже больше не довольствуются сохраненіемъ лишь за собою наружнаго вида правителей, а въ дѣйствительности распоряжаются, какъ полноправные властелины, устраняя совершенно отъ дѣлъ настоящаго царя. Вѣдь истребилъ же Иродъ множество іудеевъ противозаконно и безъ всякаго письменнаго или устнаго приказанія отъ него, Гиркана. Если Иродъ еще не царь, а только частное лицо, такъ онъ же долженъ быть привлеченъ къ суду и дать отвѣтъ предъ нимъ и отечественными законами, недопускающими казни безъ права и суда».

7. Такія представленія все больше возбуждали Гиркана и, наконецъ, гнѣвъ его разразился привлеченіемъ Ирода къ суду. По увѣщеванію отца и опираясь на благопріятное для него положеніе дѣлъ, Иродъ прибылъ въ Іудею, разставивъ предварительно по всей Галилеѣ военные посты. Онъ шелъ туда, хотя безъ сформированнаго войска, дабы избѣгнуть подозрѣнія въ желаніи свергнуть Гиркана, но окружилъ себя внушительнымъ конвоемъ, чтобы на всякій случай не очутиться совсѣмъ беззащитнымъ въ рукахъ завистниковъ. Но Секстъ Цезарь, озабоченный судьбой юноши и опасаясь козней противъ него враговъ, послалъ Гиркану приказаніе развязать Ирода отъ дѣла по обвиненію его въ убійствѣ. Гирканъ, склонный было это сдѣлать по собственной иниціативѣ, изъ любви къ Ироду, призналъ его отъ суда свободнымъ.

8. Иродъ, считая себя освобожденнымъ противъ воли царя, отправился къ Сексту Цезарю въ Дамаскъ съ рѣшеніемъ не явиться больше къ суду, если онъ вторично будетъ вызванъ [1]. Опять злонамѣренные люди начали подстрекать Гиркана, пугая его на этотъ разъ тѣмъ, что Иродъ ушелъ озлобленный и теперь вооружается противъ него. Царь этому повѣ-

[1] Сбивчивый разсказъ Іосифа о столкновеніи Ирода съ синедріономъ и Гирканомъ можно со всею послѣдовательностью возстановить по „І. Д.“, которыя онъ написалъ 16 лѣтъ послѣ „І. В.“ и гдѣ онъ менѣе восторгается наглостью и звѣрскими поступками Ирода и не такъ уже преклоняется предъ его политическимъ геніемъ, выразившимся въ продажной и раболѣпной дружбѣ съ римлянами. Іудейскіе сановники постоянно ставили на видъ Гиркану опасность, грозящую его дѣлу и отечеству отъ семейства Антипатра; ему доказывали, что его канцлеръ все болѣе и болѣе оттѣсняетъ его назадъ и пріобрѣтаетъ самостоятельную власть себѣ и своимъ сыновьямъ. Но ослѣпленный Гирканъ, или не вѣря въ искренность этихъ внушеній, или сознавая свое собственное безсиліе, не рѣшался предпринять что-либо противъ могущественнаго идумейскаго семейства. Когда онъ узналъ, что Антипатръ, вымогая отъ него большія суммы для подкупа вліятельныхъ римлянъ, посылаетъ эти взятки отъ своего собственнаго имени и этимъ укрѣпляетъ свои личныя связи съ властными людьми, онъ только добродушно смѣялся надъ этой продѣлкой Антипатра. Казнь Іезекіи и его сподвижниковъ (10,5) вынудила, однако, Гиркана проявить свою власть: съ одной стороны, члены синедріона указывали на этотъ фактъ, какъ на гнусное и дерзкое насиліе со стороны идумейскаго узурпатора; съ другой же стороны, матери казненныхъ оглашали своими воплями дворъ храма и каждый день, когда появлялся туда Гирканъ, онѣ припадали къ его ногамъ и умоляли его о наказаніи убійцы. Почти противъ воли Гирканъ привлекъ Ирода къ суду. Антипатръ тогда предупредилъ своего сына, чтобъ онъ не явился въ Іерусалимъ безъ стражи. Иродъ дѣйствительно прибылъ съ внушительнымъ отрядомъ; кромѣ того, Секстъ Цезарь письменно потребовалъ отъ Гиркана освобожденія Ирода отъ всякаго наказанія, пригрозивъ при этомъ въ противномъ случаѣ отомстить за него. Было назначено засѣданіе синедріона, въ которомъ принялъ участіе и Гирканъ. Во главѣ синедріона стояли тогда Семаія и Авталіонъ, перенявшіе свой санъ отъ раби Симонъ-бенъ-Шета. Когда судьи заняли свои мѣста, явился обвиняемый. Онъ предсталъ въ пурпурной мантіи, окруженный толпою тяжело-вооруженныхъ тѣлохранителей. Такое необычайное зрѣлище навело страхъ на членовъ синедріона; смутился и Гирканъ; какъ пораженные сидѣли всѣ съ потупленными взорами и безмолствовали. Послѣ мучительной паузы поднялся президентъ синедріона, праведный и неустрашимый Семаія и сказалъ: „Точно такъ, какъ вы судьи и ты мой царь, я въ первый разъ вижу человѣка, который, въ качествѣ подсудимаго, осмѣлился бы въ такомъ видѣ предстать предъ вами. До сихъ поръ обвиняемые обыкновенно являлись въ траурной одеждѣ, съ гладко причесанными волосами, дабы своей покорностью и печальнымъ видомъ возбудить въ верховномъ совѣтѣ милость и снисхожденіе. Но нашъ другъ Иродъ, обвиняющійся въ убійствѣ и призванный къ суду вслѣдствіе такого тяжелаго преступленія, стоитъ здѣсь въ порфирѣ, съ завитыми волосами, среди своей вооруженной свиты для того, чтобы, въ случаѣ если мы произнесемъ законный приговоръ, убить насъ и насмѣяться надъ закономъ. При всемъ этомъ я нисколько не упрекаю Ирода, если онъ своей личной безопасностью дорожитъ больше чѣмъ святостью законовъ,—виноваты вы всѣ вмѣстѣ съ царемъ, которые такъ много позволяли ему до сихъ поръ. Но не забудьте, что нашъ Богъ великъ! Прійдетъ день, когда тотъ, котораго вы, въ угоду Гиркану, хотите оправдать, васъ же накажетъ и не пощадитъ также и царя (Это

рилъ и, сознавая превосходство противника, самъ не зналъ, что предпринять. Но когда впослѣдствіи Секстъ-Цезарь назначилъ Ирода правителемъ Келесиріи и Самаріи, тогда Гирканъ началъ бояться не только за любовь народа къ нему, но и увеличивавшагося нынѣ его могущества, и въ страхѣ ожидалъ, что тотъ вскорѣ нагрянетъ на него съ войскомъ.

9. Предчувствіе его не обмануло. Иродъ, полный негодованія за грозившій ему приговоръ, набралъ войско и двинулся къ Іерусалиму съ цѣлью низвергнуть Гиркана. И онъ навѣрно исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы его отецъ и братъ, поспѣшившіе ему на встрѣчу, не смягчили его гнѣва, заклиная его, чтобы онъ свою месть ограничилъ тѣмъ, что пригрозилъ Гиркану и навелъ на него страхъ; онъ долженъ пощадить царя, при которомъ онъ достигъ такого могущества. Если преданіе суду, прибавили они, его ожесточило, то, съ другой стороны, онъ долженъ быть признателенъ за сложеніе съ него вины, иначе онъ только воздастъ за зло, а за свое освобожденіе будетъ платить неблагодарностью. Нужно также подумать, что рѣшеніе войны въ рукахъ Бога, а потому въ неправомъ дѣлѣ и войско безсильно. Исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ не долженъ быть такъ увѣренъ въ побѣдѣ, такъ какъ онъ поднимаетъ руку противъ царя, съ которымъ онъ вмѣстѣ выросъ, который часто благодѣтельствовалъ ему, никогда не относился къ нему враждебно и если теперь выказалъ по отношеніи къ нему тѣнь несправедливости, то только вслѣдствіе внушеній злыхъ совѣтниковъ Иродъ далъ себя уговорить и удовлетворился тѣмъ, что, показавъ народу свою силу, онъ ближе подошелъ къ конечной цѣли своихъ стремленій.

предсказаніе—прибавляетъ Іосифъ—сбылось буквально)". Гирканъ, увидѣвъ, что члены синедріона, ободренные призывомъ Семаіи, намѣрены осудить Ирода, велѣлъ прервать засѣданіе до слѣдующаго дня; тайно же онъ посовѣтовалъ Ироду удалиться изъ города. Такимъ образомъ Иродъ избѣгъ смертной казни. Прибывъ въ Дамаскъ къ Сексту Цезарю и видя себя здѣсь внѣ опасности, онъ громогласно заявилъ, что вторично на судъ не явится. Члены синедріона, полные негодованія противъ всего случившагося, упрекали Гиркана въ томъ, что онъ дѣйствуетъ во вредъ своимъ собственнымъ интересамъ. Гирканъ, наконецъ, самъ понялъ опасность своего положенія, но по своей нерѣшительности ничего не предпринималъ. Не медлилъ за то Иродъ. Купивъ у Секста за деньги правленіе надъ Келесиріей и Самаріей, онъ счелъ себя уже на столько сильнымъ, что снялъ съ себя прозрачную маску. Тогда предъ лицомъ Іерусалима и всего народа предсталъ узурпаторъ во всей своей ужасающей наготѣ (I. Д. XIV, 9, 3—5).

10. Въ это время у Апамеи[1] среди римлянъ возникли безпорядки и междоусобицы, вслѣдствіе того, что Цецилій Бассъ, сторонникъ Помпея, коварнымъ образомъ умертвилъ Секста-Цезаря (116 до раз. хр.) и овладѣлъ его арміей; но другіе полководцы Цезаря, мстя за это убійство, соединенными силами напали на Басса. Послѣднимъ Антипатръ подослалъ вспомогательные отряды черезъ своихъ сыновей, отдавъ этимъ дань дружбы обоимъ Цезарямъ, какъ убитому такъ и жившему еще. Война все еще продолжалась, когда изъ Италіи, въ качествѣ преемника Секста, прибылъ Муркъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

(I. Д. XIV, 11, 2—6).

Иродъ дѣлается намѣстникомъ всей Сиріи.—Изъ страха передъ нимъ Малихъ отравляетъ Антипатра, но самъ вслѣдствіе этого лишается жизни.

1. Въ это самое время среди римлянъ вспыхнула та великая война, въ которой Кассій и Брутъ внезапно и коварнымъ образомъ умертвили Цезаря, послѣ того, какъ онъ властвовалъ три года и семь мѣсяцевъ. Это убійство вызвало страшныя волненія и расколъ среди знатныхъ людей; личныя цѣли побуждали каждаго примыкать къ той или другой партіи, которая сулила больше выгодъ. Тогда Кассій прибылъ въ Сирію (114 до раз. хр.), чтобы привлечь на свою сторону войско, находившееся при Апамеѣ. Помиривъ здѣсь Мурка съ Бассомъ, равно какъ и враждовавшіе между собою легіоны, онъ освободилъ Апамею изъ осады и во главѣ соединенной арміи самъ объѣзжалъ города, взимая повсюду дань и непомѣрные поборы[2].

2. Дошла очередь до іудеевъ—на нихъ возложена была уплата 700

[1] Сирійскій городъ на правомъ берегу Оронта, къ югу отъ Антіохіи.

[2] Гаій Кассій Лонгинъ (8,9) былъ душой заговора противъ Юлія Цезаря. Но его единомышленникъ Маркъ Антоній послѣ убійства Цезаря заключилъ тріумвиратъ съ Октавіаномъ и Лепидомъ. Прежняя междоусобная война Цезаря съ Помпеемъ повторилась съ большимъ ожесточеніемъ—только въ другихъ лицахъ: съ одной стороны стоялъ теперь „второй тріумвиратъ", а съ другой—Маркъ Брутъ и Гаій Кассій. Для веденія этой войны Кассію нужны были деньги и войска—онъ прибылъ поэтому въ Сирію и грабилъ здѣсь не только города и народы, но и частную собственность. Его выраженіе: „Я имъ оставилъ солнечное сіяніе", относившееся къ разореннымъ имъ народамъ, не было простой шуткой.

талантовъ [1]. Антипатръ, устрашенный угрозами Кассія, поручилъ немедленно собрать эту сумму своимъ сыновьямъ и нѣкоторымъ своимъ родственникамъ, въ томъ числѣ даже Малиху, находившемуся съ нимъ въ личной враждѣ—такъ велика была нужда его. Первымъ умилостивилъ Кассія Иродъ, немедленно и лично доставившій ему свою долю съ Галилеи въ размѣрѣ 100 талантовъ. Этимъ онъ снискалъ себя дружбу Кассія въ то время, когда послѣдній всѣхъ другихъ порицалъ за нерадѣніе и простиралъ свой гнѣвъ даже на самые города. Жителей Гофны, Эммауса и двухъ другихъ второстепенныхъ городовъ [2] онъ даже обратилъ въ рабство и зашелъ такъ далеко, что Малиху грозилъ смертною казнью за медленное собираніе податей. Антипатръ, однако, отвратилъ гибель его и нѣкоторыхъ городовъ тѣмъ, что со всей поспѣшностью умилостивилъ Кассія 100 талантами.

3. Послѣ удаленія Кассія (113 до раз. хр.) Малихъ вовсе не показалъ себя благодарнымъ по отношенію къ Антипатру; онъ напротивъ задумалъ посягнуть на жизнь того, который не разъ былъ его спасителемъ, и старался удалить того, который всегда былъ ему помѣхой въ его преступленіяхъ. Антипатръ, которому сила и хитрость врага внушали подозрѣнія, перешолъ чрезъ Іорданъ съ цѣлію собирать войско и готовиться къ сопротивленію. Увидѣвъ, что замыслы его открыты, Малихъ умѣлъ своею наглостью ввести въ заблужденіе сыновей Антипатра, какъ Фазаеля, начальствовавшаго надъ Іерусалимомъ, такъ и Ирода, командовавшаго надъ всѣми войсками; онъ до того ослѣпилъ ихъ своими неоднократными извиненіями и клятвами, что они приняли на себя посредничество между нимъ и ихъ отцомъ. Еще разъ Антипатръ сдѣлался его спасителемъ, уговоривъ тогдашняго правителя Сиріи, Мурка, пощадить Малиха, котораго онъ намѣревался убить за его мятежный характеръ.

4. Когда въ то время возгорѣлась борьба молодого Цезаря и Антонія противъ Брута и Кассія, послѣдній вмѣстѣ съ Муркомъ собрали войско въ Сиріи, и такъ какъ значительная часть средствъ, требовавшихся для этой кампаніи, была доставлена имъ Иродомъ, то они назначили его правителемъ всей Сиріи и снабдили его пѣхотой и конницей. Кассій даже обѣщалъ ему, по окончаніи войны, назначить царемъ надъ Іудеей. Это могущество и блестящіе виды Ирода навлекли гибель на его отца. Изъ

[1] Около $1^1/_2$ милліона рублей.
[2] Лидда и Тамна. Всѣ четыре города были іудейскіе (І. Д. XIV, 11, 2).

боязни предъ все болѣе возрастающимъ величіемъ этого человѣка, Малихъ подкупилъ одного изъ царскихъ виночерпіевъ, чтобы тотъ отравилъ Антипатра (113 до раз. хр.). Такъ, среди великихъ дѣлъ, умеръ этотъ столь могучій человѣкъ, которому Гирканъ былъ обязанъ полученіемъ и сохраненіемъ власти—онъ умеръ во время пира жертвой злодѣйства Малиха [1].

5. Послѣдній съумѣлъ смягчить негодованіе народа, подозрѣвавшаго его въ этомъ отравленіи, тѣмъ, что отрицалъ всякое свое участіе въ немъ. Предвидя же, что Иродъ не останется равнодушнымъ, онъ одновременно съ тѣмъ увеличилъ свое войско тяжело-вооруженными. И дѣйствительно, Иродъ немедленно появился во главѣ войска съ цѣлью отомстить за своего отца. Но по совѣту брата его, Фазаеля, поставившаго ему на видъ, что, въ случаѣ открытаго преслѣдованія, Малихъ можетъ возмутить народъ, Иродъ выслушалъ пока его оправданія, наружно сложилъ съ него подозрѣніе и устроилъ своему отцу блестящее погребеніе.

6. Послѣ онъ направился въ Самарію, потрясенную тогда народными волненіями, и вновь водворилъ тамъ порядокъ; за тѣмъ къ ближайшему празднику онъ во главѣ своего тяжеловооруженнаго войска прибылъ опять въ Іерусалимъ. По совѣту Малиха, боявшагося приближенія Ирода, Гирканъ послалъ ему на встрѣчу приказъ, не ввести чужестранцевъ въ городъ, жители котораго освящаютъ себя для предстоящаго праздника. Но Иродъ, не обращая вниманія ни на этотъ мотивъ, ни на лицо, отъ котораго послѣдовалъ приказъ, въ ночное время вступилъ въ городъ. Малихъ опять пришелъ къ нему и сталъ горько оплакивать Антипатра. Иродъ тоже притворялся предъ нимъ, хотя съ трудомъ могъ преодолѣть свой гнѣвъ, но тутъ же донесъ объ убійствѣ отца въ письмѣ къ Кассію, которому Малихъ и безъ того былъ ненавистенъ. Кассій въ своемъ отвѣтномъ

[1] Малихъ былъ одинъ изъ начальниковъ іерусалимскаго гарнизона, товарищъ Пиѳолая, по оружію (8,3). Послѣдній перешелъ, какъ извѣстно, въ ряды Аристовула и Александра; Малихъ-же остался вѣренъ Гиркану и изъ преданности къ нему сталъ преслѣдовать Антипатра, стремленія котораго были слишкомъ ясны для всѣхъ, исключая однаго ослѣпленнаго Гиркана. Преступленія, которыя Іосифъ навязываетъ Малиху, состояли въ томъ, что онъ всегда носился съ мыслью объ освобожденіи Іудеи отъ римскаго владычества: за это онъ былъ въ большой немилости у римскихъ намѣстниковъ, Кассія и Мурка. О тайномъ обѣщаніи Кассія сдѣлать Ирода іудейскимъ царемъ первый узналъ Малихъ; онъ убилъ Антипатра въ надеждѣ этимъ ослабить идумейское семейство и упрочить власть Гиркана (І. Д. XIV, 11, 3).

письмѣ призвалъ Ирода отомстить за отца и одновременно съ тѣмъ отдалъ тайное приказаніе своимъ военнымъ трибунамъ оказать содѣйствіе Ироду въ этомъ актѣ правосудія.

7. Лишь только Кассій покорилъ Лаодикею, какъ отовсюду стали прибывать къ нему вельможи съ подарками и вѣнками. Этотъ моментъ Иродъ назначилъ для своей мести. Малихъ, находившійся тогда въ Тирѣ, отгадалъ его намѣреніе и рѣшилъ тайно услать своего сына изъ Тира, гдѣ тотъ находился въ качествѣ заложника, а самому бѣжать въ Іудею. Отчаянное положеніе внушало ему еще болѣе широкіе планы: зная, что Кассій занятъ войной съ Антоніемъ, онъ надѣялся склонить народъ къ отпаденію отъ римлянъ, низвергнуть съ легкимъ трудомъ Гиркана и самому сдѣлаться царемъ въ Іудеѣ.

8. Но судьба разрушила его надежды. Иродъ предвидѣлъ его планъ и пригласилъ его вмѣстѣ съ Гирканомъ къ себѣ на пиръ. Когда гости прибыли, Иродъ призвалъ одного изъ своихъ слугъ и отправилъ его съ порученіемъ будто приготовить все къ пиру, въ дѣйствительности же, чтобы приказать трибунамъ засѣсть въ засаду. Помня приказъ Кассія, трибуны, вооруженные мечами, вышли за городъ къ берегу. Здѣсь они окружили Малиха и, нанесши ему множество ранъ, убили его. Гирканъ, объятый ужасомъ, безъ чувствъ упалъ и, съ трудомъ придя затѣмъ въ себя, спрашивалъ Ирода, кто убилъ Малиха. Когда же одинъ изъ трибуновъ отвѣтилъ: «приказъ Кассія», онъ произнесъ: «въ такомъ случаѣ Кассій спасъ меня и мое отечество, ибо онъ устранилъ человѣка, бывшаго опаснымъ для насъ обоихъ». Нельзя было рѣшить: „искренно ли высказался Гирканъ, или онъ говорилъ изъ страха, соображаясь съ совершившимся фактомъ [1]. Но Малиху такимъ путемъ отомстилъ Иродъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

(I. Д. XIV, 7—13, 2).

Фазаель побѣждаетъ Феликса, а Иродъ—Антигона.—Іудеи выступаютъ съ обвиненіями противъ Ирода и Фазаеля, но Антоній ихъ оправдываетъ и возводитъ въ тетрархіи.

1. Послѣ того, какъ Кассій оставилъ Сирію, въ Іерусалимѣ опять поднялось волненіе. Феликсъ [2] выступилъ съ войскомъ противъ Фазаеля,

[1] Убійство Малиха послужило сигналомъ къ открытой войнѣ съ идумейскими братьями, и этой войнѣ покровительствовалъ самъ Гирканъ (12,1).

[2] Одинъ изъ римскихъ полководцевъ, ставшій на сторону Гиркана.

чтобы наказать Ирода въ лицѣ его брата за месть, совершенную надъ Малихомъ. Иродъ, который въ то время находился у начальника Фабія въ Дамаскѣ, поднялся было на помощь брату; но болѣзнь задержала его. Между тѣмъ Фазаель самъ справился съ Феликсомъ и упрекнулъ тогда въ неблагодарности Гиркана, который поддерживалъ Феликса и предоставилъ брату Малиха завладѣть крѣпостями; въ числѣ послѣднихъ въ рукахъ брата Малиха находилась уже и сильнѣйшая изъ всѣхъ крѣпостей Масада [1].

2. Но противъ значительныхъ силъ Ирода онъ все таки устоять не могъ. Иродъ, какъ только выздоровѣлъ, отнялъ опять у него всѣ крѣпости и, только уступая его мольбамъ, далъ ему свободно выступить изъ Масады. Затѣмъ онъ изгналъ изъ Галилеи Тирскаго тирана, Маріона, овладѣвшаго предъ тѣмъ тремя тамошними крѣпостями; плѣнныхъ тирянъ онъ всѣхъ оставилъ въ живыхъ; нѣкоторыхъ даже отпустилъ съ подарками на родину, расположивъ къ себѣ такимъ образомъ городъ и возбудивъ въ немъ ненависть противъ тирана. Маріонъ, хотя получилъ свое княжество отъ Кассія, раздѣлившаго всю Сирію на подобныя же мелкія княжества, но изъ ненависти къ Ироду оказывалъ все таки помощь сыну Аристовула, Антигону (10,1),—и это онъ дѣлалъ тѣмъ охотнѣе, что послѣдній посредствомъ денегъ склонилъ также и Фабія (§ 1) содѣйствовать ему въ возвращеніи себѣ власти. Средства ко всему этому доставлялъ Антигону породнившійся съ нимъ Птоломей (9,2).

3. Выступивъ противъ этихъ враговъ, Иродъ разбилъ ихъ на границѣ Іудеи, прогналъ Антигона и, при своемъ возвращеніи въ Іерусалимъ, былъ радушно встрѣченъ за эту побѣду. Даже тѣ, которые раньше не были расположены къ нему, стали теперь склоняться на его сторону по причинѣ того, что онъ сдѣлался родственникомъ Гиркана. Прежде онъ былъ женатъ на своей соотечественницѣ не неблагороднаго происхожденія, по имени Дорида [2], родившей ему сына, Антипатра; нынѣ же, женившись на Маріаммѣ, дочери Александра, сына Аристовула, внучкѣ Гиркана отъ дочери, онъ сталъ въ родственныя отношенія съ царемъ [3].

4. Когда послѣ пораженія Кассія при Филиппахъ, Цезарь отправился

[1] На западномъ берегу Мертваго моря.

[2] По I. Д. (XIV, 12,1)—низкаго происхожденія.

[3] Изъ страха предъ Иродомъ Гирканъ обручилъ съ нимъ эту знаменитую по своей красотѣ и трагической жизни Маріамму. Бракъ состоялся позже, когда Иродъ уже былъ назначенъ царемъ и осаждалъ Іерусалимъ (17,8).

въ Италію, а Антоній въ Азію, тогда между другими посольствами прибывшими отъ разныхъ городовъ къ Антонію въ Виѳинію, явились также отъ іудеевъ знатныя лица съ жалобами на то, что Фазаель и Иродъ насильно захватили въ свои руки правленіе, оставивъ Гиркану одинъ лишь почетный титулъ. Но туда явился также и Иродъ, который щедрыми подарками такъ обворожилъ Антонія, что онъ даже не пожелалъ выслушать его противниковъ. Такъ они и вынуждены были возвратиться назадъ безъ всякаго результата.

5. Но еще разъ прибыли знатнѣйшие изъ іудеевъ, въ числѣ 100 человѣкъ, въ Дафну, возлѣ Антіохіи, къ Антонію, который былъ уже тогда порабощенъ своей любовью къ Клеапатрѣ. Они выставили наиболѣе краснорѣчивыхъ и почетныхъ изъ своей среды, чтобы обвинить обоихъ братьевъ. Защитникомъ послѣднихъ выступилъ Мессала, поддерживаемый Гирканомъ, какъ ихъ родственникомъ. Выслушавъ обѣ стороны, Антоній спросилъ Гиркана, кто изъ нихъ въ дѣйствительности болѣе способенъ къ правленію. И когда этотъ призналъ преимущество за Иродомъ и его домомъ, онъ возрадовался, ибо онъ у ихъ отца, во время своего пребыванія въ Іудеѣ вмѣстѣ съ Габиніемъ, пользовался самымъ широкимъ гостепріимствомъ [1]: онъ назначилъ братьевъ тетрархами [2] и передалъ имъ правленіе надъ всей Іудеей.

6. Когда посланники возроптали противъ этого, онъ приказалъ пятнадцать изъ нихъ заключить въ тюрьму, имѣя также въ виду ихъ казнить, а остальныхъ онъ прогналъ съ позоромъ. Возбужденіе умовъ въ Іерусалимѣ чрезъ это только усилилось; вновь снарядили пословъ и даже цѣлую тысячу, въ Тиръ, гдѣ Антоній остановился по пути въ Іерусалимъ. Когда тѣ подняли шумъ, Антоній выслалъ къ нимъ начальника Тира съ приказаніемъ казнить всѣхъ и каждаго, который только попадется ему въ руки и этимъ самымъ укрѣпить власть назначенныхъ имъ тетрарховъ.

7. Предварительно, однако, вышли къ делегатамъ на берегъ Иродъ съ Гирканомъ и убѣждали ихъ прекратить безполезное и неразумное сопротивленіе, дабы не навлечь гибель на себя и на свое отечество. Но отъ этихъ увѣщеваній неудовольствіе возросло еще больше. Тогда Антоній послалъ тяжеловооруженныхъ, которые многихъ умертвили и многихъ ранили.

[1] Антоній въ рядахъ Габинія сражался тогда съ Александромъ, сыномъ Аристовула (8,4).

[2] Тетрархъ (четверовластникъ)—княжескій титулъ.

Гирканъ позаботился о погребеніи павшихъ и объ уходѣ за ранеными. Спасавшіеся бѣгствомъ все-таки не унимались: они привели еще и окрестности города въ такое волненіе, что Антоній въ своей ярости приказалъ убить даже тѣхъ, которыхъ онъ раньше взялъ въ плѣнъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

(І. Д. XIѴ, 13, 3).

Парѳяне, при помощи которыхъ Антигонъ снова возвращается въ Іудею, берутъ въ плѣнъ Гиркана и Фазаеля.—Бѣгство Ирода, разграбленіе Іерусалима, судьба Фазаеля и Гиркана.

1. По истеченіи двухъ лѣтъ, когда Варцафарнъ, сатрапъ парѳянъ, и Пакоръ, сынъ парѳянскаго царя, владѣли Сиріей [1], Лизаній, унаслѣдовавшій власть своего отца Птоломея, сына Меннная [2], уговорилъ сатрапа обѣщаніемъ 1000 талантовъ и 500 женъ низложить Гиркана и возвратить правленіе Антигону. Подкупленный такимъ образомъ Пакоръ отправился самъ по морскому берегу и приказалъ Варцафарну двинуться во внутрь страны. Изъ жителей побережья только тиряне не приняли Пакора въ то время, когда Птоломаида и Сидонъ открыли передъ нимъ ворота. Царскому виночерпію, носившему его же имя, онъ передалъ часть своей конницы съ порученіемъ вторгнуться въ Іудею и тамъ на мѣстѣ собирать свѣдѣнія о непріятелѣ и оказывать Антигону въ случаѣ надобности всяческое содѣйствіе.

2. Въ то время, когда парѳяне, грабя на пути, проходили чрезъ Кармель, вокругъ Антигона собралось много іудеевъ, готовыхъ принять участіе въ нападеніи. Онъ отправилъ ихъ въ такъ называемую Дубовую рощу

[1] Въ то время, когда Антоній, упоенный любовью къ Клеопатрѣ, проводилъ время въ Александріи въ сладострастныхъ пирахъ и шумныхъ оргіяхъ, жена его Фульвія—жестокая и алчная женщина—захватила власть, покинутую ея мужемъ, объявила отъ имени послѣдняго тріумвиратъ расторгнутымъ, прогнала Лепида и повела легіоны на новую междоусобную войну съ Цезаремъ Октавіаномъ. Послѣдній при Перузіи побѣдилъ своихъ враговъ и сдѣлался властителемъ Рима. Это новое положеніе вещей заставило Антонія опомниться и вырваться изъ объятій Клеопатры: онъ поплылъ въ Аѳины, чтобы оттуда начать войну съ Цезаремъ. Въ его отсутствіи парѳяне вновь вторглись въ Малую Азію и Сирію и овладѣли римскими областями.

[2] І, 9, 2.

(Дримъ) для занятія этой мѣстности. Въ завязавшейся здѣсь битвѣ, они отбросили назадъ непріятеля, преслѣдовали его, поспѣшно направились затѣмъ въ Іерусалимъ и, еще больше увеличившись въ числѣ на пути, подступили къ царскому дворцу. Гирканъ и Фазаель встрѣтили ихъ съ сильнымъ отрядомъ и посреди площади завязался бой. Иродъ же съ своимъ отрядомъ принудилъ враговъ къ отступленію и заперъ ихъ въ храмѣ подъ охраной 60 солдатъ, расположенныхъ имъ въ близь-лежавшихъ домахъ. Но враждебная обоимъ братьямъ часть населенія протѣснилась къ этимъ домамъ и сожгла ихъ вмѣстѣ съ находившейся тамъ стражей. Разъяренный этой потерей, Иродъ обрушился на жителей города и многихъ изъ нихъ умертвилъ: ежедневно они толпами нападали другъ на друга, и было безпрестанное избіеніе.

3. Такъ какъ тогда приближался какъ разъ праздникъ Пятидесятницы, то вся окрестность храма и городъ вообще наполнялись массами поселянъ, большею частью хорошо вооруженныхъ. Фазаель охранялъ стѣну, Иродъ съ меньшими силами—царскій дворецъ. Отсюда онъ дѣлалъ вылазки въ сѣверную сторону противъ неорганизованныхъ непріятельскихъ полчищъ, многихъ убивая, всѣхъ же обращая въ бѣгство; однихъ онъ заперъ въ городѣ, другихъ въ храмѣ, а третьихъ загналъ на огороженную со всѣхъ сторонъ внѣшнюю площадь. Тогда Антигонъ предложилъ впустить Пакора въ городъ, въ качествѣ посредника. Фазаель далъ себя уговорить, принялъ пароянина съ его 500 всадниками въ городъ, пригласилъ его даже къ себѣ, какъ гостя; хотя Пакоръ явился какъ будто для того, чтобы уладить споръ, но въ дѣйствительности имѣлъ въ виду оказать помощь Антигону. Такъ онъ, подъ видомъ прекращенія раздора, лукаво совѣтовалъ Фазаелю отправиться для переговоровъ къ Верцафарну; тщетно предостерегалъ его Иродъ и предлагалъ ему вмѣсто того, чтобы предать себя въ руки измѣны, лучше убить ехиднаго человѣка, такъ какъ варвары по натурѣ своей вѣроломны. Пакоръ вышелъ изъ города и, дабы возбудить какъ можно меньше подозрѣнія, взялъ съ собою Гиркана; у Ирода онъ оставилъ небольшое число такъ называемыхъ вольныхъ всадниковъ, а съ остальными онъ провожалъ Фазаеля.

4. Прибывъ въ Галилею, они застали тамъ жителей готовыми къ вооруженному возстанію. И дѣйствительно галилеяне еще раньше соединились съ сатрапомъ и теперь, при прибытіи Фазаеля и Гиркана, совѣтовали ему подъ видомъ дружбы завлечь ихъ въ засаду! Варцафарнъ встрѣтилъ своихъ гостей подарками, но по ихъ удаленіи онъ разставилъ имъ сѣти.

Они, однако, узнали объ измѣнѣ, когда ихъ привели въ прибрежный городъ Экдиппонъ [1]: здѣсь они услышали объ обѣщаніи пароянамъ 1000 талантовъ и 500 женщинъ, въ число которыхъ Антигонъ назначилъ и ихъ женъ; они узнали далѣе, что варвары каждую ночь устраивали имъ засады на пути и давно уже взяли бы ихъ въ плѣнъ, если бъ не сочли необходимымъ выждать ареста Ирода въ Іерусалимѣ для того, чтобы тотъ, развѣдавши объ ихъ участи, не принялъ бы мѣръ предосторожности лично для себя. И все это нельзя было принять за простую молву—издали имъ виднѣлись уже разставленные караулы.

5. Хотя Офелій (узнавшій весь этотъ планъ отъ Сарамаллы—тогдашняго перваго богача въ Сиріи) настоятельно совѣтовалъ Фазаелю бѣжать, онъ все-таки не согласился оставить Гиркана на произволъ судьбы, а отправился сейчасъ къ сатрапу, бросилъ ему въ лицо укоръ въ предательствѣ, а главное въ томъ, что онъ рѣшился на такое дѣло изъ-за денегъ, и въ заключеніи предложилъ ему за свое спасеніе больше, чѣмъ Антигонъ за престолъ. Хитрый пароянинъ свалилъ съ себя подозрѣніе клятвами и оправданіями и поспѣшилъ къ Пакору. Но вслѣдъ за этимъ, нѣкоторые изъ оставшихся на мѣстѣ пароянъ, получившіе на то надлежащую инструкцію, взяли въ плѣнъ Фазаеля и Гиркана, которые осыпали ихъ проклятіями за ихъ вѣроломство и клятвопреступленіе.

6. Въ одно и то же время посланный пароянами виночерпій усиленно хлопоталъ о томъ, какъ-бы захватить въ свои руки Ирода, для чего ему необходимо было, согласно данной ему инструкціи, заманить его за городскую стѣну. Иродъ-же, съ самаго начала не довѣрявшій варварамъ, узналъ какъ разъ, что письмо, открывавшее ему замыслы противъ его личности, попало въ руки враговъ. Онъ поэтому отказался выйти изъ города, не смотря на самое невинное, повидимому, предложеніе Пакора, которое гласило: пусть только онъ выйдетъ на встрѣчу курьеру, потому что ни враги не завладѣли письмомъ, ни самое письмо не заключаетъ въ себѣ извѣстія о какихъ-либо коварныхъ замыслахъ, а сообщаетъ только о результатахъ, достигнутыхъ Фазаелемъ. Случайнымъ образомъ Иродъ узналъ изъ другихъ источниковъ о плѣненіи его брата; къ тому еще дочь Гиркана, Маріамма [2], чрезвычайно умная женщина, пришла къ нему и заклинала его не тро-

[1] Библейскій Акзибъ приморскій городъ въ Галилеѣ, между Птоломаидой и Тиромъ.

[2] Александра,—Маріамма была дочь Александры, внучки Гиркана.

гаться съ мѣста и не довѣряться варварамъ, злыя намѣренія которыхъ были уже ясны какъ день.

7. Въ то время, когда Пакоръ все еще обдумывалъ со своими совѣтниками планъ тайнаго нападенія (открыто нельзя было, конечно, схватить такого хитраго и предусмотрительнаго человѣка), Иродъ предупредилъ ихъ, бѣжавъ почью, незамѣтно для враговъ, съ близкими ему людьми по направленію къ Идумеѣ. Какъ только узнали объ этомъ парѳяне, они пустились за нимъ въ погоню. Тогда Иродъ отправилъ впередъ свою мать, сестру, невѣсту съ ея матерью и самаго младшаго своего брата; самъ-же онъ, слѣдуя за ними со своей дружиной, задерживалъ варваровъ, убивалъ многихъ изъ нихъ при каждомъ столкновеніи и, такимъ образомъ, благополучно достигъ крѣпости Масады.

8. Больше, чѣмъ парѳяне, тревожили его, впрочемъ, на пути бѣгства іудеи, которые безпрестанно безпокоили его и на разстояніи 60 стадій отъ города дали ему даже довольно продолжительное сраженіе. На мѣстѣ, гдѣ Иродъ ихъ побѣдилъ и многихъ изъ нихъ уничтожилъ, онъ, въ память этой побѣды, основалъ впослѣдствіи городъ, который украсилъ великолѣпными дворцами, укрѣпилъ сильнымъ замкомъ и назвалъ его по своему имени, Иродіономъ (21, 20). Во время его тогдашняго бѣгства къ нему каждый день стекалось много людей [1]. Когда онъ прибылъ въ Ѳрессу, въ Идумею, къ нему на встрѣчу вышелъ его братъ Іосифъ и совѣтовалъ ему освободиться отъ большей части спутниковъ, такъ какъ Масада не можетъ вмѣстить такое множество людей (ихъ было свыше 9000). Иродъ принялъ совѣтъ, отпустилъ тѣхъ, которые были ему больше въ тягость, чѣмъ въ помощь, въ Идумею, снабдивъ ихъ средствами для пути, и съ оставленной при себѣ лучшей частью войска, самой отборной и преданной, благополучно прибылъ въ крѣпость. Здѣсь онъ для защиты женщинъ оставилъ 800 человѣкъ со всѣми припасами на случай осады, а самъ поспѣшно отправился въ Петру, въ Аравію.

[1] Вездѣ, гдѣ Іосифъ говоритъ о стеченіи или о сочувствіи народа къ Ироду въ предѣлахъ самой Іудеи, надо подразумѣвать его соплеменниковъ-идумеевъ или самарянъ; іудеи-же, поднявъ свое оружіе послѣ убійства Малиха, безпрерывно и единодушно, хотя очень несчастливо, воевали съ Иродомъ въ теченіи 5—6 лѣтъ, пока подъ натискомъ римскихъ легіоновъ не пали іерусалимскія твердыни.

9. Парѳяне предались теперь въ Іерусалимѣ грабежу; они вторгались въ дома бѣжавшихъ и въ царскій дворецъ, гдѣ пощадили лишь сокровища Гиркана, состоявшія впрочемъ, только изъ трехъ сотъ талантовъ. Въ общемъ они не нашли столь много, сколько разсчитывали, потому что Иродъ, предвидѣвъ измѣну со стороны варваровъ, еще раньше препроводилъ свои наиболѣе цѣнныя сокровища въ Идумею; то-же самое сдѣлали и его приверженцы. По окончаніи грабежа въ Іерусалимѣ, парѳяне зашли такъ далеко въ своемъ высокомѣріи, что, не объявляя войны, враждебно прошли чрезъ всю страну, опустошили городъ Мариссу [1] и не только возвели Антигона на престолъ, но и передали въ его руки для расправы съ ними, какъ военноплѣнниковъ, Фазаеля и Гиркана. Послѣднему, павшему предъ нимъ на колѣни, Антигонъ самъ откусилъ уши [2] для того, чтобы онъ при какомъ-либо новомъ переворотѣ, никогда больше не могъ принять санъ первосвященника, ибо только безпорочные (и въ физическомъ отношеніи) могутъ занять этотъ постъ [3].

10. Мужественная гордость Фазаеля предупредила Антигона: не имѣя у себя меча и не пользуясь свободой рукъ, онъ разбилъ себѣ голову о скалу. Этой мужественной смертью, которая еще ярче освѣтила трусость Гиркана, онъ показалъ себя истиннымъ братомъ Ирода: онъ избралъ себѣ конецъ, достойный его подвиговъ при жизни. Впрочемъ, по поводу его кончины существуетъ и другой разсказъ. Фазаель, какъ говорятъ, только что исцѣлился отъ старой раны; но врачъ, присланный Антигономъ будто для леченія, наполнилъ рану ядовитымъ веществомъ, и такимъ образомъ лишилъ его жизни. Вѣрно-ли одно или другое, но первый разсказъ о его смерти дѣйствительно славенъ. Говорятъ еще, что онъ, уже испуская духъ, узнавъ отъ одной женщины о счастливомъ бѣгствѣ Ирода, произнесъ: «теперь я умираю спокойно, такъ какъ я мстителя моихъ враговъ оставляю въ живыхъ».

11. Такъ погибъ Фазаель. А парѳяне, хотя видѣли себя обманутыми въ своихъ надеждахъ на добычу женъ, къ которымъ они были особенно похотливы, всетаки утвердили за Антигономъ полную власть, а Гиркана они повели съ собою плѣннымъ въ Парѳію (110 до разрушенія храма).

[1] Идумейскій городъ.
[2] По І. Д. (XIV, 13, 11) Антигонъ приказалъ отрѣзать уши Гиркану.
[3] См. III кн. Моис. XXI, 17—24.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

(I. Д. XIV, 14, 1—5).

Изгнанный изъ Аравіи Иродъ спѣшитъ въ Римъ, гдѣ онъ, благодаря содѣйствію Антонія и Цезаря, назначается царемъ іудеевъ.

1. Предполагая, что братъ находится еще въ живыхъ, Иродъ ускорилъ поѣздку свою въ Аравію и спѣшилъ получить у царя денегъ, чѣмъ онъ думалъ обратить жадность пареянъ въ пользу Фазаеля. На тотъ случай, если арабъ забылъ дружбу его отца и окажется на столько мелочнымъ, что не захочетъ подарить ему сумму, требуемую для выкупа, онъ разсчитывалъ просить ее у него взаймы и оставить ему заложникомъ сына плѣнника (съ этой цѣлью онъ взялъ съ собою своего семилѣтняго племянника). Онъ былъ готовъ дать 300 талантовъ и хотѣлъ было воспользоваться содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ тирянъ. Но рѣшеніе судьбы предупредило его: Фазаель былъ мертвъ, и братская любовь Ирода безполезна. Къ тому ему пришлось убѣдиться, что и старая дружба арабовъ больше не существуетъ. Ихъ царь Малихъ [1] послалъ даже ему чрезъ гонцовъ на встрѣчу приказъ очистить страну; предлогомъ ему служило то, будто пареяне потребовали отъ него изгнанія Ирода изъ Аравіи; но въ сущности Малихомъ руководилъ простой разсчетъ сохранить въ цѣлости то, что онъ долженъ былъ Антипатру и избѣгнуть такого положенія, при которомъ онъ былъ-бы вынужденъ за подарки отца платить тѣмъ-же находящимся въ нуждѣ его сыновьямъ. На этотъ безчестный поступокъ подстрекали его люди, которые наравнѣ съ нимъ нашли болѣе удобнымъ утаить деньги, подаренныя Антипатромъ, — и тѣ люди были именно сильнѣйшіе при дворѣ.

2. Иродъ увидѣлъ, что вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ, по которымъ онъ надѣялся встрѣтить въ арабахъ лучшихъ друзей, они сдѣлались его врагами; отвѣтивъ курьерамъ то, что подсказало ему его наболѣвшее сердце, онъ направился въ Египетъ. Въ первый вечеръ онъ отдохнулъ въ одномъ деревенскомъ храмѣ, гдѣ онъ вновь встрѣтился съ оставленной имъ свитой. На слѣдующій день, по его прибытіи въ Ринокоруру, ему было доложено о кончинѣ брата. Пораженный столь страшнымъ горемъ, но освобожденный за то отъ заботъ, поглощавшихъ его въ послѣдніе дни, онъ продолжалъ свой путь. Арабъ между тѣмъ одумался и поспѣшно отправилъ гонцовъ,

[1] Преемникъ Ареты.

которые должны были воротить назадъ обиженнаго. Но уже было поздно: Иродъ былъ уже впереди и прибылъ въ Пелузій (9, 4). Находившіеся здѣсь въ гавани шкипера хотѣли отказать ему въ переѣздѣ; онъ обратился по этому къ тамошнимъ судьямъ, которые, во вниманіе къ его громкому имени и высокому положенію, доставили ему возможность продолжать свой путь до Александріи. Прибывъ въ этотъ городъ, онъ встрѣтилъ блестящій пріемъ со стороны Клеопатры, надѣявшейся пріобрѣсть въ немъ полководца для начатой ею войны. Но онъ отклонилъ предложеніе царицы и, не боясь ни суровой зимней погоды, ни безпорядковъ въ Италіи, поплылъ въ Римъ.

3. У памфилійскаго берега онъ подвергся такой опасности, что большая часть груза должна была быть выброшена за бортъ; съ большимъ трудомъ онъ спасся въ Родосъ, крайне истощившійся въ войнѣ съ Кассіемъ. Здѣсь онъ былъ принятъ своими друзьями Птоломеемъ и Саппиніемъ и, терпя хотя нужду въ деньгахъ, выстроилъ трехвесельное судно высшаго калибра, на которомъ онъ вмѣстѣ со своими друзьями отплылъ въ Брентесіонъ [1]. Отсюда онъ поспѣшилъ въ Римъ и, полагаясь на отцовскую дружбу, предсталъ прежде всего предъ Антоніемъ, разсказалъ ему о несчастіи, постигшемъ его и все его семейство, и какъ онъ, оставивъ самыхъ близкихъ ему людей въ осажденной крѣпости, самъ въ бурное время года отправился къ нему искать помощи.

4. Такая превратность судьбы вызвала состраданіе въ Антоніи. Вспоминая съ благодарностью гостепріимство, оказанное ему Антипатромъ и принимая главнымъ образомъ во вниманіе дарованія Ирода, онъ тутъ же порѣшилъ того, котораго онъ раньше произвелъ въ тетрархи, назначить теперь царемъ іудеевъ (109 до раз. хр.). Въ одинаковой мѣрѣ, какъ благосклонность къ Ироду, повліяло на это рѣшеніе враждебное чувство противъ Антигона, въ которомъ онъ усмотрѣлъ бунтовщика и врага римлянъ. Цезарь шелъ ему на встрѣчу своимъ согласіемъ: онъ живо припоминалъ египетскій походъ, совершенный Антипатромъ вмѣстѣ съ его отцомъ [2], его го-

[1] Нынѣшній Бриндизи.

[2] Гаій Октавій былъ внукъ младшей изъ сестеръ Юлія Цезаря, но былъ усыновленъ бездѣтнымъ Цезаремъ. По смерти послѣдняго онъ принялъ имя Гаія Юлія Цезаря Октавіана. Египетскій походъ упомянутъ выше; 9, 3, 4.

степріимство, равно какъ его всесторонне-испытанную преданность и благонамѣренность; съ другой стороны онъ признавалъ также энергичную и мощную натуру Ирода. Вслѣдствіе этого онъ созвалъ сенатъ, которому Мессала [1], а за нимъ Атратинъ представляли Ирода, изображали заслуги его отца и личную его преданность римлянамъ; рядомъ же съ нимъ они Антигона выставили, какъ врага римлянъ, не только на основаніи прежнихъ его дѣйствій, но и потому также, что, обойдя римлянъ, онъ принялъ корону изъ рукъ пароянъ. Уже это одно произвело впечатлѣніе на сенатъ; но послѣ, когда выступилъ еще Антоній и разъяснилъ, на сколько восшествіе Ирода на престолъ будетъ полезно для войны съ пароянами [2], тогда всѣ согласились. По окончаніи засѣданія, Иродъ вышелъ изъ сената, имѣя съ одной стороны Антонія и съ другой — Октавіана [3]. Консулы и другіе государственные сановники провожали ихъ для приношенія жертвы богамъ и возложенія сенатскаго рѣшенія на Капитолій. Въ первый же день назначенія Ирода царемъ, Антоній далъ въ честь его торжественный обѣдъ.

---

[1] Выдающійся ораторъ того времени, другъ Ирода, что видно изъ того что въ Дафнѣ, когда іудейскіе депутаты жаловались Антонію на насилія Ирода, онъ принялъ на себя защиту его (12,5).

[2] Римляне все еще не отомстили пароянамъ за страшное пораженіе Красса, въ которомъ погибло около 40,000 римскихъ солдатъ. Между тѣмъ въ настоящее время парояне владѣли Малой Азіей и Сиріей; война съ ними была дѣломъ рѣшеннымъ—для начала ея уже посланъ на Востокъ легатъ Антонія, Вентидій (16,6).

[3] Иродъ, боявшійся въ началѣ своего путешествія безпорядковъ въ Италіи (§ 2), прибылъ въ Римъ какъ разъ послѣ Бриндзійскаго договора, возстановившаго на время миръ между Антоніемъ и Октавіаномъ. Оба диктатора, соединившись между собою, еще больше унижали сенатъ, назначая членами его грубыхъ воиновъ, отпущенниковъ, иноземцевъ, даже рабовъ; и сенаторы соперничали другъ предъ другомъ въ пошломъ угодничествѣ. Между ними были такіе низкіе люди, что Октавіану впослѣдствіи понадобилось издать указъ, запрещавшій сенаторамъ выходить на арену цирка гладіаторами (Георгъ Веберъ III, 956). Таковъ былъ сенатъ, давшій Ироду царскій санъ. Ораторы, восхвалявшіе подвиги и, главное, безпредѣльную преданность римлянамъ семейства Антипатра, разумно умолчали о его происхожденіи, такъ какъ по общепринятымъ правиламъ и понятіямъ нельзя было возвести въ цари человѣка не-княжескаго происхожденія; а порабощенный сенатъ видѣлъ предъ собою любимца диктаторовъ и не спрашивалъ о его родѣ и племени (І. Д. XIV, 16, 5).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

(І. Д. XIV, 14, 6—15, 3).

Антигонъ осаждаетъ запертыхъ въ Массадѣ, которыхъ возвратившійся изъ Рима Иродъ освобождаетъ.—Отправляясь вслѣдъ за тѣмъ въ Іерусалимъ, онъ тамъ застаетъ подкупленнаго Антигономъ Силона.

1. Антигонъ въ это время осаждалъ оставшихся въ Массадѣ, которые, хотя были въ изобиліи снабжены всѣми съѣстными припасами, но терпѣли недостатокъ въ водѣ. По этой причинѣ Іосифъ, братъ Ирода, хотѣлъ бѣжать съ 200 изъ своихъ людей къ арабамъ, такъ какъ онъ слышалъ, что Малихъ раскаивается въ своемъ неучтивомъ обращеніи съ Иродомъ. И онъ дѣйствительно покинулъ бы цитадель, если-бъ какъ разъ въ ночь, назначенную для бѣгства, не выпалъ сильный дождь; теперь цистерны вновь наполнились водою, и въ бѣгствѣ больше не представлялось надобности; теперь, напротивъ, они дѣлали вылазки противъ Антигона и частью въ открытыхъ рукопашныхъ схваткахъ, частью посредствомъ засады лишали его многихъ людей. Не всегда, однако, дѣло шло такъ хорошо: случалось нерѣдко, что они сами возвращались назадъ съ урономъ.

2) Между тѣмъ римскій полководецъ Вентидій, посланный для изгнанія пароянъ изъ Сиріи [1], по уходѣ послѣднихъ прибылъ въ Іудею (109 до раз. хр.). Явившись подъ предлогомъ выручить Іосифа изъ осады, съ дѣйствительной же цѣлью для того, чтобы наложить контрибуцію на Антигона, онъ раскинулъ свой лагерь вблизи Іерусалима, но какъ только былъ насыщенъ деньгами, онъ самъ съ большей частью войска отступилъ и оставилъ на мѣстѣ одинъ только отрядъ подъ начальствомъ Силона, дабы полное отступленіе не разоблачало корыстной цѣли его прихода. Антигонъ надѣялся еще, что парояне опять придутъ ему на помощь; тѣмъ не менѣе онъ поддерживалъ сношенія съ Силономъ, чтобы сдѣлать его безвреднымъ для своихъ цѣлей.

3. Но уже Иродъ возвратился изъ Италіи и высадился въ Птоломаиду (весною 109 до раз. хр.); набравъ внушительное войско изъ иностранцевъ и туземцевъ, онъ быстро двинулся оттуда чрезъ Галилею противъ Антигона.

---

[1] Публій Вентидій изгналъ пароянъ послѣ четырехлѣтняго ихъ владычества надъ римскими владѣніями въ Азіи. Это были первыя побѣды римлянъ надъ пароянами, за которыя сенатъ назначилъ праздникъ благодарности богамъ и тріумфъ возвратившемуся съ войны Вентидію.

Его поддерживали Вентидій и Силонъ, которыхъ посланный Антоніемъ Деллій упросилъ помочь Ироду въ его предпріятіи. Вентидій былъ тогда занятъ усмиреніемъ волненій, возбужденныхъ въ разныхъ городахъ пареянами, а Силонъ, подкупленный Антигономъ оставался въ Іудеѣ. Иродъ, впрочемъ, вовсе не нуждался въ подкрѣпленіи: войско его съ каждымъ днемъ увеличивалось на пути, и вся Галилея, за немногими исключеніями, пристала къ нему. Первой и неотложный задачей Ирода было взятіе Массады и освобожденіе его родныхъ изъ осады. Одна Іоппія [1] стояла ему камнемъ преткновенія на пути: этотъ враждебный ему городъ онъ долженъ былъ взять непремѣнно для того, чтобы, подвигаясь дальше къ Іерусалиму, не оставить въ тылу крѣпость въ рукахъ враговъ. Силонъ съ удовольствіемъ примкнулъ къ нему, найдя, наконецъ, поводъ къ выступленію. Когда же іудеи начали преслѣдовать его сзади, Иродъ бросился на нихъ съ легкимъ отрядомъ, быстро разсѣялъ ихъ и спасъ такимъ образомъ Силона, который плохо защищался.

4. Послѣ взятія Іоппіи онъ поспѣшилъ къ Массадѣ для освобожденія своего семейства. Добрая память о его отцѣ, его личная слава, признательность за оказанныя ими обоими благодѣянія—все это привлекало къ нему мѣстныхъ жителей, но большая часть людей присоединялась къ нему, вслѣдствіе сложившагося у нихъ убѣжденія въ томъ, что престолъ достанется Ироду; такимъ образомъ вокругъ него образовалось отборное войско. Антигонъ, хотя преслѣдовалъ его, устраивая засады въ удобныхъ мѣстахъ, но вреда онъ не причинялъ ему никакого, или самый незначительный. Какъ только Иродъ освободилъ своихъ людей изъ Массады, что ему удалось очень легко, и взялъ крѣпость Рессу [2], онъ двинулся къ Іерусалиму. Войско Силона и многіе изъ жителей города изъ страха предъ его силами примкнули къ нему.

5. Едва Иродъ раскинулъ свой лагерь на западной сторонѣ города, какъ разставленные тамъ караулы стали отражать его войско стрѣлами и дротиками; другіе дѣлали вылазки толпами и схватывались съ передовыми постами. Тогда Иродъ прежде всего послалъ герольдовъ къ городской стѣнѣ объявить во всеуслышаніе, что онъ явился для блага народа и спасенія города, что онъ даже не думаетъ мстить врагамъ, а напротивъ самыхъ отъявленныхъ противниковъ готовъ простить. Но партія Антигона приводила

[1] Нынѣ Яффа.

[2] Тождественна съ упомянутой выше, XIII, 8, крѣпостью Тресса.

съ своей стороны возраженія [1] и не допускала никого ни перейти къ Ироду, ни даже выслушать его глашатаевъ. Антигонъ даже приказалъ оттолкнуть враговъ отъ стѣны; и быстро они были прогнаны стрѣлами, посыпавшимися на нихъ изъ башенъ.

6. Тутъ и Силонъ явно показалъ, что онъ подкупленъ. По его подстрекательству солдаты начали громко жаловаться на недостатокъ провіанта, требовать денегъ на содержаніе и хорошихъ зимнихъ квартиръ, такъ какъ окрестности города были совершенно опустошены солдатами Антигона. Опираясь затѣмъ на эти требованія, Силонъ сталъ уже готовиться къ отступленію. Но Иродъ обратился къ его офицерамъ и солдатамъ вообще и сталъ ихъ упрашивать не оставить его одного, такъ какъ онъ посланъ сюда Октавіаномъ, Антоніемъ и сенатомъ; что же касается ихъ жалобъ на недостатокъ провіанта, то онъ готовъ ихъ сейчасъ же удовлетворить. И дѣйствительно, въ тотъ же день онъ сдѣлалъ набѣгъ на окрестныя селенія и доставилъ имъ оттуда такой богатый запасъ съѣстныхъ продуктовъ, что этимъ отнялъ у Силона всякій предлогъ къ отступленію. Чтобы и на будущее время солдаты не терпѣли недостатка, онъ поручилъ самарянамъ, столица которыхъ была на его сторонѣ, доставлять въ Іерихонъ хлѣба въ зернѣ, вина, масла и убойнаго скота. Антигонъ, узнавъ объ этомъ, разослалъ партизанскія отряды по всѣмъ направленіямъ съ цѣлью задержать подвозы и отрѣзать ихъ отъ лагеря. Возлѣ самаго Іерихона собралась также большая масса тяжеловооруженныхъ, которые расположились на горахъ для выслѣживанія провіантскихъ обозовъ. Но и Иродъ не бездѣйствовалъ: онъ появился предъ Іерихономъ съ десятью отрядами, (пять римскихъ и пять іудейскихъ съ разноплеменными наемниками) и кромѣ того еще съ немногими всадниками. Городъ оказался покинутымъ его жителями; только въ крѣпости нашли 500 человѣкъ съ ихъ женами и дѣтьми. Онъ взялъ ихъ въ плѣнъ, но сейчасъ же отпустилъ ихъ опять на свободу;

[1] По І. Д. (XIV, 15, 2) Антигонъ не возражалъ глашатаямъ Ирода, а призвалъ къ стѣнѣ Силона и его солдатъ и сказалъ слѣдующее: „Вы оскорбите ваше собственное римское право, если допустите, чтобъ царство досталось Ироду—этому простолюдину и, какъ идумеянинъ, только полуіудею, между тѣмъ, какъ по законамъ страны, правленіе должно принадлежать только членамъ царской фамиліи. Если вы недовольны лично мною и хотите отнять у меня власть за то, что я ее получилъ отъ пареянъ, то вѣдь есть еще другіе претенденты одного происхожденія со мною, обойти которыхъ было бы вопіющей несправедливостью, такъ какъ они ни въ чемъ не провинились предъ римлянами и принадлежатъ къ тому еще къ роду кагановъ".

въ остальныя части города ворвались римляне и ограбили дома, оказавшіеся переполненными разными богатствами. Царь оставилъ въ Іерихонѣ гарнизонъ и возвратился назадъ; римское войско онъ отправилъ на зимнія квартиры въ перешедшіе на его сторону города Идумеи, Галилеи и Самаріи. И Антигону, вслѣдствіе подкупа Силона, предоставлено было часть войска принять на квартиры въ Лидду [1], чѣмъ онъ хотѣлъ зарекомендовать себя предъ Антоніемъ [2].

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

(І. Д. XIV, 15, 4—9).

Иродъ беретъ Сепфорисъ и заставляетъ сдаться ему спрятавшихся въ пещерахъ разбойниковъ.—Затѣмъ онъ наказываетъ враждебнаго ему Махера и отправляется къ Антонію въ Самосату.

1. Римляне во время перерыва войны предались блаженному отдыху; только Иродъ не отдыхалъ; своему *брату Іосифу* онъ далъ 2000 пѣшихъ и 400 конныхъ солдатъ, поручилъ ему занять Идумею для того, чтобы партія Антигона не произвела тамъ возстанія. Самъ-же онъ, доставивъ свою мать и остальныхъ освобожденныхъ изъ Массады родственниковъ въ безопасное мѣсто въ Самарію, отправился въ Галилею для покоренія оставшихся еще внѣ его власти городовъ и изгнанія оттуда гарнизоновъ Антигона.

2. Сепфориса [3] онъ достигъ въ сильную вьюгу и взялъ этотъ городъ безъ труда, такъ какъ при его приближеніи гарнизонъ бѣжалъ оттуда. Здѣсь онъ далъ своимъ солдатамъ отдохнуть послѣ перенесенной непогоды (жизненныхъ продуктовъ найдено въ городѣ въ большомъ запасѣ) и выступилъ противъ разбойниковъ въ пещерахъ, которые своими частыми набѣгами сдѣлались для жителей страны такимъ-же страшнымъ бичемъ, какъ и настоящая война. Три отряда пѣхоты и одинъ эскадронъ конницы

[1] Библейскій Лудъ—на іерусалимско-яффской дорогѣ.

[2] Антигонъ принялъ на себя продовольствіе нѣкоторой части войска на одинъ только мѣсяцъ. По истеченіи же этого срока онъ разослалъ приказъ по всей Іудеѣ, чтобы жители убрали свои хлѣба съ полей и бѣжали въ горы, думая такимъ образомъ обречь римлянъ на голодную смерть. Но Иродъ выручилъ Силона изъ бѣды (І. Д. XIV, 15, 4).

[3] По еврейски Ципоры—въ Галилеѣ, на полудорогѣ между Хаифой и Тиверіадой.

царь отправилъ впередъ къ деревнѣ Арбелѣ [1], а сорокъ дней спустя, онъ выступилъ самъ съ остаткомъ войска. Непріятели, однако, не устрашились его наступленія, а встрѣтили его съ оружіемъ въ рукахъ, ибо они обладали опытностью воиновъ и смѣлостью разбойниковъ. Въ началѣ сраженія они своимъ правымъ крыломъ заставили лѣвое крыло Ирода податься назадъ. Но быстрымъ поворотомъ своего праваго крыла Иродъ пришелъ на помощь своимъ, остановилъ бѣгущихъ и, устремившись на встрѣчу преслѣдовавшему непріятелю, остановилъ его жаркое нападеніе до тѣхъ поръ, пока непріятель, во избѣжаніе рѣшительнаго боя строемъ противъ строя, не обратился въ бѣгство.

3. Онъ ихъ преслѣдовалъ до Іордана подъ безостановочной рѣзней и значительную часть ихъ уничтожилъ; уцѣлѣвшіе остатки разсѣялись по ту сторону рѣки. Галилея такимъ образомъ избавилась отъ этого бича; остались еще тѣ, которые скрывались въ пещерахъ, и для начала борьбы съ ними потребовался продолжительный отдыхъ для войска. Вслѣдстіе этого, онъ, наградивъ солдатъ за трудности похода (каждый солдатъ получилъ 150 серебряныхъ драхмъ, а командиры были надѣлены еще болѣе щедрыми подарками), отпустилъ ихъ на зимнія квартиры. Самому младшему брату своему, Ферору, онъ поручилъ обезпечить ихъ содержаніемъ, а также укрѣпить Александріонъ; и то и другое имъ было исполнено.

4. Въ это время Антоній находился въ Аѳинахъ. Вентидій-же призвалъ Силона и Ирода къ войнѣ противъ пароянъ (108 до раз. хр.) съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы раньше возстановить порядокъ въ Іудеѣ. Иродъ охотно предоставилъ Силону уйти къ Вентидію, а самъ выступилъ противъ разбойниковъ въ пещерахъ. Эти пещеры, находясь въ отлогихъ горахъ, были неприступны ни съ какой стороны: только очень узкія, извилистыя тропинки вели вверхъ къ нимъ, а скалы, на которыхъ находились ихъ отверстія, отвѣсно ниспадали внизъ въ зіяющія пропасти [2]. Эта недоступная мѣстность дѣлала царя долгое время безпомощнымъ. Но, наконецъ, онъ придумалъ чрезвычайно опасное средство. Онъ приказалъ сильнѣйшихъ своихъ воиновъ опускать внизъ въ ящикахъ на канатахъ для того, чтобы они могли проникать въ отверстія; здѣсь они рубили разбойниковъ вмѣстѣ

[1] Къ западу отъ Тиверіадскаго озера. Точное мѣстоположеніе Арбелы неизвѣстно.

[2] Описываемыя пещеры существуютъ и теперь въ окрестностяхъ Ирбида (невдалекѣ отъ западнаго берега Тиверіадскаго озера), который съ большой вѣроятностью принимаютъ поэтому за бывшую Арбелу.

съ ихъ семействами и бросали пылающія головни въ тѣхъ, которые сопротивлялись. Охотно-бы Иродъ захватилъ въ свои руки нѣкоторыхъ изъ нихъ живыми, онъ съ этой цѣлью предложилъ имъ черезъ герольда самимъ выйти къ нему. Но никто не сдавался добровольно и даже изъ побѣжденныхъ многіе предпочитали смерть плѣну. Одинъ старикъ, отецъ семерыхъ дѣтей, слѣдующимъ образомъ убилъ послѣднихъ вмѣстѣ съ ихъ матерью за то, что они, довѣряясь царскимъ обѣщаніямъ, упрашивали его выйти изъ пещеры. Онъ сталъ у входа пещеры, приказалъ имъ выходить по одиночкѣ и закололъ каждаго отдѣльно появлявшагося сына. Иродъ, потрясенный этой сценой, за которой онъ издали наблюдалъ, простиралъ свою правую руку къ старику и умолялъ его пощадить своихъ собственныхъ дѣтей. Но старикъ и слышать его не хотѣлъ: рѣзкой бранью онъ напомнилъ Ироду о его низкомъ происхожденіи [1], умертвилъ еще свою жену надъ трупами дѣтей и, швырнувъ ихъ внизъ по отвѣсной стѣнѣ, самъ вслѣдъ за ними бросился въ бездну.

5. Такимъ образомъ Иродъ овладѣлъ пещерами и ихъ обитателями. Послѣ этого онъ часть войска, казавшуюся ему достаточной для подавленія могущихъ возникнуть волненій, оставилъ подъ предводительствомъ Птоломея, а самъ съ 3000 тяжеловооруженныхъ и 600 всадниковъ отправился въ Самарію противъ Антигона. Его отъѣздъ опять ободрилъ виновниковъ обычныхъ безпорядковъ въ Галилеѣ: въ неожиданномъ нападеніи они умертвили полководца Птоломея, опустошили страну и ушли въ болота и другія малодоступныя мѣстности. Извѣщенный о возстаніи Иродъ быстро явился на помощь, истребилъ огромную массу зачинщиковъ, освободилъ всѣ осажденныя крѣпости и взыскалъ съ своихъ враговъ, въ наказаніе за поднятое ими возстаніе, 100 талантовъ.

6. Послѣ того, какъ пареяне были изгнаны изъ страны и Пакоръ былъ убитъ (108 до раз. хр.), Вентидій, по приказанію Антонія, послалъ Ироду 1000 всадниковъ и два легіона въ помощь противъ Антигона. Къ начальнику этого войска, Махеру, Антигонъ письменно обратился съ просьбою перейти на его сторону; обѣщая ему за это деньги, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался ему на насильственный образъ дѣйствія Ирода и на его презрительное отношеніе къ царской фамиліи. Махеръ не могъ, однако,

[1] Обитатели пещеръ, которыхъ Іосифъ клеймитъ именемъ разбойниковъ, были несомнѣнно тѣ-же патріоты, которые сопротивлялись иноземному владычеству еще при жизни Антипатра (10,5) и теперь обратили всю свою ненависть противъ похитителя іудейскаго престола, Ирода.

игнорировать того, который его послалъ, къ тому же Иродъ платилъ еще лучше. Онъ поэтому не склонялся на измѣну, но заигрывалъ въ дружбу съ Антигономъ и вопреки предостереженію Ирода отправился вывѣдать положеніе перваго. Антигонъ же проникъ его намѣреніе, заперъ предъ нимъ городъ и оборонялся противъ него со стѣнъ города, какъ противъ врага, пока Махеръ не былъ принужденъ возвратиться назадъ къ Ироду въ Амму. Раздраженный неудачнымъ исходомъ своего предпріятія, онъ истреблялъ всѣхъ попадавшихся ему на пути іудеевъ, не щадя также и иродіанцевъ, а поступая со всѣми, какъ со сторонниками Антигона.

7. Такое поведеніе Махера до того ожесточило Ирода, что онъ готовъ былъ поднять противъ него оружіе и мстить ему, какъ врагу; но онъ все таки поборолъ свой гнѣвъ и отправился къ Антонію жаловаться на преступныя дѣйствія Махера. Послѣдній же, сознавъ свою ошибку, поспѣшилъ вслѣдъ за царемъ и горячими просьбами вымолилъ у него прощенія. Отъ поѣздки къ Антонію Иродъ все-таки не отказался, а напротивъ, узнавъ, что Антоній съ сильной арміей ведетъ аттаку на Самосату [1] (сильный городъ на Евфратѣ), онъ еще больше ускорилъ свой путь, такъ какъ здѣсь ему представился удобный случай показать свою храбрость и этимъ еще больше обязать Антонія. И дѣйствительно, его прибытіе положило конецъ осадѣ [2]: онъ истребилъ много варваровъ и собралъ много добычи. Антоній, давній обожатель его храбрости, сдѣлался имъ теперь еще въ болѣе высокой степени; къ прежнимъ знакамъ отличія онъ прибавилъ ему еще новые и укрѣпилъ его надежды на престолъ. Царь Антіохъ [3] долженъ былъ, однако, сдать Самосату.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

(І. Д. XIV, 15, 4—9).

Іосифъ, братъ Ирода, убитъ.—Казнь убійцы.—Иродъ осаждаетъ Іерусалимъ и женится на Маріаммѣ.

1. Между тѣмъ дѣло Ирода въ самой Іудеѣ потерпѣло чувствительный ударъ. Онъ оставилъ здѣсь командующимъ надъ войсками своего брата

[1] Столица сирійской области, Коммагены, владѣтель которой, Антіохъ, находился въ союзѣ съ пареянами и покровительствовалъ послѣднимъ при ихъ вторженіи въ Сирію. Антоній долженъ былъ взять эту столицу для того, чтобы при переходѣ чрезъ Евфратъ не оставить въ тылу враждебный ему городъ.

[2] По другимъ древнимъ источникамъ осада Самосаты была безуспѣшна. И дѣйствительно, Антоній долженъ былъ отложить походъ въ Пареію на цѣлый годъ (18,5).

[3] Антіохъ—царь Коммагены.

Іосифа и далъ ему инструкцію до его возвращенія не затѣвать никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Антигона, такъ какъ на Махера, судя по его прежнему поведенію, нельзя было разсчитывать, какъ на надежнаго союзника. Но какъ только Иродъ удалился, Іосифъ, не стѣсняясь его инструкціями, съ пятью добавочными манипулами, полученными отъ Махера, двинулся къ Іерихо, чтобы грабить съ тамошнихъ полей вполнѣ уже созрѣвшій хлѣбъ. Въ горахъ и непроходимыхъ мѣстахъ онъ былъ настигнутъ непріятелемъ. Послѣ храбраго сопротивленія Іосифъ самъ палъ въ этой битвѣ и вмѣстѣ съ нимъ погибъ весь римскій корпусъ; послѣдній состоялъ изъ новичковъ, недавно набранныхъ въ Сиріи, и имъ не былъ данъ ни одинъ изъ римлянъ, изъ такъ называемыхъ ветерановъ, которые могли бы поддержать неопытныхъ воиновъ.

2. Антигонъ, не удовлетворяясь одной побѣдой, такъ далеко зашелъ въ своемъ ожесточеніи, что наглумился даже надъ трупомъ Іосифа: онъ велѣлъ собрать павшихъ, а Іосифу отрѣзать голову, хотя братъ убитаго, Ферорь, предлагалъ ему 50 талантовъ выкупа. Послѣ этой побѣды Антигона въ Галилеѣ опять поднялось бурное возстаніе, которое на этотъ разъ достигло ужасающихъ размѣровъ: назначенные Иродомъ сановники были проволочены приверженцами Антигона къ морю и тамъ утоплены. И въ Идумеѣ, гдѣ Махеръ вновь укрѣпилъ замокъ Гитру, многое также перемѣнилось. Обо всемъ этомъ Иродъ ничего еще не зналъ. Послѣ взятія Самосаты Антоній назначилъ правителемъ Сиріи Соссія и поручилъ ему поддержать Ирода въ борьбѣ съ Антигономъ. Онъ самъ возвратился опять въ Египетъ; Соссій же выслалъ впередъ два легіона въ Іудею для Ирода и съ остальной своей арміей послѣдовалъ за ними.

3. Въ Дафнѣ, возлѣ Антіохіи (12,5), гдѣ Иродъ остановился по дорогѣ въ Іудею, явныя сновидѣнія прямо предвѣщали ему смерть брата. Очнувшись однажды послѣ такого мучительнаго сна, онъ къ ужасу своему увидѣлъ предъ собою зловѣщихъ гонцовъ. Только недолго онъ плакалъ надъ этимъ несчастьемъ, скорѣе даже гналъ отъ себя скорбь и поспѣшилъ противъ врага. Онъ ѣхалъ съ невѣроятной быстротой и, прибывъ въ Ливанъ, принялъ къ себѣ на службу 800 тамошнихъ жителей; тамъ же съ нимъ соединился одинъ легіонъ римлянъ. Не выждавъ ни одного дня, онъ вторгся съ ними въ Галилею и ставшихъ противъ него враговъ отбросилъ назадъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ немедля приступилъ къ осажденію крѣпости; но прежде чѣмъ успѣлъ овладѣть ею, онъ, вслѣдствіе наставшей сильной бури, былъ вынужденъ перейти въ сосѣднія деревни. Чрезъ нѣсколько

дней прибылъ къ нему второй легіонъ, присланный Антоніемъ; тогда непріятель въ страхѣ предъ превосходствомъ его силъ въ ночное время самъ очистилъ крѣпость.

4. Послѣ этого онъ поспѣшилъ чрезъ Іерихо, чтобы какъ можно скорѣе отмстить убійцамъ его брата. Здѣсь онъ пережилъ чудесное знаменіе, которое прославило его, какъ особеннаго любимца божества. Въ тотъ вечеръ у него пировали многія знатныя лица. Какъ только пиръ окончился и гости разошлись, домъ, въ которомъ они всѣ находились, вдругъ рухнулъ. Этотъ удивительный случай послужилъ Ироду знакомъ, предвѣщающимъ опасности, но также и спасеніе въ предстоящей войнѣ. Утренней зарей онъ выступилъ въ походъ. Около 6000 непріятелей бросились внизъ съ горъ и безпокоили его авангардъ, и если они не осмѣливались вступать въ рукопашную съ римлянами, то издали они все-таки бросали въ нихъ камни и дротики, которыми многихъ ранили. Самъ Иродъ, проѣхавъ верхомъ, также былъ задѣтъ дротикомъ въ бокъ.

5. Желая показать, будто его люди превосходятъ не только отвагой, но и количествомъ, Антигонъ послалъ одного изъ своихъ друзей, Паппу, во главѣ отряда въ Самарію. Они должны были помѣряться съ Махеромъ. Иродъ же между тѣмъ прорѣзалъ враждебную ему страну, разрушилъ на пути пять небольшихъ городовъ, убилъ 2,000 изъ числа жителей и, предавъ огню ихъ жилища, возвратился къ себѣ въ лагерь, который былъ разбитъ возлѣ селенія Каны.

6) Каждый день къ нему стекались массы іудеевъ изъ разныхъ сторонъ и даже изъ Іерихо, одни, увлеченные его подвигами, другіе—изъ ненависти къ Антигону; большинство, однако, толкало смутное стремленіе къ государственному перевороту, въ которомъ они сами не могли дать себѣ отчета. Иродъ торопился къ бою; люди Паппы также шли ему бодро на встрѣчу, не страшась ни численнаго превосходство врага, ни его жажды брани. Но ряды непріятеля не долго держались въ томъ сраженіи (107 до раз. хр.). Иродъ въ пылу гнѣва за убійство брата, ставя свою жизнь на карту, какъ будто онъ долженъ былъ здѣсь наказать виновниковъ этого убійства, быстро опрокинулъ сопротивлявшихся ему враговъ, бросился за тѣмъ на остальныхъ, которые еще не уступали поля битвы, всѣхъ обратилъ въ бѣгство и погнался вслѣдъ за ними. Кровь лилась потоками: задніе ряды преслѣдуемыхъ, будучи мѣстами оттѣснены назадъ передовыми, попадали прямо въ руки Ирода и падали безчисленными массами. Онъ вмѣстѣ съ непріятелями втиснулся въ деревню, гдѣ всѣ дома были бит-

комъ набиты тяжеловооруженными, да и крыши на верху были покрыты защитниками. Едва только были преодолены стоявшіе извнѣ, какъ онъ сталъ ломать дома, дабы вынудить находившихся внутри къ выходу. Такъ они цѣлыми кучами были похоронены живыми подъ крышами. Спасавшіеся изъ подъ развалинъ падали подъ мечемъ солдатъ, и груды труповъ до того росли, что загромождали собою дорогу побѣдителямъ. Такую огромную потерю людей не могъ перенесть непріятель; еслибъ ему даже удалось собраться и вновь сомкнуться въ ряды, то одинъ видъ павшихъ обратилъ бы его опять въ безпорядочное бѣгство. Поощренный этой побѣдой, Иродъ тотчасъ бы поспѣшилъ въ Іерусалимъ, еслибъ ему не препятствовала чрезъ чуръ суровая зима. Полное торжество Ирода и окончательное паденіе Антигона, который носился уже съ мыслью объ оставленіи города, задержано было только этимъ обстоятельствомъ.

7. Подъ вечеръ когда Иродъ отпустилъ уже своихъ утомленныхъ друзей на отдыхъ, онъ, по солдатскому обычаю, разгоряченный еще отъ боя, отправился въ баню. Его провожалъ одинъ только слуга. Не успѣлъ онъ еще войти въ помѣщеніе бани, какъ мимо него пробѣжалъ непріятельскій солдатъ, вооруженный мечемъ, за этимъ появился другой, третій и сейчасъ за ними еще нѣкоторые. Они спаслись отъ побоища въ эту баню вооруженными и объятые ужасомъ лежали здѣсь спрятанными; видъ царя вывелъ ихъ изъ оцѣпенѣнія: трепеща отъ страха они пробѣжали мимо него безоруженнаго, ища глазами выходныхъ дверей. Случайно здѣсь не было никого, который могъ бы ихъ задержать, а Иродъ былъ уже радъ тому, что такъ счастливо отдѣлался. Такимъ образомъ они всѣ разбѣжались.

8. На слѣдующій день онъ приказалъ отрубить голову полководцу Антигона, Паппу, павшему въ битвѣ, и послалъ эту голову своему брату Ферору, какъ искупительную жертву за ихъ убитаго брата, ибо Паппа былъ именно тотъ, который лишилъ жизни Іосифа (§ 2). Лишь только зима ослабла, Иродъ двинулся къ Іерусалиму (107 до раз. хр.), повелъ войско до городскихъ стѣнъ и какъ разъ при окончаніи третьяго года своего назначенія въ Римѣ царемъ, расположился лагеремъ противъ храма. Съ этой стороны именно городъ былъ доступенъ, съ этой стороны онъ раньше былъ взятъ Помпеемъ. Распредѣливъ работы между войскомъ и вырубивъ растительность ближайшихъ окрестностей города, онъ велѣлъ сдѣлать три вала и возвести на нихъ башни. Для этихъ работъ онъ оставилъ на мѣстѣ самыхъ способныхъ и надежныхъ людей, а самъ отправился въ Самарію, чтобы отпраздновать свой бракъ съ дочерью Александра, сына Аристовула,

съ которой, какъ выше было сказано (12,3), онъ былъ помолвленъ. Такъ онъ свою женитьбу превратилъ въ эпизодъ іерусалимской осады, ибо давно уже онъ началъ презирать своихъ враговъ.

9. По окончаніи свадебнаго торжества онъ возвратился въ Іерусалимъ съ еще болѣе значительной арміей, такъ какъ и Соссій примкнулъ къ нему съ сильнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ конницы и пѣхоты. Вся соединенная армія, около одинадцати легіоновъ [1] пѣхоты и шести тысячъ конницы (не считая огромнаго числа союзниковъ изъ Сиріи) расположилась лагеремъ близъ сѣверной стѣны города. Самъ Иродъ опирался на заключеніе римскаго сената, которымъ онъ былъ назначенъ царемъ (14,4), а Соссій на Антонія, который все войско, находившееся подъ его командой, предоставилъ къ услугамъ Ирода.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

(І. Д. XIV, 16,2. XV, 4,1—3).

Взятіе Іерусалима Иродомъ и Соссіемъ.—Смерть Антигона.—Отношенія Ирода къ Клеопатрѣ.

1. Населеніе осажденнаго города переживало самыя разнообразныя волненія. Слабые толпились вокругъ храма и почитали счастливымъ и блаженнымъ того, который въ тоже время умиралъ; болѣе смѣлые, образовавшіе шайки, занимались разбоемъ и особенно усердно грабили окрестности города, такъ какъ чувствовалась нужда въ жизненыхъ припасахъ для лошадей и людей; [2] лучшая дисциплинированная часть ратнаго люда отда-

---

[1] Легіонъ въ послѣдній періодъ римской республики состоялъ изъ 4200 воиновъ, дѣлившихся на четыре класса: гастатовъ (hastati), принциповъ (principes), тріаріевъ (triarii) и велитовъ (velites). Первые три класса имѣли полное вооруженіе, именно: большой щитъ, металлическій нагрудникъ или кожанный панцырь, мечъ и два дротика, либо тяжелыя копья; легковооруженные велиты носили: мечъ, легкое копье, круглый щитъ и кожаный шлемъ. Кромѣ того къ каждому легіону были прикомандированы когорты ремесленниковъ, оружейниковъ, резервныхъ солдатъ, много офицерской прислуги, чиновниковъ, служителей и проч. И такъ, осадное войско заключало въ себѣ, кромѣ многочисленныхъ союзныхъ силъ, набранныхъ въ Сиріи, свыше 60 тысячъ римскихъ солдатъ.

[2] Нужда эта въ одинаковой мѣрѣ испытывалась и въ городѣ и въ римскомъ лагерѣ, такъ какъ осада выпала въ „субботній годъ“. (По Моисееву законодательству евреи должны были каждый седьмой годъ, который назывался „субботнимъ“ или „шмитой“ дать отдыхъ своей землѣ и оставить ее невспаханной и незасеянной). Осажденные поэтому дѣлали частыя вылазки въ окрест

валась защитѣ осажденныхъ: они отгоняли отъ стѣнъ строителей шанцевъ и каждый разъ изобрѣтали новыя защитительныя средства противъ осадныхъ орудій. Но ни въ чемъ они такъ бойко не превосходили враговъ, какъ въ проведеніи минъ.

2. Для прекращенія разбойничьихъ вылазокъ царь прибѣгъ къ засадамъ, которыми дѣйствительно положилъ имъ конецъ; для пополненія недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, онъ организовалъ подвозъ продуктовъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Военная опытность римлянъ давала ему нѣкоторый перевѣсъ надъ іудеями, но въ смѣлости онъ ихъ не могъ превзойти. Въ открытомъ полѣ они, хотя не дрались съ римлянами, такъ какъ тутъ они видѣли предъ собою вѣрную смерть, но чрезъ свои подземные ходы они внезапно появились въ ихъ средѣ, и прежде чѣмъ тѣ успѣвали разрушить одну часть стѣны, они возводили другую. Короче говоря, ни руки у нихъ не уставали, ни ихъ творческая сила не исчерпывалась, они были готовы на самое крайнее сопротивленіе. Не смотря на чудовищныя силы осаднаго войска, они выдержали осаду въ теченіе пяти мѣсяцевъ, пока наконецъ, нѣкоторые избранные воины Ирода не собрались духомъ и не взлѣзли на стѣну; вслѣдъ уже за ними вторглись въ городъ центуріоны [1] Соссія. Прежде всего было взято мѣсто храма. Когда войско ворвалось, началась вездѣ страшная рѣзня, ибо римляне были ожесточены долгой продолжительностью осады, а преданные Ироду іудеи ревностно старались не оставить въ живыхъ никого изъ противной партіи. Цѣлыя толпы были уничтожены въ тѣсныхъ улицахъ, въ домахъ, гдѣ они были стиснуты и на пути бѣгства въ храмъ; не было состраданія ни къ безсловеснымъ малюткамъ, ни къ старцамъ, ни къ беззащитнымъ женщинамъ. Хотя царь разослалъ людей и призывалъ къ пощадѣ, но ни одинъ солдатъ не остановился; какъ бѣшанные они неистовствовали противъ всякаго возраста. Тутъ и Антигонъ, забывъ свой прежній санъ и настоящее положеніе, вышелъ изъ своего замка и припалъ къ ногамъ Соссія. Не тронутый такою превратностью судьбы, Соссій разразился неудержимымъ хохотомъ и назвалъ его Антигоной. Однако онъ не отпустилъ его, какъ женщину, а, напротивъ, приказалъ заключить его въ кандалы и приставить къ нему стражу.

ности города и очищали ихъ отъ припасовъ, дабы послѣдніе не доставались римлянамъ (I. Д. XIV, 16,2).

[1] Въ каждомъ легіонѣ было 60 центуріоновъ, начальствовавшихъ надъ отдѣльными взводами.

3. Иродъ, который превозмогъ своихъ враговъ, долженъ былъ теперь позаботиться о томъ, чтобы обуздать своихъ иностранныхъ союзниковъ, потому что чужеземцы массами устремились въ храмъ съ цѣлью разсмотрѣть его святыни. Просьбами, угрозами, а отчасти даже силой оружія царь оттѣснялъ ихъ назадъ; онъ слишкомъ хорошо понималъ, что его побѣда превратится въ самое гибельное пораженіе, если они узрятъ кое-что изъ того, что должно остаться скрытымъ отъ человѣческихъ глазъ [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ позаботиться теперь о прекращеніи грабежа въ городѣ. Онъ настоятельно спрашивалъ Сессія: намѣрены ли римляне прежде опустошить городъ, очистить его совершенно отъ денегъ и людей, а затѣмъ уже оставить его царствовать надъ пустыней? За такую массу пролитой крови гражданъ и владычество надъ всѣмъ міромъ казалось ему недостаточнымъ возмездіемъ. Когда же Соссій возразилъ, что поневолѣ приходится предоставить солдатамъ грабить городъ, какъ награду за трудности осады, то онъ вызвался наградить всѣхъ изъ своей собственной казны. Этимъ онъ хотѣлъ выкупить все, что еще уцѣлѣло въ его столицѣ, и тотчасъ же исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ блестяще вознаградилъ каждаго солдата, предводителей — въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ, но самого Соссія, дѣйствительно, по царски. Никто не покинулъ Іерусалима безъ денегъ. Соссій посвятилъ божеству золотой вѣнокъ и выступилъ изъ Іерусалима, повезши съ собою Антигона скованнымъ въ цѣпяхъ для Антонія. Топоръ, какъ онъ того заслужилъ [2], положилъ конецъ его жизни.

[1] Святая-святыхъ храма составляли запретное мѣсто, куда входъ не былъ дозволенъ никому изъ евреевъ и даже—каганамъ. Одинъ только первосвященникъ, и то разъ въ году, въ „день всепрощенія", входилъ въ это отдѣленіе храма для совершенія особой службы, установленной Моисеемъ для этого дня.

[2] По свидѣтельству Страбона (I. Д. XV, 16, 2), это былъ первый случай, когда римскій полководецъ убилъ царя топоромъ. Антоній, по словамъ этого писателя, избралъ эту самую позорную казнь въ виду того, что „евреевъ никоимъ образомъ нельзя было заставить признать Ирода царемъ своимъ, что ихъ никакими пытками нельзя было принудить къ тому, чтобы называть его царемъ—такъ высоко они чтили своихъ прежнихъ царей. Антоній поэтому думалъ, что казнь топоромъ набросить позорную тѣнь на память Антигона, и вслѣдствіе этого ненависть евреевъ къ Ироду ослабнетъ". Іосифъ-же, очевидно изъ лести къ римскому дворцу, называетъ этотъ родъ казни заслуженнымъ Антигономъ за то, что послѣдній, законный наслѣдникъ іудейскаго престола, принялъ корону изъ рукъ своего народа, не испрашивая на то разрѣшенія римлянъ. Онъ даже ни разу не называетъ царемъ Антигона, который 3½ года царствовалъ фактически, а титулуетъ этимъ именемъ Ирода съ того момента,

которую онъ до послѣдняго мгновенія провелъ въ тщеславныхъ надеждахъ (107 до раз. хр.) [1].

4. Царь Иродъ предпринялъ теперь чистку іерусалимскаго населенія. Своихъ единомышленниковъ онъ еще больше привязалъ къ себѣ пожалованіемъ имъ почетныхъ должностей; приверженцевъ же Антигона онъ приказалъ казнить. Вслѣдствіе недостатка въ наличныхъ деньгахъ, онъ всѣ свои драгоцѣнности перечеканилъ въ монеты и послалъ ихъ Антонію и его приближеннымъ [2]. Этимъ однимъ онъ все таки не могъ купить себѣ

какъ только его назначеніе было освящено жертвоприношеніемъ въ юпитерскомъ храмѣ въ Римѣ,—хотя Иродъ еще стоялъ за стѣнами іудейской столицы и еще долгое время велъ кровопролитную войну со своими будущими подданными, которые добровольно не уступали ему ни единой деревушки, ни единаго клочка земли. Впрочемъ въ (XIV, 6,4) Іосифъ даетъ совершенно иное освѣщеніе казни Антигона. Онъ разсказываетъ, что „Иродъ большой суммой денегъ склонилъ Антонія на убійство Антигона, ибо боялся, что если Антигонъ будетъ препровожденъ въ Римъ, тогда сенату станетъ извѣстно, что свергнутый съ престола принадлежитъ къ царскому семейству, а онъ, Иродъ, происходитъ изъ низкаго рода“.

[1] „Со смертью Антигона окончилось владычество Асмонеевъ, длившееся 129 лѣтъ (236—107 лѣтъ до раз. хр.). Ихъ тронъ, говоритъ Іосифъ (I. Д. XIV, 16, 4), перешелъ къ сыну Антипатра, Ироду—человѣку низкаго происхожденія и принадлежавшему къ сословію простыхъ подданныхъ“.

[2] Достигнувъ престола путемъ насилія и кровопролитія, Иродъ, какъ всякій похититель власти, началъ свое правленіе съ казней и убійствъ. Образцомъ служили ему римскіе диктаторы—его же современники и покровители, Антоній и Цезарь Октавіанъ, и онъ подвергъ Іерусалимъ тому самому террору, какой свирѣпствовалъ въ Римѣ во дни этихъ самовластныхъ тріумвировъ. Первыми жертвами мщенія Ирода сдѣлались члены Синедріона—тѣ самые, которые девять лѣтъ тому назадъ хотѣли осудить его на смерть за убійства въ Галилеѣ (10, 7): они всѣ пали подъ сѣкирами палачей, за исключеніемъ только двухъ президентовъ Синедріона, Семаіи и Авталіона, которые, находясь въ личныхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Антигономъ и предвидя неизбѣжное паденіе города, совѣтовали народу во время осады добровольно сдаться Ироду. Не менѣе, чѣмъ фарисеевъ, ненавидѣлъ Иродъ и родовую аристократію іудеевъ если первые были ему опасны, какъ защитники народнаго права и оплотъ демократическихъ учрежденій въ духѣ національной религіи, то іудейская аристократія заключала въ себѣ элементы, преданные династіи Маккавеевъ и слишкомъ гордые для того, чтобы преклоняться предъ незаконной властью идумейскаго проходимца. Онъ ихъ обрекъ на смерть со всѣми ихъ семействами и убилъ въ томъ числѣ 45 знатнѣйшихъ граждань Іерусалима. Казни совершились съ безчеловѣчной жестокостью: креатуры царя, преимущественно идумеи, рыскали по городу, подвергали его противниковъ истязаніямъ, убивая

продолжительный покой, потому что Антоній давно уже страдалъ любовью къ Клеопатрѣ и всецѣло былъ порабощенъ своей страстью. Послѣ того, какъ Клеопатра покончила съ собственнымъ своимъ семействомъ, и никто больше не остался изъ ея кровныхъ родственниковъ, она обратила свою кровожадность на чужія страны. Интригами и клеветой противъ сирійскихъ князей она старалась склонить Антонія на ихъ казнь, надѣясь тѣмъ скорѣе унаслѣдовать ихъ владѣнія. Она уже бросала жадные взоры также на Іудею и Аравію и изподтишка принимала мѣры къ низверженію правителей обѣихъ этихъ странъ, Ирода и Малиха (14,1).

5. До этихъ поръ Антоній безпрекословно исполнялъ всѣ ея требованія; но убійство храбрыхъ людей и выдающихся царей онъ считалъ преступленіемъ. За то онъ уклонялся отъ близкой дружбы съ ними и отнялъ у нихъ для Клеопатры обширныя мѣстности. Такъ были отняты и уступлены Клеопатрѣ пальмовый лѣсъ возлѣ Іерихона, гдѣ добывается бальзамъ (IV, 8, 2, 3), и всѣ города, лежавшіе по ту сторону рѣки Элевтера [1], за исключеніемъ Тира и Сидона. Сдѣлавшись владѣтельницей этихъ послѣднихъ, она провожала Антонія въ его походѣ противъ пареянъ до Евфрата и прибыла чрезъ Апамею (10, 10) и Дамаскъ въ Іудею. Богатыми подарками Иродъ смягчилъ ея враждебное расположеніе и снялъ у нея въ аренду оторванныя отъ его царства владѣнія за 200 талантовъ въ годъ, послѣ чего онъ со всевозможными почестями провожалъ ее до Пелузія. Недолго спустя (104 до раз. хр.) появился Антоній изъ пареянскаго похода и везъ съ собою плѣннымъ сына Тиграна, Артабаза, какъ подарокъ Клеопатрѣ,

---

однихъ и изувѣчивая другихъ. Награда за убійства, пріобрѣтеніе милости деспота влекли людей на эти ужасныя преступленія. Не было мѣста, не было дома, гдѣ обреченный на смерть нашелъ бы убѣжище, такъ какъ давшій пріютъ преслѣдуемому, подвергался такому же самому наказанію. Имущество убитыхъ Иродъ конфисковалъ въ свою пользу; у всѣхъ воротъ были разставлены вооруженные стражники, которые обыскивали трупы умерщвленныхъ, при выносѣ ихъ изъ города, и найденныя при нихъ драгоцѣнности доставляли царю. Онъ былъ бы быть можетъ менѣе кровожаденъ, если бы не нуждался въ деньгахъ для насыщенія алчности Антонія и его свиты. Но онъ былъ поставленъ въ необходимость убивать для того, чтобы грабить, и грабить для того, чтобы покупать милость римлянъ и съ ихъ помощью поддерживать свою власть надъ враждебнымъ ему народомъ (I. Д. XV, 1, 1, 2).

[1] Нынѣ Наарь-ель-Кебиръ (большая рѣка)—образуетъ собою границу между Сиріей и Палестиной.

такъ что вмѣстѣ со всѣми сокровищами и всей добычей ей предоставленъ былъ также пареянинъ [1].

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

(I. Д. XV, 5).

Антоній, уступая требованію Клеопатры, отправляетъ Ирода войной противъ арабовъ, надъ которыми онъ послѣ многихъ усилій наконецъ одерживаетъ побѣду.—Большое землетрясеніе.

1 Въ началѣ войны при Акціумѣ Иродъ вмѣстѣ съ Антоніемъ приготовлялись къ походу, [2] такъ какъ теперь волненія въ Іудеѣ были вообще подавлены и даже Гирканія (8, 2), гдѣ до тѣхъ поръ держалась еще сестра Антигона, была также въ его рукахъ. Клеопатра съумѣла, однако, помѣшать Ироду раздѣлять опасности войны вмѣстѣ съ Антоніемъ. Она, какъ уже было замѣчено, имѣла свои корыстные виды на Ирода и аравійскаго царя, а потому она уговорила Антонія поручить Ироду войну съ аравитянами [3], разсчитывая на то, что если Иродъ побѣдитъ, она получитъ Аравію, а если онъ потерпитъ пораженіе, ей достанется Іудея, и такимъ образомъ она одному изъ этихъ двухъ владѣтелей приготовитъ гибель чрезъ другаго.

2) Дѣло кончилось, однако, къ выгодѣ Ирода. Сперва онъ взялъ у нихъ заложниковъ, а затѣмъ напалъ на нихъ у Діосполиса со собраннымъ имъ большимъ отрядомъ конницы и выигралъ сраженіе, не смотря на храброе сопротивленіе врага. Это пораженіе вызвало сильное волненіе среди арабовъ: они собрались опять въ большихъ силахъ у Канаеы [1] въ Келесиріи и ожидали здѣсь іудеевъ. Прибывъ туда съ своимъ войскомъ, Иродъ намѣревался вести войну со всею осторожностью и приказалъ прежде всего устроить укрѣпленный лагерь. Но солдаты его не хотѣли повиноваться. Поощренные первой побѣдой, они ударили на арабовъ и при первомъ наступленіи обратили ихъ въ бѣгство. Но при преслѣдованіи непріятеля Ироду подставлена была ловушка: Аееніонъ, одинъ изъ полководцевъ Клеопатры, его всегдашній врагъ, велѣлъ жителямъ Канаеы напасть на него съ тыла; это неожиданное нападеніе возвратило также бодрость арабамъ: они обернулись лицомъ, выстроились опять въ ряды и на неудобопроходимой, усѣянной камнями равнинѣ обратили войско Ирода въ бѣгство и произвели здѣсь страшное побоище. Спасшіеся отъ смерти въ сраженіи бѣжали въ Ормизу; но и тамъ они были застигнуты арабами, оцѣпившими ихъ со всѣхъ сторонъ, и вмѣстѣ со своимъ лагеремъ попали въ ихъ руки.

3. Иродъ, хотя скоро послѣ этого пораженія и поспѣшилъ къ нимъ на помощь со своими отрядами, но было уже поздно. Только неповиновеніе офицеровъ причинило ему эту неудачу: если бой не начался бы такъ поспѣшно, тогда Аееніонъ не нашелъ бы случая для измѣны. Впрочемъ, арабамъ приходилось горько расплачиваться за свою однократную побѣду, ибо Иродъ мстилъ имъ частыми опустошительными набѣгами на ихъ владѣнія. Но въ то время, когда онъ мстилъ своимъ врагамъ, его постигло на седьмомъ году его царствованія (101 до разр. хр.), въ самомъ разгарѣ войны при Акціумѣ, другое, высшей рукой ниспосланное несчастье. Это было землетрясеніе, происшедшее въ началѣ весны, погубившее безчисленное множество скота и тридцать тысячъ человѣкъ [2]; одно только войско осталось невредимымъ, благодаря тому, что

[1] Вмѣсто „пареянинъ" слѣдуетъ читать армянинъ, какъ въ I. Д. (XV, 4. 3), такъ какъ Артабазъ или Артаваздъ былъ армянскимъ царемъ. Онъ измѣнилъ римлянамъ и оставилъ ихъ однихъ въ Пареіи. Антоній очутился тамъ въ очень бѣдственномъ положеніи, долженъ былъ отступить и при отступленіи потерялъ до 30,000 человѣкъ. За то онъ отмстилъ Артавазду.

[2] Антоній своей разгульной жизнью и безразсудными дѣйствіями на Востокѣ подвергалъ тяжелому испытанію терпѣніе римскаго сената, народа и ихъ повелителя Цезаря Октавіана. Своимъ постыднымъ походомъ на пареянъ онъ опозорилъ римское оружіе; своей любовной страстью къ Клеопатрѣ онъ унижалъ гражданское достоинство римлянъ: онъ далъ своей наложницѣ титулъ царицы царей, подарилъ ей и ея дѣтямъ римскія провинціи, Сирію, Киликію Финикію, Кирену и Арменію; забывая совершенно о Римѣ, онъ заботился только объ увеличеніи блеска Александріи и стремился къ тому, чтобы сдѣлать ее столицей всего государства, а Клеопатру—его повелительницей. Сенатъ объявилъ войну Клеопатрѣ и Антонію, именовавшемуся ея полководцемъ, и поручилъ веденіе этой войны Цезарю Октавіану. При Акціумѣ состоялась морская битва между Антоніемъ и Октавіаномъ. Къ этой войнѣ готовился также и Иродъ, чтобы быть въ помощь Антонію.

[3] Война была объявлена аравійскому царю за то, что онъ отказался платить дань съ тѣхъ владѣній, которыя были отняты у него Антоніемъ и отданы Клеопатрѣ. Тутъ страдали также интересы Ирода, такъ какъ онъ арендовалъ эти владѣнія у Клеопатры и гарантировалъ ей доходы съ нихъ (I. Д. XV, 4, 4, 5, 1).

[1] Библейскій Кенаеъ въ Хавранѣ.

[2] По I. Д. (XV, 5, 3) менѣе 10,000. Преимущественно или исключительно пострадала Саронская долина, гдѣ жители были погребены подъ своими разва-

оно стояло лагеремъ въ открытомъ полѣ. Молва, всегда преувеличивающая ужасы всякаго бѣдствія и кричавшая чуть ли не о повальномъ опустошеніи всей Іудеи, подняла на ноги арабовъ; имъ казалось, что они легко овладѣютъ теперь безлюдной страной, и съ этой цѣлью вторглись въ послѣднюю, умертвивъ предварительно прибывшихъ тогда къ нимъ іудейскихъ пословъ. Это вторженіе навело панику на народъ: удрученный бѣдствіями, обрушившимися на него одно за другимъ, онъ потерялъ всякое самообладаніе. Иродъ поэтому назначилъ народное собраніе и слѣдующей рѣчью пытался воодушевить его на сопротивленіе.

4. «Страхъ, охватившій всѣхъ васъ, кажется мнѣ далеко неосновательнымъ. Что кары небесъ повергли васъ въ уныніе—было естественно, но если человѣческія гоненія производятъ то же самое дѣйствіе, такъ это обличаетъ отсутствіе мужества. Я такъ далекъ отъ мысли послѣ землетрясенія бояться непріятеля, что, напротивъ, болѣе склоненъ вѣрить, что Богъ хотѣлъ этимъ бросить арабамъ приманку, дабы дать намъ возможность мстить имъ. Вѣдь они напали на насъ, надѣясь не столько на собственныя свои руки и оружіе, сколько на тѣ случайныя бѣдствія, которыя насъ постигли. Но та надежда обманчива, которая опирается не на собственныя силы, а на чужое несчастье, потому что несчастье или счастье не представляетъ собою нѣчто устойчивое въ жизни; напротивъ, счастье колеблется туда и назадъ. Это вы можете видѣть изъ имѣющихся предъ нами свѣжихъ примѣровъ. Насъ, побѣдителей въ предыдущихъ битвахъ, непріятель теперь побѣдилъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ, убаюканный мыслью о побѣдѣ, теперь уже потерпитъ пораженіе; ибо слишкомъ большая самоувѣренность ведетъ къ неосторожности, боязнь же учитъ быть предусмотрительнымъ; оттуда и бодрость духа, которая внушается мнѣ вашей боязливостью. Когда вы были чрезъ-чуръ смѣлы и напали на непріятеля противъ моего желанія, Аѳеніонъ получилъ возможность осуществить свою измѣну. Но нынѣшняя ваша робость и кажущееся малодушіе гарантируютъ мнѣ побѣду. Оставайтесь въ этомъ настроеніи вплоть до начала боя; но въ самомъ сраженіи вы должны возгорѣться всѣмъ пыломъ вашего мужества и показать этому безбожному племени, что никакое несчастье, будь оно отъ Бога или отъ людей, не въ состояніи сокрушить храбрость іудеевъ, пока еще искорка жизни тлѣетъ въ нихъ, и

лившимися домами. Съ тѣхъ поръ первосвященники въ день всепрощенія молились въ Святая святыхъ особо за саронцевъ. (Гретцъ, III т., Note 18).

что никто изъ васъ не дастъ тѣмъ арабамъ, которыхъ вы такъ часто чуть ли не плѣнными уводили съ поля сраженія, сдѣлаться господами надъ вашимъ имуществомъ. Не поддавайтесь только вліянію безжизненной природы и не смотрите на землетрясеніе, какъ на предвѣстникъ дальнѣйшихъ бѣдствій! То, что происходитъ въ стихіяхъ, совершается по законамъ природы и, кромѣ присущаго имъ вреда, онѣ ничего больше не приносятъ человѣку. Голодъ, моръ и землетрясеніе еще могутъ быть предвѣщаемы менѣе важными знаменіями; но сами эти бѣдствія имѣютъ свои собственные ужасы своимъ предѣломъ, ибо какой еще большій вредъ можетъ намъ нанесть самый побѣдоносный врагъ, чѣмъ тотъ, который мы уже потерпѣли отъ землетрясенія? Съ другой стороны, непріятель получилъ великое предзнаменованіе своего пораженія—знаменіе, данное ему ни природой, ни другой какой-либо силой: они, противъ всѣхъ человѣческихъ законовъ, жестокимъ образомъ умертвили нашихъ пословъ и такія жертвы посвятили божеству за исходъ войны! Да, они не уйдутъ отъ великаго ока Божія и не избѣгнутъ Его побѣдной десницы. Они немедленно должны будутъ дать намъ удовлетвореніе, если только въ насъ еще живетъ духъ нашихъ предковъ и если мы подымемся на месть измѣнникамъ. Пусть каждый идетъ въ бой не за свою жену и дѣтей, даже не за угрожаемое отечество, а въ отмщеніе за убитыхъ пословъ. Они лучше, чѣмъ мы живые, будутъ направлять войну. Я, если вы будете лучше чѣмъ прежде повиноваться мнѣ, буду предшествовать вамъ въ опасности! Вы знаете хорошо, что ваша храбрость непоборима, если сами не повредите себѣ необдуманной поспѣшностью» [1].

5. По окончаніи этой ободряющей рѣчи, замѣтивъ одушевленіе солдатъ, Иродъ совершилъ жертвоприношеніе и перешелъ со своимъ войскомъ чрезъ Іорданъ. Возлѣ Филадельфіи (2,4), невдалекѣ отъ непріятеля, онъ разбилъ лагерь и началъ подстрѣливать непріятеля съ цѣлью выиграть находившуюся по срединѣ поля крѣпость, а за тѣмъ по возможности скорѣе дать ему настоящее сраженіе. Арабы также выдвинули впередъ часть войска для занятія укрѣпленія. Но царскіе отряды быстро отбросили ее назадъ и завладѣли возвышеніемъ. Иродъ самъ каждый день выступалъ со своимъ войскомъ въ боевомъ порядкѣ и вызывалъ арабовъ на битву; но такъ какъ никто не шелъ ему на встрѣчу (паническій страхъ овладѣлъ арабами,

---

[1] Въ І. Д. (XV, 5, 3) приведена рѣчь болѣе пространная и совсѣмъ въ другомъ стилѣ, но одинаковаго содержанія съ этой.

а ихъ предводитель, Элеемъ, при видѣ іудейскаго войска, пришелъ въ какое то оцѣпенѣніе отъ испуга), то онъ первый напалъ на нихъ и прорвалъ возведенные ими шанцы. Принужденные такимъ образомъ къ самообоpонѣ, они выступили въ сраженіе безъ всякаго порядка, пѣшіе и конные вмѣстѣ. Численностью они хотя превосходили іудеевъ, но уступали имъ въ храбрости, хотя и они отъ отчаянія бились какъ безумные.

6. До тѣхъ поръ, пока они еще держались, они не имѣли много мертвыхъ; но какъ только показали тылъ, многіе изъ нихъ пали отъ рукъ іудеевъ, а многіе другіе были растоптаны своими-же бѣжавшими товарищами. Пять тысячъ человѣкъ легло на пути бѣгства; остальная масса спаслась за шанцы. Иродъ оцѣпилъ и осадилъ ихъ; но прежде чѣмъ они были вынуждены къ сдачѣ силой оружія, ихъ принудила къ этому жажда, такъ какъ запасъ воды у нихъ истощился. Ихъ пословъ царь принялъ очень гордо и, такъ какъ они предложили ему 50 талантовъ выкупа, то онъ еще настойчивѣе подвинулъ осаду. Мучимые все болѣе и болѣе усилившейся жаждой, арабы толпами выходили изъ-за укрѣпленій и добровольно сдавались іудеямъ; въ пять дней взято было въ плѣнъ 4,000 человѣкъ. На шестой день оставшееся войско съ отчаянія бросилось въ сраженіе. Иродъ принялъ его и опять истребилъ около 7,000 человѣкъ. Такими кровавыми побоищами онъ мстилъ арабамъ и до такой степени подавилъ ихъ гордость, что этотъ народъ избралъ его своимъ верховнымъ главой.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

(І. Д. XV, 6, 1, 6, 7, 10, 1—3).

Иродъ утверждается Августомъ въ царствованіи и щедро награждается милостями. Ему возвращается часть царства, отнятая Клеопатрой, съ присоединеніемъ области Зенодора.

1) Вскорѣ послѣ этого Цезарь (Октавіанъ) одержалъ свою побѣду при Акціумѣ (101 до раз. хр.) [1]. Иродъ, связанный дружбой съ Антоніемъ, началъ тогда опасаться за свое собственное положеніе. Но его опасенія, какъ это показали послѣдствія, были слишкомъ преувеличенные ибо Октавіанъ не считалъ еще Антонія побѣжденнымъ, пока Иродъ остался вѣренъ послѣднему Царь тогда принялъ рѣшеніе идти на встрѣчу опасности: онъ отправился въ Родосъ, гдѣ находился Октавіанъ, и предсталъ предъ нимъ безъ царской діадемы и безъ всякихъ знаковъ своего сана, какъ частное лицо, но съ царскимъ достоинствомъ. Чистосердечно, не скрывая правды ни въ чемъ, онъ началъ: «Я, Цезарь, возведенный Антоніемъ въ цари надъ іудеями, дѣлалъ, откровенно сознаюсь, все отъ меня зависящее для того, чтобы быть ему полезнымъ. Не скрою и того, что ты во всякомъ случаѣ видѣлъ бы меня вооруженнымъ на его сторонѣ, еслибы мнѣ не помѣшали арабы. Но я, по мѣрѣ моихъ силъ, послалъ ему подкрѣпленія и многотысячное количество хлѣба. Еще больше, даже послѣ его пораженія при Акціумѣ, я не оставилъ моего благодѣтеля: не имѣя уже возможности быть ему полезнымъ въ качествѣ соратника, я былъ ему лучшимъ совѣтникомъ и указывалъ ему на смерть Клеопатры, какъ на единственное средство возвратить себѣ потерянное [1]; еслибъ онъ рѣшился пожертвовать ею, то я обѣщалъ ему деньги, надежныя крѣпости, войско и мое личное участіе въ войнѣ противъ тебя. Но страстная его любовь къ Клеопатрѣ и самъ Богъ, осчастливившій тебя побѣдой, затмили его умъ. Такъ я побѣжденъ вмѣстѣ съ Антоніемъ и послѣ его паденія я снялъ съ себя вѣнецъ. Къ тебѣ же я пришелъ въ той надеждѣ, что мужество достойно милости и въ томъ предположеніи, что будетъ принято во вниманіе то, какой я другъ, а не чей я былъ другъ».

2) На это императоръ отвѣтилъ: «Тебя никто не тронетъ! Ты можешь отнынѣ еще съ большей увѣренностью править твоимъ царствомъ! Ты достоинъ властвовать надъ многими за то, что такъ твердо хранилъ дружбу! Старайся же теперь быть вѣрнымъ и болѣе счастливому другу и оправдать тѣ блестящія надежды, которыя вселяетъ мнѣ твой благородный характеръ.

[1] Виновницей этой рѣшительной побѣды надъ Антоніемъ была его же возлюбленная Клеопатра, участвовавшая въ морской битвѣ при Акціумѣ въ качествѣ зрительницы. Антоній окружилъ ее 60 кораблями египетской эскадры для того, чтобъ она не подвергалась никакой опасности. Но царица все-таки устрашилась грандіознаго морскаго сраженія, въ которомъ, по словамъ нѣкоторыхъ древнихъ историковъ, участвовало до 750 кораблей: она покинула мѣсто битвы и на всѣхъ парусахъ пустилась въ открытое море. Какъ только увидѣлъ Антоній, что она удаляется, онъ поспѣшилъ за ней, оставивъ весь флотъ свой и войско безъ всякихъ инструкцій. Этимъ была рѣшена побѣда. Солдаты нѣсколько дней ждали возвращенія своего вождя, но, убѣдившись въ его бѣгствѣ, они добровольно сдались Октавіану.

[1] Друзья Антонія одинъ за другимъ измѣнили ему главнымъ образомъ изъ ненависти къ Клеопатрѣ, которая безпощадно преслѣдовала всѣхъ восточныхъ царей и князей, подчиненныхъ ея обажателю. Если-бъ Антоній согласился прервать связь съ нею, то онъ могъ бы собрать еще достаточно силъ для продолженія войны съ Октавіаномъ.

Антоній хорошо сдѣлалъ, что больше слушался Клеопатры чѣмъ тебя, ибо, благодаря его безумію, мы пріобрѣли тебя. Ты, впрочемъ, кажется, уже началъ оказывать намъ услугу: Квинтъ Дидій пишетъ мнѣ, что ты ему послалъ помощь противъ гладіаторовъ [1]. Я не замедлю оффиціальнымъ декретомъ утвердить тебя въ царскомъ званіи и постараюсь также въ будущемъ быть милостивымъ къ тебѣ, дабы ты не имѣлъ причины горевать объ Антоніи».

3) Послѣ этихъ дружелюбныхъ словъ Октавіанъ возложилъ діадему на царя и о дарованномъ ему царскомъ достоинствѣ объявилъ въ декретѣ, въ которомъ великодушно превознесъ славу Ирода. Послѣдній, еще больше расположивъ къ себѣ Октавіана подарками, попытался выпросить у него прощенія одному изъ друзей Антонія, Александру, прибѣгшему къ его заступничеству; но, сильно раздраженный противъ тяжело провинившагося предъ нимъ Александра, Цезарь отклонилъ просьбу Ирода. Впослѣдствіи, когда императоръ отправился черезъ Сирію въ Египетъ, Иродъ встрѣтилъ его со всей царской пышностью, ѣхалъ рядомъ съ нимъ во время смотра войска около Птоломаиды, устроилъ въ честь его и всѣхъ его друзей торжественный пиръ и угостилъ обѣдомъ также и все его войско. Далѣе онъ позаботился, чтобы солдаты въ своемъ переходѣ чрезъ безводную мѣстность до Пелузія и на обратномъ пути были въ достаточномъ количествѣ снабжены водой, и принялъ вообще всѣ мѣры къ тому, чтобъ императорское войско ни въ чемъ ни нуждалось [2]. Такимъ образомъ у императора и у солдатъ сложилось убѣжденіе, что доставшіяся Ироду владѣнія ничтожны въ сравненіи съ оказанными имъ услугами. Вслѣдствіе этого, Цезарь, прибывъ въ Египетъ, гдѣ онъ засталъ Клеопатру и Антонія уже мертвыми [3],

[1] Послѣ битвы при Акціумѣ гладіаторы Антонія, находившіеся въ Кизикѣ (на Геллеспонтѣ), пытались переплыть въ Египетъ на помощь своему господину, но новый правитель Сиріи Квинтъ Дидій, при помощи Ирода, перерѣзалъ имъ путь.

[2] Ко всему этому Иродъ подарилъ еще Октавіану 800 талантовъ, (І. Д. XV, 6, 6).

[3] Антоній, покинутый всѣми своими друзьями и офицерами, которые измѣнически, по тайному приказанію Клеопатры, сдали въ руки Октавіана Пелузій, закололъ себя мечемъ въ то время, когда Цезарь подступалъ съ войскомъ къ Александріи. Клеопатра же, завязавшая тайные переговоры съ Цезаремъ еще при жизни Антонія, надѣялась очаровать его своей красотой, какъ прежнихъ римскихъ побѣдителей: Юлія Цезаря и Антонія. Но Октавіанъ устоялъ противъ ея чаръ и рѣшилъ увезти ее въ Римъ, чтобы украсить ею свой тріумфъ. Узнавъ объ этомъ, Клеопатра улучила удобный моментъ и отравилась. Съ ея

осыпалъ Ирода еще большими почестями и расширилъ предѣлы его государства, возвративъ ему отобранную Клеопатрой провинцію и прибавивъ ему, кромѣ того, еще Гадару (4, 2), Гиппона Самарію (2, 2) и приморскіе города: Газу (4, 2), Анѳеданъ (4, 2), Іоппію (2, 2) и Стратонову Башню (21, 2) [1]. Ко всему этому Октавіанъ подарилъ ему придворную стражу Клеопатры, состоявшую изъ 400 галатовъ. На такіе подарки вызвала его главнымъ образомъ щедрость самого Ирода.

4) По истеченіи первой акціады [2] онъ присоединилъ еще къ его царству страну, извѣстную подъ именемъ Трахонеи, равно и граничащія съ послѣдней другія двѣ области, Батанею и Авранитиду [3]. Поводъ къ тому былъ слѣдующій. Зенодоръ, державшій на откупѣ владѣнія Лизанія [4], безпрестанно натравливалъ трахонитскія разбойничьи банды на дамаскинцевъ. Послѣдніе обратились къ начальнику Сиріи, Варрону, съ просьбой донести объ этомъ несчастіи императору. Когда же былъ полученъ приказъ объ искорененіи разбойничьяго гнѣзда, Варронъ съ войскомъ отправился въ Трахонею и, очиститъ ее отъ разбойниковъ, отнялъ ее у Зенодора. Императоръ же для того, что бы эта страна опять не сдѣлалась притономъ разбойниковъ для нападенія на Дамосъ, отдалъ ее Ироду. Десять лѣтъ спустя (88 до раз. хр.), когда Августъ опять прибылъ въ восточныя провинціи, онъ назначилъ его намѣстникомъ всей Сиріи, такъ что никто изъ начальниковъ не могъ предпринимать что-либо безъ его вѣдома. По смерти Зенодора онъ отдалъ ему также всю область между Трахонеей и Галилеей. Но что для Ирода было всего важнѣе, такъ это то, что онъ могъ считать себя первымъ любимцемъ Августа послѣ Агриппы [5] и любимцемъ Агриппы

смертью прекратилась династія Птоломеевъ. Египетъ сдѣлался римской провинціей. Управленіе ею поручено было намѣстнику императора, независимому отъ сената.

[1] Іудея такимъ образомъ была возстановлена въ тѣхъ же предѣлахъ, въ какихъ она существовала при Маккавеяхъ, до братоубійственной войны.

[2] Въ честь своей побѣды при Акціумѣ Октавіанъ установилъ достопамятныя акційскія игры, происходившія въ Никополисѣ (близъ Акціума), каждый пятый годъ и названныя акціадами.

[3] Нынѣ Хиваріонъ.

[4] Лизаній,—владѣтель Халкиды, сынъ породнившагося съ домомъ Асмонеевъ Птоломея (9, 2), равно какъ и аравійскій царь, Малихъ, были убиты Антоніемъ въ угоду Клеопатрѣ.

[5] Зять Августа и знаменитѣйшій изъ его полководцевъ, которому объ былъ обязанъ своими побѣдами надъ Помпеемъ и Антоніемъ.

послѣ Августа. Достигнувъ апогея внѣшняго счастья, Иродъ возвысился также духовно и направилъ свои заботы главнымъ образомъ на дѣла благочестія [1].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

(I. Д. XV. 8—11. XVI, 5, 7)

Города, возстановленные и вновь построенныя и другія строенія, возведенныя Иродомъ. Его щедрость и великодушіе по отношенію къ другимъ народамъ. Успѣхъ, которымъ онъ пользовался во всемъ.

1) На пятнадцатомъ году своего царствованія (92 до раз. хр.) Иродъ заново отстроилъ храмъ, расширилъ мѣсто храма вдвое противъ прежняго и окружилъ его стѣной—все съ неимовѣрными затратами, съ безпримѣрной роскошью и великолѣпіемъ [2]. Объ этой роскоши свидѣтельствовали, въ особенности, большія галлереи вокругъ храма и цитадель, возвышавшаяся на сѣверъ отъ него. Первыя онъ построилъ отъ самаго основанія, а цитадель онъ съ огромными затратами перестроилъ на подобіе дворца и

[1] Не считая обновленія іерусалимскаго храма, всѣ остальныя дѣла Ирода, исчисляемыя въ слѣдующей главѣ, можно назвать благочестивыми развѣ только съ точки зрѣнія язычника или вообще—врага іудаизма.

[2] Когда Иродъ объявилъ о своемъ намѣреніи перестроить храмъ, народъ ужаснулся: одни боялись, что у него не хватитъ средствъ для окончанія постройки, другіе думали, что онъ подъискиваетъ только предлоги для того, чтобы отнять у народа его святилище. Для устраненія этихъ подозрѣній Иродъ обѣщалъ приступить къ реставраціи храма лишь послѣ заготовки матеріала и окончанія всѣхъ подготовительныхъ работъ. 1000 подводъ было заготовлено для возки камня, нанято 10,000 опытныхъ мастеровъ и кромѣ нихъ были обучены строительнымъ ремесламъ еще и многіе священники. Для постройки собственно храма брались мраморныя глыбы, имѣвшія $5^1/_2$ саж. длины, $2^1/_2$ саж. ширины и $1^1/_2$ саж. толщины. Внутренняя часть храма окончена была въ полтора года; остальныя постройки, галлереи, колоннады (162 колонны въ 4-хъ рядахъ; каждая колонна имѣла 27 футовъ длины, а толщину ея только три человѣка могли охватить руками; колонны оканчивались на верху роскошными капителями коринѳской работы) и башни строились безпрерывно въ теченіи восьми лѣтъ. Во всѣ эти годы, говоритъ Іосифъ, дожди шли только ночью и не препятствовали работамъ (сказаніе это приводится также и въ Талмудѣ). Иродіанскій храмъ своимъ блескомъ, величіемъ и объемомъ значительно превосходилъ храмъ Зерувавеля и даже Соломона. Собственно святилище достигло 26 саж. высоты, а окружность храма имѣла 352 сажени (I. Д. XV, II). Подробное описаніе Иродіанскаго храма Іосифъ даетъ ниже: I. В. V, 5, 1—6.

назвалъ ее въ честь Антонія, Антовіей [1]. Свой собственный дворецъ онъ построилъ въ верхнемъ городѣ, и два громаднѣйшихъ, красивѣйшихъ зданія съ которыми даже храмъ не выдерживалъ сравненія, онъ назвалъ по имени своихъ друзей: Цезаріономъ и Агриппіономъ.

2) Но не одними только единичными зданіями онъ запечатлѣвалъ ихъ память и имена: онъ шелъ еще и дальше и строилъ въ честь ихъ цѣлые города. Въ странѣ самарянъ онъ построилъ городъ, который обвелъ очень красивой стѣной, имѣвшей до двадцати стадій въ окружности, поселилъ въ немъ 6,000 жителей, надѣлилъ послѣднихъ самой плодородной землей, выстроилъ въ срединѣ новаго города большой храмъ въ честь Цезаря, обсадилъ его рощей на протяженіи трехъ съ половиной стадій и назвалъ городъ Себастой. Населенію онъ далъ образцовое общественное управленіе [2].

3) Когда Августъ подарилъ ему новыя области, Иродъ и тамъ выстроилъ ему храмъ изъ бѣлаго мрамора у истоковъ Іордана, въ мѣстности, называемой Банеіономъ [3]. Здѣсь находится гора съ чрезвычайно высокой вершиной; подъ этой горою, въ ложбинѣ, открывается густо оттѣненная пещера, ниспадающая въ глубокую пропасть и наполненная стоячей водой неизмѣримой глубины; на краю пещеры бьютъ ключи. Здѣсь, по мнѣнію нѣкоторыхъ, начало Іордана. Болѣе обстоятельно мы поговоримъ объ этомъ ниже (Ш, 10, 7).

4) И въ Іерихонѣ, между крѣпостью Кипромъ [4] и старымъ дворцомъ [5], царь приказалъ воздвигнуть новое, лучшее и болѣе удобное зданіе, назвавъ его именемъ своего друга. Словомъ—не было во всемъ государствѣ ни одного подходящаго мѣста, которое бы онъ оставилъ безъ памятника въ честь императора. Наполнивъ храмами свою собственную страну, онъ

[1] Замокъ этотъ впервые былъ построенъ Іоанномъ Гирканомъ и назывался Варисомъ (3,3). Иродъ, перестроивши его, соединилъ его также тайнымъ подземнымъ ходомъ съ восточными воротами храма и здѣсь, у устья подземелья воздвигъ высокую башню для того, чтобы спастись туда въ случаѣ неожиданнаго возстанія (I. Д. XV, 11, 7).

[2] Себаста или Августа была построена на мѣстѣ прежней Самаріи. Такимъ образомъ главное гнѣздо искони враждебныхъ іудеямъ самарянъ или хутеянъ, разрушенное и срытое до основанія Гирканомъ I (2, 7), было возрождено Иродомъ.

[3] Нынѣ Банея.

[4] См. ниже § 9.

[5] Упоминается во 2 главѣ § 3.

украсилъ зданіями также и ввѣренную ему провинцію и во многихъ городахъ воздвигалъ Цезареи [1].

5) Замѣтивъ, что Стратонова Башня—городъ въ прибрежной полосѣ,—клонится къ упадку, онъ, въ виду плодородной мѣстности, въ которой она была расположена, удѣлилъ ей особенное свое вниманіе. Онъ заново построилъ этотъ городъ изъ бѣлаго камня и украсилъ его пышными дворцами; здѣсь въ особенности онъ проявилъ свою врожденную склонность къ великимъ предпріятіямъ. Между Дорей и Іоппіей, на одинаковомъ разстояніи отъ которыхъ лежалъ въ срединѣ названный городъ, на всемъ протяженіи этого берега не было гавани. Плаваніе по Финикійскому берегу въ Египетъ совершалось, по необходимости, въ открытомъ морѣ въ виду опасности, грозившей со стороны африканскаго прибережья: самый легкій вѣтеръ подымалъ въ прибрежныхъ скалахъ сильнѣйшее волненіе, которое распространялось на далекое разстояніе отъ берега. Но честолюбіе царя не знало препятствій: онъ побѣдилъ природу,—создалъ гавань большую, чѣмъ Пирей [2] и превосходившую его многочисленностью и обширностью якорныхъ мѣстъ.

6) Мѣстность ни въ какомъ отношеніи не благопріятствовала ему; но именно препятствія возбуждали рвеніе царя. Онъ хотѣлъ воздвигнуть сооруженіе, которое по силѣ своей могло противостоять морю и которое своей красотой не давало бы возможности даже подозрѣвать перенесенныя трудности. Прежде всего онъ приказалъ измѣрить пространство, назначенное для гавани; затѣмъ онъ велѣлъ погружать въ море на глубину двадцати саженъ камни, большая часть которыхъ имѣла пятьдесятъ футовъ длины, девять футовъ высоты и десять—ширины, а другіе достигали еще большихъ размѣровъ. Послѣ того, какъ глубина была выполнена, построена была надводная часть плотины шириною въ двѣсти футовъ: на сто футовъ ширины плотина была выдвинута въ море для сопротивленія волнамъ—эта часть называлась волноломомъ; другая же часть въ сто футовъ ширины служила основаніемъ для каменной стѣны, окружавшей самую гавань. Эта стѣна мѣстами была снабжена чрезвычайно высокими башнями, самая красивая изъ которыхъ была названа Друзіономъ, по имени пасынка императора, Друза.

7) Масса помѣщеній была построена для пріема прибывавшихъ на судахъ грузовъ. Находившаяся противъ нихъ кругообразная площадь доставляла много простора для гулянья высаждавшимся на сушу мореплавателямъ. Входъ въ гавань былъ на сѣверѣ, потому что сѣверный вѣтеръ тамъ наиболѣе умѣренный. У входа на каждой сторонѣ его находятся три колоссальныхъ статуи, подпираемыхъ колоннами: на лѣвой сторонѣ входа статуи стоятъ на массивной башнѣ, а на правой сторонѣ—ихъ поддерживаютъ два крѣпко связанные между собою камня, превышающіе своей величиной башню на противоположномъ берегу. Примыкающія къ гавани зданія построены изъ бѣлаго камня. До гавани простираются городскія улицы, отстоящія другъ отъ друга въ равномѣрныхъ разстояніяхъ [1]. Насупротивъ входа въ гаванѣ стоялъ на курганѣ замѣчательный по красотѣ и величинѣ храмъ Августа, а въ этомъ послѣднемъ—его колоссальная статуя, неуступавшая, по своему образцу, олимпійскому Зевсу, равно какъ и статуя Рима, сдѣланная по образцу Аргосской Юноны. Городъ онъ посвятилъ всей области, гавань — мореплавателямъ, а часть всего этого творенія—кесарю и далъ ему имя Кесаріи (Цезареи) [2].

8) И остальныя возведенныя имъ постройки: амфитеатръ, театръ и рынокъ были также достойны имени императора, которое они носили. Дальше онъ учредилъ пятилѣтнія состязательныя игры, которыя онъ также назвалъ именемъ Цезаря. Открытіе этихъ игръ послѣдовало въ 192 олимпіадъ: Иродъ самъ назначилъ тогда богатые призы, не только для первыхъ побѣдителей, но и второстепенныхъ и третьестепенныхъ изъ нихъ [3].

---

[1] Общее названіе великолѣпныхъ зданій, построенныхъ въ честь Августа.

[2] Знаменитая въ древности аѳинская гавань.

---

[1] По всѣмъ городскимъ улицамъ были проведены продольные и поперечные подземные каналы, которые такимъ образомъ были сообщены съ моремъ такъ, что по однимъ дождевая вода и нечистоты могли выгоняться въ море, а по другимъ напирала морская вода и очищала каналы (І. Д. XV, 9, 6).

[2] Впослѣдствіи Цезарея сдѣлалась резиденціей римскаго намѣстника и соперничала во вліяніи и могуществѣ съ Іерусалимомъ. Въ Цезареѣ ковались цѣпи для порабощенія Іерусалима. Въ Цезареѣ еврейская община подвергалась всегда страшнымъ униженіямъ и преслѣдованіямъ, послужившими, наконецъ, одной изъ причинъ возстанія всего народа противъ римлянъ.

[3] Театры и цирки были построены не только въ Цезареѣ и во многихъ другихъ провинціальныхъ городахъ съ языческимъ населеніемъ, но даже въ еврейской столицѣ—Іерусалимѣ. Здѣсь же и устраивались пятилѣтнія игры въ честь Августа. Цѣлая сѣть языческихъ колоній и сильныхъ крѣпостей, какъ Цезарея, Себаста и другія, возникла уже послѣ іерусалимскаго театра и была вызвана силой необходимости для Ирода, вслѣдствіе именно введенія имъ учрежденій, столь чуждыхъ еврейскимъ міровоззрѣніямъ. Вотъ какъ послѣдовательный ходъ этихъ событій излагается въ І. Д. Иродъ, стремившійся къ эман-

Разрушенный въ войнахъ приморскій городъ Анѳединъ (4,2) онъ также отстроилъ и назвалъ его Агрипіадой. Отъ избытка любви къ этому своему

сипаціи еврейской религіи съ римскими нравами, учредилъ пятилѣтнія игры и съ большой расточительностью построилъ въ Іерусалимѣ театръ и амфитеатръ, которые были разукрашены римскими трофеями и орлами. Для привлеченія лучшихъ атлетовъ, наѣздниковъ и музыкантовъ были назначены неимовѣрно высокіе призы; для вящшаго удовольствія зрителей были доставлены рѣдкіе экземпляры львовъ и другихъ дикихъ звѣрей, которыхъ заставляли состязаться между собою или съ людьми. „Эти великолѣпныя зрѣлища,—говоритъ Іосифъ,—(I. Д. XV, 8, 1), служили для чужеземцевъ предметомъ удивленія и величайшихъ развлеченій; но коренные жители (іудеи) усматривали въ нихъ полнѣйшую разнузданность нравовъ; имъ (іудеямъ) казалось явной жестокостью бросать людей на растерзаніе дикимъ звѣрямъ и этимъ доставлять удовольстіе другимъ людямъ. Тѣмъ болѣе казалось имъ безбожнымъ замѣнять такими варварскими обычаями отечественные нравы и законы“. Народъ никакъ не могъ мириться съ такими нововведеніями, явно клонившимися къ переформированію чистаго іудаизма на римско-греческій ладъ. Десять іерусалимскихъ гражданъ уговорились между собою открыто напасть на Ирода и заколоть его въ самомъ театрѣ; если бы не удалось покончить съ самимъ Иродомъ, то они рѣшились убить нѣсколько человѣкъ изъ его свиты, лишь бы такъ или иначе выразить всенародно протестъ противъ введенныхъ въ Іерусалимѣ театральныхъ зрѣлищъ. Но одинъ изъ тайныхъ агентовъ Ирода раскрылъ заговоръ: какъ только Иродъ вошелъ въ театръ, ему было указано на этихъ десять человѣкъ, вооруженныхъ подъ верхнимъ платьемъ кинжалами. Иродъ считалъ это невѣроятнымъ; онъ немедленно покинулъ ложу, удалился къ себѣ во дворецъ и приказалъ привести къ себѣ заговорщиковъ для допроса. Послѣдніе не обнаружили ни раскаянія, ни желанія отпираться отъ задуманнаго имъ плана: каждый въ отдѣльности признавался царю, что онъ былъ готовъ убить его и пожертвовать своей собственной жизнью на благо народа и отчизны. Всѣ десять человѣкъ были преданы мучительнымъ казнямъ. Не долго спустя шпіонъ, выдавшій заговорщиковъ и сдѣлавшійся предметомъ всеобщаго презрѣнія, попался въ руки толпы: его не только убили, но разорвали на куски и бросили на съѣденіе собакамъ. Хотя множество гражданъ присутствовало при этой расправѣ, но никто не указывалъ на виновныхъ; только нѣкоторыя женщины были принуждены пытками къ дачѣ показанія. Иродъ приказалъ убить виновниковъ смерти шпіона вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми. „Все происшедшее,—говоритъ далѣе Іосифъ (I. Д. XV, 8, 4),—заставило Ирода глубоко призадуматься. Увидя какую стойкость и неустрашимое мужество проявляетъ народъ въ сохраненіи своихъ законовъ, онъ счелъ необходимымъ принять мѣры для своей безопасности. Онъ рѣшилъ поэтому оцѣпить со всѣхъ сторонъ враждебный ему народъ для того, чтобы не дать ему возможности отъ этихъ волненій перейти къ открытому возстанію. Такъ какъ въ городѣ онъ уже владѣлъ двумя укрѣпленіями, а именно: дворцомъ, въ которомъ самъ жилъ, а также храмовымъ замкомъ, который онъ назвалъ Ан-

другу, онъ даже приказалъ вырѣзать его имя на устроенныхъ имъ храмовыхъ воротахъ (въ Іерусалимѣ).

9) И въ сыновней любви никто его не превосходилъ, ибо онъ отцу своему соорудилъ памятникъ. Въ прекраснѣйшей долинѣ [1] въ мѣстности, орошаемой водяными потоками и покрытой деревьями, онъ основалъ новый городъ и назвалъ его въ память своего отца Антипатридой [2]. По имени матери своей онъ назвалъ Кипромъ ново-укрѣпленную имъ крѣпость, чрезвычайно сильную и красивую, возвышавшуюся надъ Іерихономъ. Брату своему, Фазаелю, онъ посвятилъ Фазаелеву Башню въ Іерусалимѣ, видъ и великолѣпіе которой мы опишемъ ниже (V, 4, 3). Имя Фазаелиды онъ далъ также и городу, основанному имъ близъ глубокой долины, тянущейся къ сѣверу отъ Іерихона.

тоніей, то онъ построилъ еще третій бастіонъ на мѣстѣ прежней Самаріи, который онъ назвалъ Себастей, воздвигъ противъ всего народа крѣпость на мѣстѣ Стратоновой Башни и назвалъ ее Цезареей; точно также онъ построилъ замокъ на Большой долинѣ (вѣроятно Саронской); далѣе онъ укрѣпилъ еще Гаву въ Галилеѣ и Есобонитиду въ Hepeѣ. Такъ онъ настроилъ во всей странѣ крѣпости и оцѣпилъ ими всю націю кругомъ. Всѣ эти города онъ для собственнаго обезпеченія населилъ своими солдатами и чужестранцами“. Таковы были главные мотивы, побудившіе Ирода къ основанію столь пышныхъ городовъ, описанныхъ Флавіемъ.

Но одними этими мѣропріятіями Иродъ не ограничивался. Въ другомъ мѣстѣ (I. Д. XV, 10, 4) Іосифъ разсказываетъ: „Нововведеніями Ирода, направленными къ тому, чтобы подорвать въ самомъ основаніи религію и добрые нравы, іудеи были чрезвычайно недовольны, весь народъ говорилъ о нихъ съ большимъ негодованіемъ. Чтобы предупредить открытое возстаніе, Иродъ воспретилъ всякія собранія гражданъ; они не имѣли права ни ходить группами по улицамъ, ни собираться въ частныхъ домахъ; для соблюденія этого приказа вездѣ были разставлены царскіе соглядатаи; если же кто былъ уличенъ въ нарушеніи его, тотъ подвергался строгому наказанію. Многіе граждане, частью открыто, частью тайно были уведены въ крѣпость Гирканіонъ и тамъ были замучены. Повсюду въ городахъ и селахъ находились шпіоны, которые подстерегали всякія сходки. Говорятъ даже, что по ночамъ онъ самъ переодѣвался и смѣшивался съ толпой для того, чтобы вывѣдать мнѣніе народа о его царствованіи. Тѣхъ, которые не подчинялись ему, онъ преслѣдовалъ всевозможными средствами, а другихъ онъ принуждалъ присягать ему въ вѣрности. Такую клятву онъ хотѣлъ взять съ Семаіи, Авталіона (президенты синедріона) и ихъ товарищей-фарисеевъ; но они наотрѣзъ отказали ему въ этомъ; тѣмъ не менѣе они были пощажены. Ессеевъ онъ также не принуждалъ къ присягѣ“.

[1] Саронской.

[2] Упоминается выше: 4, 7.

10) Увѣковѣчивъ такимъ образомъ своихъ родныхъ и друзей, онъ позаботился также о собственной своей памяти. На горѣ, противъ Аравіи, онъ построилъ крѣпость, которую назвалъ, по своему собственному имени, Иродіономъ. Тѣмъ же именемъ онъ назвалъ сводообразный холмъ на 60 стадіяхъ отъ Іерусалима [1], сдѣланный руками человѣческими и украшенный роскошными зданіями: верхнюю часть этого холма онъ обвелъ круглыми башнями, а замкнутую внутри площадь онъ застроилъ столь величественными дворцами, что не только внутренность ихъ, но и наружныя стѣны, зубцы и крыши отличались необыкновенно богатыми украшеніями. Съ грандіозными затратами онъ провелъ туда изъ отдаленнаго мѣста обильные запасы воды. Двѣсти ослѣпительно-бѣлыхъ мраморныхъ ступеней вели вверхъ къ замку, потому что холмъ былъ довольно высокъ и цѣликомъ составлялъ твореніе человѣческихъ рукъ. У подошвы его Иродъ выстроилъ другіе хоромы для помѣщенія утвари и для пріема друзей. Изобиліе во всемъ придало замку видъ города [2], а занимаемое имъ пространство—видъ царскаго дворца.

11) Послѣ всѣхъ этихъ многочисленныхъ строеній, Иродъ началъ простирать свою княжескую щедрость также и на заграничные города. Въ Триполисѣ [3], Дамаскѣ и Птоломаидѣ [4] онъ устроилъ гимназіи; Библосъ [5] получилъ городскую стѣну; Беритъ [6] и Тиръ [7]—колоннады, галлереи, храмы и рынки; Сидонъ [8] и Дамаскъ—театры; морской городъ Лаодикея [9]—водопроводъ, Аскалонъ—прекрасныя купальни, колодцы и, кромѣ того, колоннады, возбуждавшія удивленіе своей величиной и отдѣлкой; другимъ онъ подарилъ священныя рощи и луга. Многіе города получили отъ него даже поля и нивы, какъ будто они принадлежали къ его царству. Въ пользу гимназій иныхъ городовъ онъ отпускалъ годовыя или постоянныя суммы, обусловливая ихъ, какъ напримѣръ въ Коѣ, назначеніемъ въ этихъ гимназіяхъ на вѣчныя времена состязательныхъ игръ съ призами. Сверхъ всего этого, онъ всѣмъ нуждающимся раздавалъ даромъ хлѣба. Родосцамъ онъ неоднократно и при различныхъ обстоятельствахъ давалъ деньги на вооруженіе ихъ флота. Сгорѣвшій пиѳійскій храмъ онъ еще роскошнѣе отстроилъ на собственныя средства. Должно ли еще упо-

[1] На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Иродъ одержалъ побѣду надъ іудеями, напавшими на него въ то время, когда онъ бѣжалъ изъ Іерусалима (13, 8).

[2] Окрестности замка были застроены многочисленными домами, которые въ дѣйствительности образовали видъ города (I. Д. XV, 9, 4).

[3] Нынѣ Тарабулъ. [4] Акко. [5] Дшебель. [6] Бейрутъ. [7] Суръ. [8] Саида. [9] Латакія.

мянуть о подаркахъ, сдѣланныхъ имъ ликійцамъ или самосцамъ, или о той расточительной щедрости, съ которой онъ удовлетворялъ самыя разнообразныя нужды всей Іоніи? Развѣ Аѳины и Лакедомонія, Никополисъ и Мизійскій Пергамъ не переполнены дарами Ирода? Не онъ-ли вымостилъ въ Сирійской Антіохіи болотистую улицу, длиной въ 20 стадій, гладкимъ мраморомъ, украсивъ ее для защиты отъ дождя столь же длинной колоннадой.

12) Можно, однако, возразить, что всѣ эти дары имѣли значеніе лишь для тѣхъ народовъ, которые ими воспользовались. Но то, что онъ сдѣлалъ для жителей Илиды было благодѣяніемъ не для одной Эллады, а для всего міра, куда только проникала слава олимпійскихъ игръ. Когда онъ увидѣлъ, что эти игры, вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, пришли въ упадокъ и вмѣстѣ съ ними исчезалъ послѣдній памятникъ древней Эллады, Иродъ въ годъ олимпіады, съ которымъ совпала его поѣздка въ Римъ, самъ выступилъ судьей на играхъ и указалъ для нихъ источники дохода на будущія времена, чѣмъ и увѣковѣчилъ свою память, какъ судьи на состязаніяхъ [1]. Я никогда не приду къ концу, если захочу разсказать о всѣхъ случаяхъ сложенія имъ долговъ и податей; примѣромъ могутъ служить Фазаелида и Валанея, а также города на киликійской границѣ, которымъ онъ доставлялъ облегченіе въ ежегодныхъ податяхъ. Въ большинствѣ случаевъ его щедрость не допускала даже подозрѣнія въ томъ, что, оказывая чужимъ городамъ больше благодѣяній, чѣмъ ихъ собственные властители, онъ преслѣдуетъ этимъ какія-либо заднія цѣли [2].

[1] Эллины въ знакъ благодарности дали Ироду званіе учредителя олимпійскихъ игръ (I. Д. XVI, 5, 3).

[2] „Не царя мы имѣли въ Иродѣ, а лютѣйшаго тирана, какой когда-либо сидѣлъ на тронѣ. Онъ убилъ безчисленное множество гражданъ; но участь тѣхъ, которыхъ онъ пощадилъ, была такова, что они завидовали умершимъ, ибо онъ пыталъ своихъ подданныхъ не только по одиночкѣ, а мучилъ цѣлые города. Иностранные города онъ разукрашивалъ, а свои собственные—злоупотреблялъ. Онъ чужимъ народамъ далъ подарки, къ которымъ прилипла кровь іудеевъ. На мѣстѣ прежняго благосостоянія и добрыхъ старыхъ нравовъ наступила полнѣйшая нищета и деморализація. Вообще мы терпѣли отъ Ирода больше гнета, чѣмъ наши предки за всѣ вѣка, начиная отъ исхода изъ Вавилоніи".—Вотъ что, между прочимъ, говорили впослѣдствіи іудейскіе делегаты римскому императору Августу по поводу царствованія Ирода вообще и въ частности относительно грандіозныхъ построекъ и богатыхъ даровъ, которыми онъ облагодѣтельствовалъ народы Востока и Запада. На деньги, выжатыя пытками и убій-

13) Тѣлосложеніе его соотвѣтствовало его духу. Онъ съ ранней молодости былъ превосходный охотникъ, и этимъ онъ въ особенности былъ

ствами у іудейскаго народа, занимавшагося преимущественно земледѣльческимъ трудомъ, вознаграждались побѣдители на олимпійскихъ, акційскихъ и другихъ греческихъ и римскихъ празднествахъ; на средства іудеевъ созидались богатѣйшіе языческіе города, воспитывалось греческое юношество въ гимназіяхъ, устраивались грандіозныя зрѣлища для увеселенія римлянъ, грековъ и сирійцевъ, возрождались разрушенные или сожженные языческіе храмы, сооружались мраморные дворцы, прокладывались мраморныя дороги. Когда у обнищавшаго народа уже нечего было взять, Иродъ тайно пробрался въ гробницу Давида и похитилъ оттуда всѣ сокровища (І. Д. XVI, 7, 1). Золотыя рѣки текли изъ Іудеи по разнымъ направленіямъ въ Сирію, Финикію, Киликію и Малую Азію, текли чрезъ моря и острова, достигали береговъ Италіи, Аѳинъ и Спарты и повсюду разносили славу о щедрости и великодушіи Ирода. Іосифъ сопоставляетъ отношенія Ирода къ своему собственному народу и чужестраннымъ и изъ этой параллели выводитъ весьма мѣткую характеристику личности Ирода. „Изумительно, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ въ І. Д. (XVI, 5, 4), видѣть въ одной душѣ такіе два контраста. Если вспомнить, съ какой щедростью и готовностью Иродъ оказывалъ всякаго рода благодѣянія всѣмъ, обращавшимся за его помощью, то никто, даже тотъ, который менѣе всего расположенъ къ Ироду, не можетъ отрицать, что этотъ человѣкъ былъ отъ природы до крайности добросердеченъ, Но съ другой стороны, если сообразить, съ какой насильственностью и звѣрской жестокостью онъ обращался со своими подчиненными и самыми близкими къ нему людьми, то необходимо, во всякомъ случаѣ, признать, что это было чуждое для всякаго человѣческаго чувства чудовище. Нѣкоторые поэтому принимаютъ, что это была двойственная натура, которая жила въ разладѣ съ самимъ собою. Я же, напротивъ, думаю, что обѣ основныя черты его характера происходили изъ одного и того же источника. Иродъ прежде всего былъ до крайности тщеславенъ и весь порабощенъ этой страстью. Исходя изъ этого чувства, онъ поэтому всегда старался быть великодушнымъ тамъ, гдѣ являлась надежда быть сейчасъ же прославленнымъ или пріобрѣсть себѣ славу въ будущемъ. Но такъ какъ его затраты превышали его силы, то онъ долженъ былъ со всей жестокостью выступать противъ своихъ подданныхъ. Все то, что онъ расточалъ одному, онъ долженъ былъ насильно выжимать у другого. Такъ какъ онъ хорошо зналъ, какъ глубоко ненавидятъ его подданные за его несправедливости, а перемѣнить обращеніе съ ними онъ не могъ безъ ущерба для своихъ доходовъ, то уже сама народная вражда служила ему поводомъ къ умноженію своихъ богатствъ. Точно также было съ его ближними. Если кто-либо изъ нихъ говорилъ то, что ему не нравилось, или не выказывалъ себя совершеннѣйшимъ рабомъ его, или, наконецъ, навлекъ на себя подозрѣніе въ посягательствѣ на его власть, тогда онъ выходилъ изъ себя и неистовствовалъ противъ родственниковъ и друзей, какъ противъ враговъ,—только потому, что задѣвали его до нельзя чувствительное тщеславіе. Что эта страсть была

обязанъ своей ловкости въ верховой ѣздѣ. Однажды онъ въ одинъ день убилъ сорокъ животныхъ (тамошняя сторона воспитываетъ, между прочимъ, дикихъ свиней; но особенно изобилуетъ она оленями и дикими ослами). Какъ воинъ, Иродъ былъ непобѣдимъ; также и на турнирахъ многіе страшились его, потому что они видѣли, какъ ровно онъ бросаетъ свое копье и какъ мѣтко попадаетъ его стрѣла. При всѣхъ этихъ тѣлесныхъ и душевныхъ качествахъ ему покровительствовало и счастье: рѣдко когда онъ имѣлъ неудачу въ войнѣ, а самыя пораженія его являлись всегда слѣдствіемъ или измѣны извѣстныхъ лицъ, или—необдуманности его солдатъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

(І. Д. XV, 2, 3, 6, 7).

О смерти первосвященниковъ Аристовула и Гиркана, а также жены Ирода, Маріаммы [1].

1) Внѣшнее счастье Ирода было, однако, омрачено горькими испытаніями въ собственной его семьѣ, и виновницей его несчастья была именно его жена, которую онъ такъ нѣжно любилъ. Вступивъ на престолъ, онъ удалилъ свою прежнюю жену, Дориду, которая была родомъ изъ Іерусалима и на которой онъ женился, когда еще велъ жизнь частнаго человѣка (12,3),—и женился на Маріаммѣ, дочери Александра, сына Аристовула (17,8). Этотъ союзъ сдѣлался для него источникомъ семейныхъ раздоровъ еще раньше; но неурядицы увеличились еще больше послѣ его возвращенія изъ Рима. Сперва онъ изъ-за сыновей, прижитыхъ имъ съ Маріаммой, изгналъ изъ Іерусалима своего сына отъ Дориды, Антипатра,

преобладающая въ немъ, лучше всего доказываютъ мнѣ тѣ почести, которыя онъ оказывалъ Цезарю (Августу), Агриппѣ (зятю Августа) и другимъ его друзьямъ. Въ той же мѣрѣ, въ какой онъ почиталъ болѣе могущественныхъ себя, онъ хотѣлъ быть и самъ почитаемъ, а его чрезмѣрныя траты указывали именно на его стремленія къ почестямъ. Но такъ какъ іудейскій народъ былъ сдерживаемъ отъ всего этого своими законами, такъ какъ онъ почиталъ справедливость выше всего и не понималъ, какъ можно чествовать человѣка храмами и статуями, то онъ состоялъ не въ милости Ирода. Въ этомъ, кажется мнѣ, лежитъ причина безсердечія Ирода къ своимъ близкимъ и подчиненнымъ, рядомъ съ его великодушіемъ къ чужимъ и иноземнымъ народамъ".

[1] Всѣ эти три казни были совершены Иродомъ въ первые годы своего царствованія, еще при жизни протектора его, Антонія.

дозволивъ ему являться въ городъ только въ праздники. Послѣ онъ лишилъ жизни дѣда своей жены, Гиркана, прибывшаго къ нему изъ Парѳіи и навлекшаго на себя его подозрѣніе въ заговорѣ. Барцафарнъ, при своемъ вторженіи въ Сирію, взялъ Гиркана въ плѣнъ (13,11), но соплеменники его по ту сторону Ефрата, тронутые его печальной судьбой, выпросили ему свободу. Еслибъ онъ слушался ихъ предостереженій и не ѣхалъ къ Ироду, то онъ-бы не потерялъ жизни; но бракъ его внучки былъ для него приманкой, принесшей ему смерть. Надѣясь на родственныя узы съ Иродомъ и преслѣдуемый гнетущей тоской по родинѣ, онъ отправился туда. Впрочемъ, Ирода онъ возбудилъ противъ себя не потому, что дѣйствительно стремился къ царству, а потому, что тотъ сознавалъ, что корона принадлежитъ Гиркану [1].

[1] Иродъ считалъ свое положеніе шаткимъ, пока Гирканъ находился въ живыхъ и внѣ его власти: при первомъ переворотѣ іудеи могли вызвать его изъ Парѳіи и возвратить ему царское достоинство, похищенное узурпаторомъ. Чтобы избавиться отъ такого опаснаго соперника, Иродъ снарядилъ въ Парѳію своего друга, Сарамаллу, перваго сирійскаго богача (13,5), и снабдилъ его подарками и письмами къ парѳянскому царю, Гиркану и парѳянскимъ евреямъ. Царя и евреевъ онъ просилъ отпустить къ нему Гиркана, которому онъ такъ много обязанъ и которому онъ хочетъ отдать дань благодарности; Гиркану онъ писалъ отдѣльно, что теперь пришло то время, когда онъ въ состояніи отблагодарить его за всѣ благодѣянія и за спасеніе ему жизни (Иродъ, какъ извѣстно, будучи еще правителемъ Галилеи, обвинялся въ убійствѣ и избѣгъ смертнаго приговора синедріона только благодаря заступничеству Гиркана); онъ пламенно просилъ его возвратиться въ Іерусалимъ для того-де, чтобы вмѣстѣ съ нимъ дѣлить правленіе. Легковѣрный Гирканъ далъ себя уговорить. Тщетно упрашивали его парѳянскіе евреи не довѣрять Ироду и не оставить ихъ, такъ какъ они оказывали ему чисто царскія почести—Гирканъ тосковалъ по родинѣ, по іерусалимскомъ храмѣ и остатокъ дней своихъ хотѣлъ провести въ своей столицѣ. Онъ пріѣхалъ въ Іерусалимъ, ему было уже за 80 л., и Иродъ не пожалѣлъ его сѣдины, онъ убилъ этого немощнаго старца, вся вина котораго состояла въ томъ, что онъ, по слабости своей и неспособности къ правленію, самъ возвысилъ надъ собою и всѣмъ домомъ Маккавеевъ семейство Антипатра. Таковъ былъ конецъ Гиркана II. При жизни своей матери, царицы Александры, онъ девять лѣтъ подъ-рядъ носилъ санъ первосвященника; послѣ смерти ея онъ сдѣлался царемъ, но спустя три мѣсяца онъ долженъ былъ уступить корону своему младшему брату, Аристовулу II. Чрезъ шесть лѣтъ онъ вновь былъ возведенъ въ цари Помпеемъ и царствовалъ сорокъ лѣтъ, исполняя въ то же время обязанности первосвященника. По прошествіи этого времени онъ былъ изувѣченъ и изгнанъ изъ своего отечества Антигономъ. Переживши такимъ образомъ разныя превратности судьбы, достигши глубокой старости, онъ, бывшій царь и первосвященникъ, былъ убитъ въ своемъ собственномъ царствѣ тѣмъ, которому онъ самъ открылъ дорогу къ власти и къ славѣ. (I. Д. XV, 2, 1—4, 6, 1—3).

2) Изъ пятерыхъ дѣтей, которыхъ родила ему Маріамма, были двѣ дочери и три сына. Младшій изъ нихъ воспитывался въ Римѣ и тамъ умеръ; старшіе два сына, частью вслѣдствіе высокаго происхожденія ихъ матери, частью потому, что они родились, когда ихъ отецъ носилъ царскій титулъ, были воспитаны по царски; главнымъ же образомъ это заботливое воспитаніе было вызвано любовью Ирода къ Маріаммѣ—любовью, которая съ каждымъ днемъ все сильнѣе разгоралась и до того поглощала его существо, что онъ даже не чувствовалъ тѣхъ огорченій, которыя онъ испыталъ изъ-за любимой имъ женщины. Ибо, какъ велика была его любовь къ ней, такъ же велика была ея ненависть къ нему; а такъ какъ ея отвращеніе къ нему было основано на совершенныхъ имъ поступкахъ, а сознаніе, что она любима, сообщала ей смѣлость, то она открыто укоряла его въ томъ, что онъ сдѣлалъ съ ея дѣдомъ, Гирканомъ, а также братомъ ея, Аристовуломъ. И послѣдняго, не взирая на его юность, Иродъ не пощадилъ, а убилъ послѣ того, какъ онъ этого семнадцатилѣтняго юношу возвелъ въ санъ первосвященника. Когда Аристовулъ въ день праздника, одѣтый въ священномъ облаченіи, выступилъ предъ алтаремъ, заплакалъ весь собравшійся народъ. Это одно уже рѣшило судьбу юноши: въ ту же ночь онъ былъ отосланъ въ Іерихонъ и тамъ, по приказанію Ирода, былъ утопленъ галатами въ прудѣ [1].

[1] Вступивши на престолъ, Иродъ вызвалъ изъ Вавилоніи для занятія мѣста первосвященника какого-то безъизвѣстнаго Ананеля, хотя изъ рода священниковъ. Туземному арониду онъ не довѣрялъ этого важнаго поста; тѣмъ больше онъ опасался возвести въ санъ первосвященника молодого Аристовула—послѣдняго отпрыска Маккавеевъ, которому этотъ санъ принадлежалъ по закону и по праву наслѣдства. Но этого позора не могла вынести мать Аристовула, Александра. Находясь въ личной дружбѣ съ Клеопатрой и зная, какъ послѣдняя ненавидитъ Ирода и какъ всесильно ея вліяніе на Антонія, она обратилась къ ея заступничеству. Въ то же самое время до слуха Антонія дошла всеобщая молва объ изумительной красотѣ дѣтей Александры, Маріаммы и Аристовула. Другъ Антонія, художникъ Деллій, прибывъ однажды по своимъ дѣламъ въ Іудею, былъ очарованъ ихъ красотой и выпросилъ у Александры позволеніе нарисовать ихъ портреты для Антонія.—„Эти дѣти показались ему происходившими отъ боговъ, а не отъ людей“, сказалъ послѣ художникъ Антонію, показавъ ему ихъ портреты. Антоній такъ заинтересовался, что хотѣлъ

3) Въ этомъ Маріамма упрекала Ирода и осыпала жестокой бранью также его мать и сестру. Царь самъ, покаряясь своей страстной любви,

увидѣть оригиналы. Потребовать къ себѣ Маріамму онъ постѣснялся, такъ какъ она была женой Ирода; съ другой стороны онъ боялся ревности Клеопатры. Онъ поэтому написалъ Ироду, чтобъ онъ выслалъ къ нему Аристовула. Иродъ, однако, не рѣшился исполнить эту просьбу: онъ боялся, что Антоній, если Аристовулъ произведетъ на него впечатлѣніе, лишитъ его короны и назначитъ царемъ іудеевъ законнаго насдѣдника престола Асмонеевъ. Онъ, поэтому, упросилъ Антонія отказаться отъ своего желанія, увѣривъ его, что если только онъ выпуститъ Аристовула хоть на шагъ изъ предѣловъ своего государства, то за нимъ потянется весь народъ и мятежъ будетъ неминуемъ. Одновременно же съ тѣмъ Иродъ, изъ боязни предъ Клеопатрой, рѣшился удовлетворить Александру и устранивъ Ананеля, назначилъ на его мѣсто первосвященникомъ Аристовула. Народъ съ радостью увидѣлъ на этомъ священномъ посту внука своего прежняго царя Аристовула II, павшаго въ борьбѣ съ римско-идумейскимъ владычествомъ и оставившаго по себѣ благоговѣйную память въ сердцахъ всѣхъ іудеевъ. Въ первый праздникъ кущей, когда прекрасный юноша въ блестящемъ нарядѣ первосвященника выступилъ предъ алтаремъ для совершенія жертвоприношенія, народъ пришелъ въ умиленный восторгъ. Радостныя восклицанія однихъ смѣшались съ громкимъ плачемъ другихъ. Радовались тому, что опять увидѣли у алтаря представителя Маккавейской династіи; плакали же о несчастной судьбѣ, постигшей эту славную династію и о томъ, что этотъ единственный уцѣлѣвшій представитель ея не соединяетъ въ своемъ лицѣ и царскую власть. Энтузіазмъ былъ всеобщій. „Народъ, говоритъ Іосифъ, не могъ устоять противъ наплыва чувствъ и далъ имъ болѣе оживленное выраженіе, чѣмъ это можно было себѣ позволить въ царствованіе Ирода; съ неудержимымъ энтузіазмомъ онъ громко привѣтствовалъ Аристовула и благодарилъ его за благодѣянія его дѣда, Аристовула II". Узнавъ о происшедшемъ, Иродъ рѣшилъ по возможности скорѣе исполнить свой злодѣйскій планъ, давно задуманный имъ относительно Аристовула. Навѣстивъ Александру, онъ выразилъ желаніе совершить прогулку вмѣстѣ съ ея сыномъ; подъ этимъ предлогомъ онъ заманилъ юношу въ Іерихонъ; тамъ онъ вовлекъ его въ веселую игру, отъ которой онъ быстро усталъ. Иродъ предложилъ ему тогда освѣжиться въ искусственно-устроенномъ вокругъ дворцоваго двора прудѣ, гдѣ въ это время купались молодые галаты изъ свиты Ирода. Аристовулъ далъ себя уговорить и смѣшавшись среди молодежи, пустился плавать по пруду. Галаты, предупрежденные приказомъ Ирода, набросились на него и окунули его въ воду—спачала въ видѣ шутки, но затѣмъ они опустили его ко дну и такъ долго держали подъ водой, пока онъ не пересталъ двигаться. Вѣсть о неожиданной смерти Аристовула ввергла въ плачъ весь Іерусалимъ. Александра же и Маріамма остались безутѣшными до самой смерти. Иродъ, чтобы замаскировать свое участіе въ этомъ убійствѣ, проливалъ слезы надъ гробомъ Аристовула и доставилъ ему блестящее погребеніе (І. Д., 2, 4—6, 3, 1—5).

спокойно выслушивалъ ея упреки; но въ сердцахъ женщинъ поселилась глубокая вражда, и онѣ обвинили ее (что по ихъ разсчету должно было произвести на Ирода самое сильное впечатлѣніе) въ супружеской измѣнѣ. Къ числу многихъ интригъ, сплетенныхъ ими съ цѣлью подтвержденія обвиненія, принадлежалъ разсказъ о томъ, что она послала свой портретъ Антонію [1] въ Египетъ и такъ въ своей непомѣрной похотливости заочно показала себя человѣку, который всѣмъ извѣстенъ былъ за сластолюбца и который могъ прибѣгнуть къ насилію. Эта вѣсть какъ громомъ поразила царя. Любовь и безъ того сдѣлала его въ высшей степени ревнивымъ; но тутъ онъ вспомнилъ еще объ ужасахъ Клеопатры, погубившей царя Лизанія и араба Малиха [2]. Ему казалось, что не только обладаніе женой, но собственная жизнь его подвержена опасности.

4) Собравшись въ путь, онъ ввѣрилъ свою жену Іосифу, мужу своей сестры Соломіи—человѣку вполнѣ надежному и вслѣдствіе близкаго родства преданному ему—и приказалъ ему втайнѣ лишить жизни Маріамму, если его убьетъ Антоній [3]. Іосифъ же открылъ эту тайну царицѣ—отнюдь

[1] Эта клевета была основана на фактѣ, изложенномъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

[2] См. 3-е примѣчаніе къ § 4, главы 20-й.

[3] Александра была такъ удручена смертью своего единственнаго сына, что была готова наложить на себя руку. Эта женщина пережила гибель всѣхъ ея родственниковъ изъ дома Асмонеевъ: сначала дяди ея, царя Аристовула, приходившагося ей вмѣстѣ съ тѣмъ и свекромъ, за тѣмъ мужа, Александра, послѣ двоюроднаго брата Антигона и наконецъ—роднаго отца, царя и первосвященника Гиркана. Она осталась со своимъ сыномъ — единственной опорой ея давнихъ надеждъ, которыя она глубоко затаила въ душѣ, при всемъ возраставшемъ могуществѣ Ирода, и ради которыхъ она такъ мужественно и твердо переносила всѣ ея семейныя несчастія. Она надѣялась, при помощи-ли Клеопатры, или при какомъ-нибудь государственномъ переворотѣ, будь это въ Римѣ или въ Іудеѣ, увидѣть еще на іудейскомъ престолѣ своего сына, находившагося въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, обожаемаго іудеями и заочно любимаго Антоніемъ. Подозрительный Иродъ догадывался о видахъ Александры и сильно побаивался ея: онъ постоянно окружалъ ея дворецъ шпіонами, часто подвергалъ ее домашнему аресту, но уличить ее въ чемъ-либо серьезномъ не могъ. Александра была хитрѣе своего противника, она обладала изумительной выдержкой характера и сдержанностью, изъ которой не выводили даже казни ея родныхъ. Въ самыхъ трагическихъ случаяхъ она находила въ себѣ силы подавить свои чувства и прикрывать кипѣвшую въ ней злобу наружной дружбой и преданностью къ Ироду. И все это она дѣлала для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе приблизиться къ своей завѣтной цѣли и погубить Ирода въ тотъ моментъ, когда

не съ злымъ намѣреніемъ, а только для того, чтобы показать царицѣ, какъ сильна любовь царя, который и въ смерти не можетъ остаться въ разлукѣ съ нею. Когда Иродъ, по своемъ возвращеніи, въ интимной бесѣдѣ клялся ей въ своей любви и увѣрялъ ее, что никогда другая женщина не можетъ сдѣлаться ему такъ дорога, царица возразила: «О да, ты далъ мнѣ сильное доказательство твоей любви тѣмъ, что ты приказалъ Іосифу убить меня!»

5) Едва только Иродъ услышалъ эту тайну, онъ, какъ взбѣшенный, воскликнулъ: «Никогда Іосифъ не открылъ бы ей этого приказанія, еслибъ не имѣлъ преступныхъ сношеній съ нею». Свирѣпый отъ гнѣва онъ вскочилъ со своего ложа и бѣгалъ взадъ и впередъ въ своемъ дворцѣ. Этотъ моментъ, столь удобный для инсинуацій, подстерегла его сестра Саломія и еще больше усилила подозрѣніе противъ Іосифа. Обуреваемый ревностью, онъ отдалъ приказъ немедленно убить ихъ обоихъ [1]. Но вслѣдъ за страст-

онъ меньше всего будетъ ожидать опасности. Когда же умеръ ея сынъ, она должна была убѣдиться, что ея надежды никогда не могутъ быть осуществлены; жизнь, полная тревогъ и униженій, безъ цѣли впереди, сдѣлалась для нея лишнимъ бременемъ. Но тутъ она узнала настоящія причины смерти ея сына; узнала, что онъ погибъ отъ руки Ирода—и она рѣшилась жить, чтобы мстить убійцѣ. Она опять обратилась къ Клеопатрѣ и жаловалась ей на это новое злодѣйство Ирода. Вслѣдствіе энергичнаго заступничества Клеопатры, Антоній привлекъ Ирода къ отвѣту. Послѣдній такимъ образомъ былъ вынужденъ ѣхать къ Антонію для объясненія; но опасаясь за свою жизнь, онъ оставилъ правленіе въ рукахъ Іосифа и поручилъ ему также убить царицу, если его казнитъ Антоній. Впрочемъ, Иродъ умилостивилъ Антонія значительной суммой денегъ и возвратился въ Іерусалимъ невредимый (І. Д. XV, 3, 5—8).

[1] При описанномъ случаѣ былъ казненъ одинъ только Іосифъ (безъ суда), Маріамма же успѣла доказать свою невинность и заставить Ирода просить у нея прощенія за возведенное на нее столь оскорбительное обвиненіе (І. Д. XV, 3, 10). Но годъ спустя произошелъ почти такой же случай. Это было послѣ побѣды, одержанной Октавіаномъ надъ Антоніемъ. Положеніе Ирода было тогда очень опасное; никто не сомнѣвался, что Цезарь казнитъ его, какъ горячаго приверженца Антонія. Тогда Иродъ, отправившись въ Родосъ для личнаго объясненія съ побѣдителемъ Антонія (20, 1) и, опасаясь за исходъ этой поѣздки, отвелъ свою мать, сестру и дѣтей въ крѣпость Масаду и оставилъ ихъ подъ покровительствомъ брата своего, Ферора; Александру же и Маріамму онъ заключилъ въ крѣпость Александріонъ подъ надзоромъ одного изъ своихъ придворныхъ, Соема. Ферору онъ приказалъ захватить въ свои руки бразды правленія, какъ только услышитъ, что Цезарь замышляетъ противъ него недоброе, а Соему онъ оставилъ инструкцію — убить въ такомъ случаѣ обѣихъ

ной вспышкой, вскорѣ настало раскаяніе; когда гнѣвъ улегся въ немъ, вновь воспламенилась любовь. Такъ сильно пылала въ немъ страсть, что онъ даже не хотѣлъ вѣрить ея смерти, а мучимый любовью, взывалъ къ ней, какъ къ живой, пока, наконецъ, пріученный временемъ, онъ такъ же горестно оплакивалъ мертвую, какъ горячо любилъ живую [1].

женщинъ, дабы власть не перешла опять къ наслѣдникамъ Асмонеевъ (І. Д. XV, 6, 4). Соемъ, подобно Іосифу, открылъ эту тайну своимъ узницамъ. Вопреки всѣмъ ожиданіямъ, Иродъ возвратился цѣлый и невредимый да еще болѣе облагодѣтельствованный Цезаремъ, чѣмъ Антоніемъ. Онъ находился тогда на вершинѣ своего счастья; но дома ожидали его самыя горькія испытанія: Маріамма, которую онъ страстно любилъ, встрѣтила его, какъ ненавистнаго врага и съ тѣхъ поръ на всѣ его ласки и увѣренія въ любви отвѣчала открытымъ презрѣніемъ. Это была жестокая месть, которая отравляла все счастье Ирода и дѣлала ему жизнь невыносимой. Не одинъ разъ онъ былъ готовъ убить себя вмѣстѣ съ любимой женщиной; но бурная любовь овладѣвала имъ каждый разъ, когда онъ хотѣлъ посягать на жизнь Маріаммы. Видя эту страшную душевную борьбу, переживаемую Иродомъ, сестра его Соломія подкупила царскаго виночерпія и подослала его къ Ироду съ доносомъ на Маріамму, будто послѣдняя уговаривала его отравить царя. Вслѣдствіе этого доноса былъ подвергнутъ пыткѣ одинъ изъ преданнѣйшихъ слугъ Маріаммы, съ которымъ царица во всемъ совѣщалась. Слуга, однако, ничего не могъ сказать по поводу попытки отравить царя, но показалъ, что царица озлоблена противъ Ирода за то, что онъ поручилъ Соему убить ее. Услышавъ эту тайну изъ устъ слуги, Иродъ опять возгорѣлся ревностью и приказалъ убить Соема немедленно. Надъ женою же онъ учредилъ судъ изъ своихъ друзей и лично выступилъ въ качествѣ обвинителя. Судьи, видя его въ сильно возбужденномъ состояніи, вынуждены были произнесть надъ Маріаммой смертный приговоръ. Было, однако, предположено не спѣшить приведеніемъ въ исполненіе приговора, а нѣкоторое время содержать Маріамму въ одной изъ царскихъ тюремъ. Но Соломія употребила всѣ усилія къ тому, чтобы казнь была совершена немедленно; она поставила Ироду на видъ, что весь народъ можетъ возстать за освобожденіе Маріаммы, если станетъ извѣстно, что она заточена живой въ тюрьму. Маріамма въ самой смерти показала себя истой дочерью Асмонеевъ: она шла на казнь твердо, не обнаруживая ни малѣйшей робости и даже не блѣднѣя (І. Д. XV, 7, 1—5).

[1] Любовь Ирода къ Маріаммѣ,—говоритъ Іосифъ въ І. Д. (XV, 7, 7),—была бурная, самая необыкновенная, доводившая его почти до бѣшенства; послѣ же смерти ея, какъ будто въ наказаніе за казнь, совершенную надъ ней,—страсть эта еще больше усилилась въ немъ. Тѣло Маріаммы, бальзамированное въ меду, долгое время оставалось во дворцѣ и не предавалось землѣ. Иродъ то бесѣдовалъ съ ней, стараясь увѣрить себя, что она жива, то горько оплакивалъ ее. Нѣкоторое время онъ пробовалъ разсѣять свою грусть въ пир-

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

(І. Д. XV, 10, 1. XVI, 1, 3, 4).

Оклеветаніе сыновей Маріаммы. — Предпочтеніе, оказанное Антипатру. — Иродъ обвиняетъ ихъ передъ Цезаремъ, но затѣмъ опять примиряется съ ними.

1) Сыновья унаслѣдовали ненависть своей матери. Злодѣйство отца заставило смотрѣть на него, какъ на врага. Такъ они смотрѣли на него еще будучи въ Римѣ, гдѣ они оканчивали свое образованіе; по возвращеніи же въ Іерусалимъ, они еще больше укрѣпились въ этомъ мнѣніи. Непріязнь ихъ росла съ годами и проявилась, наконецъ, наружу въ откровенныхъ рѣчахъ и бесѣдахъ, когда они достигли брачнаго возраста и женились: одинъ на дочери своей тетки, Саломіи, оклеветавшей его мать, а другой—на дочери каппадокійскаго царя, Архелая. Ихъ смѣлостью воспользовались интриганы, и вскорѣ царю донесено было въ довольно ясной формѣ, что оба его сына затѣваютъ противъ него недоброе; что одинъ изъ нихъ, зять Архелая, полагаясь на содѣйствіе тестя, готовится бѣжать съ цѣлью обвинить его (Ирода) предъ Цезаремъ. Подъ вліяніемъ этихъ

шествахъ и попойкахъ, но когда эти шумныя увеселенія не принесли ему облегченія, онъ бросился въ другую крайность: отлучился даже отъ государственныхъ дѣлъ и всецѣло отдался своему горю; окружавшимъ его слугамъ онъ приказывалъ произносить имя Маріаммы. Въ то же самое время городъ посѣтила эпидемія, которая, кромѣ многихъ гражданъ, свела въ могилу большую часть друзей Ирода, наиболѣе имъ любимыхъ, вслѣдствіе чего всѣ начали смотрѣть на эпидемію, какъ на кару небесную за несправедливую казнь Маріаммы. Это еще болѣе удручало мрачное душевное состояніе Ирода. Подъ видомъ поѣздки на охоту, онъ удалился въ пустыню; но едва пробылъ тамъ нѣсколько дней, какъ онъ сильно заболѣлъ. Болѣзнь его была продолжительная, упорная и не поддавалась никакому леченію; къ тому же онъ, страдая, кромѣ физическаго недуга, еще и умственнымъ разстройствомъ, не хотѣлъ подчиниться предписанной ему діэтѣ. Врачи, отчаявшись совершенно въ его выздоровленіи, предоставили болѣзнь естественному теченію.

Безнадежнымъ положеніемъ Ирода, находившагося тогда въ Самаріи (Себастѣ) задумала, наконецъ, воспользоваться Александра: она сдѣлала попытку овладѣть двумя крѣпостями, находившимися въ верхней и нижней частяхъ города. Но объ этой попыткѣ дано было знать Ироду, и по его приказанію Александра была убита. Иродъ же послѣ долгихъ мученій оправился, но мрачное настроеніе его уже не покидало: онъ сдѣлался еще болѣе подозрительнымъ и свирѣпымъ и по самымъ ничтожнымъ причинамъ убивалъ лучшихъ своихъ друзей (І. Д. XV, 7, 8).

болѣе чѣмъ достаточныхъ наускиваній, Иродъ возвратилъ къ себѣ своего сына отъ Дориды, Антипатра, котораго онъ избралъ, какъ защиту противъ другихъ своихъ сыновей, и сталъ всячески отличать его предъ этими послѣдними [1].

2) Эта перемѣна была для нихъ невыносима. Видя, какъ сынъ, рожденный отъ матери простаго происхожденія, все больше возвышается надъ ними—потомками благороднаго и славнаго дома, они не могли скрывать свое неудовольствіе и при каждой новой нанесенной имъ обидѣ давали волю своему гнѣву. Такъ они съ каждымъ днемъ все больше проникались злобой; Антипатръ же между тѣмъ старался чѣмъ скорѣе достигнуть своей цѣли: льстя съ большимъ умѣніемъ своему отцу, онъ въ то же время изобрѣталъ всевозможныя интриги противъ братьевъ, клеветалъ на нихъ лично и посредствомъ другихъ, пока, наконецъ, не лишилъ ихъ всякихъ надеждъ на престолъ. Онъ не только значился уже въ завѣщаніи и въ общественномъ мнѣніи престолонаслѣдникомъ, но былъ даже посланъ къ Цезарю, какъ будущій царь, со всей свитой и пышностью царя; только короны ему не доставало. Мало по малу его вліяніе возросло до того, что онъ ввелъ свою мать въ покои Маріаммы. Двумя орудіями, которыми онъ дѣйствовалъ противъ братьевъ, лестью и клеветой, онъ довелъ отца до того, что онъ даже задумалъ казнить ихъ.

3) Одного изъ нихъ, Александра, онъ поволокъ въ Римъ и обвинилъ его предъ Цезаремъ въ томъ, что онъ хотѣлъ отравить его ядомъ. Сначала Александръ едва могъ выразить словами свое возмущеніе. Но, увидѣвъ предъ собою судью болѣе опытнаго, чѣмъ Антипатръ, и болѣе ра-

---

[1] Сыновья Маріаммы сдѣлались страшилищемъ для Саломіи и Ферора. Всѣ смотрѣли на молодыхъ принцевъ, какъ на будущихъ мстителей этихъ двухъ главныхъ виновниковъ смерти Маріаммы. Саломія и Ферорь увидѣли себя въ страшной опасности и поклялись извести сыновей Маріаммы, пока Иродъ еще живъ и пока тѣ еще не сдѣлались царями. На этой почвѣ возникла отчаянная борьба, отравившая семейную жизнь Ирода, какъ при жизни Маріаммы. Тщетно Иродъ изыскивалъ способы къ прекращенію раздоровъ въ своей семьѣ: бракъ Аристовула съ дочерью Саломіи (Вероникой), придуманный имъ для умиротворенія вражды, послужилъ только къ усиленію неудовольствія съ обѣихъ сторонъ. Иродъ, наконецъ, возвратилъ изъ изгнанія Антипатра; этой мѣрой онъ надѣялся подавить гордость сыновей Маріаммы и усмирить всѣхъ остальныхъ членовъ своей семьи. Но въ лицѣ Антипатра Иродъ ввелъ въ свой домъ демона раздора, разорвавшаго всякую связь между членами его семьи и между этими послѣдними и самимъ Иродомъ (І. Д. XVI, 3).

зумнаго, чѣмъ Иродъ, онъ опомнился и, умалчивая, изъ почтенія къ отцу, о поступкахъ послѣдняго, онъ тѣмъ рѣшительнѣе отвергалъ его обвиненія. Доказавъ также невинность своего брата, находившагося въ одинаковой съ нимъ опасности, онъ началъ горько жаловаться императору на коварство Антипатра и на испытываемыя ими обиды и униженія. Кромѣ чистоты совѣсти, ему въ этомъ случаѣ помогла еще сила краснорѣчія, ибо онъ былъ выдающійся ораторъ. Когда онъ въ заключеніи прибавилъ еще: «пусть отецъ, если онъ желаетъ, умертвить своихъ дѣтей, но пусть не возводитъ на нихъ такого тяжкаго обвиненія» [1], — тогда всѣ присутствующіе были тронуты до слезъ, а на самаго императора это произвело такое глубокое впечатлѣніе, что онъ отвергъ обвиненіе и тутъ же помирилъ съ нимъ Ирода. Условія мира были таковы, что они должны во всемъ повиноваться отцу, а послѣдній можетъ завѣщать корону кому пожелаетъ.

4) Послѣ этого царь возвратился изъ Рима къ себѣ домой. Съ виду онъ хотя отказался отъ обвиненія, но внутренно онъ еще не былъ свободенъ отъ подозрѣнія. Провожалъ его Антипатръ — виновникъ раздора. Открыто онъ, конечно, изъ боязни предъ посредникомъ мира, не осмѣливался обнаружить свою вражду. Плывя мимо Киликіи, они высадились на Элеузу [2], гдѣ Архелай ихъ очень радушно принялъ, благодарилъ за спасеніе зятя и отъ всей души привѣтствовалъ состоявшійся миръ, тѣмъ больше, что онъ самъ обращался раньше къ своимъ друзьямъ въ Римѣ съ письменными просьбами содѣйствовать Александру въ его процессѣ съ отцомъ. Онъ провожалъ ихъ до Зефиріона и далъ имъ подарки, стоимость которыхъ оцѣнивалась тридцатью талантами.

5) По прибытіи въ Іерусалимъ, Иродъ собралъ народъ, представилъ ему своихъ трехъ сыновей, отдалъ отчетъ о своей поѣздкѣ, вознесъ благодарность Богу, а также императору, положившему конецъ раздорамъ въ его семьѣ и возстановившему между сыновьями согласіе, имѣющее больше значенія чѣмъ власть.

«Это согласіе, продолжалъ онъ, я желаю укрѣпить еще больше. Императоръ предоставилъ мнѣ полную власть въ государствѣ и выборъ преемника. Стремясь теперь, безъ ущерба для моихъ интересовъ, дѣйствовать въ духѣ его начертаній, я назначаю царями этихъ трехъ сыновей и молю

[1] Греческій текстъ даетъ нѣкоторый другой, менѣе удовлетворительный смыслъ; мы перевели согласно весьма удачной поправкѣ Havercamp'a (См. его изданіе сочиненій Іосифа Флавія, т. II, стр. 113, примѣч. 1).

[2] Маленькій островъ, на которомъ находилась резиденція Архелая.

прежде Бога, а затѣмъ васъ присоединиться къ этому рѣшенію. Одному старшинство, другимъ высокое происхожденіе даютъ право на престолонаслѣдіе, а обширность государства могла бы дать мѣсто еще для нѣкоторыхъ. Императоръ помирилъ ихъ, отецъ вводитъ ихъ во власть. Примите же этихъ моихъ сыновей, даруйте каждому изъ нихъ, какъ повелѣваетъ долгъ и обычай, должное уваженіе по старшинству; ибо торжество того, который почитается выше своихъ лѣтъ, не можетъ быть такъ велико, какъ скорбь другого, возрастомъ котораго пренебрегаютъ. Кто бы изъ родственниковъ и друзей не состоялъ въ свитѣ каждаго изъ нихъ, я всѣхъ утвержду, но эти должны ручаться мнѣ за сохраненіе солидарности между ними; ибо я слишкомъ хорошо знаю, что ссоры и дрязги происходятъ отъ злонамѣренности окружающихъ; когда же послѣдніе дѣйствуютъ честно, тогда они сохраняютъ любовь. При этомъ я объявляю мою волю, чтобъ не только мои сыновья, но и начальники моего войска, пока еще повиновались исключительно мнѣ, потому что не царство, а только честь царства я передаю моимъ сыновьямъ: они будутъ наслаждаться положеніемъ царей, но тяжесть государственныхъ дѣлъ будетъ лежать на мнѣ, хотя я и не охотно ношу ее [1]. Пусть каждый подумаетъ о моихъ годахъ, моемъ образѣ жизни и благочестіи. Я еще не такъ старъ, чтобы на меня уже можно было махнуть рукой, не предаюсь я роскоши, которая губитъ и молодыхъ людей, а божество я всегда такъ чтилъ, что могу надѣяться на самую долговѣчную жизнь. Кто съ мыслію о моей смерти будетъ льстить моимъ сыновьямъ, тотъ въ интересахъ же послѣднихъ будетъ наказанъ мною. Вѣдь не изъ зависти къ нимъ, выхоленнымъ мною, я урѣзываю у нихъ излишнія почести, а потому, что я знаю, что лесть дѣлаетъ молодыхъ людей надменными и самоувѣренными. Если поэтому каждый изъ ихъ окружающихъ будетъ знать, что за честное служеніе онъ получитъ мою личную благодарность, а за сѣяніе раздора онъ не будетъ вознагражденъ даже тѣмъ, къ кому будетъ отнесена его лесть, тогда я надѣюсь, всѣ будутъ стремиться къ одной цѣли со мною, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и есть цѣль моихъ сыновей. И для этихъ послѣднихъ полезно, чтобъ я остался ихъ владыкой и въ добромъ согласіи съ ними. Вы же, мои добрыя дѣти, помните прежде всего священный союзъ природы, сохраняющій любовь даже

[1] Иродъ еще въ Римѣ хотѣлъ раздѣлить царство между тремя своими сыновьями, а самому удалиться въ частную жизнь; но Августъ удержалъ его отъ отреченія отъ престола (I. Д. XVI 4, 5).

у животныхъ; помните затѣмъ императора, зиждителя нашего мира, и, наконецъ, меня, вашего родителя, который проситъ васъ тамъ, гдѣ онъ можетъ приказывать,—оставайтесь братьями! Я даю вамъ царскія порфиры и царское содержаніе и взываю къ Богу, чтобы онъ охранялъ мое рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока вы сохраните согласіе между собою». Послѣ этихъ словъ онъ нѣжно обнялъ каждаго изъ своихъ сыновей и распустилъ собраніе. Одни искренно присоединились къ выраженнымъ Иродомъ пожеланіямъ, другіе же, падкіе къ переворотамъ, не обратили на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

(І. Д. XV, 7, 2—8, 3).

Злоказненность Антипатра и Дориды.—Глафира—виновница ненависти къ Александру.—Помилованіе Ферора, заподозрѣннаго, и Саломіи, уличенной въ заговорѣ.—Евнухи Ирода подвергаются пыткѣ, Александръ заключается въ тюрьму.

1) Сами братья, разставшись другъ съ другомъ, унесли съ собою свою вражду. Ихъ взаимное недовѣріе увеличилось еще больше противъ прежняго. Александръ и Аристовулъ увидѣли себя уничтоженными тѣмъ, что за Антипатромъ дѣйствительно утверждены права старшинства; Антипатръ не могъ простить братьямъ уже одно то, что они были поставлены ближайшими послѣ него. Но въ то время, когда послѣдній умѣлъ хранить свои мысли при себѣ и весьма искусно скрывать свою ненависть къ братьямъ, тѣ, какъ люди благороднаго происхожденія, высказывали все вслухъ. Многіе усердно старались разжигать ихъ неудовольствіе, но еще больше, чѣмъ дѣйствительные друзья, вкрадывались въ ихъ довѣріе шпіоны. Каждое слово Александра переносилось къ Антипатру и препровождалось отъ него съ прибавками къ Ироду. Даже самыя невинныя выраженія не проходили для него безнаказанно: его слова преднамѣренно искажались; а когда онъ позволялъ себѣ какую-нибудь откровенность, то къ простодушнымъ и ничего незначущимъ выраженіямъ прибавлялись самыя ужасныя небылицы. Къ тому еще Антипатръ изподтишка подсылалъ къ нему людей, которые всегда подзадоривали его для того, чтобы ложь могла быть подтверждена хоть какими-нибудь ссылками; а если удавалось доказать хоть кое-что изъ того, что распространялось молвой, то уже и все остальное считалось заслуживающимъ вѣры. Его же собственные друзья были или по натурѣ своей очень молчаливы, или приведены въ молчаніе подарками.

Жизнь Антипатра не безъ справедливости можно назвать таинственнымъ служеніемъ злу, ибо и приближенныхъ Александра онъ, или подкупами или коварной лестью, которой онъ все побѣждалъ, сдѣлалъ измѣнниками, и они воровскимъ образомъ передавали ему обо всемъ, что тамъ говорилось или происходило. Дѣйствуя осторожно и съ ловкостью актера прокладывая всякой клеветѣ дорогу къ Ироду, онъ пользовался услугами подставныхъ доносчиковъ, а самъ оставался подъ личиной добродѣтельнаго брата. Если царю что нибудь доносилось противъ Александра, то Антипатръ, какъ будто случайно, являлся къ Ироду и опровергалъ сначала ложные слухи, но тутъ-же своими объясненіями мало по малу дѣлалъ ихъ опять вѣроятными и такимъ образомъ снова возбуждалъ негодованіе царя. Всѣ интриги были направлены къ одной цѣли: возбудить противъ Александра подозрѣніе въ томъ, что онъ намѣревается убить своего отца. И ничто не придавало этимъ клеветамъ большаго вѣроятія, какъ когда Антипатръ принималъ на себя роль защитника.

2) Раздраженный всѣмъ этимъ Иродъ, по мѣрѣ того, какъ отстранялъ отъ себя обоихъ юношей, все болѣе и болѣе сближался съ Антипатромъ. Вмѣстѣ съ царемъ отвратились отъ двухъ братьевъ всѣ придворные: одни добровольно, другіе по приказанію, какъ напримѣръ, Птоломей ближайшій другъ царя,—братья царя и вся его фамилія; Антипатръ значилъ теперь все; и, что больше всего оскорбляло Александра, мать Антипатра также сдѣлалась всемогущей [1]. Ея навѣты всегда были направлены противъ нихъ; она ненавидѣла ихъ не только какъ злая мачиха, преслѣдующая своихъ пасынковъ, но какъ рожденныхъ отъ царицы. Все теперь раболѣпствовало предъ Антипатромъ, виды котораго сдѣлались столь блестящи, а Александра покинули всѣ его друзья до послѣдняго, такъ какъ царь обратился ко всѣмъ вельможамъ съ приказомъ прекратить всякія сношенія, какъ лично съ Александромъ, такъ и съ его окружающими. Этотъ приказъ напугалъ не только внутреннихъ друзей, но и внѣшнихъ, такъ какъ императоръ предоставилъ царю никому еще недарованное право, преслѣдовать бѣгущихъ отъ него людей даже въ чужихъ, непринадлежащихъ ему странахъ. А между тѣмъ юноши не знали даже, какая опасность имъ грозила, вслѣдствіе чего они, по неосторожности своей, тѣмъ скорѣе приближались къ ней. Никогда отецъ не порицалъ ихъ открыто въ глаза; только холодное его

[1] Она сдѣлалась ближайшей совѣтницей Ирода въ важнѣйшихъ дѣлахъ (І. Д. XVI, 7 2).

обращеніе и постоянная раздражительность заставляли ихъ догадываться о причинахъ. Антипатръ настроилъ враждебно противъ братьевъ также и ихъ дядю Ферора, равно и тетку, Саломію [1], съ которой онъ для того, чтобы направить ее на нихъ, обходился такъ интимно, какъ-будто она была бы ему женой. Ея вражду разжигала еще жена Александра, Глафира, которая съ гордостью перебирала своихъ благородныхъ предковъ и, возведя свое происхожденіе до Темена [2] по отцовской линіи и до Дарія [3], сына Гистаспа по материнской, возмнила себя владычицей всѣхъ женщинъ въ царскомъ домѣ. Сестру Ирода она часто дразнила ея низкимъ происхожденіемъ; точно также она поступала съ его женами, которыхъ онъ выбиралъ себѣ единственно изъ-за ихъ красоты, нисколько не заботясь объ ихъ происхожденіи (Иродъ имѣлъ много женъ, такъ какъ законы іудеевъ разрѣшаютъ имъ многоженство, а Ироду это пришлось по вкусу). Хвастовство и оскорбительныя рѣчи Глафиры сдѣлали ихъ всѣхъ врагами Александра.

3) Аристовулъ также возстановилъ противъ себя и безъ того уже ожесточенную Саломію, не смотря на то, что она приходилась ему тещей (23,1). Аристовулъ всегда стыдилъ свою жену ея низкимъ происхожденіемъ [4]: въ то время, когда его братъ женился на царицѣ, онъ получилъ въ жены простую мѣщанскую дочь. Со слезами разсказывала объ этомъ его жена своей матери, Саломіи, прибавивъ еще, будто Александръ и его братъ грозили, что, какъ только они сдѣлаются царями, они матерей остальныхъ братьевъ посадятъ за ткацкимъ станкомъ, вмѣстѣ съ чернью, а самихъ братьевъ обратятъ въ сельскихъ старостъ, такъ какъ они, какъ тѣ презрительно выражались, такъ превосходно вышколены. Саломія не могла преодолять свою злобу и донесла обо всемъ Ироду; а такъ какъ она жаловалась на собственнаго своего зятя, то ей повѣрили. Еще одна сплетня возбуждала гнѣвъ царя: ему говорили, что братья часто взываютъ къ имени своей матери, сквозь стоны проклиная отца; а если онъ то или другое платье Маріаммы даритъ остальнымъ своимъ женамъ, то они грозили каждый разъ, что вмѣсто царскихъ одѣяній имъ вскорѣ придется напялить на себя волосяницы.

[1] Оба были злѣйшими врагами сыновей Маріаммы еще до возвышенія Антипатра (см. примѣчаніе къ § 1, глава 23).
[2] Родоначальникъ македонскихъ царей.
[3] Персидскій царь.
[4] По І. Д., Саломія сѣяла раздоръ между своей дочерью и ея мужемъ.

4) Какъ ни боялся царь гордости юношей, онъ тѣмъ не менѣе не терялъ надежды на ихъ исправленія. Готовясь къ поѣздкѣ въ Римъ, онъ пригласилъ ихъ даже къ себѣ, проронилъ нѣсколько угрозъ, какъ царь, но въ общемъ говорилъ съ ними, какъ отецъ, увѣщевалъ ихъ любить братьевъ и обѣщалъ простить прошлыя ихъ ошибки, если они исправятся въ будущемъ. Они опровергли возведенныя на нихъ обвиненія, называя ихъ вымышленными, и сказали: ихъ поведеніе можетъ вполнѣ подтвердить ихъ защиту, но и царь, съ своей стороны, долженъ положить предѣлъ этимъ наушничаньямъ и не довѣрять имъ такъ легко, ибо никогда не будетъ недостатка въ ложныхъ навѣтахъ противъ нихъ, пока ложь будетъ находить себѣ вѣру.

5) Такими рѣчами они хотя скоро успокоили отца и устранили временную опасность; но тѣмъ печальнѣе сдѣлались ихъ виды на будущее. Они только теперь узнали о враждѣ Саломіи и своего дяди Ферора. Оба были опасны и безсердечны, а Ферорь къ тому былъ еще могущественный противникъ, ибо онъ состоялъ сорегентемъ Ирода, только безъ короны, имѣлъ 100 талантовъ собственныхъ доходовъ, пользовался также доходомъ всего заіорданскаго края, какъ подаркомъ отъ своего брата, который, съ разрѣшенія императора, сдѣлалъ его еще тетрархомъ и удостоилъ его бракомъ съ царской принцессой, женивъ его на сестрѣ своей жены. По смерти этой жены онъ назначилъ ему свою старшую дочь и 300 талантовъ приданаго. Правда, Ферорь изъ любви къ одной рабынѣ уклонился отъ женитьбы на царской дочери, и Иродъ, отдавъ свою дочь за своего племянника [1], павшаго впослѣдствіи въ войнѣ съ пароянами, остался очень недоволенъ отказомъ Ферора. Но вскорѣ, однако, онъ, снисходя къ его любовной страсти, забылъ эту обиду.

6) Уже раньше, когда жила еще царица [2], Ферорь обвинялся въ покушеніи на отравленіе царя. Теперь же выступило такое множество обвинителей, что Иродъ, какъ ни любилъ онъ искренно брата, все-таки долженъ былъ повѣрить показаніямъ и сталъ его опасаться. Подвергая пыткамъ многихъ изъ заподозрѣнныхъ, онъ добрался, наконецъ, и до друзей Ферора. На допросѣ никто изъ нихъ не сознался въ формальномъ заговорѣ противъ жизни царя; но было указано на то, что Ферорь собирался увести свою воз-

[1] Одного изъ сыновей Фазаеля (І. Д. XVI, 7, 3).
[2] Маріамма.

любленную [1] и вмѣстѣ съ ней бѣжать къ пареянамъ и что мужъ Саломіи, Костобаръ [2] (за него царь выдалъ свою сестру послѣ того, какъ первый ея мужъ (22, 4, 5), обвиненный въ супружеской измѣнѣ, былъ казненъ) готовъ былъ споспѣшествовать плану бѣгства. Сама Саломія тоже не осталась свободной отъ обвиненій: братъ ея Ферор обвинялъ ее въ томъ, что она тайно обручилась съ Силлаемъ, намѣстникомъ аравійскаго царя Обода, смертнымъ врагомъ Ирода [3]. Хотя она была вполнѣ уличена въ этомъ и

[1] Иродъ предложилъ Ферору въ жены вторую свою дочь, но Фероръ вторично отказался, не пожелавъ разстаться со своей возлюбленной (І. Д. XVI, 7, 3).

[2] Костобаръ, знатный идумеянинъ и, слѣдовательно, соотечественникъ Ирода, былъ главнымъ его сподвижникомъ въ террорѣ и проскрипціяхъ, введенныхъ въ Іерусалимѣ сейчасъ послѣ покоренія города римлянами и вступленія Ирода на престолъ, отнятый у Антигона. Костобару была поручена тогда охрана городскихъ воротъ, дабы никто не могъ спастись отъ рукъ Ирода. Усердно исполняя волю своего повелителя и предавая казни знатнѣйшихъ гражданъ, онъ, однако, пощадилъ вожаковъ іерусалимской аристократіи „Бне-Баба", пользовавшихся могущественнымъ вліяніемъ на народъ и состоявшихъ въ родствѣ съ Маккавейской династіей. „Бне-Баба" были самые преданные приверженцы Антигона и непримиримые враги Ирода; они побуждали народъ бороться противъ него до послѣдней крайности. Взявъ городъ, Иродъ приказалъ прежде всего казнить „Бне-Баба"; но именно это вліятельное семейство Костобаръ хотѣлъ сохранить для своихъ личныхъ цѣлей: онъ скрывалъ ихъ въ потаенномъ мѣстѣ въ теченіи десяти лѣтъ. Эта тайна была выдана наконецъ, Ироду Саломіей, сдѣлавшейся женой Костобара послѣ убійства перваго ея мужа, Іосифа. Костобаръ вмѣстѣ съ „Бне-Баба" были обезглавлены (І. Д. XV, 7, 8—10).

[3] Жители Трахонитиды, которыхъ императоръ Августъ подчинилъ владычеству Ирода, нашли себѣ покровителя въ лицѣ Силлая, фактически правившаго Аравіей при слабосильномъ царѣ Ободѣ, и отпали отъ Іудеи. Мятежники зашли такъ далеко что стали даже производить разбойничьи набѣги на Іудею. Такъ какъ все зло исходило изъ Аравіи, то Иродъ напалъ на послѣднюю и силой оружія принудилъ аравійское правительство къ выдачѣ разбойниковъ. Силлай-же, находившійся тогда въ Римѣ, представилъ это дѣло императору въ такомъ видѣ, что Иродъ чуть ли не опустошилъ страну; а между тѣмъ Аравія, наравнѣ съ другими восточными царствами, была подвластна Риму и слѣдовательно пользовалась неприкосновенностью. Августъ былъ такъ возмущенъ поступкомъ Ирода, что прервалъ дружбу съ нимъ и выразилъ ему въ самой жестокой формѣ все свое негодованіе. Тщетно Иродъ снаряжалъ въ Римъ посольство за посольствомъ для разъясненія дѣла и возвращенія себѣ милости императора.—Августъ даже не допускалъ къ себѣ его пословъ. Такъ Иродъ долгое время провелъ между страхомъ и надеждой, пока, наконецъ, извѣстному историку Николаю Дамаскинскому не удалось примирить съ нимъ императора

многихъ другихъ проступкахъ, раскрытыхъ Фероромъ, она тѣмъ не менѣе была помилована; да и самого Ферора царь объявилъ свободнымъ отъ всѣхъ тяготѣвшихъ надъ нимъ обвиненій.

7) Такъ надвигалась семейная буря на Александра и разразилась всецѣло надъ его головой. Между царскими евнухами были три, — пользовавшіеся особеннымъ довѣріемъ Ирода, какъ это видно было изъ тѣхъ обязанностей, которыя имъ ввѣрялись: одинъ былъ его виночерпіемъ, другой хлѣбодаромъ, а третій приготовлялъ его ложе и самъ спалъ въ его близости. Этихъ трехъ евнуховъ Александръ, посредствомъ большихъ подарковъ, сдѣлалъ орудіями своей похотливости. Царь узналъ объ этомъ и приказалъ допросить ихъ подъ пытками. Въ развратныхъ похожденіяхъ они тотчасъ-же признались, но кромѣ того они разсказали еще какими обѣщаніями они были обольщены. «Отъ Ирода, говорилъ Александръ, имъ нечего ожидать многаго; онъ старый повѣса, красящій себѣ волосы, но чрезъ это онъ же не можетъ казаться имъ молодымъ; пусть только они слушаются его, Александра: скоро онъ силой отниметъ власть у Ирода, отмститъ своимъ врагамъ, а друзей сдѣлаетъ богатыми и счастливыми, и прежде всего ихъ самыхъ. Знатнѣйшіе люди давно уже присягнули ему втихомолку и обѣщали ему свое содѣйствіе, а высшіе и низшіе офицера въ арміи имѣютъ съ нимъ тайныя совѣщанія».

8) Эти показанія до такой степени устрашили Ирода, что въ первое время онъ даже не осмѣливался дѣйствовать открыто; онъ разослалъ тайныхъ развѣдчиковъ, которые шныряли по городу денно и нощно и должны были докладывать ему обо всемъ, что они замѣчали, видѣли и слышали: кто только навлекалъ на себя подозрѣніе, немедленно былъ лишенъ жизни. Дворъ переполнился самыми ужаснѣйшими преступленіями. Каждый измышлялъ обвиненія, каждый клеветалъ, руководствуясь личной или партійной враждой, и многіе злоупотребляли кровожаднымъ гнѣвомъ царя, обращая его противъ своихъ противниковъ. Ложь мгновенно находила себѣ вѣру, и едва только произнесено было обвиненіе, какъ уже совершалась казнь. Случалось часто, что только что обвинявшій самъ былъ обвиненъ и вмѣстѣ со своей жертвой пошелъ на казнь, ибо царь, изъ опасеній за свою собственную жизнь, осуждалъ безъ слѣдствія и безъ суда. Его духъ былъ до того помраченъ, что онъ не могъ ласково глядѣть на людей, хотя

(І. Д. XVI, 9, 4). Въ интимныя сношенія со Силлаемъ Саломія вошла послѣ смерти ея втораго мужа, Костобара.

совершенно невинныхъ, даже къ друзьямъ своимъ онъ относился въ высшей степени недружелюбно. Многимъ изъ нихъ онъ прекратилъ доступъ ко двору, а кого не постигла его рука, того онъ уничтожалъ жестокими словами.

9) Антипатръ пользовался несчастьемъ Александра. Тѣснѣе сплотилъ онъ вокругъ себя всю ораву своихъ родственниковъ, и вмѣстѣ съ ними пускалъ въ ходъ всевозможныя клеветы. Ложными доносами и извѣтами онъ вмѣстѣ со своими друзьями нагналъ на царя такой страхъ, что послѣднему всегда мерещился Александръ и не иначе, какъ съ поднятымъ надъ нимъ кинжаломъ. Онъ приказалъ, наконецъ, схватить его внезапно и заковать въ кандалы. Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ подвергать пыткамъ его друзей. Большинство изъ нихъ умирало молча, не выдавая больше того, что они въ дѣйствительности знали, но тѣ, которые были доведены пытками до лжесвидѣтельства, показали, что Александръ и братъ его Аристовулъ посягали на жизнь царя; они будто выжидали только случая, чтобы убить отца на охотѣ и тогда бѣжать въ Римъ. Какъ ни были невѣроятны эти признанія, исторгнутыя подъ страхомъ смерти, но царь охотно имъ повѣрилъ, оправдывая такимъ образомъ заточеніе сына мнимой справедливостью этой суровой мѣры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

(I. Д. XVI, 8, 5, 6).

Архелай миритъ вновь Ирода съ Александромъ и Ферoромъ.

1) Увидавъ всю невозможность разубѣдить своего отца, Александръ рѣшилъ идти смѣло на встрѣчу опасности. Онъ сочинилъ четыре книги, направленныя противъ его враговъ. Сознавшись въ заговорѣ, въ которомъ его обвиняли, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, большую часть своихъ враговъ, и во главѣ ихъ Ферора и Саломію, выставилъ своими единомышленниками. Послѣдняя даже разъ вторглась къ нему въ домъ и, противъ его воли, провела съ нимъ ночь. Эти книги, полныя многочисленныхъ и тяжкихъ разобличеній противъ могущественнѣйшихъ въ государствѣ [1], находились

[1] Впечатлѣніе этихъ разоблаченій на Ирода было ужасающее, они привели также въ трепетъ весь дворъ. Александръ, повидимому, хотѣлъ вовлечь въ свою гибель всѣхъ своихъ клеветниковъ и враговъ. Онъ изобразилъ картину заговора неизмѣримаго объема. Весь дворъ полонъ измѣны и предательства. Всѣ жаждутъ смерти царя. Не только онъ (Александръ) одинъ, но и Фероръ, и Саломія, и Антипатръ, и многіе другіе члены царской семьи, высшіе военные чины и министры, даже такіе испытанные друзья царя, какъ Птоломей и Сапинній— всѣ они охвачены горячкой заговора, всѣ они куютъ втайнѣ орудія смерти для ненавистнаго ихъ тирана. Подъ вліяніемъ этихъ публичныхъ разобличеній, Иродъ началъ неистовствовать противъ всѣхъ его окружающихъ и приближенныхъ: одни были замучены въ пыткахъ, другіе были обезглавлены, не подвергаясь даже допросу, третьи томились въ заточеніи, а тѣ, которые были пощажены, не были увѣрены въ завтрашнемъ днѣ—съ минуты на минуту они ждали своей смерти. Самъ Иродъ, покинутый придворными, удрученный казнями родныхъ и друзей, проклиналъ свою судьбу, вопіялъ противъ всего свѣта и, не зная, какъ спастись отъ грозившейся ему опасности, переходилъ отъ убійства къ убійству (I. Д. XVI, 8, 5).

уже въ рукахъ Ирода, когда Архелай, озабоченный судьбой своего зятя и дочери, примчался въ Іудею. Они нашли въ немъ очень умнаго заступника, который хитростью отвратилъ грозныя намѣренія царя. При первой же встрѣчѣ съ послѣднимъ онъ воскликнулъ: «Гдѣ это мой преступный зять? Гдѣ мнѣ найти голову этого отцеубійцы, чтобы собственными руками размозжить ее? И мою дочь я хочу присоединить къ ея драгоцѣнному супругу—будь даже она не причастна въ его заговорѣ, но однимъ союзомъ съ такимъ человѣкомъ она уже обезчещена. Я долженъ только удивляться тому долготерпѣнію, которое ты, не смотря на направленный противъ тебя заговоръ, проявляешь по отношенію къ Александру все еще находящемуся въ живыхъ. Я спѣшилъ сюда изъ Каппадокіи въ полной увѣренности, что найду его давно уже казненнымъ, и имѣлъ въ виду вмѣстѣ съ тобою судить и мою дочь, которую я ему далъ лишь изъ высокаго уваженія къ тебѣ и твоему сану. Теперь же мы должны рѣшить участь ихъ обоихъ, и если ты чрезъ-чуръ уже подчиняешься отцовскому чувству и слишкомъ мягкосердеченъ для того, чтобы карать сына, возставшаго на твою жизнь, такъ, давай, обмѣнимся судейскими обязанностями, и пусть каждый изъ насъ проникнется гнѣвомъ другого»!

2) Какъ ни сдержанъ былъ Иродъ, но этой патетической рѣчью онъ сдѣлалъ его довѣрчивымъ. Послѣдній далъ ему прочитать записки Александра, останавливался надъ отдѣльными пунктами, обсуждая ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Архелай не упускалъ случая, чтобы съ самаго начала чтенія преслѣдовать свой хитро-задуманный планъ; незамѣтно для царя, онъ взвалилъ всю вину на поименованныхъ въ книгѣ лицъ, преимущественно же на Ферора. Замѣтивъ, что его соображенія производятъ впечатлѣніе, онъ сказалъ: «мы должны разслѣдовать, не замышляли ли кое-чего эти злодѣи противъ юноши вмѣсто того, чтобы онъ замышлялъ противъ тебя. У насъ нѣтъ пока никакого объясненія тому, что могло побудить его къ такому

возмутительному преступленію въ то время, когда онъ уже пользовался царскими почестями и имѣлъ всѣ виды на престолонаслѣдіе. Здѣсь должны быть обольстители, которые стремятся направить легкомысліе молодости на путь преступленія; такими людьми бываютъ обмануты не только юноши, но и старики, благодаря имъ часто потрясаются знатнѣйшія фамиліи и даже цѣлыя царства.

3) Иродъ соглашался со всѣми этими увѣщаніями. По мѣрѣ того, какъ утихалъ его гнѣвъ противъ Александра, онъ все больше ожесточался противъ Ферора, о которомъ, главнымъ образомъ, трактовали тѣ четыре книги. Фероръ же, замѣтивъ раздраженное состояніе царя и всесильное вліяніе Архелая, не видѣлъ никакой возможности выйти съ честью изъ своего опаснаго положенія и только своему безстыдству онъ обязанъ былъ спасеніемъ своей жизни; не думая больше объ Александрѣ, онъ прибѣгъ къ Архелаю. Послѣдній заявилъ ему, что онъ не знаетъ, какъ выпросить для него помилованія, такъ какъ изъ массы уликъ, имѣющихся противъ него, явствуетъ до очевидности, что онъ помышлялъ убить царя и что онъ виновникъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя постигли юношу (Александра),—онъ долженъ поэтому рѣшиться, откладывая въ сторону всякія увертки и укрывательства, признать всѣ пункты обвиненія и обратиться къ любящему сердцу брата съ мольбой о прощеніи. При такомъ условіи онъ, съ своей стороны, готовъ сдѣлать все отъ него зависящее.

4) Фероръ послѣдовалъ этому совѣту. Съ подавленнымъ видомъ, разсчитаннымъ на возбужденіе жалости, одѣтый въ черномъ, онъ предсталъ предъ Иродомъ, съ плачемъ упалъ къ его ногамъ, умоляя, какъ уже неоднократно это дѣлалъ, о прощеніи, объявилъ себя преступникомъ, сознался въ совершеніи всего, что ему приписывалось, но каялся въ своемъ безразсудствѣ и умопомраченіи, которое нашло на него подъ вліяніемъ любви къ своей женѣ [1]. Архелаю удалось такимъ образомъ заставить Ферора свидѣтельствовать противъ себя и самаго себя обвинить. Тогда лишь онъ началъ дѣйствовать въ умиротворяющимъ духѣ; гнѣвъ Ирода онъ старался переложить на милость примѣрами изъ своей собственной семейной жизни. «И я, сказалъ онъ, претерпѣвши отъ моего брата еще больше обидъ, покорился все таки голосу природы, заглушающему въ насъ призывы къ мести. Да и въ государствахъ, подобно тому, какъ и на огромныхъ тѣлахъ, вслѣдствіе ихъ тяжести, образовываются вредные наросты, которыя нельзя отрѣзывать, а необходимо лечить умѣренными средствами».

[1] Рѣчь идетъ о рабынѣ, которую Фероръ предпочиталъ дочерямъ Ирода и изъ-за которой между нимъ и братомъ происходили постоянныя столкновенія.

5) Подобными увѣщаніями онъ настроилъ Ирода нѣсколько мягче къ Ферору. Но онъ самъ остался при своемъ прежнемъ негодованіи противъ Александра и высказывалъ твердое намѣреніе разлучить съ нимъ свою дочь и увезти послѣднюю домой. Такъ онъ довелъ Ирода до того, что тотъ самъ выступилъ ходатаемъ за своего сына и упрашивалъ его снова довѣрить ему свою дочь. Но Архелай съ искуснымъ притворствомъ замѣтилъ, что онъ предоставляетъ царю выдать его дочь за кого онъ пожелаетъ, только не за Александра: ему, увѣрялъ онъ Ирода, важнѣе всего сохранить съ нимъ фамильную связь. Тогда Иродъ произнесъ: «онъ, какъ подарокъ, приметъ изъ его рукъ сына, если онъ не расторгнетъ брака; они вѣдь имѣютъ уже дѣтей, и юноша такъ нѣжно любитъ свою жену; если послѣдняя останется при немъ, то она можетъ удержать его отъ дальнѣйшихъ ошибокъ, но разъ она будетъ оторвана отъ него, то это можетъ повести его къ отчаяннымъ поступкамъ; бурные порывы молодости, заключилъ онъ, смягчаются именно подъ вліяніемъ семейныхъ ощущеній». Медля и нерѣшительно, Архелай уступалъ и, наконецъ, помирился съ юношей, помиривши его вмѣсѣ съ тѣмъ и съ отцомъ. Но, прибавилъ онъ, необходимо во всякомъ случаѣ послать его въ Римъ для того, чтобы онъ оправдался предъ императоромъ, такъ какъ Иродъ уже успѣлъ написать ему обо всемъ происшедшемъ.

6) Такимъ образомъ Архелай довелъ до конца свой ловкій маневръ, при помощи котораго спасъ своего зятя. Веселье и пиршества последовали за заключеніемъ мира. Иродъ подарилъ Архелаю предъ его отъѣздомъ семьдесятъ талантовъ, золотой тронъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, евнуховъ и наложницу, по имени Паннихія. И свита его щедро была надѣлена, всякій по достоинству своему, подарками. По приказанію Ирода и родственники его поднесли Архелаю великолѣпные подарки. Иродъ и его сановники провожали его до Антіохіи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Интриги Эврикла противъ сыновей Маріаммы. Напрасная защита ихъ кояниномъ Еваратомъ.

1) Недолго спустя въ Іудеѣ высадился человѣкъ, который въ искусствѣ хитрить далеко превосходилъ еще Архелая и который не только

поколебалъ примиреніе, достигнутое послѣднимъ для Александра, но сдѣлался виновникомъ его окончательной гибели. Это былъ спартанецъ, по имени Эвриклъ, котораго жадность къ наживѣ пригнала въ Іудейское царство. Эллада не могла больше удовлетворить его расточительности. Онъ привезъ Ироду блестящіе подарки съ цѣлью выжать у него болѣе богатые и онъ дѣйствительно съ лихвой былъ награжденъ царемъ. Но подарки одни не имѣли въ его глазахъ никакой цѣны—онъ добивался власти и рѣшился пріобрѣсть ее кровью. Лестью, подкупающимъ краснорѣчіемъ и лицемѣрными похвалами онъ прежде всего вкрался въ довѣріе Ирода, а затѣмъ, изучивъ его характеръ, онъ началъ говорить и дѣлать все въ угоду ему и такимъ образомъ сдѣлался однимъ изъ интимнѣйшихъ его друзей. Уже изъ-за одной принадлежности его къ спартанской націи [1], царь и весь дворъ обращались съ нимъ съ особымъ уваженіемъ.

2) Сей мужъ вскорѣ постигъ слабое мѣсто семьи, раздоры между братьями и неравныя отношенія отца къ сыновьямъ. Онъ прежде всего сблизился съ Антипатромъ, пользуясь его гостепріимствомъ, но въ то же время, притворно поддерживалъ дружескую связь съ Александромъ, выдавая себя ложно за стараго пріятеля Архелая. По этой причинѣ онъ былъ принятъ Александромъ, какъ надежный другъ. И брату его Аристовулу онъ также успѣлъ понравиться. Опытный во всѣхъ роляхъ, онъ къ каждому отдѣльно умѣлъ подступить инымъ маннеромъ. По преимуществу же онъ былъ наемникомъ Антипатра и предателемъ Александра. Перваго онъ укорялъ въ томъ, что онъ, будучи старшимъ, терпитъ возлѣ себя людей, выжидающихъ только перваго удобнаго случая для того, чтобы уничтожить всѣ его виды на престолъ; послѣдняго онъ порицалъ за то, что онъ, сынъ царицы, мужъ царской дочери, имѣя, кромѣ того, такую превосходную опору, какъ Архелая, допускаетъ, чтобы сынъ простой мѣщанки былъ престолонаслѣдникомъ. Вымышленная имъ дружба съ Архелаемъ заставила молодого принца считать его своимъ добрымъ совѣтникомъ. Онъ поэтому откровенно изливалъ передъ нимъ все, что онъ имѣлъ на сердцѣ противъ Антипара и высказывалъ опасеніе, что Иродъ, убійца ихъ матери, способенъ также отнять у нихъ корону, на которую они, какъ сыновья царицы, имѣютъ неотъемлемыя права. Эвриклъ лицемѣрно выражалъ ему свое сочувствіе и

[1] Спартанцы считали себя родственниками евреевъ, производя, какъ и послѣдніе, свое происхожденіе отъ Авраама; см. I. Д. XII, 4, 10; XIII, 5, 8, I книга Маккавеевъ, XII.

соболѣзнованіе. Но послѣ того, какъ ему удалось выжать такія же откровенности и у Аристовула и обоихъ вмѣстѣ вызвать на свободное выраженіе своего неудовольствія противъ отца, онъ поспѣшно передалъ эту тайну Антипатру. Къ этому онъ прибавилъ свой собственный вымыселъ, будто братья посягаютъ на его жизнь и уже готовятся обнажить мечъ противъ него. Богато вознагражденный за эту услужливость, онъ началъ съ того, что при каждомъ удобномъ случаѣ расхваливалъ Антипатра предъ Иродомъ; но кончилъ тѣмъ, что нанялся формально въ убійцы Аристовула и Александра и выступилъ ихъ обвинителемъ передъ царемъ. «Въ благодарность за твои милости ко мнѣ, такъ началъ Эвриклъ, я дарю тебѣ, Иродъ, жизнь; какъ воздаяніе за твое гостепріимство, я приношу тебѣ свѣтъ. Уже давно выточенъ мечъ и рука Александра простерта надъ тобою. Ближайшее осуществленіе заговора я предотвратилъ тѣмъ, что притворялся сообщникомъ его». Александръ сказалъ: Иродъ не довольствуется тѣмъ, что сидитъ на непринадлежащемъ ему тронѣ, что послѣ убійства ихъ матери раздробилъ ея царство, онъ еще возвелъ въ престолонаслѣдники бастара—этого проклятаго Антипатра, которому предназначилъ ихъ родовое царство, но онъ рѣшилъ принесть искупительную жертву памяти Гиркана и Маріаммы, ибо изъ рукъ такого отца онъ не долженъ принять скипетръ безъ кровопролитія. Каждый день его всяческимъ образомъ раздражаютъ; ни единаго слова, срывающагося съ его языка, не оставляютъ безъ извращенія. Заходитъ-ли рѣчь о чемъ-либо благородномъ происхожденіи, то безъ всякаго повода приплетаютъ его имя. Иродъ говоритъ тогда: «есть одинъ только благородный, это Александръ, который и отца своего презираетъ за его простое происхожденіе». На охотѣ онъ вызываетъ негодованіе, если молчитъ, а если хвалитъ, то въ этомъ усматриваютъ насмѣшку. Отецъ всегда сурово съ нимъ обращается, только съ Антипатромъ онъ умѣетъ быть ласковымъ. Онъ поэтому охотно умретъ, если его заговоръ не удастся. Если же ему удастся убить отца, то онъ надѣется найти убѣжище прежде у своего тестя Архелая, къ которому легко можетъ бѣжать, а затѣмъ также у императора, который до сихъ поръ совсѣмъ не знаетъ настоящаго Ирода; ибо тогда онъ не такъ, какъ прежде, будетъ стоять предъ нимъ, трепеща предъ присутствовавшимъ отцомъ и не будетъ только докладывать объ обвиненіяхъ, которыя онъ лично возводитъ на него. Онъ прежде всего изобразитъ императору бѣдственное положеніе всей націи, онъ разскажетъ ему, какъ у этого народа высасывали кровь поборами, на какія роскоши и злодѣйства были растрачены эти кровавыя деньги, что за люди тѣ, которые обогащались

нашимъ добромъ и которымъ дарили цѣлые города; затѣмъ онъ еще будетъ взывать о мести за его дѣда и мать и сорветъ завѣсу, скрывающую всѣ ужасы и гнусныя дѣла нынѣшняго царствованія [1]—тогда, надѣется онъ, его не будутъ судить, какъ отцеубійцу.

3) Очернивъ этой хитро сплетенной ложью Александра, Эвриклъ разсыпался въ похвалахъ объ Антипатрѣ: только онъ одинъ и любитъ своего отца, только благодаря его энергичнымъ мѣрамъ заговоръ до сихъ поръ не могъ быть осуществленъ. Царь, въ которомъ не изгладились еще прежнія подозрѣнія, этими новыми открытіями былъ приведенъ въ бѣшеную ярость. Антипатръ воспользовался новымъ благопріятнымъ моментомъ для того, чтобы выставить еще другихъ обвинителей, которые донесли, что оба брата имѣли тайныя совѣщанія съ двумя бывшими кавалерійскими офицерами, Юкундомъ и Тиранномъ, уволенными незадолго предъ этимъ за упущенія по службѣ. Разсвирѣпѣвъ еще больше этимъ извѣстіемъ, Иродъ приказалъ подвергнуть обоихъ офицеровъ пыткѣ. Но они ничего не признали изъ того, что имъ ложно было приписано. Тутъ представлено было еще письмо Александра, въ которомъ онъ просилъ коменданта одной изъ царскихъ крѣпостей [2] принять его и Аристовула послѣ убійства ими своего отца и предоставить въ его распоряженіе оружіе и другія военныя принадлежности. Александръ объявилъ это письмо плутовской продѣлкой Діофанта—царскаго секретаря, дерзкаго малаго, изощрявшагося всегда въ поддѣлкѣ почерковъ и поплатившагося, наконецъ, жизнью за свое искусство. И начальникъ крѣпости былъ подвергнутъ пыткѣ, но и отъ него Иродъ не могъ добиться того, въ чемъ его обвиняли.

4) Сознавая самъ бездоказательность уликъ, онъ, тѣмъ не менѣе, велѣлъ арестовать своихъ сыновей, не заключая ихъ, впрочемъ, въ цѣпи. Губителя-же его семейства, изобрѣтателя всего этого злодѣйскаго плана онъ назвалъ своимъ спасителемъ и благодѣтелемъ и наградилъ его пятьюдесятью талантами. Прежде чѣмъ вѣсть объ истинномъ положеніи братьевъ могла

[1] Въ этихъ жалобахъ, часто раздававшихся во всей Іудеѣ, Иродъ легко могъ узнать Александра, ибо Александръ и Аристовулъ были единственные изъ его семейства, которые искренно скорбѣли скорбями народа и въ свою очередь были любимы народомъ. Народная любовь—а о ней свидѣтельствуетъ тотъ энтузіазмъ, который впослѣдствіи возбуждало среди іудеевъ появленіе Лже-Александра (II, 7)—къ сыновьямъ Маріаммы вызывала зависть Ирода и была основной причиной враждебнаго настроенія Ирода къ нимъ.

[2] По І. Д., Александріонъ.

распространиться, Эвриклъ поспѣшилъ въ Каппадокію и выманилъ денежный подарокъ также у Архелая, нагло увѣривъ его въ томъ, что онъ помирилъ Ирода съ Александромъ. Прибывъ въ Грецію, онъ употребилъ эти грѣшныя деньги на такія-же плутовскія дѣла. Обвиненный два раза предъ императоромъ въ возмущеніи Ахаіи и обкрадываніи общественныхъ кассъ, онъ, наконецъ, былъ осужденъ на изгнаніе. Такъ ему было воздано за его согрѣшенія предъ Аристовуломъ и Александромъ.

5) Этому спартанцу по справедливости долженъ быть противопоставленъ коянинъ Эваратъ. Онъ былъ одинъ изъ ближайшихъ друзей Александра и прибылъ въ Іудею одновременно съ Эвриклимъ. Когда царь допытывался у него относительно показаній послѣдняго, онъ клятвенно увѣрялъ, что ничего подобнаго не слышалъ отъ молодыхъ людей. Но это свидѣтельство, конечно, не помогло несчастнымъ. Только злое и худое Иродъ былъ склоненъ выслушивать и только тотъ снискалъ его милость, который вмѣстѣ съ нимъ вѣрилъ и вмѣстѣ съ нимъ злобствовалъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

(І. Д. XII, 10, 11).

Иродъ, съ разрѣшенія императора, выступаетъ въ Беритѣ обвинителемъ своихъ сыновей, которые, не будучи представлены собранію, осуждаются. Вслѣдъ за тѣмъ ихъ отправляютъ въ Себасту для совершенія надъ ними казни.

1) Саломія тоже подстрекала царя на самыя крайнія мѣры противъ его сыновей. Дѣло сложилось такимъ образомъ: Аристовулъ, желая связать со своей собственной судьбой эту тещу свою и тетку, велѣлъ передать ей, чтобы она позаботилась о своемъ спасеніи, такъ какъ царь намѣревается казнить ее за прежніе ея грѣшки, за то именно, что она, желая сдѣлаться женой араба Силлая, передала ему, врагу царя, тайны послѣдняго. Еще грознѣе зарядилась тогда буря, которая должна была уничтожить обоихъ юношей. Саломія прибѣжала къ царю и сообщила ему о полученномъ предостереженіи. Это привело Ирода въ такую ярость, что онъ приказалъ заковать сыновей въ кандалы, разъединить ихъ между собою и немедленно-же отправилъ начальника Волумнія вмѣстѣ съ своимъ другомъ Олимпомъ съ письменнымъ донесеніемъ къ императору. Получивъ чрезъ этихъ пословъ въ Римѣ бумаги отъ царя, [1] императоръ очень

[1] Волумній прибылъ въ Римъ какъ разъ въ то время, когда Николай, незадолго предъ тѣмъ отправленный Иродомъ во главѣ посольства для примиренія

пожалѣлъ о юношахъ; но, съ другой стороны, ему казалось несправедливымъ лишить царя отцовской власти надъ его сыновьями. Онъ отвѣтилъ поэтому, что признаетъ за нимъ полную свободу дѣйствія, но что «онъ поступитъ благоразумно, если предоставитъ разслѣдованіе заговора полному собранію его-же родственниковъ и высшихъ чиновъ провинціи. Будетъ установлена виновность юношей, тогда они достойны смерти; если же окажется, что они только помышляли о тайномъ бѣгствѣ [1], то ихъ можно подвергнуть болѣе мягкому наказанію».

2) Иродъ послѣдовалъ этому совѣту и отправился въ городъ Беритъ [2], указанный ему императоромъ и созвалъ собраніе. Предсѣдательствовали, по назначенію императора, намѣстники: Сатурнинъ [3] и Педаній съ ихъ легатами; возлѣ нихъ засѣдали: прокураторъ Волумній, затѣмъ родственники и друзья царя, въ томъ числѣ Саломія и Ферор и, кромѣ нихъ, всѣ владѣтели Сиріи, за исключеніемъ царя Архелая [4], ибо ему, какъ тестю Александра, Иродъ не довѣрялъ. Самихъ сыновей онъ, по раньше принятому рѣшенію, не представилъ собранію: онъ очень хорошо зналъ, что одинъ только видъ ихъ вызоветъ состраданіе у всѣхъ, а если еще имъ предоставлено будетъ слово защиты, то Александръ очень легко съумѣетъ поколебать обвиненіе. Они содержались подъ стражей въ одной сидонской деревнѣ Платанѣ [5].

съ нимъ императора (См. 4-е примѣч. къ § 6 главы 24), успѣшно выполнилъ свою миссію: онъ не только возвратилъ Ироду милость императора, но и добился смертнаго приговора для оклеветавшаго его Силлая. Такъ какъ въ то же время получено было извѣстіе о смерти аравійскаго царя Обода, то Августъ рѣшилъ было подчинить и Аравію власти Ирода. Но, прочитавъ бумаги, доставленныя Волумніемъ, онъ нашелъ неудобнымъ подарить еще одно царство человѣку, который на старости лѣтъ враждуетъ со своими сыновьями (I. Д. XVI, 10, 8).

[1] Иродъ потребовалъ отъ Александра и Аристовула, чтобы они сами отъ себя написали императору о своихъ преступныхъ замыслахъ противъ него. Братья написали тогда, что никогда они не думали посягать на жизнь отца и ничего не предпринимали въ этомъ направленіи. Единственное о чемъ они думали—это о бѣгствѣ и то по вынужденію, такъ какъ имъ слишкомъ тяжело было жить постоянно подъ страхомъ подозрѣній отца.

[2] Нынѣ Бейрутъ—въ то время римская колонія.

[3] Бывшій консулъ.

[4] Несмотря на то, что Августъ намѣтилъ Архелая въ числѣ первоприсутствующихъ въ судѣ. Собраніе, созванное Иродомъ, состояло изъ 150 человѣкъ (I. Д. XVI, 11, 1, 2).

[5] Невдалекѣ отъ Бейрута, гдѣ происходило собраніе. Иродъ перевелъ об-

3) Царь поднялся и сталъ громить своихъ сыновей, точно они тутъ-же стояли предъ его глазами. Обвиненіе въ покушеніи на его жизнь онъ поддерживалъ слабо, какъ будто онъ самъ чувствовалъ несостоятельность уликъ; тѣмъ энергичнѣе онъ обвинялъ ихъ въ поношеніи его имени, насмѣшкахъ и оскорбленіи его личности, и такихъ фактовъ онъ исчислилъ такое множество, что сама смерть казалась засѣдающимъ слишкомъ ничтожнымъ наказаніемъ. Такъ какъ никто ему не возражалъ, то онъ сталъ оплакивать самого себя: приговоръ противъ его сыновей постигнетъ его самого, побѣда надъ дѣтьми—это горькая побѣда [1]. Вслѣдъ за этимъ онъ сталъ собирать голоса. Первымъ высказался Сатурнинъ: онъ призналъ юношей виновными, но незаслуживающими смертной казни; онъ не вправѣ, сказалъ онъ, рѣшить гибель дѣтей другого въ то время, когда у него сбоку стоятъ его собственные три сына [2]. Къ его заключенію присоединялись оба легата и еще нѣсколько лицъ. Волумній былъ первый, произнесшій ужасный приговоръ и вслѣдъ за нимъ уже всѣ осудили юношей на смерть— одни изъ лести, другіе изъ ненависти къ Ироду, но никто изъ негодованія противъ обвиненныхъ. Вся Сирія и Іудея съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ этой трагедіи; никто, однако, не допускалъ, что Иродъ доведетъ свою жестокость до дѣтоубійства. Но онъ поволокъ своихъ сыновей въ Тиръ [3], а оттуда поплылъ въ Кесарею, чтобы обдумать родъ казни для юношей.

4) Одинъ изъ ветерановъ царя, по имени Теронъ, сынъ котораго былъ интимнымъ другомъ Александра и который самъ тоже очень любилъ юно-

---

виняемыхъ туда для того, чтобы имѣть ихъ вблизи въ случаѣ, если потребуется ихъ присутствіе на судѣ.

[1] Въ I. Д. (XVI, 11, 2) Іосифъ говоритъ, что „Иродъ велъ себя на судѣ, какъ безумный: онъ даже не далъ судьямъ допрашивать свидѣтелей и разсматривать документы, а самъ руководилъ судебнымъ слѣдствіемъ, самъ отстаивалъ справедливость доказательствъ, громко повышалъ голосъ и обнаруживалъ вообще всѣ признаки неугомонной ярости и необузданной жестокости“.

[2] Трое сыновей Сатурнина засѣдали вмѣстѣ съ нимъ въ собраніи.

[3] Въ Тирѣ онъ встрѣтился съ возвратившимся изъ Рима его посланникомъ, Николаемъ. Иродъ спрашивалъ его личное мнѣніе и мнѣніе его римскихъ друзей о томъ, какъ ему слѣдуетъ поступить съ обвиненными. Николай совѣтовалъ ему не приводить въ исполненіе приговора суда, а ограничиться до поры до времени содержаніемъ сыновей въ заключеніи.—„Таково также, прибавилъ онъ, желаніе твоихъ друзей въ Римѣ“. Иродъ ничего на это не возразилъ, но и не далъ Николаю никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній (I. Д. XVI, 11, 3).

шей, отъ избытка скорби объ ихъ участи лишился разсудка. Сначала онъ бѣгалъ по улицамъ и кричалъ: «правосудіе попрано, правда исчезла, природа извращена и вся жизнь полна преступленій» и многое другое, что можетъ внушить душевное горе человѣку, рѣшившемуся рискнуть своею жизнью [1]. Наконецъ, онъ осмѣлился выступить лично предъ царемъ и, обращаясь къ нему воскликнулъ: «Въ тебѣ, кажется, злой демонъ засѣлъ, что ты худшимъ изъ людей вѣришь больше, чѣмъ твоимъ любимѣйшимъ дѣтямъ! Ферору и Саломіи, которыхъ ты уже неоднократно признавалъ достойными казни, ты вѣришь, когда они клевещутъ на твоихъ дѣтей. Они только хотятъ похитить у тебя настоящаго престолонаслѣдника и никого больше не оставить тебѣ, кромѣ Антипатра, для того, чтобы въ будущемъ имѣть такого царя, съ которымъ они-бы могли сдѣлать все, что пожелаютъ. Подумай только о томъ, не привлечетъ-ли ему смерть братьевъ ненависть солдатъ! Вѣдь нѣтъ ни одного человѣка въ арміи, который-бы не сочувствовалъ юношамъ, а изъ командировъ иные публично выражаютъ свое негодованіе». При этомъ онъ назвалъ имена недовольныхъ. Но царь тутъ-же отдалъ приказаніе арестовать послѣднихъ вмѣстѣ съ Терономъ и сыномъ его.

5) Тутъ выступилъ еще придворный цирульникъ по имени Трифонъ, и по какому то умопомраченью самъ выдалъ себя. «И меня, сказалъ онъ, хотѣлъ этотъ Теронъ уговорить зарѣзать тебя во время стрижки, обѣщавъ мнѣ за это большое вознагражденіе отъ Александра». Вслѣдствіе этого доноса, Иродъ приказалъ и Терона и его сына вмѣстѣ съ цирульникомъ подвергнуть пыткѣ. Такъ какъ первые все отрицали, а послѣдній не высказывалъ больше того, что онъ уже говорилъ, то онъ велѣлъ усилить истязанія Терона. Сынъ, тронутый муками отца, вызвался все открыть царю, если только онъ проститъ отца. Царь обѣщалъ помилованіе; тогда сынъ сказалъ, что отецъ, по наущенію Александра, хотѣлъ лишить его жизни. Это заявленіе одни считали выдумкой, къ которой сынъ прибѣгъ

[1] Въ І. Д. Теронъ изображается не съумашедшимъ, а отчаяннымъ смѣльчакомъ, „открыто высказывавшимъ все то, что оставалось скрытымъ въ сердцахъ другихъ". Всѣ, говоритъ Іосифъ, отъ глубины души скорбѣли о судьбѣ несчастныхъ, но никто не осмѣливался свободно выражать свои чувства. Вотъ почему всѣ съ радостью слушали проповѣди Терона и удивлялись его мужеству, неустрашимости и силѣ духа, составлявшимъ столь необычайное явленіе во времена Ирода (XVI, 11, 4, 5).

для освобожденія отца отъ пытокъ, другіе-же приняли это за чистую правду.

6) Теперь Иродъ обвинялъ въ народномъ собраніи своихъ полководцевъ и Терона и направилъ на нихъ чернь, которая забросила ихъ камнями и бревнами и умертвила на мѣстѣ всѣхъ [1], не исключая и цирульника. Своихъ сыновей онъ отправилъ въ Зебасту [2] (21,2), невдалекѣ отъ Кесареи и приказалъ ихъ задушить. Его приказъ былъ быстро приведенъ въ исполненіе [3]. Тѣла ихъ онъ велѣлъ перевести въ крѣпость Александріонъ, гдѣ они должны были быть положены рядомъ съ ихъ дѣдомъ по материнской линіи, Александромъ [4]. Таковъ былъ конецъ Александра и Аристовула.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

(І. Д. XVII, 1).

Антипатръ повсюду ненавидимъ. Царь обручаетъ дѣтей умерщвленныхъ сыновей со своими родными; Антипатръ же помышляетъ о другихъ бракахъ для нихъ. Жены и дѣти Ирода.

1) Антипатръ остался теперь неоспоримымъ наслѣдникомъ престола. Но надъ нимъ тяготѣла тяжелая ненависть народа, ибо всѣ и каждый знали, что это онъ былъ иниціаторомъ всѣхъ ложныхъ обвиненій противъ братьевъ. Вскорѣ также въ его душу закрался не малый страхъ при видѣ подрастающаго потомства умерщвленныхъ. Александръ имѣлъ отъ Глафиры двухъ сыновей, Тиграна и Александра [5], а Аристовулъ отъ Вереники, дочери Саломіи—трехъ сыновей: Ирода, Агриппу и Аристовула, и двухъ дочерей: Иродіаду и Маріамну. Послѣ казни отцовъ этихъ семействъ Иродъ отослалъ Глафиру съ ея приданымъ обратно въ Каппадокію; жену-же Аристовула, Веренику, онъ выдалъ замужъ за дядю Антипатра по его матери [6]; бракъ этотъ затѣянъ былъ самимъ Антипатромъ съ цѣлью расположить къ себѣ Саломію, съ которой онъ находился въ натянутыхъ

[1] До 300 человѣкъ (І. Д. XVI, 11, 7).

[2] Прежній городъ Самарія, вновь отстроенный Иродомъ.

[3] По І. Д. (XVII, 5, 4) надзоръ за совершеніемъ казни принялъ на себя лично Антипатръ.

[4] Александръ І Іаннай (Глава 4-ая).

[5] Послѣ смерти Ирода они были отосланы къ ихъ дѣду, каппадокійскому царю Архелаю. Впослѣдствіи они перешли въ язычество и получили отъ римлянъ маленькія царства въ Арменіи.

[6] Өеодіонъ, братъ Дориды.

отношеніяхъ. Подарками и всякаго рода любезностями онъ искалъ также дружбы Ферора; не забывалъ онъ и приближенныхъ императора въ Римѣ, Сатурнина и его свиту въ Сиріи—всѣ получали отъ него значительныя суммы и щедрые подарки. Но чѣмъ больше онъ сорилъ деньгами, тѣмъ больше его презирали, ибо знали хорошо, что онъ не щедръ по натурѣ, а расточителенъ по трусости своей. Награжденные поэтому не стали болѣе склонны къ нему, а обойденные имъ дѣлались еще болѣе ожесточенными врагами. Все значительнѣе дѣлались его затраты по мѣрѣ того, какъ онъ, противъ всякаго ожиданія, сталъ замѣчать, что царь озабоченъ судьбой сиротъ и что въ его попеченіяхъ объ отпрыскахъ своихъ сыновей ясно проглядываетъ раскаяніе въ казни послѣднихъ.

2) Однажды Иродъ созвалъ къ себѣ своихъ родственниковъ и друзей, представилъ имъ сиротъ и съ глазами, полными слезъ, произнесъ: «Страшный рокъ похитилъ у меня отцовъ этихъ дѣтей: они-же предоставлены теперь моимъ попеченіямъ: къ этому призываетъ меня голосъ природы и чувство жалости, возбуждаемое ихъ осиротѣніемъ. Если я оказался столь несчастнымъ отцомъ, то я хочу попытаться быть, по крайней мѣрѣ, болѣе любящимъ дѣдомъ, и лучшихъ моихъ друзей оставить имъ покровителями. Твою дочь Ферор, я обручаю со старшимъ сыномъ Александра для того, чтобы тебя, какъ опекуна, скрѣпляла-бы съ нимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшая родственная связь. Съ твоимъ сыномъ, Антипатръ, я обручаю дочь Аристовула, и будь ты отцомъ этой сироты! Ея сестру пусть возьметъ себѣ въ жены мой Иродъ, имѣющій по материнской линіи дѣдомъ первосвященника. Кто теперь любитъ меня, тотъ пусть присоединится къ моему рѣшенію и пусть никто изъ преданныхъ мнѣ не нарушитъ его. Я молю также Бога, чтобъ Онъ благословилъ эти союзы на благо моего царства и моихъ внуковъ и да взираетъ Онъ на этихъ дѣтей съ болѣе милосерднымъ окомъ чѣмъ на ихъ отцовъ».

3) Говоря такимъ образомъ, Иродъ заплакалъ и соединилъ руки дѣтей; затѣмъ онъ нѣжно обнялъ каждаго изъ нихъ и распустилъ собраніе. Антипатръ былъ въ высшей степени смущенъ, и каждый могъ это прочесть на его лицѣ. Онъ подозрѣвалъ, что отецъ въ лицѣ сиротъ готовитъ ему гибель, и уже боялся, что вся его карьера вновь будетъ подвержена опасности, если дѣти Александра, кромѣ Архелая, пріобрѣтутъ естественнаго защитника еще и въ тетрархѣ Ферорѣ. Къ тому онъ принялъ во вниманіе ненависть народа къ его личности и сочувствіе этого народа къ сиротамъ, горячую любовь іудеевъ къ погибшимъ изъ-за него братьямъ еще при

жизни послѣднихъ и благоговѣйная память о нихъ послѣ смерти [1]. Все это побудило его принять рѣшеніе, во что бы то ни стало расторгнуть обрученіе.

4) Дѣйствовать опять хитростью ему казалось неблагоразумнымъ: онъ боялся строгости отца и его чуткой подозрительности. За то онъ отважился открыто приступить къ отцу съ мольбой о томъ, «чтобъ тотъ не лишилъ его опять той чести, которой разъ уже удостоилъ, и не оставилъ-бы его при одномъ только царскомъ титулѣ въ то время, когда дѣйствительная власть достанется другимъ. Онъ навѣрное никогда не достигнетъ этой власти, коль-скоро сынъ Александра, который всегда можетъ найти опору въ Архелаѣ, сдѣлается еще зятемъ Ферора. А потому онъ убѣдительно просилъ, въ виду еще обширности царской фамиліи, измѣнить брачный планъ». Царь имѣлъ именно девять женъ, принесшихъ ему семеро дѣтей [2]. Самъ Антипатръ былъ рожденъ отъ Дорнды, Иродъ—отъ дочери первосвященника Маріамны [3], Антипъ и Архелай—отъ самарянки Малтаки, отъ нея же родилась дочь Олимпіада, вышедшая замужъ за племянника его, Іосифа [4]; отъ Клеопатры изъ Іерусалима родились Иродъ и Филиппъ, отъ Паллады—Фазаель; кромѣ того у него были еще другія дочери, какъ Роксана и Соломія—первая отъ Федры, вторая отъ Эльпиды. Двѣ жены—обѣ его племянницы [5]—были бездѣтны; двухъ дочерей [6] онъ имѣлъ еще отъ Маріамны—это были сестры Александра и Аристовула. На этомъ многочисленномъ потомствѣ Антипатръ основывалъ свою просьбу объ измѣненіи помолвокъ.

5) Царь, понявъ изъ этого предложенія отношеніе Антипатра къ сиротамъ, пришелъ въ сильное негодованіе; уже въ немъ зарождалось подозрѣ-

---

[1] Симпатіи народа къ умершимъ братьямъ и антипатію его къ виновнику ихъ смерти раздѣляло также все войско, а это болѣе всего безпокоило Антипатра (I. Д. XVII, 1, 1).

[2] Не считая Маріамны съ ея сыновьями и не включая дочерей отъ разныхъ женъ. Но всѣхъ дѣтей у Ирода было двѣнадцать.

[3] Это была другая Маріамна, на которой Иродъ женился много лѣтъ послѣ смерти царицы. Она была дочерью священника Симона, переѣхавшаго изъ Александріи въ Іерусалимъ, и славой красоты своей обратила на себя вниманіе Ирода. Такъ какъ Симонъ занималъ слишкомъ подчиненное положеніе для того, чтобы сдѣлаться тестемъ государя, то Иродъ возвелъ его въ санъ первосвященника на мѣсто Іешуи, преемника Ананеля (I. Д. XV, 9, 3).

[4] Сынъ Ферора.

[5] Одна дочь его брата, другая—дочь сестры.

[6] Саламисо и Кипра.

ніе, что и отцы этихъ сиротъ пали жертвой козней Антипатра; онъ поэтому отвергъ его просьбу и осыпалъ его самого самыми жестокими упреками. Но впослѣдствіи онъ все-таки поддался обольстительной лести Антипатра, и далъ ему въ жены дочь Аристовула, а его сыну—дочь Ферора.

6) На сколько въ данномъ случаѣ была неотразима лесть Антипатра, можно судить потому, что даже Саломія съ подобными просьбами ничего не могла добиться у него. Эта его родная сестра, поддерживаемая всесильнымъ заступничествомъ императрицы Юліи [1], хлопотала о разрѣшеніи ей выйти замужъ за араба Силлая; но царь клялся, что будетъ ее считать своимъ злѣйшимъ врагомъ, если она не откажется отъ этой мысли. Противъ ея воли, онъ выдалъ ее за своего друга Алекса, а ея дочерей онъ выдалъ: одну за сына Алекса [2], другую—за дядю Антипатра по материнской линіи. Изъ дочерей Маріамны одна была замужемъ за сыномъ его сестры, Антипатромъ, другая—за его братомъ, Фазаелемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

(І. Д. XVII, 1—3).

Антипатръ становится невыносимымъ; онъ ѣдетъ въ Римъ съ завѣщаніемъ Ирода. Ферoръ оставляетъ брата, чтобы не быть вынужденнымъ покинуть свою жену. Его смерть.

1) Уничтоживъ такимъ образомъ виды сиротъ и устроивъ брачные союзы въ своихъ личныхъ интересахъ, Антипатръ думалъ, что благополучно достигъ уже гавани. Къ врожденной его злости прибавилась теперь самоувѣренность, которая сдѣлала его еще болѣе невыносимымъ. Не будучи въ состояніи свалить съ себя всеобщую ненависть, онъ успокаивалъ себя тѣмъ, что сдѣлался для всѣхъ страшнымъ. Даже Ферoръ, видѣвшій въ немъ будущаго царя, усердно его поддерживалъ. Но въ это же время женщины при дворѣ сплотились вмѣстѣ и вызвали новыя распри. Во главѣ ихъ партіи стояла жена Ферора, къ которой, кромѣ ея матери и сестры, примкнула также мать Антипатра. Она вела себя во дворцѣ такъ высокомѣрно, что дерзнула даже разъ оскорбить двухъ дочерей царя. Послѣднему она вслѣдствіе этого сдѣлалась въ высшей степени ненавистной. Но хотя царь ее сильно ненавидѣлъ, она тѣмъ не менѣе, при помощи своихъ союзницъ, могла властвовать надъ другими [1]. Саломія была единственная, которая нарушала ихъ гармонію: она донесла царю объ ихъ собраніяхъ и внушила ему подозрѣніе, что тамъ злоумышляютъ противъ него. Какъ только тѣ узнали объ этомъ доносѣ и о негодованіи царя, онѣ прекратили открытыя собранія и дружескія сношенія между собою, а въ присутствіи царя притворялись даже враждебно-настроенными другъ противъ друга. Въ этой фальшивой игрѣ участвовалъ также Антипатръ, нанесшій разъ Ферору публичное оскорбленіе. За то онѣ отнынѣ стали устраивать тайныя собранія и ночныя пирушки, а сознаніе, что они находятся подъ надзоромъ, только укрѣпило ихъ солидарность. Но отъ Саломіи ничего не осталось скрытымъ, и она обо всемъ доносила Ироду.

2) Тогда возгорѣлся его гнѣвъ, и преже всего на жену Ферора, которую Саломія преимущественно очернила. Онъ созвалъ собраніе родственниковъ и друзей, и жалуясь предъ ними на эту женщину, вспомнилъ, между прочимъ, ея оскорбительное обхожденіе съ его дочерьми; дальше, что она денежными подарками подстрекнула къ сопротивленію фарисеевъ [2] и колдовствомъ отвратила отъ него сердце брата. Въ заключеніи онъ въ своей рѣчи обратился къ Ферору и предложилъ ему на выборъ: отречься или отъ своего брата, или отъ своей жены. Когда же Ферoръ заявилъ, что охотнѣе онъ разстанется со своей жизнью, чѣмъ съ женой, Иродъ, не зная что дѣлать, обратился къ Антипатру и приказалъ ему прекратить всякія сношенія съ женой Ферора, съ этимъ послѣднимъ и со всѣми его приближенными. Этотъ запретъ Антипатръ не смѣлъ переступить открыто,

[1] Юлія, прежде называвшаяся Ливіей, могла бы служить прототипомъ Саломіи: она также всю жизнь была занята вопросомъ о престолонаслѣдіи, интриговала противъ сыновей Августа отъ другихъ женъ въ пользу своего сына Тиберія и отравляла семейную жизнь императора. Ливіи приписываютъ отравленіе нѣсколькихъ претендентовъ на римскій престолъ изъ рода Августа.

[2] Каллію.

[1] Она прибрала къ рукамъ не только Ферора, но и Антипатра, мать котораго играла между ними роль сводницы.

[2] Въ І. Д. этотъ фактъ также не достаточно освѣщенъ: фарисеи, въ числѣ 6,000 отказались принести Ироду присягу въ вѣрности и были за то подвергнуты денежному штрафу, въ уплатѣ котораго имъ пришла на помощь жена Ферора. За эту услугу фарисеи будто предсказали ей, что ея родъ смѣнитъ династію Ирода на іудейскомъ престолѣ. Иродъ тогда казнилъ множество фарисеевъ и не мало изъ своихъ придворныхъ, возвѣровавшихъ въ ихъ прорицаніе (XVII, 2, 4).

но тайно онъ цѣлыя ночи проводилъ въ ихъ обществѣ; а такъ какъ его пугалъ надзоръ Саломіи, то онъ посредствомъ своихъ римскихъ друзей затѣялъ поѣздку въ Римъ. Послѣдніе написали, что слѣдовало-бы Антипатра черезъ нѣкоторое время командировать въ качествѣ посла къ императору. Въ виду этого Иродъ, немедля, снарядилъ его въ путь съ блестящей свитой и большой суммой денегъ поручивъ ему представить императору его завѣщаніе, въ которомъ царемъ назначенъ былъ Антипатръ, преемникомъ же послѣдняго—Иродъ, сынъ Маріамны, дочери первосвященника.

3) Одновременно съ нимъ ѣхалъ въ Римъ аравитянинъ Силлай, не исполнившій приказовъ императора, въ виду того что Антипатру поручено было возобновить противъ него то самое обвиненіе, которое раньше еще было возбуждено Николаемъ [1]. Кромѣ вражды съ Иродомъ, Силлай находился еще въ неменѣе сильномъ разладѣ съ своимъ же царемъ, Аретой [2], многихъ друзей котораго, въ томъ числѣ Соема—могущественнѣйшаго человѣка въ Петрѣ [3]—онъ лишилъ жизни. Большими суммами онъ пытался залучить въ свою пользу императорскаго домоправителя Фабата и надѣялся найти въ немъ поддержку также противъ Ирода. Но послѣдній предложилъ еще большую плату и отвлекъ отъ Силлая Фабата, которому также поручилъ взыскать съ Силлая присужденную ему императоромъ сумму. Но Силлай отказался отъ уплаты денегъ; онъ шелъ еще дальше и жаловался на Фабата императору: Фабатъ, доносилъ онъ, не преслѣдуетъ интересовъ своего повелителя, а служитъ только цѣлямъ Ирода. Тогда Фабатъ, все еще состоя въ высокой милости у Ирода, до того озлобился, что выдалъ тайны Силлая и открылъ, между прочимъ, царю, что тотъ подкупилъ одного изъ его тѣлохранителей, Коринфа: «пусть только, сказалъ онъ, арестуютъ его [4]». Царь повѣрилъ этому доносу, потому что Коринѳъ выросъ во дворцѣ и былъ арабъ по происхожденію. Онъ немедленно распорядился о задержаніи не одного только Коринѳа, но и двухъ арабовъ, изъ коихъ одинъ былъ другомъ Силлая, а другой—предводителемъ одного изъ аравійскихъ племенъ. Послѣдніе, будучи подвергнуты пыткамъ, сознались что обѣщаніемъ Ка-

[1] По обвиненію Николая Дамаскинскаго императоръ приговорилъ Силлая къ смертной казни, но предварительно отправилъ его на родину для уплаты Ироду стараго долга въ 60 талантовъ (XVI, 10, 8). Веденіе процесса объ этихъ 60 талантахъ обошлось Ироду въ цѣлыя сотни талантовъ.

[2] Преемникъ Ободы, Енея, переименовавшійся въ Арету.

[3] Въ каменистой Аравіи.

[4] За выдачу этой тайны Силлай убилъ Фабата.

ринѳу большой суммы денегъ, они уговорили его убить Ирода. Такимъ образомъ и они послѣ вторичнаго ихъ допроса сирійскимъ правителемъ, Сатурниномъ, были отправлены въ Римъ.

4) Иродъ все еще продолжалъ настаивать на разлукѣ Ферора съ его женой; ибо сколько бы онъ ни ненавидѣлъ ее, онъ все-таки не могъ придумать другого средства, чѣмъ отмстить ей, пока, наконецъ, въ порывѣ гнѣва, онъ прогналъ изъ дворца ихъ обоихъ. Ферoръ мирился съ этой обидой, удалился въ свою тетрархію [1], но поклялся при этомъ, что только смерть Ирода положитъ конецъ его изгнанію, а доколѣ тотъ будетъ живъ, онъ никогда не возвратится назадъ. И онъ не пришелъ даже тогда, когда братъ заболѣлъ, несмотря на то, что тотъ настойчиво звалъ его къ себѣ и послалъ ему сказать, что онъ предъ скороожидаемой смертью своей хочетъ оставить ему нѣкоторыя порученія. Сверхъ ожиданія онъ опять выздоровѣлъ, но вслѣдъ затѣмъ заболѣлъ Ферoръ. Тогда Иродъ показалъ себя болѣе великодушнымъ: онъ пріѣхалъ къ нему и участливо за нимъ ухаживалъ. Но Ферoръ не перенесъ болѣзни и умеръ чрезъ нѣсколько дней. Хотя Иродъ любилъ брата до конца его дней, молва все-таки и эту смерть приписывала ему: говорили, что онъ отравилъ его ядомъ. Его тѣло Иродъ велѣлъ перевести въ Іерусалимъ, предписалъ всему народу самый глубокій трауръ и устроилъ ему блестящія похороны. Такъ постигла смерть одного изъ убійцъ Александра и Аристовула.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

(I. Д. XVII, 4).

Производя слѣдствіе по поводу смерти Ферора, Иродъ узнаетъ о попыткѣ Антипатра отравить его. Онъ прогоняетъ Дориду и Маріамну, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, и лишаетъ наслѣдства сына послѣдней, Ирода.

1) Месть подвигалась впередъ и приближалась къ главному виновнику того убійства—Антипатру. Смерть Ферора послужила какъ-бы сигналомъ. Нѣкоторые изъ его вольноотпущенниковъ [2] явились глубокосокрушенными

[1] Въ Перею.

[2] Вольноотпущенниками или отпущенниками назывались освобожденные рабы. Болѣе всего распространено было отпущеніе на волю по завѣщанію. Но часто хозяинъ еще при жизни своей даровалъ свободу рабу за особыя заслуги или за долгую вѣрную службу. Отпущенникъ прибавлялъ къ своему имени

къ царю и сказали ему, что его братъ Ферооръ умеръ отъ яда: его жена будто подала ему какое-то необыкновенное снадобье, по съѣденіи котораго онъ сейчасъ заболѣлъ; помимо того, за два дня до его смерти мать и сестра его жены привезла изъ Аравіи женщину, свѣдующую въ травахъ, для того, чтобы приготовить Ферору зелье любви; но вмѣсто этого арабка, по уговору съ Силлаемъ, съ которымъ она знакома, поднесла ему смертельный напитокъ.

2) Какъ ошеломленный массой нахлынувшихъ самыхъ мрачныхъ подозрѣній, царь приказалъ подвергнуть пыткамъ рабынь и нѣкоторыхъ свободныхъ служанокъ. Одна изъ нихъ въ своихъ мученіяхъ воскликнула: «Господь Богъ, Царь небесъ и земли, да караетъ Онъ виновницу нашихъ страданій— мать Антипатра!» Эти слова послужили для Ирода исходнымъ пунктомъ, съ котораго онъ началъ дальнѣйшее слѣдствіе. Та-же личность открыла дружескія отношенія матери Антипатра къ Ферору и его семейству, ихъ тайныя собранія и какъ Ферооръ и Антипатръ по приходѣ отъ царя кутили и бражничали цѣлыя ночи вмѣстѣ съ женами, не допуская къ себѣ ни одного слуги или прислужницы. Вотъ почему все это показала одна изъ свободныхъ служанокъ.

3) Тогда Иродъ велѣлъ пытать отдѣльно каждую рабыню. Всѣ показанія послѣднихъ въ общемъ согласовались между собою и выяснили еще то обстоятельство, что поѣздка Антипатра въ Римъ и отъѣздъ Ферора въ Перею были заранѣе обдуманы ими и предприняты по взаимному соглашенію. Часто они выражались такимъ образомъ: «разъ Иродъ справился уже съ Александромъ и Аристовуломъ, то онъ еще доберется къ нимъ и ихъ женамъ; послѣ того, какъ онъ задушилъ Маріамну и ея дѣтей, то никто не можетъ ждать отъ него пощады; лучше всего, поэтому по возможности не встрѣчаться съ этимъ кровожаднымъ звѣремъ. Часто Антипатръ жаловался своей матери: онъ уже посѣдѣлъ, а отецъ съ каждымъ днемъ становится все моложе, и онъ, вѣроятно, еще долженъ будетъ умереть, прежде чѣмъ вступитъ въ правленіе. Но пускай даже отецъ опередитъ его смертью—когда же это будетъ?— то, во всякомъ случаѣ, царствованіе принесетъ ему кратковременную радость. Головы гидры—дѣти Аристовула и Александра, ростутъ, а виды для его собственныхъ дѣтей отецъ у

родовое и даже личное имя своего господина; онъ не разрывалъ связей съ господиномъ, а считался членомъ его семьи, получалъ долю наслѣдства, иногда и оставался жить въ его домѣ, занимаясь прежней работой.

него похитилъ, потому что въ завѣщаніи онъ преемникомъ его (Антипатра) не назначилъ ни одного изъ его сыновей, а Ирода, сына Маріамны. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ не болѣе, какъ старый простофиля, если воображаетъ, что его завѣщаніе послѣ смерти его останется въ силѣ: онъ уже позаботится о томъ, чтобы никто изъ его потомковъ не остался въ живыхъ. Никогда еще отецъ такъ ненавидѣлъ своихъ дѣтей, какъ Иродъ, но его братская ненависть простирается еще выше: недавно только онъ далъ ему 100 талантовъ за то лишь, чтобы онъ ни слова не вымолвилъ съ Ферoромъ. На вопросъ послѣдняго: «Что я ему сдѣлалъ худого?« Антипатръ отвѣтилъ: «Мы должны почитать себя счастливыми, что онъ, отнявъ у насъ все, даруетъ намъ хоть жизнь. Но невозможно спастись отъ такого кровожаднаго чудовища, которое даже не терпитъ, чтобъ открыто любили другихъ. Теперь, конечно, мы вынуждены скрывать наши свиданія; но вскорѣ мы это будемъ дѣлать открыто, если только мы будемъ мужественны и смѣло подымемъ руку».

4) Такъ показали служанки, подвергавшіяся пыткѣ; дальше онѣ сообщили, что Ферооръ имѣлъ въ виду бѣжать вмѣстѣ съ ними въ Перею. Упоминаніе о 100 талантахъ придало въ глазахъ Ирода достовѣрность всѣмъ прочимъ ихъ показаніямъ, потому что объ этомъ онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, кромѣ Антипатра. Прежде всего его гнѣвъ разразился надъ Доридой—матерью Антипатра: онъ отнялъ у нея подаренныя ей раньше драгоцѣнности, стоившія много талантовъ, и прогналъ ее во второй разъ. Женщинъ Ферора онъ помиловалъ и велѣлъ вылечить ихъ отъ ранъ, причиненныхъ имъ пытками. Самъ же онъ былъ повергнутъ въ такое отчаяніе, которое лишило его всякаго самообладанія: самое ничтожное подозрѣніе подымало бурю въ его душѣ; массу невинныхъ онъ поволокъ къ пыткамъ только для того, чтобы не обойти ни одного виновнаго.

5) Такъ онъ добрался къ самарянину Антипатру, управлявшему домомъ Антипатра. Подвергнутый пыткамъ, онъ признался въ слѣдующемъ: Антипатръ поручилъ одному изъ своихъ близкихъ друзей, Антифилу, доставить изъ Египта смертельный ядъ для царя; Антифилъ вручилъ ядъ дядѣ Антипатра, Θеодіону [1]; этотъ передалъ его на руки Ферору, которому Антипатръ предложилъ отравить имъ Ирода въ то время, когда онъ самъ будетъ находиться внѣ предѣловъ подозрѣнія—въ Римѣ, а Ферооръ отдалъ

[1] Женатому на Вереникѣ, дочери Саломіи. Братъ Дориды.

ядъ на сохраненіе своей женѣ. Царь сейчасъ-же послалъ за нею и приказалъ ей выдать полученное. Она вышла какъ-будто съ намѣреніемъ принесть ядъ, но тутъ же бросилась съ крыши, чтобы избѣгнуть слѣдствія и жестокаго обращенія царя. Но по явному предопредѣленію Провидѣнія, которое хотѣло наказать Антипатра, она не упала на голову, а на другія части тѣла, и осталась живой. Когда ее внесли во дворецъ, царь приказалъ подать ей подкрѣпляющія средства (потому что она была ошеломлена отъ паденія) и спрашивалъ ее затѣмъ о причинѣ, побудившей ее броситься съ крыши. Если она скажетъ правду, то онъ клянется освободить ее отъ всякаго наказанія; въ противномъ слѣчаѣ, если она что-нибудь скроетъ, онъ прикажетъ такъ обработать ея тѣло пытками, что ничего отъ нея не останется для погребенія.

6) Послѣ краткой паузы женщина начала: «Зачѣмъ мнѣ хранить еще тайну, когда Ферорь уже мертвъ? Или должна я щадить Антипатра, который всѣхъ насъ погубилъ? Слушай же, царь, и Богъ, котораго обмануть нельзя, да будетъ Онъ вмѣстѣ съ тобою моимъ свидѣтелемъ, что я говорю истину. Когда ты въ слезахъ сидѣлъ у смертнаго одра Ферора, онъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ: «да, жена, я жестоко ошибался, въ моемъ братѣ! Тяжело я провинился передъ нимъ! Его, который такъ искренно любитъ меня, я ненавидѣлъ! Того, который такъ глубоко сокрушается моей смертью даже до наступленія ея, я хотѣлъ убить! Я теперь получаю возмездіе за мое безсердечіе; ты же принеси сюда ядъ, оставленный намъ Антипатромъ для его отравленія и хранящійся у тебя, и уничтожь его сейчасъ на моихъ глазахъ для того, чтобы я не уносилъ съ собою духа мщенія въ подземное царство». Я повиновалась ему, принесла ядъ и большую часть высыпала предъ его глазами въ огонь; но немного я сохранила для себя на случай нужды и изъ боязни предъ тобою».

7) Съ этими словами она протянула баночку, содержавшую незначительную дозу яда. Тогда царь подвергъ пыткѣ мать и брата Антифила; они сознались, что эту баночку Антифилъ привезъ изъ Египта, получивъ ее отъ своего брата, александрійскаго врача. Духи Александра и Аристовула, витавшіе надъ дворцомъ, вывели, такимъ образомъ, на свѣтъ самыя сокровенныя преступленія и привели къ суду такихъ лицъ, которыя больше кого-либо другихъ были далеки отъ подозрѣнія. Такъ открыто было, что въ заговоръ была посвящена также дочь первосвященника, Маріамна; братья выдали ее подъ пыткой. Царь наказалъ также сына за дерзость матери:

онъ вычеркнулъ Ирода изъ завѣщанія, въ которомъ послѣдній назначенъ былъ преемникомъ Антипатра [1].

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

(І. Д. XVII, 4; 5, 2).

Антипатра выдаетъ Баѳиллъ. Тотъ ничего не подозрѣвая возвращается изъ Рима.—Иродъ привлекаетъ его къ суду.

1) Всѣ предыдущія доказательства были еще подкрѣплены Баѳилломъ, свидѣтельство котораго имѣло рѣшающее значеніе. Онъ, вольноотпущенникъ Антипатра, предъявилъ другое смертельное средство—змѣиный ядъ и соки другихъ пресмыкающихся, которыми Фероръ и его жена должны были вооружиться противъ царя на тотъ случай, если первый ядъ окажется слишкомъ слабымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы въ дополненіе къ отцеубійственнымъ планамъ, онъ представилъ еще письма, сочиненныя Антипатромъ съ цѣлью погубить своихъ братьевъ [2]. Сыновья царя, Архелай и Филиппъ, [3] оба уже въ юношескомъ возрастѣ и полные благородныхъ стремленій, находились въ Римѣ для полученія образованія. Чтобы заблаговременно избавиться отъ этихъ юношей, стоявшихъ ему поперекъ дороги, Антипатръ частью самъ сочинялъ ложныя письма отъ имени своихъ друзей въ Римѣ, частью подкупалъ другихъ писать такія письма, въ коихъ сообщалось, что юноши часто поносятъ отца, совершенно открыто оплакиваютъ Александра и Аристовула и очень недовольны вызовомъ ихъ обратно на родину. (Отецъ ихъ только что вызывалъ изъ Рима, что очень безпокоило Антипатра).

2) Подобныя письма, впрочемъ, онъ за деньги заказывалъ въ Римѣ еще до своего отъѣзда изъ Іудеи; но тогда его ни въ чемъ нельзя было подозрѣвать, такъ какъ предъ отцомъ онъ разыгрывалъ роль защитника братьевъ, объявляя одни обвиненія противъ нихъ ложными доносами и оправдывая другія ошибками молодости. Такъ какъ онъ затрачивалъ большія суммы денегъ на подкупъ авторовъ этихъ доносовъ, то онъ старался скрыть ихъ подъ разными другими легальными расходами. Съ этой цѣлью онъ закупилъ

---

[1] Вмѣстѣ съ тѣмъ Иродъ лишилъ первосвященническаго сана отца Маріамны, Симона, и назначилъ на его мѣсто Маттаѳію, сына Теофила (І. Д. XVII, 4, 2).

[2] И ядъ и письма были присланы Антипатромъ изъ Рима черезъ Баѳилла, который выдалъ ихъ подъ пытками.

[3] Первый—отъ Малтаки, второй—отъ Клеопатры.

дорогія матеріи, пестрые ковры, серебряную и золотую утварь и многія другія драгоцѣнности, дабы преувеличенными затратами на эти предметы прикрыть издержки на вознагражденіе фальсификаторовъ писемъ. Итогъ его расходовъ простирался такимъ образомъ на 200 талантовъ, большую часть которыхъ онъ отнесъ на счетъ процесса съ Силлаемъ. Такъ какъ совокупныя показанія свидѣтелей, допрошенныхъ подъ пыткой, до очевидности выяснили планъ отцеубійства, а письма обличали попытку на вторичное братоубійство, то всѣ злодѣянія Антипатра, начиная отъ легкихъ до самыхъ тяжкихъ, были вполнѣ раскрыты. При всемъ томъ никто изъ пріѣзжавшихъ въ Римъ не сообщилъ ему о перемѣнѣ вещей въ Іудеѣ, не смотря на то, что отъ разслѣдованія дѣла до его возвращенія изъ Рима протекло семь мѣсяцевъ. Такъ велика и всеобща была ненависть къ нему. Быть можетъ и духи умерщвленныхъ братьевъ замыкали рты тѣмъ, которые хотѣли открыть ему положеніе вещей. Такъ онъ сообщилъ въ письмѣ о своемъ скоромъ возвращеніи изъ Рима и какія торжественныя проводы устроилъ ему императоръ.

3) Царь, сгорая нетерпѣніемъ имѣть уже въ своихъ рукахъ измѣнника и боясь, чтобы онъ какъ-нибудь не узналъ о происшедшемъ и не сталъ-бы принимать мѣры предосторожности, разыгрывалъ также лицемѣра въ письмахъ, говорилъ ему учтивости и напоминалъ ему въ особенности о необходимости поторопиться пріѣздомъ: если онъ ускоритъ свое прибытіе, то онъ, царь, будетъ имѣть также возможность сложить обвиненіе съ его матери. Изгнаніе матери не осталось для него безъизвѣстнымъ. Еще до этого въ Тарентѣ Антипатръ получилъ такое извѣстіе о смерти Ферора, по которомъ онъ устроилъ великій трауръ; многіе приняли это за признакъ любви къ дядѣ и очень хвалили, хотя, какъ кажется, скорбъ его относилась къ неудачному исходу заговора, а оплакивалъ онъ въ Ферорѣ собственно только орудіе убійства. Уже его начала мучить мысль, какъ-бы тамъ не открыли яда; но получивъ въ Киликіи упомянутое письмо отца, онъ поспѣшно продолжалъ свой путь. Вскорѣ онъ высадился въ Келендеріи, гдѣ мысль о несчастьѣ своей матери заставила его вновь встревожиться, не предвѣщая ему лично ничего хорошаго. Болѣе осторожные изъ его друзей совѣтовали ему не являться къ отцу до тѣхъ поръ, пока онъ не узнаетъ достовѣрно о причинахъ удаленія его матери; они предвидѣли, что и онъ можетъ быть замѣшанъ въ обвиненіяхъ противъ нея. Но менѣе разсудительные, которые, впрочемъ, не столько пеклись о благѣ Антипатра, сколько сами стремились къ своему домашнему очагу, гнали его впередъ. «Онъ не долженъ, говорили они, своей медлительностью дать поводъ своему отцу къ подозрѣнію и развязать языки клеветникамъ; если до сихъ поръ что нибудь уже затѣяно противъ него, такъ и это было вызвано только его отсутствіемъ. Было-бы не благоразумно изъ-за сомнительнаго подозрѣнія лишить себя вѣрнаго блага и не спѣшить въ объятія отца, чтобы чѣмъ скорѣе перенять корону, которая въ его отсутствіи уже колеблется на головѣ Ирода». Онъ послѣдовалъ послѣднему совѣту. Его злой геній внушилъ ему это. Переплывъ море, онъ вступилъ въ кесарейскую гавань, Себасту.

4) Противъ всякаго своего ожиданія, онъ увидѣлъ себя здѣсь одинокимъ и покинутымъ. Всѣ и каждый сторонилися отъ него и никто не осмѣлился приблизиться къ нему. Ибо онъ былъ одинаково презираемъ всѣми а тогда презрѣніе могло уже открыто заявлять о себѣ. Многіе избѣгали его также изъ боязни предъ царемъ, такъ какъ весь городъ былъ уже полонъ зловѣщихъ слуховъ объ Антипатрѣ. Никогда ни одинъ человѣкъ не былъ торжественнѣе провожаемъ, чѣмъ онъ при своемъ отъѣздѣ въ Римъ, и никогда кто-либо не былъ встрѣчаемъ съ меньшимъ радушіемъ, чѣмъ онъ. Уже онъ чуялъ несчастье, которое ожидаетъ его дома; но онъ былъ достаточно твердъ для того, чтобы скрыть свои чувства. Еле живой отъ страха, онъ силился принять видъ гордой самоувѣренности. Бѣжать или вырваться изъ окружавшей его сѣти было невозможно; къ тому же онъ и здѣсь не узналъ ничего положительнаго о томъ, что происходило у него дома, ибо царь строго запретилъ сообщеніе ему какихъ-либо свѣдѣній. Только одна надежда ободряла его: быть можетъ ничего еще не раскрыто, или-же если кое-что и обнаружено, то онъ наглостью своей и обманомъ съумѣетъ разсѣять подозрѣнія. Это были еще его единственныя средства спасенія.

5) Опираясь на нихъ, онъ прибылъ во дворецъ, однако, безъ своихъ друзей, такъ какъ послѣдніе еще у первыхъ воротъ съ презрительными насмѣшками были оттолкнуты назадъ. Во внутреннихъ покояхъ находился какъ-разъ сирійскій намѣстникъ, Варъ [1]. Антипатръ вошелъ къ отцу и, собравши все свое безстыдство, приблизился къ нему, чтобы заключить его въ свои объятія. Но Иродъ простираетъ руки впередъ, отварачиваетъ голову и кричитъ: «Это совершенно похоже на отцеубійцу! меня обнять, когда имѣешь на совѣсти такую вину! Провались сквозь землю, злодѣй! Не

[1] Преемникъ Сатурнина.

прикасайся ко мнѣ, пока ты не очистился отъ вины! Я даю тебѣ судъ и судью въ лицѣ Вара, прибывшаго какъ разъ кстати. Прочь отсюда и обдумай твою защиту до завтра; я хочу еще дать тебѣ время для твоихъ увертокъ!» Обезпамятѣвъ отъ страха, Антипатръ безмолвно попятился назадъ. Мать и жена, находившіяся у него, ознакомили его со многими показаніями. Пришедши опять въ себя, онъ началъ обдумывать свою защиту.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

(I. Д. XVII, 5, 3—6, 1)

Антипатръ передъ судомъ Вара.—Несомнѣнныя улики подтверждаютъ взведенное на него обвиненіе.—Иродъ откладываетъ казнь до своего выздоровленія, а между тѣмъ измѣняетъ свое завѣщаніе.

1) На слѣдующій день царь созвалъ собраніе своихъ родственниковъ и друзей, на которое онъ пригласилъ также друзей Антипатра. Предсѣдательствовалъ онъ самъ вмѣстѣ съ Варомъ. Были приведены всѣ свидѣтели, между которыми находились также недавно задержанные нѣкоторые слуги матери Антипатра, представившіе письмо отъ нея къ Антипатру. Письмо гласило: «Все раскрыто твоимъ отцомъ. Не представь предъ нимъ, развѣ только заручившись покровительствомъ императора». Когда эти и остальные свидѣтели были введены, вышелъ также Антипатръ и, бросившись лицомъ къ ногамъ отца онъ произнесъ: «Я умоляю тебя, отецъ, не осуждай меня заранѣе, а выслушай безпристрастно мою защиту; если ты только позволишь, то я докажу свою невинность».

2) Иродъ приказалъ ему замолчать и, обращаясь къ Вару, сказалъ: «Я увѣренъ, что ты, Варъ, какъ и каждый другой добросовѣстный судья, признаешь Антипатра отвратительнымъ злодѣемъ. Я только боюсь, что ты будешь считать мою ужасную судьбу заслуженной, если я воспиталъ такихъ сыновей. Но именно вслѣдствіе этого я скорѣе заслуживаю сожалѣнія, ибо столь преступнымъ сыновьямъ я былъ, однако, такимъ любящимъ отцомъ. Моихъ прежнихъ сыновей я еще въ юношескомъ возрастѣ назначилъ царями, далъ имъ образованіе въ Римѣ, императора я сдѣлалъ ихъ другомъ и ихъ самихъ вслѣдствіе этого предметомъ зависти для другихъ царей. Но я находилъ, что они посягаютъ на мою жизнь, и они должны были, главнымъ образомъ Антипатру въ угоду, умереть, потому что его — еще юношу и престолонаслѣдника—я хотѣлъ обезопасить отъ всѣхъ. Но это ужасное чудовище, злоупотребляя моимъ долготерпѣніемъ, обратилъ свое высокомѣріе противъ меня самого; я слишкомъ долго жилъ для него, моя старость была ему въ тягость, — и онъ уже иначе не могъ сдѣлаться царемъ, какъ только чрезъ отцеубійство. Мнѣ суждено теперь принять заслуженную кару за то, что я пренебрегъ сыновьями, рожденными мнѣ царицей, пріютилъ отверженца и его назначилъ наслѣдникомъ престола. Признаюсь тебѣ, Варъ, въ моемъ заблужденіи: я самъ возстановлялъ противъ себя тѣхъ сыновей; Антипатра ради я разбилъ ихъ законныя надежды. Когда я тѣмъ оказывалъ столько благодѣяній, сколько ему? Еще при жизни я уступилъ ему всю почти власть, всенародно въ завѣщаніи назначилъ его моимъ преемникомъ, предоставилъ ему 50 талантовъ собственнаго дохода и щедро поддерживалъ его изъ моей казны; еще недавно я далъ ему на поѣздку въ Римъ 300 талантовъ и отличилъ его предъ всей моей семьей тѣмъ, что представилъ его императору, какъ спасителя отца. Что тѣ мои сыновья учинили такое, которое можно было сравнить съ преступленіями Антипатра? И какія улики выставлены были противъ нихъ, въ сравненіи съ тѣми, которыми доказывается виновность этого? Однако, отцеубійца имѣетъ дерзость что-то сказать въ свою защиту; онъ надѣется еще разъ окутать правду ложью. Варъ, будь остороженъ! Я знаю это чудовище; я знаю напередъ, какую личину онъ напялитъ на себя для внушенія довѣрія, какую коварную визготню онъ подыметъ здѣсь предъ нами. Знай, что это тотъ, который все время, когда жилъ Александръ, предупреждалъ меня беречься отъ него и не довѣрять своей особы кому-бы то ни было. Это тотъ, который имѣлъ доступъ даже въ мою спальню, который оглядывался всегда, чтобы кто-либо не подкараулилъ меня. Это тотъ, который охранялъ мой сонъ, который заботился о моей безопасности, который утѣшалъ меня въ моей скорби по убитымъ, который долженъ былъ наблюдать за настроеніемъ умовъ своихъ живыхъ братьевъ — мой защитникъ, мой хранитель! Когда я вспоминаю это воплощенное коварство и лицемѣріе, о, Варъ, тогда я не могу постичь, какъ это я еще живу на свѣтѣ, какъ это я спасся изъ рукъ такого предателя! Но разъ злой демонъ опустошаетъ мой домъ и тѣхъ, которые дороже моему сердцу, превращаетъ всегда въ моихъ враговъ, то я могу только оплакивать несправедливость моей судьбы и стонать надъ своимъ одиночествомъ. Но пусть никто изъ жаждущихъ моей крови не избѣгнетъ кары и еслибы даже обвиненіе охватило всѣхъ моихъ дѣтей кругомъ!»

3) Сказавъ это, царь, вслѣдствіе сильнаго волненія, оборвалъ рѣчь и приказалъ одному изъ своихъ друзей, Николаю, изложить доказа-

тельства. Въ эту минуту Антипатръ, лежавшій все время распростертымъ у ногъ отца, поднялъ голову и воскликнулъ: «Ты самъ, о отецъ, защищалъ меня. Какъ я могу быть отцеубійцей, когда ты, какъ самъ сознаешься, во всѣ времена находилъ во мнѣ стражника. Моя сыновняя любовь, сказалъ ты, была одна только ложь и лицемѣріе. Но какъ это я, по твоему, такой хитрый и опытный во всемъ, могъ быть на столько безразсуденъ, чтобъ не подумать, что тотъ, который беретъ на свою совѣсть такія преступленія, не можетъ укрыться даже отъ людей, а тѣмъ больше отъ всевидящаго и вездѣсущаго судьи на небесахъ! Или мнѣ было безъизвѣстно, какой конецъ постигъ моихъ братьевъ, которыхъ Ботъ такъ наказалъ за ихъ злые замыслы противъ тебя? И что могло меня возстановить противъ тебя? Притязаніе на царское достоинство? Я-же былъ царемъ. Боязнь предъ твоей ненавистью? Но не былъ ли я любимъ? Или я изъ-за тебя долженъ былъ опасаться другихъ? Но вѣдь я, охраняя тебя, былъ страшенъ всѣмъ другимъ. Быть можетъ, нужда въ деньгахъ? Но кто имѣлъ возможность жить роскошнѣе меня? И будь я отщепенецъ рода человѣческаго, обладай я душой необузданнаго звѣря—не должны-ли были побѣдить меня благодѣянія твои, отецъ ты мой! Ты, который, какъ самъ говоришь, принялъ меня во дворецъ, избралъ изъ всѣхъ своихъ сыновей, еще при жизни твоей возвелъ меня въ царскій санъ и многими другими чрезмѣрными благодѣяніями сдѣлалъ меня предметомъ зависти! О, какимъ несчастнымъ сдѣлала мена эта проклятая поѣздка! Сколько простора я далъ зависти! Сколько времени—клеветникамъ! Но для тебя-же, отецъ, и въ твоихъ интересахъ я предпринялъ это путешествіе, — для того, чтобы Силлай не насмѣялся надъ твоей старостью. Римъ свидѣтель моей сыновней любви и властитель земли—императоръ, который часто называлъ меня отцелюбцемъ. Возьми, отецъ, это письмо отъ него: оно заслуживаетъ больше довѣрія, чѣмъ всѣ клеветы, произнесенныя здѣсь противъ меня; это письмо—мой единственный защитникъ; на него я ссылаюсь какъ на свидѣтельство моей нѣжной любви къ тебѣ. Вспомни, отецъ, какъ неохотно я выѣхалъ, вѣдь я хорошо зналъ скрытую вражду противъ меня въ государствѣ. Ты, отецъ, самъ, того не желая, погубилъ меня тѣмъ, что заставилъ меня дать время зависти злословить. Теперь я опять здѣсь, я здѣсь, чтобы смотрѣть обвиненію въ лицо. На сушѣ и на морѣ меня, отцеубійцу, не постигло никакое несчастье. Но это доказательство мнѣ не поможетъ, потому что я проклятъ Богомъ и тобою, отецъ! Если такъ, то я прошу не вѣрить показаніямъ, исторгнутымъ пыткой у другихъ, а для меня пусть принесутъ сюда огонь, въ моихъ внутренностяхъ пусть копаются орудія смерти! Пусть ничье сердце не смягчится воемъ негодяя! Разъ я отцеубійца, то я не долженъ умереть безъ мученій!» Эти слова, произнесенныя со слезами и рыданіями, тронули всѣхъ присутствовавшихъ, а также и Вара. Только Иродъ въ своемъ гнѣвѣ остался неумолимъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ основательность обвиненій.

4) По приказанію царя, сталъ говорить свою рѣчь Николай [1]. Подробно охарактеризовавъ коварство Антипатра и разсѣявъ опять возбужденное последнимъ состраданіе, Николай перешелъ къ существу обвиненія. Онъ взвалилъ на него всѣ ужасы, произошедшіе въ послѣднее время въ царской фамиліи, а именно, казнь братьевъ, которыхъ, какъ онъ доказалъ, погубили исключительно интриги Антипатра. Такъ, продолжалъ Николай, онъ подкапывался и подъ оставшихся въ живыхъ братьевъ, которые, по его мнѣнію, угрожали престолонаслѣдію. И не удивительно: кто своему отцу готовитъ ядъ, тотъ братьевъ подавно щадить не будетъ. Перейдя затѣмъ къ доказательствамъ задуманнаго отравленія, онъ по порядку анализировалъ всѣ показанія свидѣтелей и, коснувшись въ своей рѣчи Ферора, выразилъ свое негодованіе по поводу того, что и его Антипатръ чуть не сдѣлалъ братоубійцей, что, совращая съ пути любимѣйшихъ царю особъ, онъ весь царскій домъ наполнилъ преступленіями. Сдѣлавъ еще много другихъ разобличеній и подкрѣпивъ ихъ соотвѣтствующими доказательствами, онъ закончилъ свою рѣчь.

5) Варъ спрашивалъ Антипатра, что онъ имѣетъ возразить противъ этого. Онъ отвѣтилъ только: «Богъ свидѣтель моей невинности» и, молча, остался лежать. Тогда Варъ велѣлъ принести ядъ и дать его выпить одному осужденному на смерть плѣннику. Послѣдній умеръ тутъ-же на мѣстѣ. Варъ имѣлъ еще тайное совѣщаніе съ Иродомъ, доложилъ императору о происшедшемъ въ собраніи и на слѣдующій день уѣхалъ. Царь-же приказалъ заключить Антипатра въ кандалы и отправилъ въ Римъ посольство для донесенія о своемъ несчастьѣ императору.

6) По заключеніи уже процесса открылся заговоръ Антипатра также противъ Саломіи. Одинъ изъ слугъ Антипатра привезъ изъ Рима письма

[1] Николай Дамаскинскій, тотъ самый, который прежде защищалъ Ирода предъ императоромъ.

отъ одной изъ служанокъ Юліи [1], по имени Акма [2]. Послѣдняя писала царю: «изъ сочувствія къ нему она препровождаетъ ему, по секрету, письма Саломіи, найденныя ею между бумагами Юліи». Эти письма были полны самыхъ сильныхъ поношеній имени Ирода и тяжелыхъ обвиненій противъ него. Антипатръ ихъ поддѣлалъ и подкупилъ Акму переслать ихъ царю. Эта хитрость была обнаружена другимъ письмомъ, адресованнымъ той же женщиной на имя самого Антипатра и гласившимъ слѣдующее: «Согласно твоему указанію, я писала твоему отцу и препроводила ему тѣ письма. Я убѣждена, что, прочитавъ ихъ, царь не пощадитъ своей сестры. Когда все удастся, ты, я надѣюсь, не забудешь своихъ обѣщаній».

7) Когда это письмо вмѣстѣ съ тѣми, которыя были поддѣланы съ цѣлью компрометировать Саломію, были представлены царю, послѣднему тогда только запало подозрѣніе, что и противъ Александра могли фабриковаться поддѣльныя письма. Глубоко потрясенный мыслью о томъ, что Антипатръ чуть ли не сдѣлалъ его также убійцей сестры, онъ хотѣлъ было сейчасъ же отмстить Антипатру за все. Но тяжелый недугъ мѣшалъ ему въ осуществленіи этого рѣшенія. Онъ, однако, написалъ императору относительно Акмы и заговора противъ Саломіи; затѣмъ онъ велѣлъ принести себѣ завѣщаніе и измѣнилъ его такимъ образомъ, что, обойдя старшихъ своихъ сыновей, Архелая и Филиппа, скомпрометированныхъ въ его глазахъ тоже происками Антипатра, назначилъ престолонаслѣдникомъ Антипу [3]. Императору онъ, кромѣ цѣнныхъ вещей, завѣщалъ наличными деньгами тысячу талантовъ, его женѣ, дѣтямъ, друзьямъ и отпущенникамъ—около 500 талантовъ. Многихъ другихъ онъ надѣлилъ землями и денежными суммами; но самыми блестящими подарками онъ наградилъ свою сестру Саломію. Вотъ тѣ измѣненія, которыя онъ ввелъ въ свое завѣщаніе.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Низверженіе золотого орла.—Жестокость Ирода въ послѣднія минуты жизни.—Его попытка наложить на себя руку.—Онъ приказываетъ совершить казнь надъ Антипатромъ.—Черезъ пять дней послѣ этого самъ умираетъ.
(І. Д. XVII, 6, 1—8, 3).

1) Болѣзнь Ирода все болѣе и болѣе ухудшалась, такъ какъ она застигла его въ старости и горѣ. Онъ былъ уже близокъ къ семидесятилѣт-

1 Римская императрица.

2 Еврейка (І. Д. XVII, 5, 7).

3 Сынъ самарянки Малтаки.

нему возрасту, а семейныя несчастія до того омрачили его духъ, что и въ здоровомъ состояніи онъ ни въ чемъ не находилъ для себя отрады. Сознаніе, что Антипатръ еще живъ, усугубляло его болѣзнь; однако, онъ не хотѣлъ раздѣлаться съ нимъ на скорую руку, а рѣшилъ подождать до своего выздоровленія для того, чтобы казнить его самымъ формальнымъ образомъ.

2) Въ эти тяжелые дни онъ долженъ былъ еще пережить народное возстаніе. Въ Іерусалимѣ жили два вѣроучителя, почитавшіеся особенно глубокими знатоками отечественныхъ законовъ и пользовавшіеся поэтому высокимъ авторитетомъ въ глазахъ всего народа. Одинъ изъ нихъ былъ Іегуда, сынъ Сепфорея [1], другой Матѳія, сынъ Маргала [2]. Много юношей стекалось къ нимъ, чтобы слушать ихъ ученіе, образовывая вокругъ нихъ каждый день цѣлыя полчища. Когда тѣ узнали, какъ болѣзнь и горе снѣдаютъ царя, они въ кругу своихъ учениковъ проронили слово о томъ, что теперь настало удобное время спасти славу Господню и уничтожить поставленныя изображенія, нетерпимыя законами предковъ; ибо законъ запрещаетъ внесеніе въ храмъ статуй, бюстовъ и иныхъ изображеній, носящихъ имя живого существа [3]. А между тѣмъ царь поставилъ надъ главными воротами храма золотаго орла. Вотъ этого орла законоучители предлагали сорвать и прибавили, что хотя съ этимъ связана опасность, но что можетъ быть почетнѣе и славнѣе, какъ умереть за завѣты отцовъ; кто такъ кончаетъ, душа того остается безсмертной и вкушаетъ вѣчное блаженство; только дюжинныя люди, чуждые истинной мудрости и непонимающіе какъ любить свою душу, предпочитаютъ смерть отъ болѣзни смерти подвижнической.

3) Одновременно съ этими проповѣдями распространился слухъ, что царь лежитъ при смерти. Тѣмъ смѣлѣе молодежь принялась за дѣло. Среди бѣлаго дня, когда множество народа толпилось вокругъ храма, юноши опустились на канатахъ съ храмовой кровли и разрубили золотого орла топорами [4]. Немедленно дано было знать объ этомъ царскому начальнику,

1 По І. Д., сынъ Сарифея.

2 По І. Д., сынъ Маргалоѳа.

3 По Моисееву законодательству употребленіе всякаго рода изваяній и изображеній живыхъ существъ евреямъ воспрещено безусловно, даже и внѣ предѣловъ храма (см. Второзаконіе IV, 16—20 и параллельныя мѣста).

4 Орелъ былъ гигантской величины и служилъ символомъ римскаго владычества.

который быстро прибылъ на мѣсто съ сильнымъ отрядомъ, арестовалъ до сорока молодыхъ людей и доставилъ ихъ къ царю [1]. На первый его вопросъ: «Они-ли это дерзнули разрубить золотого орла?»—они сейчасъ же сознались. На второй вопросъ: «Кто имъ это внушилъ?» — они отвѣтили: «Завѣтъ отцовъ!» На третій вопросъ: «Почему они такъ веселы, когда ихъ ждетъ смерть?» они отвѣтили: «Послѣ смерти ихъ ждетъ лучшее счастье».

4) Непомѣрный гнѣвъ, овладѣвшій тогда Иродомъ, вселилъ въ него новыя силы и помогъ ему побороть болѣзнь. Онъ лично отправился въ народное собраніе, изобразилъ въ пространной рѣчи молодыхъ людей, какъ осквернителей храма, которые подъ покровомъ закона преслѣдовали болѣе отдаленныя цѣли, и потребовалъ, чтобъ судили ихъ, какъ богохульниковъ. Боясь какъ-бы не было привлечено къ слѣдствію множество людей, народъ просилъ его наказать сперва только зачинщиковъ, затѣмъ лишь тѣхъ, которые были пойманы на мѣстѣ преступленія, а всѣхъ остальныхъ простить. Весьма неохотно царь уступилъ этимъ просьбамъ. Онъ приказалъ тѣхъ, которые спустились съ храмовой крыши вмѣстѣ съ законоучителями сжечь живыми, остальныхъ арестованныхъ онъ отдалъ въ руки палачей, для совершенія надъ ними казни [2].

5) Послѣ этого случая болѣзнь охватила все его тѣло и въ отдѣльныхъ частяхъ его причиняла ему самыя разнообразныя страданія. Лихорадка не была такъ сильна, но на всей поверхности кожи онъ испытывалъ невыносимый зудъ, а въ задне-проходной кишкѣ—постоянныя боли; на ногахъ у него образовались отеки, какъ у людей, одержимыхъ водобоязнью, на животѣ—воспаленіе, а въ срамной области—гніющая язва, которая воспитывала червей. Ко всему этому наступали припадки одышки, лишавшіе его возможности лежать, и судороги во всѣхъ членахъ. Мудрецы объясняли его болѣзнь небесной карой за смерть законоучителей. Онъ-же самъ, не смотря на отчаянную борьбу съ такой массой страданій, цѣпко держался за жизнь: онъ надѣялся на выздоровленіе и думалъ о средствахъ леченія. Онъ отправился на ту сторону Іордана для того, чтобы воспользоваться теплыми купаніями въ Каллироѣ, вода которой течетъ въ Асфальтовое озеро [1] и до того пресна, что ее можно также и пить. Врачи предполагали здѣсь согрѣвать все его тѣло теплымъ масломъ. Но, когда его опустили въ наполненную масломъ ванну, въ глазахъ у него помутилось и лицо у него искривилось, какъ у умирающаго. Крикъ поднятый слугами, привелъ его, однако, опять въ сознаніе. Но съ тѣхъ поръ онъ уже самъ больше не вѣрилъ въ свое исцѣленіе и велѣлъ раздать солдатамъ по 50 драхмъ каждому, а офицерамъ и друзьямъ его болѣе значительныя суммы.

6) Прибывъ на обратномъ пути въ Іерихонъ, онъ въ своемъ мрачномъ настроеніи, желая какъ-будто бросить угрозу самой смерти, предпринялъ безбожное дѣло. Онъ приказалъ собрать знатнѣйшихъ мужей со всѣхъ мѣстъ Іудеи и запереть ихъ въ такъ называемомъ ипподромѣ (ристалищѣ); затѣмъ онъ призвалъ къ себѣ свою сестру Саломію и мужа ея Алексу (28,6) и сказалъ имъ: «Я знаю, что іудеи будутъ праздновать мою смерть, какъ юбилейное торжество [2]; однако мнѣ могутъ устроить и трауръ и блестящую погребальную процессію, если только вы пожелаете исполнить мою волю. Какъ только я умру, тогда вы оцѣпите солдатами тѣхъ заточенныхъ и прикажите какъ можно скорѣе изрубить ихъ, дабы вся Іудея и каждая фамилія, противъ своей воли, плакала бы надъ моей смертью» [3].

[1] По І. Д., схвачены были тѣ, которые не хотѣли даже бѣжать, а мужественно встрѣтили военный отрядъ. Вмѣстѣ съ учениками остались на мѣстѣ и ихъ учителя: Іегуда и Матѳія, которые также были приведены къ царю (XVII, 6, 3).

[2] Мѣстомъ казни по І. Д., былъ Іерихонъ, гдѣ Иродъ совершилъ почти всѣ политическія казни, такъ какъ въ этомъ городѣ, укрѣпленномъ новой цитаделью и населенномъ имъ солдатами и преданной ему черныю разныхъ племенъ, Иродъ чувствовалъ себя вообще безопаснѣе, чѣмъ въ Іерусалимѣ. При описанномъ случаѣ Иродъ устранилъ отъ должности первосвященника Маттаѳію, съ вѣдома и одобренія котораго былъ уничтоженъ орелъ, и назначилъ на его мѣсто Іозара (XVII, 6, 4). Это уже былъ шестой первосвященникъ въ царствованіи Ирода: Ананель, Аристовулъ, Іешуа, Симонъ, Маттаѳія и Іозаръ. Казнь именитыхъ законоучителей и замѣщеніе Маттаѳіи Іозаромъ вызвали сейчасъ послѣ смерти Ирода возстаніе въ Іерусалимѣ (II, 1, 2).

[1] Мертвое море; Асфальтовымъ оно называется потому, что оно изобилуетъ асфальтомъ, находящимся на днѣ его и всплывающимъ кусками на поверхность воды при сильной бурѣ. По свидѣтельству арабовъ, нынѣ населяющихъ эту мѣстность, на берегу моря кругомъ есть много мѣстъ, гдѣ жидкій асфальтъ подымается вверхъ изъ подъ земли.

[2] Фарисеи дѣйствительно причислили день смерти Ирода (2-го Шевата) къ числу полупраздниковъ.

[3] По І. Д., Иродъ предназначилъ къ закланію огромную массу людей: по одной жертвѣ отъ каждаго знатнаго іудейскаго семейства. Они должны были быть убиты сейчасъ послѣ смерти Ирода, но до объявленія ея солдатамъ.

7) Какъ только отдано было это приказаніе, получены были письма отъ пословъ изъ Рима, которыя извѣщали, что Акма, по приказу императора, казнена, а Антипатръ осужденъ имъ на смерть; однако, гласило письмо, если отецъ предпочтетъ изгнаніе смертной казни, то императоръ противъ этого ничего не имѣетъ. Царь опять поправился немного, по крайней мѣрѣ, на столько, что въ немъ вновь пробудилась жажда жизни; но вскорѣ затѣмъ страданія его, усилившіяся недостаточнымъ питаніемъ и мучившимъ его постоянно судорожнымъ кашлемъ, до того его одолѣли, что онъ рѣшился предупредить свою судьбу. Онъ взялъ яблоко и потребовалъ себѣ ножъ, чтобы разрѣзать его, по своему обыкновенію, на куски,—тогда онъ оглянулся кругомъ, не будетъ-ли ему кто-нибудь мѣшать, и поднялъ свою руку, что бы заколоть себя. Но племянникъ его Ахіавъ очутился возлѣ него, схватилъ его руку и не далъ ему покончить съ собою. Тогда въ замкѣ поднялся громкій плачъ, точно царь уже скончался. И Антипатръ услышалъ этотъ крикъ; онъ опять ободрился; полный радостныхъ надеждъ, онъ началъ упрашивать стражу расковать его и дать ему ускакать, обѣщавъ ей за это деньги. Но начальникъ караула приказалъ солдатамъ зорко слѣдить за нимъ, а самъ поспѣшилъ донести царю объ этомъ покушеніи на побѣгъ. Почти со сверхъестественной въ его положеніи силой голоса онъ отдалъ приказаніе своимъ тѣлохранителямъ немедленно же убить Антипатра [1]. Его тѣло онъ велѣлъ похоронить въ Гирканіонѣ. Послѣ этого онъ опять измѣнилъ завѣщаніе и назначилъ своего старшаго сына, Архелая, брата Антипы, наслѣдникомъ престола, а самаго Антипу—тетрархомъ [2].

8) Казнь своего сына Иродъ пережилъ еще пять дней (74 до раз. хр.). Съ того времени, какъ онъ убійствомъ Антигона достигъ высшей верховной власти, протекли тридцать четыре, а со времени назначенія его царемъ римлянами—тридцать семь лѣтъ. Если кто-нибудь могъ говорить о

[1] По поводу этой казни Августъ произнесъ извѣстную фразу: „лучше быть свиньей Ирода, чѣмъ его сыномъ".

[2] По этому измѣненному завѣщанію Иродъ раздробилъ царство Израильское на мелкія княжества. Архелай, сынъ самарянки, былъ назначенъ царемъ только надъ Іудеей и Самаріей; Антипа—прежній престолонаслѣдникъ—назначенъ былъ тетрархомъ надъ Галилеей и Переей. Гавлонитида, Трахонитида, Батанея и Панея (на сѣверо-востокѣ отъ Іудеи) образовали другую тетрархію, которая отдана была Филиппу—сыну Клеопатры. Наконецъ, Саломія получила по завѣщанію: Іамнію, Азотъ и Фазаелиду (І. Д. XVII, 8, 1).

счастьѣ, такъ это былъ онъ. Частное лицо,—онъ пріобрѣлъ царство, правилъ имъ долгое время и могъ еще завѣщать его своимъ дѣтямъ. Только въ его собственной семьѣ его постигали несчастія за несчастіями.

Прежде чѣмъ войско узнало о его смерти, сестра его Саломія вмѣстѣ съ ея мужемъ освободили всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ царь приказалъ убить, заявивъ, что онъ измѣнилъ свое рѣшеніе и теперь отпускаетъ каждаго на свою родину. А уже послѣ того, какъ тѣ удалились, она объявила солдатамъ о кончинѣ царя и созвала ихъ и остальной народъ въ амфитеатръ въ Іерихонѣ. Здѣсь выступилъ Птоломей [1] (24, 2), которому царь ввѣрилъ свой перстень съ печатью, прославилъ имя царя, утѣшилъ народъ и прочелъ царскій рескриптъ на имя солдатъ, заключавшій въ себѣ неоднократныя напоминанія о вѣрности его преемникамъ. По прочтеніи рескрипта онъ открылъ завѣщаніе и огласилъ его содержаніе. Филиппъ былъ въ немъ назначенъ наслѣдственнымъ владѣтелемъ Трахонитиды (20, 4) и пограничныхъ областей; Антипа, какъ уже выше было упомянуто,—тетрархомъ, а Архелай — царемъ. Послѣднему вмѣстѣ съ тѣмъ было поручено препроводить императору перстень съ печатью Ирода и запечатанные акты, касающіеся государственнаго правленія, ибо императору представлено было утвержденіе всѣхъ его распоряженій, и онъ долженъ былъ еще санкціонировать завѣщаніе. Все прочее должно было остаться безъ измѣненій, согласно первоначальному завѣщанію.

9) Послѣ этого раздались громкіе, ликующіе крики, привѣтствовавшіе Архелая. Солдаты вмѣстѣ съ народомъ проходили мимо него группами, присягая въ вѣрности и испрашивая на него благословеніе Божіе. Затѣмъ приступлено было къ погребенію царя. Архелай не остановился ни предъ какими затратами; для придачи большаго блеска похоронной процессіи, онъ выставилъ предъ народомъ всѣ царскія украшенія. Парадная кровать была изъ массивнаго золота и украшена цѣнными камнями; покрывало — изъ чистаго пурпура и пестрѣло узорами; тѣло, лежавшее на немъ, было покрыто алымъ сукномъ; голову царя обвивала діадема, а надъ нею лежала золотая корона; правая рука держала скипетръ. Парадную кровать окружали сыновья и многочисленная толпа родственниковъ; непосредственно за ними шли тѣлохранители, отрядъ ѳракійцевъ, затѣмъ германцы и галлы—всѣ въ военныхъ доспѣхахъ. Впереди шло остальное войско, предводительствуемое полководцами и командирами, въ полномъ вооруженіи; за

[1] Завѣдывавшій финансами при Иродѣ.

ними слѣдовали пятьсотъ рабовъ и вольноотпущенниковъ съ благовонными травами въ рукахъ. Тѣло перенесено было на разстояніи двухсотъ стадій [1] въ Иродіонъ (21, 10), гдѣ оно, согласно завѣщанію, было предано землѣ. Таковъ былъ конецъ Ирода.

ВТОРАЯ КНИГА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

(І. Д. XVII, 8, 4—9, 3).

Архелай даетъ народу траурный пиръ по поводу смерти Ирода. Скоро послѣ этого происходитъ возстаніе, и онъ отправляетъ противъ возставшихъ войско, которое убиваетъ около 3000 человѣкъ.

1) Поѣздка въ Римъ (74 до раз. хр.), которую долженъ былъ совершить Архелай, дала поводъ къ новымъ волненіямъ. Оплакавъ своего отца семь дней и давъ народу богатый траурный пиръ (обычай у іудеевъ, вслѣдствіе котораго многіе разорились; наслѣдники бываютъ почти вынуждены угостить участниковъ въ похоронахъ, въ противномъ случаѣ они рискуютъ прослыть неблагодарными къ умершему), онъ въ бѣломъ одѣяніи отправился въ храмъ, гдѣ былъ восторженно встрѣченъ народомъ. Онъ привѣтствовалъ народъ, сидя на золотомъ тронѣ, воздвигнутомъ на высокой трибунѣ, благодарилъ его за усердное участіе въ похоронахъ его отца и за выраженіе ему вѣрноподданническихъ чувствъ, точно онъ уже въ дѣйствительности былъ царемъ; «но, — прибавилъ онъ, — онъ удерживается пока не только отъ проявленія власти, но и отъ принятія титула, пока не будетъ утвержденъ въ престолонаслѣдіи императоромъ, которому завѣщаніемъ предоставленъ рѣшающій голосъ во всемъ. Онъ и въ Іерихонѣ

[1] 35 верстъ. Иродъ былъ погребенъ въ крѣпости Иродіонѣ, построенномъ имъ для увѣковѣченія своего собственнаго имени на югѣ отъ Іерусалима, на разстояніи 60 стадій отъ него. Крѣпость, въ дѣйствительности, отстояла отъ Іерихона приблизительно на 200 стадій. Между словами Іосифа (І. Д. XVII, 8, 3) „они шли по направленію въ Иродіонъ *восемь* стадій“ и его показаніемъ здѣсь—противорѣчія нѣтъ. Въ первомъ мѣстѣ онъ только сообщаетъ, сколько стадій торжественный кортежъ провожалъ тѣло Ирода, въ послѣднемъ же мѣстѣ онъ показываетъ дѣйствительное разстояніе крѣпости отъ Іерихона. См. примѣчаніе Havercampa' къ этому мѣсту (т. II, стр. 142) и Schürer, Geschichte. I, стр. 345.

не принялъ діадемы, которую солдаты хотѣли возложить на него. Но когда онъ высшей властью будетъ утвержденъ царемъ, тогда онъ отблагодаритъ народъ и войско за ихъ добрыя чувства къ нему. Всѣ его стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы быть къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ милостивѣе, чѣмъ его отецъ».

2) Обрадованный этими обѣщаніями, народъ тутъ же пожелалъ испытать его истинное намѣреніе высокими требованіями. Одни желали облегченія податей, другіе—упраздненія пошлинъ [1], а третьи требовали освобожденія заключенныхъ. Чтобы снискать расположенія народа, онъ обѣщалъ все. Вслѣдъ за этимъ онъ совершилъ жертвоприношеніе и вмѣстѣ со своей свитой предался пиршеству. Подъ вечеръ же собралась немалочисленная толпа домогавшихся новаго порядка, которые, по окончаніи оффиціальнаго траура по государѣ, открыли свой особенный трауръ. Они оплакивали тѣхъ, которыхъ Иродъ казнилъ за уничтоженіе висѣвшаго надъ храмовыми воротами золотого орла. Этотъ трауръ не былъ тихій и сдержанный; душу раздирающіе стоны, искусственно возбужденные крики и плачъ, и громкіе вопли огласили весь городъ. Такимъ образомъ они оплакивали тѣхъ, которые, по ихъ словамъ, пали за вѣру отцовъ и святыню. Тутъ же раздался крикъ: «будемъ мстить за нихъ Иродовымъ избранникамъ! Прежде всего долженъ быть устраненъ назначенный имъ первосвященникъ— долгъ и обязанность требуетъ избрать болѣе благочестиваго и непорочнаго!» [2].

3) Какъ ни досадовалъ на это Архелай, но, въ виду своей неотложной поѣздки, онъ на первое время удержался отъ казней. Онъ боялся, что если возстановитъ противъ себя народъ, тогда волненія могутъ усилиться и сдѣлаютъ его поѣздку совершенно невозможной. Онъ пытался, поэтому, успокаивать недовольныхъ больше добрымъ словомъ, нежели силой, и отрядилъ начальника, который долженъ былъ призвать народъ къ порядку. Но, какъ только тотъ явился въ храмъ, мятежники прогнали его каменьями, не давая ему начать говорить, и другихъ, которыхъ Архелай посылалъ для ихъ вразумленія, они также съ негодованіемъ оттолкнули отъ себя. Было ясно, что если они получатъ еще подкрѣпленіе, тогда

[1] Іудеи платили Ироду: поголовную подать, поземельный налогъ, налогъ съ домовъ, пошлину съ товаровъ, привозимыхъ на рынокъ, и нѣкоторыя другія пошлины.

[2] По І. Д., граждане предварительно совѣщались между собой и затѣмъ отъ имени собранія, потребовали отъ Архелая устраненія Іозара и наиболѣе близкихъ друзей Ирода.

ихъ совсѣмъ нельзя будетъ унять. Такъ какъ предстоялъ тогда праздникъ опрѣсноковъ (который именуется у іудеевъ Пасхой), когда совершается много жертвоприношеній, то со всей страны стекалась въ Іерусалимъ несмѣтная масса народа. Тѣ, которые оплакивали законоучителей, оставались сплоченными въ храмѣ и здѣсь раздували пламя возстанія. Все это внушало Архелаю серьезныя опасенія. Боясь, чтобы мятежная горячка не охватила весь народъ, онъ втихомолку послалъ трибуна во главѣ одной когорты [1] — съ приказаніемъ схватить коноводовъ. Но вся толпа бросилась на нее; большая часть солдатъ была истреблена каменьями; самъ трибунъ былъ тяжело раненъ и обратился въ бѣгство. Какъ ни въ чемъ не бывало, они вслѣдъ за этимъ приступили къ жертвоприношеніямъ. Но Архелай убѣдился, что безъ кровопролитія толпа не дастъ обуздать себя. Онъ приказалъ поэтому выдвинуть противъ нее всѣ свои военныя силы: пѣхота густыми рядами вступила въ городъ, а всадники высыпали въ поле. Эти войска внезапно напали на жертвоприносителей, убили около трехъ тысячъ изъ нихъ, а остальную массу загнали въ ближайшія горы. Недолго спустя явились герольды Архелая, возвѣстившіе приказъ о томъ, чтобы каждый возвратился къ себѣ на родину. Такъ всѣ разошлись не продолжая празднованія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

(I. Д. XVII, 9, 4—7).

Архелай ѣдетъ въ Римъ въ сопровожденіи своей многочисленной родни. Обвиняемый Антипатромъ передъ императоромъ, онъ благодаря защитѣ Николая, выходитъ побѣдителемъ изъ затѣяннаго противъ него дѣла.

1) Онъ самъ, въ сопровожденіи своей матери и друзей, Поплы, Птоломея и Николая отправился моремъ, оставивъ Филиппа въ качествѣ регента и опекуна надъ его домомъ. Вмѣстѣ съ нимъ ѣхали также Саломія съ ея дѣтьми, равно какъ и братья и зятья царя, съ виду для того, чтобы поддержать притязанія Архелая на престолъ, на самомъ же дѣлѣ,— чтобы обвинять его предъ императоромъ за его безчинства въ храмѣ.

2) Въ Кесареѣ они встрѣтились съ сирійскимъ прокураторомъ Сабиномъ, собиравшимся какъ разъ въ Іудею съ цѣлью принять подъ свою охрану сокровища Ирода. Архелай поручилъ Птоломею убѣдительно просить Вара удержать его отъ дальнѣйшей поѣздки. Изъ любезности къ Вару,

[1] Когорта имѣла въ своемъ составѣ отъ 500 до 1000 солдатъ.

Сабинъ [1] дѣйствительно отказался отъ прежняго своего намѣренія поспѣшить въ крѣпость и запереть предъ Архелаемъ казнохранилища его отца; онъ даже обѣщалъ ничего не предпринимать до рѣшенія императора и остался въ Кесареѣ. Но какъ только изъ удерживавшихъ его одинъ отправился въ Антіохію, а другой, Архелай, отплылъ въ Римъ, онъ быстро двинулся въ Іерусалимъ, завладѣлъ царскимъ дворцомъ и потребовалъ къ себѣ комендантовъ и казначеевъ, желая отъ первыхъ перенять власть надъ крѣпостями и вывѣдать отъ другихъ о состояніи запасныхъ фондовъ. Начальники, однако, остались вѣрными инструкціямъ Архелая: они не покидали своихъ постовъ, «охраняя ихъ собственно не именемъ Архелая, а больше отъ имени императора».

3) Между тѣмъ Антипа также отправился въ путь съ цѣлью защищать и свои права на престолъ. Онъ полагалъ, что само завѣщаніе, въ которомъ онъ назначенъ царемъ, должно имѣть больше силы и значенія, чѣмъ приложеніе къ нему. Саломія и многіе изъ его родственниковъ, которые отплыли вмѣстѣ съ Архелаемъ, еще раньше обѣщали ему содѣйствіе; и мать свою, и брата Николая, Птоломея, онъ взялъ съ собою. Вліяніе послѣдняго, думалъ онъ, будетъ имѣть большое значеніе, такъ какъ онъ былъ высоко поставленъ у Ирода и пользовался его довѣріемъ [2]. Но самыя большія надежды онъ возлагалъ на хваленое краснорѣчіе ритора Иринея. Въ надеждѣ на него онъ отклонилъ всякія увѣщеванія о томъ, что ему слѣдуетъ уступить Архелаю, какъ старшему и назначенному по завѣщанію. Въ Римѣ всѣ родственники окончательно перешли на его сторону, потому что Архелай былъ ненавистенъ. Собственно говоря, каждому изъ нихъ хотѣлось больше всего обладать независимымъ положеніемъ подъ верховной властью римскаго намѣстника. Но на тотъ случай, еслибъ эта цѣль оказалась недостижимой, они всѣ предпочитали имѣть царемъ Антипу.

4) И Сабинъ споспѣшествовалъ ихъ цѣлямъ своими письмами, въ которыхъ онъ во многомъ обвинялъ предъ императоромъ Архелая и высоко хвалилъ Антипу. Когда Саломія и ея партія изложили на письмѣ свои

[1] Сабинъ занималъ постъ, хотя независимый отъ Вара, но съ болѣе ограниченными уполномочіями. Варъ былъ правителемъ Сиріи, а Сабинъ завѣдывалъ финансовой частью, въ качествѣ квестора этой провинціи.

[2] Въ свитѣ Ирода были два Птоломея, изъ которыхъ одинъ, завѣдывавшій финансами и хранитель перстня царя, поддерживалъ права Архелая, а другой, братъ Николая Дамаскинскаго и какъ послѣдній близкій другъ Ирода, стоялъ на сторонѣ Антипы.

обвиненія, и подали ихъ императору, тогда Архелай также письменно изложилъ главныя основанія своихъ притязаній и вмѣстѣ съ перстнемъ отца и его счетами вручилъ ихъ чрезъ Птоломея императору. Императоръ обсудилъ про себя права обѣихъ партій, величину государства, размѣры его доходовъ и многочисленность семейства Ирода; затѣмъ онъ прочиталъ также письма Вара и Сабина по спорному вопросу и послѣ всего собралъ совѣтъ изъ знатнѣйшихъ римлянъ, въ которомъ онъ въ первый разъ представилъ право участія и голоса усыновленному имъ сыну Агриппы и дочери его Юліи, Гаю [1]. По открытіи собранія онъ представилъ слово тяжущимся партіямъ.

5) Поднялся Антипатръ, сынъ Саломіи, наиболѣе краснорѣчивый между противниками Архелая, и началъ читать свою обвинительную рѣчь. «На словахъ, сказалъ онъ, Архелай какъ будто теперь только домогается царства, но въ дѣйствительности онъ уже давно состоитъ царемъ, и только для насмѣшки утруждаетъ теперь уши императора своими просьбами. Онъ не счелъ нужнымъ выждать рѣшающаго слова императора, но самъ послѣ кончины Ирода тайно подставилъ людей, которые бы увѣнчали его діадемой. Онъ сѣлъ на тронъ, отдавалъ распоряженія, точно царь, измѣнилъ организацію войска, раздавалъ чины, обѣщалъ народу все, чего послѣдній просилъ у него, какъ у царя, освободилъ тѣхъ, которыхъ его отецъ за серьезнѣйшія преступленія держалъ въ заточеніи, и послѣ всего этого онъ является теперь, чтобы испросить у своего властителя только тѣнь того царства, которое онъ въ сущности давно уже присвоилъ себѣ и дѣлаетъ такимъ образомъ императора судьей не надъ предметами, а лишь надъ одними именами. Далѣе онъ упрекнулъ его въ томъ, что «и трауръ его по отцѣ былъ только лицемѣрный: днемъ бывало онъ собиралъ угрюмыя складки на лицѣ, а ночью предавался кутежамъ и въ пьяномъ видѣ чинилъ самыя скверныя проказы. Уже одно поведеніе его служило поводомъ къ народному возстанію». Но центръ тяжести всей его рѣчи лежалъ въ кровавой рѣзнѣ, произведенной во дворѣ храма: «люди прибыли на праздникъ и тутъ же возлѣ ихъ собственныхъ жертвъ самымъ жестокимъ образомъ были заколоты. Въ храмъ собрана была такая огромная куча труповъ, которая не могла бы остаться даже послѣ внезапнаго нападенія внѣшняго непріятеля. Предвидя жестокость Архелая, его отецъ не думалъ предоставить ему даже самые отдаленные

[1] Тотъ самый, котораго Августъ намѣтилъ наслѣдникомъ своего престола и который изъ-за этого былъ отравленъ женой Августа, Ливіей, переименовавшей себя впослѣдствіи въ Юлію.

виды на престолъ; лишь только впослѣдствіи, когда онъ, страдая душевно болѣе чѣмъ тѣлесно, не былъ уже способенъ къ здравому обсужденію вещей, онъ въ приложеніи къ завѣщанію назначилъ своимъ преемникомъ того, котораго раньше и знать не хотѣлъ, и даже безъ того, чтобы фигурировавшій въ первоначальномъ завѣщаніи, котораго онъ намѣтилъ престолонаслѣдникомъ въ здравомъ состояніи и совершенно бодромъ духѣ, подалъ ему хотя бы малѣйшій поводъ къ неудовольствію. Но если захотятъ непремѣнно придать больше значенія рѣшенію человѣка, лежавшаго на смертномъ одрѣ, то Архелай во всякомъ случаѣ за его многочисленныя преступленія противъ страны долженъ быть лишенъ власти надъ ней. Каковъ же будетъ онъ царь послѣ утвержденія его императоромъ, если онъ еще до своего утвержденія убилъ такую массу людей»?

6) Сказавъ еще многое въ этомъ духѣ и ссылаясь при каждомъ обвинительномъ пунктѣ на свидѣтельство большинства изъ родственниковъ, Антипатръ закончилъ свою рѣчь. Тогда со стороны Архелая выступилъ Николай, старавшійся объяснить рѣзню въ храмѣ необходимостью: «Убитые, сказалъ онъ, были враги не только государства, но и императора— судьи по настоящему дѣлу». Относительно другихъ пунктовъ обвиненія онъ замѣтилъ, что сами жалобщики совѣтовали Архелаю дѣйствовать такъ, а не иначе. Прибавленію къ завѣщанію, по его мнѣнію, слѣдуетъ придать особенное значеніе въ виду уже того, что именно въ этомъ прибавленіи императору предоставлено утвержденіе престолонаслѣдника. «Тотъ, сказалъ онъ въ заключеніи, который былъ настолько разуменъ, что предалъ свою власть въ руки владыки міра, тотъ навѣрное и о своемъ преемникѣ не имѣлъ ложнаго мнѣнія. Нѣтъ! въ здравомъ умѣ представилъ онъ его къ утвержденію,—онъ, который такъ хорошо зналъ отъ кого зависитъ это утвержденіе».

7) Когда Николай кончилъ, Архелай приблизился къ императору и безмолвно опустился къ его ногамъ. Императоръ очень благосклонно поднялъ его и этимъ далъ понять, что онъ его считаетъ достойнымъ унаслѣдовать тронъ отца. Окончательной резолюціи онъ все-таки еще не объявилъ, а распустилъ на тотъ день собраніе и обдумывалъ про себя все заслушанное, не рѣшаясь—признать ли престолонаслѣдіе за однимъ изъ значившихся въ завѣщаніи, или же раздѣлить государство между всѣми членами семьи. Ихъ было столь много, и надо было подумать объ обезпеченіи всѣхъ ихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(I. Д. XVII, 10, 1 — 3).

Ожесточенная борьба іудеевъ съ солдатами Сабина и страшное кровопролитіе въ Іерусалимѣ.

1) Прежде чѣмъ императоръ принялъ опредѣленное рѣшеніе, заболѣла мать Архелая, Малтака и умерла. Одновременно съ этимъ получены были отъ Вара изъ Сиріи письма, извѣстившія о возстаніи іудеевъ. Варъ, собственно, это предвидѣлъ; чтобы предупредить могущія произойти волненія (такъ какъ было ясно, что народъ не останется въ покоѣ), онъ вслѣдъ за отъѣздомъ Архелая прибылъ въ Іерусалимъ и, оставивъ здѣсь одинъ изъ взятыхъ имъ въ Сиріи трехъ легіоновъ, возвратился обратно въ Антіохію [1]. Но вторженіе Сабина вызвало взрывъ неудовольствія и дало іудеямъ поводъ къ возстанію. Сабинъ вынудилъ гарнизоны цитаделей къ сдачѣ послѣднихъ и съ безпощадной суровостью требовалъ выдачи ему царскихъ сокровищъ. При этомъ онъ опирался не только на оставленныхъ Варомъ солдатъ, но и на многочисленную толпу своихъ собственныхъ рабовъ, которыхъ онъ вооружилъ и превратилъ въ орудіе своей алчности [2]. Такъ какъ приближался праздникъ семидесятницы (такъ іудеи называютъ одинъ изъ своихъ праздниковъ, совершаемый по истеченіи семи недѣль и носящій свое названіе по числу дней), то не только обычное богослуженіе, но еще болѣе всеобщее ожесточеніе привлекало народъ въ Іерусалимъ. Безсмѣтныя массы людей устремились въ столицу изъ Галилеи, Идумеи, Іерихона и Переи Заіорданской. Въ числѣ и рѣшительности жители собственно Іудеи превосходили, впрочемъ, всѣхъ другихъ. Они раздѣлились на три громады и разбили тройной станъ: одинъ на сѣверной сторонѣ храма, другой на южной сторонѣ, у ристалища, а третій на западѣ, близъ царскаго дворца. Такимъ образомъ они оцѣпили римлянъ со всѣхъ сторонъ и держали ихъ въ осадномъ положеніи.

2) Сабинъ, устрашенный многочисленностью и грозной рѣшимостью непріятеля, посылалъ къ Вару одного гонца за другимъ съ просьбой о

[1] По I. Д. возстаніе уже открылось; но Варъ пріостановилъ его казнью коноводовъ и переводомъ въ Іерусалимъ цѣлаго легіона, т. е. третьей части всей римской арміи, расположенной тогда въ Сиріи.

[2] Эти вооруженные рабы шныряли по улицамъ города и оскорбляли гражданъ, что послужило ближайшей причиной возобновленія возстанія (I. Д. XVII, 10, 1).

скорѣйшей помощи: если онъ будетъ медлить, говорили послы, то весь легіонъ будетъ истребленъ. Онъ самъ взошелъ на высочайшую изъ башенъ крѣпости—Башню Фазаелеву, названную по имени погибшаго въ пареянской войнѣ брата Ирода (I, 13, 10. V, 4, 3), и оттуда далъ знакъ легіону къ наступленію; испытывая сильный страхъ онъ даже боялся сойти къ своимъ. Солдаты, повинуясь его приказу, протѣснились къ храму и дали іудеямъ жаркое сраженіе, въ которомъ они, благодаря своей военной опытности, до тѣхъ поръ имѣли перевѣсъ надъ неопытной толпой, пока никто не затрагивалъ ихъ сверху. Когда же многіе іудеи взобрались на галлереи и направили свои стрѣлы на головы римлянъ, то они падали массами; ибо защищаться противъ сражавшихся сверху они не могли такъ легко, да и противъ тѣхъ, которые бились въ упоръ, они съ трудомъ могли дальше держаться.

3) Стѣсненные съ двухъ сторонъ, солдаты подожгли снизу колоннады—это удивительное произведеніе по великолѣпію и величинѣ. Многіе изъ находившихся на верху были тотчасъ охвачены огнемъ и погибли въ немъ; другіе падали отъ рукъ непріятеля, когда соскакивали внизъ, нѣкоторые бросались со стѣны въ противоположную сторону, а иные, приведенные въ отчаяніе, своими собственными мечами предупреждали смерть отъ огня; тѣ-же, наконецъ, которые слѣзали со стѣны и схватывались съ римлянами, находились въ такомъ смущеніи, что ихъ легко было обезсилить. Послѣ того, когда одна часть такимъ образомъ погибла, а другая отъ страха разсѣялась, солдаты набросились на неохраненную храмовую казну и похитили оттуда около 400 талантовъ. Все, что не было украдено тайно, собралъ для себя Сабинъ.

4) Гибель колоннадъ и огромной массы людей до такой степени возмутила іудеевъ, что они противопоставили римлянамъ еще болѣе многочисленное и болѣе храброе войско. Они оцѣпили дворецъ и грозили римлянамъ поголовнымъ истребленіемъ, если они тотчасъ не отступятъ; если Сабинъ уйдетъ съ легіономъ, то они обѣщали ему безопасность. Большинство царскихъ солдатъ перешло также на сторону возставшихъ; но къ римлянамъ примкнула храбрѣйшая часть войска, въ числѣ 3000 человѣкъ, такъ называемые Себастійцы [1], и во главѣ ихъ Руфъ и Гратъ: одинъ

[1] Чужеземные солдаты, облагодѣтельствованные Иродомъ, получившіе отъ него пышный городъ Себасту, построенный на мѣстѣ прежней Самаріи, много пахатной земли и образцовое самоуправленіе (I, 21, 2).

предводитель всадниковъ, другой—царской пѣхоты, оба—люди, которые, независимо отъ подчиненныхъ имъ частей войскъ, личной своей энергiей и осмотрительностью должны были имѣть большое влiянiе на исходъ борьбы. Iудеи усердно продолжали осаду, производя вмѣстѣ съ тѣмъ нападенiя на стѣны цитадели и приглашая людей Сабина удалиться и не мѣшать имъ, когда они послѣ долгаго терпѣнiя хотятъ, наконецъ, возвратить себѣ свободу ихъ предковъ. Охотно бы Сабинъ отступилъ втихомолку, но онъ не вѣрилъ ихъ обѣщанiямъ и боялся, что ихъ великодушiе только заманитъ его въ западню; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся на скорую помощь Вара. Онъ рѣшился поэтому выдержать осаду.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

(I. Д. XVII, 10, 4—8).

Бунтъ прежнихъ солдатъ Ирода. Разбойничьи набѣги Iуды. Симонъ и Аөронгей присваиваютъ себѣ царскiй титулъ.

1) Въ это же время въ разныхъ мѣстахъ страны также произошли безпорядки. Положенiе дѣлъ подстрекало многихъ протянуть руку къ царской коронѣ. Въ Идумеѣ взялись за оружiе двѣ тысячи ветерановъ Ирода и открыли войну съ приверженцами царя. Ахiабъ, двоюродный братъ царя (I, 33, 7), боролся съ ними, скрываясь за сильнѣйшими крѣпостями, но избѣгая всякаго столкновенiя съ ними въ открытомъ полѣ. Дальше, въ Сепфорѣ, въ Галилеѣ, Iуда—сынъ того Езекiи, который нѣкогда во главѣ разбойничьей шайки разорялъ страну, но былъ побѣжденъ царемъ Иродомъ (I, 10,5)[1], поднялъ на ноги довольно многочисленную толпу, ворвался въ царскiе арсеналы, вооружилъ своихъ людей и нападалъ на тѣхъ, которые стремились къ господству.

2) Въ Переѣ нашелся нѣкто Симонъ, одинъ изъ царскихъ рабовъ, который, надѣясь на свою красоту и высокiй ростъ, напялилъ на себя корону. Собравъ вокругъ себя разбойниковъ, онъ рыскалъ по открытымъ дорогамъ, сжегъ царскiй дворецъ въ Iерихонѣ, многiя великолѣпныя виллы и легко наживался на этихъ пожарахъ. Еще немного онъ бы опустошилъ огнемъ всѣ пышныя зданiя, еслибы противъ него не выступилъ начальникъ царской пѣхоты, Гратъ, со стрѣлками изъ Трахонеи[1] и самой отборной частью Себастiйцевъ. Въ завязавшейся между ними схваткѣ легло хотя значительное число пѣхоты, но самъ Симонъ былъ отрѣзанъ Гратомъ въ тѣсной ложбинѣ, чрезъ которую онъ хотѣлъ бѣжать, и, получивъ ударъ въ затылокъ, упалъ мертвымъ. Въ другомъ возстанiи, вспыхнувшемъ въ Переѣ, были обращены въ пепелъ царскiе дворцы возлѣ Виөарамата[2], у Iордана.

3) Даже простой пастухъ, по имени Аөронгей[3], дерзалъ въ ту минуту посягать на корону. Его тѣлесная сила, отчаянная храбрость, презрѣнiе къ смерти и поддержка четырехъ ему подобныхъ братьевъ внушали ему эту надежду. Каждому изъ этихъ братьевъ онъ далъ вооруженную толпу, во главѣ которыхъ они служили ему какъ бы полководцами и сатрапами во время его набѣговъ. Онъ самъ, какъ царь, былъ занятъ болѣе важными дѣлами. Одѣвъ на себя дiадему, онъ затѣмъ вмѣстѣ съ братьями еще долго опустошалъ страну. Преимущественно они убивали римлянъ и царскихъ солдатъ; но не щадили они и iудеевъ, если послѣднiе попадались къ нимъ въ руки вмѣстѣ съ добычей. Разъ, возлѣ Эммауса, они даже осмѣлились оцѣпить цѣлую когорту римлянъ, подвозившихъ легiону провiантъ и оружiе. Центурiонъ[4] Арiй, и сорокъ наиболѣе храбрыхъ солдатъ пали подъ стрѣлами.

---

[1] За убiйство этого патрiота, мстившаго за свой народъ набѣгами на римлянъ и сирiйцевъ, Иродъ былъ тогда привлеченъ къ суду синедрiона. Iуда унаслѣдовалъ отъ своего отца пламенную ненависть къ римлянамъ и всякому игу вообще. Онъ стремился къ возстановленiю „царства Божiя", т. е. республиканскаго правленiя на началахъ iудейской религiи, и былъ ярымъ врагомъ римлянъ. Онъ вѣроятно тождественъ съ Iудой Галилеяниномъ, который впослѣдствiи игралъ выдающуюся роль и образовалъ партiю такъ называемыхъ „зелотовъ".

[1] Въ рукописяхъ и изданiяхъ Iосифа Флавiя названiе стрѣлковъ, содѣйствовавшихъ Грату въ его борьбѣ противъ Симона, читается различно. Мы слѣдуемъ чтенiю Havercamp'a, подтверждаемому латинскимъ переводомъ Руфина. Рѣчь, можетъ быть, идетъ о конныхъ стрѣлкахъ, прибывшихъ изъ Вавилонiи во время правленiя Сирiей Сатурниномъ въ количествѣ 500 человѣкъ подъ начальствомъ нѣкоего Замариса, которыхъ Иродъ поселилъ въ Батанеѣ на границѣ Трахонеи. См. объ этой вавилонской колонiи и дарованныхъ ей Иродомъ привиллегiяхъ I. Д. XIII, 2, 1—2.

[2] Городъ по ту сторону Iордана впослѣдствiи переименованный Иродомъ Антипой въ Ливiю. Въ паралельномъ мѣстѣ I. Д. XVII, 10, 6 вмѣсто этого города упоминается другой по имени Amatha, но это ошибка, вкравшаяся въ текстъ. См. Schürer, Geschichte, II, 125.

[3] Въ I. Д. XVII, 12, 2 пастухъ этотъ названъ Аөронгъ.

[4] Сотникъ, т. е. начальникъ центурiи, состоявшей, хотя и не всегда, но большею частью, изъ ста человѣкъ.

Таже участь угрожала остальнымъ, какъ вдругъ примчался Гратъ съ Себастійцами и спасъ ихъ. Послѣ многихъ подобныхъ насилій, совершенныхъ ими въ теченіе всей этой войны надъ коренными жителями и иноземцами, трое изъ нихъ были, наконецъ, схвачены въ плѣнъ: самый старшій—Архелаемъ, два слѣдующихъ—Гратомъ и Птоломеемъ; четвертый сдался Архелаю послѣ миролюбиваго соглашенія. Этотъ конецъ постигъ ихъ уже впослѣдствіи; но тогда они исполосали всю Іудею своей хищнической войной.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

(I. Д. XVII. 10, 9, 10).

Варъ подавляетъ мятежъ іудеевъ; изъ возставшихъ онъ около двухъ тысячъ приказываетъ распять.

1) Получивъ письма Сабина и другихъ начальниковъ, Варъ, безпокоясь о судьбѣ всего легіона, рѣшился поспѣшить ему на помощь. Онъ поэтому выступилъ въ Птоломаиду съ оставшимися у него двумя легіонами и принадлежавшими къ послѣднимъ четырьмя конными эскадронами; туда же онъ назначилъ собраться вспомогательнымъ отрядамъ царей и князей. Проходя мимо Берита, онъ и оттуда взялъ съ собою 1500 тяжеловооруженныхъ. Когда въ Птоломаидѣ, кромѣ другихъ союзныхъ войскъ, присоединился къ нему еще аравійскій царь Арета, который изъ вражды къ Ироду прибылъ съ многочисленными отрядами пѣхоты и всадниковъ, онъ одну часть арміи немедленно отправилъ подъ начальствомъ своего друга Гая въ ближайшую къ Птоломаидѣ часть Галилеи. Гай отбилъ назадъ всѣхъ ставшихъ противъ него, покорилъ городъ Сепфору, предалъ его огню, а жителей продалъ въ рабство [1]. Самъ Варъ со всѣмъ своимъ войскомъ вторгся въ Самарію, не трогая, однако, ея главнаго города [2], такъ какъ онъ нашелъ, что послѣдній не принималъ участія въ волненіи другихъ городовъ. Онъ раскинулъ свой станъ у деревни Аръ, принадлежавшей Птоломею (I, 24, 2, 33, 8) и разграбленной поэтому арабами, которые свою злобу противъ Ирода вымещали и на его друзьяхъ. Затѣмъ онъ двинулся впередъ и остановился у другой укрѣпленной деревни Самфона; и ее разгромили арабы точно также, какъ они разграбили всѣ попадавшіеся имъ

[1] Жители Сепфоры принадлежали къ патріотической партіи Іуды, сына Іезекіи. Самъ Іуда спасся тогда отъ рукъ римлянъ.

[2] Себаста.

въ руки государственные запасы. Смерть и огонь царили повсюду, и ничто не могло укрыться отъ хищнической алчности арабовъ. И Эммаусъ, жители котораго заблаговременно спаслись бѣгствомъ, Варъ также приказалъ уничтожить огнемъ въ наказаніе за то, что послѣдніе убили Арія и его людей.

2) Отсюда онъ отправился на Іерусалимъ. Одинъ только видъ римскихъ силъ [1] разсѣялъ іудейское войско (3,1); оно поспѣшно отступило и разбрелось внутри страны. Городскіе-же жители, принявъ римлянъ, старались умыть себѣ руки отъ соучастія въ возстаніи, объявляя, что они лично ни въ чемъ не нарушали спокойствія; ради праздника они были вынуждены впустить въ городъ народную массу, но не только ничего общаго не имѣли съ мятежниками, а, напротивъ, вмѣстѣ съ римлянами были осаждены послѣдними. Еще до нихъ вышли на встрѣчу Вару Іосифъ (троюродный братъ Архелая), Руфъ и Гратъ во главѣ царскаго войска и Себастійцевъ, а также оставшейся части римскаго легіона въ обычныхъ воинскихъ доспѣхахъ. Сабинъ-же не смѣлъ даже показаться ему на глаза и заранѣе еще ушелъ изъ города къ приморью [2]. Варъ отрядилъ часть своего войска во внутрь страны противъ мятежниковъ; многіе изъ нихъ были схвачены; менѣе опасныхъ изъ нихъ онъ велѣлъ заключить въ тюрьму, а болѣе виновныхъ, въ числѣ около двухъ тысячъ, онъ приказалъ распять.

3) Тогда ему было донесено, что около Идумеи десять тысячъ стоятъ еще подъ оружіемъ. Такъ какъ онъ на опытѣ могъ убѣдиться, что арабы не ведутъ себя, какъ союзники, а ведутъ войну довольно своенравно и изъ ненависти къ Ироду разоряютъ страну больше, чѣмъ ему самому было желательно, то онъ распустилъ ихъ и поспѣшилъ на встрѣчу мятежникамъ только со своими собственными легіонами. По совѣту Ахіаба тѣ сдались, однако, добровольно, не доведя дѣло до сраженія. Большей массѣ изъ нихъ Варъ даровалъ прощеніе; предводителей-же онъ отослалъ къ императору для дальнѣйшаго разслѣдованія. Императоръ помиловалъ всѣхъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ родственниковъ царя Ирода, тоже примкнувшихъ къ мятежникамъ, которыхъ онъ велѣлъ казнить, такъ какъ они поднимали оружіе противъ родственнаго имъ царя. Потушивъ,

[1] Не считая арабскихъ и другихъ вспомогательныхъ отрядовъ, однихъ только римскихъ солдатъ было до 20,000.

[2] Сабинъ сознавалъ, что возстаніе іудеевъ вызвано было его насиліями; къ тому же онъ вторгся въ Іерусалимъ вопреки данному имъ Вару и Архелаю обѣщанію не ѣхать туда и, наконецъ, позволилъ себѣ еще ограбить храмъ.

такимъ образомъ, возстаніе въ Іерусалимѣ, Варъ возвратился въ Антіохію. Легіонъ, еще раньше находившійся въ Іерусалимѣ, онъ тамъ-же оставилъ [1].

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

(I. Д. XVII, 11).

Іудеи, взводя на Архелая цѣлый рядъ обвиненій, заявляютъ, что предпочитали бы жить подъ римскимъ владычествомъ. Августъ ихъ выслушиваетъ, но затѣмъ раздѣляетъ царство Ирода между дѣтьми послѣдняго по собственному желанію.

1) Архелаю въ Римѣ предстояло между тѣмъ выдержать также борьбу съ іудеями, которые еще до начала возстанія прибыли съ разрѣшенія Вара въ Римъ въ качествѣ делегатовъ, съ цѣлью хлопотать предъ Августомъ о дарованіи народу автономіи. Посольство состояло изъ пятидесяти іудеевъ, къ которымъ присоединилось свыше 8,000 изъ жившихъ въ Римѣ іудеевъ [2]. Императоръ назначилъ собраніе знатнѣйшихъ римлянъ и своихъ друзей въ палатинскомъ храмѣ Аполлона—одномъ изъ воздвигнутыхъ имъ самимъ зданій, блиставшемъ удивительной роскошью. Здѣсь стояло множество іудеевъ съ ихъ делегатами; противъ нихъ помѣстился Архелай съ его друзьями. Друзья-же его родственниковъ занимали нейтральное положеніе [3]: ненависть и зависть къ Архелаю не дозволили имъ стать на его сторону;

[1] Погромъ Вара приравнивается Іосифомъ (Противъ Апіона, I, 7) къ войнамъ Антіоха Эпифана и Помпея въ томъ отношеніи, что въ немъ, равно какъ и въ тѣхъ войнахъ, погибли архивы и родословныя записи, вслѣдствіе чего Коганы должны были составить новыя генеалогіи. Впослѣдствіи Варъ со всей ввѣренной ему римской арміей погибъ въ борьбѣ съ германцами. Къ его пораженію относится восклицаніе Августа: „Варъ, отдай мнѣ мои легіоны!“.

[2] Начало колонизаціи евреевъ въ Римѣ не поддается точному опредѣленію. Сношенія Іудеи съ Римомъ начались при первыхъ Маккавеяхъ, и съ тѣхъ поръ евреи, вѣроятно, стали селиться въ Римѣ. Образованіе первой болѣе значительной еврейской колоніи въ Римѣ относится ко времени Помпея, привезшаго туда многочисленныхъ еврейскихъ плѣнниковъ. Получивъ право римскихъ гражданъ, они поселились по ту сторону Тибра и организовались тамъ въ самостоятельную еврейскую общину. О вліяніи римскихъ евреевъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что знаменитый Цицеронъ долженъ былъ скрывать отъ евреевъ свою ненависть къ нимъ.

[3] Сами же родственники, какъ видно изъ слѣдующаго §, примкнули къ іудейской депутаціи.

робость предъ императоромъ удерживала ихъ отъ того, чтобы пристать къ обвинителямъ Архелая. Явился, кромѣ того, еще и Филиппъ, братъ Архелая, котораго благоволившій къ нему Варъ послалъ сюда съ двоякой цѣлью: во-первыхъ, для того, чтобы онъ поддерживалъ интересы Архелая, а во-вторыхъ,—чтобы и онъ получилъ свою долю, въ случаѣ если императоръ раздѣлитъ царство Ирода между всѣми его потомками.

2) Получивъ позволеніе говорить, обвинители прежде всего изобразили беззаконія Ирода. «Не царя они имѣли въ немъ, а лютѣйшаго тирана, какой когда-либо сидѣлъ на тронѣ. Безчисленное множество онъ убилъ, но участь тѣхъ, которыхъ онъ оставилъ въ живыхъ, была такова, что они завидовали погибавшимъ. Онъ не только по одиночкѣ пыталъ своихъ подданныхъ, но мучилъ цѣлые города. Иностранные города онъ украшалъ, а свои собственные — разорялъ; чужіе народы онъ одарялъ кровью іудеевъ. На мѣстѣ прежняго благосостоянія и добрыхъ старыхъ нравовъ наступила, такимъ образомъ, полнѣйшая нищета и деморализація. Вообще, іудеи за немногіе годы терпѣли отъ Ирода больше гнета, чѣмъ ихъ предки за весь періодъ времени отъ выхода изъ Вавилоніи и возвращенія на родину въ царствованіе Ксеркса. Привычка къ несчастью до того подавила духъ народа, что онъ даже готовъ былъ терпѣть жестокое рабство подъ властью того, котораго Иродъ назначилъ послѣ себя преемникомъ: сына такого тирана, Архелая, онъ сейчасъ же послѣ смерти его отца добровольно привѣтствовалъ какъ царя, вмѣстѣ съ нимъ оплакивалъ смерть Ирода и молился Богу за благополучное царствованіе его. Архелай же для того, вѣроятно, чтобы показать себя настоящимъ сыномъ Ирода, открылъ свое царствованіе закланіемъ трехъ тысячъ гражданъ. Вотъ сколько жертвъ онъ принесъ Богу, чтобы испрашивать у Него благоденствія своему царствованію — и вотъ какой массой труповъ онъ наполнилъ храмъ въ праздничный день. И поэтому то тѣ, которые уцѣлѣли отъ столькихъ бѣдствій, задумались, наконецъ, о своемъ печальномъ положеніи и хотятъ стать на военную ногу и открыто выставлять свои лица непріятельскимъ ударамъ [1]. Они просятъ римлянъ сжалиться надъ развалинами Іудеи и не бросить остатокъ народа на съѣденіе жестокому тирану, а соединить страну вмѣстѣ съ Сиріей и властвовать надъ нею собственными правителями. Тогда можно будетъ видѣть, что тѣ іудеи, о которыхъ прокричали, какъ о неукротимыхъ мятежникахъ, прекрасно умѣютъ

[1] Т. е. открыто бороться противъ своего врага.

ладить со справедливыми правителями»[1]. Этой просьбой іудеи заключили свою жалобу. Послѣ нихъ поднялся Николай и старался обезсилить обвиненіе противъ обоихъ царей. Съ другой стороны, онъ изобразилъ іудеевъ народомъ, по природѣ своей, трудно управляемымъ и склоннымъ къ неповиновенію своимъ царямъ, и выставилъ также въ невыгодномъ свѣтѣ родственниковъ Архелая, присоединившихся къ обвинителямъ.

3) Выслушавъ обѣ партіи, императоръ распустилъ собраніе. Нѣсколько дней спустя, онъ предоставилъ Архелаю половину царства съ титуломъ этнарха и обѣщаніемъ возвести его въ царскій санъ, какъ скоро онъ покажетъ себя этого достойнымъ. Вторую половину онъ раздѣлилъ на двѣ тетрархіи, которыя предоставилъ двумъ другимъ сыновьямъ Ирода: одну Филиппу, а другую Антипѣ, оспаривавшему престолъ у Архелая. Антипа получилъ Перею и Галилею съ доходомъ въ двѣсти талантовъ. Батанея и Трахонея, Авранъ и нѣкоторыя части владѣній Зенона, возлѣ Іамніи, со ста талантами дохода въ годъ, достались въ удѣлъ Филиппу. Этнархію Архелая образовали: Идумея, вся Іудея и Самарія, которой отпущена была четвертая часть податей за то, что она не принимала участія въ возстаніи остальной страны. Точно также сдѣлались ему подвластными города: Стратонова Башня (Кесарея), Себаста (Самарія), Іоппія и Іерусалимъ. Греческіе же города—Гадару и Иппъ императоръ отрѣзалъ отъ государства и присоединилъ къ Сиріи. Доходы Архелая съ его владѣній достигали 400 талантовъ. Саломія, въ прибавленіе къ назначенному ей по завѣщанію Ирода, получила еще господство надъ Іамніей, Азотомъ и Фазаелидой (I, 21, 9); кромѣ того императоръ подарилъ ей также дворецъ въ Аскалонѣ; доходы всѣхъ этихъ владѣній оцѣнивались 60 талантами въ годъ; но ея область была подчинена этнархіи Архелая. Остальные потомки Ирода получили то, что имъ оставлено было по завѣщанію. Двумъ его незамужнимъ дочерямъ императоръ подарилъ, кромѣ полученнаго ими отъ отца наслѣдства, еще 500,000 серебряныхъ монетъ и обручилъ ихъ съ сыновьями Ферора. Уже послѣ окончанія дѣлежа императоръ подарилъ наслѣдникамъ и ту тысячу талантовъ, которая была ему самому завѣщана Иродомъ, и оставилъ себѣ лишь нѣкоторыя изъ его вещей небольшой цѣнности на память объ умершемъ.

[1] Іудеи, какъ видно, предпочитали вассальную зависимость отъ римлянъ нестерпимому гнету идумейской династіи. Они могли надѣяться, что подъ скипетромъ Рима въ Іудеѣ возстановится тотъ-же порядокъ, какой существовалъ въ ней въ домаккавейскую эпоху — сначала подъ властью Персіи, а затѣмъ Египта и Сиріи,—т. е., внутреннее управленіе страной будетъ ввѣрено первосвященнику и синедріону, которые будутъ нести отвѣтственность за внесеніе опредѣленной дани въ императорскую казну.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

(І. Д. XVII, 14, 1).

Исторія лже-Александра. — Архелай идетъ въ ссылку и Глафира умираетъ. Обоимъ предстоящая имъ участь предсказывается сновидѣніями.

1) Къ тому же времени прибылъ въ Римъ іудейскій юноша, воспитанный въ Сидонѣ у римскаго вольноотпущенника, который, обладая внѣшнимъ сходствомъ съ Александромъ, убитымъ Иродомъ (I, 27, 6), выдавалъ себя за послѣдняго въ надеждѣ, что никѣмъ не будетъ изобличенъ. Соотечественникъ его, посвященный во всѣ новѣйшія событія Іудеи, помогалъ ему въ исполненіи роли; по его наставленію онъ разсказывалъ, «что палачи, посланные для умерщвленія его и Аристовула, скрыли ихъ изъ жалости въ безопасное мѣсто и подложили похожіе трупы». Этимъ объясненіемъ онъ ловко обманулъ критскихъ іудеевъ и, блестяще снабженный ими всѣмъ необходимымъ, отплылъ въ Милъ. Здѣсь онъ также пріобрѣлъ полное довѣріе, собралъ еще больше средствъ и уговорилъ своихъ гостепріимныхъ хозяевъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Римъ. Прибывъ въ Дикеархію, онъ получилъ отъ тамошнихъ іудеевъ массу подарковъ, а друзья его мнимаго отца провожали его, какъ царя. Сходство его наружности было до того обманчиво, что даже тѣ, которые видѣли Александра и хорошо знали его, клялись, что это именно онъ. Все римское іудейство устремилось ему на встрѣчу, и безчисленное множество людей наполняло улицы, по которымъ должны были его нести. Миліане пришли въ такой экстазъ, что носили его на носилкахъ и на свой собственный счетъ пріобрѣли ему царское одѣяніе.

2) Императоръ, который хорошо зналъ черты лица Александра—предъ нимъ же онъ обвинялся Иродомъ,—проникъ весь этотъ основанный на наружномъ сходствѣ обманъ, еще прежде чѣмъ видѣлъ предъ собою эту личность; но для устраненія всякаго сомнѣнія, онъ приказалъ привести юношу къ болѣе близкому знакомому Александра, Келаду. При первомъ же взглядѣ послѣдній замѣтилъ даже разницу въ лицѣ; но помимо этого, грубое тѣлосложеніе заставляло признать въ немъ раба. Келадъ убѣдился въ обманѣ; но его выводили изъ себя дерзкія увѣренія обманщика. Когда, напримѣръ, спрашивали у него объ Аристовулѣ, онъ отвѣтилъ: «и этотъ находится въ живыхъ; но изъ

предосторожности онъ остался въ Кипрѣ, чтобы избѣжать преслѣдованія; потому что, если они будутъ разъединены, ихъ труднѣе будетъ поймать». Келадъ взялъ его въ сторону и именемъ императора обѣщалъ ему помилованіе, если онъ назоветъ то лицо, которое натолкнуло его на этотъ обманъ [1]. Онъ выразилъ согласіе, отправился вмѣстѣ съ нимъ къ императору и выдалъ того іудея, который воспользовался его сходствомъ для надувательства. «Они,—сознался онъ,—въ каждомъ отдѣльномъ городѣ получили больше подарковъ, чѣмъ Александръ во всю его жизнь». Императоръ разсмѣялся, опредѣлилъ лже-Александра, вслѣдствіе здороваго его тѣлосложенія, въ гребцы, а обольстителя его приказалъ казнить. Что же касается миліанъ, то они своими большими затратами казались ему достаточно наказанными за ихъ глупость.

3) Вступивъ въ свою этнархію, Архелай, помня прежнюю непріязнь къ нему, такъ жестоко обращался съ іудеями и даже съ самарянами, что на девятомъ году [2] своего царствованія (64 до разр. хр.), вслѣдствіе жалобы соединеннаго посольства обѣихъ націй, былъ сосланъ императоромъ въ Віенну—городъ въ Галліи. Его имущество перешло въ императорскую казну. Прежде чѣмъ онъ былъ вызванъ императоромъ на судъ, ему, какъ говорятъ, приснился слѣдующій сонъ. Онъ видѣлъ девять большихъ полныхъ колосьевъ, которые пожирались волами; онъ послалъ за гадателями и нѣкоторыми халдеями и спрашивалъ у нихъ о значеніи этого сна. Одни толковали его такъ, другіе иначе. Но одинъ ессей, Симонъ, далъ слѣдующее разъясненіе: «Колосья, кажется, означаютъ годы [3], а волы—коловратность судьбы, такъ какъ они выворачиваютъ плугомъ почву. Онъ, поэтому, столько лѣтъ останется царемъ, сколько колосьевъ онъ видѣлъ во снѣ, а затѣмъ, послѣ разныхъ превратностей судьбы, умретъ». Чрезъ пять дней Архелай былъ потребованъ къ суду [4].

---

[1] По І. Д., весь этотъ разговоръ произошелъ лично съ императоромъ.

[2] По І. Д., на десятомъ году.

[3] Такъ какъ они созрѣваютъ разъ въ лѣто.

[4] О царствованіи Архелая сообщаются въ І. Д. слѣдующія краткія свѣдѣнія. Первосвященникъ Іоазаръ былъ имъ устраненъ, но не потому, что этого требовалъ народъ (II, 1, 2), а вслѣдствіе обвиненія его въ участіи въ возстаніи. Назначенный на его мѣсто Элеазаръ (братъ Іоазара) долженъ былъ вскорѣ уступить мѣсто третьему первосвященнику, по одному показанію Іосифа,—Іосуа, а по другому—тому же Іоазару, который былъ первосвященникомъ до Элеазара. Унаслѣдованную имъ отъ отца страсть къ строеніямъ Архелай проявилъ въ обновленіи сожженнаго царскаго дворца въ Іерихонѣ, основаніи новаго города для увѣковѣченія собственнаго имени и разведеніи пальмовой рощи съ искусственнымъ орошеніемъ.

4) Достопамятенъ также сонъ его жены Глафиры—дочери каппадокскаго царя Архелая, которая прежде была замужемъ за Александромъ, (братомъ Архелая, о которомъ мы говоримъ, и сыномъ Ирода, который, какъ выше было разсказано, лишилъ его жизни). По смерти ея мужа она вышла за Юбу, ливійскаго царя, а послѣ смерти послѣдняго возвратилась къ себѣ на родину и жила у отца вдовой. Здѣсь увидѣлъ ее этнархъ Архелай, который такъ полюбилъ ее, что сейчасъ удалилъ отъ себя свою жену Маріамму и женился на ней [1]. Недолго послѣ того, какъ она вторично прибыла въ Іудею, ей привидѣлось, будто Александръ стоитъ передъ ней и говоритъ: «Ты-бы могла удовлетвориться замужествомъ въ Ливіи. Но, не довольствуясь этимъ, ты возвратилась въ мой родительскій домъ, взяла третьяго мужа и кого, о дерзкая! моего брата! Этого позора я тебѣ не прощу. Хочешь, не хочешь, но я унесу тебя!» Едва прошли два дня послѣ того, какъ она разсказала этотъ сонъ,—она была уже мертвая.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

(І. Д. XVIII, 1,2—5)

Этнархія Архелая обращается въ римскую провинцію. Возстаніе Іуды Галилеянина. Три іудейскія секты.

1) Владѣнія Архелая были обращены въ провинцію, и въ качествѣ правителя послано было (64 до раз. хр.) туда лицо изъ сословія римскихъ всадниковъ [2], Копоній, [3] которому дано было императоромъ даже право

---

[1] Евреи, по свидѣтельству Іосифа, осуждали Архелая за этотъ бракъ, не дозволенный ни закономъ, ни обычаемъ.

[2] Всадники происходили изъ самыхъ знатныхъ патриційскихъ семей.

[3] Копоній начинаетъ собою длинный рядъ такъ называемыхъ прокураторовъ (procuratores и praesides были титулы, присвоенные намѣстникамъ императора въ Іудеѣ) Іудеи, обращенной Августомъ въ императорскую провинцію и присоединенной къ сирійскому намѣстничеству. (Августъ раздѣлилъ римскія провинціи на императорскія и сенатскія; Сирія составляла императорскую провинцію, находилась въ непосредственной зависимости отъ императора и испытывала больше гнета, чѣмъ всѣ остальныя). Іудея была лишена и тѣни самостоятельности. Законодательное собраніе и синедріонъ потеряло и то весьма ограниченное значеніе, которое сохранялось еще за нимъ при Иродѣ и Архелаѣ: прокураторы, облеченные безграничной властью, могли отмѣнять его постановленія; имъ принадлежало даже право назначенія и устраненія

жизни и смерти надъ гражданами. Въ его правленіи одинъ извѣстный галилеянинъ, по имени Іуда, объявилъ позоромъ то, что іудеи мирятся съ положеніемъ римскихъ данниковъ и признаютъ своими владыками, кромѣ Бога, еще и смертныхъ людей. Онъ побуждалъ своихъ соотечественниковъ къ отпаденію и основалъ особую секту, которая ничего общаго не имѣла съ остальными [1].

первосвященника. Евреи должны были во всѣхъ документахъ выставлять годъ царствованія императора, вмѣсто употреблявшагося ими раньше лѣтосчисленія по вступленію на престолъ ихъ собственныхъ царей. Резиденціей прокураторовъ была Кесарея; но и въ самомъ Іерусалимѣ стоялъ постоянный гарнизонъ; здѣсь-же имѣлъ постоянное пребываніе цѣлый штатъ римскихъ начальниковъ и чиновниковъ, завѣдывавшихъ разными учрежденіями, блюстившихъ за порядкомъ и хозяйничавшихъ въ городѣ по собственному произволу, точно также какъ прокураторъ по своему произволу тиранизировалъ всю страну.

[1] Это одно изъ такихъ мѣстъ, гдѣ авторъ, движимый въ этихъ случаяхъ патріотическимъ чувствомъ, не договариваетъ истины, преднамѣренно скрывая ее отъ римскаго читателя. Въ дальнѣйшей своей исторіи Іосифъ съ неумолимой настойчивостью проводитъ ту неоспоримую мысль, что іудейская война была дѣломъ рукъ самихъ римскихъ прокураторовъ, что послѣдніе, желая оправдать предъ императорами свой возмутительный произволъ и гнусныя насилія надъ народомъ, употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы вынудить его къ возстанію, дабы послѣ показать, что такимъ безпокойнымъ и жестоковыйнымъ народомъ нельзя было управлять иначе, какъ суровостью. Преслѣдуя такую цѣль, авторъ постѣснялся на ряду съ этимъ открыть римлянамъ, что собственно та партія, которая сдѣлалась душой революціи и причиняла римскому государству больше тревогъ и хлопотъ, чѣмъ галлы и германцы, что эта знаменитая партія, извѣстная подъ именемъ ревнителей, зелотовъ (канаимъ), зародилась въ іудейской средѣ еще при первомъ прокураторѣ, одновременно съ тѣмъ, какъ Іудея была превращена въ римскую провинцію. А между тѣмъ объ этой именно партіи идетъ рѣчь въ настоящей главѣ. Въ І. Д. Іосифъ сознается, что основателями партіи ревнителей были Іегуда изъ Галилеи (сынъ Іезекіи, поднявшій оружіе противъ римлянъ еще въ первомъ году царствованія Архелая) вмѣстѣ съ фарисеемъ Цаддокомъ. „Ихъ приверженцы, продолжаетъ Іосифъ, во всемъ были солидарны съ фарисеями, но обладали къ тому необузданной любовью къ свободѣ. Одного только Бога они признавали своимъ господиномъ и царемъ. Никакая смерть не казалась имъ страшною да и никакое убійство (даже родственниковъ и друзей) ихъ не удерживало отъ того, чтобы отстоять принципы свободы. Но я считаю лишнимъ распространяться о нихъ больше, такъ какъ въ ихъ упрямой твердости могъ убѣдиться почти каждый воочію. Я не долженъ бояться не найти вѣры въ мои слова, а, напротивъ—чтобы мои слова не показались слишкомъ блѣднымъ изображеніемъ того величія духа и геройскаго мужества, которыя ихъ отличали“.

2) Существуютъ именно у іудеевъ троякаго рода философскія школы: одну образуютъ фарисеи, другую—саддукеи, третью—тѣ, которые, видно, преслѣдуютъ особенную святость, такъ называемые ессеи. Послѣдніе также рожденные іудеи, но еще больше, чѣмъ другіе, связаны между собою любовью. Чувственныхъ наслажденій они избѣгаютъ, какъ грѣха, и почитаютъ величайшей добродѣтелью умѣренность и побореніе страстей. Супружество они презираютъ, за то они принимаютъ къ себѣ чужихъ дѣтей въ нѣжномъ возрастѣ, когда они еще воспріимчивы къ ученію, обходятся съ ними, какъ со своими собственными, и внушаютъ имъ свои нравы. Этимъ, впрочемъ, они отнюдь не хотятъ положить конецъ браку и продолженію рода человѣческаго, а желаютъ только оградить себя отъ распутства женщинъ, полагая, что ни одна изъ нихъ не сохраняетъ вѣрность къ одному только мужу своему [1].

3) Они презираютъ богатство, и достойна удивленія у нихъ общность имущества, ибо среди нихъ нѣтъ ни одного, который былъ бы богаче другаго. По существующему у нихъ правилу, всякій, присоединяющійся къ сектѣ долженъ уступить свое состояніе общинѣ; а потому у нихъ нигдѣ нельзя видѣть ни крайней нужды, ни блестящаго богатства—всѣ, какъ братья, владѣютъ однимъ общимъ состояніемъ, образующимся отъ соединенія въ одно цѣлое отдѣльныхъ имуществъ каждаго изъ нихъ [2]. Употреб-

---

Цаддокъ и Іуда открыли свои дѣйствія еще при первомъ прокураторѣ, Копоніи. Они были вызваны на это слѣдующимъ обстоятельствомъ. Одновременно съ Копоніемъ посланъ былъ императоромъ въ Сирію сенаторъ и бывшій консулъ Квириній для производства переписи имущества. Эта мѣра, принятая для приведенія въ извѣстность имущественнаго ценза провинцій и умноженія доходовъ съ нихъ въ видѣ наложенія на имущество новыхъ налоговъ, показалась евреямъ, неимѣвшимъ до той поры никакого представленія о подобнаго рода переписяхъ, въ высшей степени оскорбительной и подозрительной. Слово „цензъ“ (census) съ того времени стало обозначать всякій денежный штрафъ (кенасъ); лица, являвшіяся исполнителями введенной римлянами податной системы, были открыто презираемы: ихъ показанія въ качествѣ свидѣтелей на судѣ не пользовались довѣріемъ. Даже самые умѣренные фарисеи негодовали противъ этой податной системы, высасывавшей всѣ соки населенія. Но тѣ съ терпѣніемъ и смиреніемъ переносили это униженіе; ревнители же, ставшіе подъ знаменемъ Цаддока и Іуды, считали такую покорность позоромъ для отечества и религіи и начали сѣять сѣмя революціи въ народѣ (І. Д. XVIII, 1.).

[1] Въ І. Д. безбрачіе ессеевъ объясняется тѣмъ, что они считали женщинъ источникомъ всякихъ дрязгъ.

[2] По этому поводу Іосифъ въ І. Д. говоритъ: „Но самаго большого уди-

леніе масла они считаютъ недостойнымъ, и если кто изъ нихъ помимо своей воли бываетъ помазанъ, то онъ утираетъ свое тѣло, потому что въ жесткой кожѣ они усматриваютъ честь, точно также и въ постоянномъ ношеніи бѣлой одежды. Они выбираютъ лицъ для завѣдыванія дѣлами общины, и каждый безъ различія обязанъ посвятить себя служенію всѣхъ.

4) Они не имѣютъ своего отдѣльнаго города, а живутъ вездѣ большими общинами. Пріѣзжающіе изъ другихъ мѣстъ члены ордена могутъ располагать всѣмъ, что находится у ихъ братьевъ, какъ своей собственностью, и къ сочленамъ, которыхъ они раньше никогда не видѣли въ глаза, они входятъ, какъ къ старымъ знакомымъ. Они поэтому ничего рѣшительно не берутъ съ собою въ дорогу, кромѣ оружія для защиты отъ разбойниковъ. Въ каждомъ городѣ поставленъ общественный служитель спеціально для того, чтобы снабжать иногороднихъ одеждой и всѣми необходимыми припасами. Костюмомъ и всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ они производятъ впечатлѣніе мальчиковъ, находящихся еще подъ строгой дисциплиной школьныхъ учителей. Платье и обувь они мѣняютъ лишь тогда, когда прежнее или совершенно разорвалось или отъ долгаго ношенія сдѣлалось негоднымъ къ употребленію. Другъ другу они ничего не продаютъ и другъ у друга ничего не покупаютъ, а каждый изъ своего даетъ другому то, что тому нужно, равно какъ получаетъ у товарища все, въ чемъ самъ нуждается, даже безъ всякой взаимной услуги каждый можетъ требовать необходимаго отъ кого ему угодно.

5) Своеобразенъ также у нихъ обрядъ богослуженія. До восхода солнца они воздерживаются отъ всякой обыкновенной рѣчи; они обращаются тогда къ солнцу съ извѣстными древними по происхожденію молитвами, какъ будто испрашивать его восхожденія. Послѣ этого они отпускаются своими старѣйшинами, каждый къ своимъ занятіямъ. Поработавши напряженно [1] до пятаго часа [2], они опять собираются въ опредѣленномъ мѣстѣ, опоясываются холщевымъ платкомъ и умываютъ себѣ тѣло холодной водой. По окончаніи очищенія они отправляются въ свое собственное жилище, куда лица, непринадлежащія къ сектѣ, не допускаются, и очищенные, словно въ святилище, вступаютъ въ столовую. Здѣсь они въ строжайшей тишинѣ усаживаются вокругъ стола, послѣ чего пекарь раздаетъ всѣмъ по порядку хлѣбъ, а поваръ ставитъ каждому посуду съ однимъ единственнымъ блюдомъ. Священникъ открываетъ трапезу молитвой, до которой никто не долженъ дотронуться къ пищѣ; послѣ трапезы онъ опять читаетъ молитву. Какъ до, такъ и послѣ ѣды они славятъ Бога, какъ дарителя пищи. Сложивъ съ себя затѣмъ свои одѣянія, какъ священныя, они снова отправляются на работу, гдѣ остаются до сумерекъ. Тогда они опять возвращаются и ѣдятъ тѣмъ же порядкомъ. Если случайно являются чужіе, то они участвуютъ въ трапезѣ. Крикъ и шумъ никогда не оскверняютъ мѣста собранія: каждый предоставляетъ другому говорить по очереди. Тишина, царящая внутри дома, производитъ на наблюдающаго извнѣ впечатлѣніе страшной тайны; но причина этой тишины кроется собственно въ ихъ всегдашней воздержности, такъ какъ они ѣдятъ и пьютъ только до утоленія голода или жажды.

вленія, наивысшей славы, на какую только можетъ претендовать добродѣтель, заслуживаютъ ессеи достиженіемъ ими полнаго уравненія имущества, о чемъ ни греки, ни другіе народы не имѣютъ даже понятія и что введено ессеями не со вчерашняго дня, а съ давнихъ лѣтъ; а между тѣмъ на этихъ началахъ живетъ свыше четырехъ тысячъ человѣкъ. Для завѣдыванія доходами съ ихъ общаго имущества и полей, которыми богатые не могутъ пользоваться въ большей мѣрѣ, чѣмъ неимущіе, они выбираютъ лучшихъ людей, а для приготовленія хлѣба и пищи—священниковъ" (XVIII, 1, 4).

[1] Ессеи почти исключительно занимались земледѣліемъ.

[2] 11 часовъ утра.

6) Всѣ дѣйствія совершаются ими не иначе какъ по указаніямъ лицъ стоящихъ во главѣ ихъ; только въ двухъ случаяхъ они пользуются полной свободой: въ оказаніи помощи и въ дѣлахъ милосердія. Каждому предоставляется помогать людямъ, заслуживающимъ помощи, во всѣхъ ихъ нуждахъ и раздавать хлѣбъ неимущимъ. Но родственникамъ ничто не можетъ быть подарено безъ разрѣшенія представителей. Гнѣвъ они проявляютъ только тамъ, гдѣ справедливость этого требуетъ, сдерживая, однако, всякіе порывы его. Они сохраняютъ вѣрность и стараются распространять миръ. Всякое произнесенное ими слово имѣетъ больше вѣса, чѣмъ клятва, которая ими вовсе не употребляется, такъ какъ само произнесеніе ея они порицаютъ больше, чѣмъ ея нарушеніе. Они считаютъ потеряннымъ человѣкомъ того, которому вѣрятъ только тогда, когда онъ призываетъ имя Бога. Преимущественно они посвящаютъ себя изученію древней письменности, изучая, главнымъ образомъ, то, что цѣлебно для тѣла и души; по тѣмъ же источникамъ они знакомятся съ кореньями, годными для исцѣленія недуговъ, и изучаютъ свойства минераловъ [1].

[1] Ессеи занимались врачеваніемъ, для чего они, кромѣ цѣлебныхъ травъ, пускали въ ходъ также нашептыванія и заклинанія. Неизвѣстно, о какихъ со-

7) Желающій присоединиться къ этой сектѣ не такъ скоро получаетъ доступъ туда: онъ долженъ, прежде чѣмъ быть принятымъ, подвергать себя въ теченіе цѣлаго года тому-же образу жизни, какъ и члены ея, и получаетъ предварительно маленькій топорикъ [1], упомянутый выше передникъ и бѣлое облаченіе. Если онъ въ этотъ годъ выдерживаетъ испытаніе воздержности, то онъ допускается ближе къ общинѣ: онъ уже участвуетъ въ очищающемъ водоосвященіи, но еще не допускается къ общимъ трапезамъ. Послѣ того, какъ онъ выказалъ также и силу самообладанія, испытывается еще въ два дальнѣйшихъ года его характеръ. И лишь тогда, когда онъ и въ этомъ отношеніи оказывается достойнымъ, его принимаютъ въ братство. Однако, прежде чѣмъ онъ начинаетъ участвовать въ общихъ трапезахъ, онъ даетъ своимъ собратьямъ страшную клятву въ томъ, что онъ будетъ почитать Бога, исполнять свои обязанности по отношенію къ людямъ, никому, ни по собственному побужденію, ни по приказанію — не причинитъ зла, ненавидѣть всегда несправедливыхъ и защищать правыхъ; затѣмъ, что онъ долженъ хранить вѣрность къ каждому человѣку, и въ особенности къ правительству, такъ какъ всякая власть исходитъ отъ Бога. Дальше онъ долженъ клясться, что если онъ самъ будетъ пользоваться властью, то никогда не будетъ превышать ее, не будетъ стремиться затмѣвать своихъ подчиненныхъ ни одеждой, ни блескомъ украшеній. Дальше, онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность говорить всегда правду и разоблачать лжецовъ, содержать въ чистотѣ руки отъ воровства и совѣсть отъ нечестной наживы, ничего не скрывать предъ сочленами; другимъ-же, напротивъ, ничего не открывать, если даже пришлось бы умереть за это подъ пыткой. Наконецъ, догматы братства никому не представлять въ другомъ видѣ, чѣмъ онъ ихъ самъ изучилъ, удержаться отъ разбоя и одинаково хранить и чтить книги секты и имена ангеловъ. Такими клятвами они обезпечиваютъ себя со стороны новопоступающаго члена.

8) Кто уличается въ тяжкихъ грѣхахъ, того исключаютъ изъ ордена; но исключенный часто погибаетъ самымъ несчастнымъ образомъ. Связанный

чиненіяхъ здѣсь идетъ рѣчь, но очевидно, что не о книгахъ Священнаго Писанія. Впрочемъ, далѣе сообщается, что ессеи имѣли *свои* книги, которыя всякій членъ долженъ былъ хранить какъ святыню. Литература ессейская несомнѣнно существовала, но мы о ней почти ничего не знаемъ. Нѣкоторыя апокалиптическія сочиненія, дошедшія до насъ, по мнѣнію ученыхъ, ессейскаго происхожденія, но это вопросъ еще спорный.

[1] Назначеніе этого орудія поясняется ниже.

присягой и привычкой, такой человѣкъ не можетъ принять пищу отъ несобрата—онъ вынужденъ, поэтому, питаться одной зеленью, истощается, такимъ образомъ, и умираетъ отъ голода. Вслѣдствіе этого они часто принимали обратно такихъ, которые лежали уже при послѣднемъ издыханіи, считая мученія, доводившія провинившагося близко къ смерти, достаточной карой за его прегрѣшенія.

9) Очень добросовѣстно и справедливо они совершаютъ правосудіе. Для судебнаго засѣданія требуется по меньшей мѣрѣ сто членовъ. Приговоръ ихъ неотмѣнимъ. Послѣ Бога они больше всего благоговѣютъ предъ именемъ законодателя: кто хулитъ его, тотъ наказывается смертью. Повиноваться старшинству и большинству они считаютъ за долгъ и обязанность, такъ что если десять сидятъ вмѣстѣ, то никто не позволитъ себѣ возражать противъ мнѣнія девяти. Они остерегаются плевать предъ лицомъ другого или въ правую сторону. Строже, нежели всѣ другіе іудеи, они избѣгаютъ дотронуться къ какой-либо работѣ въ субботу. Они не только заготовляютъ пищу съ кануна для того, чтобы не зажигать огнями въ субботу, но не осмѣливаются даже трогать посуду съ мѣста и даже не отправляютъ естественныхъ нуждъ. Въ другіе же дни они киркообразнымъ топоромъ, который выдается каждому новопоступающему, выкапываютъ яму глубиной въ футъ, окружаютъ ее своимъ плащемъ, чтобы не оскорбить лучей божьихъ, испражняются туда и вырытой землей засыпаютъ опять отверстіе; къ тому еще они отыскиваютъ для этого процесса отдаленнѣйшія мѣста [1]. И хотя выдѣленіе тѣлесныхъ нечистотъ составляетъ нѣчто весьма естественное, тѣмъ не менѣе они имѣютъ обыкновеніе купаться послѣ этого, какъ будто они осквернились.

10) По времени вступленія въ братство, они дѣлятся на четыре класса; при чемъ младшіе члены такъ далеко отстоятъ отъ старшихъ, что послѣдніе, при прикосновеніи къ нимъ первыхъ, умываютъ свое тѣло, точно ихъ осквернилъ чужеземецъ. Они живутъ очень долго. Многіе переживаютъ столѣтній возрастъ. Причина, какъ мнѣ кажется, заключается въ простотѣ ихъ образа жизни и въ порядкѣ, который они во всемъ соблюдаютъ. Удары судьбы не производятъ на нихъ никакого дѣйствія, такъ какъ всякія мученія они побѣждаютъ силой духа, а смерть, если

[1] Этимъ страннымъ обычаемъ, имѣющимъ свое основаніе во Второзаконіи 28, 12, 13, по справедливому замѣчанію Скалигера, объясняется воздержаніе ессеевъ отъ испражненія въ субботу, такъ какъ имъ приходилось бы тогда копать, что считается запрещенной въ субботу работой.

только она сопровождается славой, они предпочитаютъ безсмертію. Война съ римлянами представила ихъ образъ мыслей въ надлежащемъ свѣтѣ. Ихъ завинчивали и растягивали, члены у нихъ были спалены и раздроблены; надъ ними пробовали всѣ орудія пытки, чтобы заставить ихъ хулить законадателя или отвѣдать запретную пищу, но ихъ ничѣмъ нельзя было склонить ни къ тому, ни къ другому. Они стойко выдерживали мученія, не издавая ни единаго звука и не роняя ни единой слезы. Улыбаясь подъ пытками, посмѣиваясь надъ тѣми, которые ихъ пытали, они весело отдавали свои души въ полной увѣренности, что снова ихъ получатъ въ будущемъ.

11) Они именно твердо вѣруютъ, что, хотя тѣло тлѣнно и матерія невѣчна, душа-же всегда остается безсмертной; что, происходя изъ тончайшаго эфира и вовлеченная какой-то природной плѣнительной силой въ тѣло, душа находится въ немъ какъ бы въ заключеніи; но какъ только тѣлесныя узы спадаютъ, она, какъ освобожденная отъ долгаго рабства, весело уносится въ вышину. Подобно эллинамъ они учатъ, что добродѣтельнымъ назначена жизнь по ту сторону океана—въ мѣстности, гдѣ нѣтъ ни дождя, ни снѣга, ни зноя, а вѣчный, тихо-приносящійся съ океана нѣжный и пріятный зефиръ. Злымъ-же, напротивъ того, они отводятъ мрачную и холодную пещеру, полную безпрестанныхъ мукъ. Эта самая мысль, какъ мнѣ кажется, высказывается также эллинами, которые своимъ богатырямъ, называемымъ ими героями и полубогами, предоставляютъ острова блаженныхъ, а душамъ злыхъ людей—мѣсто въ преисподней, жилищѣ людей безбожныхъ, гдѣ преданіе знаетъ даже по имени нѣкоторыхъ такихъ наказанныхъ, какъ Сизифа и Тантала, Иксіона и Титія. Безсмертіе души, прежде всего, само по себѣ составляетъ у ессевъ весьма важное ученіе, а затѣмъ они считаютъ его средствомъ для поощренія къ добродѣтели и предостереженія отъ порока. Они думаютъ, что добрые, въ надеждѣ на славную посмертную жизнь, сдѣлаются еще лучшими; злые-же будутъ стараться обуздать себя изъ страха предъ тѣмъ, что если даже ихъ грѣхи останутся скрытыми при жизни, то, по уходѣ въ другой міръ, они должны будутъ терпѣть вѣчныя муки. Этимъ своимъ ученіемъ о душѣ, ессеи неотразимымъ образомъ привлекаютъ къ себѣ всѣхъ, которые только разъ вкусили ихъ мудрость.

12) Встрѣчаются между ними и такіе, которые послѣ долгаго упражненія въ священныхъ книгахъ, разныхъ обрядахъ очищенія и изреченіяхъ пророковъ, утверждаютъ, что умѣютъ предвѣщать будущее. И, дѣйствительно, рѣдко до сихъ поръ случалось, чтобы они ошибались въ своихъ предсказаніяхъ.

13) Существуетъ еще другая вѣтвь ессеевъ, которые въ своемъ образѣ жизни, правахъ и обычаяхъ совершенно сходны съ остальными, но отличаются своими взглядами на бракъ. Они полагаютъ, что тѣ, которые не вступаютъ въ супружество, упускаютъ важную часть человѣческаго назначенія—насажденіе потомства; да и все человѣчество вымерло-бы въ самое короткое время, если-бы всѣ такъ поступали. Они-же испытываютъ своихъ невѣстъ въ теченіе трехъ лѣтъ и, если послѣ трехкратнаго очищенія убѣждаются въ ихъ плодородности, они женятся на нихъ. Въ періодѣ беременности ихъ женъ они воздерживаются отъ супружескихъ сношеній, чтобы доказать, что они женились не изъ похотливости, а только съ цѣлью достиженія потомства. Жены ихъ купаются въ рубахахъ, а мужчины въ передникахъ. Таковы нравы этой секты [1].

---

[1] Сообщенныя Іосифомъ Флавіемъ въ этой главѣ свѣдѣнія объ ессеяхъ этомъ замѣчательномъ и своеобразномъ еврейскомъ орденѣ, игравшемъ немаловажную роль въ исторіи, дополняются извѣстіями о нихъ того же автора (І. Д. XIII, 5, 9; XV, 10, 4—5; XVIII, 1, 5), затѣмъ Филона (Quod omnis probus liber, 12—13, и отрывкомъ, сохранившимся у Евсевія, (Praeparatio evangelica, VIII; II) и, наконецъ, Плинія (Hist. Nat. V, 17). Но не смотря на это сравнительное богатство матеріала и многочисленныя изслѣдованія, посвященныя европейскими учеными этому предмету, вопросъ о происхожденіи ессеевъ все еще остается не вполнѣ разъясненнымъ. Даже этимологія и значеніе имени ессеевъ еще не окончательно установлены. Нѣтъ сомнѣнія, что ессеизмъ получилъ свое начало въ Палестинѣ и выросъ на почвѣ іудаизма. Основныя части его ученія имѣютъ свои корни въ самомъ еврействѣ, и можно, поэтому, съ большой вѣроятностью допустить, что ессейскій орденъ образовался изъ среды тѣхъ „хассидеевъ", которые во время борьбы противъ эллинизма проявили такую замѣчательную энергію и такое рѣдкое самоотверженіе въ дѣлѣ защиты вѣры отцовъ. Нельзя, однако, не замѣтить въ ессеизмѣ и нѣкоторыхъ постороннихъ элементовъ, чуждыхъ еврейству и привившихся ему какъ будто извнѣ. Въ особенности поражаетъ обычай ихъ обращаться утромъ съ молитвой къ солнцу. Отверженіе брака и весь аскетическій характеръ ордена также не совсѣмъ согласуются съ воззрѣніями чистаго іудаизма. Не безъ основанія, поэтому, полагали, что ессеизмъ не чуждъ и нѣкоторому внѣшнему вліянію. Самъ Іосифъ Флавій, какъ мы видѣли, проводитъ параллель между ученіемъ ессеевъ о безсмертіи души и воззрѣніями грековъ на этотъ предметъ; въ другомъ же мѣстѣ (І. Д. XV, 10, 4) онъ прямо сопоставляетъ ессеизмъ съ пиѳагореизмомъ. Въ дѣйствительности нельзя не замѣтить много сходнаго между обоими этими ученіями. На это въ особенности обратилъ вниманіе извѣстный знатокъ грече-

14) Изъ двухъ первенствующихъ сектъ *фарисеи* слывутъ точнѣйшими толкователями закона и считаются основателями первой секты. Они ставятъ все въ зависимость отъ Бога и судьбы и учатъ, что хотя человѣку представлена свобода выбора между честными и безчестными поступками, но что и въ этомъ участвуетъ предопредѣленіе судьбы. Души, по ихъ мнѣнію, всѣ безсмертны; но только души добрыхъ переселяются по ихъ смерти въ другія тѣла, а души злыхъ обречены на вѣчныя муки [1].

ской философіи, Эдуардъ Целлеръ (Die Philosophie der Griechen, Theil III, Abth. 2, стр. 277—338 третьяго изданія, и Ueber den Zusammenhang des Essäismus mit dem Griechenthume въ Theolog. Jahrbücher 1856, стр. 401—433). Но Целлеръ заходитъ слишкомъ далеко, если онъ почти весь ессеизмъ хочетъ вывести изъ пиѳагореизма. Можно согласиться, что ессеи кое-что восприняли изъ пиѳагореизма, но нѣтъ сомнѣнія, что въ основныхъ своихъ чертахъ ученіе ихъ опирается на еврейство.

[1] Іосифъ Флавій, который, по собственному свидѣтельству (Жизнь, 2) послѣ тщательнаго и всесторонняго ознакомленія съ ученіями всѣхъ трехъ такъ называемыхъ имъ іудейскихъ сектъ, примкнулъ къ фарисеямъ, относится къ послѣднимъ, гдѣ онъ о нихъ говоритъ, съ величайшимъ уваженіемъ, подчеркивая въ особенности ихъ высоко-нравственную жизнь и благотворное вліяніе, которое они имѣли на народъ. Такъ, онъ въ I. Д. (XVIII, 1, 2) даетъ о нихъ слѣдующій отзывъ: „Они живутъ строго и отказываютъ себѣ въ мірскихъ удовольствіяхъ; все то, что по здравому смыслу кажется логичнымъ, они дѣлаютъ. Вообще фарисеи считаютъ своимъ священнымъ долгомъ слѣдовать велѣніямъ разума. Они почитаютъ старшихъ и не позволяютъ себѣ противорѣчить ихъ постановленіямъ... Они пользуются такимъ вліяніемъ на народъ, что всѣ богослужебныя обязанности, жертвоприношеніе и молитвенный культъ совершаются по ихъ начертаніямъ. Такое безграничное и безусловное повиновеніе оказываютъ имъ общины потому, что всѣ убѣждены, что фарисеи и словомъ и дѣломъ ищутъ лучшаго для народа".

Въ другомъ мѣстѣ (Жизнь, 2), онъ ихъ сравниваетъ съ греческими стоиками. Все, что намъ извѣстно о фарисеяхъ, составлявшихъ ядро и лучшую часть народа, вполнѣ подтверждаетъ отзывъ о нихъ Іосифа Флавія, имѣющій для насъ тѣмъ большее значеніе, что нашъ историкъ, игравшій немаловажную роль въ войнѣ іудеевъ противъ римлянъ и перешедшій, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ на сторону непріятеля, испытывалъ не мало преслѣдованій со стороны фарисеевъ, которые, не безъ основанія, считали его измѣнникомъ. Но личная злоба, которая у него иной разъ невольно прорывается противъ отдѣльныхъ личностей, не могла подавить въ немъ чувство справедливости по отношенію къ тѣмъ, которые такъ хорошо понимали духъ народа и іудаизма и съ такимъ самоотверженіемъ охраняли его интересы.

Фарисеи פרושים были прямые послѣдователи книжниковъ (соферимъ). Они продолжали толкованіе моисеевыхъ законовъ, примѣняя ихъ къ условіямъ со-

Саддукеи—вторая секта—совершенно отрицаютъ судьбу и утверждаютъ, что Богъ не имѣетъ никакого вліянія на человѣческія дѣянія, ни на злыя, ни на добрыя. Выборъ между добромъ и зломъ предоставленъ вполнѣ свободной волѣ человѣка, и каждый по своему собственному усмотрѣнію переходитъ на ту или другую сторону. Точно также они отрицаютъ безсмертіе души и всякое загробное воздаяніе. Фарисеи сильно преданы другъ другу и, дѣйствуя соединенными силами, стремятся къ общему благу. Отношенія-же саддуккеевъ между собою суровѣе и грубѣе; и даже со своими единомышленниками они обращаются какъ съ чужими. Этимъ я закончу описаніе іудейскихъ философскихъ школъ [1].

временной имъ жизни; они устраивали всевозможнаго рода школы, начиная отъ низшихъ и кончая высшими; они учили и толковали Тору всенародно въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ, распространяя чрезъ нихъ свѣточь знанія въ народѣ; они вмѣстѣ съ тѣмъ были народными судьями. Строгая нравственность, скромность, благочестіе, умѣренность въ земныхъ наслажденіяхъ, привѣтливое обращеніе, милостивое отправленіе правосудія, а главное преклоненіе предъ закономъ и принципами свободы и справедливости составляли отличительныя черты ихъ характера. Не даромъ весь народъ льнулъ къ фарисеямъ, съ любовью подчинялся ихъ узаконеніямъ и всегда вооружался на борьбу съ ихъ врагами. Инстинктивно или сознательно народъ видѣлъ въ фарисеяхъ залогъ своего бытія, оплотъ и защиту противъ всякой незаконной власти или злоупотребленія властью надъ нимъ. И народъ никогда не ошибался въ своихъ упованіяхъ. Сохраненіе іудаизма была главная руководящая цѣль этихъ народныхъ учителей и законовѣдовъ. Этой цѣли были посвящены всѣ чувства и помыслы каждаго истаго фарисея: ей онъ служилъ въ синагогѣ, проповѣдуя народу слово Божіе, въ школѣ, гдѣ онъ въ строго національномъ духѣ воспитывалъ юношество, и, наконецъ, въ синедріонѣ, гдѣ въ основу каждаго вновь выработаннаго закона легла мысль объ охраненіи іудаизма во всей его самобытности и неприкосновенности. Послѣ этой главной цѣли ближайшей задачей фарисеевъ, которую они преслѣдовали съ неменьшею настойчивостью, было охраненіе правъ народа отъ произвола его князей и царей. Если фарисеи терпѣли частыя гоненія, такъ только потому, что они не шли ни на какіе компромиссы съ высшей правительственной властью, а со всею смѣлостью и неподкупностью истыхъ народныхъ представителей останавливали всякое посягательство верховныхъ правителей на превышеніе своей власти и ограниченіе народныхъ правъ. И если народъ проливалъ свою кровь за фарисеевъ, такъ онъ боролся тогда за свои собственныя права и въ такихъ случаяхъ платилъ только дань благодарности фарисеямъ; ибо послѣдніе всегда были первые, которые жертвовали своей жизнью и охотно шли на казнь за интересы народа, въ защиту котораго они выступали всегда, пренебрегая явной опасностью.

[1] Въ противоположность фарисеямъ, саддукеи צדוקים составляли аристокра-

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

(I. Д. XVIII, 2—8).

Смерть Саломіи.—Города, построенные Иродомъ и Филиппомъ.—Народныя волненія при Пилатѣ.—Агриппа, заключенный Тиверіемъ въ оковы, освобождается Каемъ и возводится имъ въ цари.—Иродъ-Антипа изгнанъ.

1) Этнархія Архелая была такимъ образомъ превращена въ провинцію (8, 1). Другіе же, Филиппъ и Иродъ съ прозвищемъ Антипы, правили

тическую партію, образовавшуюся преимущественно изъ священническаго сословія и, несомнѣнно, изъ умѣренныхъ эллинистовъ. Владѣя большими богатствами, стремясь къ власти и къ внѣшнему вліянію, они тяготились строгимъ ученіемъ фарисеевъ, прилагавшихъ одинъ масштабъ ко всѣмъ сословіямъ, радѣвшихъ о чистотѣ и простотѣ нравовъ всего народа, безъ различія ранга и класса, допускавшихъ роскошь и блескъ въ храмѣ и общественныхъ зданіяхъ, но отнюдь не въ частной жизни. Главнѣйшій признакъ, отличавшій саддукеевъ, заключался въ томъ, что они признавали обязательнымъ одинъ Моисеевъ законъ, отвергая все выработавшееся въ теченіе многихъ вѣковъ традиціонное толкованіе и дальнѣйшее развитіе писаннаго закона. Такое ученіе, конечно, могло-бы казаться болѣе удобнымъ для практической жизни, освобождая народъ отъ многихъ новыхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него позднѣйшимъ расширеніемъ первоначальнаго закона. Но народъ не пожелалъ воспользоваться этимъ облегченіемъ; онъ слишкомъ много преслѣдованій вынесъ за свой законъ отъ сирійскихъ тирановъ, чтобы добровольно отречься отъ него; народъ не справлялся о происхожденіи устныхъ законовъ, ему было достаточно знать, что они исполнялись его предками въ теченіе вѣковъ; и еще болѣе дороги стали ему эти устные законы съ тѣхъ поръ, какъ онъ освятилъ ихъ своей собственной кровью въ войнахъ съ Селевкидами. Фарисеи лучше саддукеевъ понимали духъ народа, если они не дѣлали ему никакихъ послабленій, а напротивъ поддерживали въ немъ религіозное рвеніе. Съ другой стороны свободомысленное на поверхностный взглядъ ученіе саддукеевъ оказалось на практикѣ несносной рутиной въ сравненіи съ прогрессивнымъ и истинно разумнымъ направленіемъ фарисеевъ. Такъ, напримѣръ, саддукеи, придерживаясь *буквы* Св. Писанія, проповѣдывали „зубъ за зубъ и око за око“ въ буквальномъ смыслѣ; между тѣмъ фарисеи, дорожившіе главнымъ образомъ *духомъ* Моисеева законодательства и допускавшіе самое широкое толкованіе его, лишь бы не была нарушена внутренняя связь между этимъ первобытнымъ кодексомъ установленій и безпрерывно измѣняющимися условіями жизни, наказывали членовредительство соразмѣрнымъ денежнымъ штрафомъ. Такимъ образомъ саддукеи въ противоположность фарисеямъ прослыли жестокосердными судьями. Все это въ связи съ ихъ аристократическимъ высокомѣріемъ оттолкнуло народъ отъ этой оппозиціонной партіи. Если она временами господствовала въ Іудеѣ,

еще въ своихъ тетрархіяхъ (6, 3). Саломія между тѣмъ умерла и завѣщала женѣ Августа, Юліи, свое княжество вмѣстѣ съ Іамніей и пальмовыми плантаціями близъ Фазаелиды. И послѣ смерти Августа (57 до разр. хр.), стоявшаго во главѣ имперіи 57 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 2 дня [1], когда верховная власть перешла къ Тиверію, сыну Юліи [2],—Иродъ и Филиппъ все еще сохраняли за собою свои тетрархіи. Послѣдній построилъ въ Панеѣ, у источниковъ Іордана, Кесарею (I, 21, 3) и въ нижней Гавланитидѣ—городъ Юліаду; Иродъ построилъ въ Галилеѣ городъ Тиверіаду [3] и въ Переѣ—другой городъ, названный по имени Юліи.

2) Въ Іудею Тиверій послалъ, въ качествѣ прокуратора, Пилата [4]. По-

такъ только путемъ насилія и при воцареніи въ странѣ единодержавной власти, съ которой она шла рука-объ-руку.

[1] Считая въ томъ числѣ 14 лѣтъ совмѣстнаго правленія съ Маркомъ Антоніемъ.

[2] Отъ перваго ея мужа, Тиверія.

[3] У Генисаретскаго или Галилейскаго озера, названнаго также Тиверіадскимъ по имени новооснованнаго города Тиверіады. Городъ этотъ въ особенности славился находящимися близъ него еще нынѣ существующими цѣлебными источниками, о которыхъ упоминается въ I. Д. (XVIII, 2, 3) и неоднократно въ Талмудѣ (חמי טבריא). Онъ игралъ немаловажную роль во время войны противъ римлянъ и извѣстенъ какъ послѣднее мѣстопребываніе синедріона; въ немъ же впослѣдствіи образовалась знаменитая массоретская школа. (См. A. Neubauer, La géographie du Talmoud, стр. 208 сл.).

[4] До Пилата въ Іудеѣ было четыре прокуратора: первые три (Копоній, Амбивій и Анній Руфъ) быстро смѣняли другъ друга въ короткій промежутокъ времени (9 лѣтъ). Императоръ Тиверій, при всей своей свирѣпости къ самимъ римлянамъ, взиралъ на провинціи болѣе милостивымъ окомъ, чѣмъ Августъ. „Разумный пастухъ,—внушалъ онъ своимъ намѣстникамъ,—стрижетъ своихъ овецъ, но не деретъ съ нихъ кожи“. По свидѣтельству Тацита, „Тиверій заботился о томъ, чтобы провинціи не подвергались новымъ налогамъ и чтобъ тяжесть прежнихъ поборовъ не была увеличена жадностью и жестокостью чиновниковъ; съ этой цѣлью онъ власть надъ провинціями подолгу оставлялъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ“. Іосифъ точно такимъ же образомъ характеризуетъ отношенія Тиверія къ провинціямъ. Тиверій, по I. Д., разсуждалъ такъ: „всякая должность даетъ толчокъ къ злоупотребленіямъ, а потому, если человѣкъ получаетъ ее на короткое время, не зная, когда онъ будетъ устраненъ, онъ тѣмъ безпощаднѣе грабитъ своихъ подчиненныхъ; но разъ должностное лицо будетъ знать, что оно назначено на продолжительное время, оно будетъ дѣйствовать умѣреннѣе и, пожалуй, перестанетъ угнетать народъ, какъ только соберетъ достаточно богатствъ“. Въ подтвержденіе этой мысли онъ приводилъ примѣръ больного, который просилъ не разгонять мухъ съ его язвы, такъ какъ

слѣдній приказалъ однажды привести въ Іерусалимъ ночью изображенія императора, называемыя римлянами signa [1]. Когда наступило утро, іудеи пришли въ страшное волненіе; находившіеся вблизи этого зрѣлища пришли въ ужасъ, усматривая въ немъ нарушеніе закона (такъ какъ іудеямъ воспрещена постановка изображеній въ городѣ); ожесточеніе городскихъ жителей привлекло въ Іерусалимъ многочисленныя толпы сельскихъ обывателей. Всѣ двинулись въ путь по направленію къ Кесареѣ къ Пилату, чтобы просить его объ удаленіи изображеній изъ Іерусалима и объ оставленіи неприкосновенной вѣры ихъ отцовъ. Получивъ отъ него отказъ, они бросились на землю и оставались въ этомъ положеніи пять дней и столько же ночей, не трогаясь съ мѣста.

3) На шестой день Пилатъ сѣлъ на судейское кресло въ большомъ ристалищѣ и приказалъ призвать къ себѣ народъ для того будто, чтобы объявить ему свое рѣшеніе; предварительно же онъ отдалъ приказаніе солдатамъ: по данному сигналу окружить іудеевъ съ оружіемъ въ рукахъ. Увидя себя внезапно замкнутыми тройной линіей вооруженныхъ солдатъ, іудеи остолбенѣли при видѣ этого неожиданнаго зрѣлища. Но когда Пилатъ объявилъ, что онъ прикажетъ изрубить ихъ всѣхъ, если они не примутъ императорскихъ изображеній, и тутъ же далъ знакъ солдатамъ обнажить мечи, тогда іудеи, какъ будто по уговору, упали всѣ на землю, вытянули

насытившіяся уже насѣкомыя не могутъ причинить ему такую боль, какъ другія—голодныя, которыя съ еще большей прожорливостью присосутся къ обнаженной ранѣ (XVIII, 6, 5). Слѣдуя этой системѣ, Тиверій и въ Іудею за все время своего царствованія (22 года) посылалъ только двухъ намѣстниковъ. Первымъ изъ нихъ былъ Валерій Гратъ, который смѣнилъ послѣдняго намѣстника Августа, Аннія Руфа, и оставался въ Іудеѣ 11 лѣтъ. Іосифъ не отмѣчаетъ ни одного волненія іудеевъ подъ его правленіемъ; но изъ этого едва-ли можно заключить (какъ это дѣлаетъ Сальвадоръ), что онъ правилъ мягко и разумно. Достаточно знать, что Гратъ за свое одиннадцатилѣтнее пребываніе въ Іудеѣ смѣнилъ четырехъ первосвященниковъ. Нелюбимый народомъ Іоазаръ былъ отстраненъ еще Квириніемъ, который назначилъ на его мѣсто Анана. При Гратѣ же послѣдовалъ слѣдующій рядъ первосвященниковъ: вмѣсто Анана—Измаилъ, сынъ Фаби, за нимъ Элеазаръ, сынъ прежняго первосвященника Анана, спустя годъ—Камиѳъ, сынъ Симона, а послѣ опять черезъ годъ — Іосифъ, называвшійся также и Каифой.

[1] Signum называлось знамя когорты, состоявшее изъ шеста, украшеннаго сверху фигурой какого-нибудь животнаго (со времени Марія большею частью орла), подъ которой на шестѣ было прикрѣплено нѣсколько круглыхъ металлическихъ дощечекъ съ изображеніями императоровъ и полководцевъ.

свои шеи и громко воскликнули: скорѣе они дадутъ убить себя, чѣмъ переступятъ законъ. Пораженный этимъ религіознымъ подвигомъ, Пилатъ отдалъ приказаніе немедленно удалить статуи изъ Іерусалима.

4) Впослѣдствіи онъ возбудилъ новыя волненія тѣмъ, что употребилъ священный кладъ, называющійся Корбаномъ, на устройство водопровода, по которому вода доставлялась изъ отдаленія четырехъ сотъ стадій [1]. Народъ былъ сильно возмущенъ и, когда Пилатъ прибылъ въ Іерусалимъ, онъ съ воплями окружилъ его судейское кресло. Но Пилатъ, увѣдомленный заранѣе о готовившемся народномъ стеченіи, вооружилъ своихъ солдатъ, переодѣлъ ихъ въ штатское платье и приказалъ имъ, смѣшавшись въ толпѣ, бить крикуновъ кнутами, не пуская, впрочемъ, въ ходъ оружія. По сигналу, данному имъ съ трибуны, они приступили къ экзекуціи. Много іудеевъ пало мертвыми подъ ударами, а многіе были растоптаны въ смятеніи своими же соотечественниками. Паника, наведенная участью убитыхъ, заставила народъ усмириться [2].

5) Въ это время Агриппа (I, 28, 1), сынъ Аристовула, убитаго сво-

[1] I. Д. (XVIII, 3, 2) длина водопровода опредѣляется въ 200 стадій. Развалины этого водопровода сохранились еще по настоящее время. См. Schick, въ Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereines I., 1878, стр. 132 слѣд.

[2] Такія кровопролитія, судя по другимъ древнимъ источникамъ, Пилатъ производилъ не одинъ только разъ. Онъ былъ первый изъ прокураторовъ, который началъ посягать на неприкосновенность еврейской религіи. Знаменитый александрійскій еврей Филонъ, жившій въ одно время съ Пилатомъ, даетъ слѣдующую характеристику его личности (Legatio ad Cajum, § 38): „Однажды іудеи стали увѣщевать его добрыми словами, но свирѣпый и упрямый Пилатъ не обратилъ на это никакого вниманія; тогда тѣ воскликнули: „перестань дразнить народъ, не возбуждай его къ возстанію! Воля Тиверія клонится къ тому, чтобъ наши законы пользовались уваженіемъ. Если же ты, быть можетъ, имѣешь другой эдиктъ или новую инструкцію, то покажи ихъ намъ, и мы немедленно отправимъ депутацію въ Римъ“. Эти слова только больше раздразнили его, ибо онъ боялся, что посольство раскроетъ въ Римѣ всѣ его преступленія, его продажность и хищничество, разореніе цѣлыхъ фамилій, всѣ низости, затѣйщикомъ которыхъ онъ былъ, казнь множества людей, неподвергнутыхъ даже никакому суду, и другіе ужасы, превосходившіе всякіе предѣлы“. Послѣднимъ актомъ насилія Пилата было избіеніе многихъ вліятельныхъ самарянъ. Депутація самарянъ жаловалась на него тогдашнему сирійскому намѣстнику Вителлію, который назначилъ правителемъ Іудеи одного изъ своихъ друзей, Марцелла, а Пилату приказалъ ѣхать въ Римъ оправдаться предъ императоромъ. Такимъ образомъ, Пилатъ послѣ десятилѣтняго правленія долженъ былъ съ позоромъ покинуть Іудею (I. Д. XVIII, 4, 2).

имъ отцомъ Иродомъ, отправился къ Тиверію, чтобы обжаловать предъ нимъ тетрарха Ирода. Когда тотъ отклонилъ его жалобу, Агриппа все-таки остался въ Римѣ и старался снискать себѣ милость римской знати, въ особенности же сына Германика, Гая, бывшаго тогда еще частнымъ лицомъ. Разъ на обѣдѣ, данномъ имъ въ его честь, онъ, наговоривъ ему много учтивостей, въ заключеніе вознесъ руки вверхъ съ молитвой о томъ, чтобъ Богъ сподобилъ его вскорѣ послѣ смерти Тиверія поздравить Гая, какъ властелина міра. Одинъ изъ его слугъ донесъ объ этомъ Тиверію; императоръ тогда такъ разсердился, что приказалъ заключить Агриппу въ оковы и заставилъ его шесть мѣсяцевъ томиться въ заточеніи и терпѣть жестокое обращеніе, пока онъ самъ, процарствовавъ 22 года 6 мѣсяцевъ и 3 дня, не умеръ (34 до раз. хр.) [1].

6) Едва Гай сдѣлался императоромъ, какъ онъ освободилъ Агриппу изъ тюрьмы и назначилъ его царемъ [2] надъ тетрархіей Филиппа, который тѣмъ временемъ умеръ (34 до раз. хр.) [1]. Зависть къ царству Агриппы возбудила желаніе въ тетрархѣ Иродѣ сдѣлаться также царемъ. Главнымъ образомъ побуждала его стремиться къ этому жена его Иродіада [2], которая упрекала его въ бездѣятельности и говорила, что свиданіе съ императоромъ могло бы послужить ему удобнымъ случаемъ для расширенія его владѣній; уже если императоръ Агриппу изъ простого подданнаго сдѣлалъ царемъ, то онъ бы его, тетрарха, навѣрное возвелъ въ это достоинство. Иродъ далъ себя уговорить и прибылъ къ императору, но за свою ненасытность былъ наказанъ ссылкой въ Испанію (31 до раз. хр.). Агриппа, послѣдовавшій по его стопамъ въ Римъ, получилъ теперь отъ Гая и тетрархію Ирода (30 до раз. хр.) [3]. Жена послѣдняго пошла за нимъ въ изгнаніе, въ которомъ онъ и умеръ.

[1] Во первую половину царствованія Тиверія, когда государственными дѣлами фактически управлялъ могущественный временщикъ, хитрый и безсердечный Сеянъ, который держалъ въ трепетѣ весь Римъ и самого императора, противъ римской еврейской общины воздвигнуто было гоненіе. Поводомъ къ этому послужилъ, по свидѣтельству Іосифа Флавія, слѣдующій случай. Фульвія, жена одного вліятельнаго сенатора Сатурнина, перешедшая въ еврейство, довѣрилась какимъ-то тремъ обманщикамъ-евреямъ и вручила имъ богатые дары для доставленія въ іерусалимскій храмъ; но тѣ присвоили подарки себѣ. Тиверій, узнавъ объ этомъ обманѣ, предложилъ сенату издать законъ объ изгнаніи всѣхъ евреевъ изъ Рима, если они къ опредѣленному сроку не отрѣшатся отъ іудейства. 4,000 іудейскихъ юношей были сосланы въ Сардинію и предназначены для веденія войны съ морскими разбойниками; но они предпочитали жестокія наказанія этой принудительной службѣ (І. Д. XVIII, 3, 4). Это было первое гоненіе, испытанное евреями въ Римѣ; оно вызвано было не столько описаннымъ случаемъ, о которомъ другіе источники, разсказывающіе объ этомъ преслѣдованіи, ничего не знаютъ, сколько опасеніемъ римскаго правительства противъ все больше распространявшагося среди римскаго общества еврейскаго культа. Чрезъ 12 лѣтъ изгнанники были вновь возвращены въ Римъ (Филонъ у Евсевія, Hist. eccl. II, 5, 7; Светоній, Vita Tiber. 36 и Тацитъ, Annal. II, 85).

[2] Іосифъ (І. Д. XVIII, 6) пространно описываетъ очень характерныя, дышащія полной современностью, похожденія Агриппы до восшествія его на престолъ. Это былъ авантюристъ, любившій въ молодости прожигать жизнь, промотавшій все свое состояніе въ товарищескихъ пирушкахъ и на пріобрѣтеніе себѣ вліятельныхъ друзей, лишившійся въ концѣ всякихъ средствъ къ существованію, погрязшій въ неоплатныхъ долгахъ, обращаясь за деньгами какъ къ знатнымъ особамъ, такъ и къ низкимъ ростовщикамъ, заставлявшій своихъ слугъ добывать ему деньги изъ какихъ бы то ни было источниковъ, вынужденный бѣжать отъ преслѣдованія кредиторовъ изъ одного города въ другой, въ минуту отчаянія покушавшійся даже на свою жизнь, перешедшій затѣмъ на хлѣба къ нелюбившимъ его родственникамъ, перебивавшійся милостями друзей, покинутый, наконецъ, всѣми друзьями за разныя продѣлки и тогда только, находясь уже на краю гибели, пробившій себѣ дорогу къ римскому двору, бросившійся здѣсь въ самый водоворотъ интригъ и вражды между Юліями и Клавдіями, пока онъ не навлекъ на себя гнѣва дружески расположеннаго къ нему Тиверія и пока, наконецъ, онъ по капризу судьбы изъ тюремнаго узника не былъ произведенъ въ цари, получивъ отъ преемника Тиверія, Калигулы, золотую цѣпь одного вѣса съ тѣми желѣзными цѣпями, которыя онъ влачилъ въ тюрьмѣ.

[1] Филиппъ умеръ бездѣтнымъ; смерть его послѣдовала на 20-мъ году царствованія Тиверія, который присоединилъ его тетрархію къ Сиріи. Въ такой зависимости Батанея, Трахонея и Awранъ находились около $2^1/_2$ лѣтъ, пока онѣ, по волѣ императора Гая Калигулы, не образовали опять отдѣльнаго царства.

[2] Дочь Аристовула, сестра Агриппы.

[3] Агриппа, въ дни своего скитанія нашедшій пріютъ и должность у Ирода, не постѣснялся теперь обвинять облагодѣтельствовавшаго его шурина и

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

(І. Д. XVIII, 8).

Гай хочетъ поставить въ храмѣ свою статую.—Отношеніе Петронія къ его приказу.

1) Императоръ Гай до того возгордился своимъ счастьемъ, что онъ самъ себя считалъ Богомъ и требовалъ, чтобы другіе также величали его

Богомъ. Точно такъ-же, какъ онъ у собственнаго своего отечества похищалъ лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, онъ простиралъ свои злодѣйства и на Іудею. Онъ послалъ (31 до раз. хр.) Петронія во главѣ войска въ Іерусалимъ для того, чтобы водворить въ храмѣ его статуи, и далъ ему инструкцію: въ случаѣ какого-либо сопротивленія со стороны іудеевъ самихъ противоборцевъ убить, а весь остальной народъ продать въ рабство. Но Богъ принялъ на себя заботу объ этихъ приказаніяхъ [1]. Петроній вы-

дядю въ заговорѣ противъ императора. Благодаря этому доносу, Иродъ-Антипа былъ сосланъ (не въ Испанію, а въ Лугдунумъ въ Галліи—нынѣшній Ліонъ, какъ показано въ І. Д. XVIII, 7, 2); Агриппа же пріобрѣлъ теперь половину бывшаго еврейскаго царства: Галилею, Перею, Батанею, Трахонею и Авранъ и владѣнія Лизанія.

[1] Имя Гая, прозваннаго Калигулой, заклеймлено вѣчнымъ позоромъ въ исторіи. Это не былъ деспотъ, совершающій свирѣпости въ порывѣ ярости, а демонъ, проникнутый насмѣшливымъ презрѣніемъ къ людямъ. Была какая-то дьявольская иронія въ томъ, какъ онъ ругался надъ законами, природой, стыдомъ и приличіемъ. За недолгое свое правленіе онъ выказалъ всѣ гнусные пороки и пошлости въ такомъ размѣрѣ, что для объясненія ихъ историки останавливаются на предположеніи о его помѣшательствѣ. Но его сумасбродство было методическое. Такъ называемый императорскій культъ, введенный въ Римъ еще Августомъ, онъ возвелъ на такую позорную высоту, на которой онъ нѣкогда находился у азіатскихъ народовъ, названныхъ цивилизованными римлянами варварами. Августъ первый наполнилъ римское государство своими статуями и храмами; но онъ ихъ ставилъ рядомъ съ статуями Рима и боговъ; божественныя почести оказывались ему больше изъ рабскаго преклоненія самихъ подданныхъ, чѣмъ по его собственному настоянію. Свирѣпый въ своемъ безграничномъ произволѣ Тиверій поддерживалъ этотъ „божественный культъ императоровъ“ только по отношенію къ памяти Августа. Сумасбродный же Калигула возвелъ себя въ божественный санъ при жизни и объявилъ себя даже выше всѣхъ боговъ: онъ сталъ являться народу то Геркулесомъ съ львиной шкурой на плечахъ и булавой, то Аполлономъ съ гитарой, то Нептуномъ съ трезубцемъ, то, наконецъ, Юпитеромъ съ молніеносными стрѣлами въ рукѣ! Статуи боговъ были обезглавлены и, обновленныя головой Калигулы, превратились въ изображенія богоимператора. Языческіе народы нельзя было конечно удивить этой новой выдумкой: они привыкли воздавать божественныя почести своимъ властелинамъ и поклоняться имъ, какъ сверхъестественнымъ существамъ; да и вообще въ языческомъ быту однимъ богомъ больше или меньше не могло имѣть особеннаго значенія. Для іудейства же вопросъ о признаніи императорскаго культа былъ вопросомъ всего его бытія—тутъ невозможны были никакіе компромиссы и уступки.

Но страшная гроза могла бы однако миновать іудеевъ, если бы ее не накликали александрійцы. Евреи въ Александріи никогда не пользовались дру-

ступилъ изъ Антіохіи противъ Іудеи съ тремя легіонами и многими сирійскими союзниками. Одна часть іудеевъ не придавала еще значенія слу-

желюбнымъ отношеніемъ греко-македонскаго и египетскаго населенія; помимо расовой розни и религіознаго антагонизма, здѣсь существовали еще и другія причины, постоянно углублявшія пропасть, лежавшую между обоими лагерями. Во всякой борьбѣ между престолонаслѣдниками, весьма часто потрясавшими египетское государство, а равно и во всѣхъ народныхъ возстаніяхъ противъ царской власти евреи всегда стояли на сторонѣ легальнаго правительства и силой оружія поддерживали законный порядокъ въ странѣ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ евреямъ, предводительствуемымъ своими собственными полководцами, приходилось бороться со всѣмъ остальнымъ населеніемъ, со всѣми остальными политическими фракціями въ Александріи. Отсюда то двойственное положеніе, въ которомъ евреи въ теченіе вѣковъ находились въ Египтѣ: съ одной стороны, они были ненавидимы своими соотечественниками-язычниками, а съ другой—покровительствуемы египетскими царями и осыпаны ихъ милостями. Ихъ гражданская равноправность зиждилась всегда на эдиктахъ царей, видѣвшихъ въ своихъ подданныхъ-евреяхъ единственную надежную опору престола и ввѣрявшихъ имъ поэтому самые отвѣтственные посты, какъ напримѣръ, охрану крѣпостей и Пелузія, составлявшаго ключъ въ Египетъ со стороны Азіи. Впослѣдствіи, когда царство Птоломаидовъ стало подпадать подъ вліяніе римлянъ, а затѣмъ превратилось въ римскую провинцію, римскіе Цезари — Юлій, Августъ и Тиверій—утверждали евреевъ въ одинаковыхъ ихъ правахъ съ греками. Но при сумасбродномъ Калигулѣ александрійцы нашли удобный моментъ отнять у евреевъ унаслѣдованныя ими вѣками гражданскія права. Это было сдѣлано собственной властью тогдашняго императорскаго намѣстника, Флакка, объявившаго александрійскихъ евреевъ пришельцами и безправными. Немедленно послѣ этого они были изгнаны со всѣхъ четырехъ частей города и стѣснены въ принадлежавшій имъ кварталъ, Дельту; оставленныя ими жилища и мастерскія были разграблены и разорены. Самая Дельта была оцѣплена чернью и солдатами, рѣшившимися заморить все еврейское населеніе голодомъ и зноемъ; если кто отваживался переступить черезъ осадную линію, то онъ былъ подвергаемъ мучительной казни. Этимъ, однако, не исчерпывались страданія евреевъ: ихъ не оставили въ покоѣ и въ тѣсномъ гетто, куда они были загнаны. То чернь, предводительствуемая разными юдофобами тогдашней александрійской школы, вторгалась въ синагоги и устанавливала здѣсь статуи императора; то Флаккъ, подъ предлогомъ отнятія оружія у евреевъ, снаряжалъ въ Дельту войско, которое при этихъ обыскахъ совершало рядъ возмутительныхъ насилій, не разбирая ни возраста, ни пола; то по приказанію того же Флакка были схвачены 38 наиболѣе вліятельныхъ членовъ верховнаго совѣта, закованы въ цѣпи, поволочены въ театръ и здѣсь на глазахъ ликовавшей александрійской толпы подвергнуты бичеванію. Эти ужасы продолжались нѣсколько мѣсяцевъ, пока Флаккъ—не за его звѣрскія насилія надъ евреями, а за другія преступле-

хамъ о войнѣ; другая же часть, которая вѣрила этимъ слухамъ, не знала, какъ обороняться, и находилась въ большомъ затрудненіи. Вскорѣ, однако, страхъ сдѣлался всеобщимъ, ибо войско уже стояло у Птоломаиды.

2. Птоломаида лежитъ на границѣ Галилеи, на большой равнинѣ. Это приморскій городъ, окруженный горами: съ восточной стороны, на разстояніи шестидесяти стадій отъ города, возвышается галилейскій горный хребетъ; къ югу, въ ста двадцати стадіяхъ—Кармель; на сѣверѣ, черезъ сто стадій—высокая гора, прозванная мѣстными жителями Тирійской Лѣстницей. Въ двухъ стадіяхъ отъ города протекаетъ очень маленькая рѣчка Вилей, гдѣ находится памятникъ Мемнона и близъ которой открывается весьма замѣчательное мѣсто, величиною въ сто локтей. Оно

нія—не былъ отозванъ въ Римъ (онъ былъ осужденъ на изгнаніе и впослѣдствіи казненъ). Травля евреевъ въ Александріи на время прекратилась, но ихъ гражданское положеніе продолжало оставаться въ высшей степени неопредѣленнымъ; религіозныя же преслѣдованія время отъ времени возобновлялись: евреевъ принуждали подъ страхомъ пытокъ и казней нарушать святость субботы, ѣсть свинину, принимать въ синагогу статуи императора, или же прямо переходить въ язычество. Въ тѣ печальные дни выступилъ извѣстный Апіонъ—одинъ изъ первыхъ ненавистниковъ Израиля, сдѣлавшій юдофобію спеціальной своей карьерой. Въ своей „египетской исторіи" или въ особомъ, направленномъ противъ евреевъ сочиненіи (вопросъ о томъ, написалъ-ли Апіонъ спеціальную книгу о евреяхъ, еще спорный; см. Schürer, Geschichte, II, 779; A. Sperling, Apion der Grammatiker und sein Verhältniss zum Judenthum, стр. 18 слѣд.) Апіонъ оклеветалъ евреевъ, ихъ религію, нравы и самое происхожденіе еврейской націи; одновременно съ тѣмъ онъ и устными проповѣдями на площадяхъ возбуждалъ противъ нихъ чернь въ Александріи и другихъ городахъ. Поощренный этими уличными успѣхами, Апіонъ во главѣ депутаціи выступилъ, наконецъ, обвинителемъ еврейскаго народа предъ императоромъ Калигулой. Чтобы предотвратить бѣду, александрійскіе евреи также отправили въ Римъ депутацію подъ предводительствомъ знаменитаго Филона. Но что могла возразить депутація Филона противъ такихъ вѣскихъ обвиненій, какъ то, что евреи не ѣдятъ свинины или что они только одни изъ всѣхъ народовъ, подвластныхъ Риму, не поклоняются и не жертвуютъ статуямъ императора? Въ это же время въ Ямніи произошло столкновеніе между евреями и мѣстными жителями—язычниками, которые соорудили жертвенникъ въ честь императора, и тогда Калигула, раздраженный упорнымъ отказомъ евреевъ воздавать ему божественныя почести, предписалъ Петронію истребить поголовно всѣхъ іудеевъ, если они не примутъ въ іерусалимскій храмъ его статуй. Такимъ образомъ, несчастье, постигшее александрійскихъ евреевъ, разразилось теперь надъ всей Іудеей (I. Д. XVIII, 8, 1. Филонъ in Haccum; legatio ad Cajum).

имѣетъ видъ котловины, и изъ нея добываютъ стеклянный песокъ, который, какъ ни исчерпывается массами останавливающимися судами, каждый разъ вновь возстановляется, такъ какъ вѣтры, какъ будто нарочно, пригоняютъ туда извнѣ сверкающій песокъ; накопляясь въ ямѣ, онъ быстро превращается въ стекло. Но еще болѣе удивительнымъ кажется мнѣ то, что стекло, которымъ изобилуетъ эта мѣстность, имѣетъ свойство вновь превратиться въ песокъ. Такова природа этой мѣстности [1].

3. Іудеи между тѣмъ собрались съ женами и дѣтьми въ птоломаидскую долину и трогательно умоляли Петронія пощадить отечественные обычаи, а затѣмъ и ихъ собственную жизнь. Огромное число просящихъ и настойчивость ихъ просьбъ произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ оставилъ въ Птоломаидѣ войско и статуи, самъ отправился въ Галилею, созвалъ весь народъ и вліятельнѣйшихъ лицъ, каждаго въ отдѣльности, въ Тиверіаду и здѣсь, поставивъ имъ на видъ могущество римлянъ и угрозы императора, пытался доказать имъ, насколько несправедливо и неразумно ихъ желаніе. Всѣ подчиненные народы поставили рядомъ съ другими богами также и статуи императора, а если одни только они будутъ сопротивляться такому порядку, такъ это будетъ признано равносильнымъ почти бунту, связанному вдобавокъ съ оскорбленіемъ личности императора.

4. Когда же они сослались на ихъ законъ и преданія отцовъ, которые запрещаютъ ставить не только человѣческое изображеніе, но даже и божественную статую и не только въ храмѣ, но и вообще въ какомъ бы то ни было мѣстѣ страны,—Петроній имъ возразилъ: «въ такомъ случаѣ и я долженъ исполнить законъ моего повелителя, иначе, если я, ради вашего благополучія, нарушу его, я самъ, и вполнѣ заслуженно, погибну. Съ вами будетъ бороться не я, а тотъ, который меня послалъ, потому что и я равно, какъ вы, нахожусь въ его власти». На это весь народъ воскликнулъ: «мы готовы умереть за законъ». Послѣ того, какъ Петроній, возстановившій порядокъ, спросилъ ихъ: «такъ вы въ такомъ случаѣ хотите вести войну съ императоромъ?» іудеи возразили: «дважды въ день они приносятъ жертвы за императора и римскій народъ; но если онъ хочетъ еще поставить свои статуи, то онъ долженъ прежде принесть въ

---

[1] Рѣка Вилъ (Belus), тоже Пагида, нынѣ Нааманъ, упоминается также у Тацита (Hist V, 7) и Плинія (Hist. natur. 5.19, 36,26), какъ источникъ добыванія стекляннаго песку.

жертву весь іудейскій народъ. Они съ ихъ дѣтьми и женами готовы пре-дать себя закланію». Удивленіе и состраданіе овладѣло Петроніемъ, когда онъ увидѣлъ ихъ несокрушимое благочестіе и неустрашимое мужество предъ смертью. Тогда онъ распустилъ народъ, не добившись отъ него ничего.

5. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней онъ частнымъ образомъ пригласилъ къ себѣ самыхъ вліятельныхъ представителей, а затѣмъ вновь собралъ народъ. То просьбами, то добрыми наставленіями, больше, однако, угрозами и напоминаніями о могуществѣ римлянъ, о гнѣвѣ Гая и о его собственномъ вынужденномъ положеніи, какъ подчиненнаго,—онъ снова пытался подѣйствовать на народъ. Но когда все это не привело ни къ какому результату, Петроній, имѣя въ виду еще ту опасность, что страна можетъ остаться незасѣянной (такъ какъ въ продолженіе протекшихъ уже пятидесяти дней посѣвнаго времени люди оставались праздными), въ послѣдній разъ созвалъ народъ и обратился къ нему со слѣдующими словами: «Я хочу лучше рискнуть: или мнѣ съ Божьей помощью удастся разубѣдить императора—тогда я вмѣстѣ съ вами буду радоваться нашему спасенію; или же его гнѣвъ разразится—тогда ради столь многихъ я охотно пожертвую своей жизнью». Провожаемый горячими благословеніями, Петроній уѣхалъ, взялъ свое войско изъ Птоломаиды и возвратился въ Антіохію; оттуда онъ немедленно писалъ императору, что, послѣ своего вторженія въ Іудею, онъ, не рѣшаясь на поголовное истребленіе населенія, долженъ былъ уступить его настойчивымъ мольбамъ, оставить его законъ неприкосновеннымъ и отказаться отъ исполненія данной ему инструкціи; иначе ему придется погубить всю страну вмѣстѣ съ ея жителями. Отвѣтъ императора на это письмо гласилъ не очень милостиво: онъ угрожалъ Петронію смертью за столь нерадивое отношеніе къ его приказу [1]. Но доставщики этого письма были три мѣсяца задержаны бурями въ морѣ, между тѣмъ какъ другіе посланцы, привезшіе извѣстіе о послѣдовавшей между тѣмъ смерти Гая, имѣли счастливое плаваніе; такимъ образомъ случилось, что Петроній уже двадцать семь дней имѣлъ въ своихъ рукахъ письмо съ этимъ извѣстіемъ, когда получено было первое обращенное къ нему письмо.

---

[1] Въ самомъ Римѣ, впрочемъ, дѣло евреевъ между тѣмъ приняло, благодаря заступничеству Агриппы, болѣе благопріятный оборотъ. Агриппа, находившійся какъ разъ въ то время при императорѣ, случайно узналъ объ опасности, угрожающей его единовѣрцамъ. Это извѣстіе на него произвело такое сильное впечатлѣніе, что онъ упалъ въ обморокъ, отъ котораго онъ только очнулся на слѣдующій день. Поправившись, онъ немедленно представилъ императору обширную записку, въ которой онъ умолялъ его объ отмѣнѣ даннаго имъ приказа, выставляя ему на видъ, что никто изъ его предшественниковъ никогда не потребовалъ отъ евреевъ ничего подобнаго, противнаго законамъ ихъ вѣры. Ходатайство его не осталось безъ надлежащаго дѣйствія: Калигула написалъ Петронію, чтобы онъ евреевъ оставилъ въ покоѣ. Но полученное вслѣдъ за тѣмъ отъ Петронія донесеніе объ упорствѣ евреевъ и о его

медлительности привело Калигулу въ такую ярость, что онъ приказалъ ему лишить себя жизни. Но прежде чѣмъ этотъ приказъ дошелъ до мѣста назначенія, Калигула умеръ отъ рукъ заговорщиковъ. Такъ Филонъ разсказываетъ о заступничествѣ Агриппы (Legat. ad Cajum, § 35—41). У Іосифа Флавія разсказъ этотъ является въ слѣдующемъ видѣ: Когда Калигула отдалъ извѣстный приказъ Петронію, Агриппа былъ въ Римѣ; долгое время онъ былъ безутѣшенъ и не зналъ, что предпринять для отвращенія бѣды; наконецъ, онъ прибѣгъ къ слѣдующей тактикѣ. Онъ устроилъ у себя во дворцѣ пиръ для Калигулы и затратилъ на этотъ пиръ неимовѣрныя средства, такъ что онъ обиліемъ и утонченностью блюдъ и роскошью обстановки превосходилъ всякія ожиданія гостей и приводилъ въ изумленіе самого императора, славившагося своимъ мотовствомъ и обжорствомъ. Развеселившись отъ вина, Калигула, въ порывѣ благодарности за столь широкое гостепріимство хозяина, просилъ его пожелать себѣ отъ него что-нибудь, обѣщавъ заранѣе исполнить всякое его пожеланіе, если только это будетъ въ его власти. Агриппа былъ слишкомъ опытный царедворецъ, чтобъ сразу воспользоваться такимъ лестнымъ предложеніемъ для намѣченной имъ цѣли: онъ отклонилъ его въ очень учтивой, но рѣшительной формѣ, заявивъ, что ему нечего больше желать себѣ, ибо онъ и такъ уже высоко облагодѣтельствованъ милостями императора. Тогда только Калигула, тронутый скромностью Агриппы, началъ настаивать на своемъ требованіи. Какъ будто по принужденію, Агриппа объявилъ тогда свою просьбу, заключавшуюся въ томъ, чтобъ императоръ самъ добровольно отказался отъ своего желанія установить свои статуи въ іерусалимскомъ храмѣ. Это была конечно очень смѣлая просьба, сопряженная съ опасностью жизни для Агриппы. Но Калигула съ одной стороны былъ пораженъ безкорыстіемъ Агриппы, просившимъ для другихъ тамъ, гдѣ онъ съ большей увѣренностью въ успѣхѣ могъ просить лично для себя; съ другой же стороны, ему было стыдно въ присутствіи многихъ гостей, пировавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, отказать Агриппѣ въ просьбѣ, на которую онъ самъ настойчиво вызывалъ его. Онъ дѣйствительно исполнилъ обѣщаніе и написалъ Петронію, чтобы тотъ распустилъ войско и оставилъ безъ исполненія его прежній приказъ, а въ случаѣ статуи уже поставлены въ храмѣ, то удалить ихъ немедленно. Дѣло окончилось бы такимъ образомъ къ общему благополучію, какъ вдругъ, сейчасъ послѣ отправки письма, прежде чѣмъ оно могло дойти до мѣста назначенія, получено было извѣстное донесеніе Петронія. Приведенный въ ярость неповиновеніемъ послѣдняго, своенравный Калигула написалъ ему угрожающее письмо и вновь предписалъ ему исполнить его приказъ. (I. Д. XVIII, 8, 7, 8).

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА.

(I. Д. XIX).

Правленіе Клавдія и царствованіе Агриппы.—Смерть Агриппы и Ирода.—Дѣти, которыя остались послѣ нихъ.

1) Послѣ того, какъ Гай, процарствовавъ три года и восемь мѣсяцевъ, былъ убитъ (29 до разр. хр.), расположенныя въ Римѣ войска потащили на тронъ Клавдія [1]. Сенатъ между тѣмъ, по предложенію обоихъ консуловъ Сентія Сатурнина и Помпонія Секунда, возложилъ охрану города на оставшіеся вѣрными ему три легіона, собрался въ Капитоліи и рѣшилъ за жестокости Гая начать войну съ Клавдіемъ. Имѣлось въ виду достигнуть одного изъ двухъ: или возстановленія стараго аристократическаго правленія, или же избранія на престолъ вполнѣ достойнаго человѣка посредствомъ голосованія.

2) Какъ разъ въ то время Агриппа находился въ Римѣ. Онъ былъ приглашенъ сенатомъ на совѣщаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ звалъ его къ себѣ изъ лагеря и Клавдій, который также желалъ воспользоваться его услугами. Агриппа видѣлъ, конечно, что Клавдій силой уже сдѣлался императоромъ и отправился поэтому къ послѣднему. Тогда Клавдій уполномочилъ его изложить предъ сенатомъ его виды и намѣренія. «Противъ своей воли онъ былъ войскомъ возведенъ на престолъ и теперь онъ, съ одной стороны, считаетъ несправедливымъ пренебрегать рвеніемъ солдатъ, съ другой же стороны, онъ еще не считаетъ свое счастье обезпеченнымъ, такъ какъ уже одно призваніе къ верховной власти приноситъ съ собою опасности. А потому онъ, если ему суждено будетъ стать во главѣ государства, намѣренъ держать скипетръ мягкой рукой, какъ добрый правитель, а не какъ тиранъ; онъ будетъ довольствоваться честью титула и предоставитъ народу право участія во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, ибо если мягкость и кротость не была бы даже свойственна его натурѣ, то уже одна смерть Гая будетъ вѣчно носиться предъ его глазами и напоминать всегда объ умѣренности».

3) Такъ говорилъ Агриппа. Отвѣтъ сената гласилъ: «Въ надеждѣ на войско и благонадежныхъ гражданъ, они добровольно не подчинятся раб-

[1] Полное имя его: Тиверій Клавдій Друзъ Неронъ Германикъ, младшій сынъ старшаго Друза, братъ отца Калигулы, Германика—слѣдовательно дядя убитаго императора.

ству». Когда Агриппа донесъ Клавдію объ этомъ отвѣтѣ, онъ послалъ его вторично со слѣдующимъ заявленіемъ. «Онъ ни въ какомъ случаѣ не оставитъ тѣхъ, которые присягнули ему въ вѣрности, а потому онъ, противъ воли, готовъ на борьбу съ тѣми, съ которыми ему меньше всего хотѣлось бы бороться. Но нужно все таки выбрать мѣсто для сраженія внѣ города: было бы грѣхомъ изъ за ихъ гибельнаго рѣшенія запятнать кровью гражданъ святыни родного города». Агриппа и это заявленіе доложилъ сенату.

4) Тогда одинъ изъ солдатъ, стоявшихъ до сихъ поръ на сторонѣ сената, обнажилъ свой мечъ и произнесъ: «Товарищи! Зачѣмъ намъ убивать своихъ же братьевъ и губить близкихъ намъ людей, стоящихъ за Клавдія, когда мы имѣемъ такого государя, про котораго нельзя сказать ничего худого и несемъ столь священныя обязанности по отношенію къ тѣмъ, противъ которыхъ насъ вооружаютъ?» Съ этими словами онъ быстро прошелъ чрезъ собраніе и увлекъ за собою къ выходу всѣхъ остальныхъ солдатъ. Патриціи, видя себя оставленными солдатами, пришли въ страхъ; когда же не осталось больше никакого спасенія, они бросились вслѣдъ за ними къ Клавдію. У самыхъ воротъ они были встрѣчены толпой солдатъ, которые, желая показать свое рьяное усердіе и тѣмъ отличиться предъ повелителемъ, набросились на нихъ съ обнаженными мечами.

Тѣ, которые открывали шествіе сенаторовъ, неминуемо погибли бы еще прежде, чѣмъ Клавдій успѣлъ бы узнать о буйствѣ солдатъ, если бы Агриппа не поспѣшилъ къ нему и не представилъ ему всю опасность положенія. Онъ далъ ему понять, что если онъ не усмиритъ солдатъ, обрушившихся съ такимъ остервененіемъ на патриціевъ, то онъ, потерявши все, что придаетъ блескъ трону, останется царемъ пустыни.

5) Эти увѣщеванія побудили Клавдія обуздать ожесточеніе войска. Онъ дружелюбно принялъ сенатъ къ себѣ въ станъ и, немного погодя, отправился вмѣстѣ съ нимъ для принесенія богу благодарственной жертвы за полученное владычество [1]. Вскорѣ послѣ этого онъ вознаградилъ Агриппу

[1] Въ I. Д. XIX 1—4, подробно описываются заговоръ противъ Калигулы и посредничество Агриппы между сенатомъ и Клавдіемъ. Участники въ заговорѣ имѣли въ виду вмѣстѣ съ монархомъ убить и монархію и возстановить старую республику или аристократическую конституцію. Сенатъ и консулы, лишенные всякой власти и служившіе только игрушками въ рукахъ цезарей, по смерти Калигулы мечтали о возстановленіи своего прежняго значенія; у ораторовъ развязались языки: клеймя съ трибуны столѣтнее рабство,

всѣмъ царствомъ, на которое послѣдній могъ претендовать по родственному праву, и прибавилъ ему еще области Трахонею и Авранъ, уступленныя Августомъ Ироду, а также царство Лизанія (29 до разруш. хр.). Объ этихъ дарахъ онъ объявилъ народу въ приказѣ, а сенату онъ велѣлъ вырѣзать эту дарственную грамоту на мѣдныхъ доскахъ и возложить ихъ на Капитолій. И брату Агриппы, Ироду (I, 28,1), который женитьбой своей на Вереникѣ сдѣлался также и его зятемъ, императоръ подарилъ царство Халкиды. (I, 9,2) [1].

въ которое ввергли римлянъ деспотическіе цезари, они призывали сенаторовъ на борьбу за свободу. Но въ это самое время преторіанцы вытащили уже изъ дворца трепетавшаго со страха Клавдія, который думалъ, что его ведутъ на казнь, понесли на плечахъ въ свой станъ за городъ и провозгласили его императоромъ. А преторіанцы составляли тогда могущественную силу. Прежде они были разрознены по всему Риму и его окрестностямъ и размѣщены на квартирахъ у гражданъ. Тиверій же, желая пріобрѣсти въ нихъ послушное орудіе для порабощенія націи, собралъ ихъ въ одинъ укрѣпленный станъ предъ Виминальскими воротами (castra praitoria). Цѣль была достигнута: воины, поселенные отдѣльно отъ гражданъ и образовавшіе особую корпорацію, сдѣлались враждебно настроенными къ гражданамъ и готовыми на всякія насилія надъ ними. Но держа въ трепетѣ весь Римъ, они сдѣлались грозой самихъ императоровъ: они низвергали ихъ и возводили на престолъ по своему произволу. Во время переворота послѣ Калигулы преторіанцы стали въ оппозицію сенату; ему не сочувствовалъ также и народъ, который давно уже привыкъ къ монархическому образу правленія и не признавалъ законной власти за сенатомъ; даже солдаты, стоявшіе на сторонѣ послѣдняго, требовали возстановленія единодержавія. Сенатъ находился въ большомъ затрудненіи и дѣйствовалъ нерѣшительно. Но и Клавдій, несмотря на то, что всѣ шансы были на его сторонѣ, былъ слишкомъ слабоуменъ и безхарактеренъ, чтобъ умѣть воспользоваться благопріятствовавшими ему обстоятельствами. Риму предстояло тогда испытать одну изъ тѣхъ кровопролитныхъ междуусобицъ, какую онъ переживалъ въ послѣднемъ періодѣ республики. Отъ этой опасности спасъ городъ и государство Агриппа, который, принявъ на себя посредничество между непризнаннымъ еще императоромъ и сенатомъ, внушилъ первому твердую рѣшимость не выпускать изъ рукъ доставшейся ему власти, а съ другой стороны убѣдилъ консуловъ и вождей сената не вступать въ неравный бой съ преторіанцами.

[1] Возстановивъ Іудейское царство въ прежнихъ его предѣлахъ, Клавдій позаботился также о благѣ евреевъ, разсѣянныхъ по всему римскому государству. Два эдикта были изданы имъ, по просьбѣ Агриппы и Ирода, въ пользу евреевъ: однимъ были возстановлены гражданскія права александрійскихъ евреевъ; другой же былъ разосланъ во всѣ римскія провинціи; этимъ эдиктомъ евреи повсемѣстно были уравнены въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, а всѣмъ азіатскимъ и европейскимъ народамъ, а также римскимъ намѣстникамъ

6) Скоро отъ такихъ обширныхъ владѣній къ Агриппѣ хлынуло много богатствъ, и онъ употребилъ ихъ не на маловажныя предпріятія. Онъ началъ окружать Іерусалимъ такой крѣпкой стѣной, что если она была бы окончена, римская осада не могла бы имѣть никакого успѣха. Но прежде, чѣмъ стѣна достигла своей вышины, онъ умеръ [1] (26 до разр. хр.) въ Кесареѣ послѣ того, какъ онъ три года былъ царемъ и столько же лѣтъ передъ тѣмъ тетрархомъ [2].

повелѣвалось не препятствовать евреямъ открыто и свободно исповѣдывать религію ихъ отцовъ. (I. Д. XIX, 5).

[1] По І. Д., сооруженіе городской стѣны было прекращено еще при жизни Агриппы, вслѣдствіе приказа Клавдія. Агриппа, зная хорошо, какъ непрочна римская дружба, зависящая отъ единоличной воли императора, хотѣлъ, повидимому, доставить своей столицѣ болѣе вѣрную гарантію ея будущей политической свободы въ видѣ сильно укрѣпленной стѣны. Но тогдашній правитель Сиріи, Марзъ—замѣститель Петронія—не замедлилъ донести объ этомъ Клавдію и выставить поведеніе Агриппы въ подозрительномъ свѣтѣ, вслѣдствіе чего и послѣдовалъ приказъ о пріостановленіи работъ. Еще одно непріязненное столкновеніе іудейскаго царя съ сирійскомъ намѣстникомъ указываетъ также на стремленіе Агриппы къ завоеванію себѣ большей самостоятельности, чѣмъ та, которую могло ему доставить личное и случайное благорасположеніе того или другого императора. Онъ даже замышлялъ устроить тайный союзъ восточныхъ царей, находившихся въ одинаковой зависимости съ нимъ. Въ Галилейскомъ городѣ, Тиверіадѣ, куда Агриппа отправился однажды подъ видомъ прогулки, съѣхались: Антіохъ, царь Коммагены, Сампсигерамъ изъ Эмесы, Котисъ изъ Малой Арменіи, Полемонъ изъ Понта и Иродъ изъ Халкиды. Но свиданіе шести сильныхъ царей опять встревожило Марза, усмотрѣвшаго въ немъ нѣчто, угрожающее спокойствію римскаго государства; онъ отправилъ къ каждому изъ царей отдѣльныхъ уполномоченныхъ съ предписаніемъ удалиться на родину.

[2] Въ І. Д. Іосифъ даетъ слѣдующую характеристику личности Агриппы І. „Агриппа былъ въ высшей степени щедръ; своихъ подчиненныхъ онъ старался привязать къ себѣ богатыми подарками; но онъ далеко не былъ похожъ на своего дѣда Ирода. Этотъ былъ отъ природы жестокъ и необузданъ и открыто признавался, что онъ душой болѣе эллинъ, чѣмъ іудей. Украшая на свой счетъ чужестранные города, устраивая бани и театры въ однихъ, храмы и колоннады въ другихъ, онъ своей собственной странѣ не оказывалъ ни малѣйшаго вниманія; Агриппа же, напротивъ, былъ человѣколюбивъ и ко всѣмъ одинаково великодушенъ; онъ былъ любезенъ съ иностранцами, но къ своимъ подданнымъ онъ относился съ большей участливостью. Точно также онъ охотно и подолгу жилъ въ Іерусалимѣ, соблюдалъ добросовѣстно отечественные законы и во всѣхъ отношеніяхъ служилъ образцомъ добродѣтели; не проходило ни одного

Онъ оставилъ трехъ дочерей, прижитыхъ имъ съ Кипрой: Веренику, Маріамму (родилась 36 до разр. храма), Друзиллу (родилась 32 до разр.

дня, чтобъ онъ не совершалъ жертвоприношенія. Характеренъ также слѣдующій фактъ, разсказываемый Іосифомъ. Однажды, когда Агриппа уѣхалъ въ Кесарею для присутствованія на играхъ, одинъ изъ именитыхъ законоучителей, по имени Симонъ, созвалъ народное собраніе и объявилъ царя безбожникомъ и недостойнымъ поэтому быть допущеннымъ въ храмъ. Начальникъ города письменно донесъ объ этомъ Агриппѣ. Тогда послѣдній приказалъ привести Симона въ Кесарею и, посадивъ его затѣмъ рядомъ съ собою въ театральной ложѣ, спросилъ его ласково и добродушно: „Скажи теперь, Симонъ, что тутъ совершается противозаконнаго?“ Симонъ не зналъ, что возразить, и извинился предъ царемъ. Агриппа не только простилъ его, но помирился съ нимъ и отпустилъ его обратно въ Іерусалимъ съ подарками. Такимъ образомъ Агриппа своимъ добродушіемъ расположилъ къ себѣ даже непреклонныхъ фарисеевъ. Въ Талмудѣ встрѣчаются объ Агриппѣ самые похвальные отзывы. Онъ имѣлъ обыкновеніе смѣшиваться съ толпой, когда послѣдняя съ пѣснопѣніемъ приносила въ храмъ первые плоды съ полей и садовъ, и самъ даже носилъ свою корзину съ плодами въ святилище. Онъ возобновилъ упраздненное Иродомъ чтеніе Второзаконія въ концѣ субботняго года. Однажды во время чтенія предъ народомъ въ храмовомъ дворѣ установленной для этого случая главы, дойдя до стиха: „Изъ среды твоихъ братьевъ выбери себѣ царя“, онъ вспомнилъ свое полуидумейское происхожденіе и заплакалъ. Фарисеи тогда ободряли его словами: „Ты нашъ братъ, ты нашъ братъ!“ Дальше объ Агриппѣ извѣстно, что онъ, подобно своему дѣду, имѣлъ страсть къ строительнымъ предпріятіямъ; неимовѣрно большія средства онъ затратилъ на украшенія тогдашняго римскаго города Берита (нынѣ Бейрутъ) въ Сиріи, въ которомъ построилъ театръ, амфитеатръ, бани и колоннады; всѣ эти зданія славились своей красотой и роскошной обстановкой. На сколько вообще Агриппа былъ щедръ на постройки и на раздачу подарковъ, доказываетъ то, что извлекая изъ своего царства 12 милліоновъ талантовъ, онъ долженъ былъ еще прибѣгать къ займамъ. Въ теченіе своего короткаго царствованія онъ смѣнилъ нѣсколько первосвященниковъ: вмѣсто Теофила, сына Анана, онъ назначилъ Симона Конѳера, сына Боеѳа, затѣмъ онъ устранилъ Симона и возвелъ въ первосвященническій санъ Маттаѳію, сына Анана, а послѣ—Эліоная, сына Канѳера. Онъ умеръ въ Кесареѣ внезапно на 54 году отъ роду, искренно оплакиваемый іудеями. Три года онъ царствовалъ надъ тетрархіей Филиппа, на четвертомъ году онъ получилъ также тетрархію Ирода Антипы, а послѣдніе три года онъ былъ полновластнымъ царемъ и надъ всей Палестиной. Царствованіе Агриппы было вечерней зарей самостоятельной политической жизни іудеевъ. Послѣ смерти этого благочестиваго царя, возродившаго свободу націи, іудея опять подпала подъ власть римскихъ прокураторовъ и недолго спустя она

хр.) и одного сына, Агриппу (род. 43 до разр. хр.), отъ той же самой жены. Такъ какъ послѣдній былъ еще слишкомъ молодъ [1], то Клавдій опять превратилъ Іудею въ римскую провинцію и посылалъ туда въ качествѣ правителей сначала Куспія Фада, а за нимъ Тиверія Александра, при которыхъ народъ хранилъ спокойствіе, такъ какъ тѣ не посягали на туземные обычаи и нравы [2].

была вовлечена въ гибельную войну съ римлянами, (XIX, 7, 2, 3, 4; 8, 1 и 2).

[1] Молодому Агриппѣ было тогда 17 лѣтъ; онъ находился въ Римѣ и воспитывался при дворѣ Клавдія; когда умеръ его отецъ, императоръ хотѣлъ было послать его въ Іудею съ царскими полномочіями, какъ наслѣдника; но этому рѣшенію воспротивилась толпа императорскихъ вольноотпущенниковъ, пріобрѣвшихъ уже тогда всесильное вліяніе на Клавдія (І. Д. XIX, 9, 2).

[2] Во время правленія этихъ двухъ прокураторовъ, въ Іудеѣ произошли слѣдующія событія. Первый изъ нихъ, Фадъ, вступивъ въ управленіе новопревращенной провинціей, потребовалъ выдачи ему первосвященническаго облаченія для храненія ихъ въ крѣпости Антоніи. Такой порядокъ существовалъ и при прежнихъ прокураторахъ; названное облаченіе находилось подъ охраной римлянъ въ теченіе всего года и выдавалось первосвященнику къ судному дню для совершенія службы въ Святая-Святыхъ храма. Съ этимъ актомъ, самимъ по себѣ унижавшимъ гордость націи, была связана другая цѣль, глубже затрагивавшая ея интересы, а именно: сосредоточіе въ рукахъ прокуратора права назначенія и устраненія первосвященниковъ. Этой цѣли добивался также Фадъ; его поддерживалъ и сирійскій намѣстникъ Кассій Лонгинъ, который, опасаясь вооруженнаго сопротивленія, прибылъ въ Іерусалимъ съ отрядомъ войска. Но іудеи не сопротивлялись, а просили только разрѣшить имъ отправить по этому поводу посольство въ Римъ. Благодаря заступничеству молодого Агриппы, посольство имѣло успѣхъ: первосвященническія облаченія были оставлены въ храмѣ, а верховная власть надъ храмомъ и право назначенія первосвященниковъ были ввѣрены брату Агриппы I, царю Халкиды, Ироду. Послѣдній устранилъ съ первосвященническаго поста Эліоная и передалъ его санъ Іосифу, сыну Камія или Кемеда, а послѣ—Ананіи, сыну Небедая. Новое превращеніе іудейскаго царства въ римскую провинцію вызвало опять къ жизни прекратившіяся на время революціонныя движенія зелотовъ. Іудейская масса въ Переѣ дѣлала нападенія на греческое населеніе Филадельфіи (быв. Раббатъ-Аммонъ); другой революціонный отрядъ подъ предводительствомъ Толомея производилъ набѣги на арабовъ и идумеевъ. Вскорѣ появился также лжепророкъ, по имени Ѳевда (упоминается также въ дѣяніяхъ Апостол. 5,36), увлекшій за собою къ Іордану огромную массу людей обѣщаніемъ освободить ихъ отъ рабства, послѣ того какъ онъ переведетъ ихъ чрезъ рѣку по сушѣ. Со всѣми

Вскорѣ умеръ также Иродъ, царь Халкиды (21 до разр. хр.), и оставилъ отъ дочери своего брата, Вереники, двухъ сыновей: Верениківна и Гиркана, а отъ прежней своей жены, Маріаммы—одного сына, по имени Аристовулъ. Другой братъ Агриппы, называвшійся также Аристовуломъ, умеръ частнымъ человѣкомъ, оставивъ одну дочь, Іотапу. Всѣ они, какъ выше было упомянуто, были потомки Аристовула, сына Ирода. Самого же Аристовула, равно и брата его Александра, Иродъ прижилъ съ Маріаммой и, хотя былъ ихъ родной отецъ, лишилъ ихъ обоихъ жизни. Потомки Александра [1] царствовали въ Великой Арменіи.

этими римскими врагами воевалъ Куспій Фадъ и разбивалъ ихъ въ сраженіяхъ или внезапныхъ нападеніяхъ. Послѣдовавшій за Фадомъ прокураторъ Тиверій Александръ былъ перешедшій въ язычество еврей, сынъ алабарха Александра Лизимаха и племянникъ еврейскаго философа александрійской школы Филона. При немъ революціонное движеніе зелотовъ еще болѣе усилилось. Александру удалось схватить главныхъ ихъ вожаковъ, Якова и Симона—двухъ сыновей основателя этой партіи Іегуды Галилеянина. (См. II, 8, 1 и примѣчаніе къ этому §); оба были преданы распятію. Въ правленіи же Александра произошло извѣстное событіе, такъ радостно встрѣченное всѣмъ тогдашнимъ еврействомъ. Царица адіабенская, Елена, которая вмѣстѣ со своими сыновьями и всѣмъ царскимъ домомъ открыто приняла еврейскую религію, прибыла изъ дальней своей родины съ большимъ торжествомъ въ Іерусалимъ для жертвоприношенія въ храмѣ. Ея прибытіе совпало какъ разъ съ неурожайнымъ годомъ для Іудеи и было въ высшей степени спасительно для бѣдствовавшей народной массы, такъ какъ царица затратила богатую свою казну на покупку хлѣба въ Египтѣ и раздачу его населенію Іерусалима и другихъ іудейскихъ городовъ. Не даромъ имя „Hilna ha'malka" такъ запечатлѣлось въ памяти народа; до сихъ поръ одинъ изъ древнихъ полуразвалившихся дворцовъ Іерусалима, невдалекѣ отъ мѣста храма, слыветъ въ массѣ народа подъ названіемъ: „дворецъ Елены-царицы". Тѣло ея и извѣстнаго сына ея, Изата, были перевезены въ Іерусалимъ и похоронены въ великолѣпномъ мавзолеѣ, устроенномъ царицей еще при жизни въ трехъ стадіяхъ отъ города. (I. Д. XX, 1—5). Этотъ мавзолей, состоявшій изъ трехъ пирамидъ, вѣроятно, тождественъ съ такъ называемыми „царскими усыпальницами", находящимися въ окрестности Іерусалима. Предположеніе это, высказанное многими учеными, отчасти подтверждается найденнымъ извѣстнымъ французскимъ археологомъ de Saulcy въ „усыпальницахъ" саркофагомъ съ двуязычной надписью, свидѣтельствующей о погребеніи въ этомъ мѣстѣ царицы сирійскаго происхожденія. См. Renan, Journal asiatipue 1865, стр. 550 сл.; Хвольсонъ, сборникъ еврейскихъ надписей, 67 сл. Изображеніе саркофага и надписи у de Saulcy, Voyage en Terre Sainte, I, 377. 385.

[1] Тигранъ и Александръ (I, 28, 1).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

(I. Д. XX, 5, 2—8, 1).

Частыя волненія при Куманѣ, которыя подавляетъ Квадратъ.—Феликсъ—правитель Іудеи.—Агриппа, взамѣнъ Халкиды, получаетъ бсльшее царство.

1) По смерти Ирода, господствовавшаго въ Халкидѣ (21 до раз. хр.), Клавдій отдалъ его царство его же племяннику, молодому Агриппѣ (11, 6), сыну отца того же имени [1]; намѣстничество же надъ Іудеей послѣ Александра [2] получилъ Куманъ (21 до раз. хр.). При немъ опять стали происходить волненія, причинившія іудеямъ новыя бѣдствія. Когда народъ къ празднику опрѣсноковъ (20 до разр. хр.) стекался въ Іерусалимъ, римляне поставили на галлереѣ храма когорту, такъ какъ они всегда имѣли обыкновеніе во время праздниковъ держать войско подъ оружіемъ, дабы предостерегать собравшійся народъ отъ возмущенія. Случилось тогда, что одинъ изъ солдатъ поднялъ вверхъ свой плащъ, неприличнымъ нагибаніемъ тѣла обратился къ іудеямъ задомъ и издалъ звукъ, соотвѣтствовавшій принятой имъ позѣ. Возмущенная этимъ поступкомъ вся громада іудеевъ бурно потребовала отъ Кумана наказанія солдата. Юноши же, легко поддающіеся увлеченію, и нѣкоторая часть народа, отличавшаяся бурнымъ характеромъ, открыли нападеніе; они собрали камни и начали бросать ихъ въ солдатъ. Куманъ побоялся наступленія со стороны всего народа и вызвалъ для подкрѣпленія множество тяжеловооруженныхъ; какъ только послѣдніе появились на галлереяхъ, іудеевъ объялъ паническій страхъ; они бросились вонъ изъ храма по направленію къ городу. Но отъ этого въ выходахъ произошла такая страшная давка, что свыше десяти тысячъ [3] человѣкъ было растоптано и раздавлено. Такъ праздникъ превратился для всего народа въ день плача, и каждый домъ наполнился воплями и рыданіями.

2) За этимъ несчастіемъ послѣдовало другое волненіе, вызванное фактомъ открытаго грабежа. На дорогѣ у Ветхорона [4] разбойники напали на

---

[1] Вмѣстѣ съ царствомъ Ирода къ Агриппѣ перешло право завѣдыванія храмомъ и назначенія первосвященниковъ.

[2] Александръ правилъ Іудеей только нѣсколько лѣтъ; впослѣдствіи онъ достигъ высшаго назначенія—намѣстника императора въ Египтѣ. Мы еще разъ встрѣтимся съ нимъ при осадѣ Іерусалима.

[3] По I. Д.—20,000.

[4] На сѣверѣ отъ Іерусалима.

багажъ императорскаго слуги Стефана и разграбили его. Куманъ при-
казалъ сдѣлать набѣгъ на близъ лежавшія деревни и забрать въ плѣнъ
ихъ жителей за то, что они не преслѣдовали и не задержали разбойни-
ковъ. При этомъ случаѣ одинъ солдатъ, найдя въ деревнѣ Священное
Писаніе, разорвалъ его и бросилъ въ огонь. Іудеи были этимъ такъ потря-
сены, точно вся ихъ страна стояла въ пламени. Движимые какимъ-то религіоз-
нымъ страхомъ, они машинально, какъ по сигналу, устремились всѣ въ Кесарею
къ Куману и настойчиво просили его не оставить безнаказаннымъ чело-
вѣка, который такъ дерзко надругался надъ Богомъ и закономъ. Куманъ
видѣлъ ясно, что народъ не успокоится, если ему не будетъ дано удо-
влетворенія; онъ потребовалъ къ себѣ солдата и приказалъ вести его
къ казни черезъ ряды его обвинителей. Послѣ этого іудеи разошлись.
3) Немного позднѣе произошло столкновеніе между галилеянами и сама-
рянами. Возлѣ одной деревни, Гемы [1], лежащей въ большой, самарійской
равнинѣ, былъ убитъ одинъ изъ многочисленныхъ іудейскихъ пилигрим-
совъ, отправившихся на праздникъ въ Іерусалимъ, родомъ изъ Галилеи [2].
Множество галилеянъ собралось вслѣдствіе этого вмѣстѣ пойти войной на
самарянъ. Вліятельные же граждане Самаріи, напротивъ, обратились къ
Куману съ убѣдительной просьбой, прежде чѣмъ зло сдѣлается неиспра-
вимымъ, прибыть въ Галилею и наказать виновниковъ убійства, такъ
какъ только такимъ образомъ можно будетъ убѣдить народъ разсѣяться
еще до начала боя. Но Куманъ изъ за текущихъ дѣлъ, которыми онъ
какъ разъ былъ занятъ, не обратилъ вниманія на эту просьбу и отпустилъ
ходатаевъ безъ опредѣленнаго отвѣта [3].
4) Вѣсть объ убійствѣ привела въ большое волненіе также іерусалим-
скую массу. Она перестала интересоваться праздничнымъ торжествомъ и
быстро двинулась къ Самаріи, даже безъ всякихъ предводителей и

[1] По І. Д. Гинея—нынѣ Дшеникъ—на юго-востокѣ Израильской долины.
[2] По І. Д. убито было много галилеянъ. Нападенія самарянъ на галилей-
скихъ пилигриммовъ происходили весьма нерѣдко. Враждебное отношеніе сама-
рянъ по отношенію къ евреямъ, проѣзжавшимъ черезъ ихъ страну, была глав-
нѣйшей причиной, побудившей первыхъ Маккавеевъ лишить ихъ самостоятель-
ности и присоединить ихъ территорію, и безъ того принадлежавшую евреямъ
при первомъ храмѣ, къ іудейскому царству.
[3] По болѣе правдоподобному разсказу въ І. Д., вмѣшательства Кумана въ
это дѣло требовали не самарійскіе, а галилейскіе представители. Куманъ-же
остался пассивнымъ вслѣдствіе подкупа, полученнаго имъ отъ самарянъ.

не обращая вниманія на увѣщеванія властей, старавшихся удержать ее. Во
главѣ этого буйнаго разбойничьяго похода стали—извѣстный Элеазаръ, сынъ
Диная [1], и Александръ, которые напали на ближайшія къ акрабаттской
топархіи самарійскія деревни, убили всѣхъ жителей, не щадя никакого
возраста, а самыя деревни предали огню.
5) Тогда только Куманъ съ отрядомъ всадниковъ—такъ называемыхъ
себастійцевъ—выступилъ изъ Кесареи на помощь подвергшимся нападенію [2].
Многихъ изъ людей Элеазара онъ захватилъ въ плѣнъ, а большую часть убилъ.
Къ остальной же народной массѣ, ринувшейся въ походъ противъ самарянъ,
поспѣшили самые знатные граждане Іерусалима, одѣтые всѣ въ траурѣ съ
покрытыми пепломъ головами, и заклинали ихъ возвратиться домой, дабы
этимъ мстительнымъ походомъ противъ самарянъ не вызвать вторженія
римлянъ въ Іерусалимъ. «Пусть сжалятся они надъ своимъ отечествомъ,
храмомъ, надъ своими же женами и дѣтьми и не рискуютъ всѣмъ изъ
за мести за одного галилеянина». Вразумленные этими увѣщеваніями,
іудеи разошлись. Но многіе, въ надеждѣ остаться безнаказанными, обрати-
лись къ разбойничьему ремеслу. Грабежи и мятежныя попытки со стороны
болѣе отважныхъ бойцовъ распространились по всей странѣ. Вслѣдствіе
этого выдающіеся представители Самаріи отправились къ Уммидію Квад-
рату, правителю Сиріи, въ Тиръ и просили его не оставить безъ наказанія
опустошителей страны. Туда прибыли также знатнѣйшіе іудеи, въ томъ
числѣ первосвященникъ Іонаѳанъ [3], сынъ Анана, которые заявили, что
хотя первоначальный поводъ къ безпорядкамъ данъ былъ самарянами,
совершившими убійство, но отвѣтственность за дальнѣйшій ходъ событій
падаетъ на Кумана, уклонившагося отъ наказанія виновниковъ этого
убійства [4].

6) Квадратъ утѣшилъ обѣ стороны обѣщаніемъ все въ точности разслѣ-
довать, какъ только онъ прибудетъ въ ихъ края. Когда же онъ вскорѣ
послѣ этого прибылъ въ Кесарею, онъ приказалъ всѣхъ захваченныхъ Ку-

[1] Элеазаръ еще до столкновенія галилеянъ съ самарянами уже нѣсколько
лѣтъ предводительствовалъ вольнымъ отрядомъ.
[2] Кромѣ себастійцевъ, участвовали въ нападеніи еще четыре когорты пѣ-
хоты и сами самаряне.
[3] Преемникъ Ананіи, сына Навата.
[4] Іудеи жаловались именно на то, что Куманъ былъ подкупленъ самаря-
нами и вслѣдствіе этого не принялъ своевременно мѣръ къ предупрежденію
междоусобицы. (І. Д. XX, 6, 2).

маномъ живыми предать распятію. Отсюда онъ отправился въ Лидду (I, 15, 6), гдѣ онъ допросилъ самарянъ, и схвативъ восемнадцать іудеевъ изъ числа тѣхъ, которыхъ онъ заподозрилъ въ участіи въ войнѣ, приказалъ казнить ихъ топоромъ. Двухъ другихъ знатныхъ лицъ совмѣстно съ первосвященниками, Іонаѳаномъ и Ананіемъ, равно какъ сына послѣдняго, Анана, и еще нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ іудеевъ онъ вмѣстѣ съ первыми людьми Самаріи послалъ къ императору. Въ то же время онъ приказалъ Куману и трибуну Целеру также отплыть въ Римъ для того, чтобы лично дать отвѣтъ предъ Клавдіемъ за происшедшія событія. Послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, онъ посѣтилъ еще Іерусалимъ и, убѣдившись, что масса съ полнымъ спокойствіемъ празднуетъ праздникъ опрѣсноковъ, возвратился обратно въ Антіохію.

7) Въ Римѣ императоръ выслушалъ Кумана и самарянъ. Агриппа также находился тогда въ Римѣ и очень тепло заступился за іудеевъ, такъ какъ Куманъ тоже имѣлъ много сильныхъ защитниковъ. Самаряне признаны были виновными; трехъ знатнѣйшихъ изъ нихъ императоръ приказалъ казнить; Кумана онъ отправилъ въ изгнаніе [18 до разр. хр.]; Целера же онъ приказалъ доставить закованнымъ въ кандалахъ обратно въ Іерусалимъ и предоставилъ іудеямъ пытать его, волочить по городу и затѣмъ отрубить ему голову.

8) Послѣ этого императоръ послалъ (18 до разр. хр.) Феликса, брата Палласа [1], намѣстникомъ надъ Іудеей, Галилеей, Самаріей и Переей. Агриппу онъ перевелъ (17 до разр. хр.) изъ Халкиды въ большее царство, отдавъ ему прежнюю тетрархію Филиппа, а именно, Батанею, Трахонею и Гавланъ (I, 20, 4), присоединивъ къ нимъ также царство Лизанія, равно и бывшую эпархію Вара. Процарствовавъ тринадцать лѣтъ восемь мѣсяцевъ и двадцать дней, императоръ Клавдій умеръ (16 до разр. хр.)

[1] Палласъ, вольноотпущенный Антоніи, матери императора, пользовался всемогущимъ вліяніемъ при Клавдіи и въ союзѣ съ его женами, спачала Мессалиной, а потомъ Агриппиной, управлялъ государствомъ и самимъ Клавдіемъ и сдѣлалъ царствованіе его столь же ужаснымъ, какъ и Калигулы. Тацитъ въ своихъ анналахъ (XII, 54) даетъ подробную характеристику Палласа, и перейдя къ брату его, Феликсу, также бывшему рабу, говоритъ: „Но братъ Палласа, Феликсъ, состоявшій много лѣтъ прокураторомъ въ Іудеѣ, превосходилъ его въ жадности; могущество, которое его прикрывало, внушало ему увѣренность, что всякія преступленія пройдутъ для него безнаказанно. Онъ дѣйствовалъ свирѣпо и произвольно съ гордостью царя и низостью раба“.

и оставилъ своимъ престолонаслѣдникомъ Нерона, котораго онъ, околдованный хитростями своей жены, Агриппины [1], назначилъ своимъ преемникомъ, несмотря на то, что отъ первой жены своей, Мессалины, имѣлъ родного сына, Британника, и дочь Октавію, соединенную имъ бракомъ съ Нерономъ. Отъ другой жены, Петины, онъ имѣлъ дочь, Антонію.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

(I. Д. XX, 8, 3—7).

Неронъ присоединяетъ четыре города къ владѣніямъ Агриппы.—Остальная часть Іудеи управляется Феликсомъ.—Смуты, вызванныя сикаріями, магами и египетскимъ лжепророкомъ.—Столкновеніе между іудеями и сирійцами въ Кесареѣ.

1) Какъ Неронъ (16—3 до разр. хр.), упоенный счастьемъ и богатствомъ, употреблялъ во зло свое высокое положеніе; какъ онъ по очереди лишилъ жизни своего брата, жену и мать; какъ его изувѣрство обратилось затѣмъ противъ благороднѣйшихъ мужей; и какъ онъ, наконецъ, въ своемъ безуміи подвизался на сценѣ и въ театрѣ — обо всемъ этомъ, какъ о вещахъ всѣмъ извѣстныхъ, я не стану распространяться и перейду къ событіямъ, которыя въ его царствованіе происходили въ Іудеѣ.

2) Неронъ даровалъ царство Малую Арменію Аристовулу, сыну Ирода; къ царству же Агриппы онъ прибавилъ еще четыре города съ ихъ окрестностями: Авилу и Юліаду [2] въ Переѣ, Тарихею и Тиверіаду въ Галилеѣ. Намѣстничество надъ остальной Іудеей онъ ввѣрилъ Феликсу. Послѣдній схватилъ живыми—разбойничьяго атамана Элеазара (12,4), разорявшаго страну въ теченіе двадцати лѣтъ [3], и многихъ изъ его сообщниковъ и послалъ ихъ въ Римъ. Огромная масса разбойниковъ была имъ распята; много другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ соучастіи, было предано разнымъ другимъ казнямъ.

[1] Вторая жена Клавдія, Агриппина, внесла въ правленіе новые пороки и преступленія; римляне считали времена Мессалины менѣе ужасными. Послѣ того, какъ императоръ усыновилъ ея сына отъ перваго брака, Нерона, она отравила Клавдія, Неронъ же въ это время отправился въ станъ преторіанцевъ и былъ ими провозглашенъ императоромъ, несмотря на то, что законнымъ престолонаслѣдникомъ былъ родной сынъ Клавдія, Британникъ.

[2] И еще 14 деревень. (I. Д. XX, 8,4).

[3] Феликсъ овладѣлъ имъ хитростью, пригласивъ его къ себѣ для мирныхъ переговоровъ (I. Д. XX, 8, 5).

3) Когда страна была такимъ образомъ очищена, въ Іерусалимѣ образовалась другого сорта шайка разбойниковъ, получившихъ названіе сикаріевъ. Они убивали людей среди бѣлаго дня и въ самомъ городѣ; преимущественно въ праздничные дни они смѣшивались съ толпой и скрытыми подъ платьемъ кинжалами [1] закалывали своихъ враговъ; какъ только жертвы падали, убійцы наравнѣ съ другими начинали возмущаться происходившимъ и, благодаря такому притворству, оставались скрытыми. Первый, который такимъ образомъ былъ заколотъ, былъ первосвященникъ Іонаѳанъ [2]. Вслѣдъ за нимъ многіе другіе погибали ежедневно; паника, воцарившаяся въ городѣ, была еще ужаснѣе, чѣмъ самые несчастные случаи, ибо всякій, какъ въ сраженіи, ожидалъ своей смерти съ каждой минутой. Уже издали остерегались врага, не вѣрили даже и друзьямъ, когда тѣ приближались, и однако, при всей этой подозрительности и осмотрительности, убійства по прежнему продолжали совершаться. Такъ велика была ловкость и сила притворства тайныхъ убійцъ.

4) Въ одно время съ ними появилась другая клика злодѣевъ, которые, будучи хотя чище на руки, отличались за то болѣе гнусными замыслами, чѣмъ сикаріи, и не менѣе послѣднихъ способствовали несчастью города. Это были обманщики и прельстители, которые подъ видомъ божественнаго вдохновенія стремились къ перевороту и мятежамъ, туманили народъ безумными представленіями, манили его за собою въ пустыни, чтобы тамъ показать ему чудесныя знаменія его освобожденія. Феликсъ усмотрѣлъ въ этомъ сѣмя возстанія и выслалъ противъ нихъ тяжеловооруженныхъ всадниковъ и пѣхоту, которые убивали ихъ массами.

[1] По имени этого маленькаго съ обращеннымъ внутрь остріемъ кинжала, походившаго на Ѳракійскій изогнутый малый мечъ sica, убійцы, пользовавшіеся этимъ оружіемъ, и назывались сикаріями; рана, нанесенная такимъ оружіемъ, при обратномъ его движеніи, еще больше увеличивалась. Сикаріи не были простыми разбойниками, какими ихъ изображаетъ Іосифъ Флавій, но составляли крайнюю фракцію зелотовъ, прибѣгавшую, для достиженія своихъ патріотическихъ цѣлей, даже къ убійству своихъ противниковъ. Къ болѣе позднему времени относятся сикаріи, упоминаемые въ Талмудѣ, и распоряженія, изданныя противъ нихъ (См. F. Rosenthal. Das Sikarikon-gesetz въ Monatsschrift fur Geschichte und Wissenschaft, 1892).

[2] Первосвященникъ Іонаѳанъ содѣйствовалъ назначенію Феликса прокураторомъ, вслѣдствіе чего онъ былъ ненавистенъ сикаріямъ. Съ другой же стороны Феликсъ началъ тяготиться Іонаѳаномъ, укорявшимъ его неоднократно за его жестокія и несправедливыя дѣйствія, и хотѣлъ отъ него освободиться. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ соглашеніе съ сикаріями, которые, хотя и были врагами Феликса, тѣмъ не менѣе представили свои услуги въ его распоряженіе для убійства одинаково ненавистнаго имъ первосвященника.

5) Еще болѣе злымъ бичемъ для іудеевъ былъ лжепророкъ изъ Египта. Въ Іудею прибылъ какой-то обманщикъ, который выдалъ себя за пророка и дѣйствительно прослылъ за небеснаго посланника. Онъ собралъ вокругъ себя около 30,000 заблужденныхъ, выступилъ съ ними изъ пустыни на такъ называемую Масличную гору, откуда онъ намѣревался насильно вторгнуться въ Іерусалимъ, овладѣть римскимъ гарнизономъ и властвовать надъ народомъ съ помощью драбантовъ, окружавшихъ его [1]. Феликсъ однако предупредилъ осуществленіе этого плана, выступивъ на встрѣчу ему во главѣ римскихъ тяжеловооруженныхъ; весь народъ также принялъ участіе въ оборонѣ. Дѣло дошло до сраженія; египтянинъ бѣжалъ только съ немногими своими приближенными, большая же часть его приверженцевъ пала или взята была въ плѣнъ; остатки разсѣялись, и каждый старался укрыться въ свою родину.

6) Едва потушена была эта вспышка, какъ появилась другая, точно въ больномъ организмѣ воспаленіе переходитъ съ одной части на другую. Обманщики и разбойники соединились на общее дѣло. Многихъ они склонили къ отпаденію, воодушевляя ихъ на войну за освобожденіе, другимъ же, подчинявшимся римскому владычеству, они грозили смертью, заявляя открыто, что тѣ, которые добровольно предпочитаютъ рабство, должны быть принуждены къ свободѣ [2]. Раздѣлившись на группы, они разсѣялись по всей

[1] Въ І. Д. образъ египетскаго лжепророка—самаго популярнаго изъ всѣхъ его собратьевъ, появившихся въ послѣднюю эпоху паденія Іудеи,—очерчивается нѣсколько иначе; онъ не побуждалъ своихъ приверженцевъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ, а обѣщалъ имъ однимъ своимъ глаголомъ разрушить іерусалимскія стѣны и этимъ чудомъ воочію убѣдить ихъ въ божественности своего посланія (XX, 8, 6). Этотъ египтянинъ, вѣроятно, тотъ-же, о которомъ упоминается въ дѣяніяхъ Апостоловъ 21, 38.

[2] Нѣтъ сомнѣнія, что самозванные пророки, какъ и сикаріи исходили изъ чисто патріотическихъ побужденій; всѣ они выходили изъ нѣдръ одной общей партіи ревнителей (зелотовъ) и стремились къ одной цѣли: освободить націю отъ чужеземнаго гнета, но крайнее ожесточеніе, съ которымъ они преслѣдовали свои цѣли, сдѣлали ихъ въ дѣйствительности страшнымъ бичемъ для страны. Возможно, однако, что въ рядахъ борцовъ за свободу находились и искатели наживы и профессіональные разбойники, которые весь смыслъ своего существованія видѣли въ смутахъ и анархіи.

странѣ, грабили дома облеченныхъ властью лицъ, а ихъ самихъ убивали и сжигали цѣлыя деревни. Вся Іудея была полна ихъ насилій, и съ каждымъ днемъ эта война загоралась все сильнѣе.

7) Столкновеніе иного характера возникло въ Кесареѣ между сирійскимъ населеніемъ этого города и проживавшими тамъ іудеями. Послѣдніе утверждали, что городъ принадлежитъ имъ, такъ какъ его построилъ іудей, а именно царь Иродъ. Тѣ же признавали, что основателемъ его былъ іудей, но настаивали на томъ, что городъ все таки принадлежитъ эллинамъ, ибо, говорили они, если-бъ Иродъ предназначилъ его для іудеевъ, то онъ не воздвигалъ бы здѣсь храмовъ и статуй. На этой почвѣ возникли распри, которыя мало по малу перешли въ вооруженныя столкновенія; каждый день смѣльчаки съ той и другой стороны вступали въ бой другъ съ другомъ. Старѣйшины изъ іудеевъ не были больше въ состояніи обуздать горячія головы своей общины; эллинамъ же, съ другой стороны, казалось стыдомъ отступать предъ смѣлостью іудеевъ. Богатствомъ и мужественной силой іудеи превосходили своихъ враговъ; но за эллинами былъ тотъ перевѣсъ, что на ихъ сторонѣ были солдаты, такъ какъ большая часть квартировавшаго въ городѣ римскаго гарнизона состояла изъ сирійцевъ, которые всегда были готовы помогать своимъ соплеменникамъ [1]. Административныя власти старались прекратить безпорядки, арестовывали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наиболѣе ретивыхъ бойцевъ обѣихъ партій и наказывали ихъ плетьми и цѣпями; но участь арестованныхъ не устрашала и не усмиряла оставшихся на свободѣ, а вызывала напротивъ того еще большее ожесточеніе и большее возбужденіе страстей. Когда однажды іудеи одержали побѣду, на площадь явился Феликсъ и съ угрозами приказалъ имъ отступить; когда же тѣ не повиновались, онъ напустилъ на нихъ солдатъ, которые убили многихъ и разграбили ихъ имущество. Когда же послѣ этого борьба все-таки не унималась, Феликсъ избралъ по нѣскольку вліятельнѣйшихъ лицъ съ обѣихъ сторонъ и отправилъ ихъ въ качествѣ пословъ къ Нерону для того, чтобы они лично предъ императоромъ оспаривали другъ у друга свои права.

[1] Какъ высокъ былъ нравственный уровень кесарійцевъ и себастійцевъ, а равно и гарнизоновъ, расположенныхъ среди нихъ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа Іосифа. „Когда сдѣлалась извѣстной смерть Агриппы I, граждане Кесареи и Себасты мигомъ забыли всѣ его благодѣянія и начали вести себя, какъ закаленные его враги. Они поносили умершаго самыми непристойными словами, а солдаты вторглись въ его домъ, схватили портреты его дочерей, понесли ихъ въ публичные дома и, установивъ ихъ надъ крышами послѣднихъ, осмѣяли ихъ въ такой формѣ, что я не берусь ее передать. Еще больше— на центральныхъ площадяхъ они съ вѣнками на надушенныхъ благовонными маслами головахъ * открыто пировали, приносили благодарственныя жертвы Харону ** и весело поздравляли другъ друга съ радостной вѣстью о скоропостижной смерти царя“... „Императоръ Клавдій, узнавши, какъ они позорили память умершаго и честь жившихъ еще его дочерей, приказалъ посланному въ Іудею прокураторомъ Куспію Фаду прежде всего наказать жителей Кесареи и Себасты, а расположенныя въ нихъ войска сослать на тяжелую службу въ отдаленный Понтъ и на ихъ мѣсто набрать другихъ солдатъ изъ находившихся въ Сиріи римскихъ легіоновъ. Приказаніе это не было, однако, приведено въ исполненіе, такъ какъ виновные съумѣли выпросить себѣ чрезъ депутацію у императора прощеніе. Оставшіеся на своихъ мѣстахъ гарнизоны сдѣлались злѣйшимъ несчастьемъ для іудеевъ, такъ какъ они своими насиліями вынудили ихъ объявить войну римлянамъ. Лишь впослѣдствіи, когда война была уже окончена, Веспасіанъ наказалъ кесарійцевъ и себастійцевъ, сославъ ихъ изъ ихъ насиженныхъ мѣстъ“ (І. Д. XIX, 9, 1, 2).

* Въ этомъ заключалась дерзкая насмѣшка, такъ какъ они, какъ подданные, должны были носить трауръ по царѣ.

** Миѳологическій лодочникъ, который по понятіямъ грековъ перевозилъ души умершихъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

(І. Д. XX, 8, 9—9, 7).

Феликса смѣняетъ Фестъ; за нимъ слѣдуетъ Альбинъ, преемникомъ котораго является Флоръ.—Послѣдній своей жестокостью вынуждаетъ іудеевъ начать войну.

1) Фестъ, вступивъ въ управленіе послѣ Феликса [1] около (10 до раз. хр.), выступилъ немедленно противъ опустошителей страны; большинство разбойниковъ было схвачено и не мало изъ нихъ казнено [2]. Преем-

[1] Феликсъ уже послѣ удаленія его съ поста прокуратора былъ обжалованъ кесарейскими евреями предъ императоромъ, но былъ прощенъ, благодаря заступничеству брата его Палласа.

[2] При Порціи Фестѣ, правившемъ только два года, положеніе дѣлъ въ Іудеѣ ни въ чемъ не измѣнилось: сикаріи, все больше увеличиваясь въ числѣ, продолжали неистовствовать противъ своихъ противниковъ, появленіе новыхъ лжепророковъ также не прекращалось; одного изъ нихъ, увлекшаго цѣлыя толпы приверженцевъ въ пустыню обѣщаніемъ чудеснаго избавленія ихъ отъ римскаго рабства, Фестъ преслѣдовалъ вооруженной силой. При Фестѣ произошелъ

никъ же его Альбинъ (около 7 до разр. хр.) велъ правленіе совсѣмъ въ другомъ духѣ, чѣмъ первый. Не было того злодѣйства, котораго онъ бы не совершилъ. Мало того, что онъ похищалъ общественныя кассы, массу частныхъ лицъ лишилъ состоянія и весь народъ отягощалъ непосильными налогами, но онъ за выкупъ возвращалъ свободу преступникамъ, схваченнымъ или ихъ непосредственнымъ начальствомъ или предшествовавшими правителями, и содержавшимся въ заключеніи, какъ разбойники. Только тотъ, который не могъ платить, оставался въ тюрьмѣ. При немъ опять въ Іерусалимѣ подняли головы сторонники переворота. Богатые посредствомъ подкупа заручились содѣйствіемъ Альбина на столько, что они, не встрѣчая препятствій съ его стороны, могли безбоязненно возбуждать мятежъ; и та часть народа, которой не нравилось спокойствіе, примкнула къ тѣмъ, которые дѣйствовали за одно съ Альбиномъ. Каждый изъ этихъ злодѣевъ окружалъ себя своей собственной кликой, а надъ всѣми, точно разбойничій атаманъ или тиранъ, царилъ Альбинъ, употреблявшій своихъ сообщниковъ на ограбленіе благонамѣренныхъ гражданъ. Дошло до того, что ограбленные вмѣсто того, чтобы громко вопіять, какъ естественно должно было быть въ такихъ случаяхъ, вынуждены были молчать; тѣ-же, которые еще не пострадали, изъ боязни предъ подобными насиліями даже льстили тѣмъ, которые должны были бы подлежать заслуженной карѣ. Вообще никто не смѣлъ произнесть свободное слово—люди имѣли надъ собою не одного, а цѣлую орду тирановъ. Тогда уже было брошено сѣмя вскорѣ наступившаго разрушенія города.

2) Но Альбинъ являлся еще образцомъ добродѣтели въ сравненіи съ

также серьезный конфликтъ между Агриппой II и прокураторомъ, съ одной стороны, и умѣренной благочестивой партіей іерусалимскихъ гражданъ, съ другой. Агриппѣ вздумалось построить новый этажъ на замкѣ Асмонеевъ для того, чтобы обрѣсти въ немъ обсерваціонный пунктъ для наблюденія за всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ храмѣ; священники возмутились поступкомъ царя и возвели на внутренней западной галлереѣ стѣну, которая закрывала храмъ отъ нескромныхъ глазъ Агриппы; но эта стѣна скрывала храмъ и отъ внѣшней галлереи, гдѣ въ праздничные дни были разставлены римскіе военные посты. Фестъ потребовалъ поэтому разрушенія новосооруженной стѣны; іудеи же никакъ не соглашались, такъ какъ это, по ихъ понятіямъ, было бы равносильно разрушенію части храма. Дѣло было предоставлено на судъ императора Нерона, который, благодаря заступничеству жены его Поппеи, питавшей расположеніе къ іудаизму, рѣшилъ споръ въ пользу іудеевъ. (І. Д. XX, 8, 11).

его замѣстителемъ Гессіемъ Флоромъ [1] (6 до разр. хр.). Въ то время когда тотъ совершалъ свои злодѣйства большею частью втайнѣ и съ предосторожностями, Гессій хвастливо выставлялъ свои преступленія всему народу на показъ. Онъ позволялъ себѣ всякого рода разбои и насилія и велъ себя такъ, какъ будто его прислали въ качествѣ палача для казни осужденныхъ. Въ своей жестокости онъ былъ безпощаденъ, въ своей наглости—безъ стыда. Никогда еще до него никто не умѣлъ такъ ловко опутать правду ложью или придумывать такіе извилистые пути для достиженія своихъ коварныхъ цѣлей, какъ онъ. Обогащаться на счетъ единичныхъ лицъ ему казалось черезъ-чуръ ничтожнымъ; цѣлые города онъ разграбилъ, цѣлыя общины онъ разорилъ до основанія и немного не доставало для того, чтобы онъ провозгласилъ по всей странѣ: каждый можетъ грабить гдѣ ему угодно съ тѣмъ только условіемъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ дѣлить добычу. Цѣлые округа обезлюдѣли вслѣдствіе его алчности; многіе покидали свои родовыя жилища и бѣжали въ чужія провинціи [2].

3) Во все время, когда Цестій Галлъ, правитель Сиріи, находился вдали, никто не осмѣливался посылать къ нему депутатовъ для обжалованія Флора. Но когда онъ прибылъ въ Іерусалимъ, и какъ разъ предъ наступленіемъ праздника опрѣсноковъ, его окружило не меньше трехъ милліоновъ іудеевъ со слезной мольбой сжалиться надъ изнемогающей націей и освободить ее отъ Флора, губителя страны. Этотъ находился на лицо и стоялъ возлѣ Цестія, но на поднятый противъ него ропотъ отвѣчалъ язвительными насмѣшками. Цестій самъ успокоилъ, однако, народъ обѣщаніемъ настроить Флора милостивѣе къ нимъ и возвратился въ Антіохію. Флоръ, чтобы изгладить въ немъ вынесенное впечатлѣніе, провожалъ его до Кесареи, но съ тѣхъ поръ онъ началъ подумывать о томъ, какъ бы вызвать необходимость войны съ іудеями, въ которой онъ видѣлъ единственное средство для сокрытія своихъ беззаконій. Ибо пока существовалъ миръ, онъ долженъ былъ

[1] Клазоменскій грекъ, жена котораго, Клеопатра, состояла въ дружескихъ отношеніяхъ съ Поппеей. Покровительство могущественной императрицы и дозволяло Флору дѣйствовать въ Іудеѣ безнаказанно, по своему произволу (І. Д. XX, 11, 1).

[2] До этого мѣста Іосифъ доводитъ свои „Іудейскія древности“. Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ личность послѣдняго прокуратора, авторъ въ заключеніи этой книги говоритъ: „Однимъ словомъ, Флоръ былъ тотъ, который довелъ насъ до того, что мы предприняли войну съ римлянами; ибо мы рѣшились лучше сразу погибнуть, чѣмъ капля по каплѣ истекать кровью.

быть всегда готовымъ къ тому, что іудеи обжалуютъ его предъ императоромъ, но разъ ему удастся вызвать открытое возстаніе, тогда онъ могъ надѣяться большимъ зломъ отвлечь ихъ отъ разоблаченія меньшаго. Такъ онъ съ каждымъ днемъ все больше усугублялъ бѣдствія народа, дабы этимъ вынудить его къ отпаденію.

4) Между тѣмъ кесарійскіе эллины добились того, что Неронъ объявилъ ихъ хозяевами города, и привезли грамоту, заключавшую въ себѣ это рѣшеніе [1]. Это положило начало войнѣ (4 до разр. хр.) на двѣнадцатомъ году владычества Нерона, семнадцатомъ году правленія Агриппы въ мѣсяцѣ Артемизіи [2]. Ужасныя послѣдствія этой войны нисколько не соотвѣтствовали первоначальнымъ ея причинамъ. Іудеи въ Кесареѣ имѣли синагогу на мѣстѣ, принадлежавшемъ эллину этого города. Неоднократно они старались пріобрѣсть въ собственность это мѣсто, предлагая за него сумму, далеко превышавшую настоящую его стоимость. Но владѣлецъ ни за что не уступалъ ихъ просьбамъ, а напротивъ, чтобы еще больше ихъ разозлить, застроилъ мѣсто новыми зданіями и помѣстилъ въ нихъ мастерскія, такъ что для іудеевъ остался лишь тѣсный и очень неудобный проходъ. Вначалѣ нѣкоторые пылкіе юноши дѣлали вылазки съ цѣлью помѣшать сооруженію построекъ. Но когда Флоръ воспретилъ этотъ насильственный образъ дѣйствій, богатые іудеи, къ которымъ присталъ также откупщикъ податей Іоаннъ, не нашли себѣ другого исхода, какъ только подкупить Флора восемью талантами для того, чтобы онъ своей властью пріостановилъ дальнѣйшую постройку. До полученія денегъ онъ обѣщалъ все; но какъ только имѣлъ ихъ уже въ рукахъ, онъ выѣхалъ изъ Кесареи въ Себастію и предоставилъ раздоръ своему собственному теченію, точно онъ за полученныя деньги продалъ іудеямъ право употреблять насилія.

5) На слѣдующій день, выпавшій въ субботу, когда іудеи въ полномъ сборѣ были въ синагогѣ, одинъ кесаріецъ-бунтовщикъ взялъ горшокъ, поставилъ его вверхъ дномъ предъ самыми синагогальными дверьми и принесъ на немъ въ жертву птицъ. Этотъ поступокъ еще болѣе привелъ въ ярость іудеевъ, такъ какъ въ немъ заключалось издѣвательство надъ ихъ законом и оскверненіе мѣста [1]. Болѣе солидные и спокойные стояли за то, чтобы еще разъ обратиться къ властямъ. Но страстная и пылкая молодежь, напротивъ того, горѣла жаждою борьбы. Съ другой стороны, кесарійскіе забіяки стояли уже готовыми къ бою, и они то преднамѣренно подослали жертвовавшаго. Такимъ образомъ вскорѣ завязался рукопашный бой. Юкундъ, начальникъ римской конницы, на обязанности котораго лежало охраненіе тишины и спокойствія, устранилъ жертвенный сосудъ и пытался прекратить битву; но такъ какъ кесарійцы ему не повиновались, то іудеи схватили впопыхахъ свои законодательныя книги и отступили къ Нарбатѣ—іудейской мѣстности, отстоящей на шестьдесятъ стадій отъ Кесареи. Іоаннъ и двѣнадцать вліятельныхъ іудеевъ направились въ Себасту къ Флору, выразили свое сожалѣніе по поводу случившагося и просили его заступничества, проронивъ при этомъ легкій намекъ на восемь талантовъ. Онъ же приказалъ бросить ихъ въ темницу за то, что они—это было вмѣнено имъ въ преступленіе—унесли изъ Кесареи свои законодательныя книги.

6) Весь Іерусалимъ страшно былъ возмущенъ этими происшествіями; но несмотря на это, жители столицы все еще сдерживали свой гнѣвъ. Флоръ же, какъ будто онъ спеціально нанялся для этого, нарочно раздувалъ пламя войны. Онъ послалъ за храмовой казной и приказалъ взять оттуда семнадцать талантовъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто императоръ нуждается въ нихъ. Вѣсть объ этомъ привела народъ въ негодованіе; съ громкими воплями онъ устремился въ храмъ, взывалъ къ имени императора и молился объ освобожденіи отъ тираніи Флора. Нѣкоторые изъ болѣе возбужденныхъ открыто хулили имя Флора, обошли толпу съ корзинками въ рукахъ и просили милостыни, приговаривая: «подайте бѣдному, несчастному Флору!» Это, однако, не заставило его устыдиться своей жадности, а напротивъ подстрекало его на дальнѣйшія вымогательства. Вмѣсто того, чтобы поспѣшить въ Кесарею, потушить разгорѣвшуюся тамъ войну и устранить причины неудовольствія, за что ему же заплатили,—онъ ринулся въ Іе-

[1] Посредствомъ подкупа Берилла (такъ слѣдуетъ читать І. Д. XX, 8, 9, а не Бурръ), секретаря Нерона.

[2] Македонское названіе мѣсяца, соотвѣтствующаго еврейскому мѣсяцу Ияру (Май).

[1] Египетскіе писатели распространили по древнему міру молву, что еврейскій народъ былъ одолимъ проказой и вслѣдствіе этого онъ жилъ изолированнымъ въ Египтѣ, а потомъ изгнанъ оттуда (Противъ Апіона I, 26). Поступокъ кесарійца заключалъ въ себѣ такимъ образомъ намекъ на эту клевету, такъ какъ по Моисееву законодательству прокаженные, исцѣлившись отъ своей болѣзни, должны были принесть въ жертву птицъ (Левитъ, 14).

русалимъ съ конницей и пѣхотой, чтобы силой римскаго оружія отстоять свои требованія и страхомъ и угрозами волновать городъ.

7) Чтобы заранѣе смягчить его гнѣвъ, граждане вышли на встрѣчу солдатамъ съ привѣтствіями и сдѣлали все для того, чтобы принять Флора, какъ можно почтительнѣе. Флоръ же выслалъ впередъ центуріона Капитона съ пятьюдесятью всадниками и съ приказомъ возвратиться назадъ, въ городъ: «пусть не заигрываютъ теперь въ дружбу съ тѣмъ, котораго они раньше такъ постыдно поносили; если они настоящіе молодцы и такъ незастѣнчивы въ своихъ выраженіяхъ, то пусть же они осмѣятъ его въ глаза, пусть докажутъ свою любовь къ свободѣ не только на словахъ, но и съ оружіемъ въ рукахъ». Когда всадники Капитона нагрянули прямо на толпу, послѣдняя, ужаснувшаяся такого пріема, разсѣялась, прежде чѣмъ успѣла привѣтствовать Флора и засвидѣтельствовать солдатамъ свои чувства преданности. Всѣ поспѣшно разошлись по домамъ и провели ночь въ страхѣ и уныніи.

8) Флоръ переночевалъ въ царскомъ дворцѣ, а на слѣдующій день приказалъ поставить предъ дворцомъ судейское кресло, на которое онъ взошелъ. Первосвященники и другія высокопоставленныя лица, равно и вся знать города, предстали предъ этимъ судилищемъ. Флоръ потребовалъ тогда отъ нихъ выдачи тѣхъ, которые его оскорбляли, присовокупивъ угрозу, что, въ случаѣ отказа, они сами поплотятся за виновныхъ. Они же, напротивъ, указывали на мирное настроеніе народа и просили его простить тѣхъ, которые грѣшили своими рѣчами. Не удивительно, сказали они, если среди такой огромной массы находятся нѣкоторыя горячія головы и по молодости своей необдуманныя; отыскать ихъ теперь невозможно, такъ какъ всѣ перемѣнили свой образъ мысли и изъ страха предъ наказаніемъ будутъ отпираться отъ своей вины. Пусть онъ лучше позаботится теперь о поддержаніи мира среди населенія, о сохраненіи города для римлянъ; пусть лучше проститъ немногихъ провинившихся ради многихъ невинныхъ, а не ввергнетъ въ несчастье огромную массу благонадежныхъ изъ-за горсти злодѣевъ.

9. Этотъ отвѣтъ только увеличилъ его гнѣвъ; онъ громко отдалъ приказъ войску разграбить такъ называвшійся верхній рынокъ и убить всѣхъ, которые только попадутся имъ въ руки. Повелѣніе начальника пришлось по вкусу алчнымъ солдатамъ: они не только разгромили указанную имъ часть города, но врывались во всѣ дома и убивали жильцовъ. Всѣ пустились бѣжать по тѣснымъ улицамъ; кто былъ застигнутъ,

тотъ долженъ былъ умереть, и ни единый способъ разбоя не былъ упущенъ солдатами. Многихъ также спокойныхъ гражданъ они схватили живыми и притащили къ Флору, который велѣлъ ихъ прежде бичевать, а затѣмъ распять. Общее число погибшихъ въ тотъ день вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми (и безсловесныя дѣти не были пощажены) достигало около 3600. Еще больше усугубило несчастье неслыханное до тѣхъ поръ у римлянъ изувѣрство; Флоръ отважился на то, чего не позволялъ себѣ никто изъ его предшественниковъ: лицъ всадническаго сословія, хотя іудейскаго происхожденія, но носившихъ римское почетное званіе, онъ приказалъ бичевать предъ трибуналомъ и распять ихъ [1].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Вереника напрасно умоляетъ Флора о пощадѣ для іудеевъ.—Флоръ опять раздуваетъ возстаніе послѣ того, какъ оно уже было потушено.

1) Въ это время царь Агриппа уѣхалъ въ Александрію, чтобы поздравить Александра (11, 6), которому Неронъ ввѣрилъ Египетъ, пославъ его туда въ качествѣ намѣстника. Его сестра, Вереника [2], находилась какъ разъ въ Іерусалимѣ и была свидѣтельницей всѣхъ ужасовъ, совершенныхъ солдатами. Проникнутая глубокимъ сожалѣніемъ, она нѣсколько разъ посылала къ Флору своихъ кавалерійскихъ офицеровъ и тѣлохранителей съ просьбой прекратить рѣзню. Но ни огромное число жертвъ, ни высокое происхожденіе заступницы не повліяли на него; онъ только думалъ о барышахъ, которые принесли ему грабежи, и не обращалъ вниманія на ея просьбы. Ярость солдатъ обратилась противъ самой царицы: они не только мучили и убивали плѣнныхъ на ея глазахъ, но и ее самое лишили бы жизни, еслибъ она поспѣшно не скрылась въ царскій дворецъ, гдѣ всю ночь, боясь нападенія солдатъ, провела среди своей стражи. Цѣль ея тогдашняго пребыванія въ Іерусалимѣ было исполненіе даннаго ею Богу обѣта. У іудеевъ существуетъ обычай, что тѣ, которые перенесли болѣзнь или другое какое либо несчастье, должны тридцать дней до принесенія ими жертвы посвятить себя благочестію, воздержаться отъ вина и

[1] Этой казни подвергались обыкновенно рабы.

[2] Послѣ смерти Ирода, царя Халкиды, за которымъ она была замужемъ, она вышла за киликійскаго царя Полемона, принявшаго изъ-за нея іудейство. Но бракъ этотъ былъ недолговѣченъ: Вереника разошлась съ своимъ новымъ мужемъ и возвратилась опять къ своему брату, Агриппѣ (I. Д. XX, 7, 3).

снять волосы съ головы. Выполненіемъ такого обѣта Вереника занята была тогда, когда она босая, какъ просительница, предстала предъ трибуналомъ Флора, не только не встрѣчая при этомъ почтительнаго обращенія, но подвергая свою жизнь явной опасности.

2) Это произошло въ шестнадцатый день мѣсяца Артемизія. На слѣдующій день народъ въ глубокомъ траурѣ собрался на верхнемъ рынкѣ и съ громкими воплями оплакивалъ убитыхъ; но тутъ стали также раздаваться враждебные голоса противъ Флора. Сильно опасаясь за исходъ дѣла, знатныя лица и первосвященники разорвали на себѣ одежду, пали къ ногамъ нѣкоторымъ изъ толпы и умоляли ихъ сдержать себя и не вызывать Флора на новыя злодѣйства. Народъ сейчасъ же далъ себя уговорить, отчасти изъ благоговѣнія предъ просящими, отчасти въ надеждѣ, что Флоръ ничего враждебнаго противъ нихъ больше не предприметъ.

3) Успокоеніе умовъ пришлось, однако, Флору не по сердцу. Онъ придумывалъ поэтому новыя средства, чтобы возбудить ихъ вновь. Съ этими мыслями онъ призвалъ къ себѣ первосвященниковъ и почетныхъ гражданъ и объявилъ имъ: если они желаютъ представить ему истинное доказательство въ томъ, что іудеи не помышляютъ о мятежѣ, то пусть послѣдніе устроятъ торжественную встрѣчу придвигающимся отрядамъ изъ Кесареи. (Двѣ когорты были на пути къ Іерусалиму). Но въ то время, когда тѣ были заняты въ народномъ собраніи, Флоръ отправилъ вѣстового съ инструкціей къ начальникамъ когортъ, чтобы они приказали своимъ людямъ ничего не отвѣтить на привѣтствія іудеевъ; въ случаѣ же, если послѣдніе позволятъ себѣ какое-либо слово противъ его личности, тогда они должны пустить въ ходъ свое оружіе. Между тѣмъ первосвященники созвали народъ въ храмъ и побуждали его выйти на встрѣчу римскимъ когортамъ и радостно ихъ привѣтствовать, дабы избѣгнуть худшихъ послѣдствій. Жаждавшіе мятежа отказались отъ этого предложенія и народъ, помня убитыхъ, склонялся на сторону болѣе рѣшительныхъ.

4) Тогда появились всѣ коганы и всѣ священнослужители, неся передъ собою священные сосуды и одѣтые въ облаченіе, которое они обыкновенно носили при богослуженіи; дальше шли игравшіе на цитрахъ и храмовые пѣвцы съ ихъ инструментами—всѣ пали ницъ передъ народомъ и молили его сохранить имъ священное облаченіе и не довести до того, чтобы римляне разграбили посвященныя Богу драгоцѣнности. Самихъ первосвященниковъ можно было видѣть съ пепломъ на головѣ и съ обнаженной грудью, такъ какъ они разорвали на себѣ одежду. Они обратились къ нѣкоторымъ знатнымъ особамъ поименно и ко всему народу въ цѣломъ и заклинали ихъ не подвергать опасности родного города изъ-за упущенія незначительной формальности и не отдать его на произволъ тѣмъ, которые хотятъ погубить его. «Что же выиграютъ солдаты отъ привѣтствія іудеевъ, а съ другой стороны, если они откажутся выйдти имъ на встрѣчу—поправится-ли совершившееся уже несчастье? Если они по установившемуся обычаю дружелюбно примутъ приближающіеся отряды, тогда они отнимутъ у Флора всякій поводъ къ войнѣ, сохранятъ отечественный городъ и въ будущемъ не будутъ больше обезпокоены. Помимо того, было-бы непростительной необдуманностью съ ихъ стороны дать руководить собою немногимъ безпокойнымъ умамъ, вмѣсто того, чтобы своимъ подавляющимъ большинствомъ заставить тѣхъ присоединиться къ нимъ».

5) Этими словами они не только смягчили народъ, но—однихъ угрозами и другихъ внушавшимъ уваженіе повелительнымъ тономъ—заставили умолкнуть даже коноводовъ. Спокойно и въ праздничныхъ нарядахъ народъ подвигался на встрѣчу солдатамъ и привѣтствовалъ ихъ, когда тѣ приблизились. Видя-же, что солдаты оставляютъ привѣтствіе безъ всякаго отвѣта, нѣкоторые изъ безпокойныхъ стали поносить имя Флора. Это послужило лозунгомъ къ нападенію на іудеевъ. Солдаты ихъ немедленно оцѣпили и начали бить кнутами; бѣжавшихъ преслѣдовали всадники и растаптывали ихъ. Огромное число пало подъ кнутами римлянъ, но еще больше погибло въ натискѣ своихъ-же. Страшна была давка въ воротахъ: каждый хотѣлъ опередить другого и вслѣдствіе этого замедлилось общее бѣгство; за тѣ, которые падали на землю, погибали самымъ жалкимъ образомъ. Задушенные и раздавленные наступавшей на ихъ тѣла толпой, они до того были изуродованы, что никто не могъ отыскать трупа родныхъ для погребенія. Вмѣстѣ съ ними втѣснились въ городъ также и солдаты, не переставая бить всѣхъ, кого только застигали. Они старались загнать народъ въ Бецету [1] для того, чтобы, оттолкнувъ его въ сторону, завладѣть храмомъ и замкомъ Антоніей. Въ этомъ-же разсчетѣ и Флоръ съ своимъ войскомъ прискакалъ изъ дворца и старался достигнуть цитадели. Но этотъ планъ ему уже не удался. Народъ повернулся лицомъ, выдержалъ натискъ римлянъ и, взобравшись на крыши, сталъ стрѣлять въ римлянъ

[1] Предмѣстье города.

сверху внизъ. Затрагиваемые этими выстрѣлами сверху и слишкомъ слабые для того, чтобы пробиться чрезъ толпу, запрудившую тѣсныя улицы, римляне потянулись назадъ въ свои квартиры, близъ царскаго дворца.

6. Опасаясь, чтобы Флоръ при вторичномъ нападеніи не овладѣлъ храмомъ со стороны замка Антоніи, мятежники поспѣшили вверхъ и сломали колоннады, соединявшія храмъ съ послѣдней [1]. Это немного охладило жадность Флора: его страстнымъ вожделѣніемъ были священныя сокровища и потому-то онъ такъ старался добраться до Антоніи; но разъ галлереи были сорваны, онъ отказался отъ своего намѣренія. Онъ потребовалъ къ себѣ первосвященниковъ и совѣтъ и объявилъ имъ, что онъ самъ удалится [2], но оставитъ въ ихъ распоряженіи войска, сколько имъ угодно. Они обѣщали ему полную безопасность и спокойствіе города, если онъ оставитъ имъ одну единственную когорту, только не ту, которая только что сражалась, такъ какъ ожесточеніе народа противъ нея очень велико. Согласно этому выраженному ими желанію, онъ далъ имъ когорту и возвратился вмѣстѣ съ остальнымъ войскомъ въ Кесарею.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Цестій посылаетъ трибуна Неаполитана для разслѣдованія положенія дѣлъ въ Іудеѣ. — Рѣчь царя Агриппы къ іудеямъ, въ которой онъ имъ совѣтуетъ не начинать войны противъ римлянъ.

1) Чтобы дать новую пищу войнѣ, Флоръ отправилъ Цестію донесеніе, въ которомъ ложно обвинялъ іудеевъ въ отпаденіи, приписалъ имъ начало борьбы и винилъ ихъ во всемъ томъ, что они перетерпѣли. Но и городскія власти въ Іерусалимѣ не молчали: сообща съ Вереникой они въ письмѣ, обращенномъ къ Цестію, изложили всѣ преступленія Флора противъ города. Получивъ эти противорѣчивыя сообщенія, Цестій въ кругу своихъ офицеровъ держалъ совѣтъ, что дѣлать. Одни высказывались въ томъ смыслѣ, что Цестій во главѣ войска лично долженъ идти въ Іерусалимъ и наказать за отпаденіе, если послѣднее дѣйствительно имѣло мѣсто, или-же укрѣпить іудеевъ въ ихъ настроеніи, если они остались вѣрными римлянамъ. Но онъ самъ счелъ за лучшее на первыхъ порахъ отправить одного изъ своихъ друзей для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ и представленія точнаго отчета о состояніи умовъ въ Іудеѣ. Эту миссію онъ возложилъ на одного изъ своихъ трибуновъ, Неаполитана, который на своемъ пути въ Іерусалимъ сошелся возлѣ Іамніи съ возвратившимся изъ Александріи царемъ Агриппой и сообщилъ ему кѣмъ и зачѣмъ онъ посланъ.

[1] Уничтоженіе колоннады, чрезъ которую гарнизонъ могъ имѣть постоянный доступъ къ храму, признавалось первымъ оффиціальнымъ актомъ отпаденія іудеевъ отъ римскаго владычества. Этотъ актъ былъ такимъ образомъ совершенъ среди боевого смятенія и противъ ожиданія самихъ даже тѣхъ евреевъ, которыхъ Іосифъ называетъ мятежниками.

[2] Флоръ видѣлъ ясно, что дальнѣйшее его пребываніе въ Іерусалимѣ становится для него опаснымъ.

2. Тамъ-же находились первосвященники, вліятельнѣйшіе іудеи и совѣтъ, прибывшіе встрѣчать царя. Отдавши ему должныя почести, они повѣдали ему свое горе и описали въ частностяхъ звѣрскіе поступки Флора. Какъ ни великъ былъ гнѣвъ царя и какъ онъ ни сочувствовалъ внутренно іудеямъ, онъ все-таки изъ благоразумія вымѣстилъ свою злобу на послѣднихъ же, желая умѣрить ихъ самонадѣянность и отклонить ихъ отъ всякой мысли о мщеніи, для котораго будто никакого повода не имѣется. Они же, какъ люди, стоявшіе выше толпы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ для сохраненія своихъ богатствъ сами тоже желали мира, поняли, что укоры царя вытекаютъ изъ доброжелательства къ народу. Но на разстояніи шестидесяти стадій отъ Іерусалима прибыла масса простого іерусалимскаго народа для привѣтствованія Агриппы и Неаполитана. Впереди шли жены убитыхъ, потрясая воздухъ громкими рыданіями; народъ присоединился къ этому воплю и просилъ Агриппу о заступничествѣ; Неаполитану они горько жаловались на многочисленныя насилія Флора и по прибытіи въ городъ показали ему и царю опустошенный рынокъ и разрушенные дома. Затѣмъ они уговорили чрезъ Агриппу Неаполитана въ сопровожденіи одного лишь слуги обойти весь городъ до Силоама [1] для того, чтобы убѣдиться, съ какой покорностью іудеи относятся къ римлянамъ и что ненавидятъ они одного только Флора за его неслыханныя звѣрства. Когда онъ при своемъ объѣздѣ по городу получилъ достаточныя доказательства мирнаго настроенія его обитателей, онъ взошелъ въ храмъ, созвалъ туда народное собраніе, высказалъ ему много похвалъ за его вѣрность къ римлянамъ, напомнилъ серьезно о сохраненіи спокойствія на будущее время и, почтивъ, на сколько ему приличествовало, Божій храмъ, уѣхалъ обратно къ Цестію.

[1] Водяной источникъ на восточной окраинѣ города.

3. Теперь народная толпа обратилась къ царю и первосвященникамъ съ требованіемъ отправить къ Нерону посольство для обжалованія Флора, дабы ихъ молчаніе о такомъ страшномъ кровопролитіи не навлекло еще на нихъ же подозрѣнія въ отпаденіи: «если они не поспѣшатъ указать на лицо, впервые поднявшее оружіе, то подумаютъ, что они были тѣ, которые первые это сдѣлали». Судя по настроенію народа, можно было видѣть ясно, что если ему будетъ отказано въ отправленіи депутаціи, онъ не останется въ покоѣ. Но Агриппа разсчиталъ, что назначеніе пословъ для обжалованія Флора создастъ ему враговъ; съ другой же стороны, онъ отлично понималъ, какъ невыгодно будетъ для него, если онъ допуститъ, чтобъ военная вспышка, охватившая іудеевъ, разгорѣлась въ пламя. Онъ рѣшился поэтому созвать народъ на окруженную колоннами площадь (Ксистъ, большая площадь передъ дворцомъ Асмонеевъ), поставилъ свою сестру Веренику рядомъ съ собою такимъ образомъ, чтобъ всякій могъ ее видѣть, и предъ дворцомъ Асмонеевъ, возвышавшимся надъ площадью на окраинѣ верхняго города (эта площадь была посредствомъ моста соединена также и съ храмомъ), произнесъ слѣдующую рѣчь:

4) «Если-бъ я видѣлъ, что вы всѣ безъ исключенія настаиваете на войнѣ противъ римлянъ, а не наоборотъ,—что лучшая и благонадежная часть населенія твердо стоитъ за миръ, то я бы не выступилъ теперь предъ вами и не взялъ бы себѣ смѣлости предложить вамъ свой совѣтъ. Ибо всякое слово о томъ, что слѣдовало бы дѣлать, безполезно, когда гибельное рѣшеніе принято заранѣе единогласно. Но такъ какъ войны домогается одна лишь партія, подстрекаемая отчасти страстностью молодежи, неизвѣдавшей еще на опытѣ бѣдствій войны, отчасти—неразумной надеждой на свободу, отчасти также—личной корыстью и разсчетомъ, что когда все пойдетъ вверхъ дномъ, они сумѣютъ эксплоатировать слабыхъ—то я счелъ своимъ долгомъ собрать васъ всѣхъ сюда и сказать, что именно я считаю за лучшее, дабы люди разумные опомнились и перемѣнили свой образъ мыслей и добрые не пострадали изъ-за немногихъ безразсудныхъ. Пусть никто не перебиваетъ меня, если онъ услышитъ что-нибудь такое, что ему не понравится. Тѣ, которые какой бы то ни было цѣной добиваются мятежа, и послѣ моей рѣчи могутъ остаться при своемъ мнѣніи, если же не всѣ будутъ спокойно вести себя, то мои слова пропадутъ даромъ и для тѣхъ, которые охотно желали-бы слушать меня.

«Я знаю, что многіе съ большою страстностью говорятъ о притѣсненіяхъ прокураторовъ и о прелестяхъ свободы. Но прежде чѣмъ разобрать, кто вы

такіе, и кто тѣ, съ которыми вы думаете бороться, я хочу размотать клубокъ перепутанныхъ между собою предлоговъ для войны. Если вы только хотите отомстить тѣмъ, которые васъ обижаютъ, то при чемъ тутъ ваши гимны о свободѣ? Если же рабское положеніе кажется вамъ невыносимымъ, то жалобы на личности правителей становятся излишними: онѣ могутъ быть очень мягкосердечны, а все-таки зависимое положеніе остается позорнымъ. Разберите же каждый пунктъ въ отдѣльности и тогда увидите, сколь маловажными являются поводы къ войнѣ. Разсмотримъ прежде жалобы на правителей. Благоговѣть надо предъ властителями, а не возбуждать ихъ гнѣвъ; если же вы на небольшія погрѣшности отвѣчаете жестокими оскорбленіями, то вы возстановляете противъ самихъ себя тѣхъ, которыхъ вы поносите: они тогда причиняютъ вамъ вредъ не тайно и робко, а губятъ васъ открыто. Ничто такъ не противодѣйствуетъ удару, какъ перенесеніе его: терпѣніе обижаемыхъ трогаетъ сердце тѣхъ, которые причиняютъ обиды. Допустимъ даже, что римскіе чиновники невыносимо жестоки, но васъ же не притѣсняютъ всѣ римляне и не притѣсняетъ васъ императоръ, противъ котораго вы собираетесь начать войну. Вѣдь не посылаютъ вамъ правителя, которому предписано быть злодѣемъ, а на Западѣ не видятъ, что происходитъ на Востокѣ, какъ вообще даже вѣсти о насъ доходятъ туда только съ трудомъ. Развѣ не нелѣпо, изъ-за одного человѣка бороться со многими и изъ-за ничтожныхъ причинъ — воевать съ такой великой державой, которая вдобавокъ не знаетъ о нашихъ претензіяхъ. Возможно же, что мы вскорѣ избавимся отъ нашихъ тягостей; вѣдь не вѣчно же будетъ у насъ оставаться одинъ и тотъ же правитель, а его преемники будутъ, вѣроятно, люди болѣе милостивые. Но разъ война начата, то безъ несчастій не легко будетъ ни прекратить, ни продолжать ее. Что же касается свободы, то въ высшей степени несвоевременно теперь гнаться за нею. Прежде нужно было бороться, чтобы не потерять ее, ибо первое ощущеніе рабства, дѣйствительно, больно, и всякая борьба противъ него въ началѣ справедлива. Если же кто, будучи разъ покоренъ, опять отпадетъ, то онъ не больше, какъ возмечтавшій о себѣ рабъ, но не любящій свободу человѣкъ. Да, тогда нужно было напрягать всѣ усилія, чтобы не впустить римлянъ,—тогда, когда Помпей впервые вступилъ въ страну. Но и наши предки и ихъ цари, которые далеко превосходили васъ и деньгами, и силами, и мужествомъ, — все таки не могли устоять противъ незначительной части римскаго войска; а вы, которые зависимость отъ римлянъ получили уже въ наслѣдство, которые во всѣхъ отношеніяхъ

такъ далеко уступаете вашимъ предкамъ, впервые пришедшимъ въ соприкосновеніе съ римлянами и мало еще знавшимъ о нихъ,—вы теперь хотите помѣряться со всѣмъ римскимъ государствомъ! [1] Аѳиняне, которые однажды за свободу эллиновъ сами предали свой городъ огню, которые высокомѣрнаго Ксеркса, ѣхавшаго на сушѣ въ корабляхъ и пѣшкомъ перешагавшаго моря—море не могло обнять его флоты, а вся Европа была слишкомъ тѣсна для его войска—этого Ксеркса они какъ беглеца преслѣдовали на челнокѣ и у маленькаго Саламина сломили ту великую азіятскую державу—они теперь подданные римлянъ, и городъ, нѣкогда стоявшій во главѣ Эллады, управляется теперь приказаніями, исходящими изъ Италіи. Лакедемоняне, имѣвшіе свои Ѳермопилы, Платею и Агезилая, открывшаго нѣдра Азіи, должны были подчиниться тому же господству. Македоняне, которые все еще бредятъ Филиппомъ и видятъ его вмѣстѣ съ Александромъ, сѣющими сѣмена всемірнаго македонскаго царства,—мирятся съ превратностью судьбы и почитаютъ тѣхъ, которымъ счастье теперь улыбается. И безчисленныя другія народности, воодушевленныя еще большимъ влеченіемъ къ свободѣ, смиряются; одни только вы считаете стыдомъ быть подвластными тому, у ногъ котораго лежитъ весь міръ. Какое войско, какое оружіе вселяетъ въ васъ такую увѣренность? Гдѣ вашъ флотъ, который долженъ занять римскія моря? Гдѣ тѣ сокровища, которыми вы должны поддержать ваше предпріятіе? Не воображаете-ли вы, что подымаете оружіе противъ какихъ нибудь египтянъ или арабовъ? Не знаете ли вы развѣ, что значитъ римское государство? Или вы не имѣете масштаба для собственной своей слабости? Развѣ вы не бывали уже часто побѣждаемы вашими сосѣдями? А мощь римлянъ, напротивъ, на всей обитаемой землѣ непобѣдима. Но имъ всего этого еще мало было и ихъ желанія шли дальше; весь Евфратъ на востокѣ, Дунай на сѣверѣ, на югѣ Ливія [2], которую они прорѣзали до пустынь, и Гадесъ [3] на западѣ — все это ихъ не удовлетворило; они отыскали себѣ по той сторонѣ океана новый свѣтъ и перенесли

[1] При переводѣ этой фразы, мы руководотвовались толкованіемъ Гаверкампа. Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: Еслибы ваши предки хотѣли воевать съ римлянами, то это было бы простительно, потому что они во всѣхъ отношеніяхъ превосходили васъ, да при томъ не имѣли никакого представленія о римскомъ могуществѣ, но вы, прекрасно знающіе, какъ силенъ Римъ, никоимъ образомъ не должны взяться за оружіе.

[2] Древнее названіе Африки.

Нынѣ Кадиксъ—портовый городъ на юго-западѣ Испаніи.

свое оружіе къ дотолѣ никому неизвѣстнымъ британцамъ. А вы-что? Вы богаче галловъ, храбрѣе германцевъ, умнѣе эллиновъ и многочисленнѣе всѣхъ народовъ на землѣ? Что вамъ внушаетъ самоувѣренность возстать противъ римлянъ? Вы говорите, что рабское иго слишкомъ тяжело. На сколько же тяжелѣе оно должно быть для эллиновъ, слывущихъ за самую благородную націю подъ солнцемъ и населяющихъ такую великую страну! Однако-же они сгибаются предъ шестью прутьями [1] римлянъ; точно также и македоняне, которые бы имѣли больше правъ, чѣмъ вы, стремиться къ независимости. И, наконецъ, пятьсотъ азіятскихъ городовъ—не покоряются-ли они даже безъ гарнизоновъ одному властелину и консульскимъ прутьямъ. Не говоря уже о геніохахъ [2], колхидянахъ [3] и народѣ таврическомъ [4], объ обитателяхъ Босфора и племенахъ на Понтѣ [5] и Меотійскаго моря, [6] которые раньше не имѣли понятія даже о туземной власти, а теперь ихъ обуздываютъ три тысячи тяжеловооруженныхъ, и сорокъ военныхъ кораблей удерживаютъ миръ на бурномъ и прежде непроѣзжемъ морѣ. Сколь много могли сдѣлать для достиженія своей цѣли Виѳинія [7], Каппадокія [8], Памфилія [9], Ликія [10] и Киликія [11]! Все-же таки онѣ платятъ дань, не будучи даже принуждены къ этому оружіемъ. Взгляните на ѳракійцевъ [12]! Ихъ страна имѣетъ пять дней ѣзды ширины и семь—длины, гораздо болѣе дика и защищена, чѣмъ ваша, ихъ жестокіе холода служатъ страшилищемъ для непріятеля—не повинуются ли они, однако, гарнизону изъ 2000 римлянъ? А ихъ сосѣди

[1] Ликторы въ знакъ карательной власти того лица, которое они сопровождали, носили связки березовыхъ или вязовыхъ прутьевъ (fasces) съ воткнутой въ нихъ сѣкирой.

[2] Народъ, жившій на с.-в. берегу Чернаго моря.

[3] Обитали плодородную область Азіи на восточномъ берегу Чернаго моря.

[4] Жители Крымскаго полуострова.

[5] Древнее названіе Чернаго моря.

[6] Древнее названіе Азовскаго моря.

[7] Область въ сѣверо-западной части Малой Азіи, въ нынѣшней Анатоліи.

[8] Страна на в. Малой Азіи, превращенная въ римскую провинцію Тиверіемъ.

[9] Береговая полоса Малой Азіи между Ликіей и Киликіей.

[10] Область на южномъ берегу М. Азіи первоначально называвшаяся Миліей, превращена въ провинцію Клавдіемъ.

[11] Мѣстность на юго-восточномъ берегу М. Азіи.

[12] Обитали страну между Македоніей, Гемусомъ, Эгейскимъ моремъ и Дунаемъ.

иллирійцы [1], владѣнія которыхъ простираются до Далмаціи и Дуная—не покоряются ли они двумъ легіонамъ, которые еще помогаютъ имъ отражать нападенія дакійцевъ [2]? Дальше, далматы [3], такъ часто пытавшіеся сбросить съ себя иго рабства и послѣ каждой неудачи собиравшіе новыя силы для отпаденія—какъ спокойно они теперь живутъ подъ охраной одного римскаго легіона! Если есть нація, которая въ дѣйствительности имѣла бы возможность къ возстанію, такъ это именно галлы, которые такъ прекрасно защищены самой природой: на востокѣ Альпами, на сѣверѣ Рейномъ, на югѣ—Пиренейскими горами и океанамъ на западѣ. Но несмотря на то, что они окружены такими крѣпостями, считаютъ въ своей средѣ триста пять народностей, владѣютъ внутри своей страны всѣми, такъ сказать, источниками благосостоянія и своими продуктами наводняютъ почти весь міръ, тѣмъ не менѣе они мирятся съ положеніемъ данниковъ города Рима, которому они предоставляютъ распоряжаться какъ угодно богатствами своей собственной страны. И это они терпятъ не изъ трусости или по врожденному имъ рабскому чувству — вѣдь они восемьдесятъ лѣтъ вели войну за свою независимость—а потому, что рядомъ съ могуществомъ Рима ихъ страшитъ и его счастье, которому онъ обязанъ больше, чѣмъ своему оружію. Такъ ихъ держатъ въ повиновеніи 1200 солдатъ въ то время, когда у нихъ почти больше городовъ, чѣмъ эта горсть людей. Иберійцамъ [4] въ ихъ войнѣ за свободу не помогло ни золото, добываемое изъ родной почвы, ни страшная отдаленность отъ римлянъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, ни воинственныя племена лузитанцевъ [5] и кантабровъ [6], ни близкій океанъ съ его бурнымъ прибрежнымъ теченіемъ, страшнымъ даже для коренныхъ жителей. Неся свое оружіе чрезъ Геркулесовы столбы [7] и прокладывая себѣ дорогу чрезъ облака по вершинамъ Пиренеевъ, римляне покорили также и тѣхъ, и гарнизона изъ одного легіона достаточно для этихъ столь

[1] Жили первоначально по прибрежью Адріатическаго моря.

[2] Дакійцы или Даки—племя, населявшее нынѣшнюю Трансильванію, Валахію, Молдавію.

[3] Жители Далмаціи, части древней Иллиріи.

[4] Древніе жители Испаніи, смѣшавшіеся впослѣдствіи съ лузитанцами.

[5] Жители западной части древней Испаніи, нынѣшней Португаліи.

[6] Жили по сѣверному берегу Испаніи до Пиренеевъ; были покорены Августомъ. Потомки ихъ назывались басками.

Гибралтарскій проливъ.

отдаленныхъ и труднопоборимыхъ народностей. Кто изъ васъ еще не слышалъ о многочисленной націи германцевъ? Ихъ тѣлесную силу и гигантскій ростъ вы уже часто имѣли случай наблюдать, такъ какъ римляне повсюду имѣютъ плѣнниковъ изъ этой націи. Они обитаютъ огромныя страны; выше ихъ роста ихъ гордость; они обладаютъ презирающимъ смерть мужествомъ, а нравомъ своимъ они свирѣпѣе самыхъ дикихъ звѣрей. И нынѣ, однако, Рейнъ составляетъ предѣлъ ихъ наступленій; покоренные восемью легіонами римлянъ, ихъ плѣнники были обращены въ рабство, а народныя массы ищутъ спасенія въ бѣгствѣ. Взгляните на стѣны британцевъ, вы, возлагающіе надежды на стѣны Іерусалима! Они защищены океаномъ и населяютъ островъ, неменьшій нашей страны: римляне приплыли къ нимъ и покорили ихъ; четыре легіона охраняютъ весь этотъ большой островъ. Нужно-ли еще больше примѣровъ, когда даже парѳяне—это сильнѣйшее воинственное племя, покорители столь многихъ народовъ, обладающіе такими огромными силами—когда и они посылаютъ римлянамъ заложниковъ, и въ Италіи мы видимъ, какъ знать Востока, желая показаться миролюбивой, исполняетъ рабскую службу. Въ то время, когда почти всѣ народы подъ солнцемъ преклоняются предъ оружіемъ римлянъ, вы одни хотите вести съ ними войну, не подумавъ объ участи карѳагенянъ, которые могли хвалиться своимъ великимъ Ганнибаломъ и благороднымъ своимъ происхожденіемъ отъ финикеянъ и которые, однако, пали подъ ударами Сципіона! Ни киренеяне [1], производившіе свое происхожденіе отъ лакедемонянъ, ни мармариды [2], племя которыхъ углубляется въ безводныя пустыни, ни сиртяне [3], насамоны [4] и мавры [5], одно имя которыхъ возбуждаетъ уже страхъ, ни многочисленный народъ нумидійскій [6],—не могли противостоять храбрости римлянъ. И всю третью часть свѣта [7], народности которой не легко даже исчислить, окруженную Атлантическимъ океаномъ и Геркулесовыми столбами, доставляющую пріютъ безчисленнымъ эѳіопамъ до Краснаго моря, подчинили себѣ

[1] Жители Киренаики въ сѣверной Африкѣ.

[2] Африканскій народъ, жившій недалеко отъ Египта.

[3] Жители береговъ двухъ заливовъ Средиземнаго моря на сѣверѣ Африки, извѣстныхъ подъ названіемъ Большой и Малой Сирты и считавшихся въ древности опасными для мореплаванія по причинѣ песчаныхъ отмелей.

[4] Африканскій народъ, жившій на берегу Большой Сирты.

[5] Племя берберійскаго рода, жившее въ древней Мавританіи.

[6] Нумидія—нынѣшній Алжиръ.

[7] Африка.

римляне. Кромѣ ежегодной доставки хлѣба, которымъ населеніе Рима питается восемь мѣсяцевъ, они платятъ еще разныя другія подати, добровольно удовлетворяя потребности государства и не считая, подобно вамъ, ни одного изъ налоговъ безчестіемъ для себя, несмотря на то, что у нихъ содержится одинъ только легіонъ. Но нужно-ли мнѣ доказывать могущество римлянъ ссылками на дальнія страны, когда на это указываетъ близкій къ намъ Египетъ, простирающійся до Эѳіопіи и счастливой Аравіи, граничащій съ Индіей, имѣющій, какъ показываетъ подушная подать, кромѣ жителей Александріи, населеніе въ семь съ половиной милліоновъ и не стыдящійся при всемъ томъ своего подчиненнаго положенія римлянамъ. И какую сильную опору для отпаденія имѣлъ бы Египетъ въ необычайно великой Александріи съ ея многочисленнымъ населеніемъ и огромными богатствами! Вѣдь этотъ городъ имѣетъ тридцать стадій длины и не меньше десяти стадій ширины; въ одинъ мѣсяцъ онъ уплачиваетъ римлянамъ больше дани, чѣмъ вы за цѣлый годъ, и, кромѣ денегъ, снабжаетъ Римъ хлѣбомъ на четыре мѣсяца; защищенъ-же онъ со всѣхъ сторонъ, частію непроходимыми пустынями, частію морями, лишенными гаваней, а частью рѣками и болотами. Но все это безсильно противъ счастья римлянъ: два легіона, расположенные въ городѣ, обуздываютъ далеко простирающуюся египетскую страну точно также, какъ и родовую македонскую честь. Гдѣ-же вы думаете найти союзниковъ противъ римлянъ? Въ необитаемой-ли части земли? Вѣдь на обитаемой землѣ все принадлежитъ Риму. Или, быть-можетъ, кто-либо изъ васъ перенесется мыслью за Евфратъ и будетъ мечтать о томъ, что наши соплеменники изъ Адіабены поспѣшатъ къ намъ на помощь? Но они, во первыхъ, безъ основательнаго повода не дадутъ себя втянуть въ такую войну; а если-бы даже они и приняли такое безразсудное рѣшеніе, то ихъ выступленію воспрепятствуютъ пареяне, потому что въ интересахъ послѣднихъ лежитъ охраненіе мира съ римлянами, которые всякую вылазку пареянскихъ подданныхъ противъ нихъ будутъ считать нарушеніемъ мирнаго договора. Такимъ образомъ ничего больше не остается, кромѣ надежды на Бога. Но и Онъ стоитъ на сторонѣ римлянъ, ибо безъ Бога невозможно же воздвигнуть такое государство. Подумайте дальше, какъ трудно станетъ вамъ даже въ борьбѣ съ легкопобѣдимымъ врагомъ сохранять чистоту вашего богослуженія; обязанности, соблюденіе которыхъ вамъ больше всего внушаетъ надежду на помощь Бога, вы будете вынуждены переступать и этимъ навлечете на себя Его немилость. Если вы захотите строго блюсти запреты субботы и не дадите себя склонять ни на какую работу

въ этотъ день, то вы въ такомъ случаѣ легко будете одолены, подобно тому, какъ пали ваши предки предъ Птоломеемъ, пользовавшимся, главнымъ образомъ, тѣми днями, которые праздновали осажденные, для усиленія и ускоренія осады. Если же, наоборотъ, вы во время войны сами будете нарушать отцовскіе законы, то я не понимаю, изъ-за чего вамъ еще воевать. Это же единственная цѣль вашего рвенія—оставить за собою неприкосновенность отцовскихъ законовъ. Но какъ вы можете взывать къ помощи Бога, если вы преднамѣренно грѣшите противъ Него. Войну начинаютъ обыкновенно въ надеждѣ или на божество или на человѣческую помощь; но когда зачинщики войны лишены и того и другого, тогда они идутъ на явную гибель. Чтоже вамъ мѣшаетъ собственными своими руками убить своихъ дѣтей и женъ и сжечь свою величественную столицу! Вы, правда, поступите, какъ сумасшедшіе, но, по крайней мѣрѣ, избѣгнете позора паденія. Разумнѣе, мои друзья, гораздо разумнѣе сидѣть въ гавани и выжидать погоды, чѣмъ въ самую бурную стихію пускаться въ открытое море, потому что, если кого неожиданно постигаетъ несчастье, тотъ, по крайней мѣрѣ, вызываетъ сожалѣнія, если же кто самъ обрекаетъ себя на гибель, на того вмѣстѣ съ несчастьемъ сыпятся и укоры. Никто же изъ васъ не станетъ надѣяться, что римляне будутъ вести съ вами войну на какихъ-то условіяхъ и что когда они побѣдятъ васъ, то будутъ милостиво властвовать надъ вами. Нѣтъ, они, для застращиванія другихъ націй, превратятъ въ пепелъ священный городъ и сотрутъ съ лица земли весь вашъ родъ; ибо даже тотъ, который спасется бѣгствомъ, нигдѣ не найдетъ для себя убѣжища, такъ какъ всѣ народы или подвластны римлянамъ, или боятся подпасть подъ ихъ владычество. И опасность постигнетъ тогда не только здѣшнихъ, но и иноземныхъ іудеевъ—вѣдь ни одного народа нѣтъ на всей землѣ, въ средѣ котораго не жила бы часть вашихъ. Всѣхъ ихъ непріятель истребитъ изъ-за вашего возстанія; изъ-за несчастнаго рѣшенія немногихъ изъ васъ іудейская кровь будетъ литься потоками въ каждомъ городѣ, и каждый будетъ имѣть возможность безнаказанно такъ поступать. Если же іудеи будутъ пощажены, то подумайте, какими недостойными окажетесь вы, что подняли оружіе противъ такого гуманнаго народа. Имѣйте сожалѣніе, если не къ своимъ женамъ и дѣтямъ, то по крайней мѣрѣ къ этой столицѣ и святымъ мѣстамъ! Пожалѣйте эти досточтимыя мѣста, сохраните себѣ храмъ съ его святынями! Ибо и ихъ не пощадятъ побѣдоносные римляне, если за неоднократную уже пощаду храма вы отплатите теперь неблагодарностью. Я призываю въ свидѣтели вашу Святая Святыхъ, святыхъ ангеловъ Гос-

подних и нашу общую отчизну, что я ничего не упустилъ для вашего спасенія. Если вы теперь примете правильное рѣшеніе, то вмѣстѣ со мною будете пользоваться благами мира, а если вы послѣдуете обуревающимъ васъ страстямъ, то вы это сдѣлаете безъ меня, на вашъ собственный рискъ».

Послѣ этихъ словъ царь и его сестра заплакали, и ихъ слезы подавили самые бурные порывы народныхъ страстей. Присутствовавшіе воскликнули: «Они не желаютъ бороться съ римлянами, но съ своимъ притѣснителемъ, Флоромъ». На это Агриппа возразилъ: «Судя, однако, по вашимъ дѣйствіямъ, вы уже вступили въ борьбу съ римлянами, потому что вы не заплатили налоговъ императору и сорвали галлерею съ замка Антоніи. Вы можете свалить съ себя обвиненіе въ возмущеніи тѣмъ, что вновь возстановите галлерею и внесете подать; вѣдь не Флору принадлежитъ замокъ и не Флору вамъ нужно платить деньги».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Іудеи начинаютъ войну противъ римлянъ.—Манаимъ.

1) Народъ далъ уговорить себя. Всѣ поспѣшили вмѣстѣ съ царемъ и Вереникой вверхъ въ храмъ и принялись за возстановленіе галлерей. Представители народа и члены совѣта раздѣлили между собою деревни и начали собирать дань; вскорѣ были сколочены недостававшіе еще къ уплатѣ сорокъ талантовъ. Такимъ образомъ Агриппѣ удалось задержать еще грозившую войну. Но послѣ этого онъ началъ также побуждать народъ повиноваться Флору до тѣхъ поръ, пока императоръ не пришлетъ на его мѣсто преемника. Это уже ожесточило массу: ропотъ негодованія раздался противъ царя, и ему велѣно было сказать, чтобъ онъ оставилъ городъ. Нѣкоторые изъ мятежниковъ осмѣлились даже бросать въ него каменьями. Видя совершенную невозможность обуздать мятежниковъ и раздраженый причиненными ему оскорбленіями, царь отправилъ народныхъ представителей и вліятельнѣйшихъ іудеевъ къ Флору въ Кесарею для того, чтобы онъ изъ ихъ среды назначилъ сборщиковъ податей; самъ же онъ возвратился въ свое царство [1].

[1] Воспитанный при римскомъ дворѣ, Агриппа II былъ его преданной креатурой и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ сирійскихъ намѣстниковъ и іудейскихъ прокураторовъ, въ дружбѣ которыхъ онъ всегда заискивалъ единственно лишь въ собственныхъ интересахъ. Связь съ роднымъ еврейскимъ народомъ онъ также поддерживалъ на столько, на сколько она соотвѣтствовала его личнымъ цѣлямъ. Связь эта не была основана на общности интересовъ и стремленій; послѣднія были у нихъ діаметрально противоположны: народъ желалъ освобожденія отъ римскаго ига, а блестящее положеніе Агриппы покоилось на господствѣ римлянъ, даровавшихъ ему бывшую тетрархію и титулъ Филиппа іудейскаго царя; она не зиждилась на общности религіозныхъ и нравственныхъ традицій, и тѣ и другія были у нихъ также разныя. Агриппа очень мало имѣлъ общаго съ іудейской религіей и всосалъ въ плоть и кровь римскіе нравы и обычаи, ярыми антагонистами которыхъ были іудеи. Это была чисто дипломатическая связь, внѣшняя и неискренняя съ обѣихъ сторонъ. Народъ выказывалъ внѣшніе знаки благоговѣнія Агриппѣ въ томъ разсчетѣ, что послѣдній, хотя только титулованный царь, но все таки царь, будетъ защищать его отъ произвола прокураторовъ. Агриппа-же вынужденно разыгрывалъ роль покровителя іудейскаго народа съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы сохранять свое вліяніе на него и держать его въ постоянной покорности и повиновеніи Риму, ибо всякія враждебныя манифестаціи со стороны іудеевъ противъ римлянъ могли-бы скомпрометировать и его лично въ глазахъ римскаго двора. Эти шаткія, чисто условныя отношенія, чуждыя взаимныхъ симпатій, должны были прерваться въ ту минуту, когда одна изъ сторонъ перестала заботиться объ ихъ равновѣсіи даже наружно. Это именно и случилось при столкновеніи, описанномъ въ настоящей главѣ. Агриппа не пожелалъ выступить открыто противъ тирана въ защиту угнетенной націи и отказалъ іудеямъ въ ихъ справедливомъ требованіи о снаряженіи посольства въ Римъ для обжалованья Флора; іудеи тогда, съ своей стороны не сочли болѣе нужнымъ сдерживать свои настоящія чувства къ царю и проявляли ихъ наружу со всею откровенностью.

Свою неискренность къ евреямъ Агриппа обнаруживалъ неоднократно, какъ постройкой тайнаго наблюдательнаго пункта надъ храмомъ, вызвавшей протестъ не только простой массы, но и всей іерусалимской знати и неодобренной даже Нерономъ (I. Д. XX, 8, 11), такъ и назначеніемъ первосвященниками исключительно лицъ, завѣдомо преданныхъ римскому режиму, каковымъ былъ и послѣдній первосвященникъ Ананій, впослѣдствіи убитый сикаріями. Нравственный обликъ царя былъ таковъ, что молва приписывала ему сожительство съ кровной его сестрой, прекрасной Вереникой (I. Д. XX, 7, 3). Другая его сестра, Друзилла, перешла въ язычество и сочеталась бракомъ съ римскимъ прокураторомъ Феликсомъ (I. Д. XX, 7, 2). Его собственные подданые ненавидѣли его за то, что онъ на выжатыя у нихъ деньги украшалъ римскій городъ Беритъ великолѣпными зданіями, статуями и проч. (I. Д. XX, 9, 4).

2) Между тѣмъ собралась толпа іудеевъ, стремившихся къ войнѣ съ особенной настойчивостью и поспѣшно выступила противъ одной крѣпости по имени Масада [1]; взявъ ее хитростью, они убили находившихся тамъ римлянъ и поставили туда гарнизонъ изъ своихъ людей. Въ то-же вре-

[1] На западномъ берегу Мертваго моря, недалеко отъ Энгедди, нынѣ Себбехъ.

мя Элеазаръ, сынъ первосвященника Ананія,—чрезвычайно смѣлый юноша, занимавшій тогда начальническій постъ,—предложилъ тѣмъ, которые завѣдывали порядкомъ богослуженія, не принимать больше никакихъ даровъ и жертвъ отъ не-іудеевъ. Это распоряженіе и было собственно началомъ войны съ римлянами, потому что въ немъ заключалось отверженіе жертвы за императора и римлянъ. Какъ ни упрашивали первосвященникъ и знатнѣйшія особы—не отмѣнить обычнаго жертвоприношенія за верховную власть, они все таки не уступали, полагаясь отчасти на свою многочисленность (ихъ сторону держали наиболѣе сильные изъ недовольной партіи), отчасти-же и преимущественно—на Элеазара, предводителя храмовой стражи.

Въ виду серьезнаго и опаснаго характера движенія, представители властей, первосвященники и знатнѣйшіе фарисеи, собрались вмѣстѣ для совѣщанія о положеніи дѣлъ. Рѣшено было попытаться урезонить недовольныхъ добрыми словами; съ этой цѣлью народъ былъ созванъ на собраніе къ мѣднымъ воротамъ, находящимся внутри храмоваго двора, противъ восточной стороны. Сдѣлавъ народу много упрековъ за его смѣлую попытку къ отпаденію, сопряженному съ столь опасной войной для отечества, ораторы старались вмѣстѣ съ тѣмъ поколебать основательность поводовъ къ этой войнѣ. «Ихъ предки украшали храмъ большею частью приношеніями, сдѣланными иностранцами, и всегда принимали дары отъ чужихъ націй. Они не только не отказывали никому въ приношеніи жертвъ, что было-бы тяжкимъ грѣхомъ, но и устанавливали кругомъ въ храмѣ священные дары, которые и понынѣ, по истеченіи столь долгаго времени, можно еще видѣть. Вѣдь только для того, чтобы раздразнить римлянъ и заставить ихъ взяться за оружіе, они вдругъ хотятъ ввести новые религіозные законы по отношенію къ инородцамъ, рискуютъ, независимо отъ непосредственной опасности, навлечь еще на городъ безбожную молву, будто у однихъ только іудеевъ иноземецъ не можетъ ни жертвовать, ни молиться въ храмѣ. Еслибы подобный законъ былъ направленъ только противъ частнаго лица, онъ бы могъ уже возбудить негодованіе какъ преступленіе противъ человѣколюбія, они же даже позволяютъ себѣ лишить императора и римлянъ такого права. А между тѣмъ слѣдуетъ опасаться, какъ-бы отверженіе жертвъ этихъ послѣднихъ не имѣло своимъ послѣдствіемъ того, что вскорѣ они сами будутъ лишены возможности жертвовать и что городъ будетъ объявленъ внѣ защиты государства; а потому не лучше-ли одуматься скорѣе, возобновить жертвоприношенія и постараться загладить оскорбленіе, прежде чѣмъ оно дошло до свѣдѣнія тѣхъ, кому оно нанесено».

4) Во время этой рѣчи представлены были народу священники, знакомые съ древними обычаями и разъяснившіе, что ихъ предки во всѣ времена принимали жертвы отъ иноплеменниковъ. На все это никто изъ возставшихъ не обратилъ никакого вниманія; священники, завѣдывавшіе богослуженіемъ, даже стали пренебрегать своими обязанностями, готовясь къ войнѣ. Представители властей увидѣли, что они больше не въ состояніи справиться съ мятежемъ, и начали заботиться о томъ, чтобы свалить съ себя всякое подозрѣніе, такъ какъ отвѣтственность предъ римлянами должна была пасть прежде всего на нихъ. Съ этой цѣлью они отправили посольства: одно подъ предводительствомъ Симона, сына Ананіи, къ Флору, а другое, изъ лицъ высокаго ранга, какъ Саулъ, Антипа и Костобаръ—родственники царя — къ Агриппѣ. Обѣихъ они просили стянуть войска къ городу и подавить возстаніе, пока есть еще возможность. Для Флора это было чрезвычайно пріятное извѣстіе; рѣшившись раздувать пламя войны, онъ не далъ посламъ никакого отвѣта. Но Агриппа, одинаково озабоченный судьбою, какъ возставшихъ, такъ и тѣхъ, противъ которыхъ война была возбуждена, старавшійся сохранить для римлянъ іудеевъ, а для іудеевъ — ихъ храмъ и столицу, понявшій, наконецъ, что и ему лично возстаніе не можетъ принести никакихъ выгодъ, — послалъ іерусалимскимъ жителямъ три тысячи конныхъ солдатъ изъ Аврана, Батанеи и Трахонеи подъ командой Дарія, начальника конницы, и главнымъ предводительствомъ Филиппа, сына Іакима.

5) Ободренная этой помощью, іерусалимская знать, съ первосвященниками и миролюбивой частью населенія, заняла верхній городъ; нижній-же городъ и храмъ находились въ рукахъ мятежниковъ. Съ обѣихъ сторонъ пустили въ ходъ камни и метательные снаряды и начался безпрерывный рядъ перестрѣлокъ между обоими лагерями. Отдѣльные отряды дѣлали въ то же время вылазки и завязывали сраженія на близкихъ дистанціяхъ. При этомъ мятежники выказывали больше отваги, царскіе-же отряды — больше военной опытности. Послѣдніе стремились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы овладѣть храмомъ, дабы изгнать оттуда осквернителей Святилища; мятежники подъ предводительствомъ Элеазара старались, напротивъ, захватить въ свою власть еще и верхній городъ. Семь дней [1] подъ-рядъ лилась кровь съ обѣихъ сторонъ и, однако, ни одна партія не уступала другой занятыхъ ею позицій.

[1] Отъ 8-го до 15-го Аба.

6) На восьмой день, въ праздникъ ношенія дровъ [1], когда каждый долженъ былъ доставить дрова къ алтарю для поддержанія на немъ вѣчнаго огня, ревнители исключили своихъ противниковъ изъ участія въ этомъ актѣ богослуженія. Вмѣстѣ съ невооруженной массой вкралось тогда въ храмъ множество сикаріевъ (разбойниковъ съ кинжалами подъ платьемъ), съ помощью которыхъ они еще болѣе усилили нападенія. Царскіе отряды оказались въ меньшинствѣ и уступали имъ также въ мужествѣ; они должны были освободить верхній городъ. Тогда наступавшіе вторгнулись туда и сожгли домъ первосвященника Ананія, а также дворцы Агриппы и Верeники; вслѣдъ за этимъ они перенесли огонь въ зданіе архива для того, чтобы какъ можно скорѣе уничтожить долговые документы и сдѣлать невозможнымъ взысканіе долговъ. Этимъ они имѣли въ виду привлечь массу должниковъ на свою сторону и возстановить бѣдныхъ противъ лицъ состоятельныхъ. Надзиратели архива бѣжали, такъ что они безпрепятственно могли предать его огню. Уничтоживъ зданія, составлявшія какъ бы нервы города, они бросились на своихъ враговъ. Часть властныхъ людей и первосвященниковъ скрылась въ подземные ходы; другіе вмѣстѣ съ царскимъ отрядомъ отступили назадъ, въ верхній дворецъ, и поспѣшно заперли за собою ворота. Между послѣдними находились: первосвященникъ Ананій, братъ его Езекія и посланные предъ тѣмъ къ Агриппѣ делегаты. Тогда только бунтовщики сдѣлали перерывъ, довольствуясь побѣдой и произведенными огнемъ опустошеніями.

7) На слѣдующій день (въ 15-й день Лооса) [2] они сдѣлали нападеніе на замокъ Антонію, штурмовали его послѣ двухдневной осады, убили весь гарнизонъ, а самую цитадель предали огню. За тѣмъ они обступили дворецъ, куда спаслись царскіе отряды, раздѣлились на четыре громады и пытались пробить стѣну. Находившіеся внутри, въ виду многочисленности наступавшихъ, не отваживались на вылазку; вмѣсто этого они установили посты на брустверахъ и башняхъ, стрѣляли въ нападавшихъ и убивали значительное число разбойниковъ подъ стѣною. Ни днемъ, ни ночью не унималась борьба. Мятежники разсчитывали, что недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставитъ гарнизонъ сдаться, а осажденные надѣялись, что тѣ устанутъ отъ чрезмѣрнаго напряженія.

[1] „Корбанъ-Ецимъ“—15-го Аба.
[2] 16-го Аба.

8) Между тѣмъ поднялся нѣкій Манаимъ [1], сынъ Іуды, прозваннаго Галилеяниномъ, замѣчательнаго софиста (законоучителя), который при правителѣ Квириніи укорялъ іудеевъ въ томъ, что они, кромѣ Бога, признаютъ надъ собою еще и власть римлянъ (II, 8,1). Этотъ Манаимъ отправился во главѣ своихъ приверженцевъ въ Масаду, разбилъ здѣсь арсеналъ Ирода, вооружилъ, кромѣ своихъ земляковъ, и чужихъ разбойниковъ, и съ этой толпой тѣлохранителей вступилъ, какъ царь, въ Іерусалимъ, сталъ во главѣ возстанія и принялъ руководительство надъ осадой. Осаждавшіе не имѣли осадныхъ орудій, а подъ градомъ сыпавшихся стрѣлъ сверху не было никакой возможности открыто подкопать стѣну. Вслѣдствіе этого они, начавши издали, выкопали мину по направленію къ одной изъ башенъ, укрѣпили ее подпорами, подожли эти послѣднія и вышли наружу. Какъ только фундаментъ сгорѣлъ, башня мгновенно рухнула. Но другая стѣна, выстроенная внутри противъ наружной стѣны, предстала предъ глазами осаждавшихъ. Дѣло въ томъ, что осажденные поняли планъ непріятеля (вѣроятно потому, что башня, какъ только она была подкопана, пошатнулась) и соорудили себѣ другую защиту. При этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ осаждавшіе, торжествовавшіе уже побѣду, были немало поражены. Тѣмъ не менѣе осажденные послали къ Манаиму и главарямъ возстанія просить о свободномъ отступленіи; только царскимъ солдатамъ и кореннымъ жителямъ это было предоставлено, и они дѣйствительно отступили. Оставшихся-же на мѣстѣ римлянъ охватило отчаяніе: преодолѣть столь значительно превосходившія ихъ силы они не могли, а просить о миролюбивомъ соглашеніи они считали позоромъ, не говоря уже о томъ, что они не могли вѣрить обѣщанію, если-бы оно и было дано. Они поэтому покинули свои недостаточно защищенныя квартиры и бѣжали въ царскіе замки: Иппикъ, Фазаель и Маріамму. Люди Манаима ворвались въ то мѣсто, которое было оставлено солдатами, изрубили всѣхъ, которые не успѣли еще спастись, и, захвативъ всю движимость, сожгли самый дворецъ. Это произошло 6 Горпіайоса [2].

9) На слѣдующій день первосвященникъ Ананій былъ вытащенъ изъ водопровода царскаго дворца, гдѣ онъ скрывался, и умерщвленъ разбой-

[1] Менахемъ.
[2] Соотвѣтствуетъ еврейскому мѣсяцу Элулу (второй половинѣ августа и началу сентября).

никами вмѣстѣ съ его братомъ Езекіей [1]. Гарнизонъ въ замкахъ былъ обложенъ стражей, дабы никто изъ нихъ не убѣжалъ тайкомъ. Разрушеніе укрѣпленныхъ мѣстъ и смерть первосвященника поощрили Манаима на безумныя жестокости; онъ думалъ, что нѣтъ у него соперника, который могъ бы оспаривать у него власть, и сдѣлался несноснымъ тираномъ. Противъ него возстали поэтому Элеазаръ и его сторонники, которые говорили: «послѣ того, какъ изъ-за обладанія свободой они поднялись противъ римлянъ, то не слѣдуетъ теперь переуступить ее одному изъ соотечественниковъ и мириться съ игомъ деспота, который, еслибы даже не совершилъ никакихъ насилій, все-таки ниже родомъ, чѣмъ они; ибо если-бъ и необходимо было поставить одно лицо во главѣ государства, то и тогда выборъ меньше всего долженъ пасть на него». Сговорившись такимъ образомъ между собою, они напали на Манаима въ храмѣ, когда онъ въ полномъ блескѣ, наряженный въ царскую мантію и окруженный цѣлою толпою вооруженныхъ приверженцевъ, шелъ къ молитвѣ. Когда люди Элеазара кинулись на него, то весь народъ, присутствовавшій при этомъ нападеніи, собиралъ кучи камней и бросалъ ими въ софиста въ томъ предположеніи, что если только онъ сойдетъ со сцены, то мятежъ придетъ къ концу. Манаимъ съ его людьми держались нѣкоторое время, но, увидѣвъ, что весь народъ возсталъ противъ нихъ, каждый бросился бѣжать, куда могъ. Тѣ, которыхъ удалось поймать, были убиты, другіе, пытавшіеся укрыться, подверглись преслѣдованію; только немногіе спаслись бѣгствомъ въ Масаду, и въ томъ числѣ былъ и Элеазаръ, сынъ Іаира, близкій родственникъ Манаима, сдѣлавшійся потомъ тираномъ въ Масадѣ (VII, 7—9) [2]. Самъ Манаимъ, бѣжавшій въ такъ называемую Офлу [3] и трусливо спрятавшійся тамъ, былъ вытащенъ оттуда и послѣ многихъ мученій лишенъ жизни; той же участи подверглись его военачальники, а также Авесаломъ, бывшій худшимъ орудіемъ его тираніи.

10) Народъ, какъ уже было замѣчено, содѣйствовалъ паденію Манаима, въ надеждѣ тѣмъ или инымъ способомъ потушить возстаніе; но другіе въ этомъ случаѣ вовсе не имѣли въ виду прекращенія войны, а скорѣе,

[1] Манаимъ хотѣлъ еще убить командира царскаго войска, Филиппа, но этому намѣренію воспротивились родственные Филиппу вавилонскіе евреи изъ партіи-же зелотовъ (Автобіогр. Іосифа, 11).

[2] Масада подъ защитой этого героя держалась дольше всѣхъ остальныхъ крѣпостей, занятыхъ евреями.

[3] Юго-восточная часть города.

напротивъ,—возобновленіе ея съ усиленной энергіей. Вопреки настойчивымъ мольбамъ народа освободить солдатъ изъ осады, они еще больше стѣснили ихъ, пока Метилій, римскій предводитель, и его люди, положеніе которыхъ стало невыносимымъ, не послали вѣстниковъ къ Элеазару съ просьбой пощадить только ихъ жизнь и взамѣнъ нея взять у нихъ оружіе и все имущество. Элеазаръ охотно согласился на эту просьбу и послалъ къ нимъ Горіона сына Никомеда, Ананія сына Саддуки и Іуду сына Іонаѳана для того, чтобы подтвердить миролюбивое соглашеніе ударомъ по рукамъ и клятвой. Вслѣдъ за этимъ Метилій дѣйствительно вывелъ свои отряды. Все время, когда послѣдніе носили еще свое оружіе, никто изъ бунтовщиковъ ихъ не трогалъ и не обнаруживалъ ни тѣни измѣны; когда-же всѣ, согласно уговору, сложили свои щиты и мечи и, не подозрѣвая ничего дурного, начали удаляться, тогда люди Элеазара бросились на нихъ и оцѣпили ихъ кругомъ. Римляне не пробовали даже защищаться или просить о пощадѣ; но они громко ссылались на уговоръ. Всѣ были умерщвлены безчеловѣчнымъ образомъ, за исключеніемъ только Метилія: его одного они оставили въ живыхъ, потому что онъ слезно умолялъ ихъ даровать ему жизнь, обѣщавъ принять іудейскую вѣру, даже дать себя обрѣзать. Для римлянъ этотъ уронъ былъ незначителенъ: они потеряли лишь ничтожную частицу огромной, могущественной арміи. Для іудеевъ-же это являлось какъ-бы началомъ ихъ собственной гибели; они сознавали, что теперь данъ безповоротный поводъ войнѣ и что ихъ городъ запятнанъ такимъ постыднымъ дѣломъ, за которое, помимо мщенія римлянъ, нужно ожидать кары небесной. Они открыто наложили на себя трауръ, и на весь городъ легла печать унынія и печали. Умѣренные были полны страха, предчувствуя, что и имъ придется потерпѣть за бунтовщиковъ; при томъ рѣзня была совершена какъ разъ въ субботу, [1] т. е. въ такой день, когда, ради служенія Богу, іудеи удерживаются отъ всякой работы.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Во многихъ мѣстахъ воздвигаются кровавыя преслѣдованія противъ іудеевъ.

1) Въ тотъ же день и тотъ-же часъ, какъ бы по высшему предопредѣленію, жители Кесареи убили всѣхъ іудеевъ въ городѣ; въ одинъ часъ убито было свыше двадцати тысячъ, такъ что во всемъ городѣ не оста-

[1] 17-го элула. День этотъ, въ который Іерусалимъ очистился отъ римлянъ, принятъ былъ въ число полупраздниковъ.

лось ни одной іудейской души, ибо и бѣжавшихъ Флоръ изловилъ и, какъ плѣнныхъ, помѣстилъ въ корабельныя верфи. Кровавая рѣзня въ Кесареѣ привела въ ярость всю іудейскую націю. Отдѣльными отрядами іудеи опустошили сирійскія деревни и близъ лежавшіе къ границѣ города: Филадельфію (I, 2, 4), Себонитисъ, [1] Геразу (I, 4, 8), Пеллу (I, 4, 8) и Скифополь (I, 2, 7). Оттуда они двинулись на Гадару (I, 4, 2), Иппъ (I, 20, 3) и Гавланъ (I, 20, 4), гдѣ многія зданія частью разрушили, частью превратили въ пепелъ, и пошли затѣмъ на тирскую Кедасу, Птоломаиду [2] (I, 5,3), Гаву [3] и Кесарею. Даже Себаста и Аскалонъ (I, 21, 11) не могли противостоять ихъ набѣгу: они сожгли и эти города до основанія и разрушили еще Анѳедонъ и Газу (I, 4, 2). Кромѣ того было разгромлено ими много деревень, лежавшихъ вокругъ этихъ городовъ, и безчисленное множество плѣнныхъ было убито. Но сирійцы, въ свою очередь, убивали не меньше іудеевъ; они также умерщвляли въ городахъ тѣхъ, которые имъ попадались въ руки, и теперь они уже это дѣлали не изъ одной вражды, какъ прежде, а для того, чтобы предупреждать грозившую имъ самимъ опасность. Вся Сирія была въ страшномъ волненіи; каждый отдѣльный городъ раздѣлился на два враждебныхъ лагеря, каждая часть искала спасенія въ гибели другой. Дни проходили въ кровопролитіяхъ, а ночи страхъ дѣлалъ еще ужаснѣе, чѣмъ дни. Тамъ, гдѣ кончали съ іудеями, начинали бояться друзей іудейства. Сомнительныхъ изъ обѣихъ партій никто хотя не убивалъ зря, но во взаимныхъ отношеніяхъ съ ними каждый боялся ихъ, считая ихъ положительно чужими. Жадность къ легкой наживѣ толкала на убійства самыхъ благонамѣренныхъ людей изъ обѣихъ партій, потому что имущество убитыхъ разграблялось безъ всякаго стѣсненія—его присваивали, точно добычу, достававшуюся на войнѣ. Кто больше награбилъ, тотъ восхвалялся, какъ побѣдитель наибольшаго числа враговъ. Города были переполнены непогребенными трупами, старцы валялись распростертыми возлѣ безсловесныхъ дѣтей, тѣла умерщвленныхъ женщинъ оставлялись обнаженными, съ непокрытыми срамными частями. Вся провинція была полна ужасовъ; но страшнѣе всѣхъ совершавшихся злодѣйствъ были опасенія за тѣ потрясенія, которыя грозили еще всей странѣ.

[1] Библейскій Хесбонъ (Есевонъ).

[2] Въ Библіи Кедешъ галилейскій (см. книгу Іисуса Навина 20, 7).

[3] Одинъ изъ тѣхъ укрѣпленныхъ городовъ, который Иродъ I построилъ для устрашенія народа и предупрежденія возстанія (I. Д. XV, 8, 5), на границѣ Галилеи у горы Кармиля.

3. До этихъ поръ іудеямъ приходилось бороться только съ чужими націями, но при своемъ нападеніи на Скиѳополь они столкнулись лицомъ къ лицу съ іудейскимъ-же населеніемъ этого города. Послѣднее изъ чувства самосохраненія, подавивъ въ себѣ чувство родства, перешло на сторону скиѳопольцевъ и выступило противъ своихъ-же соотечественниковъ [1]. Ихъ усердіе было, однако, слишкомъ велико, чтобы не возбуждать подозрѣнія. Скиѳопольцы дѣйствительно опасались, что они, пожелавъ загладить свою вину предъ своими единоплеменниками, нападутъ на городъ ночью; въ виду этого они предложили іудеямъ, если они хотятъ подтвердить свой союзъ съ инородцами и представить доказательство своей вѣрности, то пусть они вмѣстѣ съ ихъ семьями уйдутъ въ загородную рощу. Іудеи, не подозрѣвая никакой опасности, повиновались этому требованію. Чтобы убаюкать ихъ въ ихъ безпечности, скиѳопольцы два дня оставались въ покоѣ; но въ третью ночь, улучивъ удобный моментъ, они напали на нихъ въ то время, когда они, ничего не подозрѣвая, спали спокойнымъ сномъ, и убили свыше тринадцати тысячъ человѣкъ; вслѣдъ за этимъ они разграбили все ихъ имущество.

4. Достойна повѣствованія судьба Симона, сына небезъизвѣстнаго мужа по имени Саулъ. Одаренный физической силой и отвагой, онъ и то и другое употреблялъ на зло своимъ единоплеменникамъ: ежедневно онъ врывался въ лагерь іудеевъ, расположенный у Скиѳополя, и многихъ изъ нихъ убивалъ; нерѣдко онъ одинъ приводилъ въ бѣгство цѣлыя толпы людей, рѣшая, такимъ образомъ, исходъ сраженія. Но теперь его настигла заслуженная кара за братоубійство. Въ то время, когда скиѳопольцы окружили іудеевъ со всѣхъ сторонъ въ рощѣ и сыпали на нихъ стрѣлами, Симонъ поднялъ свой мечъ и, не трогая никого изъ враговъ, съ подавляющей численностью которыхъ онъ справиться не могъ, въ сильномъ возбужденіи воскликнулъ: «Отъ васъ, скиѳопольцы, я получаю заслуженное возмездіе за мои дѣянія—за ту дружбу къ вамъ, которую я доказалъ убійствомъ многихъ моихъ собратьевъ. Кто такъ тяжело прегрѣшилъ предъ своимъ роднымъ народомъ, для того вѣроломство со стороны чужихъ—справедливое воздаяніе. Но мнѣ не подобаетъ принять смерть изъ рукъ врага—собственной рукой я прекращу свою обремененную проклятіемъ жизнь. Только такая смерть можетъ искупить мои преступле-

[1] Въ своей „Автобіографіи" (§ 6) Іосифъ вынужденъ сознаться, что скиѳопольскіе евреи были принуждены къ этому коренными жителями.

нія и доставить мнѣ славу героя. Пусть никто изъ враговъ не хвастаетъ, что онъ убилъ меня и пусть никто не глумится надъ моимъ трупомъ». Послѣ этихъ словъ онъ окинулъ свою семью (онъ имѣлъ жену, дѣтей и престарѣлыхъ родителей) взоромъ, полнымъ ярости и сожалѣнія; перваго онъ схватилъ отца за его серебристые волосы и пронзилъ его мечемъ; вслѣдъ за нимъ онъ убилъ свою мать, невыказывавшую ни малѣйшаго сопротивленія, а за тѣмъ жену и дѣтей, которыя спѣшили почти на встрѣчу его мечу для того, чтобы предупредить непріятеля. Умертвивъ такимъ образомъ всю свою семью, онъ сталъ на трупы убитыхъ, высоко простеръ свою правую руку, чтобы не остаться скрытымъ ни для кого, и, чтобы сразу покончить съ собою, воткнулъ себѣ мечъ глубоко въ тѣло. Жаль было этого юношу, столь сильнаго тѣломъ и мощнаго духомъ, но его приверженность къ инородцамъ заслужила такую участь.

5. За рѣзней въ Скиѳополѣ начались и въ другихъ городахъ возстанія противъ проживавшихъ въ нихъ іудеевъ. Двѣ тысячи пятьсотъ было убито аскалонитянами, двѣ тысячи—жителями Птоломаиды, кромѣ огромной массы брошенныхъ въ темницы; тиряне тоже убили много іудеевъ и еще больше заключили въ кандалы; точно также иппиняне и гадариняне истребили наиболѣе рѣшительныхъ, а менѣе страшныхъ заключили подъ стражу. Подобныя расправы совершались и въ другихъ городахъ Сиріи, гдѣ только туземное населеніе питало страхъ или непріязнь къ іудеямъ. Одни только антіохійцы, сидоняне и жители Апамеи (I, 10, 10) щадили жившихъ среди нихъ іудеевъ и не допускали ни смертоубійства, ни насилія надъ чьей бы то ни было личностью — быть можетъ потому, что они, сознавая свое численное превосходство, не придавали никакого значенія начавшемуся движенію, а можетъ быть, что мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, изъ сожалѣнія къ іудеямъ, въ средѣ которыхъ они не могли замѣтить никакихъ попытокъ къ возстанію. Геразиняне тоже не причиняли вреда остававшимся у нихъ іудеямъ, а тѣхъ, которые по собственному желанію покидали городъ, они даже провожали до самой границы.

6) И въ царствѣ Агриппы евреевъ измѣннически преслѣдовали. Онъ самъ уѣхалъ къ Цестію Галлу въ Антіохію и на время своего отсутствія ввѣрилъ правленіе одному изъ друзей по имени Ноаръ, родственнику царя Соема [1].

[1] Въ латинскомъ переводѣ Руфина вмѣсто Ноара читается имя Варъ, и это чтеніе, кажется, находитъ себѣ подтвержденіе въ Vita. 11. Упомянутый здѣсь Соемъ несомнѣнно есть правитель Эмесы, такъ какъ о немъ здѣсь говорится какъ о современникѣ Агриппы; другой же Соемъ, которому Калигула въ 38 г. передалъ правленіе надъ итурейскою областью, умеръ въ 49 г. по Р. Хр. Соображенія, высказанныя Schürer'омъ по этому поводу (Geschichte I, 605) лишены всякаго основанія.

Тогда изъ Батанеи прибыли семьдесятъ мужей, знатнѣйшіе и вліятельнѣйшіе изъ тамошнихъ гражданъ, и просили дать имъ войска для того, чтобы въ случаѣ какихъ либо безпорядковъ имѣть защиту и средства къ уничтоженію плановъ бунтовщиковъ. Но Ноаръ, при помощи отряда царскихъ тяжело вооруженныхъ, убилъ ихъ почью всѣхъ до одного. Это злодѣйство Ноаръ совершилъ безъ вѣдома Агриппы. Жадность къ богатству толкала его на преступленія противъ его же собственныхъ соотечественниковъ и всей страны, и онъ съ такимъ жестокимъ произволомъ еще долго продолжалъ свирѣпствовать, пока о немъ не услышалъ Агриппа, который, не рѣшаясь казнить его изъ боязни предъ Соемомъ, отнялъ у него по меньшей мѣрѣ правленіе. Мятежники между тѣмъ овладѣли крѣпостью Кипромъ (I, 21, 4), лежавшей выше Іерихона, убили гарнизонъ и стерли сооруженія съ лица земли. Въ тѣ же дни многочисленные іудеи въ Махерѣ потребовали отъ тамошняго римскаго гарнизона очистки ими мѣстности. Боясь быть прогнанными насильно, они согласились, выговоривъ себѣ свободный проходъ; когда это имъ было обѣщано, они сдали крѣпость, которую немедленно заняли махеряне [1].

7 Въ Александріи туземное населеніе жило въ постоянномъ раздорѣ съ іудеями съ тѣхъ поръ, какъ Александръ въ награду за оказанную ему помощь противъ египтянъ предоставилъ іудеямъ селиться въ Александріи на равныхъ правахъ съ эллинами. Это преимущество сохранялось за ними и при преемникахъ Александра, которые отвели имъ даже въ собственность отдѣльные кварталы (дабы они, не соприкасаясь слишкомъ тѣсно съ остальнымъ населеніемъ, тѣмъ легче могли бы сохранить чистоту своихъ нравовъ) и даровали имъ званіе македонянъ [2]. Послѣ, когда въ Египтѣ воцарилось владычество римлянъ, то ни первый Цезарь, ни одинъ изъ его преемниковъ не могли ограничить дарованныя имъ Александромъ права. Но непріязненныя столкновенія между іудеями и эллинами происходили безпрестанно, и хотя мѣстная власть ежедневно наказывала массами виновниковъ безпорядковъ съ обѣихъ сторонъ, взаимное ожесточеніе все таки росло все болѣе и болѣе. Какъ только въ другихъ мѣстахъ вдругъ под-

[1] Городъ Махеръ еще долго послѣ разрушенія храма оставался въ рукахъ зелотовъ.

[2] Почетное званіе въ Египтѣ со времени Александра и Птоломея.

нялись волненія, то и здѣсь, въ Александріи, раздоръ принялъ угрожающій характеръ. Въ одно собраніе, созванное жителями Александріи по поводу отправленія посольства къ Нерону [1], вмѣстѣ съ эллинами стеклось также и множество іудеевъ. Какъ только ихъ противники увидѣли ихъ въ амфитеатрѣ, они подняли шумъ и съ криками: «враги, шпіоны!» бросились на нихъ, схватили трехъ іудеевъ и потащили вонъ изъ амфитеатра, чтобы сжечь ихъ живьемъ, а остальныхъ истребили въ бѣгствѣ. Все іудейство поднялось тогда на месть. Вначалѣ они бросали въ эллиновъ каменьями, но затѣмъ они собрали факелы, ринулись всей толпой къ амфитеатру и грозили сжечь живьемъ все собраніе. Они бы это и исполнили, если-бъ начальникъ города Тиверій Александръ (15, 1) не обуздалъ ихъ ярости. Для отрезвленія ихъ онъ все таки не сразу пустилъ въ ходъ оружіе, а прежде послалъ къ нимъ вліятельнѣйшихъ лицъ съ требованіемъ успокоиться, дабы не возстановить противъ себя римское войско. Но бунтовщики встрѣтили это требованіе руганью и насмѣшками противъ Тиверія [2].

8) Убѣжденный въ томъ, что мятежники не усмирятся безъ серьезнаго наказанія, Тиверій выдвинулъ противъ нихъ расположенные въ городѣ два римскихъ легіона вмѣстѣ съ еще 5000 солдатъ, прибывшихъ только что изъ Ливіи, на гибель іудеямъ. Онъ дозволилъ войскамъ не только убивать, но и грабить имущество іудеевъ и сжигать ихъ дома. Они вторглись въ такъ называемую Дельту, гдѣ жило все александрійское іудейство, и исполнили данныя имъ приказанія, хотя и не безъ кровавыхъ потерь для самихъ себя. Іудеи, именно, тѣсно сплотились вмѣстѣ, выдвинули впередъ лучше вооруженныхъ своихъ людей и такимъ образомъ долго отстаивали мѣсто сраженія. Но разъ приведенные къ отступленію, они были уничтожены массами. Пораженіе было полное: одни были застигнуты на открытыхъ мѣстахъ, другіе укрывались въ дома, но римляне, предварительно разграбивъ послѣдніе, поджигали ихъ. Они не чувствовали ни жалости къ дѣтямъ, ни благоговѣнія предъ старцами — люди всѣхъ возрастовъ были умерщвлены. Вся мѣстность была затоплена кровью и пятьдесятъ тысячъ труповъ были разсѣяны по ней кучами. Ни малѣй-

[1] Съ цѣлью похлопотать объ отнятіи у евреевъ гражданскихъ правъ (Гретцъ III, 13).

[2] По происхожденію еврей—племянникъ знаменитаго Филона. Перешедши въ язычество, онъ получилъ назначеніе прокуратора въ Іудеѣ, а потомъ—намѣстника въ Египтѣ.

шаго слѣда не осталось-бы отъ іудеевъ, если-бы иные не прибѣгали къ мольбамъ. Къ этимъ Александръ чувствовалъ сожалѣніе, и онъ далъ знакъ римлянамъ къ отступленію. Пріученные къ послушанію, они по первому сигналу прекратили рѣзню; но александрійская чернь въ порывѣ своей ненависти была почти неукротима: она насилу дала себя оторвать отъ труповъ.

9) Такова была рѣзня въ Александріи. Такъ какъ съ іудеями вездѣ и повсюду велась война, то и Цестій не считалъ уже возможнымъ больше медлить. Онъ выступилъ изъ Антіохіи съ полнымъ двѣнадцатымъ легіономъ и съ двумя тысячами солдатъ, избранныхъ имъ изъ остальныхъ легіоновъ, кромѣ того еще съ шестью когортами пѣхоты и четырьмя конными отрядами. Къ этимъ силамъ присоединились еще вспомогательные отряды царей, а именно: отъ Антіоха [1] двѣ тысячи всадниковъ и три тысячи пѣшихъ солдатъ, исключительно стрѣлковъ; отъ Агриппы—такое-же число пѣхоты, всадниковъ же меньше двухъ тысячъ; Саемъ также прислалъ четыре тысячи солдатъ, третья часть которыхъ состояла изъ всадниковъ, а большая—изъ стрѣлковъ. Съ этой арміей Цестій двинулся къ Птоломаидѣ. Изъ городовъ также собрано было много вспомогательныхъ отрядовъ, уступавшихъ хотя солдатамъ въ военной опытности, но пополнявшихъ этотъ пробѣлъ усердіемъ и ненавистью къ іудеямъ. Самъ Агриппа сопровождалъ Цестія, чтобы указать ему маршрутъ и снабдить его съѣстными припасами. Съ одной частью своей арміи Цестій направился противъ Завулона [2]—сильный галилейскій городъ, образовавшій пограничный оплотъ противъ Птоломаиды; онъ нашелъ его пустымъ отъ людей, такъ какъ жители бѣжали въ горы, но полнымъ за то всякаго рода сокровищами. Эти богатства онъ предоставилъ солдатамъ разграбить, а самый городъ предалъ огню, несмотря на то, что зданія его были удивительной красоты, на подобіе тѣхъ, какія находились въ Тирѣ, Сидонѣ и Беритѣ; вслѣдъ за этимъ онъ отправился въ прилегающія окрестности, грабилъ все, что ему попадалось въ руки, сжегъ всѣ деревни и возвратился въ Птоломаиду. Въ то время, когда сирійцы изъ Берита все еще заняты были грабежемъ, іудеи, узнавши объ удаленіи

[1] Царь Коммагены.

[2] Вмѣсто Завулонъ слѣдуетъ, вѣроятно, читать Хавулонъ, согласно Vita, 43, т. е. библейскій כבול. См. Neubauer, La Géographie du Talmud, p. 205. Смыслъ слѣдующихъ въ текстѣ за названіемъ города словъ ἢ καλεῖται ἀνδρῶν—называемый городомъ мужей—не женъ. См. Graetz, Geschichte, III, 494.

Цестія, снова ободрились, напали неожиданно на оставшихся и убили до двухъ тысячъ изъ нихъ.

10) Послѣ этого Цестій выступилъ изъ Птоломаиды, самъ отправился въ Кесарею, а часть войска послалъ въ Іоппію съ приказаніемъ занять этотъ городъ, если удастся застигнуть его врасплохъ, но если ихъ приближеніе будетъ замѣчено, то ожидать его личнаго прибытія съ остальной арміей. Частью моремъ, частью сухопутьемъ тѣ поспѣшили туда и, напавъ на городъ съ обѣихъ сторонъ, взяли его безъ особеннаго труда. Жители, не говоря уже о возможности какого-либо сопротивленія, не имѣли даже времени спасаться бѣгствомъ и были всѣ поголовно вмѣстѣ съ ихъ семействами убиты вторгшимся непріятелемъ. Городъ былъ разграбленъ и сожженъ. Число убитыхъ достигало восьми тысячъ четырехъ сотъ. Точно такимъ же образомъ Цестій послалъ въ сосѣдній къ Кесареѣ Нарбатинскій округъ (14,5) сильный отрядъ всадниковъ, который опустошилъ весь этотъ край, убилъ массу туземныхъ жителей, расхитилъ ихъ имущество и предалъ огню деревни.

11. Въ Галилею Цестій послалъ предводителя двѣнадцатаго легіона, Галла, съ такимъ количествомъ войска, которое ему казалось достаточнымъ для покоренія народа. Сильнѣйшій изъ галилейскихъ городовъ Сепфорисъ (I, 15,6) принялъ его дружелюбно, а послѣ этого разумнаго примѣра другіе города также оставались въ покоѣ. Но безпокойная, разбойничья толпа бѣжала на гору Асамонъ—въ сердцѣ Галилеи, насупротивъ Сепфориса. Противъ этихъ людей выступилъ Галлъ со своимъ корпусомъ. Все время, когда они находились на возвышеніи, они низвергали нападавшихъ на нихъ римлянъ и убили безъ труда около двухъ сотъ человѣкъ; но когда римляне тайно обошли ихъ кругомъ и взобрались на болѣе возвышенныя мѣста, они немедленно были преодолѣны: съ ихъ легкимъ вооруженіемъ они не могли ни держаться противъ тяжеловооруженныхъ, ни спасаться отъ всадниковъ. Такъ пало свыше двухъ тысячъ изъ нихъ, и только немногимъ удалось укрыться въ непроходимыя мѣста.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Цестій выступаетъ противъ іудеевъ и осаждаетъ Іерусалимъ, но противъ всякаго ожиданія отступаетъ отъ города.—То, что онъ испытываетъ со стороны іудеевъ во время своего отступленія.

1. Такъ какъ Галлъ не замѣчалъ больше въ Галилеѣ никакихъ волненій, то онъ возвратился съ своимъ войскомъ въ Кесарею. Цестій же двинулся со всѣми своими соединенными силами въ Антипатриду (I, 4, 7). Когда ему здѣсь было доложено, что въ Афековой башнѣ собралось внушительное число вооруженныхъ іудеевъ, онъ отрядилъ туда часть войска для нападенія. Но одинъ страхъ предъ непріятелемъ разсѣялъ іудеевъ прежде, чѣмъ дѣло дошло до столкновенія; по прибытіи на мѣсто римляне сожгли пустой лагерь и близъ лежавшія деревни. Изъ Антипатриды Цестій двинулся впередъ въ Лидду, но нашелъ городъ покинутымъ его обитателями, такъ какъ по случаю праздника кущей все населеніе устремилось въ Іерусалимъ; только пятьдесятъ человѣкъ усмотрѣно было на мѣстѣ, — они были убиты и городъ преданъ огню. Оттуда онъ пошелъ дальше черезъ Ветхоронъ (12,2), и у Гаваона, [1] на разстояніи пятидесяти стадій отъ Іерусалима, разбилъ свой лагерь.

2. Какъ только іудеи увидѣли, что театръ войны приближается къ столицѣ, они пріостановили празднованіе и взялись за оружіе. Упорствуя въ своей надеждѣ на свою многочисленность, они съ воинственными кликами бросились безпорядочными толпами въ битву, не взирая на седьмой день, который, какъ день отдыха и покоя, они всегда соблюдали наистрожайшимъ образомъ [2]. Воинственная ярость, заглушившая въ нихъ чувство религіозности, была также причиной того, что они выиграли сраженіе. Съ такой неудержимой быстротой они ринулись на римлянъ, что прорвали ихъ замкнутые ряды и, убивая на право и на лѣво, протѣснились сквозь нихъ. Вся армія Цестія погибла бы тогда, если-бъ конница и свѣжая еще часть пѣхоты не поспѣшили бы на помощь той части войска, которая удерживала еще поле сраженія. Римлянъ пало пятьсотъ пятнадцать, а именно четыреста пѣшихъ, а остальное—всадниковъ; іудеи же потеряли лишь 22 человѣка. Храбрѣе всѣхъ среди нихъ оказались родственники адіабенскаго царя Монобаза—Монобазъ и Кенедай; за ними—Нигеръ изъ Переи и вавилонянинъ Сила, служившій прежде въ рядахъ

---

[1] Библейскій Гивеонъ, сохранившій свое названіе еще по сіе время въ формѣ ал-Джибъ.

[2] Святость субботы вообще не дозволяла евреямъ вести въ этотъ день войну. Зная это, противники пользовались преимущественно этимъ днемъ для нападенія. Такъ, напр. Птоломей I взялъ Іерусалимъ въ субботу. Только при Маккавеяхъ рѣшено было сражаться въ субботу, но только въ случаѣ опасности и съ цѣлью обороны. Этого правила евреи придерживались и впослѣдствіи, строго избѣгая наступительнаго движенія въ субботу. Ср., между прочимъ, Contra Apion. I, 22.

Агриппы, но перешедшій къ іудеямъ. Отбитые однако съ фронта, іудеи потянулись обратно въ городъ, между тѣмъ какъ Симонъ, сынъ Гіоры [1], при отступленіи римлянъ въ Ветхоронъ, напалъ на нихъ съ тыла, разбилъ значительную часть ихъ аріергарда и отнялъ у нихъ множество вьючныхъ животныхъ, съ которыми вступилъ въ городъ. Въ продолженіе трехъ дней, въ которые Цестій оставался еще въ этой мѣстности, іудеи заняли возвышенности и разставили караулы у проходовъ. Изъ этого ясно можно было понять, что при дальнѣйшемъ движеніи римлянъ они не останутся праздными.

3. Агриппа видѣлъ опасность, въ которой продолжали оставаться и теперь римляне, такъ какъ окружавшія ихъ горы были покрыты безчисленнымъ непріятелемъ, и рѣшилъ поэтому начать переговоры съ іудеями, въ надеждѣ или всѣхъ отклонить отъ войны, или по крайней мѣрѣ людей, несолидарныхъ съ войной, побудить отпасть отъ ихъ противниковъ. Онъ послалъ поэтому тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые пользовались у іудеевъ наибольшимъ почетомъ, Боркея и Феба, съ обѣщаніемъ дружбы Цестія и полнаго прощенія со стороны римлянъ за все совершившееся, если только они положатъ оружіе и перейдутъ на его сторону. Но мятежники, опасаясь, чтобы народъ, соблазнившись этими обѣщаніями, не перешелъ къ Агриппѣ, рѣшили убить пословъ. И дѣйствительно, Феба они умертвили, прежде чѣмъ онъ могъ обратиться къ народу; Боркея они не успѣли убить; раненный, онъ спасся бѣгствомъ; тѣхъ же изъ народа, которая громко вознегодовала противъ происшедшаго, они камнями и кнутами загнали обратно въ городъ.

4. Въ этомъ раздорѣ, возникшемъ въ средѣ самихъ іудеевъ, Цестій усмотрѣлъ благопріятный моментъ для нападенія. Онъ бросился на нихъ со всей своей арміей, вынудилъ ихъ къ отступленію и преслѣдовалъ до Іерусалима. Разбивъ свой станъ на такъ называемомъ Скопѣ [2], въ семи стадіяхъ отъ города, онъ три дня не подступалъ къ городу, выжидая, быть можетъ, примирительнаго шага со стороны его жителей, а приказалъ только солдатамъ дѣлать набѣги на окрестъ-лежавшія деревни и собрать съѣстные припасы. На четвертый же день, 30-го Иперверетея [3], онъ выстроилъ войско въ боевой порядокъ и повелъ его на городъ. Народъ былъ охра-

---

[1] Впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ героевъ іудейско-римской войны.
[2] Греческій переводъ еврейскаго צופים См. І. Д. XI, 8, 5.
[3] Тишри—Сентябрь-Октябрь.

няемъ мятежниками; эти же послѣдніе, устрашившись стройной организаціи римлянъ, покинули наружныя предмѣстья города и ушли во внутренній городъ и въ храмъ. Цестій занялъ покинутую мѣстность и превратилъ въ пепелъ Вецету, новый городъ и такъ называвшійся дровяной рынокъ; вслѣдъ за тѣмъ онъ подступилъ къ верхнему городу и расположился лагеремъ противъ царскаго дворца. Еслибъ ему заблагоразсудилось въ ту же минуту штурмовать стѣны, онъ сейчасъ же овладѣлъ бы городомъ и положилъ бы конецъ войнѣ. Но военачальникъ Тираній Прискъ и большинство начальниковъ конницы были подкуплены Флоромъ, и они отклонили его отъ этого плана. Въ этомъ кроется вина того, что война затянулась на такое продолжительное время и сдѣлалась столь ужасной и гибельной для іудеевъ.

5. Между тѣмъ многіе почетные граждане, по совѣту Анана, сына Іонаѳана, пригласили Цестія въ городъ, обѣщая ему открыть ворота. Но съ досады онъ уже ничего слышать не хотѣлъ объ этомъ; къ тому же онъ не вполнѣ довѣрялъ имъ и продолжалъ медлить до тѣхъ поръ, пока мятежники не узнали объ измѣнѣ; они тогда сбросили со стѣны Анана и его людей и камнями разогнали ихъ по домамъ. Сами же они размѣстились по башнямъ и стали отстрѣливаться противъ тѣхъ, которые приступали къ стѣнѣ. Пять дней римляне дѣлали попытки со всѣхъ сторонъ, не достигая никакого результата; но на шестой день Цестій сформировалъ сильный отрядъ отборныхъ солдатъ, присоединилъ къ нимъ и стрѣлковъ и сдѣлалъ нападеніе на сѣверную сторону храма. Іудеи защищались съ высоты галлерей и неоднократно отбивали аттаку на стѣны, но вынуждены были все-таки отступить передъ горячей стрѣльбой. Тогда римляне устроили такъ называемую черепаху, состоявшую въ томъ, что передовые солдаты крѣпко упирали свои щиты въ стѣны, слѣдовавшіе за ними упирали свои щиты въ предыдущіе и т. д. Стрѣлы, падавшія на этотъ навѣсъ, скользили по поверхности, безъ всякаго дѣйствія: солдаты могли теперь совершенно спокойно подкопать стѣну и сдѣлали уже приготовленія къ тому, чтобы поджечь храмовыя ворота.

6) Страшная паника охватила теперь мятежниковъ. Уже многіе бѣжали изъ города, ожидая его покоренія съ минуты на минуту. Но народъ, напротивъ, какъ разъ въ этотъ моментъ вновь воспрянулъ духомъ: какъ только злонамѣренные удалились, онъ приблизился къ воротамъ съ намѣреніемъ открыть ихъ и принять Цестія какъ благодѣтеля. Если бы онъ хоть еще немного продолжалъ осаду, онъ тотчасъ имѣлъ бы городъ въ

своей власти. Но я думаю, что по винѣ злыхъ Богъ уже тогда отвернулся отъ Святыни и не судилъ поэтому войнѣ окончиться въ тотъ день.

7) Невзирая на отчаяніе осажденныхъ и настроеніе народа, Цестій вдругъ велѣлъ солдатамъ отступить назадъ, отказался отъ всякой надежды на успѣхъ, хотя онъ никакой неудачи не потерпѣлъ, и самымъ неожиданнымъ образомъ покинулъ городъ. Его внезапное отступленіе возвратило смѣлость разбойникамъ, которые напали на аріергардъ и убили массу всадниковъ и пѣхоты. Ближайшую ночь Цестій провелъ въ станѣ на Скопѣ; но на слѣдующій день онъ двинулся дальше, самъ какъ будто маня за собою непріятеля. Послѣдній еще разъ уничтожилъ заднее войско въ походѣ и одновременно съ тѣмъ подстрѣливалъ его со стороны дороги. Аріергардъ не осмѣливался стать противъ своихъ преслѣдователей, такъ какъ онъ считалъ, что ихъ необычайно много, фланги также не были въ состояніи отражать нападеніе, такъ какъ римляне были тяжело вооружены и опасались разорвать походную линію; іудеи напротивъ, какъ они хорошо видѣли, были легко вооружены и вели нападеніе съ большимъ воодушевленіемъ. Такъ они должны были терпѣть большія потери, не будучи въ состояніи причинить съ своей стороны какой либо вредъ непріятелю. Поражаемые на всемъ пути и приводимые каждый разъ въ смятеніе, они падали масссами. Въ числѣ многочисленныхъ убитыхъ были предводитель шестого легіона Прискъ, трибунъ Лонгинъ и начальникъ одного изъ конныхъ эскадроновъ, Эмилій Юкундъ. Съ большимъ трудомъ, потерявъ также большую часть своей поклажи, они достигли, наконецъ, своего прежняго лагеря—Гаваона (§ 1). Цестій провелъ здѣсь въ нерѣшительности два дня; когда на третій день число непріятеля еще больше увеличилось и все кругомъ кишѣло іудеями, онъ сознаъ, что его медлительность послужила ему только во вредъ и что дальнѣйшее пребываніе па мѣстѣ только умножитъ еще болѣе число его враговъ.

8) Чтобы ускорить бѣгство, онъ приказалъ уничтожить все, что можетъ отягчать войско въ пути. Были убиты поэтому мулы и вьючныя животныя за исключеніемъ тѣхъ, которыя носили орудія стрѣльбы и машины; послѣднія они сохранили на случай надобности, а главнымъ образомъ для того, чтобы они не попались въ руки іудеевъ и не были ими обращены противъ римлянъ. Послѣ этого они выступили въ Ветхоронъ. На открытомъ полѣ іудеи ихъ меньше безпокоили; но каждый разъ, когда имъ приходилось спускаться внизъ по узкимъ крутизнамъ, одна часть іудеевъ, быстро забѣгая впередъ, загораживала имъ выходъ,

другая часть сзади гнала ихъ въ лощину, а главная масса, растягиваясь по отлогимъ сторонамъ дороги, обдавала войско градомъ стрѣлъ. Тяжело было пѣхотѣ, незнавшей какъ обороняться, но въ еще большей опасности находилась конница: совершать спускъ сомкнутыми рядами не дозволяла ей безпрерывная стрѣльба, но вмѣстѣ съ тѣмъ непроходимыя крутизны мѣшали имъ набрасываться на непріятеля; съ другой же стороны дороги зіяли овраги и пропасти, въ которые они падали при каждомъ неосторожномъ движеніи. Не имѣя такимъ образомъ возможности ни бѣжать, ни сопротивляться, они въ своей нуждѣ разражались громкими воплями и криками отчаянія. Имъ въ отвѣтъ раздавались побѣдные звуки, ликующіе крики и призывы мщенія іудеевъ. Немногаго не доставало, чтобы они смяли всю армію Цестія; но наступила ночь и тогда римляне могли бѣжать въ Ветхоронъ. Іудеи межъ тѣмъ заняли все кругомъ и стали выжидать ихъ выступленія.

9) Отчаявшись въ возможности открытаго отступленія, Цестій началъ помышлять о тайномъ бѣгствѣ. Съ этой цѣлью онъ избралъ около четырехъ сотъ храбрѣйшихъ солдатъ и разставилъ ихъ вдоль шанцевъ съ приказомъ водрузить на нихъ полевые знаки лагерныхъ карауловъ для того, чтобы заставить іудеевъ думать, что все войско находится еще въ станѣ. Онъ же самъ съ остальнымъ войскомъ выступилъ втихомолку на тридцать стадій впередъ. На слѣдующій день, когда іудеи увидѣли римскій станъ покинутымъ, они напали на тѣхъ четырехъ сотъ, которые ихъ обманули; поспѣшно разстрѣляли ихъ и пустились въ погоню за Цестіемъ. Но послѣдній въ продолженіе ночи выигралъ довольно большое разстояніе, а днемъ ускорилъ бѣгство до того, что солдаты въ страхѣ и смятеніи оставили въ дорогѣ осадныя и метательныя машины, равно какъ и большую часть другихъ орудій, которыя достались іудеямъ и впослѣдствіи употреблялись противъ ихъ первоначальныхъ обладателей. Іудеи гнались за римлянами до Антипатриды, но такъ какъ не застали уже ихъ здѣсь, то возвратились назадъ, взяли съ собою машины, ограбили трупы, собрали покинутую римлянами добычу и съ побѣдными пѣснями вступили въ столицу. Сами они потеряли очень немного людей въ то время, какъ римлянъ и ихъ союзниковъ они убили пять тысячъ триста пѣшихъ солдатъ и триста восемьдесятъ всадниковъ. Это совершилось на восьмой день мѣсяца Дія [1], въ двѣнадцатомъ году царствованія Нерона (4 до разруш. храма).

[1] Мархешванъ.—Ноябрь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Цестій отправляетъ посольство къ Нерону.—Дамаскинцы перебиваютъ живущихъ среди нихъ іудеевъ.—Жители Іерусалима, возвратившись съ погони за Цестіемъ и возстановивъ внутри порядокъ, выбираютъ многихъ военачальниковъ, въ томъ числѣ также автора этой исторіи.—Кое что объ административной дѣятельности Іосифа.

1) Послѣ пораженія Цестія многіе знатные іудеи оставили городъ, точно также какъ спасаются съ погибающаго судна. Оба брата Костобаръ и Саулъ [1] съ Филиппомъ сыномъ Іакима (онъ же былъ военачальникомъ царя Агриппы) бѣжали изъ города и отправились къ Цестію. Какъ вмѣстѣ съ ними Антипа былъ осажденъ въ царскомъ дворцѣ и какъ онъ, отказавшись отъ бѣгства, былъ убитъ мятежниками—объ этомъ мы разскажемъ въ свое время (IV, 3, 4). Цестій же послалъ Саула и его свиту, по ихъ собственной просьбѣ, въ Ахаю къ Нерону съ тѣмъ, чтобы они изложили пережитыя ими самими бѣдствія и взвалили-бы вину войны на Флора. Перенесеніемъ гнѣва Нерона на послѣдняго онъ надѣялся именно отвратить грозившую ему самому опасность.

2) Между тѣмъ жители Дамаска, узнавъ о гибели римлянъ, поспѣшили убить проживавшихъ среди нихъ іудеевъ. Подобно тому, какъ прежде они изъ подозрительности созвали разъ іудеевъ на собраніе въ гимназіи, они рѣшили, что и теперь, назначивъ такое-же собраніе, имъ легче всего будетъ осуществить задуманный планъ. Они только боялись своихъ женъ, которыя, за немногими исключеніями, всѣ преданы были іудейской вѣрѣ. Они поэтому тщательно скрывали отъ нихъ этотъ планъ, напали на стѣснившихся на маленькомъ пространствѣ десять тысячъ невооруженныхъ іудеевъ и вырѣзали ихъ всѣхъ въ одинъ часъ, не подвергаясь сами никакой опасности.

3) Когда преслѣдователи Цестія возвратились въ Іерусалимъ, они, частью силой, частью убѣжденіемъ, заставили перейти на свою сторону находившихся еще въ городѣ римскихъ друзей и назначили собраніе въ храмѣ съ цѣлью избранія нѣсколькихъ полководцевъ для веденія войны. Избраны были Іосифъ сынъ Горіона и первосвященникъ Ананъ съ безграничной властью надъ городомъ и особымъ полномочіемъ вновь исправить городскія стѣны. Сына Симона, Элеазара, хотя онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ отнятую у римлянъ добычу, похищенныя у Цестія деньги, а равно и другія государственныя суммы, они все-таки не хотѣли поставить во главѣ правленія, такъ какъ они видѣли въ немъ властолюбиваго человѣка, а

[1] Родственники царя Агриппы.

преданные ему зелоты вели себя какъ его тѣлохранители. Недолго спустя, однако, недостатокъ денежныхъ средствъ и обворожительность Элеазара довели народъ до того, что онъ подчинялся ему, какъ верховному повелителю.

4) Для Идумеи они избрали другихъ полководцевъ, а именно: Іисуса сына Сапфія—одного изъ первосвященниковъ и Элеазара, сына первосвященника Ананія. Прежняго идумейскаго начальника Нигра (по прозвищу Перейскаго, такъ какъ онъ происходилъ изъ лежавшей по ту сторону Іордана области Переи) они подчинили власти только что названныхъ лицъ. Остальная часть страны тоже не была забыта: въ Іерихонъ посланъ былъ въ качествѣ военачальника Іосифъ сынъ Симона, въ Перею—Манассія; въ округъ Ѳамны — ессей Іоаннъ, которому были подчинены также Лидда, Іоппія и Эммаусъ. Начальство надъ округами Гофны и Акрабатины получилъ Іоаннъ сынъ Ананія; надъ обѣими частями Галилеи—Іосифъ сынъ Матоія [1]; къ его-же области была причислена Гамала—сильнѣйшій городъ въ томъ краю [2].

[1] Авторъ настоящей книги.

[2] Результаты выборовъ оказались такимъ образомъ весьма неблагопріятными для зелотовъ, несмотря на то, что они послѣ побѣды надъ Цестіемъ и изгнанія римлянъ изъ предѣловъ страны получили рѣшительное преобладаніе, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Народъ, привыкшій всегда уважать свою знать, не рѣшался, повидимому, избрать на высшіе государственные и военные посты незнатныхъ по происхожденію коноводовъ партіи ревнителей. Элеазаръ-бенъ-Симонъ, побѣдитель Цестія, впослѣдствіи главнѣйшій вождь войны, былъ совершенно обойденъ на выборахъ; еще болѣе могущественный въ то время вожакъ зелотовъ Элеазаръ-бенъ-Ананія, который далъ войнѣ первый импульсъ воспрещеніемъ жертвоприношеній за римлянъ и императора, который очистилъ городъ отъ римлянъ и устранилъ узурпатора Манаима—этотъ Элеазаръ, для того вѣроятно, чтобы удалить его изъ Іерусалима, получилъ начальство надъ второстепенной провинціей—Идумеей. На самые-же отвѣтственные посты въ Іерусалимѣ и Галилеѣ были возведены римскіе друзья, которые раньше скрывались отъ преслѣдованія зелотовъ и, какъ Іосифъ откровенно разсказываетъ въ своей „Жизни", съ нетерпѣніемъ ожидали нашествія Цестія, какъ своего освободителя, и которые лишь послѣ пораженія римскаго войска, когда имъ осталось на выборъ—бѣжать изъ города или примкнуть къ зелотамъ, избрали послѣднее, приняли въ свои руки бразды войны—безъ вѣры и надежды на ея благопріятный исходъ, безъ серьезной рѣшимости довести ее до конца, а съ затаенной въ душѣ предательской мыслью въ теченіе самой войны сблизиться съ римлянами и вновь водворить въ Іудеѣ ихъ господство. Послѣдствія показали, какъ эти выборы, неблагопріятные для зелотовъ, были пагубны для самой войны.

5) Каждый изъ остальныхъ начальниковъ управлялъ ввѣренной ему областью по своему личному усмотрѣнію. Іосифъ же, по прибытіи въ Галилею, старался главнымъ образомъ обезпечить себѣ прежде всего расположеніе населенія въ томъ убѣжденіи, что на этомъ пути онъ больше всего будетъ успѣвать даже при томъ условіи, если счастье не будетъ ему сопутствовать. Онъ понялъ, что сильныхъ онъ привлечетъ на свою сторону, если будетъ дѣлить съ ними власть, простую массу—если главнѣйшія мѣропріятія онъ будетъ осуществлять чрезъ коренныхъ жителей и популярныхъ среди населенія лицъ. Въ этихъ видахъ онъ избралъ семьдесятъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ мужей и поручилъ имъ управленіе всей Галилеей; въ каждомъ-же отдѣльномъ городѣ онъ организовалъ судебныя учрежденія изъ семи судей для незначительныхъ тяжбъ, въ то время, какъ болѣе важныя дѣла и уголовные процессы подлежали вѣдѣнію самого Іосифа и упомянутыхъ семидесяти [1].

6) Упорядочивъ такимъ образомъ юридическія отношенія въ общинахъ, онъ приступилъ къ мѣрамъ для огражденія внѣшней ихъ безопасности. Такъ какъ онъ предвидѣлъ нападеніе римлянъ на Галилею, то онъ укрѣпилъ подходящія мѣста: Іотапату (Ш, 7), Вирсавію [1], Селаминъ, кромѣ того, Кафарекхонъ, Іафу, Сигонь [2], такъ называемую Итавирійскую гору, Тарихею (Ш, 10, 1) и Тиверіаду. Далѣе онъ обвелъ окопами пещеры на берегу Геннисаретскаго озера въ такъ называемой Нижней Галилеѣ, а въ Верхней Галилеѣ—Ахаварскую скалу [3], Сефъ, Іамниѳъ и Мероѳъ. Въ Гавланѣ онъ укрѣпилъ: Селевкію, Согану и Гамалу [4]; только сепфорійцамъ онъ предоставилъ самимъ обстроить свои стѣны, такъ какъ онъ нашелъ ихъ снабженными деньгами и вполнѣ расположенными, по собственному обсужденію, къ войнѣ [5]. Гисхалу (21, 1) точно такимъ-же образомъ укрѣпилъ на свой собственный счетъ Іоаннъ сынъ Леви по приказанію Іосифа. Въ другихъ работахъ по возведенію укрѣпленій онъ самъ участвовалъ, оказывая имъ свое содѣйствіе или непосредственно руководя ими. Кромѣ того онъ набралъ въ Галилеѣ войско, изъ слишкомъ ста тысячъ молодыхъ людей и снабдилъ ихъ старымъ оружіемъ, какъ только можно было его собрать.

[1] На юго-западной границѣ Нижней Галилеи.

[2] Мѣстоположаніе Сел., Каф. и Сиг. неизвѣстно. Іафа—возлѣ Іотапаты.

[3] Деревня Ахавара, расположенная на скалѣ (Vita. 37)

[4] Сел.—на сѣверо-вост. концѣ Меремскаго озера, Сог.—въ верхнемъ Гавланѣ, Гам.—въ нижнемъ. Всѣ эти города, какъ расположенные въ Гавланѣ, принадлежали царству Агриппы, но отпали отъ него вмѣстѣ съ другими еще городами и присоединились къ возстанію.

[5] Сообщенное здѣсь о расположеніи сепфорійцевъ къ войнѣ противъ римлянъ не соотвѣтствуетъ истинѣ. Сепфорійцы не только не сочувствовали войнѣ, но прямо стояли на сторонѣ римлянъ. Уже во время похода Цестія Галла противъ Іерусалима они выказали свое нерасположеніе къ возстанію іудеевъ. Они укрѣпили свой городъ не противъ римлянъ, но въ пользу ихъ. Самому Іосифу пришлось впослѣдствіи пойти противъ измѣнническаго города и взять его силой. О двусмысленномъ положеніи, занимаемомъ сепфорійцами во все время войны и о миролюбивомъ ихъ настроеніи свидѣтельствуютъ многія показанія въ „Жизни“ Іосифа Флавія (см. Vita 8, 22, 25, 45, 65, 67).

7. Убѣжденный въ томъ что римское войско обязано своей непобѣдимостью главнымъ образомъ господствующему въ немъ духу дисциплины и постоянному обиходу съ оружіемъ, онъ долженъ былъ позаботиться объ ознакомленіи своего войска съ практическимъ ученіемъ; но такъ какъ онъ считалъ, что строгую дисциплину можно поддержать лишь большимъ числомъ предводителей, то онъ сформировалъ свое войско больше по образцу римскаго и назначилъ надъ ними многочисленныхъ начальниковъ. Солдатъ онъ раздѣлилъ на маленькіе корпусы и поставилъ ихъ подъ команду предводителей каждаго десятка, сотни и тысячи людей, а надъ этими предводителями стояли начальники большихъ отдѣленій. Онъ обучалъ ихъ передачѣ другъ другу военныхъ лозунговъ, трубнымъ сигналамъ къ наступленію и отступленію, стягиванію и развертыванію фланговъ, дальше,—какъ побѣждающая часть подаетъ помощь другой части въ случаѣ стѣсненнаго положенія послѣдней, и всегда напоминалъ имъ о необходимости хранить присутствіе духа и закалить себя тѣлесно. Но чаще всего онъ, для того, чтобы сдѣлать ихъ подготовленными къ войнѣ, разсказывалъ имъ при каждомъ удобномъ случаѣ о прекрасномъ порядкѣ въ римскомъ войскѣ и ставилъ имъ на видъ, что они будутъ имѣть дѣло съ людьми, которые, благодаря своей тѣлесной силѣ и мужеству, покорили почти весь міръ. Еще до начала войны, говорилъ онъ, онъ хочетъ испытать ихъ военную дисциплину на томъ, оставятъ-ли они привычные имъ пороки: воровство, разбойничество и хищничество, безчестные поступки противъ ихъ соотечественниковъ и стремленія наживаться на счетъ разоренія своего ближняго; ибо для успѣха войны чрезвычайно важно, чтобъ солдаты принесли съ собою чистую совѣсть, тѣ же, которые изъ дому являются уже испорченными, тѣ имѣютъ своимъ противникомъ не только надвигающагося непріятеля, но и самого Бога.

8. Съ такими и другими напоминаніями онъ обращался къ нимъ безустанно. Онъ имѣлъ уже вполнѣ организованное войско изъ шестидесяти тысячъ пѣхоты, двухъ сотъ пятидесяти всадниковъ и, кромѣ этихъ силъ, на которыя возлагалъ главнѣйшія надежды, еще около четырехъ тысячъ пяти сотъ наемниковъ. Шесть сотъ отборныхъ солдатъ составляли его личную стражу. Все войско, за исключеніемъ наемниковъ, безъ труда продовольствовалось городами, потому что каждый изъ перечисленныхъ нами городовъ посылалъ на дѣйствительную службу только одну половину, а другую половину удерживалъ у себя для добыванія средствъ на удовлетвореніе нуждъ первой, такъ что одни состояли подъ оружіемъ, а другіе употреблялись для различныхъ работъ и, снабжая вооруженныхъ съѣстными припасами, взамѣнъ этого пользовались защитой, доставленной имъ послѣдними [1].

[1] Іосифъ рисуетъ себя здѣсь чрезвычайно дѣятельнымъ начальникомъ края, истымъ вождемъ революціи и преданнымъ борьбѣ за независимость, какимъ въ сущности онъ долженъ былъ бы быть въ качествѣ полководца, которому ввѣрена была охрана самой важной въ стратегическомъ отношеніи области—Галилеи, куда непріятель долженъ былъ прежде всего вторгаться, чтобы проникнуть въ самую Іудею. Но въ совершенно другомъ свѣтѣ онъ выставляетъ себя въ своей „Жизни", которую онъ слишкомъ 20 лѣтъ спустя опубликовалъ, какъ бы въ отвѣтъ Іусту изъ Тиверіады, который въ своей не сохранившейся „Исторіи іудейской войны" представилъ Іосифа какъ настоящаго организатора возстанія въ Галилеѣ и какъ врага римлянъ. Вотъ какъ авторъ объясняетъ мотивы, побудившіе его примкнуть къ возстанію и взять на себя начальство надъ Галилеей.

„Когда мнѣ исполнилось 26 лѣтъ, говоритъ Іосифъ, я отправился въ Римъ. Прокураторъ Іудеи послалъ трехъ священниковъ, людей именитыхъ и моихъ друзей, чтобы дать отвѣтъ предъ императоромъ за какой-то неважный проступокъ. Я отъ души желалъ имъ помочь... Корабль, на которомъ я ѣхалъ и на которомъ было до 600 пассажировъ, потерпѣлъ крушеніе въ Адріатическомъ морѣ. 80-и изъ насъ, умѣвшимъ плавать, удалось спастись. Божій Промыселъ прислалъ намъ на встрѣчу судно изъ Кирены, которое приняло насъ на бортъ. Прибывъ въ Дикеархію, я подружился съ актеромъ еврейскаго происхожденія, по имени Алитуръ. Этотъ человѣкъ состоялъ въ большой милости у императора Нерона и при его помощи я получилъ доступъ къ императрицѣ Поппеѣ. Вскорѣ мнѣ удалось выхлопотать освобожденіе священниковъ и, кромѣ этой милости, получилъ еще отъ императрицы большіе подарки, послѣ чего я возвратился въ мое отечество. Я нашелъ послѣднее въ сильномъ броженіи: безпрерывно росло общее желаніе другого порядка вещей; масса была совершенно готова возстать противъ Рима. Я призывалъ мятежниковъ къ ихъ долгу и по мѣрѣ силъ и возможности старался навести ихъ на другія мысли... Мнѣ не удалось ихъ пере-

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Іоаннъ изъ Гисхалы.—Его интриги противъ Іосифа и мѣры, принятыя послѣднимъ противъ нихъ.—Іосифъ вновь подчиняетъ себѣ нѣсколько отпавшихъ отъ него городовъ.

1. Въ то время, когда Іосифъ вышеописаннымъ образомъ правилъ Галилеей, противъ него объявился противникъ въ лицѣ сына Леви, Іоанна

убѣдить—такъ велико было ихъ безуміе, вызванное отчаяннымъ положеніемъ. Тогда я уже долженъ былъ бояться, что мои неоднократныя напоминанія и совѣты могли сдѣлать меня предметомъ презрѣнія и навлечь на меня подозрѣніе въ томъ, что я дѣйствую за одно съ непріятелемъ. Чтобы избѣгнуть опасности смерти, грозившей мнѣ послѣ взятія замка Антоніи (это было 15-го Аба, когда зелоты штурмовали крѣпость и разбили римскій гарнизонъ—См. II, 17, 7), я скрылся внутри храма... Послѣ этого я вновь примкнулъ къ священникамъ и именитымъ фарисеямъ. Насъ охватилъ немалый страхъ, когда мы увидѣли, что народъ стоялъ уже вооруженный, и мы находились въ большомъ затрудненіи. Препятствовать возстанію не было больше въ нашей власти, а между тѣмъ мы лично находились въ большой опасности. При такихъ обстоятельствахъ мы стали показывать видъ, какъ будто сочувствуемъ вожакамъ народа, но дѣлали это для того, чтобы умѣрять ихъ рвеніе. Мы надѣялись, что Цестій вскорѣ прибудетъ съ значительными силами и тогда народное движеніе и вся эта военная сутолока прекратятся; но наши надежды не сбылись... Послѣ пораженія Цестія, тѣ изъ старѣйшинъ Іерусалима, которые разсчитывали на счастливый успѣхъ сирійскаго правителя, увидѣли, что мятежники снабжены оружіемъ, между тѣмъ какъ имъ самимъ его недоставало. Въ это время они узнали, что Галилея еще не вся возстала противъ римлянъ. Тогда они послали меня туда съ двумя священниками, честными и благородными людьми, Іоазаромъ и Іудой, съ порученіемъ убѣдить злодѣевъ, взявшихся уже за оружіе, передать послѣднее достойнѣйшимъ людямъ нашей націи, пока не опредѣлятся въ точности виды и намѣренія римлянъ („Жизнь" 3—8)...

Въ этомъ тонѣ авторъ еще во многихъ другихъ мѣстахъ автобіографіи своей говоритъ о себѣ; онъ какъ бы старается выставить себя жертвой обстоятельствъ, толкнувшихъ его въ войну, къ которой онъ не питалъ ни малѣйшаго сочувствія. Однако „Жизнь" Іосифа ничто иное, какъ плохо придуманная и не менѣе плохо составленная самозащита, которая должна была оправдать его въ глазахъ римлянъ въ виду возведенныхъ на него Іустомъ обвиненій. Нѣтъ сомнѣнія, что Іосифа нельзя причислить къ самоотверженнымъ героямъ, предпочитающимъ смерть унизительной свободѣ, но онъ во всякомъ случаѣ не былъ тѣмъ измѣнникомъ, какимъ онъ самъ себя изображаетъ въ своей автобіографіи. Онъ былъ лишь слабохарактернымъ человѣкомъ, который при первой неудачѣ бросилъ знамя и ради собственнаго спасенія не постѣснялся даже передать себя въ руки непріятеля.

изъ Гисхалы — пронырливѣйшаго и коварнѣйшаго изъ вліятельныхъ людей, который въ гнусности не имѣлъ себѣ подобнаго. Вначалѣ онъ былъ бѣденъ и это отсутствіе средствъ еще долгое время лежало камнемъ преткновенія на пути его злодѣйства; но зато онъ всегда былъ готовъ солгать и въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ дѣлать свою ложь правдоподобной; обманъ онъ считалъ добродѣтелью и пользовался имъ противъ лучшихъ своихъ друзей. Онъ притворялся человѣколюбивымъ, но въ дѣйствительности былъ до крайности кровожаденъ изъ корыстолюбія; всегда онъ носился съ высокими планами, но строилъ ихъ всегда на своихъ гнусныхъ плутовскихъ продѣлкахъ. Начавъ свою карьеру съ обыкновеннаго разбойника, занимающагося своимъ ремесломъ на собственный рискъ, онъ вскорѣ нашелъ себѣ товарищей, не уступавшихъ ему въ смѣлости, сначала не многихъ, а съ теченіемъ времени все больше и больше. Онъ не принималъ ни одного, котораго можно было бы легко побороть, а выбиралъ себѣ исключительно людей, отличавшихся крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, рѣшимостью и военной опытностью. Такъ довелъ онъ свою шайку до четырехъ сотъ [1] человѣкъ, состоявшихъ большею частью изъ бѣглецовъ изъ области Тира и тамошнихъ деревень. Съ ними онъ, грабя вездѣ, шнырялъ по всей Галилеѣ, возбуждая многихъ, находившихся въ томительномъ ожиданіи предстоящей войны [2].

[1] Изъ § 6 настоящей главы и „Жизни“ § 66 видно, что Іоаннъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи многотысячное войско, состоявшее не только изъ сирійскихъ эмигрантовъ, но и изъ туземцевъ.

[2] Характеристики Іоанна изъ Гисхалы, который Іосифъ выводитъ на сцену, этого героя, ставшаго впослѣдствіи столь извѣстнымъ, нельзя не признать въ высшей степени пристрастной и продиктованной ему ненавистью и озлобленіемъ. Онъ здѣсь самымъ безпощаднымъ образомъ клеймитъ умершаго уже своего противника, не приводя, однако, ни здѣсь, ни послѣ, ни одного вѣскаго факта для подтвержденія столь позоряаго изображенія личности Іоанна, кромѣ того, что послѣдній тайно и открыто боролся съ нимъ, Іосифомъ, и обвинялъ его въ измѣнѣ, сначала предъ жителями Галилеи, а потомъ предъ іерусалимскимъ синедріономъ. Къ счастью, авторъ не скрываетъ дѣяній своего противника, изъ которыхъ мы узнаемъ, что Іоаннъ изъ Гисхалы употребилъ нажитыя имъ богатства на укрѣпленіе своего родного города и на содержаніе четырехтысячнаго отборнаго войска, набраннаго имъ изъ эмигрантовъ, бѣжавшихъ изъ Тирскихъ и Сирійскихъ городовъ, гдѣ евреи терпѣли самыя кровавыя преслѣдованія, и что онъ, въ противоположность Іосифу, поспѣшившему при первомъ удобномъ случаѣ предаться римлянамъ, бѣжалъ отъ послѣднихъ изъ Галилеи въ Іерусалимъ и въ геройской защитѣ этого города занялъ достойное мѣсто на ряду съ Симономъ-бенъ-Іаиръ и Элеазаромъ-бенъ-Симонъ.

2) Онъ мечталъ уже о томъ, чтобы сдѣлаться полководцемъ и носился съ еще болѣе широкими планами, только недостатокъ денегъ мѣшалъ ихъ осуществленію. Видя, что Іосифу сильно нравится его дѣловитость, онъ сумѣлъ прежде всего склонить его на то, чтобъ онъ ему довѣрилъ возобновленіе стѣнъ его родного города. Благодаря этому, ему удалось наживаться на счетъ богачей. Затѣмъ онъ подъ ловко придуманнымъ предлогомъ огражденія сирійскихъ іудеевъ отъ употребленія масла неприготовленнаго іудеями [1], испросилъ у Іосифа право доставлять имъ этотъ продуктъ къ границѣ. За тирійскія монеты, равняющіяся четыремъ аттическимъ драхмамъ, онъ покупалъ четыре амфоры, а продавалъ по той-же цѣнѣ полъ-амфоры [2]. Галилея вообще производила много масла, а тогда какъ разъ имѣла хорошій урожай, въ то время, когда сирійцы терпѣли недостатокъ въ маслѣ. Поставляя имъ самъ одинъ огромныя партіи, онъ нажилъ себѣ извѣстную сумму денегъ, употребленную имъ вскорѣ противъ того, который доставилъ ему эту прибыль [3]. У него сложилось предположеніе, что если ему удастся низвергнуть Іосифа, то онъ самъ получитъ начальство надъ Галилеей, а потому онъ приказалъ подчиненнымъ ему разбойникамъ настойчивѣе преслѣдовать свое разбойничье ремесло [4] въ надеждѣ, или при волненіяхъ и безпорядкахъ, которые подымутся во многихъ мѣстахъ, какимъ-нибудь измѣнническимъ путемъ убить полководца, когда тотъ поспѣшитъ на помощь странѣ, или-же, если онъ будетъ остерегаться разбойниковъ, то очернить его въ глазахъ населенія. Затѣмъ онъ распространялъ молву, будто

[1] Одно изъ знаменитыхъ восемнадцати постановленій (יח דבר) состояло въ воспрещеніи іудеямъ употребленія масла, приготовляемаго язычниками.

[2] Аттическая драхма чеканилась изъ чистаго лавріонскаго серебра (отъ лавріонскихъ рудниковъ, лежащихъ къ сѣверу отъ мыса Сунія), вѣсила 4,36 грамма и стоила приблизительно 34 коп. сереб. Амфора равнялась 26 литрамъ или 2,11 ведра. Такимъ образомъ въ Галилеѣ масло (оливковое) продавалось по 34 коп за 2,12 ведра, а въ Сиріи—въ восемь разъ дороже.

[3] Монополію на продажу масла Іосифъ предоставилъ Іоанну противъ воли, боясь, какъ онъ выражается въ „Жизни“ § 13, въ противномъ случаѣ, чтобъ народъ не забросалъ его каменьями.

[4] Изъ „Жизни“ § 10 можно видѣть ясно, что дружина Іоанна не представляла собою шайки разбойниковъ, а патріотическій отрядъ, мстившій сирійцамъ за постоянную рѣзню проживавшихъ въ ихъ городахъ евреевъ и опустошительные набѣги на еврейскіе города. Изъ того-же § видно также, что самъ Іоаннъ вначалѣ принадлежалъ къ миролюбивой партіи и примкнулъ къ зелотамъ лишь послѣ того, какъ сирійцы опустошили его родной городъ, Гисхалу.

Іосифъ только и помышляетъ о томъ, чтобы все предать римлянамъ, и многими подобными происками добивался паденія послѣдняго.

3) Въ это время нѣсколько молодыхъ людей изъ деревни Дабаритты, принадлежавшіе къ наблюдательному корпусу на Большой равнинѣ, напали на управляющаго Агриппы и Вереники, Птоломея, и отняли у него весь багажъ, заключавшій въ себѣ, между прочимъ, не мало дорогихъ матерій, массу серебряныхъ бокаловъ и шесть сотъ золотыхъ слитковъ. Такъ какъ они не могли утаить награбленное, то они доставили все Іосифу въ Тарихею. Послѣдній порицалъ ихъ насильственный образъ дѣйствій противъ царскихъ особъ и отдалъ все, что они принесли, на сохраненіе богатѣйшему тарихейскому гражданину Энею, съ намѣреніемъ при удобномъ случаѣ переслать это собственникамъ. Это, однако, накликало на него большую бѣду. Участники въ грабежѣ, въ досадѣ на то, что имъ ничего не досталось отъ добычи, проникнувъ также намѣреніе Іосифа, цѣною ихъ трудовъ оказать услугу царской четѣ, еще въ ту-же ночь побѣжали въ свои деревни и повсюду изображали Іосифа, какъ измѣнника. Они подняли на ноги также и ближайшіе города, такъ что къ утру на него нахлынуло сто тысячъ вооруженныхъ. Они собрались въ тарихейскій иппodромъ, гдѣ было произнесено много страстныхъ рѣчей противъ Іосифа. Одни кричали, что нужно отрѣшить отъ должности измѣнника, другіе — чтобъ предали его сожженію. Іоаннъ и вмѣстѣ съ нимъ Інсусъ сынъ Сапфіи, тогдашній начальникъ Тиверіады, все больше раздували ярость толпы [1].

[1] Інсусъ взялъ свитокъ Торы въ руки, сталъ предъ толпой и сказалъ: „Граждане! Если вы не возненавидите Іосифа за то, что онъ хочетъ предать нашу отчизну врагу, то вы должны ненавидѣть его за то, что онъ врагъ вотъ этой святой Торы и открыто нарушаетъ ея завѣты!“ («Жизнь» § 27).

Въ автобіографіи Іосифъ разсказываетъ еще другой случай столкновенія его съ Інсусомъ сыномъ Сапфіи. Іерусалимскій синедріонъ возложилъ на Іосифа, между прочимъ, уничтоженіе въ Тиверіадѣ дворца Ирода I, украшеннаго, вопреки еврейскимъ законамъ, разными идолами и статуями. Прибывъ въ Галилею, Іосифъ засталъ въ Тиверіадѣ двѣ партіи: аристократы съ Юліемъ сыномъ Капелла, Иродомъ сыномъ Міара, Иродомъ сыномъ Гамала и Компсомъ сыномъ Компса во главѣ составляли миролюбивую партію и проповѣдывали вѣрность римлянамъ и Агриппѣ; другая-же часть еврейской знати и простая масса населенія примкнула къ возстанію; ими руководили Іустъ сынъ Писта и Інсусъ сынъ Сапфіи. Іустъ принадлежалъ къ знатному роду, прежде состоялъ секретаремъ у царя Агриппы, по свидѣтельству Іосифа обладалъ въ совершенствѣ греческой образованностью, великимъ даромъ слова и впослѣдствіи написалъ на греческомъ языкѣ исторію іудейско-римской войны (недошедшую до насъ), въ которой

Друзья и тѣлохранители Іосифа, за исключеніемъ четырехъ, разбѣжались всѣ отъ страха предъ нападеніемъ толпы. Онъ самъ еще спалъ, когда уже имѣлъ быть подложенъ огонь; затѣмъ онъ поднялся и хотя оставшіеся при немъ четыре тѣлохранителя совѣтовали ему бѣжать [1], онъ все-таки, не страшась ни покинутаго своего положенія, ни многочисленности враговъ, выскочилъ къ толпѣ въ изорванномъ платьѣ, съ покрытой прахомъ головой, закинутыми на спину руками и привязаннымъ сзади къ шеѣ своимъ собственнымъ мечемъ [2]. Это возбудило сожалѣніе дружественно расположенныхъ къ нему людей, въ особенности жителей Тарихеи; тѣ же, которые прибыли изъ деревень и ближайшихъ окрестностей и были озлоблены противъ него, поносили его и требовали, чтобъ онъ немедленно выдалъ сокровища, составляющія общественное достояніе, и сознался бы въ своихъ измѣнническихъ связяхъ. Видъ, въ которомъ онъ предсталъ передъ ними, породилъ именно въ нихъ мнѣніе, что онъ не намѣренъ отрицать возникшія противъ него подозрѣнія и прибѣгъ ко всѣмъ этимъ средствамъ, способнымъ возбудить жалость, для того, чтобы вымолить прощеніе. Но въ дѣйствительности обнаруженная имъ полная смиренность была только прелюдіей къ задуманной имъ военной хитрости, и только

обличалъ Іосифа во многихъ искаженіяхъ. Інсусъ сынъ Сапфіи пользовался среди народа еще большей популярностью, чѣмъ Іустъ. Приступая къ исполненію даннаго ему порученія, Іосифъ все-таки не хотѣлъ порвать съ партіей приверженцевъ Рима и предварительно завязалъ съ ея главаремъ, Капеллой, продолжительные переговоры, которые вывели изъ терпѣнія Іешую сына Сапфіи. Послѣдній, не дождавшись Іосифа, самъ сжегъ дворецъ Ирода, разграбилъ хранившіяся въ немъ сокровища и вмѣстѣ съ тѣмъ убилъ всѣхъ грековъ и другихъ язычниковъ, проживавшихъ въ Тиверіадѣ.—„Я былъ этимъ очень возмущенъ,—заключаетъ Іосифъ свой разсказъ,—и возвратившись въ Тиверіаду, я позаботился о сохраненіи всѣхъ тѣхъ царскихъ сокровищъ, которыя можно было вырвать изъ рукъ похитителей». („Жизнь“, §§ 9, 12 и 13).

[1] Въ «Жизни» (28) Іосифъ разсказываетъ, что тѣлохранители измѣнили ему и перешли къ его врагамъ, а единственный изъ нихъ, который остался съ нимъ, по имени Симонъ, совѣтовалъ ему „упасть на свой мечъ и самъ себя убить, какъ подобаетъ храброму и мужественному полководцу; если же онъ будетъ медлить, то онъ попадетъ въ руки его враговъ, которые будутъ глумиться надъ нимъ и предадутъ его позорной казни. Но онъ, Іосифъ, не хотѣлъ наложить на себя руки и ввѣрился Божьей волѣ“.

[2] Въ приведенномъ мѣстѣ Іосифъ доканчиваетъ картину и говоритъ, что онъ „упалъ предъ толпой на землю, громко зарыдалъ и оросилъ землю своими слезами“.

для того, чтобы раздвоить негодовавшую противъ него толпу по предмету ея злобы, онъ обѣщалъ имъ во всемъ признаться. Когда онъ получилъ позволеніе говорить, онъ произнесъ: «Эти сокровища я не имѣлъ въ виду ни послать къ Агриппѣ, ни присвоить и себѣ, ибо никогда я не буду считать своимъ другомъ вашего противника или личной выгодой то, что вредитъ общимъ интересамъ. Но я видѣлъ, что вашъ городъ, о граждане Тарихеи, въ высшей степени нуждается въ защитѣ и не имѣетъ никакихъ запасныхъ денегъ для сооруженія его стѣнъ,—вотъ почему я рѣшилъ изъ боязни предъ тиверіадцами и другими городами, претендующими на эту добычу, сохранить втайнѣ этотъ кладъ для того, чтобы на эти средства выстроить вамъ стѣну. Если вы этого не одобряете, то я прикажу принести сюда добытое добро и отдамъ его на разграбленіе,; если же я имѣлъ въ виду вашу пользу, то казните вашего благодѣтеля!»

4. Тарихеяне отвѣтили на это громкими одобреніями, тиверіадцы же и другіе ругали и угрожали. Обѣ части оставили Іосифа въ сторонѣ и затѣяли споръ между собою. Опираясь на тарихеянъ, которыхъ онъ склонилъ въ свою пользу, а ихъ было около сорока тысячъ, онъ уже смѣлѣе заговорилъ со всей толпой и строго укорялъ ее въ поспѣшности. Что касается спорныхъ денегъ, заключилъ онъ, то прежде всего онъ укрѣпитъ на нихъ Тарихею, но и для остальныхъ городовъ будутъ приняты мѣры безопасности; они не будутъ терпѣть недостатокъ въ деньгахъ, если только они соединятся противъ тѣхъ для борьбы съ которыми нужно собрать эти деньги а не возстанутъ противъ того, который ихъ доставляетъ.

5. Тогда удалилась та часть толпы, которая видѣла себя обманутой въ своихъ надеждахъ, хотя все еще озлобленная; двѣ тысячи вооруженныхъ [1] все-таки напали на него и съ угрозами окружили домъ, въ который онъ еще во время спасся бѣгствомъ. Противъ нихъ Іосифъ опять употребилъ другую хитрость. Онъ взошелъ на крышу, далъ знакъ рукой, чтобъ они замолчали и сказалъ: «Онъ собственно не знаетъ, въ чемъ состоитъ ихъ желаніе, ибо онъ ихъ не можетъ понять, когда они всѣ вмѣстѣ кричатъ. Но онъ готовъ сдѣлать все, чего отъ него потребуютъ, если они нѣсколькихъ изъ своей среды пошлютъ къ нему въ домъ для того, чтобы онъ могъ спокойно объясниться съ ними». По этому предложенію къ нему зашли знатнѣйшіе изъ нихъ вмѣстѣ съ коноводами. Іосифъ приказалъ потащить ихъ въ самый отдаленный уголъ его дома и при закрытыхъ дверяхъ бичевать ихъ до тѣхъ поръ, пока не обнажатся ихъ внутренности. Толпа въ это время стояла на улицѣ и полагала, что продолжительные переговоры такъ долго задерживаютъ депутатовъ. Іосифъ же велѣлъ внезапно распахнуть двери и выбросить вонъ на улицу обагренныхъ кровью людей [1]. Этотъ видъ нагналъ такой страхъ на угрожавшую толпу, что она бросила оружіе и побѣжала прочь.

[1] По «Жизни» (30) павшихъ было 600 человѣкъ.

6. Это усилило зависть Іоанна, и онъ задумалъ новое покушеніе противъ Іосифа. Подъ видомъ какой то болѣзни онъ письменно просилъ у Іосифа разрѣшенія пользоваться теплыми цѣлебными купаньями въ Тиверіадѣ. Іосифъ, не подозрѣвавшій еще о его козняхъ, предписалъ администраціи города оказать Іоанну должное гостепріимство и заботиться о его нуждахъ. Добившись всего этого, онъ уже спустя два дня сталъ преслѣдовать настоящую цѣль своего прибытія въ Тиверіаду. То ложными розсказнями, то подкупомъ онъ началъ побуждать жителей къ отпаденію отъ Іосифа. Сила, поставленный Іосифомъ для наблюденія за городомъ, не медля написалъ ему о предательскихъ затѣяхъ. По полученіи письма, Іосифъ въ ту же ночь выѣхалъ и съ наступленіемъ утра былъ уже въ Тиверіадѣ. Народъ вышелъ ему на встрѣчу; Іоаннъ, хотя догадывался, что прибытіе Іосифа касается лично его, послалъ одно изъ своихъ довѣренныхъ лицъ сказать ему, что болѣзнь приковываетъ его къ кровати, вслѣдствіе чего онъ не можетъ встрѣтить его лично. Когда же Іосифъ собралъ тиверіадцевъ въ ипподромъ и только что хотѣлъ было начать имъ говорить о содержаніи письма, Іоаннъ тайно послалъ вооруженныхъ людей съ порученіемъ убить его. Когда собраніе увидѣло этихъ людей, обнажавшихъ свои мечи еще на нѣкоторомъ отдаленіи, оно громко вскричало; Іосифъ обернулся на этотъ шумъ и, увидѣвъ сверкающіе уже надъ его головой мечи, побѣжалъ внизъ къ берегу (онъ во время своего обращенія къ народу стоялъ на курганѣ вышиною въ шесть локтей), вскочилъ въ тутъ же стоявшее судно и съ двумя тѣлохранителями поплылъ въ открытое озеро [2].

[1] Параллельное мѣсто „Жизни" (30) гласитъ: „Когда вошли ко мнѣ уполномоченные, я схватилъ рукой самаго дерзкаго изъ нихъ и приказалъ бичевать его тѣло кнутами; послѣ я отрубилъ ему мечемъ одну руку, повѣсилъ ее ему на шею и выбросилъ его на улицу. Толпа испугалась этого зрѣлища, ибо думала, что имѣю въ домѣ много солдатъ".

[2] Нѣсколько иначе этотъ эпизодъ излагается въ «Жизни» (17 и 18) „Іоаннъ въ Тиверіадѣ привлекъ на свою сторону и побудилъ къ отпаденію отъ

Его же солдаты взялись вдругъ за оружіе и пошли на убійцъ. Опасаясь, что при возникновеніи междоусобицы, весь городъ можетъ сдѣлаться жертвой злонамѣренности немногихъ людей, Іосифъ приказалъ своимъ черезъ посла, чтобы они только заботились о своей безопасности, но не убивали никого изъ виновныхъ и никого не подвергали отвѣтственности. Повинуясь этому приказу, тѣ остались въ покоѣ; но жители окрестностей, услышавъ объ измѣнѣ и ея зачинщикѣ, вооружились противъ Іоанна, который между тѣмъ успѣлъ уже бѣжать къ себѣ на родину, въ Гисхалу. Со всѣхъ городовъ Галилеи стеклись къ Іосифу тысячи вооруженныхъ людей и объявили себя готовыми выступить противъ общаго врага, Іоанна, и сжечь его вмѣстѣ съ городомъ, который оказываетъ ему убѣжище. Онъ благодарилъ ихъ за сочувствіе къ нему, но старался смягчить ихъ гнѣвъ, ибо онъ лучше хотѣлъ преодолѣть своихъ враговъ умомъ, чѣмъ лишить ихъ жизни. Узнавши отъ отдѣльныхъ городовъ имена людей, отпавшихъ вмѣстѣ съ Іоанномъ (граждане добровольно выдавали своихъ земляковъ), онъ объявилъ чрезъ герольдовъ, что тотъ, который въ теченіи пяти дней [1] не оставитъ Іоанна, того имущество онъ отдастъ на разграбленіе, а дома виновныхъ вмѣстѣ съ ихъ семействами уничтожитъ огнемъ. Этой угрозой онъ мгновенно привелъ на свою сторону болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, которые явились и положили свое оружіе къ его ногамъ. Съ остаткомъ изъ двухъ тысячъ [2] сирійскихъ бѣглецовъ Іоаннъ сталъ агитировать тайно, послѣ того, какъ ему не удалось сдѣлать это открыто. Такъ онъ тайно отправилъ пословъ въ Іерусалимъ съ цѣлью заподозрить все болѣе возроставшую власть Іосифа и велѣлъ имъ сказать: «если не примутъ мѣръ противъ него, то его вскорѣ увидятъ, какъ тирана въ столицѣ». Народъ это предвидѣлъ и не обращалъ вниманія на посольство. Но сильные и нѣкоторые изъ стоявшихъ во главѣ изъ зависти послали втайнѣ деньги Іоанну для того, чтобъ онъ могъ набрать наемное войско и побороть Іосифа. Въ то же время они рѣшили между собою отрѣшить его отъ должности правителя. Полагая, однако, что одного ихъ рѣшенія не будетъ достаточно, они послали двѣ тысячи пять сотъ тяжеловооруженныхъ и четырехъ высокопоставленныхъ мужей: Іоазара, сына Номика, Ананія сына Саддука, и Симона и Іуду сыновей Іонаѳана [1], (всѣ очень искусные ораторы) съ порученіемъ отвратить отъ Іосифа расположеніе народа, и если онъ добровольно отдастся имъ въ руки, то дать ему возможность оправдаться; если-же онъ насильно будетъ отстаивать свой постъ, то поступить съ нимъ, какъ съ врагомъ. Іосифу было сообщено письменно его друзьями о выступленіи войска, но причинъ они не могли ему объяснить, такъ какъ планъ его враговъ хранился втайнѣ [2]. Онъ поэтому не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности и такимъ образомъ на сторону враговъ тотчасъ-же перешли четыре города: Сепфорисъ, Гамала, Гисхала и Тиверіада. Но скоро онъ безъ кровопролитія вновь возвратилъ себѣ эти города, хитростью овладѣлъ четырьмя предводителями и сильнѣйшими изъ вооруженныхъ и послалъ ихъ обратно въ Іерусалимъ. Народъ не мало былъ возмущенъ противъ нихъ и навѣрно убилъ-бы ихъ со всѣми ихъ спутниками, если-бъ они не спаслись бѣгствомъ [3].

меня всѣхъ тѣхъ, которые постоянно носились мыслью о войнѣ съ римлянами и во главѣ ихъ Іуста и отца послѣдняго Писта. Сила же извѣстилъ меня чрезъ курьера объ измѣнѣ и просилъ немедленно прибыть для усмиренія мятежа. Я взялъ 200 человѣкъ и выслалъ впередъ курьера, чтобы предупредить тиверіадцевъ о моемъ прибытіи. Къ утру, когда я приближался къ городу, ко мнѣ вышли на встрѣчу жители и между ними также Іоаннъ, который привѣтствовалъ меня растерянно, и поспѣшилъ удалиться къ себѣ домой. Прибывъ на ипподромъ я удалилъ моихъ тѣлохранителей и оставилъ при себѣ только десять изъ нихъ. И взошелъ я на возвышеніе, и обратился къ жителямъ Тиверіады со словами упрека за ихъ измѣну. Но прежде чѣмъ я кончилъ, одинъ изъ моихъ солдатъ шепнулъ мнѣ, чтобъ я перестал говорить, ибо никто меня не слушаетъ, и тутъ же указалъ мнѣ на подосланныхъ Іоанномъ палачей. Вмѣстѣ съ моимъ тѣлохранителемъ Яковомъ я бросился тогда къ берегу".

[1] По „Жизни" (66) двадцать дней.

[2] Тамъ-же, четыре тысячи.

[1] Всѣ четыре делегата были фарисеи (Жизн. § 39).

[2] По „Жиз." 41 Іосифъ былъ извѣщенъ своимъ отцомъ, какъ о состоявшемся рѣшеніи, такъ и о причинахъ, вызвавшихъ его.

[3] Въ „Жизн." 38—64 Іосифъ подробно разсказываетъ о тѣхъ средствахъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ для того, чтобы отстоять свой начальническій постъ въ Галилеѣ. Состоявшееся рѣшеніе о лишеніи его начальства въ дѣйствительности было отмѣнено и делегаты были отозваны. Когда послѣдніе не хотѣли подчиниться, Іосифъ хитростью завладѣлъ ими и отослалъ ихъ въ Іерусалимъ. Въ числѣ лицъ, непріязненно настроенныхъ противъ Іосифа, послѣдній называетъ также извѣстнаго танаита Симона-бенъ-Гамліеля, отзываясь о немъ самымъ восторженнымъ образомъ:

„Сей мужъ, Симонъ сынъ Гамліеля, былъ уроженецъ города Іерусалима, отпрыскъ высокаго и знатнаго рода изъ партіи фарисеевъ, которые знаніемъ и точнымъ соблюденіемъ законовъ превосходили всѣхъ другихъ. Онъ отличался глубокой мудростью и проницательностью и обладалъ умѣніемъ вновь устра-

8) Съ этихъ поръ страхъ предъ Іосифомъ удерживалъ Іоанна внутри стѣнъ Гисхалы. Нѣсколько дней спустя Тиверіада опять отпала послѣ того, какъ жители ея призвали къ себѣ на помощь царя Агриппу [1]. Такъ какъ послѣдній не прибылъ въ назначенный срокъ, а въ этотъ день появились нѣкоторые римскіе всадники, то они чрезъ герольда объявили Іосифа изгнаннымъ изъ ихъ города. Объ ихъ отпаденіи немедленно дано было знать въ Тарихею. Іосифъ-же какъ разъ разослалъ всѣхъ солдатъ для сбора провіанта и потому не могъ ни выступить самъ одинъ противъ отпавшихъ, ни остаться тамъ, гдѣ онъ находился, такъ какъ въ томъ случаѣ, если-бы онъ медлилъ, царскіе отряды могли-бы достигнуть города; независимо отъ этого, слѣдующій день выпалъ въ субботу, по причинѣ которой онъ ничего не могъ предпринять. Вслѣдствіе этого онъ задумалъ перехитрить отпавшихъ. Онъ приказалъ запереть ворота Тарихеи, дабы никто не могъ открыть его планъ тѣмъ, противъ которыхъ онъ былъ составленъ; затѣмъ онъ велѣлъ собрать всѣ лодки, находившіяся въ озерѣ: ихъ оказалось двѣсти тридцать и въ каждой изъ нихъ не больше четверыхъ гребцовъ. Съ ними Іосифъ немедленно отплылъ въ Тиверіаду. На такомъ разстояніи отъ города, на какомъ ихъ нельзя было ясно видѣть, онъ приказалъ пустымъ лодкамъ остаться въ открытомъ озерѣ въ то время, когда онъ въ сопровожденіи лишь семи невооруженныхъ тѣлохранителей подъѣхалъ ближе къ городу. Но какъ только противники, не переставшіе его ругать, увидѣли его со стѣны, то, полагая, что всѣ суда переполнены тяжеловооруженными, бросили свое оружіе, начали махать масличными вѣтвями, какъ люди, просящіе помощи, и молить его о пощадѣ города.

9) Іосифъ пригрозилъ имъ серьезно, жестоко укорялъ ихъ въ томъ, что они, первые, которые начали войну съ римлянами, заранѣе пожирая

ивать пошатнувшіяся дѣла. Онъ былъ старымъ и преданнымъ другомъ Іоанна, ко мнѣ же онъ въ то время относился враждебно" (См. о С. б. Г. M. Braunschweiger, Die Lehrer der Mischnah, стр. 251, сл.).

[1] Галилеяне, узнавши объ этой измѣнѣ, затѣянной вѣроятно римлянофильской партіей, собрались вооруженными къ Іосифу и потребовали, чтобъ онъ ихъ повелъ на городъ для наказанія измѣнниковъ. Но Іосифъ убѣдилъ ихъ разойтись по домамъ, удовлетворивъ ихъ тѣмъ, что на ихъ-же глазахъ заковалъ въ кандалы пойманнаго посла, чрезъ котораго Агриппа послалъ отвѣтное письмо тиверіадцамъ. Вслѣдъ-же затѣмъ, однако, Іосифъ, какъ онъ самъ сознается въ „Жиз.", 69, тайно приказалъ привести къ себѣ плѣнника и посовѣтовалъ ему напоить виномъ стражу и бѣжать обратно къ царю.

свои силы въ междоусобицахъ, идутъ только на встрѣчу желаніямъ непріятеля, что они ищутъ крови человѣка, заботящагося объ ихъ безопасности и не стыдятся запереть городъ предъ тѣмъ, который окружилъ его стѣной. При всемъ томъ онъ изъявилъ готовность принять къ себѣ всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые признаютъ свою вину и помогутъ ему овладѣть городомъ. Немедленно явились къ нему всѣ десять вліятельнѣйшихъ гражданъ Тиверіады. Онъ приказалъ помѣстить ихъ въ одну изъ лодокъ и отплыть съ ними далеко въ озеро. Затѣмъ онъ потребовалъ къ себѣ пятьдесятъ другихъ изъ важнѣйшихъ членовъ магистрата подъ предлогомъ получить и отъ нихъ залогъ вѣрности. Послѣ этого онъ выдумывалъ еще другіе поводы, чтобы вызывать къ себѣ все больше и больше людей, точно онъ желалъ заключить съ ними договоръ, и каждый разъ приказывалъ рулевымъ какъ можно скорѣе ѣхать въ Тарихею и тамъ заключить всѣхъ плѣнныхъ въ тюрьму; такимъ образомъ онъ захватилъ въ свои руки весь Совѣтъ, состоявшій изъ шести сотъ членовъ, да еще двухъ тысячъ простыхъ гражданъ и въ челнахъ отправилъ ихъ въ Тарихею [1].

10) Такъ какъ остальные громогласно указывали на нѣкоего Клита, какъ на главнаго зачинщика отпаденія, и просили Іосифа выместить на немъ свой гнѣвъ, то онъ, рѣшивши никого не наказывать смертью, послалъ одного изъ своихъ тѣлохранителей, Леви, съ приказаніемъ отрубить ему обѣ руки; но изъ боязни предъ массой враговъ тотъ не хотѣлъ идти самъ одинъ. Клитъ-же, видя, какъ Іосифъ, полный негодованія, самъ, стоя въ лодкѣ, порывается впередъ, чтобы лично исполнить наказаніе, началъ умолять съ берега, чтобы хоть одну руку оставилъ ему. Іосифъ удовлетворилъ его просьбу съ тѣмъ, чтобъ онъ самъ отрубилъ себѣ одну изъ рукъ. И дѣйствительно, тотъ правой рукой поднялъ свой мечъ и отсѣкъ себѣ лѣвую—такъ великъ былъ его страхъ предъ Іосифомъ. Такимъ образомъ послѣдній съ пустыми лодками и только семью тѣлохранителями подчинилъ

[1] Въ „Жиз." (35) Іосифъ разсказываетъ, какъ онъ великодушно поступилъ съ плѣнниками. „Возвратившись въ Тарихею, говоритъ Іосифъ, я освободилъ изъ заключенія тиверіадскую знать, въ томъ числѣ Іуста и его отца Писта. И пригласилъ я ихъ въ свой домъ дѣлить со мною трапезу. Во время трапезы я имъ заявилъ, что я хорошо знаю силу римлянъ, превосходящую всякое другое могущество, но я изъ боязни предъ зелотами не говорю объ этомъ публично. И совѣтовалъ я имъ поступать такъ, какъ я, и ждать удобнаго момента... И послѣ того какъ я имъ это говорилъ, я съ разсвѣтомъ выпустилъ на свободу Іуста и всѣхъ людей, находившихся съ нимъ".

своей власти граждан Тиверіады и снова склонилъ городъ на свою сторону. Спустя нѣсколько дней онъ взялъ Гисхалу, отпавшую одновременно съ Сепфорисомъ, и отдалъ ее солдатамъ на разграбленіе. Все то, однако, что можно было собрать, онъ опять возвратилъ жителямъ города, равно какъ и жителямъ Сепфориса и Тиверіады [1]; ибо уже послѣ покоренія послѣднихъ онъ ограбленіемъ ихъ хотѣлъ дать имъ предостереженіе, въ то время какъ возвращеніемъ имъ имущества онъ вновь покорилъ ихъ сердца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Военныя приготовленія іудеевъ.—Симонъ сынъ Гіоры обращается къ разбойничеству.

1) Волненія въ Галилеѣ наконецъ улеглись, внутреннія распри прекратились и всѣ уже обратились къ военнымъ приготовленіямъ противъ римлянъ. Въ Іерусалимѣ первосвященникъ Ананъ и властныя лица, какъ они были склонны къ римлянамъ, привели въ порядокъ стѣны и заготовили массу боевыхъ орудій. Во всемъ городѣ ковали стрѣлы и цѣлые доспѣхи. Масса молодыхъ людей безъ плана и системы упражнялись въ боевыхъ пріемахъ, и все было полно военной сутолоки. Страшное уныніе царило въ средѣ умѣренныхъ, и многіе, предвидя надвигающееся несчастье, разражались громкими воплями. Появлялись знаменія, которыя друзья мира принимали за предвѣстники бѣдствія въ то время, какъ зачинщики войны

[1] По свидѣтельству Іосифа, въ „Жиз.", 15, Тиверіада отпала четыре раза отъ него. Разъ тиверіадцы при видѣ Іосифа, приближавшагося къ городу, вышли за ворота и начали громко поносить и проклинать его; тутъ-же гражданe на виду Іосифа устроили слѣдующую демонстрацію: они сколотили гробъ, пышно украсили его, окружили его со всѣхъ сторонъ и подняли плачъ, изображая Іосифа лежащимъ мертвымъ въ гробу. „Ихъ плачъ, говоритъ Іосифъ, былъ полонъ насмѣшекъ и глумленій, проклятій и поношеній". Онъ издали созерцалъ эту картину, но былъ тогда не одинъ, а имѣлъ въ засадѣ тысячу вооруженныхъ. По данному имъ сигналу солдаты ринулись на гражданъ; въ воротахъ города завязалась кровопролитная схватка, тиверіадцы выдержали натискъ и даже обратили войско Іосифа въ бѣгство; тогда Іосифъ отдѣлилъ маленькій отрядъ, который со стороны озера поджегъ городъ. При видѣ огня и клубовъ дыма жители упали духомъ, сложили съ себя оружіе и взмолились о пощадѣ. Солдаты-же между тѣмъ разграбили имущество гражданъ. На слѣдующій день Іосифъ стянулъ къ Тиверіадѣ 10000 войска, изловилъ всѣхъ своихъ враговъ и закованными отправилъ ихъ въ крѣпость Іотапату („Жиз.", 62,63, 64).

истолковывали ихъ въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Уже до нападенія римлянъ Іерусалимъ имѣлъ видъ обреченнаго на гибель города. Ананъ хотѣлъ было прервать на короткое время военныя приготовленія и направить бунтовщиковъ и безуміе такъ называемыхъ зелотовъ въ болѣе полезную сторону, но онъ сдѣлался жертвой насилія. Мы послѣ разскажемъ, какой конецъ постигъ его (IV, 5, 2).

2) Въ Акраватскомъ округѣ Симонъ сынъ Гіоры набралъ массу недовольныхъ и производилъ разбойничьи набѣги, въ которыхъ не только грабилъ дома богатыхъ людей, но и совершалъ насилія надъ ихъ личностью. Уже тогда заранѣе видно было начало его тираніи. Ананъ и остальные начальники послали противъ него часть войска; но онъ со своими сообщниками бѣжали къ разбойникамъ въ Масаду [1] (17, 2, 8), гдѣ онъ, вмѣстѣ съ ними, опустошая Идумею, оставался до паденія Анана и другихъ его враговъ. Правители названной страны, вслѣдствіе многочисленныхъ убійствъ и постоянныхъ грабежей, собрали войско и размѣстили гарнизоны по деревнямъ. Таково было положеніе въ Іудеѣ.

Конецъ второй книги.

ТРЕТЬЯ КНИГА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Неронъ отправляетъ Веспасіана въ Сирію, возлагая на него веденіе войны съ іудеями.

1) Когда Нерону доложено было о печальныхъ событіяхъ въ Іудеѣ [2], онъ, весьма естественно, почувствовалъ тайный страхъ и смущеніе; но наружно старался быть высокомѣрнымъ и показывалъ себя гнѣвнымъ, говоря: «во всемъ происшедшемъ виновата больше небрежность полководца, чѣмъ храбрость враговъ». Ему казалось, что императорскому величеству пристойнѣе горделиво взирать на печальныя явленія и дѣлать видъ, будто его душа выше всякихъ несчастій. Однако его озабоченность изобличала его душевное волненіе.

[1] Къ сикаріямъ.

[2] Вѣсть эта застигла Нерона во время его знаменитаго артистическаго путешествія по Греціи. Въ многочисленной свитѣ, окружавшей его, находился также Веспасіанъ.

2) Долго размышляя о томъ, кому ввѣрить взволновавшійся Востокъ, кому поручить наказаніе іудеевъ за ихъ мятежъ и сдерживаніе зараженныхъ уже ими сосѣднихъ народовъ, онъ остановился на Веспасіанѣ, какъ на единственномъ человѣкѣ, способномъ совладать съ критическимъ положеніемъ и могущемъ предпринять такую серьезную войну—человѣкѣ, выросшемъ и посѣдѣвшемъ въ сраженіяхъ, еще за долго до этого возвратившемъ Риму потрясенный германцами Западъ, подчинившемъ силой оружія римскому скипетру невѣдомую до той поры Британію и доставившемъ, такимъ образомъ, отцу Нерона, Клавдію [1] тріумфъ, не заслуженный имъ собственными подвигами.

3) Видя въ этомъ выборѣ хорошее предзнаменованіе, принимая также во вниманіе солидный возрастъ избранника [2] въ связи съ его военной опытностью, имѣя въ его сыновьяхъ залогъ вѣрности его и замѣчая въ этихъ юношахъ, только что достигшихъ зрѣлаго возраста, опору доблести отца; быть можетъ, наконецъ, и потому, что Богъ уже такъ все это предопредѣлилъ,—онъ послалъ Веспасіана (3 г. до раз. храма) принять начальство надъ войсками въ Сиріи [3]. Предварительно однако, чтобы возбудить его рвеніе,

[1] Веспасіанъ Титъ Флавій родился въ средней Италіи близъ Реаты. Отецъ его былъ откупщикомъ податей въ Азіи, а мать происходила изъ знатной умбрійской семьи. При императорѣ Калигулѣ онъ былъ военнымъ трибуномъ во Ѳракіи, потомъ квесторомъ, эдиломъ, преторомъ и, наконецъ, отличившись въ Британіи, былъ назначенъ консуломъ и затѣмъ намѣстникомъ въ Африкѣ. Историки того времени даютъ разнорѣчивые отзывы о характерѣ его правленія въ Африкѣ; фактъ однако тотъ, что онъ возвратился оттуда въ Римъ бѣднымъ, такъ что вынужденъ былъ заложить свои небольшія помѣстія у своего брата и заняться такого рода промысломъ, который пріобрѣлъ ему кличку mulio — мулоторговца (Sueton., in Vespas., 4). По Тациту, любимцу и обожателю Веспасіана, частная жизнь послѣдняго, до возвышенія его на престолъ, была въ высшей степени двусмысленна. Его упрекали также въ низкой лести, которую онъ расточалъ императору Гаю и его вольноотпущенникамъ. Далѣе его обвиняли въ скаредности и въ томъ, что онъ торговалъ лошадьми и рабами. Справедливы-ли эти упреки или нѣтъ, но несомнѣннымъ остается то, что Веспасіанъ былъ самымъ выдающимся полководцемъ изъ всѣхъ римскихъ военачальниковъ его времени. „Для подавленія возстанія іудеевъ, говоритъ Светоній, писавшій еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій, потребовались очень сильная армія и способный вождь, которому можно было-бы съ увѣренностью поручить эту важную экспедицію. Выборъ палъ на Веспасіана, дарованія котораго были общеизвѣстны“.

[2] Ему было къ тому времени 58 лѣтъ.

[3] Собственно намѣстникомъ въ Сиріи, вмѣсто умершаго Цестія Галла, назначенъ былъ Лициній Муціанъ; но послѣднему приказано было предоставить сирійскіе легіоны въ распоряженіе Веспасіана, какъ главнокомандующаго въ войнѣ противъ іудеевъ.

онъ, приневоленный нуждой, всячески умилостивлялъ его и всевозможными любезностями старался расположить его къ себѣ [1]. Веспасіанъ послалъ изъ Ахаи, гдѣ онъ находился вмѣстѣ съ Нерономъ, своего сына Тита въ Александрію, чтобы взять оттуда пятый и десятый легіоны [2]; самъ онъ отправился чрезъ Геллеспонтъ и сухимъ путемъ прибылъ въ Сирію, гдѣ онъ собралъ римскія силы и многочисленные союзные отряды сосѣднихъ царей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сильное пораженіе іудеевъ у Аскалона.—Веспасіанъ подвигается къ Птолемаидѣ.

1) Побѣдивъ Цестія, іудеи до того возгордились своимъ неожиданнымъ успѣхомъ, что никакъ не могли умѣрить свой пылъ и, точно воодушевленные счастливымъ рокомъ, все настойчивѣе стояли за дальнѣйшее веденіе войны. Кто только способенъ былъ носить оружіе бросился, не долго думая, въ походъ, предпринятый противъ Аскалона. Это старый городъ, отдаленный отъ Іерусалима на 520 стадій, всегда ненавидимый іудеями и долженствовавшій поэтому сдѣлаться теперь первой жертвой ихъ нападенія. Во главѣ кампаніи стояли три человѣка, выдававшіеся тѣлесной силой и предусмотрительностью; это были: Нигеръ Перейскій, Сила Вавилонянинъ и ессей Іоаннъ. Аскалонъ былъ сильно укрѣпленъ, но почти безъ войска: въ городѣ находились лишь одна когорта пѣхоты и одинъ лишь эскадронъ всадниковъ подъ командою Антонія.

2) Въ своемъ ожесточеніи они шли такъ быстро, что сразу, какъ будто прибывшіе изъ недалека, очутились предъ городомъ. Но Антоній,

[1] Веспасіанъ не задолго предъ своимъ назначеніемъ навлекъ на себя гнѣвъ Нерона тѣмъ, что имѣлъ неосторожность заснуть на одномъ изъ музыкальныхъ представленій, гдѣ императоръ выступилъ въ качествѣ артиста.

[2] Вмѣсто τὸ πὲμπτον καὶ τὸ δεκατον пятый и десятый—вѣроятно слѣдуетъ читать τό πεντεκαιδέκατον пятнадцатый,—какъ видно изъ III, 4, 2, гдѣ говорится что Титъ прибылъ къ отцу, присоединивъ къ находившимся при немъ пятому и десятому легіонамъ приведенный имъ пятнадцатый. (См. Renier, Mémoires de l'Académie des inscript. et belles-lettres, t. XXVI, 1, 298; см. также Schürer, Geschichte, I, 511).

предупрежденный заранѣе объ ихъ враждебномъ намѣреніи, вывелъ уже своихъ всадниковъ и, не робѣя предъ многочисленностью и смѣлостью враговъ, храбро выдержалъ ихъ первый натискъ и отбросилъ назадъ тѣхъ, которые подступили къ стѣнамъ. Новички въ борьбѣ съ опытными солдатами, пѣшіе противъ конныхъ, разбросанные въ безпорядкѣ противъ тѣсно сомкнутыхъ рядовъ, съ наскоро сколоченнымъ оружіемъ противъ воиновъ въ полныхъ доспѣхахъ, руководимые больше гнѣвнымъ инстинктомъ, чѣмъ предусмотрительностью, воюя противъ солдатъ, привыкшихъ повиноваться слову команды и дѣйствовать по одному мановенію, — іудеи были легко преодолены. Ибо какъ только ихъ передовые ряды пришли въ смятеніе, они уже были приведены конницей къ отступленію и такимъ образомъ, напирая на задніе ряды, стремившіеся къ стѣнѣ, тѣснили другъ друга до тѣхъ поръ, пока всѣ, преслѣдуемые конницей, не разсѣялись по всей равнинѣ. Широко и открыто разстилалась равнина предъ римской конницей, что значительно способствовало побѣдѣ римлянъ, для іудеевъ же было причиной гибели. Бѣжавшихъ римляне обгоняли и оборачивались къ нимъ лицомъ; собиравшихся на пути бѣгства они вновь разсѣевали и убивали въ безчисленномъ множествѣ; другіе окружали со всѣхъ сторонъ толпы іудеевъ и разстрѣливали ихъ безъ всякаго труда; іудеямъ многочисленность ихъ, вслѣдствіе отчаяннаго положенія, въ которомъ они очутились, казалась ничтожествомъ; римляне же, какъ ихъ ни было немного, но благодаря тому, что счастье было на ихъ сторонѣ, считали себя достаточно сильными для того, чтобы одержать верхъ. Такъ какъ первые, стыдясь своего поспѣшнаго бѣгства и выжидая благопріятнаго оборота дѣла, боролись съ своимъ несчастьемъ, а послѣдніе не переставали пользоваться своимъ счастьемъ, то битва затянулась до самаго вечера. Въ результатѣ десять тысячъ іудеевъ и среди нихъ двое изъ предводителей, Іоаннъ и Сила, легли мертвыми на полѣ сраженія [1]. Остальные, большею частью раненые, съ уцѣлѣвшимъ еще пред-

[1] Въ этомъ побоищѣ самымъ чувствительнымъ образомъ сказалось для іудеевъ больное мѣсто ихъ военной организаціи—почти полнѣйшее отсутствіе конницы. Нѣчто подобное, но въ гораздо большемъ масштабѣ, испытали сами римляне во время республики, когда въ ихъ военной тактикѣ конница занимала еще второстепенное мѣсто. Римская пѣхота, въ числѣ 80,000, столкнувшись у Канны на открытой равнинѣ со всадниками Ганнибала, потерпѣла страшное пораженіе: римлянъ пало тогда, по словамъ Тита Ливія, 45,000, а по свидѣтельству Полибія—60,000, въ то время, когда побѣдитель потерялъ, кромѣ нѣсколькихъ тысячъ пѣхоты, только 200 всадниковъ.

водителемъ Нигеромъ, спаслись въ идумейскій городокъ по имени Саллисъ. Римляне имѣли въ этой битвѣ только немного раненыхъ.

3) Это сильное пораженіе не смирило, однако, гордости іудеевъ; скорѣе это несчастье только усилило ихъ смѣлость. Непроученные жертвами, лежавшими у ихъ ногъ, а увлеченные счастьемъ, улыбавшимся имъ прежде, они дали себя заманить въ другое пораженіе. Не выжидая даже столько времени, сколько требовалось для заживанія ранъ, они собрали всѣ свои боевыя силы, чтобы съ большей яростью и въ большемъ количествѣ еще разъ напасть на Аскалонъ. Но, вмѣстѣ съ неопытностью и другими военными недостатками, имъ сопутствовала туда и прежняя судьба. Антоній на этотъ разъ уже заблаговременно занялъ всѣ проходы; такимъ образомъ они неожиданно попали въ засаду, и прежде, чѣмъ успѣли выстроиться въ боевой порядокъ, были оцѣплены всадниками и опять потеряли свыше восьми тысячъ человѣкъ. Всѣ остальные бѣжали и между ними также Нигеръ, который на пути бѣгства выказывалъ еще много смѣлыхъ подвиговъ. Непріятель преслѣдовалъ ихъ и загналъ въ укрѣпленную башню деревни Визеделя. Чтобы не оставаться долго у непобѣдимой почти башни и чтобы не оставить однако въ живыхъ вождя іудеевъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и ихъ храбрѣйшимъ борцомъ, они подожгли башню снизу. Когда она сгорѣла, римляне полные радости возвратились назадъ, не сомнѣваясь въ томъ, что и Нигеръ погибъ. Но Нигеръ уцѣлѣлъ, соскочивъ съ башни въ потаенное подземелье замка и на третій день, когда іудеи съ плачемъ разыскивали его трупъ для погребенія, онъ окликнулъ ихъ снизу. Его появленіе наполнило сердца іудеевъ неожиданной радостью: божественное Провидѣніе, казалось имъ, сберегало имъ въ его лицѣ полководца для будущаго.

4) Въ Антіохіи, столицѣ Сиріи, которая по своей величинѣ и благосостоянію занимаетъ безспорно третье мѣсто среди городовъ римскаго міра [1], Веспасіанъ принялъ свою армію. Здѣсь онъ соединился также съ царемъ Агриппой, который во главѣ всей своей собственной арміи ожидалъ его прибытія. Отсюда онъ поспѣшилъ въ Птолемаиду. Въ этомъ городѣ его встрѣчали мирно настроенные граждане Сепфориса изъ Галилеи. Они не заблуждались на счетъ своихъ собственныхъ выгодъ и могущества римлянъ и еще до прибытія Веспасіана заключили оборонительный и наступательный союзъ съ Цестіемъ Галломъ, получивъ отъ него гарнизонъ; теперь же, будучи благосклонно приняты полководцемъ, они объявили

[1] Послѣ Рима и Александріи.

себя готовыми къ участію въ борьбѣ противъ своихъ соотечественниковъ. По ихъ же просьбѣ полководецъ далъ имъ гарнизонъ изъ пѣхоты и всадниковъ, достаточно сильный для того, чтобы выдержать могущія произойти нападенія со стороны изступленныхъ іудеевъ. Ибо потеря Сепфориса ему казалась не мало опасной для предстоящей войны, такъ какъ онъ былъ величайшій городъ Галилеи, имѣлъ отъ природы хорошо защищенное положеніе и могъ поэтому сдѣлаться опорнымъ пунктомъ для всей страны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Описаніе Галилеи, Самаріи и Іудеи.

1) Галилея, раздѣляющаяся на Верхнюю и Нижнюю, окружена Финикіей и Сиріей. Западную ея границу составляютъ Птолемаида и окружающая ее область, а также Кармилъ, нѣкогда галилейскій горный хребетъ, а нынѣ тирскій, у котораго лежитъ всадническій городъ Гава (II, 18, 1), получившій свое названіе отъ поселившихся въ немъ всадниковъ, освобожденныхъ отъ службы Иродомъ. На югѣ она тянется по границамъ Самаріи и Скифополя вплоть до Іорданскихъ водъ. По восточной ея границѣ расположены: Иппина, Гадара, Гавланъ (I, 20, 4) и царство Агриппы (§ 5), на сѣверѣ ее замыкаютъ Тиръ и тирскія владѣнія. Нижняя Галилея простирается въ длину отъ Тиверіады до Завулона[1], невдалекѣ отъ прибрежной полосы Птолемаиды, а въ ширину она разстилается отъ деревни Ксалоса по Большой равнинѣ до Вирсавы; здѣсь же начинается ширина Верхней Галилеи, продолжающаяся до деревни Вака, у тирской границы, между тѣмъ какъ длина этой части Галилеи тянется отъ приіорданской деревни Θеллы до Мероθа (II, 20, 6).

2) Несмотря на большое протяженіе этихъ обѣихъ частей страны и на окружающее ихъ со всѣхъ сторонъ иноплеменное населеніе, жители все-таки всегда стойко выдерживали всякое вражеское нападеніе. Ибо они отъ самой ранней молодости подготовляли себя къ бою и были всегда многочисленны. Этихъ бойцовъ никогда нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ мужества, ни страну—въ недостаткѣ людей. Послѣдняя очень плодородна, изобилуетъ пастбищами, богато насаждена разнаго рода деревьями и своимъ богатствомъ поощряетъ на трудъ самаго лѣниваго пахаря. Немудрено поэтому,

[1] См. примѣчаніе къ 18-й главѣ предъидущей книги, стр. 237.

что вся страна сильно заселена; ни одна частица не остается незанятой; скорѣе она чрезъ-чуръ даже пестритъ городами [1], и населеніе въ деревняхъ, вслѣдствіе изумительнаго плодородія почвы также вездѣ до того многочисленно, что въ самой незначительной деревнѣ числится свыше 15,000 жителей.

3) Вообще, если даже по величинѣ Галилея уступаетъ Переѣ, то, по силѣ и значенію, необходимо отдать преимущество первой, потому что она вся воздѣлана и имѣетъ видъ огромнаго сплошного сада. Перея же, при ея гораздо болѣе значительномъ протяженіи, въ большей своей части безплодна, не культивирована и слишкомъ дика для производства нѣжныхъ плодовъ. Мѣста же не столь пустынныя и даже болѣе или менѣе плодородныя, равно какъ находящіяся подъ насажденіями равнины, эксплоатируются преимущественно для культуры оливковаго дерева, винограда, пальмъ и обильно орошаются горными потоками, а при ихъ высыханіи во время жаркихъ вѣтровъ—постоянно дѣйствующими ключами. Перея простирается въ длину отъ Махера (VII, 6, 1) до Пеллы (I, 4, 8), а въ ширину—отъ Филадельфіи (I, 2, 4) до Іордана. Пелла, о которой идетъ рѣчь, лежитъ на сѣверной границѣ; западную же границу образуетъ Іорданъ; на югѣ Перея граничитъ съ землею моавитянъ, а на востокѣ съ Аравіею, Сильбонитидой [2] съ областью Филадельфіи и Геразой.

4) Страна самарянъ лежитъ въ срединѣ между Галилеей и Іудеей. Она начинается у деревни Гинеи (II, 12, 3), на большой равнинѣ и кончается у Акрабтинскаго округа. Природа ея совершенно тождественна съ природой Іудеи. Обѣ эти страны богаты горами и равнинами, легко обрабатываемы, плодородны, засажены деревьями и изобилуютъ плодами въ дикомъ и культурномъ видѣ. Естественное орошеніе здѣсь хотя не очень богатое, но за то бываютъ обильные дожди. Текучія воды всѣ чрезвычайно прѣсны, а благодаря обилію хорошаго корма, скотъ здѣсь обладаетъ большей молочной производительностью, чѣмъ гдѣ-либо. Лучшимъ-же доказательствомъ превосходныхъ качествъ и богатой производительности обѣихъ странъ служитъ густота ихъ населенія.

Обѣ граничатъ между собою у деревни Ануаθа, иначе называе-

[1] По словамъ Іосифа въ „Жизни" (45) число городовъ и деревень въ Галилеѣ достигало 204.

[2] Вмѣсто Σιλβωνίτις, вѣроятно, слѣдуетъ читать Σεβωνίτις (см. II, 18, 1) т. е. библейскій городъ Хесбонъ.

мой Воркеемъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ сѣверной границей Іудеи; западную оконечность Іудеи по длинѣ образуетъ лежащая на границѣ противъ Аравіи деревня, называемая тамошними іудеями Іорданомъ [1]; въ ширину же она простирается отъ Іордана до Іоппіи. Какъ разъ въ самой срединѣ Іудеи лежитъ Іерусалимъ, вслѣдствіе чего иные не безъ основанія называли этотъ городъ пупомъ страны [2]. Іудея не лишена также благопріятнаго сосѣдства съ моремъ, такъ какъ ея прибрежная полоса тянется до Птолемаиды. Она раздѣлена на одиннадцать округовъ, надъ которыми, какъ царская столица, владычествуетъ Іерусалимъ, возвышающійся надъ окружающей его страной, какъ голова надъ тѣломъ. Остальные города распредѣлены по округамъ: ближайшимъ за Іерусалимомъ слѣдуетъ Гофна, затѣмъ Акрабатта, послѣ Тамна, Лидда, Эммаусъ, Пелла, Идумея, Енгадди (IV, 7, 2), Иродіонъ и Іерихонъ. Затѣмъ окружные города образуютъ: Іамнія, и Іоппія, наконецъ Гамала и Гавланъ, Ватанея и Трахонея, принадлежавшія вмѣстѣ съ тѣмъ къ области царя Агриппы. Послѣдняя начинается у Ливанскихъ горъ и истоковъ Іордана и простирается въ ширину до Тиверіадскаго озера, а въ длину—отъ деревни Арфы до Юліады (II, 9, 1). Населеніе этой страны составляетъ смѣсь іудеевъ и сирійцевъ. Столько я счелъ нужнымъ сказать вкратцѣ о Іудеѣ и ея окружающихъ мѣстностяхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Іосифъ, дѣлающій нападеніе на Сепфорисъ, отбрасывается.— Титъ во главѣ многочисленнаго войска приходитъ въ Птолемаиду.

1) Вспомогательные отряды, посланные Веспасіаномъ сепфорянамъ подъ предводительствомъ Плацида (2, 4), состоявшіе изъ 1000 всадниковъ и 6000 пѣхоты, разбили лагерь на Большой равнинѣ, чтобы здѣсь разойтись: пѣхота въ видѣ гарнизона расположилась въ самомъ городѣ, а конница осталась въ станѣ. Обѣ части войска постоянными вылазками и набѣгами на окрестности причиняли Іосифу и его людямъ, хотя послѣдніе находились въ покоѣ, много вреда: они разграбляли все вокругъ города и отбивали нападенія, на которыя отваживались жители этихъ окрестностей. Іосифъ, впрочемъ, сдѣлалъ нападеніе на городъ и на-

[1] Или Іарданъ.

[2] Сами іудеи считали Іерусалимъ „пупомъ земли“.

дѣялся покорить его послѣ того, какъ онъ самъ до отпаденія города отъ галилеянъ такъ сильно укрѣпилъ его, что даже римляне не могли бы взять его, развѣ только съ большимъ трудомъ. Но по этой именно причинѣ онъ ошибся въ разсчетѣ: онъ увидѣлъ себя одинаково не въ состояніи побѣдить сепфорянъ ни силой, ни добрымъ словомъ [1]. Его попытка только больше ожесточила непріятеля противъ страны. Раздраженные нападеніемъ римляне, не отдыхая ни днемъ, ни ночью, опустошали поля, грабили имущество поселянъ, убивали каждый разъ способныхъ носить оружіе, а болѣе слабыхъ продавали въ рабство. Убійства и пожары наполняли всю Галилею; никакія бѣдствія и несчастія не остались неиспытанными, ибо преслѣдуемые не имѣли другого убѣжища, кромѣ городовъ, укрѣпленныхъ Іосифомъ.

[1] Іосифъ спохватился напасть на сепфорянъ уже послѣ того, какъ они получили подкрѣпленія отъ Веспасіана; между тѣмъ раньше, когда галилеяне, пылавшіе ненавистью къ измѣнникамъ, находившимся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Цестіемъ Галіемъ, неоднократно порывались идти войною на Сепфорисъ, Іосифъ, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ „Жизни“, всѣми средствами и хитростями оберегалъ его отъ ихъ мщенія. Разъ галилеяне находились уже въ стѣнахъ города и начали уничтожать огнемъ его дома, рѣшившись стереть съ лица земли гнѣздо римлянофиловъ, въ которомъ ютилось не мало и язычниковъ,—Іосифъ тогда исполнился жалости къ преслѣдуемымъ и приказалъ солдатамъ прекратить погромъ. „Но, продолжаетъ авторъ, злоба галилеянъ была очень жестока и ненависть ихъ къ сепфорянамъ сильна, какъ смерть, такъ что они не хотѣли слушаться меня и продолжали истребленіе; тогда я прибѣгъ къ хитрости и распустилъ слухъ, что римляне приближаются къ городу съ другой стороны; для приданія вѣры этому слуху, я самъ притворился испуганнымъ, малодушнымъ и готовымъ бѣжать. Этимъ способомъ я спасъ городъ отъ опустошенія“. Въ другой разъ, когда въ Сепфорисъ вступилъ уже гарнизонъ, посланный Цестіемъ, Іосифъ былъ вынужденъ вторично напасть на него. Галилеяне тогда разрушили стѣну и ворвались въ городъ; но когда значительная часть его была уже взята, Іосифъ вдругъ скомандовалъ отступленіе, несмотря на то, что, какъ онъ самъ выражается, изъ его рядовъ палъ одинъ только человѣкъ, а со стороны римлянъ—12 пѣшихъ солдатъ, 2 всадника и нѣсколько сепфорянъ. На этотъ разъ поводомъ къ бѣгству послужило незнакомство войска съ расположеніемъ города. („Жизнь“ 67, 71). Такъ Іосифъ, дѣйствуя безъ надлежащей энергіи и необходимой въ подобныхъ случаяхъ рѣшительности, не могъ справиться съ единственнымъ оппозиціоннымъ городомъ, находившимся подъ защитой горсти римскаго войска и долженъ былъ напрасно тратить время и силу, которыя онъ съ большей пользой могъ бы употребить на организацію защиты ввѣренной ему области.

2) Между тѣмъ Титъ быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать въ зимнее время, переплылъ изъ Ахаи въ Александрію (1, 3) и принялъ подъ свою команду военную силу, за которой онъ былъ посланъ. Быстро подвигаясь впередъ, онъ скоро достигъ Птолемаиды, гдѣ онъ нашелъ своего отца, и присоединилъ къ находившимся при немъ двумъ превосходнымъ легіонамъ (пятому и десятому) приведенный имъ съ собою пятнадцатый легіонъ. Сюда прибыли еще 18 когортъ и кромѣ нихъ изъ Кесареи пять когортъ съ коннымъ отрядомъ и пять другихъ отрядовъ сирійскихъ всадниковъ. Десять изъ названныхъ когортъ имѣли по 1000 человѣкъ пѣхоты каждая, а остальныя 13 когортъ—по 600 человѣкъ; конные отряды состояли изъ 120 всадниковъ каждый. Кромѣ того составился еще сильный вспомогательный корпусъ отъ царей: Антіохъ, Агриппа и Соемъ выставили каждый по 2000 пѣшихъ стрѣлковъ и 1000 всадниковъ; аравитянинъ Малхъ послалъ 1000 всадниковъ и 5000 пѣхоты — большей частью стрѣлковъ, такъ что соединенная армія, включая и царскіе отряды, достигала 60000 человѣкъ пѣхоты и конницы [1]. Въ этотъ счетъ не вошелъ еще обозъ, слѣдовавшій въ громадномъ составѣ, хотя послѣдній по знанію военнаго дѣла долженъ быть также причисленъ къ ратному войску, потому что въ мирное время прислуга занята всегда тѣми же упражненіями, что и ихъ господа, а въ войнѣ она раздѣляетъ опасности послѣднихъ, такъ что въ опытности и физической силѣ она никому не уступаетъ, кромѣ развѣ своихъ господъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Описаніе римскаго войска, его лагернаго быта и прочаго, что составляетъ славу римлянъ.

1) Уже въ одномъ этомъ пунктѣ достойна удивленія мудрость римлянъ, что они пользуются обозомъ прислуги не только для служебныхъ обязанностей повседневной жизни, но умѣли приспособить его также къ самой войнѣ. Если же бросить взглядъ на все ихъ военное устройство въ цѣломъ, то нужно придти къ убѣжденію, что это обширное царство пріобрѣтено ими благодаря ихъ способностямъ, а не получено какъ даръ счастливой случайности. Ибо не тогда только, когда война уже наступаетъ, они начинаютъ знакомиться съ оружіемъ, и не нужда лишь заставляетъ ихъ подымать руки для того, чтобы въ мирное время снова ихъ опускать,—нѣтъ, точно рожденные и выросшіе въ оружіи, они никогда не перестаютъ упражняться имъ, а не выжидаютъ для этого какихъ-либо опредѣленныхъ случаевъ [1]. Ихъ упражненія отличаются тѣмъ же неподдѣльнымъ жаромъ и серьезностью, какъ дѣйствительныя сраженія: каждый день солдату приходится дѣйствовать со всѣмъ рвеніемъ, какъ на войнѣ. Поэтому они съ такой легкостью выигрываютъ битвы; ибо въ ихъ рядахъ никогда не происходитъ замѣшательства и ничто ихъ не выводитъ изъ обычнаго боевого порядка; страхъ не лишаетъ ихъ присутствія духа, а чрезмѣрное напряженіе не истощаетъ ихъ силъ. Вѣрна поэтому ихъ побѣда надъ тѣми, которые уступаютъ имъ во всѣхъ этихъ преимуществахъ. Ихъ упражненія можно по справедливости называть безкровными сраженіями, а ихъ сраженія кровавыми упражненіями. И внезапнымъ нападеніемъ непріятель не можетъ имѣть успѣхъ, ибо, вступая въ страну непріятеля, они избѣгаютъ всякаго столкновенія съ нимъ до тѣхъ поръ, пока не устраиваютъ себѣ укрѣпленнаго лагеря. Послѣдній они разбиваютъ не зря, безъ опредѣленнаго плана, и не на неровномъ мѣстѣ; и не всѣ вмѣстѣ безъ разбора участвуютъ въ его сооруженіи. Если мѣсто выпадаетъ неровное, то его выравниваютъ, отмѣриваютъ четырехугольникъ и тогда за дѣло принимается отрядъ ремесленниковъ, снабженныхъ необходимыми строительными инструментами.

2) Внутреннее пространство они отводятъ для палатокъ, а наружное кругомъ образуетъ какъ-бы стѣну, которая застроена башнями на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Въ пространствѣ между башнями они ставятъ быстро-метательные снаряды, камнеметни, балисты и другія крупныя метательныя орудія—приспособленныя всѣ къ немедленному дѣйствію. Четверо

[1] Число это равнялось почти половинной части всѣхъ войскъ римской имперіи, достигавшихъ въ то время до 150000 человѣкъ („Бытъ грековъ и римлянъ" Ф. Ф. Велишскаго. Переводъ съ чешскаго подъ редакціей И. А. Ростовцева, стр. 572).

[1] Римскіе граждане исполняли военную службу отъ 16 до 60 лѣтъ—до 45 лѣтъ полевую, до 60 лѣтъ гарнизонную. Послѣ войны противъ Антіоха, когда въ Римъ стала проникать восточная роскошь, тогда стала исчезать прежняя храбрость, считавшаяся нѣкогда лучшимъ украшеніемъ свободнаго римскаго гражданина, такъ что большая часть римскихъ гражданъ стала уклоняться отъ военной службы; а такъ какъ новыя войны требовали болѣе многочисленной арміи, то войско набиралось при помощи особыхъ вербовщиковъ (conquisitores) изъ бѣдныхъ, неимущихъ классовъ. Даже въ конницу самый большій контингентъ доставляли провинціи; римскіе граждане занимали въ ней почти лишь одни офицерскія мѣста (Тамъ-же, стр. 570, 571).

воротъ построены на четырехъ сторонахъ окружности лагеря; всѣ они удобопроходимы для вьючныхъ животныхъ и достаточно широки для вылазокъ въ случаѣ надобности. Внутри лагерь удобно распланированъ на отдѣльныя части. Въ срединѣ стоятъ палатки предводителей, а посреди послѣднихъ, на подобіе храма, возвышается шатеръ полководца. Все остальное пространство представляетъ видъ импровизированнаго города, снабженнаго чѣмъ-то въ родѣ рынка, ремесленнымъ кварталомъ и особымъ мѣстомъ для судейскихъ креселъ, гдѣ начальники разбираютъ возникающіе споры. Укрѣпленіе окружности и устройство всѣхъ внутреннихъ частей стана совершается съ неимовѣрной быстротой [1], благодаря большому количеству и ловкости рабочихъ. Въ необходимыхъ случаяхъ съ наружной стороны вала дѣлается еще окопъ въ четыре локтя глубины и столько же ширины [2].

3) Разъ шанцы уже готовы, солдаты отдѣльными группами отдыхаютъ въ тишинѣ и порядкѣ въ своихъ палаткахъ. Жизнь лагеря со всѣми ея отправленіями подчиняется также установленному порядку: ношеніе дровъ, доставка провіанта и возка воды производятся особо назначенными войсковыми отдѣленіями по очереди [3]. Никто не вправѣ завтракать или обѣдать, когда ему заблагоразсудится, а одинъ часъ существуетъ для всѣхъ; часы покоя, бодрствованія и вставанія со сна возвѣщаются трубными сигналами; все совершается только по командѣ. Съ наступленіемъ утра солдаты группами являются съ привѣтствіемъ къ центуріонамъ, эти — къ трибунамъ, съ которыми тогда всѣ офицеры вмѣстѣ для той же цѣли представляются полководцу. Послѣдній, по обычаю, объявляетъ имъ пароль дня [4], а также и приказы для сообщенія ихъ своимъ подчиненнымъ. Соблюдается этотъ порядокъ и въ сраженіи, такъ что они имѣютъ возмож-

[1] Отъ 3 до 5 часовъ.

[2] Когда лагерь устраивался на болѣе продолжительное время и можно было ожидать нападенія непріятеля, ровъ дѣлался глубже и шире (отъ 9 до 19 футовъ).

[3] Чтобы избавиться отъ тяжелой лагерной службы, воины подкупали офицеровъ и получали отпускъ, такъ что обыкновенно четвертая часть солдатъ находилась внѣ лагеря или оставалась праздной въ лагерѣ въ ущербъ другимъ. Эти злоупотребленія продолжались въ войскахъ и при Неронѣ и были прекращены только при Отонѣ, когда центуріоны начали получать первую прибавку изъ государственной казны.

[4] Паролемъ служило обыкновенно имя какого нибудь бога или другое какое нибудь знаменательное слово, какъ: Victoria, palma, triumphus и т. п.

ность густыми массами дѣлать быстрыя движенія къ наступленію или отступленію, смотря по тому, необходимо-ли одно или другое.

4) Объ оставленіи лагеря возвѣщается трубнымъ звукомъ. Все тогда приходитъ въ движеніе; по первому мановенію снимаются шатры и всѣ приготовляются къ выступленію. Еще разъ раздается звукъ трубы—быстро навьючиваютъ тогда солдаты муловъ и другихъ животныхъ орудіями и стоятъ уже, словно состязающіеся въ бѣгахъ за ареной, совершенно готовыми къ походу. Въ это же время они сжигаютъ шанцы для того, чтобъ не воспользовался ими непріятель, въ той увѣренности, что въ случаѣ надобности они безъ особаго труда могутъ соорудить на этомъ мѣстѣ новый лагерь. Третій трубный сигналъ возвѣщаетъ выступленіе—выстраиваются ряды и всякій замѣшкавшійся солдатъ спѣшитъ занять свое мѣсто въ строю. Тогда вѣстникъ, стоящій у правой руки полководца, троекратно спрашиваетъ на родномъ языкѣ: все-ли готово къ бою. Солдаты столько же разъ громко и радостно восклицаютъ: «да, готово!» Нерѣдко они, предупреждая окончаніе вопроса, полные воинственнаго воодушевленія, съ простертыми вверхъ руками издаютъ только одинъ воинственный кликъ [1].

5) Тогда они выступаютъ въ путь и подвигаются молча, въ стройномъ порядкѣ. Каждый остается въ линіи, какъ въ сраженіи. Пѣхотинцы защищены панцырями и шлемами и носятъ съ обѣихъ сторонъ острыя оружія; мечъ на лѣвомъ боку значительно длиннѣе меча, висящаго на правомъ и имѣющаго въ длину только одну пядень. Отборная часть пѣхоты, окружающая особу полководца, носитъ копья и круглые щиты; остальная часть пѣхоты—пики и продолговатые щиты, пилы и корзины, лопаты и топоры и кромѣ того еще ремни, серпы, цѣпи и на три дня провизіи; такимъ образомъ пѣшіе солдаты носятъ почти столько же тяжести, сколько вьючныя животныя. Всадники имѣютъ съ правой стороны длинный мечъ, въ рукѣ такое же длинное копье; на лошади поперекъ спины лежитъ продолговатый щитъ; въ колчанѣ они имѣютъ три или больше длинныхъ, какъ копья, метательныхъ дротиковъ съ широкими наконечниками; шлемы и панцыри они имѣютъ одинаковые съ пѣхотой; из-

[1] Описаніе римскаго лагеря, которое даетъ здѣсь Іосифъ Флавій, въ общихъ чертахъ сходится со свѣдѣніями другихъ древнихъ писателей. Кромѣ нѣкоторыхъ данныхъ, разбросанныхъ въ историческихъ сочиненіяхъ Цезаря, Ливія и Тацита, мы обязаны подробными свѣдѣніями объ этомъ предметѣ Полибію и Гигину, изъ которыхъ первый описываетъ лагерь консульской арміи во время 2-ой пунической войны, а второй лагерь времени Траяна.

бранные всадники, окружающіе особу полководца, вооружены точно такъ же, какъ ихъ товарищи въ эскадронахъ. Авангардъ образуетъ всегда легіонъ, назначающійся по жребію.

6) Такого порядка держатся римляне въ походѣ, въ лагерѣ и по отношенію къ выбору разнаго рода оружія. Въ самыхъ сраженіяхъ ничто не происходитъ безъ предварительнаго совѣщанія; каждое движеніе имѣетъ основаніемъ своимъ предначертанный планъ, и наоборотъ за каждымъ рѣшеніемъ слѣдуетъ всегда его исполненіе. Оттого они такъ рѣдко совершаютъ ошибки и каждый промахъ легко поправляется вновь. Побѣдѣ, доставшейся счастливой случайностью, они охотнѣе предпочитаютъ пораженіе, если только послѣднее является слѣдствіемъ заранѣе составленнаго плана. Они держатся того мнѣнія, что успѣхъ, пріобрѣтенный не по винѣ дѣйствующихъ лицъ, порождаетъ неосмотрительность, въ то время, какъ всестороннее обдумываніе, если даже иной разъ и не достигаетъ своей цѣли, имѣетъ, однако, своимъ послѣдствіемъ энергическое стремленіе къ предупрежденію неудачъ въ будущемъ; затѣмъ случайная удача не имѣетъ виновникомъ того, на долю котораго она выпадаетъ, между тѣмъ какъ печальные результаты, не оправдывающіе прежнихъ разсчетовъ, оставляютъ по крайней мѣрѣ утѣшеніе въ томъ, что дѣло было правильно задумано.

7) Упражненія оружіемъ направлены у нихъ къ тому, чтобы закалить не только тѣло, но и духъ; для достиженія этой цѣли дѣйствуютъ также и страхомъ: ихъ законы караютъ смертью не только дезертированіе, но и менѣе важные проступки [1]. Безпощаднѣе закона еще личная карательная власть полководцевъ; только щедрость наградъ, выдаваемыхъ храбрымъ воинамъ, образуетъ противовѣсъ, благодаря которому они не кажутся столь жестокими по отношенію къ провинившимся. Зато и повиновеніе

[1] Полибій и Ливій упоминаютъ о проступкахъ, которые наказывались смертью; это были: оставленіе караульнаго поста или неявка въ караулъ (особенно въ ночное время), воровство, ложное свидѣтельство противъ товарища, трусость или бѣгство предъ непріятелемъ и оставленіе оружія и, наконецъ, повтореніе проступка солдатомъ послѣ того, какъ онъ уже былъ наказанъ за тотъ же проступокъ 4 раза. Смертной казни могли присуждаться цѣлые манипулы или даже легіоны. Въ такихъ случаяхъ казни подвергался каждый десятый, впослѣдствіи при императерахъ каждый двадцатый или сотый избираемый изъ всего числа отряда по жребію; остальные солдаты въ теченіе опредѣленнаго времени не смѣли жить внутри лагеря, а находились предъ окопами и получали вмѣсто пшеницы ячмень. Уголовный судъ надъ офицерами принадлежалъ только императорамъ.

командирамъ такъ велико, что все войско въ мирное время представляетъ видъ парада, а на войнѣ—одного единственнаго тѣла,—такъ крѣпко связаны между собою ряды, такъ легки повороты, такъ навострены уши къ приказамъ, глаза напряженно устремлены на сигнальные знаки и руки подвижны къ дѣлу. Поэтому они всегда готовы къ дѣйствію и не легко переносятъ бездѣйствіе. Разъ только они стоятъ въ боевомъ порядкѣ, то они никогда не отступаютъ ни предъ количественнымъ превосходствомъ силъ, ни передъ военной хитростью, ни предъ препятствіями, предоставляемыми мѣстностью, ни даже предъ измѣной счастья, ибо тверже, чѣмъ въ послѣднее, они вѣруютъ въ свою побѣду. Нужно ли удивляться, что народъ, который всегда разсуждаетъ, прежде чѣмъ что либо предпринимаетъ, который для осуществленія своихъ предпріятій имѣетъ такую могущественную армію—что этотъ народъ расширилъ свои предѣлы: къ востоку до Евфрата, къ западу до океана, на югѣ до тучныхъ нивъ Ливіи, а на сѣверѣ—до Дуная и Рейна? Иной не безъ основанія даже скажетъ, что владѣнія все еще не такъ велики, какъ того заслуживаютъ владѣльцы.

8) Это описаніе не имѣетъ, впрочемъ, цѣлью хвалить римлянъ, а утѣшать побѣжденныхъ и падкихъ къ возмущеніямъ людей наводить на другія размышленія [1]. Съ другой стороны организація римскаго войска можетъ служить образцомъ для тѣхъ, которые умѣютъ цѣнить совершенство, но не вполнѣ съ нимъ знакомы. Однако послѣ этого уклоненія я опять возобновляю нить моего разсказа.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Плацидъ отбитъ отъ Іотапаты.—Веспасіанъ вторгается въ Галилею.

1) Веспасіанъ со своимъ сыномъ Титомъ оставались нѣкоторое время въ Птоломаидѣ [2] и приводили въ порядокъ свои войска, между тѣмъ

[1] О римскомъ войскѣ и его организаціи во время іудейской войны см. Cagnat, L'armée romaine au siège de Iérusalim въ Revue des Etudes juives № 43, стр. XXI слѣд. (Восходъ 1891 г.).

[2] Къ этому времени относится первая встрѣча Тита съ Вереникой, прибывшей въ Птоломаиду вмѣстѣ съ своимъ братомъ Агриппой II. Ей было 39 лѣтъ, тогда какъ Титу едва только 26-ой годъ; еврейская принцесса, несмотря на неравенство лѣтъ, такъ очаровала Тита, что его любовь къ ней, длившаяся 12 лѣтъ, заставляла говорить о себѣ весь Римъ и отмѣчена всѣми тогдашними историками. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Тацитъ по этому поводу (Hist. II, 2), что его (Тита) молодое сердце было плѣнено, но эта любовь не

какъ Плацидъ рыскалъ по Галилеѣ, захватывалъ въ плѣнъ множество жителей и убивалъ ихъ; въ его руки попадалась, однако, слабая и малодушная часть населенія, ратный же людъ, какъ Плацидъ хорошо замѣчалъ, каждый разъ бѣгалъ отъ него въ укрѣпленные Іосифомъ города. Онъ двинулся поэтому противъ сильнѣйшаго изъ послѣднихъ, Іотапаты (7, 7), надѣясь легко покорить ее внезапнымъ нападеніемъ и этимъ прославить себя въ глазахъ полководцевъ, а имъ самимъ облегчить дальнѣйшее веденіе войны, ибо онъ думалъ, что другіе города послѣ паденія сильнѣйшаго изъ нихъ со страха сдадутся безъ борьбы. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ надеждахъ. Іотапатцы узнали о его приближеніи и ожидали его у города. Неожиданно они напали на римлянъ въ большомъ числѣ, вооруженные и воодушевленные къ бою, сознавая, что они сражаются за угрожаемое отечество и за женъ и дѣтей. Спустя короткое время они отбросили назадъ римлянъ, причемъ ранили многихъ, но убили лишь семь человѣкъ, ибо они отступали не въ безпорядкѣ, удары не глубоко врѣзывались въ хорошо защищенныя со всѣхъ сторонъ тѣла римлянъ, а іудеи, будучи сами легко вооружены, не осмѣливались нападать на тяжеловооруженныхъ враговъ на близкомъ разстояніи и метали въ нихъ стрѣлы большею частью издали. Со стороны же іудеевъ пали трое и нѣсколько было ранено. Плацидъ увидѣлъ себя слишкомъ слабымъ для нападенія на городъ и обратился въ бѣгство.

2) Рѣшившись, наконецъ, самъ вторгнуться въ Галилею, Веспасіанъ выступилъ изъ Птоломаиды и пустилъ свое войско въ походъ въ принятомъ по римскому обычаю порядкѣ. Легкіе вспомогательные отряды и стрѣлковъ онъ выслалъ впередъ для отраженія непредвидѣнныхъ непріятельскихъ нападеній и осмотра подозрительныхъ лѣсовъ, удобныхъ для засадъ. За ними слѣдовало отдѣленіе тяжеловооруженныхъ римлянъ, состоявшее изъ пѣхоты и всадниковъ, послѣ шли по десяти человѣкъ изъ каждой центуріи, носившіе, какъ собственную поклажу, такъ и инструменты для отмѣриванія лагеря; за ними тянулись рабочіе, которые должны были выровнять извилистыя и бугристыя мѣста по главной дорогѣ и срубать мѣшающіе кустарники, дабы войско не уставало отъ трудностей похода; позади нихъ, подъ прикрытіемъ сильнаго отряда всадниковъ подвигался обозъ, состоявшій изъ багажа начальствующихъ лицъ. Затѣмъ слѣдовалъ самъ Веспасіанъ, сопровождаемый отборной пѣхотой, всадниками и броненосцами, вслѣдъ за нимъ ѣхали принадлежавшіе къ легіонамъ всадники, которыхъ каждый легіонъ имѣетъ 120; затѣмъ шли мулы, навьюченные осадными машинами и другими военными снарядами; послѣ появлялись легаты, начальники когортъ съ трибунами, окруженные отборнымъ войскомъ; за ними носили знамена и посреди нихъ орла, котораго римляне имѣютъ во главѣ каждаго легіона. Какъ царь птицъ и сильнѣйшая изъ нихъ, орелъ служитъ имъ эмблемой господства и провозвѣстникомъ побѣды надъ всякимъ врагомъ, противъ котораго они выступаютъ. За этими святынями войска [1] шли трубачи [2] и тогда лишь двигалась главная масса войска тѣсными рядами по шести человѣкъ въ каждомъ, сопровождаемая однимъ центуріономъ, который, по обыкновенію, наблюдалъ за порядкомъ. Обозы легіоновъ вмѣстѣ съ вьючными животными, носившими багажъ солдатъ, непосредственно примыкали къ пѣхотѣ. Наконецъ, позади всѣхъ легіоновъ, шла толпа наемниковъ, за которыми для ихъ безопасности слѣдовалъ еще аріергардъ, состоявшій изъ пѣхоты, тяжеловооруженныхъ и массы всадниковъ.

3) Подвигаясь со своимъ войскомъ въ такомъ порядкѣ, Веспасіанъ достигъ границы Галилеи, гдѣ разбилъ свой станъ. Онъ нарочно удерживалъ еще рвеніе солдатъ для того, чтобы видомъ своихъ военныхъ силъ внушить страхъ врагамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать имъ время одуматься до начала дѣйствій. Въ то-же время однако онъ дѣлалъ приготовленія

отвлекала его отъ государственныхъ дѣлъ". По словамъ Светонія, «римскій народъ упрекалъ Тита въ его страстной любви къ царицѣ Вереникѣ; утверждали даже, что онъ обѣщалъ ей жениться на ней... Но какъ только Титъ вступилъ на престолъ, онъ удалилъ ее invitus invitam, противъ ея и своей воли». (Sueton, Fit., 7). Діонъ Кассій говоритъ такъ: «Въ дни этого императора (Веспасіана) Вереника была прекраснѣе, чѣмъ когда либо. Она прибыла со своимъ братомъ, Агриппой, въ Римъ, и этотъ былъ удостоенъ званія претора. Вереника поселилась въ царскомъ дворцѣ и жила совмѣстно съ Титомъ. Она надѣялась укрѣпить этотъ бракъ и вела себя уже какъ его супруга. Но такъ какъ Титъ видѣлъ, съ какимъ неудовольствіемъ римскій народъ взираетъ на эту связь и сколько вслѣдствіе нея возбуждается толковъ, то онъ рѣшилъ устранить ее» (Dio Cass., 66, 18).

[1] Какъ знамя для воина нашего времени, такъ орелъ для римскаго солдата былъ самымъ дорогимъ предметомъ, предметомъ величайшаго благоговѣнія. Его онъ долженъ былъ защищать до послѣднихъ силъ. Потеря знамени считалась самымъ постыднымъ дѣломъ.

[2] Трубачи служили только для дачи сигналовъ: къ наступленію, отступленію, походу, смѣнѣ стражи, созыву собранія и проч. Военной же музыки, играющей во время походовъ, древніе не знали.

къ штурмованію крѣпостей. Появленіе полководца дѣйствительно поколебало многихъ въ ихъ мятежныхъ замыслахъ и наполнило всѣхъ страхомъ. Войска, которое подъ предводительствомъ Іосифа стояло лагеремъ невдалекѣ отъ Сепфориса, у города Гариса, лишь только услышало, что римляне стоятъ уже у нихъ за спиной и готовы уже драться, — не выждавъ столкновенія съ ними, даже не видя ихъ еще въ глаза, немедленно разсѣялись по всѣмъ сторонамъ. Іосифъ, оставшись съ очень немногими, увидѣлъ себя чрезъ-чуръ слабымъ для встрѣчи непріятеля; отъ его вниманія не ускользнулъ также упадокъ духа, овладѣвшій іудеями, и то обстоятельстоо, что они большей своей частью, если-бъ могли довѣриться римлянамъ, охотно вошли-бы въ соглашеніе съ ними. Исполненный мучительныхъ предчувствій на счетъ исхода войны вообще, онъ рѣшилъ на этотъ моментъ по возможности уйти отъ опасности и вмѣстѣ съ оставшимися вѣрными ему людьми бѣжалъ въ Тиверіаду.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Овладѣвъ городомъ Габарой [1], Веспасіанъ направляется противъ Іотапаты. — Послѣ продолжительной осады онъ беретъ этотъ городъ, благодаря измѣнѣ перебѣжчика.

1) Веспасіанъ двинулся противъ города Габары и овладѣлъ имъ при первомъ наступленіи, такъ какъ нашелъ его покинутымъ войскомъ. По вступленіи въ городъ онъ приказалъ убить всѣхъ юношей; римляне въ своей ненависти къ іудеямъ и изъ мести за жестокое обращеніе съ Цестіемъ не щадили никакого возраста. Послѣ этого онъ приказалъ предать огню не только самый городъ, но и всѣ селенія въ его окрестности; большинство изъ послѣднихъ было совершенно покинуто своими обитателями; оставшіеся кое-гдѣ жители были проданы въ рабство.

2) Въ томъ городѣ, который Іосифъ избралъ себѣ убѣжищемъ, его прибытіе въ качествѣ бѣглеца распространило страхъ. Жители Тиверіады были убѣждены, что онъ не бѣжалъ бы, еслибъ окончательно не отчаялся въ счастливомъ исходѣ войны, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи они дѣйствительно отгадали его мнѣніе. Іосифъ ясно сознавалъ, къ какому концу поведутъ начинанія іудеевъ, и единственное спасеніе, которое было

[1] Въ текстѣ сказано Гадара, но это очевидная ошибка, такъ какъ Гадара лежала на восточномъ берегу Іордана въ Іудеѣ и была взята Веспасіаномъ лишь въ слѣдующемъ году.

еще возможно для нихъ, онъ видѣлъ въ оставленіи ими задуманнаго дѣла. Самъ же онъ, хотя вполнѣ могъ надѣяться на прощеніе римлянъ, готовъ былъ лучше сто разъ умереть, нежели измѣной своему отечеству и обезчестіемъ возложеннаго на него достоинства полководца благоденствовать среди тѣхъ, которыхъ онъ посланъ былъ побороть. Въ виду этого онъ рѣшилъ доложить въ точности правительству въ Іерусалимѣ о положеніи дѣлъ, дабы, съ одной стороны, преувеличеннымъ описаніемъ непріятельскихъ силъ не навлечь на себя впослѣдствіи упрека въ трусости, а съ другой, — умаленіемъ этихъ силъ не ободрять тѣхъ, которые хотѣли бы принять лучшее рѣшеніе. Онъ написалъ поэтому въ Іерусалимъ, что если правительство пожелаетъ завязать мирные переговоры, то пусть оно дастъ ему знать неотложно, въ противномъ случаѣ если рѣшеніе о войнѣ останется твердымъ, тогда пусть пришлетъ ему такое войско, которое было-бы въ состояніи сразиться съ римлянами. И немедленно онъ отправилъ пословъ съ донесеніемъ въ Іерусалимъ.

3) Веспасіанъ, рѣшившись разрушить Іотапату (куда, какъ онъ узналъ, бѣжала большая часть непріятеля и которую онъ вообще признавалъ крѣпкой опорой для послѣдняго), отрядилъ пѣхоту и всадниковъ для нивелированія холмистаго и каменистаго пути, труднопроходимаго для пѣшеходовъ и совсѣмъ недоступнаго для всадниковъ. Въ четыре дня они окончили работу и открыли предъ римлянами широкую столбовую дорогу. На пятый день—это было въ двадцать первый день мѣсяца Артемизія [1]—Іосифъ прибылъ изъ Тиверіады въ Іотапату и своимъ появленіемъ вновь воскресилъ упадшій духъ іудеевъ. Перебѣжчикъ принесъ Веспасіану желанную вѣсть о прибытіи Іосифа въ Іотапату и совѣтовалъ ему чѣмъ скорѣе напасть на городъ, такъ какъ со взятіемъ послѣдняго онъ покоритъ всю Іудею, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ захватитъ въ плѣнъ и Іосифа. Веспасіанъ съ радостью выслушалъ эту вѣсть, считая ее чрезвычайно счастливымъ предзнаменованіемъ; онъ усматривалъ перстъ Божій въ томъ, что тотъ изъ его враговъ, который слылъ самымъ талантливымъ, самовольно попалъ въ ловушку, и поэтому послалъ немедленно Плацида и декуріона Эбуція—человѣка, отличавшагося храбростью и предусмотрительностью, съ 1000 всадниковъ для оцѣпленія города съ цѣлью лишить Іосифа возможности тайнаго бѣгства.

4) На слѣдующій день онъ самъ выступилъ во главѣ своей соединен-

[1] Т. е. еврейскій мѣсяцъ Иайръ=Май.

ной арміи и къ вечеру прибылъ къ Іотапатѣ. На сѣверѣ отъ города, на возвышеніи, отстоящемъ отъ него на семь стадій, онъ разбилъ свой лагерь; онъ хотѣлъ именно какъ можно ближе находиться на виду непріятеля, чтобы внушить ему страхъ,—и это удалось ему въ такой степени, что ни одинъ іудей не осмѣлился выйти за стѣну. Нападать сейчасъ римляне не могли рѣшиться, такъ какъ они весь день находились въ пути; они удовольствовались поэтому оцѣпленіемъ города двойной войсковой линіей и образованіемъ позади нихъ еще третьей линіи изъ всадниковъ, чтобы закрыть всякій выходъ для жителей. Но іудеи, отчаявшись въ спасеніи, сдѣлались чрезъ это только смѣлѣе, ибо ничто такъ не воодушевляетъ на борьбу, какъ сознаніе безъисходности.

5) На слѣдующій день римляне предприняли наступленіе. Вначалѣ іудеи, расположившіеся лагеремъ въ окрестности передъ стѣной, сражаясь на близкомъ разстояніи, выдерживали напоръ; но когда Веспасіанъ напустилъ на нихъ стрѣлковъ, пращниковъ и всю массу войска, вооруженнаго метательными копьями, а самъ онъ съ пѣхотой устремился вверхъ по крутизнѣ, на вершинѣ которой легко было уже взять стѣну,—Іосифъ, опасаясь за судьбу города, во главѣ всего гарнизона, сдѣлалъ вылазку. Тѣсными рядами іудеи бросились на римлянъ и отбросили ихъ далеко отъ стѣны, выказавъ при этомъ много примѣровъ храбрости и отваги; впрочемъ, сколько они причинили вреда, столько же они и потерпѣли сами, ибо въ той-же мѣрѣ, въ какой іудеевъ ожесточало отчаяніе, римлянъ подзадоривало честолюбіе; послѣднимъ помогала въ бою военная опытность въ соединеніи съ силой, а первымъ — смѣлость въ связи съ ожесточеніемъ. По окончаніи сраженія, длившагося цѣлый день, іудеи предались ночному покою; они ранили массу римлянъ и 13 человѣкъ убили, на ихъ сторонѣ было 17 убитыхъ и 600 раненныхъ.

6) На слѣдующій день они сдѣлали вторую вылазку противъ римлянъ и боролись съ еще большимъ упорствомъ: сопротивленіе, оказанное ими сверхъ ожиданія врагу въ предшествовавшій день, сдѣлало ихъ еще болѣе смѣлыми; но и римляне защищались сильнѣе; ударъ, нанесенный ихъ честолюбію, ожесточилъ ихъ до крайности, такъ какъ имъ казалось равносильнымъ пораженію то, что они не сразу побѣдили. До пятаго дня продолжались безпрерывно наступленія римлянъ, равно какъ ожесточенныя вылазки и борьба со стѣны со стороны іотапатцевъ: ни іудеи не робѣли предъ превосходствомъ силъ римлянъ, ни римляне не могли остановиться предъ трудностями покоренія города.

7) Іотапата почти вся расположена на отвѣсной скалѣ; со всѣхъ сторонъ ниспадаютъ столь глубокія пропасти, что, когда всматриваешься въ эти бездны, глазъ отъ утомленія не проникаетъ до глубины; только съ сѣверной стороны, гдѣ городъ спускается по склону горы, онъ бываетъ доступенъ; но и эту часть Іосифъ окружилъ укрѣпленіями для того, чтобы возвышающійся надъ ней горный хребетъ не могъ бы быть занятъ непріятелемъ. Прикрытый со всѣхъ сторонъ другими горами, городъ оставался совершенно невидимымъ до тѣхъ поръ, пока не приходили въ непосредственную близость его. Такъ была укрѣплена Іотапата.

8) Но Веспасіанъ хотѣлъ побороть и природу мѣстности и отвагу іудеевъ; онъ рѣшилъ поэтому усилить осаду и собралъ начальниковъ для обсужденія способа нападенія. Когда-же принято было рѣшеніе воздвигнуть валъ противъ доступной стороны стѣны, Веспасіанъ разослалъ все войско для добыванія строевого матеріала. Горные лѣса вокругъ города были срублены и кромѣ лѣса доставлено также безсмѣтное количество камней. Для защиты отъ стрѣльбы, производившейся сверху внизъ, были натянуты на столбахъ ивняковые плетни, подъ прикрытіемъ которыхъ солдаты, не подвергая себя опасности отъ стрѣлъ, которыя летали со стѣны, работали надъ валомъ. Еще одна часть войска раскапывала ближайшіе холмы и постоянно перевозила землю. Такъ, дѣлясь на три отряда, все войско занято было работами. Іудеи, съ своей стороны, бросали на защитительныя кровли римлянъ большіе обломки скалъ и разнаго рода стрѣлы, которыя если и не перебивали рабочихъ, то во всякомъ случаѣ мѣшали имъ своимъ безпрерывнымъ и страшнымъ гуломъ.

9) Тогда Веспасіанъ велѣлъ разставить кругомъ метательныя машины, которыхъ войско имѣло въ числѣ 160 штукъ, и стрѣлять въ тѣхъ, которые занимали стѣны. Катапульты бросали свои копья, баллисты [1]—

[1] Катапульты (catapultae) принадлежали къ стрѣлометнымъ орудіямъ, онѣ бросали стрѣлы горизонтально, а самыя стрѣлы имѣли отъ 27 до 54 дюймовъ длины и отъ $1/2$ до 4 фунтовъ вѣсу. Дальность полета стрѣлъ была до 400 метровъ. Болѣе разрушительно было дѣйствіе балистъ (ballistae)—этихъ камнеметныхъ машинъ, представлявшихъ нѣкоторую аналогію съ современными тяжелыми орудіями. Онѣ бросали въ непріятеля — не горизонтально, а подъ угломъ 45 град. (какъ современныя мортиры)—самые массивные камни и разные снаряды. Приблизительная дальность полета снарядовъ этихъ орудій была отъ 280 до 465 метровъ. Всѣ эти машины были вообще очень тяжелыя и перевозка ихъ (на колесахъ) связана была съ большими трудностями. Такъ, напримѣръ, Іосифъ ниже говоритъ объ орудіи, для перевозки котораго требовалось до 300 воловъ.

камни вѣсомъ въ одинъ талантъ, пылающія головни и густыя кучи стрѣлъ, которыя не только сдѣлали стѣну недоступной для іудеевъ, но отрѣзали отъ нихъ еще нѣкоторое пространство предъ стѣной, потому что одновременно съ машинами стрѣляли и многочисленные арабскіе стрѣлки и всѣ метатели копій и камней. Не имѣя возможности сопротивляться со стѣны, іудеи между тѣмъ не оставались праздными. Маленькими группами, на разбойничій манеръ, они дѣлали вылазки, срывали защитительныя кровли и убивали незащищенныхъ рабочихъ; тамъ, гдѣ послѣдніе были обращены въ бѣгство, они разрушали валъ и сожигали сваи вмѣстѣ съ покоившимися на нихъ крышами. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Веспасіанъ не понялъ, что причина этого зла кроется въ разстояніи, отдѣляющемъ сооруженія, такъ какъ проходы между ними доставляютъ іудеямъ свободный къ нимъ доступъ, и не приказалъ связать между собою защитительныя кровли. Создавъ этимъ самымъ сообщеніе для отрядовъ, онъ отнынѣ положилъ конецъ дальнѣйшимъ нападеніямъ іудеевъ.

10) Валъ между тѣмъ все больше выросталъ и достигъ уже почти высоты стѣнныхъ зубцовъ. Іосифъ видѣлъ, какъ велика будетъ опасность, если онъ, съ своей стороны, не приметъ мѣръ для спасенія города; онъ созвалъ мастеровъ и приказалъ имъ возвысить стѣну; когда же тѣ заявили о невозможности работать подъ постояннымъ градомъ стрѣлъ, онъ придумалъ для нихъ слѣдующее прикрытіе. Онъ приказалъ соорудить столбы и расположить на нихъ только что стянутыя съ воловъ шкуры: камни изъ метательныхъ машинъ въ нихъ задерживались, стрѣлы скользили по ихъ поверхности, а головни, вслѣдствіе мокроты шкуръ, теряли свою опасность. Подъ этой кровлей мастера безпрепятственно могли работать день и ночь, довести высоту стѣны до 20 саженей, построить на ней многочисленныя башни и соорудить еще крѣпкій брустверъ. Все это удручающимъ образомъ подѣйствовало на римлянъ, мнившихъ уже себя столь близкими къ цѣли: они изумлялись изобрѣтательности Іосифа и присутствію духа осажденныхъ.

11) Самъ Веспасіанъ былъ страшно озлобленъ этой хитрой выдумкой и смѣлостью іотапатцевъ. Послѣдніе же, ободренные новыми сооруженіями, начали возобновлять свои прежнія вылазки. Схватки между отдѣльными отрядами, всякаго рода разбойничьи нападенія, похищеніе у непріятеля всего, что только было возможно, и сожиганіе осадныхъ сооруженій опять сдѣлались повседневнымъ явленіемъ. Веспасіанъ рѣшилъ наконецъ прекратить всякую борьбу и, держа городъ въ осадѣ, заморить его голодомъ. Онъ предполагалъ одно изъ двухъ: или жители вслѣдствіе недостатка необходимѣйшихъ жизненныхъ продуктовъ будутъ вынуждены просить о пощадѣ, или же, если они доведутъ свое упорство до крайности, то погибнутъ отъ голода; во всякомъ случаѣ онъ надѣялся гораздо легче побѣдить ихъ въ бою чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, когда онъ нападетъ на истощенныхъ и обезсиленныхъ. На первыхъ-же порахъ онъ ограничился тѣмъ, что приказалъ охранять всѣ входы и выходы города.

12) Хлѣба и всѣхъ другихъ припасовъ, кромѣ соли, осажденные имѣли въ изобиліи; за то ощущался недостатокъ въ водѣ, такъ какъ въ городѣ не было никакихъ источниковъ и жители его перебивались обыкновенно дождевой водой. Но въ лѣтнее время дождь въ той мѣстности—рѣдкое явленіе; а такъ какъ осада выпала именно въ это время года, то при одномъ воспоминаніи объ угрожающей жаждѣ жители теряли головы и были такъ удручены, какъ будто запасы воды уже изсякли. Ибо Іосифъ, снабдивъ городъ всѣмъ необходимымъ и замѣтивъ бодрый духъ жителей и готовность ихъ затянуть, вопреки ожиданіямъ римлянъ, осаду на продолжительное время, выдавалъ воду въ опредѣленномъ размѣрѣ. Вотъ это сбереженіе казалось имъ болѣе тягостнымъ, чѣмъ дѣйствительный недостатокъ; не имѣя возможности пить въ свое удовольствіе, они еще больше желали и алкали воды, точно уже изнемогали отъ жажды. Это обстоятельство не ускользало отъ вниманія римлянъ: они видѣли съ возвышеній, какъ жители города стекались къ одному опредѣленному мѣсту, гдѣ имъ вода выдавалась по мѣрѣ. Туда же они и направляли свои машины и многихъ лишали жизни.

13) Веспасіанъ надѣялся, что цистерны въ скорости изсякнутъ и тогда сдача города будетъ неизбѣжна. Чтобы отнять у него эту надежду Іосифъ приказалъ многимъ жителямъ погрузить свою одежду въ воду и затѣмъ развѣсить ее на стѣнные брустверы, такъ что вся стѣна потекла водой. Это ужаснуло римлянъ и лишило ихъ бодрости: они увидѣли вдругъ, что тѣ, которые по ихъ мнѣнію, нуждаются въ глоткѣ воды, расточаютъ такую массу ея для насмѣшки. Тогда и полководецъ потерялъ надежду на покореніе города голодомъ и жаждой, и вновь принялся за оружіе. Это вполнѣ соотвѣтствовало желаніямъ іудеевъ: отчаявшись въ своемъ собственномъ спасеніи и спасеніи города, они, конечно, предпочитали смерть въ бою смерти отъ голода и жажды.

14) Кромѣ названной хитрости, Іосифъ выдумалъ еще другую для до-

ставленія себѣ жизненныхъ припасовъ. Чрезъ одно непроходимое и поэтому менѣе охраняемое караулами ущелье на западной сторонѣ долины онъ завязалъ чрезъ пословъ письменныя сношенія съ іудеями въ окрестностяхъ и такимъ образомъ получалъ въ избыткѣ тѣ продукты, которыхъ не доставало въ городѣ. При этомъ онъ приказывалъ своимъ посламъ ползкомъ прокрадываться мимо карауловъ и прикрывать спину шкурами для того, чтобы стражники, если и замѣтятъ ихъ ночью, принимали бы ихъ за собакъ. Но однажды хитрость эта была обнаружена, и охрана ущелья усилена.

15) Іосифъ тогда убѣдился, что городъ не долго еще будетъ держаться и что его личное спасеніе, въ случаѣ дальнѣйшаго его пребыванія въ немъ, сдѣлается весьма сомнительнымъ. Въ виду этого онъ, посовѣтовавшись съ знатнѣйшими лицами, составилъ планъ бѣгства. Жители, однако, узнали объ этомъ, обступили его кругомъ и умоляли его «не покидать ихъ въ то время, когда они только и разсчитываютъ на него: онъ составляетъ еще послѣднюю надежду на спасеніе города, такъ какъ пока онъ здѣсь, то ради него каждый будетъ бороться съ радостью; попадутъ они въ руки непріятеля, онъ останется ихъ утѣшеніемъ. Ему не подобаетъ бѣжать отъ врага, бросать друзей и при наступленіи бури покинуть корабль, на который онъ вступилъ при спокойномъ плаваніи. Онъ окончательно погубитъ городъ, такъ какъ никто не осмѣлится больше сопротивляться непріятелю, если уйдетъ тотъ, который всѣмъ внушаетъ бодрость».

16) Съ этой минуты Іосифъ не давалъ больше повода замѣтить, что онъ занятъ мыслью о собственномъ спасеніи, а говорилъ, наоборотъ, что желаетъ уйти въ ихъ же собственныхъ интересахъ. «Ибо его пребываніе въ городѣ, пока они еще внѣ опасности, не принесетъ имъ много пользы; если же они будутъ покорены, тогда онъ безъ всякой надобности погибнетъ вмѣстѣ съ ними. Но разъ ему удастся проскользнуть мимо осаждающихъ, онъ можетъ оказать имъ извнѣ существеннѣйшія услуги: онъ поспѣшитъ тогда, какъ можно скорѣе, собрать галилеянъ изъ деревень и такимъ образомъ заставитъ римлянъ выступить противъ него и отступить отъ ихъ города. Онъ не видитъ, чѣмъ онъ можетъ быть имъ полезенъ теперь, оставаясь на мѣстѣ,—будетъ развѣ то, что онъ сдѣлаетъ римлянъ болѣе настойчивыми въ осадѣ, такъ какъ для нихъ чрезвычайно важно захватить его въ свои руки; если же они узнаютъ о его бѣгствѣ, тогда они значительно охладѣютъ къ осадѣ». Іосифъ, однако, не убѣдилъ этихъ людей, а достигъ только того, что они еще сильнѣе къ нему приставали. Дѣти, старцы, женщины съ грудными младенцами на рукахъ пали съ воплемъ предъ нимъ, охватили его ноги и, рыдая, молили его все-таки дѣлить съ ними ихъ судьбу,—не потому, я думаю, чтобъ они не желали спасенія ему, а потому, что они еще надѣялись на свое собственное: ибо они думали, что пока Іосифъ остается на мѣстѣ, имъ не можетъ быть причинено никакое зло.

17) Убѣдившись, что лучше уступить ихъ настойчивымъ требованіямъ и что въ случаѣ упорства его возьмутъ подъ стражу, тронутый, съ другой стороны, жалостью къ стонущимъ, онъ рѣшилъ остаться и, вооружившись тѣмъ духомъ отчаянія, которое внушало положеніе города, воскликнулъ: «Въ такомъ случаѣ пора начать бой, ибо надежды на спасеніе больше нѣтъ! Цѣной жизни мы купимъ добрую славу и храбрыми подвигами прославимъ себя передъ дальними потомками». Отъ этихъ словъ онъ перешелъ къ дѣлу, сдѣлалъ вылазку во главѣ отборныхъ бойцовъ, обратилъ въ бѣгство непріятельскіе аванпосты, протѣснился до самаго лагеря римлянъ, разрушилъ кровли, подъ которыми укрывались строители шанцевъ, и бросилъ пылающія головни въ ихъ сооруженія. Повторяя то же самое на второй и на третій день, онъ еще нѣсколько дней и ночей подъ рядъ провелъ въ безустанной борьбѣ.

18) Отъ этихъ вылазокъ римляне терпѣли много вреда: отступать предъ іудеями они стыдились, когда-же тѣ отступали, они, вслѣдствіе тяжести своего вооруженія, не могли ихъ преслѣдовать; такимъ образомъ іудеи, причиняя имъ потери безъ всякаго урона для себя, могли каждый разъ возвращаться въ городъ. Въ виду этого Веспасіанъ приказалъ своимъ тяжеловооруженнымъ отступать предъ нападеніями іудеевъ и не вступать больше въ бой съ людьми, ищущими смерти; ибо ничто не дѣлаетъ болѣе храбрымъ, какъ отчаяніе; но боевая горячка охлаждается сама собою, если предположенная цѣль не достигается, подобно тому, какъ гаснетъ огонь за недостаткомъ горючаго матеріала. Кромѣ того, римлянамъ подобаетъ вообще вѣрнымъ путемъ идти къ побѣдѣ, тѣмъ больше, что они ведутъ не оборонительную войну, а наступательную. Въ виду этого онъ возложилъ отраженіе непріятельскихъ нападеній по большей части на арабскихъ стрѣлковъ и сирійскихъ пращниковъ [1] и камнеметателей. При этомъ, разумѣется, оставлены были въ дѣлѣ также и многочисленныя тяжелыя ору-

[1] Матеріаломъ для метанія служили имъ камни и свинцовыя яйцевидныя пули.

дія. Предъ этими послѣдними іудеи хотя отступали съ потерями, но разъ они вступали въ линію полета стрѣлъ, они съ яростью бросались на римлянъ и сражались на жизнь и смерть. Выбитые изъ строя съ обѣихъ сторонъ пополнялись каждый разъ свѣжими силами.

19) По продолжительности времени и многочисленности вылазокъ Веспасіану могло казаться, что онъ самъ находится въ осадѣ. А такъ какъ валы приближались уже къ стѣнамъ, то онъ порѣшилъ поставить «баранъ» [1]. Это—чудовищная балка, похожая на корабельную мачту и снабженная крѣпкимъ желѣзнымъ наконечникомъ на подобіе бараньей головы, отъ которой она и получила свое названіе; по серединѣ она на толстыхъ канатахъ подвѣшивается къ другой поперечной балкѣ, покоющейся обоими своими концами на крѣпкихъ столбахъ. Потянутый многочисленными воинами назадъ и брошенный соединенными силами впередъ, онъ своимъ желѣзнымъ концомъ потрясаетъ стѣну. Нѣтъ той крѣпости, нѣтъ той стѣны, которая была бы на столько сильна, чтобы противостоять повтореннымъ ударамъ «барана», если она и выдерживаетъ первые его толчки. Этимъ орудіемъ началъ наконецъ дѣйствовать римскій полководецъ: онъ спѣшилъ взять городъ силой, такъ какъ медленная осада при большой подвижности іудеевъ приносила ему только потери. Римляне притащили свои камнеметни и остальныя метательныя орудія ближе къ городу, чтобы стрѣлять въ тѣхъ, которые окажутъ сопротивленіе со стѣны; точно также выдвинулись впередъ густыми массами стрѣлки и пращники. Въ то время, когда никто такимъ образомъ не могъ осмѣлиться взойти на стѣну, одна часть солдатъ притащила сюда баранъ, который для защиты рабочихъ и машинъ былъ покрытъ сплошной кровлей, сплетенной изъ ивъ и обтянутой сверху кожами [2]. При первомъ же ударѣ стѣна задрожала и внутри города раздался страшный вопль, точно онъ уже былъ покоренъ.

20) Когда Іосифъ увидѣлъ, что римляне всегда ударяютъ въ одно и то же мѣсто стѣны и послѣдняя была уже близка къ обрушенію, онъ придумалъ средство, чѣмъ парализовать силу машины. Онъ приказалъ своимъ людямъ набить мѣшки мякиной и опускать ихъ каждый разъ на то мѣсто, къ которому прицѣливался баранъ для того, чтобы измѣнять

[1] Важнѣйшее изъ римскихъ стѣнобитныхъ орудій, болѣе извѣстное подъ названіемъ тарана (aries).

[2] Для безопасности отъ огня, такъ какъ осажденные старались зажечь машину. Кровля эта называлась таранной черепахой (testudo arietaria). Она подвозилась къ стѣнамъ на колесахъ.

его направленіе и мягкостью мѣшковъ ослаблять силу ударовъ. Это въ значительной степени тормозило успѣхъ римлянъ, такъ какъ стоявшіе на стѣнѣ каждый разъ направляли туда, куда мѣтила машина, мѣшки, которые на столько противодѣйствовали ударамъ, что тяжесть ихъ не причиняла стѣнѣ никакого вреда. Наконецъ, римляне напали на мысль привязать впереди къ длиннымъ столбамъ серпы, которые отрѣзывали мѣшки. Такъ какъ таранъ вслѣдствіе этого вновь пріобрѣлъ свою силу, а стѣна, хотя и новопостроенная, начала уже колебаться, то Іосифъ со своими людьми прибѣгли отнынѣ къ другому защитительному средству—къ огню. Они собрали сколько только могли сухихъ дровъ, сдѣлали вылазку тремя отдѣльными партіями и подожгли машины, защитныя кровли и шанцы римлянъ. Послѣдніе оказали лишь слабое сопротивленіе, отчасти потому, что смѣлость осажденныхъ лишила ихъ самообладанія, отчасти и потому, что вспыхнувшее пламя предупредило возможность защиты: сухія дрова въ связи съ асфальтомъ, смолой и сѣрой распространили огонь съ невообразимой быстротой. Въ одинъ часъ всѣ постройки, съ такимъ трудомъ сооруженныя римлянами, были превращены въ пепелъ.

21) При этомъ случаѣ достопамятнымъ образомъ отличился также одинъ іудей по имени Элеазаръ сынъ Самая, родомъ изъ Саавы въ Галилеѣ. Онъ поднялъ чудовищной величины камень и съ такой ужасающей силой бросилъ имъ съ высоты стѣны въ таранъ, что отрубилъ машинѣ голову; тогда онъ соскочилъ внизъ, поднялъ ее чуть ли не изъ подъ рукъ непріятеля и съ замѣчательнымъ спокойствіемъ понесъ ее на стѣну. Но враги всѣ разомъ направили на него свои оружія и такъ какъ онъ ничѣмъ не былъ вооруженъ, то въ его тѣло вонзилось пять стрѣлъ. Нисколько, однако, объ этомъ не печалясь, онъ сталъ на стѣну, куда, вслѣдствіе его геройскаго подвига, были обращены всѣ взоры, но вскорѣ послѣ этого, скрившись отъ смертельной боли, упалъ со стѣны съ бараньей головой въ рукахъ. Ближайшими послѣ него по храбрости показали себя оба брата Нетиръ и Филиппъ изъ деревни Румы, тоже галилеяне. Они налетѣли на солдатъ десятаго легіона и съ такой неудержимой яростью бросились на римлянъ, что разорвали ихъ сомкнутые ряды и всѣхъ встрѣтившихся имъ на пути обратили въ бѣгство.

22) Вслѣдъ за ними бросился Іосифъ во главѣ остального войска съ цѣлой массой пылающихъ головень, поджогъ машины, равно какъ и плетенныя кровли и свайныя постройки бѣжавшихъ пятаго и десятаго легіоновъ, въ то время, когда другіе быстро уничтожали инструменты и всякіе

строительные матеріалы. Къ вечеру однако римляне снова установили таранъ и направили его опять противъ того же мѣста стѣны, которое прежде подвергалось ударамъ. Въ это время одинъ изъ защитниковъ стѣны выстрѣлилъ въ Веспасіана и ранилъ его въ стопу; рана хотя была легкая, такъ какъ выстрѣлъ вслѣдствіе отдаленности пространства потерялъ свою силу, тѣмъ не менѣе римляне пришли отъ нея въ ужасъ. Ближайшіе къ Веспасіану не мало встревожились при видѣ его крови и ихъ душевная тревога сообщилась всему войску, по которому быстро разнеслась вѣсть о раненіи полководца [1]. Большинство солдатъ, отставъ отъ осады, въ страхѣ и отчаяніи столпились вокругъ него. Титъ, озабоченный участью отца, первый прибылъ на мѣсто. Страшное уныніе, вызванное какъ преданностью войска къ своему полководцу, такъ и душевнымъ потрясеніемъ его сына, воцарилось въ лагерѣ. Скоро однако успокоилъ отецъ глубоко опечаленнаго сына и взволнованныхъ солдатъ. Подавивъ физическую боль и стараясь показаться всѣмъ перепуганнымъ солдатамъ, онъ этимъ еще больше воспламенилъ ихъ рвеніе на борьбу съ іудеями. Каждый хотѣлъ теперь, какъ мститель полководца, быть первымъ въ бою, и, воодушевляя другъ друга боевыми кликами, они всѣ вмѣстѣ съ неукротимой яростью ринулись противъ стѣны.

23) Хотя люди Іосифа одинъ за другимъ падали, пораженные катапультами и балистами, они тѣмъ не менѣе не давали себя прогнать со стѣны, а кидали горящія головни, куски желѣза и камни противъ тѣхъ, которые, укрываясь подъ кровлями, дѣйствовали бараномъ. Но терпя потери за потерями, они не достигали никакого результата или лишь самаго незначительнаго, такъ какъ, находясь на виду у непріятеля, сами не могли его видѣть. Освѣщенные горѣвшими въ ихъ собственныхъ рукахъ головнями, они ночью, какъ и при дневномъ свѣтѣ, служили вѣрной цѣлью для враговъ, между тѣмъ какъ сами не могли избѣгать стрѣлъ отъ машинъ, остававшихся для нихъ невидимыми за дальностью разстоянія. Дѣйствіе скорпіоновъ [1] и катапультъ губило многихъ сразу; тяжесть извергнутыхъ ими массами камней срывала брустверы со стѣны, разбивала углы башенъ. Нѣтъ такого густого отряда, который не былъ бы разбитъ до послѣдняго воина силой и величиной такого камня. О мощи боевыхъ орудій можно судить по нѣкоторымъ случаямъ, имѣвшимъ мѣсто въ ту ночь. Одному изъ людей Іосифа, стоявшему на стѣнѣ, камнемъ сорвало голову, причемъ черепъ былъ отброшенъ на разстояніе трехъ стадій отъ туловища. На разсвѣтѣ беременная женщина, только что покинувшая свой домъ, была застигнута камнемъ, который вырвалъ у нея дитя изъ утробы и отбросилъ его на полстадіи. Такъ велика была сила балистъ. Еще ужаснѣе были грохотъ орудій, свистъ и гулъ стрѣлъ. Безпрестанно раздавалось сотрясеніе земли отъ падавшихъ на нее со стѣны труповъ; внутри города подымался каждый разъ душу раздирающій крикъ женщинъ, съ которымъ смѣшивались доносившіеся извнѣ стоны умирающихъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ кипѣла битва, вся стѣна текла кровью и на нее можно было взбираться по однимъ только человѣческимъ трупамъ. Общій гулъ еще усиливался и дѣлался болѣе ужаснымъ отъ эха, раздававшагося съ окрестныхъ горъ, и все, что только можетъ быть страшнымъ для зрѣнія и слуха, совершалось въ ту ночь. Многіе изъ защитниковъ Іотапаты умерли въ эту ночь геройской смертью, многіе были ранены. Къ утру стѣна только еле начала поддаваться безпрерывно дѣйствовавшимъ орудіямъ. Но прежде, чѣмъ римляне установили штурмовыя лѣстницы, одинъ изъ отрядовъ Іосифа, который былъ хорошо вооруженъ и защищенъ панцырями, воздвигнулъ новую стѣну рядомъ съ разрушенной.

24) Утромъ Веспасіанъ, послѣ краткаго отдыха отъ напряженныхъ ночныхъ трудовъ, повелъ свое войско на приступъ. Для того, чтобы прогнать защитниковъ съ обвалившихся частей стѣны, онъ приказалъ храбрѣйшимъ своимъ всадникамъ слѣзать съ коней и, вооруженными съ ногъ до головы, съ простертыми впередъ копьями, построиться въ три линіи противъ обвала, чтобы первыми вторгнуться, когда будутъ установлены подъемные мосты. Позади нихъ онъ поставилъ отборную часть пѣхоты; остальныхъ всадниковъ онъ разставилъ вдоль стѣны на всей горѣ кругомъ для того, чтобы при штурмѣ крѣпости никто не могъ бы тайно бѣжать; самъ въ тылу онъ размѣстилъ въ томъ же порядкѣ стрѣлковъ съ

[1] Къ этой ранѣ относится, вѣроятно, слѣдующее мѣсто изъ Светонія: „Какъ только Веспасіанъ вторгся въ Іудею, сопровождаемый своимъ сыномъ, который находился въ числѣ его легатовъ, онъ обратилъ на себя взоры всѣхъ сосѣднихъ странъ, такъ какъ онъ возродилъ дисциплину въ войскахъ и велъ себя съ такимъ мужествомъ, что при осадѣ одной сильной крѣпости былъ раненъ въ колѣно; нѣсколько стрѣлъ внѣдрилось также и въ его щитъ“ (Sueton., Vespas.).

[1] Небольшія стрѣлометни, вслѣдствіе своей формы, назывались скорпіонами (scorpio).

приказаніемъ держать оружіе наготовѣ, точно также и пращниковъ и тѣхъ, которые прислуживали машинамъ. Другихъ, снабженныхъ лѣстницами, онъ назначилъ для нападенія на уцѣлѣвшія части стѣны съ той цѣлью, чтобы часть осажденныхъ была отвлечена отъ защиты поврежденныхъ мѣстъ стѣны и тогда другую часть защитниковъ легче будетъ прогнать стрѣльбой.

25) Іосифъ угадалъ этотъ планъ и поставилъ на сохранившіяся части стѣны усталыхъ воиновъ и стариковъ въ томъ предположеніи, что здѣсь имъ не будетъ причинено никакого вреда; на разрушенныя же части стѣны онъ поставилъ, напротивъ, сильнѣйшихъ воиновъ и во главѣ ихъ назначалъ каждый разъ другихъ шесть начальниковъ, чередуясь и самъ съ ними на опаснѣйшихъ мѣстахъ. Онъ приказалъ имъ заткнуть себѣ уши, чтобы не испугаться боевыхъ кликовъ легіоновъ, для защиты отъ массы стрѣлъ— опускаться на колѣни, прикрываясь поднятыми вверхъ щитами, и даже поддаваться немного назадъ до тѣхъ поръ, пока стрѣлки не опорожнятъ своихъ колчановъ; но какъ только римляне наведутъ мосты, тогда сразу ударить на нихъ и броситься на встрѣчу врагу по его же собственному сооруженію. Пусть каждый пойдетъ въ бой не во имя спасенія своего города, а чтобы мстить уже теперь за его гибель; пусть они представятъ себѣ, какъ врагъ въ скорости будетъ убивать стариковъ и рѣзать женщинъ и дѣтей и пусть теперь-же обратятъ всю свою ярость противъ тѣхъ, которые совершатъ надъ нимъ всѣ эти ужасы.

26) Такимъ образомъ онъ раздѣлилъ своихъ людей на двѣ части. Но когда незанятая масса жителей, женщины и дѣти, увидѣли городъ, какъ тройнымъ поясомъ, обтянутымъ воинами, между тѣмъ какъ передовыя стражи все еще удерживали свои прежнія позиціи; когда они дальше замѣтили, что враги съ обнаженными мечами стоятъ уже у стѣнныхъ люковъ, что возвышающіяся надъ городомъ горы засверкали блескомъ оружій, а стрѣлы арабскихъ стрѣлковъ готовы каждую минуту слетѣть съ луковъ—тогда они подняли вопль, напоминавшій послѣдній надгробный плачъ надъ павшимъ городомъ, точно несчастье уже пришло и совершилось, а не только угрожало. Для того, чтобы женщины своимъ плачемъ не смягчили сердца солдатъ, Іосифъ велѣлъ запереть ихъ въ домахъ и съ угрозами приказалъ имъ замолчать. Послѣ этого онъ появился на выпавшій ему по жребію постъ стѣннаго люка, не обращая больше вниманія на тѣхъ, которые по лѣстницамъ взбирались на другія мѣста стѣны, и съ напряженнымъ нетерпѣніемъ сталъ выжидать открытія стрѣльбы.

27) Въ то же время загремѣли трубы всѣхъ легіоновъ, войско подняло потрясающій боевой кличъ и по данному сигналу раздался со всѣхъ сторонъ залпъ орудій, такъ что воздухъ помрачился. Но люди Іосифа, помня его наставленія, защитили свои уши отъ крика и тѣла отъ выстрѣловъ; когда же наброшены были наступательные мосты, они ринулись по нимъ на встрѣчу воинамъ, прежде чѣмъ послѣдніе успѣли ступить ногой на эти мосты. Въ завязавшемся здѣсь рукопашномъ бою съ римлянами они совершали чудеса силы и мужества, стремясь въ своемъ безнадежномъ положеніи не уступать въ храбрости менѣе угрожаемому противнику. Они не отступали отъ римлянъ до тѣхъ поръ, пока или сами не падали, или не поражали врага. Но такъ какъ іудеи, уставая отъ непрерывной борьбы, не могли пополняться свѣжими силами, въ то время, когда ослабѣвавшіе римляне каждый разъ смѣнялись новыми отрядами и на мѣсто отбитыхъ сейчасъ же выступали другіе, то послѣднимъ удалось, ободряя другъ друга боевыми кликами, сплачиваясь въ сомкнутые ряды, прикрываясь сверху своими щитами, образовать одну непроницаемую массу [1]. Всей фалангой, точно они срослись въ одно тѣло, они оттѣснили іудеевъ назадъ и были уже близки къ тому, чтобы взобраться на стѣну.

28) Въ эту страшную минуту Іосифа надоумила нужда (прекрасная изобрѣтательница, когда отчаяніе изощряетъ находчивость человѣка) лить на прикрытыхъ щитами солдатъ кипящее масло. Многіе изъ его людей имѣли этотъ матеріалъ подъ руками въ большомъ количествѣ, словно они запаслись имъ еще заранѣе, и со всѣхъ сторонъ полили его на римлянъ, швыряя въ нихъ также и горячо накаленную посуду. Это обожгло римлянъ и привело ихъ въ смятеніе; подъ ужасными мученіями они падали внизъ со стѣны, ибо масло и подъ вооруженіемъ легко протекало по всему тѣлу отъ головы до пятокъ и обжигало кожу, какъ пламя, такъ какъ масло по природѣ своей быстро нагрѣвается и благодаря содержимому въ немъ жиру медленно остываетъ. Обтянутые своими панцырями и шлемами, римляне не могли освободиться отъ жгучаго масла; прыгая и корчась отъ боли, они падали съ мостовъ; тѣ, которые бѣжали назадъ, сталкиваясь

[1] Рѣчь тутъ идетъ объ извѣстной въ римской тактикѣ черепахѣ (testudo), къ которой римляне прибѣгали при невозможности штурма или неудачѣ его. Она состояла въ томъ, что воины образовывали надъ собою кровлю изъ щитовъ, сдѣланныхъ на подобіе верхняго покрова черепахи (отсюда и названіе черепаха); причемъ передній и крайній ряды держали щиты передъ собою, а средніе надъ собою.

съ напиравшими впередъ товарищами, были легко побѣждены поражавшими ихъ съ тылу іудеями.

29) Римлянъ въ ихъ несчастьѣ не покидала, однако, сила, точно такъ какъ іудеевъ находчивость. Видя предъ собой ужасныя страданія облитыхъ, они тѣмъ не менѣе тѣснились впередъ противъ обливавшихъ ихъ іудеевъ, и каждый проклиналъ предшествовавшаго ему въ строю, мѣшавшаго ему развернуть свои силы. Іудеи, съ своей стороны, чтобы удержать этотъ новый натискъ, прибѣгли къ другой хитрости: они высыпали на доски сваренное греческое сѣно [1], по которому римляне, скользя, скатывались внизъ. Ни тѣ, которые отступали назадъ, ни другіе, которые стремились впередъ, не могли удержаться на ногахъ, но одни, отброшенные назадъ на мосты, были растоптаны, а другіе въ большомъ числѣ падали внизъ на валъ и здѣсь были разстрѣляны іудеями, такъ какъ послѣдніе при паденіи римлянъ освободились отъ рукопашнаго боя и могли теперь сдѣлать употребленіе изъ своихъ стрѣлъ. Къ вечеру полководецъ приказалъ солдатамъ, сильно пострадавшимъ во время штурма, прекратить битву. Не мало легло въ этой битвѣ и еще больше было ранено; изъ іотапатцевъ пало мертвыми шесть человѣкъ, а унесено раненыхъ свыше 300. Это сраженіе произошло въ двадцатый день Десія [2].

30) Когда Веспасіанъ, въ виду понесеннаго пораженія, хотѣлъ утѣшить свое войско, онъ нашелъ его страшно озлобленнымъ и нуждающимся не въ ободреніи, но въ новомъ дѣлѣ. Онъ велѣлъ поэтому еще выше поднять валы и воздвигнуть три башни, вышиной въ 50 футовъ каждая, и обить ихъ со всѣхъ сторонъ желѣзомъ для того, чтобы онѣ были огнеупорны и вслѣдствіе своей собственной тяжести устойчивы. Эти башни онъ построилъ на насыпи и помѣстилъ въ нихъ копьеметателей [3], стрѣлковъ и болѣе легкія метательныя машины, къ тому еще и сильнѣйшихъ пращниковъ. Скрываемые отъ глазъ іудеевъ вышиною и брустверами башенъ, римляне съ своей стороны могли все-таки видѣть тѣхъ, которые стояли на стѣнѣ, и поражать ихъ стрѣлами. Іудеи же, не имѣя возможности спасаться отъ летѣвшихъ сверху стрѣлъ и защищаться отъ невидимыхъ враговъ, видя также, что съ ручными стрѣлами они съ трудомъ достигаютъ высоты башенъ и не могутъ

[1] Общеизвѣстно подъ именами греческой сочевицы или верблюжьей травы. Оно обладаетъ скользкостью, вслѣдствіе содержанія масла въ его сѣменахъ.

[2] 20-го Сивана (конецъ іюня).

[3] Римскія метательныя копья или дротики (pilum) были въ 6 футовъ длины—въ 3 ф. древко и въ 3 металлическая часть.

сжечь ихъ стѣны, обложенныя желѣзомъ, побросали стѣну и дѣлали вылазки противъ тѣхъ, которые шли на приступъ. Такъ держались іотапатцы. Ежедневно многіе изъ нихъ погибали. Не имѣя возможности вредить непріятелю, они должны были ограничиваться тѣмъ, что съ большими жертвами удерживали его подальше отъ себя.

31) Въ тѣ дни Веспасіанъ отрядилъ начальника десятаго легіона, Траяна [1], во главѣ 1000 всадниковъ и 2000 пѣхотнаго войска противъ сосѣдняго съ Іотапатой города Іафы (II, 20, 6), который, ободряемый неожиданнымъ сопротивленіемъ іотапатцевъ, также примкнулъ къ возстанію. Траянъ нашелъ городъ трудно поборимымъ, такъ какъ, кромѣ природныхъ укрѣпленій мѣстности, онъ былъ защищенъ двойной стѣной; но видя, что жители идутъ ему на встрѣчу въ боевомъ порядкѣ, онъ вступилъ съ ними въ битву и обратилъ ихъ въ бѣгство послѣ лишь краткаго сопротивленія, оказаннаго ими. Они устремились за первую городскую стѣну; римляне же, преслѣдовавшіе ихъ по стопамъ, ворвались вмѣстѣ съ ними; они хотѣли бѣжать дальше, за вторую стѣну, но ихъ же сограждане заперли предъ ними ворота для того, чтобъ вмѣстѣ съ ними не вторглись также и римляне. Богъ какъ будто самъ на радость римлянамъ ввергъ галилеянъ въ такое несчастье, отдавъ всю массу народа, оттолкнутую собственными руками согражданъ, на закланіе кровожадному врагу. Стѣсненные густыми кучами у воротъ, громко обзывая по имени караульщиковъ, они съ мольбой на устахъ падали подъ мечами римлянъ. Первую стѣну заперли враги, вторую ихъ же сограждане, и такъ, скученные между двумя обводными стѣнами, многіе закалывали другъ друга, многіе и сами себя, но безчисленное множество пало отъ рукъ римлянъ, прежде чѣмъ кто нибудь могъ подумать объ оборонѣ, ибо, кромѣ страха предъ врагами, ихъ поразила еще измѣна своихъ друзей. Они умирали, проклиная не римлянъ, а своихъ же собратьевъ. Такъ легли мертвыми на мѣстѣ 12000 человѣкъ. Полагая, что городъ лишился теперь всего своего ратнаго войска и что оставшіеся въ немъ изъ страха ничего не предпримутъ, Траянъ отложилъ взятіе города для полководца и отправилъ пословъ къ Веспасіану съ просьбой послать своего сына Тита для довершенія побѣды. Веспасіанъ, однако, полагалъ, что предстоитъ еще борьба, и далъ своему сыну отрядъ изъ 500 конныхъ и 1000 пѣшихъ солдатъ. Титъ поспѣшно двинулся къ городу, выстроилъ свое войско въ боевой порядокъ и, поручивъ Траяну

[1] Отецъ бывшаго впослѣдствіи императора того же имени.

команду надъ лѣвымъ крыломъ, самъ во главѣ праваго крыла открылъ наступленіе. Когда солдаты со всѣхъ сторонъ приставили лѣстницы къ стѣнѣ, галилеяне послѣ краткой обороны отступили отъ нея. Люди Тита вскочили на стѣны и быстро заняли городъ. Но внутри послѣдняго имъ пришлось еще выдержать ожесточенный бой съ іудеями: въ тѣсныхъ улицахъ бросилась имъ на встрѣчу самая сильная часть населенія, во то время какъ женщины изъ домовъ бросали все, что имъ попадалось въ руки, на головы римлянъ; шесть часовъ длилось ихъ сопротивленіе; но когда пали всѣ бойцы, остальная масса народа на открытыхъ мѣстахъ и въ домахъ была уничтожена, старъ и младъ безъ различія, и никто изъ мужского пола не былъ пощаженъ, за исключеніемъ безсловесныхъ дѣтей, которыя вмѣстѣ съ женщинами были обращены въ рабство. Число убитыхъ въ городѣ и въ предшествовавшей битвѣ простиралось до 15000, число плѣнниковъ было 2130. Это пораженіе галилеяне потерпѣли 25-го числа мѣсяца Десія [1].

32) Самаряне также не избѣгли несчастья. Они собрались на святопочитаемую ими гору Гаризимъ и оставались здѣсь хотя въ покоѣ, но въ самомъ этомъ соединеніи и во всемъ ихъ поведеніи было уже нѣчто, вызывающее на войну. Пораженіе ихъ сосѣдей не отрезвило ихъ: не взирая на свои слабыя силы, они вздумали поспорить со счастьемъ римлянъ и нетерпѣливо ждали случая къ мятежу. Веспасіанъ счелъ самымъ благоразумнымъ предупредить всякое движеніе съ ихъ стороны и подавить ихъ мятежническія стремленія. Ибо хотя во всей Самаріи кругомъ находились римскіе гарнизоны, тѣмъ не менѣе огромное число и поведеніе собравшихся на горѣ должно было вызвать опасенія. Онъ отправилъ поэтому противъ нихъ предводителя пятаго легіона Цереала съ 600 всадниками и 3000 пѣхоты. Взобраться на гору и вступить въ битву съ находившимся наверху непріятелемъ Цереалъ, въ виду многочисленности послѣдняго, считалъ неразумнымъ; вмѣсто этого онъ оцѣпилъ подошву горы своими отрядами со всѣхъ сторонъ и наблюдалъ за нимъ весь день. Самаряне терпѣли отъ недостатка воды и какъ разъ день тогда былъ неимовѣрно жаркій; къ тому же они не заготовили себѣ самыхъ необходимыхъ припасовъ, такъ что нѣкоторые еще въ тотъ же день умерли отъ жажды, а многіе, предпочитая рабство, такой мучительной смерти, перешли къ римлянамъ. Когда Цереалъ узналъ отъ нихъ, что и оставшіеся наверху

[1] 25-го Сивана (Іюнь—Іюль).

совершенно изнемогли отъ своихъ страданій, онъ поднялся на гору и выстроился кругомъ, заключивъ непріятелей въ средину. Вначалѣ онъ ихъ вызывалъ на добровольную сдачу, уговаривалъ ихъ не губить самимъ себя и обѣщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ пощадить жизнь тому, кто положитъ оружіе. Но видя, что его слова не производятъ никакого впечатлѣнія, онъ напалъ на нихъ и приказалъ истребить всю толпу, въ общемъ 11,600 человѣкъ. Это совершилось въ 27-й день мѣсяца Десія. Такъ несчастливо окончили самаряне [1].

33) Между тѣмъ какъ іотапатцы противъ ожиданія все еще держались и несмотря на всѣ ужасы осады оставались твердыми, валы римлянъ превысили, наконецъ, на 47-й день городскую стѣну. Тогда, въ тотъ же день, пришелъ къ Веспасіану перебѣжчикъ, который представилъ ему, какъ слабы и малочисленны осажденные и какъ они, изнуренные отъ постояннаго бодрствованія и безпрерывной борьбы, не могутъ противустоять энергичному наступленію. «Хитростью,—продолжалъ перебѣжчикъ,—если къ ней прибѣгнуть, было бы легко овладѣть ими, ибо послѣ цѣлой ночи бодрствованія, когда они разсчитываютъ найти отдыхъ отъ своихъ бѣдствій и утренній сонъ сомкнетъ глаза истомленныхъ, тогда погрузятся въ глубокій сонъ также и часовые» — вотъ этотъ часъ онъ совѣтовалъ избрать для нападенія. Веспасіанъ собственно не довѣрялъ перебѣжчику, такъ какъ онъ зналъ взаимную вѣрность іудеевъ и видѣлъ, какъ равнодушно они относятся къ наказаніямъ. Ибо разъ уже былъ такой случай, что пойманный іотапатецъ выдержалъ всѣ ужасы пытки, принялъ, улыбаясь, мученическую смерть на крестѣ, но не проронилъ пристававшимъ къ нему съ огнемъ врагамъ ни единаго слова о внутреннемъ положеніи города. Однако, искренній тонъ его показаній внушалъ довѣріе къ этому измѣннику; Веспасіанъ подумалъ,—быть можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ говорилъ правду, во всякомъ же случаѣ, если въ этомъ кроется коварство, то оно не можетъ имѣть для него особенно пагубныхъ послѣдствій. Въ виду этого онъ, отдавъ перебѣжчика подъ стражу, приказалъ войску приготовиться къ штурму.

34) Въ указанный часъ римляне неслышно приблизились къ стѣнѣ. Титъ съ трибуномъ Домиціемъ-Сабиномъ и нѣкоторыми воинами изъ пятаго и десятаго легіоновъ первые взошли на нее. Убивъ часовыхъ, они тихо заняли городъ. Вслѣдъ за ними трибунъ Секстій Цереалъ и Плацидъ ввели

[1] 27-го Сивана.

въ городъ свои войска. Крѣпость была занята, врагъ стоялъ посреди города и уже утро настало, а осаждаемые все еще ничего не подозрѣвали; большая часть жителей была обезсилена усталостью и сномъ. Густой туманъ, спустившійся надъ городомъ какъ разъ въ то утро, помрачалъ глаза тѣхъ, которые просыпались; и лишь тогда, когда все войско входило въ городъ, они поднялись—поднялись для того, чтобы увидѣть свое несчастье и уже подъ смертельными ударами непріятельскаго меча убѣдиться въ дѣйствительномъ покореніи города. Римляне, помня свои страданія во время осады, не знали теперь ни жалости, ни пощады: они убивали народъ, оттѣсняя его съ крутой крѣпости внизъ. Неблагопріятныя условія мѣстности отняли у тѣхъ, которые еще были способны къ бою, всякую возможность самообороны: стиснутые въ узкихъ улицахъ, скользя на отлогихъ мѣстахъ, они были задавлены бросившимися на нихъ съ крѣпости воинами. Это побуждало многихъ, даже самыхъ отборныхъ солдатъ Іосифа, на самоумерщвленіе. Не будучи въ состояніи убить хотя бы одного римлянина, они, чтобы по меньшей мѣрѣ не быть убитыми непріятелемъ, собирались на краю города и сами себя закалывали.

35) Тѣ изъ боевой стражи, которые при первомъ открытіи непріятеля въ стѣнахъ города, успѣли спастись въ одну изъ сѣверныхъ башенъ, нѣкоторе время сопротивлялись, но, окруженные наконецъ со всѣхъ сторонъ, они добровольно отдали себя на закланіе ворвавшимся солдатамъ. Римляне могли бы похвастать, что конецъ осады не стоилъ имъ ни одной капли крови, если бы при взятіи города не палъ одинъ центуріонъ по имени Антоній. Онъ погибъ благодаря измѣнѣ: одинъ изъ скрывавшихся въ пещерѣ — такихъ было много — просилъ Антонія протянуть ему руку, какъ залогъ дарованія ему жизни и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ помочь ему вылѣзть наверхъ. Антоній былъ на столько неостороженъ, что подалъ ему свою руку, а тотъ въ это время снизу вонзилъ ему въ подбрюшную полость копье и на мѣстѣ умертвилъ его.

36) Въ тотъ день римляне уничтожали только тѣ массы людей, которые попадались имъ на глаза; въ слѣдующіе же дни они осматривали всѣ норы и лазейки и преслѣдовали скрывавшихся въ пещерахъ и подземныхъ ходахъ, не щадя при этомъ никакого возраста и оставляя въ живыхъ однихъ только женщинъ и младенцевъ; они собрали всего 1200 плѣнныхъ. Общее же число убитыхъ при взятіи города и въ предшествовавшихъ сраженіяхъ составляло 40000. Веспасіанъ приказалъ срыть городъ до основанія и сжечь всѣ его укрѣпленія. Такъ пала Іотапата на тринадцатомъ году царствованія Нерона въ первый день мѣсяца Панема [1].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Іосифъ, выданный женщиной, рѣшилъ сдаться римлянамъ.—Рѣчь его къ товарищамъ, удерживавшимъ его отъ этого намѣренія.—Разговоръ его съ Веспасіаномъ, когда онъ былъ приведенъ къ нему, и какъ Веспасіанъ съ нимъ поступилъ.

1) Римляне же, будучи сами ожесточены противъ Іосифа и зная кромѣ того, что взятія его въ плѣнъ сильно желалъ также и полководецъ, придававшій этому чуть ли не рѣшающее значеніе для войны, разыскивали его повсюду, какъ между мертвыми, такъ и во всѣхъ потаенныхъ уголкахъ города. Но Іосифъ, вслѣдъ за взятіемъ города, точно сопутствуемый Провидѣніемъ, пробрался сквозь ряды непріятеля и вскочилъ въ глубокую цистерну, сообщавшуюся въ одну сторону съ незамѣтной снаружи просторной пещерой, гдѣ онъ нашелъ сорокъ знатныхъ людей, снабженныхъ припасами на болѣе или менѣе продолжительное время. Днемъ онъ скрывался здѣсь, такъ какъ все кругомъ было занято непріятелемъ; по ночамъ же онъ выходилъ наружу, чтобы отыскивать путь къ бѣгству и выслѣживалъ стражу; но такъ какъ именно изъ-за него все кругомъ охранялось солдатами и тайное бѣгство было немыслимо, то онъ спускался назадъ въ пещеру. Два дня онъ оставался такимъ образомъ ненайденнымъ; на третій же день, когда была взята въ плѣнъ находившаяся съ ними женщина, онъ былъ выданъ ею римлянамъ. Веспасіанъ немедленно поспѣшилъ послать двухъ трибуновъ, Павлина и Галликана, чтобы тѣ, обѣщая ему безопасность, склонили его къ выходу изъ пещеры.

2) Они пришли, упрашивали его, ручались ему за жизнь, но не могли его убѣдить. Не кроткая манера этихъ пословъ, а опасенія передъ тѣмъ, что, по всей вѣроятности, должно было его ожидать за причиненное имъ римлянамъ зло, сдѣлали его подозрительнымъ: онъ боялся, что его вызываютъ только для казни. Наконецъ, Веспасіанъ отправилъ къ нему третьяго посла въ лицѣ близкаго знакомаго Іосифа и давняго его друга, трибуна Никанора. Послѣдній явился и разсказалъ, какъ кротко римляне обращаются съ побѣжденными и какъ онъ, Іосифъ, вслѣдствіе выказанной имъ храбро-

[1] 1-го Тамуза (іюнь—іюль).

сти, вызываетъ въ военачальникахъ больше удивленія, чѣмъ ненависти; полководецъ зоветъ его къ себѣ не для казни—вѣдь завладѣть имъ онъ могъ бы, если онъ даже не выйдетъ,—но онъ предпочитаетъ даровать ему жизнь, какъ храброму воину. Никогда, прибавилъ онъ, Веспасіанъ для коварныхъ цѣлей не послалъ-бы къ нему друга, чтобы прикрыть постыдное добродѣтелью, вѣроломство дружбой; да самъ онъ, Никаноръ, никогда не согласился бы придти для того, чтобы обмануть друга.

3) Такъ какъ и послѣ просьбъ Никанора, Іосифъ все еще оставался нерѣшительнымъ, то солдаты, придя въ ярость, приготовились уже бросить огонь въ пещеру; но начальникъ ихъ удержалъ, потому что считалъ для себя дѣломъ чести захватить Іосифа въ свои руки живымъ. Въ то время, когда Никаноръ такъ настойчиво упрашивалъ, а солдаты такъ замѣтно угрожали, въ памяти Іосифа выступали ночные сны, въ которыхъ Богъ открылъ ему предстоящія бѣдствія іудеевъ и будущую судьбу римскихъ императоровъ. Іосифъ понималъ толкованіе сновъ и умѣлъ отгадывать значеніе того, что открывается божествомъ въ загадочной формѣ; вмѣстѣ же съ тѣмъ онъ, какъ священникъ и происходившій отъ священническаго рода, былъ хорошо посвященъ въ предсказанія священныхъ книгъ. Охваченный какъ разъ въ тотъ часъ божественнымъ вдохновеніемъ и объятый воспоминаніемъ о недавнихъ страшныхъ сновидѣніяхъ, онъ обратился съ тихой молитвой къ Всевышнему и такъ сказалъ въ своей молитвѣ. «Такъ какъ Ты рѣшилъ смирить родъ іудеевъ, который Ты создалъ, такъ какъ все счастье перешло теперь къ римлянамъ, а мою душу Ты избралъ для откровенія будущаго, то я добровольно предлагаю свою руку римлянамъ и остаюсь жить. Тебя-же я призываю въ свидѣтели, что иду къ нимъ не какъ измѣнникъ, а какъ Твой посланникъ».

4) Послѣ этого онъ выразилъ Никанору свое согласіе. Но когда скрывавшіеся вмѣстѣ съ нимъ іудеи замѣтили, что онъ уступилъ просьбамъ римлянъ, всѣ они тѣсно обступили его и воскликнули: «Тяжело будутъ вопіять противъ тебя отеческіе законы, дарованные намъ Самимъ Богомъ, тѣмъ Богомъ, который создалъ іудеямъ души, смерть презирающія! Ты желаешь жить, Іосифъ, и рѣшаешься смотрѣть на свѣтъ Божій, сдѣлавшись рабомъ? Какъ скоро забылъ ты самого себя! Сколько по твоему призыву умерло за свободу! Слава храбрости, которая тебя окружала, была такимъ образомъ ложью; ложь была также и слава о твоей мудрости, если ты надѣешься на милость тѣхъ, съ которыми ты такъ упорно боролся, и если ты, будь даже эта милость не сомнительна, соглашаешься

принять ее изъ ихъ рукъ! Однако, если ты, ослѣпленный счастьемъ римлянъ, забываешь самъ себя, то мы должны заботиться о славѣ отечества. Мы предлагаемъ тебѣ нашу руку и нашъ мечъ: хочешь умереть добровольно, то умрешь ты, какъ вождь іудеевъ; если же недобровольно, то умрешь, какъ измѣнникъ!» Съ этими словами они обнажили свои мечи и грозили заколоть его въ случаѣ, если онъ сдастся римлянамъ.

5) Боясь насилія надъ собою, но убѣжденный вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ совершитъ измѣну противъ божественнаго повелѣнія, если умретъ до возвѣщенія сдѣланныхъ ему откровеній, Іосифъ въ своемъ безъисходномъ положеніи пытался урезонить ихъ доводами разума. «Зачѣмъ, друзья мои, обратился онъ къ нимъ, мы такъ кровожадны къ самимъ себѣ? Или почему мы хотимъ разорвать тѣсную связь между тѣломъ и душой? Говорятъ, что я сдѣлался инымъ—вѣрно! Но это и римляне хорошо знаютъ. Прекрасно умереть на полѣ битвы,—но умереть, какъ солдатъ на войнѣ, т. е. отъ рукъ побѣдителя. Еслибъ я бѣжалъ отъ меча римлянъ, то я дѣйствительно заслужилъ бы быть умерщвленнымъ собственнымъ мечемъ, собственными руками; но если у нихъ является желаніе спасти врага, то тѣмъ естественнѣе должны мы сами пощадить себя. Было-бы безумно, чтобъ мы сами причинили себѣ то, изъ-за чего мы боремся съ ними. Хорошо умереть за свободу — это утверждаю и я, но сражаясь и отъ рукъ тѣхъ, которые хотятъ отнять ее у насъ. Но теперь вѣдь они ни въ бой не вступаютъ съ нами, ни жизни не хотятъ насъ лишить. Одинаково труслив какъ тотъ, который не хочетъ умереть, когда нужно, такъ и тотъ, который хочетъ умереть, когда не нужно. Что собственно удерживаетъ насъ отъ того, чтобы выйти къ римлянамъ? Не правда-ли, боязнь передъ смертью? Какъ-же мы непремѣнно хотимъ причинить себѣ то, чего мы только опасаемся со стороны враговъ?—Нѣтъ, говоритъ другой, мы боимся рабства.—Да, теперь то мы, конечно, вполнѣ свободны!—Герою подобаетъ самому умертвить себя, говоритъ третій. — Нѣтъ, наоборотъ, это худшая трусость: я, по крайней мѣрѣ, считаю того кормчаго очень трусливымъ, который, боясь бури, до разгара стихіи потопляетъ свое судно. И кромѣ того, самоубійство противорѣчитъ природѣ всего живущаго, и—это преступленіе предъ Богомъ, нашимъ Творцомъ. Нѣтъ ни одного животнаго, которое бы умирало преднамѣренно и убивая самого себя. Ибо таковъ уже всесильный законъ природы, что каждому врождено желаніе жить. Потому мы и называемъ врагомъ того, который открыто хочетъ насъ лишить жизни, и мстимъ тому, который посягаетъ на нее тайно. И

не сознаете ли вы, что человѣкъ навлекаетъ на себя Божій гнѣвъ, если онъ преступно отвергаетъ его дары? Отъ Него мы получили наше бытіе—Ему мы и должны предоставить его прекращеніе. Наше тѣло смертно и сотворено изъ бренной матеріи; но въ немъ живетъ душа, которая безсмертна и составляетъ частицу Божества. Если кто растрачиваетъ или плохо сохраняетъ имущество, ввѣренное ему другимъ человѣкомъ, то онъ считается недобросовѣстнымъ и вѣроломнымъ; но если кто ввѣренное ему самимъ Богомъ добро насильно вырываетъ изъ своего собственнаго тѣла—можетъ-ли онъ надѣяться, что избѣгнетъ кары Того, Котораго онъ оскорбилъ? Считается законнымъ наказывать бѣглыхъ слугъ, если даже они бросаютъ жестокихъ господъ; а мы не считаемъ грѣхомъ бѣжать отъ Бога—лучшаго господина? Развѣ вы не знаете, что тѣ, которые отходятъ отъ земной жизни естественной смертью, отдавая Богу его даръ, когда Онъ Самъ приходитъ за полученіемъ его, что тѣ люди удостоиваются вѣчной славы, прочности рода, потомства, а ихъ души остаются чистыми и безгрѣшными и обрѣтутъ святѣйшее мѣсто на небесахъ, откуда онѣ по прошествіи вѣковъ вновь переселятся въ непорочныя тѣла; но души тѣхъ, которые безумно наложили на себя руки, попадаютъ въ самое мрачное подземное царство, а Богъ, Отецъ ихъ, караетъ этихъ тяжкихъ преступниковъ еще въ ихъ потомкахъ. Онъ ненавидитъ это преступленіе, и мудрѣйшій законодатель наложилъ на него наказаніе [1]. У насъ самоубійцы должны быть оставлены непогребенными до заката солнца, въ то время когда мы считаемъ своею обязанностью хоронить даже враговъ нашихъ. У другихъ народовъ принято по закону такимъ мертвецамъ отрѣзать правую руку, которой они лишили себя жизни, чтобы этимъ показать, что какъ ихъ тѣло было чуждо души, такъ и рука не должна принадлежать тѣлу. А потому, друзья, слѣдуетъ быть благоразумнымъ и не присовокуплять къ человѣческому несчастью еще грѣхъ предъ Нашимъ Творцомъ. Если мы желаемъ жить, то мы сами должны заботиться о своей жизни, и насъ нисколько не должно стѣснять принятіе пощады отъ тѣхъ, которымъ мы выказали свою доблесть столь многочисленными подвигами. Если же предпочитаемъ умереть,—хорошо, пусть это совершится черезъ побѣдителей. Я не перейду въ ряды непріятеля, чтобы сдѣлаться измѣнникомъ самому себѣ; вѣдь я былъ бы тогда безумнѣе настоящихъ пе-

[1] Въ Моисеевомъ законодательствѣ не находится никакого указанія на наложеніе кары за самоубійство.

ребѣжчиковъ, ибо послѣдніе имѣютъ цѣлью спасти свою жизнь, между тѣмъ какъ я шелъ бы на собственную гибель. Я, однако, желаю себѣ коварной измѣны со стороны римлянъ, потому что если, вопреки ихъ честному слову, я буду казненъ, то умру съ радостью: это вѣроломство будетъ для меня лучшимъ утѣшеніемъ, чѣмъ даже побѣда».

6) Многое въ этомъ духѣ говорилъ Іосифъ, съ цѣлью отклонить своихъ товарищей отъ самоубійства. Но отчаяніе сдѣлало ихъ глухими ко всякимъ вразумленіямъ; они уже давно посвятили себя смерти, а потому только ожесточались противъ него. Съ обнаженными мечами они кинулись на него со всѣхъ сторонъ, называли его трусомъ и каждый изъ нихъ былъ готовъ заколоть его на мѣстѣ. Онъ-же, окликнувъ одного по имени, окинувъ другого взоромъ полководца, третьяго схвативъ за руку, четвертаго урезонивъ просьбами, сумѣлъ въ своемъ горестномъ положеніи, обуреваемый разными чувствами, каждый разъ отражать отъ себя смертельный ударъ, поворачиваясь, подобно звѣрю въ клѣткѣ, то къ тому, то къ другому намѣревавшемуся напасть на него. Такъ какъ они и въ своей крайней бѣдѣ все еще чтили въ немъ полководца, то руки у нихъ опустились, кинжалы упали и многіе, которые только что бросались на него съ мечами, сами вложили ихъ обратно въ ножны.

7) И въ этомъ тяжеломъ положеніи Іосифа не покинуло его благоразуміе: въ надеждѣ на милость Божію онъ рѣшилъ рискнуть своей жизнью и сказалъ: «Разъ рѣшено умереть, такъ давайте предоставимъ жребію рѣшить, кто кого долженъ убивать. Тотъ, на кого падетъ жребій, умретъ отъ рукъ ближайшаго за нимъ, и такимъ образомъ мы всѣ по очереди примемъ смерть одинъ отъ другого и избѣгнемъ необходимости сами убивать себя; будетъ, конечно, несправедливо, если послѣ того, какъ другіе уже умрутъ, одинъ раздумаетъ и останется въ живыхъ». Этимъ предложеніемъ онъ вновь возвратилъ себѣ ихъ довѣріе; уговоривъ другихъ, онъ самъ также участвовалъ съ ними въ жребіи. Каждый, на котораго палъ жребій, по очереди добровольно далъ себя заколоть другому, послѣдовавшему за нимъ товарищу, такъ какъ вскорѣ за тѣмъ долженъ былъ умереть также и полководецъ, а смерть вмѣстѣ съ Іосифомъ казалась имъ лучше жизни. По счастливой-ли случайности, а быть можетъ по божественному предопредѣленію, остался послѣднимъ именно Іосифъ еще съ однимъ. А такъ какъ онъ не хотѣлъ ни самому быть убитымъ по жребію, ни запятнать свои руки кровью соотечественника, то онъ убѣдилъ и послѣдняго сдаться римлянамъ и сохранить себѣ жизнь.

8) Спасенный такимъ образомъ изъ борьбы съ римлянами и своими собственными людьми, онъ былъ приведенъ Никаноромъ къ Веспасіану. Всѣ римляне устремились туда, чтобы видѣть его; вокругъ полководца все засуетилось и зашумѣло: одни ликовали по поводу его плѣненія, другіе выкрикивали угрозы, третьи пробивались чрезъ толпу, чтобы ближе разсмотрѣть его, болѣе отдаленные кричали: «казнить врага!» Стоявшіе поближе вспоминали о его подвигахъ и изумлялись происшедшей съ нимъ перемѣнѣ; среди начальниковъ не было ни одного, который, если и былъ ожесточенъ противъ него прежде, не смягчился бы тогда его видомъ. Титъ въ особенности, по благородству своему, проникся сочувствіемъ къ его долготерпѣнію въ несчастіи и сожалѣніемъ къ его возрасту. Воспоминаніе о недавнихъ геройскихъ подвигахъ Іосифа и видъ его въ рукахъ непріятеля навели его на размышленія о силѣ судьбы, о быстрой перемѣнчивости счастья въ войнѣ и непостоянствѣ всего, что напоминаетъ жизнь человѣческую. Это настроеніе и состраданіе къ Іосифу сообщилось отъ него большинству присутствовавшихъ. Титъ также больше всѣхъ хлопоталъ предъ своимъ отцомъ о спасеніи Іосифа. Веспасіанъ приказалъ содержать его подъ стражей, но обращаться съ нимъ съ большимъ вниманіемъ и намѣревался въ ближайшемъ будущемъ отправить его къ Нерону.

9) Когда Іосифъ это услышалъ, онъ выразилъ желаніе поговорить съ Веспасіаномъ наединѣ. Послѣдній приказалъ всѣмъ присутствовавшимъ удалиться, за исключеніемъ сына своего Тита и двухъ друзей. Іосифъ тогда началъ: «Ты думаешь, Веспасіанъ, что во мнѣ ты пріобрѣлъ только лишь военноплѣнника; но я пришелъ къ тебѣ, какъ провозвѣстникъ важнѣйшихъ событій. Если бы я не былъ посланъ Богомъ, то я бы уже зналъ, чего требуетъ отъ меня законъ іудеевъ и какая смерть подобаетъ полководцамъ. Ты хочешь послать меня къ Нерону? Зачѣмъ? Развѣ долго еще его преемники удержатся на престолѣ до тебя? Нѣтъ, ты, Веспасіанъ, будешь царемъ и властителемъ,—ты и вотъ этотъ, твой сынъ! Прикажи теперь еще крѣпче заковать меня и охранять меня для тебя; потому что ты, Цезарь, будешь не только моимъ повелителемъ, но и властелиномъ надъ землей и моремъ и всѣмъ родомъ человѣческимъ. Я же прошу только объ усиленіи надзора надо мной, дабы ты могъ казнить меня, если окажется, что я попусту говорилъ именемъ Бога» [1]. Веспасіанъ, какъ казалось, въ первое мгновеніе недовѣрчиво отнесся къ этимъ словомъ, считая ихъ за увертку со стороны Іосифа для спасенія себѣ жизни, но мало-помалу имъ овладѣло довѣріе, такъ какъ Богъ возбудилъ въ немъ мысль о царствѣ и указалъ ему еще другими знаменіями, что скипетръ перейдетъ къ нему [1]. При этомъ онъ узналъ, какъ безошибочно еще раньше Іосифъ предсказывалъ будущее. Ибо одинъ изъ друзей полководца, присутствовавшій при этомъ тайномъ разговорѣ, выразилъ удивленіе по поводу того, что Іосифъ, если все сказанное имъ не праздная болтовня, направленная лишь къ тому, чтобы умилостивить врага, не предвидѣлъ раньше паденія Іотапаты и своего собственнаго плѣненія? «Совершенно вѣрно, возразилъ на это Іосифъ, онъ предсказывалъ іотапатцамъ, что они по истеченіи 47 дней попадутъ въ руки непріятеля, а онъ самъ живымъ будетъ плѣненъ римлянами» [2]. Веспасіанъ провѣрилъ это показаніе чрезъ находившихся у него плѣнниковъ и нашелъ его правдивымъ; тогда онъ началъ уже вѣрить въ касавшееся его собственной личности пророчество. Оставивъ Іосифа, хотя подъ арестомъ и въ цѣпяхъ, онъ все таки подарилъ ему великолѣпную одежду, разныя другія драгоцѣнности и продолжалъ милостиво и ласково обращаться съ нимъ. Оказанію ему этихъ почестей въ значительной степени содѣйствовалъ Титъ.

[1] По легендѣ, разсказанной въ трактатѣ Гитинъ, 56, подобнымъ же предсказаніемъ подкупилъ Веспасіана въ свою пользу—во время іерусалимской осады рабби Іоханань-бенъ-Заккай, добивавшійся разрѣшенія на открытіе школы въ Іавнѣ или Іамніи. Но это сказаніе представляется невѣроятнымъ въ виду того, что Веспасіанъ вовсе не осаждалъ Іерусалима и былъ уже императоромъ еще далеко до появленія рабби Іоханана въ римскомъ лагерѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Взятіе Іоппіи и сдача Тиверіады.

1. Четвертаго Панема Веспасіанъ снова выступилъ въ Птоломаиду и оттуда двинулся въ приморскую Кесарею [3], (I, 21, 5)—одинъ изъ вели-

[1] Тацитъ перечисляетъ пять знаменій, предвѣщавшихъ восшествіе на престолъ Веспасіана.

[2] Продолжительность осады, какъ ее Іосифъ опредѣляетъ здѣсь, подтверждается показаніемъ, даннымъ имъ выше (7, 33), но расходится съ датами относительно начала и конца осады. Выше (7, 3) онъ сообщаетъ, что самъ прибылъ въ Іотапату 21 Артемизія и что въ этотъ же день ее оцѣпили всадники Веспасіана, а такъ какъ городъ былъ взятъ 1 Панема, слѣдовательно осада длилась весь мѣсяцъ Десіи (Сиванъ) и 9 дней Артемизія, всего 39 дней По всей вѣроятности день прибытія его въ Іотапату (21 Артемизія) показанъ ошибочно.

[3] Называвшуюся такъ въ отличіе отъ Кесареи Филиппа.

чайшихъ городовъ Іудеи, населенный большею частью эллинами. Жители встрѣтили войско и полководца громкими привѣтствіями и изъявленіемъ полной радости, отчасти вслѣдствіе дружескаго расположенія къ римлянамъ, отчасти же, и еще больше, изъ ненависти къ побѣжденнымъ. По той же причинѣ цѣлыя толпы народа требовали казни Іосифа; Веспасіанъ, однако, молча отклонилъ эту просьбу, исходившую отъ безразсудной массы. Здѣсь, въ Кесареѣ, онъ оставилъ два легіона на зимовку, ибо нашелъ городъ приспособленнымъ для этой цѣли, а чтобы, съ другой стороны, не обременить его всѣмъ войскомъ, Веспасіанъ пятнадцатый легіонъ отправилъ въ Скиѳополь. Климатъ въ Кесареѣ, расположенной на равнинѣ и у самаго моря, пріятный и теплый зимой, а лѣтомъ удушливо жаркій.

2. Между тѣмъ изгнанные непріятелемъ изъ своихъ родныхъ пепелищъ во время мятежей, а также бѣглецы изъ опустошенныхъ городовъ собрались въ немаломъ количествѣ и вознамѣревались опять укрѣпить разрушенную Цестіемъ Іоппію (II, 18, 10), чтобы сдѣлать ее убѣжищемъ для себя. Но такъ какъ проникнуть въ страну, завоеванную непріятелемъ, было не безопасно, то они обратились къ морю. Они построили огромное число разбойничьихъ судовъ и грабили на пути между Сиріей, Финикіей и Египтомъ, и такимъ образомъ сдѣлали эти моря опасными для плаванія. Веспасіанъ, услышавъ объ ихъ похожденіяхъ, послалъ въ Іоппію конницу и пѣхоту, которыя ночью вторглись въ неохраняемый городъ. Жители его заранѣе узнали о предстоящемъ нападеніи и, не надѣясь на возможность защиты, изъ страха предъ римлянами бѣжали на корабли, гдѣ переночевали внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ.

3. Іоппія не имѣетъ природной гавани, такъ какъ она окаймлена неровнымъ, крутоспускающимся берегомъ, еле только загибающимся на обоихъ концахъ; но и эти послѣдніе состоятъ изъ высокихъ утесовъ и ниспадающихъ въ море скалъ. Здѣсь показываютъ еще слѣды оковъ Андромеды, свидѣтельствующіе о глубокой древности этого сказанія [1]. Сѣверный вѣтеръ, дующій здѣсь противъ берега и нагоняющій на противостоящія скалы свирѣпыя волны, дѣлаетъ рейдъ еще болѣе опаснымъ, чѣмъ открытое море. На этомъ рейдѣ находились жители Іоппіи, когда съ наступленіемъ утра поднялась сильная буря (такъ называемый мореплавателями въ тѣхъ водахъ черный сѣверный вѣтеръ). Одни изъ судовъ она разбила другъ о друга, а другія—о скалы. Многіе, страшась каменистаго берега, занятаго къ тому еще непріятелемъ, старались всѣми силами выйти въ открытое море, но были поглощены бушующими волнами. Некуда было бѣжать, не было спасенія и на мѣстѣ: вѣтеръ гналъ ихъ изъ моря, римляне не впускали ихъ въ городъ. При громкихъ вопляхъ матросовъ суда каждый разъ сталкивались между собою и со страшнымъ трескомъ разбивались другъ о друга. Моряки частью уносились набѣгавшими волнами, частью погибали при крушеніи кораблей. Иные сами закалывали себя мечами, предпочитая этотъ родъ смерти гибели въ морской пучинѣ; большинство, однако, унесенное волнами, было разбито о прибрежныя скалы. Море было окрашено кровью на далекомъ разстояніи и берегъ былъ усѣянъ множествомъ труповъ, ибо выброшенные живыми на берегъ были уничтожены стоявшими здѣсь римлянами. Число труповъ, выброшенныхъ моремъ, достигало 4200. Завоеванный безъ меча городъ римляне сравнили съ землей.

[1] Жена Эѳіопскаго царя Кефея, Кассіопея, возгордившись своей красотой, оскорбила Нереидъ (морскихъ богинь). Тогда Посейдонъ послалъ на царство Кефея морское чудовище. По предсказанію оракула, чудовищу должна была достаться дочь царя, Андромеда, для чего ее приковали къ прибрежному утесу. Но явился Персей и спасъ ее. Греки относили этотъ миѳологическій разсказъ къ Іоппіи, несмотря на то, что въ немъ идетъ рѣчь объ эѳіопскомъ царствѣ.

4. Такимъ образомъ Іоппія въ короткое время была во второй разъ покорена римлянами. Для того, однако, чтобы пираты вновь не сдѣлали ее оплотомъ для себя, Веспасіанъ построилъ въ крѣпости лагерь и оставилъ тамъ конницу и немного пѣхоты, приказавъ послѣдней находиться на мѣстѣ и охранять лагерь, а всадникамъ—грабить окрестности и разорять деревни и сосѣднія къ Іоппіи поселенія. Вѣрное своему назначенію войско ежедневно дѣлало нападенія и опустошало весь округъ.

5. Когда вѣсть о судьбѣ Іотапаты прибыла въ Іерусалимъ, большинство не хотѣло сначала этому вѣрить, какъ въ виду громадности несчастья, такъ и потому, что не было ни одного очевидца его. Ибо отъ всего города не уцѣлѣлъ даже вѣстникъ: о его же паденіи повѣствовала одна только молва, которая вообще охотно подхватываетъ всякое бѣдствіе. Но мало по малу правда пробивалась черезъ пограничные округа и предстала, наконецъ, предъ всѣми, вытѣсняя всякое сомнѣніе, хотя къ дѣйствительнымъ фактамъ прибавлялись еще и вымыслы. Между прочимъ разсказывали, что при взятіи города погибъ также Іосифъ. Эта вѣсть наполнила Іерусалимъ великою скорбью: въ то время когда въ отдѣльныхъ домахъ и семействахъ всякій изъ погибшихъ оплакивался своими, плачъ о полководцѣ былъ всеобщій. Одни оплакивали людей, оказавшихъ имъ госте-

пріимство, другіе родственниковъ, третьи друзей или братьевъ, Іосифа же оплакивали всѣ; 30 дней сряду длился трауръ въ городѣ. Многіе приглашали флейтщиковъ, которые звуками своей музыки сопровождали ихъ заунывныя пѣсни.

6. Но когда съ теченіемъ времени сдѣлалось извѣстнымъ дѣйствительное положеніе и болѣе точная обстановка паденія Іотапаты, когда на ряду съ этимъ разсѣялся вымыселъ о смерти Іосифа, а выяснилось наоборотъ, что онъ живъ, находится въ рукахъ римлянъ и пользуется такимъ обращеніемъ со стороны римскихъ военачальниковъ, какого не можетъ ожидать военноплѣнный, то ожесточеніе іудеевъ противъ живого Іосифа было такъ же велико, какъ прежнее ихъ сочувствіе къ мнимо умершему. Одни поносили его какъ труса, другіе какъ измѣнника. Весь городъ былъ полонъ негодованія, повсюду раздавались поношенія противъ него. Уже одно пораженіе ожесточило ихъ, но злая судьба сдѣлала ихъ еще болѣе непримиримыми; то несчастье, которое людей благоразумныхъ заставляетъ подумать о собственной безопасности и позаботиться о предохраненіи себя отъ подобныхъ же бѣдъ, подстрекало ихъ на новыя опасности; конецъ одного бѣдствія былъ для нихъ всегда началомъ другого. Ненависть и ярость противъ римлянъ удвоилась еще тѣмъ, что они хотѣли вымести на нихъ свою злобу противъ Іосифа. Такъ бушевали тогда страсти въ Іерусалимѣ.

7. Веспасіанъ, желая обозрѣть царство Агриппы (самъ царь пригласилъ его къ себѣ вмѣстѣ съ войскомъ, для того, чтобы встрѣтить ихъ во всемъ великолѣпіи своего дома, а съ другой стороны, чтобы съ помощью римлянъ укрѣпить свой шаткій престолъ), отправился изъ Кесареи приморской въ Кесарею Филиппа [1] (I, 21, 3, II, 9, 1). Здѣсь онъ далъ своему войску двадцатидневный отдыхъ, провелъ и самъ все это время въ постоянныхъ пиршествахъ и принесъ Богу благодарственныя жертвы за свои побѣды. Но когда ему было сообщено о волненіяхъ въ Тиверіадѣ и отпаденіи Тарихеи, принадлежавшихъ обѣ къ владѣніямъ Агриппы (II, 13, 2), то онъ, рѣшившись повсемѣстно подчинить іудеевъ, призналъ своевременнымъ предпринять походъ противъ нихъ обѣихъ. Съ другой стороны, онъ желалъ также воздать благодарность Агриппѣ за его гостепріимство и усмиреніемъ этихъ городовъ укрѣпить ихъ за нимъ. Поэтому онъ послалъ своего сына, Тита, въ Кесарею для того, чтобы расположенное тамъ войско перевести оттуда въ Скифополь (самый большой въ области десяти

[1] Названа такъ по имени ея творца, тетраха Филиппа.

городовъ [1], близъ Тиверіады, и, самъ отправившись туда, соединился съ сыномъ. Оттуда онъ выступилъ съ тремя легіонами и разбилъ лагерь въ тридцати стадіяхъ отъ Тиверіады, на мѣстѣ называемомъ Сеннабромъ, гдѣ мятежники могли его легко видѣть. Изъ этого лагеря онъ прежде всего отправилъ декуріона [2] Валеріана во главѣ пятидесяти всадниковъ съ порученіемъ попытаться завязать съ жителями мирные переговоры и склонить ихъ на сдачу города, такъ какъ Веспасіанъ слышалъ, что населеніе собственно страстно желаетъ мира, но оно насилуется отдѣльной партіей, настаивающей на войнѣ. Валеріанъ поскакалъ туда и, достигнувъ стѣны, слѣзъ вмѣстѣ съ провожавшими его всадниками съ лошади, дабы не подать повода думать, что онъ намѣренъ вступить въ бой. Но прежде чѣмъ онъ началъ говорить, ему на встрѣчу бросились вооруженными храбрѣйшіе изъ мятежниковъ и во главѣ ихъ предводитель разбойничьей шайки нѣкій Іошуа, сынъ Сафата. Валеріанъ, который противъ приказанія полководца не могъ вступать въ битву, даже еслибы былъ увѣренъ въ побѣдѣ, считалъ кромѣ того опаснымъ бороться со своими немногими людьми противъ многихъ, съ невооруженными противъ вооруженныхъ; къ тому еще онъ былъ смущенъ неожиданной смѣлостью іудеевъ. Такимъ образомъ онъ бѣжалъ пѣшкомъ и вмѣстѣ съ нимъ еще другіе пять оставили на мѣстѣ своихъ лошадей. Іошуа съ его людьми повели ихъ ликуя въ городъ, точно они овладѣли ими въ открытомъ сраженіи, а не коварствомъ.

8. Но старѣйшіе и знатнѣйшіе граждане, смущенные этимъ поступкомъ, бѣжали въ римскій лагерь и, привлекши раньше на свою сторону царя, припали къ Веспасіану съ мольбой «принять ихъ милостиво и не наказывать весь городъ за безразсудство немногихъ людей. Пусть пощадитъ онъ дружественно-расположенное къ римлянамъ населеніе и накажетъ только

[1] Область эта называлась Декаполисомъ (греческое слово, означающее десятиградіе). Расположенные хотя въ разныхъ мѣстахъ Іудейской земли, но населенные преимущественно чужеземцами: греками, римлянами и сирійцами, эти города послѣ похода Помпея освободились отъ власти Маккавеевъ и образовали союзъ, существовавшій еще около трехъ столѣтій послѣ разрушенія храма. Въ составъ союза вошли города: Дамаскъ, Скиѳополь, Филадельфія, Рафана, Гадаа, Пелла, Герадза, Иппосъ, Діонъ и Каната. Число ихъ, первоначально десять, впослѣдствіи увеличилось.

[2] Декуріонъ (decurio) начальникъ декуріи всадниковъ. Декурія же означаетъ вообще отдѣленіе въ 10 человѣкъ. Не всегда, однако, соблюдалось число десять.

зачинщиковъ возстанія, по винѣ которыхъ они до сихъ поръ, при всемъ своемъ желаніи, не могли сдаться». Полководецъ, хотя былъ озлобленъ противъ всего города, за похищеніе лошадей, уступилъ, однако, этой просьбѣ, потому что видѣлъ, что и Агриппа сильно озабоченъ судьбою города. Іошуа и его приверженцы, узнавъ о милости, обѣщанной Веспасіаномъ населенію, почувствовали себя не безопасными въ Тиверіадѣ и бѣжали въ Тарихею. На слѣдующій день Веспасіанъ послалъ Траяна съ отрядомъ всадниковъ на горную вершину съ цѣлью выслѣдить оттуда настроеніе населенія. Когда онъ убѣдился, что жители такъ же мирно настроены, какъ и ходатайствовавшіе за нихъ представители, онъ прибылъ съ своимъ войскомъ въ городъ. Жители отворили ему ворота и, выйдя на встрѣчу, привѣтствовали его, какъ спасителя и благодѣтеля. Но такъ какъ узкій проходъ въ воротахъ сильно стѣснялъ войско, Веспасіанъ велѣлъ сломать часть южной стѣны и такимъ образомъ расширилъ ему входъ. Въ угоду царю онъ воспретилъ при этомъ солдатамъ грабить и совершать насилія противъ жителей; благодаря ему же, онъ пощадилъ также стѣны, такъ какъ царь ручался за вѣрность города въ будущемъ. Такимъ путемъ Веспасіанъ возвратилъ Агриппѣ городъ послѣ того, впрочемъ, какъ послѣдній много выстрадалъ отъ мятежа.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Какъ была взята Тарихея.—Описаніе Іордана и Геннисаретскаго округа.

1. Продолжая дальше свой походъ, Веспасіанъ на пути между Тиверіадой и Тарихеей разбилъ лагерь, который укрѣпилъ сильнѣе, предвидя, что здѣсь борьба будетъ болѣе продолжительная, такъ какъ всѣ недовольные собрались въ Тарихею, надѣясь на твердыни города и на озеро, именуемое жителями Геннисаромъ. Городъ, лежавшій подобно Тиверіадѣ, у подошвы горы, былъ сильно укрѣпленъ Іосифомъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ онъ не былъ омываемъ озеромъ, но все-таки не такъ сильно, какъ Тиверіада. Ибо обводную стѣну вокругъ послѣдней онъ построилъ въ началѣ возстанія, когда располагалъ въ избыткѣ и денежными средствами и рабочими силами. Тарихея же могла воспользоваться только остаткомъ его щедрости. За то тарихеяне имѣли на озерѣ массу лодокъ, приспособленныхъ, какъ для бѣгства въ случаѣ пораженія на сушѣ, такъ и для морского сраженія. Уже въ первое время, когда римляне укрѣпляли еще свой лагерь, люди Іошуи, не страшась ни численности, ни прекрасной

организаціи непріятеля, сдѣлали вылазку и при первомъ набѣгѣ разсѣяли рабочихъ, разрушили небольшую часть сооруженій и лишь тогда, когда они увидѣли сплачивающихся противъ нихъ тяжеловооруженныхъ, побѣжали невредимыми назадъ къ своимъ. Римляне преслѣдовали ихъ и загнали ихъ въ лодки; но они отплыли на такое разстояніе въ озеро, что могли еще стрѣлять въ римлянъ, затѣмъ бросили они якоря и сдвинули суда вмѣстѣ, чтобы сомкнутыми рядами бороться противъ стоявшихъ на сушѣ враговъ. Между тѣмъ Веспасіанъ услышалъ, что большая толпа іудеевъ собралась на равнинѣ передъ городомъ, и выслалъ противъ нихъ своего сына съ 600 отборныхъ всадниковъ.

2. Когда послѣдній увидѣлъ, что непріятель значительно превышаетъ его въ количествѣ, онъ приказалъ доложить отцу, что онъ нуждается въ подкрѣпленіи. Но замѣтивъ, что большинство его всадниковъ готово напасть еще до прибытія вспомогательныхъ отрядовъ, въ то время, какъ нѣкоторые втихомолку все-таки побаивались численнаго превосходства іудеевъ, онъ сталъ на такое мѣсто, откуда всѣ могли его слышать и сказалъ: «Римляне! Въ самомъ началѣ моей рѣчи я долженъ напомнить вамъ о вашемъ происхожденіи для того, чтобъ вы знали, кто вы и кто тѣ, съ которыми намъ предстоитъ бороться. Отъ нашихъ рукъ до сего времени еще не ушелъ ни одинъ народъ на всемъ земномъ шарѣ; іудеи же, чтобы сказать что-нибудь и въ ихъ пользу, хотя обезсилены, все еще не утомлены. Было бы недостойно, если бы мы устали отъ нашихъ удачъ, въ то время, когда тѣ стойко выдерживаютъ свои неудачи. Я съ удовольствіемъ вижу хотя, что вы, на сколько можно замѣтить, бодро настроены, но я все-таки боюсь, что численность врага можетъ внушить тому или другому тайный страхъ. А потому пусть каждый еще разъ подумаетъ о томъ, кто онъ и противъ кого онъ будетъ сражаться; пусть вспомнитъ также, что хотя іудеи чрезвычайно смѣлы и презираютъ смерть, но за то они лишены всякой военной организаціи, не опытны въ сраженіяхъ и могутъ быть названы скорѣе безпорядочной толпой, чѣмъ войскомъ. Что я въ противоположность этому долженъ сказать о вашей военной опытности и тактикѣ? Потому же мы только и упражняемся такъ съ оружіемъ въ мирное время, чтобы на войнѣ не нужно было намъ считаться силами съ непріятелемъ. Иначе, какая польза отъ этихъ постоянныхъ боевыхъ упражненій, если мы будемъ сражаться съ неопытными въ одинаковомъ съ ними числѣ. Вспомните дальше, что вы боретесь въ полномъ вооруженіи противъ легко-вооруженныхъ, на лошадяхъ противъ

пѣшихъ, подъ командой предводителя противъ плохо управляемой толпы и что эти преимущества значительно умножаютъ вашу численность, тогда какъ названные недостатки на много уменьшаютъ силы врага. Сраженія, наконецъ, рѣшаются не количествомъ людей, если даже всѣ они способны къ бою, но храбростью, когда она воодушевляетъ хотя бы менѣе значительные отряды. Послѣдніе легко могутъ образовать тѣсно сомкнутые ряды и помогать другъ другу, между тѣмъ какъ не въ мѣру большое войско страдаетъ больше отъ собственной многочисленности, чѣмъ отъ враговъ. Іудеями руководятъ смѣлость и отвага—послѣдствія отчаянія, которыя хотя успѣхомъ поддерживаются, но при малѣйшей неудачѣ все таки погасаютъ; насъ же ведутъ храбрость, дисциплина и тотъ благородный пылъ, который въ счастьи обнаруживаетъ мощную силу, но и при неудачахъ проявляетъ крайнюю устойчивость. Независимо отъ этого, вы боретесь за болѣе высокія блага, чѣмъ іудеи. Ибо пусть послѣдніе сражаются за свободу и отчизну; но что для насъ можетъ быть выше, чѣмъ слава и стремленіе опровергнуть мнѣніе, будто мы, властители міра, нашли въ іудеяхъ достойныхъ противниковъ? Мы не должны еще забывать, что намъ во всякомъ случаѣ не угрожаетъ крайняя опасность, ибо близки тѣ, которые придутъ къ намъ на помощь, а ихъ очень много. Но мы сами можемъ пожать лавры этой побѣды, а потому должны предупредить ожидаемыя отъ моего отца подкрѣпленія, для того чтобы не пришлось вмѣстѣ съ ними дѣлить успѣхъ, который вслѣдствіе этого сдѣлается еще значительнѣе. Я полагаю, что этотъ часъ будетъ имѣть рѣшающее значеніе для моего отца, для меня, для васъ: достоинъ ли мой отецъ своихъ прежнихъ подвиговъ, его ли я сынъ и мои ли вы солдаты! Онъ привыкъ всегда побѣждать и потому я не позволю себѣ предстать предъ его глазами побѣжденнымъ. А вы? Развѣ вамъ не будетъ стыдно дать себя побѣдить, когда вашъ предводитель будетъ предшествовать вамъ въ опасности? А я, знайте это, намѣренъ такъ именно поступить: я первый ударю въ непріятеля—вы только не отставайте отъ меня. Будьте убѣждены, что Богъ будетъ покровительствовать моему нападенію, и вѣрьте, что мы въ рукопашномъ бою достигнемъ больше, чѣмъ стрѣльбой вздали».

3. Удивительная жажда боя охватила солдатъ послѣ рѣчи Тита, и когда еще до начала битвы къ нимъ примкнулъ Траянъ съ 400 всадниками, они возроптали, какъ будто послѣдніе хотѣли отнять у нихъ часть побѣды. Веспасіанъ кромѣ того послалъ еще Антона Силона съ 2000 стрѣлковъ для того, чтобы занять возвышенія, находящіяся противъ города, и прогнать борцовъ со стѣны. И они дѣйствительно, согласно приказу, отразили враговъ, которые со стѣны хотѣли помогать своимъ. Титъ на конѣ первый грянулъ на непріятеля, за нимъ съ воинскими кликами бросились остальные, которые растянулись вдоль непріятельскаго фронта по равнинѣ, и такимъ образомъ казались гораздо многочисленнѣе. Іудеи хотя смутились предъ стремительностью и стройнымъ порядкомъ римлянъ, однако выдерживали нѣкоторое время нападеніе. Но подъ ударами копій и страшнымъ натискомъ лошадей они все-таки скоро отступили и были растоптаны. Подъ неукротимой рѣзней они разсѣялись и каждый бѣжалъ по возможности быстрѣй къ городу. Титъ убивалъ однихъ, преслѣдуя сзади, собиравшихся же онъ вновь разсѣевалъ, другихъ онъ перегонялъ и прокалывалъ спереди, а тѣхъ, которые наталкиваясь другъ на друга, сбивались съ ногъ и падали, онъ тутъ же на мѣстѣ и умерщвлялъ. Но всѣмъ онъ старался отрѣзать доступъ къ стѣнѣ, чтобы овладѣть ими въ открытомъ полѣ. Іудеи, однако, напирая всей своей массой впередъ, все-таки протѣснились въ городъ.

4. Внутри тотчасъ же поднялся между ними бурный разладъ. Коренные жители, дорожа своимъ имуществомъ и городомъ, уже съ самаго начала не сочувствовали войнѣ, а тѣмъ больше теперь, послѣ пораженія, иногородніе же, которыхъ было очень много, хотѣли принудить ихъ къ этому. Въ своемъ страстномъ спорѣ они такъ неистово кричали и шумѣли точно были близки къ тому, чтобы взяться за оружіе. Когда Титъ, стоявшій не вдалекѣ отъ стѣны, услышалъ этотъ гулъ, онъ воскликнулъ: «Товарищи, удобный часъ насталъ! Чего мы медлимъ, когда самъ Богъ отдаетъ намъ въ руки іудеевъ? Ловите побѣду! Вы развѣ не слышите крика? Тѣ, которые бѣжали отъ нашего меча, спорятъ между собою! Городъ въ нашихъ рукахъ, если мы только поспѣшимъ. Но кромѣ поспѣшности отъ насъ требуется напряженіе силы и отвага, ибо ничто великое не дается безъ риска. Мы должны предупредить не только примиреніе враговъ, которое нужда легко можетъ ускорить, но и прибытіе помощи со стороны нашихъ для того, чтобы послѣ побѣды, одержанной нами при нашей малочисленности надъ столь превосходными силами, мы одни взяли бы также городъ».

5. Съ этими словами онъ вскочилъ на своего коня и бросился въ озеро, чрезъ которое въ сопровожденіи другихъ, первый вторгся въ городъ. Его смѣлость навела панику на людей, стоявшихъ на стѣнѣ. Никто не отважился ни вступать въ бой, ни оказывать сопротивленіе. Привер-

женцы Іошуи покинули свои посты и бѣжали въ открытое поле; другіе, бѣжавшіе къ озеру, пали отъ рукъ ринувшихся имъ на встрѣчу враговъ; многіе были убиты въ ту минуту, когда готовились сѣсть въ лодки, а иные—когда пустились вплавь, пытаясь догнать отчалившихъ уже отъ берега. Велика была рѣзня въ городѣ, такъ какъ кромѣ той части пришельцевъ, которая не успѣла разбѣжаться и пробовала защищаться, были истреблены также и горожане. Послѣдніе пали, не обороняясь, ибо въ надеждѣ на милость, сознавая себя свободными отъ участія въ борьбѣ съ римлянами, они воздерживались отъ сопротивленія. Послѣ того, какъ виновные были убиты, Титъ сжалился надъ жителями и приказалъ прекратить рѣзню. Бѣжавшіе въ озеро, увидя городъ въ рукахъ враговъ, уѣхали подальше отъ нихъ.

6. Титъ отправилъ всадника, чтобъ принести отцу радостную вѣсть о происшедшемъ. Веспасіанъ естественно былъ чрезвычайно радъ подвигамъ своего сына и успѣху его похода, которымъ, какъ казалось, окончена была значительная часть войны. Онъ немедленно появился самъ и приказалъ оцѣпить городъ, наблюдать, чтобъ никто изъ него не ушелъ и убивать всякаго, который сдѣлаетъ попытку къ бѣгству. На слѣдующій день онъ вышелъ на берегъ и приказалъ построить плоты для преслѣдованія бѣжавшихъ. При изобиліи лѣса и рабочихъ плоты скоро были готовы.

7. Геннисаретское озеро [1], получило свое названіе отъ примыкающей къ нему прибережной полосы. Оно имѣетъ 40 стадій ширины и 140 длины [2]. Вода его прѣсна и очень пригодна для питья, ибо она жиже густой воды болотистыхъ озеръ и прозрачна, такъ какъ озеро со всѣхъ сторонъ окаймляется песчаными берегами, и удобочерпаема. Она мягче рѣчной или ключевой воды и при всемъ этомъ прохладнѣе, чѣмъ можно ожидать, судя по величинѣ озера. Если оставить воду на открытомъ воздухѣ, то она дѣлается холодной, почти какъ снѣгъ; въ лѣтнее время жители обыкновенно это дѣлаютъ ночью. Въ озерѣ водится разнаго рода рыба, которая по виду своему и вкусу отличается отъ рыбъ другихъ водъ. Посрединѣ оно прорѣзывается Іорданомъ. Предполагаемый источникъ Іордана—это Паніонъ, который, впрочемъ, и самъ питается невидимыми подземными притоками, изъ такъ называемой Фіалы. Послѣдняя лежитъ по дорогѣ въ Трахонею, въ 120 стадій разстоянія отъ Кесареи, невдалекѣ отъ дороги, вправо. По своей круглой формѣ этотъ бассейнъ по справедливости прозванъ Фіалой [1], ибо онъ имѣетъ видъ круга. Вода въ немъ всегда доходитъ до края, не понижаясь и не переливаясь. Тетрархъ Филиппъ изъ Трахонеи впервые указалъ на эту мѣстность, какъ на источникъ Іордана, остававшійся до него неизвѣстнымъ. Онъ велѣлъ именно бросить въ Фіалу мякину, которая показалась опять въ Паніонѣ, прежде считавшемся началомъ рѣки. Чудная природа Паніона возвеличена царскимъ великолѣпіемъ, которымъ съ большими затратами украсилъ ее Агриппа. Отъ пещеры у Паніона начинается видимое теченіе Іордана; онъ прорѣзываетъ сначала болота и топи Самахонитскаго озера (IV, 1, 1), уклоняется оттуда въ сторону на 120 стадій и протекаетъ мимо города Юліады (II, 9, 1) посрединѣ Геннисаретскаго озера, послѣ чего, пройдя еще длинный путь чрезъ пустыню, впадаетъ въ Асфальтовое озеро [2].

8. Вдоль Геннисарета тянется страна того же имени изумительной природы и красоты. Земля по тучности своей воспріимчива ко всякаго рода растительности, и жители дѣйствительно насадили ее весьма разнообразно; прекрасный климатъ также способствуетъ произрастанію самыхъ различныхъ растеній. Орѣховыя деревья, нуждающіяся больше въ прохладѣ, процвѣтаютъ массами въ сосѣдствѣ съ пальмами, встрѣчающимися только въ жаркихъ странахъ; рядомъ съ ними ростутъ также фиговыя и масличныя деревья, требующія болѣе умѣреннаго климата. Здѣсь природа какъ будто задалась цѣлью соединить на одномъ пунктѣ всякія противуположности; здѣсь же происходитъ чудная борьба временъ года, каждое изъ которыхъ стремится господствовать въ этой мѣстности. Ибо почва производитъ самые разнообразные, повидимому, плоды не только одинъ разъ, но и въ теченіе всего года безпрерывно. Благороднѣйшіе плоды, виноградъ и фиги она доставляетъ десять мѣсяцевъ въ году сряду, въ то время, когда остальные плоды по очереди поспѣваютъ въ продолженіе всего года. Кромѣ мягкаго климата, богатому плодородію способствуетъ еще орошеніе, доставляемое могучимъ источникомъ, называемымъ жителями Кафарнаумомъ. Иные считаютъ его даже за жилу Нила, такъ какъ въ немъ живутъ такія-же рыбы, какія найдены въ озерѣ возлѣ Алек-

[1] Геннисаретъ или Геннисаръ позднѣйшее названіе библейскаго Киннеретъ, впослѣдствіи называвшагося также озеромъ Галилейскимъ и Тиверіадскимъ, нынѣ Бахръ-Табарія.

[2] Т. е. 1 геогр. миля ширины и $3^1/_2$ мили длины, — цифры эти приблизительно соотвѣтствуютъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ.

[1] По гречески—чаша.

[2] Т. е. Мертвое море.

сандріи. Полоса эта тянется по берегу одноименнаго съ ней озера на протяженіи 30 стадій длины и 30 стадій ширины. Такова природа той мѣстности [1].

9. Когда плоты были построены, Веспасіанъ снабдилъ ихъ такимъ количествомъ войска, какое онъ считалъ необходимымъ для уничтоженія враговъ, разсѣявшихся по озеру. Послѣдніе не могли спасаться на сушу, такъ какъ все кругомъ находилось въ рукахъ враговъ и не были также въ состояніи сражаться на озерѣ, ибо ихъ маленькія, слабой конструкціи, лодки, построенныя на подобіе пиратскихъ, были слишкомъ безсильны противъ плотовъ, а рѣдѣвшіе въ нихъ воины боялись приблизиться къ нападавшимъ на нихъ густыми рядами римлянамъ. Однако, они огибали плоты, а время отъ времени подходили также близко, бросая въ римлянъ камни издали и дразня ихъ перестрѣлками вблизи. Но оба пріема нападенія причиняли имъ самимъ больше вреда: ибо своими камнями, попадавшими въ панцыри римлянъ, они производили одно только постоянное бряцаніе, въ то время какъ сами себя подвергали дѣйствію вражескихъ стрѣлъ; если же они осмѣливались подходить близко, то были немедленно побѣждаемы, прежде чѣмъ могли что-нибудь предпринять, и погибали вмѣстѣ со своими лодками. Многихъ, которые пытались пробиваться, римляне прокалывали своими копьями, другихъ, вскочивъ къ нимъ въ лодки, они убивали мечемъ, а иныхъ они, аттаковавъ своими плотами, брали въ плѣнъ вмѣстѣ съ ихъ челнами. Если погруженные въ воду вновь выныряли на поверхность, ихъ или настигала стрѣла, или догонялъ плотъ, а если они въ отчаяніи начинали цѣпляться за плоты римлянъ, послѣдніе отрубали имъ головы или руки. Велико и разнообразно было побоище пока, наконецъ, остатокъ, совершенно выбитый изъ силъ и оцѣпленный на своихъ судахъ, не былъ оттѣсненъ къ берегу. Многіе изъ нихъ нашли смерть въ озерѣ, прежде чѣмъ они достигли берега, многіе другіе были убиты послѣ того, какъ вышли на берегъ. Все озеро было окрашено кровью и полно труповъ, ибо ни одинъ человѣкъ не вышелъ живымъ. Чрезъ нѣсколько дней по всей окрестности распространился страшный смрадъ; не менѣе ужасенъ былъ и видъ ея: берега были покрыты обломками судовъ и раздутыми тѣлами, которыя, разлагаясь подъ знойными лучами солнца, заражали воздухъ, что не

[1] Этотъ чудный уголокъ Галилеи извѣстенъ теперь подъ названіемъ „Эл-Гувейръ“ и представляетъ собою пустыню, поросшую бурьяномъ и сорными травами, среди которой сохраняются слѣды нѣкогда цвѣтущихъ городовъ.

только приводило въ отчаяніе іудеевъ, но и внушало отвращеніе римлянамъ. Такъ кончилось это морское сраженіе. Включая и число еще раньше павшихъ въ городѣ, погибло тогда 6,500 человѣкъ.

10. По окончаніи битвы Веспасіанъ сѣлъ въ Тарихеѣ на судейское кресло, чтобы отдѣлить людей, нахлынувшихъ извнѣ и вовлекшихъ всѣхъ въ войну, отъ жителей города и чтобы совмѣстно съ начальниками рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли ихъ оставить въ живыхъ. Всѣ считали помилованіе ихъ дѣломъ опаснымъ: какъ люди безъ родины, они навѣрно не останутся въ покоѣ и будутъ въ состояніи принудить къ войнѣ силой даже тѣхъ, у которыхъ они найдутъ пріютъ. Веспасіанъ также признавалъ, что они не достойны пощады и что они своимъ спасеніемъ воспользуются во вредъ своимъ освободителямъ. Онъ поэтому останавливался только надъ тѣмъ, какимъ способомъ удобнѣе будетъ ихъ извести. Убивъ ихъ на мѣстѣ, онъ долженъ былъ опасаться новаго возстанія коренныхъ жителей, которые безъ сомнѣнія не допустили бы добровольно закланія столь многихъ просящихъ; кромѣ того онъ самъ не могъ позволить себѣ напасть на людей, которые, довѣрившись его слову, передали себя въ его руки. Но его друзья взяли верхъ надъ нимъ, сказавъ: противъ іудеевъ все позволительно и всегда нужно полезное предпочесть достойному, если нельзя и то и другое соединить вмѣстѣ. Такимъ образомъ Веспасіанъ въ двусмысленныхъ словахъ обѣщалъ пришельцамъ пощаду, но позволилъ имъ выступить только по дорогѣ къ Тиверіадѣ. Со сладкой вѣрой въ свою мечту, ничего дурного не подозрѣвая, открыто неся съ собою свои пожитки, они выступили по указанному имъ пути. Римляне же между тѣмъ заняли всю дорогу до Тиверіады для того, чтобы никто не завернулъ въ сторону и заперли ихъ въ городъ. Вскорѣ туда явился Веспасіанъ, который приказалъ всѣмъ собраться въ ристалище. Здѣсь онъ приказалъ стариковъ и слабыхъ въ числѣ 1200 убить; изъ молодыхъ онъ избралъ 6000 сильнѣйшихъ, чтобы послать ихъ къ Нерону на Истмъ [1]. Остальную массу, около 30400 человѣкъ, онъ продалъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ подарилъ Агриппѣ. Царю онъ предоставилъ поступить съ людьми, бѣжавшими изъ его области, какъ ему заблагоразсудится; они, впрочемъ, были царемъ так-

[1] Коринѳскій перешеекъ въ Греціи, гдѣ производились тогда энергическія работы надъ прорытіемъ канала. Послѣ смерти Нерона попытка не возобновлялась. Только въ самое послѣднее время воспользовались сохранившимися слѣдами нероновскаго предпріятія: — въ іюлѣ 1893 года Коринѳскій каналъ былъ открытъ.

же проданы. Остальная масса изъ Трахонеи, Гавлана, Иппа и Гадары, состояла преимущественно изъ бунтовщиковъ, бѣглецовъ и другихъ людей, которые были вовлечены въ войну постыдными дѣлами, совершенными ими еще во время мира. Они были взяты въ плѣнъ восьмого числа мѣсяца Горпіая [1].

Конецъ 3-й книги.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Осада и взятіе Гамалы.

1. Галилеяне, которые и послѣ взятія Іотапаты продолжали борьбу съ римлянами, смирились послѣ побѣды надъ іудеями въ Тарихеѣ. Римляне заняли всѣ крѣпости и города, за исключеніемъ Гисхалы и гарнизона на горѣ Итавиріонѣ [2]. Къ послѣднимъ примкнула также Гамала—городъ, лежавшій противъ Тарихеи, по ту сторону озера и составлявшій вмѣстѣ съ Соганой и Селевкіей (II, 20, 6) границу владѣній Агриппы. Гамала и Согана принадлежали къ Гавлану (первая—къ нижней его части, а послѣдняя—къ верхней, называемой собственнымъ Гавланомъ), Селевкія же была расположена на берегу Самахонитскаго озера [3]. Это озеро имѣетъ 30 стадій ширины и 60 длины; его топи простираются до чрезвычайно живописной мѣстности Дафны, водяные источники которой питаютъ такъ называемый малый Іорданъ и вмѣстѣ съ нимъ, ниже храма Золотого быка, впадаютъ въ большой. Согану и Селевкію Агриппа въ началѣ возстанія привелъ на свою сторону, Гамала же не сдавалась, такъ какъ она еще больше, чѣмъ Іотапата, могла надѣяться на свое защищенное отъ природы мѣстоположеніе. Крутой хребетъ отдѣляется отъ высокой горы и по самой срединѣ образуетъ горбъ. Послѣдній своей возвышенной частью вытягивается немного въ длину и спадаетъ спереди такъ же круто, какъ и сзади, такъ что все въ цѣломъ изображаетъ изъ себя видъ верблюда, отъ котораго мѣстность эта и получила свое названіе [1'], хотя въ произношеніи туземцевъ не слышится въ точности его происхожденіе. Съ боковъ и спереди мѣстность окружена недоступными пропастями, только сзади недоступность уменьшается, такъ какъ съ этой стороны Гамала соединена съ горой. Жители, однако, прокопавъ здѣсь поперечный ровъ, постарались и съ этой стороны отрѣзать городъ и сдѣлать его недоступнымъ. Дома, построенные на отвѣсномъ боковомъ склонѣ холма, лѣпились и громоздились другъ къ другу, такъ что казалось, что городъ виситъ въ воздухѣ и вслѣдствіе своей покатости готовъ каждую минуту обрушиться; его наклонъ былъ къ югу. Такой же точно холмъ на югѣ достигаетъ неимовѣрной высоты и, служа городу какъ бы крѣпостью, оканчивается крутымъ неогороженнымъ никакой стѣной обрывомъ, ниспадающимъ въ глубокую пропасть. Внутри стѣнъ, на самой окраинѣ города, находится водяной источникъ.

2. Такимъ образомъ сама природа сдѣлала городъ почти неприступнымъ. Но Іосифъ укрѣпилъ его еще больше подземными ходами и окопами. Жители тверже уповали на мѣстоположеніе города, чѣмъ іотапатцы, и хотя они считали въ своей средѣ гораздо меньше бойцовъ, они все-таки, полагаясь всецѣло на защищенность мѣстности, никого больше къ себѣ не принимали. Городъ, впрочемъ, вслѣдствіе его укрѣпленій, былъ полонъ бѣглецовъ. Благодаря всему этому, онъ и прежде могъ держаться семь мѣсяцевъ противъ осаднаго войска Агриппы.

3. Веспасіанъ выступилъ изъ Аммауса, гдѣ стоялъ лагеремъ на виду Тиверіады (слово Аммаусъ [2'] означаетъ теплыя купанья, по находящимся здѣсь теплымъ цѣлебнымъ источникамъ), и двинулся къ Гамалѣ. Положеніе города не давало возможности аттаковать его со всѣхъ сторонъ, но на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было возможно, Веспасіанъ разставилъ посты и приказалъ также занять гору, господствовавшую надъ городомъ. Послѣ того, какъ легіоны

[1] 8-го Элула — начало Сентября.

[2] Т. е. гора Таворъ, нынѣ Джебалъ-Туръ.

[3] Называется въ Библіи Меромскимъ, что означаетъ по еврейски возвышеннымъ, ибо озеро это самое высокое въ странѣ: на 166 ф. выше уровня Средиземнаго моря, на 950 ф. выше Солянаго или Мертваго моря и 446 ф. выше Генисаретскаго озера. Нынѣ озеро называется Бахръ ал-Хулэ. Зимою во время таянія снѣговъ оно значительно увеличивается, а въ сильныя жары это мелководное озеро, глубина котораго не превышаетъ 10 футовъ, высыхаетъ и превращается въ болото. Вода этого озера прѣсна, пригодна для питья и изобилуетъ рыбой, вслѣдствіе чего, какъ иные полагаютъ, озеро называется Самахонитскимъ, такъ какъ „саманъ“ на арабскомъ языкѣ означаетъ—„рыба“. Но арабское „самака“ имѣетъ еще значеніе „быть высокимъ“, а потому возможно, что Самахонитское однозначуще съ Меромскимъ. (См. Schenkel, Bibel-Lexikon IV, 182).

[1'] Гамалъ по еврейски значитъ верблюдъ.

[2'] Въ Талмудѣ חמתה.

обычнымъ образомъ построили лагерь на этой горѣ, онъ началъ возводить насыпь на задней ея сторонѣ, точно также и на востокѣ, гдѣ на самомъ высшемъ пунктѣ города находилась башня, противъ которой расположились лагеремъ пятый и десятый легіоны. Пятый легіонъ дѣйствовалъ отсюда на центръ города, между тѣмъ какъ десятый сравнивалъ окопы и природныя углубленія. Царь Агриппа, приблизившись въ это время къ стѣнѣ съ намѣреніемъ завязать переговоры со стоявшими на ней людьми относительно передачи города, былъ раненъ въ правый локоть камнемъ, брошеннымъ изъ него пращникомъ. Его свита сейчасъ же приняла его въ свою среду. Негодованіе по поводу происшествія съ царемъ, а также страхъ за самихъ себя сдѣлали римлянъ еще болѣе настойчивыми въ осадѣ: они полагали, что люди, которые такъ ожесточены противъ соотечественника и доброжелательнаго совѣтника, перейдутъ всякіе предѣлы жестокости по отношенію къ чужимъ и врагамъ.

4. Когда насыпи, благодаря обилію рукъ и опытности римлянъ въ подобныхъ работахъ, были окончены, они перевезли туда свои машины. Харесъ и Іосифъ, самые могущественные въ городѣ, выстроили въ порядокъ своихъ вооруженныхъ. Послѣдніе не проявляли особенной твердости духа въ виду того, что, не будучи снабжены въ достаточной мѣрѣ ни водой, ни другими жизненными припасами, не надѣялись выдержать продолжительную осаду; однако, предводители внушили имъ мужество и повели ихъ къ стѣнѣ. И дѣйствительно, долгое время они отбивали назадъ солдатъ, устанавливавшихъ машины, но, обданные стрѣльбой катапультъ и балистъ (III, 7, 9), должны были все-таки отступить назадъ въ городъ. Римляне въ трехъ мѣстахъ установили тараны и проломали стѣну. Чрезъ образовавшіяся бреши, подъ оглушительные звуки трубъ, бряцаніе оружія и воинскіе клики они вторглись въ городъ и вступили въ рукопашный бой съ находившимися внутри него. Іудеи выдержали первый натискъ римлянъ, остановили ихъ дальнѣйшее наступательное движеніе и храбро отбили ихъ назадъ; но тѣснимые болѣе многочисленнымъ войскомъ, нападавшимъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, они отступили въ выше лежавшую часть города. Такъ какъ враги напирали и туда, они обернулись, бросились на нихъ и стѣснили ихъ всѣхъ противъ крутаго обрыва, гдѣ римляне, приведенные въ узкой неудобной мѣстности въ замѣшательство, были перебиты. Не будучи въ состояніи сопротивляться противъ нападавшихъ на нихъ сверху и не находя выхода, такъ какъ они были тѣснимы еще своими собственными людьми, стремившимися все впередъ, они

взлѣзли на крыши непріятельскихъ домовъ, которые были очень низки, но послѣдніе долго не могли выдержать тяжести солдатъ и мгновенно рухнули. Каждый обвалившійся домъ опрокидывалъ многіе стоявшіе внизу, а эти послѣдніе развалили другіе, стоявшіе еще ниже [1]. Это стоило жизни множеству римлянъ; ибо въ своей безпомощности они вскакивали на крыши даже тогда, когда видѣли ихъ уже обрушивающимися. Такимъ образомъ многіе были похоронены подъ развалинами, многіе изувѣчены въ бѣгствѣ, большинство, однако, погибло въ удушливой пыли. Гамаляне видѣли въ этомъ Божью помощь и, не взирая на собственный уронъ, съ еще большей настойчивостью напирали на римлянъ, искавшихъ убѣжища на крышахъ, и съ верху разстрѣливали тѣхъ, которые падали, сбиваясь на крутыхъ улицахъ. Развалившіеся дома доставили имъ кучи камней, а оружіе—убитые враги: у павшихъ они срывали мечи и обращали ихъ противъ другихъ, боровшихся еще со смертью. Многіе, которымъ грозила опасность упасть вмѣстѣ съ крышами, бросались съ нихъ и такимъ образомъ сами убивали себя. Даже бѣжавшимъ не было такъ легко спасаться: не зная выходовъ и кружась въ пыльной мглѣ, они не узнавали своихъ, сталкивались между собою и рѣзали другъ друга.

5. Кто только отыскивалъ выходъ, тотъ спѣшилъ прочь изъ города. Веспасіанъ все время оставался при своемъ поражаемомъ войскѣ. Сердце его дрогнуло при видѣ какъ городъ обрушился надъ его солдатами; не думая о личной безопасности, самъ того не замѣчая, онъ протѣснился чуть ли не до самой возвышенной части города, гдѣ среди величайшей опасности очутился одинъ лишь съ очень немногими; при немъ не было даже сына его, Тита, находившагося тогда въ командировкѣ у Муціана въ Сиріи. Считая обратное возвращеніе ни безопаснымъ, ни достойнымъ для себя, онъ, собравъ все свое мужество и вспомнивъ о пережитыхъ имъ отъ самой молодости опасностяхъ, точно охваченный божественнымъ вдохновеніемъ, приказалъ сопровождавшимъ его сомкнуться тѣломъ и оружіемъ въ одну массу [2]. Такимъ образомъ онъ оборонялся противъ устремившихся сверху массъ непріятеля и, не страшась ни численности его, ни его стрѣлъ, держался до тѣхъ поръ, пока врагъ, усмотрѣвъ въ его мужествѣ нѣчто сверхъестественное, умѣрилъ нападеніе. Какъ только натискъ сдѣлался

[1] Такое явленіе могло произойти потому, что городъ, какъ выше было сказано, былъ расположенъ на склонѣ горы.

[2] Иными словами—„сомкнуть щиты и образовать черепаху“ (Значеніе послѣдней—см. II, 7, 27).

слабѣе, онъ шагъ за шагомъ самъ отступалъ, не показывая, однако, тыла, и такъ вышелъ за стѣну города. Множество римлянъ пало въ этой битвѣ, между ними также декуріонъ Эбуцій — человѣкъ, который не только въ томъ сраженіи, гдѣ онъ погибъ, но и прежде, при каждомъ случаѣ, выказывалъ себя истымъ героемъ и наносилъ іудеямъ много вреда. Центуріонъ, по имени Галлъ, во время свалки былъ оцѣпленъ вмѣстѣ съ десятью солдатами; но ему удалось скрыться въ какой-то домъ. Ночью онъ услышалъ, какъ обитатели этого дома говорили за ужиномъ о томъ, что жители намѣрены предпринять въ свою защиту противъ римлянъ (онъ съ его людьми были по происхожденію сирійцы), тогда онъ бросился на нихъ, убилъ всѣхъ и спасся вмѣстѣ съ солдатами къ римлянамъ.

6. Веспасіанъ былъ очень удрученъ понесенными арміей потерями: такое несчастіе ее еще нигдѣ не постигало. Послѣдняя же въ особенности сгорала отъ стыда при воспоминаніи о томъ, что оставила полководца одного въ опасности. Веспасіанъ поэтому старался утѣшить ее, но ни единымъ словомъ не упомянулъ о своей собственной особѣ, не проронилъ даже ни малѣйшаго упрека и только сказалъ: «Общія несчастія нужно перенести стойко и не забывать, что по природѣ войны, никакая побѣда не дается безъ кровопролитія. Измѣнчивая фортуна витаетъ всегда надъ воюющими, переходя то на одну, то на другую сторону. Естественно поэтому, что они, истребившіе тысячи іудеевъ, должны были и сами принести року маленькую жертву. Но подобно тому, какъ недостойно черезчуръ зазнаваться въ счастьѣ, точно также малодушно совершенно опускать руки въ несчастіи. Ибо быстра перемѣна судьбы, а потому здравомыслящій человѣкъ долженъ сохранять присутствіе духа въ неудачахъ и бодро стремиться къ возвращенію себѣ потеряннаго. То, что совершилось на нашихъ глазахъ,—продолжалъ онъ,—произошло не вслѣдствіе нашей слабости и не вслѣдствіе храбрости іудеевъ, а только позиція была выгодна для нихъ и убійственна для насъ. Въ этомъ отношеніи единственно въ чемъ васъ можно упрекнуть, такъ это въ томъ, что вы увлеклись безумнымъ порывомъ. Ибо послѣ того, какъ враги отступили на возвышенія, вы должны были остановиться, а не подвергать себя опасностямъ, угрожавшимъ сверху; вы должны были занять нижній городъ, а затѣмъ постепенно вызывать бѣжавшихъ на верхъ на вѣрный и правильный бой. Вы же въ своемъ горячемъ стремленіи къ побѣдѣ забыли совершенно о собственной безопасности. Но необдуманность въ битвахъ и бѣшеная горячка не въ обычаѣ римлянъ, а присущи варварамъ и составляютъ также главную особенность іудеевъ;

мы же выигрываемъ сраженія своей опытностью и дисциплиной. Мы должны поэтому возвратиться къ свойственной намъ храбрости и постигшее насъ незаслуженное пораженіе должно вызвать въ насъ скорѣе чувство досады, чѣмъ упадокъ духа. Самаго вѣрнаго утѣшенія пусть все-таки каждый ищетъ въ своей собственной рукѣ—тогда вы отомстите за павшихъ и накажете ихъ убійцъ. Что касается меня, то я останусь тѣмъ же, какимъ былъ прежде: въ каждомъ бою съ недругомъ я вамъ буду предшествовать и оставлять поле сраженія послѣднимъ».

7) Такими словами онъ воодушевилъ свое войско. Радость гамалянъ по случаю неожиданной побѣды была непродолжительна. Вскорѣ они сообразили, что теперь потеряна всякая возможность мирнаго соглашенія, а надежды на спасеніе не было никакой, ибо давно уже начали истощаться съѣстные припасы. Это отняло у нихъ все мужество и лишило ихъ всякой надежды. Однако, они дѣлали еще все возможное для своего спасенія; храбрѣйшіе заняли стѣнныя бреши, а остальные охраняли уцѣлѣвшія еще части стѣны. Но когда римляне возвысили свои валы и сдѣлали вторую попытку штурма, очень многіе бѣжали изъ города частью чрезъ непроходимыя ущелья, гдѣ не были разставлены караулы, частью по подземнымъ ходамъ. Тѣ же, которые страшась плѣна остались, терзались голодомъ, такъ какъ съѣстные припасы для однихъ только бойцовъ приходилось собирать отовсюду.

8) И въ этомъ столь тяжкомъ положеніи они все-таки оставались твердыми. Веспасіанъ межъ тѣмъ, какъ побочное дѣло, предпринялъ походъ противъ гарнизона на горѣ Итавиріонѣ лежащей посрединѣ между Большой равниной и Скиѳополемъ. Она подымается на высоту 30 стадій и едва досягаема съ сѣверной стороны; на ея вершинѣ разстилается равнина на 26 стадій, вся заключенная укрѣпленіями. Объемистую обводную стѣну Іосифъ построилъ въ 40 дней, въ теченіе которыхъ ему все необходимое, а также вода, доставлялось снизу, такъ какъ наверху нѣтъ иной воды, кромѣ дождевой. Такъ какъ здѣсь сосредоточилась огромная толпа іудеевъ, то Веспасіанъ послалъ противъ нихъ Плацида съ 600 всадниковъ. Подняться на гору ему было невозможно. Въ виду этого онъ манилъ ихъ къ себѣ внизъ обѣщаніемъ мира и прощенія. Они дѣйствительно пришли, но съ тѣмъ, чтобы и ему подставить ловушку. Плацидъ только потому и завязалъ съ ними мирные переговоры, чтобы завладѣть ими въ открытомъ полѣ, а они дѣлали видъ, что предаются добровольно — тоже съ цѣлью неожиданно напасть на него. Побѣдила, однако, хитрость Плацида.

Какъ только іудеи пустили въ дѣло оружіе, онъ для вида обратился въ бѣгство и увлекъ за собою преслѣдующихъ далеко въ поле; здѣсь же онъ обратилъ на нихъ всадниковъ, большую часть уничтожилъ, а остальной массѣ отрѣзалъ путь на гору. Они покинули Итавиріонъ и бѣжали въ Іерусалимъ. Собственно же населеніе горы, страдавшее уже отъ недостатка воды, предало себя вмѣстѣ съ горой въ руки Плацида.

9. Изъ Гамалы между тѣмъ смѣльчаки успѣли тайно бѣжать, а слабые были заморены голодомъ. Боевая же часть жителей выдерживала осаду до 22-го числа мѣсяца Иперберетая [1], когда три солдата пятнадцатаго легіона передъ началомъ разсвѣта подкрались въ самую высшую башню, стоявшую насупротивъ ихъ лагеря, и тихо подкопали ее, между тѣмъ какъ находившаяся на ней стража не замѣтила ни ихъ приближенія (такъ какъ это случилось ночью), ни ихъ присутствія внутри башни. Солдаты безшумно сдвинули съ мѣста пять громаднѣйшихъ камней и быстро отскочили прочь, послѣ чего башня съ грохотомъ рухнула; вмѣстѣ съ нею свалились и стражи. Находившіеся на другихъ постахъ караулы бѣжали въ смятеніи. Многихъ, которые пытались пробиваться, уничтожили римляне; въ ихъ числѣ палъ отъ выстрѣла Іосифъ (§ 4) въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ проскочить чрезъ брешь въ стѣнѣ. Среди жителей города, переполошенныхъ гуломъ, произошли смятеніе и паника, какъ будто все вражеское войско уже вторгнулось. Харесъ (§ 4), лежавшій какъ разъ больнымъ, тогда же испустилъ духъ: страхъ въ значительной долѣ способствовалъ смертельному исходу его болѣзни. Римляне, впрочемъ, проученные своимъ прежнимъ пораженіемъ, вступили въ городъ только 23-го названнаго мѣсяца.

10. Возвратившійся въ это время Титъ, раздраженный ударомъ, понесеннымъ римлянами въ его отсутствіи, во главѣ 200 отборныхъ всадниковъ и части пѣхоты, соблюдая полнѣйшую тишину, вступилъ въ городъ. Караульщики, впрочемъ, замѣтили его приближеніе и съ крикомъ бросились къ оружію; вскорѣ его вторженіе сдѣлалось извѣстнымъ внутри города; одни тогда схватили своихъ дѣтей и потащили ихъ вмѣстѣ съ женами съ воплемъ и воемъ въ крѣпость; другіе стали противъ Тита, но одинъ за другимъ падали предъ нимъ. Тѣ, которымъ не удалось спастись на высоту крѣпости, очутились, въ своемъ безвыходномъ положеніи, лицомъ къ лицу съ римлянами. Со всѣхъ сторонъ раздавались стоны убиваемыхъ; кровь лилась ручьями по спускамъ города. Противъ бѣжав-

[1] Тишри—Октябрь.

шихъ въ крѣпость Веспасіанъ между тѣмъ повелъ все войско. Вершина, обрамленная кругомъ скалами и едва доступная, подымавшаяся на ужасную высоту и окруженная пропастями, кишѣла людьми. Іудеи оттуда убивали тѣхъ, которые хотѣли взлѣзать на верхъ, другихъ они поражали стрѣлами и камнями, между тѣмъ какъ ихъ самихъ, вслѣдствіе высокой позиціи, занятой ими, стрѣлы не достигали. Но вдругъ, какъ бы по Божественному велѣнію, на ихъ гибель поднялся противный имъ вѣтеръ, подымавшій противъ нихъ стрѣлы римлянъ и уклонявшій отъ цѣли ихъ собственныя стрѣлы, давая послѣднимъ косое направленіе. Гонимые этой бурей, они не могли устоять на лишенномъ всякой опоры краю обрыва и не могли также услѣдить за взбиравшимися вверхъ врагами. Такимъ образомъ римляне взлѣзли и окружили ихъ прежде, чѣмъ они успѣли оказать сопротивленіе или просить о пощадѣ. Воспоминаніе о павшихъ при первомъ штурмѣ усилило ярость римлянъ противъ всѣхъ. Многіе въ отчаяніи, обнявъ своихъ женъ и дѣтей, бросались съ ними въ бездонную пропасть, зіявшую подъ крѣпостью. Ожесточеніе римлянъ далеко еще уступало изувѣрству плѣнниковъ противъ самихъ себя: римляне уничтожили 4000, между тѣмъ какъ въ лощинѣ найдено свыше 5000, которые сами бросились туда. Никто не остался въ живыхъ, кромѣ двухъ женщинъ. Это были дочери сестры Филиппа, сына превосходнаго военачальника царя Агриппы, по имени Іакима (II, 17, 4, 20, 1). Онѣ спаслись тѣмъ, что скрылись отъ ярости римлянъ, ибо послѣдніе не щадили даже грудныхъ дѣтей: многихъ такихъ младенцевъ они хватали и швыряли съ высоты крѣпости внизъ. Такъ пала Гамала въ 23-й день мѣсяца Иперберетая [1]; начало ея возстанія совпало съ 24-мъ днемъ мѣсяца Горпіая [2].

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сдача Гисхалы послѣ бѣгства Іоанна въ Іерусалимъ.

1. Одинъ только городокъ въ Галилеѣ остался непокореннымъ — это была Гисхала (II, 21, 1). Населеніе ея, хотя было мирно настроено, такъ какъ оно большею частью состояло изъ земледѣльцевъ, всѣ помыслы которыхъ сосредоточивались постоянно на урожаѣ,—но къ его несчастью, въ средѣ жителей свила себѣ гнѣздо не незначительная шайка разбой-

[1] Тишри (октябрь).
[2] Элулъ (сентябрь).

никовъ и эта шайка заразила своимъ образомъ мыслей также и часть гражданъ. Человѣкъ, который подстрекалъ ихъ къ отпаденію и сплачивалъ въ одну силу, былъ Іоаннъ, сынъ нѣкоего Леви — обманщикъ, человѣкъ чрезвычайно коварнаго нрава, носившійся всегда съ обширными планами и умѣвшій ловко ихъ осуществлять; ко всему этому онъ былъ склоненъ къ войнѣ, такъ какъ онъ на этомъ пути, какъ извѣстно было, надѣялся достигнуть власти. Подъ его командой стояли бунтовщики въ Гисхалѣ, присутствіе которыхъ было случайной причиной того, что граждане, которые готовы были вступать въ переговоры относительно сдачи города, теперь въ боевой готовности ожидали прибытія римлянъ. Веспасіанъ послалъ противъ нихъ Тита съ 1000 всадниковъ. Десятый легіонъ онъ перевелъ въ Скиѳополь, а съ остальными двумя легіонами онъ самъ возвратился въ Кесарею для того, чтобы доставить имъ отдыхъ послѣ тягостей походовъ и, пользуясь обильными запасами этого города, подкрѣпить своихъ солдатъ тѣлесно и духовно для предстоявшихъ имъ еще битвъ. Ибо онъ хорошо сознавалъ, что еще не мало трудовъ ждетъ его подъ Іерусалимомъ—этой царской резиденціей, главнымъ городомъ всей націи и сборнымъ центромъ для всѣхъ бѣжавшихъ изъ предыдущихъ сраженій. Мощный своей природой и укрѣпленный еще искусственными сооруженіями, Іерусалимъ внушалъ ему не мало заботъ. Независимо отъ укрѣпленій города, онъ считалъ и его обитателей, по ихъ непреклонной твердости и храбрости, труднопобѣдимыми. Въ виду этого онъ приготовлялъ своихъ солдатъ, какъ атлетовъ, къ бою.

2. Титу послѣ прибытія его съ коннымъ отрядомъ въ Гисхалу было бы легче всего взять ее внезапнымъ нападеніемъ. Но зная, что при взятіи города съ боя, солдаты уничтожаютъ всю массу народа; будучи самъ насыщенъ уже рѣзней и жалѣя населеніе, которое все поголовно, невинные вмѣстѣ съ виновными, было бы истреблено, онъ предпочелъ склонить городъ къ добровольной сдачѣ. Такъ какъ стѣна вся была покрыта людьми, принадлежавшими большей частью къ отчаяной толпѣ мятежниковъ, то онъ обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «Онъ удивляется, что имъ придаетъ духа однимъ поднять оружіе противъ римлянъ послѣ того, какъ пала вся Галилея; они же видѣли, что города болѣе сильные были разрушены однимъ ударомъ, между тѣмъ какъ всѣ тѣ города, которые отдавали себя на милость римлянъ, наслаждаются теперь своимъ покоемъ и безопасностью. Это онъ и имъ предлагаетъ теперь и да будетъ прощена и предана забвенію ихъ самонадѣянность. Простительна еще ихъ надежда

на свободу, но не настойчивое стремленіе къ несбыточному. Если они не примутъ его дружескаго совѣта и милостиваго предложенія, тогда они узнаютъ, какъ безпощадно римское оружіе и увидятъ сейчасъ, что покореніе такихъ стѣнъ для римскихъ осадныхъ машинъ составляетъ только дѣтскую игру. Если же они опираются на эти стѣны, то доказываютъ этимъ только то, что они одни изъ всѣхъ галилеянъ при своей безпомощности наказаны еще самоувѣренностью».

3. Жители не только не имѣли возможности дать на это какой-либо отвѣтъ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ даже взойти на стѣну, ибо послѣдняя была вся занята разбойниками, а у воротъ стояли стражи для того, чтобы никто не вышелъ для переговоровъ или не принялъ въ городъ всадниковъ. Одинъ Іоаннъ отвѣтилъ: «Онъ лично согласенъ на это предложеніе и добрыми ли словами или силой заставитъ также и другихъ принять его. Но этотъ день (это было какъ разъ въ субботу) онъ, по закону іудеевъ, долженъ праздновать и веденіе мирныхъ переговоровъ ему возбранено все равно, какъ веденіе войны. Римлянамъ также хорошо извѣстно, что въ каждый седьмой день недѣли іудеи не имѣютъ права заниматься никакими дѣлами. Заставить переступить такой запретъ было бы такимъ же тяжелымъ грѣхомъ, какъ дать себя принудить къ этому. Но эта отсрочка не можетъ Титу принести никакого вреда, ибо что можно предпринять въ теченіи одной ночи, кромѣ развѣ бѣгства, а этому Титъ можетъ воспрепятствовать, установивъ охрану надъ городомъ. Для нихъ чрезвычайно важно не нарушать ни одного установленія изъ отеческихъ законовъ; ему же, дарующему имъ, сверхъ ожиданія, миръ, подобаетъ также уважать законы тѣхъ, которыхъ онъ хочетъ спасти». Такъ онъ говорилъ только съ цѣлью обмануть Тита; ему не такъ была дорога суббота, какъ его собственное спасеніе. Онъ боялся именно, что послѣ взятія города его всѣ покинутъ, между тѣмъ какъ ночью онъ могъ надѣяться спастись бѣгствомъ. По Промыслу Божію, рѣшившему сохранить Іоанна на гибель Іерусалима, Титъ не только удовлетворилъ его коварную просьбу объ отсрочкѣ, но и отодвинулъ свой лагерь далеко отъ города, болѣе къ Кидессѣ. Это—укрѣпленный городокъ на тирской границѣ, находившійся въ постоянной враждѣ и непріязни съ галилеянами. Онъ былъ густо населенъ и имѣлъ укрѣпленія, на которыя могъ опираться въ своихъ распряхъ съ туземцами.

4. Ночью, когда римскіе караулы снялись съ своихъ постовъ и удалились, Іоаннъ, улучивъ удобный моментъ, поднялся не только съ преданными ему вооруженными воинами, но и съ цѣлой толпой

неспособныхъ къ бою людей и ихъ семействами и вмѣстѣ съ ними бѣжалъ по направленію къ Іерусалиму. Только 20 стадій могъ онъ, трепеща самъ за свою жизнь и свободу, таскать за собою толпу женщинъ и дѣтей; въ дальнѣйшемъ же своемъ торопливомъ бѣгствѣ онъ ихъ покинулъ. Ужасенъ былъ вопль брошенныхъ на произволъ судьбы: чѣмъ больше они удалялись отъ своихъ близкихъ и родныхъ, тѣмъ ближе казался имъ врагъ. Они уже начали представлять себѣ чуть-ли не за спиною тѣхъ, которые возьмутъ ихъ въ плѣнъ, и въ паническомъ страхѣ оглядывались назадъ при каждомъ шумѣ, произведенномъ ихъ собственнымъ бѣгствомъ, какъ будто непріятель ихъ уже настигъ. Многіе сбились съ пути и завязли въ непроходимыхъ мѣстностяхъ, а многіе, спѣша обогнать другъ друга, были растоптаны на дорогѣ. Женщины и дѣти погибли самымъ жалкимъ образомъ. Иныя имѣли еще на столько силъ, чтобы звать къ себѣ своихъ мужей и родственниковъ и трогательно умоляли ихъ подождать ихъ. Но еще неумолимѣе звучалъ приказъ Іоанна, чтобъ они спасали самихъ себя и бѣжали бы туда, откуда они будутъ въ состояніи мстить римлянамъ и за покинутыхъ, если послѣдніе будутъ ими похищены. Такимъ образомъ разсѣялась толпа бѣглецовъ, смотря по той прыткости и ловкости, какою каждый изъ нихъ обладалъ.

5. На слѣдующій день подъ стѣнами Гисхалы появился Титъ для окончанія переговоровъ. Жители открыли ворота, вышли ему на встрѣчу со своими семействами и привѣтствовали его какъ благодѣтеля и освободителя города отъ его притѣснителей. Тутъ же они доложили ему о бѣгствѣ Іоанна и просили его ихъ самихъ пощадить, а по вступленіи въ городъ наказать оставшихся еще въ немъ сторонниковъ мятежа. Не соглашаясь сейчасъ на просьбы народа, Титъ немедленно отрядилъ отдѣленіе всадниковъ для преслѣдованія Іоанна. Его самого они не догнали, такъ какъ онъ уже достигъ Іерусалима, но изъ людей, бѣжавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, они убили около 6000, а около 3000 женщинъ и дѣтей они оцѣпили и погнали назадъ. Титъ хотя былъ раздраженъ тѣмъ, что сейчасъ же не могъ наказать Іоанна за его обманъ, но за эту неудавшуюся месть онъ нашелъ достаточное удовлетвореніе въ массѣ плѣнныхъ и убитыхъ и съ громкимъ ликованіемъ вступилъ въ городъ. Солдатамъ онъ приказалъ по военному обычаю разрушить часть стѣны. Нарушителей покоя въ городѣ онъ старался обезвредить больше угрозами, чѣмъ наказаніями, ибо онъ опасался, что, при выдѣленіи виновныхъ изъ массы населенія, многіе изъ личной ненависти и вражды могутъ выдавать и невинныхъ; а потому

онъ счелъ за лучшее держать виновныхъ въ постоянномъ страхѣ, чѣмъ вмѣстѣ съ ними погубить хотя бы одного невиннаго. Первые, надѣялся онъ, изъ страха предъ наказаніемъ и изъ благодарности за помилованіе, быть можетъ, сами постараются загладить свою вину, между тѣмъ какъ казнь невинныхъ ничѣмъ нельзя будетъ поправить. Для того, однако, чтобы обезпечить за собою городъ, онъ оставилъ здѣсь гарнизонъ, посредствомъ котораго надѣялся отрезвить безпокойныя головы и ободрить приверженцевъ мира. Этимъ закончено было подчиненіе всей Галилеи, стоившее римлянамъ много пота.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

О Іоаннѣ изъ Гисхалы, зелотахъ, первосвященникѣ Ананѣ и объ ихъ взаимныхъ распряхъ.

1. При вступленіи Іоанна въ Іерусалимъ весь народъ устремился на встрѣчу, и вокругъ каждаго сопровождавшаго его бѣглеца собрались большія толпы, которыя освѣдомлялись о несчастныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ провинціи. Уже одно ихъ хриплое и отрывистое дыханіе обнаруживало ихъ жалкое положеніе. При всемъ этомъ у нихъ еще хватало духа хвастать и утверждать, что они не бѣжали отъ римлянъ, а пришли только для того, чтобы бороться противъ нихъ съ болѣе сильной позиціи; да и было бы неразумно и безцѣльно рисковать жизнью за Гисхалу и подобные ничтожные городки, вмѣсто того, чтобы сберегать силы и оружіе для столицы. Далѣе они разсказали о взятіи Гисхалы, при чемъ для многихъ стало ясно, что ихъ разукрашенное, такъ называемое отступленіе было не что иное, какъ бѣгство. Когда же, наконецъ, сдѣлалась извѣстной участь плѣнныхъ, весь народъ пріунылъ, ибо онъ видѣлъ въ этомъ предзнаменованіе своей собственной гибели. Іоаннъ, однако, не далъ чрезъ-чуръ обезкуражить себя судьбой брошенныхъ имъ въ пути; обращаясь ко всякому отдѣльно онъ старался возбуждать въ нихъ надежды и ободрять ихъ къ войнѣ, превознося ихъ силы и средства и низводя на степень ничтожества силы римлянъ. Издѣваясь надъ простотой и невѣдѣніемъ людей, онъ говорилъ: «римляне, которые уже подъ деревнями Галилеи такъ много потерпѣли и разбивали свои военныя машины, никогда не будутъ въ состояніи перешагнуть чрезъ стѣны Іерусалима, если даже они вооружатся крыльями».

2. Такими рѣчами онъ вскружилъ головы значительной части молодежи и вдохновилъ ее на войну; но люди разсудительные и болѣе солид-

наго возраста всѣ безъ исключенія предвидѣли грядущее и оплакивали городъ, какъ будто онъ уже палъ. Такимъ образомъ среди жителей возникъ расколъ. Но еще раньше, чѣмъ вспыхнуло междуусобіе въ Іерусалимѣ, было уже раздвоено населеніе провинціи. Произошло это—когда послѣ прибытія Тита изъ Гисхалы въ Кесарею Веспасіанъ выступилъ оттуда противъ Іамніи (1, 2, 2) и Азота (1, 7, 7), покорилъ ихъ обоихъ, оставилъ тамъ гарнизоны и съ большой толпой сдавшихся ему жителей возвратился назадъ. Тогда въ каждомъ городѣ начались волненія и междоусобицы. Едва только эти люди вздохнули свободно отъ ига римлянъ, какъ они уже подымали оружіе другъ противъ друга. Жаждавшіе войны вели ожесточенную борьбу съ друзьями мира. Въ первое время борьба возгаралась между семействами еще раньше жившими не въ ладу между собою; но вскорѣ распадались и дружественныя между собою фамиліи; каждый присоединялся къ своимъ единомышленникамъ и въ короткое время они огромными партіями стояли другъ противъ друга. Междоусобицы такимъ образомъ вездѣ были въ полномъ разгарѣ. Но партія, приверженная къ возстанію и войнѣ, состоя изъ молодыхъ и смѣлыхъ людей, одерживала верхъ надъ старшими и разсудительными. Вначалѣ только единичныя личности изъ мѣстныхъ жителей принимались за разбойничье дѣло, но мало по малу они собирались въ шайки и грабили деревенскихъ жителей, нисколько не уступая въ жестокости и противозаконіяхъ врагамъ-римлянамъ, такъ что пострадавшимъ отъ нихъ римское ярмо казалось уже болѣе сноснымъ.

3. Гарнизоны, расположенные въ городахъ, частью изъ злобы за перенесенныя ими невзгоды, частью изъ ненависти къ іудеямъ, не оказывали преслѣдуемымъ никакой поддержки или ограничивались самой незначительной помощью. Такимъ образомъ начальники разсѣянныхъ повсюду разбойниковъ, насытившись грабежами въ провинціи и сплотившись въ одну разрушительную шайку, незамѣтно вторгались въ Іерусалимъ, лишенный тогда верховнаго объединяющаго руководителя и принимавшій по древнему обычаю всѣхъ единоплеменниковъ безъ всякихъ мѣръ предосторожности, тѣмъ болѣе, что всякій смотрѣлъ на этихъ пришельцевъ, какъ на людей приходящихъ съ добрымъ намѣреніемъ оказывать помощь. Но и независимо отъ мятежа они впослѣдствіи еще больше усугубляли бѣдственное положеніе города; ибо, благодаря нахлынувшей безполезной и праздной массѣ, съѣстные припасы, которыхъ быть можетъ хватило бы для

воиновъ, были скоро съѣдены, а это прибавило къ войнѣ еще голодъ и междуусобіе.

4. Другія разбойничьи шайки, прибывшія въ городъ, соединялись съ худшими элементами, находившимися уже въ немъ, и сообща совершали самыя гнусныя насилія. Испробовавъ свои силы на кражахъ и грабежахъ, они скоро перешли къ убійствамъ; убивали же они не ночью или тайно и не простыхъ людей, а открыто среди бѣлаго дня и начали съ высокопоставленныхъ. Перваго они схватили въ плѣнъ и заключили въ тюрьму Антипа—человѣка царскаго происхожденія, одного изъ могущественнѣйшихъ въ городѣ, которому даже довѣрялась государственная казна; за нимъ Леви, также знатнаго мужа, и Софу, сына Рагуела—оба они также были царской крови; а затѣмъ — всѣхъ вообще, пользовавшихся высокимъ положеніемъ въ странѣ. Страшная паника охватила весь народъ, и, точно городъ былъ уже завоеванъ непріятелемъ, каждый думалъ только о собственной безопасности.

5. Одно только плѣненіе названныхъ людей было для нихъ недостаточно. Съ другой стороны, они считали не безопаснымъ долгое содержаніе въ заключеніи столь важныхъ людей, такъ какъ далеко развѣтвлявшіяся семейства послѣднихъ были бы конечно въ состояніи освободить ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они боялись, что исполненный негодованія народъ можетъ возстать противъ ихъ беззаконій. Въ виду этого они порѣшили извести ихъ совсѣмъ и предназначили для этой цѣли самаго услужливаго изъ своей среды палача, нѣкоего Іоанна, называвшагося на отечественномъ языкѣ «сыномъ газели» [1]. Послѣдній отправился въ тюрьму съ десятью вооруженными, которые помогли ему умертвить плѣнныхъ. Для оправданія этого ужаснаго преступленія они выдумали неудачный поводъ, будто «заключенные вели переговоры съ римлянами относительно передачи города, а они, убійцы, устранили только измѣнниковъ народной свободы. Итакъ, они еще выхваляли свое злодѣйство, точно они этимъ облагодѣтельствовали и спасли городъ.

6. Приниженность и робость народа рядомъ съ неистовствомъ названной партіи усугублялись до того, что послѣдняя присвоила даже себѣ право избранія первосвященниковъ. Она отвергла привилегіи тѣхъ фамилій, изъ которыхъ по преемственности назначались первосвященники, и выбирала простыхъ людей низкаго званія для того, чтобы въ нихъ имѣть

[1] По еврейски—Іохананъ-бенъ-Цеви.

сообщниковъ своихъ насилій; ибо люди, достигшіе высшаго достоинства безъ всякихъ заслугъ, должны были служить послушнымъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, которымъ они обязаны были своимъ положеніемъ. Тѣхъ же, которые еще могли препятствовать имъ, они путемъ разныхъ интригъ и наушничаній возстановили другъ противъ друга и затѣмъ воспользовались ихъ взаимными распрями для своихъ цѣлей. Такъ, наконецъ, они, пресыщенные преступленіями противъ людей, обратили свою наглость и противъ Бога и съ оскверненными ногами вторглись въ Святая-Святыхъ.

7. Но тогда противъ нихъ поднялся народъ, подстрекаемый на то старѣйшимъ изъ первосвященниковъ, Ананомъ (II, 20, 3)—въ высшей степени умнымъ человѣкомъ, который, если бы избѣжалъ рукъ палачей, быть можетъ и спасъ бы городъ [1]. Разбойники же превратили тогда храмъ Божій въ укрѣпленіе противъ грозныхъ волненій народа; святыня служила имъ исходнымъ пунктомъ для тираніи. Къ своимъ злодѣйствамъ они присовокупили еще издѣвательство, дѣйствовавшее еще чувствительнѣе, чѣмъ первыя. Они хотѣли именно испытать, какъ далеко простирается страхъ народа предъ ними, и испробовать вмѣстѣ съ тѣмъ свои собственныя силы—и вотъ они осмѣлились избрать первосвященниковъ по жребію въ то время, какъ санъ этотъ, какъ мы уже замѣтили, переходитъ по наслѣдству [2]. Для

[1] Ананъ сынъ Анана, возведенный въ первосвященники Агриппой II въ промежутокъ времени между смертью прокурора Феста и прибытіемъ Альбина, но занимавшій свой постъ только короткое время, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которымъ при организаціи возстанія ввѣрена была охрана Іерусалима. Онъ, однако, склонялся болѣе на сторону миролюбивыхъ и открыто выступалъ противъ зелотовъ, когда послѣдніе, стекавшись въ столицу, всѣми силами старались укрѣпить въ ней свою власть и увлечь за собою весь народъ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ Іосифъ Флавій говоритъ объ Ананѣ (І. Д. XX, 9, 1; „Жизнь", 32), онъ его рисуетъ въ неособенно выгодномъ свѣтѣ, и если онъ здѣсь о немъ отзывается сочувственно, то это надо приписать его озлобленію противъ зелотовъ, въ которыхъ онъ видѣлъ настоящихъ виновниковъ постигшей іудеевъ катастрофы и которыхъ онъ въ своемъ пристрастіи и своей ненависти къ нимъ вездѣ клеймитъ именемъ разбойниковъ.

[2] Это заявленіе можетъ быть отнесено ко всѣмъ предыдущимъ временамъ исторической жизни евреевъ, только не къ послѣднему столѣтію существованія второго храма; ибо еще со временъ Ирода I, съ перваго дня восшествія его на престолъ, первосвященническій санъ пересталъ быть наслѣдственнымъ. Отъ Ирода до момента, описываемаго въ настоящей главѣ, прошло 105 лѣтъ, въ теченіе которыхъ по свидѣтельству Іосифа смѣнились 27 первосвященниковъ—всѣ они назначались не по наслѣдству, а по произволу царей изъ дома Ирода или прокураторовъ. Существовали, впрочемъ, пять привилегированныхъ семействъ, изъ которыхъ преимущественно назначались первосвященники—это были: Боэѳосъ, Канѳаръ или Каѳаръ, Фаби, Камиѳъ и Ананъ. Но члены этихъ семействъ, независимо отъ того, что почти всегда служили слѣпымъ оружіемъ въ рукахъ идумейскаго или римскаго правительства, своимъ поведеніемъ и образомъ жизни часто позорили тотъ высокій идеалъ нравственности, который они были призваны осуществлять. Каждый новый первосвященникъ окружалъ себя кликой негодяевъ, которые во время жатвы рыскали по полямъ и съ жгутами въ рукахъ насильно выжимали съ народа десятинный сборъ въ пользу своего патрона. Устраненный первосвященникъ нерѣдко вступалъ въ ожесточенную борьбу съ его счастливымъ замѣстителемъ—тогда улицы Іерусалима оглашались пошлой руганью и бранными кликами двухъ враждовавшихъ лагерей, метавшихъ другъ въ друга камни и стрѣлы (І. Д. XX, 8, 8. 9, 4. 10, 11). Такъ пользовались своими привилегіями первосвященники, злоупотребленія и жестокости которыхъ нерѣдко вызывали крики негодованія въ народѣ; въ талмудической литературѣ часто встрѣчаются горькія жалобы на хищничество, свирѣпость и жадность этихъ первосвященниковъ, принадлежавшихъ къ партіи саддукеевъ. (См. Талмудъ, тр. Песахимъ 57а; Тосефта, Ір. Менахахъ 13, 18—21 и тр. Зебахимъ 11, 16—18.). Для зелотовъ же, проповѣдывавшихъ царство Божіе и равноправность, упраздненіе подобныхъ привилегій являлось только дѣломъ, непосредственно вытекающимъ изъ основного принципа ихъ ученія.

оправданія своего дерзкаго нововведенія они ссылались на какой-то древній обычай и увѣряли, что и въ былые дни первосвященническое достоинство давалось по жребію. Въ сущности же это было уничтоженіе безспорнаго закона—средство къ возвышенію ихъ власти, къ насильственному захвату высшаго достоинства, къ чему они собственно и стремились.

8. Такимъ образомъ они созвали одно изъ священническихъ отдѣленій, называемое Эліахимомъ [1], и выбрали первосвященника по жребію. Случайно жребій выпалъ на человѣка, личность котораго ярко освѣтила все безуміе ихъ затѣи, на нѣкоего Фаннію [2], сына Самуила изъ деревни Афты. Онъ не только не былъ достоинъ носить званіе первосвященника, но былъ на столько неразвитъ, что не имѣлъ даже представленія о значеніи первосвященства. Противъ его воли они потащили его изъ деревни, нарядили его, точно на сценѣ, въ чужую маску, одѣли его въ священное

[1] Т. е. священническое отдѣленіе Іахинъ; см. Паралипом. I, 24, 17.

[2]. По І. Д.—Финесъ, по Талмуду—Пинхасъ; одни называютъ его землепашцемъ, другіе—каменьщикомъ. Пинхасъ сынъ Самуила былъ послѣднимъ первосвященникомъ и 83-мъ по числу, начиная отъ Аарона. Онъ замѣстилъ Матѳію сына Теофила, въ послѣдній разъ назначеннаго Агриппой II.

облаченіе и наскоро посвящали его въ то, что ему надлежитъ дѣлать. Для нихъ это гнусное дѣло было только шуткой и насмѣшкой, другіе же священники обливались слезами при видѣ того, какъ осмѣивается законъ, и стонали надъ профанаціей священныхъ должностей.

9. Такую дерзость народъ не могъ уже снести,—все поднялось для сверженія тираніи. Вліятельнѣйшіе мужи, Горіонъ, сынъ Іосифа, и Симеонъ, сынъ Гамаліеля, разжигали народъ въ собраніяхъ и въ рѣчахъ, обращенныхъ къ отдѣльнымъ личностямъ, и побуждали ихъ наказать, наконецъ, губителей свободы и очистить святилище отъ кровопійцъ. И самые уважаемые изъ первосвященниковъ, Іошуа сынъ Гамалы и Ананъ сынъ Анана, открыто въ собраніяхъ упрекали народъ въ бездѣятельности и подстрекали его противъ зелотовъ (ревнителей). Такъ именно они себя назвали, точно они ревностно преслѣдовали хорошія цѣли, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности они все свое рвеніе прилагали къ дурнымъ дѣламъ и въ этомъ отношеніи превосходили самихъ себя.

10. Когда народъ собрался толпой и все было полно негодованія противъ занятія храма, грабежей и убійствъ (хотя никто еще не рѣшался сдѣлать шагъ къ мщенію, такъ какъ зелоты, по справедливости, считались трудно побѣдимыми), среди собранія поднялся Ананъ, который, нѣсколько разъ возведя къ храму влажные отъ слезъ глаза, сказалъ: «Лучше бы мнѣ умереть, чѣмъ видѣть домъ Божій полнымъ столькихъ преступленій, а высокочтимыя святыя мѣста оскверненными ногами убійцъ. Но, одѣтый въ первосвященническое облаченіе и неся благоговѣйнѣйшее изъ священныхъ именъ [1], я охотно живу и не жалѣю о томъ, что меня еще не постигла славная смерть, достойная моего преклоннаго возраста. Т. е. я радъ, что я, несмотря на свой преклонный возрастъ, еще живъ, потому что надѣюсь, что мнѣ удастся совершить доброе дѣло и спасти васъ и священный городъ. Конечно, если я останусь одинъ, какъ въ пустынѣ, тогда я готовъ одинъ жертвовать Богу свою душу. Ибо на что мнѣ жизнь среди такого народа, который не сознаетъ своихъ ранъ, который потерялъ способность чувствовать свое горе въ то время, когда его уже можно осязать руками. Васъ грабятъ, а вы остаетесь равнодушными, васъ бьютъ и вы молчите, надъ убитыми даже никто не смѣетъ громко стонать. Какая жестокая тиранія! Но зачѣмъ я порицаю тирановъ? Развѣ они не вскормлены вами же и вашимъ долготерпѣніемъ? Не вы-ли сами своимъ молчаніемъ давали первоначальнымъ немногочисленнымъ сборищамъ разростаться въ цѣлыя орды? Не вы ли своей безпечностью позволяли имъ вооружаться, обративъ свое оружіе противъ самихъ себя, вмѣсто того, чтобы отбить первыя ихъ нападенія и дать имъ отпоръ еще тогда, когда они глумились надъ своими ближними? Вы сами вашимъ равнодушіемъ поощряли этихъ злодѣевъ на разбои. Когда они опустошали дома, никто изъ васъ словомъ не обмолвился, и не удивительно, поэтому, что они также убивали ихъ владѣльцевъ! Когда послѣднихъ волочили по всему городу, никто не приходилъ имъ на помощь! Когда мучили цѣпями выданныхъ вами людей—не хочу сказать сколько и какихъ—но никѣмъ необвиненныхъ и безъ суда, никто не заступался за обремененныхъ оковами. Послѣдствіемъ всего этого было то, что мы въ концѣ концевъ увидѣли ихъ казненными. Мы видѣли своими глазами, какъ точно изъ стада неразумныхъ животныхъ, каждый разъ похищается лучшая жертва. Никто не подымалъ даже голоса, не говорю уже о томъ, чтобы кто-нибудь шевельнулъ рукой. Но теперь вы опять будете терпѣть? Вы будете терпѣть, когда топчутъ ногами святилище? Если вы сами шагъ за шагомъ протоптали этимъ злодѣямъ дорогу къ преступленію, то неужели вы еще и теперь не тяготитесь ихъ властью надъ собою? Вѣдь они теперь пойдутъ еще дальше, если только найдутъ для опустошенія что нибудь болѣе великое, чѣмъ храмъ. Въ ихъ рукахъ находится уже самое укрѣпленное мѣсто города—развѣ иначе можно теперь назвать храмъ?—съ которымъ они обращаются какъ съ какой нибудь крѣпостью или гарнизоннымъ пунктомъ. Если изъ за этой крѣпости угрожаетъ вамъ такая жестокая тиранія, если вы видите вашихъ враговъ надъ вашими головами, то о чемъ вы еще думаете, чѣмъ вы можете себя успокоить? Вы ждете римлянъ, чтобы они пришли на помощь вашимъ святынямъ? Такое ли положеніе города и такъ ли мы уже безпомощны, чтобъ враги должны были сжалиться надъ нами? А сами вы, несчастные, не возстанете? Не отразите направленныхъ противъ васъ ударовъ? Не сдѣлаете даже того, что животныя дѣлаютъ, и не будете мстить тѣмъ, которые васъ бьютъ? Не хотите вы воскресить въ памяти каждое отдѣльно совершенное злодѣяніе, чтобы подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ мукъ воодушевиться на месть? Убито такимъ образомъ въ васъ самое благородное и естественнѣйшее чувство—любовь къ свободѣ. И мы, значитъ, превратились въ рабскія натуры и лакейскія души, точно мы рабство получили въ на-

[1] Первосвященники носили на челѣ дощечку изъ чистаго золота, на которой было вырѣзано имя Іеговы.

слѣдіе отъ нашихъ предковъ. Но нѣтъ, они за свою самостоятельность вели многія и великія войны, они не отступали ни предъ мощью Египта, ни предъ мидянами, лишь бы только не подчиняться чужой волѣ! Однако, зачѣмъ я вывожу вашихъ предковъ? Вотъ настоящая война противъ римлянъ, цѣлесообразность и полезность которой я теперь не хочу разбирать, чѣмъ она вызвана—развѣ не желаніемъ свободы? Если же мы не хотимъ покориться владѣтелямъ міра, то должны ли мы терпѣть надъ собою тирановъ изъ нашей же среды? Подчиненность чужеземцамъ можетъ быть еще объяснена единичнымъ неблагопріятнымъ случаемъ; но если гнутъ спину предъ худшими изъ своихъ согражданъ, такъ это трусость и самоотреченіе. Такъ какъ я упомянулъ здѣсь о римлянахъ, то я не хочу скрыть отъ васъ, какая мысль мнѣ пришла при этомъ въ голову: мнѣ кажется, что если бы мы были покорены римлянами, отъ чего храни насъ Богъ, намъ не пришлось бы терпѣть отъ нихъ больше, чѣмъ отъ тѣхъ. Развѣ можно удержаться отъ слезъ при видѣ того, какъ въ храмѣ, гдѣ можно даже видѣть приношенія отъ самихъ римлянъ, соотечественники прячутъ добычу, доставшуюся имъ отъ истребленной ими столичной знати и умерщвленія такихъ людей, которые, если бы побѣдили сами, то пощадили бы ихъ! Сами римляне никогда не переступали чрезъ порогъ даже неосвященныхъ мѣстъ, не нарушали ни одного изъ нашихъ священныхъ обычаевъ, со священнымъ страхомъ они только издали смотрѣли на ограду храма; а люди, выросшіе въ нашей странѣ, воспитанные на нашихъ законахъ и носящіе имя іудеевъ, рыщутъ среди Святая-Святыхъ въ то время, когда ихъ руки дымятся еще кровью ихъ соотечественниковъ! Должны ли мы бояться войны съ внѣшними врагами, когда они въ сравненіи съ нашими единоплеменниками болѣе человѣчны? Если называть вещи ихъ настоящими именами, тогда мы найдемъ, что блюстителями нашихъ законовъ были именно римляне, между тѣмъ какъ ихъ враги находятся среди насъ. Что эти измѣнники свободы должны быть уничтожены и что никакая кара, какую только возможно придумать, не можетъ служить достаточнымъ возмездіемъ за ихъ гнусныя дѣла — это убѣжденіе, я надѣюсь, вы всѣ принесли уже съ собой и еще до моей рѣчи вы достаточно были ожесточены противъ нихъ тѣми страданіями, которыя вы перенесли. Только иные изъ васъ, быть можетъ, страшатся ихъ многочисленности, смѣлости и ихъ выгодныхъ позицій. Но такъ какъ во всемъ виновато ваше бездѣйствіе, то дальнѣйшей вашей медлительностью все это еще больше ухудшится; ибо съ каждымъ днемъ ихъ рать увеличивается новыми приливами,

каждый день къ нимъ прибываютъ все новые единомышленники. Ихъ смѣлость поощряется именно тѣмъ, что они до сихъ поръ не наталкивались ни на какое препятствіе; теперь же, если вы только дадите имъ время, то они своимъ преимущественнымъ положеніемъ противъ насъ воспользуются еще для того, чтобы употребить силу оружія. Но если мы подымемся противъ нихъ, то, вѣрьте мнѣ, нечистая совѣсть ввергнетъ ихъ въ страхъ, сознаніе вины превратитъ въ ничто преимущество ихъ возвышенной позиціи. Быть можетъ также поруганное Божество обратитъ ихъ выстрѣлы противъ нихъ самихъ и поразитъ нечестивцевъ ихъ собственными стрѣлами. Покажемся только имъ—и они погибли! А если даже съ этимъ связана опасность, такъ вы должны почесть за славу умереть предъ священными воротами и отдать жизнь, если не за женъ и дѣтей, то за Бога и Его святилище. Я словомъ и дѣломъ буду предшествовать вамъ. Все, что вы только придумаете для вашей безопасности, будетъ предпринято, и вы увидите, что и я самъ не буду щадить себя».

11. Этими словами Ананъ старался возбудить народъ противъ зелотовъ, хотя онъ самъ не могъ скрыть отъ себя, что послѣдніе по своей многочисленности, юношеской силѣ и твердости, а главнымъ образомъ сознаніемъ достигнутыхъ успѣховъ трудно побѣдимы. Отъ нихъ можно было ожидать самаго отчаяннаго сопротивленія, такъ какъ они не могли надѣяться на прощеніе ихъ преступленій. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшился рискнуть всѣмъ, а не оставить положеніе дѣлъ въ такомъ хаотическомъ видѣ. Народъ также требовалъ, чтобъ онъ ихъ повелъ противъ тѣхъ, на борьбу съ которыми онъ вызывалъ ихъ, и каждый горѣлъ желаніемъ первымъ броситься въ опасность.

12. Между тѣмъ какъ Ананъ избиралъ и выстраивалъ способныхъ къ бою, зелоты узнали о готовящемся на нихъ нападеніи; они имѣли людей, которые передавали имъ обо всемъ происходившемъ въ народѣ. Исполненные ожесточенія, они хлынули изъ храма, то сомкнутыми рядами, то мелкими партіями и безпощадно уничтожали все, что встрѣчалось имъ на пути. Быстро собралъ Ананъ народъ, который хотя превосходилъ зелотовъ въ числѣ, но уступалъ имъ въ вооруженіи и стойкости строя. Однако, жажда боя пополняла пробѣлы въ обоихъ лагеряхъ: находившіеся въ городѣ были исполнены такого ожесточенія, которое было сильнѣе всякаго оружія; скрывавшіеся въ храмѣ обладали такой смѣлостью, которая не страшилась никакихъ превосходныхъ силъ. Первые считали невозможнымъ дальше оста-

вается въ городѣ, если не избавиться отъ разбойниковъ; зелоты же предвидѣли для себя, въ случаѣ своего пораженія, жесточайшія кары. Такимъ образомъ они, полные ярости, бросились другъ на друга, перекидываясь вначалѣ камнями въ городѣ и предъ храмомъ и издали пуская въ ходъ стрѣлы, но какъ только часть обратилась въ бѣгство, побѣдители взялись за мечи. Множество пало мертвыми съ обѣихъ сторонъ и многіе были ранены. Раненные изъ среды народа были унесены домой своими родственниками; раненные же зелоты возвращались въ храмъ и своей кровью смачивали священную землю; можно сказать, что уже одна ихъ кровь была оскверненіемъ для святыни. Разбойники хотя при всякомъ новомъ столкновеніи все больше одерживали верхъ, но и число народныхъ бойцовъ росло вмѣстѣ съ ихъ ожесточеніемъ. Порицая малодушіе отступавшихъ, они отрѣзывали имъ путь къ бѣгству и гнали всю массу впередъ, на враговъ. Послѣдніе не могли больше устоять противъ натиска и шагъ за шагомъ пятились назадъ къ храму; вслѣдъ за ними туда же вторглись и люди Анана. Ужасъ охватилъ зелотовъ, когда они потеряли первую обводную стѣну: они бросились внутрь и поспѣшно заперли за собою ворота. Ананъ не могъ рѣшиться штурмовать священныя ворота, тѣмъ болѣе, что враги метали сверху стрѣлы; кромѣ того, онъ считалъ грѣхомъ, въ случаѣ даже побѣды, ввести въ храмъ народъ безъ предварительнаго очищенія. Въ виду этого онъ избралъ изъ числа всѣхъ по жребію около шести тысячъ хорошо вооруженныхъ и разставилъ ихъ въ видѣ стражи на колоннадахъ; ихъ мѣста замѣщали затѣмъ другіе, такъ что поочереди всѣ должны были исполнять эту службу; однако многія изъ сановныхъ лицъ освобождались руководителями движенія отъ этой обязанности, но за то они должны были вмѣсто себя посылать наемныхъ людей изъ бѣднаго сословія.

13. Виновникомъ всеобщаго несчастья былъ тотъ Іоаннъ, который, какъ мы разсказали (2, 2, 3, 1), бѣжалъ изъ Гисхалы—опасный интриганъ, томимый въ душѣ болѣзненной страстью къ деспотической власти и давно уже питавшій тайные замыслы противъ государства. Въ то время онъ подъ маской преданнаго народу сопровождалъ повсюду Анана, когда послѣдній совѣщался днемъ съ начальниками или провѣрялъ ночью стражу. Всякія тайны онъ передавалъ зелотамъ, такъ что малѣйшее намѣреніе народа, еще прежде чѣмъ оно было достаточно обдумано, чрезъ него уже дѣлалось извѣстнымъ врагамъ. Чтобы не возбуждать никакого подозрѣнія, онъ даже былъ чрезчуръ услужливъ къ Анану и другимъ народнымъ представителямъ; но его заискиваніе имѣло совершенно обратное дѣйствіе тому,

чего онъ хотѣлъ достигнуть: его пошлая лесть навлекла на него еще большія подозрѣнія, а его присутствіе вездѣ, куда его и не приглашали, служило только подтвержденіемъ того, что онъ выдаетъ тайны. Замѣчено было, что враги посвящались всегда во всѣ народныя рѣшенія, и никому нельзя было съ большей вѣроятностью приписать это предательство, какъ именно Іоанну. Устранить же его было не такъ легко, ибо онъ былъ способенъ на самыя мерзкія дѣла, происходилъ вообще не изъ низкаго рода и кромѣ того пользовался покровительствомъ многихъ, принимавшихъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ [1]. Въ виду этого рѣшено было потребовать отъ него присягу въ вѣрности. Іоаннъ безъ колебанія присягнулъ быть всегда вѣрнымъ народу, не выдавать врагамъ никакого рѣшенія или дѣйствія народа, а словомъ и дѣломъ содѣйствовать сокрушенію тѣхъ, которые взялись за оружіе. Ананъ и его окружающіе увѣровали въ его клятву и, отбросивъ всякое подозрѣніе, позволяли ему отнынѣ участвовать въ ихъ совѣщаніяхъ. Мало того, они даже избрали его своимъ посломъ къ зелотамъ для переговоровъ о прекращеніи распри. Ибо они прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы не осквернять храма и не допускать убійства въ немъ никого изъ соотечественниковъ.

14. Іоаннъ же, точно онъ присягнулъ въ вѣрности зелотамъ, а не ихъ противникамъ, пришелъ къ первымъ, сталъ среди нихъ и произнесъ: «Уже не одинъ разъ онъ изъ-за нихъ подвергалъ себя опасностямъ, но не оставлялъ ихъ въ безъизвѣстности на счетъ того, что задумывала противъ нихъ партія Анана; нынѣ же онъ можетъ погибнуть вмѣстѣ съ ними, если самъ Богъ не придетъ имъ на помощь. Ананъ не хочетъ выжидать больше: уговоривъ народъ, онъ отправилъ пословъ къ Веспасіану съ просьбой придти, какъ можно скорѣе, и захватить городъ въ свои руки. На слѣдующій день объявлена жертва очищенія для того, чтобы подъ предлогомъ богослуженія или силой вторгнуться и вступить въ битву съ ними. А потому онъ не думаетъ, чтобъ они долго еще могли выдержать осаду или противостоять столь превосходнымъ силамъ». Къ этому онъ прибавилъ еще: «Богу угодно было, чтобы онъ былъ присланъ въ качествѣ посредника для мирныхъ переговоровъ; но эти переговоры Ананъ затѣялъ только для того, чтобы напасть на нихъ врасплохъ. Они должны поэтому для спасенія своей жизни или просить пощады у осаждающихъ,

[1] Всѣми уважаемый и пользовавшійся большимъ вліяніемъ рабби Симонъ-бенъ-Гамліель былъ преданнымъ другомъ Іоанна. („Жизнь“, 38).

или искать себѣ помощи извнѣ. Тѣ же, которые въ случаѣ пораженія надѣятся еще на милость, тѣ, вѣроятно, забыли о своихъ собственныхъ грѣшкахъ, или быть можетъ они воображаютъ, что за раскаяніемъ виновныхъ непремѣнно должно послѣдовать прощеніе потерпѣвшихъ. Но часто преступники при всемъ своемъ раскаяніи остаются презрѣнными, и жажда мщенія оскорбленныхъ, какъ они только получаютъ власть въ свои руки, дѣлается еще сильнѣе. Во всякомъ случаѣ имъ всегда будутъ угрожать друзья и родственники убитыхъ, точно также и масса народа, которая сильно ожесточена противъ нарушенія законовъ и ниспроверженія легальнаго порядка. Если бы даже одна часть и была склонна къ прощенію, то она исчезла бы въ массѣ жаждущихъ мщенія».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Идумеяне, призываемые зелотами, быстро являются въ Іерусалимъ, но не будучи впущены, проводятъ ночь внѣ города.—Рѣчь первосвященника Іошуи и отвѣтная рѣчь идумеянина Симона.

1) Такой коварной ложью онъ навелъ панику на всю толпу. Что именно онъ подразумѣвалъ подъ помощью извнѣ, онъ хотя не рѣшался высказывать ясно, но намекалъ на идумеянъ. Для того, чтобы разжигать еще вожаковъ зелотовъ каждаго въ отдѣльности, онъ представилъ имъ ложное описаніе жестокости Анана и прибавилъ, что его угрозы, главнымъ образомъ, направлены лично противъ нихъ. Эти вожаки были Элеазаръ сынъ Симона (II, 20, 3), славившійся въ особенности своей изобрѣтательностью и умѣньемъ осуществлять задуманное; далѣе Захарія сынъ Фалека [1]—оба изъ рода священниковъ. Послѣдніе, услышавъ объ угрожающей ихъ собственной личности опасности, и что, кромѣ того, партія Анана, чтобы завладѣть высшей властью, хочетъ призвать себѣ на помощь римлянъ (и эта ложь была присовокуплена Іоанномъ), нѣкоторое время находились въ нерѣшительности на счетъ того, что имъ предпринять въ столь короткій срокъ, оставшійся еще въ ихъ распоряженіи. Они думали, что народъ готовится уже къ нападенію и что близость осуществленія этого намѣренія почти уже отрѣзала отъ нихъ всякую внѣшнюю помощь, ибо еще прежде чѣмъ кто-либо изъ ихъ союзниковъ узнаетъ объ ихъ положеніи, оно можетъ сдѣлаться крайне опаснымъ. Въ виду этого было рѣшено при-

[1] Или по другому чтенію—сынъ Амфикала, вѣроятно тождественъ съ упоминаемымъ въ еврейскихъ источникахъ Захаріей сыномъ Абкула.

звать идумеянъ. Они написали имъ краткое письмо слѣдующаго содержанія: «Ананъ обманываетъ народъ и хочетъ предать столицу римлянамъ; они сами, отдѣлившіеся отъ него во имя спасенія свободы, осаждены въ храмѣ. Времени для спасенія осталось мало. Если идумеяне не поспѣшатъ къ нимъ на помощь, тогда они попадутъ въ руки Анана и своихъ враговъ, а городъ въ руки римлянъ». Подробности о положеніи дѣлъ поручено было посламъ изложить на словахъ предводителямъ идумеянъ. Посольство состояло изъ двухъ лицъ, опытныхъ въ подобныхъ предпріятіяхъ, одаренныхъ даромъ слова и силой убѣжденія и, что тутъ было особенно важно, отличавшихся быстротой ногъ. Зелоты были увѣрены, что идумеяне скоро склонятся на ихъ предложеніе, ибо это буйный, необузданный народъ, всегда падкій къ волненіямъ и переворотамъ, народъ, которому стоитъ только сказать нѣсколько словъ, чтобы поставить его на вооруженную ногу, который идетъ на войну точно на торжество. Требовалось только быстрое исполненіе возложеннаго на пословъ порученія, а послѣдніе, оба носившіе имя Ананіи, въ этомъ отношеніи ничего желать не оставляли. Такимъ образомъ они вскорѣ прибыли къ предводителямъ идумеянъ

2. Содержаніе письма и устныя сообщенія пословъ произвели на нихъ потрясающее впечатлѣніе: какъ бѣшеные они бѣгали въ толпѣ и проповѣдывали войну. Еще прежде чѣмъ люди узнали въ чемъ дѣло, они уж были въ полномъ сборѣ. Всѣ подняли оружіе якобы за освобожденіе столицы и, выстроившись въ числѣ около двадцати тысячъ, они появились подъ стѣнами Іерусалима, имѣя во главѣ четырехъ предводителей: Іоанна и Іакова, сына Сосы, Симона, сына Каѳлы, и Финеаса, сына Клусоѳа.

3. Отбытіе пословъ осталось скрытымъ, какъ отъ Анана, такъ и отъ стражи; но не то было съ приходомъ идумеянъ. О немъ Ананъ заранѣе узналъ и заперъ поэтому предъ ними ворота, а на стѣнѣ разставилъ караульные посты. Однако, онъ отнюдь не намѣревался сейчасъ же вступить съ ними въ битву, а хотѣлъ прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ оружія, привлечь ихъ на свою сторону добрыми словами. Старѣйшій изъ первосвященниковъ послѣ Анана, Іошуа [2], взошелъ на башню, находившуюся на виду идумеянъ, и произнесъ: «Изъ всѣхъ бѣдъ, стрясшихся надъ нашимъ городомъ, ничто такъ необъяснимо, какъ то, что злымъ неизвѣстно откуда каждый разъ является помощь. Вѣдь вы именно хотите оказать поддержку отщепенцамъ противъ насъ и прилетѣли сюда съ такой готовностью, какую

[1] Бывшій раньше первосвященникомъ Іошуа бенъ Гамла.

не проявили бы даже въ томъ случаѣ, еслибъ столица призвала васъ на помощь противъ варваровъ. Еслибы хоть ваше войско было похоже на тѣхъ людей, которые васъ призвали, то я бы еще могъ объяснить себѣ ваше усердіе; ибо ничто такъ быстро не созидаетъ дружбы, какъ родство характеровъ. Но вѣдь если разбирать ихъ по одиночкѣ, то каждый изъ нихъ окажется тысячу разъ заслуживающимъ смерти; вѣдь они выродки и позорище всей страны; люди промотавшіе свое собственное состояніе, истощившіе свою преступную энергію въ деревняхъ и городахъ окрестностей и въ концѣ нахлынувшіе, какъ воры, въ священный городъ; разбойники, которые въ своей разнузданности покрываютъ позоромъ даже священную землю, которые безъ стыда напиваются теперь пьяными въ святилищѣ и награбленнымъ у убитыхъ наполняютъ свои ненасытныя утробы. Ваши же ополченія и ваши доспѣхи имѣютъ такой доблестный видъ, точно столица по всеобщему согласію созвала васъ въ качествѣ союзниковъ противъ чужеземцевъ. Не насмѣшка ли судьбы, что цѣлая нація связывается съ шайкой злодѣевъ? Уже давно представляется мнѣ загадкой: что именно васъ такъ быстро подняло на ноги? Долженъ же быть какой-нибудь вѣскій поводъ, который заставилъ васъ поднять оружіе за разбойниковъ противъ родственной вамъ націи. Мы слышали здѣсь что-то о римлянахъ и измѣнѣ—эти именно слова были только-что произнесены нѣкоторыми изъ васъ, заявившими съ шумомъ, что они пришли для освобожденія столицы. Но такой вымыселъ насъ поражаетъ больше, чѣмъ всѣ другія дерзости, проявленныя тѣми гнусными людьми. Конечно, свободолюбивыхъ по природѣ своей людей, всегда готовыхъ ополчиться изъ-за нея противъ внѣшняго врага, ничѣмъ другимъ нельзя было возстановить противъ насъ, какъ тѣмъ, чтобы насъ заклеймить именемъ предателей столь желанной свободы. Но вы же должны подумать—отъ кого исходитъ эта клевета и противъ кого она направлена; вы должны искать подтвержденія въ общемъ положеніи вещей, а не вѣрить голословному вымыслу. Что могло насъ побудить теперь предаться римлянамъ, когда отъ насъ всецѣло зависѣло или съ самаго начало не отпадать совсѣмъ, или сейчасъ же послѣ отпаденія вновь перейти на ихъ сторону, когда страна кругомъ насъ еще не была опустошена. Но теперь, если бы мы и желали, намъ было бы трудно помириться съ римлянами, такъ какъ завоеваніе Галилеи сдѣлало ихъ гордыми, а преклониться предъ ними теперь, когда они уже такъ близки, было бы для насъ позоромъ, страшнѣе смерти. Я, правда, лично предпочелъ бы миръ смерти. Однако, разъ война объявлена и находится въ полномъ

разгарѣ, я также охотно предпочитаю славную смерть жизни военноплѣнника. А кто же, говорятъ, тайно послалъ къ римлянамъ? Одни ли мы, представители народа, или вмѣстѣ съ нами также и народъ по общему рѣшенію? Если только мы,—то пусть же намъ назовутъ друзей, которыхъ мы послали, прислужниковъ, способствовавшихъ измѣнѣ! Былъ ли кто нибудь пойманъ на пути къ римлянамъ или схваченъ на возвратномъ пути? Быть можетъ напали на слѣды письма? И какимъ образомъ мы могли это скрыть отъ столь многихъ гражданъ, съ которыми находимся въ постоянномъ общеніи? Какимъ образомъ случилось, что только тѣмъ немногимъ людямъ, которые вдобавокъ осаждены и даже не могутъ выходить изъ храма въ городъ, сдѣлалось извѣстнымъ то, что тайно происходило внутри страны? И узнали они объ этомъ именно теперь, когда ихъ ожидаетъ кара за совершенныя ими преступленія; раньше же, когда они находились въ безопасности, никто изъ насъ не навлекалъ на себя подозрѣнія въ измѣнѣ. Если же взваливаютъ вину на народъ, въ такомъ случаѣ должно было состояться публичное совѣщаніе, изъ котораго никто не могъ быть исключенъ, тогда достовѣрный слухъ объ этомъ долженъ былъ бы дойти до васъ еще гораздо раньше формальнаго донесенія. Да и какъ тогда не избирали бы пословъ для заключенія договора? Если же все было такъ, то пусть скажутъ, кто былъ назначенъ для этой миссіи? Но нѣтъ! Все это только уловка людей, борющихся со смертью и стремящихся отвратить отъ себя наказаніе. Если только городу суждено пасть отъ измѣны, то на это способны только наши клеветники, злодѣяніямъ которыхъ недостаетъ только одного—предательства. Вы же, разъ вы уже явились сюда съ оружіемъ въ рукахъ, должны были бы теперь—и это было бы самое справедливое—оказать поддержку столицѣ и помочь истребить тирановъ, уничтожившихъ право, топтавшихъ законъ ногами и носящихъ свои приговоры на остріѣ меча. Вѣдь они знатныхъ людей, на которыхъ никто не жаловался, схватили на улицѣ, грубо обращались съ ними въ темницѣ и, наконецъ, не взирая ни на воззванія, ни на моленія, казнили. Вы можете, если только вы хотите вступить въ нашъ городъ не какъ враги, убѣдиться собственными глазами въ томъ, что я сказалъ: вы увидите въ конецъ разграбленные дома, женъ и дѣтей убитыхъ—въ черной траурной одеждѣ, вопли и слезы во всемъ городѣ. Ибо нѣтъ человѣка, который не испытывалъ бы на себѣ насилій этихъ безбожниковъ; они, въ своемъ безуміи зашли такъ далеко, что свою разбойничью отвагу принесли съ собою изъ деревень и

городовъ не только въ самое сердце [1] всей націи—въ Іерусалимъ, но и отсюда—въ самый храмъ. Послѣдній они превратили теперь въ крѣпость, въ мѣсто убѣжища и укрѣпленный пунктъ противъ насъ. Мѣсто, святопочитаемое на всемъ земномъ шарѣ, даже иноземцами, обитателями окраинъ міра, знающими о немъ только по наслышкѣ, эти чудовища, здѣсь же родившіяся, топчутъ ногами. Но верхъ ихъ наглости—это то, что они въ своемъ теперешнемъ отчаянномъ положеніи вооружаютъ племена противъ племенъ, государства противъ государствъ и вызываютъ націю на борьбу противъ собственной же крови. Въ виду этого, какъ я уже сказалъ, вамъ больше всего подобало бы въ союзѣ съ нами истребить преступниковъ, наказать ихъ именно за этотъ обманъ, за то, что они дерзали призвать въ качествѣ союзниковъ васъ, которыхъ они напротивъ должны были бояться, какъ мстителей. Если же хотите оказать честь приглашенію такихъ людей, такъ вамъ предоставляется, какъ нашимъ соплеменникамъ [2], сложивъ оружіе войти въ городъ и занять мѣсто, лежащее въ срединѣ между союзниками и врагами,—мѣсто судей. Посудите при этомъ сами, какое это для нихъ преимущество, если имъ за признанныя столь великія преступленія будетъ предоставлено чрезъ васъ формальное судопроизводство, между тѣмъ какъ они невиннымъ не давали даже слова защиты. Однако, ради вашего появленія мы готовы оказать имъ эту милость. Если же вы не желаете раздѣлить ваше негодованіе и отказываетесь также отъ роли судей, такъ остается еще третій выходъ: оставить обѣ стороны, не вмѣшиваясь въ наши несчастія и не оставаясь на сторонѣ враговъ столицы. Ибо, если вы сильно подозрѣваете, что кто нибудь изъ насъ велъ переговоры съ римлянами, такъ вы можете занять проходы, и, если откроется что либо изъ того, въ чемъ насъ обвиняютъ, прибыть, осадить городъ и наказать виновныхъ, которыхъ вы поймаете. Во всякомъ случаѣ васъ, живущихъ такъ близко къ столицѣ, враги не могутъ опередить. Если же вамъ ни одно изъ этихъ предложеній не приходится по душѣ и вы ни на что не согласитесь, такъ не удивляйтесь, если мы будемъ держать ворота запертыми до тѣхъ поръ, пока вы будете стоять подъ оружіемъ».

4. Такъ приблизительно говорилъ Іошуа. Но идумеяне не обращали на это никакого вниманія; они только возмущались тѣмъ, что ихъ не впу-

[1] Въ текстѣ сказано: „лобъ и голова“.

[2] Идумеяне за 200 лѣтъ до разрушенія храма, при Іоаннѣ Гирканѣ, были приневолены къ принятію еврейской религіи, и съ тѣхъ поръ почти совершенно слились съ іудеями, такъ что могли быть названы ими „соплеменниками“.

скаютъ въ городъ; предводители ихъ также отказывались отъ сложенія оружія, полагая, что они уподобятся военноплѣнникамъ, если по требованію другихъ сбросятъ съ себя оружіе. Одинъ изъ предводителей, Симонъ, сынъ Каѳлы, съ трудомъ успокоивъ шумѣвшую толпу, сталъ на такое мѣсто, откуда онъ могъ быть услышаннымъ первосвященниками, и сказалъ: «Теперь меня больше не удивляетъ, что поборники свободы осаждены въ храмѣ, разъ даже нѣкоторые запираютъ принадлежащую всѣму народу столицу, и въ то время, когда готовятся встрѣчать римлянъ, для которыхъ, быть можетъ, украсятъ ворота вѣнками, съ идумеянами переговариваются съ башенъ и приглашаютъ ихъ даже сложить оружіе, которое они подняли за свободу. Съ одной стороны, не хотятъ довѣрить единоплеменникамъ охрану города, а въ то же время ихъ назначаютъ третейскими судьями въ спорѣ; жалуются на нѣкоторыхъ за то, что они казнили безъ суда и права, а между тѣмъ весь народъ пятнаютъ позоромъ—запираютъ предъ соотечественниками городъ, стоящій открытымъ даже предъ чужеземцами для цѣлей богослуженія. Правда, мы пришли, чтобы воевать противъ соотечественниковъ; но мы потому такъ поспѣшили, чтобы въ вашемъ несчастьѣ все таки сохранить вамъ свободу. Вы столь же были обижены тѣми, которыхъ вы осаждаете, какъ убѣдительны, на мой взглядъ, подозрѣнія, собранныя вами противъ нихъ. Затѣмъ, держа патріотовъ въ заключеніи внутри города, запирая ворота предъ ближайшимъ родственнымъ народомъ и дѣлая намъ такое безчестное предложеніе, вы говорите еще, что васъ тиранизируютъ, а имя деспотовъ навязываете тѣмъ, которыхъ вы насилуете. Кто потерпитъ такія лицемѣрныя рѣчи, когда факты говорятъ какъ разъ о противномъ? Недостаетъ еще того, чтобы вы говорили, что идумеяне выгоняютъ васъ изъ столицы, между тѣмъ какъ вы имъ преграждаете доступъ къ святынямъ отцовъ. Единственно въ чемъ дѣйствительно можно упрекнуть осажденныхъ въ храмѣ, такъ это въ томъ, что, разъ они имѣли мужество наказывать измѣнниковъ, которыхъ вы, ихъ соумышленники, называете прекрасными, безупречными людьми, сразу лучше не начали съ васъ и тѣмъ не отрубили голову измѣнѣ. Но если тѣ были мягкосердечнѣе, чѣмъ должны были быть, мы, идумеяне, будемъ охранять домъ Божій, мы станемъ во главѣ войны за общую отчизну и одновременно отразимъ какъ враговъ извнѣ, такъ равно измѣнниковъ внутри. Здѣсь, подъ этими стѣнами, мы съ оружіемъ въ рукахъ останемся до тѣхъ поръ, пока римлянамъ не надоѣстъ васъ ждать, или пока вы сами не отдадитесь дѣлу свободы».

5. Вся толпа идумеянъ встрѣтила эти слова громкими одобреніями. Іошуа печально отступилъ назадъ: онъ видѣлъ, что идумеяне замышляютъ недоброе и что городу предстоитъ борьба съ двухъ сторонъ. Впрочемъ, и идумеяне чувствовали себя не хорошо: съ одной стороны они были сердиты за оскорбительное преграждение имъ доступа въ городъ, а съ другой стороны, считая партію зелотовъ очень могущественной, но увидѣвъ, что послѣдніе не оказываютъ имъ ни малѣйшей поддержки, они очутились въ большомъ затрудненіи и многіе уже раскаялись что предприняли походъ; однако стыдъ отступленія безъ всякаго результата былъ сильнѣе раскаянія,—они остались на мѣстѣ, подъ стѣнами, несмотря на всю затруднительность своего положенія, такъ какъ ночью поднялась страшная гроза: порывистый вѣтеръ съ сильнѣйшимъ ливнемъ, безпрерывная молнія съ оглушительными раскатами грома и ужасъ наводящій гулъ дрожавшей земли. Казалось, міровой порядокъ пришелъ въ смятеніе на гибель людямъ, и поневолѣ приходилось усматривать въ этомъ зловѣщій признакъ большого несчастія.

6. Эти явленія произвели какъ на идумеянъ, такъ и на горожанъ одинаковое впечатлѣніе: первые думали, что Богъ гнѣвается на нихъ за ихъ походъ и не оставитъ безнаказаннымъ ихъ вооруженнаго нападенія на столицу; Ананъ же и его люди считали уже побѣду выигранной безъ битвы, такъ какъ Богъ сражается за нихъ. Но они оказались плохими пророками: они предсказывали врагамъ то, что суждено было имъ самимъ. Идумеяне стояли тѣсной толпой, другъ друга согрѣвая, и сомкнули щиты надъ своими головами, чтобы меньше терпѣть отъ ливня. Въ то же время зелоты, опасавшіеся теперь за судьбу идумеянъ больше, чѣмъ за свою собственную, собрались, чтобы обдумать, не могутъ ли они оказать имъ какую либо помощь. Болѣе горячія головы предлагали силой оружія овладѣть стражей, а тогда—вторгнуться въ городъ и безъ дальнѣйшихъ разсужденій открыть ворота союзникамъ, ибо караулы будутъ устрашены ихъ непредвидѣннымъ появленіемъ и отступятъ, тѣмъ болѣе, что большинство изъ нихъ не вооружены и неопытны въ сраженіяхъ; что же касается городского населенія, то оно загнано непогодой въ дома и не такъ скоро соберется. Если, наконецъ, дѣло будетъ сопряжено съ опасностями, то они скорѣе должны идти на крайности, нежели оставить столь многихъ людей погибнуть недостойнымъ образомъ изъ-за нихъ. Но болѣе осторожные отсовѣтовали открытое нападеніе, такъ какъ они видѣли, что не только усилена наблюдающая за ними стража, но и городская стѣна заботливо охраняема изъ-за идумеянъ; къ тому же они предполагали, что Ананъ вездѣ на лицо и каждый часъ обходитъ караулы. Это дѣйствительно такъ бывало всегда по ночамъ, но какъ разъ въ ту ночь было упущено—не по небрежности Анана, а потому, что онъ тогда находился уже во власти судьбы, которая рѣшила погубить его и многочисленную стражу. По предопредѣленію же судьбы, когда ночь спустилась и разразилась гроза, стража, находившаяся въ галлереѣ, была отпущена на покой. Это внушило зелотамъ мысль пропилить пилами, найденными ими въ святилищѣ, засовы воротъ, а вой вѣтра и безпрестанные раскаты грома заглушали произведенный этимъ шумъ.

7. Послѣ того, какъ они незамѣтно пробрались изъ храма, они подошли къ стѣнѣ, гдѣ съ помощью тѣхъ же пилъ открыли идумеянамъ ближайшія къ нимъ ворота. Идумеяне подумали вначалѣ, что люди Анана нападаютъ на нихъ и такъ перепугались, что каждый схватился за свое оружіе для обороны; но вскорѣ они узнали появившихся и вошли въ городъ. Если бы они напали сейчасъ на городъ, то, безъ сомнѣнія, весь народъ былъ бы истребленъ ими до единой души: такъ велико было ихъ остервененіе; но они спѣшили прежде всего освободить зелотовъ изъ осады, такъ какъ и люди, впустившіе ихъ въ городъ, настойчиво просили ихъ не оставлять тѣхъ, изъ-за которыхъ они пришли, и этимъ не усугублять еще больше ихъ опасное положеніе; пусть они только овладѣютъ гарнизономъ, тогда имъ уже легко будетъ двинуться на городъ, но разъ солдаты поднимутъ тревогу, тогда они уже не въ состояніи будутъ одержать верхъ надъ жителями, такъ какъ послѣдніе, какъ только узнаютъ въ чемъ дѣло станутъ въ боевой порядокъ и преградятъ имъ дорогу.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

О жестокостяхъ идумеянъ, вошедшихъ въ городъ во время бури, и зелотовъ.—
О смерти Анана, Іошуи и Захаріи и объ отступленіи идумеянъ.

1. Идумеяне согласились и двинулись черезъ городъ къ храму, гдѣ зелоты съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидали ихъ прибытія. Когда они взошли, тѣ, ободрившись, выступили также извнутри храма, смѣшались съ идумеянами и вмѣстѣ напали на стражу. Нѣсколькихъ передовыхъ караульныхъ они убили; на крикъ пробудившихся поднялась вся толпа и въ ужасѣ бросилась къ оружію, чтобы защищаться. До тѣхъ поръ, пока они полагали, что имѣютъ дѣло только съ зелотами, они бодро держались, надѣясь одолѣть ихъ численнымъ превосходствомъ; но увидѣвъ новыя толпы,

устремившіяся извнѣ, они догадались, что вторгнулись идумеяне; тогда большинство ихъ, потерявъ мужество, бросило также и оружіе и разразилось громкимъ воплемъ; только весьма немногіе изъ молодыхъ тѣсно сплотились вмѣстѣ, мужественно встрѣтили идумеянъ и долгое время защищали толпу стариковъ. Послѣдніе своимъ крикомъ дали знать о несчастіи жителямъ города. Но и эти, какъ только имъ сдѣлалось извѣстнымъ вторженіе идумеянъ, не посмѣли придти къ нимъ на помощь, а только отвѣтили имъ еще болѣе отчаяннымъ плачемъ, усиливавшимся громкимъ воемъ женщинъ, между тѣмъ какъ всѣ караульные находились въ опасности. Зелоты же напротивъ соединяли свои побѣдные клики съ призывами идумеянъ, а свирѣпствовавшая буря сдѣлала этотъ всеобщій гулъ еще болѣе потрясающимъ. Идумеяне не щадили никого: кровожадные по своей натурѣ, ожесточенные еще тѣмъ, что имъ пришлось перенесть отъ грозы, они обращали свои мечи противъ тѣхъ, которые ихъ не впустили въ городъ, не дѣлая различія между сопротивлявшимися и молившими о пощадѣ; многихъ они пронзили своими мечами въ ту минуту, когда тѣ напоминали имъ объ ихъ племенномъ родствѣ съ ними и просили пощады во имя ихъ общаго святилища. Бѣгство было немыслимо, а на спасеніе не было надежды: стѣсненные густыми толпами, они были убиты цѣлыми кучами; загнанные по большей части въ такія мѣста, откуда не было выхода, пораженные непріятельскими ударами, они въ безпомощности своей сами бросились внизъ въ городъ и такимъ образомъ добровольно подвергли себя, какъ мнѣ кажется, еще болѣе ужасной смерти, чѣмъ та, отъ которой они бѣжали. Весь наружный храмъ утопалъ въ крови и наступившее утро освѣтило восемь тысячъ пятьсотъ труповъ.

2. Но ярость идумеянъ все еще не унималась. Они обратились теперь противъ города, грабили цѣлые дома и убивали всѣхъ, попадавшихся имъ на пути. Продолжать дальше травлю простого народа казалось имъ напрасной тратой времени; за то они старались отыскивать первосвященниковъ и толпами предпринимали охоту на нихъ. Послѣдніе были вскорѣ схвачены и тутъ же умерщвлены. Ставъ передъ трупами убитыхъ, они потѣшались надъ попеченіями Анана о народѣ, такъ равно и надъ рѣчью Іошуи, произнесенной имъ со стѣны. Такъ далеко они зашли въ своемъ злодѣйствѣ, что бросили тѣла первосвященниковъ непогребенными, между тѣмъ какъ іудеи вѣдь такъ строго чтятъ погребеніе мертвыхъ, что даже приговоренныхъ къ распятію они до заката солнца снимаютъ и хоронятъ. Я рѣшительно не ошибусь, если скажу, что смерть Анана была уже нача-

ломъ паденія города, и съ того дня, какъ іудеи увидѣли своего первосвященника, указывавшаго имъ путь къ спасенію, убитымъ посреди города, ихъ стѣны уже были разрушены и дѣло проиграно. Ананъ былъ вообще не только достойный уваженія и въ высшей степени справедливый человѣкъ, но любилъ кромѣ того, несмотря на свое высокое положеніе, которое доставляли ему его происхожденіе, его санъ и всеобщее къ нему уваженіе, быть на равной ногѣ съ каждымъ человѣкомъ, даже съ людьми низшаго сословія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ горячо любилъ свободу и былъ поклонникомъ народнаго правленія. Всегда онъ свои личныя выгоды отодвигалъ на задній планъ предъ общественной пользой [1]; къ тому же онъ ставилъ выше всего миръ, ибо онъ зналъ, что могущество римлянъ непобѣдимо и предвидѣлъ, что если іудеи не будутъ настолько разумны, чтобы помириться съ римлянами, то неизбѣжно найдутъ свою гибель въ войнѣ съ ними.

Короче, если бы Ананъ остался живъ, то, во всякомъ случаѣ, состоялось бы мирное соглашеніе. Ибо онъ былъ могущественный ораторъ, пользовался огромнымъ вліяніемъ на народъ и ему уже удалось подчинить себѣ тѣхъ, которые стояли ему на пути или требовали войны. Подъ предводительствомъ такого вождя іудеи доставили бы еще много хлопотъ римлянамъ. Тѣсно связанъ съ нимъ былъ Іошуа, который хотя и не выдерживалъ сравненія съ нимъ, но другихъ превосходилъ [2]. Но Богъ, думается мнѣ, рѣшилъ уничтожить оскверненный городъ и очистить огнемъ храмъ,—поэтому, Онъ отстранилъ тѣхъ, которые еще заступались за нихъ и крѣпко

[1] См. примѣчаніе къ IV, 7, 3.

[2] Іошуа-бенъ-Гамала получилъ санъ первосвященника за двѣ мѣры динаріевъ, данныхъ Агриппѣ II-му его богатой женой (бывшей вдовой) Мареой—дочерью Боэеа (см. Іебамотъ, 61а). Онъ вытѣснилъ тогда Іашуу—сына Дамная, который въ свою очередь, замѣщалъ Анана—сына Анана. Такимъ образомъ Іошуа, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ третьимъ первосвященникомъ по очереди послѣ Анана. Въ І. Д. XX, 9, 4, Іосифъ разсказываетъ, что Іошуа—сынъ Гамалы и его предшественникъ Іашуа — сынъ Дамная окружали себя отрядами наемниковъ, превратившими Іерусалимъ въ театръ междоусобной войны. Талмудисты (Баба-Батра, 21а) благословляютъ, однако, память Іошуи-бенъ-Гамала за повсемѣстное введеніе имъ въ городахъ школъ для дѣтей отъ шести или семи-лѣтняго возраста, такъ какъ до него существовали только школы дла юношей отъ 16-лѣтняго возраста, учрежденныя рабби Симономъ бенъ-Шетахъ еще въ царствованіе Маккавеевъ.

Въ «Жизни», 41, Іосифъ разсказываетъ, что Іошуа-бенъ-Гамала былъ его другомъ и пріятелемъ и онъ же выдалъ его отцу тайну синедріона объ отрѣшеніи его, Іосифа, отъ должности главнокомандующаго въ Галилеѣ.

ихъ любили. Такимъ образомъ, людей, недавно только передъ тѣмъ одѣтыхъ въ священное облаченіе, стоявшихъ во главѣ распространеннаго по всему свѣту богослуженія и съ благоговѣніемъ встрѣчаемыхъ всегда прибывавшими со всѣхъ краевъ земли на поклоненіе святымъ мѣстамъ пилигримами, — этихъ людей можно было видѣть теперь брошенными нагими на съѣденіе собакамъ и дикимъ звѣрямъ. Сама добродѣтель, думаю я, стонала надъ этими мужами и плакала надъ тѣмъ, что зло такъ восторжествовало надъ ней самой. Таковъ былъ конецъ Анана и Іошуи.

3. Послѣ ихъ смерти зелоты вмѣстѣ съ идумейской ордой накинулись на народъ и уничтожили его, какъ стадо нечистыхъ животныхъ. Истребляя повсюду простой народъ, они знатныхъ и молодыхъ забирали въ плѣнъ и скованными въ кандалахъ бросали въ темницу въ надеждѣ, что при отсрочкѣ казни иные, быть можетъ, перейдутъ на ихъ сторону. Никто, однако, не склонялся на ихъ убѣжденія, всѣ предпочитали умереть, нежели стать противъ отечества на сторонѣ злодѣевъ. Ужасныя муки они перенесли за свой отказъ: ихъ бичевали и пытали, и когда ихъ тѣло уже не было болѣе въ состояніи выносить пытки, тогда только ихъ удостоивали казни мечемъ. Арестованные днемъ были ночью казнены; тѣла ихъ выносили и бросали на открытыя мѣста, чтобы очистить мѣсто для новыхъ плѣнниковъ. Народъ находился въ такомъ оцѣпенѣніи, что никто не осмѣливался открыто ни оплакивать, ни хоронить убитаго родственника; только въ глубокомъ уединеніи, при закрытыхъ дверяхъ, лились слезы, и тотъ, кто стоналъ, боязливо оглядывался по сторонамъ, чтобы врагъ не услышалъ,—въ противномъ случаѣ оплакивающій сейчасъ же могъ испытать на себѣ участь оплакиваемаго. Только ночью брали горсть земли въ руки и бросали ее на мертвыхъ; безумно отваженъ долженъ былъ быть тотъ, который это дѣлалъ днемъ. Двѣнадцать тысячъ человѣкъ благороднаго происхожденія постигла такая участь.

4. Зелоты, которымъ опротивѣла уже рѣзня, безстыдно наглумились еще надъ судилищемъ и судомъ. Жертвой своей они избрали одного изъ знатнѣйшихъ мужей, Захарію, сына Баруха. Его презрѣніе къ тиранамъ и непреклонная любовь къ свободѣ сдѣлали его ненавистнымъ въ ихъ глазахъ; къ тому же, онъ былъ еще богатъ, такъ что они имѣли пріятные виды на ограбленіе его состоянія и на устраненіе человѣка, который могъ воспользоваться своимъ вліяніемъ для ихъ низверженія. Такимъ образомъ, они для формы приказали созвать семьдесятъ находившихся въ должностяхъ простыхъ гражданъ въ качествѣ судилища, которое, конечно, лишено было авторитета, и здѣсь обвиняли Захарію въ томъ, что онъ хотѣлъ предать городъ въ руки римлянъ и съ измѣннической цѣлью послалъ уполномоченныхъ къ Веспасіану. Обвиненіе не подкрѣплялось ни свидѣтельскими показаніями, ни другими какими-либо доказательствами; но они утверждали, что вполнѣ убѣждены въ этомъ и считали, что этого одного достаточно для установленія истины. Когда Захарія убѣдился, что у него нѣтъ никакой надежды на спасеніе и что его собственно не вызывали къ суду, а только заманили коварно въ заключеніе, онъ, видя свою жизнь погибшей, рѣшилъ дать полную волю своему языку. Онъ поднялся, сдѣлалъ ироническую оцѣнку той самоувѣренности, съ которой возбуждено было противъ него обвиненіе, и вкратцѣ опровергъ приведенныя улики. Но затѣмъ онъ обратилъ свое слово противъ своихъ обвинителей, прочелъ имъ перечень совершенныхъ ими преступленій и разразился жалобами на нарушеніе всякаго порядка въ государствѣ. Зелоты перебили его криками. Если они на столько еще владѣли собою, что не обнажали мечей, такъ только потому, что хотѣли довести до конца насмѣшливое подражаніе судопроизводству и, кромѣ того, хотѣли испытать, на сколько сами судьи будутъ руководствоваться правдой въ виду угрожавшей имъ опасности. Судъ семидесяти оправдалъ однако обвиняемаго, предпочитая заранѣе умереть вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ принять на себя отвѣтственность за его смерть. Этотъ оправдательный приговоръ зелоты встрѣтили съ неистовымъ шумомъ: они всѣ были возмущены тѣмъ, что судьи не хотѣли понять призрачности данной имъ власти. Двое же изъ самыхъ дерзкихъ набросились на Захарію, убили его среди храма и насмѣшливо воскликнули надъ павшимъ: «вотъ тебѣ и нашъ голосъ — наше рѣшительное оправданіе!» Вслѣдъ за этимъ они выбросили его изъ храма въ находящуюся подъ нимъ пропасть. Судей-же они, въ насмѣшку, били обухами мечей и вытолкали изъ ограды храма, даровавъ имъ жизнь только для того, чтобы они разсѣялись по городу и принесли бы всѣмъ вѣсть о порабощеніи народа.

5. Идумеяне раскаивались уже въ своемъ походѣ: имъ самимъ сдѣлалось противно все то, что творилось. Но вотъ, пришелъ къ нимъ частнымъ образомъ одинъ изъ зелотовъ, созвалъ ихъ въ собраніе, изобразилъ весь ужасъ преступленій, совершенныхъ ими сообща съ тѣми, которые ихъ призвали, и описалъ также положеніе дѣлъ въ городѣ. «Они,—сказалъ онъ,—подняли оружіе въ томъ предположеніи, что первосвященники намѣрены предать городъ римлянамъ, а между тѣмъ они не обнаружили

никакихъ уликъ измѣны, а сдѣлались только покровителями тѣхъ, которые ложно обвиняли первосвященниковъ и нынѣ свирѣпствуютъ въ городѣ, какъ враги и тираны. Лучше было бы, еслибъ они съ самаго начала этому воспрепятствовали; но разъ они уже сдѣлались соучастниками въ братоубійствѣ, то пусть, по крайней мѣрѣ, положатъ конецъ своему заблужденію и не останутся дольше здѣсь, чтобы не поддерживать тѣхъ, которые хотятъ свою собственную отчизну ввергнуть въ несчастье. Если иные изъ нихъ все еще раздражены тѣмъ, что нашли ворота запертыми и не были впущены въ городъ, такъ вѣдь виновные въ этомъ наказаны; Ананъ лежитъ мертвый и почти весь народъ въ теченіе одной ночи уничтоженъ. Многіе изъ нихъ, какъ онъ хорошо замѣчаетъ, сами объ этомъ сожалѣютъ, съ другой же стороны онъ видитъ, что неистовство призвавшихъ ихъ не знаетъ ни мѣры, ни предѣла и они даже не стѣсняются больше передъ тѣми, которымъ они обязаны своимъ спасеніемъ. На глазахъ своихъ товарищей они позволяютъ себѣ самыя постыдныя жестокости, вина которыхъ будетъ приписываться идумеянамъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ нихъ не воспрепятствуетъ имъ и не положитъ конецъ ихъ беззаконіямъ. Поэтому, въ виду того, что обвиненіе въ измѣнѣ оказалось клеветой, что появленія римлянъ нельзя ожидать такъ скоро, а городъ защищенъ непобѣдимыми почти силами, то пусть они возвратятся къ себѣ домой и то зло, которое они, будучи обмануты злодѣями, совершали вмѣстѣ съ послѣдними, постараются исправить тѣмъ, что отнынѣ прекратятъ всякія сношенія съ ними.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Зелоты, освободившись отъ идумеянъ, производятъ еще большую рѣзню въ городѣ.—Веспасіанъ удерживаетъ пока римлянъ, желающихъ идти на іудеевъ.

1. Эти внушенія произвели впечатлѣніе на идумеянъ. Первымъ ихъ дѣломъ было освобожденіе заключенныхъ, около двухъ тысячъ гражданъ, которые сейчасъ же бѣжали изъ города и отправились къ Симону, о которомъ рѣчь будетъ впереди. Вслѣдъ за этимъ они оставили Іерусалимъ и возвратились на родину. Ихъ выступленіе явилось неожиданнымъ для обѣихъ партій. Народъ, не знавшій о перемѣнѣ ихъ образа мыслей, на одно мгновеніе вздохнулъ свободно, думая, что избавился отъ враговъ. Но и зелотамъ также развязались руки, ибо они не чувствовали себя покинутыми союзниками, а напротивъ, освобожденными отъ

такихъ людей, которые не одобряли ихъ насилій и старались удерживать ихъ отъ этого. Теперь они могли дѣйствовать рѣшительно и безъ всякаго промедленія. Съ быстротой молніи они ковали свои планы и исполняли ихъ еще быстрѣе, чѣмъ задумывали. Преимущественно кровожадность ихъ направлена была противъ всего мужественнаго и знатнаго: знатныхъ они убивали изъ зависти, храбрыхъ—изъ боязни; ибо только тогда они могли чувствовать себя внѣ всякой опасности, когда бы не осталось въ живыхъ ни одного человѣка болѣе или менѣе вліятельнаго. Въ массѣ другихъ убитъ былъ также Горіонъ—человѣкъ благороднаго происхожденія и возвышенной души, другъ народнаго правленія и самостоятельный по своему образу мыслей, какъ истый іудей. Его погубили главнымъ образомъ смѣлость въ рѣчахъ, равно и другія его достоинства [1]. Даже Нигера Перейскаго (II, 19, 2, 20, 4. III, 2, 1) ихъ руки не пощадили — человѣка, высоко отличавшагося въ битвахъ съ римлянами: его волочили по городу, онъ же громко вопіялъ и показывалъ свои раны. Когда его вывели за ворота, онъ, не сомнѣваясь въ своей казни, просилъ только о погребеніи; они же совершили надъ нимъ казнь лишь послѣ того, какъ отказали ему въ могилѣ, которой онъ такъ жаждалъ. Еще передъ самой смертью Нигеръ призывалъ на ихъ головы месть римлянъ, голодъ и чуму какъ спутники войны, да еще взаимную рѣзню между ними самими.

Все это послало грѣшникамъ Провидѣніе, которое лучшее доказательство своей справедливости явило въ томъ, что вскорѣ они, раздвоенные между собою, дали другъ другу чувствовать свое изувѣрство. Смерть Нигера окончательно освободила ихъ отъ всякихъ опасеній за собственное паденіе. Среди народа не осталось уже никого, котораго нельзя было бы погубить по какому угодно поводу, разъ только этого хотѣли. Та часть народа, которая возстала противъ зелотовъ, давно уже была истреблена; а противъ другихъ, мирныхъ жителей, стоявшихъ въ сторонѣ отъ всѣхъ, придумывали, смотря по обстоятельствамъ, иныя обвиненія. Тотъ, кто вовсе не связывался съ ними, считался у нихъ высокомѣрнымъ, кто открыто приближался къ нимъ — презирающимъ, а кто льстилъ — предателемъ. За высшее преступленіе, какъ и за самое ничтожное упущеніе существовало одно наказаніе—смерть: ея избѣгалъ только тотъ, который

[1] Вѣроятно тождественъ съ упомянутымъ выше, II, 20, 3, Іосифомъ сыномъ Горіона. См. Derenbourg Essai sur l'histoire et la géographie de la Palestine, стр. 270.

уже очень низко стоялъ по своему происхожденію или по крайней бѣдности.

2. Всѣ римскіе военачальники видѣли въ раздорахъ враговъ неожиданное счастье для себя и хотѣли не медля напасть на городъ. Въ этомъ они убѣждали также Веспасіана, для котораго, какъ они думали, чуть-ли не все уже выиграно. «Божественное Провидѣніе, говорили они ему, облегчаетъ имъ борьбу, обращая враговъ другъ противъ друга; но рѣшительная, благопріятная минута скоро будетъ пропущена, ибо іудеи, либо потому, что междоусобица имъ надоѣстъ, либо изъ раскаянія, соединятся вновь». Но Веспасіанъ возразилъ, что они жестоко ошибаются относительно того, что нужно дѣлать, если, игнорируя опасность, желаютъ какъ на сценѣ выдвинуть впередъ свою личную храбрость и силу своего оружія, но не обращаютъ вниманія на то, что полезно и безопасно. «Если, продолжалъ онъ, вы сейчасъ нагрянете на городъ, то этимъ самымъ вы вызовете примиреніе въ средѣ враговъ и обратите противъ насъ ихъ еще не надломленную силу; если же вы еще подождете, то число враговъ уменьшится, такъ какъ ихъ будетъ пожирать внутренняя война. Лучшій полководецъ, чѣмъ я, это Богъ, который безъ напряженія силъ съ нашей стороны хочетъ отдать іудеевъ въ руки римлянъ и подарить нашему войску побѣду, несвязанную съ опасностью. Въ то время какъ враги губятъ себя своими собственными руками и терзаются самымъ страшнымъ зломъ—междоусобной войной,—намъ лучше всего остаться спокойными зрителями этихъ ужасовъ, а не завязывать битвы съ людьми, ищущими смерти, бѣснующимися такъ неистово другъ противъ друга. Если же кто скажетъ, что блескъ побѣды безъ борьбы черезъ-чуръ блѣденъ, то пусть знаетъ, что достигнуть цѣли въ тишинѣ полезнѣе, чѣмъ испытать измѣнчивое счастье оружія. Ибо столько же славы, сколько боевые подвиги, приносятъ самообладаніе и обдуманность, когда послѣдними достигаются результаты первыхъ. Въ то время, когда врагъ самъ себя ослабляетъ, мое войско будетъ отдыхать отъ военныхъ трудовъ и еще больше окрѣпнетъ. Помимо этого теперь не можетъ быть рѣчи о блестящей побѣдѣ, ибо іудеи вѣдь не заняты теперь заготовленіемъ оружія, сооруженіемъ укрѣпленій или стягиваніемъ вспомогательныхъ войскъ, такъ чтобы полученная ими отсрочка могла бы считаться въ ущербъ намъ, — нѣтъ! Терзаемые междоусобной войной и внутренними распрями имъ теперь приходится каждый день переносить гораздо больше, чѣмъ мы могли бы имъ причинить, нападая на нихъ и держа ихъ въ нашихъ тискахъ. Итакъ, въ видахъ безопасности, разумнѣе всего

людей, пожирающихъ другъ друга, предоставить самимъ себѣ. Но и съ точки зрѣнія славы, доставляемой побѣдами, не слѣдуетъ нападать на потрясаемое внутренними болѣзнями государство, въ противномъ случаѣ будутъ имѣть полное основаніе сказать, что мы обязаны побѣдой не себѣ самимъ, а раздвоенности непріятеля»[1].

3. Военачальники согласились съ мнѣніемъ Веспасіана, и вскорѣ обнаружилось, какъ вѣрно видѣлъ глазъ полководца; ибо каждый день начали прибывать массы перебѣжчиковъ, спасавшихся отъ зелотовъ. Хотя бѣгство было затруднительно, такъ какъ послѣдніе обложили всѣ выходы города стражами, убивавшими всякаго приближавшагося, какъ перебѣжчика къ римлянамъ,—однако, кто давалъ деньги, того пропускали; только тотъ, кто ничего не давалъ, былъ измѣнникъ. Поэтому-то истреблялись только бѣдняки, между тѣмъ какъ состоятельные могли выкупать свое бѣгство. На большихъ дорогахъ громоздились повсюду кучи труповъ; многіе поэтому, искавшіе средства къ бѣгству, возвращались въ городъ, предпочитая умереть тамъ, такъ какъ надежда на погребеніе дѣлала смерть въ родномъ городѣ менѣе ужасной. Но зелоты были такъ безчеловѣчны, что одинаково лишали погребенія, какъ убитыхъ на дорогахъ, такъ и замученныхъ въ городѣ: точно они обязались вмѣстѣ съ отечественными законами попирать также и законы природы и на ряду съ преступленіями противъ людей издѣваться еще надъ божествомъ,—они оставляли тѣла мертвыхъ гнить на солнцѣ. Кто похоронилъ одного изъ своихъ близкихъ, тотъ былъ наравнѣ съ перебѣжчиками наказанъ смертью; и кто только хотѣлъ совершить надъ другимъ обрядъ погребенія, тому угрожала опасность самому быть лишеннымъ его. Словомъ, ни одно изъ лучшихъ чувствъ не было въ тѣ несчастные дни такъ окончательно убито, какъ чувство жалости. То, что должно было возбуждать сожалѣніе, служило только поводомъ къ ожесточенію изувѣровъ; отъ живыхъ ихъ гнѣвъ переходилъ на убитыхъ, а отъ мертвыхъ опять на живыхъ. Такой неимовѣрный страхъ овладѣлъ всѣми, что уцѣлѣвшіе считали блаженными изведенныхъ раньше, какъ людей обрѣвшихъ покой, а томившіеся въ заточеніи считали даже непогребенныхъ счастливѣе себя самихъ. Всѣ человѣческія права зелоты попирали ногами, божественныя они осмѣивали, а надъ словами пророковъ издѣвались, какъ надъ пустой болтовней. Пророки много

[1] Тацитъ даетъ болѣе понятное объясненіе отсрочкѣ іерусалимской осады: „Военныя дѣйствія, говоритъ онъ, были пріостановлены до тѣхъ поръ, пока не были заготовлены всѣ нужныя для взятія городовъ орудія, изобрѣтенныя какъ въ древности, такъ и геніемъ новѣйшихъ временъ“ (Tacit. Hist. V, 13).

вѣщали о добродѣтели и порокахъ: зелоты же, презирая ихъ ученіе, сами способствовали исполненію ихъ пророчества надъ своимъ отечествомъ. Существовало именно древнее предсказаніе мудрецовъ, что городъ тогда будетъ завоеванъ и Святая Святыхъ сдѣлается добычей пламени, какъ только вспыхнутъ волненія и руки гражданъ осквернятъ Богомъ освященныя мѣста. Хотя зелоты въ общемъ вѣрили въ это пророчество, тѣмъ не менѣе они сами сдѣлались его исполнителями.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Стремленіе Іоанна къ тираніи.—Злодѣянія зелотовъ въ Масадѣ.—Взятіе Веспасіаномъ Гадары.—Успѣхи Плацида.

1. Іоаннъ, мечтавшій уже о роли тирана, считалъ ниже своего достоинства ограничиться той-же честью, какою пользовались его товарищи. Въ виду этого онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы всякій разъ привлекать на свою сторону по нѣскольку человѣкъ изъ самыхъ худшихъ, и такимъ образомъ все больше и обльше дѣлалъ себя независимымъ отъ своей партіи. Такъ какъ онъ всегда отказывался повиноваться рѣшеніямъ другихъ, а свои собственныя объявлялъ повелительнымъ тономъ въ формѣ приказовъ, то нельзя было больше сомнѣваться въ томъ, что онъ стремится къ единовластію. И все таки ему подчинялись: одни изъ страха, другіе изъ привязанности (ибо онъ мастерски умѣлъ путемъ коварства и обмана вербовать себѣ приверженцевъ), многіе же потому, что они въ интересахъ своей собственной безопасности желали, чтобъ отвѣтственность за предыдущія насилія падала не на многихъ, а на одного человѣка. Кромѣ того пріобрѣтала ему много поклонниковъ его отважная рѣшимость во всѣхъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе осталось еще значительное число его противниковъ, руководимыхъ отчасти завистью и считавшихъ гнетомъ для себя повиновеніе человѣку, котораго они до сихъ поръ считали себѣ равнымъ; преимущественно же отталкивали ихъ отъ него опасенія сосредоточія власти въ однѣхъ рукахъ. Они заранѣе предвидѣли, что разъ онъ получитъ власть въ руки, то уже не такъ легко дастъ себя ниспровергнуть и что тогда онъ воспользуется также противодѣйствіемъ, оказаннымъ ими до сихъ поръ, какъ поводомъ къ жестокому обращенію съ ними самими. Наконецъ, каждый изъ нихъ былъ готовъ испытать самую отчаянную борьбу, чѣмъ дать себя добровольно поработить и рабски погибнуть. И такъ одна часть отдѣлилась отъ нихъ, между тѣмъ какъ Іоаннъ въ присоединившейся къ нему партіи господство-

валъ какъ царь. Другъ противъ друга они разставили повсюду караулы, хотя не пускали въ ходъ оружія; если стычки происходили, то онѣ были незначительны. Тѣмъ безпощаднѣе была ихъ борьба съ народомъ, у котораго каждая партія наперерывъ старалась захватить какъ можно больше добычи. Такимъ образомъ городъ терзался теперь тремя самыми ужасными бичами: войной, властью тирановъ и партійной борьбой. Война извнѣ являлась уже для жителей легчайшимъ бѣдствіемъ въ сравненіи съ другими. А потому, естественно было, что многіе бѣжали отъ своихъ собственныхъ соотечественниковъ, бѣжали къ чужимъ и у римлянъ искали спасенія, котораго они не могли ожидать отъ своихъ соплеменниковъ.

2. Еще четвертое бѣдствіе стряслось надъ народомъ на его погибель. Невдалекѣ отъ Іерусалима существовала чрезвычайно сильная крѣпость, воздвигнутая прежними царями для сокрытія своихъ сокровищъ въ опасное военное время, а также для личной безопасности; она называлась Масадой (I, 12, 1) и находилась въ рукахъ такъ называемыхъ сикаріевъ (II, 13, 3), которые, обузданные страхомъ, не пускались въ дальніе набѣги, а грабили только ближайшія окрестности, ограничиваясь при этомъ лишь захватываніемъ съѣстныхъ припасовъ. Теперь же, когда они узнали, что римское войско стоитъ неподвижно, а іудеи въ Іерусалимѣ раздвоены между собою борьбою партій и деспотической властью, они отважились на болѣе смѣлыя предпріятія. Въ праздникъ опрѣсноковъ, установленный іудеями въ память освобожденія отъ египетскаго рабства и возвращенія въ свою отечественную страну, они незамѣтно для тѣхъ, которые могли бы воспрепятствовать имъ, вышли ночью изъ своей крѣпости и напали на городокъ по имени Энгадди [1]. Часть жителей, способная къ бою, была разсѣяна и прогнана изъ города еще прежде, чѣмъ она могла собраться и вооружиться, остальные же, слишкомъ слабые для бѣгства, женщины и дѣти, въ числѣ свыше семисотъ, были всѣ перебиты; затѣмъ они начисто ограбили дома, захватили созрѣвшій хлѣбъ и возвратились со своей добычей въ Масаду. Такимъ путемъ они разграбили всѣ деревни вокругъ крѣпости и дальнія окрестности; каждый день число ихъ значительно усиливалось притокомъ со всѣхъ сторонъ такихъ же нравственно погибшихъ людей. И въ другихъ частяхъ Іудеи, пользовавшихся до сихъ поръ покоемъ, настали разбойничьи безпорядки. Если важнѣйшая часть тѣла воспалена, то вмѣстѣ съ ней заболѣваютъ всѣ

[1] На западномъ берегу Мертваго моря, упоминается въ Библіи и Талмудѣ, нынѣ Айнъ-Джиди.

члены—такъ было и здѣсь: распри и анархія въ Іерусалимѣ дали возможность злодѣямъ въ провинціи безнаказанно совершать разбои. Покончивши съ деревнями своихъ соотечественниковъ, они собрались въ уединенной мѣстности, скрѣпили свой союзъ клятвами и образовали полчища, которыя если уступали въ численности военнымъ отрядамъ, за то были сильнѣе разбойничьихъ шаекъ, и тогда начали нападать на святыя мѣста и города. Если и случалось, что они сами терпѣли отъ тѣхъ, на которыхъ нападали, какъ это бываетъ съ захваченными въ сраженіи, за то въ другихъ случаяхъ они предупреждали ихъ месть и на разбойничій манеръ быстро разсѣевались, унося съ собою добычу. Не осталось ни одной части Іудеи, которой бы не грозила та же гибельная участь какъ ея славной столицѣ.

3. Это было сообщено Веспасіану перебѣжчиками. Ибо хотя мятежники охраняли всѣ выходы и убивали всякаго, какимъ бы то ни было способомъ подходившаго къ нимъ, все-жъ таки попадались такіе, которые пробирались мимо, прибѣжали къ римлянамъ и силились склонить полководца поспѣшить на помощь городу и спасти остатокъ народа, который, какъ они разсказывали, большей частью истребляется именно за склонность его къ римлянамъ, а находящіеся еще въ живыхъ по той же причинѣ подвержены также опасности. Проникнутый жалостью къ ихъ страданіямъ, Веспасіанъ поднялся, какъ казалось, для того, чтобы осадить Іерусалимъ, на самомъ же дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду воздержаться пока отъ осады, ибо передъ этимъ онъ долженъ былъ покорить все, еще незавоеванное, чтобы не оставить въ тылу ничего, могущаго помѣшать осадѣ. Поэтому онъ прежде всего двинулся противъ Гадары—хорошо укрѣпленнаго главнаго города Переи [1]—и вступилъ въ нее въ 4-й день мѣсяца Дистра [2]. Ибо именитѣйшіе граждане этого города тайно отъ мятежниковъ послали къ нему уполномоченныхъ съ обѣщаніемъ передачи города. Желаніе мира и сохраненія своего состоянія побудили ихъ на этотъ шагъ, такъ какъ городъ былъ населенъ многими богатыми людьми. Объ этомъ посольствѣ противная партія ничего не подозрѣвала и узнала о немъ только тогда, когда Веспасіанъ былъ уже совсѣмъ близко къ городу. Отстаивать послѣдній собственными силами они считали себя слишкомъ

[1] Гадара принадлежала къ Декаполису, а поэтому трудно объяснить, какимъ образомъ Іосифъ Флавій называетъ ее μητρὸπολις τῆς Περαίας. Гретцъ („Geschichte der Juden“, III т. 516 стр.)—предлагаетъ вмѣсто Гадары читать Іазеръ, другое предположеніе см. Schürer, Geschichte, II, 90, примѣч. 188.

[2] Адаръ—Мартъ—апрѣль.

слабыми, такъ какъ они уступали въ числѣ даже своимъ противникамъ въ городѣ, а тутъ еще римляне стояли невдалекѣ—они поэтому рѣшились бѣжать. Но сдѣлать это безъ кровопролитія, и не отомстивъ какъ нибудь виновнымъ, они считали безславнымъ. Въ виду этого они схватили въ плѣнъ Долеса, признававшагося иниціаторомъ посольства и бывшаго кромѣ того по своему сану и происхожденію первымъ человѣкомъ въ городѣ, умертвили его и тогда бѣжали изъ города, выместивъ еще свою свирѣпую злобу на тѣлѣ убитаго. Когда римское войско подступило, гадаряне встрѣтили Веспасіана благословеніями, принесли ему присягу въ вѣрности и получили отъ него гарнизонъ изъ конницы и пѣхоты для защиты отъ дальнѣйшихъ нападеній бѣглецовъ. Стѣну они, не выжидая требованія римлянъ, сами разрушили для того, чтобы воочію убѣдить римлянъ въ своемъ миролюбивомъ настроеніи и чтобы отнять у желающихъ войны всякую къ тому возможность.

4. Противъ бѣжавшихъ изъ Гадары Веспасіанъ послалъ Плацида съ 500 всадниками и 3000 пѣхотинцами, между тѣмъ какъ самъ съ остальнымъ войскомъ возвратился въ Кесарею. Когда бѣглецы вдругъ увидѣли преслѣдующихъ ихъ всадниковъ, они, прежде чѣмъ вступить въ бой, стѣснились всѣ въ деревню, называвшуюся Бетеннабриномъ [1]. Здѣсь они нашли значительное число молодыхъ людей, которыхъ они частью по доброй волѣ послѣднихъ, частью и насильно вооружили и затѣмъ по безумію своему сдѣлали вылазку противъ отрядовъ Плацида. При первомъ ихъ натискѣ послѣдніе нѣсколько отступили назадъ, желая такимъ образомъ отвлечь ихъ подальше отъ стѣны. Заманивъ ихъ на выгодную для себя позицію, они оцѣпили ихъ кругомъ и пустили въ ходъ противъ нихъ копья: всадники отрѣзали путь пытавшимся бѣжать, а пѣхота производила опустошеніе въ рядахъ сражавшихся. Іудеямъ ничего не оставалось, какъ погибнуть въ отчаянной, непосильной борьбѣ; они не могли ни прорвать цѣпь римлянъ, ни сразить ихъ своими стрѣлами, такъ какъ тѣ стояли тѣсно сомкнутыми рядами, прикрываемые своими доспѣхами точно стѣною; сами же они были поражаемы стрѣлами непріятеля и, какъ дикіе звѣри, бросались на встрѣчу смертоносному мечу. Такъ падали они—одни отъ ударовъ, нанесенныхъ имъ спереди, другіе отъ обгонявшихъ ихъ всадниковъ.

5. Главное стремленіе Плацида состояло въ томъ, чтобы преградить

[1] Слѣдуетъ, можетъ быть, читать Бетенамринъ, какъ полагаетъ Сауси. См. Гретцъ, в. с.

имъ бѣгство въ деревню. Онъ поэтому каждый разъ устремлялся въ ту сторону, поворачивалъ назадъ, безпрерывно поддерживалъ стрѣльбу, которой поражалъ приближавшихся, и удерживалъ натискъ отдаленныхъ. Въ концѣ, однако, храбрѣйшіе силой пробились до самой стѣны. Стражи не знали, что имъ дѣлать: съ одной стороны имъ тяжело было не впускать гадарянъ изъ-за своихъ собственныхъ людей; съ другой же стороны, они боялись, что если примутъ ихъ, то погибнутъ вмѣстѣ съ ними. Это дѣйствительно и случилось. Римскіе всадники едва не вторгнулись вмѣстѣ съ преслѣдуемыми, стѣснившимися у стѣны. Однако, осажденнымъ удалось еще запереть предъ ними ворота. Плацидъ былъ вынужденъ идти на приступъ и, храбро сражавшись до вечера, получилъ въ свою власть стѣну и обитателей деревни. Праздная масса была уничтожена; болѣе знатные бѣжали; дома были ограблены солдатами, а деревня сожжена. Обратившіеся въ бѣгство увлекли за собою и населеніе окрестныхъ деревень и повсюду распространяли панику, преувеличивая свое собственное пораженіе и распуская молву, что вся римская армія находится на ходу. Многочисленными толпами они стремились къ Іерихону, ибо городъ этотъ, сильный своими укрѣпленіями и огромнымъ населеніемъ, еще твердо надѣялся на свое собственное спасеніе. Плацидъ, опираясь на своихъ всадниковъ и сопровождавшее его до сихъ поръ счастье, слѣдовалъ за ними по стопамъ до самаго Іордана и на ходу убивалъ всѣхъ, кого догонялъ. Достигши рѣки, онъ всю массу стѣснилъ къ берегу и, такъ какъ быстрое теченіе рѣки, разлившейся отъ дождей и сдѣлавшейся поэтому непроходимой, лишало ихъ возможности переправы, выстроился противъ нихъ въ боевой порядокъ. Съ своей стороны, іудеи, не находя исхода въ бѣгствѣ, вынуждены были вступить въ битву. Они растянулись по берегу въ очень длинную линію и въ этомъ положеніи выдержали стрѣльбу и набѣгъ всадниковъ, которые, врубившись въ непріятельскіе ряды, многихъ загнали въ рѣку. Пятнадцать тысячъ человѣкъ пало отъ меча, а загнанныхъ силой въ рѣку было безчисленное множество. Плѣнено было двѣ тысячи двѣсти и кромѣ того захвачена была очень богатая добыча, состоявшая изъ ословъ, овецъ, верблюдовъ и рогатаго скота.

6. Это пораженіе не уступало, правда, предыдущимъ, но оно казалось іудеямъ еще болѣе гибельнымъ, потому что не только вся мѣстность, чрезъ которую они бѣжали, была полна крови и не только Іорданъ былъ запруженъ тѣлами, но и Асфальтовое озеро было полно труповъ, массами снесенныхъ туда теченіемъ рѣки. Плацидъ, пользуясь своимъ счастьемъ, выступилъ противъ небольшихъ городовъ и деревень въ окрестностяхъ,

покорилъ Авилу, Юліаду, Бесимотъ [1] и всѣ населенные пункты до Асфальтоваго озера. Перебѣжчиковъ, способныхъ къ бою, онъ оставлялъ въ каждомъ покореннымъ пунктѣ въ качествѣ гарнизоновъ. Затѣмъ онъ отправилъ своихъ солдатъ въ лодкахъ для уничтоженія остатковъ, бѣжавшихъ въ озеро. Вся Перея до Махера добровольно сдалась или была завоевана.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Веспасіанъ, узнавъ о волненіяхъ въ Галліи, спѣшитъ окончить войну съ іудеями.—Описаніе Іерихона и Большой долины, а также Асфальтоваго озера.

1. Между тѣмъ получились извѣстія о волненіяхъ въ Галліи и о томъ, что Виндексъ съ туземными предводителями отпалъ отъ Нерона, какъ объ этомъ болѣе точно описано другими [2]. Эти извѣстія побудили Веспасіана поспѣшить съ окончаніемъ войны, ибо онъ уже прозрѣвалъ будущія междоусобицы и опасное положеніе всего государства и думалъ, что въ состояніи будетъ освободить Италію отъ ужасовъ, если раньше водворитъ миръ на Востокѣ. Въ теченіе зимы онъ обезпечилъ за собою покоренные города и деревни тѣмъ, что расположилъ въ нихъ гарнизоны и поставилъ—первые подъ власть центуріоновъ, а послѣднія—декуріоновъ. Въ то же самое время онъ приказалъ вновь обстроить многіе разрушенные города и деревни. Съ началомъ же весны, онъ во главѣ большей части своего войска выступилъ изъ Кесареи въ Антипатриду (I, 4, 7, 21, 9), гдѣ въ продолженіе двухъ дней приводилъ въ порядокъ городскія дѣла, а на третій поднялся, чтобы огнемъ и мечемъ опустошить окрестъ-лежащія мѣстности. По завоеваніи Ѳамнитской топархіи (III, 3, 15) онъ пошелъ на Лидду и Іамнію (I, 2, 2), покорилъ и ту и другую, населилъ ихъ жителями раньше перешедшихъ къ нему городовъ, которые казались ему подходящими для этого, и прибылъ въ Аммаусъ (I, II, 2). Отрѣзавъ населенію этого города бѣгство въ столицу, онъ построилъ здѣсь сильно укрѣпленный лагерь, въ которомъ оставилъ пятый легіонъ, а съ остальнымъ войскомъ двинулся въ

---

[1] Ав.—близъ Іордана, напротивъ Іерихона. Юл.—называлась также Ливіей, по ту сторону Іордана, недалеко отъ Авилы Іерихона, древній Бета-Гаранъ. Бет.—библейскій Бетъ-га-Іешимотъ на сѣверо-восточномъ берегу Мертваго моря.

[2] Пропреторъ Кай Юлій Виндексъ, возмущенный тираніей Нерона, предложилъ своему войску низвергнуть его и возвести на престолъ правителя Испаніи, Гальбу.

Бетлептефитскую [1] топархію. Послѣднюю, равно, какъ и примыкавшую къ нему область, онъ опустошилъ огнемъ, приказалъ тогда построить крѣпостцы въ Идумеѣ, на удобныхъ мѣстахъ, взялъ двѣ деревни въ сердцѣ Идумеи, Бетарисъ и Кефартобу, гдѣ свыше десяти тысячъ жителей уничтожилъ, больше тысячи забралъ въ плѣнъ, остальную массу разогналъ и оставилъ на мѣстѣ значительную часть войска, которое опустошало всю горную страну кругомъ. Самъ Веспасіанъ съ остаткомъ войска возвратился въ Аммаусъ, откуда онъ черезъ Самарію и мимо такъ называемаго Неаполиса или, какъ его туземцы называютъ, Маборѳа [2], прибылъ въ Корею (I, 6, 5), на второй день Дайсія [3], разбилъ здѣсь лагерь, а на слѣдующій день достигъ Іерихона. Здѣсь соединился съ нимъ одинъ изъ военачальниковъ, Траянъ (III, 7, 31, 10, 3), съ его отрядами, приведенными имъ изъ Переи, такъ какъ весь заіорданскій край былъ уже завоеванъ.

2. Большая часть жителей Іерихона, не выждавъ нападенія римлянъ, бѣжала въ лежащія противъ Іерусалима горы. Оставшіеся, которыхъ было также не мало, были истреблены, и городъ, такимъ образомъ, опустѣлъ. Самъ Іерихонъ расположенъ въ долинѣ, надъ которой возвышаются обнаженные отъ всякой растительности горные кряжи, тянущіеся на значительную длину: къ сѣверу до окрестностей Скиѳополя, а къ югу до того мѣста, гдѣ въ древности стоялъ Содомъ, и до берега Асфальтоваго озера. На всемъ своемъ протяженіи горы эти лишены всякой культуры и вслѣдствіе своей безплодности необитаемы. Параллельно имъ вдоль Іордана тянется другой горный хребетъ, начинающійся у Юліады и еще сѣвернѣе ея и простирающійся къ югу до Соморра, на границѣ Петры въ Аравіи. Къ нему принадлежитъ также такъ называемая Желѣзная гора [4], упирающаяся своей длиной въ Моавитянскую страну. Земля, заключающаяся между обоими горными хребтами, называется Большой долиной и тянется отъ деревни Гиннабрина до Асфальтоваго озера; длина ея достигаетъ двухъ сотъ тридцати стадій, а ширина ста двадцати. Посрединѣ она прорѣзывается Іорданомъ и имѣетъ два озера противоположной природы: Асфальтовое и Тиверіадское, изъ которыхъ первое соленое и безплодное, а послѣднее прѣсное и жизнеобильное. Въ лѣтнее время долина вся какъ будто выжжена и воздухъ въ ней, вслѣдствіе непомѣрно высокой температуры, вреденъ для здоровья. Кромѣ Іордана долина не имѣетъ никакихъ другихъ водяныхъ источниковъ, вслѣдствіе чего пальмы особенно роскошны и плодоносны на берегахъ, но менѣе цвѣтущи въ отдаленныхъ отъ нихъ мѣстахъ.

[1] Между Аммаусомъ и Идумеей.

[2] Древній Сихемъ.

[3] Сиванъ—Май—Іюнь.

[4] На востокѣ отъ Мертваго моря. Здѣсь существуютъ холмы, состоящіе изъ тяжелаго чернаго камня, заключающаго въ себѣ до 20 проц. желѣза; туземные арабы и теперь еще разспрашиваютъ прибывающихъ къ нимъ путешественниковъ относительно способа извлеченія изъ него желѣза. Выдѣлываемые изъ этого камня ворота, двери, столы и стулья имѣютъ видъ желѣзныхъ.

Мертвое море

3. Возлѣ Іерихона существуетъ весьма обильный и чрезвычайно удобный для цѣлей орошенія источникъ, берущій свое начало близъ древняго города, перваго изъ завоеванныхъ мечемъ въ Ханаанской землѣ предводителемъ евреевъ, Іошуей сыномъ Навина. Этотъ источникъ, какъ говорятъ, въ былыя времена дѣйствовалъ пагубно на плоды не только земли и деревьевъ, но и женщинъ и вообще былъ вреденъ и приносилъ смертъ всему живущему; но пророкъ Елисей, ученикъ и послѣдователь Иліи, облагородилъ его и сдѣлалъ его совершенно здоровымъ и животворнымъ. Въ благодарность за радушный пріемъ и доброе расположеніе, оказанное ему жителями Іерихона, онъ на вѣки облагодѣтельствовалъ ихъ и страну. Онъ подошелъ къ источнику, бросилъ въ пучину глиняный сосудъ съ солью, простеръ тогда свою праведную руку къ небу и, принесши надъ источникомъ умилостивительную жертву возліянія, молилъ Бога смягчить его воду, открыть для него болѣе прѣсныя жилы, смѣшать благопріятный воздухъ съ его водами, дать жителямъ вмѣстѣ съ плодородіемъ земли и продолженіе рода и не отнимать у нихъ животворной воды до тѣхъ поръ, пока они останутся добродѣтельными. Сопровождая эту молитву еще разными движеніями рукъ, по своему обыкновенію, онъ совершенно преобразилъ источникъ [1], и вода, которая прежде была причиной безплодія и голода, съ того времени доставляла счастливое и многочисленное потомство; дѣйствіе этой воды, употребляемой для орошенія, такъ велико, что отъ одного смачиванія ею земля дѣлается болѣе плодородной, чѣмъ при полномъ насыщеніи ея той же водою; а потому при обильномъ ея употребленіи польза не велика, наоборотъ же при скудномъ орошеніи пользы больше. Источникъ орошаетъ большее пространство, чѣмъ всякій другой; онъ прорѣзываетъ долину въ семьдесятъ стадій длины и двадцать ширины и питаетъ на этой долинѣ прекраснѣйшіе, густо насажденные другъ возлѣ

[1] Во второй книгѣ царствъ (II, 19 — 23), откуда позаимствованъ этотъ разсказъ, не упоминается ни о жертвѣ возліянія, ни о манипуляціяхъ рукъ, ни даже о молитвѣ.

друга парки. Почва производитъ здѣсь разныхъ видовъ пальмы, орошаемыя водою этого источника и отличающіяся другъ отъ друга по названію и вкусу плодовъ. Болѣе сочные плоды этихъ пальмъ прессуются и доставляютъ медъ на столько вкусный, что онъ немногимъ только уступаетъ настоящему. Впрочемъ, и пчелы также водятся въ этой странѣ. Послѣдняя, наконецъ, производитъ деревья, доставляющія бальзамъ—драгоцѣннѣйшій изъ ея продуктовъ, равно какъ хенну [1] и миробаланъ [2]. По справедливости можно поэтому эту мѣстность, дающую въ такомъ огромномъ изобиліи самые рѣдкіе и драгоцѣнные плоды, назвать земнымъ раемъ. По отношенію къ плодородію мѣстности вообще можно сказать, что рѣдкая полоса земли можетъ выдержать сравненіе съ нею,—такъ щедро почва возвращаетъ то, что вкладываютъ въ нее [3]. Происходитъ это, на мой взглядъ, отъ теплоты воздуха и плодотворной силы воды: первая располагаетъ растеніе къ пышному росту, между тѣмъ какъ влага укрѣпляетъ корни, внѣдряющіеся въ землю, лѣтняя же жара прибавляетъ имъ силу. Въ это время года почва бываетъ такъ накалена, что не легко что нибудь произрастаетъ. Вода, заготовленная до восхода солнца и оставленная на открытомъ воздухѣ, дѣлается очень прохладной и принимаетъ температуру, противоположную окружающей атмосферѣ; зимою же она наоборотъ согрѣвается и дѣлается пріятной для купанья. Зимою температура до того умѣренна, что туземные жители носятъ полотняное одѣяніе, въ то время какъ въ другихъ частяхъ Іудеи падаетъ снѣгъ. Отъ Іерусалима Іерихонъ отстоитъ на сто пятьдесятъ стадій, а отъ Іордана на шестьдесятъ. Страна до Іерусалима пустынна и камениста, полоса до Іордана и Асфальтоваго озера хотя болѣе низменна, но также пустынна и безплодна. Но счастливое положеніе Іерихона уже достаточно описано.

4. Подробнаго описанія заслуживаетъ также Асфальтовое озеро. Вода его, какъ уже было замѣчено, горька, неплодотворна, но притомъ такъ

[1] Κύπρος (cyprus) библейское כפר; Лавзоново дерево, изъ цвѣтовъ котораго дѣлалось благовонное масло. У арабовъ ал-хенна.

[2] μυροβάλανος (mirobalanum). Плодъ дерева, называемаго арабами „заккумъ", изъ котораго дѣлали бальзамъ, отождествляемый нѣкоторыми, но безъ основанія, съ библейскимъ צרי.

[3] По мнѣнію Томсона (The Land and the Book 1861 г.), Іорданская долина, представляющая собою нынѣ видъ полнѣйшаго запустѣнія, при введеніи раціональнаго орошенія въ состояніи была бы прокормить полмилліона жителей.

легка [1], что она удерживаетъ на своей поверхности самые тяжелые предметы, бросаемые въ нее, а человѣку при самыхъ напряженныхъ усиліяхъ не такъ легко окунуться въ нее. Веспасіанъ, посѣтившій озеро для наблюденій надъ нимъ, приказалъ бросить въ глубь нѣсколько человѣкъ, неумѣющихъ плавать, со связанными на спину руками, но всѣ они, точно подхваченные вѣтромъ, были подняты вверхъ и остались плавать на поверхности. Замѣчательно также измѣненіе цвѣта озера: три раза въ день поверхность перемѣняетъ свой цвѣтъ и отражаетъ солнечные лучи пестрой игрой цвѣтовъ. Во многихъ мѣстахъ озеро выдѣляетъ черныя асфальтовыя комья, которыя плаваютъ на водѣ, принимая по формѣ и величинѣ видъ воловьихъ туловищъ безъ головы. Рабочіе на озерѣ пользуются ими, какъ источникомъ пропитанія, и собираютъ сливающіяся массы въ лодки; когда челны наполняются, не легко бываетъ отбить собранную массу, такъ какъ послѣдняя вслѣдствіе своей вязкости прилипаетъ къ дну; снимаютъ ее съ помощью мѣсячной крови женщинъ или урины: этимъ средствамъ она поддается. Этотъ асфальтъ употребляется не только при строеніи судовъ, но и для лѣчебныхъ цѣлей, такъ какъ онъ примѣшивается ко многимъ лѣкарствамъ. Озеро имѣетъ пятьсотъ восемьдесятъ стадій въ длину, простираясь до Цоара въ Аравіи, и сто пятьдесятъ стадій ширины [2]. Къ нему примыкаетъ область Содома, нѣкогда богатая своимъ плодородіемъ и благосостояніемъ городовъ, нынѣ же всецѣло выжженая. Она, какъ говорятъ, вслѣдствіе грѣховности ея жителей была уничтожена молніей. Еще теперь существуютъ слѣды ниспосланнаго Богомъ огня и еще теперь можно видѣть тѣни пяти городовъ. Каждый разъ появляется вновь пепелъ въ видѣ извѣстныхъ плодовъ, которые по цвѣту кажутся съѣдобными, но какъ только ощупываютъ ихъ рукой, они превращаются въ прахъ и пепелъ [3]. Такимъ образомъ древнія сказанія о Содомской странѣ подтверждаются наглядно.

[1] Слѣдуетъ, конечно, читать: „тяжела".

[2] $14^1/_2$ геогр. мили длины и $3^3/_4$ геогр. мили ширины. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ длина Мертваго моря, отъ сѣвера къ югу, равняется 10 геогр. милямъ, а средняя его ширина $2^1/_2$ мили. Тяжесть воды зависитъ отъ содержащихся въ ней минеральныхъ веществъ, въ количествѣ около 25 проц.

[3] Сказаніе о такъ называемыхъ „содомскихъ яблокахъ", красивыхъ на видъ, но внутри наполненныхъ пепломъ, со словъ Іосифа повѣрялось многими позднѣйшими писателями. По мнѣнію извѣстнаго путешественника Робинзона поводъ къ этому сказанію давало ростущее вблизи Мертваго моря дерево Asclepias gigantea, плоды котораго при малѣйшемъ давленіи лопаются подобно пузырю.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

Веспасіанъ послѣ взятія Гадары готовится къ осадѣ Іерусалима, но получивъ извѣстіе о смерти Нерона, перемѣняетъ рѣшеніе.—О Симонѣ изъ Геразы.

1. Чтобы изолировать Іерусалимъ со всѣхъ сторонъ, Веспасіанъ разбилъ лагери въ Іерихонѣ и Адидѣ и въ обоихъ городахъ помѣстилъ смѣшанные гарнизоны изъ римлянъ и союзниковъ. Одновременно съ тѣмъ онъ послалъ въ Геразу Луція Аннія съ коннымъ эскадрономъ и сильнымъ отрядомъ пѣхоты. Тотъ взялъ городъ штурмомъ, перебилъ около тысячи юношей, не спасшихся бѣгствомъ, семейства ихъ обратилъ въ военноплѣнниковъ, а имущество жителей отдалъ въ добычу солдатамъ. Послѣ всего онъ еще предалъ огню дома и бросился на сосѣднія деревни. Кто могъ, бѣжалъ, слабѣйшіе погибли, а сами деревни были уничтожены огнемъ. Между тѣмъ какъ война охватила всю горную область и всю долину, жителямъ Іерусалима былъ отрѣзанъ всякій выходъ. Тѣ, которые намѣревались перейти къ римлянамъ, охранялись зелотами, а тѣ, которые еще не питали расположенія къ римлянамъ, были окружены войскомъ, запершимъ теперь городъ со всѣхъ сторонъ.

2. Веспасіанъ только что вернулся въ Кесарею и намѣревался со всѣми силами двинуться на Іерусалимъ, когда ему было сообщено о смерти Нерона, царствовавшаго тринадцать лѣтъ и восемь дней. Какъ этотъ императоръ обезчестилъ свой тронъ, оставивъ бразды правленія въ рукахъ величайшихъ злодѣевъ, Нимфидія и Тигиллина, и недостойнѣйшихъ вольноотпущенниковъ; какъ затѣмъ послѣдніе составили заговоръ противъ него, а онъ, покинутый всѣми тѣлохранителями, съ оставшимися вѣрными ему только четырьмя отпущенниками, бѣжалъ и въ одномъ изъ предмѣстій Рима самъ лишилъ себя жизни; какъ тѣ, которые его низвергли, были скоро послѣ этого наказаны; какое теченіе и какой исходъ имѣла галльская война и какъ Гальба, провозглашенный императоромъ, вернулся въ Римъ изъ Испаніи, но вскорѣ обвиненный своими солдатами въ низкихъ замыслахъ, публично на форумѣ коварно умерщвленъ, а Оттонъ возведенъ въ его преемники, походъ послѣдняго противъ полководцевъ Вителлія и его паденіе; далѣе, возстанія при Вителліи и бой у Капитолія; наконецъ, какъ Антоній Примъ и Муціанъ послѣ пораженія Вителлія и германскихъ легіоновъ усмирили междоусобицу—обо всемъ этомъ я могу и не говорить подробно, какъ о дѣлахъ общеизвѣстныхъ и описанныхъ многими эллинами и римлянами. Чтобы удержать связь событій и не прерывать нить исторіи, я вкратцѣ указалъ на главнѣйшіе моменты.—Веспасіанъ тогда отсрочилъ походъ противъ Іерусалима, ибо онъ находился въ напряженномъ выжиданіи, кому достанется престолъ послѣ Нерона. И послѣ того, какъ онъ услышалъ, что Гальба сдѣлался императоромъ, онъ не хотѣлъ приступить къ нападенію на Іерусалимъ, прежде чѣмъ не получитъ отъ него письменной инструкціи на счетъ войны. Въ виду этого, онъ отправилъ къ нему своего сына, Тита, который долженъ былъ привѣтствовать его и получить соотвѣтствующія приказанія относительно іудеевъ. Въ тѣхъ же видахъ вмѣстѣ съ Титомъ поѣхалъ и царь Агриппа, пожелавшій тоже посѣтить Гальбу. Но въ то время, когда они на военныхъ корабляхъ достигли берега Ахаіи (дѣло было зимою), Гальба, процарствовавшій семь мѣсяцевъ и столько же дней, уже тоже былъ убитъ. На престолъ вступилъ Оттонъ, овладѣвшій имъ силой. Агриппа, не взирая на перемѣну правленія, безповоротно рѣшилъ ѣхать въ Римъ; но Титъ, какъ по внушенію свыше, поплылъ изъ Эллады въ Сирію и поспѣшно прибылъ къ своему отцу въ Кесарею [1]. Томимые положеніемъ всего государства, ожидая потрясенія римскаго царства, они съ меньшимъ вниманіемъ относились уже къ войнѣ съ іудеями и, страшно озабоченные судьбой своего собственнаго отечества, считали нападеніе на чужихъ несвоевременнымъ.

3. Но вмѣсто этого надъ Іерусалимомъ стряслась другая война. Виновникомъ ея былъ извѣстный Симонъ сынъ Гіоры (II, 19, 2. 22, 2), уроженецъ Геразы, молодой человѣкъ, который всемогущему въ Іерусалимѣ Іоанну уступалъ хотя въ хитрости, но превосходилъ его тѣлесной силой и безумной отвагой. Вслѣдствіе этого именно онъ былъ изгнанъ первосвященникомъ Ананомъ изъ Акрабатской топархіи, надъ которой начальствовалъ, и присоединился къ разбойникамъ, занимавшимъ Масаду. Вначалѣ они хотя съ недовѣріемъ относились къ нему и позволили ему поселиться вмѣстѣ съ привезенными имъ женами только въ нижней части крѣпости, между тѣмъ какъ они сами находились въ верхней, вскорѣ, однако, онъ, обнаруживъ одинаковыя съ ними наклонности и овладѣвъ ихъ довѣріемъ, могъ уже принимать участіе въ ихъ разбойничьихъ набѣгахъ и помогалъ имъ въ опустошеніи окрестностей Масады. Къ болѣе важ-

[1] Тацитъ болѣе откровенно объясняетъ поспѣшное возвращеніе Тита сердечнымъ влеченіемъ его къ прекрасной Вереникѣ (Tacitus hist. 2, 1—2). Что касается Агриппы, то онъ уѣхалъ въ Римъ для того, чтобы оттуда доставлять Веспасіану свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ и вербовать ему на мѣстѣ приверженцевъ.

нымъ предпріятіямъ онъ ихъ все-таки не могъ склонить: привыкнувъ къ крѣпости, они боялись удаляться отъ этой своей разбойничьей берлоги. Но Симонъ стремился къ власти и жаждалъ болѣе крупныхъ подвиговъ. А потому, какъ только услышалъ о смерти Анана, онъ разстался съ ними, отправился въ горы, чрезъ вѣстниковъ обѣщалъ рабамъ свободу, а свободнымъ вознагражденіе, и такимъ образомъ собралъ вокругъ себя негодяевъ со всѣхъ сторонъ.

4. Имѣя уже сильную шайку, онъ грабилъ деревни въ горахъ; но когда чѣмъ дальше—все больше стекалось къ нему людей, онъ отважился спуститься въ долину. Теперь онъ сдѣлался страшнымъ и для городовъ. Многіе изъ знатныхъ, привлекаемые его могуществомъ и счастливыми успѣхами его предпріятій, стекались къ нему на свою гибель, такъ что въ его войскѣ, кромѣ рабовъ и разбойниковъ, было также не мало гражданъ, повиновавшихся ему какъ царю. Съ этимъ войскомъ онъ исходилъ всю Акрабатскую топаторію и страну до Большой Идумеи, грабя на всемъ пути. Близъ деревни Наина [1] онъ воздвигнулъ себѣ бастіонъ, служившій ему, подобно крѣпости, гарантіей безопасности; а въ одной ложбинѣ, называющейся Фараномъ, онъ устроилъ много пещеръ, кромѣ еще тѣхъ, которыя нашелъ здѣсь готовыми, и превратилъ ихъ въ казнохранилища и магазины для помѣщенія добычи; въ нихъ онъ хранилъ награбленный хлѣбъ, въ нихъ также помѣщалась значительная часть его шайки. Ясно было, что эти пробные походы и другія приготовленія ведутъ къ экспедиціи противъ Іерусалима.

5. Опасаясь измѣнническаго нападенія, зелоты рѣшились опередить человѣка, возростающее могущество котораго сдѣлалось угрожающимъ для нихъ самихъ, и вооруженными въ большомъ числѣ выступили ему на встрѣчу. Симонъ принялъ сраженіе, многихъ изъ своихъ противниковъ уничтожилъ, а остальныхъ загналъ назадъ въ городъ. Онъ не довѣрялъ еще своему войску на столько, чтобы отважиться на штурмъ и поэтому отступилъ, рѣшившись прежде завоевать Идумею. Во главѣ двадцати тысячъ тяжеловооруженныхъ онъ двинулся къ ея границамъ. Вожаки идумеянъ со всей поспѣшностью собрали со всей страны способныхъ къ бою, въ числѣ около двадцати пяти тысячъ, большую часть которыхъ оставили однако внутри страны для защиты противъ вторженія сикаріевъ изъ Ма-

[1] По весьма вѣроятному предположенію Гаверкампа въ примѣчаніи къ нашему мѣсту (II, 302) вмѣсто Ναΐν слѣдуетъ читать Αΐν, т. е. библейское עַיִן

сады, и встрѣтили Симона на границѣ. Дѣло дошло до битвы и хотя весь день продолжался бой, все-таки не знали, кто побѣдилъ или былъ побѣжденъ. Симонъ возвратился въ Наинъ, а идумеяне—къ себѣ домой. Не много времени прошло, какъ Симонъ еще съ болѣе сильнымъ войскомъ вновь вторгнулся въ ихъ страну. У деревни Текои онъ разбилъ лагерь и послалъ къ гарнизону близъ лежавшаго Иродіона (I, 21, 10) одного изъ своихъ приближенныхъ, Элеазара, съ порученіемъ склонить его къ сдачѣ крѣпости. Гарнизонъ привѣтливо принялъ его, пока не зналъ еще о цѣли его прибытія; но какъ только тотъ намекнулъ на сдачу, они бросились на него съ обнаженными мечами и преслѣдовали его до тѣхъ поръ, пока онъ, не имѣя куда скрыться, бросился со стѣны въ пропасть. Онъ погибъ моментально. Идумеяне же, которымъ могущество Симона внушало однако страхъ, порѣшили, прежде чѣмъ вступить въ битву, вывѣдать силы непріятеля.

6. На эту миссію вызвался добровольно Іаковъ, одинъ изъ военачальниковъ; но онъ замышлялъ измѣну. Изъ деревни Алура, гдѣ тогда сосредоточилось идумейское войско, онъ отправился къ Симону и сговорился прежде всего на счетъ того, чтобы предать ему мѣсто своей родины, и взамѣнъ этого получилъ отъ него клятвенное обѣщаніе въ томъ, что онъ навсегда останется въ почетѣ; затѣмъ онъ обѣщалъ ему еще свое содѣйствіе въ покореніи всей Идумеи, къ чему Симонъ подстрекалъ его дружескимъ гостепріимствомъ и подачей блестящихъ надеждъ. Когда послѣ этого Іаковъ вернулся къ своимъ, его первымъ дѣломъ было представить преувеличенное описаніе могущества войска Симона, затѣмъ въ болѣе интимныхъ разговорахъ съ начальниками и отдѣльными частями войскъ онъ старался привести все войско къ рѣшенію принять Симона и безъ всякаго вооруженнаго сопротивленія передать ему высшую власть. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ одновременно съ тѣмъ пригласилъ Симона чрезъ пословъ и обѣщалъ ему разсѣять идумеянъ, что ему дѣйствительно и удалось. Ибо какъ только подступило войско Симона, онъ первый бросился на своего коня и, увлекая за собою своихъ сообщниковъ, пустился бѣжать. Тогда страхъ обуялъ весь народъ, и прежде чѣмъ дошло до столкновенія, ряды разстроились и всѣ отступили на родину.

7. Противъ ожиданія, Симонъ безъ кровопролитія вступилъ въ Идумею и внезапнымъ нападеніемъ взялъ прежде всего городъ Хевронъ, въ которомъ нашелъ богатую добычу и награбилъ огромные запасы хлѣба. По свидѣтельству коренныхъ жителей, Хевронъ не только старше остальныхъ

городовъ въ томъ краю, но древнѣе даже чѣмъ Мемфисъ въ Египтѣ, ибо они число его лѣтъ опредѣляютъ въ двѣ тысячи триста [1]. Разсказываютъ также, что онъ служилъ мѣстопребываніемъ Авраама, родоначальника іудеевъ, послѣ его исхода изъ Месопотаміи; оттуда также, какъ гласитъ преданіе, дѣти Авраама переселились въ Египетъ. Ихъ гробницы, прекрасно сдѣланныя изъ великолѣпнѣйшаго мрамора, по настоящій день показываются еще въ томъ городѣ. На разстояніи шести стадій отъ города показываютъ также исполинское скипидарное дерево, существующее, какъ полагаютъ, отъ сотворенія міра [2]. Отсюда Симонъ исходилъ всю Идумею, не только опустошая деревни и города, но и разоряя всю страну. Ибо, кромѣ его тяжело-вооруженныхъ, слѣдовали за нимъ сорокъ тысячъ человѣкъ, такъ что самыхъ необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ не хватало для этой несмѣтной толпы. Къ недостатку припасовъ присоединялась еще его жестокость и ожесточеніе противъ народа, что приводило еще къ большему опустошенію Идумеи. Подобно тому, какъ туча саранчи обнажаетъ цѣлые лѣса отъ листьевъ, такъ войско Симона оставляло позади себя полнѣйшую пустыню, сожигая одно, ломая другое, уничтожая все растущее на землѣ или растаптываніемъ или вытравливаніемъ и дѣлая своимъ походомъ воздѣланную землю обнаженнѣе пустыни. Словомъ, въ опустошенныхъ мѣстностяхъ не осталось ни малѣйшаго признака обитаемости.

8. Эти событія вывели зелотовъ изъ ихъ бездѣятельности. Преодолѣть Симона въ открытомъ сраженіи они хотя не надѣялись, за то они устроили въ узкомъ проходѣ засаду и захватили въ плѣнъ жену Симона съ ея многочисленной свитой. Полные ликованія, какъ еслибы схватили самого Симона, они возвратились въ столицу и ждали, что онъ сейчасъ положитъ оружіе и смиренно будетъ просить выдачи ему жены. Но онъ не чувствовалъ жалости, а проникся только гнѣвомъ противъ этого похищенія и, явившись подъ стѣнами Іерусалима, точно раненный звѣрь, не могущій достигнуть того, который ранилъ его, выместилъ свою ярость на всѣхъ попавшихся ему на пути. Кто только выходилъ за городскія ворота за дровами-ли или овощами, невооруженные и старики, были схвачены и замучены на смерть; недоставало еще, чтобы онъ для утоленія своей свирѣпости съѣдалъ ихъ трупы. Многихъ онъ отослалъ съ отрубленными руками обратно въ городъ, съ одной стороны, чтобы нагнать страхъ на своихъ враговъ, а съ другой, чтобы возстановить народъ противъ виновныхъ. Имъ поручено было также передать слѣдующее: «Симонъ клянется Богомъ Всевѣдущимъ, что если ему сейчасъ же не выдадутъ жены, то онъ будетъ штурмовать стѣну и, не щадя никакого возраста, не различая виновныхъ и невинныхъ, одинаково накажетъ всѣхъ жителей города». Эта угроза устрашила не только народъ, но и зелотовъ; они выдали ему жену, послѣ чего онъ, немного смягченный, пріостановилъ на время убійства.

9. Не въ одной Іудеѣ, впрочемъ, царили мятежи и междоусобицы,—они господствовали также и въ Италіи. Гальба былъ открыто умерщвленъ на римскомъ форумѣ и вмѣсто него провозглашенъ императоромъ Оттонъ [1], который въ свою очередь воевалъ съ Вителліемъ, избраннымъ въ императоры германскими легіонами [2]. При Бедріакѣ въ Галліи произошло столкновеніе между Оттономъ, съ одной стороны, и Валентомъ и Цецинной, полководцами Вителлія, съ другой. Въ первый день побѣждалъ Оттонъ, а во второй—войско Вителлія. Когда уже много крови было пролито, Оттонъ, узнавшій въ Брикселлѣ о своемъ пораженіи, самъ лишилъ себя жизни, процарствовавъ три мѣсяца и два дня. Войско его перешло на сторону полководцевъ Вителлія, и послѣдній со своей арміей вступилъ въ Римъ. Въ это самое время, въ пятый день мѣсяца Дайсія [3], Веспасіанъ также выступилъ изъ Кесареи противъ еще незавоеванныхъ округовъ Іудеи. Онъ поднялся въ гористую страну и покорилъ двѣ топархіи, Гофнитскую и Акрабатскую, затѣмъ города Веѳила и Эфраимъ, въ которыхъ оставилъ гарнизоны, и двинулся впередъ къ самому Іерусалиму. Много іудеевъ, попав-

[1] Преданіе о древности Хеврона подтверждается Библіей, гдѣ (книга чиселъ 13, 22) сообщается, что этотъ городъ былъ построенъ семью годами раньше Таниса въ Египтѣ; послѣдній же городъ, какъ видно изъ найденныхъ тамъ памятниковъ, существовалъ уже при шестой династіи, т. е. въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. X. (См. Ebers, Durch Gosen zum Sinai, 1881, стр. 518).

[2] Дерево это уже въ IV вѣкѣ болѣе не существовало, за то въ окрестности города сохранился по настоящее время дубъ громаднѣйшихъ размѣровъ, который многіе смѣшиваютъ съ упомянутымъ Іосифомъ деревомъ.

[1] Маркъ Сальвій Оттонъ, бывшій товарищъ оргій Нерона, посланный правителемъ въ Лузитанію, когда его жена Поппея сдѣлалась любовницей Нерона. Изъ ненависти къ Нерону онъ принялъ сторону Гальбы, надѣясь, что въ награду за то старикъ Гальба усыновитъ его, сдѣлаетъ своимъ соправителемъ и наслѣдникомъ; но когда Гальба усыновилъ и назначилъ своимъ наслѣдникомъ Пизона Лициніана, Оттонъ съ помощью взбунтовавшихся преторіанцевъ свергнулъ Гальбу и самъ овладѣлъ престоломъ.

[2] Вителлій былъ еще назначенъ Гальбой начальникомъ легіоновъ Нижняго Рейна.

[3] Сиванъ. Іюнь—Іюль.

шихъ въ его руки, было уничтожено, а большое число было также плѣнено. Одинъ изъ его военачальниковъ, Цереалій, во главѣ отдѣленія всадниковъ и пѣхоты, опустошалъ такъ называемую Верхнюю Идумею, сжегъ едва заслуживавшую названія городка Кафеѳру, на которую напалъ врасплохъ, и послѣ нападенія осадилъ другой городъ Кафарабинъ, имѣвшій очень сильную обводную стѣну. Въ то время, когда онъ готовился вести здѣсь продолжительную осаду, жители вдругъ открыли ему ворота и сдались, прося о пощадѣ. Обезпечивъ за собою этотъ городъ, Цереалій двинулся къ древнѣйшему городу Хеврону, лежавшему, какъ выше было сказано, недалеко отъ Іерусалима въ гористой мѣстности. Взявъ этотъ городъ съ бою, онъ приказалъ всѣхъ способныхъ носить оружіе уничтожить, а городъ сжечь. Такъ какъ все, исключая занятыхъ разбойниками крѣпостей, Иродіона, Масады и Махера, было уже покорено, то ближайшей цѣлью завоеванія для римлянъ остался теперь Іерусалимъ.

10. Симонъ же, спасши свою жену изъ рукъ зелотовъ, возвратился въ пощаженную имъ еще часть Идумеи и такъ стѣснилъ народъ со всѣхъ сторонъ, что многіе бѣжали въ Іерусалимъ. Но онъ погнался за ними и туда, еще разъ аттаковалъ стѣну и всѣхъ приходившихъ съ полей рабочихъ, которыхъ только могъ поймать, убивалъ. Изъ внѣшнихъ враговъ былъ Симонъ для народа страшнѣе римлянъ, а зелоты внутри города были ему страшнѣе ихъ обоихъ. Между тѣмъ безнравственность и разнузданность уничтожили также дисциплину въ рядахъ галилейскаго войска. Ибо послѣ того какъ Іоаннъ былъ возведенъ послѣднимъ на вершину могущества, онъ въ свою очередь, въ благодарность за полученную отъ войска власть, предоставилъ ему дѣлать все, что заблагоразсудится. Тогда разбойничья жадность солдатъ сдѣлалась ненасытной: дома богатыхъ обыскивались; убійства мужчинъ и оскорбленія женщинъ служили имъ утѣхой. Обагренные еще кровью, они пожирали награбленное и изъ одного пресыщенія безстыдно предавались женскимъ страстямъ, завивая себѣ волосы, одѣвая женское платье, натирая себя пахучимъ масломъ и для красоты расписывая себѣ глаза. Но не только въ нарядѣ и уборѣ подражали они женщинамъ, но и въ своихъ страстяхъ и въ избыткѣ сладострастія измышляли противоестественныя похоти. Они безчинствовали въ городѣ, какъ въ непотребномъ домѣ, оскверняя его самыми гнусными дѣлами. Женщины на видъ,—они убивали кулаками; шагая изящной, короткой походкой, они вдругъ превращались въ нападающихъ воиновъ; изъ подъ пестраго верхняго платья они вынимали кинжалы и пронизывали каждаго, становившагося имъ на пути. Если кто бѣжалъ отъ Іоанна, то его ожидалъ еще кровожадный Симонъ; кто спасался отъ тирана внутри города, тотъ дѣлался жертвой тирана, стоявшаго внѣ города, такъ что желавшимъ перейти къ римлянамъ былъ отрѣзанъ всякій путь.

11. Тогда въ войскѣ поднялось возстаніе противъ Іоанна: находившіеся въ немъ идумеяне отдѣлились отъ другихъ, чтобы напасть на Іоанна, превосходство котораго возбуждало въ нихъ соревнованіе, а жестокость его—ненависть. Въ рукопашномъ бою идумеяне убили много зелотовъ, а всѣхъ остальныхъ прогнали въ построенный Граттой (родственницей адіабенскаго царя Изата) дворецъ; но проникши и туда, они загнали зелотовъ еще дальше—въ храмъ и тогда принялись за разграбленіе сокровищъ Іоанна. Ибо названный выше дворецъ былъ его жилищемъ, гдѣ онъ также хранилъ добычу своей тираніи. Между тѣмъ оставшаяся въ городѣ масса зелотовъ устремилась къ храму, соединилась съ бѣжавшими сюда, и уже Іоаннъ началъ дѣлать приготовленія къ тому, чтобы повести ихъ на бой противъ народа и идумеянъ. Тогда послѣдніе, превосходившіе первыхъ воинственностью, начали опасаться не столько открытаго нападенія со стороны зелотовъ, сколько того, чтобы они изъ отчаянія не напали на нихъ тайно въ ночное время и не истребили бы города огнемъ. Они созвали поэтому собраніе и совѣщались съ первосвященниками о томъ, какимъ образомъ обезопасить себя отъ такого покушенія. Но Богъ направилъ ихъ мысли не на добрый путь, такъ что они избрали средство спасенія, оказавшееся хуже гибели. Чтобы ниспровергнуть Іоанна, они рѣшили принять въ городъ Симона и, покорно смирясь, ввести другого тирана. И это рѣшеніе было приведено въ исполненіе. Они послали первосвященнику Матѳію, который отъ ихъ имени долженъ былъ просить столь страшнаго для нихъ прежде Симона придти въ городъ. Къ ихъ просьбамъ присоединились также и тѣ, которые бѣжали изъ Іерусалима отъ зелотовъ и надѣялись теперь получить обратно свои дома и имущество. Симонъ высокомѣрно предоставилъ имъ милость сдѣлаться ихъ господиномъ и вступилъ въ городъ (съ виду для того, чтобы освободить ихъ отъ зелотовъ), привѣтствуемый народомъ, какъ спаситель и покровитель. Но вошедши въ городъ вмѣстѣ со своимъ войскомъ, онъ всѣ свои усилія направилъ на то, чтобы упрочить за собою верховную власть и одинаково враждебно началъ относиться какъ къ тѣмъ, которые его приглашали, такъ и къ другимъ, противъ которыхъ онъ былъ призванъ.

12. Итакъ, на третій годъ войны въ мѣсяцѣ Ксантикѣ [1] Симонъ сдѣлался властелиномъ Іерусалима. Іоаннъ же и многочисленные зелоты, для которыхъ всѣ выходы изъ храма были заперты и у которыхъ было отнято все, чѣмъ они владѣли въ городѣ (такъ какъ войско Симона уже разграбило всякую ихъ собственность), находились въ отчаянномъ положеніи. Поддерживаемый народомъ, Симонъ сдѣлалъ нападеніе на храмъ. Но зелоты, расположившись на галлереяхъ и брустверахъ храма, отразили его; множество изъ людей Симона пало и не мало было унесено ранеными, ибо зелоты съ своихъ возвышенныхъ позицій стрѣляли легко и всегда попадая въ цѣль. Кромѣ того, они, пользуясь благопріятной мѣстностью, воздвигли четыре могущественныхъ башни, чтобы посылать свои стрѣлы еще съ болѣе высокихъ пунктовъ; одну на сѣверовосточномъ концѣ, другую надъ Ксистомъ, третью на противоположномъ концѣ, насупротивъ Нижняго города, а послѣдняя была построена надъ верхними помѣщеніями, на томъ мѣстѣ, гдѣ по прежнему обычаю въ вечеръ, предшествующій субботѣ, становился одинъ изъ священниковъ и трубнымъ звукомъ возвѣщалъ о наступленіи послѣдней, равно какъ на слѣдующій вечеръ—объ ея окончаніи, чтобы такимъ образомъ въ первый разъ дать знать народу о превращеніи всѣхъ дѣлъ, а во второй разъ—объ ихъ возобновленіи [2]. На этихъ башняхъ они размѣстили катапульты и другія метательныя машины, равно какъ стрѣлковъ и пращниковъ. Съ этихъ поръ Симонъ уже не былъ такъ горячъ въ своихъ нападеніяхъ, такъ какъ большая часть его людей потеряла мужество, но въ силу численнаго своего превосходства все еще держался. Вылетавшія на болѣе далекое разстояніе стрѣлы метательныхъ машинъ производили однако большія опустошенія въ рядахъ его бойцовъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Войска въ Іудеѣ и Египтѣ провозглашаютъ Веспасіана императоромъ.—Веспасіанъ освобождаетъ Іосифа изъ оковъ.

1. Въ это время и надъ Римомъ стряслись страшныя бѣдствія. Вителлій съ своимъ войскомъ и еще съ многочисленной толпой народа, которую онъ тащилъ за собою, прибылъ изъ Германіи и, такъ какъ

[1] Нисанъ—апрѣль.

[2] Обычай возвѣщенія наступленія субботы соблюдался еще послѣ разрушенія храма. См. Тр. Шаббатъ 35в; Рыбинскій, Древне-еврейская Суббота 1892, стр. 195.

всѣ солдаты не могли помѣститься въ предназначенныя для нихъ зданія, превратилъ весь Римъ въ лагерь и каждый домъ наполнилъ вооруженными. Послѣдніе, глядя на богатства римлянъ непривычными глазами, ослѣпляемые со всѣхъ сторонъ золотомъ и серебромъ, не могли обуздать свою жадность на столько, чтобы не приняться за грабежи; каждаго же, который препятствовалъ имъ въ этомъ, они убивали. Таково было положеніе въ Италіи.

2. Когда Веспасіанъ послѣ покоренія ближайшихъ окрестностей Іерусалима вернулся въ Кесарею, онъ узналъ здѣсь о безпорядкахъ въ Римѣ и о томъ, что Вителлій сдѣлался императоромъ. Хотя онъ умѣлъ повиноваться такъ же, какъ и повелѣвать, все таки извѣстіе это привело его въ негодованіе, ибо человѣка, такъ безумно распоряжавшагося точно въ осиротѣвшемъ царствѣ, онъ считалъ недостойнымъ престола. Будучи проникнутъ самыми мучительными мыслями, онъ чувствовалъ всю тягость своего положенія какъ покорителя чужихъ земель въ то время, какъ его собственное отечество погибало. Но какъ ни побуждалъ его гнѣвъ къ мщенію, мысль о большой отдаленности пространства въ той же степени удерживала его: онъ подумалъ, какія препятствія можетъ поставить ему коварная судьба еще прежде, чѣмъ онъ высадится на италійскій берегъ, тѣмъ болѣе, что плаваніе по морю выпадало бы въ зимнее время, а потому онъ на этотъ разъ подавилъ въ себѣ гнѣвное нетерпѣніе.

3. Но военачальники и солдаты на своихъ товарищескихъ сходкахъ открыто совѣщались о перемѣнѣ правленія и свое неудовольствіе выражали въ громкихъ жалобахъ: «Солдаты въ Римѣ, говорили они, утопающіе въ благоденствіи, изнѣженныя уши которыхъ не могутъ даже слышать слово «война», отдаютъ царскій тронъ по своему благоусмотрѣнію и назначаютъ императоровъ изъ одной только корысти; они же, перенесшіе столько военныхъ трудностей и посѣдѣвшіе подъ шлемомъ, должны-ли они предоставить господство другому, когда въ своей же средѣ имѣютъ человѣка, наиболѣе достойнаго власти. Когда они еще разъ найдутъ случай воздать ему за его добрыя отношенія къ нимъ, если они упустятъ настоящій моментъ? И Веспасіанъ на столько же имѣетъ больше права на престолъ чѣмъ Вителлій, на сколько они сами достойнѣе тѣхъ, которые избрали послѣдняго. Ибо они вели отнюдь не менѣе значительныя войны, чѣмъ тѣ въ Германіи, и владѣютъ оружіемъ не хуже тѣхъ, которые оттуда привели тирана. Въ борьбѣ совсѣмъ не представится надобности, ибо ни сенатъ, ни римскій народъ не предпочтутъ необузданность Вителлія умѣ-

ренности Веспасіана; не предпочтутъ они жестокаго тирана доброму царю, бездѣтнаго [1] — тому, кто уже имѣетъ сына. Вѣрнѣйшее ручательство мирнаго царствованія лежитъ въ истыхъ доблестяхъ властелина. А потому, подобаетъ-ли верховная власть долголѣтней опытности, то они имѣютъ Веспасіана; если она приличествуетъ силѣ молодости, то они имѣютъ Тита. Они поэтому, смотря по обстоятельствамъ, воспользуются возрастомъ того и другого. Избранника съумѣютъ энергично отстаивать не только они въ числѣ трехъ легіоновъ, находящіеся также въ союзѣ съ царями, но ему будутъ содѣйствовать еще весь Востокъ и часть Европы, оставшаяся внѣ страха предъ Вителліемъ, точно также союзники въ Италіи, братъ и второй сынъ Веспасіана [2]. Къ послѣднему примкнутъ многіе знатные юноши; а первому ввѣрена даже охрана города [3], что имѣетъ не малое значеніе для полученія власти. Независимо отъ этого, если они будутъ медлить, сенатъ можетъ еще признать императоромъ такого человѣка, къ которому они, солдаты, защитники государства, не будутъ питать никакого уваженія».

4. Подобные разговоры вели солдаты на своихъ сходкахъ. Вскорѣ они собрались всей массой и, ободряя другъ друга, провозгласили Веспасіана императоромъ и призвали его на спасеніе обуреваемаго отечества. Онъ самъ давно уже былъ озабоченъ положеніемъ государства, не думая все таки о собственномъ восшествіи на престолъ. По своимъ заслугамъ онъ считалъ себя, конечно, достойнымъ престола, но предпочиталъ спокойствіе частной жизни опасностямъ такого блестящаго положенія. Но чѣмъ больше онъ отказывался, тѣмъ настойчивѣе сдѣлались военачальники; солдаты окружили его съ обнаженными мечами и угрожали ему смертью, если онъ не захочетъ съ честью жить. Послѣ того, какъ онъ представилъ имъ всѣ основанія, по которымъ отклоняетъ отъ себя власть, онъ, видя, что не можетъ ихъ разубѣдить, въ концѣ концовъ уступилъ своимъ избирателямъ.

5. Такъ какъ Муціанъ и другіе полководцы также подбивали его принять императорское достоинство, а войско громко объявило себя готовымъ идти противъ всякаго его противника, то онъ старался прежде всего обезпечить себѣ Александрію, ибо онъ хорошо зналъ великое значеніе

[1] Вителлій собственно имѣлъ сына: онъ носилъ имя Германика и былъ умерщвленъ послѣ смерти его отца (Tacitus, Histor. II, 59; IV, 80).

[2] Сабинъ и Домиціанъ; о нихъ еще будетъ рѣчь впереди.

[3] Сабинъ былъ назначенъ Вителліемъ римскимъ префектомъ.

Египта для государства, какъ поставщика хлѣба для послѣдняго. Владѣя этой страной, онъ надѣялся низвергнуть Вителлія, если даже послѣдній будетъ отстаивать свое господство силой, такъ какъ народъ, если только изъ-за него подвергнется голоду, навѣрно не захочетъ долго терпѣть его. Находившіеся въ Александріи два легіона онъ надѣялся привлечь на свою сторону. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсчитывалъ найти въ Египтѣ оплотъ противъ непредвидѣнныхъ несчастныхъ случайностей; ибо со стороны материка страна эта едва доступна, а со стороны моря лишена удобныхъ портовъ; на западѣ тянутся безводныя пустыни Ливіи, на югѣ ее замыкаетъ Сіена, отдѣляющая ее отъ Эфіопіи, и неудобные для плаванія водопады Нила, на востокѣ, до Копта, ее омываетъ Красное море, а на сѣверѣ береговая полоса до Сиріи и такъ называемое Египетское море, не имѣющее ни единаго порта, служатъ ей защитительной стѣной. Такъ защищенъ Египетъ со всѣхъ сторонъ. Длина его отъ Пелузія до Сіены составляетъ двѣ тысячи стадій; но моремъ отъ Плинѳины [1] до Пелузія [2] ѣхать приходится три тысячи шесть сотъ стадій. Нилъ судоходенъ до города Элефантина; отсюда же вверхъ плаванію препятствуютъ упомянутые уже водопады. Гавань въ Александріи даже въ безбурную погоду съ трудомъ доступна, ибо въѣздъ узокъ и проѣзжая дорога извивается въ кривую линію между невидимыми подводными скалами. Лѣвая сторона гавани прикрыта искусственными сооруженіями; на правой находится островокъ Фаросъ съ очень высокой башней, освѣщающей мореплавателямъ дорогу на триста стадій [3], дабы они ночью, въ виду трудности въѣзда, могли остановиться въ нѣкоторомъ отдаленіи. Этотъ маленькій островокъ обнесенъ кругомъ высокими стѣнами и искусственными плотинами. Волненіе, образующееся здѣсь отъ того, что волны съ одной стороны разбиваются о плотину, а съ другой отбрасываются назадъ противолежащими прибрежными строеніями, дѣлаетъ этотъ водяной путь очень бурнымъ и безпокойнымъ, а въѣздъ, еще вслѣдствіе его тѣсноты, опаснымъ. Внутри же гавань, наоборотъ, совершенно безопасна и занимаетъ пространство въ тридцать стадій. Въ нее ввозится все, въ чемъ страна нуждается для своихъ жизненныхъ потребностей, извнѣ; съ другой

[1] Западный пограничный городъ Нижняго Египта.

[2] На крайнемъ восточномъ рукавѣ Нила.

[3] Этотъ такъ называемый Фаросскій маякъ или Фаросъ Александрійскій считался въ древности однимъ изъ главныхъ чудесъ. Онъ стоялъ на скалѣ и по своей высотѣ не уступалъ пирамидамъ.

стороны, излишекъ ея собственныхъ продуктовъ оттуда развозится по всему свѣту.

6. Вполнѣ понятно поэтому, почему Веспасіанъ для укрѣпленія своей власти старался заручиться этой страной. Немедленно написалъ онъ намѣстнику Египта и Александріи, Тиверію Александру, изобразилъ ему преданность войска и какъ ему, принужденному принять на себя тяжесть правленія, пріятно будетъ воспользоваться его помощью и содѣйствіемъ. Сейчасъ по прочтеніи этого письма Александръ приказалъ легіонамъ и народу присягнуть на вѣрность Веспасіану. Они повиновались съ радостью, такъ какъ достоинство Веспасіана были имъ хорошо извѣстны по его дѣламъ на близкомъ къ нимъ театрѣ войны. Александръ, которому досталась такая важная роль при возвышеніи Веспасіана [1], началъ теперь готовиться къ тому, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить его. Съ неимовѣрной быстротой вѣсть о новомъ императорѣ разнеслась на Востокѣ. Каждый городъ устраивалъ празднества съ жертвоприношеніями по случаю полученной доброй вѣсти и въ честь новаго императора. Легіоны въ Мезіи [2] и Панонiи [3], которые незадолго предъ тѣмъ возстали противъ дерзкаго Вителлія [4], теперь съ тѣмъ большей радостью принесли присягу на вѣрность Веспасіану, какъ своему императору. Самъ Веспасіанъ выступилъ изъ Кесареи и отправился въ Беритъ, гдѣ со всей Сиріи и другихъ провинцій ожидали его многія посольства, вручившія ему отъ всѣхъ городовъ вѣнки и привѣтственные адресы. И Муціанъ, правитель Сиріи, также явился и доложилъ ему о преданности населенія и покорности городовъ.

7. Такъ какъ все шло на встрѣчу желаніямъ Веспасіана и обстоятельства почти вполнѣ складывались въ его пользу, то ему пришло на умъ,

[1] Александръ, какъ свидѣтельствуютъ Тацитъ и Светоній и какъ точнѣе сообщаетъ ниже (V, 1, 6) Іосифъ, еще до Муціана, еще прежде чѣмъ собственные легіоны Веспасіана въ Іудеѣ, присягнулъ на вѣрность послѣднему. Не даромъ Веспасіанъ поставилъ ему еще при жизни памятникъ въ Римѣ.

Къ склоненію же на сторону Веспасіана Александра—этого перешедшаго въ язычество александрійскаго еврея—содѣйствовали Агриппа и сестра его Вереника, для которой возвышеніе дома Флавіевъ, въ виду извѣстной ея связи съ Титомъ, представлялось дѣломъ чрезвычайной важности.

[2] Часть нынѣшней Сербіи и Болгаріи.

[3] Нынѣшняя верхняя и нижняя Австрія и западная Венгрія.

[4] Они были преданы Оттону и рѣшились отомстить Вителлію за ниспроверженіе имъ послѣдняго.

что не помимо божественнаго предначертанія онъ взялся за кормило правленія и что владычество присуждено ему высшей судьбой. Среди многочисленныхъ другихъ знаменій, предвѣщавшихъ ему господство, онъ вспомнилъ тогда и слова Іосифа, который еще при жизни Нерона осмѣлился величать его титуломъ императора (III, 8, 9). Онъ ужаснулся, когда вспомнилъ также, что этотъ человѣкъ содержится у него еще въ оковахъ, созвалъ поэтому Муціана съ остальными полководцами и друзьями, охарактеризовалъ предъ ними, во первыхъ, энергичный характеръ Іосифа и какъ послѣдній воевалъ съ нимъ подъ Іотапатой, разсказалъ затѣмъ о его пророчествѣ, которое онъ тогда принималъ за выдумку, навѣянную страхомъ, и которое однако, какъ показали время и факты, исходило отъ Бога. «Было бы грѣшно, продолжалъ онъ, если бы этотъ человѣкъ, предсказавшій мнѣ господство и сдѣлавшійся выразителемъ воли Бога, продолжалъ бы еще оставаться въ положеніи военноплѣнника и по прежнему влачилъ бы кандалы». Послѣ этого онъ приказалъ призвать Іосифа и освободить его отъ оковъ. Эта признательность, проявленная Веспасіаномъ къ чужому, послужила для самихъ полководцевъ указаніемъ на лучшее будущее. Титъ же, стоявшій возлѣ своего отца, въ это время сказалъ: «Было бы справедливо, отецъ, если-бъ вмѣстѣ съ оковами снять съ Іосифа также и позоръ: если вмѣсто того, чтобы развязать его отъ цѣпей, мы разрубимъ послѣднія, тогда это будетъ равносильно тому, какъ будто онъ ихъ никогда не носилъ». Таковъ именно обычай по отношенію къ тѣмъ, которые невинно были подвергнуты оковамъ. Императоръ далъ на это свое согласіе: подошелъ слуга и разрубилъ цѣпи. Такимъ образомъ возстановлена была честь Іосифа въ воздаяніе за его пророчество, и отнынѣ стали относиться съ довѣріемъ къ его словамъ въ вопросахъ о будущемъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

После пораженія и смерти Вителлія Веспасіанъ отправляется въ Римъ, а сынъ его Титъ возвращается въ Іерусалимъ.

1. Распустивъ посольства и раздѣливъ намѣстничества по заслугамъ и достоинствамъ, Веспасіанъ отправился въ Антіохію и, обдумывая здѣсь, куда ему прежде всего направиться, пришелъ къ рѣшенію, что римскія дѣла для него важнѣе похода въ Александрію, такъ какъ въ этомъ городѣ онъ былъ увѣренъ, между тѣмъ какъ Римъ былъ волнуемъ Вителліемъ. Въ виду этого, онъ послалъ Муціана въ Италію во главѣ значи-

тельной арміи изъ конницы и пѣхоты. Такъ какъ дѣло происходило зимою, то Муціанъ не рѣшался ѣхать моремъ и повелъ свое войско сухимъ путемъ чрезъ Каппадокію и Фригію.

2. Въ то же время Антоній Примъ, бывшій тогда правителемъ Мезіи, поднялся оттуда съ третьимъ легіономъ, чтобы также напасть на Вителлія. Послѣдній выслалъ противъ него съ многочисленнымъ войскомъ Цецинну, о которомъ онъ, вслѣдствіе побѣды его надъ Оттономъ, былъ высокаго мнѣнія. Скорымъ маршемъ Цецинна выступилъ изъ Рима и столкнулся со своимъ противникомъ у Кремоны, въ Галліи, — пограничнаго города Италіи. Убѣдившись здѣсь въ силѣ и прекрасной организаціи непріятельскаго войска, онъ не отважился на сраженіе и, считая также обратное отступленіе опаснымъ, рѣшился на измѣну [1]. Онъ собралъ подчиненныхъ ему центуріоновъ и трибуновъ и старался склонить ихъ на переходъ къ Антонію, умаляя въ ихъ глазахъ могущество Вителлія и возвышая, напротивъ, силы Веспасіана. «Одинъ, — сказалъ онъ, — имѣетъ только титулъ властелина, а другой—силу. Лучше всего будетъ поэтому, если они изъ нужды сдѣлаютъ доброе дѣло, и такъ какъ съ оружіемъ въ рукахъ они неминуемо будутъ побѣждены, то пусть добровольнымъ рѣшеніемъ предупредятъ опасность. Веспасіанъ въ состояніи будетъ и безъ нихъ покорить себѣ то, что ему еще осталось, Вителлій же и при ихъ помощи не съумѣетъ отстоять даже и то, что уже имѣетъ».

3. Многими подобными увѣщаніями онъ ихъ склонилъ и вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ перешелъ къ Антонію. Но въ ту же ночь солдатами овладѣло раскаяніе, да и страхъ передъ тѣмъ, который ихъ послалъ и который могъ еще оказаться побѣдителемъ. Съ обнаженными мечами они напали на Цецинну и хотѣли убить его; и они бы это сдѣлали, если бы трибуны на колѣняхъ не вымолили его спасенія. Но они согласились только оставить его въ живыхъ и заключили его въ кандалы, какъ измѣнника, намѣревавшись послать его къ Вителлію. Какъ только узналъ объ этомъ Примъ, онъ приказалъ трубить о выступленіи и повелъ своихъ людей вооруженными противъ отпавшихъ. Послѣдніе приняли сраженіе, но послѣ краткаго сопротивленія показали тылъ и бѣжали къ Кремонѣ. Тогда Примъ, своими всадниками, отрѣзалъ имъ входъ, перебилъ большую

[1] Въ Кремонѣ Цецинна получилъ извѣстіе, что флотъ, стоявшій въ Равеннѣ, принялъ сторону Веспасіана: онъ упалъ духомъ и предложилъ своему войску послѣдовать этому примѣру.

часть тѣхъ, которыхъ оцѣпилъ, вмѣстѣ съ остальными вторгся въ самый городъ и отдалъ его солдатамъ на разграбленіе. Много чужихъ и туземныхъ купцовъ погибло тогда [1], точно также и все войско Вителлія, состоявшее изъ 30,200 человѣкъ. Впрочемъ, и Антоній потерялъ изъ своего мезійскаго легіона 4,500 человѣкъ. Цецинну онъ приказалъ освободить отъ оковъ и послалъ его къ Веспасіану для сообщенія ему этихъ событій. Послѣдній милостиво принялъ его и нежданными почестями покрылъ позоръ его измѣны.

4. Извѣстіе о приближеніи Антонія вселило также мужество Сабину въ Римѣ: онъ привлекъ на свою сторону войска, сосредоточившія въ своихъ рукахъ ночную охрану города, и ночью же занялъ ими Капитолій. Когда утро наступило, къ нему еще примкнули многіе знатные граждане, въ томъ числѣ также и сынъ его брата—Домиціанъ, на которомъ главнымъ образомъ строили надежду на побѣду. Примъ не особенно безпокоилъ Вителлія, но участники возстанія Сабина наполнили его гнѣвомъ. Жестокій по природѣ и жадный къ благородной крови, онъ приказалъ приведенному имъ въ Римъ войску сдѣлать приступъ на Капитолій. Штурмовавшіе, равно какъ и сражавшіеся съ храма, выказывали много подвиговъ храбрости, но германцы, въ концѣ, концовъ благодаря своему численному превосходству, овладѣли холмомъ. Только Домиціанъ и съ нимъ многіе знатные римляне какимъ-то чудомъ спаслись, вся же остальная масса была разбита на голову; Сабинъ былъ приведенъ къ Вителлію и казненъ, а храмъ, послѣ того, какъ солдаты разграбили находившіяся въ немъ священныя приношенія, былъ преданъ огню [2].

[1] Воины Веспасіана, — говоритъ Г. Веберъ (Всеобщая Исторія, IV т., стр. 224, перев. Андреева),—насытили свою свирѣпость и алчность грабежемъ и неистовствомъ; взявъ приступомъ Кремону, они съ неукротимою яростью ринулись въ дома, били и убивали гражданъ, насиловали женщинъ и дѣвушекъ, разграбили все и зажгли богатый и прекрасный городъ. Немногіе жители, которые успѣли спастись бѣгствомъ, собрались потомъ на пепелищѣ Кремоны и построили нѣсколько бѣдныхъ хижинъ. Плѣнниковъ не было; воины Веспасіана не брали въ плѣнъ никого изъ жителей города, потому что это были римскіе граждане и нельзя было продать ихъ въ рабство; они убивали всѣхъ.

[2] Разсказанныя здѣсь Іосифомъ событія не согласны съ извѣстіями римскихъ источниковъ, представляющихъ все дѣло въ слѣдующемъ видѣ. Когда Антоній Примъ приблизился къ Риму, Вителлій, отчаявшись въ возможности сопротивленія, пришелъ на форумъ и объявилъ, что для прекращенія войны

Только на одинъ день позже прибылъ въ городъ Антоній со своимъ войскомъ; отряды Вителлія стали противъ него и дрались въ трехъ пунктахъ города, но были совершенно разбиты. Шатаясь отъ вина, подобно человѣку, въ послѣдній разъ предъ гибелью своей насытившемуся за обѣденнымъ столомъ, Вителлій вышелъ изъ своего дворца, но былъ схваченъ чернью, которая поволокла его по улицамъ и, вдоволь наглумившись, убила его въ самомъ Римѣ [1]. Онъ царствовалъ восемь мѣсяцевъ и пять дней. Живи онъ больше, всей имперіи, кажется, не хватило бы для его обжорства [2].

Прочихъ убитыхъ насчитано было свыше пятидесяти тысячъ. Это произошло въ третій день мѣсяца Апеллая [3]. Черезъ день вступилъ Муціанъ со своимъ войскомъ и прежде всего приказалъ людямъ Антонія прекратить убійства, ибо послѣдніе обыскивали дома и продолжали еще убивать солдатъ Вителлія и многихъ гражданъ изъ его приверженцевъ, не дѣлая,

и для блага отечества онъ отказывается отъ императорской власти и со слезами просилъ народъ пожалѣть его жену и дѣтей. Эта печальная сцена возбудила состраданіе толпы. Приверженцы Вителлія и солдаты объявили, что не принимаютъ его отреченія и заставили его вернуться во дворецъ. Тогда префектъ города, Сабинъ, принимавшій уже поздравленія по случаю провозглашенія его брата императоромъ, испугавшись сочувствія толпы Вителлію, бѣжалъ съ младшимъ сыномъ Веспасіана, Домиціаномъ, въ Капитолій. Приверженцы же Вителлія и германскіе воины напали на великолѣпный храмъ Юпитера и превратили его въ груду обгорѣлыхъ развалинъ. Сабинъ былъ убитъ, вопреки просьбамъ Вителлія пощадить его. Домиціанъ успѣлъ бѣжать, переодѣвшись жрецомъ Изиды. (Schiller, Geschichte der Römischen Kaiserzeit, I, 398).

[1] „Ужасное и гнусное зрѣлище представлялъ Римъ, — говоритъ Тацитъ.— (Histor., III, 83). Въ однихъ мѣстахъ шла битва; люди убивали, въ другихъ мѣстахъ люди нѣжились въ баняхъ, пировали; подлѣ крови и грудъ тѣлъ находились публичныя женщины и люди, подобные имъ; весь развратъ роскошнаго спокойствія и всѣ свирѣпости взятія города приступомъ совершались одновременно, такъ что казалось, будто одна часть города охвачена безуміемъ ярости, другая — безуміемъ веселья... Удовольствія не прекращались ни на минуту: люди наслаждались ими, какъ будто убійства принадлежатъ къ числу веселостей происходившаго тогда праздника (Сатурналій). Веселились, наслаждались, радуясь среди всеобщаго бѣдствія“.

[2] Вителлій особенно выдавался своимъ обжорствомъ, превзойдя въ этомъ искусствѣ такихъ мастеровъ, какъ Каллигула и Неронъ. По словамъ Светонія, (Vitellius, 13) на каждый обѣдъ Вителлія тратилось не меньше 400,000 сестерцій (свыше 20,000 рублей).

[3] 20-го декабря.

впрочемъ, въ своемъ ожесточеніи строгаго разграниченія. Затѣмъ онъ представилъ народу Домиціана въ качествѣ правителя до прибытія его отца. Граждане, освобожденные теперь отъ всякаго страха, радостно провозгласили Веспасіана императоромъ и праздновали его возвышеніе одновременно съ паденіемъ Вителлія [1].

5. Прибывши только что въ Александрію [2], Веспасіанъ получилъ эти радостныя извѣстія изъ Рима. Въ то же время явились посольства съ привѣтствіями со всѣхъ частей покорнаго ему міра; городъ, — второй по величинѣ послѣ Рима, — былъ тѣсенъ для нахлынувшихъ массъ людей. И вотъ, теперь, когда его власть была признана повсюду и Римское государство неожиданно спасено, Веспасіанъ опять обратился къ неоконченной имъ еще задачѣ въ Іудеѣ. Самъ онъ готовился въ концѣ зимы ѣхать въ Римъ, вслѣдствіе чего онъ быстро закончилъ свои дѣла въ Александріи, для завоеванія же Іерусалима онъ послалъ своего сына Тита съ отборнымъ войскомъ. Послѣдній отправился сухопутьемъ до Никополиса, двадцать стадій отъ Александріи, пересадилъ здѣсь войско на корабли и плылъ по Нилу до города Тмуиса, Мендесскаго округа. Высадившись въ этомъ мѣстѣ, онъ пошелъ сухопутьемъ впередъ и устроилъ стоянку возлѣ городка Таниса. Вторую ночную стоянку онъ имѣлъ въ Ираклеополѣ, а третью—въ Пелузіи. Здѣсь онъ отдохнулъ два дня; на третій день онъ перешелъ черезъ пелузійское устье Нила; весь день шелъ по пустынѣ и остановился у храма Зевса Касійскаго, а на слѣдующій день—у Остракины, безводной мѣстности, жители которой привозятъ себѣ воду извнѣ. Послѣ этого онъ от-

[1] За смертью Вителлія послѣдовало время террора. Воины Веспасіана, раздраженные сопротивленіемъ и алчные, свирѣпствовали въ Римѣ, грабили убивали, совершали всякія неистовства. Ни Антоній, ни Муціанъ не имѣли силы или желанія остановить буйства воиновъ, а Домиціанъ и тогда уже высказывалъ всѣ тѣ дурныя страсти, которымъ потомъ далъ такой широкій просторъ. „Не занимаясь правительственными дѣлами, — говоритъ Тацитъ, — онъ игралъ роль императорскаго сына лишь распутствомъ“. Побѣдители не удовольствовались убійствомъ или казнью выдающихся людей побѣжденной партіи, а убили и многихъ другихъ, не виноватыхъ ни въ чемъ, кромѣ того, что были очень богаты и пользовались большимъ уваженіемъ народа. Розыскивая приверженцевъ Вителлія, воины подъ этимъ предлогомъ врывались въ дома, убивали, грабили, предавали поруганію женщинъ и дѣвушекъ. Порядокъ возстановился только по пріѣздѣ Веспасіана“. («Всеобщая Исторія» Вебера, IV, стр. 226).

[2] Гдѣ онъ остановилъ вывозъ хлѣба въ Римъ.

дохнулъ еще въ Ринокурѣ (I, 14, 2), достигъ затѣмъ четвертой станціи, Рафіи (I, 4, 2), перваго сирійскаго города, въ пятый разъ разбилъ лагерь подъ Газой, въ слѣдующій—подъ Аскалономъ, отсюда двинулся въ Іамнію, затѣмъ—въ Іоппію, а изъ Іоппіи въ Кесарею, куда онъ намѣревался стянуть и остальныя военныя силы.

Конецъ четвертой книги.

ПЯТАЯ КНИГА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О междоусобіяхъ въ Іерусалимѣ и проистекавшихъ отъ нихъ для города бѣдствіяхъ.

1. Послѣ того, какъ Титъ указаннымъ путемъ прошелъ пустыню между Египтомъ и Сиріею, онъ прибылъ въ Кесарею, гдѣ прежде всего хотѣлъ привести въ порядокъ свое войско. Въ то время какъ онъ въ Александріи помогалъ своему отцу укрѣпить новое, Богомъ дарованное ему господство, смуты въ Іерусалимѣ еще болѣе разрослись и образовались три партіи, обратившія свое оружіе другъ противъ друга, что, пожалуй, въ несчастіи можно было бы еще назвать счастьемъ и дѣломъ справедливости. Враждебныя дѣйствія зелотовъ противъ народа, носившія въ себѣ начало паденія государства, подробно описаны выше отъ самаго возникновенія до гибельнаго ихъ возростанія. Не безъ справедливости можно назвать это состояніе мятежемъ въ мятежѣ, который, подобно взбѣсившемуся звѣрю, за отсутствіемъ питанія извнѣ, начинаетъ раздирать свое собственное тѣло.

2. Элеазаръ, сынъ Симона, тотъ самый, который прежде побудилъ зелотовъ отдѣлиться отъ народа въ храмъ [1], какъ бы изъ негодованія противъ жестокостей, совершаемыхъ изо дня въ день неистощимымъ въ своей кровожадности Іоанномъ, въ дѣйствительности же потому, что ему было невыносимо подчиняться возставшему послѣ него тирану, помышляя самъ о единовластіи и стремясь къ господству,—этотъ Элеазаръ основалъ отдѣльную партію, привлекши къ себѣ изъ вліятельныхъ лицъ Іуду, сына Хелкіи, и Симона, сына Эзрона, къ которымъ присоединился еще Эзекія сынъ Хобари, человѣкъ не безъизвѣстный, а каждый изъ нихъ въ отдѣльности

[1] Въ самомъ началѣ междоусобной борьбы, когда первосвященникъ Ананъ натравилъ народъ на зелотовъ (IV, 3, 7).

увлекалъ за собою не малое количество зелотовъ. Они заняли внутреннее пространство храма и надъ священными воротами, на виду Святая Святыхъ, водрузили свое оружіе. Обиліе жизненныхъ припасовъ укрѣпляло ихъ духъ, ибо жертвенныя даянія доставляли этимъ людямъ, считавшимъ все дозволеннымъ, избытокъ во всемъ; но они были озабочены малочисленностью своихъ силъ, а потому, сложивъ оружіе на означенномъ мѣстѣ, они оставались въ покоѣ. Съ другой стороны, преимущество Іоанна надъ ними въ превосходствѣ силъ терялось позиціей, которую онъ занималъ, ибо враги стояли надъ его головой, а потому онъ не могъ нападать на нихъ безъ опасности для себя. Однако, ожесточеніе не давало ему покоя: терпя больше вреда, чѣмъ самъ причинялъ Элеазару, онъ все-таки не переставалъ нападать; безпрестанно повторялись вылазки, а перестрѣлка продолжалась безпрерывно. Всѣ мѣста храма были осквернены убійствами.

3. Симонъ, сынъ Гіоры, тотъ тиранъ, котораго народъ въ своемъ отчаяніи призвалъ къ себѣ на помощь и который имѣлъ въ своихъ рукахъ Верхній городъ и большую часть Нижняго, еще съ большей настойчивостью напиралъ теперь на людей Іоанна, подвергавшихся нападенію также и сверху. Симонъ же производилъ свои нападенія снизу; находясь по отношенію къ Іоанну въ такомъ же положеніи, въ которомъ послѣдній находился по отношенію къ тѣмъ, которые стояли выше его, Іоаннъ, тѣснимый съ двухъ сторонъ, такъ же легко терпѣлъ потери, какъ легко наносилъ ихъ самъ, ибо на сколько онъ, благодаря своей позиціи, былъ сильнѣе Симона, на столько же онъ былъ слабѣе Элеазара. Нападенія снизу онъ могъ легко отражать руками; противъ тѣхъ же, которые сражались съ высоты храма, онъ защищался машинами. Въ его распоряженіи находилось не мало катапультъ и другихъ каменометенъ, которыми онъ не только поражалъ враговъ, но и убивалъ многихъ, приносившихъ жертвы. Хотя они въ своемъ безуміи позволяли себѣ всякія безчинства, все же они впускали въ храмъ желающихъ жертвовать, ограничиваясь лишь обыскомъ послѣднихъ; причемъ коренные жители обыскивались болѣе строго, чѣмъ чужеземные іудеи. Но когда іудеи своими просьбами обезоруживали ихъ жестокосердіе и вступали въ храмъ, то здѣсь они падали жертвами царившей междоусобицы, ибо стрѣлы силой машинъ долетали до жертвенника и храма и попадали въ священниковъ и жертвоприносителей. Многіе, поспѣвшіе изъ дальнихъ странъ ко всемірно-извѣстному и священному для всѣхъ людей мѣсту, падали предъ своими жертвами и своей кровью смачивали алтарь, высоко чтившійся всѣми эллинами и варварами. Тѣла

туземцевъ и чужихъ, священниковъ и левитовъ, лежали смѣшавшись между собою и кровь отъ этихъ различныхъ труповъ образовала въ предѣлахъ святилища настоящее озеро. Испыталъ ли ты, несчастнѣйшій изъ городовъ, нѣчто подобное отъ римлянъ, которые вступили въ тебя для того, чтобы тебя очистить отъ гнусныхъ поступковъ твоихъ собственныхъ дѣтей? Ибо Божіимъ городомъ ты уже пересталъ быть и не могъ быть больше послѣ того, какъ ты сдѣлался могилой твоихъ собственныхъ гражданъ и когда ты храмъ превратилъ въ кладбище для жертвъ, павшихъ въ междоусобной борьбѣ. Быть можетъ, ты когда нибудь опять возродишься, если ты умилостивишь Бога, который разрушилъ тебя! Однако, долгъ исторіографа повелѣваетъ подавить въ себѣ чувства горести, ибо здѣсь не мѣсто для личной скорби, а для описанія событій. Я прослѣжу поэтому дальнѣйшее развитіе возстанія.

4. Такимъ образомъ, внутренніе враги города были разъединены на три враждебныхъ лагеря: Элеазаръ и его приверженцы, подъ охраной которыхъ находились посвященные храму первые плоды, неистовствовали противъ Іоанна, а шайка послѣдняго грабила жителей и стояла противъ Симона. Но и Симона для поддержки противъ другого лагеря мятежниковъ городъ долженъ былъ снабжать провіантомъ. Іоаннъ, подвергаясь нападеніямъ съ двухъ сторонъ, выстраивалъ своихъ людей двумя противоположными фронтами и въ то время, когда съ галлерей обстрѣливалъ противниковъ, вторгавшихся изъ города, онъ посредствомъ машинъ защищался противъ копьеметателей, сражавшихся съ храма. Какъ только нападавшіе сверху давали ему вздохнуть свободно (что случалось часто, когда тѣ напивались или были утомлены), онъ во главѣ многочисленнаго войска предпринималъ смѣлыя вылазки противъ Симона и по мѣрѣ того, какъ отбивалъ его назадъ въ глубь города, сожигалъ на всемъ пространствѣ зданія, наполненныя зерномъ и разнаго рода другими припасами. Когда отступалъ Іоаннъ, то же самое дѣлалъ Симонъ, точно они нарочно, въ угоду римлянамъ, хотѣли уничтожить все, что городъ приготовилъ для осады, и умертвить жизненный нервъ своего собственнаго могущества. Послѣдствіемъ было то, что все вокругъ храма было сожжено, что въ самомъ городѣ образовалось пустынное мѣсто, вполнѣ пригодное для поля битвы между воюющими партіями, и что весь хлѣбъ, котораго хватило бы для осажденныхъ на многіе годы, за небольшимъ исключеніемъ былъ истребленъ огнемъ [1]. Такимъ образомъ городъ палъ отъ голода, который

[1] Объ уничтоженіи хлѣбныхъ запасовъ разсказываютъ также Тацитъ (Hist. V, 12) и талмудическіе источники (Гиттинъ 56а; Мидрашъ Эха ад 1,5).

отнюдь не могъ бы наступить, если бы его не подготовили сами же мятежники.

5. Въ то время, когда городъ со всѣхъ сторонъ громили его внутренніе враги и ютившійся въ немъ всякій сбродъ, все населеніе его, какъ одно огромное тѣло, терзалось въ сознаніи своей безпомощности. Старики и женщины, приведенные въ отчаяніе бѣдствіями города, молились за римлянъ и нетерпѣливо ожидали войны извнѣ, чтобы избавиться отъ потрясеній внутри. Граждане, объятые паническимъ страхомъ и совершенно растерявшись, не имѣли ни времени, ни возможности подумать о возвратѣ; не было также надежды ни на миръ, ни на особенно желанное бѣгство. Ибо все было занято стражами, и какъ ни враждовали между собой главари разбойниковъ во всемъ остальномъ, но мирно расположенныхъ людей или заподозрѣнныхъ въ желаніи бѣжать къ римлянамъ, они убивали, какъ общихъ враговъ; ихъ солидарность только и проявлялась въ умерщвленіи тѣхъ, которые заслуживали быть пощаженными. День и ночь безпрерывно слышались громкіе крики сражавшихся, но еще печальнѣе было тихое стенаніе плачущихъ. Хотя несчастія одно за другимъ приносили все новые и новые поводы къ плачу, но страхъ замыкалъ ротъ и сдерживалъ громкіе вопли, боязнь удерживала чувства отъ проявленія и они терзались подавленными стенаніями. Не было больше уваженія и сочувствія къ родственникамъ; исчезла забота о погребеніи убитыхъ,—до того каждый былъ удрученъ своимъ собственнымъ отчаяніемъ. За исключеніемъ тѣхъ, которые участвовали въ мятежѣ, всѣ сдѣлались безчувственными ко всему, да и видѣли они предъ собою только неминуемую свою гибель. А мятежники, стоя на грудахъ труповъ, все неистовѣе боролись между собою, точно они бѣшенную ярость сосали изъ труповъ подъ ихъ ногами. Измышляя другъ противъ друга все новыя козни, исполняя съ безсердечіемъ каждое свое рѣшеніе, они не оставляли неиспробованнымъ ни единаго рода беззаконія и жестокости. Іоаннъ употреблялъ даже священный лѣсъ для постройки военныхъ машинъ. Народъ и священники еще раньше рѣшили подпереть храмъ снизу и поднять его на двадцать локтей; тогда царь Агриппа съ величайшими затратами и усиленными трудами доставилъ на мѣсто изъ Ливана [1] строевой лѣсъ, достойный удивленія по стройности и длинѣ стволовъ; теперь же, когда война прервала строительныя работы, Іоаннъ приказалъ разрѣзать балки и строить изъ нихъ башни, находя эти балки по ихъ размѣрамъ пригодными для цѣлей борьбы

[1] Кедровый лѣсъ на Ливанской горѣ, носившій то же названіе.

со сражавшимися съ нимъ сверху храма; онъ воздвигъ башни за стѣной, противъ западной галлереи, гдѣ собственно и возможно было ихъ построить, такъ какъ другія части храма отстояли слишкомъ далеко вслѣдствіе ступеней [1].

6. Этими сооруженіями, устроенными съ неблагочестивой цѣлью, Іоаннъ надѣялся побѣдить своихъ враговъ. Но Богъ разрушилъ его планы, приведя къ городу римлянъ еще прежде, чѣмъ кто нибудь изъ его людей успѣлъ стать на сооруженныя имъ башни. Титъ именно выступилъ изъ Кесареи съ одной частью арміи, пославъ другой части приказаніе соединиться съ нимъ подъ Іерусалимомъ. Онъ имѣлъ при себѣ три легіона, прежде опустошавшіе Іудею при его отцѣ, и двѣнадцатый легіонъ, который раньше подъ предводительствомъ Цестія былъ побѣжденъ, но который всегда отличался храбростью, и теперь, помня то пораженіе (II, 18, 9), еще съ большей жаждой боя спѣшилъ отомстить. Пятый легіонъ получилъ приказаніе присоединиться къ нему чрезъ Аммаусъ, а десятый—чрезъ Іерихонъ идти на Іерусалимъ. Самъ же Титъ выступилъ съ остальными отрядами, къ которымъ примкнули вспомогательныя войска царей, возобновленныя и усиленныя, и еще много союзниковъ изъ Сиріи. И та рать, которую Веспасіанъ выдѣлилъ изъ четырехъ легіоновъ и послалъ съ Муціаномъ въ Италію, была опять пополнена изъ приведенныхъ Титомъ отрядовъ, такъ какъ изъ александрійскаго войска за нимъ послѣдовали двѣ тысячи отборныхъ солдатъ и кромѣ нихъ стянуты были къ нему три тысячи воиновъ изъ гарнизоновъ на Евфратѣ [2]. При немъ находился также самый испытанный своей преданностью и славившійся своей опытностью въ военномъ дѣлѣ другъ его, Александръ Тиверій, бывшій правитель Египта, которому онъ теперь поручилъ начальство надъ войскомъ. Онъ казался достойнымъ своего назначенія, такъ какъ онъ первый изъ всѣхъ призналъ власть новаго императора и съ безотчетной преданностью связалъ свою собственную судьбу съ темной еще будущностью послѣдняго (IV, 10, 6). Выдѣляясь своимъ возрастомъ и опытностью, онъ сопровождалъ Тита въ качествѣ совѣтника въ войнѣ [3].

[1] См. „Описаніе храма“ гл. 5.

[2] Войско Веспасіана, вступившее въ Галилею, Іосифъ исчисляетъ выше (стр. 270) въ 60000; а такъ какъ къ этому войску прибавился еще одинъ легіонъ, а вспомогательные отряды союзныхъ царей были усилены противъ прежнихъ, то осадное войско подъ Іерусалимомъ принято считать не менѣе, чѣмъ въ 80000.

[3] Кромѣ ренегата Тиверія Александра, Тита сопровождали еще два еврея, царь Агриппа II и авторъ настоящей книги, Іосифъ Флавій. Послѣдній, въ теченіе всего времени со дня его плѣненія жилъ въ римскомъ лагерѣ, пользуясь полной свободой и даже успѣлъ между тѣмъ два раза жениться; въ первый разъ онъ женился на іудейской плѣнницѣ въ Кесареѣ, которая его, однако, скоро оставила, и тогда онъ, по прибытіи своемъ вмѣстѣ съ Веспасіаномъ въ Александрію, женился во второй разъ на александрійской еврейкѣ („Жизнь“, 75).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Какъ Титъ двинулся къ Іерусалиму. — Какъ онъ, высматривая городъ, подвергся опасности и гдѣ расположился лагеремъ.

1. Походъ Тита во вражескую страну открывали отряды царей и всѣ прочія вспомогательныя войска; за ними шли строители дорогъ и квартирмейстеры, а также вьючныя животныя съ багажемъ предводителей; за ними, подъ прикрытіемъ тяжеловооруженныхъ, слѣдовалъ самъ полководецъ, окруженный многочисленнымъ отборнымъ войскомъ и копьеносцами. Вслѣдъ за ними и непосредственно передъ машинами ѣхали принадлежавшіе къ легіонамъ всадники, а позади машинъ—трибуны подъ прикрытіемъ отборнаго войска и начальники со своими когортами. За ними появлялись полевыя знамена съ орломъ въ срединѣ, предшествуемыя трубачами, а тогда уже—главное ядро легіоновъ, по шести человѣкъ въ ряду. Каждый легіонъ имѣлъ за собою свой обозъ, который возилъ поклажу. Наконецъ, во хвостѣ находились наемные отряды и охранявшій ихъ арріергардъ. Въ такомъ обычномъ у римлянъ порядкѣ похода (III, 5) Титъ подвигался черезъ Самарію въ Гофну, завоеванную еще его отцомъ (IV, 9, 9) и снабженную теперь гарнизономъ. Здѣсь онъ переночевалъ и на слѣдующее утро двинулся дальше. Маршируя цѣлый день, онъ къ вечеру разбилъ лагерь на мѣстѣ, называемомъ іудеями на ихъ родномъ языкѣ «Шиповой долиной», возлѣ деревни Гаватсаула (что обозначаетъ холмъ Саула) на разстояніи около тридцати стадій отъ Іерусалима. Отсюда онъ съ шестью стами избранныхъ всадниковъ отправился на развѣдки, желая ознакомиться съ укрѣпленіями Іерусалима и настроеніемъ іудеевъ и попытаться вмѣстѣ съ тѣмъ, не сдадутся ли они со страха безъ борьбы при одномъ его появленіи; ибо онъ зналъ, какъ это и было въ дѣйствительности, что народъ, находившійся подъ гнетомъ мятежнической партіи и разбойниковъ, жаждалъ мира и только потому бездѣйствуетъ, что чувствуетъ себя безсильнымъ.

2. Пока Титъ ѣхалъ по большой дорогѣ, ведущей прямо къ стѣнѣ, никто не показывался у воротъ; когда же онъ возлѣ башни Псефина, свер-

нувъ съ дороги, повелъ свою конницу въ сторону, несмѣтные враги ринулись внезапно мимо такъ называемыхъ Женскихъ башень черезъ ворота, лежавшія противъ памятника Елены, прорвали линію всадниковъ, бросились на встрѣчу находившимся еще на дорогѣ, воспрепятствовали имъ соединиться съ другими, свернувшими уже въ сторону, и такимъ образомъ отрѣзали Тита съ немногими людьми. Идти впередъ Титу было невозможно, такъ какъ все пространство до стѣны было изрыто канавами, сдѣланными для плантацій, и поперечными садами, обведенными многими заборами; но и обратное отступленіе къ своимъ онъ тоже нашелъ отрѣзаннымъ многочисленнымъ непріятелемъ, находившимся въ срединѣ, большинство же его людей, неподозрѣвавшее опасности своего государя [1], разбѣжалось въ томъ предположеніи, что и онъ вмѣстѣ съ ними повернулъ назадъ. Видя тогда, что его спасеніе можетъ зависѣть только отъ личной его храбрости, онъ поворотилъ своего коня назадъ, крикнулъ своей свитѣ слѣдовать за нимъ и бросился въ самую толпу непріятеля, чтобы силой проложить себѣ дорогу къ своимъ. Тогда-то можно было убѣдиться воочію, что перипетіи войны и судьба государей находятся въ рукахъ Божіихъ: сколько ни летѣло стрѣлъ на Тита, который былъ безъ шлема и безъ щита (ибо, какъ уже было сказано, онъ выѣхалъ не какъ воинъ, а только въ качествѣ развѣдчика), все-таки ни одна его не задѣвала, а всѣ безъ всякаго дѣйствія просвистѣли мимо, точно онѣ съ умысломъ не попадали въ цѣль. Съ мечемъ въ рукахъ, прокладывая себѣ дорогу чрезъ напиравшихъ на него съ боку, перескакивая чрезъ многихъ, становившихся ему на пути, онъ мчался на конѣ чрезъ опрокинутыхъ все впередъ и впередъ. При видѣ этой смѣлости Цезаря, они подымали крикъ и другъ друга призывали къ нападенію на него; но куда только устремлялся онъ, все бѣжало и разсѣевалось. Раздѣлявшіе съ нимъ опасность товарищи его, получая удары сзади и съ боковъ, держались тѣсно возлѣ него, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ еще надежду на спасеніе: помочь Титу открыть себѣ выходъ прежде чѣмъ его не оцѣпили. Двое изъ самыхъ заднихъ пали: одинъ былъ оцѣпленъ на конѣ и заколотъ, другой, соскочившій съ коня, былъ также убитъ, а его конь уведенъ. Но съ остальными Титъ благополучно спасся въ лагерь. Успѣхъ іудеевъ при этой первой стычкѣ, внушилъ имъ сумасброд-

[1] Въ текстѣ βχσιλευς; только послѣ взятія Іерусалима войско дало Титу почетное имя императора.

ныя надежды: мгновенная милость судьбы вселила имъ страшную самоувѣренность.

3. На слѣдующій день Титъ, послѣ того, какъ ночью присоединился къ нему легіонъ изъ Аммауса, снялся съ лагеря и двинулся впередъ до мѣста, называемаго Скопомъ. Отсюда открывается видъ на городъ и исполинское зданіе храма, вслѣдствіе чего это примыкающее къ сѣверу отъ города плоскогоріе весьма кстати названо Скопомъ [1]. Находясь еще въ семи стадіяхъ отъ города, онъ приказалъ построить для обоихъ легіоновъ одинъ общій лагерь, а позади нихъ въ трехъ стадіяхъ—другой лагерь для пятаго легіона, ибо въ виду того, что солдаты послѣдняго были утомлены отъ ночного похода, онъ нашелъ нужнымъ отвести имъ болѣе защищенное мѣсто, дабы они тѣмъ спокойнѣе могли укрѣпиться. Едва только они приступили къ сооруженію лагеря, какъ появился уже десятый легіонъ изъ Іерихона, гдѣ имъ оставлена была часть тяжеловооруженныхъ для охраненія этого завоеваннаго Веспасіаномъ прохода (IV, 9, 1). Этотъ легіонъ получилъ приказаніе расположиться лагеремъ въ шести стадіяхъ отъ Іерусалима на такъ называемой Елеонской горѣ, лежащей противъ города на востокѣ и отдѣленной отъ него глубокой лощиной, называющейся Кидрономъ.

4. Только война извнѣ, мощно и внезапно обрушившаяся на городъ, положила конецъ безпрерывнымъ распрямъ, царившимъ между партіями. Съ ужасомъ увидѣли мятежники этотъ тройной лагерь римлянъ и тогда они начали искать сближенія между собою и соединенія съ дурной цѣлью [2]. «Чего мы еще ждемъ,—говорили они другъ другу,—какъ мы можемъ допустить, чтобъ намъ дыханіе было отрѣзано тремя стѣнами? Непріятель крѣпко усѣлся противъ насъ, а мы, запертые въ нашихъ стѣнахъ, остаемся спокойными зрителями непріятельскихъ дѣйствій, какъ будто бы они были благодѣтельны для насъ, оставляя въ бездѣйствіи наши руки и наше оружіе. Да! Мы храбры только противъ себя, римлянамъ же нашъ раздоръ поможетъ покорить городъ даже безъ меча». Такими словами они соединились, другъ друга ободрили, взялись за оружіе и сдѣлали внезапную вылазку противъ десятаго легіона. Съ ужасающими кликами грянули они черезъ долину и бросились на римлянъ, работавшихъ надъ укрѣпленіями. Такъ какъ послѣдніе раздѣлились

[1] См. стр. 240, § 4.

[2] Іосифъ, какъ противникъ войны, не одобряетъ продолженія борьбы противъ римлянъ и потому называетъ примиреніе партій, съ цѣлью защиты города и святыни, дурнымъ дѣломъ.

по своимъ работамъ и большинство изъ нихъ сложило съ себя оружіе (они и не предполагали, чтобы іудеи осмѣлились на вылазку, или чтобъ они даже при желаніи могли предпринять ее въ виду царившаго между ними разлада), то внезапное нападеніе привело ихъ въ замѣшательство: часть бросила работу и сейчасъ же отступила назадъ, многіе побѣжали за своимъ оружіемъ, но были убиты еще прежде, чѣмъ могли стать противъ враговъ. Къ іудеямъ примыкали ободренные ихъ побѣдой все новые и новые бойцы, а счастье дѣлало ихъ въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ римлянъ еще болѣе многочисленными, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Солдаты, пріученные къ боевой тактикѣ и умѣющіе сражаться сомкнутыми рядами по командѣ; скорѣе всего теряютъ самообладаніе при неожиданномъ разстройствѣ. Поэтому отступили теперь предъ нападеніемъ застигнутые врасплохъ римляне. Всякій разъ однако, когда преслѣдуемые оборачивались, они удерживали напоръ іудеевъ и наносили раны тѣмъ, которые въ своей стремительности были менѣе осторожны. Но по мѣрѣ того, какъ масса нападающихъ все болѣе возрастала, увеличивалось смятеніе римлянъ, которые, наконецъ, были отброшены отъ своего лагеря. Дѣло приняло такой оборотъ, что всему легіону угрожала опасность; но тогда Титъ, увѣдомленный объ ихъ опасномъ положеніи, быстро поспѣшилъ на помощь. Громко негодуя противъ трусости бѣжавшихъ, онъ заставилъ ихъ повернуть назадъ, самъ во главѣ прибывшаго съ нимъ отборнаго войска набросился на іудейскій флангъ, многихъ смялъ, еще больше ранилъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство, и оттѣснилъ въ самую лощину. Іудеи, однако, послѣ большого урона, вскорѣ выбились изъ этой мѣстности и, поднявшись на противоположную возвышенность, обернулись лицомъ и сражались черезъ лощину. До полудня продолжался бой въ такомъ положеніи; но когда солнце начало клониться къ западу, Титъ оставилъ на мѣстѣ противъ непріятеля только то войско, съ которымъ онъ прибылъ на помощь, да еще нѣсколько другихъ когортъ; остальную же часть легіона онъ отправилъ для возобновленія шанцевыхъ работъ на вершинѣ горы.

5. Въ этихъ дѣйствіяхъ іудеи усмотрѣли бѣгство римлянъ, и такъ какъ поставленный ими на стѣнѣ вѣстникъ возвѣстилъ объ этомъ потряхиваніемъ своей одежды, то совершенно свѣжая многочисленная толпа бросилась съ такой стремительностью, что ихъ наступленіе походило на бѣгъ свирѣпѣйшихъ звѣрей. И дѣйствительно никто изъ построенныхъ въ боевомъ порядкѣ римлянъ не выдержалъ ихъ удара: строевая линія, точно подъ напоромъ тяжелаго орудія, была прорвана, и все пустилось бѣжать

вверхъ по горѣ. Одинъ Титъ съ немногими остался посреди склона горы. Его свита, которая изъ уваженія къ полководцу, пренебрегая опасностью, осталась при немъ, настойчиво умоляла его удалиться отъ іудеевъ, ищущихъ смерти, а не броситься въ опасность за войско, которое должно было бы прикрывать его; онъ долженъ, наконецъ, подумать о своемъ высокомъ положеніи въ качествѣ руководителя войны и владѣтеля міра, чтобы не обратиться въ простого солдата и чтобы не подвергать столь явной опасности собственную личность, отъ которой зависитъ все. Но онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ, оказывалъ сопротивленіе тѣмъ, которые ринулись ему на встрѣчу, убивалъ другихъ, которые силой хотѣли овладѣть доступомъ вверхъ, бросился по крутому склону на тѣсно сплотившуюся массу враговъ и отбилъ ихъ назадъ. Но іудеи, какъ они ни были смущены твердымъ и стремительнымъ нападеніемъ Тита, и теперь еще не бѣжали въ городъ, а разступившись по обѣимъ сторонамъ, преслѣдовали бѣгущихъ кверху. Этотъ новый натискъ Титъ останавливалъ нападеніемъ на фланги. Но между тѣмъ солдаты, работавшіе на верху надъ шанцами, увидѣвъ, что ихъ товарищи внизу разбѣжались, были вновь охвачены ужасомъ и отчаяніемъ. Весь легіонъ разсѣялся, такъ какъ всѣ считали, что противъ набѣга іудеевъ противостать невозможно и что Титъ также находится въ бѣгствѣ, ибо, думали они, еслибъ онъ удержался на мѣстѣ, то другіе не бѣжали бы. Въ паническомъ страхѣ бѣжали они по всѣмъ направленіямъ, пока, наконецъ, нѣкоторые увидѣли полководца въ самомъ водоворотѣ сраженія и, полные опасенія за его жизнь возвѣстили криками всему легіону о его опасномъ положеніи. Стыдъ заставилъ всѣхъ возвратиться: осыпая другъ друга упреками за бѣгство, а еще больше за то, что покинули Цезаря, они со всей силой бросились на іудеевъ, и какъ только послѣдніе начали отступать, окончательно оттѣснили ихъ въ долину. Іудеи хотя боролись еще и при отступленіи, но римляне, благодаря занятому ими возвышенію, находились въ болѣе выгодномъ положеніи, вслѣдствіе чего они опрокинули непріятеля въ самую пропасть. Теперь Титъ преслѣдовалъ тѣхъ, которые раньше на него нападали; легіонъ онъ опять послалъ къ его шанцевымъ работамъ, а для отраженія непріятеля остался самъ съ тѣми отрядами, которые прежде сражались вмѣстѣ съ нимъ. Чтобы сказать правду, не вдаваясь въ преувеличеніе изъ лести и не умаляя изъ зависти,—Цезарь одинъ дважды спасъ угрожаемый легіонъ и доставилъ ему возможность спокойно укрѣпить свой лагерь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возобновленіе междоусобицы въ Іерусалимѣ.—Козни іудеевъ противъ римлянъ.—Титъ укоряетъ солдатъ за ихъ опрометчивость.

1. Внѣшняя война на время пріостановилась, партійная же борьба внутри вспыхнула вновь. Такъ какъ съ 14 днемъ мѣсяца Ксанѳика [1], приближался праздникъ опрѣсноковъ, къ которому іудеи относятъ начало своего избавленія отъ египтянъ, партія Элеазара открыла храмовыя ворота, чтобы впустить народъ, собравшійся на молитву; Іоаннъ же воспользовался праздникомъ для прикрытія своихъ хитрыхъ замысловъ. Онъ снабдилъ тайнымъ оружіемъ менѣе извѣстныхъ изъ его людей, большинство изъ которыхъ къ тому еще были нечисты, и приказалъ имъ смѣшаться съ толпой для того, чтобы овладѣть храмомъ. Проникши во внутрь, они сейчасъ сбросили съ себя верхнее платье и вдругъ предстали предъ всѣми въ полномъ вооруженіи. Въ храмѣ поднялась неимовѣрная сумятица; непричастный къ партійной борьбѣ народъ думалъ, что нападеніе готовится на всѣхъ безъ различія; но зелоты поняли, что оно направлено только противъ нихъ и поэтому покинули ворота, соскочили со стѣнныхъ зубцовъ и, избѣгая всякаго столкновенія, скрылись въ подземные ходы храма, народъ же, робко тѣснившійся у алтаря и кругомъ въ храмѣ, былъ растоптанъ и умерщвленъ палками и мечами. Много спокойныхъ гражданъ пало отъ рукъ своихъ личныхъ враговъ, какъ сторонники противной партіи; кто только былъ узнанъ кѣмъ нибудь изъ мятежниковъ, котораго онъ раньше оскорбилъ, былъ теперь убитъ имъ какъ зелотъ. Совершивъ много звѣрскихъ насилій надъ невинными, они послѣ этого объявили прощеніе виновнымъ, и когда послѣдніе вышли изъ подземелья, дали имъ свободно разойтись. Сдѣлавшись сами обладателями внутренняго храма и всѣхъ его запасовъ, они почувствовали себя еще сильнѣе для сопротивленія Симону. Такимъ образомъ существовавшія до сихъ поръ три враждебныхъ партіи распались на двѣ [2].

2. Титъ между тѣмъ принялъ рѣшеніе сняться со своимъ лагеремъ, расположеннымъ на Скопѣ, и ближе придвинуться къ городу. Съ этой цѣлью онъ поставилъ отборный отрядъ всадниковъ и пѣхоты въ количествѣ, признанномъ имъ необходимымъ для защиты противъ вылазокъ іудеевъ,

[1] Нисанъ.

[2] Приверженцы Элеазара вмѣстѣ со своимъ вождемъ подчинились Іоанну и слились съ партіей послѣдняго.

и приказалъ всему остальному войску выровнять все промежуточное пространство до стѣны. Тогда всѣ заборы и рѣшетки, которыми жители Іерусалима огараживали свои сады и рощи, были сломаны, плодовыя деревья въ окружности срублены и ими заполнены всѣ углубленія и впадины; скалистые же утесы были устранены желѣзными инструментами. Такимъ образомъ они выровняли все пространство между Скопомъ и памятникомъ Ирода, находившимся близъ такъ называемаго Змѣиннаго пруда.

3. Въ эти дни іудеи устроили римлянамъ такого рода ловушку. Самые отважные изъ мятежниковъ, представляя изъ себя изгнанныхъ миролюбивыми жителями, вышли за городъ изъ такъ называемыхъ Женскихъ башенъ; здѣсь они, какъ бы опасаясь нападенія римлянъ, столпились всѣ вмѣстѣ, и каждый старался укрыться за плечами другого. Другіе, съ виду простые граждане, стояли тамъ и сямъ на стѣнѣ, взывали о мирѣ, просили о пощадѣ и призывали къ себѣ римлянъ, обѣщая имъ открыть ворота. Одновременно съ этими громкими взываніями они бросали камнями въ своихъ же, какъ будто хотѣли отогнать ихъ отъ воротъ; а тѣ, то дѣлали видъ, будто хотятъ насильно вторгнуться, то обращались съ трогательными просьбами къ своимъ согражданамъ, то наконецъ устремлялись къ римлянамъ, но каждый разъ въ страхѣ и смущеніи пятились назадъ. Солдаты поддались на эту хитрую ловушку; полагая, что одни попались уже имъ въ руки и ихъ немедленно же можно будетъ наказать, а другіе откроютъ имъ городъ, они тотчасъ приступили къ дѣлу. Титу, однако, этотъ неожиданный призывъ казался подозрительнымъ: только днемъ раньше онъ приглашалъ іудеевъ черезъ Іосифа на добровольную сдачу и не встрѣчалъ однако сочувствія. Онъ приказалъ поэтому солдатамъ не трогаться съ мѣста; но нѣкоторые изъ тѣхъ, которые впереди всѣхъ заняты были работами, уже поспѣшно взялись за оружіе и двинулись къ воротамъ. Мнимо-изгнанные изъ города вначалѣ какъ будто попятились назадъ, но когда солдаты были уже между башнями воротъ, они бросились впередъ, оцѣпили ихъ и напали съ тыла; въ то же время стоявшіе на стѣнѣ осыпали ихъ густымъ градомъ камней и разнаго рода другихъ стрѣлъ, которыми многихъ убили и еще больше ранили. Повернуть назадъ имъ было нелегко, такъ какъ ихъ тѣснили съ тылу; но, помимо этого, стыдъ за ослушаніе приказа военачальниковъ заставлялъ уже довести до конца начатую ошибку—поэтому-то они такъ долго держались въ бою. Но сильно израненные іудеями и въ свою очередь нанеся имъ не меньше ударовъ, они отбили

наконецъ оцѣпившихъ ихъ враговъ. Еще при своемъ отступленіи они до гробницы Елены были преслѣдуемы непріятельскими стрѣлами.

4. Іудеи тогда въ грубой формѣ проявили свое торжество надъ римлянами: они осмѣивали ихъ за то, что дали себя обмануть хитростью, прыгали, потрясая своими щитами, и громко ликовали отъ радости. Солдаты же были встрѣчены угрозами центуріоновъ и гнѣвомъ Цезаря.— «Въ то время, сказалъ послѣдній, когда іудеи, которыхъ одно только отчаяніе ведетъ въ бой, дѣйствуютъ все таки обдуманно и осмотрительно, разставляютъ сѣти, устраиваютъ засады и при этомъ еще за ихъ послушность, взаимное довѣріе и прочную солидарность покровительствуемы счастьемъ, римляне, которымъ счастье такъ всегда благопріятствуетъ за ихъ дисциплину и повиновеніе предводителямъ, напротивъ, терпятъ теперь пораженіе, попадаются въ плѣнъ вслѣдствіе своей собственной опрометчивости и, что еще болѣе постыдно, сражаются безъ предводителей, въ присутствіи Цезаря. Глубоко будутъ вопіять военные законы, точно какъ и мой отецъ, когда онъ узнаетъ объ этомъ пораженіи: онъ, который посѣдѣлъ въ битвахъ, никогда не потерпѣвъ такого удара, а законы, которые всегда самое малѣйшее упущеніе противъ дисциплины караютъ смертью. Теперь эти законы должны были быть свидѣтелями того, какъ цѣлый отрядъ войска покинулъ строй! Но пусть сейчасъ узнаютъ своевольники, что у римлянъ даже побѣда безъ приказа не приноситъ славы». По этимъ словамъ, обращеннымъ къ полководцамъ, можно было подумать, что онъ намѣренъ поступить со всѣми по всей строгости законовъ; солдаты поэтому упали духомъ, такъ какъ они ожидали для себя заслуженной казни. Но легіоны окружили Тита и настойчиво просили его помиловать ихъ товарищей и ради послушности значительнаго большинства простить поспѣшность немногихъ, которые совершенную ими только что ошибку хотятъ загладить въ будущемъ своей храбростью.

5. Титъ удовлетворилъ ихъ просьбу, тѣмъ болѣе что послѣдняя совпадала съ его собственными интересами; ибо онъ полагалъ, что наказать одного человѣка должно дѣйствіемъ, а при наказаніи цѣлой толпы можно ограничиться только словами. Онъ простилъ поэтому солдатъ, предупредивъ ихъ серьезно, чтобъ они въ будущемъ были осторожнѣе, и началъ обдумывать, какъ наказать іудеевъ за ихъ хитрость. Когда по истеченіи четырехъ дней промежутокъ до стѣны былъ выравненъ, онъ для того, чтобы въ безопасности перевести сюда обозъ и остальную часть арміи, разставилъ самое ядро войска въ семи рядахъ по направленію

отъ сѣвера къ западу противъ стѣны; впереди стояла пѣхота, сзади конница, каждая часть въ трехъ рядахъ, а седьмую линію образовали поставленные между ними стрѣлки. Такъ какъ этимъ сильнымъ строемъ у іудеевъ отнята была всякая возможность дальнѣйшихъ вылазокъ, то вьючный скотъ трехъ легіоновъ и обозъ могли безопасно выдвинуться впередъ. Самъ Титъ расположился станомъ на разстояніи около двухъ стадій отъ стѣны у одного изъ угловъ послѣдней, противъ башни называемой Псефиной, гдѣ обводная стѣна на своемъ сѣверномъ протяженіи загибается къ западу. Остальная часть войска разбила лагерь у такъ называемой Гипиковой башни, тоже въ двухъ стадіяхъ отъ города. Десятый-же легіонъ сохранялъ свою позицію на Елеонской горѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Описаніе Іерусалима.

1. Тройной стѣной былъ обведенъ городъ, и только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились недоступные обрывы, была одна стѣна. Самъ городъ былъ расположенъ на двухъ противолежащихъ холмахъ [1], отдѣленныхъ посрединѣ долиной [2], въ которую ниспадали ряды домовъ съ обѣихъ сторонъ. Тотъ изъ двухъ холмовъ, на которомъ [3] находился Верхній городъ, былъ выше и имѣлъ болѣе плоскую вершину. Вслѣдствіе своего укрѣпленнаго положенія, онъ былъ названъ царемъ Давидомъ (отцомъ Соломона, перваго соорудителя храма) крѣпостью [4], а нами—Верхнимъ Рынкомъ [5]. Второй холмъ [6], названный Акрой [7], на которомъ стоялъ Нижній городъ, былъ, напротивъ, покатъ съ обѣихъ сторонъ. Противъ него лежалъ третій холмъ [8] ниже Акры, отъ природы и прежде отдѣленный отъ нея широкой впадиной; но Асмонеи во время своего владычества заполнили эту долину, чтобы связать городъ съ храмомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ была снесена часть Акры;

[1] Одинъ на западѣ, другой на востокѣ.

[2] Отъ сѣвера къ югу.

[3] Западный холмъ.

[4] Сіонъ.

[5] Или Верхній городъ.

[6] Восточный.

[7] Акра по греч. цитадель. Построена на восточномъ холмѣ Антіохомъ Эпифаномъ,—для сирійскаго гарнизона; впослѣдствіи имя это было распространено на весь холмъ.

[8] Морія—на сѣверѣ отъ Акры.

высота ея понижена для того, чтобы храмъ возвышался надъ нею. Долина, называемая Тиропеономъ [1], о которой мы сказали, что она отдѣляла Верхній городъ отъ Нижняго, простирается до Силоама, каковымъ именемъ мы называемъ прѣсный и обильный водой источникъ. Снаружи оба холма города были окружены глубокими обрывами и вслѣдствіе своихъ крутыхъ спусковъ нигдѣ съ обѣихъ сторонъ недоступны.

2. Изъ трехъ стѣнъ древнѣйшая была труднопобѣдима вслѣдствіе окружавшихъ ее пропастей и возвышавшагося надъ послѣдними холма, на которомъ она была построена; но ея природная мощь была значительно возвеличена еще искусственно, такъ какъ Давидъ и Соломонъ, равно и послѣдовавшіе за ними цари, старались превзойти другъ друга въ укрѣпленіи этой твердыни. Начинаясь на сѣверѣ у такъ называемой Гипиковой башни, она тянулась до Ксиста [2], примыкала затѣмъ къ зданію Совѣта и оканчивалась у западной галлереи храма. Съ другой стороны по направленію къ западу она, начинаясь у того же пункта, шла къ мѣсту, называемому Ветсономъ [3] и простиралась до Ессенскихъ воротъ, возвращалась затѣмъ къ югу отъ Силоамскаго источника, загибала опять восточнѣе, къ рыбному пруду Соломона, отсюда тянулась до такъ наз. Офлы [4] и оканчивалась у восточной галлереи святилища. Вторая стѣна начиналась у воротъ Генната, принадлежавшихъ еще къ первой стѣнѣ, обнимала сѣверную сторону и доходила только до Антоніи. Третья стѣна начиналась опять у Гипиковой башни, откуда она тянулась на сѣверъ до башни Псефины, отсюда, простираясь противъ гробницы Елены (царицы адіабенской и матери царя Узата), шла черезъ царскія пещеры и загибала у угловой башни такъ называемаго Гнафейскаго [5] памятника; послѣ этого она примыкала къ древней стѣнѣ и оканчивалась въ Кидронской долинѣ [6]. Этой третьей стѣной Агриппа обвелъ возникшую новую часть города, остававшуюся прежде

[1] Долина сыроваровъ.

[2] Прекрасная колоннада, которая вела отъ дворца Ирода въ Нижнемъ городѣ къ храмовой горѣ.

[3] בית צאה (בית צואה)—мѣстоположеніе неизвѣстно.

[4] По еврейски „Офелъ“ — юговосточный отрогъ храмовой горы.

[5] Греч. слово, означающее „валяльщикъ сукна“.

[6] Тацитъ о іерусалимскихъ стѣнахъ говоритъ: „Іерусалимъ, расположенный на двухъ холмахъ, былъ обнесенъ стѣнами, которыя весьма искусно построены были углами, то выступавшими впередъ, то обращенными внутрь такимъ образомъ, что вторгающійся непріятель всегда былъ подвергаемъ нападенію съ боковъ“. (Tacit, hist. V, 11).

совсѣмъ незащищенной. Ибо вслѣдствіе прироста населенія городъ все больше расширялся за стѣны и послѣ того какъ заключили въ предѣлы города сѣверный склонъ храмоваго холма, потребовалось идти еще дальше и застроить еще четвертый холмъ, называемый Бецетой, лежащій противъ Антоніи и отдѣленный глубокимъ рвомъ, проведеннымъ нарочно съ той цѣлью, чтобы нижнія сооруженія Антоніи, сообщавшіяся съ холмомъ, не были такъ легко доступны и такъ низко расположены. Высота башенъ естественно выиграла значительно вслѣдствіе глубины окопа; эта позже построенная часть города называлась на отечественномъ языкѣ Бецетой, что на греческомъ языкѣ означаетъ «Новый городъ» [1]. А такъ какъ жители этой части города нуждались въ защитѣ, то отецъ нынѣ живущаго царя, называвшійся также Агриппой, началъ строить вышеназванную стѣну; но убоявшись затѣмъ, чтобы грандіозность сооруженія не возбуждала подозрѣнія императора Клавдія въ стремленіи къ новшеству или отпаденію отъ него, онъ прекратилъ постройку [2], положивъ ей только основаніе. И еслибы стѣна была окончена такъ, какъ она начата, городъ сдѣлался бы поистинѣ неприступнымъ: ибо стѣна была сложена изъ огромныхъ камней, которые имѣли по двадцати локтей [3] длины и десяти локтей ширины каждый и которые не легко было бы ни подкопать желѣзными орудіями, ни сдвинуть съ мѣста машинами; самая же стѣна имѣла десять локтей въ ширину, а высота ея безъ сомнѣнія превысила бы значительно ширину, если бы рвеніе того, который началъ сооруженіе, не наткнулось на препятствія. Впослѣдствіе стѣна эта, несмотря на напряженныя усилія іудеевъ, была возвышена только до двадцати локтей, получила еще брустверы на два локтя и зубцы трехъ локтей вышины, такъ что общая высота достигала двадцати пяти локтей.

3. Надъ стѣной возвышались башни двадцати локтей ширины и двадцати локтей высоты каждая, четырехугольныя и, какъ сама стѣна, массив-

[1] Это толкованіе Іосифа, очевидно, основывается на недоразумѣніи. Бецета можетъ быть лишь בית זיתא, тогда какъ названіе „Новый городъ“ соотвѣтствуетъ выраженію בית חדתא. Или текстъ здѣсь испорченъ, или эта часть города носила двойное имя, перепутанное Іосифомъ. См. Palaestina von S. Munk, bearbeitet von M. A. Levy, стр. 103; Schürer, Geschichte, I, 526. E. Stark, Palaestina und Syrien, стр. 87.

[2] См. стр. 193.

[3] Локоть (cubitus) означалъ длину руки отъ локтя до конца средняго пальца.

ныя. По прочности сложенія и красотѣ камней онѣ не уступали храмовымъ сооруженіямъ. На этихъ двадцатилоктевыхъ массивахъ находились великолѣпные покои, а надъ ними—еще верхняго яруса помѣщенія; для дождевой воды построено было тамъ весьма много цистернъ съ широкими лѣстницами, ведущими къ каждой въ отдѣльности. Такихъ башенъ третья стѣна имѣла девяносто; разстояніе между каждыми двумя башнями измѣрялось двумя стами локтей. На средней стѣнѣ были размѣщены четырнадцать башенъ, а на древней — шестьдесятъ. Окружность всего города достигала тридцати трехъ стадій. Если третья стѣна сама по себѣ была достойна удивленія, то находившаяся на сѣверо-западномъ ея углу башня Псефинъ, противъ которой расположился лагеремъ Титъ, представляла выдающееся твореніе искусства. Простираясь вверхъ на высоту семидесяти локтей, она открываетъ дальній видъ на Аравію и на крайніе предѣлы еврейской земли до самаго моря. Она была восьмиугольная. На противоположной ей сторонѣ, на древней стѣнѣ была сооружена царемъ Иродомъ Гиппикова башня, а вблизи послѣдней еще двѣ другія башни, которыя по величинѣ, красотѣ и крѣпости не имѣли себѣ подобныхъ въ мірѣ. Ибо изящество этихъ сооруженій было не только дѣломъ врожденнаго царю вкуса къ величественному и ревностной его заботы о городѣ, но и являлась данью чувствамъ его сердца, такъ какъ этими башнями онъ воздвигъ памятники тремъ любимѣйшимъ лицамъ: своему брату, другу и женѣ, имена которыхъ онъ присвоилъ этимъ сооруженіямъ. Свою жену онъ, какъ мы выше сообщили (I, 22, 5), убилъ изъ ревности, двухъ другихъ онъ потерялъ на войнѣ, гдѣ они храбро сражались. Гиппикова башня, названная по имени его друга, была четырехугольная, двадцатипяти локтей ширины и длины, тридцати локтей высоты и массивно построена; на этомъ, составленномъ изъ глыбъ массивѣ, находилось вмѣстилище для дождевой воды двадцати локтей глубины; надъ нимъ возвышалось еще двухэтажное жилое зданіе, вышиною въ двадцать пять локтей, раздѣленное на различнаго рода покои и увѣнчанное маленькими двухлоктевыми башенками и трехлоктевыми брустверами, такъ что общая высота башни достигала восьмидесяти локтей высоты. Вторая башня, названная Иродомъ, по имени его брата Фазаеля [1], имѣла по сорока локтей въ ширину и длину и столько же въ вышину и была вся массивная. На верху опоясывалъ

[1] Фазаель не умеръ въ сраженіи, какъ говоритъ здѣсь Іосифъ, а былъ измѣннически убитъ въ темницѣ, куда заманили его пареяне (см. стр. 63).

ее кругомъ балконъ вышиною въ десять локтей, защищенный брустверами и выступами; въ срединѣ этого балкона возвышалась другая башня, помѣщавшая въ себѣ великолѣпные покои, снабженные даже баней, такъ что вся башня совершенно походила на царскій замокъ. Ея вершина была еще роскошнѣе предыдущей и украшена башенками и зубцами. Въ общемъ она имѣла около девяноста локтей высоты. По внѣшнему виду она была похожа на Фаросскій маякъ, что предъ Александріей (IV, 10, 5), но значительно превосходила его объемомъ. Въ то время въ ней укрѣпился Симонъ, сдѣлавъ ее главнымъ пунктомъ своей власти. Третья башня Маріамна (такъ было имя царицы) имѣла массивное основаніе въ двадцать локтей вышины, двадцать локтей ширины и столько-же длины; жилыя помѣщенія на верху были устроены еще великолѣпнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ башняхъ, ибо царь считалъ приличествующимъ—зданіе, названное по имени женщины, больше разукрасить, чѣмъ тѣ, которыя носили имена мужчинъ; за то послѣднія были, наоборотъ, сильнѣе женской башни. Высота этой башни достигала пятидесяти пяти локтей.

4. Величина этихъ трехъ башенъ, какъ ни была она значительна сама по себѣ, казалось еще большей, благодаря ихъ мѣстоположенію: ибо древняя стѣна, на которой они стояли, сама-же была построена на высокомъ холмѣ и, подобно вершинѣ горы, подымалась на вышину тридцати локтей, а потому башни, находившіяся на ней, выигрывали въ вышинѣ. Поразительна была также величина камней, употребленныхъ для башенъ, ибо послѣднія были построены не изъ простыхъ камней или обломковъ скалъ, которые люди могли-бы нести, а изъ обтесанныхъ бѣлыхъ мраморныхъ глыбъ, изъ которыхъ каждая измѣрялась двадцатью локтями длины, десятью локтями ширины и пятью—толщины; и такъ тщательно онѣ были соединены между собою, что каждая башня казалась выросшей изъ земли одной скалистой массой, въ которой уже впослѣдствіи рука мастера вырѣзала формы и углы—такъ незамѣтны были швы сооруженія. Къ этимъ стоявшимъ на сѣверѣ башнямъ примыкалъ извнутри превосходившій всякое описаніе царскій дворецъ, въ которомъ великолѣпіе и убранство доведены были до высшаго совершенства. Онъ былъ окруженъ обводной стѣной въ тридцать локтей высоты, носившей въ одинаковыхъ разстояніяхъ богато-украшенныя башни, и помѣщалъ въ себѣ громадныя столовыя съ ложами для сотенъ гостей. Неисчислима была разновидность употребленныхъ въ этомъ зданіи камней, ибо самыя рѣдкія породы были доставлены сюда массами изъ всѣхъ странъ; достойны удивленія потолки комнатъ по длинѣ балокъ

и великолѣпію убранства. Въ немъ находилось несмѣтное число разнообразной формы покоевъ, и всѣ они были вполнѣ обставлены; большая часть комнатной утвари была изъ серебра и золота. Много было перекрещивавшихся между собою кругообразныхъ галлерей, украшенныхъ разнообразными колоннами; открытыя ихъ мѣста утопали въ зелени. Здѣсь виднѣлись разнородные парки съ прорѣзывавшими ихъ длинными аллеями для гулянья, а вблизи ихъ глубокія водовмѣстилища и мѣстами цистерны, изобиловавшія художественными издѣліями изъ мѣди, чрезъ которыя протекала вода. Кругомъ этихъ искусственныхъ источниковъ находились многочисленныя башеньки для прирученыхъ дикихъ голубей [1]. Однако нѣтъ возможности описать по достоинству этотъ дворецъ; мучительно только воспоминаніе объ опустошеніи, произведенномъ здѣсь разбойничьей рукой; ибо не римляне сожгли все это, а какъ выше было разсказано (II, 17, 6, 7), внутренніе враги сдѣлали это въ началѣ возстанія: въ замкѣ Антоніи впервые вспыхнулъ огонь, затѣмъ онъ охватилъ дворецъ и уничтожилъ также верхнія постройки трехъ башенъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Описаніе храма [2].

1. Храмъ, какъ выше замѣчено, былъ построенъ на хребтѣ сильно укрѣпленнаго холма [3]. Вначалѣ вершина его едва хватала для самаго храма и алтаря, такъ какъ холмъ со всѣхъ сторонъ былъ покатъ и обрывистъ. Но послѣ того, какъ царь Соломонъ, первый основатель храма, укрѣпилъ стѣной восточную часть холма, на земляной насыпи была построена еще колоннада; на другихъ сторонахъ храмъ стоялъ еще открытымъ. Въ послѣдующіе-же вѣка народъ все больше расширялъ путемъ постоянныхъ насыпей поверхность холма; тогда разломали и сѣверную стѣну и прирѣзали еще столько мѣста, сколько впослѣдствіи составлялъ весь объемъ храма. Послѣ того какъ іудеи подкрѣпили холмъ отъ самой его подошвы тройной терассообразной стѣной и окончили превзошедшее всякія ожиданія сооруженіе, на что были употреблены долгіе вѣка и всѣ священныя сокровища, стекавшіяся со всего міра, они обстроили верхнее пространство и нижнее храмовое мѣсто. Самая низкая часть храма по-

[1] „Иродовы голуби"—יוני הרדסיות—упоминаются также въ Мишнѣ; Шаббатъ, 24, 3; Хуллинъ, 12, 1.

[2] См. стр. 90.

[3] Морія.

коилась на фундаментѣ въ триста локтей высоты, а мѣстами и больше. Но не вся глубина этого замѣчательнаго фундамента была видна, ибо большей частью заполняли лощину для уравненія ея съ улицами города. Употребленныя для фундамента скалы имѣли величину сорока локтей. Изобиліе денежныхъ средствъ и рвеніе народа неимовѣрно ускоряли ходъ работъ, и, благодаря этой неослабной настойчивости, съ теченіемъ времени было возведено сооруженіе, которое раньше не надѣялись даже когда-либо окончить.

2. Достойны такого основанія были также воздвигнутыя на немъ зданія. Всѣ галлереи были двойныя; двадцатипятилоктевые столбы, на которыхъ онѣ покоились, состояли каждый изъ одного куска самаго бѣлаго мрамора; покрыты же онѣ были потолками изъ кедроваго дерева. Высокая цѣнность этого матеріала, красивая отдѣлка и гармоничное сочетаніе его представляли величественный видъ, хотя ни кисть художника, ни рѣзецъ ваятеля не украшали зданія снаружи. Ширина каждой галлереи достигала тридцати локтей, а весь объемъ ихъ, включая также и замокъ Антонію, исчислялся шестью стадіями. Непокрытыя дворовыя мѣста были вымощены вездѣ разноцвѣтной мозаикой. Между первымъ и вторымъ освященнымъ мѣстомъ тянулась каменная, очень изящно отдѣланная ограда вышиною въ три локтя. На немъ въ одинаковыхъ промежуткахъ стояли столбы, на которыхъ на греческомъ и римскомъ языкахъ былъ написанъ законъ очищенія, гласившій, что чужой не долженъ вступить въ святилище, ибо это второе священное мѣсто называлось именно святилищемъ [1]. На четырнадцать ступеней выходили туда отъ перваго мѣста. Святилище представляло собою четырехугольникъ, обнесенный особой стѣной. Внѣшняя вышина послѣдней, хотя достигала сорока локтей, не была видна изъ-за прикрывавшихъ ее ступеней; внутри-же стѣна имѣла только двадцать пять локтей; ибо такъ какъ стѣна была построена на высокомъ мѣстѣ, на которое взбирались по ступенямъ, то не вся внутренняя часть ея была видна, потому что холмъ ее закрывалъ. Лѣстница оканчивалась на верху площадкой, имѣвшей до стѣны десять локтей. Отсюда другія лѣстницы, въ пять ступеней каждая, вели къ воротамъ, которыхъ на сѣверѣ и югѣ было восемь (по четыре

[1] Одна изъ этихъ надписей, греческая, открыта и опубликована была въ 1871 г. французскимъ академикомъ Клермонъ-Ганно. См. Clermont-Ganneau въ Revue archeologique, 1872, стр. 214—234, 290—296; Derenbourg въ Journal asiatique, 1872, стр. 178 слѣд.; Piper въ Jahrbuch für deutsche Theologie, 1876, стр. 51 слѣд.; Mommsen, Geschichte, V, 513.

на каждой сторонѣ), а на востокѣ двое. Столько воротъ было здѣсь необходимо, такъ какъ на этой сторонѣ огорожено было мѣсто, предназначенное для богослуженія женщинамъ; поэтому здѣсь понадобились еще вторыя ворота, прорубленныя въ стѣнѣ противъ первыхъ; и на другихъ сторонахъ, т. е. на югѣ и сѣверѣ, въ женскій притворъ вели особыя ворота; черезъ другія ворота женщинамъ не дозволялось входить, точно также какъ имъ не разрѣшалось выходить изъ своего притвора въ другія части храма. Это мѣсто было одинаково открыто какъ для туземныхъ, такъ и чужестранныхъ іудейскихъ женщинъ безъ различія. Западная сторона не имѣла никакихъ воротъ, стѣна закрывала ее наглухо. Галлереи, находившіяся между воротами по внутренней сторонѣ стѣны и ведшія къ казнохранилищамъ, покоились на рядѣ большихъ и чрезвычайно красивыхъ столбовъ. Впрочемъ, кромѣ величины, онѣ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не уступали тѣмъ, которыя находились въ нижнемъ дворѣ.

3. Девять изъ этихъ воротъ были отъ верха до конца сплошь покрыты золотомъ и серебромъ, равно какъ косяки и притолоки; однѣ изъ нихъ, находившіяся внѣ храма, были даже изъ коринѳской мѣди [1] и далеко превосходили въ стоимости посеребренныя и позолоченныя. Каждыя ворота состояли изъ двухъ половинъ, имѣвшихъ по тридцати локтей высоты и пятнадцати ширины. Внутри воротъ съ обѣихъ сторонъ находились просторныя помѣщенія на подобіе башенъ, имѣвшихъ тридцать локтей въ ширину и болѣе сорока въ вышину. Каждую изъ этихъ башенъ поддерживали двѣ колонны по двѣнадцати локтей въ объемѣ. Всѣ ворота были одинаковой величины; только тѣ, которыя находились поверхъ коринѳскихъ, на восточной сторонѣ женскаго притвора, противъ храмовыхъ воротъ, были значительно больше; онѣ имѣли пятьдесятъ локтей вышины и двери сорокъ локтей ширины, были покрыты болѣе толстыми серебряными и золотыми листами и украшенія на нихъ были еще болѣе великолѣпны, чѣмъ на другихъ. Эту металлическую облицовку пожертвовалъ для девяти воротъ Александръ, отецъ Тиверія [2]. Пятнадцать ступеней вели отъ стѣны,

[1] Дорогой въ древности металъ, составлявшій сплавъ изъ золота, серебра и мѣди. Эти ворота назывались „Никаноровы ворота“.

[2] Отецъ того самаго Тиверія Александра, который перешелъ въ язычество, былъ прокураторомъ сначала іудейскимъ, потомъ египетскимъ, а при іерусалимской осадѣ занималъ высшій послѣ Тита; начальническій постъ въ римскомъ войскѣ.

составлявшей границу женскаго притвора, до большихъ воротъ—на пять ступеней меньше тѣхъ, которыя вели къ остальнымъ воротамъ.

4. Къ самому зданію храма, возвышавшемуся по срединѣ, т. е. къ святилищу, вели двѣнадцать ступеней. Фронтонъ зданія имѣлъ, какъ въ вышину, такъ и въ ширину, сто локтей; задняя-же часть была на сорокъ локтей уже, ибо съ обѣихъ сторонъ фронтона выступали два крыла, каждое на двадцать локтей. Передній ворота храма, семидесяти локтей вышины и двадцати пяти ширины, не имѣли дверей—это была эмблема безконечнаго, открытаго неба. Лицевая сторона этихъ воротъ была вся покрыта золотомъ и чрезъ нихъ виднѣлась вся внутренность перваго и большаго отдѣленія храма. Внутри воротъ все кругомъ блистало золотомъ. Внутреннее помѣщеніе храма распадалось такимъ образомъ на два отдѣленія; но открытымъ оставалось только переднее, которое имѣло девяносто локтей въ вышину, пятьдесятъ въ длину и двадцать въ ширину. Ворота, которыя вели въ это отдѣленіе, были, какъ сказано выше, сплошь позолочены, равно какъ и вся стѣна, окаймлявшая ихъ. Надъ ними находились золотыя виноградныя лозы, отъ которыхъ свѣшивались кисти въ ростъ человѣческій. Изъ двухъ отдѣленій храмового зданія внутреннее были ниже внѣшняго. Въ него вели золотыя двери пятидесятипяти локтей вышины и шестнадцати ширины; надъ ними свѣшивался одинаковой величины вавилонскій занавѣсъ, пестро вышитый изъ гіацинта [1], виссона [2], шарлаха [3], и пурпура [4], сотканный необычайно изящно и поражавшій глазъ замѣчательной смѣсью матерій. Этотъ занавѣсъ долженъ былъ служить символомъ вселенной: шарлахъ обозначалъ огонь, виссонъ—землю, гіацинтъ—воздухъ, а пурпуръ—море [5]; два изъ нихъ—по сходству цвѣта, а два—виссонъ и пурпуръ,—по происхожденію, ибо виссонъ про-

[1] Голубая матерія подъ цвѣтъ гіацинта, по евр. תכלת.

[2] По евр. שש (слово египетскаго происхожденія) или בוץ. Виссонъ обыкновенно былъ бѣлаго цвѣта, но иногда окрашивался въ пурпуръ, а иногда представлялъ собою совершенно прозрачную матерію. Изъ такого именно виссона, т. е. прозрачнаго, дѣлалась одежда первосвященниковъ въ послѣднее столѣтіе существованія храма. По свидѣтельству Плинія Старшаго, виссонъ продавался на вѣсъ золота.

[3] По евр. תולעת שני.

[4] По евр. ארגי.

[5] Т. е. четыре элемента.

исходитъ изъ земли, а пурпуръ изъ моря. Шитье на завѣсѣ представляло видъ всего неба, за исключеніемъ знаковъ зодіака [1].

5. Чрезъ этотъ входъ входили въ низшую часть храмового зданія. Послѣдняя имѣла шестьдесятъ локтей вышины, столько же длины и двадцать локтей ширины; въ свою длину она опять раздѣлялась на два отдѣленія: первое изъ нихъ, перегороженное отъ второго на длинѣ сорока локтей, заключало въ себѣ три достопримѣчательныхъ, всемірно-извѣстныхъ произведенія искусства: свѣтильникъ, столъ и жертвенникъ для куреній. Семь лампадъ, на которыя развѣтвлялся свѣтильникъ, обозначали семь планетъ; двѣнадцать хлѣбовъ на столѣ—зодіакъ и годъ; курильница, наполненная тринадцати родовъ курильными веществами, взятыми изъ моря, необитаемыхъ пустынь и обитаемой земли, указывала на то, что все исходитъ отъ Бога и Богу же принадлежитъ. Самая внутренняя часть храма имѣла двадцать локтей [2] и была отдѣлена отъ внѣшней также завѣсомъ. Здѣсь собственно ничего не находилось [3]. Она оставалась запретной, неприкосновенной и незримой для всѣхъ. Она называлась Святая Святыхъ. По бокамъ низшаго отдѣленія храма находились многія сообщавшіяся между собою трехъ-этажныя жилища, которыя съ обѣихъ сторонъ были доступны чрезъ особые входы. Верхнее отдѣленіе храма не имѣло никакихъ подобныхъ пристроекъ, такъ какъ оно было и уже и выше почти на сорокъ локтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно было проще отдѣлано, чѣмъ низшее. Если прибавить къ шестидесяти локтямъ отъ земли упомянутые сорокъ, то въ общемъ получится высота въ сто локтей.

6. Внѣшній видъ храма представлялъ все, что только могло восхищать глазъ и душу. Покрытый со всѣхъ сторонъ тяжелыми золотыми листами, онъ блисталъ на утреннемъ солнцѣ яркимъ огненнымъ блескомъ, ослѣпительнымъ для глазъ, какъ солнечные лучи. Чужимъ, прибывавшимъ на поклоненіе въ Іерусалимъ, онъ издали казался покрытымъ снѣгомъ, ибо тамъ, гдѣ онъ не былъ позолоченъ, онъ былъ ослѣпительно бѣлъ.

[1] Такъ какъ въ составъ зодіака входили изображенія одушевленныхъ предметовъ.

[2] Т. е. по двадцати локтей въ вышину, длину и ширину.

[3] Въ Талмудѣ (Іома 53в) упоминается о камнѣ שת"ה (т. е. фундаментъ), который будто бы находился въ Святая-Святыхъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ ковчегъ, исчезнувшій послѣ разрушенія перваго храма или, можетъ быть, еще раньше. Значеніе и назначеніе этого камня неизвѣстны. Различныя легенды о судьбѣ ковчега и мѣстѣ его сохраненія—см. у Гейгера, Lehrbuch zur Sprache der Mischna, стр. 13.

Вершина его была снабжена золотыми заостренными шпицами для того, чтобы птица не могла садиться на храмъ и загрязнить его [1]. Каменныя глыбы, изъ которыхъ онъ былъ построенъ, имѣли до сорока пяти локтей длины, пяти толщины и шести ширины. Предъ нимъ стоялъ жертвенникъ вышиной въ пятнадцать локтей, тогда какъ длина и ширина его были одинаковаго размѣра въ пятьдесятъ локтей. Онъ представлялъ собою четырехугольникъ и имѣлъ на своихъ углахъ рогообразные выступы; съ юга вела къ нему слегка подымавшаяся терраса. Онъ былъ сооруженъ безъ желѣзнаго инструмента и никогда желѣзо его не коснулось. Храмъ вмѣстѣ съ жертвенникомъ были обведены изящной, сдѣланной изъ красивыхъ камней, рѣшеткой около локтя вышины, которая отдѣляла священниковъ отъ мірянъ. Гноеточивымъ и прокаженнымъ былъ воспрещенъ входъ въ городъ вообще; женщинамъ же не дозволялось входить въ храмъ во время ихъ мѣсячнаго очищенія, но и когда онѣ были чисты, имъ запрещалось переступать выше обозначенную границу. Мужчины, когда они не были вполнѣ чисты, не должны были входить во внутренній дворъ, точно также какъ и священникъ въ подобныхъ же случаяхъ.

7. Лица, происходившія изъ священническаго рода, которыя вслѣдствіе какого либо тѣлеснаго недостатка не могли совершать священную службу, находились внутри рѣшетки возлѣ физически безупречныхъ и получали также части жертвъ, принадлежавшія имъ въ силу ихъ родового происхожденія, но носили простую одежду, ибо только участвовавшіе въ службѣ должны были носить священное облаченіе. У жертвенника и въ храмѣ служили только чистые и безупречные священники, одѣтые въ виссонъ; изъ благоговѣнія къ своимъ священнымъ обязанностямъ они въ особенности воздерживались отъ употребленія вина для того, чтобы они не нарушили какого-нибудь обряда. Съ ними всходилъ первосвященникъ, но не всякій разъ, а только по субботамъ, новолуніямъ, годичнымъ праздникамъ, или если совершалось какое-нибудь всенародное празднество. Онъ совершалъ свя-

[1] Иные какъ, напр., Михаэлисъ, полагаютъ, что эти шпицы имѣли назначеніе громоотводовъ. Этимъ, равно какъ и тѣмъ, что вся кровля храма и его фасадъ были сплошь покрыты золотомъ, а въ храмовомъ дворѣ находились глубокія цистерны, въ которыя дождевая вода съ храмовой крыши протекала по металлическимъ трубамъ, объясняется, что храмовое зданіе, которое по своему положенію на вершинѣ горы особенно подвергалось опасностямъ грозъ, чрезвычайно сильныхъ и частыхъ въ Іерусалимѣ, тѣмъ не менѣе ни разу за все свое слишкомъ тысячелѣтнее существованіе не потерпѣло отъ удара молніи.

щенную службу въ поясѣ [1], прикрывавшемъ тѣло отъ чреселъ до голеней, въ льняной нижней одеждѣ [2] и гіацинтово-голубой, достигавшей до ногъ, обхватывавшей все тѣло, верхней одеждѣ [3], обшитой кистями. Къ кистямъ привѣшаны были золотые колокольчики съ гранатными яблоками попеременно: первые, какъ эмблема грома, вторыя—молніи. Повязка, прикрѣплявшая верхнюю одежду къ груди, представляла пеструю ткань изъ пяти полосъ: золота, пурпура, шарлаха, виссона и гіацинта,—тѣхъ самыхъ матерій, изъ которыхъ, какъ выше сказано, были сотканы занавѣсы храма. Поверхъ этого онъ носилъ еще наплечное одѣяніе [4], вышитое изъ тѣхъ-же цвѣтныхъ матерій съ преобладаніемъ золота. Покрой этого облаченія походилъ на панцырь, двѣ золотыхъ застежки [5] скрѣпляли его и въ эти застежки были вправлены красивѣйшіе и величайшіе сардониксы [6], на которыхъ вырѣзаны были имена колѣнъ народа. На другой сторонѣ свѣшивались двѣнадцать другихъ камней четырьмя рядами, по три въ каждомъ: карнеолъ, топазъ и смарагдъ, карбункулъ, ясписъ и сапфиръ, агатъ, аметистъ и янтарь, ониксъ, бериллъ и хризолитъ [7]. На каждомъ изъ этихъ камней стояло одно изъ названій колѣнъ. Голову покрывала тіара, сотканная изъ виссона и гіацинтово-голубой матеріи; ее обвивала кругомъ золотая діадема съ надписанными священными буквами. Это были четыре гласныхъ [8]. Это облаченіе, впрочемъ, онъ не носилъ во всякое время, такъ какъ для обычнаго ношенія употреблялся болѣе легкій уборъ, а только тогда, когда входилъ въ Святая-Святыхъ, и то одинъ разъ только въ году, когда всѣ іудеи въ честь Бога постились [9]. О городѣ, храмѣ и касавшихся ихъ обычаяхъ и законахъ я еще ниже буду говорить обстоятельнѣе, ибо еще не мало остается сообщить о нихъ.

[1] вѣроятно מכנסים, не точно передаваемое Іосифомъ словомъ „поясъ".

[2] כתנת

[3] מעיל

[4] אפד.

[5] שתי כתפת

[6] אבני שהם

[7] Эта часть облаченія называлась „наперсникомъ суднымъ" חשן המשפט. Расположеніе камней, данное здѣсь, не совсѣмъ, кажется, согласуется съ тѣмъ какое мы находимъ въ Пятикнижіи. Впрочемъ, точное значеніе еврейскихъ названій перечисленныхъ въ Библіи камней крайне сомнительно.

[8] Іегова.

[9] Въ день всепрощенія.

8. Замокъ Антонія съ двумя галлереями на внѣшней храмовой площади, западной и сѣверной, образовалъ уголъ. Построенъ онъ былъ на отвѣсной со всѣхъ сторонъ скалѣ, вышиною въ пятьдесятъ локтей. Это было твореніе царя Ирода, которымъ онъ преимущественно доказалъ свою любовь къ великолѣпію. Прежде всего скала отъ самой своей подошвы была устлана гладкими каменными плитами отчасти для украшенія, отчасти же для того, чтобы пытавшійся вскарабкаться на верхъ или слѣзать внизъ, соскальзывалъ съ нея. Затѣмъ предъ самимъ зданіемъ замка подымалась на три локтя стѣна, внутри которой самъ замокъ возвышался на сорокъ локтей. Внутренность отличалась просторомъ и устройствомъ дворца; она распадалась на разнаго вида и назначенія покои, на галлереи, бани и просторныя царскія палатки, такъ что обстановка со всѣми удобствами придавали замку видъ города, а пышность устройства—видъ царскаго дворца. Въ цѣломъ онъ имѣлъ форму башни, но на своихъ четырехъ углахъ онъ опять былъ обставленъ четырьмя башнями, изъ которыхъ двѣ были пятидесяти локтей вышины, а двѣ другія, а именно нижняя и восточная,—семидесяти, такъ что съ нихъ можно было обозрѣвать всю храмовую площадь. Тамъ, гдѣ замокъ соприкасался съ храмовыми галлереями, отъ него къ послѣднимъ вели лѣстницы, по которымъ солдаты квартировавшаго всегда въ замкѣ римскаго легіона вооруженными спускались внизъ, чтобы, размѣстившись по галлереямъ, надзирать за народомъ въ праздничные дни съ цѣлью предупреждать мятежныя волненія. Точно, какъ храмъ для города, такъ и Антонія для храма служила цитаделью. Въ ней находился также гарнизонъ для всѣхъ троихъ [1]. Кромѣ этого и Верхній городъ имѣлъ свою собственную цитадель — дворецъ Ирода. Холмъ Бецета, какъ сказано выше, былъ отдѣленъ отъ Антоніи; онъ былъ высочайшій изъ всѣхъ холмовъ и одной своей частью соединенъ съ Верхнимъ городомъ. Онъ одинъ заслонялъ также видъ на храмъ съ сѣверной стороны. Такъ какъ о городѣ и стѣнахъ я имѣю въ виду еще ниже говорить о каждомъ въ отдѣльности, то можно пока ограничиться сказаннымъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О тиранахъ Симонѣ и Іоаннѣ. — Какъ во время обхода Тита вокругъ стѣны былъ раненъ Никаноръ, вслѣдствіе чего осада была усилена.

1. Изъ вооруженныхъ мятежниковъ города десять тысячъ человѣкъ, не считая идумеянъ, образовали партію Симона; они состояли подъ коман-

[1] Т. е. города, храма и самаго замка.

дой пятидесяти предводителей, надъ которыми Симонъ начальствовалъ, какъ главнокомандующій. Идумеяне, бывшіе на его сторонѣ, въ числѣ пяти тысячъ воиновъ, управлялись десятью предводителями. Первыми изъ нихъ признавались въ извѣстной степени: Яковъ, сынъ Сосы, и Симонъ, сынъ Каѳлы. Іоаннъ, занимавшій храмъ, имѣлъ шесть тысячъ тяжело-вооруженныхъ подъ начальствомъ двадцати предводителей; кромѣ того къ нему примкнули забывшіе свою прежнюю вражду зелоты въ числѣ двухъ тысячъ четырехъ сотъ, руководимые своими прежними вожаками, Элеазаромъ и Симономъ, сыномъ Яира. Обѣ эти партіи, какъ выше было замѣчено, враждовали между собою, а жертвой ихъ распри былъ народъ, такъ какъ та часть населенія, которая устраняла себя отъ участія въ ихъ злодѣйствахъ, подвергалась грабежамъ со стороны обѣихъ партій. Симонъ владѣлъ Верхнимъ городомъ и большой стѣной до Кидрона; кромѣ того въ его власти находились та часть древней стѣны, которая тянулась отъ Силоамскаго источника къ востоку до дворца Монобаза (царя адіабиновъ по ту сторону Евфрата), равно какъ названный источникъ вмѣстѣ съ Акрой (Нижнимъ городомъ) и вся мѣстность до дворца Елены, матери Монобаза. Іоаннъ же властвовалъ надъ храмомъ и большей частью его окружности, далѣе—надъ Офлой и кидронской долиной. Уничтоживъ огнемъ часть города, лежавшую между ихъ владѣніями, они создали открытое мѣсто для своей взаимной борьбы (1,3). Ибо даже тогда, когда римляне стояли уже лагеремъ подъ стѣнами Іерусалима, междоусобная война не унималась. Образумившись на минуту послѣ первой вылазки противъ римлянъ (2, 2, 4), они вскорѣ вновь впали въ свою прежнюю болѣзнь, опять раздвоились между собою, другъ съ другомъ воевали и дѣлали все только на руку осаждавшимъ. Другъ съ другомъ они поступали такъ, что и отъ непріятеля ихъ не могло ожидать болѣе жестокое обращеніе, а послѣ ихъ дѣйствій для города никакое бѣдствіе не могло казаться новымъ; еще и до паденія города его несчастіе было такъ велико, что римляне могли только улучшить его положеніе. Я думаю такъ: междоусобная война уничтожила городъ, а римляне уничтожили междоусобицу, которая была гораздо сильнѣе стѣнъ; всякую вину можно поистинѣ приписать туземцамъ, а всякую справедливость—воздать римлянамъ. Но пусть каждый судитъ по тому, чему поучаютъ событія.

2. Въ то время, когда городъ находился въ такомъ положеніи, Титъ въ сопровожденіи отборнаго отряда всадниковъ объѣхалъ его съ цѣлью высмотрѣть удобный пунктъ нападенія на стѣну. На всѣхъ пунктахъ онъ

нашелъ затрудненія; со стороны глубокихъ долинъ стѣна и такъ была недоступна; но и на другихъ пунктахъ наружная стѣна казалась слишкомъ массивной для машинъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ предпринять штурмъ у гробницы первосвященника Іоанна. На этомъ мѣстѣ наружное укрѣпленіе было ниже, а второе не примыкало къ нему, такъ какъ въ менѣе населенной части новаго города укрѣпленія оставлены были въ пренебреженіи. Отсюда поэтому легко можно было перейти къ третьей стѣнѣ, чрезъ которую Титъ предполагалъ овладѣть Верхнимъ городомъ, какъ чрезъ Антонію храмомъ. На этомъ объѣздѣ былъ раненъ стрѣлой въ лѣвое плечо другъ его Никаноръ въ тотъ моментъ, когда онъ вмѣстѣ съ Іосифомъ ближе подъѣхалъ къ стѣнѣ, чтобы, какъ человѣкъ хорошо извѣстный іудеямъ [1], предложить имъ миръ. Изъ того, что они не пощадили человѣка, приблизившагося къ нимъ для ихъ-же собственнаго блага, Титъ понялъ, какъ велико ихъ упорство. Онъ поэтому еще съ большимъ рвеніемъ принялся за осаду, позволилъ легіонамъ опустошать окрестности города и отдалъ приказъ собрать матеріалъ для постройки валовъ.

Вслѣдъ за этимъ онъ раздѣлилъ войско на три части для работъ. Въ промежуткахъ между валами онъ выстроилъ пращниковъ и стрѣлковъ, а передъ фронтомъ послѣднихъ поставилъ еще скорпіоны, катапульты и баллисты [2] съ цѣлью отражать вылазки непріятеля противъ рабочихъ и попытки воспрепятствовать работамъ со стѣны. Деревья были всѣ вырублены, вслѣдствіе чего пространство передъ городомъ вскорѣ обнажилось. Въ то время, однако, когда отовсюду приносились деревья для валовъ и все войско усердно занималось работами, іудеи тоже не оставались праздными. Народъ, жизнь котораго проходила среди убійствъ и грабежей, теперь опять воспрянулъ духомъ: онъ надѣялся вздохнуть свободно, когда его притѣснители будутъ отвлечены борьбой съ внѣшнимъ врагомъ, и отомстить виновнымъ, если римляне одержатъ верхъ.

3. Іоаннъ изъ страха предъ Симономъ оставался на своемъ посту, несмотря на то, что его войско горѣло желаніемъ идти на встрѣчу внѣшнему непріятелю. Симонъ, напротивъ, по тому уже одному, что онъ находился ближе къ осаднымъ работамъ, не бездѣйствовалъ, а разставилъ на

---

[1] Никаноръ повидимому былъ ренегатомъ изъ евреевъ; ибо выше (стр. 497) Іосифъ называетъ его своимъ „близкимъ знакомымъ и давнимъ другомъ“, а здѣсь онъ говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, хорошо извѣстномъ іудеямъ, не поясняя, однако, причинъ его извѣстности.

[2] Объ этихъ машинахъ см. стр. 281 и 289.

различныхъ мѣстахъ стѣны метательныя машины, отнятыя у Цестія (II, 19, 9) и у гарнизона въ Антоніи (II, 17, 7). Эти машины, впрочемъ, не приносили іудеямъ существенной пользы, такъ какъ они не знали, какъ обращаться съ ними; только немногіе, научившіеся обращенію съ машинами отъ перебѣжчиковъ, стрѣляли изъ нихъ и то плохо. За то они метали въ рабочихъ камни и стрѣлы, дѣлали правильныя вылазки и завязывали съ римлянами небольшія сраженія. Но защитой отъ стрѣлъ служили для римлянъ построенныя на насыпяхъ плетеныя кровли, а противъ вылазокъ ихъ защищали метательныя машины. Ибо всѣ легіоны были снабжены превосходными машинами, въ особенности десятый легіонъ имѣлъ необыкновенно сильные скорпіоны и громадныя балисты, посредствомъ которыхъ онъ опрокидывалъ стоявшихъ даже на стѣнѣ, не говоря уже о тѣхъ, которые дѣлали вылазки: эти машины извергали камни вѣсомъ въ таланты [1] на разстояніи двухъ стадій и больше; а противъ ихъ ударовъ не могли устоять не только передовые воины, непосредственно застигнутые ими, но и стоявшіе далеко позади нихъ. Вначалѣ іудеи ускользали отъ вылетавшихъ камней, такъ какъ послѣдніе предупреждали о себѣ своимъ свистомъ и были даже видимы для глазъ вслѣдствіе своей бѣлизны; къ тому же еще стражи съ башенъ давали имъ знать каждый разъ, когда машина заряжалась и камень вылеталъ, выкрикивая на родномъ языкѣ: «стрѣла летитъ!», тогда тѣ, въ которыхъ мѣтила машина, разступались и бросались на землю. При употребленіи этой предосторожности камни часто падали безъ всякаго дѣйствія. Но римляне, съ своей стороны, напали на мысль окрасить камни въ темный цвѣтъ; такимъ образомъ они перестали быть видимыми заранѣе и попадали въ цѣль; одинъ выстрѣлъ сразу уничтожалъ многихъ. Но несмотря на весь вредъ, который терпѣли іудеи, они все-таки не давали римлянамъ ни одной покойной минуты для сооруженія осадныхъ валовъ, а денно и нощно всякаго рода хитростью и смѣлостью старались мѣшать имъ въ этомъ.

4. Когда сооруженія были окончены, мастера отмѣрили разстояніе до стѣны, бросивъ туда съ вала прикрѣпленный къ шнуру кусокъ свинца; они должны были прибѣгнуть къ этому средству, такъ какъ иначе они были бы обстрѣлены сверху. Найдя, что тараны могутъ достигать стѣны, они привезли ихъ сюда. Титъ приказалъ тогда установить метательныя машины на болѣе близкомъ разстояніи для того, чтобы

[1] Аттическій талантъ 55 фунтовъ, эгинскій—66 фунт.

іудеи не могли удерживать тараны отъ стѣны, и затѣмъ отдалъ приказъ пустить въ ходъ сами тараны. И вотъ когда разомъ съ трехъ мѣстъ въ городѣ раздался страшный трескъ, жители его подняли крикъ, да и сами мятежники не мало ужаснулись. Въ виду общей опасности, обѣ партіи подумали, наконецъ, объ общей оборонѣ и сказали другъ другу: «Мы вѣдь дѣйствуемъ только на руку врагамъ! Если Богъ и отказалъ намъ въ постоянномъ согласіи, то по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту мы должны забыть взаимныя распри и соединиться воедино противъ римлянъ!» И дѣйствительно, Симонъ обѣщалъ находившимся въ храмѣ безопасность, если только они выйдутъ къ стѣнѣ, и Іоаннъ, хотя и съ недовѣріемъ, принялъ предложеніе. Забывъ всякую вражду и взаимные раздоры, они стояли теперь вмѣстѣ, какъ одинъ человѣкъ, заняли стѣну, бросали съ нея массы пылающихъ головень на сооруженія и поддерживали безпрерывную стрѣльбу противъ тѣхъ, которые заряжали стѣнобитныя орудія. Люди посмѣлѣе бросались толпами впередъ, срывали защитныя кровли съ машинъ и нападали на скрывавшихся подъ ними воиновъ большею частью побѣдоносно, скорѣе всего по своей бѣшенной отвагѣ, чѣмъ вслѣдствіе опытности. Но Титъ ни на минуту не покидалъ рабочихъ: съ обѣихъ сторонъ машинъ онъ разставлялъ всадниковъ и стрѣлковъ и при ихъ помощи отражалъ поджигателей, прогонялъ стрѣлявшихъ со стѣны и доставлялъ таранамъ возможность дѣйствовать безпрепятственно. Стѣна, однако, не поддавалась ударамъ: одинъ только таранъ пятнадцатаго легіона отбилъ уголъ башни; но стѣна осталась нетронутой и не подверглась даже опасности, ибо башня далеко выдавалась впередъ, а потому отъ ея поврежденія не такъ легко могла пострадать стѣна.

5. Такъ какъ іудеи на нѣкоторое время прекратили свои вылазки, то римляне подумали, что они изъ страха и усталости обратились на бездѣйствіе, и разсѣялись по своимъ сооруженіямъ и лагерямъ. Но іудеи, какъ только это замѣтили, сдѣлали у Гиппиковой башни чрезъ тайныя ворота вылазку всей массой, подожгли сооруженія и были уже готовы вторгнуться въ лагерь. На ихъ шумъ хотя успѣли собраться ближе стоявшіе римляне, равно какъ и болѣе отдаленные, но быстрѣе римской тактики была бѣшенная отвага іудеевъ: они обратили въ бѣгство первыхъ встрѣтившихся имъ на пути и бросились на собиравшихся. Вокругъ машинъ завязался ужасный бой: іудеи дѣлали все, чтобы ихъ зажечь, римляне, съ своей стороны,—чтобы этого не допустить; неясный гулъ слышался на обѣихъ сторонахъ; множество изъ передовыхъ рядовъ пало мертвыми. Но

іудеи своей бѣшенной отвагой побѣдили: огонь охватилъ сооруженія, и сами солдаты погибли бы въ пламени вмѣстѣ съ машинами, если бы часть отборнѣйшихъ александрійскихъ отрядовъ съ неожиданнымъ для нихъ самихъ мужествомъ, которымъ они въ этой битвѣ прославили себя больше другихъ, не отстаивали поля сраженія до тѣхъ поръ, пока на непріятеля не обрушился Цезарь во главѣ отборнѣйшей конницы. Двѣнадцать изъ передовыхъ онъ собственноручно положилъ на мѣстѣ; ихъ судьба привела остальную массу къ отступленію; онъ преслѣдовалъ ее, загналъ всѣхъ въ городъ и такимъ образомъ спасъ сооруженія отъ пожара. Въ этомъ сраженіи одинъ іудей былъ схваченъ живымъ—Титъ велѣлъ распять его на виду стѣны для того, чтобы этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ сдѣлать другихъ болѣе податливыми. Уже послѣ отступленія былъ убитъ Іоаннъ, предводитель идумейскій, въ то время, когда онъ, стоя передъ стѣной, разговаривалъ съ однимъ преданнымъ ему солдатомъ. Арабскій стрѣлокъ выстрѣлилъ въ него въ грудь, и онъ умеръ мгновенно къ великой скорби іудеевъ и къ сожалѣнію мятежниковъ, ибо онъ выдѣлялся своей храбростью и мудростью.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ одна изъ построенныхъ римлянами башенъ сама собою рухнула.—Какъ послѣ большого кровопролитія римляне завладѣли первой стѣной и какъ Титъ дѣлалъ нападеніе на вторую.—О римлянинѣ Лонгинѣ и іудеѣ Касторѣ.

1. Въ слѣдующую ночь въ римскомъ лагерѣ произошла неожиданная паника. Одна изъ трехъ пятидесятилоктевыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Титомъ впереди каждаго вала для того, чтобъ онѣ прикрывали послѣднія отъ стоявшихъ на стѣнѣ іудеевъ, обрушилась сама собою среди глубокой ночи. Страшный грохотъ, происшедшій при ея паденіи, навелъ на войско ужасъ: все бросилось къ оружію въ томъ предположеніи, что непріятель дѣлаетъ нападеніе; ужасъ и смятеніе воцарились въ легіонахъ, и такъ какъ никто не могъ объяснить въ чемъ дѣло, они въ своемъ отчаяніи предполагали то одно, то другое. Когда враговъ все таки нигдѣ не было видно, они начали пугаться самихъ себя: каждый въ страхѣ спрашивалъ другого пароль, боясь, не прокрались ли іудеи въ самый лагерь. Въ этомъ паническомъ страхѣ они оставались до тѣхъ поръ, пока Титъ не узналъ о происшедшемъ и не приказалъ объявить во всеуслышаніе причину грохота. Съ трудомъ они дали себя этимъ успокоить.

2. Іудеи храбро сопротивлялись противъ всякаго рода нападеній; но башни причиняли имъ много вреда: оттуда именно они одновременно были

обстрѣливаемы болѣе легкими машинами, копьеметателями, стрѣлками и пращниками; вмѣстѣ съ тѣмъ эти башни по своей высотѣ были недосягаемы для іудеевъ; не могли онѣ также быть опрокинуты и взяты по своей тяжести, а желѣзная броня предохраняла ихъ отъ огня. Если же іудеи удалялись за предѣлы выстрѣловъ, то они не могли больше останавливать наступленіе тарановъ, которые своими безпрестанными ударами, хотя медленно, а все-таки достигали кое-какихъ результатовъ. И уже стѣна поддалась Никону [1] (такъ іудеи сами называли самый большой таранъ, вслѣдствіе того, что онъ все побѣждалъ); а іудеи между тѣмъ давно уже были истощены отъ борьбы и бодрствованія по ночамъ вдали отъ города. Къ тому же они еще по легкомыслію или потому, что они вообще плохо обдумывали всѣ свои дѣйствія, считали излишней охрану этой стѣны въ виду того, что за ней оставались еще другія двѣ, и большей частью малодушно отступали отъ нея. Такимъ образомъ римляне вторгнулись въ стѣнныя отверстія, пробитыя Никономъ, послѣ чего всѣ стражи бѣжали за вторую стѣну. Тѣ, которые перешли чрезъ стѣну, открыли ворота и впустили все войско. На пятнадцатый день осады, въ седьмой день мѣсяца Артемизія [2], римляне овладѣли первой стѣной. Большую часть ея они разрушили, равно какъ и сѣверную часть города, какъ раньше это сдѣлалъ Цестій (II, 19, 4).

3. Тогда Титъ, занявъ все пространство до Кидрона, построилъ свой лагерь внутри стѣнъ въ такъ называемомъ Ассирійскомъ станѣ [3]. Такъ какъ онъ находился еще на разстояніи выстрѣла отъ второй стѣны, то онъ немедленно началъ наступленіе. Іудеи раздѣлились по позиціямъ и защищали стѣну упорно, люди Іоанна боролись съ замка Антоніи, сѣверной храмовой галлереи и гробницы царя Александра [4], а отряды Симона заняли входъ въ городъ у гробницы Іоанна и защищали линію до воротъ, у которыхъ водопроводъ загибаетъ къ Гиппиковой башнѣ. Часто они бросались изъ воротъ и вступали въ рукопашныя схватки, но каждый разъ были отбиваемы за стѣны; ибо въ стычкахъ на близкомъ разстояніи они, не посвященные въ римское военное искусство, были побѣждаемы [5], между

[1] По греч. „побѣдоносный".

[2] Иіаръ-Май.

[3] Въ сѣв.-восточномъ углу предмѣстья Бецеты.

[4] Александръ-Іаннай изъ дома Асмонеевъ.

[5] Въ предыдущихъ главахъ авторъ изображалъ не одну битву, гдѣ іудеи, сражаясь именно на близкихъ дистанціяхъ, но пѣхота противъ пѣхоты, одер-

тѣмъ какъ сражаясь со стѣны они одерживали верхъ. Римляне обладали силой вмѣстѣ съ опытностью; на сторонѣ іудеевъ была смѣлость, усиленная отчаяніемъ и присущая имъ выносливость въ несчастьѣ. Рядомъ съ этимъ, послѣднихъ все еще поддерживала надежда на спасеніе, а первые въ той-же степени надѣялись на быструю побѣду. Ни одни, ни другіе не знали усталости; нападенія, схватки около стѣнъ, вылазки мелкими партіями происходили безпрерывно въ теченіе всего дня, и ни одна форма борьбы не осталась неиспробованной. Рано утромъ они начинали и едва ночь приносила покой—она проходила безсонной для обоихъ лагерей и еще ужаснѣе, чѣмъ день: для іудеевъ потому, что они каждую минуту ожидали приступа къ стѣнѣ, для римлянъ потому, что они всегда боялись наступленія на ихъ лагерь. Обѣ стороны проводили ночи подъ оружіемъ, а съ проблескомъ перваго утренняго луча стояли уже другъ противъ друга готовыми къ бою. Іудеи всегда оспаривали другъ у друга право первымъ броситься въ опасность, чтобы отличиться предъ своими начальниками. Больше, чѣмъ ко всѣмъ другимъ, питали они страхъ и уваженіе къ Симону. Его подчиненные были ему такъ преданы, что по его приказу каждый съ величайшей готовностью самъ наложилъ-бы на себя руку. Въ римлянахъ храбрость поддерживали привычка постоянно побѣждать и непривычка быть побѣжденными, постоянные походы, безпрестанныя военныя упражненія и могущество государства, но больше всего личность самого Тита, всегда и всѣмъ являвшагося на помощь. Ослабѣвать на глазахъ Цезаря, который самъ вездѣ сражался бокъ-о-бокъ со всѣми, считалось позоромъ; храбро сражавшіеся находили въ немъ и свидѣтеля своихъ подвиговъ и наградителя, а прославиться на глазахъ Цезаря храбрымъ бойцомъ считалось уже выигрышемъ. Многіе поэтому выказывали часто превышавшее ихъ собственныя силы военное мужество. Когда, напримѣръ, въ тѣ дни сильный отрядъ іудеевъ сталъ предъ стѣнами въ боевомъ порядкѣ, и оба войска обстрѣливались еще издали, одинъ всадникъ, Лонгинъ, грянулъ впередъ изъ рядовъ римлянъ, врубился въ самый строй іудеевъ, разорвалъ его своимъ набѣгомъ и убилъ двухъ храбрѣйшихъ изъ нихъ,—одного, ставшаго противъ него въ упоръ, а другого, обратившагося въ бѣгство, закололъ съ боку вытянутымъ у перваго копьемъ и тогда

живали надъ римлянами блестящія побѣды, обращали цѣлый легіонъ въ разсѣянное бѣгство и если уступали поле сраженія, такъ только подъ натискомъ конницы, которая совершенно отсутствовала въ іерусалимскомъ оборонительномъ войскѣ.

ускакалъ изъ рукъ враговъ обратно къ своимъ. Это былъ, конечно, совсѣмъ исключительный подвигъ, но многіе старались подражать ему въ геройствѣ. Іудеи нисколько не печалились о причиненныхъ имъ потеряхъ. Всѣ ихъ помыслы и усилія были направлены къ тому, чтобы и съ своей стороны наносить уронъ. Смерть казалась имъ мелочью, если только удавалось, умирая, убить также и врага. Для Тита, напротивъ, безопасность солдатъ была столь же важна, какъ побѣда; стремленіе впередъ безъ оглядки онъ называлъ безуміемъ и признавалъ храбрость только тамъ, гдѣ обдуманно и безъ урона шли въ дѣло. Поэтому онъ училъ свое войско быть храбрымъ, но не подвергать себя опасности.

4. Наконецъ, подъ личнымъ руководствомъ Тита былъ установленъ таранъ противъ средней башни сѣверной стѣны, гдѣ одинъ хитрый іудей, по имени Касторъ стоялъ на стражѣ съ десятью ему подобныхъ послѣ того, какъ другіе бѣжали предъ стрѣлками. Нѣкоторое время они, притаиваясь за брустверами, тихо лежали; но, когда башня начала колебаться, они вскочили съ разныхъ мѣстъ; Касторъ при этомъ простеръ свои руки, какъ человѣкъ, умоляющій о пощадѣ, взывалъ къ Цезарю и жалобнымъ голосомъ просилъ сжалиться надъ нимъ. Титъ прямодушно повѣрилъ ему, вознадѣявшись, что іудеи теперь намѣрены перемѣнить свой образъ мыслей; онъ приказалъ поэтому остановить таранъ, запретилъ стрѣлять въ просящихъ и пригласилъ Кастора говорить. Когда тотъ заявилъ, что онъ хочетъ сойти и сдаться, Титъ отвѣтилъ, что онъ привѣтствуетъ его разумное рѣшеніе и будетъ очень радъ, если всѣ послѣдуютъ его примѣру, такъ какъ онъ, съ своей стороны, охотно протянетъ городу руку примиренія. Пять изъ десяти присоединились къ лицемѣрнымъ просьбамъ Кастора, между тѣмъ, какъ другіе кричали, что они никогда не сдѣлаются рабами римлянъ, пока у нихъ будетъ возможность умереть свободными людьми. Въ этомъ спорѣ прошло долгое время, въ продолженіе котораго наступленіе было пріостановлено. Касторъ между тѣмъ послалъ сказать Симону, что онъ можетъ совершенно спокойно совѣщаться со своими людьми о дѣлахъ нетерпящихъ отлагательства, ибо онъ еще долго задержитъ римское войско.

Въ то же время онъ дѣлалъ видъ, будто старается склонить на сдачу также и сопротивлявшихся ему, а тѣ, точно въ негодованіи, подняли обнаженные мечи надъ брустверами, пронзили себѣ щиты и пали на землю, какъ будто заколотые. Изумленіе охватило Тита и его окружающихъ при видѣ рѣшимости этихъ людей и, не будучи въ состояніи видѣть снизу

все въ точности, они дивились только ихъ мужеству и жалѣли вмѣстѣ съ тѣмъ объ ихъ участи. Тогда одинъ изъ римлянъ ранилъ Кастора въ лицо у носа; Касторъ вытащилъ стрѣлу, показалъ ее Титу и жаловался на несправедливое обращеніе. Цезарь сдѣлалъ выговоръ стрѣлявшему и далъ порученіе Іосифу, стоявшему возлѣ него, идти къ стѣнѣ и протянуть руку Кастору. Но Іосифъ отказался, ибо онъ подозрѣвалъ, что просящіе замышляютъ недоброе, и удерживалъ также своихъ друзей, желавшихъ поспѣшить туда. Перебѣжчикъ по имени Эней вызвался на это дѣло, а такъ какъ Касторъ кричалъ еще, чтобъ кто-нибудь пришелъ за полученіемъ денегъ, хранившихся при немъ, то этотъ Эней еще проворнѣе побѣжалъ и подставилъ свой плащъ; но Касторъ поднялъ камень и швырнулъ его внизъ; въ него самого онъ не попалъ, такъ какъ тотъ былъ на сторожѣ, но ранилъ сопровождавшаго его солдата. Этотъ обманъ привелъ Тита къ убѣжденію, что снисходительность въ войнѣ только вредна, между тѣмъ какъ строгость больше предохраняетъ противъ хитрости. Разгнѣванный этимъ издѣвательствомъ, онъ приказалъ заставить дѣйствовать таранъ еще съ большей неукротимостью. Когда башня колебалась уже подъ его ударами, Касторъ и его люди подожгли ее и прыгнули сквозь пламя въ находившійся подъ нею тайный проходъ, чѣмъ они еще разъ удивили своей храбростью римлянъ, полагавшихъ, что они бросились въ огонь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Какъ римляне два раза взяли вторую стѣну и приготовились ко взятію третьей.

1. На этомъ мѣстѣ Титъ овладѣлъ второй стѣной пять дней спустя послѣ взятія первой. Послѣ того, когда іудеи удалились отъ нея, онъ вступилъ съ тысячью вооруженныхъ и съ избраннымъ отрядомъ, составлявшимъ его свиту, и занялъ въ новомъ городѣ шерстяной рынокъ, кузнечныя мастерскія и площадь, гдѣ происходила торговля платьемъ, а также улицы, расположенныя въ косомъ направленіи къ стѣнѣ. Если-бы онъ сейчасъ-же или сломалъ болѣе значительную часть стѣны или, какъ принято по военному обычаю, разрушилъ взятую часть города, то его побѣда, по моему мнѣнію, не была-бы омрачена никакими потерями. Но Титъ надѣялся, что, избѣгая крутыхъ мѣръ, которыя онъ могъ принимать по своему усмотрѣнію, онъ смягчитъ упорство іудеевъ, и потому приказалъ не расширять входа на столько, чтобы онъ сдѣлался удобнымъ для отступленія;

онъ думалъ, что тѣ, которымъ онъ хотѣлъ оказать снисхожденіе, не устроятъ-же ему засаду. Еще больше—по своемъ вступленіи онъ воспретилъ убивать кого-либо изъ схваченныхъ іудеевъ или сожигать дома; одновременно съ тѣмъ, онъ предоставилъ мятежникамъ свободу продолжать борьбу, если только они съумѣютъ это сдѣлать безъ вреда для народа, а послѣднему обѣщалъ возвратить его имущество. Ибо для него было крайне важно сохранить для себя городъ, а для города храмъ. Народъ и раньше склоненъ былъ къ уступчивости а податливости [1]; воины-же іудейскіе принимали его человѣколюбіе за безсиліе: Титъ, думали они, распорядился такъ потому, что онъ чувствуетъ себя не въ силахъ овладѣть всѣмъ городомъ. Они грозили смертью всякому, кто подумаетъ о сдачѣ; а кто проронилъ слово о мирѣ, того убивали. Въ то-же время они напали на вступившихъ римлянъ, частью бросаясь имъ на встрѣчу на улицахъ, частью обстрѣливая ихъ съ домовъ; одновременно съ тѣмъ, другіе отряды дѣлали вылазки изъ верхнихъ воротъ противъ *римлянъ, находившихся* внѣ стѣнъ. Эти вылазки навели такой страхъ на расположенную у стѣны стражу, что она поспѣшно соскакивала съ башенъ и бѣжала къ себѣ въ лагерь. Громкій вопль поднялся среди римлянъ: находившіеся внутри города были оцѣплены кругомъ врагами, а стоявшіе извнѣ были охвачены ужасомъ при видѣ опасности покинутыхъ ими товарищей. Между тѣмъ число іудеевъ все больше росло; точное знакомство съ улицами давало имъ значительный перевѣсъ: они ранили массу римлянъ и съ неудержимой силой тѣснили ихъ назадъ. Послѣдніе поневолѣ оказывали продолжительное сопротивленіе, такъ какъ чрезъ тѣсный проходъ, сдѣланный въ стѣнѣ, они не могли бѣжать большими массами. Всѣ вступившіе въ городъ несомнѣнно были-бы перебиты, если-бы имъ на помощь не явился Титъ. Расположивъ стрѣлковъ на концахъ улицъ, онъ самъ сталъ въ самой страшной давкѣ и стрѣлами отбивалъ непріятеля. Бокъ-о-бокъ съ нимъ сражался Домицій Сабинъ (III, 7, 34), и въ этой битвѣ выказывалъ себя отмѣнно храбрымъ. Продолжая безъ перерыва стрѣльбу, Цезарь этимъ отражалъ нападеніе іудеевъ до тѣхъ поръ, пока его солдаты не совершили свое отступленіе.

[1] Тацитъ, менѣе пристрастно относившійся къ разсказываемымъ событіямъ, свидѣтельствуетъ наоборотъ, что всѣ, которые только способны были носить оружіе, принимали участіе въ борьбѣ съ римлянами; даже женщины, подобно мужчинамъ, выказывали безпримѣрное презрѣніе къ смерти (Tacitus historiae 5, 13).

2. Такимъ образомъ, римляне послѣ того, какъ они уже завоевали вторую стѣну, были опять отброшены отъ нея. Духъ іудеевъ, желавшихъ войны, еще болѣе поднялся; успѣхъ внушилъ имъ новыя надежды. Римляне, думали они, уже не осмѣлятся ногой вступить въ городъ, а въ случаѣ возобновленія борьбы, никогда не одержатъ побѣды надъ ними. Богъ за ихъ грѣхи помрачилъ ихъ умъ, и они не видѣли, что изгнанные отряды составляли только маленькую часть римской арміи и не замѣчали прокрадывавшагося къ нимъ голода. Они сами продолжали еще насыщаться воплями гражданъ и питаться кровью обывателей! Лучшіе-же люди давно уже испытывали недостатокъ во всемъ, даже въ самыхъ необходимѣйшихъ жизненныхъ продуктахъ. Но въ гибели людей мятежники усматривали только облегченіе для самихъ себя; только тѣхъ они считали достойными жизни, которые знать не хотѣли о мирѣ и жили для того, чтобы бороться съ римлянами; а если иначе разсуждавшая масса погибала, то они только радовались этому, какъ освобожденію отъ тяжелой ноши. Такъ они относились къ жителямъ города. Римлянъ-же, если только тѣ пытались вновь вторгнуться въ городъ, они вооруженной рукой отбивали и своими тѣлами затыкали отверстія въ стѣнѣ. Три дня они такъ держались, храбро сопротивлялись. Но на четвертый день геройскій ударъ Тита былъ для нихъ слишкомъ силенъ: они были отброшены и потянулись на свою прежнюю позицію. Титъ тогда опять овладѣлъ стѣной и на этотъ разъ приказалъ снести всю сѣверную ея часть. Въ башняхъ южной стѣны онъ помѣстилъ гарнизонъ и сталъ подумывать о взятіи приступомъ третьей стѣны.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Титъ въ виду того, что іудеи, несмотря на пріостановку осады, нисколько не смягчились, снова приступаетъ къ осадѣ и посылаетъ Іосифа переговорить съ его соотечественниками о мирѣ.

1. Титъ, однако, порѣшилъ пріостановить на время осаду и дать мятежникамъ время одуматься для того, чтобы видѣть, не сдѣлаются-ли они болѣе уступчивыми въ виду разрушенія второй стѣны или изъ опасенія голода, такъ какъ награбленныхъ ими припасовъ не могло уже хватить на долгое время. Этотъ отдыхъ онъ употребилъ на нужное дѣло, а именно, на выдачу продовольствія солдатамъ, чему уже наступилъ срокъ. Онъ приказалъ предводителямъ вывести войско на мѣсто, видимое для враговъ,

и здѣсь вручить каждому солдату порознь слѣдуемое ему жалованье. По принятому въ такихъ случаяхъ обычаю, войско выступило съ открытыми щитами, которые обыкновенно накрывались чехлами, и въ полномъ вооруженіи; всадники водили своихъ лошадей также во всемъ убранствѣ. Яркимъ блескомъ серебра и золота засіяла окрестность города, и на сколько восхитительно было это зрѣлище для римлянъ, на столько было страшно для ихъ враговъ. Вся древняя стѣна и сѣверная сторона храма были переполнены зрителями, даже крыши домовъ покрылись любопытными, и весь городъ, казалось, кипѣлъ толпами людей. Даже самые отважные были охвачены ужасомъ, когда увидѣли всю армію сосредоточенной въ одномъ мѣстѣ, пышность оружія и отличный порядокъ среди солдатъ; и я думаю, что этотъ видъ заставилъ-бы мятежниковъ одуматься, если-бы они, вслѣдствіе своихъ вопіющихъ преступленій предъ народомъ, не отчаивались въ прощеніи римлянъ; они были того мнѣнія, что и въ случаѣ прекращенія борьбы, имъ не миновать смерти преступниковъ, а потому предпочли смерть въ бою. Помимо всего и воля судьбы была уже такова, чтобы невинные вмѣстѣ съ виновными и городъ вмѣстѣ съ бунтовщиками погибли за одно.

2. Четыре дня римляне употребили на то, чтобы выдать продовольствіе всѣмъ легіонамъ. На пятый день Титъ, увидѣвъ, что іудеи все таки не выступаютъ съ миролюбивыми предложеніями, раздѣлилъ свое войско на двѣ части и приступилъ къ постройкѣ насыпей: одной противъ замка Антоніи, а другой—у гробницы Іоанна. Съ этого послѣдняго пункта онъ думалъ завоевать Верхній городъ, а съ перваго — храмъ, ибо безъ храма и обладаніе городомъ нельзя было считать обезпеченнымъ. Такимъ образомъ на каждомъ изъ двухъ названныхъ пунктовъ легіоны соорудили по одному валу. Работавшимъ у гробницы старались мѣшать посредствомъ вылазокъ идумеи и хорошо-вооруженный отрядъ Симона, а у замка Антоніи— люди Іоанна и отрядъ зелотовъ. Вслѣдствіе занимаемой ими возвышенной позиціи, они теперь имѣли преимущество не только при употребленіи ручного оружія, но также въ стрѣльбѣ изъ машинъ, такъ какъ, благодаря повседневнымъ упражненіямъ, они пріобрѣли навыкъ и научились владѣть ими. Они имѣли триста копьеметательныхъ и сорокъ камнеметательныхъ машинъ, съ помощью которыхъ значительно затрудняли возведеніе валовъ. Но Титъ, который въ сохраненіи или гибели города усматривалъ выигрышъ или потерю лично для себя, во все время осады не упускалъ изъ виду и другую задачу, а именно, склонять іудеевъ къ перемѣнѣ своего образа мыслей.

Свои военныя дѣйствія онъ сопровождалъ дружескими совѣтами и, зная, что часто добрыми словами можно успѣть больше, чѣмъ силой оружія, онъ частью лично обращался къ нимъ съ напоминаніями спасти полузавоеванный уже городъ путемъ добровольной сдачи, частью-же, въ надеждѣ, что соотечественнику они будутъ болѣе послушны, посылалъ къ нимъ Іосифа, который говорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ.

3. Іосифъ [1] обошелъ стѣну, чтобы отыскать мѣсто, гдѣ онъ находился-бы внѣ выстрѣла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могъ-бы быть услышаннымъ, и въ пространной рѣчи сказалъ имъ слѣдующее: «Сжальтесь, наконецъ, надъ самими собою и народомъ, сжальтесь надъ роднымъ городомъ и храмомъ, не будьте ко всему этому болѣе жестоки чѣмъ чужіе! Римляне уважаютъ святыни своихъ враговъ и до сихъ поръ не трогали ихъ, хотя они къ нимъ непричастны, между тѣмъ какъ тѣ, которые воспитаны въ лонѣ этихъ святынь и которые въ случаѣ сохраненія ихъ останутся единственными ихъ обладателями, дѣлаютъ все, клонящееся къ уничтоженію. Вы видите: ваши сильнѣйшія стѣны пали, оставшіяся слабѣе еще завоеванныхъ. Вы знаете, что мощь римлянъ несокрушима, а ихъ господство для васъ не ново. Если война за независимость дѣло славное, то ее слѣдовало-бы вести въ самомъ началѣ; но разъ покорились однажды и долгое время мирились съ чужимъ господствомъ, то послѣ этого захотѣть свергнуть съ себя иго — не значитъ стремиться къ свободѣ, а къ жалкой гибели. Болѣе слабымъ властителямъ можно еще отказать въ повиновеніи, но не тѣмъ, которымъ подвластно все. Какія страны избѣжали всепокоряющей власти римлянъ? Развѣ только тѣ, которыя вслѣдствіе своего знойнаго или суроваго климата не имѣютъ для нихъ никакой цѣны. Вездѣ счастье на ихъ сторонѣ, и Богъ, Который заставляетъ міровое господство переходить отъ одного народа къ другому, нынѣ избралъ своимъ обиталищемъ Италію. Есть законъ, твердо установленный какъ у животныхъ, такъ и у людей—это, что болѣе сильное оружіе всегда побѣждаетъ и что слабые покоряются болѣе сильнымъ, поэтому-то предки наши, далеко превосходившіе насъ и тѣлесной и духовной силой, равно какъ и другими оборонительными средствами, подчинились римлянамъ, чего они навѣрно не сдѣлали-бы, если-бы не были убѣждены, что Богъ на сторонѣ послѣднихъ. А васъ что поощряетъ къ сопротивленію? Большая часть города уже завоевана, а вы сами внутри, если даже стѣны уцѣлѣютъ, находитесь въ худшемъ положеніи, чѣмъ

[1] Авторъ настоящей книги.

военноплѣнники. Голодъ, водворившійся въ городѣ, истребляющій пока только народъ, но долженствующій вскорѣ уничтожить также ваше войско, не составляетъ больше тайны для римлянъ. Если даже послѣдніе прекратятъ наступленіе и не ворвутся въ городъ съ мечемъ въ рукахъ, то и тогда рядомъ съ вами поселился, вѣдь, непобѣдимый внутренній врагъ, который съ каждымъ часомъ пріобрѣтаетъ все больше силы. Съ голодомъ вы, вѣдь, не можете бороться посредствомъ оружія. Иначе вы были-бы единственные, которые подобнымъ образомъ совладали-бы съ такимъ бѣдствіемъ. Какъ хорошо было-бы, продолжалъ онъ, если-бы вы одумались до того, какъ зло сдѣлается непоправимымъ и если-бы приняли спасительное рѣшеніе, пока есть еще время! Римляне не вспомнятъ вамъ совершившагося, если только вы не доведете свое упрямство до конца; ибо они, по природѣ своей, милостивы въ побѣдѣ и болѣе склонны преслѣдовать свои собственныя выгоды, чѣмъ мстить врагу, а ихъ собственные интересы не состоятъ въ томъ, чтобы взять безлюдный городъ или опустошенную отъ людей страну. Поэтому Титъ и теперь предлагаетъ вамъ помилованіе. Если-же онъ послѣ того, какъ вы даже въ самой крайней вашей нуждѣ не послѣдуете его милостивымъ предложеніямъ, долженъ будетъ взять городъ силой, тогда онъ не пощадитъ никого. А что вскорѣ падетъ также третья стѣна, за это ручается взятіе обѣихъ первыхъ; да если-бы даже эта твердыня была-бы несокрушима, то вѣдь голодъ борется противъ васъ за римлянъ!»

4. Въ то время, когда Іосифъ говорилъ имъ все это, многіе, стоявшіе на стѣнѣ, осмѣивали его, другіе ругали, а нѣкоторые даже стрѣляли въ него. Видя, что его доводы, основанные на дѣйствительныхъ фактахъ не производятъ на нихъ никакого дѣйствія, онъ перешелъ къ отечественной исторіи и сказалъ: «О, вы несчастные, забывающіе своихъ истинныхъ союзниковъ, вашими руками и вашимъ оружіемъ вы хотите побороть римлянъ? Случалось-ли когда-нибудь, чтобы мы такимъ путемъ побѣждали? Не всегда-ли мстителемъ нашего народа, когда съ нимъ несправедливо поступали, являлся Богъ, Творецъ? Бросьте взглядъ назадъ, вы увидите, что собственно толкнуло васъ въ эту борьбу и какого великаго союзника вы оскорбили. Вспомните чудеса временъ вашихъ отцовъ и сколько разъ на этомъ священномъ мѣстѣ нѣкогда находили гибель наши враги. Я, хотя не безъ содраганія, начинаю разсказывать о дѣлахъ Бога недостойнымъ ушамъ вашимъ, но вы все таки слушайте для того, чтобы убѣдиться, что вы боретесь не только противъ римлянъ, но также противъ Бога. Древній египетскій царь Нехао,

называвшійся также Фараономъ, пришелъ съ десятками тысячъ въ нашу страну и похитилъ царицу Сару, родоначальницу нашего племени. Что дѣлалъ тогда ея мужъ Авраамъ, нашъ прародитель? Мстилъ-ли онъ грѣшнику съ оружіемъ въ рукахъ? Нѣтъ! Имѣя триста восемнадцать вассаловъ, изъ которыхъ каждый владычествовалъ надъ несмѣтнымъ количествомъ людей, онъ, не взирая на нихъ, считалъ все-таки себя совершенно покинутымъ безъ помощи Бога. Онъ поднялъ тогда свои праведныя руки къ оскверненному вами теперь мѣсту и вымолилъ себѣ помощь непобѣдимаго союзника. Не была-ли царица сейчасъ-же на слѣдующій вечеръ возвращена обратно неприкосновенной къ ея супругу, а египтянинъ, устрашенный ночными сновидѣніями, не бѣжалъ-ли онъ послѣ того, какъ излилъ молитву на мѣстѣ, запятнанномъ вами братоубійствомъ, а любимыхъ Богомъ евреевъ одарилъ серебромъ и золотомъ? [1] Долженъ-ли я умолчать или говорить о переселеніи нашихъ праотцевъ въ Египетъ, гдѣ они, насилуемые и угнетаемые чужими царями въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ, всецѣло полагались на милость Божію вмѣсто того, чтобы, какъ они, конечно, могли, сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ. Кто не знаетъ, какъ затѣмъ Египетъ наполнялся всякаго рода звѣрьми и былъ изнуряемъ всевозможными болѣзнями, какъ страна лишилась своего плодородія а Нилъ — своихъ водъ? Десять казней слѣдовали одна за другой, послѣ чего наши предки были отпущены подъ прикрытіемъ, безъ кровополитія,

[1] Исторія похищенія Сары египетскимъ царемъ въ изложеніи Іосифа носитъ чисто легендарный характеръ. Извѣстно, что жизнь Авраама и многихъ другихъ героевъ Библіи впослѣдствіи разукрашена была сказаніями и легендами, отчасти сохранившимися въ талмудической письменности, апокрифическихъ книгахъ и дошедшихъ до насъ отрывкахъ эллинистической литературы. Іосифъ пользуется здѣсь не простымъ библейскимъ разсказомъ (Бытіе 12, 10—20), но позднѣйшей легендарной формой его, чтобы сильнѣе подѣйствовать на своихъ слушателей. Впрочемъ, о походѣ Фараона во главѣ многочисленнаго войска противъ Авраама въ извѣстныхъ намъ источникахъ нигдѣ не упоминается. Но нѣтъ сомнѣнія, что Іосифъ позаимствовалъ эти подробности изъ какого нибудь доступнаго ему, но не сохранившагося источника—можетъ быть изъ сочиненія Артапана περι Ἰουδαυ, въ которомъ легендарному элементу отведено было весьма значительное мѣсто и которымъ Іосифъ, какъ это положительно извѣстно, пользовался въ своихъ работакъ. См. F. Freudenthal, Hellenistische Studien, 169 сл. О сказаніяхъ объ Авраамѣ см. B. Beer, Leben Abrahams nach Auffasung der jüdischen Sage; G. Weil, Biblische Legenden der Muselmänner, 68—99; M. Grünbaum, Neue Beiträge zur semitischen Sagenkande, 89—132.

безъ всякихъ опасностей, потому что самъ Богъ велъ своихъ избранниковъ. Когда нашъ священный ковчегъ былъ похищенъ ассирійцами [1], не стонали-ли тогда вся филистимская земля, идолъ Дагонъ и вся нація, къ которой принадлежали похитители? Гнилыя язвы появились у нихъ на сокрытыхъ мѣстахъ тѣла и вмѣстѣ съ пищей они испускали и внутренности. Кончилось тѣмъ, что тѣ-же руки, которыя похитили ковчегъ, привезли его вновь обратно подъ звуки цимбаловъ и тимпановъ и свой грѣхъ предъ святыней искупили всевозможными жертвами. Вы видите, что Богъ явилъ свою милость нашимъ предкамъ за то, что они, не прибѣгая къ мечу, всецѣло вознадѣялись на Него. Ассирійскій царь Сеннахеривъ, когда онъ съ безчисленными народами изо всей Азіи осадилъ этотъ городъ, палъ-ли онъ отъ человѣческихъ рукъ? Послѣднія тогда не были заняты оружіемъ, а были простерты къ молитвѣ. Но ангелъ убилъ въ одну ночь несмѣтное войско, и когда ассиріянинъ съ наступленіемъ утра поднялся, онъ нашелъ сто восемьдесятъ пять тысячъ мертвыхъ, и бѣжалъ онъ съ остатками отъ безоружныхъ евреевъ, которые даже не преслѣдовали его [2].

Вамъ извѣстно также вавилонское плѣненіе, когда семьдесятъ лѣтъ народъ жилъ на чужбинѣ, не помышляя о насильственномъ освобожденіи, пока Киръ въ угоду Богу не предоставилъ имъ свободу, далъ имъ пробводниковъ, и они снова сдѣлались избранниками своего Союзника. Словомъ, нельзя привести ни одного случая, гдѣ наши предки только силой оружія завоевали себѣ счастіе, или чтобъ они терпѣли несчастье, когда они безъ борьбы отдавались въ руки Провидѣнія: не трогаясь съ мѣста, они побѣждали, какъ только этого хотѣлъ Небесный Судья; если же они сражались, то всегда были поражаемы. Это случилось также, когда царь вавилонянъ осаждалъ этотъ городъ, а нашъ царь Се-

[1] Іосифъ намекаетъ на библейскій разсказъ о плѣненіи ковчега филистимлянами (см. I кн. Самуила, 4—6). Названіе „ассирійцевъ“ здѣсь употреблено въ смыслѣ „сирійцевъ“, какимъ именемъ греческіе и римскіе писатели нерѣдко называютъ всѣхъ жителей Палестины и прилегающихъ странъ. Слово Σύριος или Σύριον (сирійцы) собственно есть только сокращеніе Ἀσσύριος, вошедшее впослѣдствіи въ общее употребленіе (см. Justin, I, 2, 13 Assirii, qui post ea Syrii dicti sunt), при чемъ, однако, оба имени часто смѣшиваются. Такъ, напр., въ Талмудѣ шрифтъ сирійскій или арамейскій называется „ассирійскимъ“. Впрочемъ, нѣкоторые кодексы въ нашемъ мѣстѣ дѣйствительно читаютъ ὑπό Σύροι. (Havercamp. II, 348).

[2] См. II кн. Царствъ, 18 и 19; Исаія, 36 и 37; II кн. Паралипоменонъ, 32.

декія, вопреки пророчеству Іереміи, сразился съ нимъ: тогда онъ самъ былъ плѣненъ и сдѣлался свидѣтелемъ разрушенія города и храма. И однако, на сколько тотъ царь и его народъ были праведнѣе васъ и вашихъ вожаковъ! Ни царь, ни народъ не убивали же Іереміи, когда онъ открыто вѣщалъ, что они своими грѣхами навлекли на себя немилость Божію и что они будутъ побѣждены, если добровольно не сдадутъ города. Вы-же, напротивъ,—не говорю уже о преступленіяхъ, которыя вы совершаете въ городѣ, для нихъ я не имѣю словъ, — поносите меня, который учитъ васъ, какъ спасти себя, стрѣляете въ меня изъ озлобленія за то, что я вамъ напоминаю о вашихъ злодѣяніяхъ, за то, что вамъ вовсе не хотѣлось-бы слушать о тѣхъ поступкахъ, которые каждый день совершаете. Но возвратимся къ нашей исторіи. Когда Антіохъ Эпифанъ, много грѣшившій предъ Господомъ, осаждалъ городъ и наши предки сдѣлали вооруженную вылазку, то они сами погибли въ этомъ сраженіи, а городъ былъ разграбленъ врагами, святилище же было предано запустѣнію на три года и шесть мѣсяцевъ. Къ чему еще больше примѣровъ? А теперь вотъ римляне — кто ихъ накликалъ на нашу страну? Не безбожіе-ли ея жителей? Что дало первый толчокъ къ порабощенію ея римлянами? Не междоусобица-ли нашихъ праотцевъ? Безуміе Аристовула и Гиркана и ихъ взаимный раздоръ повлекли за собою походъ Помпея противъ столицы, и Богъ покорилъ подъ власть римлянъ тѣхъ, которые уже не были достойны свободы. Послѣ трехмѣсячной осады города, они сдались, между тѣмъ какъ они не грѣшили, какъ вы, ни предъ святилищемъ, ни предъ закономъ и обладали гораздо большими средствами для веденія войны. Не знаемъ мы развѣ, какой конецъ постигъ Антигона сына Аристовула? Въ его царствованіе Богъ еще разъ отдалъ на порабощеніе грѣшный народъ: Иродъ сынъ Антипатра привелъ Созія, а Созій—римское войско; Іерусалимъ былъ оцѣпленъ и осаждаемъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, пока его жители въ воздаяніе за грѣхи не были побѣждены, а городъ разграбленъ. Такимъ образомъ сила оружія никогда не составляла опоры нашего народа, ибо война всегда влекла за собою порабощеніе. По моему убѣжденію, тѣ, которые владѣютъ священнымъ мѣстомъ, должны предоставлять все на судъ Божій и отвергать всякую человѣческую силу, пока въ нихъ жива надежда на Всевышняго Судью. Но что исполнили вы изъ того, на что законодатель наложилъ благословеніе? И что оставили вы изъ того, что онъ обрекъ проклятію? Во сколько разъ вы преступнѣе вашихъ отцовъ, которые тѣмъ не менѣе пали еще быстрѣе, чѣмъ вы?

Тайныя преступленія, какъ воровство, обманъ и прелюбодѣяніе, были для васъ слишкомъ ничтожны! Вы соперничали между собою въ разбояхъ, и убійствахъ и прокладывали себѣ новые, невѣдомые еще пути зла. Храмъ сдѣлался мѣстомъ сборища для всѣхъ, и руками коренныхъ жителей оскверняли́сь Богу посвященныя мѣста, чтимыя издали даже римлянами, которые въ пользу нашего закона оставляютъ многіе изъ своихъ обычаевъ. И вотъ, послѣ всего этого, вы ждете помощи отъ Того, противъ Котораго вы такъ грѣшили. Но допустимъ, вы точно такіе же благочестивые богомольцы и молитесь о Божеской помощи съ такими же чистыми руками, какъ нѣкогда нашъ царь [1], когда онъ призывалъ къ Богу противъ ассирійцевъ и когда Богъ въ одну ночь уничтожилъ въ прахъ ту великую армію; но развѣ дѣйствія римлянъ можно приравнивать къ тому, что сдѣлали ассирійцы, чтобы вы могли надѣяться на подобную же помощь Бога? У ассирійцевъ царь купилъ за деньги пощаду города [2], а они вопреки данному слову пришли, чтобы зажечь храмъ; римляне же требуютъ только установленной подати, которую наши отцы уплачивали ихъ отцамъ; разъ только они добьются этого требованія, они оставятъ городъ неразрушеннымъ и храмъ нетронутымъ, все остальное они предоставятъ намъ: семьи наши свободны, имущество въ нашемъ распоряженіи, а священные законы остаются неприкосновенными. Только безуміе можетъ допустить, чтобъ Богъ поступилъ со справедливыми одинаково, какъ съ несправедливыми. Кромѣ того, вѣдь Богъ, когда нужно, умѣетъ быстро помогать: могущество ассирійцевъ Онъ сломилъ въ первую же ночь, когда они стали лагеремъ подъ стѣнами Іерусалима; а потому, еслибъ Онъ считалъ наше поколѣніе достойнымъ свободы, или римлянъ достойными наказанія, то Онъ, точно какъ нѣкогда на ассирійцевъ, сейчасъ обрушился бы на римлянъ — еще когда Помпей наложилъ свою руку на народъ, или позже, когда нагрянулъ Созій, когда Веспасіанъ опустошалъ Галлилею и, наконецъ, въ настоящіе дни, когда Титъ приблизился къ городу. Однако, Магнусъ [3] и Созій не только не были разбиты, но они и городъ взяли силой, Веспасіанъ въ войнѣ съ нами достигъ императорскаго достоин-

[1] Езекія.

[2] При нашествіи Сеннахерива на Іерусалимъ, Езекія заплатилъ ему контрибуцію въ размѣрѣ 30 талантовъ золота и 300 талантовъ серебра (по ассирійскому источнику: 800 талантовъ серебра), но тѣмъ не менѣе, скоро послѣ этого, передъ стѣнами Іерусалима появилось многочисленное ассирійское войско.

[3] Помпей.

ства, а что касается Тита, то для него даже источники обильно потекли водой—тѣ источники, которые раньше изсякли для васъ. До его прибытія, какъ вамъ извѣстно, Силоамъ и всѣ источники внѣ города высохли, такъ что вода покупалась по мѣрѣ; теперь же эти источники стали столь изобильными, что они щедро надѣляютъ водою не только вашихъ враговъ и ихъ скотъ, но даже сады [1]. Это чудесное знаменіе вамъ уже знакомо изъ прежнихъ временъ, а именно при нашествіи названнаго вавилонскаго царя, который разгромилъ городъ и сжегъ храмъ; а между тѣмъ тогдашніе наши предки не могли упрекнуть себя въ такихъ преступленіяхъ, какъ вы. А потому я думаю, что Божество бѣжало изъ своей Святая-Святыхъ и стоитъ теперь на сторонѣ тѣхъ, съ которыми вы воюете. Если праведный человѣкъ бѣжитъ изъ порочнаго дома и съ презрѣніемъ отворачивается отъ его обитателей, то неужели вы думаете, что Богъ будетъ сопутствовать вамъ въ вашей грѣховной жизни—Онъ, Который видитъ сокрытое и слышитъ умалчиваемое. Впрочемъ, вы развѣ стараетесь что-либо скрыть отъ зрѣнія и слуха? Вѣдь всѣ ваши дѣла стали извѣстны даже врагамъ; вы вѣдь хвастаете нарушеніемъ законовъ и ежедневно оспариваете другъ у друга первенство въ злодѣяніяхъ. Ваши безстыдства вы выставляете на показъ, точно это—добродѣтели. Но несмотря на все это, вамъ, если захотите, остается еще путь спасенія, и Божество охотно прощаетъ сознающаго свою вину и кающагося въ своихъ грѣхахъ. Безчувственные! Бросьте ваше вооруженіе, сжальтесь надъ полуразрушеннымъ уже отечествомъ! Оглянитесь вокругъ себя и смотрите: какое великолѣпіе, какой городъ, какой храмъ, сколькихъ народовъ приношенія вы хотите принесть въ жертву! Кто хочетъ предать все это огню? Кто желаетъ, чтобъ все это исчезло? Что еще больше заслуживаетъ сохраненія, чѣмъ это? Но если вы, непреклонные и болѣе безчувственные, чѣмъ камни, предъ всѣмъ этимъ закрываете глаза, такъ подумайте о вашихъ семействахъ! Пусть каждый представитъ себѣ мысленно своихъ дѣтей, жену и родителей, которыхъ вскорѣ похититъ голодъ или мечъ! Я знаю, что опасность витаетъ и надъ моей матерью [2], моей

[1] Это показаніе противорѣчитъ тому, что сообщаетъ Діонъ Кассій, который говоритъ: „римляне были крѣпко моримы жаждой, въ ихъ распоряженіи находилась только зловонная вода, которую къ тому приходилось еще доставлять издалека. А іудеи, напротивъ, были въ избыткѣ снабжены водою, которая, по подземнымъ ходамъ, проведеннымъ подъ городскими стѣнами, притекала изъ дальнихъ окрестностей“. (Dio Cass. 66, 4).

[2] Мать, а также и отецъ Іосифа содержались зелотами въ одиночномъ заключеніи, и никому не былъ дозволенъ доступъ къ нимъ.

женою, моей не безнатной фамиліей и издревле извѣстнымъ родомъ; вы думаете, быть можетъ, что изъ-за нихъ я вамъ такъ совѣтую. Нѣтъ! убейте ихъ, берите мою собственную кровь за ваше спасеніе! И я самъ готовъ умереть, если только послѣ смерти моей вы образумитесь».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Многіе изъ народа пытаются бѣжать къ римлянамъ. Страданія оставшихся отъ голода и бѣдствій, отъ него происшедшихъ.

1. Мятежники не поддавались на слезные призывы Іосифа, ибо они не считали измѣненіе образа дѣйствій безопаснымъ для себя; но среди народа возникло движеніе въ пользу перехода къ римлянамъ. Одни продавали за безцѣнокъ свое имущество, другіе—свои драгоцѣнности, вырученныя за нихъ золотыя монеты проглатывали, для того, чтобы онѣ не были найдены разбойниками, и бѣжали въ римскій лагерь. Когда золото вновь появлялось наружу, они употребляли его на свои необходимѣйшія потребности, такъ какъ большинству изъ нихъ Титъ позволилъ селиться въ любомъ мѣстѣ въ странѣ. Это еще больше подстрекало осажденныхъ къ бѣгству, ибо такимъ путемъ они избавлялись отъ внутреннихъ потрясеній, не дѣлаясь вмѣстѣ съ тѣмъ рабами римлянъ. Одновременно же съ тѣмъ, люди Іоанна и Симона старались воспрепятствовать побѣгу со стороны іудеевъ еще ревностнѣе, чѣмъ вторженію со стороны римлянъ, и предавали немедленной казни всякаго, на кого только падала тѣнь подозрѣнія.

2. Богатымъ людямъ, однако, и оставаться въ городѣ было опасно, ибо и ихъ обвиняли въ желаніи бѣжать къ непріятелю для того, чтобы ихъ казнить и овладѣть ихъ богатствомъ. Съ голодомъ возрастала свирѣпость бунтовщиковъ, и оба бѣдствія съ каждымъ днемъ дѣлались все болѣе ужасающими. Когда жизненные продукты перестали появляться на рынкахъ, мятежники вторгались въ частные дома и обыскивали ихъ. Если находили что-нибудь, они били хозяевъ за то, что тѣ не выдавали добровольно; если ничего не находили, они также ихъ истязали, предполагая, что припасы тщательно ими сокрыты. Присутствіе или отсутствіе у кого-либо съѣстныхъ припасовъ они опредѣляли по наружному виду несчастныхъ: у кого видъ былъ еще здоровый, тотъ, значитъ, имѣлъ запасъ пищи; истощенныхъ, напротивъ, они не безпокоили, такъ какъ не было причины убивать тѣхъ, чья жизнь подкапывалась уже голодомъ. Богатые отдавали тайкомъ все свое имущество за одну только мѣру пшеницы, ме-

нѣе состоятельные—за мѣру ячменя; затѣмъ они запирались въ самыхъ затаенныхъ уголкахъ своихъ домовъ и въ своемъ нестерпимомъ голодѣ пожирали зерно немолотымъ, или по мѣрѣ того, какъ обстоятельства и страхъ позволяли, еле испеченнымъ. Столъ нигдѣ больше не накрывался—пищу выхватывали изъ огня еще сырой и въ такомъ видѣ проглатывали ее.

3. Жалкое было питаніе, и сердце сжималось при видѣ того, какъ болѣе сильные забирали лучшую часть, тогда какъ слабые изнемогали въ отчаяніи. Голодъ господствовалъ надъ всѣми чувствами, но ничто не подавлялось имъ такъ сильно, какъ чувство стыда; все, что при обыкновенныхъ условіяхъ считается достойнымъ уваженія, оставлялось безъ вниманія подъ вліяніемъ голода. Жены вырывали пищу у своихъ мужей, дѣти у своихъ родителей и, что было немилосерднѣе всего, матери у своихъ безсловесныхъ дѣтей; любимыя дѣтища у нихъ на рукахъ умирали отъ голода, а онѣ, не робѣя, отнимали у нихъ послѣднюю каплю молока, которая могла бы еще продлить имъ жизнь. Но и съ такими средствами питанія онѣ не могли укрыться—мятежники подстерегали ихъ повсюду, чтобы и это похитить у нихъ. Запертый домъ служилъ имъ признакомъ того, что обитатели его кое-что поѣдаютъ; внезапно они выламывали двери, вторгались во внутрь и вырывали у нихъ кусокъ почти изъ глотки. Стариковъ, цѣпко державшихся за свою пищу, они били безпощадно, женщинъ, скрывавшихъ то, что имѣли въ рукахъ, волочили за волосы; не было сожалѣнія ни къ почтенной сѣдинѣ, ни къ нѣжному возрасту; они вырывали послѣдніе куски и у дѣтей, которыхъ швыряли на землю, если тѣ не выпускали ихъ изъ рукъ. Съ тѣми, которые, для предупрежденія разбойниковъ, наскоро проглатывали то, что въ противномъ случаѣ было бы у нихъ похищено, они поступали еще суровѣе, точно у нихъ отнималось неотъемлемо имъ принадлежащее. Пытки ужаснаго рода они изобрѣтали для того, чтобы вывѣдать мѣста храненія припасовъ: они затыкали несчастнымъ срамныя отверстія горошинами и кололи имъ заостренными палками въ сѣдалище. Иные подвергались неимовѣрнымъ мученіямъ только изъ-за того, чтобъ они выдали кусокъ хлѣба или указали на спрятанную горсточку муки. Пытавшихъ можно было бы назвать менѣе жестокими, если бы ихъ поступки были вызваны нуждой; но они не терпѣли голода, а стремились на комъ либо вымещать свою свирѣпую злобу и хотѣли при этомъ заготовить себѣ припасы на будущее. Бывали смѣльчаки, которые ночью прокрадывались чуть-ли не до римскаго лагеря и тамъ собирали дикія овощи и травы; но возвратившись съ добычею, довольные тѣмъ, что спаслись отъ рукъ непрія-

теля, они подвергались нападенію своихъ же людей, которые все у нихъ отнимали и не оставляли имъ ничего, если даже тѣ молили и именемъ Бога заклинали удѣлить имъ хоть часть того, что было добыто ими съ опасностью жизни: ограбленный долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что ему по крайней мѣрѣ жизнь пощадили.

4. Такія насилія, впрочемъ, терпѣло простонародіе отъ прислужниковъ тирановъ; но люди именитые и богатые были приведены къ самимъ тиранамъ. Тамъ одни были умерщвлены по ложному обвиненію въ заговорѣ, другіе подъ предлогомъ, что они хотятъ предать городъ римлянамъ; чаще же всего выступали подставные свидѣтели, обвинявшіе ихъ въ томъ, что они имѣли въ виду перебѣжать къ римлянамъ. Ограбленные Симономъ были препровождаемы къ Іоанну, а разоренные послѣднимъ передавались въ руки перваго. Такъ поочередно они пили кровь своихъ согражданъ и дѣлили между собою трупы несчастныхъ. Воюя между собою за верховную власть, они были единодушны въ злодѣйствахъ. Кто препятствовалъ другому принимать участіе въ насиліяхъ надъ согражданами, считался самолюбивымъ негодяемъ, а тотъ, который былъ устраненъ отъ участія, жалѣлъ о томъ, что лишился случая совершить жестокость, какъ о потерѣ добраго дѣла.

5. Описать въ отдѣльности ихъ изувѣрства нѣтъ возможности. Коротко говоря, ни одинъ городъ не переносилъ чего-либо подобнаго и ни одно поколѣніе съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, не сотворило больше зла. Въ концѣ концовъ они ругались еще надъ еврейскимъ народомъ для того, чтобы казаться менѣе безбожными въ отношеніи чужестранцевъ. Но этимъ они ясно показали, что сами были рабы, скопище бродягъ и незаконнорожденное отребье своего народа. Они-то и разрушили городъ; они принудили римлянъ, противъ своей собственной воли, дать свое имя печальной побѣдѣ и сами же почти своими руками втащили въ храмъ замедлившій огонь. Безъ скорби и безъ слезъ смотрѣли они съ Верхняго города на пожарище, тогда какъ оно у римлянъ вызвало чувство сострадания. Объ этомъ, впрочемъ, еще будемъ имѣть случай поговорить, когда дойдемъ до описанія соотвѣтственныхъ событій.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Множество іудеевъ было распято предъ стѣнами города. — Объ Антіохѣ Эпифанѣ.—Іудеи разрушаютъ укрѣпленія римлянъ.

1. Титъ между тѣмъ быстро закончилъ сооруженіе валовъ, несмотря на то, что солдаты много терпѣли отъ защитниковъ стѣны. Послѣ этого онъ отря-

дилъ часть всадниковъ для поимки тѣхъ іудеевъ, которые въ поискахъ за средствами питанія спускались въ загородные овраги. Между ними попадались также и воины, которые не могли уже насыщаться одними грабежами, но большею частью это были бѣдняки изъ простого народа. Если они не переходили къ римлянамъ, то лишь потому, что боялись за судьбу своихъ семействъ; ибо бѣжать съ женами и дѣтьми было немыслимо изъза бдительности бунтовщиковъ; оставить же ихъ на произволъ этихъ злодѣевъ, значило бы преднамѣренно обречь ихъ на смерть. Голодъ, однако, внушалъ имъ смѣлость покидать городъ; но и послѣ того, какъ имъ удавалось обмануть стражу, опасность угрожала еще отъ внѣшняго врага. Попадаясь въ руки римлянъ, они невольно, изъ страха предъ казнью, оборонялись, а разъ оказавши сопротивленіе, они считали уже безполезнымъ просить послѣ о помилованіи и погибали. Послѣ предварительнаго бичеванія и всевозможнаго рода пытокъ они были распяты на виду стѣны. Титъ хотя жалѣлъ этихъ несчастныхъ, которыхъ ежедневно было приводимо пятьсотъ человѣкъ, а иногда и больше, но съ другой стороны, онъ считалъ опаснымъ отпускать на свободу людей, взятыхъ въ плѣнъ силой, а если бы онъ хотѣлъ ихъ охранять, то такая масса охраняемыхъ скоро могла бы превратиться въ стражу для своей стражи. Главной же причиной, побуждавшей Тита къ такому образу дѣйствія, была надежда, что видъ казненныхъ склонитъ іудеевъ къ уступчивости, изъ опасенія, что въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія ихъ всѣхъ постигнетъ такая же участь. Солдаты въ своемъ ожесточеніи и ненависти пригвождали плѣнныхъ для насмѣшки въ самыхъ различныхъ направленіяхъ и разнообразныхъ позахъ. Число распятыхъ до того возрастало, что не хватало мѣста для крестовъ и недоставало крестовъ для тѣлъ.

2. Мятежники, однако, не только не отрезвились этимъ ужасающимъ зрѣлищемъ, а напротивъ, коварно воспользовались имъ для склоненія на свою сторону и остального народа. Они пригоняли къ стѣнѣ родственниковъ перемётчиковъ и тѣхъ гражданъ, которые были миролюбиво настроены, и указывали имъ на то, какая участь постигаетъ бѣжавшихъ къ римлянамъ, утверждая при этомъ, что распятые были не военноплѣнники, а просители помощи и пощады. До поры до времени, пока дѣло не разъяснилось въ настоящемъ своемъ видѣ, многіе дѣйствительно воздерживались отъ бѣгства и оставались въ городѣ; но иные тотчасъ же бѣжали оттуда съ преднамѣренной цѣлью погибнуть какъ можно скорѣе, такъ какъ смерть отъ рукъ врага считалась уже усладой въ сравненіи съ мучительной смертью отъ голода. Титъ, между прочимъ, приказалъ отрубить руки многимъ плѣнникамъ для того, чтобы они не были приняты за перебѣжчиковъ и своимъ искалѣченнымъ видомъ возбуждали бы довѣріе осажденныхъ, и въ такомъ видѣ послалъ ихъ къ Іоанну и Симону со слѣдующимъ предложеніемъ: «Пора имъ остановиться и раскаяніемъ спасти хотя-бы въ послѣднюю минуту свою собственную жизнь, величественный родной городъ и храмъ, которой не имѣетъ равнаго себѣ у другихъ народовъ; если-же они его не послушаются, то онъ будетъ вынужденъ уничтожить весь городъ». Одновременно съ тѣмъ онъ объѣхалъ валы и поторопилъ рабочихъ, желая этимъ показать, что за его угрозами послѣдуетъ и исполненіе. Но тѣ, стоя на стѣнѣ, въ отвѣтъ на эти слова, поносили Цезаря и его отца: «Смерть мы презираемъ, — восклицали они, — смерть гораздо пріятнѣе намъ, чѣмъ рабство. Но пока мы еще дышемъ, мы будемъ причинять римлянамъ столько вреда, сколько у насъ хватитъ силъ и возможности. Нашимъ городомъ мы нисколько не дорожимъ, такъ какъ мы, какъ ты самъ заявляешь, все равно должны погибнуть; что-же касается храма, то Богъ имѣетъ лучшій храмъ—вселенную. Однако мы еще надѣемся, что и этотъ храмъ будетъ оберегаемъ Тѣмъ, Который въ немъ обитаетъ. Съ Нимъ въ союзѣ мы осмѣиваемъ всякія угрозы, отъ которыхъ дѣйствительность еще далека, ибо исходъ дѣла въ рукахъ Божьихъ!»

3. Въ это время въ римскій лагерь прибылъ Антіохъ Эпифанъ [1] во главѣ многихъ другихъ тяжеловооруженныхъ и со свитой такъ называемыхъ македонянъ. Это были исключительно его ровесники, люди высокаго происхожденія, едва только вышедшіе изъ отроческаго возраста, вышколенные и вооруженные на македонскій манеръ, откуда и ихъ названіе: «македоняне». Большинство, однако, изъ нихъ далеко не достигало славы этой націи. Изъ всѣхъ царей, подчиненныхъ римлянамъ, самымъ счастливымъ былъ царь Коммагенскій; но и онъ испыталъ на себѣ измѣнчивость судьбы. Уже за закатѣ лѣтъ онъ представилъ собою примѣръ того, что никто до самой смерти не можетъ считать себя счастливымъ [2]. Сынъ его, появившійся туда въ такое время, когда отецъ его находился на высотѣ своего счастья, выражалъ свое удивленіе по поводу того, что римляне такъ медлятъ покореніемъ стѣнъ. Онъ самъ былъ храбрый воинъ, обладалъ

[1] Молодой Эпифанъ былъ обрученъ съ дочерью Агриппы I, Друзиллой; но бракъ этотъ не состоялся вслѣдствіе того, что Эпифанъ отказался подвергнуть себя обряду обрѣзанія (I. Д. XIX, 9, 1. XX, 7, 1).

[2] См. VII, 7, 1—4.

твердой, непреклонной волей и могучей тѣлесной силой, которая въ связи съ его отвагой была почти непобѣдима. Титъ на его слова, посмѣиваясь, отвѣчалъ: «наше желаніе вполнѣ совпадаетъ съ вашимъ». Тогда Антіохъ со своими македонянами сдѣлалъ приступъ на стѣну. Благодаря своей силѣ и ловкости, онъ лично успѣлъ увернуться отъ іудейскихъ стрѣлъ, осыпая въ то же время іудеевъ своими стрѣлами, но его юные воины, за исключеніемъ только немногихъ, были смяты: они бились со всѣхъ силъ, чтобы доказать, что не отдѣляютъ слово отъ дѣла, но покрытые многочисленными ранами должны были все-таки уступить. Они узнали тогда, что и истые македоняне для того, чтобы побѣждать, должны еще обладать счастьемъ Александра.

4. Съ большими усиліями и послѣ безпрестанной семнадцатидневной работы римляне въ 29-ый день Артемизія [1] окончили сооруженіе валовъ, начатое ими 12-го того-же мѣсяца. Они построили четыре главныхъ вала: одинъ, противъ Антоніи, былъ проведенъ пятымъ легіономъ посреди такъ называемаго Воробьинаго пруда; другой, почти на двадцати локтяхъ отъ перваго, былъ воздвигнутъ двѣнадцатымъ легіономъ; десятый легіонъ возвелъ свое укрѣпленіе на значительномъ отдаленіи отъ послѣдняго, у такъ называемаго Миндальнаго пруда, на сѣверѣ; наконецъ, на тридцати локтяхъ дальше, у гробницы первосвященника [2], находились шанцевыя сооруженія пятнадцатаго легіона. На всѣхъ этихъ валахъ были уже поставлены машины. Тогда Іоаннъ приказалъ провести извнутри подъ находившіяся противъ Антоніи укрѣпленія подземный ходъ и подпереть столбами какъ самый ходъ, такъ и сооруженія, находившіяся надъ нимъ, затѣмъ онъ заложилъ туда дровъ, обмазанныхъ смолой и асфальтомъ, и приказалъ все это поджечь. Когда подпоры сгорѣли, мина обвалилась и за ней съ большимъ грохотомъ обрушились сооруженія. Вначалѣ поднялся густой столбъ пыли, такъ какъ огонь былъ на половину потушенъ мусоромъ; но когда весь свалившійся лѣсъ обрушился, огонь возгорѣлся яркимъ пламенемъ. Страхъ объялъ римлянъ при этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ; все мужество ихъ пропало: они уже считали себя близкими къ побѣдѣ и вдругъ лишились этой надежды даже на будущее. Тушить огонь они считали безполезнымъ дѣломъ, ибо если-бы и удалось прекратить пожаръ, то самихъ валовъ уже больше не существовало.

[1] 29 іяра (май).

[2] Т. е. первосвященника Іоанна; см. выше гл. 6, 2.

5. Два дня спустя Симонъ со своими людьми предпринялъ нападеніе на другіе валы, на которыхъ римляне уже установили тараны и ими потрясали стѣну. Нѣкій Тефтай изъ галлилейскаго города Гарсиса [1] и Мегассаръ, изъ придворныхъ слугъ Маріамны, далѣе, сынъ Наватая изъ Адіабены, по прозвищу Хагейръ [2], что значитъ хромой, схватили факелы и сдѣлали вылазку на машины. Болѣе удалыхъ и опасныхъ воиновъ, чѣмъ этихъ трехъ, городъ не имѣлъ въ этой войнѣ. Словно на встрѣчу товарищамъ, а не густосплоченной вражеской массѣ, безъ страха и колебанія ринулись они сквозь ряды непріятеля и начали поджигать машины. Обданные градомъ стрѣлъ, встрѣченные со всѣхъ сторонъ ударами мечей, они не покидали своего опаснаго поста до тѣхъ поръ, пока огонь не охватилъ строеній. Когда пламя вспыхнуло, римляне бросились туда на помощь изъ стана; но іудеи старались со стѣны отгонять ихъ прочь и завязывали также рукопашный бой съ огнетушительной командой, нисколько не щадя при этомъ своей жизни. Когда римляне вытаскивали тараны изъ-подъ горѣвшихъ уже защитныхъ кровель, іудеи и тогда старались овладѣвать ими, бросались въ самый огонь и не выпускали машинъ изъ рукъ, если даже имъ приходилось держаться за раскаленное желѣзо. Отъ машинъ огонь распространился дальше до валовъ, такъ что вспомогательный отрядъ прибылъ уже поздно. Окруженные вездѣ огнемъ, римляне увидѣли себя не въ силахъ спасти свои сооруженія и потянулись обратно въ лагерь. Но іудеи, подкрѣпленные приливомъ силъ извнутри и ободренные успѣхомъ, съ неудержимой стремительностью бросились впередъ, протѣснились до лагерныхъ шанцовъ и вступили въ схватку съ часовыми. (Передъ лагеремъ у римлянъ стоитъ всегда особая вооруженная стража, которая каждый разъ смѣняется другой; а за оставленіе поста часовымъ законъ наказываетъ его смертью). Стражники, предпочитая геройскую смерть въ бою казни преступника, удерживали свои посты. Многіе изъ бѣжавшихъ устыдились, когда увидѣли своихъ товарищей въ крайней опасности и опять вернулись на свои мѣста. Они поставили на лагерный валъ метательныя машины и посредствомъ нихъ удерживали нахлынувшую изъ города толпу, не позаботившуюся ни о какихъ мѣрахъ предосторожности къ своей безопасности и защитѣ. Ибо іудеи схватывались съ каждымъ человѣкомъ, попадавшимся имъ на пути;

[1] Вѣроятно тождественъ съ упоминаемымъ въ Талмудѣ גרסים, мѣстомъ рожденія таннаита Рабби Іошуи.

[2] Т. е. חגר.

тяжестью своей массы они опрокидывали враговъ, въ своемъ порывѣ не знавшемъ никакой осторожности, сами натыкаясь на копья; ихъ превосходство заключалось не столько въ успѣшныхъ результатахъ, сколько въ собственномъ своемъ мужествѣ; а римляне, если отступали, то не изъ-за того, чтобъ они терпѣли значительныя потери, а больше потому, что избѣгали ихъ бѣшеной отваги.

6. Вскорѣ, однако, появился Титъ съ замка Антоніи, гдѣ онъ высматривалъ позиціи для другихъ валовъ. Прежде всего онъ сдѣлалъ солдатамъ строгій выговоръ за то, что они, господствуя уже надъ вражеской стѣной, покидаютъ свои собственныя укрѣпленія; что, выпустивъ іудеевъ изъ заключенія, они какъ будто сами натравили ихъ на себя и теперь сами пришли въ положеніе осажденныхъ. Затѣмъ онъ со своими собственными отборными отрядами набросился на непріятельскій флангъ. Хотя іудеи въ то же время имѣли противъ себя римлянъ и съ фронта, тѣмъ не менѣе они обратились также противъ Тита и храбро сопротивлялись. Среди общей свалки пыль ослѣпляла глаза, а бранные клики заглушали уши— никто больше не могъ различать между другомъ и недругомъ. Въ то время, когда іудеи боролись теперь уже не въ сознаніи своей силы, а больше изъ отчаянія, римляне, напротивъ, воодушевлялись мыслью о славѣ, чести оружія и Цезарѣ, который предшествовалъ имъ въ сраженіи. Я думаю, что они въ пылу ярости на этотъ разъ покончили-бы со всей массой іудеевъ, если-бы послѣдніе, не выжидая исхода, не отступили обратно въ городъ. Но и римляне были сильно удручены разрушеніемъ валовъ, такъ какъ въ одинъ часъ они потеряли плоды многихъ дней усилій и труда; многіе отчаявались уже въ возможности покоренія города обыкновенными машинами.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Титъ окружаетъ городъ стѣной, вслѣдствіе чего голодъ начинаетъ опустошать цѣлые дома и семейства.

1. Въ виду этого, Титъ созвалъ военный совѣтъ. Болѣе горячіе изъ предводителей были того мнѣнія, что слѣдуетъ всей арміей сразу сдѣлать приступъ на стѣны: «до этихъ поръ, говорили они, іудеи сталкивались только съ разрозненными частями войска; но если сразу нагрянуть на нихъ всей массой, такъ они не выдержатъ такого удара: они будутъ засыпаны стрѣлами». Изъ болѣе разсудительныхъ одни совѣтовали опять

строить валы; другіе же—продолжать осаду безъ всякихъ валовъ, а только наблюдать за тѣмъ, чтобы жители не могли ни покидать города, ни получать припасовъ извнѣ, и такимъ образомъ заставить непріятеля сдаться голодать, но отнюдь не вступать больше съ нимъ въ бой, ибо тщетна всякая борьба съ людьми, которыми руководитъ отчаяніе и которые считаютъ смерть отъ меча высшимъ благомъ для себя; ихъ безъ того ожидаетъ худшая участь. Что же касается самого Тита, то онъ хотя признавалъ, что это не сдѣлаетъ чести римлянамъ, если такая могущественная армія будетъ праздно стоять подъ стѣнами города; но, съ другой стороны, онъ также соглашался, что излишне бороться съ людьми, которые сами истребляютъ другъ друга. «Строить новые валы, сказалъ онъ, дѣло трудное, вслѣдствіе недостатка строевого лѣса; запереть всѣ выходы еще труднѣе; ибо оцѣпить городъ кругомъ войскомъ будетъ нелегко, вслѣдствіе его огромной величины и его почвенныхъ условій; кромѣ того, это и не безопасно, въ виду вылазокъ, которыя будутъ совершать іудеи; послѣдніе, наконецъ, если даже всѣ извѣстные ходы будутъ охраняемы, по необходимости и вслѣдствіе своего знакомства съ мѣстностью, отыщутъ себѣ тайные ходы. А разъ жизненные припасы будутъ тайнымъ образомъ поступать въ городъ, то это только затянетъ осаду и можно опасаться, что долгая продолжительность ея умалитъ славу побѣды. Современемъ, конечно, всего можно достигнуть, но для славы требуется также быстрота. А потому, продолжалъ онъ, чтобы соединить быстроту съ безопасностью дѣйствій, слѣдуетъ весь городъ обвести стѣной: только такимъ путемъ можно запереть всѣ выходы и заставить іудеевъ или сдаться изъ отчаянія, или погибнуть отъ голода, безъ всякихъ усилій со стороны римлянъ. При всемъ этомъ онъ не думаетъ остаться совершенно празднымъ, а постарается также и новые валы строить, такъ какъ тогда можно будетъ ожидать лишь самое слабое сопротивленіе. Если же кому нибудь такое сооруженіе покажется слишкомъ грандіознымъ и невыполнимымъ, то пусть тотъ подумаетъ о томъ, что мелкія предпріятія недостойны римлянъ, а съ другой стороны—совершить нѣчто великое безъ напряженія силъ никому не дано и доступно развѣ одному божеству».

2. Этими словами онъ убѣдилъ полководцевъ и тотчасъ же отдалъ приказъ войску приступить къ работамъ. Невѣроятное рвеніе охватило солдатъ. Послѣ того, какъ обводная стѣна раздѣлена была по частямъ между легіонами, соревнованіе началось не только между послѣдними, но и между отдѣльными когортами въ каждомъ легіонѣ. Простой солдатъ

хотѣлъ отличаться предъ декуріономъ, послѣдній предъ центуріономъ, а этотъ предъ трибуномъ; честолюбіе трибуновъ побуждало каждаго изъ нихъ искать одобренія предводителей; а соревнованіе послѣднихъ вознаграждалъ Цезарь. Онъ лично, по нѣсколько разъ въ день, совершалъ объѣзды и самъ осматривалъ работы. Отъ ассирійскаго стана, гдѣ находился его собственный лагерь, онъ велъ стѣну въ нижнюю часть Новаго города, отсюда, чрезъ Кидронъ, на Елеонскую гору, огибалъ гору по южному склону ея до утеса Перистереона и ближайшаго къ нему холма, подымающагося черезъ долину у Силоамскаго источника, оттуда онъ направилъ ее опять къ западу въ долину того же источника; затѣмъ стѣна подымалась по направленію къ усыпальницѣ первосвященника Анана и, обнявъ гору, на которой нѣкогда расположился лагеремъ Помпей, обратилась къ сѣверу, мимо деревни Эребинтона [1], охватила затѣмъ памятникъ Ирода и примыкала опять къ востоку, къ лагерю Тита, гдѣ она началась. Стѣна имѣла тридцать девять стадій въ окружности. Снаружи къ ней пристроены были тринадцать сторожевыхъ башенъ, объемъ которыхъ, въ общей сложности, достигалъ десяти стадій. Въ три дня воздвигнуто было это сооруженіе. Дѣло, для котораго цѣлые мѣсяцы не могли бы считаться чрезъ-чуръ продолжительнымъ срокомъ, окончено было съ такой быстротой, которая превосходитъ всякое вѣроятіе. Заперевъ этой обводной стѣной городъ и размѣстивъ войска въ сторожевыхъ башняхъ, Титъ, въ первую ночь, самъ совершилъ объѣздъ, для наблюденія за стражами; вторую ночь онъ предоставилъ Александру [2], а въ третью ночь полководцы между собою метали жребій. Ночная стража, также по жребію, дѣлила между собою часы сна, причемъ бодрствовавшіе, въ теченіе всей ночи, обходили промежутки между башнями.

3. Разъ отнята была возможность бѣгства изъ города, то и всякій путь спасенія былъ отрѣзанъ іудеямъ. А голодъ межъ тѣмъ, становясь съ каждымъ днемъ все болѣе сильнымъ, похищалъ у народа цѣлые дома и семейства. Крыши были покрыты изнеможенными женщинами и дѣтьми, а улицы — мертвыми стариками. Мальчики и юноши, болѣзненно-раздутые, блуждали, какъ призраки, на площадяхъ города и падали на землю тамъ, гдѣ ихъ застигала голодная смерть. Хоронить близкихъ мертвецовъ ослабленные не имѣли больше силъ, а болѣе крѣпкіе

[1] Гороховый домъ.

[2] Вышеупомянутый Тиверій Александръ.

робѣли предъ множествомъ труповъ и неизвѣстностью, висѣвшей надъ ихъ собственной будущностью. Многіе умирали на трупахъ въ ту минуту, когда они хотѣли ихъ хоронить, многіе другіе еще сами доплетались до могилъ прежде, чѣмъ ихъ настигала неумолимая смерть. Никто не плакалъ, никто не стеналъ надъ этимъ бѣдствіемъ: голодъ умертвилъ всякую чувствительность. Съ высохшими глазами и широко-раскрытыми ртами смотрѣли медленно угасавшіе на тѣхъ, которые до нихъ обрѣтали покой. Глубокая тишина, какъ страшная могильная ночь, надвинулась надъ городомъ. Но ужаснѣе всего этого были все-таки разбойники. Точно могильщики, они вламывались въ дома, ограбляли мертвецовъ, срывали съ нихъ покрывала и со смѣхомъ удалялись, или же пробовали на трупахъ острые наконечники своихъ кинжаловъ; нерѣдко они, для испытанія своего оружія, пронзали такихъ, которые боролись еще со смертью; другимъ же, которые, напротивъ, умоляли, чтобы ихъ убивали, они, со спѣсивой насмѣшливостью, предоставляли умирать голодной смертью. Умиравшіе, при своемъ послѣднемъ издыханіи, устремляли свои остывшіе глаза къ храму, гдѣ они оставляли мятежниковъ въ живыхъ. Послѣдніе одно время погребали умершихъ на средства общественной казны, такъ какъ запахъ труповъ былъ для нихъ невыносимъ, но послѣ, когда число мертвецовъ все увеличивалось, ихъ прямо швыряли со стѣнъ въ пропасть.

4. Однажды, когда Титъ на одномъ изъ своихъ обходовъ увидѣлъ эти пропасти, наполненныя мертвецами, и массу гноя, вытекавшаго изъ разложившихся труповъ, онъ со вздохомъ поднялъ свои руки и призвалъ Бога въ свидѣтели, что не онъ виновенъ во всемъ этомъ. Таково было положеніе города. За то римляне были теперь бодры и веселы: мятежники больше не тревожили ихъ вылазками, такъ какъ они были охвачены унынiемъ и голодомъ; хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ римляне получали въ избыткѣ изъ Сиріи и сосѣднихъ провинцій. Многіе солдаты становились противъ стѣны, показывали обильные запасы продуктовъ, чѣмъ еще сильнѣе разжигали голодъ враговъ. Видя, однако, что никакія испытанія не могутъ вынудить у мятежниковъ никакихъ уступокъ, Титъ изъ жалости къ остаткамъ населенія, изъ желанія спасти отъ гибели по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые еще уцѣлѣли, началъ опять строить валы, несмотря на то, что доставка строевого матеріала была чрезвычайно затруднительна. Всѣ деревья вокругъ города были вырублены еще раньше для прежнихъ строеній, такъ что теперь солдатамъ приходилось доставать лѣсъ изъ-за девяноста стадій. Тѣмъ не менѣе римляне противъ одной

только Антоніи возвели четыре вала и даже значительно большихъ, чѣмъ были прежніе. Цезарь обошелъ всѣ легіоны и самъ подгонялъ рабочихъ, чтобы тѣмъ показать разбойникамъ, что они у него въ рукахъ. Они-же, единственные, не знавшіе ни сожалѣнія, ни раскаянія, продолжали свои жестокости. Души свои они какъ будто отдѣлили отъ своихъ тѣлъ и управляли тѣми и другими, какъ совершенно посторонними, имъ не принадлежащими предметами: душа не знала жалости, тѣло не ощущало боли. Мертвыхъ они терзали, какъ собакъ, а больными они наполняли темницы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Убійства и святотатственные грабежи усиливаются въ Іерусалимѣ.

1. Симонъ предалъ мучительной казни даже Матѳію, которому онъ былъ обязанъ доступомъ въ городъ [1]. Первосвященникъ Матѳія сынъ Боеѳа пользовался высокимъ авторитетомъ и вліяніемъ на народъ. Когда зелоты, съ которыми вступилъ уже въ союзъ Іоаннъ, терзали городское населеніе, онъ убѣдилъ народъ впустить Симона какъ спасителя, не сговорившись съ нимъ предварительно и не ожидая съ его стороны ничего дурнаго. Но какъ только Симонъ вступилъ въ городъ и сдѣлался его властелиномъ, онъ началъ относиться къ Матѳіи, хлопотавшему въ его пользу, одинаково враждебно, какъ къ другимъ, приписывая этотъ шагъ его простодушію. Въ тѣ именно дни Матѳія былъ схваченъ и обвиненъ въ приверженности къ римлянамъ, и Симонъ, не давая ему даже возможности защиты, приговорилъ его вмѣстѣ съ тремя его сыновьями (четвертый сынъ еще раньше бѣжалъ къ Титу) къ смертной казни. Когда осужденный молилъ его, въ благодарность за то, что онъ открылъ ему ворота, казнить его прежде, чѣмъ сыновей, Симонъ, напротивъ, приказалъ казнить его послѣднимъ. На трупахъ своихъ дѣтей, казненныхъ на его собственныхъ глазахъ, онъ былъ умерщвленъ послѣ того, какъ его еще предварительно вывели на показъ римлянамъ. Это было исполнено самымъ жестокимъ сподвижникомъ Симона, Ананомъ сыномъ Бамада, который, глумясь, воскликнулъ тогда: «а ну-ка посмотримъ, захотятъ ли помочь тебѣ тѣ, къ которымъ ты хотѣлъ бѣжать?» Тѣла убитыхъ Симонъ воспретилъ предать землѣ. Послѣ нихъ были казнены священникъ Ананія сынъ Масамбала, видный человѣкъ, Аристей изъ Аммауса, секретарь совѣта, и вмѣстѣ съ ними еще пятнадцать выдающихся лицъ изъ народа. Отца Іосифа они все еще содержали въ одиночномъ заключеніи и, опасаясь измѣны, публично объявили, что никто изъ жителей не имѣетъ права ни говорить съ нимъ, ни посѣщать его. Тѣхъ, которые своими стонами выражали свое сочувствіе казненнымъ, безъ суда и слѣдствія предавали смерти.

[1] См. IV, 9, 11.

2. Послѣ описанныхъ происшествій нѣкто Іуда сынъ Іуды, одинъ изъ начальниковъ, подчиненныхъ Симону, которому послѣдній ввѣрилъ охрану одной башни, отчасти быть можетъ изъ сожалѣнія къ безжалостно убитымъ, больше однако изъ опасеній за свою собственную участь, созвалъ десять самыхъ преданныхъ ему солдатъ и обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «Доколѣ мы будемъ терпѣть такіе ужасы? Развѣ мы себя спасемъ тѣмъ, что останемся вѣрными злодѣю? Развѣ не воюетъ уже противъ насъ голодъ? Или не близко-ли уже вторженіе римлянъ? И какъ предательски поступаетъ Симонъ со своими благодѣтелями! У него мы всегда должны дрожать за свою жизнь, между тѣмъ какъ на слово римлянъ можно смѣло положиться. Предадимъ-же стѣну и спасемъ себя и городъ. Что касается Симона, то для него не будетъ слишкомъ жестокое возмездіе, если онъ, лишенный всякой надежды на спасеніе, чѣмъ скорѣе понесетъ кару». Склонивъ такими словами этихъ десятерыхъ, онъ къ утру разослалъ остальныхъ своихъ подчиненныхъ на разныя позиціи для того, чтобы сохранить свой планъ втайнѣ, самъ же онъ, въ третьемъ часу началъ вести съ башни переговоры съ римлянами. Одни изъ послѣднихъ относились къ его предложенію съ презрѣніемъ, другіе съ недовѣріемъ, большинство-же не хотѣло принять его потому, что по ихъ разсчету городъ вскорѣ долженъ былъ безъ всякой опасности для нихъ попасть въ ихъ руки. Тѣмъ не менѣе Титъ началъ-было приближаться со своими тяжеловооруженными къ стѣнѣ. Но въ эту самую минуту неожиданно нагрянулъ Симонъ, который, узнавъ о заговорѣ, быстро занялъ башню, тутъ же на глазахъ римлянъ перебилъ солдатъ и изуродованныя ихъ тѣла сбросилъ со стѣны.

3. Въ это время Іосифъ, который не переставалъ дѣлать свои напоминанія, во время одного изъ своихъ обходовъ вокругъ стѣны получилъ ударъ брошеннымъ на него камнемъ въ голову и такъ былъ ошеломленъ имъ, что моментально упалъ на землю. При видѣ этого іудеи устремились наружу и навѣрно потащили-бы его въ городъ, если-бы Титъ не отрядилъ быстро людей для его защиты. Въ то время, когда солдаты дрались между собою, Іосифъ въ безсознательномъ состояніи былъ

унесенъ. Мятежники, думая, что они покончили съ человѣкомъ, смерти котораго они алкали, громко возликовали. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась среди остальнаго населенія города и произвела удручающее впечатлѣніе, такъ какъ они думали, что дѣйствительно умеръ тотъ, присутствіе котораго внушало имъ смѣлость переходить къ римлянамъ. Когда мать Іосифа, содержавшаяся въ заключеніи, узнала о смерти своего сына, она сказала приставленнымъ къ ней стражникамъ изъ Іотапаты [1]: «Она вполнѣ вѣритъ этому слуху, но будь сынъ ея даже живъ, она бы не имѣла отъ него никакихъ радостей». Но наединѣ со своими прислужницами она съ горечью воскликнула: «Такъ вотъ что судила судьба мнѣ, дѣтьми благословенной матери! Сына, на котораго я могла надѣяться, что онъ предастъ мой прахъ землѣ, я сама теперь не могу хоронить!» Однако скорбь ея, равно какъ и злорадство разбойниковъ не были продолжительны. Іосифъ скоро оправился отъ полученнаго имъ удара, вновь появился предъ стѣной и крикнулъ своимъ противникамъ: «Немного времени еще пройдетъ, и вы должны будете дать мнѣ удовлетвореніе за мою рану!» Народъ-же онъ опять призывалъ на добровольную сдачу. Его появленіе вновь воскресило надежды гражданъ и внушило вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ мятежникамъ.

4. Многіе, побуждаемые нуждой, открыто соскакивали со стѣны и бѣжали къ римлянамъ; другіе бросались впередъ съ камнями въ рукахъ, дѣлая видъ, что идутъ въ бой, а затѣмъ скрывались у непріятеля. Но ихъ постигала еще худшая участь, чѣмъ тѣхъ, которые оставались въ городѣ; утоленіе голода, которое они находили у римлянъ, еще больше ускоряло ихъ смерть, чѣмъ самый голодъ, пожиравшій ихъ дома. Ибо, вслѣдствіе голода, они являлись къ римлянамъ распухшіе и какъ бы одержимые водянкой; и вотъ, переполняя въ такомъ состояніи свой пустой желудокъ, они лопались. Только тѣ избѣгали этой горькой участи, которые, наученные опытомъ, медленно умѣряли свой голодъ и лишь постепенно вводили пищу въ отвыкшій отъ питанія организмъ. Однако, и спасшихся такимъ путемъ ожидало еще другое несчастье. Сирійцы замѣтили, что одинъ изъ перебѣжчиковъ при испражненіи подбиралъ золотыя монеты. Послѣднія, какъ мы уже выше сообщали (10, 1), они бывало проглатывали прежде, чѣмъ покидали городъ, такъ какъ мятежники всѣхъ обыскивали. А золота было

[1] Того самаго города, послѣ паденія котораго Іосифъ перешелъ къ римлянамъ.

очень много въ городѣ: за двѣнадцать аттикъ покупали такое количество золота, какое, обыкновенно, имѣло стоимость двадцати пяти аттикъ. Какъ только хитрость эта была обнаружена на одномъ перебѣжчикѣ, разнесся слухъ по всѣмъ лагерямъ, что переметчики приходятъ наполненные золотомъ. Тогда многіе арабы, а также и сирійцы вскрывали животы искателямъ убѣжища, чтобы отыскать золото въ ихъ внутренностяхъ. Это было самое страшное изъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ іудеевъ: въ одну ночь было распорото около двухъ тысячъ человѣкъ.

5. Когда Титъ узналъ объ этомъ гнусномъ дѣлѣ, онъ былъ готовъ оцѣпить виновныхъ всадниками и всѣхъ ихъ разстрѣлять; однако, громадное количество этихъ виновныхъ удерживало его отъ своего намѣренія, ибо подлежавшихъ наказанію было гораздо больше, чѣмъ погибшихъ упомянутымъ образомъ. Въ виду этого, онъ созвалъ къ себѣ предводителей вспомогательныхъ отрядовъ и начальниковъ легіоновъ (ибо и римляне были замѣшаны въ этихъ звѣрствахъ) и, обратившись съ негодованіемъ къ тѣмъ и другимъ, произнесъ: «Неужели среди моихъ солдатъ есть такіе, которые, изъ-за гадательнаго барыша, способны совершить нѣчто подобное? Неужели они не стыдятся своего собственнаго оружія, сдѣланнаго также изъ золота и серебра?» Арабамъ и сирійцамъ онъ сказалъ: «А вы, въ чужой для васъ войнѣ, хотите прежде всего самовольно удовлетворить ваши инстинкты, а затѣмъ, за вашу свирѣпную кровожадность и вашу ненависть къ іудеямъ, сдѣлать отвѣтственными римлянъ. Вотъ нѣкоторые изъ моихъ собственныхъ солдатъ уже раздѣляютъ съ вами ту позорную репутацію, которой вы пользуетесь». Самимъ же солдатамъ онъ грозилъ смертью за повтореніе этого преступленія и отдалъ приказъ по легіонамъ, чтобы подозрительные были выдѣлены и приведены лично къ нему. Но жадность къ деньгамъ, какъ видно, не боится кары; человѣку врождена отвратительная любовь къ наживѣ и ничто не подвергаетъ его столькимъ опасностямъ, какъ сребролюбіе, ибо всякая другая страсть имѣетъ свой предѣлъ и можетъ быть обуздана страхомъ. Во всемъ этомъ, впрочемъ, участвовала и рука Провидѣнія, Которое отвергло весь народъ и всѣ пути спасенія превратило для него въ пути гибели. То, что Цезарь воспретилъ своими угрозами, совершалось теперь надъ перебѣжчиками тайно: варвары встрѣчали и рѣзали бѣглецовъ еще прежде, чѣмъ другіе могли ихъ замѣтить; оглядываясь, чтобъ не быть замѣченными кѣмъ-либо изъ римлянъ, они ихъ вскрывали и вынимали изъ внутренностей омерзительную добычу. Впрочемъ, только въ нѣкоторыхъ найдено было золото, большинство же пало жертвой несбывшихся

надеждъ убійцъ. Въ виду этой опасности, многіе, рѣшившіеся уже на переходъ къ римлянамъ, теперь воздерживались отъ этого [1].

6. Между тѣмъ Іоаннъ, когда у народа уже нечего было брать, обратился къ святотатственному грабежу: массу принадлежавшихъ храму священныхъ даровъ, богослужебной утвари, кувшиновъ, чашъ и столовъ, онъ приказалъ расплавить; даже посланныя Августомъ и его супругой въ даръ кружки для вина не были пощажены. Въ то время, когда римскіе императоры во всѣ времена окружали храмъ почетомъ и умножали его сокровища, іудей самъ расхитилъ дары иноземцевъ. Своимъ окружающимъ онъ говорилъ: «предметы, посвященные Богу, можно безъ всякаго стѣсненія употребить на служеніе Богу, а тѣ, которые борются за храмъ, имѣютъ право черпать изъ него средства къ существованію». На этомъ основаніи, онъ позволилъ себѣ также взять изъ внутренняго храма священнаго масла и священнаго вина, которыя священники хранили для окропленія жертвъ всесожженія, раздѣлилъ ихъ между народомъ, а послѣдній, безъ страха, израсходовалъ того и другого больше гина [2]. Я не могу умолчать о томъ, что мнѣ внушается скорбью. Мнѣ кажется, еслибы римляне медлили уничтоженіемъ этихъ безбожниковъ, тогда сама земля разверзлась бы и поглотила бы городъ, или его посѣтилъ бы потопъ, или, наконецъ, молніи стерли бы его, какъ Содомъ; ибо онъ скрывалъ въ себѣ несравненно худшее изъ всѣхъ поколѣній, которыя постигли эти кары. Безуміе ихъ ввергло въ гибель весь народъ.

7. Но зачѣмъ мнѣ перечислять въ отдѣльности всѣ бѣдствія народа? Достаточно вспомнить показанія Маннея, сына Лазаря, бѣжавшаго въ тѣ дни къ Титу и утверждавшаго, что чрезъ однѣ единственныя ворота, находившіяся подъ его охраной, со дня разбитія лагеря предъ городомъ, т. е. отъ 14-го Ксантика до 1-го Панема [3] вынесено было сто пятнадцать тысячъ восемсотъ восемьдесятъ мертвыхъ. По истинѣ ужасающее число! А между тѣмъ Маннай не былъ начальникомъ стражи, а былъ поставленъ у воротъ для веденія счета только тѣмъ мертвецамъ, за погребеніе которыхъ уплачивалось изъ городской кассы (13, 3); но было еще много умершихъ, которыхъ хоронили родные и близкіе. Погребеніе состояло въ

[1] Описанныя здѣсь звѣрства послужили основаніемъ извѣстнаго постановленія: воспрещается проглатывать золотые динаріи во время войны, вслѣдствіе опасности для жизни. См Тосифта Гиттинъ, 4, изд. Цукермандля, стр. 327.

[2] По еврейски הין—мѣра жидкости, часто встрѣчаемая въ Библіи.

[3] Отъ 14-го Нисана (мартъ—апрѣль) до 1-го Тамуза (іюнь—іюль).

томъ, что трупы выносили за городъ и тамъ ихъ бросали на произволъ судьбы. Многіе перебѣжчики изъ высшаго сословія, прибывавшіе за Маннаемъ, опредѣляли число мертвыхъ изъ неимущаго класса, выброшенныхъ за ворота въ 600,000; число остальныхъ никакъ нельзя было опредѣлить. Когда, разсказывали они дальше, не было возможности, вслѣдствіе недостатка силъ, выносить умершихъ бѣдняковъ, послѣднихъ сваливали въ большіе дома и здѣсь ихъ запирали. Мѣра пшеницы доходила въ цѣнѣ до таланта; а когда затѣмъ, вслѣдствіе обнесенія города стѣной, нельзя было доставать и зелени, голодъ увеличился до того, что люди рылись въ клоакахъ, шарили въ старомъ навозѣ, чтобы отыскивать жалкія крупицы корма. То, чего раньше нельзя было видѣть безъ отвращенія, сдѣлалось теперь предметомъ питанія. Римляне, слыша только разсказы объ этомъ, проникались сожалѣніемъ, мятежники же, которые видѣли все это своими глазами, оставались вполнѣ равнодушными къ этому, пока не пришелъ и ихъ чередъ испытать нужду. Злой рокъ ихъ ослѣпилъ, и они не видѣли, что предстояло городу и имъ самимъ.

Конецъ пятой книги.

ШЕСТАЯ КНИГА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бѣдствія іудеевъ усиливаются.—Нападеніе римлянъ на Антонію.

1. Бѣдствія Іерусалима съ каждымъ днемъ становились ужаснѣе; но они только сильнѣе возбуждали мятежниковъ и дѣлали ихъ все болѣе свирѣпыми, ибо голодъ похищалъ теперь свои жертвы не только изъ народа, но и изъ ихъ собственной среды. Безчисленные трупы, сваленные кучами въ самомъ городѣ, представляли страшное зрѣлище, распространяли чумоносный запахъ и даже мѣшали воинамъ въ ихъ вылазкахъ: точно на полѣ сраженія, послѣ кроваваго боя, они въ своихъ наступленіяхъ должны были переступать чрезъ тѣла мертвыхъ. Но ступая на трупы, они не испытывали ни страха, ни жалости и не задумывались даже о томъ, что въ этомъ поруганіи умершихъ кроется грозное предзнаменованіе для нихъ самихъ. Съ руками, оскверненными братоубійствомъ, они вступали въ бой съ чужими, какъ будто хотѣли этимъ—мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется—бросить вызовъ Божеству за то, что оно такъ долго медлитъ наказаніемъ. Ибо давно уже перестала воодушевлять ихъ къ войнѣ надежда

на побѣду—ея мѣсто замѣнило отчаяніе. Римляне, напротивъ, хотя доставка строевого лѣса причиняла имъ большія затрудненія, окончили валы въ двадцать одинъ день, причемъ, какъ выше (V, 12, 4) было замѣчено, всѣ окрестности города, на 90 стадій въ окружности, были совершенно оголены. Печаленъ былъ видъ всего края. Страна, которая прежде щеголяла своими древесными насажденіями и парками, была теперь повсюду опустошена и обезлѣсена. Изъ чужестранцевъ, знавшихъ прежнюю Іудею и великолѣпныя предмѣстья Іерусалима, никто не могъ удержаться отъ слезъ при видѣ тогдашняго опустошенія и отъ выраженія скорби объ этой страшной перемѣнѣ. Война уничтожила всякій слѣдъ красоты, и если бы кто-нибудь, знавшій прежде эту мѣстность, вдругъ появился вновь въ ней—онъ бы не узналъ ея, а искалъ бы города, предъ которымъ онъ стоялъ.

2. Новые валы послужили источникомъ заботъ, какъ для іудеевъ, такъ и для римлянъ. Первые предвидѣли, что если имъ не удастся сжечь опять и эти сооруженія, покореніе города неизбѣжно; римляне же, еслибы и эти валы были уничтожены, лишились бы всякихъ видовъ на завоеваніе города. Ибо добыть еще лѣсного матеріала не было никакой возможности, да кромѣ того, солдаты уже изнурились отъ постоянныхъ напряженныхъ трудовъ и пріупали духомъ отъ послѣдовавшихъ одна за другой неудачъ. Даже бѣдствія осажденныхъ привели къ большому упадку духа среди римлянъ, чѣмъ среди жителей города. Ибо послѣдніе, не взирая на самыя ужасныя невзгоды свои, нисколько не смягчились и каждый разъ разбивали надежды враговъ, съ успѣхомъ противопоставляя валамъ хитрость, машинамъ—крѣпкія стѣны, а въ рукопашныхъ сраженіяхъ—бѣшеную отвагу. Видя эту силу духа, которой обладаютъ іудеи и которая возвышаетъ ихъ надъ внутреннимъ раздоромъ, голодомъ, войной и другими несчастіями, римляне начали считать ихъ жажду брани непреодолимой, а ихъ мужество въ перенесеніи несчастья—неисчерпаемымъ, и сами предлагали себѣ вопросъ: чего бы только такіе люди не могли предпринимать при счастливыхъ условіяхъ, когда несчастье все болѣе и болѣе ихъ закаляетъ? Въ виду этихъ соображеній, римляне еще болѣе усилили караульные посты на валахъ.

3. Войско Іоанна въ Антоніи, подумавъ объ опасности, угрожавшей имъ въ случаѣ еслибы стѣна была пробита, поспѣшило, еще прежде чѣмъ былъ установленъ таранъ, сдѣлать нападеніе на непріятельскія сооруженія. Но на этотъ разъ дѣло имъ не удалось: бросившись съ факелами въ рукахъ, они, не дойдя еще близко къ валамъ, потеряли надежду на успѣхъ и потянулись назадъ. Видно было, что ихъ планъ страдаетъ прежде всего отсутствіемъ единства: они выступили разрозненными партіями, робко и медленно, однимъ словомъ, совсѣмъ не въ прежнемъ іудейскомъ духѣ; не доставало всего того, что всегда отличало іудеевъ, а именно: смѣлости, быстроты натиска, общности набѣга и искусства въ прикрытіи отступленія. Кромѣ того, совершивъ на этотъ разъ вылазку съ меньшей рѣшимостью противъ обыкновеннаго, они встрѣтились съ болѣе твердымъ строемъ римлянъ, чѣмъ всегда: послѣдніе своими тѣлами и вооруженіями прикрывали насыпи вплотную, не оставляя незащищеннаго мѣста, куда можно было бы бросить огонь, и стояли на своихъ постахъ съ твердымъ намѣреніемъ не давать прогнать себя живыми. Ибо, не говоря уже о сознаніи, что съ сожженіемъ этихъ укрѣпленій всѣ ихъ надежды превратятся въ ничто, солдатская честь уже начала въ нихъ возмущаться противъ того, что хитрость всегда беретъ верхъ надъ храбростью, безумная отвага — надъ военнымъ искусствомъ, численность — надъ опытностью, іудеи—надъ римлянами. Были пущены въ ходъ также и метательныя машины, стрѣлы которыхъ долетали до нападавшихъ. Каждый выбитый изъ строя образовалъ препятствіе для слѣдовавшаго за нимъ съ тыла; да и кромѣ того опасность, съ которой былъ сопряженъ дальнѣйшій натискъ, лишала ихъ рѣшимости; находившіеся уже въ раіонѣ выстрѣловъ, отступили еще до боя, одни устрашенные видомъ выстроенныхъ въ образцовомъ порядкѣ тѣсно сплоченныхъ рядовъ непріятеля, другіе раненные метательными копьями. Такъ они, упрекая другъ друга въ трусости, всѣ разсѣялись, не достигнувъ никакого результата. Это нападеніе произошло перваго Панема [1]. Послѣ отступленія іудеевъ, римляне установили стѣнобитныя машины. Тогда защитники Антоніи начали метать въ нихъ обломки скалъ, горящія головни, куски желѣза и всевозможнаго рода другія стрѣлы, какія только подвертывались имъ подъ руки; ибо при своей увѣренности въ несокрушимости стѣнъ и при всемъ пренебреженіи къ римскимъ машинамъ, они все-таки хотѣли воспрепятствовать установкѣ послѣднихъ. Но римляне, напротивъ, приписывали рьяное усердіе іудеевъ въ защитѣ Антоніи отъ машинъ слабости стѣнъ и въ свою очередь удвоили рвеніе, въ надеждѣ, что фундаменты поддадутся разрушенію. Однако, стѣна въ мѣстахъ нападенія не поддавалась. Нѣкоторое время римляне

[1] 1-го Тамуза (Іюль).

выдерживали безпрерывную стрѣльбу и, не обращая вниманія на всѣ грозившія имъ сверху опасности, не переставали дѣйствовать таранами. Но стоя внизу и подвергаясь ударамъ камней, безпрерывно бросаемыхъ сверху, часть солдатъ, образовавъ изъ своихъ щитовъ кровлю надъ собою, начали подкапывать руками и рычагами фундаментъ, и такъ работая настойчиво, выломали, наконецъ, четыре камня. Наступившая ночь положила конецъ борьбѣ съ обѣихъ сторонъ. Въ ту же ночь потрясенная тараномъ стѣна внезапно обрушилась на томъ мѣстѣ, гдѣ Іоаннъ прокопалъ мину подъ прежніе валы. Произошло это вслѣдствіе обвала самой мины.

4. Это неожиданное происшествіе произвело на воюющія стороны дѣйствіе обратное тому, какого можно было ожидать. Іудеи, которыхъ непредвидѣнный и непредупрежденный ими обвалъ долженъ былъ привести въ уныніе, не потеряли все-таки бодрости въ виду того, что самъ замокъ Антонія остался на мѣстѣ. Радость же римлянъ, при внезапномъ разрушеніи стѣны, была отравлена появленіемъ другой стѣны, сооруженной людьми Іоанна позади первой. Хотя приступъ противъ этой новой стѣны былъ, повидимому, легче осуществимъ, чѣмъ противъ первой, такъ какъ развалины первой стѣны облегчали доступъ ко второй; хотя и было очевидно, что она гораздо слабѣе Антоніи и, какъ вспомогательная стѣна, можетъ быть легко разрушима; несмотря на все это, никто не осмѣливался взойти на эту стѣну, ибо первые, которые попытались-бы это сдѣлать, шли-бы на вѣрную смерть.

5. Титъ, убѣжденный въ томъ, что боевое мужество въ солдатахъ можно возбудить преимущественно воззваніемъ и внушеніемъ надежды, что бодрящее слово въ связи съ обѣщаніями учатъ солдатъ забыть опасность и даже презирать смерть, собралъ вокругъ себя храбрѣйшихъ и для ихъ испытанія произнесъ: «Товарищи! Рѣчь, имѣющая цѣлью воодушевить людей на безопасное дѣло, равносильна оскорбленію тѣхъ, къ которымъ она обращена. Такая рѣчь изобличаетъ также отсутствіе достоинства въ томъ лицѣ, которое ее произноситъ. Слово поощренія необходимо, по моему, только въ опасныхъ случаяхъ, тамъ, гдѣ требуется указаніе, какъ слѣдуетъ всякому въ отдѣльности дѣйствовать. А потому я самъ говорю откровенно: тяжело вамъ взобраться на стѣну; но къ этому хочу еще прибавить, что бороться съ трудностями какъ разъ и подобаетъ тому, который желаетъ прославить себя, что геройская смерть заключаетъ въ себѣ что-то величественное и что тотъ, кто первый совершитъ храбрый подвигъ, не останется не награжденнымъ. Прежде всего васъ должно воспламенить то именно, что иныхъ, пожалуй, можетъ охладить: я имѣю въ

виду терпѣніе іудеевъ и ихъ упорную выносливость въ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Вѣдь было-бы стыдно, если-бы вы, римляне и мои воины, которые и въ мирное время обучаетесь военному дѣлу, а на войнѣ привыкли побѣждать, если-бъ вы давали іудеямъ превзойти себя въ силѣ и мужествѣ—и это когда—наканунѣ побѣды, когда самъ Богъ являетъ вамъ свою помощь.

«Наши пораженія только слѣдствія отчаяннаго мужества іудеевъ; они-же, напротивъ, обязаны своими все возрастающими несчастіями вашей храбрости, поддерживаемой Богомъ. Въ самомъ дѣлѣ—междоусобная война, голодъ, осадное положеніе, разрушеніе стѣнъ безъ участія машинъ—развѣ это не гнѣвъ Божій на нихъ, а намъ Божья помощь? Пусть-же не попрекаютъ васъ въ томъ, что вы были побѣждены слабѣйшими себя и къ тому еще оттолкнули божественную помощь.

«Если іудеи, для которыхъ пораженія не могутъ считаться особеннымъ позоромъ хотя-бы потому одному, что они уже извѣдали иго рабства, однако, чтобы опять не впасть въ прежнее свое состояніе, пренебрегаютъ смертью и то и дѣло врываются прямо въ наши ряды, даже безъ всякихъ видовъ на побѣду, а только лишь для того, чтобы показать себя храбрыми воинами,—то не стыдно-ли намъ, властелинамъ почти всѣхъ земель и морей, для которыхъ не побѣждать уже составляетъ позоръ, сидѣть сложа руки, не предпринимая ничего энергичнаго и ждать, пока голодъ и неблагопріятная имъ судьба не совершатъ начатаго ими дѣла безъ того, чтобъ мы хоть разъ рискнули своей жизнью, въ то время, какъ одной маленькой ставкой мы можемъ выиграть все. Разъ только мы взберемся на Антонію—весь городъ будетъ нашъ. Ибо если внутри еще и предстоитъ маленькая стычка, чего я, впрочемъ, не допускаю, то высокая и господствующая надъ городомъ позиція, которой мы овладѣемъ, обезпечитъ за нами быструю и полную побѣду. Не стану я теперь прославлять смерть въ бою и безсмертіе тѣхъ, которые падаютъ въ вдохновенной борьбѣ. Я, напротивъ, желаю малодушнымъ умереть въ мирное время отъ болѣзни, чтобы души ихъ съ тѣлами вмѣстѣ сгнили въ гробахъ. Ибо кто изъ храбрыхъ не знаетъ, что души, разлученныя отъ тѣлъ мечемъ въ строю, внѣдряются въ чистѣйшемъ эѳирномъ элементѣ, между звѣздъ, откуда онѣ свѣтятся потомкамъ, какъ добрые духи и покровительствующіе герои; а тѣ, которыя чахнутъ въ болѣзненныхъ тѣлахъ, хотя-бы и чистыя отъ грѣховъ и пятенъ, погружаются въ мрачное подземное царство, гдѣ ихъ окружаетъ глубокое забвеніе и гдѣ онѣ сразу теряютъ и тѣло, и жизнь, и память. Разъ судьба

установила вообще для человѣка неминуемую смерть, и разъ мечъ болѣе благосклонный слуга ея воли, чѣмъ всякая болѣзнь, то хорошо-ли будетъ съ нашей стороны, если мы откажемся жертвовать съ благородной цѣлью тѣмъ, что мы неизбѣжно какъ долгъ обязаны отдать судьбѣ. Однако, все это я говорилъ въ томъ предположеніи, что тѣ, которые отважатся на приступъ, не возвратятся оттуда живыми; но вѣдь бываетъ наоборотъ, что храбрые спасаютъ себя отъ величайшей опасности. Взобраться на развалины вѣдь совсѣмъ легко, а тогда уже не трудно разрушить новое строеніе. Если только вы смѣло и бодро и въ большомъ числѣ пойдете въ дѣло, тогда вы взаимно будете воодушевлять и поддерживать другъ друга, а ваша твердая рѣшимость быстро сломитъ спѣсь врага. Возможно, что успѣхъ не будетъ стоить вамъ ни одной капли крови; все лишь сводится къ тому, чтобы только взяться за дѣло. Когда вы станете подыматься на стѣну, непріятель безъ сомнѣнія будетъ стараться отражать васъ; но если вы будете дѣйствовать незамѣтно для нихъ и въ то же время силой пробьете себѣ дорогу туда, они не въ состояніи будутъ сопротивляться, хотя бы даже васъ было немного. Да будетъ мнѣ стыдно, если я того, который первый взберется на стѣну, не сдѣлаю предметомъ зависти для всѣхъ. Останется онъ живъ, онъ будетъ начальствовать надъ нынѣ равными ему; но если даже падетъ, ему будутъ оказаны завидныя почести».

6. И послѣ рѣчи Тита войско въ цѣломъ все еще колебалось, трепеща предъ грозной опасностью. Но одинъ, сиріецъ по происхожденію, по имени Сабинъ, служившій въ когортахъ, показалъ себя храбрымъ и отважнымъ героемъ, хотя, если судить о немъ по внѣшнему виду, едва ли можно было принять его за настоящаго солдата. Онъ былъ черный, сухощавый и неуклюжій; но въ этомъ невзрачномъ тѣлѣ жила истая геройская душа. Онъ первый выступилъ впередъ и сказалъ: «За тебя, Цезарь, я готовъ пожертвовать собою; я берусь первымъ взойти на стѣну. Да сопутствуетъ мнѣ вмѣстѣ съ моей силой и рѣшимостью еще и твое счастье. Если же мнѣ не суждена удача, такъ знай, что неудача не будетъ для меня неожиданностью, ибо я по своей доброй волѣ иду на смерть за тебя». Послѣ этихъ словъ онъ лѣвой рукой поднялъ свой щитъ надъ головой, правой обнажилъ мечъ и пошелъ къ стѣнѣ около 6 часовъ дня [1]. Изъ всего войска за нимъ послѣдовали одиннадцать соревнователей его храбрости. Во главѣ всѣхъ онъ грянулъ впередъ, точно охваченный божественнымъ вдохновеніемъ. Караулы со стѣны метали въ нихъ копья, осыпали ихъ со всѣхъ сторонъ настоящимъ градомъ стрѣлъ и швыряли громадной величины камни, поразившіе нѣкоторыхъ изъ одиннадцати. Но Сабинъ бросился на встрѣчу выстрѣламъ и, хотя покрытый стрѣлами, не остановился въ своемъ натискѣ до тѣхъ поръ, пока не достигъ вершины и не обратилъ враговъ въ бѣгство. Устрашенные его силой и присутствіемъ духа іудеи бѣжали, предполагая, что вмѣстѣ съ нимъ еще многіе другіе взлѣзли на стѣну. Но тутъ произошелъ случай, подтверждающій, что не безъ основанія упрекаютъ судьбу въ томъ, что она завистлива къ храбрости и всегда ставитъ препятствія чрезвычайнымъ геройскимъ подвигамъ. Когда этотъ человѣкъ достигъ уже своей цѣли, онъ вдругъ поскользнулся, споткнулся о камень и съ грохотомъ упалъ лицомъ внизъ. Іудеи обернулись и, увидѣвъ, что онъ одинъ и лежитъ на землѣ, направили на него со всѣхъ сторонъ свои стрѣлы. Онъ привсталъ на колѣно и вначалѣ еще защищался съ приподнятымъ предъ собою щитомъ, ранивъ при этомъ многихъ, приближавшихся къ нему; но весь израненный онъ опустилъ руку и, осыпанный стрѣлами, наконецъ испустилъ духъ. Человѣкъ этотъ за храбрость свою былъ достоинъ, конечно, лучшей доли, хотя предпринятое имъ дѣло было именно такого рода, что оно должно было стоить ему жизни. Изъ его спутниковъ трехъ, достигшихъ тоже вершины стѣны, іудеи убили камнями; остальные восемь были унесены ранеными обратно въ лагерь. Это произошло 3-го Панема [1].

[1] По нашимъ часамъ—полдень.

7. Спустя два дня двадцать солдатъ изъ среды стоявшей на валахъ стражи сговорились между собою, привлекли къ себѣ еще знаменосца пятаго легіона, двухъ человѣкъ изъ конныхъ отрядовъ и одного трубача и въ 9-мъ часу ночи [2] тайно проникли чрезъ развалины въ Антонію, убили спавшую передовую стражу, заняли стѣну и велѣли трубачу дать сигналъ. Пробужденные этимъ внезапнымъ трубнымъ звукомъ, остальные стражники бросились бѣжать, не успѣвши различить число взобравшихся на стѣну. Страхъ и сигналъ трубы возбудили въ нихъ ложное подозрѣніе, что непріятель всей массой проникъ въ цитадель. Между тѣмъ Титъ, едва только раздался сигналъ, скомандовалъ къ оружію и во главѣ отборной части войска, вмѣстѣ съ предводителями, первый взошелъ въ замокъ. Такъ какъ іудеи бѣжали въ храмъ, то римляне устремились за ними по под-

[1] 3-го Таммуза (іюль).
[2] По нашимъ часамъ, 3-й часъ утра.

земному ходу, прорытому прежде Іоанномъ къ римскимъ валамъ. Мятежники, хотя были раздѣлены на два лагеря подъ начальствомъ Іоанна и Симона, дружно бросились на встрѣчу римлянамъ, сражаясь съ необыкновеннымъ напряженіемъ силъ и удивительнымъ воодушевленіемъ, ибо они хорошо сознавали, что съ завоеваніемъ святилища городъ долженъ пасть. Римляне же усматривали въ занятіи храма начало побѣды. Такимъ образомъ въ воротахъ завязался ожесточенный бой: римляне хотѣли вторгнуться внутрь, чтобы овладѣть и храмомъ, іудеи же старались оттѣснить ихъ къ Антоніи. Стрѣлы и копья для тѣхъ и другихъ были безполезны, они нападали другъ на друга съ обнаженными мечами. Въ пылу битвы нельзя было разобрать на чьей сторонѣ каждый въ отдѣльности сражается, такъ какъ солдаты стояли густой толпой, смѣшавшись между собою въ общей свалкѣ, а изъ-за общаго гула ухо не могло различать отдѣльныхъ кликовъ. На обѣихъ сторонахъ лилось много крови; борцы растаптывали и тѣла, и вооруженіе павшихъ. Смотря по тому, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ, раздавался то побѣдный крикъ наступавшихъ, то вопль отступавшихъ. Но не было мѣста ни для бѣгства, ни для преслѣдованія—безпорядочный бой шелъ съ попеременнымъ успѣхомъ. Стоявшіе впереди должны были или убивать, или давать себя убить, ибо бѣгство было немыслимо изъ-за стоявшихъ въ слѣдующихъ рядахъ, которые своихъ собственныхъ людей толкали все впередъ, не оставляя даже свободнаго пространства между сражающимися. Въ концѣ концовъ свирѣпая отвага іудеевъ одержала верхъ надъ военной опытностью римлянъ, и бой, длившійся отъ девятаго часа ночи до седьмого часа дня [1], совершенно прекратился. Іудеи сражались всей своей массой и съ храбростью, сообщенной имъ опасностью, которая угрожала ихъ городу; римляне же участвовали въ битвѣ только частью своего войска, такъ какъ легіоны, на которыхъ покоилась надежда воюющихъ, еще не вступали въ замокъ. По этой же причинѣ они на этотъ разъ довольствовались занятіемъ только Антоніи.

8. Когда Юліанъ, центуріонъ изъ Виѳиніи, человѣкъ небезызвѣстный, съ которымъ я во время войны лично познакомился, отличавшійся предъ всѣми военной опытностью, тѣлесной силой и мужествомъ, увидѣлъ, что римляне отступаютъ и только слабо защищаются, онъ выскочилъ изъ замка, гдѣ стоялъ возлѣ Тита, и самъ одинъ отогналъ побѣждавшихъ уже іудеевъ до угла внутренняго храмового двора. Они бѣжали всей толпой, такъ какъ его сила и смѣлость казалась имъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Онъ же мчался среди бѣгущей толпы съ одной стороны на другую и убивалъ всякаго попадавшагося ему на пути. Это зрѣлище возбуждало въ высшей степени удивленіе Цезаря и наполняло величайшимъ страхомъ другихъ. Но и его преслѣдовала судьба, которой не можетъ избѣгнуть ни одинъ смертный. Онъ носилъ, подобно прочимъ солдатамъ, обувь, густо-подбитую острыми гвоздями; и вотъ, когда онъ пересѣкалъ мостовую, онъ поскользнулся и упалъ навзничь; громко звякнуло его оружіе и раздавшійся грохотъ, обращая на себя вниманіе бѣжавшихъ, заставилъ ихъ вернуться. Римляне, увидѣвъ его съ Антоніи въ опасности, издали вопль отчаянія; іудеи же окружили его густой толпой и со всѣхъ сторонъ направили на него свои копья и мечи. Первые удары онъ отражалъ своимъ щитомъ и нѣсколько разъ дѣлалъ попытку встать, но пересиленный многочисленностью нападавшихъ, онъ каждый разъ падалъ опять на землю. Однако, и лежа онъ многихъ ранилъ своимъ мечемъ; ибо сразу его не могли убить: его шлемъ и щитъ прикрывали всѣ уязвимыя мѣста тѣла, а шею онъ стянулъ; лишь когда остальные части тѣла были изрублены и никто не осмѣлился придти ему на помощь, онъ сдался. Глубокое сострадание охватило Цезаря при видѣ этого доблестнаго героя, убитаго на глазахъ столь многочисленныхъ его боевыхъ товарищей; онъ самъ охотно поскакалъ бы къ нему на помощь, но мѣстоположеніе сдѣлало это для него невозможнымъ; тѣ же, которые могли бы это сдѣлать, были парализованы страхомъ. Послѣ ожесточеннаго боя, изъ котораго лишь немногіе изъ его убійцъ вышли невредимыми, Юліанъ съ трудомъ былъ окончательно убитъ, оставивъ по себѣ славную память не только у римлянъ и Цезаря, но и среди враговъ своихъ. Іудеи, похитивши его тѣло, еще разъ обратили римлянъ въ бѣгство и заперли ихъ въ Антоніи. На ихъ сторонѣ отличились въ этомъ сраженіи: изъ войска Іоанна—Алексасъ и Гифтей; изъ войска Симона—Малахія и Іуда сынъ Мертона и предводитель идумеевъ Яковъ сынъ Сосы; а изъ среды зелотовъ—два брата Симонъ и Іуда, сыновья Іаира.

[1] Т. е. отъ 3-го часа утра до 1-го часа пополудни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Титъ, повелѣвъ разрушить Антонію, побуждаетъ Іосифа вновь обратиться къ іудеямъ со словомъ увѣщанія.

1. Титъ отдалъ приказъ солдатамъ разрушить фундаментъ Антоніи для того, чтобы открыть всему войску удобную дорогу. Въ тотъ-же день—

это было семнадцатаго Панема [1] — онъ узналъ, что принесеніе жертвы, называемой постоянной [2], по недостатку людей было пріостановлено и что народъ этимъ крайне удрученъ. Онъ пригласилъ къ себѣ поэтому Іосифа и приказалъ ему повторить еще разъ Іоанну, что — «если онъ все еще одержимъ непростительной страстью къ борьбѣ, — то можетъ вывести противъ него сколько угодно войска, но пусть не вовлечетъ въ свою гибель также города и храма и пусть перестанетъ осквернять святилище и грѣшить передъ Богомъ. Ему предоставляется возобновить пріостановленное жертвоприношеніе при помощи іудеевъ, которыхъ онъ самъ можетъ избрать [3]. Іосифъ избралъ себѣ такое мѣсто, съ котораго онъ могъ быть услышаннымъ не только Іоанномъ, но и массой народа, и, объявивъ имъ на еврейскомъ языкѣ то, что поручилъ ему сказать Титъ, присовокупилъ еще свою неоднократную просьбу, чтобы «они пощадили родной городъ, предотвратили огонь, который уже лижетъ храмъ, и опять приносили-бы Богу обычныя жертвы». Народъ былъ глубоко сокрушенъ его рѣчью и молчалъ; но тиранъ осыпалъ Іосифа руганью и проклятіями и закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Разрушенія города я разъ на всегда не боюсь, ибо городъ принадлежитъ Богу». Въ отвѣтъ на это Іосифъ громко воскликнулъ:

«Да! Ты сохранилъ городъ во всей чистотѣ нашему Богу, святилище также осталось незапятнаннымъ; ты ничѣмъ не согрѣшилъ предъ тѣмъ, на чью помощь ты уповаешь, и Онъ до сихъ поръ получаетъ отъ тебя стародавнія жертвы! О, ты, гнусный человѣкъ! Если-бы кто-нибудь лишилъ тебя повседневнаго питанія, ты считалъ-бы того своимъ врагомъ, а Бога, Котораго ты лишилъ вѣками установленной службы, ты считаешь союзникомъ твоей борьбы! Ты хочешь взвалить твои грѣхи на римлянъ, а между тѣмъ они до сихъ поръ еще уважаютъ наши законы и настоятельно требуютъ, чтобъ упраздненныя тобою жертвоприношенія опять возобновились. Какъ не вопіять, какъ не оплакивать города при видѣ столь неестественной перемѣны?

[1] 17 Таммуза (іюль). О прекращеніи ежедневнаго жертвоприношенія въ 17-й день Таммуза сообщается также въ Мишнѣ (Таанитъ IV, 6). Этотъ день, какъ извѣстно, еще по сіе время посвящается посту ежегодно.

[2] Всесожженіе постоянное (Исходъ 29, 38—42), приносившееся утромъ и вечеромъ.

[3] Такъ какъ жертвоприношеніе пріостановлено было вслѣдствіе недостатка людей, то Титъ предложилъ ему избрать изъ находившихся у ного плѣнниковъ лицъ, нужныхъ для жертвоприношенія. Отсюда видно, что чтеніе ἀνδρῶ ἀπορία, вмѣсто котораго нѣкоторые предлагаютъ читать ἀμνῶν απορία (вслѣдствіе недостатка агнцовъ) вполнѣ правильно.

Чужіе и враги хотятъ возстановить то, что ты безбожно нарушилъ; ты-же, іудей, рожденный и воспитанный въ законѣ, кощунствуешь хуже всякаго врага. Но, Іоаннъ, и въ самую послѣднюю минуту еще не стыдно отстать отъ зла. Если хочешь, то прекрасный примѣръ спасенія государства представляетъ тебѣ Іехонія, царь іудейскій, который однажды, когда вавилонянинъ выступилъ противъ него войной, самъ покинулъ городъ и вмѣстѣ со своимъ семействомъ сдался въ добровольный плѣнъ для того, чтобы не быть вынужденнымъ отдать это святилище врагу, чтобы спасти Божій храмъ отъ сожженія [1]. За то же онъ прославляется устами всего народа въ священной пѣснѣ, за то память о немъ, переходя изъ рода въ родъ, остается безсмертной до позднѣйшихъ поколѣній. Прекрасный примѣръ для тебя, Іоаннъ, будь даже подражаніе ему связано съ опасностью! Но я ручаюсь тебѣ за прощеніе со стороны римлянъ. Вспомни, что я совѣтую тебѣ, какъ соотечественникъ и обѣщаю, какъ іудей; и ты долженъ принять во вниманіе, отъ кого и въ какомъ смыслѣ исходитъ совѣтъ. Никогда не случится, чтобы я продолжалъ жить въ плѣну, отрекаясь отъ своего народа и забывая свою отчизну. Опять ты негодуешь и кричишь, осыпая меня твоей руганью! Да, я заслуживаю еще худшаго обращенія, ибо я на перекоръ судьбѣ подаю еще совѣты и насильно хочу спасти людей, отверженныхъ Богомъ. Кто не знаетъ писанія древнихъ пророковъ и ихъ предсказаній объ этомъ несчастномъ городѣ, предсказанія, которыя теперь именно близятся къ осуществленію? Они предвѣщали, что тогда городъ падетъ, когда кто-нибудь начнетъ проливать кровь своихъ соплеменниковъ (IV, 6,3). А развѣ городъ и весь храмъ не полны труповъ вами убитыхъ? Оттого то самъ Богъ вмѣстѣ съ римлянами приближаетъ очистительный огонь къ храму и огнемъ-же очищаетъ обремененный столь ужасными злодѣяніями городъ».

2. Такъ говорилъ Іосифъ съ воплями и слезами, пока рыданія не прервали его рѣчи. Римляне прониклись сожалѣніемъ къ его горю и съ уваженіемъ отнеслись къ его добрымъ пожеланіямъ; люди-же Іоанна еще больше ожесточились противъ римлянъ, такъ какъ они горѣли желаніемъ овладѣть личностью Іосифа. Однако, многіе изъ знатнаго сословія были тронуты его рѣчью; многіе хотя не надѣялись на свое спасеніе или сохраненіе города, остались на мѣстѣ изъ страха предъ стражей бунтовщиковъ, нѣкоторые же улучали моменты, благопріятствовавшіе безопасному бѣгству, и переходили къ римлянамъ. Въ числѣ ихъ

[1] Вторая книга царствъ 24, 12.

находились первосвященники и сыновья первосвященниковъ, Іосифъ и Іошуа, три сына Измаила, обезглавленнаго въ Киренѣ, четыре сына Матѳіи и сынъ другого Матѳіи, который послѣ того, какъ Симонъ сынъ Гіоры казнилъ его отца и трехъ братьевъ, одинъ лишь спасся, какъ уже было сообщено выше (V, 13, 1). Вмѣстѣ съ первосвященниками перешли къ римлянамъ еще многія другія знатныя лица. Титъ не только принялъ ихъ дружелюбно, но зная, что имъ не совсѣмъ удобно будетъ жить среди народа съ чужими нравами, отпустилъ ихъ на время въ Гофну съ обѣщаніемъ по окончаніи войны возвратить каждому его имущество. Съ радостью и въ полной безопасности они отправились въ указанный имъ городокъ. Мятежники-же, не замѣчая ихъ больше въ лагерѣ, съ понятной цѣлью удержать остальныхъ отъ перехода къ римлянамъ, опять распространили слухъ, что перебѣжчики умерщвлены послѣдними. Нѣкоторое время эта хитрость пользовалась тѣмъ-же успѣхомъ, какъ и прежде (V, 11, 2), и дѣйствительно удерживала людей отъ перехода къ врагамъ.

3. Но впослѣдствіи, когда Титъ вернулъ іудеевъ изъ Гофны и приказалъ имъ въ сопровожденіи Іосифа обойти всю стѣну кругомъ, масса людей опять бѣжала къ римлянамъ. Собравшись въ кружокъ въ присутствіи римлянъ, они съ плачемъ и рыданіями умоляли мятежниковъ прежде всего открыть весь городъ римлянамъ и еще разъ спасти отечество, или-же по крайней мѣрѣ удалиться совершенно изъ святилища и сохранить для нихъ храмъ; ибо всей своей смѣлостью они не будутъ въ состояніи воспрепятствовать, чтобы римляне, доведенные до крайности, не предали святилища огню. Но это только усилило упорство мятежниковъ: они отвѣтили перебѣжчикамъ массой ругательствъ и помѣстили на священныхъ стѣнахъ метательныя машины, катапульты и балисты, такъ что храмъ принялъ видъ крѣпости, между тѣмъ какъ окружавшія его святыя мѣста, по многочисленности труповъ, походили на кладбище. Въ святилищѣ и въ святая-святыхъ они сновали съ оружіемъ взадъ и впередъ, съ руками, дымившимися еще отъ крови братоубійства, и такъ далеко заходили въ своемъ святотатствѣ, что то негодованіе, которое было-бы естественно для іудеевъ, если-бы римляне столь оскорбительнымъ образомъ дѣйствовали противъ нихъ, испытывали наоборотъ римляне противъ іудеевъ, такъ жестоко грѣшившихъ противъ своихъ собственныхъ святынь. Ни одинъ простой даже солдатъ не могъ взирать на храмъ безъ страха, чувства благоговѣнія и безъ желанія, чтобы разбойники остановились прежде, чѣмъ несчастье сдѣлается неисправимымъ.

4. Въ пылу негодованія Титъ еще разъ обратился съ упреками къ Іоанну и его приверженцамъ: «Не вы ли, безбожники, устроили эту ограду (V, 5, 2) вокругъ святилища? Не вы ли у нея воздвигли тѣ столбы, на которыхъ на эллинскомъ и нашемъ языкахъ вырѣзанъ запретъ, что никто не долженъ переступить черезъ нее? Не предоставляли ли мы вамъ права карать смертью нарушителя этого запрещенія, если бы даже онъ былъ римляниномъ? И что же, теперь вы, нечестивцы, въ тѣхъ же мѣстахъ топчете ногами тѣла умершихъ, пятнаете храмъ кровью иноплеменниковъ и своихъ! Я призываю въ свидѣтели боговъ моего отечества и Того, Который нѣкогда—но не теперь—милостиво взиралъ на это мѣсто, ссылаюсь также на мое войско, на іудеевъ въ моемъ лагерѣ и на васъ самихъ, что я васъ не принуждалъ осквернять эти мѣста; и если вы изберете себѣ другое мѣсто сраженія, то никто изъ римлянъ не ступитъ ногой въ святилище и не прикоснется къ нему. Храмъ я сохраню для васъ даже противъ вашей воли».

5. Когда Іосифъ объявилъ имъ это со словъ Цезаря, разбойники съ тираномъ во главѣ только возгордились въ томъ чаяніи, что не доброе пожеланіе, а трусость внушила ему это предложеніе. Титъ увидѣлъ тогда, что эти люди не имѣютъ сожалѣнія ни къ самимъ себѣ, ни къ храму, и приступилъ опять къ военнымъ дѣйствіямъ, хотя неохотно. Надвинуть на нихъ всю армію было невозможно, такъ какъ для нея не хватало мѣста. Поэтому онъ изъ каждой сотни солдатъ избралъ по тридцати храбрѣйшихъ, поставилъ каждую тысячу подъ командой особаго трибуна, самихъ трибуновъ подъ начальствомъ Цереала и отдалъ приказъ напасть на стражи въ девятомъ часу ночи [1]. И самъ онъ надѣлъ доспѣхи, рѣшившись тоже участвовать въ бою; но его друзья удерживали его отъ этого намѣренія въ виду серьезной опасности. Къ нимъ присоединились также военачальники, которые сказали ему: «Онъ принесетъ больше пользы дѣлу, если останется спокойно на Антоніи и займетъ предъ войскомъ постъ боевого судьи, вмѣсто того, чтобы сойти внизъ и лично руководить сраженіемъ, ибо предъ глазами своего Цезаря солдаты будутъ совершать чудеса храбрости». Цезарь далъ себя уговорить и объявилъ солдатамъ: «онъ позволяетъ себѣ остаться только для того, чтобы быть въ состояніи цѣнить ихъ храбрость; чтобы всякій смѣлый воинъ былъ награжденъ, а трусливый—наказанъ; чтобъ онъ, властный карать и возвышать, былъ вмѣстѣ

[1] Т. е. въ 3-мъ часу утра.

съ тѣмъ очевидцемъ ихъ заслугъ». Съ этими словами онъ къ упомянутому часу отпустилъ назначенное въ дѣло войско, а самъ отправился на сторожевую башню и сталъ выжидать событій.

6. Посланное для нападенія войско не нашло, какъ оно надѣялось, стражей спящими; послѣдніе, напротивъ, бросились съ крикомъ на встрѣчу и немедленно вступили въ схватку; на крикъ передовыхъ карауловъ и остальные густыми рядами ринулись извнутри. Римляне выдержали первый натискъ; тогда задніе ряды наталкивались уже на своихъ собственныхъ людей, вслѣдствіе чего многіе терпѣли отъ своихъ соратниковъ, какъ отъ враговъ. Узнавать другъ друга по боевому клику нельзя было изъ-за смѣшаннаго гула обоихъ сражавшихся лагерей; зрѣніе затемнялось ночью, не говоря уже о томъ, что однихъ ослѣпляла ярость, а другихъ страхъ, а потому бились они не оглядываясь, не обращая вниманія на то, въ кого попадаютъ. Римляне, которые тѣсно сомкнули щиты между собою и двигались въ порядкѣ, меньше страдали отъ этого хаоса, тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ зналъ свой пароль. Іудеи-же, которые то разсѣевались, то бросались впередъ безъ плана и опять отступали, нерѣдко являлись другъ для друга непріятелями: отступавшаго друга иной принималъ въ темнотѣ за нападавшаго недруга. Словомъ, больше іудеевъ было ранено ихъ же соотечественниками, чѣмъ римлянами. Только съ наступленіемъ утренней зари сражающіеся могли видѣть и отличить другъ друга; тогда они разъединились и въ пространствѣ: бой принялъ правильный ходъ, нападеніе и оборона послѣдовали въ стройномъ порядкѣ. Но ни одна часть не отступала и не уставала: римляне, занятые мыслями о Цезарѣ, наблюдавшемъ за ними, соперничали между собою: солдатъ съ солдатомъ, отрядъ съ отрядомъ; каждый надѣялся, что этотъ день, если онъ храбро будетъ сражаться, будетъ для него началомъ повышенія. Смѣлость іудеевъ разжигалась страхомъ за самихъ себя и за святилище, равно какъ и присутствіемъ тирана, который однихъ воодушевлялъ призывами, другихъ принуждалъ плетьми и угрозами. Битва же ограничивалась почти все время однимъ и тѣмъ же мѣстомъ, выходя изъ его предѣловъ въ одну, или въ другую сторону только краткими промежутками и то не на большія разстоянія; ибо ни одна часть не имѣла мѣста ни для бѣгства, ни для преслѣдованія. Каждая перемѣна въ сраженіи сопровождалась оглушительными кликами римлянъ съ высоты Антоніи, которые то воодушевляли своихъ, когда они осиливали непріятеля, то призывали ихъ къ твердости, когда они ослабѣвали. Дѣло походило на бой въ циркѣ, ибо

ничто изъ происходившаго въ сраженіи не ускользало отъ глазъ Тита и его свиты. Наконецъ, разошлись бойцы послѣ пятаго часа дня, начавъ битву въ девятомъ часу ночи [1]. Ни одна сторона не привела другой къ рѣшительному отступленію—побѣда осталась нерѣшенной. Изъ среды римлянъ многіе отличились въ томъ сраженіи, а изъ іудеевъ наиболѣе выдвинулись: Іуда сынъ Мертона и Симонъ сынъ Іосіи изъ войска Симона; изъ идумеевъ—Яковъ и Симонъ: первый сынъ Сосы, второй—Каѳлы; изъ людей Іоанна—Гифтей и Алексасъ, а изъ зелотовъ Симонъ, сынъ Іаира.

7. Между тѣмъ остальная часть римскаго войска послѣ семидневной работы [2] разрушила фундаменты Антоніи [3] и устраивала широкую дорогу до самаго храма. Приблизившись такимъ образомъ къ первой стѣнѣ, легіоны начали строить валы: одинъ противъ сѣверо-западнаго угла внутренняго храма, второй—вблизи сѣверной паперти, между двумя воротами, а изъ остальныхъ двухъ—одинъ у западной галлереи наружнаго храма и другой—у сѣверной галлереи снаружи. Сооруженіе этихъ укрѣпленій стоило, однако, много усилій и трудовъ,—лѣсной матеріалъ нужно было доставлять за сто стадій; кромѣ того римляне часто терпѣли отъ непріятельскихъ засадъ; ибо громадное превосходство дѣлало ихъ безпечными, между тѣмъ какъ іудеи изъ отчаянія дѣлались все смѣлѣе и отважнѣе. Нѣкоторые всадники, отправляясь за дровами или сѣномъ, оставляли, пока они собирали нужное, своихъ лошадей безъ узды на пастбищѣ; іудеи тогда дѣлали вылазки толпами и похищали ихъ. Такъ какъ такіе случаи повторялись очень часто, то Титъ заключилъ, какъ это и было на дѣлѣ, что причина этихъ потерь лежитъ больше въ небрежности его собственныхъ людей, чѣмъ въ храбрости іудеевъ, и рѣшилъ поэтому строгостью заставить ихъ лучше беречь своихъ лошадей. Въ виду этого онъ приказалъ казнить одного изъ солдатъ, лишившагося своей лошади, и этимъ устрашающимъ примѣромъ сохранилъ коней остальнымъ; ибо отнынѣ солдаты болѣе не оставляли ихъ свободно пастись, а, словно приросшіе къ лошадямъ, выѣзжали для исполненія упомянутыхъ обязанностей. Тѣмъ временемъ храмъ съ сооруженіемъ валовъ былъ приведенъ въ осадное положеніе.

8. На другой день послѣ нападенія римлянъ многіе мятежники, го-

[1] Иными словами, битва началась въ 3-мъ часу утра и кончилась въ 12-мъ часу дня.

[2] Т. е. 24-го Панема или Таммуза.

[3] Не вся Антонія была разрушена, ибо, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа, на Антоніи помѣщалась квартира Тита.

нимые голодомъ, который они не могли уже утолять грабежами, соединились и сдѣлали вылазку въ одиннадцатомъ часу дня [1] противъ римскаго стана Елеонской горы. Они надѣялись пробиться чрезъ него безъ труда, полагая, что застигнутъ римлянъ врасплохъ, во время ихъ отдыха. Но римляне своевременно замѣтили ихъ намѣреніе и сбѣжались съ ближайшихъ постовъ для того, чтобы помѣшать ихъ переходу чрезъ лагерный валъ и насильственному вторженію въ станъ. Въ завязавшемся ожесточенномъ бою обѣ стороны совершали чудеса храбрости; римляне проявляли всю свою мощную силу и опытность, іудеи—свирѣпую стремительность и неукротимую ярость; первые—по чувству чести, послѣдніе—по необходимости. Римляне считали величайшимъ стыдомъ для себя дать на этотъ разъ ускользнуть іудеямъ, когда они уже были окутаны кругомъ какъ бы сѣтью; іудеи же могли надѣяться на спасеніе только въ томъ случаѣ, когда они силой пробьются сквозь шанцы. Въ отдѣльности заслуживаетъ упоминанія подвигъ одного всадника по имени Педанія. Когда іудеи были уже обращены въ бѣгство и оттиснуты въ долину, тотъ налетѣлъ на нихъ съ боку во весь опоръ, схватилъ на бѣгу крѣпкаго, вооруженнаго юношу за пяту и вмѣстѣ съ нимъ ускакалъ прочь: такъ низко онъ перегнулся чрезъ мчавшуюся во всю прыть лошадь, такъ велика была сила руки и всего его тѣла и ловкость его въ верховой ѣздѣ. Точно какую-нибудь драгоцѣнность онъ принесъ плѣнника къ Титу. Послѣдній изумился силѣ всадника, плѣнника же приказалъ казнить за нападеніе на шанцы. Послѣ этого онъ опять отправился къ войску, стоявшему возлѣ храма, и подгонялъ рабочихъ къ скорѣйшему окончанію валовъ.

9. Іудеи между тѣмъ, увидѣвъ, что въ сраженіяхъ они постоянно терпятъ потери, а опасность войны все ближе надвигается и стучится уже въ ворота храма, отрѣзали пораженные члены, какъ обыкновенно поступаютъ съ воспаленнымъ тѣломъ, когда хотятъ предотвратить распространеніе болѣзни. Они сожгли ту часть сѣверо-западной галлереи храма [2], которая была соединена съ Антоніей, и сломали ее еще дальше на протяженіи двадцати локтей. Такимъ образомъ они первые своими собственными руками начали уничтожать огнемъ священныя зданія. Два дня спустя, въ 24-й день упомянутаго выше мѣсяца [3], римляне тоже сожгли находившуюся въ сосѣдствѣ галлерею, а когда огонь охватилъ площадь въ пятнадцать локтей, іудеи еще помогли имъ и сорвали крышу. Имѣя возможность бороться съ огнемъ, они не только не препятствовали ему, но сами еще истребляли все, что находилось между ними и Антоніей. Невозмутимо глядѣли они на пожаръ и давали ему производить свои опустошенія, на сколько это было въ ихъ собственныхъ интересахъ. Вокругъ храма, однако, борьба не прекращалась; стычки между мелкими отрядами происходили безпрерывно.

[1] 5-й часъ пополудни.

[2] Это произошло 22-го Таммуза.

[3] 24-й Панема, или 24-й Таммуза (іюль).

10. Въ тѣ дни изъ среды іудеевъ выступилъ нѣкто Іонаѳанъ, низенькій, невзрачный по происхожденію и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ человѣкъ незначительный; появлялся онъ всегда у гробницы первосвященника Іоанна и, разражаясь высокомѣрными рѣчами противъ римлянъ, вызывалъ храбрѣйшаго изъ нихъ на поединокъ. Большинство расположенныхъ тамъ солдатъ считало его недостойнымъ вниманія, иные, напротивъ, какъ казалось, побаивались его; другіе разумно разсуждали, что съ человѣкомъ, ищущимъ смерти, не слѣдуетъ пускаться въ бой, ибо отчаявшіеся обладаютъ безграничной яростью, и нѣтъ у нихъ страха Божія; рискующій же своей жизнью въ борьбѣ, выигрышъ которой не можетъ принести особенно великой славы, а проигрышъ сопряженъ не только съ позоромъ, но съ опасностью, обнаруживаетъ больше бѣшеной отваги, чѣмъ мужества. Долгое время поэтому никто не откликнулся на его зовъ; но когда іудей—большой хвастунъ и ненавистникъ римлянъ—началъ надъ ними насмѣхаться и упрекать въ трусости, выступилъ конный солдатъ Пуденій, возмущенный его словами и чванливостью,—а быть можетъ потому, что относился къ его малорослой фигурѣ съ пренебреженіемъ,—и завязалъ съ нимъ рукопашный бой. Хотя въ общемъ онъ превосходилъ своего противника, но счастье ему измѣнило, и онъ упалъ на землю. На упавшаго наскочилъ Іонаѳанъ, пронзилъ его, а затѣмъ сталъ ногами на его трупъ, раскачивалъ правой рукой окровавленный мечъ, а лѣвой рукой щитъ, торжествовалъ предъ лицомъ всего войска, хвасталъ паденіемъ воина и такъ онъ издѣвался надъ римлянами, пока центуріонъ Прискъ среди его прыганья и хвастливой болтовни не прострѣлилъ его насквозь стрѣлой. При видѣ этого іудеи и римляне, движимые совершенно противоположными чувствами, издали громкій крикъ. Скривившись отъ боли, іудей упалъ надъ тѣломъ своего противника, являя тѣмъ живое доказательство, какъ быстро на войнѣ слѣдуетъ за незаслуженнымъ счастьемъ должное возмездіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О хитромъ замыслѣ іудеевъ, благодаря которому было сожжено много римлянъ. — Дальнѣйшее описаніе страшнаго голода.

1. Мятежники въ храмѣ не только продолжали открытую борьбу съ расположенными на валахъ солдатами, но 27-го Панема [1] провели еще военную хитрость. Они заполнили промежутки между балками и кровлей западной галлереи сухими дровами, асфальтомъ и смолой, а затѣмъ удалились, дѣлая видъ, что устали бороться. Многіе менѣе осторожные римляне въ своей горячности пустились преслѣдовать отступавшихъ и съ помощью лѣстницъ вскочили на галлерею; но разсудительные, которымъ неожиданное отступленіе іудеевъ показалось лишеннымъ всякаго разумнаго основанія, остались на мѣстѣ И дѣйствительно, лишь только галлерея наполнилась вторгнувшимися, іудеи подожгли ее со всѣхъ сторонъ. Внезапно вспыхнувшее пламя навело панику на стоявшихъ внѣ опасности римлянъ и ввергло въ отчаяніе находившихся внутри галлереи. Объятые со всѣхъ сторонъ огнемъ, одни бросались назадъ, въ городъ, другіе къ непріятелямъ; но прыгая съ галлереи въ надеждѣ спасти себя, они ломали себѣ члены. Въ большинствѣ случаевъ попытки къ бѣгству предупреждались огнемъ, а иные предупреждали огонь мечемъ. Распространившійся повсюду огонь быстро охватилъ также и тѣхъ, которые уже умерли иной смертью. Какъ ни негодовалъ Цезарь противъ несчастныхъ, безъ приказанія взобравшихся на галлерею, онъ все таки чувствовалъ и жалость къ нимъ, тѣмъ болѣе, что никто не могъ оказать имъ никакой помощи. И это было утѣшеніемъ для погибавшихъ; ибо они видѣли, какъ убивается по нихъ тотъ, которому они принесли себя въ жертву, какъ онъ силится ободрить ихъ, какъ онъ призываетъ всѣхъ окружающихъ оказывать имъ возможную помощь. Эти призывы, эту скорбь Цезаря каждый принималъ какъ погребальную почесть, и умиралъ съ радостью. Нѣкоторые, впрочемъ, спасались отъ огня на широкую стѣну портика, но здѣсь они были окружены іудеями и послѣ долгаго сопротивленія, которое они оказали, не взирая на свои тяжелыя раны, погибли, наконецъ, всѣ.

2. Самымъ послѣднимъ изъ нихъ палъ юноша, по имени Лонгъ. Его доблесть послужила украшеніемъ этого злосчастнаго происшествія. Изъ всѣхъ погибшихъ здѣсь достопамятнымъ образомъ онъ оказался храбрѣйшимъ. Іудеи, удивляясь его смѣлости и желая овладѣть имъ, убѣждали его сойти и ввѣриться имъ на слово; но съ другой стороны, братъ его Корнелій заклиналъ его не позорить себя и римскаго войска. Онъ послушался брата и на виду обѣихъ армій размахнулся своимъ мечемъ и закололъ себя. Изъ людей, охваченныхъ пламенемъ, спасся одинъ, по имени Арторій, благодаря такой хитрости. Онъ крикнулъ своему товарищу по палаткѣ, Луцію, громкимъ голосомъ: «я назначаю тебя наслѣдникомъ всего моего состоянія, если ты подойдешь и подхватишь меня». Тотъ съ радостью подбѣжалъ къ нему; но въ то время, когда прыгнувшій на него остался невредимъ, самъ онъ тяжестью его такъ сильно былъ придавленъ къ мостовой, что на мѣстѣ умеръ. Описанный случай, хотя и подавилъ на минуту духъ римлянъ, но въ то же время сдѣлалъ ихъ болѣе осторожными на будущее; онъ принесъ имъ ту пользу, что они отнынѣ не поддавались ни на какія хитрости іудеевъ, отъ которыхъ они, вслѣдствіе незнанія мѣстности и людей, съ которыми имѣли дѣло, такъ часто терпѣли. Сама галлерея сгорѣла до Іоанновой башни, называемой такъ по имени Іоанна, который построилъ ее надъ выходными воротами колоннады Ксиста, во время своей борьбы съ Симономъ. То, что уцѣлѣло отъ огня, іудеи разрушили, покрывая развалинами тѣла погибшихъ. На слѣдующій день римляне въ свою очередь сожгли еще всю сѣверную галлерею до восточной. Уголъ, въ который упирались обѣ эти галлереи, возвышался надъ самымъ глубокимъ мѣстомъ Кидронской долины. Въ такомъ положеніи находилась ближайшая окрестность храма.

3. Въ городѣ между тѣмъ голодъ похищалъ неисчислимыя жертвы и причинялъ невыразимыя бѣдствія. Въ отдѣльныхъ домахъ, гдѣ только появлялась тѣнь пищи, завязывалась смертельная борьба: лучшіе друзья вступали между собою въ драку и отнимали другъ у друга тѣ жалкія средства, которыя могли еще продлить ихъ существованіе; даже умиравшимъ не вѣрили, что они уже ничего не имѣютъ: разбойники обыскивали таких, которые лежали при послѣднемъ издыханіи, чтобы убѣдиться, не притворяется ли кто нибудь изъ нихъ умирающимъ, а все-таки скрываетъ за пазухой что-либо съѣдобное. Съ широко разинутыми ртами, какъ бѣшеныя собаки, они блуждали повсюду, вламывались, какъ опьяненные, въ первыя встрѣчныя двери—изъ отчаянія врывались въ домъ даже по два, по три раза въ одинъ часъ. Нужда заставляла людей все хватать зубами; даже предметы, негодные для самой нечистоплотной и неразумной твари,

[1] 27-го Тамуза (іюль-августъ).

они собирали и не гнушались поѣдать ихъ. Они прибѣгали, наконецъ, къ поясамъ и башмакамъ, жевали кожу, которую срывали со своихъ щитовъ. Иные пытались остатками стараго сѣна, а нѣкоторые собирали жилки отъ мяса и самое незначительное количество ихъ продавали по четыре аттика. Но зачѣмъ мнѣ описывать жадность, съ какой голодъ набрасывался на безжизненные предметы? Я намѣренъ сообщить такой фактъ, подобнаго которому не было никогда ни у эллиновъ, ни у варваровъ. Едва ли даже повѣрятъ моему страшному разсказу. Не имѣй я безчисленныхъ свидѣтелей и между моими современниками, я съ большой охотой умолчалъ бы объ этомъ печальномъ фактѣ, чтобы не прослыть предъ потомствомъ разсказчикомъ небылицъ. Съ другой стороны, я оказалъ бы моей родинѣ дурную услугу, если бы не передавалъ хоть словами того, что она въ дѣйствительности испытала.

4. Женщина изъ-за Іордана, по имени Марія, дочь Элеазара изъ деревни Бетъ-Эзобъ (что означаетъ домъ иссопа) [1], славившаяся своимъ происхожденіемъ и богатствомъ, бѣжала оттуда въ числѣ прочихъ въ Іерусалимъ, гдѣ она вмѣстѣ съ другими переносила осаду. Богатство, которое она, бѣжавъ изъ Переи, привезла съ собою въ Іерусалимъ, давно уже было разграблено тиранами; сохранившіяся еще у нея драгоцѣнности, а также съѣстные припасы, какіе только можно было отыскать, расхищали солдаты, вторгавшіеся каждый день въ ея домъ. Крайнее ожесточеніе овладѣло женщиной. Часто она старалась раздразнить противъ себя разбойниковъ ругательствами и проклятіями. Но когда никто ни со злости, ни изъ жалости не хотѣлъ убить ее, а она сама устала уже пріискивать пищу только для другихъ, тѣмъ болѣе теперь, когда и всѣ поиски были напрасны, ее началъ томить безпощадный голодъ, проникавшій до мозга костей; но еще сильнѣе голода возгорѣлся въ ней гнѣвъ. Тогда она, отдавшись всецѣло поѣдавшему ее чувству злобы и голода, рѣшилась на противоестественное,—схватила своего грудного младенца и сказала: «Несчастный малютка! Среди войны, голода и мятежа для кого вскормлю тебя? У римлянъ, если даже они намъ подарятъ жизнь, насъ ожидаетъ рабство; еще до рабства наступилъ уже голодъ, а мятежники страшнѣе ихъ обоихъ. Такъ будь же пищей для меня, мстительнымъ духомъ для мятежниковъ и миѳомъ,—котораго одного недостаетъ еще несчастью іудеевъ—для живущихъ!» Съ этими словами она умертвила своего

[1] По еврейски בית אזוב.

сына, изжарила его и съѣла одну половину; другую половину она прикрыла и оставила. Не пришлось долго ожидать, какъ предъ нею стояли уже мятежники, которые, какъ только почуяли запахъ гнуснаго жаркого, сейчасъ же стали грозить ей смертью, если она не выдастъ приготовленнаго ею. — «Я сберегла для васъ еще приличную порцію», сказала она и открыла остатокъ ребенка. Дрожь и ужасъ прошелъ по ихъ тѣлу, и они стали предъ этимъ зрѣлищемъ, какъ пораженные. Она продолжала: «Это мое родное дитя и это дѣло моихъ рукъ. Ѣшьте, ибо и я ѣла. Не будьте мягче женщины и сердобольнѣе матери. Что вы совѣститесь? Вамъ страшно за мою жертву? Хорошо же, я сама доѣмъ остальное, какъ съѣла и первую половину!» Въ страхѣ и трепетѣ разбойники удалились. Этого было для нихъ уже чрезъ-чуръ много; этотъ обѣдъ они, хотя и неохотно, предоставили матери. Вѣсть объ этомъ вопіющемъ дѣлѣ тотчасъ распространилась по всему городу. Каждый содрагался, когда представлялъ его себѣ предъ глазами, точно онъ самъ совершалъ его. Голодавшіе отнынѣ жаждали только смерти и завидовали счастливой долѣ ушедшихъ уже въ вѣчность, которые не видывали и не слыхивали такого несчастья [1].

5. Случай этотъ быстро сдѣлался извѣстнымъ также и среди римлянъ. Многіе отказывались ему вѣрить, другіе почувствовали состраданіе, но большинство воспылало еще большей ненавистью къ народу. Титъ и по этому поводу принесъ свое оправданіе предъ Богомъ и сказалъ: «Миръ, религіозную свободу и прощеніе за всѣ ихъ поступки я предлагалъ іудеямъ; но они избрали себѣ вмѣсто единенія раздоры, вмѣсто мира войну, вмѣсто довольствія и благоденствія голодъ; они собственными руками начали поджигать святилище, которое мы хотѣли сохранить, и они же являются виновниками употребленія такой пищи. Но я прикрою теперь позоръ поживанія своихъ дѣтей развалинами ихъ столицы. Да не свѣтитъ впредь солнце надъ городомъ, въ которомъ матери питаются такимъ образомъ. Такой пищи болѣе уже достойны отцы, которые и послѣ подобнаго несчастья все еще стоятъ подъ оружіемъ». Говоря такимъ образомъ, Титъ внутренно былъ убѣжденъ, что эти люди дошли уже до полнѣйшаго отчаянія и, испытавши все, уже болѣе не способны одуматься; вотъ если-бы они еще не пережили всего этого, тогда можно было бы еще надѣятся на перемѣну ихъ образа мыслей.

[1] Подобныя же сцены умерщвленія и съѣданія матерями своихъ дѣтей разсказываются: въ тракт. Гиттинъ 56а, Мидрашъ Эха ad. 1, 16 и 2, 19.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По окончаніи валовъ, когда и дѣйствіе тарановъ оказалось безуспѣшнымъ, Титъ приказалъ поджечь ворота; вскорѣ послѣ этого противъ его воли былъ подожженъ также и храмъ.

1. Когда оба легіона окончили валы въ 8-й день мѣсяца Лооса [1], Титъ приказалъ привезти тараны и направить ихъ на западную галлерею внутренняго храмового двора. Еще раньше противъ этой стѣны работалъ шесть дней не переставая сильнѣйшій таранъ, но безъ взякаго успѣха; также неудачны были попытки другихъ стѣнобитныхъ орудій. Мощные по своей величинѣ и сочлененію камни ничему не поддавались. Но другіе въ то же время подкапывали основаніе сѣверныхъ воротъ и послѣ долгихъ усилій выломали передніе камни; однако сами ворота, поддерживаемыя внутренними камнями, устояли. Тогда римляне отчаялись въ успѣшности машинъ и рычаговъ и установили лѣстницы на галлерею. Іудеи не мѣшали имъ въ этомъ, но какъ только тѣ взбирались уже на верхъ, они нападали на нихъ, многихъ сбрасывали со стѣны, а другихъ убивали въ схваткѣ; многіе были заколоты въ тотъ моментъ, когда они оставляли уже лѣстницы, но не успѣли прикрыться щитами; нѣкоторыя лѣстницы, какъ только онѣ наполнялись вооруженными, были опрокинуты сверху іудеями. Послѣдніе, впрочемъ, и сами тоже теряли много людей. Знаменоносцы, которые хотѣли водрузить на верху знамена, сражались за нихъ на жизнь и на смерть, такъ какъ потеря ихъ считается величайшимъ позоромъ; однако, іудеи овладѣли знаменами и избили, наконецъ, всѣхъ, взлѣзшихъ на верхъ. Тогда остальные, устрашенные участью погибшихъ, отступили. Римляне всѣ безъ исключенія, совершивъ какіе либо подвиги, пали; изъ среды же мятежниковъ храбрѣйшими показали себя тѣ самые, которые выдвигались и въ предыдущихъ сраженіяхъ, и кромѣ нихъ еще Элеазаръ, племянникъ тирана Симона. Когда Титъ убѣдился, что пощада чужихъ святынь ведетъ къ ущербу и гибели его солдатъ, онъ отдалъ приказъ поджечь ворота.

2. Въ то именно время къ нему перешли Ананъ изъ Аммауса, кровожаднѣйшій изъ соратниковъ Симона (V, 13, 1), и Архелай сынъ Магадата. Они надѣялись на милость въ виду того, что оставили іудеевъ въ тотъ моментъ, когда побѣда была на ихъ сторонѣ. Эта уловка только возмутила Тита и такъ какъ онъ узналъ еще объ ихъ жестокостяхъ противъ іудеевъ, то онъ съ большой охотой отдалъ бы ихъ на казнь. «Только нужда, сказалъ онъ, пригнала ихъ сюда, но отнюдь не добровольное рѣшеніе; помимо того не достойны пощады люди, бѣжавшіе изъ родного города послѣ того, какъ сами предали его огню». Тѣмъ не менѣе онъ смирилъ свой гнѣвъ ради раньше даннаго имъ разъ слова и отпустилъ ихъ обоихъ, не поставивъ ихъ однако въ одинаковое положеніе съ остальными перебѣжчиками. Тѣмъ временемъ солдаты подожгли уже ворота [1]; расплавившееся повсюду серебро открыло пламени доступъ къ деревяннымъ балкамъ, откуда огонь, разгорѣвшись съ удвоенной силой, охватилъ галлереи. Когда іудеи увидѣли пробивавшіеся кругомъ огненные языки, они сразу лишились и тѣлесной силы, и бодрости духа; въ ужасѣ никто не тронулся съ мѣста, никто не пытался сопротивляться или тушить,—какъ остолбенѣвшіе, они всѣ стояли и только смотрѣли. И все таки, какъ ни велико было удручающее дѣйствіе этого пожара, они не пытались перемѣной своего образа мыслей спасти все остальное, но еще больше ожесточились противъ римлянъ, какъ будто горѣлъ уже храмъ. Весь тотъ день и слѣдовавшую за нимъ ночь бушевалъ огонь, такъ какъ римляне не могли поджечь всѣ галлереи сразу, а только каждую порознь.

3. На слѣдующій день [2] Титъ приказалъ одной части войска потушить пожаръ и очистить мѣсто у воротъ, чтобы открыть свободный доступъ легіонамъ. Вслѣдъ за этимъ онъ созвалъ къ себѣ начальниковъ; къ нему собрались шесть важнѣйшихъ изъ нихъ, а именно: Тиверій Александръ, начальникъ всей арміи, Секстъ Цереалъ, начальникъ пятаго легіона, Ларцій Лепидъ, начальникъ десятаго, Титъ Фригій, начальникъ пятнадцатаго, кромѣ того Фронтонъ Эгерній, префектъ обоихъ легіоновъ, прибывшихъ изъ Александріи, и Маркъ Антоній Юліанъ, правитель Іудеи, да еще другіе правители и военные трибуны. Со всѣми ими онъ держалъ совѣтъ о томъ, какъ поступить съ храмомъ. Одни совѣтовали поступить съ нимъ по всей строгости военныхъ законовъ, ибо «до тѣхъ поръ, пока храмъ, этотъ сборный пунктъ всѣхъ іудеевъ, будетъ стоять, послѣдніе никогда не перестанутъ замышлять о мятежахъ». Другіе полагали такъ: «если іудеи очистятъ его и никто не подыметъ меча для его обороны, тогда онъ долженъ быть пощаженъ; если же они съ высоты

[1] 8-го аба (августъ).

[1] 8-го аба (августъ).
[2] 9-го аба (августъ).

храма будутъ сопротивляться, его нужно сжечь, ибо тогда онъ перестаетъ быть храмомъ, а только крѣпостью, и отвѣтственность за разрушеніе святыни падетъ тогда не на римлянъ, а на тѣхъ, которые принудятъ ихъ къ этому». Но Титъ сказалъ: «Если даже они будутъ сопротивляться съ высоты храма, то и тогда не слѣдуетъ вымещать злобу противъ людей на безжизненныхъ предметахъ и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ сжечь такое величественное зданіе; ибо разрушеніе его будетъ потерей для римлянъ, равно какъ и наоборотъ, если храмъ уцѣлѣетъ, онъ будетъ служить украшеніемъ имперіи». Фронтонъ, Александръ и Цереалъ съ видимымъ удовольствіемъ присоединились къ его мнѣнію [1]. Послѣ этого Титъ рас-

[1] Разсказъ Іосифа о намѣреніи Тита пощадить храмъ можетъ показаться подозрительнымъ, если имѣть въ виду слишкомъ уже явное, сквозящее по всей книгѣ стараніе автора идеализировать по мѣрѣ возможности побѣдителя іудеевъ. Но историческая вѣрность его еще больше подвергается сомнѣнію въ виду другого свидѣтельства, сообщающаго какъ разъ противоположное и прямо приписывающаго Титу рѣшеніе сжечь храмъ. Такое свидѣтельство мы имѣемъ въ хроникѣ Сульпиція Севера, автора V вѣка, разсказывающаго (Chron., II, 30) слѣдующее: „Говорятъ, что Титъ созвалъ военный совѣтъ и спрашивалъ, должно-ли разрушить такое зданіе, какъ храмъ. Нѣкоторые полагали, что не слѣдуетъ уничтожать посвященнаго Богу зданія, превосходящаго великолѣпіемъ всѣ другія человѣческія сооруженія, что сохраненіе храма будетъ свидѣтельствомъ кротости римлянъ, а его разрушеніе опозоритъ ихъ неизгладимымъ пятномъ жестокости. Но другіе, и въ томъ числѣ самъ Титъ, говорили, что необходимѣе всего разрушить именно храмъ, чтобы совершенно искоренить вѣру іудеевъ и христіанъ; потому что эти два вида вѣры, хотя враждебны одинъ другому, имѣютъ одно и то-же основаніе: христіане произошли изъ іудеевъ, и если истребить корень, то легко погибнетъ и стволъ дерева. По божественному внушенію, этимъ воспламенились всѣ умы, и такимъ образомъ храмъ былъ разрушенъ". Извѣстный филологъ Яковъ Бернайсъ, первый изслѣдовавшій хронику Сульпиція Севера, неопровержимо доказалъ (Ueber die Chronik des Sulpicius Severus, Breslau, 1861; также Gesamm. Abhandlungen томъ II), что главнымъ источникомъ С. Сев. служилъ Тацитъ, у котораго, по его мнѣнію, заимствовано также это извѣстіе (historiae Тацита за это время не сохранились), заслуживающее, поэтому, предпочтенія передъ разсказомъ Іосифа. Къ этому предположенію присоединяется большинство ученыхъ, какъ: Штанге (De Tite imperatoris vita, ч. I, стр. 39 слѣд.), Шиллеръ (Geschichte der römischeu Kaiserzeit, ч. I, стр. 399), Момсенъ (Römische Geschichte, ч. V, стр. 539) и др. Извѣстіе С. Сев., подтверждающееся поэтомъ Валеріемъ Флаккомъ, прославляющимъ Тита за то, что онъ бросилъ пылающую головню въ храмъ (Argonautica, 1, 13) и хроникой жившаго въ V вѣкѣ пресвитера Оросія (VII, 9), въ дѣйствительности кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ римляне главную причину мятежа ви-

пустилъ собраніе и приказалъ командирамъ дать отдыхъ войску для того, чтобы они съ обновленными силами могли бороться въ слѣдующемъ сраженіи; только одному отборному отряду, составленному изъ когортъ, онъ приказалъ проложить дорогу чрезъ развалины и тушить огонь.

4. Въ тотъ день іудеи, изнуренные тѣломъ и подавленные духомъ, воздержались отъ нападенія; но уже на слѣдующій день они вновь собрали свои боевыя силы и съ обновленнымъ мужествомъ во второмъ часу чрезъ восточныя ворота сдѣлали вылазку противъ карауловъ наружнаго храмового двора. Послѣдніе, образуя впереди себя изъ щитовъ одну непроницаемую стѣну, упорно сопротивлялись. Тѣмъ не менѣе можно было предвидѣть, что они не выдержатъ натиска, такъ какъ нападавшіе превосходили ихъ числомъ и бѣшеной отвагой. Тогда Титъ, наблюдавшій за всѣмъ съ Антоніи, поспѣшилъ предупредить неблагопріятный поворотъ сраженія и прибылъ къ нимъ на помощь съ отборнымъ отрядомъ конницы. Этого удара іудеи не вынесли: какъ только пали воины перваго ряда, разсѣялась большая часть остальныхъ. Однако, какъ только римляне отступили, они опять обернулись и напали на ихъ тылъ; но и римляне повернули свой фронтъ и опять принудили ихъ къ бѣгству. Въ пятомъ часу дня іудеи были, наконецъ, преодолены и заперты во внутреннемъ храмѣ.

5. Тогда Титъ отправился на Антонію, принявъ рѣшеніе на слѣдующій день утромъ двинуться всей своей арміей и оцѣпить храмъ. Но храмъ давно уже былъ обреченъ Богомъ огню. И вотъ наступилъ уже предопредѣленный роковой день—десятый день мѣсяца Лооса, тотъ самый день, въ который и предыдущій храмъ былъ сожженъ царемъ вавилонянъ [1]. Сами

дѣли въ религіозномъ культѣ евреевъ и для нихъ, поэтому, важно было разрушить важнѣйшій религіозный оплотъ и, такимъ образомъ, уничтожить очагъ дальнѣйшихъ возстаній. Такъ они также впослѣдствіи закрыли Оніевъ храмъ въ Леонтополѣ, и если его не разрушили, то только потому, что онъ не пользовался всеобщей святостью и, находясь не въ еврейскомъ центрѣ, не представлялъ никакой опасности. Мотивъ, которымъ объясняетъ С. Сев. рѣшеніе Тита, правда, носитъ христіанскую окраску, но это уже разукрашеніе, которое, вѣроятно, позволилъ себѣ самъ авторъ. Доводы, выставленные Гретцемъ противъ вѣрности разсказа С. Сев. (Geshcichte, т. III, третье изд., стр. 575), мало убѣдительны. См. C. Thiancourt, Ce que Tacite dit des Juifs въ „Revue des Etudes Juives", т. XIX, стр. 66 слѣд.

[1] 10-е Леоса соотвѣтствуетъ 10-му Аба. Дата, данная Іосифомъ здѣсь для сожженія перваго храма, противорѣчитъ его же собственному показанію въ „Іуд. Др." (X, 8, 5), по которому катастрофа послѣдовала въ первый день пятаго мѣсяца, т. е. Аба. Въ точности опредѣлить день разрушенія перваго храма

іудеи были виновниками вторженія въ него пламени. Дѣло происходило такъ. Когда Титъ отступилъ, мятежники, послѣ краткаго отдыха снова напали на римлянъ; такимъ образомъ завязался бой между гарнизономъ храма и отрядомъ, поставленнымъ для тушенія огня въ зданіяхъ наружнаго притвора. Послѣдній отбилъ іудеевъ и оттѣснилъ ихъ до самого храмового зданія. Въ это время одинъ изъ солдатъ, не ожидая приказа, или не подумавъ о тяжкихъ послѣдствіяхъ своего поступка, точно по внушенію свыше, схватилъ пылающую головню и, приподнятый товарищемъ вверхъ, бросилъ ее чрезъ золотое окно, которое съ сѣвера вело въ окружавшія храмъ помѣщенія. Когда пламя вспыхнуло, іудеи подняли вопль, достойный такого рокового момента, и ринулась на помощь храму, не щадя силъ и не обращая больше вниманія на жизненную опасность, ибо гибель угрожала тому, что они до сихъ поръ прежде всего оберегали.

6. Гонецъ доложилъ о случившемся Титу. Онъ вскочилъ съ ложа въ своемъ шатрѣ, гдѣ онъ только что расположился отдохнуть послѣ боя, и въ томъ видѣ, въ какомъ находился, бросился къ храму, чтобы прекратить пожаръ. За нимъ послѣдовали всѣ полководцы и переполошенные происшедшимъ легіоны. Можно себѣ представить, какой крикъ и шумъ произошелъ при безпорядочномъ движеніи такой массы людей. Цезарь старался возгласами и движеніями руки дать понять сражающимся, чтобъ они тушили огонь; но они не слышали его голоса, заглушеннаго громкимъ гуломъ всего войска, а на поданные имъ знаки рукой они не обращали вниманія, ибо одни были всецѣло увлечены сраженіемъ, другіе жаждой мщенія. Ни слова усовѣщеванія, ни угрозы не могли остановить бурный натискъ легіоновъ,—одно только общее ожесточеніе правило сраженіемъ. У входовъ образовалась такая давка, что многіе были растоптаны своими товарищами, а многіе попадали на раскаленныя, еще дымившіяся развалины галлерей и такимъ образомъ дѣлили участь побѣжденныхъ. Подойдя ближе къ храму, они дѣлали видъ, что не слышатъ приказаній Тита, и кричали переднимъ воинамъ, чтобъ тѣ бросили огонь въ самый храмъ. Мятежники потеряли уже надежду на прекращеніе пожара: ихъ повсюду

невозможно, такъ какъ показанія библейскія въ этомъ отношеніи разнорѣчивы. Въ одномъ мѣстѣ (Іерем. 52, 12, 13) днемъ сожженія названъ десятый день пятаго мѣсяца, а въ другомъ мѣстѣ (Вторая книга царствъ 25, 8, 9) седьмой. Впрочемъ, въ послѣднемъ мѣстѣ возможна описка, такъ какъ сирійскій переводъ вмѣсто „седьмого“ гласитъ „девятый“. Талмудическое преданіе относитъ разрушеніе обоихъ храмовъ къ девятому Аба (Таанитъ, 29а) и въ этотъ день, какъ извѣстно, установленъ постъ.

избивали или обращали въ бѣгство. Громадныя толпы гражданъ, всѣ безсильные и безоружные, были перебиты вездѣ, гдѣ ихъ настигали враги. Вокругъ жертвенника громоздились кучи убитыхъ, а по ступенямъ его лились потоки крови и катились тѣла убитыхъ на верху.

7. Когда Титъ увидѣлъ, что онъ не въ силахъ укротить ярость разсвирѣпѣвшихъ солдатъ, а огонь между тѣмъ все сильнѣе распространялся, онъ въ сопровожденіи начальниковъ вступилъ въ Святая-Святыхъ и обозрѣлъ ея содержимое [1]. И онъ нашелъ все гораздо болѣе возвышеннымъ, чѣмъ та слава, которой оно пользовалось у чужестранцевъ, и нисколько не уступающимъ восхваленіямъ и высокимъ отзывамъ туземцевъ. Такъ какъ пламя еще ни съ какой стороны не проникло во внутреннее помѣщеніе храма, а пока только опустошало окружавшія его пристройки, то онъ предполагалъ—и вполнѣ основательно—что собственно храмовое зданіе можетъ быть еще спасено. Выскочивъ наружу, онъ старался поэтому побуждать солдатъ тушить огонь, какъ личными приказаніями, такъ и чрезъ одного изъ своихъ тѣлохранителей, центуріона Либералія, которому онъ велѣлъ подгонять ослушниковъ палками. Но гнѣвъ и ненависть къ іудеямъ и пылъ сраженія превозмогли даже уваженіе къ Цезарю и страхъ предъ его карательной властью. Большинство кромѣ того прельщалось надеждой на добычу, такъ какъ они полагали, что если снаружи все сдѣлано изъ золота, то внутренность храма наполнена сокровищами. И вотъ въ то время, когда Цезарь выскочилъ, чтобы усмирить солдатъ, уже одинъ изъ нихъ проникъ во внутрь и въ темнотѣ подложилъ огонь подъ дверными крюками, а когда огонь вдругъ показался внутри, военачальники вмѣстѣ съ Титомъ удалились и никто уже не препятствовалъ стоявшимъ снаружи солдатамъ поджигать. Такимъ образомъ храмъ, противъ воли Цезаря, былъ преданъ огню.

8. Какъ ни печальна и прискорбна гибель творенія, удивительнѣйшаго изъ всѣхъ вѣдомыхъ міру и по объему, и по великолѣпію, и по роскошной отдѣлкѣ отдѣльныхъ частей, славившагося къ тому еще своей святостью,—однако утѣшеніемъ должна служить мысль о неизбѣжности судьбы для всего живущаго, для всѣхъ твореній рукъ человѣческихъ и для всѣхъ мѣстъ земли. Замѣчательна въ этомъ случаѣ точность времени, съ которой дѣйствовала судьба. Она предопредѣлила для разру-

[1] Талмудическая легенда (Гиттинъ 56), гласитъ, что Титъ вторгнулся въ Святая-Святыхъ въ сопровожденіи непотребной женщины и совершилъ съ ней блудодѣяніе на свиткѣ торы.

шенія, какъ уже было сказано, даже тотъ же мѣсяцъ и день, въ который нѣкогда храмъ былъ сожженъ вавилонянами. Отъ первоначальнаго его сооруженія царемъ Соломономъ до пережитаго нами разрушенія, состоявшагося во второй годъ царствованія Веспасіана, прошло тысяча сто тридцать лѣтъ семь мѣсяцевъ и пятнадцать дней, а отъ вторичнаго его возсозданія Аггеемъ во второй годъ царствованія Кира [1] до разрушенія при Веспасіанѣ протекло шесть сотъ тридцать девять лѣтъ сорокъ пять дней.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бѣдствія, вынесенныя іудеями во время пожара храма.—О лжепророкѣ и о знаменіяхъ, предшествовавшихъ взятію города.

1. Въ то время, когда храмъ горѣлъ, солдаты грабили все попадавшееся имъ въ руки и убивали іудеевъ на пути несмѣтными массами. Не было ни пощады къ возрасту, ни уваженія къ званію: дѣти и старцы, міряне и священники были одинаково умерщвлены. Ярость никого не различала: сдававшихся на милость постигала та-же участь, что и сопротивлявшихся. Трескъ пылавшаго повсюду огня сливался со стонами падавшихъ. Высота холма [2] и величина горѣвшаго зданія заставляли думать, что весь городъ объятъ пламенемъ. И ужаснѣе и оглушительнѣе того крика нельзя себѣ представить. Все смѣшалось въ одинъ общій гулъ: и побѣдные клики дружно подвигавшихся впередъ римскихъ легіоновъ, и крики окруженныхъ огнемъ и мечемъ мятежниковъ, и смятеніе покинутой на верху толпы, которая въ страхѣ, вопія о своемъ несчастьѣ, бѣжала на встрѣчу врагу; со стенаніями на холмѣ соединялся еще плачъ изъ города, гдѣ многіе, безпомощно лежавшіе, изнуренные голодомъ и съ закрытыми ртами, при видѣ пожара въ храмѣ собрали остатокъ своихъ силъ и громко взвыли. Наконецъ эхо, приносившееся съ Переи и окрестъ-лежащихъ горъ, дѣлало нападеніе еще болѣе страшнымъ. Но ужаснѣе самаго гула была дѣйствительная участь побѣжденныхъ. Храмовая гора словно пылала отъ самаго основанія, такъ какъ она со всѣхъ сторонъ была залита огнемъ; но шире

[1] Второй храмъ былъ построенъ Зоровавелемъ при содѣйствіи Аггая. Сооруженіе его началось, правда, при Кирѣ, но вслѣдствіе козней самарянъ и другихъ враговъ евреевъ было пріостановлено, а затѣмъ возобновлено и доведено до конца лишь въ шестой годъ царствованія Дарія Гистаспа (Книга Эздры, гл. 3, 5 и 6).

[2] Морія.

еще огненныхъ потоковъ казались лившіеся потоки крови, а число убитыхъ—больше убійцъ. Изъ-за труповъ нигдѣ не видно было земли: солдаты, преслѣдовавшіе непріятеля, бѣгали по цѣлымъ грудамъ мертвыхъ тѣлъ. Разбойничья шайка съ трудомъ пробилась сквозь ряды римлянъ сначала въ наружный притворъ, а оттуда въ городъ; уцѣлѣвшій же еще остатокъ гражданъ спасся въ наружную галлерею. Нѣкоторые изъ священниковъ вначалѣ сламывали шпицы храма вмѣстѣ съ оловомъ, въ которое они были вправлены, и метали ихъ противъ римлянъ; видя же, что ничего не достигаютъ этимъ, а огонь все приближается къ нимъ, они заняли стѣну, имѣвшую 8 локтей ширины. Но двое изъ знатнѣйшихъ, которые могли или перейдя къ римлянамъ спастись или выжидать на стѣнѣ общей участи, бросились въ огонь и сгорѣли вмѣстѣ съ храмомъ. То были: Меиръ сынъ Билги и Іосифъ сынъ Далая.

2. Полагая, что послѣ разрушенія храма пощада окружающихъ строеній лишена будетъ всякаго смысла, римляне сожгли все остальное, а именно: уцѣлѣвшіе остатки галлерей и ворота, за исключеніемъ двухъ, восточныхъ и южныхъ, которыя впрочемъ были разрушены впослѣдствіи. Затѣмъ они сожгли также казнохранилища, гдѣ находились огромныя суммы наличныхъ денегъ, безсчетное множество одѣяній и другія драгоцѣнности—словомъ, все богатство іудеевъ, такъ какъ туда богатые помѣщали на храненіе свои сокровища. Затѣмъ пришла очередь за оставшейся еще галлереей наружнаго притвора, куда спаслись женщины, дѣти и многочисленная смѣшанная толпа въ числѣ 6000 душъ. Прежде чѣмъ Титъ успѣлъ принять какое либо рѣшеніе и дать инструкцію военачальникамъ, солдаты въ своей ярости подожгли эту галлерею. Одни погибли въ пламени, другіе нашли смерть, бросаясь изъ пламени внизъ. Отъ всей массы людей не осталось ни единой души. Ихъ погибель легла на совѣсти одного лжепророка, который въ тотъ день возвѣстилъ народу въ городѣ: «Богъ велитъ вамъ взойти къ храму, гдѣ вы узрите знаменіе вашего спасенія». Вообще тираны распустили тогда среди народа много пророковъ, которые вѣщали ему о Божьей помощи для того, чтобы поменьше переходило къ римлянамъ и чтобы внушить твердость тѣмъ, которыхъ ни страхъ, ни стража не удерживали. Въ несчастьѣ человѣкъ становится легковѣрнымъ, а когда является еще обманщикъ, который сулитъ полное избавленіе отъ всѣхъ гнетущихъ бѣдъ, тогда страждущій весь превращается въ надежду.

3. Такъ отуманивали тогда несчастный народъ обольстители, выдававшіе себя за посланниковъ Божіихъ. Яснымъ-же знаменіямъ, предвѣщав-

шимъ грядущее разрушеніе, они не вѣрили и не вдумывались въ нихъ. Точно глухіе и безъ глазъ, и безъ ума, они прозѣвали явный гласъ Неба, неоднократно ихъ предостерегавшій. Вотъ какія были знаменія. Надъ городомъ появилась звѣзда, имѣвшая видъ меча и въ теченіе цѣлаго года стояла комета. Предъ самымъ отпаденіемъ отъ римлянъ и объявленіемъ войны, когда народъ собрался къ празднику опрѣсноковъ, въ восьмой день мѣсяца Ксантика [1], въ девятомъ часу ночи [2], жертвенникъ и храмъ вдругъ озарились такимъ сильнымъ свѣтомъ, какъ среди бѣлаго дня, и это яркое сіяніе продолжалось около получаса. Несвѣдущимъ это казалось хорошимъ признакомъ; но книговѣды сейчасъ же отгадали послѣдствія, на которыя оно указывало и которыя дѣйствительно сбылись. Въ тотъ же праздникъ корова, подведенная первосвященникомъ къ жертвеннику, родила теленка на священномъ мѣстѣ. Далѣе, восточныя ворота внутренняго притвора, сдѣланныя изъ мѣди, вѣсившія такъ много, что двадцать человѣкъ и то съ трудомъ могли запирать ихъ по вечерамъ [3], скрѣпленныя желѣзными перекладинами и снабженныя крюками, глубоко запущенными въ порогъ, сдѣланный изъ цѣльнаго камня — эти ворота однажды въ шесть часовъ ночи [4] внезапно сами собою раскрылись. Храмовые стражники немедленно доложили объ этомъ своему начальнику, который прибылъ на мѣсто, и по его приказу ворота съ трудомъ были вновь закрыты. Опять профаны усматривали въ этомъ прекрасный знакъ, говоря, что Богъ откроетъ предъ ними ворота спасенія; но свѣдущіе люди видѣли въ этомъ другое, а именно, что храмъ лишился своей безопасности, что ворота его предупредительно откроются врагу и про себя считали этотъ знакъ предвѣстникомъ разрушенія. Спустя нѣсколько дней послѣ праздника, 21-го мѣсяца Артемизія [5] показалось какое-то призрачное, едва вѣроятное явленіе. То, что я хочу разсказать, могутъ принять за нелѣпость, если-бы не было тому очевидцевъ и если-бы сбывшееся несчастье не соотвѣтствовало этому знаменію. Передъ закатомъ солнца надъ всей страной видѣли мчавшіяся въ облакахъ колесницы и вооруженные отряды, окружающіе города. Затѣмъ, въ праздникъ пятидесятницы, священники, какъ они увѣряли, войдя ночью, по обычаю служенія, во внутренній притворъ, услы-

[1] Нисанъ.

[2] Т. е. въ 3-мъ часу утра.

[3] Срв. „Пр. Ап." II, 9.

[4] По нашимъ часамъ полночь.

[5] Иаръ.

шали сначала какъ-бы суету и шумъ, послѣ чего раздалось множество голосовъ: «давайте, уйдемъ отсюда!» Еще знаменательнѣе слѣдующій фактъ. Нѣкто Іошуа, сынъ Анана, простой человѣкъ изъ деревни, за *четыре года до войны*, когда въ городѣ царили глубокій миръ и полное благоденствіе, прибылъ туда къ тому празднику, когда по обычаю всѣ іудеи строятъ для чествованія Бога кущи, и близъ храма вдругъ началъ провозглашать: «Голосъ съ востока, голосъ съ запада, голосъ съ четырехъ вѣтровъ, голосъ, вопіющій надъ Іерусалимомъ и храмомъ, голосъ, вопіющій надъ женихами и невѣстами, голосъ, вопіющій надъ всѣмъ народомъ!» Денно и нощно онъ восклицалъ то же самое, бѣгая по всѣмъ улицамъ города. Нѣкоторые знатные граждане, въ досадѣ на этотъ зловѣщій кличъ, схватили его и наказали ударами очень жестоко. Но не говоря ничего ни въ свое оправданіе, ни въ особенности противъ своихъ истязателей, онъ все продолжалъ повторять свои прежнія слова. Представители народа думали—какъ это было и въ дѣйствительности,—что этимъ человѣкомъ руководитъ какая-то высшая сила, и привели его къ римскому прокуратору; но и тамъ, будучи истерзанъ плетьми до костей, онъ не проронилъ ни просьбы о пощадѣ, ни слезы, а самымъ жалобнымъ голосомъ твердилъ только послѣ каждаго удара: «о, горе тебѣ Іерусалимъ!» Когда Альбинъ—такъ назывался прокураторъ [1]—допрашивалъ его, «кто онъ такой, откуда и почему онъ такъ вопіетъ», онъ и на это не давалъ никакого отвѣта и продолжалъ по прежнему накликивать горе на городъ. Альбинъ, полагая, что этотъ человѣкъ одержимъ особой маніей, отпустилъ его. Въ теченіе всего времени до наступленія войны онъ не имѣлъ сношеній ни съ кѣмъ изъ жителей города: никто не видалъ, чтобъ онъ съ кѣмъ либо обмѣнялся словомъ; день-деньской онъ все оплакивалъ и твердилъ, какъ молитву, «горе, горе тебѣ, Іерусалимъ!» Никогда онъ не проклиналъ того, который его билъ (что случалось каждый день), равно какъ и не благодарилъ, если кто его накормилъ. Ни для кого онъ не имѣлъ иного отвѣта, кромѣ упомянутаго зловѣщаго предсказанія. Особенно мощно раздавался его голосъ въ праздники, и, хотя онъ это повторялъ семь лѣтъ и пять мѣсяцевъ, его голосъ все-таки не охрипъ и не ослабѣвалъ. Наконецъ, во время осады, когда онъ могъ видѣть глазами, что его пророчество сбывается, обходя по обыкновенію стѣну съ пронзительнымъ крикомъ «горе городу, народу и храму», онъ прибавилъ въ концѣ: «горе

[1] См. 206 стр.

также и мнѣ!» Въ эту минуту его ударилъ камень, брошенный метательной машиной, и замертво повалилъ его на землю. Среди этого горестваго восклицанія онъ испустилъ духъ [1].

4. Если вникнуть во все это, то нужно придти къ заключенію, что Богъ заботится о людяхъ и разными путями даетъ имъ знать, что именно служитъ къ ихъ благу; только собственное безуміе и личная злость ввергаютъ людей въ гибель. Такъ точно іудеи послѣ паденія Антоніи сдѣлали свой храмъ четырехугольнымъ, не взирая на то, что въ ихъ пророчествахъ написано, что городъ и храмъ тогда будутъ завоеваны, когда храмъ приметъ четырехугольную форму. Главное, что поощряло ихъ къ войнѣ, было—двухсмысленное пророческое изреченіе, находящееся также въ ихъ священномъ писаніи и гласящее, что къ тому времени одинъ человѣкъ изъ ихъ родного края достигнетъ всемірнаго господства. Эти слова, думали они, указываютъ на человѣка ихъ племени, и даже многіе изъ ихъ мудрецовъ впадали въ ту же ошибку, между тѣмъ въ дѣйствительности пророчество касалось воцаренія Веспасіана, избраннаго императоромъ въ іудейской землѣ [2]. Но людямъ не дано избѣгать своей судьбы даже тогда, когда они предвидятъ ее. Іудеи толковали одни предзнаменованія по своему желанію, а относились къ другимъ совсѣмъ легкомысленно, пока, наконецъ, паденіе родного города и собственная гибель не изобличила ихъ въ неразуміи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Римляне, внесши знамена въ храмъ, съ ликованіемъ привѣтствуютъ Тита.—Рѣчь Тита къ іудеямъ, домогавшимся спасенія.—Ихъ отвѣтъ приводитъ Тита въ негодованіе.

1. Когда мятежники бѣжали въ городъ, а храмъ вмѣстѣ съ сосѣдними зданіями еще горѣли, римляне принесли свои знамена на священныя мѣста

[1] Тацитъ также сообщаетъ о нѣкоторыхъ приведенныхъ Іосифомъ знаменіяхъ, являвшихся будто бы евреямъ. „Въ Іерусалимѣ, говоритъ онъ, творились чудеса, которыхъ іудейскій народъ, преданный суевѣріямъ и относящійся враждебно ко всякому религіозному культу, не считалъ нужнымъ умилостивить обѣтами и искупительными жертвами. Въ облакахъ виднѣлись войска и блескъ оружія; молніи ярко освѣтили храмъ; ворота храма сами собою раскрылись и необычайный голосъ, сильнѣе всякаго человѣческаго, возвѣстилъ о томъ, что боги удаляются, при этомъ и слышенъ былъ шумъ чего-то удаляющагося". (Historiae V, 13). Въ Талмудѣ также упоминается о нѣкоторыхъ зловѣщихъ знаменіяхъ, предшествовавшихъ, хотя не непосредственно, разрушенію храма. (см. Іома 39а).

[2] См. Tacit, historiae V, 13.

и, водрузивъ ихъ противъ восточныхъ воротъ, тутъ же совершили предъ ними жертвоприношенія и при громкихъ благопожеланіяхъ провозгласили Тита императоромъ [1]. Добычей всѣ солдаты были такъ нагружены, что въ Сиріи золото упало въ цѣнѣ на половину противъ прежняго. Въ то время, когда священники все еще находились на храмовой стѣнѣ, одинъ мальчикъ, мучимый жаждой, взмолился римскимъ передовымъ постамъ о пощадѣ и просилъ у нихъ воды. Изъ состраданія къ его возрасту и положенію они обѣщали даровать ему жизнь, послѣ чего онъ сошелъ къ нимъ, самъ утолилъ свою жажду, наполнилъ водою и сосудъ, который принесъ съ собою, и поспѣшно убѣжалъ наверхъ къ своимъ. Стражники не могли уже поймать его, но послали ему въ догонку упреки въ вѣроломствѣ. Онъ же возразилъ, «что ничѣмъ не нарушилъ условія, ибо онъ протянулъ къ нимъ руку не для того, чтобы остаться у нихъ, а за тѣмъ лишь, чтобы сойти и добыть воды: и то, и другое онъ исполнилъ и тѣмъ сдержалъ свое слово». Обманутые дивились этой изворотливости, принявъ въ особенности во вниманіе возрастъ мальчика. На пятый день священники, гонимые голодомъ, сошли внизъ и были приведены стражами къ Титу, котораго они просили пощадить имъ жизнь. Но онъ отвѣтилъ: «Время прощенія для васъ прошло; да и того, ради чего я быть можетъ имѣлъ бы основаніе васъ помиловать, тоже нѣтъ. Священникамъ подобаетъ погибнуть вмѣстѣ со своимъ храмомъ!» Съ этими словами онъ приказалъ всѣхъ ихъ казнить.

2. Когда тираны и ихъ шайки увидѣли себя побѣжденными вездѣ войной, окруженными со всѣхъ сторонъ и лишенными возможности бѣгства, они послали къ Титу просить о мирныхъ переговорахъ. Человѣколюбивый по натурѣ, Титъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ спасти городъ, что совѣтовали ему также его друзья, предполагавшіе, что разбойники теперь уже присмирѣли. Въ виду этого онъ сталъ у западной стороны внѣшняго притвора. Здѣсь находились ворота надъ Ксистомъ и мостъ, который соединялъ Верхній городъ съ храмомъ; этотъ мостъ теперь отдѣлялъ тирановъ отъ Цезаря. На обѣихъ сторонахъ вокругъ главныхъ лицъ толпилась масса людей: вокругъ Симона и Іоанна—іудеи въ нетерпѣливомъ ожиданіи помилованія, вокругъ

[1] Легіоны нерѣдко по случаю побѣды давали полководцамъ почетный титулъ императора. Принятіе Титомъ этого титула навлекло на него подозрѣніе, будто бы онъ желаетъ отложиться отъ Веспасіана и провозгласить себя властителемъ Востока (Sueoton., Titus 5)

Тита—римляне, жаждавшіе услышать его рѣшеніе. Титъ приказалъ своимъ солдатамъ укротить свой гнѣвъ и прекратить стрѣльбу, поставилъ рядомъ возлѣ себя переводчика и въ знакъ того, что онъ побѣдитель, заговорилъ первый. «Уже вы насытились страданіями вашего отечества! Наконецъ-то, послѣ того, какъ вы, не разсчитавъ нашего могущества и вашей собственной слабости, въ безумной ярости погубили и народъ, и городъ, и храмъ! По справедливости и вы должны погибнуть, вы, которые съ того времени, какъ покорилъ васъ Помпей, всегда помышляли о мятежѣ и, наконецъ, выступили открытой войной противъ римлянъ. На что вы опирались? На вашу многочисленность? Смотрите, ничтожная часть римской арміи можетъ справиться со всѣми вами. На поддержку союзниковъ? Какой же это народъ внѣ предѣловъ нашего государства предпочтетъ іудеевъ римлянамъ? На вашу тѣлесную силу? Такъ вы вѣдь знаете, что даже германцы—и тѣ наши рабы. На крѣпость вашихъ стѣнъ? Но есть ли болѣе надежная преграда, чѣмъ океанъ и, однако, защищенные имъ британцы тоже преклонились предъ оружіемъ римлянъ. На ваше мужественное терпѣніе и хитрость вождей? Такъ вы же вѣроятно слышали, что даже карѳагеняне были нами побѣждены. А потому ничто другое не могло довести васъ до войны съ римлянами, кромѣ только мягкосердечія самихъ послѣднихъ. Мы отдали страну въ ваше владѣніе, мы назначали вамъ царей изъ вашего народа; далѣе, мы уважали ваши отечественные законы и предоставляли вамъ не только у себя на родинѣ, но и среди чужихъ жить, какъ вамъ заблагоразсудится. Еще больше, мы позволяли вамъ для божественной службы устанавливать налоги и собирать приношенія [1], мы не запрещали никому жертвовать добровольно и не старались вамъ препятствовать, чтобы вы, враги, не дѣлались еще богаче насъ и не могли бы нашими деньгами воевать съ нами. Привыкши къ такимъ высокимъ благодѣяніямъ, вы сдѣлались надменны, возстали противъ тѣхъ, которые предоставляли ихъ вамъ, и, подобно неукротимымъ змѣямъ, обрызгали своимъ ядомъ тѣхъ, которые васъ ласкали. Да, раньше вы, какъ разрозненные и подавленные, не взирая на безпечность Нерона, коварно молчали; но когда недуги государства обострились [2], вы показали себя въ настоящемъ видѣ

[1] Кромѣ добровольныхъ пожертвованій, стекавшихся въ храмовую казну какъ отъ евреевъ, такъ и отъ язычниковъ, на нужды храма поступалъ еще обязательный для евреевъ всѣхъ странъ и земель сборъ въ размѣрѣ $^1/_2$ сикля въ годъ съ каждаго вышедшаго изъ двадцатилѣтняго возраста.

[2] Ср. 3 стр.

и выступили съ безмѣрными прихотями и дерзкими надеждами. Тогда пришелъ мой отецъ въ страну. Не съ тѣмъ онъ пришелъ, чтобы наказать васъ за то, что вы содѣяли Цестію, а чтобы сдѣлать только вамъ предостереженіе; ибо пожелай онъ искоренить ваше національное бытіе, онъ бы началъ съ корня и прежде всего уничтожилъ бы этотъ городъ. Но онъ не сдѣлалъ такъ: онъ только опустошилъ Галилею и ея окрестности, чтобы дать вамъ время одуматься. Вы же принимали его снисходительность за слабосиліе, наша мягкость дала только пищу вашей дерзости. Послѣ кончины Нерона вы себя вели такъ, какъ только могутъ себя вести самые злые люди; наши междоусобныя волненія внушили вамъ бодрость, и когда я съ моимъ отцомъ отправились въ Египетъ, вы употребили этотъ удобный моментъ для военныхъ приготовленій и не постыдились нарушить покой тѣхъ, которые стали во главѣ имперіи и которыхъ вы знали и за человѣколюбивыхъ полководцевъ. Когда государство перешло подъ скипетръ нашего дома, порядокъ въ немъ водворился и отдаленнѣйшіе народы отправляли къ намъ пословъ, чтобы насъ привѣтствовать, тогда опять одни только іудеи были нашими врагами; посольства шли отъ васъ по ту сторону Евфрата, чтобы взволновать тамошнія племена; новыя обводныя стѣны были воздвигнуты, поднялись мятежи, раздоры между тиранами, междоусобицы—все такія явленія, какія только можно ожидать отъ злыхъ людей. Тогда явился я подъ стѣнами города съ печальными полномочіями, которыя весьма неохотно далъ мнѣ мой отецъ. Я слышалъ, что народъ мирно настроенъ и радовался этому. До начала борьбы я вамъ предлагалъ уняться; во все время борьбы я былъ снисходителенъ, помиловалъ перебѣжчиковъ, исполнялъ обѣщанія, данныя мною обращавшимся ко мнѣ, смиловался надъ иногими плѣнниками, удерживалъ наказаніями жаждавшихъ мести, вывозилъ мои машины противъ вашихъ стѣнъ только по необходимости, обуздывалъ кровожадность солдатъ, послѣ каждой побѣды предлагалъ вамъ миръ, точно я былъ побѣжденный. Подступивъ наконецъ къ храму, я опять забылъ законы войны и по доброй моей волѣ просилъ васъ пощадить ваше собственное святилище, спасти себѣ храмъ, дозволилъ вамъ свободное отступленіе, обѣщалъ пощаду жизни, а въ случаѣ отклоненія этого, предоставилъ вамъ случай сразиться съ нами на другомъ мѣстѣ—все это вы оттолкнули отъ себя и собственными руками сожгли храмъ, а теперь, злодѣи, вы вызываете меня на переговоры! Что хотите вы еще спасти? Что можетъ выдержать хотя-бы отдаленное сравненіе съ тѣмъ, что уже погибло? Да и какую цѣну можетъ имѣть ваша жизнь послѣ паденія

храма? Однако, вы и теперь еще стоите здѣсь подъ оружіемъ? Даже въ самомъ крайнемъ положеніи вы все таки не хотите и вида подать, что нуждаетесь въ милости! Несчастные! На что вы еще уповаете? Народъ вашъ мертвъ, храмъ погибъ, городъ — мой, въ моихъ рукахъ и ваша жизнь, и вы лелѣете еще славу геройской смерти? Но я не желаю состязаться съ вами въ безуміи; если вы бросите оружіе и сдадитесь, такъ я дарую вамъ жизнь. Какъ кроткій домохозяинъ, я накажу только неисправимыхъ, а остатокъ спасу для себя».

3. Ихъ отвѣтъ гласилъ: «Условій отъ него принять не могутъ, такъ какъ они клялись не дѣлать этого никогда и ни въ какомъ случаѣ; но они просятъ его дать имъ свободно пройти чрезъ обводную стѣну вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Они пройдутъ въ пустыню и оставятъ ему городъ». Возмущенный тѣмъ, что они, находящіеся въ положеніи плѣнниковъ, диктуютъ ему еще условія, какъ побѣдители, Титъ велѣлъ объявить имъ черезъ вѣстника: «Ни одинъ перебѣжчикъ не будетъ принятъ отнынѣ, да не надѣется никто на милость, ибо онъ не пощадитъ никого. Пусть они сопротивляются всѣми силами и спасутся, какъ знаютъ, онъ-же будетъ дѣйствовать теперь только по законамъ войны». Одновременно съ тѣмъ онъ приказалъ солдатамъ жечь и грабить городъ. Однако, въ тотъ день они еще выжидали; но на слѣдующій день они подожгли архивъ, Акру, зданіе совѣта и часть города, называвшуюся Офлой. Огонь распространился до дворца Елены, стоявшаго въ срединѣ Акры, и на пути истребилъ также отдѣльные дома и цѣлыя улицы, наполненныя тѣлами умершихъ отъ голода.

4. Въ тотъ день явились къ Цезарю съ просьбой о помилованіи сыновья и братья царя Изата (II, 19, 2. V, 4, 2) въ сопровожденіи многихъ знатныхъ гражданъ. Какъ ни былъ Титъ возстановленъ противъ всѣхъ оставшихся еще іудеевъ, онъ все таки не могъ измѣнить своему характеру и принялъ ихъ, приказавъ лишь на первыхъ порахъ содержать ихъ всѣхъ подъ стражей. Впослѣдствіи онъ сыновей родственниковъ царя повелъ въ оковахъ въ Римъ въ качествѣ заложниковъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Дальнѣйшая судьба мятежниковъ, причинявшихъ и переносившихъ много зла.— Цезарь овладѣваетъ Верхнимъ городомъ.

1. Мятежники бросились теперь въ царскій дворецъ, гдѣ многіе, въ виду его укрѣпленнаго положенія, держали на храненіи свои сокровища, выгнали оттуда римлянъ, уничтожили всю скопившуюся тамъ чернь, около 8400 человѣкъ, и разграбили имущество. Изъ римлянъ они двухъ взяли въ плѣнъ живыми, одного коннаго и одного пѣшаго солдата. Послѣдняго они сейчасъ же убили и поволокли по всему городу, словно желая въ лицѣ этого одного человѣка отмстить всѣмъ римлянамъ; всадникъ-же, обѣщавшій дать имъ полезный совѣтъ для ихъ спасенія, былъ приведенъ къ Симону. Но такъ какъ онъ здѣсь не зналъ что сказать, то и былъ преданъ въ руки одного предводителя по имени Ардалы для казни. Этотъ, скрутивъ ему руки за спину и завязавъ повязкой глаза, повелъ его впередъ для того, чтобы обезглавить на виду римлянъ. Но пока іудей извлекалъ свой мечъ, плѣнникъ поспѣшно убѣжалъ къ римлянамъ. Титъ не могъ позволить себѣ лишить его жизни послѣ того, какъ онъ спасся отъ рукъ непріятеля, но считая безчестіемъ для римскаго солдата сдаться живымъ въ плѣнъ, онъ приказалъ отнять у него оружіе и исключить его изъ войска, что для человѣка съ честью составляетъ большее наказаніе, чѣмъ смерть.

2. На слѣдующій день римляне выгнали разбойниковъ изъ Нижняго города и предали огню всю мѣстность до Силоама. Хотя ихъ и тѣшилъ видъ горящаго города, но вмѣстѣ съ тѣмъ не мало огорчало ихъ лишеніе добычи, ибо мятежники все на чисто опорожнили и отступили въ Верхній городъ. Несчастье не приводило ихъ къ раскаянію; они, напротивъ, хвастали имъ, точно они достигли успѣха. Глядя на горящій городъ, они заявляли, что теперь они спокойно и съ радостью умрутъ,—умрутъ, ничего не оставивъ врагамъ, ибо народъ погибъ, храмъ сожженъ, а городъ объятъ пламенемъ. И теперь, когда дѣло доходило до крайности, Іосифъ не уставалъ просить ихъ спасти остатокъ города. Но, сколько онъ ни говорилъ объ ихъ свирѣпости и нечестіи, сколько ни убѣждалъ ихъ спасти себя,—кромѣ насмѣшекъ ничего не достигъ. Такъ какъ они, въ силу своей клятвы, не могли сдаться римлянамъ, а оказать сопротивленіе тоже не были въ состояніи, потому что оказались какъ бы заключенными въ тюрьмѣ, то желая убійствами, сдѣлавшимися для нихъ привычнымъ дѣломъ, пресѣчь возможность побѣговъ, они выходили по одиночкѣ на окраину города и, прячась въ развалинахъ, подкарауливали тѣхъ, которые хотѣли переходить къ римлянамъ. Многіе, которые, вслѣдствіе истощенія отъ голода, не имѣли силъ бѣжать отъ преслѣдователей, были ими пойманы, убиты и брошены на съѣденіе собакамъ. Но всякая другая смерть казалась имъ споснѣе голодной, а потому и бѣжали они къ римлянамъ, несмотря на то, что не имѣли никакой надежды на помилованіе; потому они добровольно давали

убивать себя и кровожаднымъ мятежникамъ. Ни одного свободнаго мѣста не оставалось въ городѣ, гдѣ бы не валялись жертвы голода и разбоя— все было покрыто ихъ трупами.

3. Тираны, съ ихъ разбойничьей шайкой, возлагали еще надежды на подземные ходы, гдѣ, какъ думалось имъ, они останутся не разысканными до окончанія войны, а послѣ, когда римляне удалятся, они снова выйдутъ и убѣгутъ. Но это, конечно, была мечта: имъ не суждено было укрыться отъ Бога и римлянъ. Въ надеждѣ на эти подземные ходы, они сами жгли еще больше, чѣмъ римляне. Тѣхъ, которые изъ горѣвшихъ зданій спасались въ мины, они безпощадно убивали и грабили ихъ имущество, а если находили у кого-либо пищу, оскверненную хотя кровью, то и ее похищали и пожирали. Изъ-за грабежа они даже воевали другъ съ другомъ и, если бы не подоспѣло покореніе, то они, кажется мнѣ, въ своемъ остервененіи пожирали бы даже трупы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Цезарь воздвигаетъ насыпи противъ Верхняго города, по окончаніи которыхъ онъ повелѣваетъ установить машины и побѣждаетъ весь городъ.

1. Такъ какъ Верхній городъ, вслѣдствіе своего крутого положенія, не могъ быть взятъ безъ валовъ, Титъ, въ 20-й день Лооса [1], раздѣлилъ войско по шанцевымъ работамъ. Тяжела была доставка лѣса, ибо для постройки прежнихъ укрѣпленій, какъ выше было сказано, вся окрестность города, на сто стадій кругомъ, была совершенно обнажена. Всѣ четыре легіона воздвигали свои сооруженія на западной сторонѣ города, противъ царскаго дворца, между тѣмъ какъ вспомогательные отряды и остальная масса войска работала вблизи Ксиста, моста и той башни, которую Симонъ построилъ какъ опорный пунктъ въ борьбѣ съ Іоанномъ и назвалъ своимъ именемъ.

2. Въ эти дни вожди идумеянъ тайно собрались вмѣстѣ и совѣщались относительно перехода къ римлянамъ; они послали изъ своей среды пять человѣкъ къ Титу, съ просьбой о помилованіи. Титъ подумалъ, что послѣ ухода идумеянъ, составлявшихъ большую военную силу, тираны тоже сдѣлаются уступчивѣе, и потому, послѣ долгаго колебанія, обѣщалъ имъ дѣйствительно помилованіе и отпустилъ пословъ обратно. Но

[1] 20-го Аба (Августа).

Симонъ провѣдалъ про ихъ приготовленія къ отступленію и немедленно казнилъ всѣхъ пять человѣкъ, бывшихъ у Тита; предводителей же, въ томъ числѣ и знатнѣйшихъ изъ нихъ, Якова сына Сосы, бросилъ въ темницу, а простую идумейскую толпу, лишившуюся своихъ вожаковъ и оставшуюся безпомощной, приказалъ охранять и, кромѣ того, усилилъ еще охрану на стѣнѣ. Тѣмъ не менѣе стражи не были въ силахъ остановить побѣги: сколько ни убивали, а все-таки бѣглецовъ было еще больше. Римляне принимали всѣхъ, такъ какъ Титъ, по кротости своей, оставлялъ безъ исполненія свои прежнія угрозы, а солдаты, изъ пересыщенія и надежды на прибыль, удерживались отъ убійствъ. Ибо только одинокихъ людей римляне пропускали мимо, всю же остальную массу они продавали съ женами и дѣтьми за безцѣнокъ какъ вслѣдствіе многочисленности рабовъ, такъ и незначительнаго числа покупателей. И хотя Титъ приказалъ объявить, чтобъ никто не переходилъ самъ одинъ, а бралъ бы съ собою свои семейства, тѣмъ не менѣе онъ принималъ и явившихся по одиночкѣ. При этомъ онъ все-таки учредилъ судъ, который выдѣлялъ изъ перебѣжчиковъ людей, достойныхъ наказанія; несмѣтное же множество было продано въ рабство. Изъ числа простыхъ жителей было помиловано и отпущено на свободу, куда кому угодно было, свыше 40.000.

3. Въ тѣ же дни явился также одинъ изъ священниковъ, Іошуа, сынъ Тебута, послѣ того, какъ Титъ клятвенно обѣщалъ ему пощаду, подъ условіемъ выдачи нѣкоторыхъ священныхъ драгоцѣнностей, и принесъ съ храмовой стѣны два свѣтильника, совершенно схожихъ съ стоявшими въ храмѣ, столы, кувшины и чаши—все изъ чистаго, массивнаго золота; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ передалъ завѣсы и облаченія первосвященника съ камнями (V, 5, 7) и много другой утвари, употреблявшейся при богослуженіи. И казнохранитель храма, по имени Пинхасъ, схваченный тогда же, представилъ облаченія и пояса священниковъ, массу пурпура и шарлаха, хранившагося въ запасѣ на случай надобности исправленія завѣсы, кромѣ того, много корицы, кассіи [1] и другихъ благовонныхъ веществъ, изъ которыхъ каждый день составлялась смѣсь для воскуренія Богу. Еще много другихъ драгоцѣнностей и не мало священныхъ украшеній онъ выдалъ, благодаря чему онъ получилъ одинаковыя льготы съ другими перебѣжчиками, несмотря на то, что былъ взятъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ [2].

[1] Пряная корка, похожая на корицу, по еврейски קציע.

[2] Между прочими сокровищами спасены быки также священныя книги,

4. Наконецъ, послѣ восемнадцатидневной работы, въ седьмой день мѣсяца Гарпея [1], валы были окончены и машины на нихъ установлены. Многіе изъ мятежниковъ считали уже городъ потеряннымъ и, оставивъ стѣны, отступили въ Акру, другіе побрели въ подземные ходы, значительное же число, выстроившись въ рядъ, старалось воспрепятствовать установкѣ машинъ. Но и надъ ними римляне вскорѣ восторжествовали, не только благодаря своей силѣ и большой численности, но главнымъ образомъ потому, что они со свѣжими, бодрыми силами боролись съ пріунывшими и изнемогшими. Когда часть стѣны была разрушена и нѣкоторыя башни поддались ударамъ тарановъ, защитники сейчасъ же разбѣжались, да и самихъ тирановъ охватилъ страхъ, далеко не соотвѣтствовавшій опасности. Ибо прежде чѣмъ враги взлѣзли на стѣну, они уже оторопѣли и были готовы бѣжать. Тогда можно было видѣть этихъ горделивыхъ людей, нѣкогда кичившихся своими злодѣяніями, смиренно дрожащими и до того измѣнившимися, что при всѣхъ своихъ тяжкихъ грѣхахъ, они все-таки возбуждали жалость. Имъ хотѣлось сдѣлать вылазку противъ обводной стѣны, чтобы, пробившись сквозь стражу, выйти на свободу. Но ихъ вѣрные солдаты разбѣжались куда попало, а вѣстовые въ то же время, одинъ за другимъ, доносили: «разрушена западная стѣна», «римляне уже вторглись», «вотъ они уже близко, ищутъ васъ»; и, наконецъ, другіе, ослѣпленные страхомъ, утверждали даже, что видятъ уже своими глазами враговъ на башняхъ. Тогда они съ блуждающими отъ страха глазами пали лицомъ на землю, вопили надъ своимъ безуміемъ и не могли тронуться съ мѣста, точно сухожилія были у нихъ перерѣзаны. Тогда явственно можно было видѣть, какъ преслѣдовалъ гнѣвъ Божій этихъ нечестивцевъ и какъ велико было счастье римлянъ: тираны сами лишили себя надежнѣйшей твердыни и покинули башни, гдѣ никакая сила не могла бы ихъ побѣдить, за исключеніемъ развѣ голода; а римляне, такъ много трудившіеся надъ менѣе сильными стѣнами, овладѣли укрѣпленіями, не боявшимися никакихъ орудій, по одному только счастью. Ибо три башни, которыя мы выше описали (V, 4, 3), устояли бы противъ всякихъ машинъ.

5. Послѣ того, какъ они покинули эти башни, или, вѣрнѣе говоря, когда Богъ ихъ изгналъ оттуда, они бѣжали въ долину, ниже Силоама и,

хранившіяся въ храмѣ. Этотъ священный кладъ, съ соизволенія Тита, принялъ къ себѣ Іосифъ Флавій („Жизнь", 75).

[1] 7-го Элула (Сентябрь).

опомнившись немного, устремились къ устроенному тамъ укрѣпленію. Но отъ страха и несчастья исчезла ихъ прежняя отвага: они были отброшены тамошними стражами, разсѣялись и скрылись въ подземные ходы. Между тѣмъ римляне заняли стѣны, водрузили свои знамена на башняхъ и при ликующихъ рукоплесканіяхъ запѣли побѣдную пѣсню. Конецъ войны оказался для нихъ гораздо легче, чѣмъ можно было ожидать по ея началу. Имъ самимъ казалось невѣроятнымъ, что послѣдней стѣной овладѣли они безъ кровопролитія, и они сами недоумѣвали, что не нашли здѣсь ожидаемаго противника. Тогда они устремились съ обнаженными мечами по улицамъ, убивая безпощадно все попадавшееся имъ на пути, и сжигая дома вмѣстѣ съ бѣжавшими туда людьми. Они грабили много; но часто, вторгаясь въ дома за добычей, они находили тамъ цѣлыя семейства мертвецовъ и крыши, полныя умершихъ отъ голода, и такъ были устрашены этимъ видомъ, что выходили оттуда съ пустыми руками. Однако, искреннее сожалѣніе, которое они питали къ погибшимъ, не простиралось на живыхъ: всѣхъ, попадавшихся имъ въ руки, они умерщвляли, запруживая трупами узкія улицы и такъ наводняя городъ кровью, что иные загорѣвшіеся дома были потушены этою кровью. Съ наступленіемъ вечера рѣзня прекратилась, огонь же продолжалъ свирѣпствовать и ночью. Въ восьмой день мѣсяца Гарпея [1] солнце взошло надъ дымившимися развалинами Іерусалима. За время осады городъ перенесъ столько тяжкихъ бѣдъ, что если бы онъ отъ начала своего основанія вкушалъ столько же счастья, то былъ бы поистинѣ достоинъ зависти. Но ничѣмъ онъ не заслужилъ столько несчастья, какъ тѣмъ лишь, что воспиталъ такое поколѣніе, которое его ниспровергло.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Распоряженія Цезаря по вступленіи его въ городъ.—Число взятыхъ въ плѣнъ и погибшихъ.—О бѣжавшихъ въ подземелья, въ числѣ которыхъ были и тираны Симонъ и Іоаннъ.

1. Когда Титъ вступилъ въ городъ [2], онъ дивился его могучимъ укрѣпленіямъ, въ особенности же тѣмъ тремъ башнямъ, которыя тираны въ своемъ безуміи покинули. Разсматривая вышину массивнаго сооруженія, чудовищную величину каждаго камня и тщательность сочлененія ихъ, онъ воскликнулъ: «мы боролись покровительствуемые Богомъ; только Онъ могъ от-

[1] 8-го Элула (сентябрь).

[2] Т. е. въ Верхній городъ.

толкнуть іудеевъ отъ такихъ крѣпостей, ибо что значили бы человѣческія руки или машины противъ такихъ башенъ?» Въ этомъ родѣ онъ еще долго бесѣдовалъ со своими друзьями. Плѣнниковъ, брошенныхъ тиранами въ крѣпости, онъ выпустилъ на свободу; остальную часть города онъ разрушилъ, стѣны срылъ, но тѣ башни онъ оставилъ нетронутыми, въ память покровительствовавшаго ему счастья, которое предало въ его руки и непобѣдимое.

2. Такъ какъ солдаты устали уже отъ рѣзни, а между тѣмъ появлялись еще огромныя массы іудеевъ, то Титъ отдалъ приказъ убивать только вооруженныхъ и сопротивляющихся, всѣхъ же другихъ брать въ плѣнъ живыми. Но вопреки приказу, солдаты убивали еще стариковъ и слабыхъ; только молодыхъ, крѣпкихъ и способныхъ къ труду они загнали на храмовую гору и заперли ихъ въ женскомъ притворѣ. Надсмотрщикомъ надъ ними Титъ назначилъ своего вольноотпущенника, а другу своему Фронтону онъ поручилъ рѣшить участь каждаго изъ нихъ по заслугамъ. Послѣдній (Фронтонъ) казнилъ мятежниковъ и разбойниковъ, выдававшихъ другъ друга, и выдѣлилъ самыхъ высокихъ и красивѣйшихъ юношей для тріумфа (VII, 5, 5). Изъ оставшейся массы Титъ отправилъ тѣхъ, которые были старше семнадцати лѣтъ, въ египетскіе рудники, а большую часть раздарилъ провинціямъ [1], гдѣ они нашли свою смерть въ театрахъ, кто отъ меча, кто отъ хищныхъ звѣрей (VII, 2, 1, 3, 1); недостигшіе же семнадцати-лѣтняго возраста были проданы. Въ тѣ дни, когда Фронтонъ рѣшалъ участь плѣнниковъ, 11000 умерло отъ голода: одни вслѣдствіе того, что стражники изъ ненависти не давали имъ ѣсть, а другіе потому, что сами отказывались отъ предложенной имъ пищи. Независимо отъ этого, прямо не хватало хлѣба для такой массы людей.

3. Число всѣхъ плѣненныхъ, за время войны, простиралась до девяносто семи тысячъ, а павшихъ во время осады было милліонъ сто тысячъ. Большинство ихъ было родомъ не изъ Іерусалима; ибо со всей страны

[1] Нѣкоторое число плѣнниковъ удалось спасти Іосифу Флавію. Онъ освободилъ прежде всего своего брата и пятьдесятъ друзей; затѣмъ онъ своимъ заступничествомъ передъ Титомъ доставилъ свободу 190 женщинамъ и дѣтямъ, принадлежащимъ къ знатному сословію, которыя были выпущены на волю безъ выкупа. Въ заключеніе онъ еще среди распятыхъ плѣнниковъ узналъ трехъ своихъ друзей и упросилъ Тита снять ихъ съ крестовъ и залѣчить имъ раны; но спасти удалось только одного, другіе же два умерли. („Жизнь“, 75).

стекался народъ въ столицу къ празднику опрѣсноковъ и здѣсь былъ неожиданно застигнутъ войной, такъ что густота населенія породила прежде чуму, а скоро послѣ нея — голодъ. А что городъ могъ вмѣщать такую массу людей, явствуетъ изъ переписи при Цестіи. Послѣдній, чтобы показать Нерону, считавшему іудейскій народъ совсѣмъ малозначущимъ, какъ велика степень процвѣтанія города, поручилъ первосвященнику по возможности привести въ извѣстность численность населенія. Такъ какъ тогда наступалъ праздникъ Пасхи, когда отъ 9 до 11 часа приносятъ жертвы, а вокругъ каждой жертвы собирается общество изъ девяти человѣкъ по меньшей мѣрѣ, но часто и изъ двадцати (ибо одному нельзя поѣдать эту жертву), такъ сосчитали жертвы, и ихъ оказалось 256500. Если положимъ на каждую жертву только по десяти участниковъ, то получимъ 2700000 [1]—и то исключительно чистыхъ и освященныхъ, ибо прокаженные, одержимые сѣмятеченіемъ, женщины, находившіяся въ періодѣ мѣсячнаго очищенія, и вообще нечистые не допускались къ участію въ этой жертвѣ, равно какъ и являвшіеся для поклоненія неіудеи.

4. Большая часть этой массы людей прибыла извнѣ; сама, слѣдовательно, судьба устроила такимъ образомъ, что весь народъ очутился запертымъ, какъ въ темницѣ, и непріятельское войско оцѣпило городъ, биткомъ набитый людьми. Размѣры гибели людей превысили все, что можно было ожидать отъ человѣческой и Божеской руки. Изъ тѣхъ, которые и теперь еще появлялись, римляне однихъ убивали, а другихъ брали въ плѣнъ. Они разыскивали скрывавшихся въ подземельяхъ и, раскапывая землю, убивали всѣхъ тамъ находившихся. Въ этихъ же минахъ найдено

[1] Слѣдуетъ здѣсь читать 2565000, или же выше — 270000.

Точность сообщаемыхъ здѣсь Іосифомъ цифръ подлежитъ большому сомнѣнію. Городъ съ пространствомъ въ 33 стадіи, какъ его опредѣляетъ самъ Іосифъ, едва-ли могъ вмѣщать въ себѣ такую массу людей. Съ другой же стороны закланіе такого огромнаго числа пасхальныхъ агнецовъ въ сравнительно незначительномъ по пространству храмовомъ притворѣ (עזרה) въ теченіе двухъ часовъ оказывается абсолютно невозможнымъ. Выводы, которые дѣлаетъ Гретцъ изъ этихъ данныхъ (Geschichte, четвертое изданіе, т. III, стр. 812 слѣд.), скомбинированныхъ имъ съ сообщеніемъ Іосифа на 207 стр. настоящей книги и съ извѣстіемъ Талмуда о предпринятой царемъ Агриппой во время Пасхи народной переписи въ Іерусалимѣ, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи оказываются крайне шаткими. См. обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса въ книгѣ проф. Д. Хвольсона, Das letzte Passamahl Christi und der Tag seines Todes, стр. 48—54.

было свыше 2000 мертвыхъ, изъ которыхъ одни сами себя убили, иные—другъ друга, а большая часть погибла отъ голода. При вторженіи въ эти подземелья на солдатъ повѣяло страшнымъ трупнымъ запахомъ, такъ что многіе, какъ пораженные, отскочили назадъ; другіе же, которыхъ жадность къ наживѣ влекла впередъ, топтали кучи мертвыхъ. И дѣйствительно въ этихъ пещерахъ находили массу драгоцѣнностей, а корысть оправдывала всякія средства къ ихъ добыванію. Изъ подземелій были извлечены, наконецъ, плѣнники, брошенные туда тиранами, которые и въ самыя послѣднія минуты упорствовали въ своихъ жестокостяхъ. Но и имъ обоимъ Богъ воздалъ по заслугамъ. Іоаннъ, который вмѣстѣ со своими братьями терпѣлъ голодъ въ подземельѣ, попросилъ, наконецъ, у римлянъ такъ часто отвергнутой имъ милости; Симонъ же сдался послѣ того, какъ вынесъ еще упорную борьбу, которая будетъ описана ниже. Симонъ былъ предназначенъ для тріумфальной жертвы (VII, 5, 9), а Іоаннъ—къ пожизненному заключенію. Римляне, наконецъ, предали огню и отдаленнѣйшія части города и срыли стѣны до основанія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Городъ, пять разъ прежде завоеванный, теперь во второй разъ подвергся разрушенію. — Краткая его исторія.

Такимъ образомъ на второмъ году царствованія Веспасіана, въ 8 день мѣсяца Гарпея, Іерусалимъ былъ завоеванъ. Пять разъ онъ былъ прежде покоренъ, причемъ одинъ разъ также разрушенъ. Разъ онъ былъ взятъ царемъ египетскимъ Асохеемъ [1], затѣмъ Антіохомъ, послѣ Помпеемъ, а за нимъ Соссіемъ сообща съ Иродомъ [2]. Во всѣхъ этихъ случаяхъ городъ былъ каждый разъ пощаженъ; но еще до нихъ онъ былъ завоеванъ вавилонскимъ царемъ и имъ же разрушенъ спустя 1468 лѣтъ 6 мѣсяцевъ послѣ его основанія. Первый основатель города былъ хананскій владѣтель, имя котораго на туземномъ языкѣ означаетъ «Праведный царь», какимъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ. Поэтому онъ былъ первымъ жрецомъ Бога, Которому основалъ святилище, при чемъ городъ, называвшійся прежде Солима, переименованъ былъ имъ же въ Іерусалимъ [3]. Позже іудейскій

[1] Библейскій Шишакъ (первая книга царствъ 14, 25), египетскій Шешонкъ.

[2] Ср. I, 18,2.

[3] Мнѣніе Іосифа, высказанное имъ также въ I. Д. VIII, 3, что Іеруса-

царь Давидъ изгналъ хананеевъ изъ города и населилъ его своими соплеменниками. 477 лѣтъ 6 мѣсяцевъ послѣ него городъ былъ разрушенъ вавилонянами. Отъ царя Давида, перваго іудейскаго царя въ Іерусалимѣ, до разрушенія, произведеннаго Титомъ, прошло 1179 лѣтъ, а отъ первоначальнаго основанія до послѣдняго завоеванія 2177 лѣтъ. Ни древность города, ни неимовѣрное богатство его, ни распространенная по всей землѣ извѣстность народа, ни великая слава совершавшагося въ немъ богослуженія не могли спасти его отъ паденія. Таковъ былъ конецъ іерусалимской осады.

Конецъ шестой книги.

СЕДЬМАЯ КНИГА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разрушеніе всего Іерусалима, кромѣ трехъ башенъ.—Титъ въ собраніи превозноситъ своихъ воиновъ, раздаетъ имъ награды и многихъ распускаетъ.

1. Войско не имѣло уже кого убивать и что грабить. Ожесточеніе не находило уже предмета мести, такъ какъ все было истреблено безпощадно. Тогда Титъ приказалъ весь городъ и храмъ сравнять съ землей; только башни, возвышавшіяся надъ всѣми другими, Фазаель, Гиппикъ, Маріамма и западная часть обводной стѣны должны были остаться: послѣдняя—для образованія лагеря оставленному гарнизону, а первыя три—чтобы служить свидѣтельствомъ для потомства, какъ величественъ и сильно укрѣпленъ былъ городъ, который палъ предъ мужествомъ римлянъ [1]. Остальныя стѣны города разру-

лимъ былъ основанъ финикійскимъ жрецомъ Мельхседекомъ, основывается на Быт. 14,18, гдѣ послѣдній названъ царемъ Салима. Тождественность Салима, упоминаемаго только еще разъ въ Псал. 76,3, съ Іерусалимомъ принимается также многими новѣйшими учеными. См. Dillmann, die Genesis, шестое изданіе, стр. 243. Что же касается названія Іерусалима, то время происхожденія его неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ оно уже существовало въ XV ст. до Р. Хр., такъ какъ встрѣчается въ корреспонденціи, найденной въ Телль-Амарнѣ, въ формѣ *Urusalim*.

[1] Изъ трехъ пощаженныхъ башенъ одна (по однимъ—Гиппикъ, по другимъ—Фазаель) сохранилась по настоящее время и нынѣ извѣстна подъ именемъ „башни Давидовой“. См. Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins, I, 226 слѣд.

шители такъ сравнили съ поверхностью земли, что посѣтитель едва ли могъ признать, что эти мѣста нѣкогда были обитаемы. Таковъ былъ конецъ этого великолѣпнаго, всемірно извѣстнаго города, постигшій его вслѣдствіе безумія мятежниковъ.

2. Въ качествѣ гарнизона Титъ назначилъ десятый легіонъ и нѣсколько отрядовъ конницы и пѣхоты. По окончаніи всѣхъ военныхъ дѣйствій онъ пожелалъ поблагодарить все войско за его военные подвиги и въ отдѣльности вознаградить достойнымъ образомъ тѣхъ, которые выдвигались изъ среды другихъ. Посреди бывшаго лагеря для него построена была трибуна, которую онъ занялъ вмѣстѣ съ главнѣйшими начальниками и вслухъ предъ всѣмъ войскомъ сказалъ: «Благодарю, много разъ благодарю васъ за вашу преданность ко мнѣ, оставшуюся неизмѣнной до сихъ поръ. Хвалю ваше послушаніе и личную храбрость, которую вы, не взирая на многочисленныя и великія опасности, выказывали въ продолженіе всей войны, чтобы, насколько это зависѣло отъ васъ, расширить господство вашего отечества и тѣмъ ясно показать міру, что ни численное превосходство, ни могучія крѣпости, ни величина города, ни слѣпая безумная отвага и звѣрская свирѣпость врага не могутъ устоять противъ могущества римлянъ, хотя бы даже одни или другіе изъ нашихъ враговъ во многомъ покровительствуемы были счастьемъ. Хорошо, — продолжалъ онъ,—что долго длившаяся война, благодаря вамъ, окончилась и что всѣ желанія, какія мы лелѣяли въ началѣ войны, теперь исполнились. Но еще пріятнѣе и достопамятнѣе должно быть для васъ то, что правителей и руководителей римскаго государства, которыхъ вы избрали и дали отечеству, всѣ встрѣчаютъ съ радостью, охотно подчиняются ихъ распоряженіямъ и къ вамъ питаютъ признательность за избраніе ихъ. Удивленія и любви преисполненъ я ко всѣмъ вамъ; ибо знаю, что каждый изъ васъ ревностно исполнялъ то, что могъ. Но тѣхъ изъ васъ, которые, благодаря своей превосходной силѣ, особенно отличились въ войнѣ, украсили свою жизнь геройскими подвигами и своими успѣхами возвеличили славу моего войска,—тѣхъ я хочу вознаградить теперь достойнымъ образомъ. Всякій, старавшійся дѣлать больше другихъ, да получитъ заслуженную награду. Объ этомъ я больше всего забочусь, какъ вообще мнѣ гораздо пріятнѣе награждать доблесть моихъ соратниковъ, чѣмъ наказывать ихъ погрѣшности».

3. Тотчасъ же онъ приказалъ назначеннымъ для этой цѣли лицамъ провозгласить имена тѣхъ, которые въ этой войнѣ совершили какой нибудь блестящій подвигъ. Вызывая ихъ поименно, онъ хвалилъ подходившихъ

и выказывалъ столько радости, какъ будто ихъ подвиги осчастливили лично его; тутъ же онъ возложилъ на нихъ золотые вѣнки, золотыя шейныя цѣпи, дарилъ большія золотыя копья или серебряныя знамена и каждаго изъ нихъ возводилъ въ высшій чинъ. Кромѣ того, онъ щедрой рукой надѣлялъ ихъ изъ добычи золотомъ, серебромъ, одеждой и другими вещами. Вознаградивъ такимъ образомъ всѣхъ по заслугамъ, онъ благословилъ все войско и при громкихъ ликующихъ крикахъ солдатъ сошелъ съ трибуны и приступилъ къ побѣднымъ жертвоприношеніямъ. Огромное количество быковъ, стоявшее уже у жертвенниковъ, было заколото и мясо ихъ роздано войску. Онъ самъ пировалъ вмѣстѣ съ ними три дня, послѣ чего часть войска [1] была отпущена куда кому угодно было; десятому легіону, вмѣсто того, чтобы послать его обратно на мѣсто его прежней стоянки за Евфратомъ, онъ поручилъ охрану Іерусалима; а двѣнадцатый легіонъ, которому онъ не могъ забыть прежняго пораженія, понесеннаго имъ въ Іудеѣ при Цестіи, онъ изгналъ совсѣмъ изъ Сиріи, гдѣ мѣстомъ стоянки служила ему Рафанея, и сослалъ въ такъ называемую Мелитину у Евфрата, на границѣ между Арменіей и Каппадокіей. Два остальныхъ легіона, пятый и пятнадцатый, онъ рѣшилъ оставить при себѣ до своего прибытія въ Египетъ. Вмѣстѣ съ этимъ войскомъ онъ отправился въ Кесарею приморскую, куда вслѣдъ за нимъ была доставлена несмѣтная добыча и гдѣ также охранялись плѣнники. Отплытію въ Италію помѣшала зима.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Титъ устраиваетъ разныя зрѣлища въ Кесареѣ Филипповой.—Взятіе въ плѣнъ тирана Симона и оставленіе его для тріумфа.

1. Въ то время, когда Титъ Цезарь дѣятельно занялся осадой Іерусалима, Веспасіанъ выѣхалъ изъ Александріи на грузовомъ суднѣ въ Родосъ, а тамъ пересѣлъ на тріеру и посѣтилъ всѣ попутные города, встрѣчая вездѣ радостный пріемъ. Затѣмъ изъ Іопіи онъ направился въ Элладу, а послѣ изъ Корциры [2] къ мысу Іапигіи [3], откуда уже ѣхалъ сухопутемъ. Титъ же выступилъ изъ Кесареи приморской и направился въ Кесарею Филиппову, гдѣ онъ остановился на болѣе продолжительное время и устраивалъ всякаго рода зрѣлища, причемъ множество плѣнниковъ нашло

[1] Вспомогательные отряды.
[2] Корфу.
[3] Юго-восточная оконечность Италіи. Нынѣ Капо-ди-Лейка.

свою смерть, частью въ борьбѣ съ дикими животными, большей же частью во взаимной борьбѣ, къ которой ихъ принуждали. Здѣсь Титъ получилъ извѣстіе о захватѣ Симона, сына Гіоры, которое произошло слѣдующимъ образомъ.

Симонъ во время осады Іерусалима находился въ Верхнемъ городѣ. Но когда римское войско вступило уже внутрь стѣнъ и опустошало весь городъ, онъ, въ сопровожденіи своихъ преданнѣйшихъ друзей, нѣсколькихъ каменьщиковъ, снабженныхъ необходимыми желѣзными инструментами, и съ запасомъ провизіи на нѣсколько дней, опустился въ одно изъ невидимыхъ подземелій. Пока тянулся еще старый ходъ, они безпрепятственно протискивались впередъ; когда же дошли до плотной земли, то начали раскапывать ее въ надеждѣ выбиться на безопасное мѣсто и такимъ образомъ спастись. Но ихъ попытка оказалась на дѣлѣ невыполнимой: едва землекопы успѣли пробить себѣ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ съѣстные припасы, при всей бережливости, съ которой съ ними обращались, начали истощаться. Тогда Симонъ задумалъ обмануть римлянъ и навести на нихъ страхъ: онъ одѣлъ на себя бѣлую тунику, поверхъ нея пурпуровую хламиду и выступилъ изъ подземелья на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ храмъ. При его появленіи солдаты вначалѣ оробѣли и стали втупикъ, но потомъ они приблизились и окликнули его вопросомъ: «кто идетъ?» Симонъ, не отвѣтивъ имъ на вопросъ, приказалъ привести командующаго. Поспѣшно отправились они къ Терентію Руфу, оставшемуся начальствовать надъ войсками, и тотъ немедленно явился. Узнавъ отъ Симона обо всемъ происшедшемъ съ нимъ, онъ приказалъ заключить его въ кандалы и содержать подъ стражей, а Цезарю онъ донесъ, какимъ образомъ тотъ былъ взятъ въ плѣнъ. Такъ Богъ предалъ Симона въ руки сильно противъ него раздраженныхъ враговъ въ наказаніе за его жестокости къ своимъ соотечественникамъ, которыхъ онъ такъ безчеловѣчно тиранизировалъ. Не силой былъ онъ захваченъ въ плѣнъ, а самъ добровольно долженъ былъ предстать для принятія наказанія; самъ онъ долженъ былъ сдѣлать то, за что онъ столь многихъ ложно обвинялъ въ преданности къ римлянамъ и такъ безпощадно умерщвлялъ. Злу не избѣжать гнѣва Божьяго; Его справедливость всемогуща и рано или поздно постигаетъ она грѣшныхъ, для которыхъ обрушивающаяся на нихъ кара тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ больше они безпечны и увѣрены въ томъ, что если не были наказаны сейчасъ, то уже избавлены отъ наказанія навсегда. Это испыталъ также Симонъ, когда онъ подпалъ подъ гнѣвъ римлянъ. Его

появленіе изъ подземелья послужило причиной гибели многихъ другихъ мятежниковъ, которые въ тѣ дни были открыты въ ихъ подземныхъ убѣжищахъ. Когда Титъ возвратился въ Кесарею приморскую, къ нему былъ приведенъ Симонъ въ цѣпяхъ. Онъ приказалъ сохранить его для тріумфа, который имѣлъ въ виду праздновать въ Римѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Титъ, празднуя день рожденія своего брата и своего отца, убиваетъ многихъ іудеевъ. — Объ опасностяхъ, испытанныхъ іудеями въ Антіохіи, вслѣдствіе измѣны и безбожія іудея Антіоха.

1. Во время своего пребыванія въ Кесареѣ, Титъ блестящимъ образомъ отпраздновалъ день рожденія своего брата [1], въ честь котораго много плѣнныхъ іудеевъ было предано смерти. Число погибшихъ въ бою съ животными ссожженныхъ и павшихъ въ битвахъ, устроенныхъ между самими плѣнниками, превышало 2500. Но все это и другіе безчисленные роды мученической смерти, которымъ подвергались іудеи, казались римлянамъ чрезъ-чуръ легкимъ наказаніемъ. Изъ Кесареи Титъ отправился въ Беритъ— римская колонія въ Финикіи,—гдѣ онъ оставался болѣе продолжительное время и ко дню рожденія своего отца устроилъ блестящія игры и всевозможныя празднества еще съ большими затратами. И здѣсь опять множество плѣнниковъ погибло точно такимъ же путемъ, какъ и раньше.

2. Въ это же время случилось, что оставшіеся въ Антіохіи іудеи подверглись обвиненіямъ которыя грозили имъ опасностью жизни: противъ нихъ возстали коренные граждане, отчасти вслѣдствіе возведенной на нихъ тогда-же клеветы, отчасти вслѣдствіе прежнихъ происшествій. О послѣднихъ я долженъ вкратцѣ сообщить, чтобы сдѣлать понятнымъ разсказъ о первыхъ.

3. Извѣстно, что іудейскій народъ разсѣянъ по всей землѣ между обитателями различныхъ странъ [2]. Большая часть Сиріи, какъ сосѣдняя страна, ими населена, а въ особенности много ихъ въ Антіохіи, какъ въ ве-

[1] Домиціанъ.

[2] О сильномъ распространеніи евреевъ, начавшемся еще въ дохристіанское время, имѣется много свидѣтельствъ. Уже „Сивиллинскіе оракулы" (около 140 до Р. Хр.) говорятъ о „всякой землѣ и всякомъ морѣ, наполненныхъ ими". Страбонъ свидѣтельствуетъ, что „въ его время не было населенной страны, въ которой не селились бы іудеи". Въ посланіи Агриппы къ Калигулѣ, сохранившемся у Филона (Legatio ad Cajum, 36), говорится между прочимъ: „Іерусалимъ — столица не только Іудеи, но и большинства другихъ странъ,

личайшемъ городѣ Сиріи. Къ тому еще цари, послѣдовавшіе за Антіохомъ, позволяли имъ свободно селиться. Этотъ Антіохъ, по прозвищу Эпифанъ, при разрушеніи Іерусалима, разграбилъ и храмъ; но его преемники возвратили антіохійскимъ іудеямъ мѣдную храмовую утварь, установили ее въ ихъ синагогѣ и предоставили имъ одинаковыя права гражданства съ эллинами. Встрѣчая такое же обращеніе и со стороны позднѣйшихъ царей, іудейское населеніе въ Антіохіи съ теченіемъ времени значительно разрослось. Они украсили свою святыню высоко-художественными и драгоцѣнными дарами и, привлекая къ своей вѣрѣ множество эллиновъ, сдѣлали и этихъ послѣднихъ до извѣстной степени составной частью своей общины. Въ то время, когда объявлена была война, и Веспасіанъ только что прибылъ сухимъ путемъ въ Сирію, когда ненависть къ іудеямъ возгорѣлась повсюду съ ужасающей силой [1], выступилъ одинъ изъ нихъ, по имени Антіохъ, пользовавшійся почетомъ благодаря тому, что его отецъ состоялъ представителемъ антіохійскихъ іудеевъ, и публично въ театрѣ предъ собраніемъ гражданъ обвинилъ собственнаго отца и другихъ іудеевъ въ томъ, что они рѣшили между собою сжечь весь городъ въ одну ночь; одновременно съ тѣмъ онъ указалъ на нѣкоторыхъ иногороднихъ іудеевъ, какъ на соучастниковъ этого замысла. Услышавъ объ этомъ, народъ не могъ сдержать свой гнѣвъ: онъ потребовалъ возвести немедленно костеръ, и тутъ же въ театрѣ всѣ выданные іудеи были сожжены. Вслѣдъ за этимъ эллины набросились на остальную массу іудеевъ, предполагая, что чѣмъ скорѣе отмстятъ имъ, тѣмъ вѣрнѣе они спасутъ свой родной городъ. Антіохъ еще больше разжигалъ ихъ ярость и, чтобы убѣдить всѣхъ въ перемѣнѣ своего образа мыслей и въ своемъ презрѣніи къ всему іудейскому, онъ вызвался совершить жертвоприношеніе по эллинскому обряду и предложилъ принудить остальныхъ іудеевъ къ принесенію жертвъ, а отказав-

колонизированныхъ іудеями, которые при разныхъ случаяхъ отправлялись въ ближайшія области Египта, Финикіи и Сиріи, Келесиріи, въ болѣе отдаленныя Памфиліи и Киликіи, почти во всѣ части Азіи вплоть до Вифиніи и къ прибрежьямъ далекаго Понта (Чернаго моря); равнымъ образомъ они поселялись въ Европѣ, въ Ѳессаліи, Беотіи, Македоніи, Этоліи, Аттикѣ, Аргосѣ, Коринѳѣ и въ лучшихъ частяхъ Пелопонеса. Еврейскія колоніи изобилуютъ не только на континентѣ, но на значительнѣйшихъ островахъ: Евбеѣ, Кипрѣ, и Критѣ. Я не упоминаю уже о заевфратскихъ". Во времена Нерона были уже извѣстны значительныя еврейскія колоніи въ Галліи, весьма многочисленныя въ Италіи, особенно въ Лаціумѣ и въ Римѣ.

[1] Ср. 231—237 стр.

шихся отъ этого считать заговорщиками. Антіохійцы приступили къ этому испытанію. Только немногіе уступили, всѣ же отказавшіеся были казнены. Тогда Антіохъ получилъ отъ римскаго начальника отрядъ солдатъ и съ ихъ помощью жестоко притѣснялъ своихъ согражданъ, запрещая имъ также праздновать субботу и заставляя ихъ въ этотъ день совершать повседневныя работы. Съ такой настойчивостью умѣлъ онъ преслѣдовать свои принудительныя мѣры, что не только въ Антіохіи, но и въ другихъ городахъ было пріостановлено на нѣкоторое время празднованіе субботы.

4. Вскорѣ послѣ того какъ въ Антіохіи были возбуждены эти преслѣдованія противъ іудеевъ, послѣднихъ постигло другое несчастье. Этотъ именно случай и подалъ мнѣ поводъ къ описанію предыдущаго. Сгорѣли въ Антіохіи четырехъугольный рынокъ, городское зданіе, архивъ и царскій дворецъ; только съ большими усиліями удалось остановить распространеніе огня на весь городъ. Антіохъ объявилъ виновниками пожара іудеевъ. Такая клевета, брошенная въ ту минуту, когда всѣ находились еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ случившагося несчастья, могла бы имѣть успѣхъ даже въ томъ случаѣ, если-бъ антіохійцы не были еще раньше предубѣждены противъ іудеевъ; но Антіохъ не преминулъ подтвердить свои показанія ссылками на прошедшее и такимъ образомъ довелъ гражданъ до того, что они, хотя и никто не видѣлъ, чтобы іудеи подложили огонь, съ бѣшеной яростью готовы были обрушиться на оклеветанныхъ. Только съ трудомъ они были обузданы легатомъ Кнеемъ Коллегой, потребовавшимъ, чтобъ ему было предоставлено прежде всего сообщить о случившемся императору. (Веспасіанъ, хотя послалъ уже въ Сирію въ качествѣ правителя Цезеннія Пета, но послѣдній еще не прибылъ). Тѣмъ же временемъ Коллега тщательнымъ слѣдствіемъ обнаружилъ истинную причину происшествія; іудеи на которыхъ Антіохъ взвалилъ всю вину, оказались ни къ чему непричастными: весь пожаръ былъ дѣломъ рукъ нѣсколькихъ погрязшихъ въ долги негодяевъ, которые вообразили, что если они истребятъ зданіе совѣта и общественный архивъ, тогда къ нимъ нельзя будетъ предъявить никакихъ требованій. Но пока надъ іудеями тяготѣло обвиненіе, они находились въ большомъ страхѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Встрѣча Веспасіана въ Римѣ.—Германцы, отпавшіе отъ римлянъ, снова покоряются.—Сарматы, напавшіе на Мизію, принуждены возвратиться на родину.

1. Извѣстіе о задушевной встрѣчѣ Веспасіана во всѣхъ городахъ Италіи и въ особенности о сердечномъ и блестящемъ пріемѣ, оказанномъ ему

въ Римѣ, освободило Тита отъ заботъ о немъ и наполнило его сердце радостью и успокоеніемъ. И дѣйствительно, когда Веспасіанъ былъ еще очень далеко, изо всей Италіи радостно бились ему навстрѣчу сердца жителей и, ожидая его, они изъ любви къ нему уже предвкушали его прибытіе. И это расположеніе къ нему было свободно отъ всякаго принужденія. Сенатъ, помня потрясенія, проистекавшія отъ частой смѣны послѣднихъ властителей, считалъ за счастье имѣть императоромъ человѣка почтеннаго возраста, окруженнаго ореоломъ военныхъ подвиговъ, въ которомъ можно было быть увѣреннымъ, что онъ будетъ пользоваться властью только для блага своихъ подданныхъ. Народъ, истерзанный междоусобными войнами, съ нетерпѣніемъ ждалъ его прибытія: онъ надѣялся, что теперь навѣрно избавится отъ постигшихъ его до сихъ поръ бѣдъ и былъ увѣренъ, что при немъ воцарится благодать и личная безопасность. Войско, въ особенности, взирало на него съ высокимъ довѣріемъ, ибо оно лучше всѣхъ могло оцѣнить значеніе такъ счастливо оконченныхъ имъ войнъ. Извѣдавъ бездарность и трусость другихъ императоровъ, войско желало, наконецъ, смыть позоръ, такъ часто понесенный имъ раньше, и единственнаго человѣка, который можетъ возстановить его честь и могущество, оно видѣло въ Веспасіанѣ. Высшіе сановники города, видя восторженное настроеніе всѣхъ классовъ населенія, не могли въ ожиданіи Веспасіана оставаться на мѣстѣ, а поспѣшили ему навстрѣчу далеко за предѣлы Рима. Но и другимъ гражданамъ всякая отсрочка этой встрѣчи была невыносима; имъ было пріятнѣе и легче выѣхать на встрѣчу, чѣмъ оставаться въ городѣ. И устремились они въ дорогу такими огромными массами, что въ городѣ ощущалось тогда въ первый разъ пріятное чувство малолюдья, ибо оставшихся было меньше, чѣмъ выѣхавшихъ. Когда же, наконецъ, было оповѣщено приближеніе императора, а предшествовавшая ему толпа прославляла его ласковое обращеніе со всѣми, встрѣчавшими его, тогда все остальное населеніе вышло встрѣчать его съ женами и дѣтьми, и на всемъ пути, по которому онъ проѣзжалъ, они, вдохновленные его добродушнымъ видомъ и кроткимъ взоромъ, издавали радостные клики, называя его благодѣтелемъ, спасителемъ и единственнымъ, достойнымъ править Римомъ. Весь городъ принялъ видъ храма, наполненнаго вѣнками и ѳиміамомъ. Только съ трудомъ могъ онъ протѣсниться сквозь окружавшія его толпы народа во дворецъ, гдѣ онъ прежде всего принесъ домашнимъ богамъ [1]

[1] Домашними богами (penates, dii patrii, penetrales, familiares, domestici), по римскому вѣрованію, были души праотцевъ.

благодарственную жертву за свое благополучное прибытіе. Послѣ этого народъ предался пиршествамъ. Трибы, колѣна и сосѣди, собравшись для пированія, при своихъ жертвоприношеніяхъ молили божество о сохраненіи римскому царству Веспасіана еще на долгіе годы и объ оставленіи престола неоспоримымъ наслѣдіемъ его сыновьямъ и ихъ отдаленнѣйшимъ потомкамъ. Принявшій такъ радостно Веспасіана городъ Римъ съ тѣхъ поръ вступилъ на путь полнаго благоденствія.

2. До описаннаго періода времени, еще когда Веспасіанъ находился въ Александріи, а Титъ былъ занятъ осадой Іерусалима, возстала значительная часть германцевъ, къ которымъ присоединились также сосѣдніе галлы; соединенные вмѣстѣ они возымѣли большую надежду свергнуть съ себя совершенно римское иго. Германцами въ ихъ отпаденіи и объявленіи войны руководилъ, во первыхъ, ихъ національный характеръ, въ силу котораго они, неспособные дѣйствовать разумно, при малѣйшихъ только видахъ на успѣхъ, слѣпо бросаются въ опасность; во вторыхъ, ненависть къ притѣснявшимъ властителямъ и сознаніе, что ихъ народъ никѣмъ еще, кромѣ римлянъ, не былъ покоренъ; главнымъ же образомъ ихъ ободрялъ на этотъ шагъ удобный моментъ. Они видѣли, что римское государство, вслѣдствіе быстрой смѣны императоровъ потрясено внутренней междоусобицей; они слышали, что всѣ страны римскаго міра находятся въ напряженно-выжидательномъ положеніи и думали, что эти затрудненія и несогласія римлянъ даютъ имъ въ руки удобный случай. Эти высокомѣрныя надежды были имъ внушены обоими ихъ вождями Классикомъ и Вителліемъ [1], которые, очевидно, давно уже замышляли мятежъ и только теперь, поощряемые обстоятельствами, открыто выступили со своими планами, опираясь на племена и безъ того склонныя къ волненіямъ. Уже значительная часть германцевъ открыто объявила себя за возстаніе, а присоединеніе остальныхъ можно было предвидѣть, какъ Веспасіанъ, точно по высшему внушенію, послалъ прежнему правителю Германіи Петилію Церealію письмо, въ которомъ предоставилъ ему санъ консула и приказалъ отправиться въ качествѣ правителя въ Британію. И вотъ по дорогѣ къ мѣсту своего новаго назначенія Цереалій получилъ извѣстіе объ отложеніи и вооруженіи германцевъ. Тогда онъ немедленно напалъ на нихъ, уни-

[1] Главнымъ вождемъ возстанія былъ Клавдій Цивилисъ, стоявшій во главѣ такъ называемой батавской войны; впослѣдствіи къ нему присоединились Классикъ и Сабинъ. Вителлій же, о которомъ упоминаетъ авторъ, неизвѣстенъ въ исторіи.

чтожилъ въ одномъ сраженіи значительную часть возставшихъ и тѣмъ заставилъ ихъ отказаться отъ своей безумной затѣи и образумиться [1]. Впрочемъ, еслибъ Цереалій и не вторгся такъ быстро въ ихъ страну, они тоже были бы проучены и весьма скоро; ибо едва только извѣстіе объ ихъ отпаденіи прибыло въ Римъ, Цезарь Домиціанъ, не размышляя долго, какъ это сдѣлалъ бы всякій другой въ его совсѣмъ еще юношескомъ возрастѣ, со всей храбростью, унаслѣдованной имъ отъ отца, и удивительной для его возраста военной опытностью принялъ на себя великую задачу и тотчасъ же выступилъ въ походъ противъ варваровъ. Одинъ только слухъ о его приближеніи уже сломилъ духъ германцевъ: они покорились ему изъ страха и считали себя счастливыми, что могли безъ потери людей подпасть подъ прежнее ярмо. Послѣ принятія въ Галліи предупредительныхъ мѣръ противъ возникновенія безпорядковъ въ будущемъ, Домиціанъ, увѣнчанный славой и окруженный почетомъ за великія дѣла, которыхъ и не по возрасту можно было ожидать отъ сына такого отца, возвратился въ Римъ.

3. Одновременно съ только что упомянутымъ отпаденіемъ германцевъ въ Римѣ получено было извѣстіе о возмущеніи скиѳовъ противъ римлянъ. Многочисленное скиѳское племя, сарматы, незамѣтно перешли чрезъ Дунай въ Мизію и въ огромномъ числѣ, распространяя повсюду панику неожиданностью своего нашествія, напали на римлянъ, истребили значительную часть тамошняго гарнизона, убили въ кровавомъ побоищѣ выступившаго противъ нихъ легата Фонтея Агриппу, послѣ чего они разграбили и опустошили всю покоренную страну. Веспасіанъ, услышавъ объ этихъ событіяхъ и объ опустошеніи Мизіи, послалъ для отмщенія сарматамъ Рубрія Галла, который дѣйствительно множество изъ нихъ уничтожилъ въ сраженіяхъ, а остальныхъ заставилъ бѣжать на родину. По окончаніи этой войны полководецъ позаботился о будущей безопасности того края: онъ снабдилъ его болѣе многочисленными и болѣе сильными гарнизонами, которые сдѣлали невозможнымъ для варваровъ переходъ черезъ Дунай. Такимъ образомъ борьба въ Мизіи быстро разрѣшилась.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О Субботней-рѣкѣ, которую осмотрѣлъ Титъ во время своего путешествія черезъ Сирію.—Жалобы антіохійцевъ на іудеевъ отвергаются Титомъ.—О тріумфѣ Тита и Веспасіана.

1. Какъ мы уже упомянули, Цезарь Титъ нѣкоторое время проводилъ въ Беритѣ. Отсюда онъ предпринялъ поѣздку въ сирійскіе города и вездѣ, куда ни прибывалъ, устраивалъ великолѣпныя зрѣлища и предавалъ іудейскихъ плѣнниковъ, въ знакъ ихъ пораженія, смерти. Въ эту поѣздку онъ осматривалъ также весьма замѣчательную по своей природѣ рѣку, протекающую посрединѣ между Аркеей [1] и Рафанеей [2] и обладающую удивительнымъ свойствомъ. Водообильная и довольно быстро несущаяся во время теченія, рѣка ровно шесть дней въ недѣлю изсякаетъ отъ самаго источника и представляетъ глазамъ зрителя сухое русло; въ каждый-же седьмой день воды ея снова текутъ, точно не было никакого перерыва. Такой порядокъ теченія рѣка сохраняетъ въ точности, вслѣдствіе чего она и названа Субботней рѣкой по имени священнаго седьмого дня, празднуемаго іудеями [3].

2. Когда населеніе Антіохіи узнало о приближеніи Тита, оно отъ радости не могло удержаться въ своихъ стѣнахъ, а устремилось ему на встрѣчу больше чѣмъ на 30 стадій отъ города—и не только одни мужчины, но и женщины съ дѣтьми пустились въ дорогу. Едва-же увидѣли его издали, они выстроились рядами по обѣимъ сторонамъ дороги, простерли къ нему руки съ привѣтствіями и всякими благопожеланіями и провожали его въ городъ. Свои возгласы они безпрерывно перемѣшивали просьбой объ изгнаніи іудеевъ. Титъ молча прислушивался къ этой просьбѣ, ничѣмъ не обнаруживая своей готовности уступить ей, іудеи же, не зная опредѣленно, что онъ думаетъ и что намѣренъ сдѣлать, долгое время находились въ величайшемъ страхѣ. Ибо Титъ не остался въ Антіохіи

[1] Нападеніе Цереалія не было дѣломъ случайности: Цереалій непосредственно изъ Италіи повелъ легіоны противъ возставшихъ послѣ того, какъ послѣдніе нанесли римскимъ гарнизонамъ цѣлый рядъ пораженій.

[1] На сѣверномъ концѣ Ливана, между Триполисомъ и Антарадомъ, въ царствѣ Агриппы.

[2] Въ Сиріи между Антарадомъ и Оронтомъ.

[3] Еврейское названіе этой легендарной рѣки „Самбатіонъ". О ней часто упоминается въ талмудической и въ позднѣйшей еврейской литературѣ, большею частью въ связи съ другими легендарными мѣстностями, какъ съ мѣстомъ пребыванія десяти колѣнъ или потомковъ Моисеевыхъ. По всѣмъ этимъ сказаніямъ рѣка бушуетъ 6 дней, а въ субботу утихаетъ. Плиній также разсказываетъ объ этой рѣкѣ и говоритъ, что она 6 дней течетъ, а въ седьмой теченіе ея прерывается.. По словамъ же Іосифа рѣка въ теченіе 6 дней изсякаетъ, а только въ субботній день течетъ. Въ виду такого разногласія многіе считаютъ это мѣсто нашего текста испорченымъ. См. примѣчаніе Haverkamp'a, II, стр. 411. По еврейскому преданію, впрочемъ, Самбатіонъ не есть рѣка, наполненная водой, а пескомъ и камнями. Весьма остроумное объясненіе происхожденія легенды о Самбатіонѣ предлагаетъ Кауфманъ въ Revue des Etudes Juives, XXII, стр. 285.

а сейчасъ-же продолжалъ свой путь въ Зевгму на Евфратѣ. Здѣсь его встрѣтило посольство отъ парѳянскаго царя Вологеза, которое принесло ему поздравленія по случаю побѣды надъ іудеями и вручило ему золотой вѣнокъ. Онъ принялъ его, угостилъ пословъ, послѣ чего возвратился опять въ Антіохію. На настойчивую просьбу совѣта и гражданъ Антіохіи прибыть въ ихъ театръ, гдѣ его ждетъ весь собравшійся народъ, онъ любезно согласился. Но когда они и здѣсь обступили его съ просьбами объ изгнаніи іудеевъ изъ города, онъ далъ имъ мѣткій отвѣтъ: «ихъ отечество, куда іудеи могли бы выселиться, опустошено, а другой страны нѣтъ, которая ихъ приняла-бы». Получивъ отказъ на первую просьбу, антіохійцы принесли вторую: пусть Титъ объявитъ недѣйствительными тѣ мѣдныя доски, на которыхъ вырѣзаны права іудеевъ. Но и этой просьбы Титъ не удовлетворилъ, а оставилъ за антіохійскими іудеями прежнія ихъ права. [1]. Послѣ этого онъ выѣхалъ въ Египетъ. Дорога его вела мимо Іерусалима; и когда онъ сравнилъ печальное его опустошеніе съ прежнимъ великолѣпіемъ города, когда онъ вызвалъ въ своей памяти величіе и красоту срытыхъ сооруженій, онъ проникся глубокимъ сожалѣніемъ къ погибшему городу и, вмѣсто того, чтобы, какъ другой поступилъ бы на его мѣстѣ, злорадствовать надъ тѣмъ, что силой оружія взялъ столь могущественный и сильно-укрѣпленный городъ, онъ неоднократно проклиналъ виновниковъ возстанія, которые навлекли на городъ эту кару правосудія. Этимъ онъ доказалъ какъ онъ далекъ отъ намѣренія искать славы храбрости въ несчастіи наказанныхъ. Изъ неимовѣрныхъ богатствъ города еще многое было найдено въ развалинахъ; многое римляне сами откапывали, но въ большинствѣ случаевъ указанія самихъ плѣнниковъ вели къ открытію золота, серебра и другихъ очень цѣнныхъ предметовъ, владѣльцы которыхъ въ виду безъизвѣстности исхода войны закопали ихъ въ землю.

3. Титъ продолжалъ свой путь въ Египетъ, быстро прорѣзалъ пустыню и прибылъ въ Александрію. Здѣсь онъ началъ готовиться къ отъѣзду въ Италію и отпустилъ сопровождавшіе его два легіона на мѣста ихъ прежняго назначенія: пятый легіонъ въ Мизію, а пятнадцатый въ Паннонію. Изъ военноплѣнниковъ онъ приказалъ отдѣлить вожаковъ, Симона и Іоанна,

[1] И александрійскіе греки, подобно антіохійскимъ, хлопотали предъ Веспасіаномъ и Титомъ о лишеніи гражданскихъ правъ евреевъ, жившихъ въ Александріи, но и имъ тоже было отказано (І. Д. XII, 3,1). Можно съ большой вѣроятностью предположить, что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ помогло евреямъ заступничество Вереники и Агриппы.

и кромѣ нихъ 700 человѣкъ, отличавшихся своимъ ростомъ и красотой, и немедленно отправить ихъ въ Италію, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду вывести ихъ въ тріумфальномъ шествіи. Плаваніе его по морю совершилось вполнѣ благополучно, и Римъ готовился выйти ему на встрѣчу и привѣтствовать точно такимъ-же образомъ, какъ его отца. Особенную честь доставляло Титу то, что его отецъ лично выѣхалъ ему на встрѣчу и привѣтствовалъ его [1]. Тогда населеніе города къ величайшему своему удовольствію могло видѣть всѣхъ троихъ [2] вмѣстѣ. По истеченіи нѣсколькихъ дней они порѣшили устроить общій тріумфъ для чествованія своихъ подвиговъ, хотя сенатъ разрѣшилъ каждому изъ нихъ отдѣльный тріумфъ. Такъ какъ день, назначенный для празднованія побѣды, былъ объявленъ заранѣе, то изъ безчисленнаго населенія столицы ни одинъ не остался дома: каждое мѣсто, гдѣ только можно было стоять, было занято и свободнымъ осталось лишь столько пространства, сколько было необходимо для прослѣдованія предметовъ всеобщаго любопытства.

4. Еще ночью все войско выстроилось въ боевомъ порядкѣ подъ начальствомъ своихъ командировъ у воротъ не верхняго дворца, а вблизи храма Изиды, [3] гдѣ въ ту ночь отдыхали императоры; съ наступленіемъ же утра Веспасіанъ и Титъ появились въ лавровыхъ вѣнкахъ и обычномъ пурпуровомъ одѣяніи и направились къ портику Октавіи [4]. Здѣсь ожидали ихъ прибытія сенатъ, высшіе сановники и знатнѣйшіе всадники. Передъ портикомъ была воздвигнута трибуна, на которой были приготовлены для тріумфаторовъ кресла изъ слоновой кости. Какъ только они прибыли туда и опустились на эти кресла, войско подняло громовой кличъ и громко восхваляло ихъ доблести. Солдаты были тоже безъ оружія въ шелковой одеждѣ и въ лавровыхъ вѣнкахъ. Принявъ ихъ привѣтствія, Веспасіанъ подалъ имъ знакъ замолчать. Наступила глубокая тишина, среди которой онъ поднялся и, покрывъ почти всю голову тогой, прочелъ издревле установленную молитву; точно такимъ-же образомъ молился Титъ. Послѣ молитвы Веспасіанъ произнесъ предъ собраніемъ краткую, обращенную ко всѣмъ, рѣчь и отпустилъ солдатъ на пиршество, обыкновенно даваемое

[1] Веспасіанъ былъ очень обрадованъ пріѣздомъ сына, котораго онъ раньше подозрѣвалъ въ посягательствѣ на его власть. Титъ при встрѣчѣ съ нимъ сказалъ: „Пріѣхалъ я, отецъ, пріѣхалъ!" (veni, pater, veni. Sueton, Tit., 5).

[2] Веспасіана, Тита и Домиціана.

[3] Храмъ этотъ находился у рѣки Тибра, не далеко отъ Villa Publica.

[4] Портикъ построенъ былъ Августомъ и названъ именемъ его сестры.

имъ въ такихъ случаяхъ самимъ императоромъ. Самъ-же онъ прослѣдовалъ къ воротамъ, названнымъ тріумфальными, вслѣдствіе того, что черезъ нихъ всегда проходили тріумфальныя процессіи. Здѣсь они подкрѣпились пищей, одѣлись въ тріумфальныя облаченія, принесли жертву богамъ, имѣвшимъ у этихъ воротъ свои алтари, и открыли тріумфальное шествіе, которое подвигалось мимо театровъ [1] для того, чтобы народъ легче могъ все видѣть.

5. Невозможно описать достойнымъ образомъ массу показывавшихся достопримѣчательностей и роскошь украшеній, въ которыхъ изощрялось воображеніе, или великолѣпіе всего того, что только можетъ представить себѣ фантазія, какъ: произведеній искусства, предметовъ роскоши и находимыхъ въ природѣ рѣдкостей. Ибо почти все драгоцѣнное и достойное удивленія, что пріобрѣтали когда нибудь зажиточные люди и что считалось такимъ отдѣльными лицами—все въ тотъ день было выставлено на показъ, чтобы дать понятіе о величіи римскаго государства. Разнообразнѣйшія издѣлія изъ серебра, золота и слоновой кости видны были не какъ при обыкновенномъ торжествѣ, но точно рѣкой текли предъ глазами зрителей. Матеріи, окрашенныя въ рѣдчайшіе пурпуровые цвѣта и испещренныя тончайшими узорами вавилонскаго искусства; блестящіе драгоцѣнные камни въ золотыхъ коронахъ или въ другихъ оправахъ проносились въ такомъ огромномъ количествѣ, что ошибочнымъ казалось то мнѣніе, будто предметы эти составляютъ рѣдкость. Носили также изображенія боговъ большихъ размѣровъ, весьма художественно отдѣланныя и изготовленныя исключительно изъ драгоцѣннаго матеріала. Далѣе водили животныхъ разныхъ породъ, каждое—украшенное соотвѣтствующимъ убранствомъ. Даже многочисленные носильщики всѣхъ драгоцѣнностей были одѣты въ пурпуровыя и золототканныя матеріи. Особеннымъ богатствомъ и великолѣпіемъ отличалась одежда тѣхъ, которые были избраны для участія въ процессіи. Даже толпа плѣнниковъ одѣта была не просто: пестрота и пышность цвѣтовъ ихъ костюмовъ скрашивали печальный видъ этихъ изможденныхъ людей. Но величайшее удивленіе возбуждали пышныя носилки, которыя были такъ громадны, что зрители только боялись за безопасность тѣхъ, которые ихъ носили. Многія изъ нихъ имѣли по три, даже по четыре этажа. Великолѣпное убранство ихъ одновременно восхищало и поражало; многія были обвѣшаны золототканными коврами и на всѣхъ ихъ были установлены художественныя издѣлія изъ

[1] Театра Помпея и Circus Flaminius, въ которыхъ собралась масса народа

золота и слоновой кости. Множество отдѣльныхъ изображеній чрезвычайно живо воспроизводило войну въ главныхъ ея моментахъ. Здѣсь изображалось, какъ опустошается счастливѣйшая страна, какъ истребляются цѣлыя толпы непріятельскія, какъ однѣ изъ нихъ бѣгутъ, а другія попадаютъ въ плѣнъ; какъ падаютъ исполинскія стѣны подъ ударами машинъ; какъ покоряются сильныя крѣпости, или какъ взбираются на самый верхъ укрѣпленій многолюднѣйшихъ городовъ, какъ войско проникаетъ черезъ стѣны и наполняетъ все кровью; умоляющіе жесты безоружныхъ, пылающія головни, швыряемыя въ храмъ, дома, обваливающіеся надъ головами своихъ обитателей, наконецъ, послѣ многихъ печальныхъ сценъ разрушенія, водяные потоки,—не тѣ, которые орошаютъ поля на пользу людямъ или животнымъ, а потоки, разливающіеся по охваченной повсюду пожаромъ мѣстности. Такъ изображены были всѣ бѣдствія, которыя война навлекла на іудеевъ. Художественное исполненіе и величіе этихъ изображеній представляли событія какъ-бы воочію и для тѣхъ, которые не были очевидцами ихъ. На каждомъ изъ этихъ сооруженій былъ представленъ и начальникъ завоеваннаго города въ тотъ моментъ, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ слѣдовали также многіе корабли. Предметы добычи носили массами; но особенное вниманіе обращали на себя тѣ, которые взяты были изъ храма, а именно: золотой столъ, вѣсившій много талантовъ, и золотой свѣтильникъ, имѣвшій форму отличную отъ тѣхъ, какіе обыкновенно употребляются у насъ. По самой срединѣ подымался изъ подножія столбообразный стержень, изъ котораго выступали тонкія вѣтви, расположенныя на подобіе трезубца; на верхушкѣ каждаго выступа находилась лампадка; всѣхъ лампадокъ было семь, символически изображавшихъ седьмицу іудеевъ. Послѣднимъ въ ряду предметовъ добычи находился Законъ іудеевъ. Вслѣдъ за этимъ множество людей носило статуи богини Побѣды, сдѣланныя изъ слоновой кости и золота. Послѣ ѣхалъ Веспасіанъ, за нимъ Титъ, а Домиціанъ въ пышномъ нарядѣ ѣхалъ съ боку на достойномъ удивленія конѣ.

6. Конечной цѣлью тріумфальнаго шествія былъ храмъ Юпитера Капитолійскаго. Здѣсь, по старинному обычаю, всѣ должны ожидать, пока гонецъ не извѣстить о смерти вражескаго вождя. Это былъ Симонъ, сынъ Гіоры, участвовавшій въ шествіи среди другихъ плѣнниковъ. Теперь на него накинули веревку и, подгоняя его ударами плетей, стража втащила его на возвышавшееся надъ форумомъ мѣсто [1], гдѣ по римскимъ законамъ совер-

[1] Т. е. въ находившуюся возлѣ форума тюрьму, называвшуюся carcer Ma-

шается казнь надъ осужденными преступниками. Когда было объявлено о его смерти, поднялось всеобщее ликованіе и тогда начались жертвоприношенія. Благополучно окончивъ это съ установленными молитвами, императоры возвратились во дворецъ. Нѣкоторыхъ они пригласили къ своему столу; остальная же масса пировала по домамъ. Ибо въ этотъ день римляне праздновали какъ побѣду надъ врагами, такъ и конецъ внутреннихъ распрей и зарю надежды на лучшее будущее [1].

7. По окончаніи празднествъ и послѣ возстановленія полнаго покоя въ государствѣ, Веспасіанъ рѣшилъ воздвигнуть храмъ богинѣ мира. Въ короткое время было окончено сооруженіе, превосходившее всякія человѣческія ожиданія; онъ употребилъ на это неимовѣрныя средства, какія только дозволила ему его собственная казна и какія достались ему отъ предшественниковъ, и разукрасилъ его всевозможными мастерскими произведеніями живописи и скульптуры. Въ этомъ храмѣ и было собрано и разставлено все, ради чего люди прежде путешествовали по всей землѣ, чтобы видѣть всѣ эти различныя вещи. Здѣсь онъ приказалъ хранить также драгоцѣнности и сосуды, взятые изъ іерусалимскаго храма, такъ какъ онъ очень дорожилъ ими. Законъ же іудеевъ и пурпуровыя завѣсы Святая-Святыхъ онъ приказалъ бережно сохранить въ своемъ дворцѣ.

tertinus, въ нижней части которой, такъ называемомъ Tullianum'ѣ, обыкновенно производилась казнь надъ военноплѣнниками.

[1] Побѣда надъ Іудеей была такъ важна, такъ радостна для Рима, что нѣсколько лѣтъ подрядъ въ память ея чеканились монеты съ разными изображеніями и съ надписью: Iudaea devicta, Iudaea capta (Іудея побѣжденная, Іудея плѣненная). Большинство изъ нихъ изображаетъ Іудею въ видѣ скорбящей женщины, сидящей или стоящей подъ пальмовымъ деревомъ (символъ Палестины) съ поникшей головой, тогда какъ на оборотной сторонѣ изображенъ иногда еврейскій плѣнникъ, иногда побѣдитель-императоръ въ военныхъ доспѣхахъ. Другая категорія монетъ представляетъ „Побѣду", пишущую имя императора на щитѣ, опирающемся о пальму. Въ память той же побѣды Титу еще при жизни воздвигнута была въ Римѣ тріумфальная арка, отъ которой не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Извѣстна только красовавшаяся на ней надпись, случайно оказавшаяся въ одной анонимной рукописи, заключающей въ себѣ, между прочимъ, собраніе латинскихъ надписей. Но послѣ смерти Тита, въ царствованіе Домиціана, сооружена была вторая арка въ память тѣхъ же событій, сохранившаяся до настоящаго времени. Одинъ изъ барельефовъ, украшающихъ ее, изображаетъ шествіе съ іерусалимской добычей; здѣсь мы видимъ семивѣтвенный свѣтильникъ и золотой столъ съ опирающимися на него трубами. Чиновники въ тогахъ съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ сопровождаютъ драгоцѣнную добычу. Римскіе евреи долгіе вѣка обходили эту тріумфальную арку Тита, чтобы не видѣть своими глазами позора своей отчизны. Подробное описаніе арки можно найти въ статьѣ Соломона Рейнака, помѣщенной въ Revue des Etudes Juives, XX.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О Махерѣ.—Какимъ образомъ Луцилій Бассъ овладѣваетъ этой крѣпостью и другими пунктами.

1. Въ Іудею въ качествѣ легата посланъ былъ Луцилій Бассъ съ войскомъ, переданнымъ ему Цереаліемъ Вителліаномъ [1]. Завладѣвъ крѣпостью Иродіонъ и его гарнизономъ вслѣдствіе добровольной сдачи, Луцилій стянулъ къ себѣ все войско, которое большей частью было разрознено на отдѣльныя части, равно какъ и десятый легіонъ, и съ этими силами предпринялъ походъ противъ Махера. Эту крѣпость необходимо нужно было взять, ибо она была такъ сильна, что въ связи съ защищенной отъ природы мѣстностью могла бы ободрить многихъ іудеевъ къ отпаденію, внушить увѣренность гарнизону, а нападающимъ страхъ и нерѣшительность. Сама крѣпость образована была скалистымъ холмомъ, подымающимся на чрезвычайную высоту и потому уже одному трудно побѣдимымъ; но природа позаботилась еще о томъ, чтобъ онъ былъ недоступенъ. Со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ непроницаемой глубины пропастями, такъ что переходъ чрезъ нихъ затруднителенъ, выравниваніе же ихъ землей совсѣмъ невозможно. Западная горная впадина простирается на 60 стадій и доходитъ до Асфальтоваго озера и какъ разъ на этой же сторонѣ Махеръ достигаетъ наибольшей высоты. Сѣверная и южная впадины уступаютъ хотя въ длинѣ только что упомянутой, но тоже дѣлаютъ невозможнымъ нападеніе на крѣпость; что касается восточной, то и она имѣетъ не менѣе 100 локтей глубины, но примыкаетъ къ горѣ, противоложной Махеру.

2. Царь іудейскій Александръ [2] первый сознавалъ благопріятныя условія этого мѣста и построилъ на немъ крѣпость, но она впослѣдствіи была срыта Габиніемъ въ войнѣ съ Аристовуломъ [3]. Когда же на престолъ вступилъ Иродъ, онъ нашелъ, что это мѣсто больше всякаго другого заслуживаетъ особеннаго вниманія и сильнѣйшаго укрѣпленія, въ особенности еще вслѣдствіе сосѣдства арабовъ, противъ владѣній которыхъ эта

[1] Бассъ замѣстилъ Цереалія спустя годъ послѣ разрушенія Іерусалима.

[2] Александръ-Іаннай.

[3] Ср. 40 стр.

крѣпость образовала по своему положенію чрезвычайно выгодный пунктъ. Онъ обвелъ поэтому обширное пространство стѣнами и башнями и основалъ тамъ городъ, чрезъ который лежалъ путь въ цитадель. Точно также онъ и самую вершину горы окружилъ стѣной и построилъ на углахъ башни въ 160 локтей высоты каждую. Посреди укрѣпленной такимъ образомъ площади онъ воздвигъ дивный дворецъ, помѣщавшій въ себѣ множество просторныхъ и изящныхъ покоевъ; въ наиболѣе подходящихъ мѣстахъ было построено еще много цистернъ, какъ для собранія, такъ и для сохраненія обильныхъ запасовъ воды. Такимъ образомъ царь, соперничая съ природой, при помощи искусственныхъ сооруженій сдѣлалъ это мѣсто еще болѣе непобѣдимымъ. Далѣе онъ снабдилъ крѣпость огромнымъ запасомъ стрѣлъ и машинъ и старался вообще всевозможными средствами поставить гарнизонъ въ такое положеніе, чтобъ онъ могъ противостоять продолжительнѣйшей осадѣ.

3. Въ бывшемъ дворцѣ росла рута [1] поразительныхъ размѣровъ, неуступавшая ни высотой своей, ни объемомъ фиговому дереву. Говорятъ, что она стояла со временъ Ирода и она быть можетъ еще долго бы существовала, если-бъ іудеи при занятіи Махера не срубили ее. Въ долинѣ, примыкающей къ городу съ сѣвера, находится мѣсто, называемое Ваорасомъ и производящее корень того же имени. Послѣдній имѣетъ огненно-красный цвѣтъ и по вечерамъ испускаетъ отъ себя лучи; его очень трудно схватить, такъ какъ онъ какъ будто убѣгаетъ изъ подъ рукъ и только тогда остается въ покоѣ, когда его поливаютъ уриной отъ женщины или ея мѣсячной кровью. Но и тогда прикосновеніе къ нему влечетъ за собою вѣрную смерть, если его не несутъ такимъ образомъ, чтобъ онъ свѣшивался съ руки. Существуетъ, впрочемъ, и другой безопасный способъ для овладѣванія этимъ корнемъ. Сначала его окапываютъ кругомъ до тѣхъ поръ, пока только маленькая часть корня остается еще въ землѣ, затѣмъ привязываютъ къ нему собаку; когда послѣдняя быстро устремляется за человѣкомъ, привязавшимъ ее, корень легко вырывается; но собака умираетъ на мѣстѣ, какъ замѣстительная жертва за того, который хотѣлъ взять растеніе; а тогда его можно уносить безъ всякихъ опасеній. Стоитъ однако подвергать себя опасности и трудиться надъ добываніемъ этого растенія изъ-за присущаго ему слѣдующаго свойства: такъ называемые

[1] Травянистое растеніе или полукустарникъ вышиною обыкновенно отъ $1^1/_2$ до 2 футовъ.

демоны, т. е. духи злыхъ людей, вселяющіеся въ живущихъ и убивающіе всѣхъ тѣхъ, которые остаются безъ помощи, немедленно изгоняются тѣмъ корнемъ, какъ только подносятъ его близко къ больному [1]. На томъ же самомъ мѣстѣ бьютъ теплые ключи, отличающіеся между собою различнымъ вкусомъ воды: одни изъ ключей горьки, другіе—почти совершенно прѣсны. Еще ниже въ долинѣ находятся многочисленные холодные источники, тѣсно расположенные одинъ возлѣ другого. Но еще удивительнѣе слѣдующее. Вблизи находится незначительной глубины пещера, прикрываемая свѣшивающейся надъ ней скалой, а надъ этой скалой возвышаются на близкомъ одинъ отъ другого разстояніи два утеса, имѣющіе форму женскихъ грудей; причемъ изъ одного утеса бьетъ совершенно холодный ключъ, а изъ другого — очень горячій; будучи же смѣшаны вмѣстѣ, оба ключа доставляютъ въ высшей степени пріятное, цѣлебное, въ особенности укрѣпляющее нервы купанье. Мѣстность эта изобилуетъ также сѣрными и квасцовыми рудами.

4. Осмотрѣвъ мѣстность со всѣхъ сторонъ, Бассъ пришелъ къ заключенію—заполнить восточную лощину и такимъ образомъ проложить себѣ путь къ крѣпости. Согласно этому, онъ началъ дѣйствовать, чтобы быть въ состояніи по возможности скорѣе построить валы, которые должны были облегчить ему осаду. Тогда находившіеся внутри іудеи, увидя себя запертыми, отдѣлились отъ прибывшихъ къ нимъ извнѣ, на которыхъ они и безъ того смотрѣли, какъ на сбродъ, и принудили ихъ остаться внизу въ городѣ, чтобы выдержать первыя наступленія непріятеля; сами же они заняли цитадель на верху, полагаясь на ея сильныя укрѣпленія и надѣясь въ крайнемъ случаѣ спасти себя посредствомъ добровольной сдачи. На первыхъ порахъ, однако, они хотѣли попытаться—не хватитъ ли у нихъ возможности воспротивиться осадѣ. Съ этой цѣлью они каждый день дѣлали ожесточенныя вылазки, схватывались со встрѣчавшими ихъ римлянами и хотя сами терпѣли большія потери, но и многихъ убивали. Побѣда однихъ или другихъ въ каждомъ данномъ случаѣ зависѣла главнымъ образомъ отъ умѣнья пользоваться благопріятнымъ моментомъ: іудеи побѣждали, когда они своимъ нападеніемъ застигали римлянъ врасплохъ; послѣдніе побѣждали, когда они со своихъ валовъ во-время замѣчали приготовленія къ вылазкѣ и могли встрѣтить врага густо сплоченными рядами. Однако,

[1] Опясываемое здѣсь растеніе обыкновенно отождествляютъ съ мандрагорой. Названіе мѣстности Ваорасъ вѣроятно происходитъ отъ еврейскаго בער „горѣть". См. J. Löw. Aramäische Pflanzennamen, стр. 188.

при такихъ частыхъ схваткахъ осада не могла достигнуть своей цѣли. Случай заставилъ іудеевъ сдаться противъ собственнаго своего ожиданія. Среди осажденныхъ находился одинъ въ высшей степени смѣлый и храбрый юноша Элеазаръ. Въ вылазкахъ онъ всегда выдвигалъ себя на первый планъ, такъ какъ онъ именно ободрялъ всѣхъ нападать на римлянъ и мѣшать имъ въ сооруженіи валовъ; затѣмъ въ сраженіяхъ онъ причинялъ римлянамъ многочисленныя и значительныя потери. Сопровождавшимъ его въ вылазкахъ онъ облегчалъ нападеніе и прикрывалъ также ихъ отступленіе, такъ какъ самъ оставлялъ поле битвы послѣднимъ. Однажды, когда бой уже давно окончился и обѣ стороны отступили, Элеазаръ, какъ-бы въ насмѣшку надъ врагами, остался и, думая, что никто изъ нихъ не возобновитъ боя, углубился въ разговоръ со стоявшими на стѣнѣ. Этотъ моментъ подстерегъ египтянинъ римской службы, по имени Руфъ: незамѣтно для всѣхъ онъ побѣжалъ туда, поднялъ Элеазара вмѣстѣ съ его вооруженіемъ и прежде, чѣмъ солдаты на стѣнѣ пришли въ себя отъ охватившаго ихъ ужаса, уже унесъ его въ римскій лагерь. Полководецъ отдалъ приказъ раздѣть его до нага и на виду городскихъ жителей бичевать его. Мученія юноши произвели на іудеевъ глубокое впечатлѣніе: во всемъ городѣ поднялся такой плачъ, какого нельзя было ожидать изъ-за несчастья одного человѣка. Замѣтивъ эту общую скорбь, Бассъ воспользовался ею для военной хитрости: онъ старался довести ихъ состраданіе до крайней степени для того, чтобы они, ради спасенія юноши, сдали крѣпость. И этотъ планъ ему удался. Онъ приказалъ водрузить крестъ какъ будто для того, чтобы пригвоздить къ нему Элеазара. При видѣ этого, іудеевъ въ крѣпости охватила еще большая жалость; громко рыдая, они восклицали: невозможно допустить такую мученическую смерть юноши. Тутъ еще Элеазаръ началъ умолять ихъ, чтобъ они спасли его отъ этой мучительнѣйшей изъ всѣхъ родовъ смерти и спасли бы также и себя; чтобъ они уступили силѣ и счастью римлянъ послѣ того, какъ все рѣшительно уже покорено ими. Его просьбы раздирали имъ сердце, и такъ какъ въ самой крѣпости еще многіе просили за него, ибо Элеазаръ принадлежалъ къ широко развѣтвлявшейся многочисленной фамиліи, то они противъ своего обыкновенія смягчились; быстро снаряжено было посольство, уполномоченное вести переговоры о сдачѣ крѣпости съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ имъ предоставлено было свободное отступленіе и выданъ былъ Элеазаръ. Римляне съ ихъ предводителемъ приняли предложеніе. Когда толпа, находившаяся въ нижнемъ городѣ, услышала объ этомъ

договорѣ, она приняла рѣшеніе тайно бѣжать ночью. Но какъ только они открыли ворота, Бассъ былъ извѣщенъ объ этомъ іудеями, заключившими договоръ, которые или не желали спасенія пришельцевъ, или боялись, что бѣгство послѣднихъ можетъ быть поставлено въ вину имъ самимъ. Храбрѣйшіе изъ бѣглецовъ пробились, однако, и спаслись, но застигнутые еще внутри города 1700 мужчинъ были перебиты, а женщины и дѣти проданы въ рабство. Что касается тѣхъ, которѣе обѣщали предать ему крѣпость, то Бассъ считалъ нужнымъ исполнить договоръ, въ силу котораго онъ предоставилъ имъ свободный выходъ и выдалъ также Элеазара.

5. Справившись такимъ образомъ съ Махеромъ, Бассъ быстрымъ маршемъ двинулся къ лѣсу, называвшемуся Іардесмъ, гдѣ, какъ ему было донесено, собралась масса іудеевъ, бѣжавшихъ во время осады Іерусалима и Махера. Прибывъ туда, онъ нашелъ, что полученное имъ извѣстіе вполнѣ вѣрно. Прежде всего онъ всадниками оцѣпилъ кругомъ всю мѣстность, чтобы предупредить возможность бѣгства; пѣхотѣ же онъ приказалъ вырубить лѣсъ, въ которомъ скрывались бѣглецы. Эти дѣйствія принудили іудеевъ рѣшиться на отважное дѣло. Такъ какъ единственную надежду на спасеніе сулилъ имъ еще отчаянный бой, то они ринулись всей массой съ громкими кликами и напали на оцѣпившихъ ихъ римлянъ. Но послѣдніе храбро выдержали натискъ. При отчаянной смѣлости однихъ и неослабной твердости другихъ, бой затянулся на довольно продолжительное время; но результатъ получился самый неравномѣрный: изъ римлянъ пало мертвыми 12 человѣкъ и только немного было ранено; изъ іудеевъ же ни одинъ не вышелъ цѣлымъ изъ этого сраженія: всѣ они въ числѣ не менѣе 3000 человѣкъ были смяты, и между ними также ихъ предводитель Іуда, сынъ Іаира, о которомъ мы выше сообщили, что онъ начальствовалъ надъ отрядомъ и спасся бѣгствомъ чрезъ подземный ходъ [1].

6. Къ этому времени императоръ послалъ предписаніе Бассу и прокуратору Ливерію Максиму распродать всю страну іудейскую. Новаго города онъ не основалъ въ ней, но оставилъ за собою страну въ собственность [2].

[1] Іуда сынъ Іаира упоминается въ VI, 1, 8 въ числѣ храбрѣйшихъ предводителей, отличавшихся въ битвахъ съ римлянами.

[2] Послѣднія слова находятся въ противорѣчіи съ упомянутымъ передъ тѣмъ распоряженіемъ о распродажѣ страны. Момсенъ (Römische Geschichte, V, 540) полагаетъ, что въ текстѣ кроется какая нибудь ошибка, но ἀποδόσθαι

Только восемьсот выслужившихся солдат онъ надѣлилъ землею въ раіонѣ Аммауса [1], въ 60 стадіяхъ отъ Іерусалима. На іудеевъ же во всѣхъ мѣстахъ ихъ жительства онъ наложилъ поголовную подать въ размѣрѣ двухъ драхмъ въ годъ въ пользу Капитолія вмѣсто того, что прежде тотъ же налогъ взимался на нужды храма [2]. Таково было теперь положеніе іудеевъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О несчастной судьбѣ Антіоха, царя Коммагены.—*Объ аланахъ, причинившихъ много бѣдъ жителямъ Мидіи и Арменіи.*

1. Со времени вступленія въ царствованіе Веспасіана протекло уже четыре года. Тогда надъ царемъ Коммагены, Антіохомъ, и всѣмъ его домомъ стряслась тяжкая бѣда. Цезеній Петъ, тогдашній правитель Сиріи, письмомъ донесъ императору—по правдѣ ли, или изъ вражды къ Антіоху, не выяснено было тогда съ точностью,—что Антіохъ вмѣстѣ съ его сыномъ Эпифаномъ помышляютъ объ отпаденіи отъ римлянъ и въ этихъ видахъ уже вступили въ союзъ съ пареянскимъ царемъ; необходимо поэтому напасть на нихъ врасплохъ и не дать имъ времени на приготовленія, ибо въ противномъ случаѣ они могутъ все римское царство вовлечь въ гибельную войну. Не слѣдуетъ ему, Веспасіану, равнодушно отнестись къ этому донесенію, такъ какъ сосѣдство обоихъ царей требуетъ крайней предусмотрительности въ виду того, что главнѣйшій городъ Коммагены—Самосата—лежитъ на Евфратѣ, такъ что пареяне, при извѣстномъ соглашеніи съ Антіохомъ, могли бы весьма легко перейти рѣку и найти у него убѣжище. Петъ нашелъ вѣру и получилъ полномочіе дѣйствовать по своему разумѣнію. Онъ и не медлилъ: съ шестымъ легіономъ, отдѣльными когортами и нѣкоторыми конными отрядами онъ внезапно, когда Антіохъ ничего не подозрѣвалъ, вторгнулся въ Коммагену. Его сопровождали цари: Аристовулъ изъ Халкиды и Соеmъ изъ Эмесы. При своемъ вторженіи они нигдѣ не встрѣчали никакого противодѣйствія, такъ какъ никто

имѣетъ также значеніе „отдавать въ аренду“ и вѣроятно въ этомъ смыслѣ слово должно быть понимаемо здѣсь.

[1] Вѣроятно тождественъ съ упоминаемымъ въ Евангеліи отъ Луки (24, 13) селеніемъ того же имени и съ находящейся недалеко отъ Іерусалима деревней, нынѣ называемой Кулоніей (отъ латинскаго colonia).

[2] Это былъ первый спеціально-еврейскій налогъ, введенный римскимъ императоромъ: онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „fiscus judaïcus“.

изъ жителей и не думалъ о сопротивленіи. Когда Антіохъ получилъ это неожиданное извѣстіе, онъ не имѣлъ даже отдаленнаго намѣренія начать войну съ римлянами, а рѣшился покинуть свое царство въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось, и тайно бѣжать съ женой и дѣтьми, думая этимъ путемъ очиститься въ глазахъ римлянъ отъ павшаго на него подозрѣнія. Отойдя на сто двадцать стадій отъ города, онъ сталъ лагеремъ въ открытомъ полѣ.

2. Петъ отрядилъ часть войска для занятія Самосаты, что она и сдѣлала, а съ остальной частью двинулся самъ противъ Антіоха. Но и тогда царь не далъ себя склонить на какія-либо военныя дѣйствія противъ римлянъ, а, оплакивая свою участь, отдался всецѣло на волю судьбы. Но его юнымъ, опытнымъ въ военномъ дѣлѣ и отличавшимся тѣлесной силой сыновьямъ не было такъ легко покориться безъ боя: Эпифанъ и Каллиникъ взялись за оружіе. Въ жаркомъ сраженіи, длившемся цѣлый день, они обнаружили блестящую личную храбрость и съ наступленіемъ вечера окончили битву безъ всякаго урона. Но Антіохъ и послѣ такъ благопріятно кончившагося для него сраженія не считалъ безопаснымъ для себя остаться: онъ бѣжалъ съ женой и дочерьми въ Киликію. Этимъ онъ самъ отнялъ мужество у своихъ собственныхъ солдатъ: послѣдніе, предполагая, что онъ отрекся отъ престола, отпали отъ него и перешли на сторону римлянъ, не скрывая ни для кого своего упадка духа. Эпифанъ и его свита должны были подумать о бѣгствѣ прежде чѣмъ окончательно не лишились своихъ соратниковъ; только десять всадниковъ перешли съ ними Евфратъ, откуда они уже безъ всякой опасности слѣдовали дальше и прибыли къ пареянскому царю Вологезу (5, 2), который принялъ ихъ не съ презрѣніемъ, какъ бѣглецовъ, а со всѣми почестями, какъ будто они находились еще въ своемъ прежнемъ положеніи.

3. Антіохъ, спасшійся въ Тарсъ въ Киликіи, былъ схваченъ центуріономъ, посланнымъ Петомъ, и связанный отправленъ въ Римъ. Веспасіанъ, однако, не могъ допустить, чтобъ царя привели къ нему въ такомъ видѣ: онъ предпочелъ лучше выказывать уваженіе къ старой дружбѣ, чѣмъ пребывать въ неумолимомъ гнѣвѣ по поводу войны. А потому, еще когда тотъ находился въ дорогѣ, онъ приказалъ снять съ него оковы и подъ предлогомъ отсрочки его поѣздки въ Римъ, оставить его въ Лакедемонѣ; тамъ онъ назначилъ ему значительные денежные доходы для того, чтобъ онъ могъ жить не только безъ нужды, но и по царски. Эпифанъ и его братъ, опасавшіеся за судьбу своего отца, освободились тогда отъ тяжелыхъ за-

ботъ и душевныхъ тревогъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они стали надѣяться и на собственное примиреніе съ императоромъ, тѣмъ больше, что Вологезъ писалъ ему въ ихъ пользу. Имъ хотя и хорошо жилось у Вологеза, но они все таки не хотѣли остаться навсегда внѣ предѣловъ римскаго государства. Императоръ выразилъ имъ полное благосклонности увѣреніе въ томъ, что бояться имъ нечего; тогда они отправились въ Римъ, куда вскорѣ прибылъ также ихъ отецъ изъ Лакедемона. Тамъ они остались и содержались въ полномъ почетѣ.

4. Объ аланскомъ народѣ я, какъ мнѣ кажется, еще выше упомянулъ, какъ о скиѳскомъ племени, живущемъ на берегахъ Танаиса [1] и Меотійскаго озера [2]. Въ то время они задумали предпринять хищническій набѣгъ на Мидію и еще болѣе отдаленныя страны и по этому поводу завязали переговоры съ гирканскимъ царемъ, ибо послѣдній господствуетъ надъ проходомъ, который царь Александръ [3] сдѣлалъ неприступнымъ посредствомъ желѣзныхъ воротъ [4]. И вотъ, когда тотъ открылъ имъ доступъ, они многочисленными толпами напали на нечаявшихъ никакой опасности мидянъ, опустошили густонаселенный, изобиловавшій стадами край, не встрѣчая нигдѣ со стороны оробѣвшаго населенія никакого сопротивленія. Царь страны Пакоръ бѣжалъ въ страхѣ въ непроходимыя пустыни, оставивъ все въ ихъ распоряженіе; съ трудомъ ему удалось выкупить у нихъ за 100 талантовъ попавшихъ къ нимъ въ плѣнъ свою жену и наложницъ. Удовлетворяя свою разбойничью жадность безпрепятственно и даже безъ меча, они продолжали свой опустошительный набѣгъ до самой Арменіи. Царствовалъ здѣсь Теридатъ, который хотя и выступилъ имъ на встрѣчу и далъ имъ сраженіе, но тутъ самъ чуть не попалъ живымъ въ плѣнъ. Аланинъ издали накинулъ на него арканъ и утащилъ-бы его съ поля брани, если-бы царю не удалось во-время перерубить мечемъ веревку и такимъ образомъ спастись. Варвары-же, разсвирѣпѣвшіе еще больше отъ этой битвы, опустошили всю страну и съ огромной массой плѣнниковъ и добычи, награбленной ими въ обоихъ царствахъ, возвратились обратно на родину.

---

[1] Нынѣ Донъ.
[2] Азовское море.
[3] Македонскій.
[4] Дербентъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О Масадѣ и о занявшихъ ее сикаріяхъ.—Какимъ образомъ Сильва приступаетъ къ осадѣ этой крѣпости.—Рѣчь Элеазара.

I. Послѣ смерти Басса правленіе надъ Іудеей перешло къ Флавію Сильвѣ [1]. Онъ нашелъ всю страну уже покоренной; только одна крѣпость упорно отстаивала свою независимость, и противъ нея онъ выдвинулъ теперь всѣ силы, какія только могъ собрать изъ окрестностей. Эта крѣпость была Масада (I, 12,1). Ее занимали сикаріи (IV, 7,2), во главѣ которыхъ стоялъ знатный мужъ Элеазаръ [2] (II, 17,9), потомокъ Іуды, который, какъ мы выше упомянули (II, 8,1), когда Квириній былъ посланъ цензоромъ въ Іудею, уговорилъ множество іудеевъ сопротивляться переписи. И теперь сикаріи возставали противъ тѣхъ, которые хотѣли подчиниться римлянамъ и обращались съ ними во всѣхъ отношеніяхъ, какъ съ врагами, грабя ихъ имущество, угоняя ихъ скотъ и сжигая ихъ дома. «Вѣдь нѣтъ никакой разницы, говорили сикаріи, между ними и чужими, такъ какъ они постыдно продали свободу, за которую такъ много было войнъ, и сами облюбовали римское рабство». Но этими рѣчами, какъ явно показали ихъ дѣйствія, они только прикрывали свое жестокосердіе и корыстолюбіе; ибо тѣ были такіе, которые вмѣстѣ съ ними участвовали въ возстаніи, сообща боролись съ римлянами и больше отваги проявили въ борьбѣ противъ послѣднихъ, чѣмъ другіе. А если кто-либо указывалъ имъ на неосновательность упомянутыхъ доводовъ, то онъ за свои вполнѣ справедливые упреки подвергался жестокимъ преслѣдованіямъ. Тогдашнее время у іудеевъ было вообще богато всевозможнаго рода злодѣяніями: ни одно гнусное дѣло не было упущено, и если бы хотѣли всю изобрѣтательность ума направить на то, чтобы измыслить что-нибудь новое, то ничего больше не выдумали-бы. Этой порчей нравовъ была заражена, какъ общественная, такъ и частная жизнь. Всѣ на перерывъ старались перещеголять другъ друга въ нечестивыхъ поступкахъ предъ Богомъ и въ несправедливостяхъ противъ ближнихъ. Сильные угнетали простой народъ, а масса стремилась изводить сильныхъ; тѣ алкали власти, а эти — насилій и ограбленія зажиточныхъ. Первый примѣръ разнузданной жизни и жестокаго обращенія со своими-же соплемен-

---

[1] Въ 3-мъ году послѣ разрушенія храма.
[2] Сынъ Іаира.

никами подали именно сикаріи, которые не брезгали никакими постыдными словами и дѣйствіями для преслѣдованія и погибели своихъ жертвъ. Но даже эти въ сравненіи съ Іоанномъ казались еще умѣренными. Іоаннъ не только убивалъ всѣхъ тѣхъ, которые проповѣдывали то, что было справедливо и полезно, не только съ такими гражданами поступалъ онъ какъ съ врагами, но все свое отечество наполнялъ онъ неисчислимыми злодѣяніями и дѣйствовалъ вообще такъ, какъ только можно ожидать отъ человѣка, лишившагося уже всякаго религіознаго чувства. На его столѣ подавались запретныя блюда; освященныхъ вѣками обрядовъ очищенія онъ не соблюдалъ; нужно-ли удивляться, что человѣкъ, такъ безразсудно выступавшій противъ Бога, потерялъ чувство человѣчности и уваженіе къ общественному благу? А Симонъ сынъ Гіоры? Какихъ только злодѣйствъ онъ не творилъ? Развѣ существовало такое насиліе, какого онъ не совершилъ надъ личностями свободныхъ іудеевъ, которымъ вдобавокъ онъ былъ еще обязанъ достиженіемъ власти тирана? Дружба и родство только подстрекали ихъ на безпрестанныя убійства. Ибо причинять зло чужимъ казалось имъ дѣломъ низкой трусости; имъ хотѣлось, напротивъ, открыто похвастать жестокостью, совершаемой противъ близкихъ. Съ ихъ безуміемъ соперничало еще неистовство идумеевъ. Послѣ того, какъ эти нечестивцы заклали первосвященниковъ для того, конечно, чтобы не осталось ни слѣда благочестія, они уничтожили также въ конецъ все, что еще уцѣлѣло отъ общественнаго порядка, и доставили полное торжество беззаконію. При этомъ положеніи вещей возвысилось поколѣніе такъ называемыхъ зелотовъ, которые своими дѣлами оправдали свое названіе. Ибо они старались подражать всякой гнусности, и ихъ рвеніе было направлено на то, чтобы не упустить ничего, что извѣстно было изъ исторіи прежнихъ злодѣяній. Имя, которое они себѣ присвоили, должно было конечно, по ихъ понятію, обозначать соревнованіе въ добродѣтели; но тутъ нужно допустить одно изъ двухъ: или они по свойственному имъ безчеловѣчію хотѣли этимъ еще насмѣхаться надъ жертвами своихъ насилій, или они величайшее зло считали добродѣтелью. И постигъ же каждаго изъ нихъ въ отдѣльности достойный конецъ: всѣмъ имъ Богъ воздалъ по заслугамъ; ибо всѣ мученія, какія только человѣческая природа способна перенесть, они переживали, а конецъ всѣхъ страданій—смерть—они принимали подъ самыми разнообразными пытками. Тѣмъ не менѣе можно, пожалуй, сказать, что они терпѣли меньше, чѣмъ заслужили своими дѣлами, ибо полное возмездіе было немыслимо. Оплакивать-же достойнымъ образомъ тѣхъ, которые пали

жертвами ихъ жестокостей, здѣсь не мѣсто, а потому возвращусь къ моему разсказу.

2. Такимъ образомъ римскій полководецъ во главѣ своего войска выступилъ противъ Элеазара и сикаріевъ, занимавшихъ Масаду. Всю окрестность онъ покорилъ безъ затрудненій и въ подходящихъ мѣстахъ оставилъ гарнизоны. Самую-же крѣпость для того, чтобы никто изъ осажденныхъ не могъ бѣжать, онъ окружилъ обводной стѣной и разставилъ на ней караулы. Затѣмъ онъ избралъ пригодное для начатія осады лагерное мѣсто, оказавшееся въ томъ пунктѣ, гдѣ скалистый хребетъ, на которомъ стояла крѣпость, былъ соединенъ съ близъ-лежащей горой, хотя это именно мѣсто значительно затрудняло доставку необходимыхъ припасовъ. Ибо не только провіантъ приходилось подвозить издалека и съ большимъ напряженіемъ силъ со стороны іудеевъ, на которыхъ возложена была эта обязанность, но даже воду для питья нужно было доставлять въ лагерь, такъ какъ вблизи не было источниковъ. Принявъ необходимыя мѣры по обезпеченію войска продовольствіемъ и водой, Сильва приступилъ къ осадѣ, которая вслѣдствіе укрѣпленности цитадели требовала большого искусства и громадныхъ усилій. Природа этой мѣстности такова:

3. Скалистый утесъ не незначительнаго объема и огромной высоты окружаютъ со всѣхъ сторонъ обрывистыя пропасти непроницаемой глубины, недоступныя ни для людей, ни для животныхъ; только въ двухъ мѣстахъ, и то съ трудомъ можно приступить къ утесу: одна изъ этихъ дорогъ лежитъ на востокѣ отъ Асфальтоваго озера, а другая, болѣе проходимая — на западѣ. Первую, вслѣдствіе ея узкости и извилистости, называютъ Змѣиной тропой. Она пробивается по выступамъ обрыва, часто возвращается назадъ, вытягивается опять немного въ длину и еле достигаетъ до цѣли. Идя по этой дорогѣ, необходимо попеременно твердо упираться то одной, то другой ногой; ибо если поскользнуться, то гибель неизбѣжна, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ зіяютъ глубокія пропасти, способныя навести страхъ и на неустрашимыхъ людей. Пройдя по этой тропинкѣ 30 стадій, достигаютъ вершины, которая не заостряется въ узкую верхушку, а, напротивъ, образуетъ широкую поляну. Здѣсь первый построилъ крѣпость первосвященникъ Іонатанъ [1], назвавшій ее Масадой [2]. Впослѣдствіи царь Иродъ потратилъ много труда, чтобы привести ее въ благоустроенный видъ. Всю вершину на семи ста-

[1] Братъ Іуды Маккавея.

[2] По евр. מצדה, что значитъ крѣпость.

діяхъ въ окружности онъ обвелъ стѣной, построенной изъ бѣлаго камня и имѣвшей двѣнадцать локтей высоты и восемь локтей ширины; на ней были возведены тридцать семь башенъ, каждая изъ которыхъ достигала пятидесяти локтей высоты; съ этихъ башенъ можно было проходить въ жилые дома, пристроенные къ внутренней сторонѣ стѣны по всей ея длинѣ. Всю же внутреннюю площадь, отличающуюся тучной и особенно рыхлой почвой, царь оставилъ для воздѣлыванія съ той цѣлью, чтобы на случай, когда привозъ припасовъ извнѣ сдѣлается невозможнымъ, гарнизонъ, довѣрившій свою участь крѣпости, не терпѣлъ бы нужды. У западнаго входа подъ стѣной, окружавшей вершину, онъ воздвигъ дворецъ съ фасадомъ, обращеннымъ на сѣверъ, съ чрезвычайно высокими и крѣпкими стѣнами и четырьмя башнями на углахъ, шестидесяти локтей высоты каждая. Внутренняя отдѣлка комнатъ, галлерей и бань была разнообразна и великолѣпна; каменныя колонны были всѣ цѣльныя; стѣны и полы въ комнатахъ были выложены мозаикой. Во всѣхъ жилыхъ помѣщеніяхъ на верху, во дворцѣ и передъ стѣной онъ приказалъ вырубить въ скалахъ много большихъ цистернъ, устроивъ ихъ такъ, чтобы онѣ могли давать такой же обильный запасъ воды, какой могутъ доставлять источники. Изъ дворца велъ на самую верхушку утеса вырубленный въ скалѣ и невидимый снаружи ходъ; но и видимыми путями непріятель не такъ легко могъ пользоваться: восточный — по самой природѣ своей, уже описанной нами, былъ непроходимъ; а западный путь царь на самомъ узкомъ мѣстѣ защитилъ большой башней, которая отстояла отъ крѣпости по меньшей мѣрѣ на 1000 локтей и которую ни обойти, ни взять не было легко. Вслѣдствіе всего этого даже мирнымъ посѣтителямъ проходъ былъ крайне затрудненъ. Такъ самой природой и искусственными сооруженіями крѣпость была защищена противъ непріятельскихъ нападеній.

4. Еще болѣе, чѣмъ всѣ эти сооруженія, достойны были удивленія изобиліе и долгая сохраняемость заготовленныхъ внутри припасовъ. Въ крѣпости было сложено такъ много хлѣба, что его могло хватить на долгое время, равно какъ и значительное количество вина и масла; было также и финиковъ и стручковыхъ плодовъ въ избыткѣ. Когда Элеазаръ со своими сикаріями хитростью овладѣлъ крѣпостью, онъ нашелъ все это въ свѣжемъ видѣ, какъ будто оно только что было сложено; а между тѣмъ со времени заготовленія этихъ припасовъ до завоеванія римлянами прошло около столѣтія. Римляне также нашли остатокъ припасовъ неиспорченнымъ. Причиной столь долгой сохраняемости слѣдуетъ безспорно принять свойство воздуха,

который вслѣдствіе высокаго положенія крѣпости, свободенъ отъ всякихъ землянистыхъ и нечистыхъ примѣсей. Сверхъ всего найдено было нагроможденное тамъ царемъ разнаго рода оружіе на 10,000 человѣкъ, равно еще сырое желѣзо, мѣдь и олово. Эти широкія приготовленія имѣли серьезныя основанія. Иродъ, какъ говорятъ, приготовилъ эту крѣпость мѣстомъ убѣжища лично для себя на случай опасности, угрожавшей ему съ двухъ сторонъ: во первыхъ, со стороны іудейскаго народа, который могъ свергнуть его и водворить на престолъ прежнюю династію [1]; большая же и серьезнѣйшая опасность угрожала со стороны египетской царицы Клеопатры. Послѣдняя не скрывала своихъ отношеній къ Ироду, а, напротивъ, безпрестанно приставала къ Антонію съ просьбой убить Ирода и подарить ей царство іудеевъ (I, 18, 4). И дѣйствительно, нужно только удивляться, какъ Антоній, порабощенный, къ несчастью своему, любовью къ ней, не послушался ея требованій; при всемъ томъ никто не могъ ручаться, что онъ ей не поддастся. Вотъ какія опасенія побудили Ирода укрѣпить Масаду. Обстоятельства между тѣмъ сложились такимъ образомъ, что онъ этой крѣпостью создалъ для римлянъ послѣднее препятствіе въ войнѣ съ іудеями.

5. Когда римскій полководецъ, какъ выше уже сообщалось, окружилъ всю мѣстность снаружи обводной стѣной и принялъ тщательныя мѣры къ тому, чтобы никто изъ гарнизона не могъ бѣжать, онъ приступилъ къ осадѣ, хотя для закладки валовъ найденъ былъ лишь одинъ пригодный для этой цѣли пунктъ. За крѣпостью, господствовавшей надъ восходящей къ дворцу и на вершину утеса западной дорогой, находилась скала съ огромной площадью, далеко выступавшая впередъ, но лежавшая на 300 локтей ниже Масады. Она называлась Левкой [2]. На эту скалу взошелъ Сильва и приказалъ своему войску занять ее и подвозить къ ней землю. И вотъ усердными работами многочисленной арміи сооружена была могущественная насыпь въ 200 локтей высоты; но и этотъ валъ оказался все еще недостаточно высокимъ и прочнымъ, чтобы служить базисомъ для машинъ, а потому на немъ воздвигнуто было изъ камней новое сооруженіе 50-и локтей ширины и такой же высоты. Машины были той же конструкціи, что и прежнія, придуманныя при осадахъ Веспасіаномъ, а затѣмъ Титомъ; была также построена еще башня 60-и

[1] Маккавейскую.

[2] По гречески Бѣлая (т. е. скала).

локтей высоты, которая сверху до низу была обшита желѣзомъ и изъ которой римляне метали камни и другія стрѣлы, отгоняя со стѣны ея защитниковъ и не позволяя имъ даже показываться изъ-за нея. Одновременно съ тѣмъ Сильва приказалъ построить большой таранъ и съ того же пункта безпрерывно потрясать имъ стѣну. На разрушеніе послѣдней едва ли можно было надѣяться; ему же все-таки удалось пробить въ ней брешь. Но сикаріи поспѣшно выстроили другую стѣну, которая должна была противостоять машинамъ. Для того, чтобы сообщить этой стѣнѣ мягкость, которая могла бы ослаблять силу ударовъ, они придали ей слѣдующее устройство: взяли длинныя балки, плотно связали ихъ концами и расположили ихъ двумя параллельными рядами другъ отъ друга на разстояніи толщины стѣны, а промежутокъ между ними заполнили землей; для того же, чтобы при возвышеніи постройки земля не осыпалась, они соединили продольныя балки поперечными. Это сооруженіе получило такимъ образомъ нѣкоторое сходство съ домомъ. Удары машинъ, вслѣдствіе упругости матеріала, ослаблялись, а отъ сотрясеній зданіе осѣдало и дѣлалось, напротивъ, еще прочнѣе. Когда Сильва это замѣтилъ, онъ рѣшилъ, что огнемъ скорѣе можно будетъ взять стѣну: по его приказу солдаты начали бросать на нее массами горящія головни. И дѣйствительно, постройка, состоявшая большей частью изъ дерева, быстро зажглась и вслѣдствіе своей легкой доступности была охвачена пламенемъ до самаго основанія. Въ началѣ пожара дулъ сѣверный вѣтеръ, который былъ опасенъ для римлянъ, такъ какъ онъ отгонялъ пламя отъ крѣпости и направлялъ его прямо имъ въ лицо. Уже они потеряли почти всѣ надежды на успѣхъ вслѣдствіе того, что вмѣстѣ со стѣной могли сгорѣть также и ихъ машины. Но внезапно, какъ по божественному мановенію, вѣтеръ перемѣнилъ свое направленіе, обратился къ югу и направилъ огонь противъ стѣны, которая горѣла уже сверху до-низу. Римляне, обрадовавшіеся божественной помощи, возвратились въ лагерь, рѣшивъ на слѣдующій день сдѣлать нападеніе на врага. На ночь они усилили стражу, дабы никто не могъ бѣжать изъ крѣпости.

6. Но Элеазаръ и не думалъ о бѣгствѣ, да и никому другому онъ-бы этого не позволилъ. Видя, что стѣна разрушена огнемъ, а никакого средства спасенія или защиты придумать невозможно; воспроизводя живо предъ глазами, какъ станутъ римляне обращаться съ ними, ихъ женами и дѣтьми, когда попадутъ къ нимъ въ руки, онъ рѣшилъ, что всѣ должны умереть. Въ настоящемъ положеніи онъ призналъ за лучшее для нихъ смерть, и для того, чтобы

ободрить ихъ на этотъ шагъ, онъ собралъ наиболѣе рѣшительныхъ изъ своихъ товарищей и обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью. «Уже давно, храбрые мужи, мы приняли рѣшеніе не подчиняться ни римлянамъ, ни кому-либо другому, кромѣ только Бога, ибо Онъ Одинъ истинный и справедливый Царь надъ людьми. Теперь-же насталъ часъ, призывающій насъ исполнить на дѣлѣ наше рѣшеніе. Да не посрамимъ себя мы, которые не хотѣли переносить рабство еще прежде, когда оно не угрожало никакими опасностями, не предадимъ же себя теперь добровольно и рабству, и самымъ страшнымъ мученіямъ, которыя насъ ожидаютъ, если мы живыми попадемъ во власть римлянъ! Ибо мы первые [1] возстали противъ нихъ и воюемъ послѣдними. Я смотрю на это, какъ на милость Божію, что онъ даровалъ намъ возможность умереть прекрасной смертью и свободными людьми, чего не суждено другимъ, неожиданно попавшимся въ плѣнъ. Мы же знаемъ навѣрно—завтра мы въ рукахъ враговъ; но мы свободны выбрать славную смерть вмѣстѣ со всѣми, которые намъ дороги. Этому не могутъ препятствовать враги, хотя-бы они очень хотѣли живыми насъ изловить. Съ другой стороны, и мы не можемъ побѣдить ихъ въ бою. Быть можетъ въ самомъ началѣ, когда наши стремленія къ независимости наткнулись на столь большія препятствія со стороны нашихъ соотечественниковъ и еще большія со стороны непріятеля, мы-бы должны были разгадать волю Провидѣнія и уразумѣть, что Богъ обрекъ на гибель нѣкогда столь любимый имъ народъ іудейскій. Ибо если-бы Онъ былъ милостивъ къ намъ, или менѣе, по крайней мѣрѣ, гнѣвался на насъ, то не допустилъ-бы гибели столь многихъ людей, не отдалъ-бы своего священнѣйшаго города на добычу пламени разрушительной ярости врага. Если-же все это случилось, можемъ-ли мы надѣяться на то, что мы одни изъ всего еврейскаго народа уцѣлѣемъ и спасемъ нашу свободу? Если-бъ мы не грѣшили предъ Богомъ и не были-бы причастны ни къ какой винѣ, а то вѣдь мы на этомъ пути были учителями для другихъ! Вы видите, какъ Богъ осмѣялъ наши суетныя надежды! Вѣдь Онъ ввергъ насъ въ такую бѣду, которую мы ожидать не могли и которую намъ не перенести. Непобѣдимое положеніе крѣпости не послужило намъ въ пользу; и хотя мы располагаемъ богатымъ запасомъ провіанта и имѣемъ въ избыткѣ оружіе и все необходимое, мы все таки, по явному предопредѣленію судьбы, лишены всякой надежды на спасеніе. Еще недавно огонь, устремившійся вначалѣ на враговъ, какъ то противъ воли своей обратился

[1] Ср. стр. 255.

противъ построенной нами стѣны. Развѣ это не гнѣвъ Божій, постигшій насъ за многія преступленія, которыя мы въ своей свирѣпости совершали противъ своихъ-же соплеменниковъ. Лучше поэтому принять наказаніе не отъ нашихъ смертельныхъ враговъ — римлянъ, а отъ Самого Бога, ибо Божья десница милостивѣе рукъ враговъ. Пусть наши жены умрутъ неопозоренными, а наши дѣти — неизвѣдавшими рабства; вслѣдъ затѣмъ мы и другъ другу сослужимъ благородную службу: тогда нашимъ почетнымъ саваномъ будетъ наша сохраненная свобода. Но прежде мы истребимъ огнемъ наши сокровища и всю крѣпость. Я знаю хорошо: римляне будутъ огорчены, когда они не овладѣютъ нами и увидятъ себя обманутыми въ надеждахъ на добычу. Только съѣстные припасы мы оставимъ въ цѣлости, ибо это будетъ свидѣтельствовать послѣ нашей смерти, что не голодъ насъ принудилъ, а что мы, какъ и рѣшились отъ самаго начала, предпочли смерть рабству».

7. Такъ говорилъ Элеазаръ. Но его мнѣнія отнюдь еще не раздѣляли всѣ присутствовавшіе. Одни хотя спѣшили принять его предложеніе и чуть не возликовали отъ радости, такъ какъ они смерть считали великой честью для себя, но болѣе мягкіе охвачены были жалостью къ своимъ женамъ и дѣтямъ; а такъ какъ эти тоже видѣли предъ глазами свою вѣрную гибель, то они со слезами переглядывались между собою и тѣмъ дали понять о своемъ несогласіи. Элеазаръ, замѣтивъ, что они устрашены и подавлены величіемъ его замысла, побоялся, чтобъ они своими воплями и рыданіями не смягчили и тѣхъ, которые мужественно выслушали его слова. Въ виду этого онъ продолжалъ ободрять ихъ и, глубоко проникнутый величіемъ охватившей его мысли, онъ повышеннымъ голосомъ, вперивъ свой взоръ въ плачущихъ, самъ себя вдохновляя, началъ говорить великолѣпную рѣчь о безсмертіи души.

«Жестоко я ошибался, началъ онъ, если я мечталъ, что предпринимаю борьбу за свободу съ храбрыми воинами, рѣшившимися съ честью жить, но и съ честью умереть. Оказывается, что вы своей храбростью и мужествомъ нисколько не возвысились надъ самыми дюжинными людьми, разъ вы трепещете предъ смертью тогда, когда она должна освободить васъ отъ величайшихъ мукъ, когда не слѣдуетъ медлить или ждать чьего-либо призыва. Отъ самаго ранняго пробужденія сознанія въ насъ намъ внушалось унаслѣдованнымъ отъ отцовъ божественнымъ ученіемъ—а наши предки подкрѣпляли это и мыслью, и дѣломъ—что не смерть, а жизнь—несчастье для людей. Ибо смерть даруетъ душамъ свободу и открываетъ имъ входъ

въ родное свѣтлое мѣсто, гдѣ ихъ не могутъ постигнуть никакія страданія. До тѣхъ-же поръ, пока онѣ находятся въ оковахъ бреннаго тѣла и заражены его пороками, онѣ, въ сущности говоря, мертвы, такъ какъ божественное съ тлѣннымъ не совсѣмъ гармонируетъ. Правда и то, что душа можетъ великое творить и будучи привязана къ тѣлу, ибо она дѣлаетъ его своимъ воспріимчивымъ орудіемъ, управляя невидимо его побужденіями и дѣлами возвышая его надъ его смертной природой. Но когда она, освободившись отъ притягивающаго ее къ землѣ и навязаннаго ей бремени, достигаетъ своей настоящей родной обители, тогда только она обрѣтаетъ блаженную мощь и ничѣмъ не стѣсняемую силу, оставаясь невидимой для человѣческаго взора, какъ самъ Богъ. Незрима она собственно во все время пребыванія своего въ тѣлѣ: невидимо она приходитъ и никто не видитъ ее, когда она опять отходитъ. Сама она неизмѣнна, а между тѣмъ въ ней же лежитъ причина всѣхъ перемѣнъ, происходящихъ съ тѣломъ. Ибо чего только коснется душа, все то живетъ и процвѣтаетъ, а съ чѣмъ она разлучается, то вянетъ и умираетъ—такова сила безсмертія, присущая ей. Наиболѣе вѣрное доказательство того, что я вамъ говорю, даетъ вамъ сонъ, въ которомъ души, нетревожимыя тѣломъ, отдаваясь самимъ себѣ, вкушаютъ самый сладкій покой въ общеніи съ Богомъ, которому онѣ родственны, повсюду летаютъ и предвѣщаютъ многое изъ грядущаго. Какъ же можно бояться смерти, когда такъ пріятенъ покой во снѣ? И не безсмысленно ли стремиться къ завоеванію свободы при жизни и въ то же время не желать себѣ вѣчной свободы? Уже въ силу воспитанія, полученнаго нами на своей родинѣ, мы должны показать другимъ примѣръ готовности къ смерти. Но если мы тоже нуждаемся въ чужихъ примѣрахъ, такъ взглянемъ на индусовъ, у которыхъ можно научиться мудрости. Эти благородные мужи переносятъ земную жизнь нехотя, какъ отбытіе какой нибудь повинности природѣ, и спѣшатъ развязать душу отъ тѣла. Безъ горя, безъ нужды, а только изъ страстнаго влеченія къ безсмертному бытію, они возвѣщаютъ другимъ, что намѣрены уйти отъ этого міра. Никто не препятствуетъ имъ, а напротивъ, каждый считаетъ ихъ счастливыми и даетъ имъ порученія къ умершимъ родственникамъ. Такъ твердо и незыблимо вѣруютъ они въ общность жизни душъ. По выслушаніи этихъ порученій, они предаютъ свое тѣло огню для того, чтобы какъ можно чище отдѣлить отъ него душу, и умираютъ прославляемые всѣми. Близкіе имъ люди провожаютъ ихъ къ смерти съ болѣе легкимъ сердцемъ, чѣмъ другіе своихъ согражданъ въ далекое

путешествіе: оплакиваютъ они самихъ себя, умершихъ же они считаютъ блаженными, такъ какъ тѣ уже приняты въ сонмъ безсмертныхъ. Не стыдно ли намъ будетъ, если мы покажемъ себя ниже индусовъ, если мы своей нерѣшительностью посрамимъ наши отечественные законы, служащіе предметомъ зависти для всего міра? Но если-бъ даже насъ издавна учили какъ разъ противному, а именно, что земная жизнь—высочайшее благо человѣка, а смерть есть несчастье, то вѣдь настоящее наше положеніе требуетъ, чтобы мы ее мужественно перенесли; ибо и воля Божія, и необходимость толкаютъ насъ на смерть. Богъ, повидимому, уже давно произнесъ этотъ приговоръ надъ всей іудейской націей. Мы должны потерять жизнь, потому что мы не умѣли жить по Его завѣтамъ. Не приписывайте ни самимъ себѣ вины, ни римлянамъ заслуги въ томъ, что война съ ними ввергла всѣхъ насъ въ погибель. Не собственное могущество ихъ довело насъ до такого положенія, но высшая воля, благодаря которой они только кажутся побѣдителями. Развѣ отъ римскаго оружія погибли іудеи въ Кесареѣ? Въ то время, когда послѣдніе и не помышляли объ отпаденіи отъ римлянъ, среди субботняго праздника на нихъ напала кесарійская чернь, которая избила ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми [1], не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія и не робѣя даже предъ римлянами, которые только отпавшихъ, подобныхъ намъ, объявили врагами. Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что кесаріяне всегда жили въ разладѣ съ іудеями и, дождавшись удобнаго момента, выместили лишь старую злобу. Но что можно сказать о іудеяхъ въ Скиѳополисѣ? Въ угоду эллинамъ они подняли оружіе противъ насъ вмѣсто того, чтобы въ союзѣ съ нами бороться съ римлянами. Помогла ли имъ эта дружба и преданность эллинамъ? Вмѣстѣ съ семействами своими они были безпощадно умерщвлены ими [2]. Такъ ихъ отблагодарили за помощь. То, чего они не допускали насъ причинять эллинамъ, постигло ихъ самихъ, какъ будто они замышляли противъ нихъ зло. Однако, слишкомъ долго пришлось бы говорить, если бы я хотѣлъ перечислить все въ отдѣльности. Вы знаете, что нѣтъ города въ Сиріи, гдѣ не истребляли бы іудеевъ, хотя послѣдніе были намъ болѣе враждебны, чѣмъ римляне. Дамаскины, напримѣръ, не имѣя даже возможности выдумать какой либо благовидный поводъ, запятнали свой городъ ужасной рѣзней, умертвивъ 18000 іудеевъ вмѣстѣ

[1] Ср. стр. 231.
[2] Ср. стр. 233.

съ женами и дѣтьми [1]. Число замученныхъ на смерть въ Египтѣ превысило, какъ мы узнали, 60000 [2]. Про всѣ эти случаи можно по крайней мѣрѣ сказать, что іудеи, живя въ чужой странѣ, не находили того, что нужно для успѣшной борьбы противъ врага; но развѣ тѣ, которые въ своей собственной странѣ вели войну съ римлянами, не обладали всѣми средствами, которыя въ состояніи сулить несомнѣнную побѣду? Оружіе, стѣны, непобѣдимыя крѣпости и мужество, безстрашно смотрѣвшее въ глаза всѣмъ опасностямъ борьбы за освобожденіе, все сильнѣе воодушевляло всѣхъ на отпаденіе. Но все это, исполнявшее насъ гордыхъ надеждъ, выдержало лишь очень короткое время и послужило причиной величайшихъ несчастій. Ибо все завоевано и досталось врагамъ, какъ будто оно было приготовлено для того, чтобы придать больше блеска ихъ побѣдѣ, а не чтобы содѣйствовать спасенію тѣхъ, которые обладали всѣмъ этимъ. Счастливы еще тѣ, которые пали въ бою, ибо они умерли сражаясь и не измѣнивъ свободѣ. Но кто не будетъ жалѣть тѣхъ многихъ людей, которые попали въ руки римлянъ? Кто для избавленія себя отъ такой же участи не прибѣгнетъ къ смерти? Одни изъ нихъ умирали подъ пытками, мучимые плетьми и огнемъ; другіе, полусъѣденные дикими звѣрями, сохранялись живыми для ихъ вторичнаго пира на потѣху и издѣвательство враговъ. Но больше всѣхъ достойны сожалѣнія тѣ, которые еще живутъ: они каждый часъ желаютъ себѣ смерти и не могутъ найти ее. А гдѣ великій городъ, центръ всей іудейской націи, укрѣпленный столь многими обводными стѣнами, защищенный столь многими цитаделями и столь исполинскими башнями,—городъ, который еле окружила вся масса военныхъ орудій, который вмѣщалъ въ себѣ безчисленное множество людей, сражавшихся за него? Куда онъ исчезъ этотъ городъ, который Богъ, казалось, избралъ своимъ жилищемъ? До самаго основанія и съ корнемъ онъ уничтоженъ! Единственнымъ памятникомъ его остался лагерь опустошителей, стоящій теперь на его развалинахъ, несчастные старики, сидящіе на пепелищѣ храма, и нѣкоторыя женщины, оставленныя для удовлетворенія безстыдной похоти враговъ. Если кто подумаетъ обо всемъ этомъ, какъ онъ можетъ еще смотрѣть на дневной свѣтъ, если бы даже онъ могъ жить

[1] Ср. стр. 244.
[2] Ср. стр. 236.

въ безопасности? Кто въ такой степени врагъ отечества, кто такъ трусливъ и привязанъ къ жизни, чтобы не жалѣлъ о томъ, что еще живетъ на свѣтѣ? О, лучше мы всѣ умерли бы прежде чѣмъ увидѣли святой городъ опустошеннымъ вражеской рукой, а священный храмъ такъ святотатственно разрушеннымъ! Но насъ воодушевляла еще не безславная надежда: быть можетъ намъ удастся за все это отмстить врагу. Теперь же, когда и эта надежда потеряна, и мы такъ одиноко стоимъ лицомъ къ лицу съ бѣдой, такъ поспѣшимъ же умереть со славой! Умилосердимся надъ самими собою, надъ женами и дѣтьми, пока мы еще въ состояніи проявить такое милосердіе. Для смерти мы рождены и для смерти мы воспитали нашихъ дѣтей. Смерти не могутъ избѣжать и самые счастливые. Но терпѣть насилія, рабство, видѣть, какъ уводятъ женъ и дѣтей на поруганіе,—не изъ тѣхъ это золъ, которыя предопредѣлены человѣку законами природы; это люди навлекаютъ на себя своей собственной трусостью, когда они, имѣя возможность умереть, не хотятъ умереть прежде чѣмъ доживутъ до всего этого. Мы же въ гордой надеждѣ на нашу мужественную силу отпали отъ римлянъ и только недавно отвергли ихъ предложеніе сдаться имъ на милость. Каждому должно быть ясно, какъ жестоко они намъ будутъ мстить, когда возьмутъ насъ живыми. Горе юношамъ, которыхъ молодость и свѣжесть силъ обрекаютъ на продолжительныя мученія; горе старикамъ, которые въ своемъ возрастѣ не способны перенести страданія. Тутъ одинъ будетъ видѣть своими глазами, какъ уводятъ его жену на позоръ; тамъ другой услышитъ голосъ своего ребенка, зовущаго къ себѣ отца, а онъ, отецъ, связанъ по рукамъ! Но нѣтъ! Пока эти руки еще свободны и умѣютъ еще держать мечъ, пусть онѣ сослужатъ намъ прекрасную службу. Умремъ, не испытавъ рабства враговъ, какъ люди свободные, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми разстанемся съ жизнью. Это повелѣваетъ намъ законъ, объ этомъ насъ умоляютъ наши жены и дѣти, а необходимость этого шага ниспослана намъ отъ Бога. Римляне желаютъ противнаго: они только опасаются, какъ бы кто нибудь изъ насъ не умеръ до паденія крѣпости. Поспѣшимъ же къ дѣлу. Они лелѣютъ сладкую надежду захватить насъ въ плѣнъ, но мы заставимъ ихъ ужаснуться картины нашей смерти и изумиться нашей храбрости».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Какимъ образомъ жители крѣпости, убѣжденные словами Элеазара, всѣ убили другъ друга, за исключеніемъ двухъ женщинъ и пятерыхъ дѣтей.

1. Элеазаръ хотѣлъ еще продолжать свою рѣчь, какъ они въ одинъ голосъ прервали его, бурно потребовали немедленнаго исполненія плана и, точно толкаемые демонической силой, разошлись. Всѣми овладѣло какое-то бѣшенное желаніе убивать женъ, дѣтей и себя самихъ; каждый старался предшествовать въ этомъ другому, всякій хотѣлъ доказать свою храбрость и рѣшимость тѣмъ, что онъ не остался въ числѣ послѣднихъ. При этомъ ярость, охватившая ихъ, не ослабѣла, какъ можно было бы подумать, когда они приступили къ самому дѣлу — нѣтъ! До самаго конца они остались въ томъ же ожесточеніи, въ какое привела ихъ рѣчь Элеазара. Родственныя и семейныя чувства у нихъ хотя сохранились, но разсудокъ бралъ верхъ надъ чувствомъ, а этотъ разсудокъ говорилъ имъ, что они такимъ образомъ дѣйствуютъ для блага любимыхъ ими существъ. Обнимая съ любовью своихъ женъ, лаская своихъ дѣтей и со слезами запечатлѣвая на ихъ устахъ послѣдніе поцѣлуи, они исполняли надъ ними свое рѣшеніе, какъ будто чужая рука ими повелѣвала. Ихъ утѣшеніемъ въ этихъ вынужденныхъ убійствахъ была мысль о тѣхъ насиліяхъ, которыя ожидали ихъ у непріятеля. И ни одинъ не оказался слишкомъ слабымъ для этого тяжелаго дѣла,—всѣ убивали своихъ ближайшихъ родственниковъ одного за другимъ. Несчастные! Какъ ужасно должно было быть ихъ положеніе, когда меньшимъ изъ золъ казалось имъ убивать собственной рукой своихъ женъ и дѣтей! Не будучи въ состояніи перенесть ужасъ совершеннаго ими дѣла и сознавая, что они какъ бы провинятся предъ убитыми, если переживутъ ихъ хотя одно мгновеніе, они поспѣшно стащили все цѣнное въ одно мѣсто, свалили въ кучу, сожгли все это, а затѣмъ избрали по жребію изъ своей среды десять человѣкъ, которые должны были заколоть всѣхъ остальныхъ. Расположившись возлѣ своихъ женъ и дѣтей, охвативши руками ихъ тѣла, каждый подставлялъ свое горло десятерымъ, исполнявшимъ ужасную обязанность. Когда послѣдніе безъ содраганія пронзили мечами всѣхъ, одного за другимъ, они съ тѣмъ же условіемъ метали жребій между собою: тотъ, кому выпалъ жребій, долженъ былъ убить всѣхъ девятерыхъ, а въ концѣ самого себя. Всѣ такимъ образомъ вѣрили другъ другу, что каждый съ одинаковымъ мужествомъ исполнитъ общее рѣшеніе какъ надъ другими, такъ и надъ собой. И дѣйствительно, девять изъ оставшихся подставили свое горло десятому. Наконецъ оставшійся самымъ послѣднимъ осмотрѣлъ еще кучи павшихъ, чтобы убѣдиться не остался ли при этомъ великомъ избіеніи кто либо такой, которому нужна его рука, и найдя всѣхъ уже мертвыми, поджегъ дворецъ, твердой рукой вонзилъ въ себя весь мечъ до рукояти и палъ бокъ-о-бокъ возлѣ своего семейства. Такъ умерли они съ увѣренностью, что не оста-

вили ни одной души, которая могла бы попасть во власть римлянъ. Однако, одна старуха, равно и родственница Элеазара, женщина, которая по своему уму и образованію превосходила большинство своего рода, вмѣстѣ съ пятью дѣтьми спрятались въ подземный водопроводный каналъ въ то время, когда всѣхъ остальныхъ увлекла мысль объ избіеніи своихъ близкихъ. Число убитыхъ, включая и женщинъ и дѣтей, достигло 960. Это ужасное дѣло совершилось въ 15-й день Ксантика [1].

2. Рано утромъ римляне, въ ожиданіи вооруженнаго сопротивленія, приготовились къ сраженію, накинули наступательные мосты на крѣпость и вторглись въ нее. Каково же было ихъ удивленіе, когда вмѣсто ожидаемыхъ враговъ на нихъ отовсюду повѣяло непривѣтливой пустотой и кромѣ клокотавшаго внутри огня надъ всей крѣпостью царило глубокое молчаніе. Озадаченные этимъ явленіемъ, они, наконецъ, какъ при открытіи стрѣльбы, подняли боевой кликъ для того, чтобы этимъ вызвать находившихся внутри. Этотъ кликъ былъ услышанъ женщинами, которыя вылѣзли изъ подземелья и по порядку разсказали римлянамъ о всемъ происшедшемъ. Въ особенности одна изъ этихъ женщинъ съумѣла передать въ точности обо всемъ, что говорилось и дѣлалось. Римляне все-таки не обратили вниманія на ихъ разсказъ, такъ какъ не вѣрили въ столь великій подвигъ, а постарались потушить пожаръ, быстро пробили себѣ путь и втѣснились во внутреннія помѣщенія дворца. Увидѣвъ же здѣсь въ самомъ дѣлѣ массу убитыхъ, они не возрадовались гибели непріятелей, а удивлялись только величію ихъ рѣшимости и несокрушимому презрѣнію къ смерти такого множества людей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Какимъ образомъ многіе сикаріи, бѣжавшіе въ Александрію, навлекають на себя опасность. — Храмъ, нѣкогда построенный первосвященникомъ Оніей, изъ-за этого опустошается.

1. Послѣ того какъ пала такимъ образомъ Масада, римскій полководецъ оставилъ въ ней гарнизонъ, а самъ съ остальнымъ войскомъ возвратился въ Кесарею, ибо непріятеля уже не было въ странѣ, и вся она продолжительной войной была покорена. За то теперь іудеи чужихъ странъ начали чувствовать опасность своего тревожнаго положенія. Уже послѣ паденія Масады въ Александріи, въ Египтѣ, погибла масса іудеевъ.

[1] 15-го Нисана, слѣдовательно въ 1-й день праздника Пасхи.

Дѣло въ томъ, что проникнувшая туда часть партіи сикаріевъ, не довольствуясь своимъ спасеніемъ, стала опять поднимать волненія и возбудила многихъ изъ оказавшихъ имъ убѣжище востать во имя свободы, не считать римлянъ лучше себя, повелителемъ же надъ собою признать одного Бога. Такъ какъ нѣкоторые изъ знатныхъ іудеевъ воспротивились имъ, то они однихъ убивали, а другихъ безпрерывно подстрекали къ возстанію. Сознавая безуміе ихъ затѣи, знатнѣйшіе члены Совѣта въ видахъ личной безопасности нашли невозможнымъ дольше терпѣть. Они созвали всѣхъ іудеевъ въ собраніе, раскрыли безумные замыслы сикаріевъ и представили ихъ какъ виновниковъ всѣхъ бѣдствій. «И вотъ теперь, продолжали члены Совѣта, зная, что и удавшееся имъ бѣгство не можетъ ихъ окончательно спасти, ибо какъ только они будутъ узнаны римлянами, ихъ немедленно казнятъ, они стараются подвергнуть заслуженной ими участи также и тѣхъ, которые никогда ничего общаго съ ними не имѣли». Они совѣтовали поэтому народу остерегаться той бѣды, въ которую хотятъ ввести его сикаріи, и выдачей послѣднихъ въ руки римлянъ доказать свою невиновность. Сознавая всю опасность своего положенія и убѣжденный этими рѣчами, народъ съ яростью набросился на сикаріевъ и захватилъ ихъ въ плѣнъ. Шесть сотъ человѣкъ схвачено было на мѣстѣ, другіе, бѣжавшіе въ глубь Египта и въ особенности въ Ѳивы [1], вскорѣ также были переловлены и доставлены обратно. Ихъ стойкость и безуміе или сила духа — какъ угодно это называть—возбуждали тогда всеобщее удивленіе: всевозможнаго рода пытки и мученія, которымъ ихъ подвергали только для того, чтобъ они признали императора своимъ повелителемъ, не склонили ни одного изъ нихъ на эту уступку; ни отъ кого нельзя было добиться этого признанья, а всѣ сохранили свое ничѣмъ несокрушимое упорство, точно ихъ тѣло не было чувствительно ни къ огню, ни къ другимъ пыткамъ, а душа чуть-ли не находила усладу въ страданіяхъ. Наибольшее удивленіе зрителей возбуждали дѣти, ибо и изъ нихъ никто не поддался на то, чтобы назвать императора своимъ властелиномъ. Такъ сила духа превышала слабость тѣла.

2. Лупъ, тогдашній правитель въ Александріи, поспѣшилъ извѣстить императора объ этомъ движеніи. Тогда императоръ въ томъ убѣжденіи, что мятежническая страсть іудеевъ никогда не укротится, опасаясь также того, чтобъ они, соединившись вмѣстѣ, не привлекали и другихъ на свою сторону, приказалъ Лупу разрушить іудейскій храмъ въ такъ

[1] Древняя столица верхняго Египта.

называемомъ Онійскомъ округѣ. Этотъ египетскій храмъ обязанъ своимъ основаніемъ и именемъ слѣдующему обстоятельству. Онія сынъ Симона [1], одинъ изъ іерусалимскихъ первосвященниковъ, бѣжалъ въ Александрію отъ сирійскаго царя Антіоха, воевавшаго съ іудеями. Птолемей, находившійся въ разладѣ съ Антіохомъ, принялъ его дружелюбно [2]. Тогда Онія обѣщамъ ему привлечь на его сторону всѣхъ іудеевъ, если онъ послѣдуетъ его совѣту. Когда царь согласился сдѣлать все возможное, онъ просилъ у него разрѣшенія построить гдѣ либо въ Египтѣ храмъ и ввести въ немъ богослуженіе по іудейскому обряду, ибо тогда, сказалъ онъ, іудеи еще рѣшительнѣе будутъ бороться съ Антіохомъ, опустошившимъ іерусалимскій храмъ, а ему, Птолемею, сдѣлаются еще преданнѣе и много іудеевъ ради свободы религіи переселятся въ его страну.

3. Эти соображенія понравились Птолемею. Онъ подарилъ Оніи мѣсто въ 180 стадіяхъ отъ Мемфиса, въ Геліопольскомъ номѣ [3]. Это мѣсто Онія укрѣпилъ и построилъ на немъ изъ огромныхъ камней храмъ, хотя не по образцу іерусалимскаго, а походившій болѣе на цитадель, вышиною въ 60 локтей; жертвеннику же онъ придалъ форму іерусалимскаго и храмъ украсилъ такими-же священными дарами, какъ въ Іерусалимѣ. Только для свѣтильника онъ сдѣлалъ исключеніе: вмѣсто стоячаго свѣтильника, онъ изготовилъ только золотую лампаду, испускавшую лучистый свѣтъ и ее онъ повѣсилъ на золотую цѣпь. Все освященное мѣсто онъ обвелъ кирпичной стѣной, которая была снабжена массивными каменными воротами. Царь затѣмъ принесъ въ даръ большой участокъ земли, доходовъ съ котораго хватило съ избыткомъ на содержаніе священниковъ и на всѣ нужды богослуженія. Намѣренія Оніи въ этомъ предпріятіи не были безукоризненны: имъ руководило недоброе чувство къ іерусалимскимъ іудеямъ, внушенное ему памятью о его бѣгствѣ, и вотъ онъ думалъ, что постройкой храма ему удастся отвлечь оттуда значительную массу іудеевъ. Впрочемъ, существовало еще древнее предсказаніе, предвозвѣщанное еще шесть сотъ лѣтъ назадъ; ибо пророкъ

[1] Внукъ Симона, сынъ Оніи III, называвшійся также Оніей (І. Д. XII, 9,7. XIII, 3,1).

[2] Онія IV вмѣстѣ съ Досиѳеемъ командовалъ войсками Птолемея Филометора и послѣ смерти его отстоялъ владычество преемницы его Клеопатры надъ Египтомъ противъ покушеній брата его Птолемея Фискона. „Противъ Апіона" II, 5.

[3] Въ восточной части нижняго Египта.

Исаія прорицалъ постройку іудеемъ этого храма въ Египтѣ [1]. Такимъ образомъ возникъ храмъ.

4. Правитель Александріи Лупъ по полученіи предписанія императора появился въ священномъ округѣ и заперъ храмъ, взявъ предварительно оттуда нѣкоторыя священныя драгоцѣнности. Вскорѣ затѣмъ Лупъ умеръ и его преемникомъ въ намѣстничествѣ сдѣлался Павлинъ (III, 8, 1). Послѣдній взялъ изъ храма все, что тамъ еще оставалось, угрожая при этомъ священникамъ жестокимъ наказаніемъ за утайку чего-либо, и, воспретивъ іудеямъ посѣщеніе священнаго мѣста, заперъ ворота и сдѣлалъ храмъ совершенно недоступнымъ, такъ что въ немъ не осталось ни слѣда богослуженія. Отъ сооруженія храма до его закрытія протекло 343 года [2].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О Іонатанѣ, одномъ изъ сикаріевъ, поднявшемъ возстаніе въ Киренѣ и оказавшемся гнуснѣйшимъ доносчикомъ.

1. Безуміемъ сикаріевъ заразились, какъ это бываетъ при повальныхъ болѣзняхъ, даже города Кирены [3]. Туда бѣжалъ нѣкто Іонатанъ, весьма низкій человѣкъ, по профессіи своей ткачъ, который привлекъ къ себѣ не мало неимущихъ, повелъ ихъ въ пустыню, гдѣ обѣщалъ показать имъ чудеса и знаменія. Въ то время, когда его плутовскія продѣлки остались еще другими незамѣченными, знатные іудеи Кирены сами указали правителю Ливійскаго Пентаполиса [4] Катуллу на выступленіе его въ пустыню и на его замыслы. Катуллъ послалъ пѣхоту и всадниковъ, которые легко овладѣли безоружной толпой: большая часть ея пала на мѣстѣ схватки, другіе же всѣ были взяты въ плѣнъ и доставлены къ Катуллу, главный же зачинщикъ, Іонатанъ, на первыхъ порахъ исчезъ; но послѣ долгихъ и тщательныхъ розысковъ по всей странѣ былъ задержанъ. Представши предъ правителемъ, онъ съумѣлъ выхлопотать

[1] „Въ тотъ день жертвенникъ Богу будетъ посреди земли Египетской и памятникъ Богу у предѣла ея". Исаія 19,19.

[2] Показанное въ текстѣ число лѣтъ несомнѣнно ошибочно. Оніевъ храмъ возникъ не раньше 160 года до Р. Х. и былъ закрытъ въ 73 г. по Р. Хр.; слѣдовательно, простоялъ всего 233 года.

[3] На сѣверномъ берегу Африки, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Египтомъ.

[4] Область пяти городовъ: Кирены, Вереники, Арсинои, Птолемаиды и Аполлоніи.

себѣ прощеніе и далъ еще Катуллу поводъ къ незаконнымъ дѣйствіямъ, ложно указавъ на богатѣйшихъ іудеевъ, какъ на руководителей возстанія.

2. Катуллъ жадно ухватился за эти клеветы, преувеличилъ всю исторію и въ трагическомъ описаніи придалъ ей важное значеніе для того, чтобы другимъ могло казаться, будто-бы и онъ вынесъ на своихъ плечахъ нѣчто въ родѣ іудейской войны. Но еще печальнѣе было то, что, относясь довѣрчиво ко всякимъ выдумкамъ, онъ самъ еще наставлялъ сикаріевъ, какъ клеветать. Такимъ образомъ Іонатанъ, по приказанію Катулла, далъ показаніе противъ іудея Александра, съ которымъ послѣдній давно уже находился во враждѣ, впуталъ также въ заговоръ жену Александра, Веренику, послѣ чего Катуллъ приказалъ обоихъ казнить, а вслѣдъ за ними казнилъ сразу всѣхъ богатыхъ іудеевъ въ числѣ 3000. Онъ думалъ, что все это останется безнаказаннымъ въ виду того, что имущество убитыхъ было имъ присоединено къ доходамъ императора.

3. Для того, однако, чтобы іудеи какого нибудь другого мѣста не вывели на свѣтъ его беззаконій, онъ пошелъ еще дальше въ своемъ коварствѣ и уговорилъ Іонатана и его соплѣнниковъ обратить обвиненіе въ мятежническихъ проискахъ противъ знатнѣйшихъ іудеевъ въ Александріи и Римѣ. Въ число этихъ столь коварно обвиненныхъ попалъ также Іосифъ, авторъ настоящей исторіи. Но Катуллу, вопреки ожиданію, не удались его козни. Онъ прибылъ въ Римъ и привезъ съ собою въ кандалахъ Іонатана и его товарищей, въ той надеждѣ, что если эти ложныя обвиненія будутъ поддержаны имъ лично, тогда будетъ перерѣзанъ путь всякому дальнѣйшему разслѣдованію. Но Веспасіанъ, которому дѣло показалось подозрительнымъ, приказалъ строжайше изслѣдовать обстоятельства дѣла и, убѣдившись въ безосновательности обвиненія, поднятаго противъ названныхъ лицъ, объявилъ ихъ, по заступничеству Тита, совершенно свободными, а Іонатана напротивъ приговорилъ къ заслуженной карѣ: онъ былъ подвергнутъ бичеванію и затѣмъ сожженъ живымъ [1].

---

[1] Зелоты во все время войны и даже далеко позже, въ царствованіе Домиціана, безустанно преслѣдовали Іосифа и всевозможными путями добивались его казни. Предводители отдѣльныхъ революціонныхъ отрядовъ, попадая въ плѣнъ къ римлянамъ, домогались лишь того, чтобъ вмѣстѣ съ ними погибъ также и Іосифъ, и съ этой цѣлью они ложно выдавали его за своего сообщника. Вотъ что разсказываетъ Іосифъ въ своемъ „Жизнеописаніи". „Изъ Александріи Веспасіанъ послалъ меня съ Титомъ осаждать Іерусалимъ. Тамъ я много разъ подвергался опасности жизни, такъ какъ, съ одной стороны, іудеи всѣми мѣрами старались захватить меня въ плѣнъ и убить, а съ другой стороны римляне, послѣ каждаго понесеннаго ими пораженія, винили въ этомъ меня, будто бы измѣнившаго имъ, и взывали къ Титу, чтобы онъ предалъ меня, какъ измѣнника, казни. Но Титъ всегда молча разстраивалъ замыслы солдатъ противъ меня. Веспасіанъ до конца жизни своей выказывалъ уваженіе и неизмѣнную милость ко мнѣ. Это возбудило противъ меня зависть и подвергло меня опасности. Одинъ іудей, Іонатанъ, взбунтовался въ Киренѣ и увлекъ за собою 2000 человѣкъ, погибшихъ впослѣдствіи. Самъ Іонатанъ былъ схваченъ въ плѣнъ правителемъ Кирены и въ цѣпяхъ доставленъ къ императору. Тогда онъ донесъ на меня, что я будто далъ ему оружіе и деньги. Но Веспасіанъ не повѣрилъ клеветамъ и приговорилъ его къ смерти. И еще многіе другіе послѣ этого изъ зависти къ моему счастію возводили на меня обвиненія, но Богъ меня всегда избавлялъ отъ опасности... Послѣ смерти Веспасіана, Титъ былъ ко мнѣ такъ-же милостивъ, какъ и его отецъ, и не внималъ никакимъ доносамъ, направленнымъ противъ меня. А послѣ смерти Тита, императоръ Домиціанъ относился ко мнѣ съ еще большимъ уваженіемъ и довѣріемъ: іудеевъ, ложно обвинявшихъ меня, онъ наказывалъ смертью и казнилъ также одного изъ моихъ рабовъ, который былъ воспитателемъ моихъ сыновей, за то, что онъ выступилъ съ обвиненіемъ противъ меня... И супруга его, императрица Домиція, всегда была милостива ко мнѣ. „Жизнь" 75, 76.

4. Снисходительности обоихъ императоровъ Катуллъ былъ тогда обязанъ тѣмъ, что онъ, хотя признанный виновнымъ, освобожденъ былъ отъ наказанія. Но недолго прошло, какъ его схватила сложная и неизлѣчимая болѣзнь. Онъ умеръ, наконецъ, въ большихъ мученіяхъ, терзаемый не только тѣломъ, но еще болѣе болѣзнью духа. Ужасные призраки преслѣдовали его безпрестанно; онъ все не переставалъ кричать, что видитъ возлѣ себя тѣни имъ умерщвленныхъ; бывало также, что, теряя самообладаніе, онъ соскакивалъ со своего ложа, какъ будто къ нему примѣняютъ пытки и огонь. Недугъ его все болѣе ухудшался. Наконецъ внутренности его начали гнить, пока не выпали совсѣмъ — тогда онъ испустилъ духъ. Случай этотъ, не менѣе другихъ, служитъ явнымъ доказательствомъ того, что божественное провидѣніе наказываетъ злодѣевъ.

5. На этомъ я кончаю исторію, которую обѣщалъ написать со всей старательностью для тѣхъ, которые хотятъ знать, какъ происходила эта война римлянъ съ іудеями. Насколько успѣшно выполнено изложеніе—объ этомъ пусть судятъ читатели; что-же касается вѣрности сообщеній, то я смѣло могу утверждать, что она составляла единственную цѣль всего моего сочиненія.

КОНЕЦЪ.

34

Замѣченныя опечатки.

Страница	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать.
12	17 снизу	הקדש	הקדשי
18	21 и 24 —	Имякинъ	Ильякимъ
—	22 —	при-орданскихъ	при-іорданскихъ
21	14 сверху	Іерихо	Іерихономъ
29	4 снизу	Джерамъ	Джерашъ
—	15 сверху	Гавлану	Гавланъ
38	14 —	Иппъ	Иппонъ
40	1 снизу	Но	По
44	7 сверху	Саломе	Саломію
51	20 —	бенъ-Шета	бенъ-Шетахъ
56	4 сверху	Лаѳдикею	Лаодикею
—	6 снизу	въ тетрархіи	въ тетрархи
58	11 сверху	Клеапатрѣ	Клеопатрѣ
73	7 сверху	Амму	Аммаусъ
74	14 и 16 снизу	Соссій, Соссія	Созій, Созія
75	14 снизу	Іерихо	Іерихона
77	5 и 11 сверху	Соссій	Созій
78—79	—	—	—
89	8 снизу	акційскія	акціумскія
—	3 сверху	Гиппона Самарію	Иппонъ, Самарію
91	15 сверху	Банеіономъ	Па̀ніономъ
93	11, 12 и 13 снизу	Цезарея	Кесарея
120	6 снизу	Антипара	Антипатра
164	11 снизу	Иппъ	Иппонъ
174	11 сверху	лѣнно	тлѣнно
186	1 снизу	Hассum	Flaccum
203	8 сверху	Масличную	Елеонскую
232	6 сверху	Иппъ	Иппонъ
235	3 —	Махеръ	Махеронъ
237	1 —	неженъ	не ясенъ
246	25 —	обсужденію	побужденію
275	8 —	предоставляемыми	представляемыми
282	12 снизу	саженей	локтей
302	14 сверху	напоминаетъ	наполняетъ
346	7 снизу	передъ	надъ
366	15 сверху	топаторію	топархію
455	12 —	Цереала	Цереалія
503—508	—	Махеръ	Махеронъ
507	12 сверху	Іардесмъ	Іардесомъ

УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ.*

Августъ 54, 65, 86, 87, 179, 244.
Авесаломъ 230.
Авила 201, 359.
Авраамъ (патріархъ) 368, 422.
Авранъ (Авранитида) 89, 192.
Аггей (пророкъ) 470.
Агезилай 218.
Агриппа I 127, 181 — 183, 190 — 193, 397.
Агриппа II, 195, 197, 200, 201, 211, 215, 216, 224, 227, 234, 235, 237, 240, 252, 265, 270, 306, 308, 315, 317, 318, 365.
Агриппа (зять Августа) 89.
Агриппина 201.
Агриппіада, см. Анѳедонъ.
Адаса 16.
Адидъ 364.
Адіабена 4, 222.
Адорей 22, 40.
Азотъ 38, 40, 328.
Акма 144, 148.
Акра (крѣпость) 13, 20, 478.
Акрабатскій округъ 199, 245, 261, 267, 365, 366, 369.
Аланы 508.
Алексасъ с. Гифтея 451. 457.
Александра (царица) 29—31.
Александра (дочь Гиркана) 61.
Александріонъ 34, 39—41, 71, 127.
Александрія 222, 270, 374, 375, 381.
Александрійская гавань 375.
Александръ Іаннай 26—29, 503.
Александръ Македонскій 218.
Александръ Тиверій 195, 211, 236, 376, 386, 436, 465.
Александръ (предводитель революціоннаго отряда) 199.
Александръ с. Аристовула II 38—45.
Александръ с. Маріамны 106—127.
Алуръ 367.
Альбинъ 206, 473.
Альпы 220.
Аматъ (Амаѳосъ) 26, 27, 40.
Аммаусъ (Эммаусъ) 54, 73, 159, 161, 245, 317, 359, 360, 508.
Ананій с. Масамбала 438.
Ананій (первосвященникъ) 200, 228, 229.
Ананій с. Саддука 231, 257.
Ананъ с. Анана (первосвящ.) 244, 260, 261, 330, 365.
Ананъ с. Ананія 200.
Ананъ с. Іонатана 241.
Антигонъ (царь) 38, 41, 47, 57, 59, 63, 67—79.
Антигонъ с. Гиркана I 22—24.
Антипа—тетрархъ (Иродъ — Антипа 129, 144, 148, 149, 153, 164.
Антипа (государст. казначей) 227, 244, 329.
Антипатрисъ или Антипатрида 28, 95, 239, 243, 359.
Антипатръ (родоначальникъ идумейской династіи) 32—55.
Антипатръ с. Ирода 57, 99, 107—148.
Антіохія 45, 97, 234, 265, 491.
Антіохова долина 29.
Антіохъ IV Эпифанъ 10—14.
Антіохъ V Евпаторъ 14.
Антіохъ VI Сотеръ 20.
Антіохъ Діонисъ 28—29.

* Относится только къ тексту книги.

Антіохъ Кизикенъ 22.
Антіохъ царь Коммагены 73, 237, 270 431, 508—510.
Антіохъ Эпифанъ изъ Коммагены 431, 432, 508—510.
Антонія (замокъ) 24, 31, 91, 213, 214, 228, 396, 400, 407, 419, 432, 438, 445, 446, 448—450.
Антонія дочь Клавдія 201.
Антоній 39—41, 45, 54, 58, 65, 71—73, 75, 79—81, 88, 515.
Антоній (центуріонъ), 259, 263, 296.
Антоній Примъ 364, 378—380.
Ануаѳъ см. Воркей.
Анѳедонъ 26, 40, 89, 94, 232.
Апамея 53, 234.
Аполлонія 40.
Арады 4.
Арбелла 71.
Арета 29, 32.
Ареѳуза 38.
Аристей изъ Аммауса 438.
Аристовулъ I 22—25.
Аристовулъ II 30—38, 41, 44, 45.
Аристовулъ III 101.
Аристовулъ с. Аристовула 196.
Аристовулъ с. Ирода Халкидскаго 196, 201.
Аристовулъ с. Маріамны 106—127.
Аркея 497.
Арфа 268.
Архелай с. Ирода I—этнархъ 129, 137, 144, 148, 149, 162—164, 166.
Архелай царь Каппадокіи 106, 108, 117 —119, 124.
Аръ 160.
Асамонъ 238
Аскалонъ 45, 46, 232, 263.
Асохисъ 26.
Ассирійскій станъ 413, 436.
Ассиріяне 5, 423, 425.
Асфальтовое озеро 361, 363.
Афекова башня 239.
Афта 331.
Ахаварская скала 246.
Ахая 244, 263, 270, 365.
Ахіавъ 148, 158, 161.
Аѳины 97.
Аѳиняне 218.
Аѳронгей 159.

Бассъ Луцилій 503, 505, 507, 511.
Бассъ Цецилій 53.
Батанея 89, 200, 235.
Бедріака 369.
Бемеселисъ 28.
Беритъ 96, 124, 376, 491.
Бесимотъ 359.
Бетарисъ 360.
Бетеннабринъ 357.
Бетлептефитская топархія 360.
Бетсанъ 396.
Бетъ—Эзобъ 462.
Бецета 213, 241, 397, 407.
Беѳила 369.
Библосъ 96.
Большая долина 360—362.
Большая Идумея 366.
Большая равнина 252, 266, 268.
Большая самарійская долина 198.
Боркей см. Воркей.
Босфоръ 219.
Брикселла 369.
Британникъ 201.
Брутъ 53.

Вакхидъ 11, 12.
Вакъ 266.
Валентъ 369.
Валеріанъ 307.
Варисъ (замокъ) см. Антонія.
Варцафарнъ 59, 100.
Варъ 139, 140, 152, 156, 160—162.
Великая Арменія 196.
Вентидій 67, 68, 71, 72.
Вереника 192, 211, 214, 216, 224, 252.
Верениkіанъ 196.
Верхній городъ 210, 216, 227, 383, 395, 407, 409, 480, 482, 483, 490.
Верхняя Идумея 370.
Веспасіанъ 262, 265, 275, 276 — 327, 352, 356, 357, 359, 360, 364, 369, 373—381, 489, 493—496, 499—502, 507—510, 528.
Ветзахарія 14.
Ветсуръ 14.
Ветхоронъ 197, 239, 240, 242, 243.
Виседель 265.
Вилей 186.
Виндексъ 359.
Вирсавія 246, 266.
Вителлій 364, 369, 372, 376, 377, 378 —380.
Виѳарамаѳъ 159.
Виѳинія 219.
Вологезъ 498, 509.
Волумній 123—125.
Воркей 240, 267.

Ворота храма: Верхнія 417. Восточныя 467. Геннатскія 396. Ессемскія 396. Сѣверныя 464, 465.

Габара 278.
Габиній 35, 39—43.
Гава 266.
Гаваонъ 239, 242.
Гаватсаулъ 387.
Гавланъ 27, 29, 200, 232, 266, 316.
Гадара 26, 38, 40, 89, 164, 232, 266.
Гадесъ 218.
Газа 26, 38, 89, 232, 382.
Газара 20.
Галаадитяне 26.
Галилея 266, 267.
Галлъ 238.
Галлы 220.
Гальба 364, 365.
Гамала 29, 40, 245, 246, 275, 316, 317 —323.
Ганнибалъ 221.
Гаризимъ 22, 294.
Гарисъ 278.
Гарсисъ 433.
Гай 182—190.
Геліопольскій номъ 11, 526.
Геллеспонтъ 263.
Гема 198.
Геніохи 219.
Геннисаретское озеро 312, 313.
Геннисаретъ 313.
Гераза 29, 232, 267, 364, 365.
Геркулесовы столбы 220, 221.
Германцы 221, 495, 496.
Гинея 267.
Гиннабринъ 360.
Гиппикова башня 229, 395, 396, 398, 411, 487.
Гирканіонъ 39—42, 82, 148.
Гирканъ I 21—23.
Гирканъ II 30—33, 37, 39, 40, 42, 47, 48, 50, 51, 53, 55—58, 60, 63, 100
Гисхала 245, 257, 260, 316, 323— 327.
Гитра 74.
Гифтей 457.
Глафира 112, 127, 167.
Горіонъ с. Іосифа 332, 351.
Горіонъ с. Никомеда 231.
Гофна 15, 54, 245, 369, 454.

Гратта 371.
Гробницы въ Іерусалимѣ:
Анана (первосвящ.) 436.
Александра 413.
Елены 388, 394, 396.
Іоанна 409, 413, 459.

Дагонъ 21.
Дакійцы 220.
Далматы 220.
Дамаскъ 29, 30, 32, 33, 50, 96, 244.
Дарій 227.
Дафна 58, 74, 316.
Дворцы въ Іерусалимѣ:
Агриппы 228.
Асмонеевъ 216.
Вереники 228.
Гратты 371.
Елены 408, 478.
Монобаза 408.
Царскій 228, 399, 400, 407, 478.
Деваритта 252.
Декаполисъ 306.
Дельта 46, 236.
Діонъ 34.
Діосполисъ 83.
Дмитрій Евкеръ 27, 28.
Домиціанъ 379, 381, 496, 501.
Дора 20, 38.
Дорида 57, 99, 107, 111, 130, 134, 135 140.
Дровяной рынокъ 241.
Дубовая роща (Дримъ) 59, 60.
Дунай

Египетъ 375.
Елена 388, 396.
Елеонская гора 203, 389, 395, 436.
Елисей пророкъ 361.
Ессен 169—175.

Желѣзная гора 360.
Женскія башни 388, 399.

Завулонъ 237, 266.
Захарія с. Баруха 348.
Захарія с. Фалека (вождь зелотовъ) 338.
Зевгма 498.
Зенодоръ 89.
Зенонъ Котила 22.
Зефиріонъ 108.
Золотой быкъ (храмъ) 316.

Иберійцы 220.
Идумея 245, 261, 360, 366—368.
Идумеяне 339—350, 371, 408, 419, 481.
Изатъ 371, 396, 478.
Илида 97.
Иллирійцы 220.
Индія 222.
Иппина 266.
Иппонъ 38, 89, 164, 232.
Ираклеополь 381.
Иродіонъ 62, 96, 150, 367, 370, 503.
Иродъ I 44, 49, 50, 52, 54 — 150, 503, 513.
Иродъ царь Халкиды 192, 196.
Иродъ тетрархъ 129, 132, 137, 179, 182, 183.
Исаія пророкъ 527.
Испанія 183, 364.
Истмъ 315.
Итавріонъ 43, 246, 316, 321, 322.

Іаковъ с. Сосы 339, 367, 408, 451, 457, 481.
Іамблихъ 46.
Іамниѳъ 246.
Іамнія 20, 38, 40, 179, 215, 328, 359, 382.
Іардесъ 507.
Іафа 246, 293.
Іегуда Галилеянинъ 158, 168, 229, 511.
Іегуда ессей 25.
Іегуда Маккавей 13—16.
Іегуда с. Іегуды 439.
Іегуда с. Іаира 451, 507.
Іегуда с. Іонатана 231, 257.
Іегуда с. Мертона 451, 457.
Іегуда с. Сепфорея 145, 146.
Іегуда с. Хелкіи 382.
Іезекія отецъ Іегуды Галилеянина 49, 158.
Іезекія братъ первосвященника Ананія 228, 230.
Іеремія пророкъ 424.
Іерихонъ 31, 35, 40, 69, 75, 101, 149, 358, 360—362.
Іерусалимъ 268, 324, 395—400.
Іехоній царь 453.
Іешуа с. Анана 473.
Іешуа с. Гамалы (первосвящ.) 332, 339.
Іешуа с. Навина 361.
Іешуа с. Сапфія 245, 252.
Іешуа с. Сафата 307, 308, 312.
Іешуа с. Табута 482.
Іоазаръ с. Номика 257.
Іоаннъ ессей 245, 263, 264.
Іоаннъ откупщикъ 208, 209.
Іоаннъ с. Ананія 245.
Іоаннъ с. Газели 329.
Іоаннъ с. Леви (Гисхальскій) 247, 249, 252, 255—258, 324—327, 336 — 338, 354, 365, 370 — 372, 382 — 386, 392, 408—413, 429, 432, 442, 444, 452, 453, 455, 457, 486, 498, 512.
Іоаннъ с. Сосы 339, 412.
Іонатанъ 459.
Іонатанъ с. Анана (первосвящ.) 199, 202.
Іонатанъ Маккавей 17, 18.
Іонатанъ изъ Кирены, 527, 528.
Іоппія 20, 38, 68, 89, 96, 238, 245, 268, 304, 382.
Іорданъ 71, 91, 312, 318.
Іорданъ (деревня) 268.
Іосифъ с. Антипатра 44, 62, 67, 70, 74.
Іосифъ вождь зелотовъ въ Гамалѣ 318, 322.
Іосифъ с. Горіона 244.
Іосифъ с. Далая 471.
Іосифъ с. Маттаѳіи (Флавій) 245—260, 268, 278—303, 305, 306, 308, 317, 321, 377, 393, 409, 416, 420, 439, 440, 452, 453, 454, 455, 479.
Іосифъ с. Симона 245.
Іотапата 245, 276, 279—296.
Іохананъ Маккавей 16.
Іоханань Гирканъ.—См. Гирканъ I.
Іудея 267, 268.
Іудейскій Лагерь 46.

Каллироя 147.
Кана 29, 75.
Канаѳа 83.
Кантабры 220.
Каппадокія 219.
Кармель 23, 186, 266.
Карѳагеняне 221.
Кассій 43, 44, 53—57.
Касторъ 415.
Катуллъ 527—529.
Кафарабинъ 370.
Кафарекхонъ 246.
Кафарнаумъ 313.
Кафеѳра 370.
Кедаса 232, 325.
Келесирія 10.
Кендебай 20.
Кенедай 239.
Кесарея приморская 25, 38, 89, 92, 93, 125, 152, 304, 324, 357, 364, 365, 382, 489.

Кесарея Филиппова 179, 306, 489.
Кефартобъ 360.
Кидронская Долина 396, 436.
Киликія 26, 219.
Кипръ 95, 235.
Кирена 526—528.
Киръ 470.
Клавдій 190—192, 195, 197, 200.
Классикъ 495.
Клеопатра 58, 65, 81, 88, 89, 515.
Клитъ 259.
Колхидяне 219.
Коптъ 375.
Корея 34, 360.
Костобаръ 224, 227.
Красное море 221, 375.
Крассъ 43.
Кремона 378, 379.
Ксалосъ 266.
Ксерксъ 218.
Ксистъ 216, 372, 396, 461.
Куманъ 197—200.
Куспій Фадъ 195.

Лакедемонія 97, 218.
Ларцій Лепидъ 465.
Лаодикія 96.
Леви 329.
Лже-Александръ 165, 166.
Лжепророки 203, 471.
Ливерій Максимъ 507.
Ливія 218, 375.
Лидда 70, 200, 239, 245, 359.
Лизаній 59, 89.
Ликія 219.
Лоллій 32.
Лонгъ—461.
Лузитанцы 220.
Лукуллъ 31.
Лупъ 525, 527.
Луцій Анній 364.

Маборѳъ—см. Неаполисъ.
Мавры 221.
Македоняне 218.
Малахія 451.
Малая Арменія 201.
Малихъ 39, 54—56.
Малихъ (арабскій царь) 64, 81.
Малихъ (армянскій царь) 270.
Малый Іорданъ 316.
Манаимъ 229, 230.
Манассія 245.
Маннай с. Лазаря 442.
Марисса 22, 38, 40, 63.
Маріамна (царица) 57, 76, 99—105.
Маріамна (башня) 229, 399, 487.
Марія дочь Элеазара 462.
Маркъ Антоній Юліанъ 465.
Мармариды 221.
Масада 57, 62, 63, 67, 68, 225, 229, 230, 261, 355, 365, 370, 511—518.
Маттаѳія родоначальникъ Маккавеевъ 12, 13.
Маттаѳія отецъ Іосифа Флавія 3, 439.
Матѳія с. Боѳа (первосвящ.) 371, 438.
Матѳія с. Маргала 145, 146.
Махеронъ 39—41, 72—75, 235, 267, 359, 370, 503—507.
Мегассаръ 433.
Медава 22.
Меиръ с. Билги 471.
Мелитина
Мемфисъ 46, 368, 526.
Мендесскій округъ 381.
Меотійское озеро 219, 510.
Мероѳъ 246, 266.
Месопотамія 368.
Мессалина 201.
Метеллъ 32.
Метилій 231.
Мидяне 5.
Мизія 376, 496, 498.
Митридатъ Великій 35.
Митридатъ изъ Пергамона 45—47.
Моавитяне 26, 360.
Модинъ 12.
Монобазъ 239, 408,
Муркъ 53, 54.
Муціанъ 319, 364, 374, 376—378, 380.

Набатеи 43.
Наинъ 366, 367.
Нарбата 209, 238.
Неаполисъ 360.
Неаполитанъ 215.
Неронъ 201, 205, 208, 244, 261, 364.
Нетиръ 287.
Нехао 421.
Нигеръ Перейскій 239, 245, 263, 265, 351.
Нижній городъ 13, 383, 395, 479.
Никаноръ 297, 298, 302, 409.
Николай Дамаскинскій 141, 143, 152, 155, 164.
Никополисъ 97, 381.
Нилъ 375, 381.
Нимфидій 364.

Ноаръ 234.
Новый городъ 241, 436.
Нумидяне 221.

Обеда 27.
Окружные города Іудеи 268.
Октавія 201.
Онія (первосвященникъ) 10, 526.
Онійскій округъ 46, 526.
Ормиза 83.
Остракина 381.
Оттонъ 364, 365, 369.
Офла 230, 396, 478.

Павлинъ 297, 527.
Пакоръ (царь Мидійскій) 59, 62, 72, 510.
Памфилія 219.
Памятникъ Ирода 399, 400, 407.
Паніонъ 91, 312.
Панонія 376, 498.
Папиронъ 33.
Паппа 75, 76.
Парѳяне 43, 44, 59—63, 66—68, 71, 72, 221, 222.
Педаній 124.
Пелла 29, 34, 38, 39, 232, 267.
Пелузій 42, 46, 65, 88, 375, 381.
Пергамъ 97.
Перея 267, 359, 360.
Петра 32, 62, 360.
Петроній 184.
Пизонъ 36.
Пилатъ 179—181.
Пинхасъ храмовой казнохранитель 481.
Пиренеи 220.
Писійцы 26.
Пиѳолай 39, 44.
Платана 124.
Платея 218.
Плацидъ 268, 276, 279, 295, 321, 357—359.
Плинѳина 375.
Помпей 32, 33—38, 44, 45.
Помпоній Секундъ 190.
Понтъ 219.
Despite Прискъ 242.
Пруды въ Іерусалимѣ: Воробьиный 432
Змѣиный 393
Миндальный 432
Рыбный 396
Псефинъ 387, 395, 396, 398.
Птоломаида 17, 59, 67, 88, 96, 186, 232, 237, 238, 265, 266, 270, 276, 303.
Птоломей Филометоръ 10, 11, 526.
Птоломей Лаѳуръ 26.
Птоломей с. Меннaя 29, 45, 46, 57, 59.
Птоломей (канцлеръ Ирода) 111, 149, 152.

Рафакея 489, 497.
Рафія 26, 40, 382.
Ресса 68.
Рейнъ 220, 221.
Ринокорура 64, 382.
Родосъ 65, 87, 96, 489.
Рума 287.
Руфъ Терентій 490.

Саава 287.
Саббатіонъ (Субботняя рѣка) 497.
Сабинъ (квесторъ) 152, 153, 156.
Сабинъ братъ Веспасіана 379.
Сабинъ (сиріецъ) 448.
Саддукеи 177.
Саламинъ 218.
Саллисъ 265.
Саломія 44, 104, 106, 112—179.
Самарія 22, 23, 38, 40, 45, 69, 70, 72, 75, 76, 89, 91, 267.
Самаряне 198—200, 294.
Самахонитское озеро 316.
Самея 22.
Самосата 73, 508, 509.
Самфонъ 160.
Сарматы 496.
Сатурнинъ 124, 128, 133, 190.
Саулъ 227, 244.
Себаста 22, 127, 208, 209, 232.
Себенитисъ 232.
Седекія царь 424.
Секстъ Цезарь 49, 50, 53.
Селаминъ 246.
Селевкія 29, 246, 316, 317.
Сеннахеривъ 423.
Сеофорисъ 40, 70, 160, 238, 257, 260 265, 269.
Сервилій 41.
Сефъ 246.
Сигонъ 246.
Сидонъ 59, 96, 234.
Сизенна 41.
Сикаріи 202, 225, 228, 229, 261, 355, 365, 511—513, 515—527.
Сикима 22, 27.
Сила Вавилонянинъ 239, 263, 264.
Силлай 114, 123, 130, 132, 134, 138, 142.
Силоамъ 215, 396, 426, 436.
Силонъ 67—71.

Сильбонитисъ 267.
Сильва Флавій 511, 515, 516.
Симонъ Маккавей 18—21.
Симонъ (предводитель революціоннаго отряда) 159.
Симонъ с. Ананія 227.
Симонъ с. Гамліеля 332.
Симонъ с. Гіоры 240, 261, 350, 365—372, 383, 385, 399, 407, 408—416, 427, 429, 433, 439, 450, 475, 479, 481, 486, 490, 498, 501, 512.
Симонъ с. Іаира 451, 457.
Симонъ с. Іонатана 257.
Симонъ с. Іосіи 457.
Симонъ с. Каѳлы 339, 343, 408, 457.
Симонъ с. Саула 283.
Сирійцы 26.
Сиртяне 221.
Сіена 375.
Скавръ 32, 38, 39.
Скиѳополисъ 22, 23, 34, 38, 40, 233, 266, 304, 306, 324.
Скопъ 240, 242, 389.
Согана 246, 316, 317
Содомъ 237, 270, 508.
Соемъ 237, 270, 508.
Соморръ 360.
Созій 74, 77—79.
Софа с. Рагуела 329.
Стефанъ 198.
Стратонова Башня (городъ) см. Кесарея.
Стратонова Башня (проходъ) 24.
Сципіонъ 45, 221.
Счастливая Аравія 222.

Тавридяне 219.
Танаисъ 510.
Танисъ 381.
Тарихея 44, 201, 246, 252, 306, 308.
Тарсъ 509.
Текоа 367.
Теодоръ с. Зенона 26, 27, 29.
Теридатъ (армянскій царь) 510.
Теронъ 125.
Тефтай 433.
Тиверіада 179, 187, 201, 246, 255, 257—260, 266, 306—808.
Тиверіадское озеро 361.
Тиверій Цезарь 182.
Тигиллинъ 364.
Тигранъ 30, 31.
Тиранній Прискъ 241.
Тирійская Лѣстница 186.
Тиропеонъ 396.
Титъ 263, 270, 275, 288, 293, 295, 306, 309—312, 319, 322, 324—327, 365, 377, 381, 386—395, 398, 408—420, 430, 432, 434—436, 437—439, 441, 446—448, 449, 451—58, 460, 463, 464—69, 475—83, 487—502, 515.
Титъ Фригій 415.
Тмуисъ 381.
Товіады 10.
Трахонея 89, 159, 192, 200.
Траянъ 293, 308, 310, 360.
Триполисъ 96.
Трифонъ 17, 20.

Уммидій Квадратъ 199, 200.

Фабій 37.
Фазаелева башня 95, 229, 398, 399, 487.
Фазаелида 95, 179.
Фазаель 44, 49, 57, 58, 60, 63.
Фаліонъ 33.
Фаннія с. Самуила (послѣдній первосвященникъ) 331.
Фаранъ 366.
Фарисеи 30, 131, 176, 226.
Фаросъ 375, 399.
Фаустъ Корнелій 37.
Фебъ 240.
Феликсъ 56, 57.
Феликсъ (прокураторъ) 200—205.
Ферoръ 44, 71, 74, 76, 112—137.
Фестъ 205.
Филадельфія 32, 85, 232, 267.
Филиппъ (Тетрархъ) 129, 137, 144, 149, 152, 163, 164, 179, 182, 313.
Филиппъ Македонскій 218.
Филиппъ с. Іакима 227, 244.
Филиппъ изъ Румы 287.
Финеасъ с. Клусоѳа 339.
Фіала 313.
Флоръ 207—216, 224, 227, 232, 241, 244.
Фронтонъ Этерній 465.
Фурій 37.

Хагейръ 433.
Халкида 192, 197.
Харесъ 318, 322.
Хевронъ 367—369.
Храмъ Іерусалимскій 400—406, 470.
Храмъ Капитолійскій въ Римѣ 48, 192, 379, 501, 508.
Храмъ богини Мира въ Римѣ 502.
Храмъ Оніевъ въ Египтѣ 11, 525—527.

Храмъ самарянъ 22.
Хутеяне 22.

Царство Агриппы II 266, 268, 316.
Царство Лизанія 192, 200.
Цезеній Петъ 508, 509.
Целеръ 200.
Цереалій Секстъ 294, 295, 370, 455, 465, 466, 495, 503.
Цестій Галлъ 207, 214, 237—244.
Цецинна 369, 378, 379.
Цоаръ 363.

Шиповая долина 387.

Эврикль 120—123.
Эзекія с. Хобари 382.
Экдиппонъ 62.
Элеазаръ с. первосвященника Ананія 226, 227, 230, 245.
Элеазаръ с. Диная 199, 201.
Элезаръ с. Іаира 230, 231, 511, 516, 518, 522.
Элеазаръ с. Самая 287.
Элеазаръ с. Симона 244, 245, 338, 382—384, 392, 408.
Элевтеръ 81.
Элеуза 108.
Элефантина 375.
Эллада 218.
Энгадди 355.
Эпархія Вара 200.
Эребинтонъ 436.
Эфіопія 231, 375.
Эфраимъ (городъ) 369.

Юкундъ 209, 242.
Юліада въ Гавланѣ 179.
Юліада въ Переѣ 179, 201, 359, 360.
Юліанъ (центуріонъ) 450.
Юлія (императрица) 144, 179.
Юлій Цезарь 44—48, 53.

Ѳемна 245, 359.
Ѳелла 266.
Ѳермопилы 218.
Ѳивы 525.
Ѳракійцы 219.
Ѳресса 62.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе I
Предисловіе автора . . . . 3—9

ПЕРВАЯ КНИГА.

Главы.

1. Взятіе Іерусалима Антіохомъ Эпифаномъ.—О Маккавеяхъ: Маттаѳіи и Іегудѣ . . . . 10—16
2. Преемники Іегуды: Іонатанъ, Симонъ и Іоханaнъ Гирканъ . . . 17—23
3. Аристовулъ, первый возложившій на себя царскую діадему, умерщвляетъ свою мать и своихъ братьевъ и самъ умираетъ послѣ одногодичнаго правленія . . . . 23—25
4. Дѣянія Александра Іанная, царствовавшаго 27 лѣтъ (175—149 до раз. храма) . . . . 26—29
5. Девятилѣтнее царствованіе Александры (149 — 140 до раз. хр.) и возвращеніе власти къ фарисеямъ. . . . . 29—31
6. Гирканъ, наслѣдникъ Александры, отказывается отъ престола въ пользу Аристовула.—Стараніями Антипатра и съ помощью Ареты снова возвращается къ власти.—Въ загорѣвшемся затѣмъ между братьями спорѣ Помпей выступаетъ въ качествѣ судьи. . . . . 31—35
7. Помпей, взявъ Іерусалимъ и храмъ, входитъ въ Святая-Святыхъ (133 до разрушенія храма).—Дальнѣйшія его дѣйствія въ Іудеѣ. 35—38
8. Александръ, сынъ Аристовула, бѣжавшій отъ Помпея, воюетъ съ Гирканомъ, но, побѣжденный Габиніемъ, передаетъ ему крѣпости.—Аристовулъ бѣжитъ изъ Рима и собираетъ войско, но, разбитый римлянами, снова попадаетъ въ плѣнъ.—Дальнѣйшія событія при Габиніи, Крассѣ и Кассіи. . . . . . . 39—44
9. Смерть Аристовула отъ рукъ друзей Помпея и умерщвленіе сына его Александра Сципіономъ.— Антипатръ, послѣ смерти Помпея, переходитъ подъ покровительство Цезаря и оказываетъ помощь Митридату. . . . . 44—47

Главы. Стр.

10. Цезарь назначаетъ Антипатра намѣстникомъ Іудеи. — Антипатръ назначаетъ Фазаеля начальникомъ Іерусалима, а Ирода — въ Галилеѣ.—Послѣдній скоро послѣ этого привлекается къ суду, но освобождается.—За Секстомъ Цезаремъ, коварно убитымъ Бассомъ, слѣдуетъ Муркъ . . . . 47—53
11. Иродъ дѣлается намѣстникомъ всей Сиріи. — Изъ страха предъ нимъ Малихъ отравляетъ Антипатра, но самъ вслѣдствіе этого лишается жизни . . . . 53—56
12. Фазаель побѣждаетъ Феликса, а Иродъ — Антигона. — Іудеи выступаютъ съ обвиненіями противъ Ирода и Фазаеля, но Антоній ихъ оправдываетъ и возводитъ въ тетрархи. . . . . . 56—59
13. Пареяне, при помощи которыхъ Антигонъ снова возвращается въ Іудею, берутъ въ плѣнъ Гиркана и Фазаеля.—Бѣгство Ирода, разграбленіе Іерусалима, судьба Фазаеля и Гиркана. 59—63
14. Изгнанный изъ Аравіи Иродъ спѣшитъ въ Римъ, гдѣ онъ, благодаря содѣйствію Атенія и Цезаря, назначается царемъ іудеевъ. 64—66
15. Антигонъ осаждаетъ запертыхъ въ Масадѣ, которыхъ возвратившійся изъ Рима освобождаетъ. — Отправляясь вслѣдъ за тѣмъ въ Іерусалимъ, онъ тамъ застаетъ подкупленнаго Антигономъ Силона . . . . 67—70
16. Иродъ беретъ Сепфорисъ и заставляетъ сдаться ему спрятавшихся въ пещерахъ разбойниковъ.— Затѣмъ онъ наказываетъ враждебнаго ему Махера и отправляется къ Антонію въ Самосату . . . . 70—73
17. Іосифъ, братъ Ирода, убитъ.—Казнь убійцы. — Иродъ осаждаетъ Іерусалимъ и женится на Маріаммѣ . . . . 73—77
18. Взятіе Іерусалима Иродомъ и Соссіемъ.—Смерть Антигона.—Отношенія Ирода къ Клеопатрѣ . . . . 77—82
19. Антоній, уступая требованію Клеопатры, отправляетъ Ирода войной противъ арабовъ, надъ которыми послѣ многихъ усилій наконецъ одерживаетъ побѣду.— Большое землетрясеніе . . . 82—86
20. Иродъ утверждается Августомъ въ царствованіи и щедро награждается милостями. Ему возвращается часть царства, отнятая Клеопатрой, съ присоединеніемъ области Зенодора. . 86—90
21. Города возстановленные и вновь построенные, и другія строенія, возведенныя Иродомъ.—Его щедрость и великодушіе къ другимъ народамъ.—Успѣхъ, которымъ онъ пользовался во всемъ. 90—99
22. О смерти первосвященниковъ Аристовула и Гиркана, а также жены Ирода, Маріаммы . . . . 99—105
23. Оклеветаніе сыновей Маріаммы. — Предпочтеніе, оказанное Антипатру. — Иродъ обвиняетъ ихъ передъ Цезаремъ, но затѣмъ опять примиряется съ ними . . . . 106—110
24. Злокозненность Антипатра и Дориды.—Глафира—виновница ненависти къ Александру. — Помилованіе Ферора, заподозрѣннаго, и Саламіи, уличенной въ заговорѣ.—Евнухи Ирода подвергаются пыткѣ, Александръ заключается въ тюрьму. . . . 110—116

Главы. Стр.

25. Архелай миритъ вновь Ирода съ Александромъ и Фероромъ . . 116—119
26. Интриги Эврикла противъ сыновей Маріаммы.—Напрасная защита ихъ келниномъ Еваратомъ . . . . 119—123
27. Иродъ, съ разрѣшенія императора, выступаетъ въ Беритѣ обвинителемъ своихъ сыновей, которые, не будучи представлены собранію, осуждаются. Вслѣдъ за тѣмъ ихъ отправляютъ въ Зебасту для совершенія надъ ними казни. . . . . 123—127
28. Антипатръ повсюду ненавидимъ.—Царь обручаетъ дѣтей умерщвленныхъ сыновей со своими родными; Антипатръ-же помышляетъ о другихъ бракахъ для нихъ.—Жены и дѣти Ирода . . . . . 127—130
29. Антипатръ становится невыносимымъ; онъ ѣдетъ въ Римъ съ завѣщаніемъ Ирода.—Фероръ оставляетъ брата, чтобы не быть вынужденнымъ покинуть свою жену.—Его смерть . . . . . . 130—133
30. Производя слѣдствіе по поводу смерти Ферора, Иродъ узнаетъ о попыткѣ Антипатра отравить его. Онъ прогоняетъ Дориду и Маріамму, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, и лишаетъ наслѣдства сына послѣдней, Ирода . . . . 133—137
31. Антипатръ выдаетъ Баоиллъ.—Тотъ, ничего не подозрѣвая, возвращается изъ Рима.— Иродъ привлекаетъ его къ суду . . . 137—140
32. Антипатръ передъ судомъ Вара.- Несомнѣнныя улики подтверждаютъ взведенное на него обвиненіе.— Иродъ откладываетъ казнь до своего выздоровленія, а между тѣмъ измѣняетъ свое завѣщаніе . . . . 140—144
33. Низверженіе золотого орла.—Жестокость Ирода въ послѣднія минуты жизни.—Его попытка наложить на себя руки.—Онъ приказываетъ совершить казнь надъ Антипатромъ.— Черезъ пять дней послѣ этого самъ умираетъ . . . . 144—150

ВТОРАЯ КНИГА.

1. Архелай даетъ народу траурный пиръ по поводу смерти Ирода. Скоро послѣ этого происходитъ возстаніе, и онъ отправляетъ противъ возставшихъ войско, которое убиваетъ около 3,000 человѣкъ . . . . 150—152
2. Архелай ѣдетъ въ Римъ въ сопровожденіи своей многочисленной родни.—Обвиняемый Антипатромъ передъ императоромъ, онъ, благодаря защитѣ Николая, выходитъ побѣдителемъ изъ затѣяннаго противъ него дѣла. . . . . 152—155
3. Ожесточенная борьба іудеевъ съ солдатами Сабина и страшное кровопролитіе въ Іерусалимѣ . . . . 156—158

Главы. Стр.

4. Бунтъ прежнихъ солдатъ Ирода.—Разбойничьи набѣги Іуды.—Симонъ и Аѳронгей присвоиваютъ себѣ царскій титулъ . . . . 158—160
5. Варъ подавляетъ мятежъ іудеевъ; изъ восставшихъ онъ около двухъ тысячъ приказываетъ распять. . . . . 160—162
6. Іудеи, взводя на Архелая цѣлый рядъ обвиненій, заявляютъ, что предпочитали-бы жить подъ римскимъ владычествомъ.—Августъ ихъ выслушиваетъ, но затѣмъ раздѣляетъ царство Ирода между дѣтьми послѣдняго по собственному желанію. . . . . 162—165
7. Исторія лже-Александра.— Архелай идетъ въ ссылку и Глафира умираетъ.—Обоимъ предстоящая имъ участь предсказывается сновидѣніями . . . . 165—167
8. Этнархія Архелая обращается въ римскую провинцію.—Возстаніе Іуды Галилеянина.—Три іудейскія секты . . . . 167—177
9. Смерть Саломіи.—Города, построенные Иродомъ и Филиппомъ.—Народныя волненія при Пилатѣ.—Агриппа, заключенный Тиверіемъ въ оковы, освобождается Каемъ и возводится имъ въ цари.—Иродъ-Антипа изгнанъ. . . . . 178—183
10. Гай хочетъ поставить въ храмѣ свою статую.—Отношенія Петронія къ его приказу . . . . 183—189
11. Правленіе Клавдія и царствованіе Агриппы. Смерть Агриппы и Ирода.—Дѣти, которыя остались послѣ нихъ. . . . . 190—196
12. Частыя волненія при Куманѣ, которыя подавляетъ Квадратъ.—Феликсъ—правитель Іудеи. — Агриппа, взамѣнъ Халкиды, получаетъ большое царство . . . . 197—201
13. Неронъ присоединяетъ четыре города къ владѣніямъ Агриппы.—Остальная часть Іудеи управляется Феликсомъ.—Смуты, вызванныя сикаріями, магами и египетскимъ лжепророкомъ.—Столкновеніе между іудеями и сирійцами въ Кесареѣ. . . . 201—205
14. Феликса смѣняетъ Фестъ; за нимъ слѣдуетъ Альбинъ, преемникомъ котораго является Флоръ.—Послѣдній своей жестокостью вынуждаетъ іудеевъ начать войну . . . . 205—211
15. Вереника напрасно умоляетъ Флора о пощадѣ для іудеевъ.—Флоръ опять раздуваетъ возстаніе послѣ того, какъ оно уже было потушено. . . . . 211—214
16. Цестій посылаетъ трибуна Неаполитана для разслѣдованія положенія дѣлъ въ Іудеѣ. Рѣчь царя Агриппы къ іудеямъ, въ которой онъ имъ совѣтуетъ не начинать войны противъ римлянъ. 214—224
17. Іудеи начинаютъ войну противъ римлянъ.—Манаимъ . . . . 224—231
18. Во многихъ мѣстахъ воздвигаются кровавыя преслѣдованія противъ іудеевъ. . . . . 231—238
19. Цестій выступаетъ противъ іудеевъ и осаждаетъ Іерусалимъ, но противъ всякаго ожиданія отступаетъ отъ города. — То, что

Главы. Стр.

онъ испытываетъ со стороны іудеевъ во время своего отступленія . . . . 238—243
20. Цестій отправляетъ посольство къ Нерону.—Дамаскинцы перебиваютъ живущихъ среди нихъ іудеевъ.—Жители Іерусалима, возвратившись съ погони за Цестіемъ и возстановивъ внутри порядокъ, выбираютъ многихъ военачальниковъ, въ томъ числѣ также автора этой исторіи. — Кое-что объ административной дѣятельности Іосифа . . . . 244—248
21. Іоаннъ изъ Гисхалы.—Его интриги противъ Іосифа и мѣры, принятыя послѣднимъ противъ нихъ.—Іосифъ вновь подчиняетъ себѣ нѣсколько отпавшихъ отъ него городовъ . . . . . . 249—260
22. Военныя приготовленія іудеевъ.—Симонъ сынъ Гіоры обращается къ разбойничеству . . . . 260—261

ТРЕТЬЯ КНИГА.

1. Неронъ отправляетъ Веспасіана въ Сирію, возлагая на него веденіе войны съ іудеями . . . . 261—263
2. Сильное пораженіе іудеевъ у Аскалона.—Веспасіанъ подвигается къ Птолемаидѣ. . . . . 263—266
3. Описаніе Галилеи, Самаріи и Іудеи . . . . 266—268
4. Іосифъ, дѣлающій нападеніе на Сепфорисъ, отбрасывается.—Титъ во главѣ многочисленнаго войска приходитъ въ Птолемаиду. 268—270
5. Описаніе римскаго войска, его лагернаго быта и прочаго, что составляетъ славу римлянъ. . . . . 270—275
6. Плацидъ отбитъ отъ Іотапаты.—Веспасіанъ вторгается въ Галилею. 275—278
7. Овладѣвъ городомъ Габарой, Веспасіанъ направляется противъ Іотапаты.—Послѣ продолжительной осады онъ беретъ этотъ городъ, благодаря измѣнѣ перебѣжчика. . . . . 278—297
8. Іосифъ, выданный женщиной, рѣшилъ сдаться римлянамъ.—Рѣчь его къ товарищамъ, удерживавшимъ его отъ этого намѣренія.—Разговоръ его съ Веспасіаномъ, когда онъ былъ приведенъ къ нему, и какъ Веспасіанъ съ нимъ поступилъ. . . . . . . 297—303
9. Взятіе Іоппы и сдача Тиверіады. . . . . 303—308
10. Какъ была взята Тарихея.—Описаніе Іордана и Геннисаретскаго округа . . . . 308—316

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА.

1. Осада и взятіе Гамалы. . . . . 316—323
2. Сдача Гисхалы послѣ бѣгства Іоанна въ Іерусалимъ. . . . . 323—327
3. О Іоаннѣ изъ Гисхалы, первосвященникѣ Ананѣ и объ ихъ взаимныхъ распряхъ. . . . . 327—338

Главы. Стр.

4. Идумеяне, призываемые зелотами, быстро являются въ Іерусалимъ, но не будучи впущены, проводятъ ночь внѣ города.—Рѣчь первосвященника Іошуи и отвѣтная рѣчь идумеянина Симона. 338—345
5. О жестокостяхъ идумеянъ, вошедшихъ въ городъ во время бури, и зелотовъ.—О смерти Анана, Іошуи и Захаріи и объ отступленіи идумеянъ . . . . 345—350
6. Зелоты, освободившись отъ имумеянъ, производятъ еще большую рѣзню въ городѣ.—Веспасіанъ удерживаетъ пока римлянъ, желающихъ идти на іудеевъ. . . . . 350—354
7. Стремленіе Іоанна къ тираніи.—Злодѣянія зелотовъ въ Масадѣ.—Взятіе Веспасіаномъ Гадары.—Успѣхи Плацида . . . . . 354—359
8. Веспасіанъ, узнавъ о волненіяхъ въ Галліи, спѣшитъ окончить войну съ іудеями.—Описаніе Іерихона и Большой долины, а также Асфальтоваго озера . . . . 359—363
9. Веспасіанъ послѣ взятія Гадары готовится къ осадѣ Іерусалима, но получивъ извѣстіе о смерти Нерона, перемѣняетъ рѣшеніе.—О Симонѣ изъ Геразы . . . . 364—372
10. Войска въ Іудеѣ и Египтѣ провозглашаютъ Веспасіана императоромъ.—Веспасіанъ освобождаетъ Іосифа изъ оковъ. . . . 372—377
11. Послѣ пораженія и смерти Вителлія Веспасіанъ отправляется въ Римъ, а сынъ его Титъ возвращается въ Іерусалимъ. . . . 377—382

ПЯТАЯ КНИГА.

1. О междоусобіяхъ въ Іерусалимѣ и проистекавшихъ отъ нихъ для города бѣдствіяхъ . . . . , ... 382—386
2. Какъ Титъ двинулся къ Іерусалиму.—Какъ онъ, высматривая городъ, подвергся опасности и гдѣ расположился лагеремъ. . . 387—391
3. Возобновленіе междоусобицы въ Іерусалимѣ.—Козни іудеевъ противъ римлянъ.—Титъ укоряетъ солдатъ за ихъ опрометчивость. 392—395
4. Описаніе Іерусалима . . . . 395—400
5. Описаніе храма . . . . 400—407
6. О тиранахъ Симонѣ и Іоаннѣ. Какъ во время обхода Тита вокругъ стѣны былъ раненъ Никаноръ, вслѣдствіе чего осада была усилена. . . . . 407—412
7. Какъ одна изъ построенныхъ римлянами башенъ сама собою рухнула.—Какъ послѣ большого кровопролитія римляне завладѣли первой стѣной и какъ Титъ дѣлалъ нападеніе на вторую.—О римлянинѣ Лонгинѣ и іудеѣ Касторѣ . . . . . . 412—416
8. Какъ римляне два раза взяли вторую стѣну и приготовились ко взятію третьей . . . . 416—418
9. Титъ, въ виду того, что іудеи, несмотря на пріостановку осады, нисколько не смягчились, снова приступаетъ къ осадѣ и посылаетъ Іосифа переговорить съ его соотечественниками о мирѣ . . . . 418—427
10. Многіе изъ народа пытаются бѣжать къ римлянамъ.—Страданія оставшихся отъ голода и бѣдствій, отъ него происшедшихъ . 427—429
11. Множество іудеевъ было распято предъ стѣнами города. — Объ Антіохѣ Эпифанѣ.—Іудеи разрушаютъ укрѣпленія римлянъ. . 429—434
12. Титъ окружаетъ городъ стѣной, вслѣдствіе чего голодъ начинаетъ опустошать цѣлые дома и семейства . . . . 434—438
13. Убійства и святотатственные грабежи усиливаются въ Іерусалимѣ. 438—443

ШЕСТАЯ КНИГА.

1. Бѣдствія іудеевъ усиливаются.—Нападеніе римлянъ на Антонію. 443—451
2. Титъ, повелѣвъ разрушить Антонію, побуждаетъ Іосифа вновь переговорить съ іудеями. . . . . 451—460
3. О хитромъ замыслѣ іудеевъ, благодаря которому было сожжено много римлянъ.—Дальнѣйшее описаніе страшнаго голода . . 460—464
4. По окончаніи насыпей, когда и дѣйствіе тарановъ оказалось безуспѣшнымъ, Титъ приказалъ поджечь ворота; вскорѣ послѣ этого противъ его воли былъ подожженъ также и храмъ. . . 464—470
5. Бѣдствія, вынесенныя іудеями послѣ сожженія храма.—О лжепророкахъ и о знаменіяхъ, предшествовавшихъ взятію города. 470—474
6. Римляне, внесши знамена въ храмъ, съ ликованіемъ привѣтствуютъ Тита.—Рѣчь Тита къ іудеямъ, домогавшимся спасенія.—Ихъ отвѣтъ приводитъ Тита въ негодованіе. . . . . 474—478
7. Дальнѣйшая судьба мятежниковъ, причинявшихъ и переносившихъ много зла.—Цезарь овладѣваетъ Верхнимъ городомъ. . 478—480
8. Цезарь воздвигаетъ насыпи противъ Верхняго города, по окончаніи которыхъ онъ повелѣваетъ установить машины и побѣждаетъ весь городъ . . . . 480—483
9. Распоряженія Цезаря по вступленіи его въ городъ.—Число взятыхъ въ плѣнъ и погибшихъ.—О бѣжавшихъ въ подземелья, въ числѣ которыхъ были и тираны Симонъ и Іоаннъ. . . . 483—487

СЕДЬМАЯ КНИГА.

1. Разрушеніе всего Іерусалима, кромѣ трехъ башенъ.—Титъ въ собраніи превозноситъ своихъ воиновъ, раздаетъ имъ награды и многихъ распускаетъ . . . . 487—489
2. Титъ устраиваетъ разныя представленія въ Кесареѣ Филипповой.—Взятіе въ плѣнъ тирана Симона и оставленіе его для тріумфа. 489—491
3. Титъ, празднуя день рожденія своего брата и своего отца, уби-

Главы. Стр.

ваетъ многихъ іудеевъ.—Объ опасностяхъ, испытанныхъ іудеями въ Антіохіи, вслѣдствіе измѣны и безбожія іудея Антіоха. 491—493

4. Встрѣча Веспасіана въ Римѣ.—Германцы, отпавшіе отъ римлянъ, снова покоряются.—Сарматы, напавшіе на Мизію, принуждены возвратиться на родину . . . . 493—496

5. О рѣкѣ субботней, которую осмотрѣлъ Титъ во время своего путешествія черезъ Сирію.—Жалобы антіохійцевъ на іудеевъ отвергаются Титомъ.—О тріумфѣ Тита и Веспасіана . . . 496—503

6. О Махеронѣ. Какимъ образомъ Луциллій Бассъ овладѣваетъ этой крѣпостью и другими пунктами. . . . . 503—508

7. О несчастной судьбѣ Антіоха, царя Коммагены.—Объ аланахъ, причинившихъ много бѣдъ жителямъ Мидіи и Арменіи . . . 508—511

8. О Масадѣ и о занявшихъ ее сикаріяхъ.—Какимъ образомъ Сильва приступаетъ къ осадѣ этой крѣпости.—Рѣчь Элеазара . . . 511—522

9. Какимъ образомъ жители крѣпости, убѣжденные словами Элеазара, всѣ убили другъ друга, за исключеніемъ двухъ женщинъ и пятерыхъ дѣтей . . . . 522—524

10. Многіе сикаріи, бѣжавшіе въ Александрію, навлекаютъ на себя опасности.—Храмъ, нѣкогда построенный первосвященникомъ Оніей, опустошается . . . . 524—527

11. О Іонатанѣ, одномъ изъ сикаріевъ, возбудившемъ возстаніе въ Киренеѣ и оказавшемся гнуснѣйшимъ доносчикомъ . . . . 527—529